



Питирим Александрович Сорокин с женой

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

А.К. Конюхов, П.П. Кротов, В.П. Марков, В.В. Сапов

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

Питирим Сорокин

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

(включая первую четверть
XX столетия)

*Издано при поддержке
Правительства Республики Коми*

Сорокин П. А.

Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова.

(Питирим Сорокин. Собрание сочинений)

Настоящий том Собрания сочинений всемирно известного социолога П. Сорокина (1889–1968) включает его классический труд «Современные социологические теории», написанный и изданный в США в 1928 г., когда автор работал в университете штата Миннесота. В течение нескольких десятилетий книга служила учебником по истории социологии для студентов и аспирантов американских колледжей и университетов.

Настоящее издание является первым переводом этого классического труда на русский язык. Издание адресовано всем, кто интересуется историей социологии и творчеством П. Сорокина.

ПИТИРИМ СОРОКИН КАК ИСТОРИК СОЦИОЛОГИИ

«Современные социологические теории» – четвертая книга, которую Питирим Сорокин написал, будучи в Соединенных Штатах. Ей предшествует «Социальная мобильность» – книга, которая вывела Сорокина в число ведущих американских социологов. Напомним, что в те годы, когда были написаны обе эти книги, Сорокин работал в университете Миннесоты (с 1924 г.), он уже достаточно освоился в своем новом отечестве и чувствовал себя в Миннесоте «как дома»¹. Позднее Питирим Сорокин напишет в автобиографии: «Шесть лет в Миннесоте были по-настоящему счастливыми! Подобно новообращенным в веру, мы видели только прекрасные стороны нашего нового отечества и не замечали непривлекательные его черты. Социальные институты на муниципальном уровне, в штатах и федерации в целом представлялись нам совершенно безупречными. Конституция страны и Билль о правах производили впечатление великолепной реализации тех политических и социальных идеалов, за которые мы боролись в России. Всей душой мы наслаждались окружающей нас свободой. Это ощущение свободы было сродни тому состоянию радости и бьющей через край энергии, которое я испытывал в моменты освобождения из царских и коммунистических тюрем»².

Это восторженное отношение к Соединенным Штатам, надо сказать, наложило на обе книги яркий отпечаток, который сейчас, по прошествии почти ста лет, просматривается вполне отчетливо.

Итак, в Соединенных Штатах П. Сорокин увидел реализацию «тех политических и социальных идеалов», за которые он боролся в России. Что же это за идеалы? Примерно с 1904 по 1918 г. (правда, с перерывами) Сорокин являлся членом партии социалистов-революционеров, т. е. боролся за идеалы социализма. Причем в партии он занимал хотя и не самые главные, но отнюдь и не рядовые посты (редактор главной право-эсеровской газеты!). В 1917 г. он, вопреки позднейшим своим заверениям, далеко не сразу разглядел опасность большевизма, а если говорить откровенно, то и вовсе не разглядел. Главного «контр-

¹ Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992, с. 159.

² Там же.

революционера» он видел в российском «обывателе» и активно начал бороться с большевизмом лишь после октябрьского «переворота». А почти весь 1917 г. он проповедовал социализм, рассказывал в популярных брошюрах и статьях о том, что это такое, почему социализму принадлежит будущее. В те годы, что Сорокин провел в Советской России, он, разумеется, не мог заявить открыто о своем неприятии новой власти. По мелочам, правда, можно собрать целый букет антиправительственных и антибольшевистских высказываний Сорокина, но все они сводятся к тому, что большевики под вывеской социализма создают вовсе не социализм, а государственный капитализм, «военный социализм», этатистское общество, примеров которого история знает немало, начиная с самых древних времен, по крайней мере с Древнего Египта. Проблема социализма в чистом виде при этом почти не затрагивается.

Оказавшись в Соединенных Штатах, в условиях «демократии» и «свободы слова», Сорокин в силу обстоятельств вынужден был на первых порах поддерживать свой «имидж» принципиального противника Советской власти, большевизма и лично Ленина. Естественно, предполагалось, что он противник и социализма (или, как предпочитали говорить в Америке, – «коммунизма»). Однако из писем Сорокина того времени видно, что этот «имидж» его явно не устраивал и он ставил своей целью как можно быстрее вписаться в академическое сообщество Соединенных Штатов и заняться любимым делом (что, в общем-то, ему вскоре и удалось).

Однако вопрос о «социализме» как теоретическая проблема по-прежнему оставался для него актуальным. Теперь он мог сформулировать его по-«зомбаровски»: «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?» В. Зомбарт в свое время сформулировал эту проблему так: «В Америке живут... миллионы людей, переселившихся ... из стран с сильно развитым социалистическим движением... Почему же эти миллионы не являются также и в Америке социалистами?»³

Косвенный ответ на этот вопрос Сорокин попытался найти в одной из первых своих статей, написанных в Америке, – «Американские миллионеры и мультимиллионеры»⁴. Поскольку расслоение общества на богатых и бедных является, пожалуй, самой главной причиной всевозможных социальных потрясений и вместе с тем – как уверяет Сорокин в «Социальной мобильности» – «плоского» общества никогда не было и быть не может, то особое значение приобретают два обстоятельства: насколько высока социальная пирамида (т. е. как велик контраст между бедными и богатыми) и каким образом приобретено богатство богатых. В общем, это довольно хвалебная статья в адрес американских милли-

³ Зомбарт В. Избранные работы. М., 2005, с. 237.

⁴ American Millionaires and Multimillionaires: A Comparative Statistical Study // Social Forces. 1925, vol. 3, № 4, May, p. 627–640.

онеров и мультимиллионеров. Сорокин не согласен с мнением Т. Веблена насчет «демонстративной праздности» как одной из основных характеристик этого класса: эта черта едва ли может быть применима к американским богачам. По мнению Сорокина, «трудно найти какую-либо социальную группу, столь же активную и столь энергичную в своей деятельности, как американские делатели денег»⁵. Опасность исходит от богачей третьего или четвертого поколения (или наоборот: им угрожает опасность?): они «менее энергичны, менее активны в бизнесе и менее заметны, чем их деды и прадеды. Все чаще эти поколения оставляют “жесткий бизнес” и все больше посвящают себя “изящным искусствам” и литературе, частично политической, научной деятельности, становясь любителями, собирателями и знатоками искусства, писателями и литераторами, скульпторами и артистами, учеными и исследователями, филантропами и дипломатами, государственными деятелями и политиками»⁶. В общем, это «болезнь Будденброков», описанная Т. Манном за четверть века до Сорокина. Но Сорокин не ставил себе целью описывать эту социальную (и наследственную) болезнь буржуазии, он пытался узнать и понять свою новую родину. В этом смысле «Социальную мобильность» можно рассматривать как метод, с помощью которого Сорокин познавал Америку – Америку как страну высокой (горизонтальной и вертикальной) мобильности.

На первый взгляд книга «Современные социологические теории» никак не связана с «Социальной мобильностью», тем не менее обе книги, по позднему признанию Сорокина, знаменуют завершение «перестройки» его взглядов и изменения его самого как личности. В «Дальней дороге» он рассказывает о двух мировоззренческих кризисах, которые ему пришлось пережить. В результате первого кризиса ему удалось построить «целостную, более или менее единую систему мировоззрения», которую он описывает следующим образом: «С философской точки зрения возникающая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающаяся на логических и эмпирических научных методах познания. Социологически – это был некий синтез социологии Конта и взглядов Спенсера на эволюционное развитие, скорректированный и подкрепленный теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина – из русских мыслителей и Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето и других – из числа западных ученых. Политически – мое мировоззрение представляло из себя форму социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы. В целом это было оптимистическое мировоззрение, весьма

⁵ Сорокин П.А. Американские миллионеры и мультимиллионеры. Сравнительное статистическое исследование // Социологические исследования. 2003, № 11, с. 119.

⁶ Там же, с. 120.

схожее со взглядами большинства русских и западных мыслителей предреволюционного времени»⁷.

Начавшаяся мировая война, Русская революция 1917 г. и последовавшие за ней события привели к тому, что в сознании Сорокина начался процесс «переоценки ценностей» и упоминавшийся уже процесс «перестройки» и изменения его самого как личности. «Перестройка, – пишет Сорокин, – шла постепенно и в течение пяти лет в коммунистической России, и позже, в Европе и в Соединенных Штатах. К концу 1920-х гг. этот болезненный, но радостный процесс в основном завершился. Его результатом стало то, что я называю *интегральной системой* философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей. Какие-то следы этой системы заметны уже в моей “Системе социологии”, созданной в России, и в трудах, опубликованных в Чехословакии. Намного более явно эта система проступает в моих книгах, изданных в Америке между 1924 и 1929 гг.».

Книга «Современные социологические теории» вышла в свет в 1928 г., т. е. вполне укладывается в указанный Сорокиным хронологический промежуток, хотя «следы» будущей интегральной системы найти в ней довольно трудно. Задача несколько облегчается, если «интегральную систему понимать в самом широком смысле. А такое понимание находим опять-таки не в специальных статьях Сорокина, посвященных интегрализму, а в «Дальней дороге».

«Чтобы пройти сквозь хаос вакханалии бездуховности и не изменить себе, – пишет здесь Сорокин, – я создал собственное интегральное мировоззрение – целостную систему знаний и убеждений из естественных наук, религии, философии, социологии, психологии, этики, политики, экономики и изящных искусств. Это мировоззрение заменило мне остатки устаревшей и растерзанной эпохой философии эмпиризма и позитивизма.

Соединяющая в одно гармоничное целое универсальные и вечные ценности, имеющиеся как в материалистическом, так и в идеалистическом мировоззрении, и освобожденная от ложных ценностей каждого из них, интегральная точка зрения была для меня лучше любой другой. Воссоединивший в одном *summum bonum* Верховную Троицу – Истину, Добро и Красоту, интегрализм дал мне твердую основу для сохранения собственной цельности и мудро направлял меня в дебрях разлагающейся бездуховной цивилизации»⁸.

Если под углом зрения так понимаемого интегрализма посмотреть на «Систему социологии», то мысль Сорокина становится понятной. Сам по себе замысел «Системы социологии» можно рассматривать как первый набросок интегральной системы. И хотя «смутный абрис» того «великого здания социо-

⁷ Сорокин П. Дальняя дорога, с. 57.

⁸ Там же, с. 238.

логической науки», которое, по словам Сорокина, «возведет будущее»⁹, не предусматривает специального тома, посвященного истории социологии, все – без исключения – тома «Системы» (судя по написанным и написанным частично¹⁰) столь насыщены историко-социологическим материалом, что вполне могут служить в качестве пособия именно по истории социологии.

Как правило, приступая к рассмотрению той или иной социологической темы, П. Сорокин дает обстоятельный обзор исторического материала. Такой метод работы характерен уже для самых ранних его работ, написанных еще в России. Первыми статьями Сорокина, посвященными собственно социологии, следует, наверное, считать статьи «К вопросу об эволюции и прогрессе» и «Главнейшие теории прогресса в современной социологии», опубликованные в 1911 г.¹¹ В них историко-социологический подход автора к изучаемой проблеме просматривается уже вполне отчетливо. А в дальнейшем он становится его основным приемом изучения тех или иных теоретических проблем¹².

Для будущего автора «Современных социологических теорий» наиболее показательной является статья «Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова»: ее структура предопределила структуру большинства глав американской монографии. Сначала дается общее представление о социологии Лаврова, ее методах и задачах, затем идет очерк основного ядра социологии русского народника – теория факторов, заканчивается статья параграфом «Критические замечания». В «Современных социологических теориях» к аналогичной структуре добавлен, пожалуй, лишь один параграф – «Предшественники».

Теперь обратимся к вопросу, который неизбежно возник у нашего читателя: почему книга Сорокина носит название «Современные социологические теории», а не «История социологии» или, скажем, «История современной социологии»? Следует к тому же учесть, что слова «современный», «современная», «современное», фигурирующие в заголовках книг, статей и вообще чего угодно, очень коварны. Еще П.Я. Чаадаев в свое время иронизировал по поводу названия пушкинского журнала (которым, впрочем, и сам поэт был недоволен): «Современник – чего?» В любом случае, это название быстро устаревающее.

Но у Сорокина на этот счет есть формальный ответ: в университете он читал курс именно под таким названием – «Современные социологические теории». Не было только соответствующего учебника, этот недостаток и призвана была

⁹ См.: *Сорокин П.А.* Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар, 2019, с. 18.

¹⁰ Напомним, что такие книги, как «Голод как фактор», «Социология революции», отчасти «Социальная мобильность», сам автор рассматривал как сильно разросшиеся главы или разделы тех или иных томов «Системы социологии».

¹¹ См.: *Сорокин П.А.* Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб., 2014, с. 148, 170, 171–186.

¹² Подробнее см. в статье И.А. Голосенко «Питирим Сорокин как историк мировой и русской социологии» (*Сорокин П.А.* О русской общественной мысли. СПб., 2000, с. 5–20).

устранить книга П. Сорокина. К тому же учебник по истории социологии в Соединенных Штатах уже был написан и издан: «Введение в историю социологии» (An Introduction to the History of Sociology. Edited by H.E. Barnes. The University of Chicago Press, 1917). Это был, наверное, лучший для своего времени учебник по истории социологии, которому тоже была суждена долгая жизнь. В шестом издании, вышедшем в 1961 г., в него была включена глава, посвященная «социологическим идеям Питирима Александровича Сорокина». Таким образом, история социологии начиналась с О. Конта и Г. Спенсера (которым предшествовала социальная мысль древности, Средневековья и Нового времени) и заканчивалась П. Сорокиным¹³.

В методологическом плане название книги «Современные социологические теории» дало Сорокину удачную возможность полностью обойти стороной вопрос, который мучительно встает перед любым автором, пишущим «историю социологии»: с чего или с кого начинать? Почти все истории социологии, написанные до и после П. Сорокина, формально признавая основателем социологии Огюста Конта, начинают с *предыстории*, границы которой совершенно неопределенны и иногда уходят во времена Платона и Аристотеля, иногда в туманные дебри Вед, Зенд-Авесты или «Артхашастры»: все зависит от цели, которую ставит перед собой автор истории, от его представлений о социологии и истории социологии, а иногда и от его общей эрудиции.

Сорокин, во всяком случае, эту проблему успешно обходит. Его «Современные социологические теории» охватывают последние 50–60 лет, т. е. 60-е гг. XIX в. и первую четверть XX столетия. При переиздании книги в 1964 г. Сорокин снабдил ее как будто бы уточняющим, а на самом деле еще более запутывающим хронологию подзаголовком: *Through the First Quarter of the Twentieth Century*, т. е. до конца первой четверти XX в. Необходимость такого подзаголовка была вызвана тем, что Сорокин в то время уже задумал и, может быть, писал второй том книги, которому дал столь же неудачное (на наш нынешний взгляд) название: *Sociological Theories of Today* (New York and London, 1966), т. е. «Социологические теории сегодня»¹⁴.

Спустя почти столетие после выхода в свет первой книги и почти 50 лет после выхода второй (оказавшейся последней книгой П. Сорокина) обе они воспринимаются читателем как пособия по истории социологии. Впрочем, и большинством читателей своего времени они воспринимались так же. Большинство

¹³ Хотя формально книга заканчивалась главой, посвященной «систематической социологии» перуанского историка, юриста и социолога Мариано Карнехо, который ко времени шестого ее издания уже умер (в 1942 г.). Помещение его в конце книги объясняется либо редакторским недосмотром, либо какими-то техническими причинами (что более вероятно).

¹⁴ В переводе С.В. Карпушиной – «Социологические теории современности» (М., 1992). Это сокращенный перевод нескольких глав книги.

рецензентов книги «Современные социологические теории» отмечали необычайно широкую социологическую эрудицию автора, восхищались его умением объективного изложения материала, глубиной его критики и т. д. (хотя отмечали и недостатки).

Сорокин позднее вспоминал: «Некоторые из моих друзей, например профессор Э.О. Росс, хорошо понимали тяжесть такого труда и предупреждали, что мне следует снизить его интенсивность. В письме, датированном 26 января 1928 г., профессор Росс, суммируя свои впечатления от книги “Современные социологические теории”, писал: “Я просто изумлен огромным количеством литературы, которую вы рассматриваете в своем труде, и вашим умением извлечь самую суть любой книги, выразив ее на одной-двух страницах. ...Уверен, через два или три года вы сможете занять высокое положение в одном из наших ведущих университетов. В самом деле, вполне возможно, что через несколько лет вас назовут духовным лидером американской социологии»¹⁵.

А вот как вспоминал о своем давнем знакомстве с П. Сорокиным его ученик, а впоследствии друг и оппонент Роберт Мертон: «Будучи довольно самоуверенным студентом последнего курса, я внушил себе – и не совсем уж без оснований, – что знаю почти все об американской социологии, какой она была в конце 20-х гг., но имею лишь поверхностное представление о более старых и, на мой взгляд, более творческих традициях европейской социологической мысли. Сорокин же, и это было самым важным для меня, опубликовал недавно свою книгу – “Современные социологические теории”. Это был энциклопедический, критический, местами спорный теоретический труд (в котором цитируется около 700 авторов¹⁶), написанный, главным образом, на материале европейской социологии. В Америке, безусловно, не было в то время ничего равного этой экуменической книге. Сорокин явно был тем учителем, о котором я мечтал»¹⁷.

¹⁵ Сорокин П. Дальняя дорога, с. 162.

¹⁶ На самом деле – более 1 200.

¹⁷ Мертон Р. Питирим Александрович Сорокин – корифей социологической мысли XX века // Питирим Сорокин. Грани жизни и творчества (Неизвестный Сорокин). М., 2009, с. 461.

Нелишним, наверное, будет напомнить, что слово «экуменизм» означает религиозное движение в пользу сближения христианских церквей: католической, протестантской и православной. Светское использование слова подразумевает сближение разного рода традиций, в данном случае – научных традиций. Первая мировая война сильно нарушила традиционное общение ученых Западной Европы и США (не говоря уж о России). Применительно к социологии можно сказать, что ученые-социологи на какой-то срок во время и после войны разбежались по «национальным квартирам». Сорокин соединил их всех в своей книге, на страницах которой на равных представлены все научные традиции, сложившиеся в мире к тому времени: французская, немецкая, английская, американская, итальянская и даже российская и испанская. Можно сказать, что на страницах «Современных социологических теорий» социология впервые предстала как наука всемирная и интернациональная (или вне-национальная), какой и надлежит быть настоящей науке.

Развивая последнюю мысль Р. Мертона, можно выразить надежду на то, что и для многих современных социологов России (особенно молодых) Сорокин станет тем учителем, о котором они мечтают или мечтали.

Но нашему читателю нужно учесть при этом несколько осложняющих книгу обстоятельств, обусловленных отчасти временем и местом ее появления, а отчасти особенностями писательской манеры самого П. Сорокина, которые не могут не вызывать некоторой досады у читателя (и особенно у переводчика).

Начнем с последних. Сорокин как автор чрезвычайно многословен. Можно только посетовать на то, что у него в свое время не нашлось хорошего литературного редактора. Здесь уже ничего не поделаешь, и читателю, как и переводчику, ничего не остается, кроме смирения. Особенно раздражают бесконечные перечни имен, которые так любит наш автор. Иногда он обрушивает на своего читателя десятки имен, которые, в сущности, ему ничего не говорят, да и для самой книги являются, по-видимому, ненужным «ученым» балластом. Тем более неуместными выглядят такие перечни в книге, предназначенной быть учебным пособием. На это можно возразить, что многие подобного рода длинноты и «перечислизмы» придают писаниям Сорокина особую прелесть. Хочется посоветовать современному читателю привыкнуть к этой – скажем откровенно – не самой приятной особенности нашего автора, свыкнуться с ней и, если удастся, даже ее и полюбить. В конце концов, лишних знаний не бывает, и кто знает, может быть, ненужное сейчас пригодится когда-нибудь в будущем. Читателю-прагматику можно посоветовать отнестись к книге Сорокина вообще как к расширенному справочнику по истории социологии (выполнить эту задачу поможет, надеемся, составленный нами «Указатель имен и цитируемой литературы»).

Чтобы не быть голословными, укажем один из таких перечней. В примечании 35 к главе XI Сорокин перечисляет более 40 (!) фамилий учеников и сотрудников И.П. Павлова, хотя в данном случае вполне можно было бы ограничиться простой ссылкой на соответствующий раздел книги русского физиолога, в котором все эти (и многие другие) имена перечислены, указаны их монографии, статьи и диссертации¹⁸. И это случай отнюдь не единственный.

Далее следует учесть, что некоторые научные термины Сорокин употребляет по сложившейся в Америке традиции, довольно сильно отличающейся от традиции российской. В частности, он, на наш взгляд, злоупотребляет термином «теория». В российской традиции теория, как правило, означает доказанную гипотезу, а гипотеза – еще не доказанную теорию. У Сорокина почти каждый персонаж – автор собственной теории (даже если после критических ударов Сорокина от нее остается пустое место). Здесь уже ничего не поделаешь, похоже,

¹⁸ Любопытно даже, как американские ученики Сорокина произносили и выговаривали фамилию одной из учениц И.П. Павлова: Kasherinininova.

что в Соединенных Штатах у каждого студента, не говоря уж об аспирантах, есть своя «теория»¹⁹.

В духе англо-американской эмпирической философии П.А. Сорокин «субъективное» противопоставляет не «объективному» (которого в ней вообще нет и быть не может), а «трансубъективному». И т. д., и т. д.

Современный читатель не может обратить особого внимания на главу, посвященную расово-антропологической школе. Хотя окончательный вывод автора гласит, что положения этой школы еще в полной мере не доказаны, но и не опровергнуты и нуждаются в дальнейшей проверке, нельзя не заметить, что сам он испытывает к ней определенные симпатии. Вообще эволюция самого Сорокина от социализма к интегрализму наводит, на наш взгляд, на некоторые плодотворные размышления. По-видимому, есть определенная закономерность в том, что на смену идеологии социалистической, как правило, приходит идеология националистическая (или, если угодно, расово-антропологическая). Неравенство требует такого же мощного идеологического и теоретического обоснования, как и равенство. Сорокин, надо отдать ему должное, идеями расово-антропологической школы увлекался недолго и не слишком сильно (это увлечение больше всего отразилось на двух его книгах – «Социальной мобильности» и «Современных социологических теориях»). Не следует забывать и о том, что обе книги вышли в свет еще до прихода Гитлера к власти, когда «теоретические положения» школы стали осуществляться на «практике». От Гитлера же и сам Сорокин узнал о том, что он, будучи этническим «полукровкой», относится к числу «человеческих отбросов»²⁰. По-видимому, уже в следующее десятилетие Сорокин полностью избавился от «расово-антропологических иллюзий». Избавилась ли от них Америка – большой вопрос. Но книга Сорокина в неизменном виде переиздавалась и переиздается до сих пор. И, пожалуй, это обстоятельство в настоящее время следует считать ее достоинством, а не недостатком. В современных учебниках по истории социологии представителями расово-антропологической школы, как правило, выступают ее «отцы-основатели» Ж. Гобино и Х. Чемберлен, которые, хотя и проложили «теоретическую» дорогу нацизму XX в., сами в практической реализации его положений не участвовали. «Дальнейшее, – повторяя слова Гамлета, – молчанье». По каким причинам это происходит, можно только гадать. Может быть, по этическим, может быть, и по цензурным. Однако именно в этом «дальнейшем» и скрывается подлинный – и довольно злоеущий – смысл теоретических разработок школы. Так что пытливым читателем най-

¹⁹ К сожалению, эта дурная традиция перекочевала и к нам. Мне вспоминается, как на экзамене по истории философии одна студентка возражала мне на сделанное ей замечание по поводу трактовки фрагмента из Гераклита: «У вас своя теория, а у меня – своя».

²⁰ См.: Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар, 2018, с. 248.

дет в этой главе обильный материал, какого нет ни в одном современном учебнике по истории социологии, ни даже в вездесущем Интернете²¹. Однако, читая ее, надо помнить: «Осторожно! Расово-антропологическая школа!»²²

Неизменно вызывали и, наверное, будут вызывать возражения те основания, по каким П. Сорокин относил некоторых социологов (особенно из числа великих) к той или иной школе. Безусловно, социологическая значимость идей К. Маркса занижена преднамеренно. Весьма поверхностна трактовка Г. Зиммеля. Удельный вес некоторых российских социологов явно завышен. Сказываются увлечения и пристрастия автора.

Но, как известно, идеальных учебников не бывает. Вызывает восхищение уже тот факт, что «Современные социологические теории» служили учебником по истории социологии нескольким поколениям американских студентов и аспирантов.

Будем надеяться, что теперь послужат и нам.

В.В. Сапов

²¹ Затруднен даже поиск элементарных биографических данных (дат рождения и смерти) большинства представителей расово-антропологической школы. Например, о многих авторах журнала «Archiv für Rassen- und Gesellschaft-Biologie», на которых ссылается П.А. Сорокин (в частности, В. Клаассена), можно узнать только из монографии финского исследователя Марко Ниemi (Marko Niemi) «Wissenschaftliches Organ der Deutschen Gesellschaft für Rassenhygiene». Archiv für Rassen- und Gesellschaft-Biologie ja saksan rotuhygieenien liike vuosina 1904–1932. Tampere, 2006.

²² Впрочем, для читателей страны, где «потомок негров безобразный» стал не только великим национальным поэтом, но и символом национального духа, это предупреждение, может быть, и излишне. Вряд ли кто из современных российских читателей всерьез поверит результатам «научных» исследований, доказывающих, что американские негры по всем показателям, будь то пресловутое IQ или успехи в сельскохозяйственном производстве, уступают белым американцам, особенно белым англосаксам, причем уступают именно в силу врожденной умственной неполноценности. Или тому, что западноевропейцы всегда превосходили и будут превосходить восточных европейцев в сфере изобретательства. Слава Богу, у нас пока еще каждый школьник знает (по крайней мере, знал до недавнего времени) имена Николы Тесла, А. Попова, А. Можайского и многих других.

**СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ**

**(включая первую четверть
XX столетия)**

CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORIES

THROUGH THE FIRST QUARTER OF
THE TWENTIETH CENTURY

PITIRIM SOROKIN



HARPER TORCHBOOKS
THE UNIVERSITY LIBRARY
HARPER & ROW, PUBLISHERS
NEW YORK, EVANSTON AND LONDON

Моей жене

БЛАГОДАРНОСТИ

За дружескую критику и поддержку автор признателен профессору Ф. Стюарту Чапину. За помощь в ходе работы – выдающимся социологам, профессорам Франклину Г. Гиддингсу и Эдварду О. Россу. За помощь в подготовке рукописи он благодарен профессорам Россу Л. Финни и Карлу К. Циммерману. За усилия по подготовке немецкого издания книги – видному профессору Берлинского университета, доктору Р. Турнвальду и доктору Г. Кассполю. Огромную благодарность за их готовность оказать необходимую помощь заслуживают выдающиеся ученые Европы и России: Л. фон Визе из Германии, Гастон Ришар из Франции, Коррадо Джини из Италии, Адольфо Посада из Испании, Иван Павлов и Е.В. Спекторский из России. Автор выражает искреннюю благодарность Международному институту социологии, Международному институту социологии и социальных реформ, немецкому и украинскому социологическим обществам и чехословацкой Академии сельского хозяйства за честь, которую они оказали ему, избрав в ряды своих членов. Сотрудники библиотеки университета Миннесоты своим безупречным обслуживанием оказали чрезвычайно большую помощь при написании этой книги. Наконец, – last but not least – своим студентам и аспирантам автор обязан за множество счастливых мгновений, испытанных в ходе совместной научной работы.

Миннеаполис, октябрь 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА [АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАНИЯ]

Студенты, изучающие социологическую теорию, как правило, совершают одну из двух ошибок прямо противоположного типа: либо они легко соглашаются со спекулятивными объяснениями социальных явлений, либо отклоняют любое теоретизирование как ненаучную попытку обойтись без трудоемких кропотливых исследований. Книга профессора Сорокина представляет собой надежное противоядие от обеих крайностей.

Черпая количественные данные о социальных явлениях из чрезвычайно разнообразных и надежных источников, он противопоставляет необоснованным умозрениям холодные факты и предоставляет студенту реальные критерии для оценки теории. Неоднократно демонстрируя повторение типичных теорий, он показывает, сколь необходимо будущему исследователю, не жалея сил, ознакомиться с работами других исследователей, прежде чем он сам займется сбором фактов и затем будет делать выводы, которые сам же наивно и сочтет оригинальными. В этих двух отношениях настоящая книга является серьезным подспорьем, которое поможет избежать наиболее вопиющих ошибок, часто встречающихся в работах современных социологов.

Среди работ, посвященных социальной теории, эта книга совершенно уникальна, поскольку в ней с помощью огромного массива фактических и количественных данных подвергнуто критическому рассмотрению множество теорий, авторы которых нередко ограничиваются чисто голословными заявлениями об их достоверности. Профессор Сорокин нетерпим к тому, что можно назвать «суррогатными речевыми реакциями».

Если молодые социологи прочитают эту книгу внимательно, им удастся избежать значительной потери времени, которая им грозит, если они станут последователями теорий, являющихся всего лишь «нудными разработками очевидного», и, между прочим, убедятся в том, что чисто спекулятивное теоретизирование неизбежно приводит к логическим противоречиям и ошибкам.

Кроме упомянутых особенностей, данная книга является вкладом в научную социологию, т. к. имеет дело преимущественно с современными теориями. Теоретические концепции более раннего времени рассматриваются в ней лишь

постольку, поскольку необходимо связать настоящее с прошлым и показать долгосрочную историческую перспективу.

Для студентов, серьезно занимающихся другими общественными науками – антропологией, экономикой, историей и политологией, данная работа будет полезным дополнением к их кругу чтения, поскольку в ней показаны достоинства и недостатки современных социологических теорий. В этом отношении работа имеет поистине универсальное значение.

Ф. Стюарт Чапин

ВВЕДЕНИЕ

Цель книги. В этой книге речь пойдет о социологических теориях последних 60–70 лет. Ее цель состоит в обзоре основных типов этих теорий и установлении того, в какой степени они научно достоверны. Все другие подходы к изучению теорий, такие, например, как выяснение того, почему тот или иной автор создал ту или иную теорию или почему она стала популярной, а также личностные и биографические характеристики ученых-социологов намеренно исключены из рассмотрения. По той причине, что первая и главная задача вполне может быть решена независимо от остальных. Кроме того, нереально охватить в одной книге все возможные подходы к изучению социологической мысли. В этой книге речь идет о характере и научной достоверности теорий, а не об их авторах. Вот все, что следовало сказать по этому поводу.

Причины написания и публикации этой книги. По мнению автора данной книги, ученый в первую очередь должен обращаться к изучению фактов, а не теорий. Если, однако же, он, вопреки этому, пишет книгу о других книгах, то делает это в силу целого ряда причин. Во-первых, у нас нет ни одной книги, в которой был бы представлен краткий очерк всех оригинальных социологических теорий, созданных за указанный выше период. Есть масса превосходных монографий, посвященных той или иной проблеме, тому или иному социологу, но все подобного рода монографии охватывают лишь небольшую часть данной области¹. Есть несколько ценных работ по истории социологической мысли², но они не уделяют должного внимания последнему периоду социологии. Написано множество ценных статей по истории социологии отдельных стран за последние несколько десятилетий³, но опять-таки они охватывают лишь часть всей сфе-

¹ Эти монографии будут указаны ниже.

² См. по тексту книги.

³ Об американской социологии см.: *Small A.* Fifty Years of Sociology in the United States // *American Journal of Sociology*. 1916, May; *Barnes H.E.* American Psychological Sociology // *The Sociological Review*. 1922, 1924, 1925; *Gillin John L.* Presidential Address // *Publications of the American Sociological Society*, vol. XXI; об английской социологии: *Barnes H.E.* English Sociology // *Publications of the American Sociological Society*, vol. XXI; о немецкой социологии: *Vierkandt A.* Die Überwindung des Positivismus in der deutschen Soziologie der Gegenwart // *Jahrbuch für Soziologie*, Bd. II; *Barth P.* Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. Leipzig, 1922, Bd. II; *von Wiese L.* German Sociologie // *The Sociological Review*, vol. XIX, № 1;

ры. Наконец, даже такие ценные работы, как «Die Philosophie der Geschichte als Soziologie» П. Барта, «Le dottrina sociologiche» Ф. Сквиллаче, «Современные социологи» М. Ковалевского, «The New History and the Social Studies» Г.Э. Барнса или статьи Ф.Г. Хенкинса в «The History and Prospects of the Social Sciences» и Чарльза А. Эллууда в «Recent Developments in Social Sciences» Э.К. Хейза, либо не переведены на английский, либо устарели, либо посвящены скорее историческим, чем социологическим аспектам теорий, или, наконец, слишком кратки, чтобы дать достаточное представление об основных школах в современной социологии. Ситуация такова, что пишущий эти строки не смог найти ни одной книги, которую мог бы рекомендовать для чтения аспирантам, слушающим курс его лекций по современным социологическим теориям. Эта ситуация и является первым оправданием публикации данной книги. Во-вторых, область социологии расширилась до такой степени, что любому социологу, занимающемуся какой-нибудь частной социологической проблемой, чрезвычайно трудно обрести адекватное знание обо всей сфере избранной им науки. Поглощенный своим специальным исследованием, он не имеет времени просматривать сотни разных источников, в которых содержится информация о теориях. Между тем каждому социологу необходимо иметь хотя бы минимальное знание об общей ситуации в современной социологии. Не зная о том, что та или иная теория была уже давным-давно разработана или что та или иная проблема уже давно была тщательно исследована его многочисленными предшественниками, социолог запросто может потратить свое время и энергию на открытие новой социологической Америки, уже давно открытой до него. Вместо того чтобы сравнительно быстро и с комфортом пересечь научную Атлантику, изучив то, что уже было сделано, такой социолог вынужден будет преодолеть все те трудности, которые выпали на долю Колумба, и лишь после того обнаружить, что его открытие уже давно было сделано и что все его усилия были потрачены напрасно. Такое «открытие» является для ученого трагедией, а для общества и социологии – пустой тратой интеллектуальных способностей. Как правило, исследователи ничего не приобретают от подобного рода «открытий». Между тем если бы потраченное время

Brinkmann C. German Sociologie // Publications of the American Sociological Society, vol. XXI; об итальянской социологии: *Michels R.* Elemente zur Soziologie in Italien // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. III Jahrgang, 4 Heft (переводы статьи опубликованы в журналах «Revue International de Sociologie» и «Суспильство», тт. III–IV); о французской социологии: *Duprat G.L.* La psycho-sociologie en France // Archiv für der Philosophie und Soziologie. Bd. XXX, Heft 1–2; *Faucounet P.* Durkheim Sociological School // The Sociological Review, vol. XIX, № 1; о российской социологии: *Sorokin P.* Die Russische Soziologie in Swanzigsten Jahrhundert // Jahrbuch für Soziologie, Bd. II (в переводе напечатана в журнале «Суспильство», тт. III–IV и – в сокращенном варианте – в «Publications of the American Sociological Society», vol. XXI); *Hecker J.* The Russian Sociology. New York, 1915; о чехословацкой социологии: *Bláha A.* Die zeitgenossische tschechische Soziologie // Jahrbuch für Soziologie, Bd. II. Все эти работы являются только показательными образцами исследований подобного типа.

и энергия пошли бы на исследование неизученных областей социологии, наука могла бы обогатиться, а общество бы что-то получило от своего ученого. Ситуация, о которой здесь идет речь, не относится к числу просто возможных, – она реальна и повторялась множество раз. По этой причине книги, которые предлагают общий обзор всей сферы той или иной науки, не совсем бесполезны.

В-третьих, социология за указанный выше период не страдала от нехватки разного рода теорий. Их разрабатывали в изобилии, и появлялись они, как грибы после дождя. В настоящее время область социологии переполнена множеством разнообразных и несовместимых систем. Каждый вступающий в нее новичок чувствует себя заблудившимся и, что еще важнее, такой новичок испытывает величайшие затруднения, пытаясь разобраться, какие из этих теорий достоверны, а какие ошибочны. Поэтому одна из самых первоочередных задач современного социолога заключается в том, чтобы отделить действительно достоверное в этих теориях от ложного или недоказанного. Подобное действие представляется столь же необходимым, как и выдвижение новых гипотез. При условии, что критический анализ современных социологических теорий будет произведен тщательно, он может оказать реальную пользу социологии. Именно эта задача предпринята в книге и является ее основной целью. Ограниченный объем не позволяет мне представить подробный критический анализ всех теорий; тем не менее предлагаемых мной критических замечаний вполне достаточно для того, чтобы вдумчивый читатель увидел принципиальные недостатки той или иной теории или гипотезы. Перечисленных причин уже вполне достаточно, чтобы стало понятно, почему была написана эта книга о других книгах.

План книги и распределение материала. Число социологов и социологических работ за указанный нами период было столь велико, что невозможно в одном томе дать обстоятельный анализ того вклада в науку, который внес каждый из этих социологов. Если и предпринять такую попытку, то результатом, скорее всего, окажется что-то вроде биографического словаря со всеми его достоинствами и недостатками. Среди его недостатков непременно будет отсутствие логической и ясной перспективы всей сферы науки. Этот недостаток настолько серьезен, что возникает необходимость в каком-то другом способе обозрения, который был бы от него свободен. Поскольку мы не касаемся биографий социологов, то лучшим способом будет, по-видимому, такой: разделить все важные социологические теории на несколько классов или школ и проанализировать не столько труды отдельных социологов, сколько фундаментальные принципы выделенных школ. При условии, что в каждой школе будут рассмотрены несколько наиболее характерных индивидуальных теорий, что все наиболее существенные труды будут упомянуты, а все ее принципиальные обобщения и теоретические положения описаны, такой план построения книги представляется более приемлемым с научной точки зрения, чем любой другой. Он более экономичен, чем

хронологическое или словарно-биографическое изложение. Лучше дать более систематическое и отчетливое знание о сфере социологии, чем распределить материал на случайной хронологической основе или опираясь на труды нескольких отдельных социологов, подобранных обозревателем.

Вышеизложенное объясняет логику построения книги. В деталях она такова: все теории разделены на несколько крупных школ, каждая из которых подразделяется на несколько разновидностей, а каждая из этих разновидностей представлена несколькими наиболее типичными работами. Перед изложением идей каждой школы или ее разновидностей в коротком параграфе, цель которого связать современную социологию с ее прошлым, рассказывается о ее предшественниках. После характеристики принципов школы или теории следует параграф с критическими замечаниями, показывающими ее заблуждения или недостатки. Такой план, безусловно, имеет и свои недостатки, но они, смеем надеяться, не столь велики, как недостатки любого другого метода.

Классификация школ современной социологии. Классификация школ и их разновидностей в книге следующая:

- I. Механистическая школа
 - Социальная механика
 - Социальная физика
 - Социальная энергетика
 - Математическая школа Парето
- II. Синтетическая и географическая школа Ле Пле
- III. Географическая школа
- IV. Биологическая школа
 - Биоорганизмическая ветвь
 - Расовая, наследственная и селекционистская ветвь
 - Социологический дарвинизм и теории борьбы за существование
- V. Биосоциальная школа
 - Демографическая социология
- VI. Биопсихологическая школа
 - Инстинктивистская социология
- VII. Социологистическая школа
 - Неопозитивистская ветвь
 - Дюркгеймовская ветвь
 - Ветвь Гумпловича
 - Формальная социология
 - Экономическая интерпретация истории
- VIII. Психологическая школа
 - Бихевиористы
 - Инстинктивисты
 - Интроспективисты разного типа

IX. Психосоциологическая школа

Различные интерпретации социальных явлений в терминах культуры, религии, права, общественного мнения, обычаев и прочих «психосоциальных факторов»

Экспериментальные исследования корреляций между разными психосоциальными явлениями

Понятно, что данная классификация носит совершенно условный характер. Она имеет некоторое значение лишь в той мере, в какой помогает распределить обширный материал по сравнительно немногочисленным классам. Тем не менее ее можно заменить любой другой классификацией, если она будет лучше соответствовать задаче исследователя. Другими словами, эту классификацию следует рассматривать скорее как чисто техническую, а не как нечто принципиальное и догматическое.

Некоторые дополнительные пункты. Невозможность рассмотреть по отдельности все многочисленные индивидуальные теории неизбежно приводит к некоторому субъективизму при решении вопроса о том, какие из них следует выбрать в качестве репрезентативных, а какие следует просто упомянуть. Несмотря на все стремление автора быть беспристрастным, некоторая доля субъективизма, наверное, все-таки присутствует в его книге. Тем не менее автор надеется, что эта доля не слишком велика. Наверное, почти все авторитетные социологи согласятся с тем, что теории, выбранные в качестве репрезентативных для той или иной школы или ее разновидности, действительно типичны и разработаны раньше, чем многие другие аналогичные им теории.

Здесь, однако, есть один момент, который вызовет несогласие части социологов. Момент этот заключается в том, что автор уделяет меньше внимания социологическим работам, написанным в жанре учебника, чем исследованиям монографическим, а спекулятивным и «философическим» работам – меньше, чем фактологическим, количественным и специальным исследованиям. Делается это намеренно, и автор несет за это полную ответственность. Сам характер учебника заставляет автора наполнять его общими местами, которые есть не что иное, как популяризация результатов, полученных в монографических исследованиях. Есть некоторые исключения, и они отмечены в книге; но правило остается и оправдывает позицию автора. Что касается спекулятивных систем, то мы должны отделять «социальные философии», которые глубоко проникают в природу социальных явлений, от тех, в которых ничего нет, кроме «словесных красот». Спекуляции первого типа заслуживают глубочайшего внимания; мимо вторых надо пройти, не обращая на них никакого внимания.

Наконец, нет необходимости подчеркивать большое значение фактологических и «индуктивных» исследований. Им в первую очередь принадлежат реальные достижения социологии как науки. Они представляют собой единственное

основание, позволяющее ответить на вопрос, достоверно или ложно то или иное философское обобщение. С помощью такого рода исследований мы получаем относительно точные социологические корреляции и причинно-следственные закономерности, поэтому именно на них и возлагается, главным образом, надежда на дальнейшее совершенствование социологии как науки. Отсюда – то внимание, которое уделяется им на протяжении всей книги. Их результаты используются для определения достоверности общих социологических теорий. Их данные используются для демонстрации существования корреляции в той или иной сфере. По этой причине написана специальная глава, где рассматриваются основополагающие исследования подобного типа. Разумеется, не все исследования упомянуты, но, смеем надеяться, ни одно из тех, что имеет принципиальное значение, не пропущено.

Следует отметить еще один момент: в книге рассматриваются только те социологические теории, которые имеют дело с фактами, т. е. те, которые стремятся описать и проанализировать социальные явления в таком виде, как они есть. Все теории, стремящиеся проповедовать то, что должно быть, каким образом следует изменить социальный мир и что для этого надо сделать, здесь не рассматриваются. По той причине, что такого рода теории, описывающиеся не то, что было, есть и будет, а то, что должно было бы быть в прошлом, настоящем и будущем, находятся за пределами научного знания. И хотя с практической точки зрения они представляют определенную ценность, к сфере науки они не относятся.

Last, but not least: почти все основополагающие социологические теории подвергнуты в этой книге критике. В этой связи автор хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что его критика той или иной теории вовсе не означает, что он ее недооценивает или не относится с должным уважением к ее автору. Правильнее утверждать как раз обратное. Об этом следует помнить, чтобы понять истинную позицию автора данной книги. Его критика обусловлена самой природой науки, которая начинается с критики, развивается и существует благодаря критике. Если мы заботимся о развитии социологии как науки, то все мы должны критически относиться к любой социологической теории без каких бы то ни было исключений. Лучший способ, каким мы можем выразить нашу благодарность и почтение ко всем творцам социологического знания, заключается в отделении истины от заблуждений, содержащихся в том огромном интеллектуальном наследии, которое они нам оставили. В противном случае вместо научной социологии мы будем иметь псевдонаучное комплиментарное искусство, ничего общего с подлинной наукой не имеющее.

Глава I

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

К этой школе можно отнести все социологические теории, которые интерпретируют социальные явления, используя терминологию и понятия физики, химии и механики. Отдельные ее ветви несколько отличаются друг от друга в деталях; одна ветвь отдает предпочтение интерпретации modo geometrico, другая – modo mechanico et physico, третья – modo energetico, и, наконец, еще одна – modo mathematico^{1*}. Эти различия в нашем дальнейшем изложении будут тщательно и подробно рассмотрены, но они не устраняют общего сходства, которым проникнуты все ветви этой школы. Ради краткости будем называть ее в дальнейшем «механистической».

1. Предшественники

Основные элементы механистической интерпретации природы человека, его поведения и социальной деятельности были разработаны очень давно. Поскольку механистическая школа рассматривает все социальные явления всего лишь как разновидность явлений физических, то характерной ее особенностью является монистическое представление о вселенной в целом, предполагающее универсальную применимость всех законов природы или же единство всех этих законов. По этой причине потенциально все монистические учения о мире, и особенно монизм материалистический, содержат в себе один из самых основополагающих элементов механистической школы. Как хорошо известно, монистические философские учения, как материалистического, так и идеалистического толка, существуют с давних времен. Мы обнаруживаем их в самом далеком прошлом. Утверждение Фалеса о том, что «началом всех вещей является вода»^{2*}, или учение Анаксимена о том, что «начало» всего есть воздух, или материалистический и атомистический монизм Эмпедокла, Левкиппа, Демокрита, Анаксагора и Лукреция являются характерными примерами монистической интерпретации вселенной, в рамках которой психические и социальные явления рассматривались всего лишь как разновидности явлений материальных; более того, перечисленные выше греческие философы, особенно сторонники материалистического

атомизма, истолковывали психические и социальные явления в строго механистическом духе. Аналогичные теории существовали также в древней Индии и в древнем Китае. Другой элемент механистического подхода к социальным явлениям, который также известен издавна, – это использование математики для их интерпретации, вера в универсальные количественные регулярности, или законы в динамике социальных, так же как и всех прочих, процессов. Эти элементы особенно выделял Пифагор и его школа, равно как и философы-атомисты, упомянутые выше. Затем оба элемента механистической социологии обнаруживаются в учениях эпикурейцев и стоиков. Их наличие в учении Эпикура подчеркивает Цицерон¹. Сенека и некоторые другие стоики, монизм которых носил скорее материалистический характер, считали даже время, добродетель и зло «вещами», причем вещами чувственно воспринимаемыми, т. е. физическими².

Вообще говоря, в периоды явного прогресса физических и математических наук их выводы распространялись и на сферу социальных явлений, в результате чего механистическая интерпретация появилась и в ней. Этим объясняется, почему «механистическая социология» стала в XVII в. преобладающим методом интерпретации социальных явлений. Как справедливо отмечает профессор Е.В. Спекторский, не эпоха Возрождения и даже не XVIII столетие (которое действительно было продуктивным, но в этих областях меньше всего), а XVII в. оказался самым плодотворным периодом развития физических и математических наук³. Чтобы подтвердить данное утверждение, достаточно назвать такие имена, как Ньютон, Галилей, Коперник, Декарт, Лейбниц, Паскаль, Гюйгенс, Кеплер, Ф. Бэкон, Р. Бойль, Левенгук, к которым можно добавить еще множество других.

Колоссальные успехи физики, механики и математики в течение этого столетия вызвали массу попыток интерпретировать социальные явления тем же самым способом, каким механика столь успешно объясняла физические явления. В результате мы имеем «социальную физику» XVII в., которую, по крайней мере в своих замыслах и стремлениях, не смогли превзойти все механистические теории XIX и XX столетий. Более того, мыслители XVII в., стремясь создать социальную механику, заложили те основы психологии, социальных и политических

¹ «In physics plurimum posuit»^{3*}, – говорит он об учении Эпикура. См.: Cicero. De finibus bonorum et malorum. I, 6, 19 и passim.

² См.: Stoicorum veterum fragmenta. Collegit J. ab Arnim. Lipsiae, 1903, Bd. III, S. 20; Seneca. Epistola, 117; «placet nostris quod bonum est corpus esse»^{4*}, – пишет Сенека своим адресатам.

³ См. превосходный труд Е.В. Спекторского «Проблема социальной физики в XVII столетии» (Варшава, 1910, т. 1; Киев, 1917, т. 2). Эта работа, наверное, самое лучшее исследование социальной физики XVII века. Я признателен профессору Спекторскому за то, что он любезно прислал мне единственный экземпляр этой книги, имевшийся у него самого. Его труд настолько ценен для истории социальной, политической и этической мысли, что его следовало бы перевести и сделать доступным для иностранных специалистов.

наук, которые в настоящее время многие считают открытыми совсем недавно⁴. Характерные черты социальной физики XVII в. можно суммировать следующим образом: во-первых, в противоположность предшествующим мыслителям социальные теоретики XVII в. (Гоббс, Спиноза, Декарт, Вейгель, Лейбниц и др.) отказались от антропоморфизма, телеологизма, морализма и принципа иерархии в своих исследованиях социальных явлений и человеческой природы, мышления и поведения. Во-вторых, они стали изучать социальные и психические явления так же, как физики изучают природные явления, рационально, но объективно. Человек рассматривался теперь как физический объект – своеобразная машина⁵ или физический автомат. Его жизнь и деятельность «рассматривалась как правильное функционирование человеческой машины, смерть – как ее порча. Ни к какой виталистической жизненной силе при этом не прибегали»^{11*}. Декарт и Гоббс сравнивали смерть с остановкой часового механизма⁶. Человеческая

⁴ Такова, например, бихевиористская школа в психологии. Стремление ее сторонников изучать человеческое поведение и мышление без всякого учета «внутреннего психологического опыта», т. е. изучать их как разновидности механических явлений, есть не что иное, как модификация механистической и количественной психологии XVII в. (Декарт, Лейбниц, Спиноза, Мальбранш и др.), которая рассматривала человека в качестве автомата и пыталась изучать психологические процессы как физические, измеряя и интерпретируя их с помощью понятий физической механики. (См.: *Спекторский Е.В.* Указ. соч., т. 1, с. 81, 339; т. 2, с. 408). То же самое можно сказать и об их попытках использовать объективные методы исследования и изучать социальные и психические явления подобно тому, как изучают свои объекты специалисты в области физики, и тем самым освободиться от каких бы то ни было этических, религиозных и иных соображений. Сказанное справедливо и относительно их попыток измерять все строго научным образом. В социологии и социальной психологии современные теории волевого действия (Л. Уорд), теории, основанные на «инстинктивистской» интерпретации социальных и поведенческих фактов, такие как теория Томаса о «четырех желаниях»^{5*}, о «шестисложных интересах» Ратценхофера и А. Смолла^{6*} (провозглашенных Смоллом «последним словом в социологии») и многие другие разновидности подобной «интерпретации», – все они были сформулированы Гоббсом, Спинозой, Вейгелем, Мальбраншем, Г. Гроцием, Декартом, Лейбницем, Я. Ам. Коменским и др. (см.: *Спекторский Е.В.* Цит. соч., т. 2, с. 411–422). То же самое следует сказать и о «монадологиях» Парето и Тарда.

⁵ «Hominis corpus quatenus machinamentum quoddam ... machinamentum humani corporis», – писал Декарт^{7*}. «L'on peut fort bien comparer les nerfs de la (humaine) machine aux tuyaux des machines de ces fontaines, ses muscles et ses tendons aux autres divers engins et ressorts. ... De plus, la respiration et autres telles actions ... sont comme les mouvements d'une horloge»^{8*} и т. д. (*Renati Des Cartes. Meditationes de prima philosophia, Meditatio sexta.* Amsterdam, 1685, p. 43; *Его же. L'Homme // Oeuvres, Cousin, IV, pp. 347–348*). «Quid est cor nisi elastrum, quid nervi nisi chordae, articuli nisi... rotulae»^{9*}, – писал Гоббс («Левиафан», Введение // *Opera, III, 1*). «Le corps de l'animal est une machine en même temps hydraulique, pneumatique et pyrobolique ... une Espece d'un Automate Naturel, qui surpasse infiniment les Automates artificiels»^{10*}, – говорит Лейбниц. См.: *Спекторский Е.В.* Цит. соч., passim.

⁶ «Тело живого человека так же отличается от тела мертвого, как отличаются часы или иной автомат от тех же часов или той же машины, когда они сломаны» (*Decartes. Les passions de l'ame. Art. VI, Oeuvres, Cousin, IV, 41*)^{12*}; см.: *Спекторский Е.В.* Цит. соч., т. 2, с. 410).

душа изображается как движение столь же правильное, как и всякое движение, изучаемое в механике. «Vita motus est perpetuus», – говорит Гоббс^{13*}. «Notre nature est dans le mouvement», – писал Паскаль^{14*}. «Жизнь человека состоит лишь в циркуляции крови и, наряду с ней, циркуляции мыслей и желаний», – объясняет Мальбранш^{15*}. Там, где есть движение, там, согласно механике, существует и инерция; инерция свойственна и человеческому обществу, и человеческой психике. Проявляется это в том, что люди, как правило, стремятся к самосохранению и пекутся о своих собственных интересах. «Suum esse conservare, suum sibi utile quaerere», – утверждает Спиноза^{16*}. Таков универсальный закон природы, и это также закон человеческой природы. Рассматривая душу человека с механистической точки зрения, физикалисты XVII в. пытались разложить ее на составляющие компоненты, подобно тому как механизм можно разобрать на детали. Соответствующие компоненты человеческой души находили в ряде первичных «тенденций», или «волевых импульсов» (самосохранения, притяжения к другим существам или отталкивания от них и т. д.), или «аффектов», или «аппетитов». Классифицируя их (шесть основных аффектов, согласно Декарту, или три, по мнению Спинозы), они рассматривали человеческое существо как воплощение этих компонентов, а человеческую деятельность – как результат этих волевых усилий (притяжения, отталкивания или взаимодействия). Их взаимное притяжение или отталкивание превращается в закономерности человеческой деятельности и психических процессов, которые, подобно закономерностям физического движения, могут быть объяснены с помощью принципов механики. Таким образом, они создали «механику психических процессов» и «человеческой деятельности». А человеческую душу трактовали как «своеобразную астрономическую систему», в которой различные процессы происходят с такой же регулярностью, как и в астрономической системе, описываемой механикой. «Человеческий индивид рассматривался как своего рода астрономическая система аффектов или иных психических элементов, связанных взаимным притяжением или отталкиванием»⁷.

Исходя из этого, легко было перейти к построению «социальной механики», или «механистической интерпретации общества». «Общество рассматривалось как некая новая астрономическая система, элементами которой были человеческие существа, связанные между собой взаимным притяжением или отталкиванием, подобно атомам физической субстанции». Наконец, взаимные отношения обществ и государств рассматривали опять-таки как некую систему сбалансированных противоположностей, элементами которых были человеческие группы. Таким образом, мы имеем постепенно расширяющиеся ряды притяжений и отталкиваний (человека, общества, нескольких обществ), которые, согласно Спинозе, не образуют никакой специфической сферы в царстве природы, но легко впи-

⁷ Спекторский Е.В. Цит. соч., т. 2, с. 411–422.

сываются как отдельная часть в механистическое царство вселенной, не разрушая его структуры (Спекторский Е.В. Цит. соч., т. 2, с. 422). Структура социального порядка состоит, таким образом, из следующих трех составных частей:

1. *Человеческое существо*: астрономическая система, образуемая волевыми усилиями притяжения и отталкивания.

2. *Общество*: астрономическая система, основанная на притяжении и отталкивании индивидов.

3. *Человечество*: астрономическая система, состоящая из притяжения и отталкивания групп.

Из всего вышеизложенного следует, что всякий супернатурализм, индетерминизм, любая свобода воли были исключены из социологических теорий этих социальных физиков. Они рассматривали все эти феномены как результат естественной игры естественных причин. Их цель состояла в том, чтобы изучить эти явления как систему взаимоотношений, измерить эти отношения и представить результаты подобного исследования в виде законов социальной механики.

Отсюда – математический метод их исследований. От любой науки они требовали, чтобы она была наукой математического типа. «*Generalem quandam esse debere scientiam, ...eamdemque ...Mathesim universalem nominari*» (Декарт)^{17*}, – вот девиз их метода. «Без математики люди жили бы по образу и подобию скотов», – утверждал Вейгель^{18*}. «Все истины были открыты только путем измерений», – говорил Мальбранш^{19*}. Отсюда – их геометрический и математический методы. И отсюда же – их представление о том, что истина – не что иное, как количественно описанные отношения. Отсюда их попытки создать «Пантометрику», «Психометрику», «Этикометрику», «Социометрику», короче говоря, универсальную количественную науку об отношениях, применимую при исследовании всех явлений, в том числе психических, этических, политических и социальных отношений (см.: Спекторский Е.В. Цит. соч., т. 1, с. 328–330). «*Mens, mensura, quies, motus, positura, figura sunt cum materia cunctarum exordia rerum*»^{20*} – таков был их девиз. Г. Гроций интерпретировал феномен закона «*sicut Mathematici figuras a corporibus considerant*»^{21*}; Лейбниц объяснял юридические отношения *modo geometrico*, при помощи карт и диаграмм; Вейгель и Пуфендорф нарисовали ряд кругов человеческих действий «*ad analogiam systematis Copernicae*»^{22*}. «*In societate inter homines nihil fere agitur quod a numerorum et mensurae scientia non dependeat*»^{23*}, – утверждал Ричард Камберленд⁸. Политика объяснялась «*per magnitudinem, figuram et motum*»^{24*}. Но это еще не все. Для того чтобы реализовать эти заявления и стремления, необходимо было предпринять попытку фактического построения «социальной механики». И мы действительно знаем некоторые попытки ее построить. Понятия пространства, времени, притяжения, инерции, силы и энергии – фундаментальные принципы, с помощью которых

⁸ См.: Cumberland R. *Disquisito philosophica de legibus naturae*, 1671.

физической механике удается объяснить движения физических объектов, начиная с атомов и заканчивая планетами, звездами и галактиками. Социальные физики XVII в. пытались сделать то же самое, что сделали физики. Прежде всего, они разработали понятие *нравственного или социального пространства*, в котором происходят социальные, нравственные и политические движения. Это была своего рода аналогия физического пространства, возвышающаяся над ним. *Положению* материального объекта в физическом пространстве здесь, в пространстве социальном, соответствовало понятие статуса, который определялся возрастом, полом, родом занятий, степенью свободы, вероисповеданием, гражданством и т. д. Таким образом, они создали систему социальных координат, определяющих положение человека в нравственном пространстве с такой же точностью, с какой геометрические координаты определяют положение материального объекта в пространстве физическом⁹. Физическая механика объясняет движения физических объектов с помощью понятий инерции и притяжения. Аналогичным образом социальная механика исходила из того, что социальные процессы являются результатом притяжения и инерционного движения индивидов или групп. В физической механике любая физическая система считается системой равновесия. Точно так же любые общества, группы и государства признавались социальными физиками системами равновесия центростремительных и центробежных сил. Совокупность политических институтов трактовалась как система противовесов. Социальная и политическая организация общества, феномен власти и авторитета интерпретировались как результат давления «социальных атомов» (индивидов) и «социальных молекул» (групп). Таким образом, эти социальные теоретики создали «социальную статику», или теорию социального равновесия, аналогичную «статике» в физической механике.

Они также заложили основы социальной динамики. В механике движение или перемена – это функция пространства и времени. И в социальной механике XVII столетия время тоже играет свою роль, ибо эти мыслители предложили идею статуса не только в нравственном пространстве, но и в нравственном времени. Это привело их к конструкциям *in respectu ad durationem*^{25*} и даже к теории специфического *status quanticativus*^{26*} со специфическим «нравственным временем». Исторические и социальные события рассматривались как движение или динамика, а время – как коэффициент движения. «*Tempus nihil aliud est quam magnitudo motus*»^{27*}, – писал Лейбниц. Любой процесс стал пониматься как разновидность механически движущегося объекта. «Время изображалось геометрической линией, исторические процессы стали иллюстрировать с помощью разных кривых, а судьбу индивида – с помощью кривой, описывающей падение тела. Для описания всех этих процессов стали использоваться прямые линии,

⁹ Ср.: Sorokin P. Social Mobility, ch. I.

параболы и спиралевидные кривые». Короче говоря, физики были настоящими новаторами как в социальной, так и в других сферах знания¹⁰. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что план социальной механики, начертанный мыслителями XVII в., был действительно грандиозным и великолепным¹¹. Если они и не сумели реализовать его более или менее удовлетворительно, то не потому, что не приложили к этому достаточных усилий, а из-за сложности самой изучаемой проблемы. Несмотря на множество ошибочных и вздорных утверждений, их попытка построить социальную физику позволила им в качестве побочного продукта сделать немало ценных вкладов в социальные и психологические науки, которые в наше время открывают заново как нечто совершенно новое и в прошлом неизвестное.

Более того, модная ныне механистическая интерпретация социальных явлений представляет собой не что иное, как повторение с незначительной модификацией принципов, разработанных великими мыслителями XVII в., однако очень часто без упоминания их имен и работ. Правда, некоторые методы и выводы этих ранних мыслителей были позднее развиты в биологии, психологии, статистических и социологических работах XVIII и первой половины XIX в. Так произошло с работой У. Петти о социальных и нравственных феноменах, написанной в XVII в.¹², а также с возникшими в том же столетии детерминистскими и объективными методами исследования подобного рода явлений независимо от религиозных и моральных оценок. Примером такого более позднего развития

¹⁰ См.: *Спекторский Е.В.* Цит. соч. т. I, с. 328–554; т. II, с. 450–628.

¹¹ Особенно интересной и впечатляющей была «Пантометрия» забытого мыслителя Эрхарда Вейгеля. Возможно, он последовательнее, чем кто бы то ни было, пытался создать универсальную количественную науку – «*Mathesis universae*». Над этой проблемой Вейгель работал долго и с большим упорством. Ее значимость, по мере того как он над ней работал, в его собственных глазах возрастала. Он пытался решить ее разными способами. В конце концов он был раздавлен этой ношей. Он стал чуть ли не маньяком и везде видел только цифры, цифры и цифры. Согласно его концепции, универсальная математика, или «Пантометрия», должна была стать специфической наукой о количестве в противоположность наукам о качестве. Она должна возникнуть, продолжает он, потому что без количественных характеристик не существует реально применимого знания ни об одной сфере явлений. Любая причинная связь, любое взаимодействие могут быть измерены. Настоящий научный детерминизм – это детерминизм количественный. Таким образом, все объекты превращаются в количество. Количества, изучаемые в «Пантометрии», можно разделить на три типа: физические, нравственные и терминологические. К нравственным количествам Вейгель относил экономическую ценность, социальное положение, престиж, власть, социально значимые достижения, услуги, преступления и т. д. Все эти феномены могут быть измерены. Истинные нравственные философы, или юрисконсульты, должны быть математиками. Эти идеи он пытался подробно развить в ряде своих работ: «*Idea Matheseos Universynopsis*», etc., 1669; «*Universi Corporis pansophici Prodrumus de gradibus humanae cognitionis*», etc., Jena, 1672; «*Corporis Pansophici Pantologia*», etc. О Вейгеле см.: *Спекторский Е.В.* Цит. соч., т. I, с. 488–563.

¹² *Petty W.* *Several Essays in Political Arithmetics.* 1699.

в этике и психологии может служить «моральная арифметика» Иеремии Бентама, исследования Гербарта в «механистической психологии» и другие исследования в области статистики. Но сказать то же самое о «социальной механике» XVII в. в узком смысле этого слова было бы неправильно. Почти все попытки в этой области, предпринятые в XVIII и в первой половине XIX в., были вариациями социальной физики XVII столетия.

В социальной физике XVII в. Джордж Беркли (1685–1753) создал свою теорию нравственного притяжения и социальной стабильности¹³. Согласно его «социальной физике», физическое притяжение имеет свою аналогию. Центробежные силы проявляются в виде эгоизма, который разобщает индивидов, в то время как социальные инстинкты соответствуют центростремительным силам, потому что они объединяют людей. Общество стабильно, когда центростремительные силы преобладают над центробежными. Роль физической массы в социальной механике играет народонаселение, роль физической дистанции – гомогенность или гетерогенность индивидов¹⁴. Короче говоря, теория нравственного притяжения Беркли представляет собой всего лишь разновидность подобных теорий XVII в.

То же самое следует сказать о большинстве механистических теорий в социологии XVIII¹⁵ и начала XIX в. К их числу можно отнести и некоторых энциклопедистов. Попытки Сен-Симона интерпретировать социальные явления в свете ньютоновского закона притяжения и системы механики не добавили ничего существенного к социальной физике XVII столетия. Позднее Ш. Фурье, наряду с множеством других его теорий, выдвинул наброски механистической интерпретации истории; но она, как и многие другие его замыслы, была изложена в небрежной и причудливой форме и не получила систематического развития. Наконец, О. Конт и А. Кетле оба подтвердили влияние социальной физики XVII в., особенно в используемой ими терминологии. Согласно О. Конту, «социальная статика» и «социальная динамика» составляют главные разделы социологии; что же касается Кетле, то он использовал термин «социальная физика» даже в качестве заглавия для своей работы. Тем не менее можно смело утверждать, что использование ими подобной терминологии было обманчивым, т. к. их интерпретации социальных явлений были далеки от механистической интерпретации XVII в. Лишь со второй половины XIX в. начали появляться бесспорные признаки оживления. С этого времени появилось несколько работ, которые, хотя и претендовали на то, чтобы стать новым методом интерпретации социальных

¹³ См.: *Berkeley G. The Principles of Moral Attraction // Works. Fraser edition, vol. IV.*

¹⁴ Ср. концепцию «социальной дистанции» Э. Богардуса и теорию социальной роли «осознания добра» Ф. Гиддингса.

¹⁵ См., например: *Lord Kames. Sketches of the History of Man. 1788, vol. I–IV; Dunbar J. Essays on the History of Mankind in Rude and Cultivated Ages. 1780; Huth H. Soziale und individualistische Auffassung im 18 Jahrhundert, 1907.*

явлений, на самом деле были реализацией общего плана, разработанного социальными физиками XVII столетия. Теперь перейдем к обзору и анализу этих недавних учений и разработок. Современные представители данной социологической школы следующие: Г.Ч. Кэри, Воронов, Э. Сольве, Л. Винярский, А. Портуэндо-и-Барселло, Харет, В. Оствальд, В. Бехтерев, Эджуорт, Ф. Карли, Бентли, Т.Н. Карвер, Альфред Лотка и, наконец, В. Парето, не говоря уже о других¹⁶. Их работы можно распределить по четырем или пяти основным ветвям: ветвь социальной физики (Кэри), социальной механики (Портуэндо-и-Барселло, Харет, Лотка), социальной энергетики (Э. Сольве, В. Бехтерев, Оствальд, Карвер, Л. Винярский) и, наконец, математико-функциональной «чистой социологии» (Парето, Карли).

2. Современная социальная физика

«Principles of Social Science» Г.Ч. Кэри¹⁷ являются одной из самых выдающихся попыток интерпретировать социальные феномены с помощью физики, принятых во второй половине XIX в. В самом начале первого тома «Principles» мы находим выразительную декларацию о том, что «законы, управляющие материей во всех ее формах, будь то уголь, глина, железо, галька, деревья, быки, лошади или люди», – одни и те же¹⁸. Отсюда механистический монизм, которым пронизаны его социологические и экономические теории. Общему «механисти-

¹⁶ Из других работ, авторы которых претендуют на интерпретацию социальных феноменов согласно законам физики и механики, но фактически не делают этого, можно назвать следующие: *Planta P.C.* Die Wissenschaft des Staates oder die Lehre vom Lebensorganismus. Chur, 1852; *Zacharia K.S.* Vierzig Bucher vom Staate. 1839–1843, Bd. I–VII; *Misner.* Principes sociologiques, 1880; *De Marinis.* Sistema di Sociologia. Torino, 1901; *Fiske J.* Outlines of Cosmic Philosophy. London, 1874; *Bagehot W.* Physics and Politics. New York, 1884. Зиммель и формальная школа в социологии широко используют геометрические понятия и аналогии, но связь этих аналогий с их теориями носит совершенно случайный характер, поэтому они имеют лишь косвенное отношение к «механистической» интерпретации социальных явлений (см. главу «Формальная школа» в настоящей книге). Гораздо более механистическими или до некоторой степени энергетическими являются интерпретации экономических и юридических феноменов, предложенные в работах: *Helm G.* Die Lehre von der Energy. Leipzig, 1887, S. 72–74; *Bozi A.* Die Weltanschauung der Jurisprudenz. S. 108–110. Сравнительно неплохая (но все-таки несколько упрощенная и устаревшая) характеристика механистической школы представлена в работах: *Squillace F.* Le dottrine sociologiche. Roma, 1902. ch. I; *Petre T.* Prolégomènes à une Mécanique Sociale. Paris, 1922, vol. II и в предисловии Г. Саломона к книге: *Bousquet.* Grundriss der Soziologie Paretos. 1926.

¹⁷ Генри Чарльз Кэри родился в 1793 г. и умер в 1879 г. Первый том его «Principles» был издан в 1858 г. в Филадельфии, раньше, чем спенсеровские «Основные начала» (1862), «Основания биологии» (1864), «Основания социологии» (1876) и «Основания этики» (1879).

¹⁸ *Carey H.C.* Principles of Social Science. Philadelphia, 1858, vol. I, p. 62; ср. *его же:* The Unity of Law. Philadelphia, 1872, ch. IV и p. 127 ff.

ческому» подходу Кэри соответствуют и его утверждения о том, что «человек – молекула общества»¹⁹, что ассоциация – это всего лишь разновидность «общего закона молекулярного притяжения»²⁰, что «человек в силу необходимости тяготеет к своему ближнему», «что притяжение здесь (в человеческих сообществах), как и повсюду в материальном мире, прямо пропорционально массе (городов) и обратно пропорционально расстоянию между ними»²¹, что централизация и децентрализация государства и населения в городах – не что иное, как разновидность центробежных и центростремительных сил, действующих по законам физической механики²². Как в физике, чем больше разница температур двух тел, тем более интенсивен процесс перехода тепла от одного тела к другому, точно так же, чем сильнее различия между индивидами или группами, тем сильнее их связь друг с другом и интенсивнее торговля между ними.

«В рамках чисто аграрных сообществ ассоциация едва ли существует, тогда как там, где фермер, адвокат, купец, плотник, ткач и т. д. составляют части единого сообщества, она проявляется в высокой степени»²³.

Прогресс для Кэри – это движение. «Движение сопровождается выделением тепла, а само тепло есть результат ассоциации»²⁴.

Приведем другие примеры механистической интерпретации Кэри социальных и экономических явлений.

«Из неуничтожимости материи как физической предпосылки однозначно следует: то, что мы называем производством и потреблением, является всего лишь преобразованием субстанции. Сжигаем ли мы каменный уголь, превращая его в шлак, дым и тепло, откармливаем зерном свинью, сами питаемся зерном, свининой, репой и бараниной, чтобы превратить их в энергию человеческих мышц и мозга, – все это явления однородные: всего лишь качественные изменения материи, не сопровождающиеся увеличением или уменьшением ее количества. На каждый переход материи из одного состояния в другое затрачивается или, как мы говорим, расходуется сила, и сама сила тоже выделяется и производится... Экономическая ценность – не что иное, как определенного рода инерция; полезность – эквивалент механической инерции».

¹⁹ Carey H.C. Principles of Social Science, vol. I, p. 41.

²⁰ Ibid., p. 42.

²¹ Ibid., p. 42–43.

²² Между прочим, Кэри был еще и одним из первых представителей социологистической школы (см. главу об этой школе). Так же, как и Огюст Конт и другие представители социологистической школы, он полагал, что психология должна опираться на социологию и психологические феномены должны объясняться социальными условиями, а не наоборот. См.: Carey H.C. Principles of Social Science, vol. I, ch. II.

²³ Ibid., p. 199. Здесь Кэри гораздо раньше, чем Зиммель и Дюркгейм, указал на солидаристскую, или связующую, роль общественного разделения труда, что в развитом виде стало центральной идеей работы Дюркгейма. Но тем не менее его имя до сих пор не упоминается среди предшественников Зиммеля и Дюркгейма.

²⁴ Ibid., p. 61.

Потребление продукта есть «не что иное, как его переход из состояния инерции в состояние движения»²⁵. Торговля – это «перемещение материи в пространстве», «производство – это механические и химические изменения формы материи»²⁶.

Такого рода интерпретации социальных и экономических явлений предполагают их сравнение с различными физическими феноменами, а человека, в частности, – с различными механизмами, каковые сравнения проходят через все работы Кэри. Если так называемая органическая школа в социологии проводит аналогии между социальными и органическими явлениями, то механистическая сравнивает социальные процессы с физическими механизмами. В этом отношении работы Кэри являются типичными образцами последней, а вышеприведенное дает общее представление о его методе интерпретации социальных и экономических фактов. Краткий итог принципов социальной науки, который дает сам Кэри, понятен и исчерпывающ. Он приведен в конце третьего тома «Principles» и в сокращенном виде выглядит следующим образом²⁷:

Фундаментальные физические законы

Соответствующие социальные формы этих законов

Простые законы, которые управляют материей во всех ее формах, одинаковые как в физической, так и социальной науке, гласят следующее:

1. Все частицы материи притягиваются друг к другу, и это притяжение прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально расстоянию между ними.

2. Вся материя подвержена воздействию центробежных и центростремительных сил; первые способствуют созданию локальных центров действия, вторые – разрушению этих центров и созданию больших центральных масс, подчиняющихся единому закону.

3. Чем совершеннее равновесие этих противоположных сил, тем единообразнее и устойчивее движение разных тел, тем более гармонично действие системы, которая их охватывает.

1. Человек подчиняется великому закону молекулярного притяжения прямо пропорционально массе и обратно пропорционально расстоянию. [Феномены ассоциации и концентрации населения.]

2. Локальные центры притягивают человека в одном направлении, в то время как большие города, центры мира, притягивают его в другом.

3. Чем совершеннее равновесие этих противоположных сил, тем сильнее тенденция к развитию локальных личностей и к расширению ассоциаций через внутренние сообщества, с постоянно возрастающей мощностью производства, ценностью и свободой человека, увеличением капитала, справедливостью распределения и к установлению гармонии и мира.

²⁵ Carey H.C. The Unity of Law. Philadelphia, 1872, p. 127 ff.

²⁶ См.: Carey H.C. Principles of Social Science, vol. I–III, passim.

²⁷ Carey H.C. Principles of Social Science. Philadelphia, 1867, vol. III, p. 466–468. Для большей ясности я разместил его физические и социальные законы в двух параллельных колонках.

4. Чем интенсивнее действие этих сил, тем выше скорость движения и больше энергия.

Тепло – причина движения и силы, движение в свою очередь является причиной тепла и силы.

Чем больше производится тепла и движения, тем сильнее становится тенденция к ускорению движения и увеличению силы... в сторону распада масс и обособления частей, из которых она состоит.

Чем сильнее тенденция к обособлению, тем устойчивее должны быть сочетания и больше приобретаемая сила.

Чем быстрее движение, тем больше тенденция материи к приобретению разнообразных форм [от неорганического к *органическому миру* и, наконец, к человеку].

4. Чем выше скорость движения и сила, тем в большей степени человек подчиняется закону гравитации (ассоциации).

Чем интенсивнее становится тепло, тем быстрее социальное движение и выше выделяемая сила.

Обособленность растет пропорционально разнообразию способов занятости, и, соответственно, разнообразие в ответ на то, что делается для производства человеческого могущества.

Чем сильнее тенденция к обособлению, тем устойчивее должны быть сочетания и больше приобретаемая сила.

Чем больше разнообразие, тем могущественнее человеческая власть, контролирующая и направляющая великие силы природы, и тем больше число индивидов, которые могут извлекать поддержку из любого данного пространства, и тем совершеннее развитие скрытых сил и земли, и человека.

Таковы наиболее существенные физические законы и их социальное проявление. Вышеизложенного достаточно для характеристики основных черт социальной физики Кэри и ее сходства с принципами социальной физики XVII столетия.

3. Современная социальная механика

Возможно, самыми типичными примерами переноса и применения законов физической механики к интерпретации социальных явлений являются труды Воронова, Харета, Альфреда Лотки и Антонио Портуэндо-и-Барсело²⁸. Все эти авторы начинают свои исследования с указания на то, что «тело человека со всеми его органами и материальными элементами составляет систему, которая подчинена законам физической механики» так же, как и любая другая материальная система, и что, «несмотря на стремление человека преодолеть закон гравитации и другие законы механики, сделать этого он не в силах» (Портуэндо-и-Барсело).

²⁸ *Воронов Н.Г.* Основания социологии. СПб., 1912; *Haret.* Mécanique sociale. 1910; *Portuendo y Barcelo A.* Essais de mécanique sociale. Paris, 1925; до этого часть работы была опубликована в *Revue Internationale de Sociologie.* 1915; *Lotka A.J.* Elements of Physical Biology. Baltimore, 1925. Несколько иную позицию занимает Р. де ла Грассери, пытавшийся создать «космосоциологию». В его теории вселенского взаимодействия и разновидностей этого взаимодействия мало заимствований из механики. См.: *de La Grasserie R.* De la cosmologie. Paris, Giard and Brière.

«Законы химической динамики структурной системы... являются именно теми законами,.. которые управляют эволюцией системы, охватывающей живые организмы»²⁹. Исходя из этих достаточно очевидных посылок, данные авторы делают вывод о том, что «если принципы и законы социальной механики применимы ко всем видам сил, то они, разумеется, применимы и к человеку, и к тем психическим силам, которые называются социальными». Высказав эти соображения, авторы, продолжая в чисто механистической манере, переносят концепции и терминологию механики в сферу социальных явлений и предлагают нам механистические интерпретации вроде следующих: согласно Воронову, ассоциация и кооперация – это «сложение и умножение сил», война и социальная борьба – «вычитание сил», социальная организация – «равновесие сил», вырождение и распад – «разложение сил»; право и юридические явления – «соотношение сил» и т. д.³⁰

Аналогичные, хотя и более сложные, механистические интерпретации у Харета и Портуэндо-и-Барсело. В их работах перевод немеханистического языка социальной науки на язык механики происходит следующим образом: индивид превращается в материальную точку, а его социальная среда – в «поле сил» (*champ de force*). После чего применение формул механики к социальным явлениям становится делом несложным; все, что необходимо, – это скопировать эти формулы, заменив словом «индивид» понятие материальной точки, а термином «социальная группа» – физическую систему или силовые поля. Продолжая таким образом, оба автора выдвигают целый ряд следующих формул социальной механики: «Увеличение кинетической энергии индивида равно уменьшению его потенциальной энергии»; «Совокупная энергия индивида в его силовом поле остается постоянной при всех его видоизменениях»³¹; «Совокупная энергия социальной группы в отношении ее работы (*quant à une action*) в некоторый момент (T_1) равна совокупной энергии, которую она имела в первоначальный момент (T_0), плюс совокупность работы, которую в течение этого времени ($T_1 - T_0$) произвели все посторонние группы силы, действовавшие на индивидов или элементы этой группы» и т. п.³² Чтобы полностью отождествить социальную и физическую механику, эти мыслители, особенно Портуэндо-и-Барсело, снабдили свои работы значительным числом математических формул, как простых, так и сложных, которые они заимствовали из механики. Таковы особенности, характерные для данного типа механистической школы в социологии³³.

²⁹ *Lõtka A.J.* Op. cit., p. 16.

³⁰ См.: *Воронов Н.Г.* Основания социологии.

³¹ «L'énergie total de l'individu dans son champ se conserve constante à travers toutes ses modifications».

³² См.: *Haret.* Op. cit., предисловие и passim; *Barcelo.* Op. cit., passim.

³³ Гораздо более тщательно разработаны формулы Лотки. Несколько глав его книги действительно ценны и дают нечто большее, нежели простое перенесение формул механики в социальную сферу.

4. Современная социальная энергетика

Разные вариации этой ветви механистической теории представлены работами Э. Сольве, основателя Института Сольве в Бельгии; трудами В. Оствальда, великого химика и теоретика энергетике; «Коллективной рефлексологией» знаменитого психолога В. Бехтерева (1857–1927) и «Экономикой человеческой энергии» выдающегося американского экономиста Т. Карвера (1865–1961). Ознакомимся вкратце с предлагаемыми ими энергетическими интерпретациями.

Наименее серьезной и наименее ценной из этих работ является «Коллективная рефлексология» Бехтерева³⁴. Хотя Бехтерев опубликовал в книге несколько ранних ценных исследований, значимость второй ее части с научной точки зрения представляется сомнительной. Объяснение, возможно, кроется в аномальных условиях Русской революции, во время которой была написана его работа. Провозгласив, что «законы надорганических, т. е. социальных, явлений такие же, как и законы неорганических и органических явлений», Бехтерев, предлагая свою интерпретацию социальных феноменов, просто переносит на них все законы, которые можно найти в физике, механике, химии и биологии. Всего насчитывается 23 таких закона, управляющих социальными явлениями: закон сохранения энергии; закон прямо пропорционального соотношения между действием и движущими силами притяжения (отталкивания); равенства действия и противодействия; подобия или гомологии; ритма; инерции; продолжительности движения и изменения; закон энтропии; относительности; эволюции; дифференциации; воспроизводства; выборочной совокупности; исторической последовательности; экономии; адаптации; взаимодействия; компенсации; зависимого отношения и обособленности.

Для того чтобы показать, что означает каждый из этих «законов» в сфере социальных явлений, можно привести два-три примера. Закон сохранения энергии означает, что «каждая личность является аккумулятором энергии», что «духовная личность человека никогда не исчезает бесследно» и что «народный коллектив, создав свою культуру, духовно не умирает»³⁵. Такова сущность данного закона. Закон прямо пропорционального соотношения между движением и движущими силами можно проиллюстрировать следующими фактами: «если мы имеем боевой коллектив в виде войска, то ясно, что при прочих равных условиях всякий прибавок силы дает в результате более скорое достижение цели пропорционально приданной войску силе»; «развитие религиозного движения усиливается при осуществлении всяких религиозных церемоний» и т. д.³⁶ Закон подобия означает, что «общественная организация везде и всюду происходит по одному

³⁴ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921, ч. II, с. 221–420.

³⁵ Там же, с. 225–230.

³⁶ Там же, с. 314–319.

и тому же плану», «исторический ход развития цивилизации всех народов выполняется как будто по одному общему плану»³⁷. Закон инерции проявляется в существовании консерватизма, традиции, привычки, престижа, авторитета и т. п.³⁸ Закон относительности заключается в том факте, что все в социальной жизни относительно, например, «теория конституционного правительства в условиях абсолютной монархии может показаться чересчур радикальной, в то время как та же теория в демократической стране может оказаться чрезвычайно консервативной»³⁹. Этих примеров достаточно, чтобы выяснить общий характер бехтеревского «закона социальной энергетики».

Социальная энергетика Э. Сольве не нуждается в подробной характеристике, поскольку наиболее существенные ее черты, за исключением «позитивной политики», воспроизведены в работе В. Оствальда. Достаточно сказать, что, согласно Сольве, «социальные явления суть не что иное, как сочетание трех факторов: органического, психического и неорганического, последний из которых играет особо важную и основную роль». Жизнь – не что иное, как процесс преобразования энергии. Следовательно, социальная жизнь также не что иное, как «энергетический феномен». По этим причинам общие законы энергетической механики применимы и к социальным явлениям. Социология – это социальная физика или социальная энергетика. Основная задача социологии – «свести все биологические и социальные явления к фундаментальным физико-химическим действиям и реакциям»⁴⁰. Таким образом, человек и общество рассматриваются как «энергетические приборы»; человеческая жизнь и история общества, будучи процессами преобразования энергии, подчиняются законам энергетической механики и особенно законам наименьшего усилия и реализации максимума энергии. Производство, потребление, распределение и ряд других явлений интерпретируются таким же образом. Все это нашло свое яркое отражение в его «Научно-позитивной политике энергетики»^{29*}, в которой предлагаются многочисленные либеральные программы социальных и политических преобразований.

Согласно В. Оствальду (1853–1932), «энергетика может обеспечить социальные науки (Kulturwissenschaften) несколькими фундаментальными принципами, но она не может снабдить их всеми принципами, в которых они нуждаются»⁴¹. В соответствии с этим тезисом Оствальд предлагает свою энергетическую

³⁷ Там же, с. 270–282.

³⁸ Там же, с. 292–307.

³⁹ Там же, с. 230–242^{28*}.

⁴⁰ *Solvay E.* Formules d'introduction à l'énergetique physio- et psychosociologique // Questions d'énergetique sociale. Institut Solvay. Bruxelles, pp. 53 ff., 213 ff. и passim. Систематический анализ «социальной энергетики» Сольве см. в работе директора Социологического Института Сольве Ж. Барниша «Essaie politique positive basée sur l'énergetique social de Solvay» (Bruxelles, 1919, p. 1–186 и passim).

⁴¹ *Ostwald W.* Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaften. Leipzig, 1909, Vorwort. См. также: *Ostwald W.* Die Energien. Leipzig, 1908.

интерпретацию социальных явлений. В обобщенном виде ее можно изложить следующим образом:

1. Любое событие или любое социальное или историческое изменение в конечном счете представляет собой не что иное, как преобразование энергии (лекции 1–2).

2. С энергетической точки зрения создание культуры есть не что иное, как преобразование необработанной (rohe) энергии в энергию полезную (Nutzenenergy). Чем больше коэффициент полезной энергии, достигаемый в ходе такого преобразования, тем значительнее прогресс культуры. Примитивная лампа, например, которая преобразует химическую энергию в световую, дает только около 3% полезной энергии, в то время как более совершенная – 15% или более. По этой причине мы можем утверждать, что замена менее совершенной лампы на более совершенную – это прогресс (лекция 2).

3. Человек – это аппарат для преобразования всех других видов энергии.

4. Адаптация – не что иное, как лучшее возможное использование необработанной энергии и ее преобразование в полезную энергию. Чем выше процент полезной энергии, получаемой таким образом, тем лучше адаптация (лекции 5–7).

5. Общество как совокупность индивидов, работающих вместе ради единой цели, представляет собой устройство для более выгодного использования и более совершенного преобразования необработанной энергии в полезную. Там, где нет порядка и нет регуляции взаимоотношений, а существует только беспорядочная борьба, там происходит бесполезная трата энергии, а ее высокоэффективное преобразование становится невозможным. Благодаря порядку общество получает возможность гораздо лучшего преобразования энергии. Лишь в той мере, в какой общество способствует достижению этой цели, оправдано и его существование. Когда же оно, наоборот, скорее мешает, чем помогает достижению этого результата, теряется всякий смысл его существования (лекция 8).

6. Функции языка, права, коммерции, торговли, производства, наказания, государства, правления и других культурных явлений могут быть выражены с помощью этих же понятий. Они все содействуют лучшему использованию необработанной энергии и предотвращают ее бесполезную трату. На примитивных стадиях культуры эта цель достигалась в очень малой степени, т. к. методы ее достижения были несовершенными. Основные средства поддержания порядка носили принудительный и насильственный характер, что влекло за собой огромную и чрезвычайно непродуктивную трату энергии. Однако с прогрессом культуры методы социального контроля стали менее дорогостоящими (лекции 9–11).

7. Ценность и оправдание любого государства сводятся к наилучшему использованию энергии во благо всех его членов; и чем эффективнее достигается эта цель, тем более оправданным становится его существование (лекция 12).

8. Богатство и деньги суть не что иное, как концентрированные формы полезной энергии. Их накопление служит той же самой цели. Оправдание частной собственности заключается в ее содействии этой цели. Когда она перестает это делать, частная собственность теряет смысл своего существования (лекция 13).

9. Наука – наиболее фундаментальное средство использования энергии. По этой причине она составляет основу цивилизации; это «лучшая кровь и самые глубокие корни любой культуры». Великие изобретатели и ученые должны цениться, потому что они служат этой цели. Отсюда – высокая ценность образования, школ и всех институтов, поскольку они способствуют накоплению, увеличению и распространению научного знания. Отсюда же – необходимость таких условий, как свобода мысли и научного исследования, без которых указанная цель не может быть успешно достигнута (лекция 14).

Таковы костяк и основные положения энергетической интерпретации социальных явлений В. Оствальда.

Похожей является интерпретация цивилизации и социальных процессов, которую предлагает Т. Карвер в своей интересной книге о человеческой энергии⁴². Жизнь индивида и история группы рассматриваются им как процесс преобразования «максимально возможной суммы солнечной энергии в энергию человеческую». Социальный процесс – это преобразование энергии и ее перераспределение, цивилизация – не что иное, как накопление этой преобразованной энергии, а прогресс – все более и более полезное ее использование. Особое внимание автор уделяет энергетической интерпретации «экономических явлений». Здесь он не ограничивает свою задачу простой формулировкой основных принципов, а пытается дать подробный, иногда даже количественный анализ основных экономических явлений с изложенной выше точки зрения. Эта книга в целом лучше многих упомянутых выше работ, и некоторые теоретические построения Карвера действительно представляют собой научную ценность.

Теперь ознакомимся вкратце с «механистическими и энергетическими интерпретациями» Л. Винярского⁴³.

⁴² Carver T.N. *The Economy of Human Energy*. 1924. К этой школе примыкает и работа: Sims N.L. *Society and its Surplus*. New York, 1924. В предисловии и в начале книги профессор Симс очень убедительно излагает энергетическую точку зрения. Однако в дальнейшем, при анализе различных социальных явлений, он оказывается не в состоянии отстоять свое энергетическое «desiderata»^{30*} и делает длинное обозрение социальной эволюции и социальных процессов, в которых энергетическая точка зрения едва просматривается.

⁴³ См.: Winiarsky L. *La Méthod mathematique dans la sociologie et dans l'économie* // *La revue socialiste*. 1894, vol. XX, p. 716–730; Winiarsky L. *Essai d'une nouvelle interprétation de phénomènes sociologiques* // *Ibid.*, 1896, vol. XXIV, p. 430–454; Winiarsky L. *L'équilibre sociale* // *Revista Italiana di sociologia*. 1899, Sept.; Winiarsky L. *Deux théories d'équilibre économique* // *Revue internationale de sociologie*. 1896; p. 904–930; Winiarsky L. *Essai sur le mécanisme sociale* // *Revue philosophique*. 1898, vol. XLV, p. 351–386; Winiarsky L. *L'équilibre esthétique* // *Ibid.*, 1899, vol. XLVII, p. 569–605; Winiarsky L. *L'énergie sociale et ses mensurations* // *Ibid.*, 1900,

1. Для Винярского «социальный агрегат есть не что иное, как система точек, т. е. индивидов, которые находятся в постоянном движении, приближаясь друг к другу или друг от друга удаляясь».

2. «Первопричиной этих движений является притяжение».

3. Подобно химическому родству, это притяжение носит выборочный характер и происходит в определенных границах и направлениях, а именно в сторону получения максимального удовольствия и минимального сопротивления. Феномен социального притяжения или социального взаимодействия имеет под собой, соответственно, чисто механический базис, хотя механическое притяжение среди людей имеет более сложный характер, нежели среди неорганических веществ и, так сказать, обрастает феноменами психическими. Наш выбор друзей и врагов служит примером данного принципа.

4. Тем не менее психические явления сами по себе суть не что иное, как модификации биологической энергии, которая в свою очередь является формой физико-химической энергии. Как свидетельствует «чистая» политическая экономия, по этой причине наш выбор сам по себе подчинен вышеперечисленным законам механики⁴⁴. Притяжение между мужчиной и женщиной – другой пример действия того же принципа. В основе этого притяжения лежит «гравитация» или «химическое родство» сперматозоида и яйца. Оно проявляется во взаимных желаниях молодого человека и девушки, которые они сами не всегда осознают как результат более глубокого побуждения. Подчиняется оно тому же закону максимального удовольствия. Когда это притяжение, которое на самом деле является сексуальным, не получает удовлетворения, тогда, согласно закону преобразования энергии, оно сублимируется в другие психические явления, такие как кокетство, украшение и другие способы сексуальной привлекательности, которые в свою очередь порождают эстетические явления, изящные искусства и поэзию⁴⁵. То же самое справедливо и по отношению к другим основным формам гравитации или притяжения, таким как притягательность пищи. Таким образом, психические явления интерпретируются как форма биологической энергии, которая в свою очередь есть не что иное, как форма энергии физико-химической. Следовательно, «психические и физические явления сводятся к одним и тем же законам механики»⁴⁶.

vol. XLIX, p. 113–134, 255–287. Последние три статьи наиболее важны. О Винярском см.: *Groppali A. Essai récent de sociologie pure // Revue internationale de Sociologie. 1900, p. 425–442, 487–519; Squillace F. Op. cit., p. 107–119; Petre T. Op. cit., vol. II. В качестве своих предшественников Винярский называет Гербарта, Вебера и Фехнера, Дельбёфа, Эджуорта, Госсена, Вальраса, Джевонса, Парето, которые пытались применить математический метод к изучению психических и экономических явлений. Как указывалось ранее в ходе нашего изложения, этот список предшественников Винярского может быть дополнен, по крайней мере, еще несколькими десятками имен.*

⁴⁴ *Winiarsky L. L'énergie sociale, p. 113–115.*

⁴⁵ *Winiarsky L. L'équilibre esthétique, p. 569–573.*

⁴⁶ *Winiarsky L. L'énergie sociale, p. 114–116.*

5. Энергия имеет разные формы и может трансформироваться из одной в другую подобно тому, как, например, потенциальная энергия превращается в кинетическую и *vice versa*. Жизнь – это особая форма физико-химической энергии. Организмы вообще и человеческий организм в частности представляют собой воплощение энергии и механизмы ее преобразования.

6. Преобразование энергии в организме происходит посредством процессов питания и воспроизводства. В сфере жизнедеятельности общий закон механического притяжения проявляется в форме полового влечения и потребности в пище. Любовь и голод являются, так сказать, перводвигателями организмов вообще и человеческих существ в частности, определяя их взаимное притяжение и отталкивание. Человеческие существа ищут прежде всего удовлетворения этих потребностей. Находясь под влиянием этих потребностей, они вступают в разнообразные контакты друг с другом. Этот фундаментальный факт объясняет происхождение всего разнообразия социальных явлений и наиболее сложных форм преобразования энергии социальными группами⁴⁷.

7. «Подобно тому, как пуля, столкнувшись с препятствием, преобразует свою энергию движения во внутреннюю энергию нагревания, свет или электричество, так и хаотическое движение человеческих масс, движимых сексуальным влечением и голодом, когда оно натывается на препятствие, будь то естественная среда или другие группы, которые препятствуют непосредственному удовлетворению указанных потребностей, также превращает энергию голода и сексуальной потребности в экономическую, политическую, юридическую, нравственную, эстетическую, религиозную или интеллектуальную форму. Таким способом жизненная энергия превращается в психическую и социальную»⁴⁸. Эту теорию о том, как возникает энергия голода и любви и как они преобразуются в сложные социально-психологические явления, Винярский впоследствии развил чрезвычайно подробно.

8. Эти процессы преобразования энергии происходят, кроме того, в соответствии с основными законами термодинамики. Во-первых, общее количество энергии в процессе всех преобразований остается постоянным. Во-вторых, те же самые законы термодинамики объясняют такие социальные явления, как изменение, дифференциация, выравнивание, господство и вообще исторический процесс. Если величина тепловой энергии в двух физических системах неодинакова, то передача энергии от одной системы к другой происходит тем интенсивнее, чем больше это различие. Процесс обогривания всегда означает, что происходит переход тепла от более горячей системы к менее горячей. В этом смысле про-

⁴⁷ *Winiarsky L. Essai sur le mécanique sociale, p. 351–386.*

⁴⁸ *Winiarsky L. L'énergie sociale, p. 120.* На основании этой работы, а также статьи «L'équilibre esthétique» можно прийти к выводу, что Винярский заложил основы теории Фрейда значительно раньше, чем это сделал сам Фрейд.

цесс нагревания необратим. С другой стороны, по мере перехода тепла различие в энергомощности двух систем становится все меньше и меньше до тех пор, пока обе системы не станут равными. Это обратимый аспект термодинамических процессов. Таким образом, эти процессы происходят только тогда, когда существует неравенство энергий с тенденцией к установлению равенства или энтропии. Согласно Виньярскому, те же самые основные законы действуют и в сфере социально-психологических явлений. Неравное количество и разная интенсивность энергии, которыми отличаются друг от друга индивиды и группы, объясняют все социальные и исторические события. Эти события суть не что иное, как проявление излучения энергии от индивида к индивиду и от группы к группе. Если бы энергия была равной у всех индивидов, то вся драма человеческой истории не имела бы места. Вместо нее вечно существовало бы мертвое равновесие. Только тогда, когда существует неравенство силового напряжения, возникает движение, изменение, жизнь или история⁴⁹. Точно так же неравное распределение энергии между индивидами и группами ответственно за все социальные явления, такие как неравенство, дифференциация, стратификация, господство и т. п.

Как в термодинамике процесс уравнивания тепловой энергии идет от тела с более высокой температурой к телу с температурой более низкой, так и индивиды или социальные группы с большей социально-психической энергией

⁴⁹ Эта идея была сформулирована К. Леонтьевым задолго до Виньярского. Она лежит в основе критики Леонтьевым уравнивательных и социалистических движений. «Восходящая эволюция организма или общества всегда сопровождается феноменом дифференциации. Его дезинтеграция, напротив, всегда обнаруживает смещение того, что прежде было разрозненным и дифференцированным. Это смещение ведет к ослаблению связей между частями организма или общества и в конечном счете к его уничтожению». Отсюда – леонтьевские «три фазы жизненного цикла любого общества»: период первоначальной простоты, затем период цветущей сложности и, наконец, период уравнивательной дезинтеграции и упадка. В истории современной Европы первый из этих периодов длился примерно до IX в., пока общество оставалось простым. Второй период совпадает с наивысшим расцветом европейской цивилизации между IX и XVII столетиями. «Но с XVII в. Европа вступила в период смещения и уравнивания. Ее величие длилось всего лишь тысячу лет. Тот факт, что в XIX в. она признала равенство как единственное идеальное средство, свидетельствовал о ее истощении и повороте назад – опять к недифференцированной простоте. Но прежде чем она достигнет этого, ей суждено пасть и уступить место другим обществам. Все подлинно великое, прекрасное и прочное было создано, естественно, не посредством всеобщих свобод и равенства, а, наоборот, различиями в правах, социальном положении и возможности получения образования – в обществе, объединенном высшим и священным авторитетом». Уравнивательное движение означает тенденцию к простоте тупа и равновесию смерти. Однако и Леонтьев не был первым, кто выдвинул эту теорию, т. к. похожие идеи еще раньше, в 1869 г., уже были сформулированы Н.Я. Данилевским. Таким образом, они на полвека предвосхитили теории Шпенглера. Фактически все существенные особенности работы Шпенглера являются всего лишь повторением социальных построений Леонтьева и Данилевского. См.: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. 1873; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. 1869 (2-е изд.: СПб., 1871). См. также: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Берлин, 1923.

излучают ее на индивидов или группы с меньшей. Из этого следует, что все явления социальной дифференциации, такие как неравенство, эксплуатация, господство, классовое расслоение и кастовая стратификация, представляют собой не что иное, как проявления общих феноменов энергетического излучения от систем с более высокой к системам с более низкой энергией. Но подобно тому, как в физике передача теплоты приводит к ее постепенному выравниванию во всех участвующих в процессе телах, так и в социальной жизни соответствующая передача влечет за собой возникновение и увеличение социального равенства. «Таково объяснение прогресса свободы и исчезновения монополии и других привилегий во всех сферах социальной жизни». Чем больше неравенство, тем интенсивнее будет процесс уравнивания. Либеральные, социалистические, коммунистические и эгалитарные движения – все являются формами этого фундаментального закона социальной термодинамики. «Даже в первобытных группах спонтанно возникают порядок, власть, закон и социальный контроль; просто потому, что возникающая из неравенства энергия передается в виде господства высшей точки над низшей, но никогда не наоборот. Поскольку излучение энергии происходит таким образом, то обнаруживается тенденция к выравниванию разных интенсивностей; и это продолжается до тех пор, пока не будет достигнуто равновесие, при котором нет таких различий; после чего согласно законам термодинамики все преобразования прекращаются»⁵⁰.

9. Исходя из этого, Винярский логически заключил, что в будущем состояние социальной энтропии – мертвое и неподвижное равновесие – так или иначе наступит в истории человечества, как и в истории всей вселенной. Сейчас уже происходит чрезвычайно интенсивное уравнивание индивидов, классов, каст, рас и т. д. Мы уже находимся в начале долгого процесса социальной энтропии, который заметно проявляется под влиянием социалистических и эгалитарных движений (*Ibid.*, p. 129–133).

10. На основании вышеизложенного он приходит к выводу, что объектом социальной науки является изучение этой энергетической системы людей и предметов, их действий и взаимоотношений, которые подчинены законам механики. Для того чтобы это изучение было действительно научным, оно должно быть не только качественным, но и количественным. Соответствующие явления должны быть измерены. Чтобы можно было это сделать, социальная наука должна иметь единицу измерения наподобие денег, которые являются мерой экономической энергии. Следовательно, деньги (или ценовые единицы) могут служить в качестве единицы измерения всех социальных трансформаций энергии. Причины тому следующие: «Биологическая энергия – центральный двигатель социальных явлений. Проходя через ряд преобразований в виде политических, юридических, моральных, эстетических, интеллектуальных и религиозных явлений, она

⁵⁰ *Winiarsky L. L'énergie sociale*, p. 124–127.

постепенно превращается в энергию экономическую, которая, будучи измерена с помощью денег (золота), служит средством измерения самой биологической энергии. Экономическая энергия играет здесь ту же роль, что и тепловая энергия в механике». Сравнивая социальную полезность (которая является общей формой биосоциальной энергии) материальной или нематериальной ценности с социальной полезностью золота, мы можем получить показатель мощности и количества энергии в социальном объекте; а сравнив его с показателем других объектов, выраженных в той же самой цене золота, мы можем получить некоторые приблизительные количественные данные, необходимые для создания количественной «социальной механики». «Золото – основной социальный эквивалент, воплощение и олицетворение био-социальной энергии. В то же время оно является всеобщим трансформатором: большая часть материальных и нематериальных ценностей может быть произведена посредством соответствующих денежных затрат». Это дает возможность измерять их с помощью самих же денежных единиц. В будущем придет время, когда энергетика признает эту количественную социальную механику⁵¹.

Такова суть теории социальной энергетике или механики Виньярского. Изложенное выше дает представление об основных разновидностях современных школ социальной физики и социальной энергетике или механики⁵². Отложив на

⁵¹ Ibid., p. 262–287.

⁵² Теории, которые отвергают любую психологическую интерпретацию социальных явлений и какое-либо применение «субъективных» терминов и которые используют такие термины, как «социальное напряжение», «напряжение социальных групп» или «энергии социального действия» и т. д., остаются за рамками нашего рассмотрения. Судя по их намерениям, они также демонстрируют склонность к «механистической» или «энергетической» интерпретации социальных фактов, но, как правило, они оказываются не в состоянии справиться с этой задачей. Книги Артура Ф. Бентли «The Process of Government» и «Relativity in Man and Society» (1926) могут служить яркими образцами подобного рода работ. Будучи совершенно прав в своей критике различных психологических объяснений социальных явлений, А. Бентли (см. его *The Process of Government*, 1908, p. 7–8, 17–18, 35–37, 50–51 ff. и *passim*) в конструктивном плане не может сохранить присущие ему объективизм и физикализм при интерпретации социальных феноменов. В конце концов он сводит свое понятие «напряжения» к «интересам» и тем самым снова вводит в социологическую интерпретацию те самые «психические и субъективные факторы», которые он так энергично атаковал в первой части своей работы. То же самое верно и по поводу его новой работы «Relativity in Man and Society» (1926). Помимо того, что Бентли не вполне удачно применяет математическую теорию относительности в социальной науке, «реформирование» социологии, предпринятое им в этой книге, носит скорее не фактический, а чисто терминологический характер. Для любого серьезного сторонника объективизма в социологии неприемлемы ни «интересы» Ратценхофера, ни «формы» Зиммеля, ни «социальный разум» и «коллективные представления» Дюркгейма в качестве основных объясняющих принципов объективной социальной науки. Очевидно, что эти принципы являются чисто субъективными и носят тот же самый характер, что и «аффекты» Г. Спенсера или «интересы» А. Смолла, которые сам Бентли подверг столь суровой критике. Несмотря на это, словно бы забыв об этой своей критике, Бентли в своей

некоторое время анализ трудов В. Парето, которые заслуживает гораздо большего внимания, кратко обсудим научную ценность вышеупомянутых теорий.

5. Критика

Безусловно, планы социальной физики, социальной энергетике или социальной механики, подобные тем, которые выдвигают вышеупомянутые авторы, выглядят соблазнительно. Действительно, что может быть величественнее социальной механики, которая с помощью ряда математических формул раскрывает тайны самых загадочных драм человеческой истории! Какая еще дисциплина может оказаться более научной, чем та, которая успешно демонстрирует, что все сложные явления человеческого поведения, социальных отношений и социальных процессов есть не что иное, как простая разновидность физических явлений, подчиняющихся одним и тем же законам и точно описываемых ими! Что может быть привлекательнее и соблазнительнее подобного рода теорий! И все же, если мы возьмем вышеописанные теории и попытаемся спокойно проанализировать их вклад в науку, то испытаем глубочайшее разочарование. Откровенно говоря, я думаю, что все вышеописанные теории внесли незначительный вклад в научное понимание социальных явлений. Я убежден, что они предлагают лишь ряд поверхностных аналогий и что когда они пытаются свести социальные явления к физическим, то искажают и ложно интерпретируют не только социальные явления, но и законы физики, механики, энергетике, а также и логики. Я понимаю, что такая критика выглядит чересчур суровой, и все-таки она мне кажется вполне справедливой. Причины следующие:

А. Прежде всего, *эти теории нарушают логический закон обязательного соответствия логического субъекта логическому предикату в логическом суждении*. Если я говорю: «Человеческое существо – это животные с двумя глазами», –

новой книге отзывается о них с большим одобрением, тем самым еще раз демонстрируя, что его «объективизм» носит чисто словесный характер. С еще большим основанием то же самое можно сказать и о некоторых других теориях, которые критикуют «психологизм» и «субъективизм» в социологии, ратуют за «объективную социологию» и в то же время обильно используют такие выражения, как «социальное напряжение». Большинство из них, однако, от начала и до конца оказываются «субъективными», «умозрительными» и «психологическими». Их «социальные напряжения» остаются туманными даже для самих авторов. Как только они начинают «что-то интерпретировать», «субъективизм» и «психологизм», категорически отвергаемые ими до этого, сразу появляются под слегка измененными названиями, такими как «психосоциальное окружение», «психосоциальные факторы» и т. п. В результате такие работы не имеют положительных качеств ни сугубо психологической интерпретации, ни даже чисто объективных, механистических или бихевиористских интерпретаций, зато обладают всеми недостатками и тех, и других. Их цель – построить объективную социологию – так и остается всего лишь «*ria desideria*».

то мое суждение в каком-то отношении справедливо, поскольку люди действительно имеют два глаза; но с точки зрения логического соответствия оно ложно, т. к. не только люди, но и многие другие животные имеют два глаза. Логический предикат «животное с двумя глазами» относится здесь к классу «человеческое существо», который гораздо уже, чем класс животных, действительно имеющих два глаза. Отсюда возникает логическое несоответствие в суждении. С другой стороны, если я говорю: «Человеческое существо – это животное, которое бреет свои бакенбарды», – то мое суждение опять-таки будет несоответствующим, потому что есть люди без бакенбард (женщины) и те, которые их не бреют. Здесь логический предикат относится к логическому субъекту, который фактически гораздо шире, чем указано в приведенном суждении. Эти примеры иллюстрируют два вида логического несоответствия в суждениях: одно, когда логический предикат относится к логическому субъекту, который фактически гораздо уже, и другое, когда на самом деле существует более широкий класс, чем те классы (логические субъекты), к которым относится характеристика предикатов суждения. Все суждения такого рода ненаучны, а самые распространенные ошибки разных гипотез и теорий состоят как раз из этих двух типов несоответствия; все более совершенные научные обобщения сводились к тому, что происходила замена менее адекватных логических суждений суждениями более адекватными. Теория Коперника лучше птолемеевой, потому что более адекватна. Ньютоновские законы механики лучше, чем законы Кеплера, по той же причине.

«Далеко не все безукоризненные с общелогической точки зрения классовые понятия и классы могут иметь значение и ценность в науке как таковой. Например, относительно классов “сигары в десять лотов весом” или “собаки с длинным хвостом и короткой шеей” и т. п. можно было бы высказать столь большие массы “истин”, что их изложение составило бы многие толстые тома. Относительно сигар, весящих 10 лотов^{51*}, можно, например, утверждать, что они подвержены земному притяжению, падают по таким-то законам, что они подвержены расширению и проч.; далее, можно высказать множество истинных положений относительно их химического состава. Следующие тома нашей воображаемой “науки о сигарах весом в 10 лотов” можно было бы наполнить истинами биологического характера, затем истинами специально ботанического характера и т. д. Такого же рода обширные “науки” могли бы быть образованы относительно “собак с длинным хвостом и короткой шеей”, относительно “оловянных солдатиков” и т. п. Но такие “науки” были бы пародией науки».

«Они, – правильно заключает Петражицкий, – были бы наглядным образцом того, как не следует образовывать теории»⁵³.

⁵³ Превосходный анализ принципа логического соответствия субъекта и предиката см. в работе: *Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности. СПб., 1907. См. также: *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909.

«Ненаучность подобных теорий состояла бы в неадекватности их, а именно в том, что высказываемое в них логическое сказуемое было бы отнесено к неподходящим, слишком узко очерченным классам, между тем как оно правильно и должно было бы быть отнесено к более обширным классам; например, положение об инерции, о притяжении к земле и т. д. высказаны только относительно сигар, да еще почему-то относительно “сигар весом в 10 лотов”, между тем как речь идет о том, что в действительности относится ко всем физическим телам, т. е. к гораздо более обширному классу предметов. Такие теории затемняют существо дела и способны вводить в заблуждение, создавая ошибочное предположение, будто то свойство, которое приписано объектам данного класса, представляет особенность этих предметов, нечто им специально принадлежащее»⁵⁴.

«Так как разнообразию комбинаций предела нет, силы же памяти ограничены, то в конце концов избыток таких теорий и таких “наук” оказался бы для нас тяжелее, нежели их недостаток»⁵⁵.

То же самое с соответствующими видоизменениями можно сказать и о теориях, в которых логический предикат (характеристики) относится к более обширному классу явлений, чем к тому, к которому он на самом деле принадлежит. Такими, например, являются следующие суждения: «Все организмы имеют две руки», «Все человеческие существа являются римскими католиками», «Все американцы – блондины», «Все профессора – гении», «Все монархи жестоки» и т. д.

Из вышеизложенного, надеюсь, понятно, что я имею в виду под «логической неадекватностью» суждения или теории. Теперь нетрудно понять и то, почему вышеперечисленные энергетические и механистические теории не являются адекватными. Во-первых, они представляют собой разновидность вышеупомянутой псевдонаучной теории о «сигарах весом в 10 лотов». Законы физической механики не утверждают, что они применимы ко всем материальным телам, за исключением человеческих. Они применимы и к человеческим телам, и ко всем другим социальным объектам физического свойства. Поэтому нет смысла создавать специальные теории «социального притяжения», «социальной инерции», «закон социальной энтропии» или какой бы то ни было другой закон физической механики и настаивать на них. «Механицисты» пытаются ломиться в открытую дверь. Законы физики, механики и химии применимы ко всем социальным объектам физического свойства, и нечего поднимать шум по поводу создания «человеческой физики», «человеческой гравитации» или «человеческой химии». Подобные попытки – не что иное, как стремление создать «физику, химию и механику собак с длинным хвостом и короткой шеей». В этом отношении рассмотренные нами теории неадекватны и, стало быть, ущербны.

⁵⁴ *Петражицкий Л.* Цит. соч., с. 72–77 и passim.

⁵⁵ *Чупров А.* Цит. соч., с. 1–20 и pssim.

Но одна разновидность неадекватности в теории обычно влечет за собой другую, что мы и наблюдаем в механистических теориях. Пытаясь интерпретировать человека и социальные явления в свете принципов механики или общей энергетики, они не считаются с рядом специфических характеристик социальных явлений, которые принадлежат только миру людей и не свойственны другим физическим, химическим или энергетическим явлениям. В результате «отождествления» социальных и физических явлений выдвигаемые этой школой теории приписывают физическим явлениям ряд человеческих характеристик (антропоморфизм) и не учитывают в социальных явлениях ряд специфических черт. Поэтому законы механики искажаются, их «природа» становится «антропоморфной», а существенные особенности социальных явлений остаются незамеченными и даже незатронутыми.

Возможно, это и правда, что социальный инстинкт – не что иное, как разновидность физической гравитации; тем не менее можем ли мы сказать, что любой феномен притяжения, например Земли и Луны, является «социальным инстинктом»? Возможно, это и правда, что, как пишет Воронов, «социальные явления ассоциации и кооперации – не что иное, как сложение и умножение сил»; но означает ли это, что каждый случай сложения и умножения сил, изучаемый механикой, оказывается социальным явлением кооперации и ассоциации? Очевидно, нет. А раз так, то какая разница между социальной кооперацией и ассоциацией и другими случаями сложения и умножения сил, изучаемых механикой? В рассмотренных нами теориях мы не находим какого-либо ответа на эти вопросы. Может быть, и правда, что война и социальная борьба являются разновидностью «вычитания сил», но означает ли это, что каждый случай вычитания сил, изучаемый механикой, является войной и социальной борьбой? Если правовые феномены суть явления «соотношения и координации сил», то чем отличается это «соотношение сил» от соотношения сил между грузом А и грузом В, находящимися на концах рычага? Несмотря на то, что второй случай тоже является «координацией сил», он, безусловно, не относится к сфере права. Энергетики утверждают, что рассеяние теплоты благодаря лучеиспусканию и преступления представляют собой одинаковый феномен «утечки» энергии. Однако означает ли это, что всякое рассеивание теплоты и любая трата энергии являются «преступлением»? В. Оствальд, возможно, и прав, когда говорит, что язык, право, торговля, государство, культура, правление и другие социальные явления – не что иное, как превращение «сырой» энергии в полезную. Тем не менее означает ли это, что любой случай подобного превращения, изучаемый физической механикой, оказывается феноменом языка, права, правления и т. д.? Очевидно, нет. Если же нет, то в чем разница между преобразованием энергии солнечного тепла или механическим движением ветра и данными феноменами культуры? Возможно, богатство и деньги – не что иное, как сконцентрированная полезная энергия.

Следует ли из этого, что любая сконцентрированная энергия (например, энергия вулкана) является богатством или деньгами?

Вышесказанное демонстрирует другую сторону логической неадекватности критикуемых нами теорий. Они изучают социальные феномены только как чисто физические проявления. Все, что есть специфического в социальных фактах, и все, что отличает их от неорганической субстанции, фактически исключено из сферы изучения. Человеческие существа просто-напросто перевоплощаются в чисто физическую массу; факты социальной жизни, человеческое поведение, героизм, преступление, любовь, ненависть, борьба, кооперация, организация, этика, религия, искусства, литература и т. д. – все они трансформируются в чисто «физическую массу», и изучению подлежит только ее трансформация и «движение». Таким образом, все специфическое в социальных явлениях оказывается утраченным, остается незамеченным и не анализируется. Это означает, что социальная физика и энергетика бесполезны, потому что они не изучают социальные явления как нечто специфически отличное от «физической массы» и «ее движения». Они бесполезны еще и потому, что в качестве физической массы человеческие существа изучаются физикой, химией и механикой и нет причины для существования еще какой-то социальной физики и механики, делающей то же самое.

Этот вывод останется в силе даже в том случае, если удастся показать, что человеческие существа и их взаимоотношения являются просто комбинацией электронов. Даже и в этом случае «человеческая» комбинация электронов останется специфической, отличающейся от любой комбинации в неорганическом или органическом теле и делающей необходимым ее отдельное изучение⁵⁶. Таким образом, монизм обсуждаемых теорий вводит в двойное заблуждение: он не считается со всеми специфическими характеристиками социальных явлений и в то же время приписывает общим физическим явлениям некоторые характеристики, которые не имеют к ним отношения, а скорее только к царству людей и социальных явлений. Вот в чем заключается главный недостаток этих теорий.

В. Вышеизложенное вполне подтверждается фактическими обобщениями, предлагаемыми социальными физиками, механиками и энергетиками. Возьмем, к примеру, закон социальной гравитации Кэри. На первый взгляд он кажется чем-то довольно ценным, но даже поверхностный анализ показывает его полную несостоятельность. Фактическое изучение роста и упадка городов не подтверждает утверждения Кэри. Города не «притягивают» человеческие молекулы прямо пропорционально массе и обратно пропорционально расстоянию. Любой статистик, который стал бы прогнозировать степень роста (или, наоборот, уменьшение размера) города, опираясь на этот закон, оказался бы обречен на неудачу.

⁵⁶ Подробное рассмотрение этого вопроса см. в книге: *Сорокин П.А. Система социологии*, т. 1, с. 7–10.

Этот закон вообще не объясняет, почему в каком-то месте, прежде необитаемом, в какой-то момент времени возникает и начинает стремительно расти город, не объясняет он и того, почему начиная с какого-то периода этот город перестает расти и приходит в упадок. Короче говоря, закон совершенно бесполезен для объяснения реальных фактов концентрации и рассеивания населения. Очевидно и то, что другие случаи «отождествления» физических и социальных законов, предлагаемые Кэри, не представляют собой ничего, кроме забавных аналогий, научная ценность которых равна нулю. Они не объясняют и не могут объяснить чего-либо в реальном развитии социальных процессов.

«Законы» Бехтерева – не что иное, как карикатура на научные законы, искажающая подлинный смысл законов физики и химии, равно как и социальных фактов. Такой же вывод следует сделать и относительно теоретических построений Сольве, Оствальда, Харета, Портуэндо-и-Барсело, Винярского и др. Поскольку они просто повторяют положения физики, механики и химии, они представляются бесполезными, а в некотором смысле и вводящими в заблуждение, т. к. дублируют истины этих научных дисциплин. Поскольку они пытаются отождествить законы физики и механики с законами социальными, то представляют всего лишь неудачные аналогии, которые не объясняют и не могут ничего объяснить в сфере «социальной механики». Сказать, что «первопричиной движения индивидов является притяжение», – значит высказать нечто такое, чего нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Сказать, что всеобщее явление тяготения включает в себя такие формы, как аппетит и сексуальное влечение, – значит провести бессмысленную и ненаучную аналогию. Если бы эта аналогия была хорошо обоснована, то мы должны были бы ожидать, что сексуальное влечение и потребность в пище находятся в прямо пропорциональной зависимости от массы и в обратно пропорциональной зависимости от расстояния (до пищи или до объекта сексуального влечения). Очевидно, что нет никаких оснований для подобного абсурдного утверждения, и аналогия, следовательно, безосновательна. Отождествлять движение за всеобщее равенство (которое, кроме того, и изображается неверно) с энтропией или социальную дифференциацию с дифференциацией в термодинамике – значит предлагать более чем странную и бесполезную аналогию – аналогию, которая никак не объясняет, почему возникают и изменяются такие явления, как равенство и дифференциация. Пусть кто-нибудь попытается «объяснить» с помощью этой аналогии происхождение и развитие кастового режима или «демократического движения» в любой стране и в любое время. Взятый за такое дело исследователь сразу же обнаружит, что принципы термодинамики Винярского не работают вообще и ни в малейшей степени не помогают понять эти процессы и их развитие. Возьмите любую закономерность, которую предлагают представители этой школы, и попробуйте применить ее для

объяснения какого-либо социального явления. Результаты будут такими же, ибо они и не работают, и ничего не объясняют. Некоторые представители школы настаивают на количественном изучении социальных явлений, но ни один из них не вывел ни одной количественной формулы, не предложил коэффициента корреляции между двумя или более социальными процессами. Правда, они заимствовали и воспроизвели в своих статьях несколько формул механики, но, увы, сами они не знают ни как их применять, ни как их использовать при рассмотрении социальных фактов. Так как пока не было найдено ни одной единицы для измерения «социальных сил», все эти формулы следует рассматривать просто как упражнение в копировании формул механики и ничего больше. Фиктивный характер всех этих формул продемонстрировал сам Винярский. Когда после всех своих многообещающих утверждений и формул он приступает к проблеме измерения социальных феноменов, выясняется, что все, что он может предложить, это статистическое изучение и статистическое сравнение различных социальных явлений, несмотря на все принципы и формулы социальной механики.

«Для иллюстрации возьмем поведение людей и спросим себя: объяснимо ли поведение индивидов А, В, С, D... законами механики? Сводятся ли бесчисленные акты, которые каждый из них совершает, к принципу инерции и закону тяготения? Можно ли посредством их плюс законы рычага плюс остальные принципы механики, можно ли этими принципами объяснить “движения” А, вступающего в брак, В, идущего в суд, С, умирающего на баррикаде, и т. д.? Способны ли эти принципы пролить свет на явления религиозные, политические, эстетические и т. д.? [Могут ли они объяснить, почему история одного народа развивается так, а другого – совсем иначе?] Стоит только поставить такие вопросы, как сразу же станет понятным, что, увы, наука еще бесконечно далека от возможности сведения указанных явлений к простым физико-механическим процессам. Не только общественное поведение людей, но самые элементарные поступки индивида пока что не объяснимы законами физической механики. Вот почему приходится быть в этом отношении скромным и не предьявлять смелых, но утопических претензий. Такая смелость вместо уважения делает их авторов смешными»⁵⁷.

Всего вышеизложенного достаточно для того, чтобы показать ошибки школы. Несмотря на ее заманчивый характер, она не предоставила ничего достаточно ценного для науки после социальной физики XVII в. Только косвенным образом она внесла свой вклад в социальную науку, особенно если речь идет о вкладе социальной физики XVII столетия. Этот вклад состоит в том, что школа пыталась проводить количественное и причинное исследование социальных фактов, настойчиво и претенциозно рассматривала социальные процессы «механистически». Это оказало влияние на социальную науку и облегчило количественное

⁵⁷ Сорокин П.А. Цит. соч., с. 8.

и причинное исследование социальных явлений. Помимо этого вклада современная социальная механика, физика и энергетика не создали ничего выдающегося или ценного. Только дальнейший значительный прогресс в социальной науке сможет предоставить реальное основание для будущей социальной механики, но, возможно, она будет радикально отличаться от сегодняшней «социальной механики», которая представляет собой просто перенос понятий и законов физической механики в сферу социальных явлений.

6. Вильфредо Парето⁵⁸ и другие

Концепция Парето о соотношении специальных наук и социологии

Еще до Виньярского и многих других представителей социальной механики Парето вслед за работами Госсена, Вальраса, Джевонса, Курно и Эджуорта создал свою теорию «чистой экономики», или по-другому – чистой социальной науки, которая соответствует «рациональной механике» в ее связи с социологией.

«В рациональной механике изучаются два вида движений: реальные и предполагаемые. К первым из них относятся те, которые на самом деле имеют место в действительности, ко вторым – те, которые должны иметь место при определенных условиях, обозначаемых как гипотетические, и помогают нам понять особенности реальных движений... Изучение реальных движений должно быть почти полностью описательным, тогда как изучение предполагаемых движений носит в основном теоретический характер. Первое может быть синтетическим, последнее – аналитическим. Человеческий интеллект не может плодотворно изучать разные явления одновременно, мы должны рассматривать их поочередно. Из этого следует абсолютная необходимость в изоляции, более или менее произвольной, разных частей явления и в изучении их отдельно, с тем чтобы впоследствии их можно было воссоединить в единую цепь и получить синтетическое знание о реальном явлении.

...Чистая политическая экономия соответствует рациональной механике».

Подобно ей, чистая политическая экономия должна упрощать сложную реальность и иметь дело с простейшими изолированными условиями и простейшим homo-economicus (предполагаемое экономическое явление) для того, чтобы сделать возможным их аналитическое изучение. В процессе такого изучения человеческие существа должны рассматриваться просто как гедонистические молекулы, подобно тому, как в рациональной механике сложные твердые тела рас-

⁵⁸ Родился в Париже в 1848 г. в итальянской семье, умер в 1923 г. Профессор экономики и социологии университета Лозанны в Швейцарии. Биографию Парето см. в: *Pantaleoni M. In occasione della morte di Pareto // Giornale degli Economisti. 1924, № 1–2.*

смаатриваются просто как материальные точки. Когда такое изучение закончено, наступает синтетическая стадия, на которой все аналитические данные чистой экономики и других чистых наук объединяются с целью объяснить реальные сложные социальные явления. Хотя человек всегда остается homo-ecconomicus, в действительности же он – нечто гораздо более сложное, чем гедонистическая молекула. Мы должны принять во внимание его аффекты, инстинкты, предрассудки и т. д. Для того чтобы объяснить реальное сложное экономическое явление, мы должны принять во внимание все существенные факторы, которые мы опустили в нашей «чистой экономике», но которые в действительности существуют и влияют на «чистое экономическое явление». Единственная наука, которая использует выводы чистой экономики и других чистых социальных наук и обобщает их, – это социология. Таким образом, поскольку чистая экономика начинает все больше и больше принимать во внимание все существенные свойства человеческой природы и становится тем самым на путь синтеза, она во все большей степени становится социологией как синтетической наукой о реальном человеке и реальных социальных явлениях⁵⁹.

То же самое можно сказать и по поводу любой специальной чистой науки. Именно таким образом Парето из «чистого экономиста» стал социологом. Как и методы рациональной механики, методы чистой экономики носят, по сути дела, математический характер. Математическими или функциональными являются и методы синтетической социальной науки – науки, изучающей взаимозависимость различных социальных явлений (об этом подробнее см. ниже). Это дает представление о «чистой экономике» Парето и других «чистых социальных науках», а также их отношении к социологии. Эти идеи были блестяще реализованы Парето в его работах по экономике⁶⁰. Они принесли ему вполне заслуженную славу и авторитет в области математической экономики, оказавшей большое влияние на Виньярского и других приверженцев механистической школы в социологии. Таким образом, Парето стал родоначальником этой школы в современной социологии, почему я и намерен рассмотреть его учение в настоящей главе.

Тем самым я вовсе не утверждаю, что социология Парето чем-то напоминает примитивные построения «социальной механики», рассмотренные выше. Парето был слишком оригинальным и серьезным мыслителем для того, чтобы удовлетвориться вышеуказанными ребяческими «механическими аналогиями».

⁵⁹ *Pareto V. Il compito della sociologia fra le scienze sociali // Rivista Italiana di sociologia. 1897, July; Pareto V. I problemi della sociologia // Ibid., 1899; Pareto V. Un applicazione di teorie sociologiche // Ibid., 1900; Pareto V. Traité de sociologie générale. Paris, 1919, vol. II, §§ 2009–2024.*

⁶⁰ См.: *Pareto V. Cours d'économie politique. Lausanne, 1896–1897; Pareto V. Les systèmes socialistes. Paris, 1902–1903; Pareto V. Manuale di economia politica. Milano, 1906;* и целый ряд статей Парето, опубликованных в ведущих итальянских, французских и швейцарских экономических и социологических журналах.

Продвигаясь от чистой аналитической экономики ко все более и более синтетическому изучению реального (сложного) социального явления, он остается «механицистом» лишь настолько, насколько «механистический метод» означает, согласно К. Пирсону, наиболее точное и самое краткое описание изучаемого явления. Во всех других отношениях социология Парето имеет очень мало общего с указанными выше «механистическими теориями». Краткое изложение социологических концепций Парето представлено в двух больших томах «Trattato di sociologia generale», опубликованных в Италии в 1915–1916 гг. (переведены на французский язык в 1917–1919 гг.) и в его «Les systèmes socialistes»; оба эти издания являются наиболее важными из всех его социологических работ. «Trattato» – не учебник. Этот труд не имеет ничего общего с работами обычного типа, в заголовке которых присутствуют слова «Принципы», «Основания» или «Общесоциологические теории». Трактат Парето – это продукт оригинального и выдающегося научного ума. Считается, что он столь же оригинален и значителен, как трактаты Вико и Макиавелли⁶¹. Если согласиться с такой оценкой, то выдающаяся ценность работ Парето окажется вне всякого сомнения. Вне сомнения и то огромное влияние, которое оказал Парето на итальянскую и французскую экономическую и социологическую мысль, равно как и на политическую мысль и политическую жизнь Италии. Как известно, многое в идеологии итальянского фашизма заимствовано из теоретических построений Парето. О выдающемся характере его теорий свидетельствуют и те социалистические и антифашистские авторы, которые называют его «Карлом Марксом буржуазии». Таковы общие характеристики Парето. Теперь обратимся к его «Трактату». Как почти все авторы, пишущие о Парето, я должен сделать одну важную оговорку. Его «Трактат» написан таким тяжелым языком, а материал распределен столь беспорядочно, что невозможно вкратце дать о нем полное представление⁶². Эту работу следует читать в оригинале. Даже самый лучший анализ будет

⁶¹ См. цитированную статью Р. Михельса об итальянской социологии и работах Парето в «Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie» (1924, July–August) и ту же самую статью в «Revue internationale de Sociologie» (1924, p. 518–530); Bousquet G.H. V. Pareto // Revue internationale de Sociologie. 1924, p. 113–117; Bousquet G.H. Grundriss der Soziologie Paretos. 1926; Carli F. Paretos soziologisches System und der Behaviorismus // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. IV. Jahrgang, 3 und 4 Heft; Borgatta G. L'Opera sociologica e le feste giubilary di V. Pareto. Torino, 1917; Jubilé du V. Pareto. Lausanne, 1920 (издание университета Лозанны, где Парето был профессором)^{32*}; специальный номер «Giornale degli Economisti» (1924, № 1–2), посвященный Парето и составленный из статей Р. Михельса, М. Панталлеони, Э. Бароне, Д. Дель Веккьо, Р. Бенини, Э. Чиккотти и других известных экономистов и социологов^{33*}.

⁶² Буске правильно отмечает: «Trattato est aussi mal rédigé que possible... L'abondance des preuves experimentales nuit à la clarté de démonstration, les sujets sont abordés sans aucun esprit de suite, et le lecteur ne comprend pas où il va» (Bousquet G.H. V. Pareto // Revue internationale de Sociologie. 1924, p. 116)^{34*}. Ср.: Barone E. L'opera di V. Pareto e il progresso della scienza // Giornale degli Economisti. 1924, p. 22. Существует краткое изложение «Трактата» Парето, сделанное Фариной, но даже оно не дает адекватного представления о его работе.

лишь ее бледной тенью⁶³. Единственное, что я могу сделать здесь, – это дать как раз такую тень основных идей Парето.

Что понимает Парето под научной социологией

Под научной социологией Парето понимает «логико-экспериментальную науку», основанную исключительно на наблюдении фактов и экспериментах с ними. Ни рассуждения, ни спекуляции, ни нравоучения – ничто из того, что выходит за пределы фактов или не описывает их закономерностей и качеств, не может быть составным элементом логико-экспериментальной социологии. Другими словами, ни один априорный элемент или принцип не должен входить и не допускается в социологию. Положения и утверждения такой социологии суть не что иное, как описание фактов и их закономерностей. Как таковые они никогда не бывают абсолютными, а лишь относительны и подвержены изменению по мере того, как обнаруживаются новые факты, демонстрирующие их неточность. Такие категории, как «необходимость», «неизбежность», «абсолютная истина» или «абсолютный детерминизм» и т. д., находятся вне сферы науки подобного рода. Ее положения носят лишь более или менее вероятностный характер, будучи основанными на принципах теории вероятности и подлежащими измерению согласно ее правилам. Ничто из того, что находится вне сферы наблюдения или эксперимента, не может быть объектом такой науки. Логико-экспериментальной социологии нечего сказать о таких проблемах. Ни сущность, ни абсолютный принцип, ни абсолютная ценность, ни моральная оценка – ничто из того, что лежит вне сферы наблюдения и экспериментальной проверки, не может стать компонентом «логико-экспериментальной социологии».

До сих пор почти ни одна социологическая теория не содержала в себе подобных логико-экспериментальных положений. В той или иной степени они всегда были догматическими, метафизическими, не логико-экспериментальными, а абсолютными и «морализирующими». Обычно они переступали границы фактов, наблюдения, эксперимента и даже логики. С этой точки зрения «социологии» Огюста Конта и Герберта Спенсера почти столь же ненаучны, как и те теологические и религиозные учения, которые они подвергали критике. Под иными названиями почти все социологические учения внедряли в свои теоретические построения те же самые «сверхфактические и сверхэкспериментальные сущно-

⁶³ В этом отношении труд Парето напоминает одну из работ другого выдающегося социолога и экономиста – Макса Вебера. Несмотря на совершенно разные отправные точки и терминологию, методологические выводы обоих авторов (в сфере социологии) весьма похожи. Так как наиболее важная работа М. Вебера относится к проблеме религии, то его теорию уместнее будет рассмотреть в главах, посвященных социологии религии.

сти» (нравственную оценку, догматизм, «религию Прогресса и Эволюции», религию «Позитивизма» и т. д.), которые являются не чем иным, как «сущностями» и «абсолютами», лежащими за пределами наблюдения и составляющими предмет критикуемых ими религиозных учений, только в слегка измененной словесной оболочке. Социологические теории о «Религии Человечества»^{35*}, «Религии Солидарности» или «Демократии»; концепции «Прогресса», «Социализма», «Эволюции», «Братства», «Свободы», «Справедливости», «Равенства» и т. д.; теории, которые проповедают, что должно быть, а что нет; теории, которые определяют, что есть добро или зло; разного рода «законы» эволюции и развития – все эти теории и положения, столь часто встречающиеся в современной социальной и социологической мысли, являются ненаучными, как и любая «теология», потому что они суть не что иное, как ее модификации. Кроме того, они не имеют в своей основе фактов или наблюдений и не описывают характеристики и закономерности фактов, но догматически предписывают, что должно быть, или постулируют некоторые сущности, лежащие вне наблюдения и эксперимента⁶⁴.

Такова вкратце концепция логико-экспериментальной научной социологии Парето. Нетрудно заметить, что она напоминает концепции А. Курно, Э. Маха, Р. Авенариуса, А. Пуанкаре, А. Рея, П. Дюгема, К. Пирсона, А. Чупрова, Ф. Эрикеса, отчасти – Г. Файхингера и М. Вебера⁶⁵, а также некоторых других видных представителей и теоретиков современной науки. Это не означает, что Парето не признает полезности не логико-экспериментальных теорий и мнений, напротив, он в большей степени, нежели кто-либо другой, настаивает на том, что «ненаучные» (или не логико-экспериментальные) теории очень часто бывают полезны и необходимы в жизни общества, в то время как логико-экспериментальные часто бывают социально вредны. Таким образом, Парето разделяет категории «истины» и «бесполезности». Если, однако, он без сожаления исключает все не логико-экспериментальные положения из сферы науки, то делает он это только для того, чтобы избежать смешения науки с другими формами социальной мысли.

Количественное описание функциональной взаимосвязи социальных явлений вместо односторонней причинности

Следующая важная составляющая методологии Парето – это критика концепции односторонней причинности и ее использования при изучении социаль-

⁶⁴ См.: *Pareto V. Traité de sociologie générale. Paris, 1917, vol. I, p. 1–64.*

⁶⁵ М. Вебер, исходя из совершенно иной точки зрения, также приходит к заключению, что социологические закономерности есть не что иное, как «Erwartungschancen» или типичные вероятностные ожидания. См.: *Weber M. Wirtschaft und Gesseschaft. Grundriss der Sozialökonomik. 1921–1922, Bd. III, S. 14; Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 1922, S. 420, 444–446.*

ных явлений. Понятия «причины» и «следствия» предполагают отношение односторонней зависимости между двумя (или несколькими) явлениями. На самом деле в отношениях между разнообразными социальными явлениями такой связи почти никогда не бывает. Как правило, они взаимозависимы. Если, например, свойства членов общества влияют на его социальную организацию, то последняя, в свою очередь, тоже на них влияет. По этой причине концепция односторонней причинно-следственной зависимости не может использоваться при научном подходе к изучению социальных явлений. Когда же она используется, то обнаруживает либо ложность «упрощенческой» теории, либо ее «кинематографический» характер. Под ложностью «упрощенческой теории» я имею в виду следующее. Возьмем какое-нибудь общество. Его характер и равновесие зависят от: А) географической среды, В) экономической ситуации, С) политической конституции, D) религии, E) этики, знаний и других факторов. Все эти переменные взаимозависимы и влияют друг на друга. Благодаря этому взаимодействию они постоянно изменяют характер общества и его равновесие. Стало быть, мы имеем взаимозависимость этих «переменных» и динамическое равновесие общества, которое может всегда переходить из одного состояния:

A, B, C, D, Eв другое
A', B', C', D', E'.....
A'', B'', C'', D'', E''и т. д.

Теоретик-«упрощенец» берет элемент А как причину и пытается рассмотреть В, С, D и E как его «следствия»⁶⁶. Другие упрощенцы могут взять элемент В, С или D как «причину» и попытаться рассмотреть остальные элементы как его следствия. Таким образом мы могли бы получить и действительно получили массу самых разных противоречащих друг другу учений, которые представляют собой упрощенный тип социальной теории (все они, будучи теориями односторонними, пытаются объяснить всю социальную жизнь с помощью географического, расового, экономического, политического или какого-нибудь другого фактора). В результате подобной процедуры теория неизбежно становится односторонней, ее обобщения – неадекватными, диагнозы – ложными, а формулы – неправильными; нечего и говорить о бесполезности тех баталий, которые ведут между собой разные упрощенческие теории.

⁶⁶ Фюстель де Куланж, например, пишет: «Домашняя религия научила человека делить землю своей собственностью и обеспечила ему право владения землей»^{36*}. Парето показывает, насколько ошибочно это утверждение и насколько идея причины (вместо взаимозависимости) ответственна за эту ошибку (*Pareto V. Traité de sociologie générale*, vol. I, p. 254–255). Таким же образом он рассматривает ряд аналогичных «причинных теорий» О. Конта, Г. Спенсера, Г.С. Мэна, Дюруи, Дж.Ст. Милля и др. и убедительно показывает их ошибочный характер, обусловленный той же самой причиной (*Ibid.*, §§ 256 ff.). Поэтому он прав, когда утверждает, что большая часть многочисленных антропологических и этнографических «объяснений» неудовлетворительна.

Теперь о том, что понимается под ложностью «кинематографической» теории. Социологи наблюдают и описывают переход А в А', А'' и т. д., переход В в В', В''; переход С в С', С''... точно так же, как нам показывают кадр за кадром в кинематографе. Этот переход кинематографические теории описывают под названием «эволюция». Этим описанием они ограничивают свою задачу и полагают, что все необходимое для проведения научного исследования выполнено. Ложность подобных теорий, даже когда точны их схемы «эволюции» (что бывает редко), заключается в их поверхностности. Они не дают, да и не могут дать какое-либо обобщение, выходящее за пределы чисто эмпирического, «исторического описания». Они не могут обеспечить нас «формулами единообразий» и не дают никакого анализа явлений⁶⁷.

Для того чтобы избежать того или иного заблуждения, социологии следует иметь дело с концепцией функционального отношения между социальными явлениями вместо односторонней причинной связи. Понятия «причина» и «следствие» должны быть заменены такими понятиями, как «переменная» и «функция». Руководствуясь чисто методологическими соображениями, необходимо сначала выделить определенную «переменную», которая всегда присутствует как компонент социальных явлений, и затем изучать ее «функциональную связь» с другими явлениями В, С, D, E. То же самое необходимо сделать и с «другими переменными» В, С, D, E. Когда этот этап останется позади, для изучения сложного комплекса взаимозависимых социальных явлений А, В, С, D... необходимо ввести ряд полученных нами «формул» их функциональных корреляций⁶⁸. На этом синтетическом этапе исследования основное внимание следует уделить тем социальным отношениям, которые более или менее постоянны. Мы должны наблюдать их флуктуации во времени и пространстве, а также взаимозависимость и корреляцию этих флуктуаций. Мы должны уловить устойчивые закономерности в их сложном многообразии и изменении, дать их качественное описание и измерить количественно. Все, что является уникальным или совершенно нерегулярным, не повторяется или происходит «случайно», мы должны оставить в стороне, по крайней мере, на время – до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажутся формулы для ряда наиболее значимых «единообразий» и их количественных признаков. *De minimis non curat praetor*^{37*}. Таким образом, мы будем постигать сложную реальность путем целого ряда «последовательных приближений». В противоположность построениям теоретиков-упрощенцев эти «последовательные приближения» будут довольно точными⁶⁹. Они будут отли-

⁶⁷ Pareto V. Op. cit., § 2023. Ср.: Barone E. L'opera di V. Pareto e il progresso della scienza // *Giornale degli Economisti*. 1924, p. 22–24.

⁶⁸ Ср.: Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen, 1922, Bd. I, S. 21–22, 82, 183, 238.

⁶⁹ Ср. с соответствующей теорией М. Вебера о цели социологического обобщения. О Максе Вебере см. далее.

чаться и от кинематографических теорий, поскольку позволят нам понять функциональную взаимосвязь между явлениями, вывести формулы закономерностей и показатели корреляций, которые более или менее точно описывают самые фундаментальные социальные процессы. Итак, все эти положения методологии Парето можно резюмировать следующим образом:

- А. Концепция взаимозависимости вместо односторонней зависимости.
- В. Концепция функциональной связи вместо причинно-следственной.
- С. Изучение постоянных элементов социальной системы вместо ее единичных, случайных и совершенно нерегулярных компонентов.
- Д. Изучение единообразий и корреляционных связей этих постоянных элементов в процессе их флуктуации (в пространстве и во времени).
- Е. Количественное измерение единообразий, их колебаний и корреляции вместо чисто качественного описания.
- Ф. Следуя этому методу, мы получим ряд формул, представляющих собой последовательные приближения к чрезвычайно сложной социальной действительности и ее динамике⁷⁰.

Опять же нетрудно заметить, что эти методологические положения практически тождественны тем, которые предлагают А. Пуанкаре, Э. Мах, П. Дюгем, К. Пирсон и другие видные методологи науки. Они также вполне согласуются с недавно возникшим направлением в интерпретации причинной связи, детерминизма и т. п. в естественных науках. Эти понятия все более и более утрачивают свой метафизический привкус «неизбежности» и «необходимости», превращаются в теории функциональных отношений, в основе которых лежат принципы вероятности. Согласуются с принципами Парето и недавние количественные исследования социальных явлений, методы математической статистики и математической теории корреляции (в том числе и частичной корреляции), равно как и новейшие открытия в математической теории переменных и т. д.

Теперь вкратце рассмотрим, как реализовал Парето этот свой план. Остальные его идеи, связанные с длительным и строго продуманным индуктивным анализом фактов и математических формул, могут быть здесь рассмотрены лишь в самом схематичном виде. Тем, кто желает ознакомиться с дополнительными фактами, подтверждающими теорию Парето, следует обратиться к его работе, в которой почти две тысячи страниц, и все они наполнены соответствующими доказательствами.

⁷⁰ *Pareto V. Traité de sociologie générale*, vol. I, p. XIII–XVI, §§ 96, 99, 138, 254–255, 267 and passim; vol. II, §§ 1731–1732, 1767, 1861, 2061, 2080, 2088–2104, 2336 и passim. Критика Парето «каузальных» теорий научных авторитетов в высшей степени поучительна.

Понятие общества у Парето

Одни социологи изображают общество как организм, другие – просто как совокупность индивидов, в то время как третьи используют термин «механизм». Соответственно их называют социологическими органицистами, реалистами, номиналистами или механицистами. Парето не принадлежит, пожалуй, ни к одной из этих школ. Для него любая существующая социальная группа – это просто «социальная система», которая в течение того времени, пока существует, находится в состоянии равновесия, т. е. в таком состоянии, когда силы, пытающиеся разрушить социальную систему, успешно уравниваются интегрирующими силами. Следуя примеру других социальных физикалистов, Парето ради простоты исследования рассматривает общество как систему человеческих молекул, находящихся между собой в состоянии сложного взаимодействия⁷¹.

Теория факторов Парето

Конкретные формы социальной системы многочисленны и разнообразны. Какие же факторы ответственны за ту или иную форму социальной системы? «Форма общества определяется всеми влияющими на нее элементами: форма, в свою очередь, реагирует на эти элементы». Все эти элементы, или факторы, можно разделить на три класса: «1) земля, климат, флора и фауна, геологические условия и т. д.; 2) прочие внешние элементы данного общества в данный период времени, такие как другие общества – внешние по отношению к нему в пространстве – и предыдущие стадии его собственной истории, которые по отношению к нынешнему этапу развития данного общества тоже являются внешними»; 3) внутренние элементы социальной системы, такие как раса, характер *residui*^{38*} и чувств, интересов, идеологий и другие свойства человеческих молекул, составляющих данную социальную систему⁷².

В этом отношении Парето – плюралист. Все эти элементы, как правило, взаимозависимы. «Для того чтобы полностью объяснить данную социальную форму, необходимо познать все эти многочисленные элементы в количественном отношении, их влияния, комбинации и взаимосвязи». К сожалению, в настоящее

⁷¹ *Pareto V.* Op. cit., vol. II, p. 1306–1316, § 2060 ff. Здесь следует обратить внимание на математическую формулу социального равновесия Парето. Не очень сильно от концепции социального равновесия Парето отличается концепция Ф. Карли. «Социальное равновесие, – пишет Карли, – это совокупность внутренних ритмов (между элементами социальной системы) и внешне-внутренних ритмов, которые существуют не противореча друг другу. Иными словами, это совокупность коррелирующих внутренних и внутренне-внешних вариаций, которые остаются постоянными либо изменяются одинаковым образом» (*Carli F.* L'Equilibrio delle Nazioni. Bologna, 1920, p. 34).

⁷² *Pareto V.* Op. cit., vol. II, § 2060.

время их познание в таком объеме невозможно. Для того чтобы его осуществить, нам придется упростить ситуацию, взять только некоторые из наиболее значимых элементов, пренебрегая, по крайней мере временно, менее важными. Только когда каждый из этих значимых элементов и их комбинации будут тщательно и количественно изучены, окажется возможным и полный социологический синтез. А пока нам придется довольствоваться упрощенным изучением социальной системы и наиболее существенных факторов ее равновесия⁷³.

Элементы, или факторы, изученные Парето

Из всего многообразия факторов, или элементов, Парето тщательно исследует лишь некоторые, а именно: 1) «остатки» (напоминающие «доминантные рефлексы» Олпорта и психиатрические «комплексы»); 2) «деривации» (речевые реакции, идеологии); 3) экономические факторы; 4) гетерогенность человеческих существ и социальных групп; 5) социальную мобильность и циркуляцию элит. Разумеется, Парето не считает, что этими элементами исчерпываются все существенные факторы, ответственные за форму социальной системы. Многие другие факторы тоже существенны, но их Парето не рассматривает по той причине, что даже подробное изучение пяти вышеперечисленных элементов – дело чрезвычайно сложное и трудное. Кропотливое количественное изучение дополнительных факторов будет делом других социологов. Этим и объясняется характер «Трактата по общей социологии» Парето. Эта работа представляет собой монографическое исследование вышеуказанных пяти элементов социальной системы. Иными словами, Парето из методологических соображений упрощает реальную социальную систему, допуская, что она состоит только из этих пяти элементов, и таким образом пытается выстроить предварительную теорию, которая является приблизительным образом реальной и более сложной социальной системы. За неимением достаточного места для описания долгого и подробного анализа форм, корреляций, комбинаций, флуктуаций, индексов и воздействий каждого из пяти элементов, проведенного Парето, я вынужден ограничиться здесь догматическим изложением некоторых основных его выводов.

Выводы Парето относительно «остатков» и «дериваций»

1. Среди прочих элементов равновесие социальной системы зависит от характеристик ее человеческих молекул, в частности от их форм поведения или действий. Человеческие действия сильно зависят от природы их «мотивов». Среди этих мотивов особенно важными являются более или менее постоянные. Парето называет их «остатками». Его остаток – это и не инстинкт и уж тем более

⁷³ Ibid., §§ 2061–2066.

не «чувство». Это один из более или менее постоянных «мотивов», имеющих у членов любого общества, независимо от того, носит ли это постоянство инстинктивный или какой-то иной характер. «Остатки» примерно соответствуют тому, что Олпорт называет «доминантными рефлексами», Л. Петражицкий – «эмоциями», а многие психологи относят к числу «комплексов», таких, например, как «комплекс неполноценности», или к той категории явлений, которые Э.Л. Лоуэлл называет «наклонностями». В конечном счете в их основе лежат инстинкты, но, в отличие от инстинктов, их проявления носят не «жесткий», а чрезвычайно разнообразный характер, обретая совершенно разные, порой даже противоположные формы. Например, сексуальный «остаток» в противоположность половому инстинкту может проявлять себя не только в действиях совокупления (непосредственная форма удовлетворения и проявления сексуального инстинкта), но и в сексуальном аскетизме, нанесении увечья половым органам и аскетическом осуждении сексуального желания и сексуальной жизни. То же самое можно сказать и о других «остатках» в плане их взаимоотношения с инстинктами⁷⁴. «Остатки являются проявлением инстинктов и чувств подобно тому, как поднятие столбика ртути в термометре является проявлением повышения температуры»⁷⁵.

Существует шесть основных классов «остатков», каждый из которых делится на ряд подклассов. Классы эти следующие: 1) *инстинкт комбинаций*: стремление производить физические и умственные комбинации с разнообразными вещами вообще, комбинации с вещами противоположными, вещами похожими, комбинации редкостных вещей с исключительными событиями и т. д.; 2) *потребность сохранения агрегатов*: стремление человека сохранять отношения с другими людьми и местами; отношения живых с мертвыми; стремление к сохранению абстракций, символов, персонифицированных идей и т. д.; 3) *инстинкт (или потребность) проявления чувств посредством внешних актов*: религиозная экзальтация, политическая агитация и т. д.; 4) *инстинкты, связанные с жизнью в обществе*: мотивы, в силу которых люди создают конкретные общества и партии; представления, связанные с идеей единообразия членов сообщества, такие как неприятие новшеств («неофобия»), сострадание, жестокость, аскетизм, желание популярности, комплексы неполноценности и превосходства и т. д.; 5) *потребность сохранения целостности личности*: мотивы, в силу которых человек стремится остаться самим собой, стремление к равенству и т. д.; 6) *половые инстинкты*⁷⁶.

⁷⁴ Подробный анализ «остатков» см. в цитированной работе: *Pareto V.* Op. cit., vol. I, ch. VI, § 842 ff.; vol. II, ch. XI.

⁷⁵ Ibid., § 875.

⁷⁶ Ibid., § 888. См.: §§ 889–1396 и §§ 1687–2059, посвященные анализу этих «остатков».

На первый взгляд данная классификация может показаться очень несообразной, но потом, когда поймешь основания, на которых она построена, и те возможности анализа, которые она дает, представление о ее несообразности по большей части развеивается. Перечисленные «остатки» (потребности, инстинкты) присутствуют в любом обществе и в этом смысле являются постоянными элементами любой социальной системы. Однако их распределение среди разных индивидов и групп неодинаково. Есть индивиды (и группы) с сильно развитыми «остатками комбинаций», но с довольно слабыми «остатками сохранения агрегата»; а есть индивиды и группы, у которых «остатки» распределяются противоположным образом. Внутри одного общества в течение времени и при наличии разных обстоятельств распределение «остатков» среди человеческих молекул может претерпевать большие изменения. Когда это происходит, социальная система меняет свою форму.

2. Характер «остатков» определяет характер человеческих действий, которые в какой-то степени являются проявлением «остатков». У людей это проявление может принимать две основные формы: действия, не сопровождающиеся речевыми реакциями или субъективными процессами осмысления, такие как инстинктивные или машинальные действия (схема: А [«остаток»] ведет к В [действию]), и действия, сопровождающиеся речевыми реакциями и идеологиями или осознанными психическими процессами, теориями, мотивациями, оправданиями, представлениями о целях, намерениях, «приукрашиваниями» и другими явно или неявно выраженными речевыми реакциями (схема в данном случае такова: А [«остаток»] ведет одновременно к В [действию] & С [речевой реакции]). Все эти речевые реакции и идеологии Парето называет «деривациями». Отсюда берет начало его «социология идей и идеологий», или «социология речевых реакций человека».

3. Некоторые авторы справедливо отмечают, что в этом отношении Парето близок к К. Марксу. Как и Маркс, он не придает большого значения «деривациям» или «идеологиям». Они для него – просто проявления «остатков». «Остатки» – это «отцы идеологий». «Деривации» – своего рода флюгер, который поворачивается в соответствии с направлением ветра «остатков». Их влияние не то чтобы совсем ничтожно, но все же гораздо меньше, чем предполагают многие. Они гораздо более изменчивы и гибки, чем «остатки». Один и тот же «остаток» может послужить основанием или «прикрываться» разными «деривациями» и *vice versa*^{39*}. Иногда «остатки» разного вида оказываются «окутанными» аналогичными «деривациями». Это можно проиллюстрировать следующими примерами. «Остаток» в виде страха перед человекоубийством проявляется в следующих «деривациях»:

«Не убий, не то попадешь в ад».

«Не убий, потому что это запрещено Богом».

«Не убий, так как это безнравственно».

«Не убий, потому что это бесчеловечно или идет против Закона, Прогресса и Справедливости».

«Не убий!»

Эти деривации – всего лишь «покрывала», скрывающие действительного агента, препятствующего совершению акта убийства и являющегося соответствующим «остатком». В зависимости от обстоятельств «остаток» может послужить началом этих и многих других «идеологий». Несмотря на множество различий, все идеологии практически не что иное, как разнообразные «одежды» того же «остатка».

Речевые реакции правоверного католика, который не признает религиозную веротерпимость, и тех пылких коммунистов, которые страстно осуждают религиозную «нетерпимость», прямо противоположны. Однако их «остатки» одинаковы: стремление навязать всем остальным свои собственные стандарты поведения и веры. Речевые реакции многих аскетов по отношению к сексу крайне отрицательны, но тот факт, что они так много говорят о сексе и так резко его отвергают, указывает на то, что «остаток» этих «дериваций» такой же, как и у «непристойных речевых реакций» людей распутных.

4. Так как действие и «деривации» в большой степени зависят от «остатков», то из этого следует целый ряд чрезвычайно важных выводов относительно «остатков» и динамики идеологий. Во-первых, «остатки» нередко противоречат друг другу в рамках сознания одного и того же человека. Вот почему наше поведение и наши поступки по большей части тоже внутренне противоречивы и нелогичны. Определяя «логические действия» как такие действия, желаемая субъективная цель которых совпадает с их объективным результатом, Парето лучше, чем кто-либо другой, показывает, что большая часть наших действий нелогична. Находясь во власти сложной игры «остатков», мы совершаем бесчисленное множество действий, которые нелогичны или субъективная цель которых (идеология) оказывается совершенно иной, чем их объективный результат. Они совпадают только в сфере логико-экспериментального поведения и в области научных представлений. Во всех остальных, гораздо более многочисленных случаях поведение человека носит, по сути дела, нелогичный и противоречивый характер, поскольку «остатки», лежащие в основе совершаемых им поступков, нередко оказываются противоречащими друг другу. Наши действия с логической точки зрения непоследовательны, потому что наши «остатки» находятся в подвижном состоянии, в результате чего «деривация», преобладающая в данный момент, может быстро смениться другой, совершенно иной по своему характеру. Под влиянием первой из них мы ведем себя так, под влиянием следующей – совершенно иначе. Короче говоря, анализ соотношения динамики «остатков» и динамики поступков, проведенный Парето, и его выводы относительно нелогичных действий

человеческих существ представляют собой, возможно, непревзойденный анализ поведения человека⁷⁷.

5. С еще большим основанием то же самое можно сказать о теории Парето, касающейся природы «дериваций» (идеологий). Поскольку отношения между «остатками» чрезвычайно сложны и зачастую противоречивы, можно предположить, что и деривации человека (слова и идеологии) редко бывают логичными и безупречными с логико-экспериментальной точки зрения. Подавляющая их часть, в том числе политические, религиозные, социологические, экономические и всякие другие «теории», нелогична, непоследовательна, внутренне противоречива или псевдонаучна. Они не дают точного описания изучаемых фактов, а представляют собой всего лишь «мотивацию», «оправдание», «приукрашивание», «рационализацию», «морализацию» или «идеализацию» того поведения, к какому нас побуждают наши «остатки». Изменяются «остатки» – изменяются и «псевдонаучные» теории. Один «остаток» уступает место другому, прямо противоположному; наша теория о том, что «А есть В», уступает место той, согласно которой «А не есть В». Следовательно, «логика» человеческих рассуждений в большинстве случаев очень далека от того, чтобы быть логичной. В большинстве случаев идеология принимается или не принимается не столько потому, что она истинна или ложна, сколько из-за того, что она согласуется или не согласуется с нашими «остатками». Этим объясняется влияние газетной пропаганды, пылких речей и всякого рода призывов, которые влияют на наши эмоции и чувства. Вместо научных доводов они используют силу чисто вербальных псевдодоказательств, которые играют на наших склонностях. Несмотря на это, подобного рода «деривации» часто оказываются более убедительными, чем научные доводы, если согласуются с доминирующими «остатками». Отсюда следует, что если мы хотим изменить взгляды и идеологию человека или группы, то лучший способ для этого – изменить их «остатки». Если изменяются или разрушаются «остатки», то и соответствующие деривации (идеологии) тоже претерпевают изменения (Ibid., ch. XI). С этой точки зрения, социология Конта с ее идеалами (деривациями) Позитивизма, Прогресса и Религии человечества является столь же ненаучной, как и самая примитивная фетишистская вера. Теории Прогресса, Солидарности, Демократии, Справедливости, Социализма, Национализма, Патриотизма, Интернационализма и т. д. – те же самые нелогичные «деривации», отличающиеся от первобытной магии и религиозной веры, которые они отвергают, только по форме. Почти все страстные борцы против предрассудков и суеверий суть не что иное, как носители таких же предрассудков, почти ничем не отличающиеся от тех догматических умов, с которыми они борются. Рассматривая од-

⁷⁷ Pareto V. Op. cit., ch. II. Cp.: Lowell A.L. Public Opinion in War and Peace, passim и ch. I–III. Президент Лоуэлл, произведя специальный анализ, приходит к выводам, очень напоминающим утверждения Парето.

ного за другим всех наиболее известных современных социальных мыслителей, таких как Конт, Спенсер, Г. Самнер Мэн, не говоря уже о целом сонмище разного рода «идеологов», Парето убедительно показывает непоследовательность, противоречивость, ложность и нелогичность их утверждений, в то же время указывая на те «остатки», которые ответственны за эту «псевдонаучность». Он лучше, чем кто бы то ни было, выявил «псевдонаучный характер» таких «божеств» (концепций), как «Прогресс», «Эволюция», «Демократия», «Равенство», «Солидарность», «Справедливость», «Закон», «Естественные права», «Нравственность» и т. д. Для него эти «научные» идеи и теории столь же ошибочны, как и любые самые невежественные предрассудки. Они представляют собой те же самые нелогичные «деривации», только «одетые» по последней моде. Вот и вся разница. Таким образом, Парето, подобно некоторым бихевиористам, рассматривает «деривации» как «вторичные реакции» в нашем поведении. Он указывает на невозможность обосновать какое бы то ни было научное суждение о человеке, группе или эпохе лишь с помощью соответствующих речевых реакций. Для него они представляют собой лишь нечто вроде совершенно сбитого термометра, показывающего, какие «остатки» скрываются за ними.

Всего вышеизложенного достаточно для того, чтобы понять, почему Парето не уделяет большого внимания «деривациям». Значительная часть его работы посвящена изучению флуктуаций «дериваций» в связи с флуктуациями «остатков». Хотя «остатки» тоже флуктуируют, скорость и амплитуда их колебаний гораздо медленнее и ограниченнее, чем у «дериваций», которые особенно непостоянны и изменчивы. Более того, Парето показывает, что, несмотря на различие конкретных форм «дериваций», имеющих у разных народов и в разные времена, основные виды «остатков», замаскированные в идеологиях, остаются более или менее постоянными. Поверхностный наблюдатель усмотрит огромную разницу между дикарем, который боготворит свой фетиш или своего царька, и атеистическим социалистом нашего времени – тем не менее и у того, и у другого один и тот же «остаток» «обожествления». Единственное их различие состоит в том, что дикарь боготворит некий фетиш и для подтверждения своей веры ссылается на «магический код», в то время как атеист боготворит К. Маркса, Ленина или Руссо и для доказательства своих утверждений цитирует «Капитал» Маркса, «Рассуждение» Руссо или что бы то ни было еще. В прошлом «остаток» повиновения проявлялся главным образом в подчинении королям, священникам и дворянам. Теперь все они развенчаны, но «остаток» сохранился и проявляется в повиновении демагогам, лидерам профсоюзов, капитанам промышленности и т. п. «Одежды» разные, но «остаток» тот же. Такой «остаток», как стремление к единообразию членов общества, проявлялся раньше в религиозной нетерпимости, в преследовании тех, кто покушался на частную собственность, осуждении

разводов, коротких юбок и т. д. Теперь мы в этом отношении толерантны, но зато мы нетерпимы по отношению к спиртному (сухой закон) и к любой критике действий реформаторов и сторонников «Религии Человечества», «Прогресса» и т. д. «Деривации» изменились, но «остатки» сохранились. Вышеописанная концепция Парето не означает, однако, что все эти «деривации» абсолютно неэффективны или социально вредны. Они в какой-то мере дееспособны, но не настолько, как думают многие. Далее, в противоположность всем тем, кто считает, будто любая истина полезна, а все суеверия вредны, Парето подчеркивает, что в действительности дело обстоит иначе. Случается, что многие предрассудки (деривации) бывают полезными для сохранения целостности социальной системы, в то время как истина нередко способствует ее распаду. Другими словами, «деривация» (миф, легенда, страстная вера или предрассудок, который, приукрашивая действительность, внушает энтузиазм) может быть полезной для группы, а голая правда, наоборот, часто оказывается губительной. Здесь Парето приходит к заключению, аналогичному выводам Макиавелли, Дж. Фрэзера, Г. Лебона, Ж. Сореля⁷⁸ и других. Предрассудки и иллюзии по-своему так же жизненно необходимы для общества, как и логико-экспериментальная истина. Все вышеизложенное представляет собой самый общий очерк основных идей Парето в этом отношении. В самом обобщенном виде можно сказать, что содержание книги Парето состоит в тщательном анализе влияния «остатков» на «деривации», «остатков» – на «остатки», окружающей среды – на «остатки», «дериваций» – на «деривации», «дериваций» – на «остатки», а также флуктуаций и диффузии как «остатков», так и «дериваций». Я вынужден опустить этот материал ввиду ограниченного объема книги.

6. Из других положений учения Парето об «остатках» следует упомянуть его утверждение о том, что вышеперечисленные шесть классов «остатков» не поровну распределены среди разных индивидов, социальных классов и социальных групп. Есть индивиды и группы с многочисленными и сильными остатками первого класса («остатки комбинаций»), а есть индивиды и группы с многочисленными и сильными остатками второго класса («сохранения агрегатов»). То же самое справедливо и по отношению к «остаткам» других классов. Это важно, потому что характер доминирующего «остатка» формирует человеческую личность индивида и свойства группы. Он накладывает на них явный отпечаток и в большой степени определяет как поведение индивида, так и характер социальной организации группы. Из всех этих «остатков» особенно важными являются «остатки», относящиеся к первому и второму классам. На их основе Парето разрабатывает свою гипотезу о двух основных *социальных типах* инди-

⁷⁸ См., например: *Frazer J.G. Psyche's Task*. London, 1913; *Sorel G. Reflections on Violence*. New York, 1912, p. 133 ff. (теория Сореля о пользе мифов).

видов: *спекулянтах* и *рантье*. К первому типу относятся все те, у кого есть сильные и многочисленные «остатки» комбинаций. Они являются комбинаторами, предпринимателями и махинаторами, всегда замышляющими какую-то новую комбинацию (финансовые и деловые схемы, изобретения, политические и дипломатические преобразования или еще что-нибудь). В какой бы сфере деятельности они ни подвизались, у них всегда есть какая-нибудь новая комбинация. В этом отношении они реформаторы и преобразователи. В них нет психологического консерватизма. Часто они, будучи людьми чрезвычайно пластичными во всех отношениях, ведут себя аморально и нечестно. *Рантье* – это те, у кого преобладающим «остатком» является стремление к сохранению социального агрегата. По этой причине они в психологическом плане представляют собой тип консерватора, представителей которого не интересуют ни новшества, ни новые комбинации, но которые стремятся уберечь, сохранить и поддержать то, что уже существует. Это люди с сильным чувством долга, с узконаправленной, но определенной волей и решительностью в своих действиях. Их можно встретить среди «узколобых», решительных лидеров любого движения. В своем поведении они непреклонны и зачастую фанатичны.

В этом смысле это два вечных типа, встречающихся в любом обществе. Когда среди правящей верхушки преобладают представители первого типа или спекулянты (как при демократическом устройстве общества, так и при плутократии), высшие классы обнаруживают способность к комбинациям. Благодаря власти, они на какое-то время повышают уровень экономического благосостояния общества. Им удается обманывать управляемые ими массы с помощью разного рода гуманитарных и демократических махинаций, обещаний и т. п. Естественно, они коррумпированы. Коррупция и махинации рано или поздно приводят к катастрофическим результатам, вследствие чего высшие классы постепенно заменяются противоположным типом, т. е. *рантье*. Таким образом, смена одного типа другим происходила много раз в истории разных стран и происходит до сих пор. По мнению автора, большая часть всех довоенных демократических правительств состояла из парламентских махинаторов-плутократов или коррумпированных «спекулянтов». Они обладали способностью к комбинации, но в то же время были настолько коррумпированы и стали до такой степени мягкотелыми и «гуманными», что оказались вытесненными людьми, относящимися к типу *рантье* (вопрос о том, хорошо или плохо такое замещение, оставим в стороне)⁷⁹. События, по-видимому, во многом подтвердили ожидания Парето⁸⁰.

⁷⁹ См. главу XIII, в которой анализируются некоторые экспериментальные исследования типов личности, аналогичных типам Парето.

⁸⁰ Об этой теории см.: *Pareto V. Op. cit., vol. II, ch. XII.*

**Выводы Парето относительно других элементов
формы социальной системы**

Менее подробно Парето исследует и другие важные элементы факторов социального равновесия: экономические факторы или интересы, гетерогенность человеческих существ, а также социальную стратификацию и циркуляцию элит.

Экономические интересы. Едва ли можно сомневаться в том, что индивиды и группы движимы инстинктами и расчетом, направленными на приобретение полезных или притягательных для них материальных ценностей, а также желанием добиться почестей и уважения, или, иначе говоря, сомневаться в том, что у них есть «интересы». Совокупность таких интересов играет значительную роль в установлении социального равновесия. Их сложная подлинная сущность не может быть полностью объяснена экономически и нуждается в синтетическом социологическом изучении. С другой стороны, социология не может объяснить сложную социальную реальность, пока не примет к сведению положения чистой экономики как специальной науки, которая изучает их изолированным способом и в упрощенных условиях. Экономическая интерпретация истории справедлива в том отношении, что настаивает на существенной роли экономического фактора в социальных явлениях. Но она ошибочна, поскольку пытается объяснить их с помощью только этого фактора или объявляет его «причиной», а все остальные – всего лишь «следствиями». В этом отношении данная теория – лишь разновидность вышеописанных упрощенческих теорий (см. также главу об экономической школе).

Социальная гетерогенность. Следующий важный и постоянный элемент или фактор социальной системы – гетерогенность индивидов. Это опять-таки факт бесспорный и неизменный. Индивиды отличаются друг от друга в физическом, нравственном и интеллектуальном планах. Из этой гетерогенности берут свое начало явления социальной стратификации и социального неравенства. Это тоже неизменные и постоянные элементы любой социальной системы. В связи с этой частью своей теории Парето резко критикует учения о равенстве, демократии, самоуправлении и т. д. Все соответствующие идеологии – просто деривации, абсолютно не согласующиеся с фактами. Никогда не существовало такой социальной или политической системы, в которой была бы реализована идея равенства или подлинной демократии. То, что называется демократией, является скорее плутократией; контроль над управляемым народом осуществляется в основном с помощью обмана, махинаций и комбинаций, которые пускают в ход демагоги, капиталисты, лицемеры и циники. Другой важный тип правления – это грубое насилие, когда контроль осуществляется с помощью физического принуждения. Один тип может быть столь же хорош или плох, как и другой. Но какие бы средства ни использовались, основополагающий факт

разнородности индивидов приведет к социальному неравенству и стратификации. Идеологии могут использовать такие слова, как «демократия», «равенство» и другие высокопарные выражения. Однако они не могут отменить факта стратификации, который обнаруживают все общества и группы.

Циркуляция элит. Наличие социальной стратификации означает, что в каждом обществе имеются, грубо говоря, два основных слоя: низшие и высшие классы. Они отличаются друг от друга разным распределением «остатков», а также и во многих других отношениях. Так как есть стратификация, то должна быть и циркуляция или перемещение индивидов из низших в высшие классы и из высших в низшие. Ее интенсивность варьируется от общества к обществу и в разные периоды времени, но в какой-то степени она существует даже в кастовом обществе. Одной из ее постоянных причин является то обстоятельство, что любая существующая аристократия в конце концов обречена на исчезновение. «История – это кладбище аристократий»^{40*}. Вакуум, образующийся в результате вымирания аристократии, должен быть заполнен, и заполнение совершается благодаря подъему пригодных представителей низших классов на высшие социальные позиции. Таким образом, внутри любого общества происходит непрерывный процесс циркуляции элит. Исследуя некоторые детали этого процесса, Парето описывает основные методы, с помощью которых аристократия или плутократия пытается удержать свои позиции. К числу этих методов относятся: уничтожение, заключение в тюрьму, подкуп, развращение и возвеличивание возможных и опасных лидеров из низших классов. Здесь, опять же, этот «Карл Маркс буржуазии» развивает теорию, похожую на учения наиболее радикальных революционных синдикалистов и анархистов. С другой стороны, он, в отличие от «мягкотелых идеологов либерального гуманизма», утверждает, что «либеральное» мнение о неэффективности физических и жестоких мер для сохранения аристократией ее привилегированного положения ошибочно. Вместе с Сорелем он утверждает, что если правильно применять методы чрезвычайного и грубого принуждения, то аристократия может сохранить и продлить свое существование, и что, вопреки распространенному мнению, такие жестокие аристократии существовали в течение более длительного срока, чем мягкие и «гуманные аристократии». По этой причине Парето пророчит падение существующих парламентских, мягкотелых и пацифистских плутократий в демократических странах и возвышение новой, грубой, мужественной и милитаристской аристократии из низших классов⁸¹. Такие циклы осуществлялись много раз и будут осуществляться в будущем.

Описав эти постоянные элементы социальной системы, Парето переходит к рассмотрению их связи друг с другом, с «остатками», «деривациями» и целым рядом других явлений⁸².

⁸¹ Что и осуществил фашизм, сторонники которого зачисляют Парето в ряды своих идеологов.

⁸² *Pareto V. Op. cit., ch. XII–XIII.*

Циклическая концепция социальных изменений Парето

Изучив колебания разного рода явлений, Парето предлагает ряд циклических теорий для разных социальных процессов. «Линейная концепция» социального изменения остается для него чуждой. Он показывает ошибочность всех «исторических тенденций», «исторических законов эволюции» и «линейных теорий о стадиях прогресса». Что фактически наблюдается в истории, так это только колебания и вибрации различной продолжительности и скорости. Существование какой бы то ни было бесконечной «линейной» эволюции общества или социальных институтов не доказано.

Таков вкратце несколько упрощенный каркас основных идей социологии Парето. Как я уже отмечал, он может дать лишь отдаленное представление о его книге. Ценность социологии Парето, возможно, состоит не столько в характере его общей теории, сколько в ряде представленных им исследовательских монографий, из которых она и состоит. Изобилие математических формул, диаграмм и длинный ряд исторических и фактических подтверждений плюс неудачное расположение материала чрезвычайно затрудняют задачу внятного изложения работы в кратком виде. Тем не менее все вышеизложенное, вероятно, дает о ней некоторое представление.

Критика

По мнению автора, главные идеи социологии Парето следует признать правильными и плодотворными. Хотя почти все эти идеи были высказаны еще до Парето, ему удалось их развить и систематизировать. Его концепция социологии в ее отношении к частным социальным наукам гораздо лучше, чем великое множество других теорий подобного рода. Его теория о взаимозависимости разных социальных явлений, а также функциональный и количественный методы их изучения согласуются с нынешними тенденциями в естественных и социальных науках. Его анализ поведения человека, роли «остатков» и «дериваций», а также нелогичной «логики» поступков человека опять-таки похож на правду. Его несколько грубоватые и «ироничные» высказывания насчет ненаучного характера очень многих «социологических» теорий следует признать справедливыми. Его идея удачных приближений и необходимости концентрировать наше внимание на более или менее постоянных элементах социальной системы также кажется мне правильной. Наконец, его теория гетерогенности человеческих личностей, социальной стратификации, циркуляции элит и его критика «сладких» идеологий Прогресса, Демократии, Равенства и т. п. получили подтверждение и дальнейшее развитие у многих других авто-

ров. Часть из них была осуществлена независимо от Парето, другая часть – под его непосредственным влиянием⁸³.

Но наряду с этими ценными достижениями теоретические построения Парето имеют и некоторые серьезные недостатки. Во-первых, его понятие «остатков» остается несколько неопределенным и по своей сути «субъективным» в том смысле, что оказывается чем-то вроде внутреннего «мотива» (чувства, инстинкта), который не может быть объективно изучен и измерен. Подобно многим другим психологам, Парето «вкладывает» эти «остатки» в человека, а затем выводит из них то, что ему нравится. По этой причине все возражения по поводу аналогичных психологических интерпретаций (см. главу о психологической школе) как разновидности «анимистических концепций»⁸⁴ следует высказать

⁸³ Теорию гетерогенности индивидов и групп, как мы увидим в дальнейшем, разрабатывали очень многие биологи и социологи расово-антропологической школы (Гобино, Ф. Гальтон, Х. Чемберлен, К. Пирсон, О. Аммон, В. де Лапуж и все специалисты в области евгеники и наследственности. – См. главу о расово-антропологической школе). Перечисленные и многие другие авторы развивали вышеуказанные идеи о социальной циркуляции элит. Под влиянием Парето написаны следующие работы о циркуляции и социальном равновесии: *Kolabinska M. La circulation des élites en France. Lausanne, 1912; Sensini G. Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // Rivista Italiana di Sociologia. 1913, Sept., Oct. См. также: Sensini G. La teoria della Rendita; Bouven P. Les applications mathématiques à l'économie politique. Lausanne, 1922; Carly F. Op. cit.* Наконец, автор настоящей работы в своем исследовании социальной мобильности нашел многие идеи Парето полезными для себя (см.: *Sorokin P.A. Social Mobility*; здесь приведены ссылки и на другие работы, посвященные проблемам социальной циркуляции и стратификации). Теоретические построения, в которых развиваются идеи, аналогичные основным идеям Парето о демократии, равенстве, неизбежности социальной стратификации, plutократическом и олигархическом характере демократических и эгалитарных режимов, о роли насилия в истории, вырождении аристократии и т. п., чуть раньше или чуть позже независимо или отчасти под влиянием Парето развивал целый ряд выдающихся мыслителей. Помимо указанных выше работ Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, следует назвать «Толпу» Г. Лебона и особенно его труд «Психология социализма». См. также: *Mosca G. Elementi di scienza politica. 1895; Ostrogorsky M. La démocratie et les parties politiques. Paris, 1912; Michels R. Sociologia del partito politico moderno* (книга переведена на французский, английский и немецкий языки); *Maine H.S. Popular Government. London, 1896; Sorel G. Reflections on Violence; Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. 1919; работы теоретиков революционного синдикализма, таких как Лагардель и др.; Bryce J. Modern Democracies. New York, 1921; Lowell A.L. Public Opinion in War and Peace; Lippmann W. Public Opinion. New York, 1922 и особенно Lippmann W. Phantom Public. 1925. Что касается циклической теории социальных процессов Парето, см. параграф о циклических концепциях в настоящей книге.*

⁸⁴ Первобытный человек привносит в наблюдаемые им явления (или находит за ними) разнообразных «духов» и их деятельностью объясняет все конкретные феномены, начиная с грозы и заканчивая рождением, смертью и другими важными событиями в жизни человека. Психологи вместо старомодных «духов» или «таинственных сверхъестественных сил» вкладывают в человека «эмоции», «желания», «идеи», «остатки» и т. п. и при помощи их влияния пытаются интерпретировать человека и события социальной жизни как «проявления» их деятельности. Легко увидеть, что процедура в обоих случаях по сути дела одна и та же – анимистическая. Единственное отличие состоит в терминологии.

и в адрес метода и теории Парето. Правда, он в своем исследовании продвинулся гораздо дальше большинства психологов, но тем не менее он не смог полностью избежать неточности этого метода. Отсюда следует, что такие внутренние «мотивы» почти невозможно изучить объективно и количественно. Несмотря на склонность Парето к количественному изучению, он фактически не осуществил подлинно количественного исследования того, что он называет «остатками». Этим объясняется и то, почему его классификация «остатков» оказывается в значительной степени произвольной и сомнительной, что, естественно, сказывается на многих его выводах и заключениях.

Во-вторых, мне трудно отличить его «остатки» от «интересов» как экономических факторов. Граница, их разделяющая, очень расплывчата и почти не просматривается. По этой причине трудно определить с достаточной точностью, какова степень влияния, оказываемого каждым из этих факторов в установлении социального равновесия.

В-третьих, Парето и сам неоднократно подчеркивает тот факт, что один и тот же «остаток» может быть «окутан» в совершенно разные «деривации», что и оказывается причиной, в силу которой всегда очень трудно точно установить, какой именно «остаток» является источником той или иной «деривации». Уже сам этот факт ставит под сомнение многие случаи, когда Парето сводит определенные «деривации» к тем или иным «остаткам». Его выводы могут соответствовать, а могут и не соответствовать действительности. Поэтому мы часто недоумеваем и не понимаем подлинных связей между «остатками» и «деривациями».

В-четвертых, теория социальной циркуляции Парето носит слишком общий характер и неточна. Она нуждается во многих поправках и в дальнейшем развитии.

Эти замечания касаются наиболее существенных слабых мест теории Парето. Однако они не умаляют его ценный вклад в методологию социальной науки, в социологию речевых реакций и идеологии или в общее представление о социальных явлениях. Его труд является, быть может, лучшим продолжением социальной физики того плана, который был начертан мыслителями XVII в. Парето пытается придерживаться этого плана, отбрасывая его слабые стороны и разрабатывая все ценное, что содержится в его величественных прозрениях. Если другие современные механистические и энергетические теории, о которых шла речь выше, добавили очень мало к теориям XVII в., то в работе Парето они вновь оживают во всем своем блеске и очаровании. Исследования Парето демонстрируют, что социальная физика XVII столетия, если понимать ее правильно, – не просто дерзкая мечта отважного человеческого ума, она может быть развита до подлинно научной социологии, которая, возможно,

и не окажется в состоянии раскрыть все «тайны» поведения человека и его истории, но сможет в какой-то мере прояснить наиболее важные из них.

Целый ряд других упомянутых исследований, которые следуют принципам Парето и которые уже принесли некоторые ценные результаты, как будто бы оправдывают это ожидание и стимулируют проведение «механистических и количественных исследований социальных систем», контуры которых очертил Парето.

Глава II

ШКОЛА ФРЕДЕРИКА ЛЕ ПЛЕ

Имя Фредерика Ле Пле заслуживает того, чтобы стоять в одном ряду с именами выдающихся мастеров социальной мысли. Он и его последователи создали подлинно научный метод изучения и анализа социальных явлений, разработали одну из лучших систем социальной науки и, наконец, сформулировали несколько важных социологических закономерностей. Во всех работах Ле Пле и его последователей видны глубокая научная проницательность, блестящий талант научного анализа и синтеза, оригинальность мысли. В результате всего этого им удалось создать подлинную школу в социологии, обладающую вполне определенными методами и принципами.

1. Биография Ле Пле и история его школы

Пьер Фредерик Гийом Ле Пле родился 2 апреля 1806 г. во французской деревне, расположенной между портом Онфлёр и Бротоннским лесом. Его отец, умерший в 1811 г., когда Фредерик был еще совсем ребенком, занимал незначительную должность в государственной налоговой службе. Его мать, женщина с сильным характером, была глубоко верующим человеком. Детство Ле Пле прошло в деревне, где ему пришлось испытать нужду и лишения. С 1811 по 1815 г. он жил в Париже в семье своей тетки по отцовской линии. Здесь он получил начальное образование. В 1815 г. Ле Пле пришлось вернуться в родную деревню, где он провел следующие семь лет, обучаясь в колледже Гавра. В 1825 г. он поступил в Политехническую школу, а в 1827 г. стал студентом Горного института. В 1829 г. он и его друг Жан Рейно отправились в научную поездку по Германии. За время своего обучения они прошли пешком около 4 000 миль. В 1832 г. Ле Пле, окончив с отличными результатами Горный институт, становится одним из редакторов журнала «Горная промышленность» (*Annales de mines*), в 1835 г. – главой Государственного комитета горной статистики, а в 1840 г. – профессором металлургии и заместителем директора Горного института. В течение последующих нескольких лет, будучи уже признанным знатоком горного дела, он получал от нескольких стран приглашения с просьбой на месте руко-

водить усовершенствованием и реорганизацией их добывающей промышленности. В числе этих стран была и Россия, где Ле Пле руководил организованной им на Урале артелью горняков, насчитывавшей 45 000 человек. Эти заграничные должности дали ему возможность посетить и хорошо узнать почти все европейские и некоторые азиатские страны. В 1855 г. Ле Пле опубликовал свою знаменитую книгу «Рабочие Европы» – результат более чем двадцатилетнего научного труда. В 1856 г. он основал Международное общество практического изучения социальной экономики. Филиалы общества были учреждены во многих странах. Его деятельность состояла в публикации целого ряда монографий, которые составили серию «Рабочие двух миров» (*Les ouvriers deux mondes*)^{*}. В 1864 г. Ле Пле опубликовал два тома «Социальной реформы во Франции», а в 1870 г. – «Организацию труда». В 1867 г. он стал сенатором Французской ассамблеи, в 1872 г. учредил Союз социального мира для изучения общественных проблем по методам естественных наук. В 1881 г. начал выпускать двухнедельник «Социальная реформа», представлявший как научный, так и практический интерес. В том же году он опубликовал свой труд «Основная конституция». Умер Ле Пле в 1882 г.¹

Отличительными чертами личности Ле Пле были искренность, исключительная честность, глубокая религиозность, прекрасное знание естественных наук. На его мировоззрение наложили отпечаток такие крупные события, как Великая французская революция и революции 1830, 1848 и 1870 гг., а также факты личной биографии: происхождение из бедной семьи, жизнь среди сельского населения и, наконец, его многочисленные путешествия по Европе и Азии. Социальные перевороты и связанные с ними бедствия стимулировали его интерес к изучению социальных явлений и пробудили в нем стремление найти научный метод улучшения социальных условий. Его глубоко нравственная и религиозная натура придала этому стремлению чрезвычайно искренний характер. Его талант и блестящее знание естественных наук помогли ему разработать научные методы и применить их для изучения социальной реальности.

Работа, начатая Ле Пле, привлекла к нему много людей, ставших его учениками и сотрудниками. После его смерти они продолжили его работу и внесли существенные усовершенствования в его методы, а также сделали ряд серьезных поправок к его учению и отдельным высказываниям. Самыми выдающимися из его учеников и сотрудников были Анри де Турвиль (1843–1903), Эдмон Демолен

¹ О жизни Ле Пле см.: *Herbertson D. Le Play and Social Science // The Sociological Review*, vol. XII, p. 36 ff., 108 ff., vol. XIII, p. 46 ff.; *de Curzon E. Frédéric Le Play*. Paris, 1899; *Demolins E. Nos deux premiers maîtres // Societe International de Science Sociale; L'origine, le But et l'Organisation de la Société*, Brochure de propagande. Paris: Bureaux de la Science Sociale; много данных содержится в работах самого Ле Пле и в работах его учеников.

(1852–1907), Робер Пино, Поль Рузье, Видаль де ла Блаш (последний, хотя и не принадлежал к школе Ле Пле, оказал своими трудами существенное влияние на географическую часть социологической системы школы) и многие другие. Они основали Международное общество социальных наук и его печатный орган – журнал «Социальная наука». Это ценное научное издание опубликовало много важных социологических исследований и монографий. Позже часть этих исследований была издана в виде книг. Наиболее существенными из них являются следующие: «Развитие современных наций» А. де Турвиля (английский перевод: New York, 1907), «Каким образом возникает социальный тип» (*Comment la route crée le type social*) в двух томах, «Превосходство англо-саксов. Чем оно обусловлено?» (английский перевод: London, 1898), «Французы сегодня» (*Les Français d'aujourd'hui*) и «Новое образование» (*L'Éducation nouvelle*) Э. Демолена, «Американская жизнь» (*La vie américaine*) и «Рабочий вопрос в Англии» (*La question ouvrière en Angleterre*) П. де Рузье, а также «Социологические принципы школы Ле Пле» в двух томах («*La science sociale d'après les principes de Le Play*», Paris, 1897) Ж.Б.М. Винье. Краткое изложение принципов и методов школы представлено в специальной «Брошюре пропаганды» (*Brochure de propagande: Société Intern. de Science Sociale; L'Origine, le But et l'Organisation de la Société*), изданной в Париже². Недавно Английское социологическое общество приступило к изучению и пропаганде принципов школы Ле Пле³. В результате интерес к этой школе заметно оживился, и появились новые исследования аналогичного свойства. Несмотря на то, что прошло уже почти полвека с тех пор, как Ле Пле умер, нет никаких симптомов, которые свидетельствовали бы о прекращении или уменьшении влияния его идей. До сих пор они вполне актуальны и, вероятнее всего, таковыми и останутся. Теперь обратимся к принципам школы⁴.

2. Методы школы Ле Пле

Вклад школы Ле Пле в социальную науку состоит, во-первых, в создании конкретного метода анализа социальных фактов, во-вторых, в построении определенной социологической системы и формулировании ряда социологических закономерностей и, в-третьих, в выдвижении многочисленных практических

² Одна из статей этого сборника (*de Rousier P. La science sociale*) переведена на английский и опубликована в «*Annals of the American Academy of Political and Social Science*» (1893–1894, vol. IV, p. 620–646).

³ См.: *The Sociological Review*, vol. XI, XII, XIII.

⁴ Я не упоминаю о предшественниках Ле Пле. Его теория, будучи по своему характеру синтетической, должна рассматриваться как продолжение трудов всех социальных мыслителей, внесших свой вклад во все принципиально важные социологические школы. Имена этих мыслителей названы в последующих главах настоящей книги.

соображений по поводу улучшения социальных условий (относящихся к сфере прикладной социологии). Рассмотрим вкратце каждый из этих пунктов.

С начала своих исследований Ле Пле понял, что главным препятствием для научного изучения социальных явлений является отсутствие подлинно научного метода, который можно было бы с успехом использовать для их анализа. Еще до Ле Пле осознавали, что социальная наука должна опираться на наблюдение социальных фактов и их индуктивный анализ. Но было непонятно, как следует рассматривать социальные феномены и какие факты из необъятного количества материала являются наиболее существенными. Ле Пле отчетливо понял, что для того, чтобы исследователь был в состоянии научно осветить все чрезвычайно многочисленные и разнообразные социальные факты, он должен найти некую простую и вполне определенную единицу социальных явлений, изучая которую, наподобие того как изучают атом в физике и химии или клетку в биологии, можно открыть все характерные особенности более сложных социальных фактов. Таким образом, первой проблемой, которую предстояло решить, была проблема элементарной основной социальной единицы. Вторая проблема состояла в нахождении метода количественного измерения различных компонентов или элементов этой единицы. Ле Пле с его математическим умом понимал, что без количественных методов исследование будет вестись впопыхах на ощупь, а результаты его окажутся сомнительными. Первая из этих проблем была решена благодаря тому, что *за элементарную основную единицу была принята семья*, а вторая – благодаря тому, что *семейный бюджет стал использоваться как количественная характеристика жизни семьи и, соответственно, как основание количественного анализа социальных фактов*. Причин для такого выбора было несколько. Семья представляет собой простейшую элементарную разновидность общества. В той или иной форме она существует во всех обществах и во все времена по той причине, что новорожденные дети абсолютно беспомощны. Семья – та группа, которая берет на себя заботу о них, будучи институтом, предназначенным для воспроизводства и сохранения членов общества. Это первая социальная среда, в которой оказываются дети и которая окружает, обучает и воспитывает их как членов общества. Все социальные и политические отношения в элементарном виде проявляются в семье. Это единственная группа, которая существует у всех народов, и, разумеется, многие из них не имеют никакой другой более сложной социальной организации. Короче говоря, семья есть простейшая универсальная модель общества, содержащая в себе все его существенные характеристики⁵. С другой стороны, в семейном бюджете отражается вся жизнь семьи, ее организация и функции. Если мы должным образом проанализи-

⁵ См. в Brochure de Propagande: *Demolins E.* Comment on analyse, p. 74–77; *Pinot R.* La classification des espèces de la famille, passim; *Vignes.* Op. cit., vol. I, ch. I–II; *Le Play F.* Ouvriers européens, vol. I; *Le Play F.* La réforme sociale en France. 1866, vol. I, ch. III.

зируем доходы и расходы семьи, то получим количественную характеристику всей ее жизни, ее организации и ее функций⁶. Таковы начальные пункты метода анализа социальной системы, предложенного Ле Пле. Это, однако, не более чем отправная точка. Ле Пле вполне понимал, что организация и функции любой семьи обусловлены множеством факторов. Во-первых, одна из основных функций семьи состоит в добывании средств существования для ее членов; соответственно, организация семьи зависит от способов обретения средств существования, т. е. от *характера труда*. А сами эти способы опять-таки зависят от окружающей среды, в которой живет семья, от *места* ее обитания и в первую очередь – *места* географического, поскольку характер этого *места* определяет особенности *труда*, посредством которого семья добывает средства для своего существования. Таким образом, мы получаем знаменитую формулу Ле Пле: *Место – Труд – Население (Семья)*. И тем самым социальная единица (семья) оказывается связанной с *географической средой* и *характером труда*. Но это еще не все. В так называемом многосоставном обществе имеется множество социальных групп и институтов, более крупных и более сложных, чем семья. Если тип семьи определяет их характер, то и они, в свою очередь, влияют на тип семьи. Поэтому необходимо было продолжить анализ социальной системы, выйдя за пределы института семьи, и перейти к анализу ее ближайшего окружения, округа, провинции, государства и других более крупных социальных групп, в окружении которых семья существует. Таким образом, Ле Пле связал семью со всеми существенными условиями, совокупность которых образует систему данного общества. Его аналитическая схема, начинающаяся с семьи, охватывает *географическое расположение* семьи и соответствующего общества, *характер труда или экономическую организацию семьи и соответствующего общества*, а также *все социальные и политические институты* данного общества. Иными словами, почти все существенные факторы, влияющие на социальную группу, и все ее составные части стали предметом его анализа. В то же время, анализируя семейный бюджет, он нашел чрезвычайно удобный способ количественного анализа соответствующих явлений. Таким образом, в результате долгой систематической работы Ле Пле выработал свой метод изучения социальной системы, который он описал в книге «Европейские рабочие» и который использовал в монографических исследованиях семьи, вошедших в состав этого фундаментального труда⁷. Нет необходимости говорить о том, что эта новаторская работа Ле Пле нашла великое множество последователей. Его система анализа семейных бюджетов с неболь-

⁶ См.: *Le Play F. Ouvriers européens*, vol. I, p. 224–228. «Все действия, из которых складывается жизнь семьи рабочего, более или менее непосредственно отражаются на ее доходах и расходах»; «наблюдатель обретет полное знание о семье, когда проанализирует все статьи, приходящиеся на долю кредита и дебета домашнего бюджета, и получит представление о точном соотношении между этими двумя статьями».

⁷ См. «Номенклатуру» и ее разделы в томах «*Les ouvriers européens*».

шими уточнениями по сей день используется современными экономистами. Сам он, используя этот метод, провел блестящий анализ социальных систем. Написанные им монографии о различных типах семьи и соответствующих обществах до сих пор остаются самыми четкими и являются непревзойденными образцами исследования социальных явлений и типов.

Тем не менее последователи Ле Пле нашли в его методе ряд недостатков. Во-первых, методика анализа социальных систем, разработанная Ле Пле, оказалась не вполне правомерной в той части, которая касается организаций и институтов, что выходит за пределы семьи, будучи более крупными и более сложными образованиями. Монографический метод Ле Пле «не охватывает общество в целом, некоторые чрезвычайно важные детали оказываются упущенными, так что добросовестный ученик, неукоснительно соблюдающий правила его метода, не смог бы тем не менее обнаружить главные причины процветания или обнищания изучаемой им страны». Во-вторых, метод изучения семейного бюджета «имеет дело только с теми явлениями, которые могут быть выражены в долларах и центах». Здесь опять-таки есть недостатки даже в плане того, что касается изучения самой семьи, поскольку «неверно, что все события, связанные с жизнью семьи, *всегда* отражаются, пусть даже и косвенным образом, на ее доходах и расходах. Например, одна из главных функций семьи – воспитание детей – не может быть выражена с помощью числовых показателей». То же самое справедливо и по отношению к истории и происхождению семьи. Кроме того, «семейный бюджет представляет собой всего лишь один из элементов, из которых складывается благосостояние семьи, т. е. ту часть этого благосостояния, которую можно оценить в денежной форме. Других он не замечает»⁸. К тому же Ле Пле, следуя своему количественному методу, преувеличил добывание средств к существованию как первоочередную функцию семьи и несколько недооценил функции обучения и воспитания детей. Это привело Ле Пле к переоценке передачи собственности в семье от отца к детям и на этом основании к не совсем правильной классификации основных типов семьи⁹.

Эти недостатки заставили его наиболее влиятельных последователей пересмотреть, модифицировать и усовершенствовать его метод. Эту работу проделали Анри де Турвиль, Демолен, де Рузье, Пино и некоторые другие. В результате появилась так называемая «Номенклатура социальных наук», в которой сохранены все основные характеристики метода Ле Пле, правда, в измененном и усовершенствованном виде. Рассмотрим эту «Номенклатуру», которая представляет собой подробную и систематическую схему анализа и изучения соци-

⁸ *De Rousiers P. La science sociale // Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. IV, p. 135–141.*

⁹ См.: *Pinot R. La classification des espèces de la famille établie par Le Play, est-elle exacte? // Société International de Science Sociale, Brochure de Propagande, p. 44–64.*

альных систем и организаций. Э. Демолен совершенно правильно отметил, что «Номенклатура» представляет собой чрезвычайно точный и удобный инструмент для социального анатомирования. Она выполняет роль своеобразного сита, которое позволяет нам просеивать все элементы социального типа и классифицировать их в зависимости от их качеств по 25 параметрам»¹⁰. Семья в «Номенклатуре» по-прежнему остается отправной точкой анализа (социальной единицей), но ее характеристики, отношения со всеми факторами окружающей среды и с самой средой охвачены столь систематическим и таким исчерпывающим образом, что, изучив типичную семью или группу семей по всем 25 параметрам, исследователь без труда может установить тип всего общества, его организацию, состояние, строение и факторы, влияющие на его развитие. «Номенклатура» позволяет исследователю переходить от самых простых явлений к наиболее сложным. Эти 25 фундаментальных разделов, каждый из которых разбит на множество подразделов, таковы:

I. *Место семьи* (географическое положение семьи или общества): почва, недра, рельеф местности, реки, ручьи, распределение воды; климат, растительность, степи, леса и т. д.; животный мир суши и воды.

II. *Работа или труд семьи*: 1) простой сбор даров местной природы (собирательство природных продуктов, рыболовство, охота); 2) добывание необходимых продуктов (животноводство и сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и т. д.); 3) производство: ручное, с помощью животной энергии, ветра, падающей воды, огня, угля и нефти); 4) транспортировка: пешим ходом, на гребных судах, пароходах, с использованием паровой энергии, электричества и т. д.

III. *Собственность семьи*: состав ее ценностей, формы владения, субсидий и передачи; земельная собственность и ее характер; институты и формы собственности в сообществе.

IV. *Движимая собственность*: крупный рогатый скот и домашние животные; инструменты и орудия труда; мебель; обслуживающий персонал (рабы и т. п.).

V. *Доход и заработная плата*: их источник, величина, формы и т. д.

VI. *Сбережения*: источник, характер, размер, формы.

VII. *Семья*: ее тип: патриархальная, псевдопатриархальная, партикуляристская, неустойчивая; отец, мать, дети, их количество, способности; дети в браке; отделившиеся от семьи; одинокие; слуги; престарелые члены семьи; больные и нетрудоспособные.

VIII. *Уровень жизни или материальное благосостояние семьи*: питание, жилище, одежда, гигиена, досуг.

¹⁰ Demolins E. Comment on analyse et comment on classe les types sociaux // Société International de Science Sociale, Brochure de Propagande, p. 76.

IX. *История семьи*: происхождение отца и матери; важнейшие события: рождения, образование и воспитание, торжества и праздники, события, женитьба и замужество, выбор наследника, перемены места жительства и отъезды, усыновления, пожертвования и наследство и т. д.; беды и неприятности: несчастные случаи и болезни, разорение, смерти, безработица, долги, ссоры, судебные приговоры и наказания, общественная служба, социальные бедствия и прочие неприятности.

X. *Патронаж* (покровительство и хозяева): патриарх; мастер; хозяева; корпорации.

XI. *Коммерция*: магазины, торговцы, коммерческие операции.

XII. *Духовная культура*: духовная культура, обусловленная условиями жизни; свободные искусства и их проводники: учитель, инструктор, врач, ученый, художник, писатель, юрист; объединения художников и специалистов.

XIII. *Религия*: частный культ, публичный религиозный культ, религиозные объединения; отношение к инакомыслию.

XIV. *Соседи*: непосредственные соседи, дальние соседи, многообразие соседей и отношения с ними.

XV. *Объединения*: объединения по интересам, по социальному положению.

XVI. *Церковный приход*: приходские подразделения, приходская собственность; приходские обязанности, власть и контроль.

XVII. *Объединения прихожан*: их разнообразие, их собственность и фонды, служба и обязанности, участники и агенты, власть, контроль и федерация.

XVIII. *Город*: его экология и география; его собственность, интересы, службы, обязанности, участники, агенты и власть, деятельность и контроль.

XIX. *Разделение на провинции*.

XX. *Провинция*.

XXI. *Государство*.

XXII. *Экспансия общества*: эмиграция, вторжение, колонизация.

XXIII. *Иностранные общества*: пути и методы контакта, эмиграция и иммиграция, соперничество.

XXIV. *История общества*: историческое происхождение нынешней ситуации, исторические перемены общества, сравнение с прежними местными обществами.

XXV. *Категория общества*: реальная роль данного общества в мире, реформы, будущее общества¹¹.

Такова вкратце «Номенклатура» как метод анализа и синтеза общества. По сути дела, она соединяет в себе все релевантные факторы, которые влияют на со-

¹¹ См.: *Demolins E. Op. cit., Appendix; de Rousiers. Op. cit., p. 63 ff.*

циальную жизнь и ее организацию, причем соединяет их логической, систематической и причинно-следственной связью. Такой раздел, как «место», позволяет учитывать то, что известно под названием «географические факторы и окружающая среда». Разделы II, III, IV, V и VI принимают в расчет то, что известно как «экономические факторы». Таким образом, место и характер труда определяют тип семьи. Разделы VII, VIII, IX фиксируют все характерные особенности семейной организации и ее функции. Начиная с раздела X, мы выходим за пределы семьи и через ее отношения с более крупными социальными объектами вступаем в сферу над-семейной социальной среды с ее институтами и группами. Переходя от простых групп к более сложным, мы постепенно доходим до самого крупного, окончательного и высшего социального организма: человечества. Мы должны признать, что в «Номенклатуре» учтены почти все существенные факторы человеческого поведения, социальных процессов и организации. В отличие от большинства социологических систем, она свободна от односторонности. Она содержит в себе все ценное, что есть у географической школы, она придает большее значение экономическим условиям, уделяет чрезвычайно большое внимание самой семье как социальному фактору, адекватно оценивает роль контактов и взаимодействия, а также роль религии, права, науки и искусства, влияние состава и характера всех социальных групп, роль расы и наследственности. Но это еще не все. Все разделы «Номенклатуры» связаны друг с другом не механическим и случайным образом, а, наоборот, выстроены в замечательно последовательный причинно-следственный ряд. Этот ряд не предопределяет, какой фактор более или менее значим, но показывает, каким образом и в какой степени они обуславливают друг друга. «Место», особенно если речь идет о простых сообществах, определяет способы добывания средств существования – *характер труда*, формы собственности и прочего достояния семьи; эти условия определяют тип семейной организации и ее функционирования, что, в свою очередь, определяет характер народа, воспитанного в подобного рода семьях, а это, в свой черед, опять-таки определяет тип над-семейных организаций и институтов. В несколько измененном виде, принимая во внимание историю общества, единицей которого является семья, тот же самый последовательный ряд можно приложить и к более сложному обществу. Наконец, подобно классификации растений в ботанике, «Номенклатура» в то же самое время представляет собой систематизацию социальных групп на основе генетического принципа¹². Коротче говоря, «Номенклатура» действительно является огромным вкладом в дело создания метода социальной науки.

¹² Генетический или эволюционный характер «Номенклатуры» особенно подчеркнут в указанной работе М. Винье и в книге: *Demolins E. Comment la route crée le type social*, vol. I–II.

3. Социологическая система и главный вклад школы Ле Пле

Используя вышеописанный метод, многие последователи Ле Пле провели ряд монографических исследований социальных систем разных народов. Выявляя факторы, влияющие на исторические судьбы и характер социальной организации рассматриваемого общества, эти исследования позволили сделать ряд важных социологических обобщений. В качестве примера мы рассмотрим, как последователи Ле Пле отвечали на вопросы: почему историческая судьба и организация данного общества сложились именно таким образом и какие факторы послужили тому причиной?

После этого перечислим принципиальные обобщения, сделанные этой школой. За образец я возьму исследование степных народов, которое провел Демолен. Первая часть его анализа посвящена подробному описанию климатических и географических условий Центральной Азии и Восточной Европы (анализ «места»). Основным продуктом этого региона является трава. Отсюда следует: «повсеместное наличие одной только травы определило один и тот же характер труда – скотоводство»¹³. «Действительно, в этой части земного шара мы находим многочисленные группы скотоводов». Из животных здесь наиболее важна лошадь. «Лошади исключительно хорошо приспособлены к жизни в степи, и именно лошади позволили приспособиться к жизни в ней и человеку». «Без лошадей пастушеский образ жизни был бы невозможен»¹⁴. Лошади в степи являются единственным средством передвижения и транспортировки. Они же обеспечивают пастушеские племена основным продуктом питания – кумысом (кобыльим молоком), который отличается высокими вкусовыми качествами, богат всеми важнейшими питательными элементами и легко приготавливается. По этим и многим другим причинам лошадь играет чрезвычайно важную роль в жизни кочевых народов¹⁵. Таким образом, из-за этих особенностей степей народы, которые их населяют, могут существовать исключительно за счет простого *собираения* даров природы, не испытывая необходимости «культивировать» продукты, необходимые им для жизни, и обрабатывать их в сколько-нибудь значительном объеме.

Производство у таких групп ограничено приготовлением нескольких продуктов питания, постройкой жилища, изготовлением средств гигиены и того, что необходимо для отдыха. Характер и качество всех этих объектов тоже обусловлены степью. Ею же обусловлены и способы производства («характер труда»). Пища в степи готовится только из молока и мяса. Приготовление и заготовка этой пищи не требует больших усилий и наличия особого класса мясников

¹³ Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I, p. 9.

¹⁴ Ibid., p. 11.

¹⁵ См.: Ibid., p. 11–22.

и молочников. Отдельная семья легко справляется со всеми этими операциями. Особенности степного жилища обусловлены тем же самым фактором. Кочевой образ жизни заставляет их иметь такое жилище, которое можно было бы собрать и разобрать за считанные минуты. Поэтому кочевники живут в *юртах* (что-то вроде палаток), которые изготавливаются из шкур животных. Очаг и немногочисленные предметы домашней обстановки имеют такой же передвижной характер, приспособленный к условиям жизни, как она сложилась под влиянием географической среды. То же самое можно сказать и об одежде. Жизнь под открытым небом не требует каких-то особых условий для отдыха. Остается еще необходимость в самозащите, которая удовлетворяется за счет изготовления немногих видов оружия. Они тоже легко изготавливаются каждой семьей.

Механическая энергия, необходимая для всего этого, обеспечивается почти исключительно энергией самого человека. Главным «механизмом» является человеческая рука. Поэтому не требуется никакой организации, помимо семьи. Как видим, все необходимое может быть произведено внутри семьи. Это обстоятельство делает ненужной какую бы то ни было более крупную организацию, чем семья. Таким образом, *степь определяет характер труда и продукции и накладывает на них отпечаток производства в рамках семейного сообщества.*

Такой же отпечаток накладывает степь и на характер собственности и тип семьи кочевников. У них нет оснований для владения земельной собственностью. Семья кочевника должна перемещаться на новое место всякий раз, когда трава на данном месте оказывается съеденной животными, поэтому «для кочевников в большей степени необходимо иметь возможность свободного передвижения по степи, чем исключительное право владения ограниченными участками земли»¹⁶. «Поскольку трава растет сама по себе и никакого труда человека для этого не требуется, естественно, что земля остается общей собственностью; частная собственность на землю появляется лишь тогда, когда землю начинают обрабатывать для выращивания продуктов. Необходимость такой работы является источником института частной собственности»¹⁷. Определяя организацию труда, степь обуславливает и характер общей собственности у кочевников. *Общинный характер труда и собственности* накладывает, в свою очередь, отпечаток общности, или коммунизма, на *семью* степных народов. Это – патриархальная семья с отцом, или патриархом, во главе, вместе с которым живут все его дети, за исключением замужних дочерей. Патриарх обладает высшей властью над всеми членами семьи. Все, за исключением незначительных предметов, является общей собственностью семьи. Таким образом, *тип патриархальной семьи развился благодаря степи*¹⁸.

¹⁶ Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I, p. 59 ff.

¹⁷ Ibid., p. 59 ff.

¹⁸ Ibid., p. 60–63.

Влияние такого типа семьи на молодое поколение носит вполне определенный характер: поскольку все общее, поскольку индивид является лишь своеобразной «клеткой» семейного сообщества и семья в каждом деле выступает как единое целое, естественно, что такого рода организация семьи подавляет личную инициативу в детях и постоянно учит их полагаться не на самих себя, а на семью, традиции и уклад жизни, которые передаются из поколения в поколение. Выходцы из таких семей довольно консервативны, их внимание обращено на прошлое, а не на будущее, они руководствуются исключительно традициями и обычаями своих отцов и праотцов, а не собственной инициативой.

Самодостаточность семьи обитателей степи делает ненужным какое бы то ни было объединение или интеграцию семей в более крупный социальный организм, политическую группу или экономическую организацию. Семьи кочевников сосуществуют бок о бок друг с другом, не имея каких-либо долговременных связей и не объединяясь в более крупную единицу. У степных кочевников нет постоянного государства или правления. Единственная форма организации – это объединение в караваны, но и они носят временный характер. Караван представляет собой надсемейное образование под персональным и временным руководством главы – проводника¹⁹. Наличие такого главы объясняется тем, что необходим кто-то, кто руководил бы движением каравана, следил за порядком, без которого он был бы обречен на гибель, и за время пути поддерживал добрые отношения с местным населением. В таких условиях «караван превращается в военизированное подразделение, которое имеет своего командира и обеспечивает себя продовольствием»²⁰. Оно очень легко может превратиться в настоящую армию, если мощь его возрастет, найдется достойный лидер и страна, в которую эта армия вторгнется. Таковыми были великие вторжения Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, кочевых монголов в Китай и многие другие, источниками которых были крупные караваны степных кочевников, которые превратились в армии. Такие караваны, включающие в себя все население, в том числе женщин и детей, легко спасающиеся бегством в случае поражения и грабящие страны на своем пути, представляют собой огромную силу. Но теми же самыми условиями организации каравана объясняется, почему все империи кочевников были нестабильны и недолговечны. Со смертью их талантливой лидера такие империи быстро распались, поскольку никакой другой основы для интеграции у них не было²¹.

Таковы в кратком изложении анализ и объяснение социальной системы степных народов. Начав с *места их обитания*, автор шаг за шагом показал, как степь формирует этот тип социальной организации. «Условия жизни в степи предопределили род занятий обитающих в ней народов – пастушество, царящую среди

¹⁹ Ibid., vol. I, chap. III.

²⁰ Ibid., p. 72–76.

²¹ Demolins. Comment la route crée le type social, vol. I, p. 80 ff.

них общность (*communauté*) труда и собственности, патриархальный тип семьи, низкий уровень развития ремесел и торговли, характер искусства, религиозного культа, публичных властей и т. д.»²². Каждая из этих характеристик обусловлена другими, а все они в конечном счете – особенностями степи.

Путем мирной миграции и путем вторжения эти степные народы рассеялись по миру и в то же самое время распространили основные характеристики своей социальной системы, в частности патриархальный тип семьи. Одни кочевники двинулись на север и достигли области тундры. Не имея возможности вернуться назад, они вынуждены были остаться в географических условиях (*место*), резко отличающихся от степных²³ (в гораздо более холодном климате, при наличии северных оленей вместо лошадей, при недостатке пищи, когда единственным средством существования являются рыбная ловля, охота и т. д.)²⁴. Это отличие природной окружающей среды послужило причиной значительного изменения социальной системы степных народов, осевших в тундре. Примерами тому служат эскимосы и лапландцы^{2*}. Их предки пришли из степи и осели в тундре, но в новых условиях они и их потомки должны были резко изменить свой прежний образ жизни. В незапамятные времена какая-то часть обитателей тундры переправилась через Берингов пролив и очутилась в Америке. Здесь, в зависимости от особенностей региона, который они должны были пересечь (двигаясь в направлении к саванне, Скалистым горам на юг или к озерам на юго-восток) и в котором они в конце концов осели, их образ жизни снова трансформировался, и из них в конечном итоге образовались основные типы американских индейцев – охотники прерий и охотники лесов с типичными для них социальными институтами и особыми типами семьи. Жизнь в прериях и охота на бизонов способствовали тому, что у новых обитателей сформировался особый тип социальной организации – охотничьи племена (индейцы прерий). Патриархальный тип семьи по-прежнему сохранялся, но в некоторых аспектах он стал слабее. Другой тип семьи сформировался у тех пришельцев, которые осели в районе Скалистых гор (индейцы, обитавшие в горах). Третий тип образовался у тех племен, которые населили главным образом район Великих озер (индейцы озерного края). Наконец, иной и самый худший тип общества сложился у тех, кто направился в джунгли Южной Америки (южноамериканские индейцы). Здесь, так же как и в лесах Центральной Африки, условия лесной жизни способствовали распаду крупных кланов на мелкие социальные группы и возникновению «нестабильной» семьи вместо семьи патриархальной. Образ жизни охотника, промышлявшего в джунглях, привел к тому, что большая патриархальная се-

²² Ibid., p. 195.

²³ Demolins. Comment la route crée le type social, vol. I (см. причины этого на стр. 114 и далее).

²⁴ Ibid. (см. детали на стр. 117 и далее).

мья превратилась в элементарную социальную группу, состоявшую из охотника и его жены. Дети, едва успев подрасти, вынуждены были уходить от родителей и должны были сами добывать себе средства существования, поскольку условия жизни в лесах не позволяли создавать продуктовые запасы для большой группы людей, живших совместно. Таким образом и образовался тип «нестабильной» семьи – семьи, не имевшей ни долгой истории, ни каких бы то ни было традиций, семьи, в которой молодое поколение не уважало стариков и патриарха. В таких условиях молодому поколению невозможно было внушить ни идею общинной собственности, ни консервативного традиционализма, свойственного патриархальной семье. Лесная охота способствовала формированию лишь изолированных, жестоких, звероподобных индивидов. Таково вкратце происхождение семьи «нестабильного» типа. Если тип патриархальной семьи зародился в азиатских степях, то *тип семьи «нестабильной» появился в джунглях Южной Америки и африканских лесах*²⁵.

Особое внимание в школе Ле Пле уделялось проблеме возникновения, причинной обусловленности и истории *семьи партикуляристского типа и партикуляристского общества*. Решению этой задачи посвятил себя главным образом Анри де Турвиль. Согласно де Турвиллю, формирование человека, семьи и общества партикуляристского типа происходило таким образом: группа патриархального типа под предводительством Одина – воина, идущего во главе каравана, – отправилась в путь из района Дона, юго-восточного региона современной России, и достигла Скандинавии. Природные особенности западных районов Скандинавии заставили их и их потомков постепенно изменить свой образ жизни, а патриархальную семью заменить семьей партикуляристского типа. Непогодные почвы Норвегии, берега которой изрезаны фьордами, заставляли их заниматься рыболовством, ставшим для них главным источником пропитания. Средством передвижения им служили лодки, которые позволяли перевозить семью, состоящую из мужа, жены и, возможно, нескольких детей. Поселившись на берегу фьорда, такая семья имела «узкую и извилистую полосу земли, пригодную для обработки, отвесные берега, удобные для рыбной ловли, и спокойные морские заводи, удобные для плавания на небольших судах»²⁶. Жизнь в таких условиях не позволяла детям долго оставаться при родителях, образуя тем самым патриархальную семью. Большая семья не смогла бы обеспечить себя необходимыми средствами существования, оставаясь на одном и том же месте. В силу этого взрослые дети вынуждены были отделяться от родителей и на лодках переправляться в другое место, чтобы жить там независимо. Патриархаль-

²⁵ Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I, ch. IV

²⁶ de Tourville H. The Growth of Modern Nations. A History of the Particularist Form of Society. New York, 1907, p. 49. Здесь представлены подробный анализ географических условий Скандинавии и история переселения Одина и его потомков (ch. I–III).

ная семья (и другие социальные институты патриархального типа) исчезла под воздействием особых географических условий западного склона Скандинавии. «Каждый взрослый сын должен был найти себе укромный уголок в глубинах этой скалистой страны, привыкнуть обходиться без чьей бы то ни было помощи, которую могло бы оказать сообщество индивидов, и рассчитывать только на то, что приобрел собственным трудом»²⁷. Таким образом, окружающая среда способствовала выработке у рыбаков и землепроходцев Западной Скандинавии черт характера, присущих людям партикуляристского типа, таких как самостоятельность, инициативность и независимость. Так образовался новый тип людей и новый – партикуляристский – тип семьи, основанной на том, что «индивид способен построить свой собственный дом»²⁸.

Когда этот революционный процесс формирования нового типа человека и нового типа семьи завершился, в сфере общественной жизни и социальных институтов тоже произошли многочисленные изменения. Во-первых, «упразднилась общественная жизнь, и повсеместно восторжествовала жизнь частная, самодостаточная». «Небольшие суда и прибрежное рыболовство позволяли каждому отдельному эмигранту выживать в одиночку, действовать без поддержки сообщества, даже без поддержки соседей и хозяина». В дальнейшем это привело к установлению прямого землевладения (небольших ферм или поместий) вместо системы патриархальной общины²⁹. Объединения с другими людьми не исчезли, но вместо принудительного объединения в рамках патриархальной общины возникла свободная социальная организация, причем «только там, где это было совершенно необходимо». Это в свою очередь привело к установлению договорных объединений, выборам лидеров и публичных властей, к независимости и самоуправлению, без чего нельзя себе представить партикуляристское общество. В отличие от общества, в котором преобладает семья «нестабильного» типа (возникшая в лесах), рыбаки и фермеры Скандинавии создавали объединения. Но, в отличие от патриархального типа общества, эти объединения были добровольными, основанными на договорах и соглашениях, и вдобавок ко всему они создавались только там и тогда, где и когда они были необходимы и желательны. Таким образом, партикуляристский тип семьи создал самоуправляемые социальные и политические образования с выборными властями, обладавшими ограниченными полномочиями, вместо насильственных, автократичных и традиционалистских властей патриархального общества. Короче говоря, партикуляристский тип семьи привел к возникновению того, что теперь принято называть реальной демократией и свободным обществом³⁰. Тем самым Скандинавия –

²⁷ Ibid., p. 68–69; см. также ch. IV.

²⁸ Ibid., p. 10.

²⁹ Ibid., p. 11–12.

³⁰ Ibid., p. 14 ff.

и только она – оказалась той «мировой лабораторией, где был создан и сформирован партикуляристский тип человека, семьи и общества»³¹. Таковым было его происхождение.

Развив до конца этот тезис, де Турвиль затем прослеживает распространение и исторические судьбы партикуляристского типа человека и социальной организации. Некоторая часть представителей партикуляристского общества мигрировала, осела на равнинах Саксонии и стала заниматься земледелием. Эта миграция носила не массовый, а индивидуальный характер. На этих равнинах они несколько изменили свою социальную организацию, тем не менее по своему типу она осталась партикуляристской³². Из этого центра равнин Саксонии партикуляристский тип общества распространился по всей Европе. Некоторые из племен, известные под названием «франки», мигрировали на Запад. Сначала они действовали как подданные и представители римских императоров, а также королей из династии Меровингов и Каролингов. Однако вскоре они обрели землю и поместья, осели и начали бороться за свою независимость и партикуляристские принципы. В этой борьбе им удалось справиться с растущей автократией Меровингских и Каролингских королей и рыцарей и добиться независимости и личной неприкосновенности. Вдобавок они помогли и другим классам освободиться от вмешательства монархической власти и подорвали режим военизированной и патриархальной организации, установленный Римом, а позднее поддерживаемый Меровингами и Каролингами. То, что называют феодализмом и его победой в IX в., было, по сути дела, не чем иным, как борьбой и победой партикуляристского типа человека над патриархальным. Носители партикуляристского типа человека – саксы и франки – победили своих врагов, возглавляемых Меровингами и Каролингами³³. Таким образом, перед нами чрезвычайно оригинальная и позитивная интерпретация феодализма. Согласно де Турвиллю, к числу наиболее ценных достижений феодализма в период его роста относятся: значительное уменьшение милитаризма и войн, освобождение рабов, установление и распространение свободы и самоуправления, большой прогресс в сельском хозяйстве, гармония и солидарность социальных классов, необычайное развитие свободных объединений, увеличение добровольной предприимчивости и т. д.³⁴ Позднее в силу неудачно сложившихся исторических условий партикуляристский тип человека, семьи и общества был в Европе подавлен и заменен отчасти патриархальным, отчасти нестабильным типом³⁵. Другая волна партикуляристских мигрантов с равнин Саксонии и из Скандинавии устремилась в Англию. Здесь они осели и постепенно освоились, несмотря на многочисленные трудно-

³¹ Ibid., p. 38–39.

³² Ibid., ch. V.

³³ Ibid., ch. VIII–XIII.

³⁴ Ibid., chap. XII.

³⁵ Ibid. (анализ см. в ch. XVIII и последующих).

сти. Эти поселенцы дали Англии социальную организацию партикуляристского типа. Преимущественно мирным путем они добились господства над кельтами, а позднее – над сменявшими друг друга завоевателями: англами, датчанами и норманнами. Таким образом саксы в Англии одержали верх над всеми племенами, населявшими Британские острова. Они сформировали английское общество в соответствии с партикуляристской традицией, создали ее институты и историю. Еще позднее часть из них эмигрировала из Англии в Америку, Австралию, Новую Зеландию, в другие места и создала там великие общества партикуляристского типа³⁶. Таково вкратце происхождение, развитие, распространение и история партикуляристского типа семьи и общества.

Аналогичным образом представители школы Ле Пле изучили, проанализировали и объяснили факторы, движущие силы и формирование, а также глубинные характеристики других типов общества и социальной организации³⁷.

Вышеизложенное дает представление о том, каким образом последователи школы Ле Пле применяют «Номенклатуру» для анализа социальной системы, как связывают один класс социальных явлений с другим и как классифицируют различные типы общества, семьи и институтов. Они не имеют никакого дела с абстракциями или чистой спекуляцией. С помощью «Номенклатуры», используемой в качестве гида, они погружаются в темную неизведанную пучину истории и, работая методично, спокойно и тщательно, пытаются разгадать ее тайны. Тот, кто читает их труды, может не соглашаться с их мнением, но у него никогда не возникает ощущение, что исследователи просто-напросто тешат себя цветами красноречия. Пульсация глубокой, систематичной и оригинальной, живой и интересной научной мысли ощущается на каждой странице лучших работ этой школы.

4. Вклад школы Ле Пле в социальную науку

Теперь мы можем кратко перечислить те достижения этой школы, которые являются ее главным вкладом в социальную науку. Прежде всего – это разработанный школой *метод*. Он состоит в рассмотрении семьи как социальной единицы, в количественном подходе к изучению социальных явлений и в создании «Номенклатуры» как путеводителя при проведении социологического анализа. Второй ее вклад состоит в монографическом изучении семьи и изучении семей-

³⁶ Ibid., ch. XIII–XVII, XXVIII–XXX; Demolins. Anglo-Saxon Superiority: To What Is It Due? London, 1898, p. i–xi.

³⁷ См.: Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I–II, passim; Demolins E. Les Français d'aujourd'hui, vol. I–II; все выпуски «La science sociale», в которых были опубликованы многие монографии; см. также библиографию, составленную Демолоном (Comment la route crée le type social).

ного бюджета, начатом Ле Пле и его последователями. Третий вклад представлен теми выводами, которые касаются влияния географических условий на различные стороны социальной жизни и институты. Как известно, сам факт этого влияния был известен задолго до Ле Пле и его школы (см. далее главу о географической школе). Со своей стороны школа Ле Пле значительно расширила наше знание в этой области и совершенно отчетливо показала влияние, соотношение и способы влияния места на социальные процессы и организацию общества. В общем виде точку зрения школы на сей счет хорошо иллюстрирует следующая цитата:

«На этой планете существует бесчисленное множество разных племен и народов, но что является причиной такого разнообразия? Обычно на этот вопрос отвечают: *раса*. Но такой фактор, как *раса*, ничего не объясняет, поскольку мы должны объяснить сначала, что создает само расовое разнообразие. *Раса* есть не причина, а результат. Первая и определяющая причина разнообразия рас и народов – *тот путь, по которому прошли эти народы*. Именно он, этот путь (окружающая среда), и создал расовый и социальный типы. Совсем не безразлично для народа, где именно пролегает его путь: через великие азиатские степи или сибирскую тундру, американские саванны или джунгли Африки (или же арабские пустыни и т. д.). Неосознанно и неизбежно эти пути сформировали либо татаро-монгольский, эскимосо-лапландский, краснокожий или же негроидный тип... В Европе скандинавский тип, англо-саксонский, французский, германский, греческий, итальянский и испанский также являются результатами того пути, какой проделали предки этих народов, прежде чем стали обитателями нынешних своих мест. Измените тот или другой из этих путей, и вы тем самым измените социальный тип и расу»³⁸.

Это позволило школе установить многочисленные связи между местом и различными характеристиками социальной организации. Наиболее значимыми из них являются следующие:

- А. Соотношения между *местом* и характером труда, такие как:
 - степь и пастушество;
 - тундра и рыболовство и охота;
 - морское побережье и рыболовство;
 - лес и охота;
 - равнина и земледелие.
- В. Соотношения между *местом* и формой собственности:
 - степь и общая собственность семьи;
 - тундра и общая собственность семьи;
 - фьорды и индивидуальная собственность.

³⁸ Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I, Preface.

- С. Соотношения между *местом* и типом семьи:
 - степь и патриархальная семья;
 - тундра и ослабленная патриархальная семья;
 - леса и нестабильная семья;
 - фьорды и партикуляристская семья.
- Д. Соотношения между *местом* и надсемейными институтами и общностями:
 - степь и караваны и набеги;
 - фьорды и договорные объединения и т. д.
- Е. Соотношения между *местом* и разнообразными социальными процессами и явлениями, такими как миграция, формы искусства и религии, войны и т. д.³⁹

В общем, вклад школы Ле Пле в дело изучения влияния окружающей среды на тип общества был возможно не меньшим, чем любой другой группы социальных географов.

Четвертым вкладом школы является разъяснение вопроса о взаимозависимости разных аспектов социального типа, описанных в «Номенклатуре». Примерами могут служить корреляции между характером труда и формами собственности⁴⁰, между формами собственности и типами семьи, между типами семьи и надсемейной организацией и т. д.

Пятым и, наверное, самым существенным вкладом школы является разработанная ею классификация основных типов семьи, разъяснение их происхождения, описание социальных функций семьи и, наконец, демонстрация огромной важности семьи для всей общественной организации и исторической судьбы группы.

Я уже описал происхождение и характерные черты каждого из трех основных типов семьи. Теперь рассмотрим более подробно другие проблемы семьи. Согласно выводам школы Ле Пле основными социальными функциями семьи являются: производство человеческих существ, добывание средств существова-

³⁹ Эти соотношения описаны в цитированных выше работах Ле Пле, де Турвиля, Демолена, де Рузье, Пино.

⁴⁰ Примеры: частная собственность увеличивается одновременно с ростом трудовых затрат, необходимых для производства или культивации предметов первой необходимости. Этого явления почти никогда не наблюдается среди кочевников-животноводов, которые живут за счет простого собирания даров природы и не прилагают никаких усилий для того, чтобы обрабатывать землю. Семья занимает какое-то место на короткий период времени, а после того, как вся трава, растущая на ней, съедена ее животными, перемещается на новое место. У полукочевых народов, таких как башкиры, которые начинают обрабатывать землю, «продолжительность труда увеличивается. Это сопровождается увеличением времени владения землей и развитием института частной собственности». Позднее, когда образовались более сложные типы общества, стало необходимым вкладывать все больше и больше труда для приобретения средств существования; простое собирательство даров природы все больше и больше вытеснялось необходимостью их производства. Соответственно все быстрее рос институт частной собственности. См.: *Demolins E. Comment, vol. II, p. 21–28.*

ния для ее членов и особенно социальное и экономическое воспитание подрастающего поколения. Эти функции присущи всем типам семьи, независимо от их конкретных форм. В этом смысле семья была и есть самый главный и наиболее эффективный институт⁴¹. «Каждый день общество подвергается страшному вторжению: в нем рождается множество маленьких варваров. Они быстро расстроили бы любую социальную систему и опрокинули бы все социальные институты, если бы их не дисциплинировали и не воспитывали. Образование становится совершенно необходимым и трудным делом благодаря тому факту, что новорожденный не является существом социальным». Он не знает законов общества и принятых в нем форм поведения, которые обеспечивают возможность социальной жизни. Ребенок не обретает их наследственным путем и даже склонен инстинктивно их не соблюдать. Он не знает, как добывать средства существования, и не желает входить ни в одну социальную группу и подчиняться ее правилам. Отсюда – необходимость воспитания, обучения и образования, без которых никто из нас не может ни адаптироваться к социальной жизни, ни обеспечить условия жизни, ни сделать возможным длительное существование социальной группы. «Такое воспитание является одной из главнейших функций семьи. Никакой другой институт не может заменить ее в этом отношении»⁴².

Семья всегда была первой и самой важной «фабрикой», на которой биологические человеческие существа превращались в социальных индивидов. Это – своеобразный «скульптор», который лепит людей из «человеческой глины» и придает ей наиболее существенные и желательные для общества черты. Воспитание в семье определяет тип социальной организации⁴³.

«Любая семья воспитывает детей в соответствии с условиями и потребностями того места и той группы, в которых она существует». В зависимости от характера образования, которое семья дает подрастающему поколению, можно выделить три или четыре основных типа семьи. Типы эти следующие:

Патриархальная семья. «Она формирует молодое поколение так, что дети мирно уживаются друг с другом под властью главы семейства, так, что заставляет их направлять все свои усилия на благо семейного сообщества и ставит их в полную зависимость от семейной организации. В рамках семьи индивидуальность уничтожается и полностью в ней растворяется»⁴⁴. «Такой тип семьи распространен среди наиболее отсталых народностей Востока. Дети здесь, устраиваясь в жизни, рассчитывают не на самих себя, а на семейное сообщество, которое поддерживает их и в том случае, если они оставляют дом и тер-

⁴¹ См.: *Pinot R.* Op. cit., passim.

⁴² Ibid., p. 58.

⁴³ Ср.: *Cooley Ch.H.* Social Organization, ch. III. См. далее главу о социологической школе и современных исследованиях корреляционных связей между особенностями семьи и свойствами ее членов.

⁴⁴ *Pinot R.* Op. cit., p. 63.

пят неудачу, принимает их назад. В таких условиях от индивида не требуется большой самостоятельности и вполне достаточно того минимума образования, который обеспечивает семья, дополненного иногда тем, чему учит священнослужитель»⁴⁵. Общества, в которых преобладает данный тип семьи, консервативны, неподвижны и отсталы.

Разновидностью этого типа семьи является квазипатриархальная, или клановая, семья (*fausse famille-souche*), члены которой могут иногда покидать домашний очаг, но всегда поддерживают связь с семьей, посылают ей весь избыток своего заработка и всем жертвуют ради нее. Иногда, в случае необходимости, они даже дают обет безбрачия и, как правило, рано или поздно возвращаются в семью. Личная инициатива развита в такой семье чуть больше, чем в семье чисто патриархального типа, тем не менее в ней, по сути дела, сохраняются все особенности, свойственные последней⁴⁶.

Второй принципиальный тип – *семья нестабильная*. «В такой семье молодое поколение не готовится ни к чему специальному, но вместе с тем и не вырастает не способным ни к чему. Она воспитывает детей, не прививая им уважения к традициям и авторитетам, как делается это в патриархальной семье, но в то же время не поощряет в них стремления к оригинальности или независимой выработке новых идей, как делает семья партикуляристского типа. В таких семьях детей не приучают ни к подчинению, ни к инициативе, поэтому индивиду, не получившему никакого образования и никакого навыка, неспособному что-либо делать, остается лишь уповать на государство и правительство»⁴⁷. Общество с таким типом семьи представляет собой «государственно-коммунистическое образование». Здесь крупное публичное сообщество занимает место растворившегося в нем сообщества семейного; молодые люди, устраивая свою жизнь, стремятся здесь только к тому, чтобы занять какое-нибудь государственное место: одну из многочисленных должностей в армии или в других службах, созданных государством. Большая часть стран Западной Европы, в особенности Франция и Германия, принадлежит к этому типу. Чтобы получить эти должности, необходимо сдать экзамены. Чтобы избавиться от основной массы претендентов, надо усложнять процедуру экзаменов и делать их все более трудными. В таком обществе, где правит официальная бюрократия, правительство вмешивается во все, а механизм его управления строго централизован. Прусское милитаристское и бюрократическое общество и его естественное развитие, каковым является государственно-социалистическая организация, – вот естественные формы общества с таким типом семьи⁴⁸.

⁴⁵ Demolins E. *Anglo-Saxon Superiority*, p. 77.

⁴⁶ Pinot R. *Op. cit.*, p. 63.

⁴⁷ Pinot R. *Op. cit.*, p. 64.

⁴⁸ Demolins E. *Op. cit.*, p. 77.

Третий тип – *семья партикуляристская*. «Она воспитывает свою молодежь так, что та приучается самостоятельно вести свой собственный бизнес, заниматься своими делами независимо ни от кого и сама выбирает ту или иную сферу деятельности. Индивидуальной инициативе дается здесь неограниченный простор. Благодаря этому личность ценится чрезвычайно высоко. В таком обществе индивид – организатор и хозяин всех частных и общественных группировок. Здесь мы наблюдаем триумф личности над государством»⁴⁹. Скандинавские и англоязычные нации – лучшие примеры такого типа семьи и общества. «Личность здесь преобладает над общностью, частная жизнь – над публичной, и, как следствие, полезные специальности ценятся выше, чем свободные профессии и административная деятельность». Чтобы утвердиться здесь, личность не полагается ни на семью, ни на государство. Государство может предложить лишь ограниченное количество должностей, поскольку публичная власть здесь не централизована и чиновничьих должностей немного. Здесь индивид, если он хочет сам сделать успешную карьеру, должен рассчитывать в основном на собственную энергию и собственные способности. При таком устройстве общества главная цель образования (в семье и вне ее) должна заключаться в развитии индивидуальных качеств и формировании людей практической хватки⁵⁰. Демолен и де Рузье подробно показали различия в воспитании и обучении молодых людей в семьях и школах Германии и Франции, взятых в качестве примера обществ государственно-коммунистического типа, в основании которых лежит нестабильная семья, и в семьях и школах Англии и Америки, являющих собой образец партикуляристского общества, в основании которого лежит семья партикуляристского типа⁵¹. В партикуляристской семье (англосаксонского и скандинавского типов) «родители не считают детей своей собственностью и всего лишь продолжением их самих. Больше всего они заботятся о том, чтобы дети пораньше отделились от них. С детьми, начиная с самого раннего их возраста, они обращаются как с людьми взрослыми. В результате такого обращения они выращивают людей ответственных и самостоятельно мыслящих. Родители приучают детей быть готовыми к тому, что потребуется от них в будущем. Кроме того, они стремятся к тому, чтобы дети по возможности росли сильными, энергичными и физически развитыми. Дети с малых лет приучаются к повседневному материальному труду. Как правило, родители стараются обучить мальчиков какому-нибудь ремеслу. Родительская власть проявляется незначительно. Подростки знают, что родители не отвечают за то, как в дальнейшем сложится их жизнь». В результате из такой семьи выходят сильные и энергичные личности, знающие, чего они хотят, обла-

⁴⁹ Pinot R. Op. cit., p. 63.

⁵⁰ Demolins E. Op. cit., p. XIII, 78–79.

⁵¹ См.: Demolins E. Anglo-Saxon Superiority; de Rousiers P. La vie Américaine; de Tourville H. Op. cit.

дающие соответствующими знаниями и опытом, умеющие пользоваться своими правами и нести бремя ответственности⁵². Система образования за пределами семьи в партикуляристском обществе представляет собой лишь продолжение принципов внутрисемейного воспитания. Ей свойственны те же самые особенности, которые коренным образом отличаются от принципов школьной системы в «обществах государственно-коммунистического типа» (принятой в Германии и Франции)⁵³.

В результате такой организации «молодые люди становятся сильными, привыкшими сталкиваться с фактами материальной жизни, приученными полагаться на самих себя и смотреть на жизнь как на сражение, они преисполнены юношеских сил, позволяющих им справляться с трудностями жизни, они наслаждаются этими трудностями, ищут их и преодолевают». Вот в чем состоит секрет превосходства и могущества англосаксов. Вот в чем источник чудес, совершенных этим народом.

«Англо-саксонское превосходство! Даже если не все мы его признаем, мы все испытываем его на себе и все его боимся. Нельзя в мире ни шагу ступить, чтобы не столкнуться с “англезами”. Англосаксы вытеснили нас (французов) из Северной Америки, Индии и Египта. Из Канады и Соединенных Штатов они правят Америкой, из Египта и Капской колонии^{3*} распоряжаются Африкой, из Индии и Бирмы навязывают свою волю всей Азии, из Австралии и Новой Зеландии господствуют над Океанией; в Европе и во всем мире преобладают их торговля, промышленность и их политика. В настоящее время англосаксы стоят во главе самой активной, прогрессивной и наиболее распространенной цивилизации (*ibid.*, pp. xxvii–xxx). А теперь сравнивайте, решайте и судите. Я попытался показать те скрытые пружины, которые обеспечили этой расе возможность победить и заполнить более старые и дряхлые общества» (p. 103).

Вышеизложенное демонстрирует связь, существующую между типом семьи, социальной организацией в целом и историческими судьбами народов. Как мы уже знаем, школа Ле Пле показала, каким образом, в какой окружающей среде и при каких обстоятельствах возник каждый из выделенных ею типов семьи. Вышеизложенное также дает представление о том, как велико влияние семьи на всю организацию общества и его институты. Разные видные представители этой школы сформулировали многие другие корреляционные связи, останавливаться на которых мы не имеем здесь возможности⁵⁴.

До сих пор не было еще социологической школы, которая показала бы социальную значимость семьи, описала ее функции и представила бы классификацию

⁵² *Demolins E.*, *Op. cit.*, p. 95 ff.

⁵³ См. *ibid.*, ch. I–III.

⁵⁴ См. цитированные работы. Одна из этих корреляционных связей состоит в том, что подлинная демократия и подлинное самоуправление возможны только у народа партикуляристского типа с партикуляристской семьей.

типов семьи с такой ясностью, как это сделала школа Ле Пле, за исключением Конфуция и школы конфуцианцев в Китае. Эту школу вполне можно сравнивать со школой Ле Пле в плане понимания ею того решающего влияния, какое оказывает на общество институт семьи. Но конфуцианцы выступали как сторонники патриархальной семьи, тогда как школа Ле Пле ратовала за партикуляристский тип.

Шестым вкладом школы Ле Пле является ряд исследований прикладного характера, в которых она пыталась указать на многие меры практического преобразования общества. Среди них есть меры специфического свойства, но есть и такие, которые имеют универсальный характер и могут применяться в любом обществе и во все времена. Изложенная выше теория партикуляристского типа семьи может служить примером конкретных предложений школы. В ней она осознает высокий уровень семьи и социальной организации, вследствие чего и пытается пропагандировать этот тип по всему миру, особенно во Франции. Для достижения этой цели она попыталась перемоделировать неустойчивую французскую семью в партикуляристскую и изменить систему образования. С этим намерением Демолен и другие сторонники открыли свою собственную школу – Эколь де Рош (L'École des Roches)^{4*}, в которой курс обучения строился в соответствии с партикуляристскими принципами⁵⁵. С другой стороны, они резко критиковали – и не без основания – существующую во Франции и Германии систему школьного обучения. Будучи приверженцами того же самого партикуляристского идеала, они объясняли социализм всего лишь как разновидность патриархального социального типа, наделенную всеми его недостатками, но лишенную его достоинств⁵⁶. По этой же причине они выступали против усиления роли государства за счет самостоятельной частной деятельности и против любых мер, ведущих к снижению личной инициативы и независимости. В этом отношении их позиция аналогична той, которую занимал Г. Спенсер. Отстаивая тот же самый партикуляристский идеал, они в то же время решительно выступали против наследственной аристократии. Они требовали, чтобы все социальные позиции были открытыми для свободного соревнования. Суровой критике подвергали они и землевладельцев-рантье, утверждая, что если те и утратили свое прежнее влияние, то именно благодаря тому факту, что ныне они уже не исполняют своих общественных обязанностей.

«Главная конституция человечества» Ле Пле является образцом работ его школы по прикладной социологии. В этой работе он попытался индуктивным путем выяснить условия, необходимые для процветания любого общества. Ле Пле обобщил здесь принципы, которые ранее были разработаны им в работах

⁵⁵ См.: *Demolins E. L'Éducation nouvelle. Librairie de Paris* (без указания года); *Demolins E. Anglo-Saxon Superiority, part I.*

⁵⁶ См.: *Demolins E. Anglo-Saxon Superiority, p. 236–277; Demolins E. Le socialisme devant la science sociale.* Указанные работы представляют собой одну из самых оригинальных и глубоких интерпретаций социализма.

«Социальная реформа во Франции» и «Организация труда». Здесь он снова напоминает нам Конфуция. Оба они были консерваторами. Ни тот, ни другой не претендовали на открытие новых принципов, а считали, что все лучшие из них уже были открыты благодаря прошлому опыту разных народов и поколений. «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее», – говорил Конфуций⁵⁷. Ле Пле эту же мысль формулировал так: «Что касается фундаментальных принципов социальной науки, то здесь нечего изобретать, в этой науке новое есть не что иное, как хорошо забытое старое»⁵⁷. Он подчеркивал тот факт, что ни его метод наблюдения, ни его теории и принципы, ни даже его прикладная социология не были им открыты – они издавна были достоянием социального знания. Такая скромность относится к числу характерных особенностей Ле Пле. Что касается условий, необходимых для благополучного существования общества, то по этому поводу он писал:

«Со времени, как людям были открыты десять заповедей^{6*}, и после их возвышенного толкования, сделанного Христом, человеческий ум не открыл более полезных принципов. Нации, которые следуют этим заповедям, успешно развиваются, а те, которые ими пренебрегают, приходят в упадок... Решение социальной проблемы не требует изобретения новых принципов»⁵⁸. «Бесчисленное множество мыслителей, которые анализировали человеческие добродетели и пороки, не прибавили ничего нового к моисееву десятисловию и учению Христа»⁵⁹.

Соответственно, его система социального устройства проста и недвусмысленна. В числе его главных условий, необходимых для процветания любого общества, нужно отметить следующие: искренняя вера в Бога и религия; наличие родительского авторитета; наличие суверенного правительства и лояльность граждан по отношению к нему; надежные гарантии права частной собственности; практика солидарности и честности во взаимоотношениях индивидов и классов; взаимопомощь, сотрудничество и другие принципы, содержащиеся в большинстве этических и религиозных систем. В своих уже упомянутых нами работах⁶⁰ Ле Пле анализирует каждое из этих условий и показывает, почему они были необходимы для существования общества и как именно должны быть организованы религия, семья, труд, частная собственность, управление и другие социальные институты. На основе своего метода он обнаруживает, что вышеперечисленные условия существовали во всех обществах в периоды их благополучия, процветания и счастья и отсутствовали в периоды упадка, деморализации и распада. Понятно, что его план социальной реконструкции противоположен тем, которые вошли в моду в наше время. Вместо того чтобы поощрять клас-

⁵⁷ См.: *de Curzon E. Op. cit.*, p. 3–5, 21–23, 44, 54 ff.

⁵⁸ *Le Play F. La paix sociale*, p. 31.

⁵⁹ *Le Play F. La reforme sociale*. 1866, vol. I, p. 12.

⁶⁰ См.: *Le Play F. Constitution essentielle*, passim; *Le Play F. La reforme sociale en France*. См. также: *de Curzon E. Op. cit.*

совую ненависть, Ле Пле призывал к классовой солидарности, вместо атеизма и материализма предлагал религию, вместо революции – реформы, вместо эгоизма – альтруизм, вместо наживы – жертвенность, вместо прав и привилегий больше говорил о долге, вместо разрушения существующих институтов предлагал их постепенное и тщательное усовершенствование. Таковы вкратце метод, принципы и реформы, предложенные Ле Пле и продолжателями его дела.

5. Критика и оценка

Я уже дал оценку этой школе. Ле Пле заслуживает того, чтобы его имя стояло в одном ряду с именами таких мастеров социальной науки, как Конт и Спенсер⁶¹. Совокупный вклад в социологию, сделанный школой Ле Пле, едва ли меньший, чем вклад любой другой современной школы в социологии⁶².

Тем не менее наряду с положительными сторонами школа содержит ряд серьезных недостатков. Во-первых, «Номенклатура» и принципы, разработанные школой, ни в коем случае не могут охватить и решить все проблемы социологии. Они охватывают лишь часть из них. Например, они не затрагивают и не объясняют такие фундаментальные социальные процессы, как войны, обогащение и обнищание, возникновение и распад религий, рост или уменьшение численности населения, социальные антагонизмы. Точно так же не затрагивают и не объясняют они многие проблемы социальной организации. Короче говоря, система, разработанная школой Ле Пле, охватывает лишь часть той сферы, которой занимается социология.

Во-вторых, несмотря на то, что школа свободна от узколобого догматизма, некоторые из ее утверждений представляются несколько односторонними. Возьмем, к примеру, утверждение Демолена, касающееся таких факторов, как географическая среда и раса. Как бесполезно пытаться объяснить разнообразие народов и социальных типов с помощью одного только расового фактора и полностью игнорировать при этом условия окружающей среды, так и не менее бесполезно поступать противоположным образом, что отчасти делает школа Ле Пле. Фактор расы и наследственности школа почти полностью игнорирует. А без учета этого фактора мы не можем, например, объяснить, почему одни обитатели центрально-азиатских степей двинулись в одном направлении, другие –

⁶¹ Такое мнение уже высказывалось Ш.Х. Суинни. См.: *Swinny S.H. Sociology; Its Successes and Its Failures // The Sociological Review. 1919, vol. XI, № 1, p. 3*; см также: *Swinny S.H. The Sociological Schools of Comte and Le Play // Ibid., 1921, vol. XIII, № 2, April.*

⁶² В качестве курьеза следует отметить мнение П. Барта, который в последнем издании своей книги «Философия истории как социология» охарактеризовал Ле Пле как романтика, а его систему – всего лишь как «социально-экономическое учение с точки зрения закона семьи» (см.: *Barth P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. Leipzig, 1922, S. 727–732*). Со стороны умозрительного социального философа, каковым является П. Барт, такой оценки только и следовало ожидать.

в другом, а прочие остались на прежнем месте. Как можем мы объяснить такого рода различия с помощью одного только фактора *места*? Далее, появление предводителей караванов, так же как и других форм социальной дифференциации и стратификации, тоже необъяснимо с помощью одного только фактора окружающей среды, потому что и предводители, и ведомые, влиятельные и невлиятельные индивиды были в условиях одной и той же окружающей среды. Более того, в книге Демолена мы читаем:

«Когда мы изучаем происхождение культуры, мы прежде всего с удивлением сталкиваемся с таким фактом, как появление двух категорий семьи. С одной стороны, бывают семьи, способные заглядывать в будущее, способные работать с расчетом на отдаленный результат; с другой стороны, есть семьи и отдельные индивиды, умеющие действовать только под давлением насущной необходимости и в расчете на немедленное удовлетворение своих потребностей. Таким образом, формируются два разных класса: высший и низший, т. е. среди людей возникает неравенство»⁶³.

Очевидно, что такого рода социальную дифференциацию нельзя объяснить *местом*, поскольку все эти семьи жили в одних и тех же географических условиях. Демолен даже и не пытается объяснить этот факт. А ведь вполне возможно, что эта дифференциация вызвана наследственными и расовыми различиями индивидов. Вот, пожалуй, и все, что следовало сказать по поводу этой односторонности⁶⁴. В пользу школы следует, однако, отметить, что не в пример многим социальным географам она не стремилась сделать фактор географической среды всемогущим, понимая, что в более развитых и сложных обществах непосредственное влияние окружающей среды, как правило, уменьшается и заменяется другими факторами⁶⁵.

Следующий недостаток школы состоит, видимо, в неадекватности географического объяснения происхождения разных типов семьи. В ее теории, возможно, содержится значительная доля истины. Но достаточно ли сказать, что патриархальная семья есть продукт условий жизни в степи, нестабильная – условий жизни в лесах, а партикуляристская обязана своим происхождением условиям жизни в фьордах западной Скандинавии? Возьмем, к примеру, теорию происхождения партикуляристской семьи в фьордах Скандинавии. Согласно школе, партикуляристский тип семьи возник там и только там. Географическими факторами, ответственными за ее возникновение, были такие условия жизни, которые заставляли обитателей Скандинавии жить небольшими отдельными семьями и позволять своим детям оставлять их и жить самостоятельно, как только они

⁶³ Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. II, p. 12–13.

⁶⁴ О других «географических ошибках» школы см. в главе о географической школе в социологии. Критика одностороннего «географизма», содержащаяся в этой главе, относится также и к школе Ле Пле.

⁶⁵ См. Demolins E. Comment la route crée le type social, vol. I, p. 196–197.

становились взрослыми. Однако такие же географические условия были и во многих других местах. Кроме того, условия жизни в лесах, в которых, согласно школе, зародился нестабильный тип семьи, во многих отношениях были такими же: они тоже вынуждали людей жить небольшими раздельными семьями и разрешать взрослым детям оставлять родительский кров. Почему же эти условия не привели к возникновению партикуляристского типа семьи? Следовательно, объяснение происхождения партикуляристской семьи географическими условиями жизни в фьордах оказывается недостаточным и не вполне убедительным. Кроме того, утверждение, что данный тип возник только в фьордах, звучит как исключительно одностороннее и недостаточно доказанное. Его неубедительность становится еще более очевидной, когда нам говорят, что потомки Одина, которые жили в тех же самых фьордах, каким-то таинственным образом не трансформировались в партикуляристский тип, а сохранили тип агрессивных ратников и в течение многих веков продолжали обеспечивать датчан, норманнов, франков, саксов, готов и другие племена предводителями дружин. Если бы географические условия фьордов были ответственны за трансформацию патриархального типа в партикуляристский, то в таком случае и потомки Одина должны были претерпеть то же самое превращение. Но поскольку они не изменились, а остались такими же, какими были до переселения в фьорды, то, очевидно, географических факторов недостаточно для объяснения этой трансформации. Быть может, возникновение партикуляристского типа вызвано не только условиями жизни в фьордах, но и еще какими-то факторами. То же самое можно сказать и о происхождении других типов семьи и общества. Очевидно, что эта теория школы до сих пор остается не чем иным, как рабочей гипотезой.

Но даже если мы и согласимся с тем, что теория о влиянии окружающей среды школы Ле Пле⁶⁶ вполне удовлетворительно объясняет происхождение типов семьи и человека, то возникает новая проблема, связанная с историческими судьбами каждого из этих типов. Передаются ли приобретенные особенности каждого типа людей по наследству или нет? Представители школы по этому поводу хранят молчание. Тем временем, признаем мы или нет учение о наследственности подобных черт, в обоих случаях теории школы неудовлетворительны. Если эти приобретенные особенности по наследству не передаются, то непонятно, почему в Англии, например, несмотря на одинаковые географические условия, потомки саксов сохраняют в течение столетий черты, свойственные партикуляристскому типу, тогда как потомки кельтов, датчан и норманнов, живущие в том же самом месте, подобных черт не обрели (см.: *de Tourville*. Op. cit., ch. XIII–XVII). Если главным фактором является окружающая среда, а соответствующие приобретенные особенности по наследству не передаются, то в таком случае все обитающие в одних и тех же географических условиях в течение многих поколений должны были бы обрести одинаковые характерные черты, независимо

⁶⁶ См.: *de Tourville H.* Op. cit.

от расовой принадлежности. Тем не менее де Турвиль, так же как и Демолен, подчеркивает, что вплоть до настоящего времени носителями партикуляристского типа в Англии являются только потомки саксов, а кельтские и прочие элементы в составе английского населения к этому типу не относятся вообще. Ясно, что такой факт не объясняет утверждения о том, что «путь, пройденный народом, создает социальный тип», и не согласуется с ним. Если же соответствующие особенности передаются по наследству, то как это возможно, чтобы «наследственный патриархальный тип» смог превратиться в партикуляристский, и как могло случиться, что партикуляристский тип ранних франков превратился в тип «государственно-коммунистический», в то время как потомки англосаксов такого изменения не претерпели? В сочинениях, написанных представителями школы, мы не найдем какого-либо ответа на эти вопросы. Они их избегали. Именно поэтому их теория не разгадала и не могла разгадать тайну происхождения и развития каждого из этих основных типов.

Еще один слабый пункт школы Ле Пле – оценка различных типов и их роли. Мы видели, что партикуляристскому типу суждено было стать самым могущественным и доминирующим и что в этом кроется секрет экспансии господства англосаксов. Если это так, то почему в Европе этот тип оказался побежденным? Почему он не сохранил своего господствующего положения, которое, по мнению школы, он имел в IX–X вв.? Почему он был побежден государственно-коммунистическим типом? Такое различие исторических судеб партикуляристского типа в Европе и Скандинавии или в Англии школа вообще никак не объясняет. Это заставляет нас прийти к выводу, что партикуляристский тип не обязательно всегда является победителем. Представители школы, вероятно, несколько переоценили силу и могущество этого типа и недооценили положительные стороны других типов. Это более чем вероятно, поскольку история свидетельствует о том, что великие и долговечные империи и блестящие цивилизации были созданы народами Древнего Египта, Вавилона, Ассирии, Греции, Рима, Китая, Индии и древнего Перу, которые явно принадлежали к государственно-коммунистическому или патриархальному типу. Да и история Франции или Германии за последние столетия вовсе не свидетельствует о том, что эти народы государственно-коммунистического типа были не способны ни создать высочайшие формы цивилизации, ни отстоять себя в борьбе за существование. Возьмем историю еврейского народа. Его семейная организация до сих пор сохраняет множество черт, присущих патриархальному типу. Тем не менее этот народ проявляет необычайную энергию и жизненную силу.

Далее. В силу вышеизложенных причин вполне можно задаться еще и таким вопросом: а не преувеличила ли школа степень влияния семейной организации на тип человека, социальные институты и исторические судьбы общества? По-видимому, в утверждениях школы, сделанных на этот счет, некоторое преувеличение имеет место. Она не доказала, что представители каждого типа

неизбежно являются плодами исключительно семейного воспитания, а не обусловлены расовыми или наследственными факторами. Утверждения школы не дают четкого подтверждения выдвинутых ею претензий, поэтому они до сих пор остаются на уровне вероятностных, но недоказанных гипотез. А если это так, то саму суть теории школы о том, что превосходство англосаксов обусловлено партикуляристским типом англосаксонской семьи, тоже можно поставить под сомнение. С тем же самым успехом можно утверждать, что оно обусловлено расовым фактором и что сам партикуляристский тип есть не что иное, как проявление соответствующих внутренних качеств индивидов или групп.

Таким образом, мы приходим к выводу, что теория, разработанная школой, содержит в себе лишь долю истины и не подтверждает всех выдвинутых ею широких обобщений. Многие ее гипотезы так и остались всего лишь догадками. Наконец, можно отчасти принять систему прикладной социологии, разработанную школой Ле Пле. Но и она опять-таки не вполне удовлетворительна: соглашаясь с тем, что десять заповедей содержат в себе все главные условия, необходимые для благополучия общества, мы в то же время понимаем, что они далеко не всегда соблюдались и очень часто нарушались. Мы видим, что в настоящее время существующие религии утратили свою влияние, а нападки против собственности усиливаются. В таких условиях мало указать на десять заповедей, чтобы построить подлинно научную прикладную социологию. Разве не необходимо найти какие-то способы сделать эти принципы эффективными? Разве не необходимо предложить некоторые меры, которые побудили бы людей соблюдать эти заповеди? Тем самым я хочу сказать, что практическая программа школы недостаточна и не отменяет необходимости разработать такие научные меры, которые бы в конце концов сделали заповеди достаточными и эффективными.

Таковы вкратце главные недостатки школы. Можно обобщить их следующим образом: во-первых, система и программа школы не охватывают всей области социальных явлений и проблем, во-вторых, школа недооценивает фактор наследственности и расового происхождения и переоценивает фактор окружающей среды, и, в-третьих, многие проблемы, анализируемые представителями школы, в том числе проблема происхождения типов семьи и корреляционной связи этих типов с социальной системой и историческими судьбами соответствующего общества, объяснены не вполне удовлетворительно. Наконец, практическая программа школы неэффективна.

Указанные недостатки школы не мешают нам признать ее великий вклад в науку, ее строго научный характер, оригинальность и стимулирующее научный поиск влияние. В настоящий момент, когда партикуляристский тип семьи и общества находится в состоянии кризиса и испытывает угрозу со стороны другого, особенно государственно-коммунистического типа, труды, созданные в рамках школы Ле Пле, представляют особую ценность как с научной, так и практической точки зрения.

Глава III

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА

1. Предшественники

Практически с начала истории человечества было известно, что особенности, поведение, социальная организация, социальные процессы и исторические судьбы конкретного общества зависят от географической среды. Пытаясь написать историю географической школы, исследователь испытывает трудности не столько в том, чтобы назвать мыслителей, которые отмечали влияние географической среды, сколько в том, чтобы указать тех, кто этого влияния не отмечал. Лорд Кеймс в 1788 г. говорил о «нескончаемом количестве писателей, которые отдают должное величайшему влиянию климата»¹. Дошедшие до нас наиболее древние свидетельства мысли Востока содержат аналогичные суждения. По сути, древние астрологические верования есть не что иное, как воплощение идеи, согласно которой человеческая судьба управляется звездами и другими географическими условиями. Народные поговорки и «погодные приметы» прошлого наполнены этими же идеями. Они содержат множество высказываний относительно влияния различных географических условий на физические и психические черты людей, а также социальные и исторические события. Сотни мыслителей, чьи имена и идеи сохранились в истории, указывали на влияние в той или иной степени географических факторов. Древние мудрецы Индии и Персии, жрецы и лекари Древнего Египта, астрологи разных стран, еврейские пророки, Конфуций, Лао-цзы, Мэн-цзы и другие мудрецы Древнего Китая, Гиппократ, Платон, Аристотель, Фукидид, Ксенофонт, Геродот, Страбон, Полибий, Эратосфен, Варрон, Витрувий, Вегеций, Павел Диакон, Сервий, Цицерон, Флор, Саллюстий, Лукреций, Сенека и почти все выдающиеся философы, историки, поэты и писатели Древней Греции и Древнего Рима, многие отцы церкви, такие как Августин и Тертуллиан, многие средневековые мыслители, такие как Джованни Виллани, Фома Аквинский, Микеланджело, Макиавелли, Ибн Хальдун и Жан Бодэн, – все они и многие другие упоминали решающую роль различных географических факторов. Позднее влияние географических условий отмечали

¹ См.: *Lord Kames. Sketches of the History of Man. 1788, vol. 1–4.*

Ричард Мид, Джон Арбетнот, Бернхард Варен, Жан Шарден, Дж. Вико, лорд Кеймс, У. Темпл, Ленгле-Дюфренуа, Тюрго, Кювье, Гердер и Монтескье. В XIX и XX вв. множество историков, социальных философов, экономистов, географов, политологов, социологов, антропологов и этнографов, биологов и врачей внесли большой вклад в данную сферу. Ламарк, Карл Риттер, Арнольд Генри Гюйо, Иоганн Георг Коль, Александр Гумбольдт, К.Э. фон Бэр, Оскар Пешель, Г.Т. Бокль, Ф. Ле Пле, А. де Турвиль, Э. Демолен, Л. Мечников, П. Лавров, Маккиндер, А. Кирхгоф, Ф. Ратцель, Ш. Конт, П. Мужоль, О. Маттеуцци, Э. Реклю и, наконец, П. Видаль де ла Блаш, Жан Брюн, К. Валло, Э. Хантингтон, Декстер, Э.Ч. Семпл, Морселли, Леман, Скойтен, Г.Л. Мур и Беверидж – вот лишь некоторые представители множества ученых, которые пытались выделить разнообразные влияния географических условий на поведение и психологию человека, социальную организацию, социальные процессы и исторические судьбы социальной группы².

В результате работы этого легиона авторов вряд ли найдется какая-нибудь физическая или психическая черта человека, характеристика социальной организации группы, какой-либо социальный процесс или историческое событие, которые тот или иной приверженец этой школы не соотнес бы с географическим фактором. Распределение населения на планете, его плотность, расовые различия, характер экономической, политической и социальной организации, прогресс и упадок наций, характер религиозных идей и верований, виды семьи и брака, здоровье, рождаемость, умственное развитие, преступность, самоубийства, достижения культуры, количество гениев, особенности литературы, поэзии и цивилизации, изменения экономики и социальной жизни – короче, все социальные явления объяснялись влиянием географических факторов. В начале изучения данных теорий восхищаешься их блеском и оригинальностью, продолжая его – недоумеваешь и поражаешься их противоречивости и расплывчатости и, наконец, тонешь в море этих теорий, не понимая, что в них достоверно, а что ошибочно или сомнительно. Этим и объясняется, почему главной задачей в данной области прежде всего является не столько описание новой географической

² См. историю географической школы в следующих работах: *Koller A.H. The Theory of Environment. The Collegiate Press, 1918*; *Thomas F. The Environmental Basis of Society. 1925*; *Barnes H.E. The New History and the Social Studies. New York, 1925, ch. II*; *Barth P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. 1922, S. 544–555*; литературу и ссылки см. в: *Vallaux C. La mer. Paris, 1908* (приложение «Библиография»). Все эти и многие подобные работы тем не менее недостаточны. Они не являются полными даже относительно мыслителей западных стран и совершенно игнорируют мыслителей и писателей Востока – как настоящего времени, так и прошлого. Лучшим первоисточником по теориям Древнего Востока является серия из 50 томов «*The Sacred Books of the East*», опубликованная под редакцией Ф.М. Мюллера.

теории или новой «корреляции» между географическими факторами и социальными явлениями, сколько более строгий анализ и выявление того, что истинно в этих многочисленных гипотезах, а что просто является вздором.

Такое выявление и составляет цель данной главы. Нехватка места не позволяет мне сделать это описание более подробным. По этой причине я вынужден опустить все чисто спекулятивные «географические теории» и сконцентрировать внимание только на тех, которые являются обоснованными и более зрелыми с научной точки зрения. Результаты их тщательного изучения, тем не менее, могут быть применимы ко всем менее разработанным, менее научным или более метафизическим «географическим догадкам, гипотезам и обобщениям».

2. Определение географических факторов

Для того чтобы избежать путаницы при анализе влияния географической среды, мы должны отметить, что под этим понятием мы имеем в виду все космические условия и явления, которые существуют независимо от человеческой деятельности, т. е. не созданы людьми, а изменяются и варьируются по своим собственным законам, не зависящим от существования и активности человека. Другими словами, если мы возьмем все, что окружает человека или социальную группу, и вычленим из этого окружения все то, что так или иначе создано или изменено в результате человеческой деятельности и самого существования человека, то мы и получим примерно то, что называется географической средой. «Естественный» климат, почва, рельеф местности, распределение воды и водотоки, естественные флора и фауна, смена времен года и геофизические процессы, явление гравитации, штормы, землетрясения, приливы и т. д., пока они существуют и изменяются независимо от человека и его деятельности, являются примерами географических факторов в вышеуказанном смысле. С другой стороны, все явления и ситуации, существование и изменение которых являются прямыми или косвенными результатами человеческой жизни и деятельности, относятся к элементам антропосоциальной, а не географической среды. Обрабатываемые поля, леса и сады, рукотворные каналы и изменения естественного рельефа поверхности земли, искусственный климат, почва и грунт – все подобного рода явления исключаются из числа географических, или «естественных», факторов в строгом смысле этого слова.

Теперь обратимся к анализу корреляций, существующих между географическими факторами и социальными явлениями.

3. Фундаментальные теоремы о характере влияния географических факторов на социальные явления

Нет сомнения в том, что вся совокупность географических условий в какой-то степени определяет человеческое поведение, социальную организацию и социальные процессы. Но как именно определяет? Прямо или косвенно? Строго и однозначно? Возможно ли сформулировать конкретные и общие корреляции между географическими условиями и социальными явлениями? Для того чтобы не утонуть во множестве географических влияний, сразу сформулируем некоторые фундаментальные теоремы, которые дадут представление о природе этих влияний и помогут нашему анализу. Теоремы эти таковы:

1. *Обуславливающая роль географических факторов (В) может быть прямой и косвенной: прямой, когда они непосредственно определяют конкретную совокупность социальных явлений (А) согласно формуле: $A = f(B)$; косвенной, когда они обуславливают определенную совокупность социальных явлений не потому, что они влияют на них непосредственно, а потому что влияют на некоторые другие явления (С) или (D), которые в свою очередь обуславливают совокупность А. В этом случае формула косвенной обусловленности будет: $C = f(B)$; следовательно, $A = f(C)$.* Если бы А не зависели от С, тогда географические факторы вообще не влияли бы на А. Ясно, что косвенная обусловленность может иногда состоять из длинной цепочки связей функциональной зависимости: В может обусловить С; С – явление D; D – E, и только E может оказывать влияние на А. Очевидно, что при прочих равных условиях чем длиннее цепочка косвенной зависимости и многочисленнее ее промежуточные единицы (С, D, E, F) между А и В, тем менее определенной становится их взаимозависимость и корреляция между А и В. В подобных случаях географические факторы могут оказывать некоторое влияние, но оно сильно нейтрализуется и видоизменяется благодаря вмешательству «промежуточных посредников» между А и В, так что корреляция между ними становится незаметной или совершенно неопределимой. А поскольку она незаметна и ее нельзя описать с помощью конкретной формулы, это практически равнозначно отсутствию такой корреляции. Анализируя обуславливающую роль географических факторов, мы всегда должны различать их прямые и косвенные формы.

2. *Согласно вышесказанному, на разные категории социальных явлений географические факторы оказывают влияние не одинаково жестко и непосредственно.* Если некоторые социальные явления обнаруживают тесную и явно непосредственную корреляцию с географическими факторами, то другие не обнаруживают ее вообще. В этом отношении гипотеза Ж. Брюна, которая по своей сути идентична «Номенклатуре» школы Ле Пле, кажется мне вполне достоверной. Он утверждает, что те виды человеческой деятельности и связанные

с ними социальные явления, которые обеспечивают человека предметами первой необходимости, такими как продукты питания, крыша над головой, одежда и некоторые другие, находятся в более тесной связи с географическими условиями, чем виды деятельности и социальные явления иного характера. Он выделяет шесть групп социальных явлений, которые теснее связаны с географическими факторами, нежели другие социальные реалии. Вот эти шесть групп: среда обитания человека (заселенные регионы, характер жилых домов и строений), направления и виды дорог, выращивание растений и разведение скота, добыча полезных ископаемых и опустошения в растительном и животном царствах. Все, что не относится к этим «шести важным группам», как, например, тип семьи, политическая и социальная организация, характер религии и права, литературы, науки и т. п., обнаруживает по сравнению с ними более слабую связь с географическими факторами, а то и вовсе ее не обнаруживает³. В главном эта теория, по-видимому, достоверна.

3. *В сфере социальных явлений, которые заметным образом связаны с географическими факторами, эта связь редко носит жесткий характер. Детерминизм географических факторов, насколько мы можем его установить, почти всегда относителен.* Ж. Брюн выражает ту же самую идею следующим образом: «Факты физического порядка связаны между собой причинно-следственными отношениями, факты географии человека (географические условия и социальные явления) обычно только соотносятся. Сковывать явления, так сказать, связующими их друг с другом кандалами с научной точки зрения ошибочно, нужен сильный дух критицизма, чтобы научиться ясно различать те многочисленные случаи, когда связь носит случайный, а не причинный характер»⁴.

Указанная нежесткость и относительность географической обусловленности проявляется во многих формах. Во-первых, несмотря на то, что во многих случаях географические факторы обуславливают то или иное социальное явление (например, добывающую промышленность или факт заселения людьми определенной территории), в каком-то конкретном месте это явление может возникнуть, а может и не возникнуть, т. е. *географическая возможность не означает, что данное явление действительно возникает в этом месте.* Например, несмотря на то, что территория богата природными ресурсами, на ней может и не быть добывающей промышленности из-за отсутствия необходимых негеографических факторов. В таком случае географическая обусловленность в своей абсолютной форме становится нулевой и недейственной. Она не является жесткой. Та же относительность географического детерминизма проявляется и в тех случаях, когда географические условия таковы, что «данное явление не может

³ Bruhnes J. Human Geography. New York: Rand McNally Co., ch. I–II. Ср. с «Номенклатурой» школы Ле Пле.

⁴ Bruhnes J. Human Geography, p. 593; ср: Vidal de la Blache P. Principles of Human Geography. New York, 1926.

иметь место на данной территории», как, например, выращивание растений в пустыне или слишком засушливом районе. Тем не менее мы знаем, что благодаря искусственной ирригации подобные вещи случаются. Это означает, что географическая невозможность явления не предотвращает его возникновения. Это другой пример нежесткости географической обусловленности. Ожидания, в основе которых лежат одни только географические условия, в целом ряде случаев могут и не оправдаться.

Во-вторых, нестрогость географического детерминизма также выражается в возможности *множества разнообразных социальных форм внутри одного и того же географического пространства*. Когда речь заходит о выборе места жительства, от географических условий может в той или иной степени зависеть, пригодно ли данное место для обитания человека или для строительства здания. Но примет ли соответствующее общество форму примитивного племени или форму сложной цивилизации, будет ли здание убогой хижинкой или пирамидой, замком, дворцом парламента или коммерческим небоскребом, эти вещи зависят не от географических факторов. Почти всегда существует широкая сфера выбора. То, что реализуется, зависит не столько от географических, сколько от негеографических факторов. Ту же самую идею К. Валло выразил словами: «Влияние географических факторов негативно, а не позитивно; часто они могут мешать тому или иному явлению, но не они определяют, что произойдет»⁵.

4. Из вышеизложенного следует, что сформулировать четкие и всеобщие взаимосвязи между географическими факторами и социальными явлениями больше всего мешает эта нестрогость и опосредованность географического детерминизма. Еще больше мешает нейтрализация одних географических факторов другими и нейтрализация всех географических факторов факторами негеографическими. *И чем сложнее формы цивилизации, тем менее заметна, менее определена корреляция между географическими условиями и социальными явлениями*. Это не означает, что в данных обществах географические факторы перестают действовать, это означает, что их влияние все более и более нейтрализуется другими факторами. Таким образом, они становятся менее заметными и осязаемыми, более скрытыми, неуловимыми и неопределенными. В силу этих причин *следует ожидать, что попытки установить подобные корреляции в лучшем случае позволят выдвинуть лишь некоторые предварительные и очень приблизительные гипотезы, которые можно будет применять лишь к некоторым обществам и временам и которые только в редких случаях могут претендовать на то, что они достоверны по отношению ко всем обществам и во все времена. Кроме того, можно предположить, что среди множества выдвигаемых корреляций немало окажется ошибочных, не говоря уже о тех, которые, будучи чисто умозрительными, вообще не могут претендовать на научность*.

⁵ Vallaux C. Le sol et l'état. Paris, 1911, p. 106.

Таковы вкратце основные принципы и общие выводы относительно географических теорий. Далее мы рассмотрим их на предмет достоверности. А теперь перейдем к анализу главных корреляций, сформулированных различными авторами. Начнем с корреляций в сфере «существенных фактов» Брюна, поскольку они кажутся наиболее определенными и очевидными.

4. Географические условия и распределение населения на Земле

Сферой социальных явлений, в которой следует ожидать влияние географических факторов, является распределение населения и его плотность. Кажется очевидным, что географические регионы, которые по своим климату, почве, рельефу местности, распределению воды, флоры и фауны наиболее подходят для проживания человека и удовлетворения первичных человеческих потребностей, должны быть населены более плотно, чем регионы в этом отношении менее подходящие.

Однако это предположение очевидно лишь на первый взгляд, потому что, какие географические условия являются «подходящими», еще предстоит выяснить. К тому же условия, подходящие для первобытного общества, могут оказаться совершенно неподходящими для общества индустриального; географическая среда, подходящая в одном отношении, например, в климатическом, может оказаться совершенно неподходящей в другом отношении, например, из-за нехватки воды, минеральных ресурсов, неплодородной почвы и т. д. Поэтому данное и аналогичные предположения географов в самом лучшем случае могут иметь лишь ограниченное – локальное и временное – значение. Это станет очевидным, если принять во внимание следующие соображения.

Принято считать, что независимо от человеческих миграций и колебаний плотности населения в разных регионах «общее распределение больших человеческих масс, по-видимому, остается неизменным, – разумеется, более или менее неизменным, – причем эта неизменность столь же несомненна, сколь и удивительна. В сибирской тундре, в песках Сахары и джунглях Амазонки людей почти нет»⁶. То же самое можно сказать о Заполярье и о других местах, столь же непригодных для обитания людей. О такой же в точности корреляции свидетельствуют и другие данные. В этом можно убедиться на примере следующих данных⁷.

⁶ Bruhnes J. Human Geography, p. 47.

⁷ von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre. 1897, Bd. II, S. 51. Другие аналогичные данные см. в: Bruhnes J. Op. cit., p. 186 ff; Ratzel F. Anthropogeographie. 1891, Bd. II, S. 210 ff.

Плотность населения в США на кв. милю (1890)	Средняя температура (по Фаренгейту ¹⁾)	Плотность населения в США на кв. милю (1890)	В среднем выпадает осадков (дюймов)	Плотность населения в Европе на кв. км	Высота над уровнем моря
4,69	Ниже 40 градусов	0,8	меньше 10	334	ниже 100 метров
12,51	от 40 до 45	1,8	от 10 до 20	216	от 100 до 200
28,61	от 45 до 50	8,1	от 20 до 30	134	от 200 до 300
31,02	от 50 до 55	43,1	от 30 до 40	69	от 300 до 400
22,78	от 55 до 60	59,0	от 40 до 50	79	от 400 до 500
17,89	от 60 до 65	25,1	от 50 до 60	34	от 500 до 600
14,16	от 65 до 70	18,1	от 60 до 70	53	от 600 до 700
7,49	от 70 до 75	4,1	больше 70	43	от 700 до 800
3,59	выше 75			44	от 800 до 900
				23	от 900 до 1 000
				18	от 1 000 до 1 100
				1,3	от 1 100 до 1 200
				0,8	от 1 200 до 1 300
				0,0	от 1 300 до 1 400
				0,0	выше 1 400 метров

Температура, количество осадков, высота над уровнем моря – все это факторы географические, следовательно, связь этих факторов с плотностью населения, показанная в таблице, свидетельствует как будто бы в пользу их влияния на распределение населения по поверхности планеты. Однако, с другой стороны, целый ряд других фактов свидетельствует о том, что отображенные в таблице корреляции ни в коем случае не являются универсальными и неизменными. Мы не можем утверждать, что во всех наиболее плотно населенных районах температура колеблется от 50 до 55 градусов, количество осадков – от 40 до 50 дюймов, а высота не ниже 100 метров над уровнем моря, как это показывают табличные данные. Благодаря различным комбинациям разнообразных географических условий и особенно благодаря вмешательству факторов негеографических, границы между населенными и незаселенными районами меняются, и, соответственно, вышеуказанные оптимальные показатели оказываются очень разными для разных мест, обществ и эпох. Многие незаселенные в прошлом места становятся заселенными, и наоборот, несмотря на то, что заметных изменений в географической среде не произошло. Благодаря ирригации многие пустыни превращаются в населенные районы. В результате деятельности цивилизованной части человечества многие незаселенные степи, леса и тому подобные районы Америки, России и Азии преобразуются и становятся пригодными для обитания людей. Хотя, как мы увидим далее, теория «продвижения цивилизации в холодные северные регионы» («the Coldward or the Nordward Course of Civilization») ⁸, которую выдвинули Мужоль, С.К. Гилфиллан и Стефанссон, весьма сомнительна, она тем не менее предоставляет значительное количество фактов, показывающих, что огромные безлюдные пространства Севера с течением времени были заселены и превратились в центры цивилизации. Эти и многие другие подобные факты свидетельствуют о том, что границы между населенными и незаселенными областями подвижны; следовательно, географический детерминизм в этом плане не жесткий, а весьма относительный. То же самое справедливо и по отношению к оптимальным точкам высот, температур и влажности. Если в Европе согласно вышеприведенной таблице наиболее населенные зоны находятся ниже 100 метров над уровнем моря, а места выше 1 400 метров практически безлюдны, то в тропиках, Абиссинии ^{2*}, Аравии и Центральной и Южной Америке, а также во многих других местах наиболее населенные территории находятся на уровне выше 1 500 метров ⁹.

Перемещение наиболее заселенных зон с одной высоты на другую с течением времени, несмотря на отсутствие заметных изменений в географических условиях, – еще более яркая и бесспорная иллюстрация. П. Мужоль

⁸ См.: *GilFillan S.C. The Coldward Course of Progress // Political Science Quarterly. 1920, p. 393–410; Stefansson. The Northward Course of Empire.*

⁹ Данные см. в книге: *Bruhnes J. Human Geography, p. 186–196.*

сформулировал даже всеобщий «закон высоты», согласно которому с развитием цивилизации наиболее густонаселенные области и города спускаются с высотных зон (с гор и плато) на более низкие места (равнины)¹⁰. Хотя этот «закон» как общая формула сомнителен, изменение зон плотности населения в зависимости от высоты, доказанное Мужолем, заслуживает доверия. Эта иллюстрация показывает, насколько относителен географический детерминизм в этой сфере, как различны и подвижны географические точки оптимума в плане распределения населения на Земле, насколько «локальны» и «временны» все обобщения и корреляции в этой области и что невозможно составить карту плотности населения различных регионов исключительно на основе географических условий.

То, что было сказано о высоте над уровнем моря, относится и к «точкам оптимума» температуры и осадков в их взаимосвязи с плотностью населения. Они также изменчивы во времени и пространстве. В разное время, в различных местах и обществах они разные. По этой причине данный анализ корреляции между географическими условиями и плотностью населения, на наш взгляд, полностью подтверждает сформулированные выше фундаментальные теоремы.

5. Географические условия и характер жилища, дорог и средств передвижения

Очевидно, что характер человеческого жилища, т. е. жилых строений, более, чем другие социальные явления, должен зависеть от географических условий. Эти условия влияют на строительный материал (древесина, камень, кирпич, пушнина и т. д.) и форму, внешний вид и архитектурный тип. В богатых лесами местах преобладают деревянные дома, тогда как там, где лесов совсем мало, должны использоваться другие материалы. То же относится к архитектурному типу и внешнему виду, а также к месторасположению жилья. В какой-то степени эти предположения подтверждаются фактами. Но опять же – степень эта невелика. Один из лучших представителей «географии человека» оценивает ее так: «Хотя география не в состоянии объяснить всего в доме, но в любом случае, не обращаясь к географии, нельзя понять до конца человеческое жилище»¹¹. Эта оценка влияния географических факторов в данной сфере ставит их не очень высоко, и можно привести бесконечное множество фактов, свидетельствующих о том, что «географические условия не в состоянии объяснить всего в доме». Места, расположенные в самых раз-

¹⁰ См.: *Mougeolle P.* Les problèmes de l'histoire. Paris, 1886, p. 97–106; *Mougeolle P.* Statique des civilisations. Paris, 1883.

¹¹ *Bruhnes J.* Human Geography, p. 94. См. также ch. III.

ных точках географического пространства, нередко обнаруживают поразительное сходство в типах жилищ. Яркий пример тому находим в Соединенных Штатах Америки, где на огромной территории с различным климатом и разными другими условиями можно увидеть практически однотипные дома на востоке и западе, на севере и на юге. Жилые дома в разных регионах страны в одном и том же городе редко отличаются друг от друга и от домов в соседних городах. С другой стороны, достаточно сравнить типы жилищ в одинаковых географических условиях, например, в американских прериях и степях России, в приморских городах (например, Нью-Йорке, Триесте, Альмерии^{3*} или Алжире), чтобы увидеть между ними значительную разницу, несмотря на фактор географии. То же верно и относительно примитивных народов. «Индейцы хопи и навахо^{4*} долгое время вместе проживали в одной части северо-западной Аризоны. ...Несмотря на то, что им были доступны одни и те же строительные материалы, хопи строили хорошо известные террасные дома из песчаника прямоугольной формы, тогда как навахо проживали в покрытых землей конических хижинах»¹². Добавьте к этому и изменения типа жилища в одной и той же области с течением времени. Без каких-либо заметных изменений в географических условиях доминирующий тип жилища часто значительно меняется за какие-нибудь 30 или 40 лет.

Нет надобности доказывать эти очевидные факты. Они могут означать лишь одно: что в этой сфере географический детерминизм проявляется слабо и относительно. Иногда его влияние полностью зачеркивается игрой других факторов. Если человеческое жилище нельзя понять до конца, не обращаясь к географии, то каждая попытка объяснить его одной только географией безнадежна и ошибочна. Все, что было сказано о человеческом жилище, может быть применимо и к типу дорог, и вообще к средствам передвижения¹³.

6. Географические условия и одежда

Данная категория социальных явлений тоже связана с географическими условиями, хотя и не столь явно, как жилища и дороги. В холодных регионах в холодное время года одежда толще и теплее, чем в более теплых. Но это практически и все, в чем проявляют себя географические факторы. В большинстве своем многочисленные отличия и вариации в одежде у разных народов, групп в разные эпохи зависят, по-видимому, от каких-то других факторов, а не от географических. Экстравагантности моды, сезонные изменения в муж-

¹² Lowie R.H. Culture and Ethnology. New York, 1917, p. 49–65.

¹³ Серьезный анализ см. в книгах: Bruhnes J. Op. cit., p. 110 ff.; Vallaux C. La mer. Paris, 1908.

ской и женской одежде, различные униформы разных социальных групп (солдат, священников, монахов, чиновников и т. д.), разнообразные одеяния разных народов и особенно в разные исторические эпохи – эти и тысячи аналогичных явлений не имеют ничего общего с географическими факторами. Косвенные влияния незначительны и незаметны.

7. Географические условия и продукты питания

Наблюдается также и некоторая зависимость между флорой и фауной той или иной географической среды и количеством и качеством продуктов питания людей. Живущие у моря народы едят рыбы больше, чем те, которые населяют безводные регионы. Общество, где много фруктов, потребляет их больше, чем в тех местах, где деревьев нет или где их нельзя выращивать. Данные корреляции можно обнаружить во многих местах. Но они не носят общего характера и не всегда заметны. Даже среди относительно примитивных племен легко заметить, что основная еда часто похожа у тех, которые живут в разных условиях, и различается у племен, обитающих в условиях, почти одинаковых. Вот некоторые примеры из множества, которое собрал Ф.П. Армитаж.

Основные виды еды соответствующих народов:

Рис: ораоны, южные индусы, китайцы, корейцы, мунда, японцы, луши, северные арагонцы, тонкинцы, лаосцы, сиамцы^{5*}.

Пшеница, просо или овес, а также мясо или рыба: равнинные и горные кабардинцы, армяне, албанцы, таджики, туркмены, норвежцы, финны, ливы^{6*}, киргизы, шотландцы.

Рыба, а также мясо: эскимосы, догрибы, чинуки, кутенайцы, команчи, черноногие, кроу, кри, чарруа, макоби^{7*}.

Мясо, а также маис: сиу, пауни, оджибве, ленгуа, мачикуи, ирокезы, алгонкины, маскоходианцы, конкапа, якуи, мохаве, навахо, юма, пима, папагосы, опата, майя, мексиканцы, тепеуа^{14/8*}.

В каждой «пищевой группе» мы видим народы, которые живут в самой разной географической среде. Та же «пищевая независимость» от географического фактора еще больше заметна в сложных обществах. Несмотря на различные географические условия Соединенных Штатов Америки, еда там в основном одна и та же. Более того, «народы Западной Европы потребляют огромные количества кофе, чая и какао, тогда как коровье молоко с европейских горных пастбищ пьет население Шанхая и Южной Африки. Растущие возможности транспорта все больше и больше унифицируют человеческую еду». С другой стороны, еда различных социальных классов, проживающих в одной и той же географической

¹⁴ Armitage F.P. Diet and Race. London, 1922, p. 30–32.

среде, в одном и том же городе, часто отличается количественно и качественно в большей степени, чем продукты питания живущих в разных географических условиях народов.

Представление об этой разнице дает нижеследующая таблица (одна из множества аналогичных). В России до революции питание у разных слоев крестьян было таким¹⁵:

Группы крестьян по годовому доходу на едока	Количество потребляемых калорий в процентах (всего)		
	Продукты растительного происхождения в %	Продукты животного происхождения в %	Количество калорий
До 100 рублей	81,3	18,7	3 230
От 100 до 150 рублей	75,6	24,4	4 139
От 150 до 200 рублей	72,5	27,5	5 072
200 и более	69,0	31,0	5 760

Если мы обратим внимание на количество и качество еды различных социальных классов российского общества, отличия будут еще больше. То же верно и для различных классов других стран¹⁶. Различие в питании разных социальных классов одного общества нельзя объяснить географическими условиями. То же самое относится и к различиям в питании у русских, англичан, китайцев и американцев. Это же можно сказать о «тенденциях» в пищевых предпочтениях во Франции, где в период с 1840 по 1895 г. потребление хлеба, вина и картофеля на душу населения увеличилось на 50%, мяса, сыра и сидра – на 200%, сахара и кофе – на 400%¹⁷. Все эти изменения, различия и тенденции никак не связаны с географическими факторами. Между тем они составляют основу явлений в этой сфере географического детерминизма.

8. Географические условия, экономическая жизнь и организация экономики

Географические условия и благосостояние. Существует множество теорий относительно географического влияния на экономические явления. Представители первой группы утверждают, что географические условия практически

¹⁵ Клепиков С. Питание русского крестьянина. 1920, с. 13 и сл.

¹⁶ Множество данных для разных стран см. в трудах: *Webb A.* The New Dictionary of Statistics. London, 1911, p. 156–165, 273–289; *Grotjahn A.* Über Wandlungen in der Volksernährung // Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen. 1920, Bd. XX, Heft. 2, S. 58–64; *Slosse A., Waxweiler E.* Recherches sur le travail humain dans l'industrie. 1910; *Первушин С.А.* Потребление // Энциклопедический словарь Гранат. Пб., 1916, т. 33.

¹⁷ *D'Avenel G.* Le mécanisme de la vie moderne. Paris, 1908, p. 157.

полностью определяют объем произведенных и имеющихся в обществе благ, особенно на ранних этапах социальной жизни. «Из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства. ...Рассматривая же историю богатства на его первых ступенях, мы находим совершенную зависимость от почвы и климата»¹⁸.

Такова суть этих теорий в формулировке Бокля. Несомненно, в этом утверждении есть доля истины. Но только доля. Даже по отношению ко многим примитивным племенам это предположение неверно, не говоря уже об его ошибочности применительно к обществам развитым. Во-первых, само по себе благосостояние есть не нечто статичное, а то, что резко изменяется по своему характеру под воздействием социальных обстоятельств. Какие из продуктов географического окружения становятся экономически ценными, зависит не только от их природы, но и от характера общества. Нефть, керосин, даже уголь и железная руда и наличие водопадов не имеют экономической ценности для общества, которое не знает, как их использовать. Богатая данными ресурсами территория вовсе не способствует накоплению богатств у примитивного племени охотников и собирателей; и та же территория, наоборот, благоприятна для обогащения современного индустриального общества. Одна и та же географическая среда может иметь большую экономическую ценность для народа, который знает, как ее использовать, и не иметь ценности для другого, у которого таких знаний нет, и наоборот: совершенно разные географические регионы могут иметь одинаковую экономическую ценность для разных народов. Это означает, что географическая среда сама по себе не является ценностью для всех обществ, независимо от их характера. По этой причине гипотеза Бокля нуждается в серьезной корректировке. Во-вторых, предположение о том, что все блистательные, богатые цивилизации древности возникли исключительно в «благоприятном» природном окружении, также вызывает вопросы. Географические условия Спарты, Афин и даже Древнего Египта можно назвать «богатыми» и плодородными лишь условно. Если бы не удобства, созданные их населением, то природное окружение этих стран можно было бы признать достаточно «бедным». И все-таки это не помешало произвести и накопить большое богатство. С другой стороны, несмотря на обилие природных ресурсов Америки, ее коренные обитатели большого богатства не нажили¹⁹. В-третьих, предположение относительно того, что примитивные племена, живущие в одной и той же географической среде, одинаково

¹⁸ *Buckle H.T.* Introduction to the History of Civilization of England. New and revised edition by J.M. Robertson. London-New York, p. 24–28 и ch. II.

¹⁹ См. ниже классическую критику данных теорий, с которой выступил Гобино. Его возражения остаются в силе по сей день. Некоторые ошибки Бокля по этому поводу отметил недавно Робертсон в предисловии и примечаниях к указанному выше изданию его книги.

богаты, также неверно. Р.Г. Лоуи и Р. Турнвальд наряду с другими авторами показали это на примере индейцев хопи и навахо и других племен²⁰. В-четвертых, среднее благосостояние на душу населения в современных обществах и соответствующие различия по этому показателю не могут быть объяснены с помощью данной гипотезы. То же верно и относительно флуктуаций бедности и богатства с течением времени среди населения, живущего в одинаковом географическом окружении. Природные ресурсы России вряд ли беднее, чем в какой-либо другой стране, и тем не менее благосостояние на душу населения у нее одно из самых низких. Индейцы и американцы населяют одну и ту же территорию, и тем не менее первые были бедняками, а последние были и остаются богачами. Ж. Брюн приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о накоплении значительного богатства и экономическом процветании населения, живущего в очень неблагоприятной природной среде, и *vice versa*²¹. Данных примеров достаточно, чтобы показать односторонность рассматриваемых теорий. В них есть доля истины, поскольку при определенных условиях общественного развития характер природных ресурсов может способствовать или препятствовать накоплению богатства, но это лишь один из многочисленных факторов, и вряд ли он имеет более важное значение, чем многие другие негеографические причины²².

Географические условия и характер производства в обществе. Следующая группа географических теорий пытается доказать существование тесной связи между географическими условиями и экономической, или промышленной, деятельностью конкретного общества. Практически в каждом учебнике по экономике, экономической географии и истории подчеркивается, что географические факторы играют в этом отношении решающую роль²³. Место определяет способ, каким общество добывает средства своего существования, или характер его экономической деятельности. Мы уже знакомы с формулой Ле Пле, которая показывает определяющую роль географических условий. Подобным же образом она

²⁰ См.: *Lowie R.H. Culture and Ethnology. New York, 1917, p. 48 ff.*; *Thurnwald R. Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus // Erinnerungsgabe für Max Weber. München, 1923, Bd. I, S. 273–336.*

²¹ См. *Bruhnes J.* Op. cit., ch. VIII, p. 593 ff. См. его полемику.

²² Главная причина ошибок географов – их невнимание к социальной среде и наследственным качествам человеческих существ. В этом отношении полное пренебрежение к наследственным различиям, которое высказывает Бокль в примечании на 22 странице своего труда, типично для многих географов*. Если односторонность географической теории накопления богатства очевидна, то еще более ущербна географическая теория его распределения, которую, что вполне естественно, тоже излагает Бокль. Она настолько ошибочна, что даже не нуждается в критике. См.: *Buckle. Op. cit., p. 28 ff.*

²³ В качестве примера см.: *Semple E.Ch. American History and its Geographic Conditions. 1903; Semple E.Ch. Influences of Geographic Environment. 1911; Smith J.R. Industrial and Commercial Geography. 1913; Whitbeck R.H., Finch V.C. Economic Geography. 1924; Huntington E., Williams F.E. Business Geography. 1922; Whitbeck R.H. Industrial Geography. 1924; см. также цитируемую в данных книгах литературу.*

прослеживается у сонмища историков и экономических географов. Очевидно, что общество, на территории которого нет угля или других ценных минералов и металлов, не может развивать добывающую промышленность. Также ясно, что на территории с неплодородной почвой не может возникнуть общество, чьим основным занятием было бы сельское хозяйство. Это означает, что во всех этих теориях есть доля истины. Но опять же, связь между географической средой и производственной деятельностью общества зачастую преувеличивается. Хотя она и заметна во многих случаях, гораздо чаще она еле просматривается и носит неопределенный характер.

Трудно согласиться с утверждением Демолена и других географов, согласно которому, чтобы предсказать характер производства или основной экономической деятельности населения, достаточно всего лишь узнать географические условия конкретной территории. Условия российских степей и американских прерий во многих отношениях похожи, и все же экономическая деятельность кочевых и полукочевых народов, живущих в степях России, и населения прерий в Америке носит разный характер. Население горных районов Швейцарии, баски на Пиренеях и обитатели Тибета живут в одинаковых горных условиях, и все же промыслы, благодаря которым они добывают средства существования, у них разные. Бушмены и герреро одинаково обитают в пустынях, но для первых характерна охота, а для вторых – животноводство²⁴. Многие индейские племена жили в районах с плодородными почвами, очень благоприятными для развития сельского хозяйства, и все же оно у них практически отсутствовало. С другой стороны, в западных Карпатах, которые менее благоприятны для развития сельского хозяйства, оно сильно развито, и 88% земли обрабатывается, тогда как в восточной их части, где она более плодородна, сельское хозяйство менее развито и вспахивается только 13% земли²⁵. На Мальорке, особенно на большой западной горной цепи острова, несмотря на очень неблагоприятные условия, люди «творили и продолжают творить чудеса – разводят орошаемые сады на своих huertas»^{26/10*}. *Post factum*^{11*} мы склонны верить историкам, когда они говорят, что «развитие мореплавания у финикийцев было обусловлено удачными очертаниями береговой линии». Но фактически это и многие другие подобного рода объяснения носят заведомо ложный характер. В случае с финикийцами реальная ситуация такова: «Трудно было бы найти еще более негостеприимный участок на всем Средиземноморье, чем крохотный уголок побережья Сирии, где находились знаменитые в древности портовые города Тир и Сидон. Они и расположены были неудачно, а кроме того очень часто сильный ветер со стороны моря

²⁴ См.: *Thurnwald R. Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen* heraus. München, 1923.

²⁵ *Bruhnes J. Human Geography*, p. 525.

²⁶ *Ibid.*, p. 594.

затруднял вход в порты и выход из них, и тем не менее финикийцы были народом мореплавателей и колонистов. Почему? Потому что их торговая смекалка возмещала враждебность природы»²⁷.

То же самое относится и к подавляющему большинству других ретроспективных географических интерпретаций хозяйственной деятельности разных народов, о которых рассказывается в учебниках истории. Из того факта, что греки или финикийцы стали мореплавателями и вели большую морскую торговлю, делается вывод, что причиной тому было их географическое расположение²⁸. На самом деле эти и многие другие случаи географического положения были совсем не так благоприятны. Кроме этого, многие народы жили в условиях более благоприятных для развития мореплавания, но развить им его не удалось²⁹. Подобные несоответствия между географическими условиями и характером хозяйственной деятельности населения настолько многочисленны, что вышеприведенное утверждение географов теряет свой всеобщий характер и, по сути дела, свидетельствует лишь о неопределенности географического детерминизма. Окончательными доказательствами являются те изменения в хозяйственной деятельности населения, которые иногда происходят за короткий период времени. Например, в Соединенных Штатах за последние 30 лет процент трудоспособных мужчин, занятых в сельском хозяйстве, упал с 50 до 35. Это очень серьезное изменение в хозяйственной деятельности населения. Но его нельзя отнести на счет географических условий. В сущности, условия абсолютно такие же, как и 30 лет назад. Следующая таблица показывает численность работающих по той или иной профессии в Соединенных Штатах на миллион населения³⁰.

Профессия	Количество занятых на миллион населения Соединенных Штатов							
	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920
Фермеры	103 097	79 809	77 320	84 318	83 904	74 606	64 231	57 550
Колесники	1 323	10 40	543	311	204	178	41	35
Каменщики и штукатуры	2 733							1 676
Медики и хирурги	1 757	1 751	1 618	1 708	1 665	1 737	1 643	1 372
Священнослужители	1 157	1 194	1 138	1 290	1 401	1 469	1 283	1 204
Водопроводчики	81							1 956
Служащие	4 369							41 246
Водители							498	2 697

²⁷ Bruhnes J. Op. cit., p. 595; Dubois M. La crise maritime, p. 25.

²⁸ Более подробный анализ того, в какой степени географическое положение греков благоприятствовало развитию морского судоходства, см. в книге: Vallaux. La mer, § 7.

²⁹ Множество фактов приводит Ж. Брюн (см.: Bruhnes J. Op. cit., ch. VIII, p. 594 ff.). См. также критику Валло соответствующих географических теорий К. Риттера и Ф. Ратцеля и убедительный и богатый фактический материал, представленный для доказательства неадекватности всех односторонних теорий данного типа: Vallaux C. La mer, p. 27 ff., ch. II; Vallaux. Le sol et l'état, p. 152 ff., и passim.

³⁰ Jones M.Z. Trend of Occupations in the Population // Monthly Labor Review. 1925, May.

Таблица демонстрирует очень серьезные изменения в профессиональной деятельности населения за период в 70 лет. Эти изменения не могут быть отнесены на счет географических условий. Согласно Петренцу, в Лейпциге в период с 1751 по 1890 г. появилось 349 новых профессий, тогда как 115 ранее существовавших исчезли³¹. Сложно объяснить данные изменения влиянием географического фактора. Эти и тысячи других примеров показывают, что в одной и той же географической среде хозяйственная деятельность общества меняется, причем иногда меняется радикально. Это еще одно доказательство односторонности утверждения Демолена и преувеличения значимости соответствующих географических теорий.

Географические условия Америки и России в течение следующих 200 лет, скорее всего, мало изменятся, и все же кто сможет предвидеть или предсказать, какие отрасли производства будут тогда основными в этих странах. Наверное, мы будем недалеко от истины, если скажем, что они будут сильно отличаться от нынешних. Любое новое изобретение, любое значительное изменение расового состава населения или социальной организации, а также взаимосвязей одной страны с другими странами влечет за собой серьезные и существенные изменения в ее производственной деятельности³². Нет никакой возможности обнаружить тесную связь между физической средой и хозяйственной деятельностью, особенно если речь идет о развитых странах.

Географические условия, циклы деловой активности и ритмы экономической жизни. К третьей группе географических теорий относятся те, которые пытаются установить связь между географическими условиями и волнами процветания и обнищания, оживлениями деловой жизни и депрессиями. Эти теории доказывают, что экономическая жизнь общества полностью определяется географическими факторами. Платон неоднократно повторял, что грандиозные природные катаклизмы, такие как землетрясения или наводнения, являются причиной упадка многих обществ и цивилизаций. Великое множество других авторов также отмечали связь между климатическими изменениями и экономическими циклами в жизни различных обществ.

Есть несколько исследований подобного рода. В качестве примеров можно назвать теорию У. Стенли Джевонса о зависимости бизнес-циклов от пятен на солнце, опубликованную в 1875 г.³³, ту же теорию, слегка модифицированную

³¹ Petrenz O. Die Entwicklung der Arbeitsteilung in Leipziger Gewerbem. Leipzig, 1901, S. 89.

³² Развитые страны могут даже изменить свои географические условия. Географические условия Соединенных Штатов сейчас, после значительного прогресса науки, принципиально отличаются от тех, что были раньше. Природные условия, которые сейчас считаются очень благоприятными (большие запасы нефти, угля, металлов), в прошлом считались весьма неблагоприятными и vice versa.

³³ Jevons W.S. Investigations in Currency and Finance. 1884, p. 194–243.

Г. Стенли Джевонсом³⁴, теорию У.Н. Шоу о корреляции между периодичностью урожайности пшеницы и климатическими изменениями³⁵, теорию Брикнера о влиянии изменений климата на флуктуацию экономической жизни общества³⁶, теорию Г.Х. Клейтона о вспышках коммерческой паники в Соединенных Штатах в связи с периодами засухи в долине реки Огайо³⁷, аналогичную теорию У.Г. Бевериджа³⁸ и, наконец, метеорологические теории бизнес-циклов, разработанные Э. Хантингтоном (1876–[1947])³⁹ и особенно Г.Л. Муром (1869–[1958])⁴⁰. Есть еще ряд работ подобного рода, но мы их здесь не упоминаем, поскольку к фактам и идеям вышеназванных авторов они мало что или вообще ничего нового не добавляют. Теорию, которую разработал У.С. Джевонс, и отчасти теорию Г.С. Джевонса в их конкретной форме в настоящее время никто не поддерживает⁴¹. Остальные теории, по сути, говорят о том же. В связи с тем, что наиболее разработанными и научными являются теории Бевериджа и Мура, наш анализ ограничится этими двумя авторами и кратким обзором несколько отличающейся от них гипотезы Хантингтона.

Суть разработанной Г.Л. Муром теории такова:

«Погодные условия, представленные ливнями в центральной части Соединенных Штатов и, вероятно, в других континентальных районах, проходят через циклы продолжительностью примерно 33 года и 8 лет, вызывая аналогичные циклы урожайности зерновых культур; эти циклы урожаев образуют естественный материальный поток, на поверхности которого с некоторым отставанием происходят ритмические изменения стоимостей и цен, с чем непосредственно сталкивается экономист»⁴².

Согласно его математическому анализу корреляция между флуктуацией урожаев и средним показателем дождевых осадков в долине Огайо в критические

³⁴ *Jevons H.S.* The Causes of Unemployment // *The Contemporary Review*. 1909, p. 165–189.

³⁵ *Shaw W.N.* An Apparent Periodicity in the Yield of Wheat, etc. // *Proceedings of the Royal Society. Series A*. 1906, vol. LXXVIII, p. 69–76.

³⁶ *Brückner.* Der Einfluss der Klimaschwankungen auf die Ernteerträge und Getreidepreise in Europa // *Geographische Zeitschrift*. 1895, Bd. I, S. 39–51, 100–108.

³⁷ *Clayton H.H.* The Influence of Rainfall on Commerce and Politics // *Popular Science Monthly*. 1901, December.

³⁸ *Beveridge W.H.* British Exports and the Barometer // *The Economic Journal*. 1920, March; *Weather and Harvest Cycles* // *The Economic Journal*. 1921, p. 429–449.

³⁹ *Huntington E.* *World Power and Evolution*. 1919, ch. II, III, IV.

⁴⁰ *Moore H.L.* *Economic Cycles. Their Law and Cause*. New York, 1914; *Generating Economic Cycles*. New York, 1923.

⁴¹ У.К. Митчелл считает, что данная теория «вряд ли представляет собой приемлемое объяснение деловых циклов» (*Mitchell. Business Cycles*. 1913, p. 19).

⁴² *Moore H.L.* *Economic Cycles. Their Law and Cause*, p. 149.

периоды созревания (июль-август) – $r = 0,584^{43}$. После того как данная корреляция установлена, Мур пытается найти зависимость между флуктуацией урожая и циклом деловой активности. И приходит к такому выводу:

«Причиной экономических циклов являются периодические колебания урожайности зерновых культур. Когда урожайность повышается, растет объем торговли, оживляется деловая активность, создаются новые рабочие места, повышается потребительский спрос, кривая потребления сельскохозяйственной продукции идет вверх и в конце концов происходит общее повышение цен. При снижении урожайности зерновых культур происходят изменения противоположного свойства».

Кропотливый анализ флуктуаций делового барометра (каковым является выплавка чугуна) и производства зерновых культур, который произвел Г.Л. Мур, подтверждает эту теорию. Коэффициент корреляции между ними выражается числом $r = 0,718$, с отставанием цикла выплавки чугуна на один или два года. Коэффициент корреляции между флуктуациями урожая зерновых и общим изменением цен еще выше (с отставанием примерно на 4 года): $r = 0,800^{44}$. Такова суть данной теории.

Теория деловых циклов Бевериджа похожа на предыдущую. Отличия состоят только в используемых данных, методах и некоторых выводах. Суть его теории и аргументации следующая. Цены на пшеницу в Западной и Центральной Европе в период с 1500 по 1869 г. вроде бы показывают, что их колебание имеет большую периодичность в 30,6 лет, или 15 лет в одну и 15 лет в другую сторону, и малую флуктуацию в 15,2 или 15,4 года. С отставанием на один год эта периодичность соответствует, по его мнению, периодичности урожайности зерновых культур, обусловленной флуктуацией погодных условий. Другие факторы тоже влияли на флуктуацию цен, но погода была наиболее значительным из них. «Движение (цен) должно в основном восприниматься как отражение хорошего или плохого урожая». В своей первой статье он утверждает, что колебание цен с периодичностью в 15,2 или 15,4 года соответствует такой же периодичности погодных изменений, вызванных солнечной активностью. Во второй статье, отвечая на некоторые возражения секретаря Королевского метеорологического общества У.У. Брайанта, Беверидж дал более сложную интерпретацию. Он согласился с тем, что периодичность солнечных вспышек составляет не 15, а около 11 лет, и признал, что «цикл в 15,3 года не зафиксирован ни в одной метеорологической сводке». Тем не менее он утверждал, что флуктуации погоды обнаруживают периодичность в 4,38 или 4,77 и 8,34 года. Кроме того, существует периодичность дождей в 4,37 года. Соответственно период в 15,3 или 30,6 года может быть разделен на отрезки в 4,38; 4,77; 8,34; 4,37 года, которые аналогичны флуктуациям метеорологических явлений. В дальнейшем анализе он подчерки-

⁴³ Moore H.L. Op. cit., p. 53.

⁴⁴ Moore H.L. Op. cit., p. 147 ff.

вает, что, кроме отрезков в 15 и 30 лет, в колебании цен есть периоды в 4,38; 5,11; 2,74; 3,71; 34,992; 48; 74–75 лет и 271 год⁴⁵.

Таковы основы теории Бевериджа. Метеорологические теории похожи на представленные Муром и Бевериджем, но менее разработаны и опираются на меньшее количество данных. Несколько иной характер носит теория Хантингтона. Он пытается установить влияние климатических условий на экономическую жизнь, анализируя не столько урожайность, обусловленную погодой, сколько здоровье населения, на которое влияют климатические факторы. Его принципиальный тезис состоит в том, что климат и его колебания вызывают флуктуации здоровья и производительности физического и умственного труда, которые, в свою очередь, влекут за собой соответствующие флуктуации бизнеса и экономической жизни общества. Он пытается доказать это с помощью многочисленных данных, среди которых наиболее значимы те, которые свидетельствуют о параллелизме уровня смертности и депрессий или оживлений экономической жизни в Коннектикуте, Нью-Йорке, Массачусетсе и Чикаго в период с 1870 по 1910 г. «Высокий уровень смертности (как показатель здоровья) регулярно предшествует тяжелым временам, тогда как ее низкий уровень – предвестник процветания. Здоровье – в большей степени причина, чем результат (экономического процветания). Здоровье, в свою очередь, зависит от погоды». Такова вкратце суть теории Хантингтона⁴⁶.

Теперь кратко рассмотрим, в какой степени достоверны вышеизложенные теории. Для начала отметим, что многие динамические процессы географической среды, в которой находится общество, влияют – и иногда очень сильно – на динамику экономической жизни. Землетрясения, как недавно произошедшее в Японии^{12*} и многие другие, засуха, наводнение и подобные им природные явления могут дезорганизовать или даже поставить под угрозу экономическую жизнь общества. Тем не менее подобные природные катаклизмы случаются очень редко и чаще всего непродолжительны. Таким образом, в долгосрочный период жизни общества они не сильно влияют на флуктуации экономических процессов, которые не имеют катастрофического характера.

Во-вторых, вряд ли можно отрицать тот факт, что главным образом от климатических и географических факторов зависит количество и качество урожая, а через них, особенно в аграрных странах, и флуктуации экономического цикла. Хотя контроль человека в данной сфере до сих пор незначителен, вмешательство других негеографических факторов, таких как сельскохозяйственные знания, усилия и трудолюбие человека и т. д., а также расширение торговли и коммерции, в прошлом, как и сейчас, в значительной степени ограничивали и нивелировали результаты географических влияний. Кроме этого, на любой обширной

⁴⁵ *Beveridge. Weather and Harvest Cycles, passim.*

⁴⁶ *Huntington E. World Power and Evolution, p. 29–31 и ch. III, IV.*

территории географические факторы редко бывают одинаковыми; будучи благоприятными в одном месте, они неблагоприятны в другом – таким образом они нейтрализуют свои последствия в такой степени, что становятся неспособными серьезно влиять на экономическую жизнь общества. Тем не менее следует признать, что в какой-то степени географические факторы влияют на динамику экономической жизни.

Значит ли это, что их влияние столь велико и значительно, что такие явления, как экономические циклы и колебания цен, испытывают его постоянно, как утверждают вышеназванные теории? Можем ли мы сказать, что эта корреляция настолько весома, что прослеживается в экономических циклах индустриального общества? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Тем не менее причин для отрицательного ответа столько же, как и для положительного. Наиболее слабые пункты таких теорий, как теория Бевеиджа, следующие: во-первых, они считают, что существует строгая периодичность погодных условий (или солнечной активности), и, исходя из этого, пытаются увязать с этой периодичностью соответствующие флуктуации в бизнесе. Даже согласившись с тем, что подобная периодичность существует, мы испытываем замешательство от того, как по-разному понимают ее разные представители данной школы. Мур считает, что периоды делятся от 8 до 33 лет; Бевеидж – 4,37; 5,1; 11,2; 8,34; 15,3; 30,6 лет и т. д.; У.С. и Г.С. Джевонсы – 10,44; 3,7; 7 и 11 лет; У.Н. Шоу – 2,75 и 3,67 года; Брикнер – 35 лет и т. д. Эта разногласия по поводу длительности периодов погодных условий, царящая среди приверженцев теории экономических циклов, превращает эту четкую, более или менее всеобщую периодичность смены погоды в нечто расплывчатое и заставляет задуматься о том, действительно ли существуют вышеназванные периоды или же они являются результатом арифметических и математических манипуляций ученых.

Некоторые из них, как профессор Мур, выводят свои периоды из подсчета реального количества выпавших в долине Огайо осадков⁴⁷, другие, как Бевеидж, – из флуктуаций цен на пшеницу. Кроме того, продолжительность периодов в теории Бевеиджа настолько разнообразна и периоды так сильно отличаются друг от друга, что сам факт их существования практически отрицает любую конкретную периодичность: сказать, что существуют периоды в 2, 3, 4, 5, 7, 11, 15 и т. д. лет, практически означает, что их нет вообще. Таким образом, первый недостаток всех этих теорий – в искажении их исходной позиции и в их приблизительности и неопределенности. Их второй недостаток обусловлен тем фактом, что периодичность солнечной активности или флуктуаций погоды также неопределенна. Несмотря на популярность теории Артура Шустера об 11-летних периодах солнечной активности, сам этот период представляет собой

⁴⁷ Тем не менее даже эти подсчеты вызывают серьезные возражения. См.: *Wright Ph.G. Moore's Economic Cycles // Quarterly Journal of Economics*, vol. XXIX, p. 631–641.

лишь приблизительное среднее число различных величин от 16 до 6 лет, между которыми колеблется длительность максимальных периодов такой активности, наблюдаемой с 1750 по 1906 г.⁴⁸ Подобно тому, как из любого ряда чисел можно вывести некое среднее значение, так и данный период в 11 лет представляет собой скорее фиктивную, а не реальную периодичность максимумов солнечной активности. Более того, некоторые метеорологи зафиксировали другие периодичности солнечной активности и флуктуации погоды. Такое разногласие между метеорологами свидетельствует о сомнительности самого факта существования какой-либо периодичности в этой области. Наверное, не так уж неправы некоторые известные специалисты-метеорологи, когда они решительно отрицают существование строгой периодичности в колебаниях солнечной активности или погодных условий. Примером такого отрицания является работа «Погода и циклические флуктуации» Уолтера Брайанта, почетного секретаря Королевского метеорологического общества. Критикуя теорию Бевериджа, он отмечает, что нет строгой периодичности ни в солнечной активности, ни в силе прилива Луны, ни в колебаниях погоды: «Я изучил барометрические данные с 1873 по 1904 г. (в Индии и других местах) и с 1873 по 1903 г. в Северной Америке, касающиеся тех же самых явлений. Данные барометров не дают никаких доказательств в пользу периода в 15 и 1/3 года» (на котором решительно настаивал Беверидж в первой своей статье).

Что касается периодичности солнечной активности, говорит Брайант, то профессор Кимура, проанализировавший ее за период с 1750 по 1911 г., выстроил ее кривую и предсказал ее движение вплоть до 1950 г. «Но реальные числа не совпадают с предсказаниями первого года и год от года становятся все хуже». В связи с отсутствием четкой периодичности метеорологических условий он приходит к такому выводу: «По-видимому, не пришло еще время, чтобы долгосрочные прогнозы стали практическим фактором в регулировании мировых запасов продовольствия»⁴⁹. Обоснованность данных возражений была частично напрямую и частично косвенно признана Бевериджем в его следующей статье. Он уже менее уверен в своем утверждении и практически «сдает» свою теорию 15-летней периодичности флуктуаций погодных условий. Вместо этого он приводит многочисленные периодичности флуктуаций цен, но не может указать на соответствующие периоды флуктуаций погоды. Наконец, он заключает: «Вряд ли найдется такое вводящее в заблуждение и более бесполезное занятие, как по-

⁴⁸ Максимум солнечной активности приходится на следующие годы: 1750, 1761, 1770, 1778, 1804, 1817, 1830, 1837, 1848, 1860, 1871, 1883, 1893, 1906. Периоды минимальной солнечной активности дают аналогичный ряд.

⁴⁹ *Bryant W. The Weather and Cyclical Fluctuations // The Economic Review. 1921, p. 46–49.* См. также: *Ward R.D. Climate Considered Especially in Relation to Man. New York, 1918, p. 356 ff., ch. XI.* «Исследования периодичности солнечной активности и периодических колебаний (климата) не дали удовлетворительных результатов. В некоторых случаях о периодичности солнечной активности можно спорить, в других – результаты неоднозначны» (*Ibid.*, pp. 356–357). Так вкратце обстоят дела с решением этой проблемы.

иск погодных циклов. Собираемое нами золото постоянно превращается в прах, но цикл в 15,3 года кажется мне настоящим металлом»⁵⁰.

Фактически это означает признание недостоверности собственной теории, доверие к которой еще сильнее подорвали его несбывшиеся предсказания о том, что 1923, 1924 и 1925 гг. будут неурожайными⁵¹.

Это означает, что краеугольный камень метеорологических теорий об экономических циклах – существование строгой периодичности в явлениях солнечной активности или в колебаниях погоды – совершенно ненадежен. Естественно, еще менее достоверны теоретические схемы, разработанные на таком ненадежном основании. И разногласие теорий в вопросе о длительности периодов есть еще одно доказательство этой ненадежности. Другим подтверждением бездоказательности всех этих теорий является отсутствие корреляции между экономическими циклами и сомнительными циклами погодных условий, обнаружившееся сразу, как только эти циклы были четко установлены. Чтобы избежать таких противоречий, авторы пытаются исправить свои теории путем деления и подразделения установленных ими периодов, но все эти попытки очень далеки от успеха. Некоторые из них, опять же противореча друг другу, пытаются достичь предполагаемого параллелизма хозяйственной жизни и погодных флуктуаций, используя так называемые запаздывания на один, два, три, четыре или пять лет в соответствии с требованиями теории. Очевидно, что такие математические манипуляции, как дробление предполагаемой периодичности и использование эластичных «запаздываний», которые укорачиваются или удлиняются в соответствии с требованиями проблемы, способны создать корреляции и там, где их вовсе нет. Более того, даже те данные, которые столь тщательно проанализировал профессор Мур, все-таки носят локальный характер и не могут служить основой ни для выводов всемирного масштаба, ни для утверждения о том, что «периодические колебания урожайности зерновых культур являются *причиной* экономических циклов». Они могут быть одной из причин, но, безусловно, не единственной. Наконец, корреляция периодов экономических подъемов и депрессий с периодами хороших и плохих урожаев не соответствует идее взаимобусловленности экономических флуктуаций и урожайности зерна.

«Существует много случаев, когда повышение урожайности сопровождается улучшением благосостояния или когда плохой урожай и депрессия идут рука об

⁵⁰ Beveridge. Op. cit., p. 449.

⁵¹ Еще более сомнительны попытки соотнести периоды максимальной солнечной активности с революциями и социальными переворотами или психическими пандемиями (теория русского профессора Чижевского, опубликованная в 1922 г.), солнечную активность – с эпидемиями (Сарду), религиозными переворотами и т. д. Данный скептицизм тем не менее не относится к организации Французского общества научной астрологии, чья цель – изучать с научной точки зрения проблему метеорологических влияний на социальную жизнь. Из этих исследований может выйти что-то стоящее.

руку. Но корреляция между объемом производства и деловой конъюнктурой менее сильна для пшеницы, чем для полезных ископаемых (железной руды и угля). 1899-й г. для Америки, 1895-й для Британии, 1897-й для Франции и 1907-й для Германии были годами плохих урожаев, и в то же время для каждой из этих стран они были годами процветания. 1908-й г. для Америки, 1902-й для Британии, 1903-й для Франции и 1902-й для Германии были годами хороших урожаев и тем не менее временем депрессии. Хорошие урожаи сулят процветание (в сельскохозяйственной стране), а плохие – депрессию в последующие годы. Но многочисленные исключения из данного правила показывают, что другие факторы часто перевешивают влияние жатвы». Кроме этого, повышение урожайности пшеницы и рост добычи железной руды и угля – процессы, идущие совсем непараллельно друг с другом⁵².

Приведенных соображений⁵³, по-видимому, достаточно, чтобы сделать вывод о том, что никакая тесная корреляция между погодными условиями и экономическими флуктуациями пока еще не доказана, что теории параллельной периодичности (без «запаздываний») до сих пор нуждаются в подтверждении и что, если даже параллелизм просматривается, необходимо еще доказать, что он не случаен. Некоторое влияние географических факторов на экономические явления признать нужно, но оно настолько сложное и подвергается столь сильному влиянию со стороны других факторов, что становится весьма «расплывчатым» (за исключением случаев природных катастроф) и вряд ли может быть описано с помощью конкретных математических формул.

Тот вариант метеорологических теорий об экономических флуктуациях, который предлагает Хантингтон, значительно преувеличивает, как увидим далее, влияние климата на здоровье и работоспособность. Стало быть, краеугольный камень его теории ненадежен, не говоря уже о многих возможных возражениях относительно его метода и данных. Его теория еще более сомнительна, чем все вышеизложенные. Критика предлагаемой им корреляции между климатом и здоровьем будет дана ниже, поэтому здесь мы его теорию рассматривать не будем⁵⁴.

⁵² *Mitchell W. Business Cycles*, p. 237–239, 452–453.

⁵³ См. другие возражения этим теориям в «*L'année sociologique*», 1923–1924, p. 806–811 и в специальных исследованиях деловых циклов и экономических флуктуаций. В качестве дополнительного возражения можно отметить, что корреляция между количеством солнечных вспышек и ростом деревьев, которая наблюдается гораздо чаще, чем между солнечной активностью и экономическими условиями, составляет только + 0,1212. «Взаимозависимость не такая уж тесная, как считают многие авторы». *Harris J.A. The Correlation Between Sun-Spot Number and Tree Growth // Monthly Weather Review*. 1926, January, p. 13–14.

⁵⁴ Иногда влияние метеорологических условий на экономические флуктуации просматривается в так называемой сезонной флуктуации экономики. Даже такой автор, как Э. Хансен, который, кажется, совсем не является приверженцем теории экономических циклов, пишет: «Сезонные флуктуации – это те колебания, которые происходят под влиянием времен года, лета и зимы, времени жатвы и посева». Боюсь, что это изощренная подмена понятий. Существуют некоторые краткосрочные флуктуации («сезонные»), и все же они могут вызываться иными причинами, а не географическими или метеорологическими условиями.

Таким образом, даже в области экономических явлений, где можно было бы ожидать наиболее сильное и самое непосредственное влияние географических условий, оно не такое всемогущее, чтобы перевесить другие факторы, и не настолько непосредственное, чтобы проявляться в тесной корреляции, а также не носит столь общего характера, чтобы сказываться на различиях экономической жизни и организации у разных социальных групп и у одной и той же группы в разные периоды времени. Если неправильно отрицать роль географических факторов в данной сфере, то не менее ошибочно ее и переоценивать, как это делали многие географы и другие ученые.

9. Географическая среда и раса

Позицию многих географов по данному вопросу Т. Бокль ясно выразил такими словами: «Я искренне подписываюсь под замечанием одного из величайших мыслителей нашего времени, который говорит по поводу предполагаемых различий рас: “Из всех грубых уловок, к которым прибегают, чтобы не входить в рассмотрение воздействия общественных и нравственных явлений на мышление человека, самую грубую составляет объяснение несходства в поведении и харак-

Из факта их существования совсем не следует, что вызывающие их факторы – метеорологические. Только когда подобные краткосрочные флуктуации, происходящие в течение года, повторяются из года в год примерно в те же самые климатические периоды или в те же месяцы, тогда эта регулярность является подтверждением в пользу климатических факторов. Между тем если не все, то по крайней мере великое множество подобных «сезонных флуктуаций» не обнаруживают подобной регулярности. Например, данные Хансена о месячных доходах железных дорог свидетельствуют о том, что их максимум в разные годы приходился на совершенно разные месяцы: на декабрь, июль и октябрь в 1902 г., апрель и июль в 1903 г., февраль, ноябрь и декабрь в 1904 г., декабрь и ноябрь в 1905 г., февраль и январь в 1906 г., апрель и май в 1907 г., ноябрь и декабрь в 1908 г. Это значит, что эти максимумы выпадают в разные годы на разные месяцы, а также на периоды самой разной погоды одного и того же года (например, на декабрь и июль). То же относится и к месяцам минимальных доходов. Согласно элементарным правилам индукции, подобная «сезонная» флуктуация является очевидным доказательством того, что данные колебания не имеют ничего общего с временами года как климатическими или метеорологическими явлениями, что ответственные за флуктуации факторы необходимо искать где угодно, но не в климатических условиях и что, наконец, флуктуации настолько нерегулярны, что не могут называться «сезонными» в строгом смысле этого слова. Другие таблицы и данные, приведенные профессором Хансеном в его тщательном исследовании, однозначно и еще более очевидно обнаруживают указанные выше нерегулярные характеристики так называемых сезонных флуктуаций «инвестиционной и банковской активности» и т. д. См. *Hansen A.H. Cycles of Prosperity and Depression in the United States, Great Britain and Germany. Madison, 1921, p. 15–16, 19, 27, 31, 32–33, 42, 58–59.* Высказанные замечания имеют отношение и к подавляющему большинству других экономических и неэкономических «сезонных флуктуаций». Очевидно, что «сезонные флуктуации» – просто «кратковременные» колебания, причины которых можно найти где угодно, но не в климатических или метеорологических условиях.

терах людей их наследственными и врожденными различиями” (*Mill. Principles of Political Economy*, vol. I, p. 390). Обыкновенные писатели постоянно впадают в это заблуждение, признавая существование этого различия. Но если подобные изначальные различия рас существуют лишь гипотетически, то различия, обусловленные климатом, питанием и территорией, имеют вполне удовлетворительное объяснение»⁵⁵.

После этого Бокль показывает, как под влиянием географических факторов сформировались наиболее существенные различия между разными обществами, проявляющиеся в телосложении и мышлении представителей этих обществ, в их социальной организации и исторической судьбе. По его мнению, как и по мнению многих других, особенно ранних, географов, расовые различия в значительной степени или даже всецело обусловлены различиями в окружающей среде и особенно в географических условиях. Из серьезных географов нашего времени эту теорию в такой крайней ее форме вряд ли кто поддерживает, но в несколько смягченном варианте ее придерживаются очень многие сторонники этой школы. Один из лучших примеров – это «Влияния географического окружения. На основе антропо-географической системы Ратцеля» доктора Эллен Черчилль Семпл (*Influences of geographic environment, on the basis of Ratzel's system of anthropogeography*. New York, 1911). В этой работе целый ряд физических характеристик человека объясняется прямым или косвенным влиянием географической среды (дифференциация рас под влиянием разных географических условий, различия в росте, пигментации, толщине кожи, цвете волос, объеме грудной клетки и т. д.)⁵⁶. Э. Семпл, разделяя идеи многих своих предшественников, особенно Риттера и Ратцеля, пытается (правда, в более мягкой форме) показать на ряде примеров истинность указанных ею принципиальных корреляций. Тот же самый тезис о связи между географией и особенностями расы в зоологическом смысле термина поддерживают многие другие авторы, причем отстаивают они этот тезис с большим искусством и компетентностью и не придают ему столь широкого значения. Примерами тому могут служить теории Дж.А. Аллена, У. Риджвея, А. Кита, Ф. Боаса и др.⁵⁷ В какой степени все эти утверждения достоверны? Под-

⁵⁵ *Buckle H.T.* Introduction to the History of Civilization in England. New and Revised Edition by J.M. Robertson. London, Routledge, p. 22.

⁵⁶ См.: *Semple*. Op. cit., ch. II и passim.

⁵⁷ См.: *Allen J.A.* The Influence of Physical Conditions in the Genesis of the Species // *Smithsonian Annual Report for 1905*. Washington, 1906; *Ridgeway W.* The Application of the Zoological Laws to Man // *Nature*. 1908, vol. LXXVIII; *Keith A.* On Certain Factors Concerned in the Evolution of Human Races // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1916, vol. XLVI; *Keith A.* La différenciation de l'humanité en types raciaux // *Revue générale des Sciences pure et appliquées*. 1919, t. 30, № 21. Доктор Франц Боас подчеркивает не столько влияние географии, сколько влияние среды вообще и особенно социальной среды на телесные характеристики человека. См.: *Boas F.* The Mind of Primitive Man. 1911; *Changes in Bodily Form of Descendants of Immigrants*. Washington, 1911.

тверждаются ли они фактами или до сих пор остаются всего лишь предварительными гипотезами? Попробуем разобраться, что в этих утверждениях достоверно, а что недостоверно. Во-первых, предположение многих авторов так называемой моногенной теории происхождения человека и последующей дифференциации человечества на различные расы под влиянием различий в окружающей среде – всего лишь догадка. Эта гипотеза, так же как и гипотеза противоположная (полигенная), является и, возможно, так и останется всего лишь догадкой, которая не может быть ни доказана, ни опровергнута⁵⁸. По этой причине данный аргумент географов и сторонников влияния окружающей среды в пользу своей теории не может иметь никакой научной ценности⁵⁹.

Есть и другая точка зрения, которая значительно ослабляет позицию географов в данной сфере. Расовые признаки в истинном значении этого термина – это те признаки, которые передаются по наследству. Предположение о том, что данные признаки могут изменяться под воздействием географической среды и, изменившись, становиться наследственными, подразумевает возможность наследования приобретенных черт. Это предположение, как известно, до сих пор отрицается большинством биологов. Поэтому теория об изменении расовых черт благодаря непосредственному влиянию географических факторов в лучшем случае имеет под собой весьма неопределенное и сомнительное основание. Пока теория о наследовании приобретенных черт не доказана, мы не можем признать возможность модификации расовых, а значит, наследственных черт под прямым влиянием географических условий. Изменение данных черт через смешение и похожие факторы не принадлежит к категории географического детерминизма и по этой причине не может использоваться как аргумент в пользу этой теории.

В-третьих, почти все серьезные теории, которые отстаивают возможность изменения расовых признаков под воздействием географических факторов, признают, что эта возможность может реализоваться лишь в течение длительного времени; сотни и тысячи лет необходимы конкретному расовому типу для заметного изменения под прямым влиянием географических факторов⁶⁰. Если

⁵⁸ См.: *Sergi G. Le origine umane*. Torino, 1913; *Dixon R.B. The Racial History of Man*. New York, 1923, p. 503 ff.

⁵⁹ Э.Ч. Семпл, как и многие другие сторонники энвайронментализма, безо всяких серьезных оснований пишет, что «единство человеческих видов четко установлено».

⁶⁰ См.: *Morselli. Le razze umane e il sentimento di superiorita etnica // Revista Italiana di Sociologia*. 1911, p. 331 ff. «Расовые черты могут изменяться под постоянным влиянием окружающей среды, но для такого изменения необходимы сотни и даже тысячи лет. Я не знаю ни одного случая трансформации расы за период одного или двух поколений, за исключением тех, что обусловлены смешением. Окружающая среда не может быстро модифицировать физические и психические характеристики расы. Что касается фактора образования, абсурдно ожидать от него изменения расы за короткий период времени. Правда, в настоящее время мы видим быстрые изменения характерных черт того или иного народа, но научные наблюдения показывают, что они имеют психосоциальную, а не расовую природу». См. также: *Dixon. Op. cit.*, p. 479 ff. и *passim; de Lapouge V. Les selections sociales*, p. 65 ff.

это так, то, значит, географическая среда воздействует настолько медленно, что практически не имеет значения при объяснении расовых изменений, происходящих в истории конкретного населения, которая редко продолжается более двух или трех тысячелетий. Она еще менее важна для объяснения биологических изменений населения и его исторических судеб, происходящих в течение более короткого периода, насчитывающего десятки лет. Правда, есть несколько очень ценных попыток доказать возможность модификации расовых свойств за короткое время. Среди подобных попыток наилучшими, наверное, являются исследование телесных изменений американских иммигрантов профессора Франца Боаса и работа Р.М. Флеминг. Но Франц Боас приписывает модифицирующую роль не столько географической, сколько социальной среде. Кроме того, его выводы были встречены такой сильной критикой со стороны известных специалистов, а их возражения были настолько серьезными, что в лучшем случае результаты исследования Боаса должны восприниматься как неубедительные⁶¹.

В связи с прогрессом в изучении роли желез, особенно желез внутренней секреции, в физиологических процессах и формировании телесного облика человека появились попытки объяснить изменения расовых признаков изменениями в работе этих желез, происходящими под влиянием географической среды. Примером подобных попыток является теория Артура Кита⁶². На настоящий момент не вызывает сомнений, что телосложение, рост, форма черепа, вес и т. д. могут быть изменены, если изменятся структура и функции желез, особенно желез внутренней секреции. Но проблема заключается в том, что эти железы, как правило, меняются почти исключительно под воздействием химических ингре-

⁶¹ См.: *Boas F. Changes in Bodily Forms of Descendants of Immigrants // Senate Documents. Washington, 1911, vol. LXIV; статью Р.М. Флеминг в «Man» (Vol. XXII, pp. 69–72)^{13*}. Из критических отзывов об этих статьях особенно см.: *Sergi G. Influenza dell' ambiente sui caratteri fisici dell' uomo // Rivista Italiana di sociologia. 1912, p. 16–24; Fleure H.J., James T.C. Geographical Distribution of Anthropological Types in Wales // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1916, vol. XLVI, p. 37–42; Pearson K., Tippett L.H.C. On Stability of the Cephalic Indices Within the Race // Biometrika. 1924, vol. XVI, p. 118–138. На некоторые недостатки статистического метода, который использует Ф. Боас, указал К. Джини. Типичный вывод, к которому приходят критики, представляет следующее утверждение Пирсона и Типпетта: «Изучив большое количество данных, мы не смогли обнаружить никаких изменений реальной величины цефалического индекса^{14*} у школьников от 5 до 20 лет. Цефалический индекс на удивление стабилен. Учитывая тот факт, что чрезвычайно разнообразие природных условий этой страны не оказывает заметного влияния на форму головы, очень трудно согласиться с утверждением профессора Боаса о том, что ребенок, родившийся у еврейской четы в Европе, отличается формой головы от ребенка, родившегося у тех же самых родителей после их приезда в Америку. Цефалический индекс у большинства евреев один и тот же в самых разных климатических зонах Европы, и мы не думаем, что что-нибудь, кроме скрещивания или длительной селекции, может изменить этот тип».**

⁶² См. его уже цитированные работы. Тем не менее он постоянно подчеркивает относительную неизменяемость расовых черт.

диентов, в основном потребляемых в виде еды и питья (очевидно, что хирургические и медицинские модификации желез не играли никакой роли в прошлом, да и сейчас остаются совершенно несущественными, поскольку затрагивают лишь небольшую часть индивидов). Этим объясняется, почему большинство географов еще до открытия роли желез отмечали, что наиболее важным географическим фактором изменения физических и психических черт расовой группы являются продукты питания⁶³. Против многих фактов подобного рода я не возражаю, тем не менее необходимо сделать серьезные оговорки против их использования в качестве аргументов в пользу географической гипотезы⁶⁴.

Во-первых, не все продукты питания играют важную роль в этом отношении. Только те пищевые и питьевые продукты, в которых отсутствуют конкретные витамины или содержатся определенные ингредиенты, могут заметно влиять на железы и через них на анатомические и физиологические характеристики. Подобная неполноценная пища представляет собой либо редкое явление (потому что обычное питание различных народов в целом содержит все необходимые ингредиенты), либо практически почти одинакова для разных расовых групп и по этой причине не может, за редким исключением, служить причиной их телесных и других отличий.

Во-вторых, что более важно, географы рассматривают еду и питье как географические факторы, как будто они (крепкие напитки, вино, пиво и т. д.) в любом обществе целиком зависят от окружающих условий. Мы видели, что даже для относительно примитивного общества корреляция между географическими условиями и его питанием совсем не является столь однозначной и жесткой. У относительно более развитых и сложных обществ данная взаимосвязь настолько незначительна, что практически не дает никакого повода для подобного утверждения. Что и сколько ест и пьет общество, определяется не только – и во многих случаях не столько – географическими, но и другими факторами. Поэтому рассматривать все влияния количества и качества питания на население как воздействие географического окружения неправильно. Мы должны изъять огромное количество подобных изменений телосложения под влиянием еды из числа аргументов в пользу географических условий. Если это сделать, то очень мало изменений, происходящих из-за продуктов питания, можно будет отнести к разряду тех, что обусловлены географическими факторами. По этой же причине «железистая» теория изменения расовых признаков, которую разработал А. Кит, не может быть использована как дополнительное доказательство географической теории расовой детерминации.

⁶³ См., например, рассуждения Бокля по этому поводу (*Buckle. Op. cit., ch. II и passim*); *Semple E. Op. cit., ch. II.*

⁶⁴ О питании как социальном факторе см. далее. См. также цитированную книгу Армитаж, хотя он преувеличивает влияние продуктов питания на расу.

В-третьих, географическая теория расовой детерминации совсем не подтверждается и фактическим наблюдением. Если бы декларируемая ею тесная связь между характером географической среды и особенностями рас соответствовала истине, то следовало бы ожидать, что существуют корреляции между ростом, пигментацией, объемом черепа и формой носа, с одной стороны, и определенными географическими условиями – с другой. Соответствующие исследования и измерения не оправдывают этих ожиданий. Например, исследования, которые провели Мендес-Корреа, Д.Н. Анучин, Б.А. Гулд, Брока, Буден, П. Топинар, Р. Ливи, Ж. Бертильон, Г. Ретциус, Дж.Г. Бакстер, Ч.Д. Девенпорт, А.Г. Лав и некоторые другие ученые, не обнаружили никакой корреляции даже между телосложением (которое гораздо больше зависит от окружающей среды и особенно от питания, чем многие очевидные признаки расы) и географией, между телосложением и широтой, высотой, долготой, между телосложением и геологической структурой, или флорой и фауной, или даже характером питания и другими географическими условиями, в которых живет общество⁶⁵.

То же самое справедливо и в отношении формы и длины рук и ног, пигментации, формы черепа, а также цвета волос, глаз и кожи. Попытки увязать данные характеристики с той или иной географической средой или с ее элементами не привели ни к каким положительным результатам. «Таким образом, недостаточно рассуждать об окружающей среде, объясняя эволюцию: также необходимо иметь в виду внутренние условия баланса организма и органические взаимосвязи»⁶⁶. Данные результаты свидетельствуют не в пользу достоверности географических

⁶⁵ См.: *Gould B.A. Investigations in the Military and Anthropologic Statistics of American Soldiers.* New York, 1869, p. 131–132; *Mendès-Côrrea A.A. Le milieu géographique et la race // Scientia.* 1921, vol. XV, № 30, p. 371–380; см. его данные и ссылки; см. также: *Mitchell P. Le Darwinisme et la guerre.* Paris, 1916, p. 67 ff.; «невозможно установить корреляцию между пигментацией волос и глаз и каким-либо фактором окружающей среды», p. 69; *Анучин Д.Н.* О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889; *Retzius G., Fürst C.M. Anthropologia suecica.* Stockholm, 1902, p. 60; *Livi R. Antropometria militare.* Roma, 1896, vol. I., p. 48–49; *Broca. Recherches sur l'ethnologie de la France // Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris.* 1866. Фактически ни одно крупное антропологическое измерение населения различных стран не обнаружило обсуждаемой корреляции и не зафиксировало распределение разнообразных физических черт в связи с географическими условиями. То же самое можно сказать и о недавних измерениях в американской армии. См.: *Davenport Ch.B., Love A.G. Army Anthropology.* Washington, 1921, passim.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 380. «По сути дела, нет почти никаких причин предполагать, что цефалический индекс непосредственно зависит от окружающей среды, по-видимому, это наследственная особенность расы», – заключает такой известный зоолог, как П.Ч. Митчелл. См. его исследование «Le Darwinisme et la guerre» (p. 67 ff.). Неубедительны также и недавние попытки увязать носовой индекс^{15*} с климатическими условиями. Носовые индексы разных рас, тысячелетиями живущих в одном и том же климате, остаются разными, а носовой индекс одной и той же расы, представители которой живут в разных климатических условиях, остается одним и тем же. Эти факты делают указанную связь весьма сомнительной. См.: *Thomson A., Buxton D. Man's Nasal Index in Relation to Certain Climatic Conditions // Journal of the Royal Anthropological Institute.* 1923, vol. LIII.

теорий. Тем не менее географы могут возразить, что в настоящее время миграция и смешение рас естественным образом привели к исчезновению корреляции между географическими условиями и расовыми характеристиками населения. Из-за миграции и смешения расовые группы с определенными свойствами, сформированными в прошлом их географическими условиями, распространились на обширнейших территориях и, естественно, не обнаруживают никакой корреляции. К сожалению географов, такие взаимосвязи трудно установить даже для прошлого. Что бы ни лежало в основе расовой классификации, один факт остается непреложным: каждый расовый тип «с незапамятных времен» каким-то образом начинал «рассеиваться» и оказывался живущим в самых разных местах. Если, например, мы рассмотрим восемь основных расовых типов согласно классификации профессора Диксона, то каждый из этих типов обнаружится на Юге и на Севере в абсолютно разных географических условиях⁶⁷. Другими словами, даже в прошлом мы не можем найти период, в течение которого какая-либо из основных рас существовала строго в рамках какой-нибудь одной географической среды. Это означает, что даже в прошлом корреляция между географическими условиями и конкретным расовым типом не обнаруживается⁶⁸. Что делает достоверность этой теории еще менее убедительной. Наконец, нет ни единого случая, когда наблюдалось бы изменение расовых особенностей под влиянием иной окружающей среды. Нордические белые живут в тропических регионах поколениями и все же остаются белыми, несмотря на другой климат. Они не обнаруживают ни одного признака, который свидетельствовал бы об их превращении в черную расу. «Мы не видим никакой разницы в цвете кожи между американским негром и его сородичем в Африке; один так же черен, как и другой, хотя американский негр живет уже не в тропиках»⁶⁹. Все, что мы имеем, – это некоторые изменения ненаследственных или нерасовых черт. Такие изменения могут иметь место под прямым влиянием географической среды, но они не имеют ничего общего с непосредственным изменением расовых черт.

⁶⁷ См.: Dixon. Op. cit., passim, и главу «General Conclusions», p. 475 ff. Вместо классификации Диксона мы можем взять любую другую, однако географическое рассеяние всех основных рас останется тем же самым. См., например: Haddon A.C. The Races of Man; Sergi G. Hominidae. 1911; Deniker J. The Races of Man. 1900.

⁶⁸ Имеется множество догадок относительно того, где зародились многие расовые типы и откуда они начали распространяться. Но эти гипотезы – всего лишь догадки, они противоречат друг другу; они также показывают, что каждый тип жил в самых разных частях мира и не изменялся, несмотря на абсолютно различные географические условия (в противном случае невозможно было бы утверждать, что прото-негроидный тип населял Европу, если бы найденные в ней черепа и скелеты оказались бы изменившимися); наконец, теории, которые гипотетически признают изменение расового типа под влиянием иной географической среды (например, депигментацию черной расы в регионе Балтийского моря), – в большинстве своем догадки и для своей проверки требуют времени, исчисляемого «тысячелетиями». См.: Dixon. Op. cit., p. 479 ff.

⁶⁹ Dixon. Op. cit., p. 480.

Вышесказанного, кажется, достаточно для того, чтобы показать, что претензии географов чрезвычайно преувеличены, что при рассмотрении изменения какой-либо явной расовой характеристики при непосредственном влиянии географического окружения их теория вызывает много вопросов и остается недоказанной.

Все, что остается более или менее достоверным в данных теориях, можно свести к следующему. 1) Некоторые соматические и физиологические характеристики конкретного населения, которые не передаются по наследству, могут изменяться под воздействием разных географических условий. 2) В течение тысячелетий расовые черты могут изменяться под воздействием географических факторов, но это пока не доказано, и даже если бы и было доказано, то немногим бы помогло в расшифровке значительных изменений в биологическом строении населения, которые происходили в исторические эпохи и в более короткие промежутки времени. 3) Многие соматические изменения, произошедшие благодаря факторам окружающей среды, не могут быть приписаны факторам географическим, их в большей степени следует приписать другим факторам, нежели географическим. 4) Географические факторы могут влиять на расовый состав населения лишь косвенно, путем естественного отбора. Изменившись, данные условия могут усилить выживаемость одного типа человеческих существ и способствовать вымиранию другого⁷⁰. Действуя косвенным образом, путем отбора, географические факторы могут оказаться эффективными. Но результативность географических факторов, даже когда они действуют косвенным путем, через селекцию, учитывая тот факт, что социальная среда во многих случаях более эффективна, – результативность этих факторов легко может быть преувеличена.

10. Географические условия и здоровье

В предыдущих параграфах мы затронули явления, зависимость которых от географических условий наиболее заметна. Я не отрицал данную зависимость, но отметил, что корреляция очень слаба и относительна и, как правило, исчезает в ходе развития общества от простейших его форм к более сложным. Теперь обратимся к более сложным явлениям, таким как здоровье человека, его энергия, поведение и психология. В этой сфере мы имеем сотни географических теорий, которые пытаются доказать жесткую зависимость перечисленных явлений от географических факторов. Следовало бы перелистать сотни страниц и изучить тысячи «корреляций», сформулированных в данной области. Так как недостаток объема не позволяет выполнить эту задачу, я поступлю иначе: проанализирую наиболее разработанные в этой сфере «географические теории» и попытаюсь показать, в какой степени они достоверны. Результаты такого рода анализа мож-

⁷⁰ См. главу о расово-антропологической школе.

но будет применить к менее разработанным «географическим обобщениям». Начнем наш анализ с работ профессора Э. Хантингтона (1876–[1947]), которые являются одними из лучших в данной области. Если его основные идеи весьма стары, то дополнительные подтверждения и методы аргументации новы, а также более индуктивны и опираются на большее количество фактов, чем у многих его предшественников. Анализ этих работ, кстати, даст нам возможность упомянуть и обсудить результаты многих других исследований в той сфере, которой занимается Хантингтон. В своих основных социологических работах «Цивилизация и климат», «Миропорядок и эволюция» и «Характер рас» Хантингтон попытался показать, что климат – один из наиболее важных факторов, влияющих на цивилизацию. Он пытается доказать это, устанавливая целый ряд корреляций между климатом и здоровьем, между климатом и энергией, а также производительностью труда, между климатом и свойствами психики, такими как умственные способности, гениальность и сила воли, и, наконец, между климатом и характером, расцветом и упадком цивилизаций. С целью определения, в какой степени его фундаментальная идея обусловленности цивилизации климатом верна, мы должны хотя бы вкратце рассмотреть, насколько соответствуют действительности его малые корреляции между климатом и здоровьем, энергией и другими свойствами психики.

Климат и здоровье. То, что климат влияет на здоровье человека, известно давно. Достоверность этой идеи вряд ли можно отрицать, особенно если речь идет об экстремальных климатических условиях. Но в таком общем виде эта мысль банальна и бессмысленна. Чтобы стать более конкретной, теория должна ответить, по крайней мере, на вопросы о том, какие именно свойства климата влияют на здоровье человека: температура, влажность, изменчивость или какие-то другие элементы? Какой климат во всех отношениях больше всего полезен для здоровья человека? И для всех ли людей он одинаково полезен или для разных людей и разных групп полезны разные климатические условия?

Задолго до книги Хантингтона был опубликован целый ряд работ, в которых пытались ответить на эти вопросы на основе статистических и экспериментальных исследований⁷¹. Некоторые из авторов этих работ попытались даже сформулировать несколько общих законов. Относительно уровня смертности, который Хантингтон считает показателем здоровья, Л. Мозер почти столетие

⁷¹ См., например: *Moser L.* Die Gesetze der Lebensdauer. Berlin, 1839; *Casper J.L.* Der Einfluss der Witterung auf Gesundheit und Leben des Menschen // *Denkwürdigkeiten zur medizinische Statistik.* Berlin, 1846; *Gisi W.* Die Bevölkerungsstatistik der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Aarau, 1868; *Forry.* The Climate of the U.S. and its Endemic Influences. New York, 1842. Кроме того, см. широко известные работы по статистике населения Г. фон Майра, П.Э. Левассера, И.Э. Ваппеуса, Х. Вестергарда, Эттингена, А. Ньюзхолма и других, в которых рассматриваются и анализируются флуктуации коэффициентов смертности, рождаемости и брачности в зависимости от времен года и погодной температуры. См. также литературу, цитируемую в этих работах.

назад сформулировал три «закона»: 1) месячные кривые уровня смертности и температуры совпадают, средние и крайние точки обоих явлений параллельны друг другу; 2) низкие средние температуры сопровождаются высоким уровнем смертности, и наоборот; 3) зимой подъем температуры выше нормы сокращает, а летом увеличивает смертность, тогда как ее снижение зимой или летом соответственно ведет к противоположным результатам⁷². Хантингтон не добавляет каких-либо принципиально новых идей к идеям своих предшественников, разве что приводит свежие данные для подтверждения влияния климата на здоровье и пытается обозначить наиболее благоприятный («идеальный») климат для всех людей и во все времена. «Идеальный климат» – это относительно переменный климат со средней температурой 64 градуса по Фаренгейту, с 60% влажности⁷³. В этом отношении он следует (в том, что касается температуры) теории Декстера⁷⁴. Что касается статистических данных, приведенных Хантингтоном, то надо признать: это впечатляющий ряд цифр и кривых, которые кажутся весьма убедительными. Однако более подробный анализ этих данных делает их менее убедительными. Но я бы слишком отдалился от своей цели, если бы стал все их подробно анализировать. Вместо этого я могу лишь кратко обозначить принципиальные возражения, относящиеся к достоверности выводов Хантингтона.

А. Во-первых, несмотря на то, что уровень смертности – один из важных показателей здоровья, он ни в коем случае не может быть единственным и достаточным, особенно когда применяется к странам различного типа. Например, Хантингтон, беря за основу разные показатели смертности разных стран, не колеблясь приходит к выводу, что в России и Сербии здоровье людей хуже, чем во многих европейских странах⁷⁵. Между тем проблема гораздо сложнее. Как правило, в странах, где выше рождаемость, выше и уровень смертности, и наоборот⁷⁶. Высокий уровень рождаемости – не менее важный критерий жизнеспособности народа, чем уровень смертности⁷⁷. Исторические примеры Рима

⁷² Moser. Op. cit., S. 242 ff.

⁷³ См.: World Power, p. 71 ff., 85, 98–99; Civilization and Climate, p. 14–15.

⁷⁴ См.: Dexter. Weather Influences. New York, 1904, p. 75.

⁷⁵ См.: Huntington. The Character of Races. New York, 1924, p. 231 ff., fig. 13.

⁷⁶ Последние данные см. в статье: Yule G.U. The Growth of Population // Journal of the Royal Statistical Society. 1925, pp. 31–33. Корреляция между двумя уровнями составляет +0,81, 1901–1910, для 22 стран; между их флуктуациями +0,70 или +0,75.

⁷⁷ Этим и объясняется, почему наиболее выдающиеся статистики применяют различные формулы для измерения «жизнеспособности» народов. Основные из них таковы:

$$D/\sqrt{B} \text{ (Сундбарг); } (D = \text{смерть [death]; } B = \text{рождение [birth]); } B/D \text{ (Браун, Вернике); } \frac{100 B}{D}$$

(Р. Пирл, Дж.Ш. Суини) и D^2/B (Рубин). Хотя и эти формулы далеко не адекватные «показатели выживаемости населения», они, без сомнения, лучше, чем критерий Хантингтона. См.: Rubin M. A Measure of Civilization // Journal of the Royal Statistical Society. 1897, vol. LX; Pearl R. The Vitality of the People of America // American Journal of Hygiene. 1921; Sweeney J.S. The Natural Increase of Mankind. Baltimore, 1926, ch. I.

и Греции с их низким уровнем рождаемости в период упадка подтверждают, что данный уровень является скорее симптомом снижения жизнеспособности народа. Таким образом, страны, которые с точки зрения уровня смертности являются очень здоровыми, с точки зрения уровня рождаемости могут иметь противоположный ранг. Во-вторых, изучение уровня смертности разных возрастных групп в странах с ее низким уровнем, таких как Англия, Германия или Франция, и в странах с высоким уровнем, как Россия, Венгрия, Болгария или Сербия, показало, что у возрастных групп старше 30 и 32 лет в странах с высоким уровнем смертности данный показатель ниже, чем у тех же возрастных групп в Англии, несмотря на более гигиеничные условия в последней⁷⁸. Это означает, что согласно критерию Хантингтона более зрелые возрастные группы в странах с высоким уровнем смертности (благодаря большой пропорции детей) должны быть признаны более здоровыми, чем те же группы в странах с низким уровнем (из-за низкой рождаемости и поэтому низкой детской смертности). Это также означает, что, если мы возьмем за критерий здоровья уровень смертности более молодых возрастных групп, различные страны будут ранжированы одним образом, а если мы возьмем уровень смертности возрастных групп старше 30 лет, то совершенно другим, если не противоположным. В-третьих, хотя уровень смертности в России намного выше, чем в Германии или во Франции, все же ее население, согласно недавней статистике (до революции), было лучше и здоровее, чем население практически всех европейских стран с более низким уровнем смертности: в период с 1890 по 1894 г. из 772 000 российских новобранцев только 1,8% были полностью непригодны, тогда как в Германии этот процент достигал 6,2; в России доля пригодных новобранцев была на 35% выше, чем в Германии и большинстве других европейских стран, хотя российские требования в отношении здоровья были несколько выше⁷⁹. Это еще раз показывает, насколько неадекватен критерий здоровья в общем уровне смертности. И неадекватность эта становится еще большей, если принять во внимание, что в Германии между концом XIX столетия и Мировой войной уровень смертности

⁷⁸ См.: *Schallmayer W.* Eugenik, Lebenshaltung und Auslese // *Zeitschrift für Sozialwissenschaft.* 1908, Bd. XI, Hefts 5–8; *Prinzling Fr.* Kulturelle Entwicklung und Absterbeordnung // *Archiv für Rassen- und Gesellschafts Biologie.* 1910, Bd. 7, S. 579–605; *Rüdin E.* Über Zusammenhang zwischen Geisteskrankheit und Kultur // *Ibid.*, S. 722–748. См. также: *Macdonell W.R.* On the Expectation of Life in Ancient Rome, etc. // *Biometrika.* 1913, vol. IX.

⁷⁹ См.: *Schallmayer W.* Op. cit.; *Claassen W.* Die Abnehmende Kriegstüchtigkeit, etc. // *Archiv für Rassen- und Gesellschaft Biologie.* 1909, Bd. VI, S. 73–77; *Claassen W.* Die Einfluss von Fruchtbarkeit, etc. // *Ibid.*, S. 482–492; см. также его другую статью, *ibid.*, S. 129–132. Причина данного явления в том, что в России из-за высокого уровня смертности среди детей все хилые умирают и только люди с крепким здоровьем доживают до 21 года и старше, тогда как в странах с низким уровнем рождаемости и смертности выживает более высокий процент слабых здоровьем. Этим объясняется более низкий уровень смертности в возрастных группах старше 30 лет в менее цивилизованных странах.

снижался, тогда как процент людей с биологическими недостатками среди населения и новобранцев увеличивался (такое же явление наблюдалось и в других европейских странах)⁸⁰. Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных фактов, но и вышесказанное показывает, насколько условен, относителен и неадекватен выбранный Хантингтоном критерий здоровья⁸¹. Вот почему данные Хантингтона в лучшем случае показывают зависимость от климата только уровня смертности, а не здоровья.

В. Более того, многие данные Хантингтона о флуктуации уровня смертности относятся не ко всем причинам, а только к смертям от гриппа и пневмонии⁸². Очевидно, что смертность от гриппа и пневмонии больше зависит от погоды, чем другие виды смертей, поэтому ошибочно представлять уровень смертности от пневмонии как типичный ее уровень от всех причин⁸³.

С. Далее Хантингтон весьма сомнительно интерпретирует сезонную и годовую динамику уровня смертности⁸⁴. Если между флуктуациями уровня смертности и температурой или влажностью наблюдается хотя бы приблизительный параллелизм, он утверждает, что флуктуации уровня смертности – результат влияния климата. Тем не менее известно, насколько сомнителен такой метод. Э. Дюркгейм в своем анализе причин самоубийств убедительно показал, насколько ненадежны подобного рода выводы даже в такой области, где параллелизм между флуктуациями климата и самоубийств гораздо более очевиден⁸⁵. А. Бине установил, что аппетит школьников (измеряемый количеством потребляемого ими хлеба) подвержен «сезонным» колебаниям. Если бы он следовал методу Хантингтона, то отнес бы их к флуктуациям под воздействием климатических факторов. К счастью, Бине не следует этому «грубому» методу и в процессе анализа доказывает, что причиной обнаруженных им колебаний является

⁸⁰ Цифры см. в работах Классена, Шальмайера и Принцинга. См. также для Англии «Report Upon the Physical Examination of Men of Military Age by National Service Medical Boards» (London, 1920). Во Франции это явление еще более заметно.

⁸¹ Позже мы увидим, как этот неверный критерий здоровья Хантингтона делает сомнительными многие из его гипотез. В частности, совершенно ошибочна его попытка разные уровни смертности в разных странах объяснить влиянием климата. См.: *Huntington. The Character of Races*, fig. 12, 13, p. 231 ff.

⁸² См.: *Huntington. Civilization and Climate*. New Haven, 1924, ch. VIII, IX.

⁸³ Динамика смертей от гриппа, пневмонии и туберкулеза не идентична месячной динамике от всех причин. См.: *Whipple G.Ch. Vital Statistics*. New York, 1923, tables 58, 86, 92, 96, fig. 72 и др.; *Public Health Reports*. Vol. XXXVI, p. 1498–1501.

⁸⁴ В этом отношении я согласен с доктором Хекстером, который говорит, что «сомневается в методе доктора Хантингтона. Доктор Хантингтон использует графический метод сравнения. Данный метод, вероятнее всего, и приводит к ошибочным заключениям» (*Hexter M.B. Social Consequences of Business Cycles*. 1925, p. 169).

⁸⁵ Классическую критику таких процедур см. в: *Durkheim E. Le suicide*. Paris, 1912, ch. III, *passim*. См. далее его рассуждения о связи между самоубийствами и географическими факторами.

не климат, а такой фактор, как учебная нагрузка⁸⁶. Так что у нас есть веские основания, чтобы поставить под вопрос достоверность причинных связей между многими кривыми уровня смертности и климатическими факторами, которые Хантингтон строит, используя свои «грубые» методы. Тот факт, что обе кривые в отдельных случаях в какой-то степени параллельны, недостаточен для подтверждения того, что их взаимодействие причинно или функционально связано. Это в какой-то степени подтверждается и данными самого Хантингтона. Во-первых, несколько его кривых, вроде бы демонстрирующих параллелизм (положительный или отрицательный) флуктуаций уровня смертности и климатических причин (например, диаграмма 7 на стр. 62 в «World Power and Evolution»^{16*}), показывают такой «слабый параллелизм», что лишь с большой натяжкой можно сказать, что кривые что-либо доказывают.

Д. В основе теории Хантингтона лежит сомнительное предположение о том, что кратковременные флуктуации уровня смертности («сезонные флуктуации») вызываются климатическими – «сезонными» – факторами. Как я отмечал выше, данное предположение не всегда является верным. Только когда из года в год эти «сезонные» флуктуации идут параллельно климатическим флуктуациям, когда они аналогичным образом возвышаются и понижаются с температурой и когда за идентичной температурной динамикой в разные времена и в разных странах следует идентичная динамика уровня смертности, только тогда можно отнести данные «сезонные» флуктуации смертности на счет метеорологических факторов. Когда подобные характеристики отсутствуют, у нас нет оснований предполагать, что метеорологические факторы ответственны за такие «сезонные» флуктуации. Между тем данные относительно «сезонных» флуктуаций уровня смертности вышеуказанных характеристик и не обнаруживают. Все, что они показывают, – это существование кратковременных флуктуаций, причины которых еще предстоит выяснить. Одни лишь метеорологические факторы можно считать ответственными за небольшую часть данных флуктуаций. Взять хотя бы месяцы максимального уровня смертности за один какой-нибудь год или в течение ряда лет. В одном и том же регионе они, согласно разным авторам, различны, различны они и в разные годы и приходятся на самые разные времена года с разными метеорологическими условиями. Например, согласно Хантингтону, для Массачусетса такими месяцами являются февраль или март, а по доктору Хекстеру – декабрь и март⁸⁷. Согласно профессору Уиплу, в Нью-Йорке в 1910 г. месяцами с максимальными уровнями смертности были март, апрель и июль, а в 1920 г. – февраль и март⁸⁸. Согласно доктору Фальку, в регистрационной зоне^{17*} Соединенных Штатов в 1919 г. максимальным месяцем был ян-

⁸⁶ Binet A. Consommation du pain // L'année psychologique, 1897, vol. IV, pp. 337–355.

⁸⁷ См.: Hexter M.B. Social Consequences of Business Cycles. 1925, p. 55 ff.

⁸⁸ Whipple G.Ch. Vital Statistics. 1923, tables 58, 86.

варь⁸⁹. Такое непостоянство месяцев, на которые приходится максимум уровня смертности, позволяет предположить только то, что этот уровень колеблется в течение года, но не дает нам возможности сделать вывод о том, что флуктуации носят «сезонный» характер и обусловлены «метеорологическими факторами». Это предположение далее подтверждается данными о «сезонных» флуктуациях уровня смертности в различных странах. Если бы данные флуктуации были обусловлены метеорологическими условиями, мы могли бы ожидать, что месяцы с максимальным уровнем смертности в странах с похожим климатом были бы одними и теми же или почти одними и теми же, тогда как в странах с абсолютно разным климатом они бы сильно отличались друг от друга. Подтверждается ли подобное ожидание фактическими данными? Боюсь, что нет. Например, месяцем максимального уровня смертности в 1889–1893 гг. был январь в Бельгии, Пруссии, Вюртемберге, Австрии, Швеции, Буэнос-Айресе и Шотландии. Обратите внимание – один и тот же месяц в странах с абсолютно разными климатическими условиями. С другой стороны, в европейской России это был август, во Франции – март, в Баварии – март, в Италии – февраль, в Саксонии – август, в Болгарии – декабрь, в Уругвае – декабрь и в Сербии – март. Опять-таки обратите внимание на разницу в месяцах максимальных смертей между Сербией и Болгарией или Баварией и Саксонией, географические условия которых больше похожи друг на друга, чем, например, условия Швеции и Буэнос-Айреса. Эти данные словно бы ополчились на метеорологические теории. Те же самые свойства демонстрируют и месяцы минимального уровня смертности в перечисленных странах. Таким месяцем для Италии, Болгарии и Массачусетса был июнь, для Франции, Румынии и Сербии – июль, для Австрии, Шотландии, Норвегии, Швеции и Финляндии – сентябрь, для Бельгии, Пруссии, Баварии, Вюртемберга, европейской России, Дании и Буэнос-Айреса – октябрь, для Саксонии – ноябрь, для Род-Айленда и Уругвая – май⁹⁰. Из этого видно, что один и тот же месяц, например октябрь, оказывается месяцем с минимальным уровнем смертности для стран с очень разным климатом, и *vice versa*^{18*}, а у стран с более или менее одинаковым климатом минимумы смертности приходятся на разные месяцы. Но и это еще не все. Месячные уровни смертности в разные годы для одной страны показывают, что кривые смертности год от года меняются, а также что максимальные и минимальные уровни сдвигаются: в один год это может быть январь, в другой – февраль или март, июль или декабрь⁹¹. Подобные сдвиги сложно объяснить влиянием климатических факторов. Это указывает на то, что «сезонные» флуктуации очень непостоянны и, вероятно, необходимо учитывать множество других фак-

⁸⁹ Falk I.S. Principles of Vital Statistics. 1923, p. 183.

⁹⁰ См.: von Mayr: Statistik and Gessellschaftslehre. Freiburg, 1897, Bd. II, S. 212.

⁹¹ Ср., например, «Seasonal Distribution of Mortality in Massachusetts for 1910 and 1920» (Whipple. Op. cit., pp. 266 and 358)^{19*}; они показывают весьма значительную разницу. То же верно практически для любой другой страны.

торов. Далее, если бы климат был решающим фактором в «сезонных» флуктуациях уровня смертности, то следовало бы ожидать, что уровень смертности в те месяцы, которые мало отличаются друг от друга по погодным условиям, был бы почти одинаковым, тогда как в месяцы, отличающиеся по климатическим показателям, – разным. Цифры тем не менее не вполне оправдывают это ожидание. Ясно, что в Италии погода в августе больше отличается от погоды в декабре, чем ноябрьская погода от декабрьской, и тем не менее уровни смертности августа и декабря практически одинаковы, тогда как ноябрь и декабря – значительно различаются. Уровень смертности декабря и апреля в Вюртемберге практически один и тот же (1 058 и 1 056), несмотря на значительный контраст в погоде, тогда как уровни смертности декабря и ноября, а также декабря и января значительно разнятся (1 058 – для декабря, 902 – для ноября и 1 141 – для января), хотя по погодным условиям эти месяцы больше похожи друг на друга, чем декабрь и апрель⁹². Статистика «сезонных» флуктуаций уровня смертности в каждой стране демонстрирует эти «удивительные» колебания: очевидно, что они не согласуются с климатической гипотезой. Следует отметить еще один факт: «сезонные» флуктуации уровня смертности показывают, что их «сезонные» кривые различны для разных возрастных групп: от 0 до 1 года, от 10 до 20, от 30 до 40 лет и т. д. Каждая из возрастных групп одного и того же населения имеет свои месяцы максимального и минимального уровня смертности⁹³. Далее, заметна также разница между «сезонными» кривыми смертей для разных профессиональных, экономических, половых и даже религиозных групп. Эти различия еще больше убеждают в том, что так называемые сезонные флуктуации уровня смертности вовсе не «сезонные» в смысле обусловленности временами года, а представляют собой только нерегулярные колебания во времени, факторы которых еще предстоит выявить. Этого краткого обсуждения достаточно для демонстрации того, что доктор Хантингтон сильно упрощает ситуацию, что его гипотеза во многом не соответствует подлинному характеру «сезонных» флуктуаций и что из этих нерегулярных флуктуаций он чересчур поспешно делает вывод о климатических условиях как наиболее важных факторах⁹⁴.

⁹² *von Mayr*. Op. cit., p. 212. В Массачусетсе в 1910 г. уровень смертности в июле, апреле, феврале и январе был практически одинаковым, тогда как в августе и сентябре (103 и 108), а также в апреле и мае (107 и 97) значительно отличался, несмотря на большее сходство погоды в эти месяцы, чем в июле, январе и апреле. См.: *Whipple*. Op. cit., table 36.

⁹³ Цифры для возрастных групп Гессена, Ольденбурга, Любека, Бадена и Берлина см. у Г. фон Майра (*von Mayr*. Op. cit., p. 213).

⁹⁴ Нет необходимости говорить, что если данные «сезонные» флуктуации не могут быть объяснены климатическими факторами, то еще в меньшей степени с помощью этих факторов можно объяснить и те тенденции, которые проявляют кривые уровня смертности, например, уменьшение смертности в западных странах в последние три десятилетия, и различия уровней смертности в разных странах (например, почему такие славянские страны, как Россия, Сербия и Болгария, имеют уровень смертности выше, чем большинство

Е. Хантингтон далее говорит, что для здоровья «большое значение имеет влажность» («World Power», р. 84). Тем не менее статистические и экспериментальные исследования, проведенные многими другими авторами⁹⁵, или не находят сколько-нибудь заметного влияния влажности на здоровье и уровень смертности, или, наоборот, находят влияния, противоположные тем, которые описывает Хантингтон. По этим причинам выводы Хантингтона оказываются в лучшем случае неубедительными.

Г. Если мы возьмем результаты того, что Хантингтон называет «наиболее обоснованным исследованием общего влияния погоды на здоровье», то обнаружим, что они устанавливают весьма сомнительную «корреляцию». Автор взял количество смертей за один месяц года в период с 1900 по 1915 г. включительно в 33 городах Соединенных Штатов с населением более 100 000 человек. Эти 16 месяцев были разделены на две группы в зависимости от температуры – на 8 самых холодных и 8 самых теплых, и далее была вычислена разница в уровнях смертности этих двух групп. Результаты следующие: «Восемь наиболее теплых январей в Нью-Йорке в среднем на 6,0° градусов по Фаренгейту теплее, чем восемь холодных, и в эти месяцы меньше смертей на 0,6%. В феврале температура самых теплых восьми месяцев была выше на 6,5°, а уровень смертности был на 4,1% ниже, чем в самые холодные месяцы. В марте соответствующие показатели были 6,4° и 9,7%, в апреле – 3,8° и 4,5%, в мае, наоборот, превышение в 3,5° температуры сопровождалось уровнем смертности на 1,5% выше в теплые месяцы,

западных стран), и внезапные чрезвычайные изменения уровня смертности в одной и той же стране (например, трех-четырёхкратный всплеск смертности в России в 1919–1931 гг.), и различия в уровне смертности у разных профессиональных, экономических, религиозных, национальных и других социальных групп, живущих в одном и том же месте в одинаковых климатических условиях. Так как никакое объяснение этих фундаментальных фактов уровня смертности с помощью климатических факторов невозможно и так как даже сезонные флуктуации не могут быть в полной мере объяснены погодными условиями, мы должны сделать вывод, что доктор Хантингтон преувеличил их важность и что его корреляции в этом отношении сомнительны.

⁹⁵ См., например: *Stecher L.I.* The Effects of Humidity on Nervousness and General Efficiency. New York: The Science Press, 1916. См. описание других экспериментов в этом томе. Экспериментальные исследования «New York State Ventilation Commission» не обнаружили какого-либо заметного влияния влажности на здоровье; похожие результаты получены и в результате тщательного исследования, проведенного «Committee on the Atmosphere and Man of the National Research Council of the U.S.» и «Metropolitan and the New York Life Insurance Companies». Результаты тех исследований, которые обнаружили некоторые влияния (Гринберг, Бессон, Хантингтон, У.Э. Вагт, П.У. Голдсбери и Х.М. Смит), или относятся к специфическим формам смерти от болезней органов дыхания, где вряд ли имеется корреляция, или не стыкуются и часто противоречат друг другу. См.: *Huntington.* Civilization and Climate, ch. VIII and IX; *Besson L.* Relations entre les elements meteorologique et la mortalité // *Annales des services techniques d'hygiene de la Ville de Paris*, 1921; *Watt W.E.* Open Air. Chicago, 1910; *Goldsbury P.W.* Humidity and Health // *Boston Medical and Surgical Journal*. 1911, September.

чем в холодные, тогда как в июле, хотя восемь теплых месяцев превысили только на 2,8° восемь холодных, превышение в уровне смертности возросло до 14,2%»⁹⁶.

Я склонен думать, что эти данные доказывают либо слишком много, либо слишком мало; с одной стороны – слишком много, когда уровень смертности растет на 30 или 14,2% за счет разницы в температуре на 7 или 2,8° по Фаренгейту, с другой стороны – слишком мало, когда в некоторые месяцы (январь) разница в 6° вызывает изменение уровня смертности только на 0,6%. Даже тому, кто не разбирается в математических методах, совершенно очевидно, что подобного рода несоответствия снижают значимость корреляции. Такой вывод еще больше подтверждается тем фактом, что в некоторых городах штормы или подъем температуры зимой были объявлены благоприятными для здоровья, тогда как в других городах (Чикаго, Денвере, Питтсбурге) эти явления отсутствовали; что некоторые города, как Нью-Йорк, «необычайно остро реагируют на погоду», тогда как в других городах (Кливленде, Сан-Франциско) «отклонения от (климатической) нормы производят сравнительно небольшой эффект»⁹⁷. Учтите к тому же, что все эти данные не являются абсолютными, а представляют собой «отклонения от нормы в процентах» и что «нормы – это предполагаемое количество умерших за месяц в каждом месте в том или ином конкретном году с учетом того, что количество смертей регулярно меняется вследствие роста населения города и улучшения медицинского обслуживания»; далее, огромную сложность объективных подсчетов подобного рода (автор не говорит, как он измерял «рост населения города и улучшение медицинского обслуживания») и неизбежность некоторой доли субъективности; учтите, наконец, что данные были приглажены – если все это принять во внимание, то данные окажутся весьма сомнительными. Если они что-нибудь и доказывают, так только то, что уровень смертности в различные месяцы и в разных городах варьируется в разной степени и что огромное количество причин подобных флуктуаций еще предстоит установить. Все эти возражения сделаны на основе данных, представленных в книге. Если теперь мы сравним уровни смертности в разных местах, в разное время и в разные сезоны, то легко обнаружим, что результаты неопределенны и противоречивы. Невозможно сказать, что везде и во все времена уровень смертности наиболее низок в климате с температурой в 64° по Фаренгейту со значительной, но не очень высокой влажностью, как это установил, по его мнению, Хантингтон⁹⁸. Я считаю, что доктор Хантингтон переоценил важность своих результатов.

⁹⁶ Civilization and Climate, p. 205. В «World Power» Хантингтон представляет более подробные данные для марта и июля, из которых следует, что «средняя разница в 7° по Фаренгейту в июле сопровождается почти 30-процентной разницей по количеству смертей» (World Power, p. 60–61).

⁹⁷ Civilization and Climate, p. 205 ff.

⁹⁸ Даже данные по уровню смертности в различные времена года, приведенные Хантингтоном, показывают, что максимальное количество смертей в Нью-Йорке случается

Эти краткие замечания показывают, что по поводу того, как влияет климат на уровень смертности, с полной уверенностью можно сказать лишь то, что чрезмерные температуры, влажность и ураганы пагубны для здоровья и повышают смертность. Но интервал между двумя крайними точками – очень тепло или холодно, очень сухо или влажно и т. д. – значительный, и понятия о чрезмерности, вероятно, у разных народов разные; кроме того, климатические факторы могут быть нейтрализованы вмешательством разнообразных социальных факторов. По этим причинам даже в отношении чрезмерного климата нет четких представлений⁹⁹. Попытки Хантингтона доказать чрезвычайно тесную корреляцию между колебаниями климатических факторов и уровнем смертности, несмотря на обилие представленного им материала, оказались неубедительными, не говоря уже о том факте, что уровень смертности не представляет собой адекватного критерия здоровья. Теперь перейдем к следующей фундаментальной корреляции, которую пытается установить Хантингтон.

11. Климат и человеческая активность и работоспособность

Следующая фундаментальная корреляция, которую пытается доказать Хантингтон, состоит в том, что такие климатические факторы, как температура, ураганы, влажность и свет, сильно влияют на человеческую активность и работоспособность. Он находит, что лучшей уличной температурой для физи-

не в том месяце, когда средняя температура в наибольшей степени отклоняется от 64° по Фаренгейту, как это бывает в декабре, ноябре, январе и феврале, а в другие месяцы (июле); с другой стороны, минимальное количество смертей имеет место не в июне или августе, когда средняя температура наиболее близка к 64, а в ноябре и октябре. Проверка теории «идеального климата» путем ее сличения с данными об уровне смертности в разных странах в разные времена года не подтверждает теорию Хантингтона. Факты свидетельствуют о том, что уровень смертности в месяцы, ближайšie к «идеальному климату», не самый низкий, а в те месяцы, которые в наибольшей степени отличаются от него, – не самый высокий. Более того, не похоже, чтобы люди выбирали свое место жительства в соответствии с идеальным климатом Хантингтона. Таблица плотности населения США по зонам средних температур показывает, что наиболее густонаселенные районы имеют среднюю температуру от 45 до 55°, второе место принадлежит районам с температурой от 55 до 60°, и только на третьем месте находятся регионы с температурой от 60 до 65, которые наиболее близки к идеалу Хантингтона и которые должны бы быть наиболее заселенными. См. таблицу на стр. 108.

⁹⁹ Профессор Р. Уорд совершенно верно подчеркивает комплексный и поэтому неопределенный характер влияния климата на здоровье. Многочисленные «исследования (в этой области) часто приводили к самым противоречивым выводам. Закономерности, установленные ранее в результате тщательного исследования, нередко рассыпались, как картонный домик». Он также подчеркивает тот факт, что многие предполагаемые воздействия климата на здоровье на самом деле обусловлены другим фактором. См.: *Ward R. Op. cit., ch. VII.*

ческой работы будет около 64° по Фаренгейту (около 70° в полдень и 55 ночью), для умственной деятельности – около 38 или 40 и что влажность также влияет на эффективность работы; повышенные сухость и сырость вредны, тогда как влажность около 80% является стимулирующим условием. Изменения погодных условий (грозы, ветер, температура и т. д.), если не превышают норму, благоприятны, тогда как резкие скачки погоды или ее неизменность – неблагоприятны. Один только свет, по-видимому, не оказывает значительного влияния на работоспособность. Таковы принципиальные выводы, к которым пришел Хантингтон¹⁰⁰, и все они основаны на многочисленных данных¹⁰¹. Посмотрим, насколько достоверны корреляции Хантингтона. Его первый аргумент заключается в том, что производительность фермерского труда в южной части США, измеряемая площадью обработанной земли и стоимостью продукции, ниже производительности фермеров в северной части («Civilization and Climate», р. 38 ff.). Аргумент можно поставить под сомнение: так много факторов влияет на обработку земли и стоимость фермерской продукции, что даже странно, как такой скрупулезный исследователь, как Хантингтон, может использовать подобные данные для доказательства влияния климата на производительность труда. Он допускает фундаментальную статистическую ошибку, пытаясь решить проблему множественной корреляции, используя непригодные для этого методы кросс-корреляции. Он полностью проигнорировал многие принципы экономики, которые имеют дело с сочетаниями таких факторов, как производительность, рыночная стоимость и оценка недвижимости. Следующий фактор – игнорирование дотаций за тип почвы и дренаж. Многие фермы в южных штатах (сравнение «А»)^{20*} находятся на болотистых землях, и это влияет на средние показатели. Третий неучтенный фактор – это дождевые осадки. Ливни в южных штатах, следствием которых является эрозия более легких почв на востоке, так же как и более тяжелых в предгорьях и на горных участках, во многих случаях не позволяют обрабатывать землю. Если бы профессор Хантингтон знал о чрезвычайной трудности даже сохранения дорог при сильнейшем влиянии южных дождей на эрозию, он бы не ссылаясь на необработанные земли как на свидетельство воздействия климата на энергию южан. Следующий фактор – это разновидность фермерства, связанная с типом (химическим) почвы. Многие области северо-востока снабжают города молоком. Почва тяжелая и содержит достаточно извести для пастбищ. Фермеры могут использовать ее под пастбища, и в то же время при проведении переписи она числится как обработанная земля. В юго-восточной части многие земли кислотные и не

¹⁰⁰ См.: World Power, р. 71, 85 ff., 98–99, ch. V и VI; Civilization and Climate, р. 14–15, ch. VI и passim.

¹⁰¹ См. также: Buckle H.T. Introduction to the History of Civilization in England, ch. II. Бокль и его предшественники выявляли такие же взаимосвязи, как и Хантингтон.

способствуют росту требующих извести трав. непригодна она и для пастбищ. Его сравнение «В» – это в основном сравнение между частью обширного кукурузного пояса и лесными регионами озерных штатов^{21*}, с одной стороны, и горными и равнинными штатами южного побережья – с другой. Различия в климате и системах сельского хозяйства делают необходимыми как его совершенствование, так и строительство и механизацию. Объяснять все эти различия влиянием климата на предприимчивость – значит допускать серьезную ошибку¹⁰². На странице 39 Хантингтон приводит цифры, которые показывают, что, независимо от каких бы то ни было климатических изменений, стоимость всей фермерской собственности южан выросла в период с 1900 по 1920 г. с 28 до 64% от стоимости северных ферм. Не опровергает ли это достоверность климатического фактора в данном случае? Между 1900 и 1920 гг. средняя стоимость ферм южных негров почти удвоилась (с 11 до 20%), тогда как северных выросла с 54 до 74%. Можно ли объяснить это климатом? Тут я думаю, что заурядный торговец недвижимостью может более научно, чем гипотеза доктора Хантингтона, объяснить эти контрасты в стоимости южных и северных ферм, а также в их изменениях и флуктуациях¹⁰³.

Дополнительные доказательства, которые автор представляет в главах II и III своей книги, кажутся мне не более убедительными. Это либо утверждения, основанные на совершенно случайных, фрагментарных и сомнительных наблюдениях, либо данные, свидетельствующие против гипотезы автора (уровень смертности в Панаме и других городах, половые вольности белых мужчин с уроженками тропиков и т. д.). Данные относительно сезонных флуктуаций, производительности труда работы заводских рабочих и студентов и т. д., которые Хантингтон представляет в главах IV, V и VI своего труда «Civilization and Climate», имеют несравненно большее научное значение. Тем не менее даже их достоверность весьма сомнительна и бездоказательна. Принципиальные причины этого моего утверждения следующие: во-первых, «индуктивный» метод Хантингтона слишком «груб». Он отмечает, что производительность труда нескольких сот рабочих была низкой в декабре и январе, что она повышалась с февраля по июнь, упала в июле и августе и снова повысилась и достигла максимума в октябре

¹⁰² За проверку данных утверждений я признателен профессору Карлу Циммерману.

¹⁰³ Используя метод Хантингтона, можно утверждать, что южный климат более благоприятен для продуктивности, т. е. в период между 1900 и 1920 гг. в больших городах, расположенных вдоль линии от озера Верхнее до Галвестона, наблюдался тем больший процент роста населения, чем южнее находится город. Мистер Фрэнк Хейз любезно снабдил меня данными, которые показывают следующие проценты роста населения этих городов с 1900 по 1920 г.: Сьюпириор и Дулут – 65%, Сент-Пол и Миннеаполис – 88, Де-Мойн, Айова – 104, Канзас-Сити – 145, Даллас и Форт-Уэрт – 283, Хьюстон и Галвестон – 123%. Следуя методу Хантингтона, можно сделать вывод, что южный климат больше, чем северный, способствует производительности труда. Необходимо добавить, что подобное заключение так же ошибочно, как и вывод Хантингтона.

и ноябре. На основании этого факта он делает несколько бездоказательных замечаний, что подобные флуктуации не могли быть вызваны никакими другими причинами, кроме как климатическими факторами, и делает вывод, что они и должны вызываться исключительно климатическими условиями (см. главу IV). Подобная процедура очень далека от метода индукции¹⁰⁴. Во-вторых, смотря на кривые разных лет и разных фабрик (диаграммы I и II, стр. 84, 93–94), я вижу между ними только отдаленный параллелизм, а в некоторых случаях его и вовсе нет (например, кривые G и H на диаграмме 8, стр. 124)^{22*}. В-третьих, кривые Хантингтона свидетельствуют против его фундаментального утверждения, что оптимальной температурной точкой для физического труда является 64° по Фаренгейту. Его диаграмма I показывает, что производительность рабочих за все годы была максимальной в октябре и ноябре, когда температура была между 40 и 55°, но не в июне и сентябре, когда средняя температура была около 64. В-четвертых, Хантингтон упоминает лишь малое количество подобного рода исследований, тогда как существует множество таких работ, и некоторые из них сделаны очень основательно¹⁰⁵. Сравнение результатов, полученных в данных работах, с результатами Хантингтона показывает: не существует однообразия во влиянии времен года на производительность труда работников; на некоторых предприятиях и фабриках производительность летом падает, а на других, находящихся в таких же климатических условиях, она повышается. Например, сезонные кривые выпуска продукции на пяти фабриках по производству оловянных тарелок, исследованных доктором Верноном, противоположны хантингтоновским; кроме того, кривые каждой из пяти фабрик значительно расходятся¹⁰⁶. То же верно и по отношению к другим временам года.

Совершенно безнадежное дело пытаться найти единообразные влияния температуры или времен года на всех работников, всех возрастов, обоих полов и т. д., как это делает Хантингтон. Тщательный анализ, который провели Бернайс, Вебер, Беньковский, Шмитц, Вернон, Мэй, Смит и Исследовательское бюро по промышленной усталости, показывает, что работники разных категорий, работа-

¹⁰⁴ В качестве примера подобной «корреляции» можно взять цифры на странице 117 его книги. Разница в жаре между 1910 и 1912 гг. – только две единицы (50 и 52), тогда как разница в производительности труда – 50 единиц. Боюсь, что подобные «доказательства» доказывают слишком многое.

¹⁰⁵ См., например: *Weber M. Zur Psychophysik der Industriellen Arbeit // Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. 28; Bernays M. Untersuchungen über die Schwankungen der Arbeitsintensität, etc. // Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Dritter Teil, Leipzig, 1912, Bd. 135; Bernays M. Gladbacher Spinnerei und Weberei // Ibid., 1910, Bd. 133; Schmitz W. Regelung der Arbeitszeit und Intensität der Arbeit // Archiv für exacte Wirtschaftsforschung. Bd. 3, Heft 2; The Reports of Industrial Fatigue Board. № 1–22; Wilson D.R. On Some Recent Contributions to the Study of Industrial Fatigue // Journal of the Royal Statistical Society. 1923, July.*

¹⁰⁶ См.: *Vernon. The Influence of Hours of Work and of Ventilation on Output in Tinplate Manufacture // Industrial Fatigue Research Board. Report No. 1.*

ющие на одной и той же фабрике, по-разному реагируют на погоду. Например, по результатам исследования Бернайса, производительность труда у мужчин до 40 лет весной падает, тогда как у работников старше этого возраста повышается, несмотря на то, что в целом разницы между производительностью в разные времена года практически нет. Аналогичным образом на производительность труда мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных, одиноких и семейных, городских и выходцев из села весна влияет по-разному. То же верно и в отношении других времен года¹⁰⁷. Данные работы обнаруживают, кроме того, существование более очевидной и постоянной зависимости производительности труда от часа рабочего дня и дня недели. Видеть в этой зависимости, равно как и в «сезонных» флуктуациях, прямое влияние климата или действие главным образом климатических факторов и игнорировать факторы неклиматические невозможно. В свете данных результатов широкие обобщения, которые делает Хантингтон, опираясь на собственные данные, ни в коем случае нельзя считать убедительными. Такой вывод подкрепляется серией экспериментальных исследований, посвященных влиянию разных климатических факторов на ряд физиологических процессов и физическую активность человека. Конечный результат этих разнообразных исследований расплывчат и противоречив. Например, диаграмма увеличения веса 1 200 туберкулезных пациентов Саранак-Лейка, представленная в «Civilization and Climate» (диаграмма 2а, кривая А), противоречит сезонной кривой увеличения веса 130 подростков Копенгагена, исследованных Маллинг-Хансеном¹⁰⁸, и нескольких тысяч детей Бостона; результаты, полученные доктором Винифред Холл и Г. Стэнли Холлом по этой же проблеме, несколько отличаются от результатов обоих вышеназванных исследований¹⁰⁹. Аналогичные расхождения обнаруживают и результаты исследований флуктуаций мускульной силы в связи с колебаниями климатических факторов. Два экспериментальных исследования Скойтена дали диаметрально противоположные результаты¹¹⁰, а оба эти результата отличаются от полученных Портером, а также Леманом и Педерсеном¹¹¹, и, наконец, все они в некоторой степени отличаются (соответственно месяцам) от результатов исследований, которые провели

¹⁰⁷ *Bernays. Gladbacher Spinnerei*, S. 397 ff.; см. здесь схемы и данные. См. также вышеназванные работы М. Вебера и других.

¹⁰⁸ *Malling-Hansen. Perioden im Gewicht der Kinder und in der Sonnenwärme*. Copenhagen, 1886, Fragment III, A и B; *Porter W.T. The Seasonal Variations in the Growth of Boston School Children* // *American Journal of Physiology*. 1920, May. Хантингтон приводит цифры, не замечая, что они решительно противоречат его кривой сезонного состояния здоровья. Ср.: *Civilization and Climate*, p. 154, 158.

¹⁰⁹ См.: *Peaks A.G. Periodic Variations in Efficiency*. Baltimore, 1921, p. 7.

¹¹⁰ См.: *Schuyten M.C. Über Wachstum der Muskelkraft bei Schülern während des Schuljahres* // *Zeitschrift für Psychologie*. Bd. 23, S. 101 и passim.

¹¹¹ *Lehmann A., Pedersen R.N. Das Wetter und unsere Arbeit* // *Archiv für die gesamte Psychologie*. 1907, Bd. X, p. 53–55.

А.Г. Пикс и Л.Л. Кунес¹¹². Кроме того, в исследовании Пикса две группы тестируемых детей продемонстрировали не совсем одинаковые сезонные флуктуации силы¹¹³. Экспериментальное исследование Л.И. Стехер, в ходе которого она изучила влияние влажности на разнообразную мышечную деятельность, не дало никаких конкретных результатов. «Мы не нашли подтверждений в пользу того, что на средний показатель (твердости руки, разметки, нарезания резьбы) неблагоприятно влияет недостаток влажности»¹¹⁴. Точно так же эксперименты, проведенные «Нью-Йоркской государственной комиссией по вентиляции» не обнаружили влияния температуры воздуха (68, 75 и 85°) на интенсивность труда^{23*}. Гипотезы этой комиссии о характере влияний разнообразных климатических факторов еще более противоречивы. Кроме этого, исследования показывают, что флуктуации интенсивности труда у людей разных возрастов и разного пола имеют разнообразный и часто противоречивый характер в одно и то же время года и под влиянием одних и тех же климатических изменений. Наконец, если все эти разнообразные кривые флуктуации интенсивности труда в разные месяцы сопоставить с кривыми флуктуации производительности труда фабричных работников в те же самые месяцы, то окажется, что они явно не совпадают.

Мы не будем обсуждать результаты изучения флуктуаций дыхания, количества гемоглобина в крови, изменений в телосложении в разные времена года. Результаты будут того же порядка, что и при рассмотрении флуктуаций физической силы и веса. Таким образом, мы должны заключить, что Хантингтон не доказал существования «сезонных» колебаний энергии и что его теория «идеального климата» (для физической работоспособности) также сомнительна.

12. Климат и умственная работоспособность

Теперь проанализируем, насколько достоверны теории Хантингтона и его предшественников относительно влияния климатических факторов на умственную деятельность. Суть теории Хантингтона по этому поводу состоит в том, что «умственная деятельность напоминает физическую, но с любопытными особенностями»: оптимальная уличная температура для умственной работы – около 39° по Фаренгейту вместо 64; далее, «когда температура сильно падает, умственная деятельность несет больший ущерб, чем физическая, и снижается так же сильно, как и в том случае, когда изменений не происходит. Она получает небольшой стимул от легкого потепления воздуха, но, когда температура поднимается резко,

¹¹² *Peaks*. Op. cit., passim и p. 32, 91; *Kuhnes L.L.* Variations in Muscular Energy (an unpublished thesis for Ph.D. at New York University, 1915).

¹¹³ См.: *Peaks*. Op. cit., S. 32, таблицы для групп А и В.

¹¹⁴ *Stecher*. Op. cit., p. 43 и passim.

это сказывается на ней явно отрицательно» («Civilization and Climate», p. 142, а также p. 14–15).

Основное доказательство данной теории основывается на кривой умственной работоспособности, состоящей из отметок, которые получили по математике 240 студентов Вест-Пойнта^{24*} в 1909–1912 гг., 220 студентов Аннаполиса^{25*} по английскому языку в 1912–1913 гг. и 1 300 студентов того же Аннаполиса по математике в 1907–1913 гг. Учтены были также навыки печатания на машинке троих детей и некоторые данные других исследований. Доказательство теории сводится к тому, что кривые успеваемости студентов колеблются в зависимости от времени года, причем примерно одинаковым образом: повышаются с сентября по ноябрь, понижаются с ноября по декабрь, снова повышаются с января или февраля по март или апрель и затем понижаются вновь (см. диаграммы 3 и 8 в «Civilization and Climate», p. 105, 124). На основании этих данных и кривых, которые показывают, что наивысшие отметки приходятся на дни с температурой в 40°, и нескольких ссылок на немногочисленные данные, полученные другими авторами, Хантингтон заключает, что его теория доказана и, кроме того, что физическая и умственная работоспособность имеют аналогичную природу, за исключением упомянутых выше различий. Такое «доказательство» не выглядит убедительным. Отставив в сторону вопрос о том, насколько адекватен его метод оценки умственной продуктивности на основе отметок (особенно когда отметки усредняются и разным образом корректируются), мы имеем основание – на базе самих данных – сделать следующие предварительные замечания. Во-первых, кривые сезонной эффективности ручной и умственной работы, приведенные в его диаграммах 3 и 8, не позволяют утверждать, что их сезонные флуктуации параллельны. Начиная с температуры в 39°, умственная работоспособность начинает падать, тогда как физическая растет до 60 и 65. Здесь мало параллелизма. Во-вторых, кривые продуктивности работы студентов и троих детей, приведенные в диаграмме 8 (кривые 9 и 1), вообще не показывают никакого параллелизма. Кривая 9 показывает, что оптимальная точка эффективности не 39, а 67°. В-третьих, это оказывается еще одной псевдоиндукцией, когда простое колебание производительности труда приписывается климатическим причинам без какой-либо серьезной попытки функционального анализа причин флуктуаций. Очевидно, что отметки студентов зависят от многих неклиматических факторов и что, по крайней мере, необходимо было как-то их проанализировать. Рассмотрим теперь данные, взятые не из книги Хантингтона. Согласуются ли они с его выводами? Аналогичны ли они? Имеется ли какая-то основа для конкретных выводов относительно влияния климатических факторов на ментальные процессы? Сделаем краткий обзор.

Изучение Э.Г. Декстером сделанных опечаток и способности их различать дало результаты, отличающиеся от результатов Хантингтона: кривая опечаток

показывает, что они наименее многочисленны не при 39, а при 58°, и только чрезмерная жара свыше 77° сопровождается увеличением ошибок. Кривая различимости не обнаруживает сколько-нибудь заметной корреляции с флуктуациями температуры. Оба ментальных процесса показали абсолютно противоположную флуктуацию в соотношении с показаниями барометра. Низкие показания барометра сопровождаются немногочисленными опечатками, но, с другой стороны, быстрота различимости выше при высоких его показаниях. Данные Декстера относительно влияния влажности, ветра и ясной или облачной погоды на кривые опечаток и их различимости отличаются от данных Хантингтона и друг от друга¹¹⁵. Другие исследования, посвященные зависимости ментальных процессов от климатических факторов, дают иные и нередко противоречивые результаты. Два исследования Скойтена о влиянии времен года на внимание дали противоречивые результаты, которые тоже отличаются от кривых Хантингтона¹¹⁶. Исследования сезонных изменений памяти, которые проводил Лобзиен, показали, что ее колебания в разные времена года описывают кривую, отличающуюся от всех вышеперечисленных¹¹⁷. Исследование Леманна и Педерсена о влиянии температуры, света, атмосферного давления и времен года на память (*Gedächtnisleistungen*^{26*}) и способность складывать в уме обнаружило, что, во-первых, каждый из данных факторов влияет на результативность этих умственных упражнений по-разному; во-вторых, что при сложении в уме оптимальная температура для каждого из двух испытуемых своя; в-третьих, для одного оптимум – 44,6° по Фаренгейту (7° по Цельсию), а для другого – 50° (10°). Оба показателя отличаются от оптимума в 39° у Хантингтона. И, в-четвертых, динамика кривых сложения и температуры не обнаруживает ни малейшего сходства с сезонными флуктуациями кривой умственной работоспособности Хантингтона. Данное исследование показало результаты, в корне отличающиеся от оптимума температуры для умственной работы у Хантингтона¹¹⁸. Далее, эксперименты Пикса с памятью показали, что ее сезонные флуктуации у двух изучаемых групп разные. И флуктуации обеих групп далеко не идентичны кривым Хантингтона¹¹⁹. С другой стороны, исследования Хайнса работоспособности учащихся в различных температурных

¹¹⁵ *Dexter E.G.* Op. cit., диаграммы 19, 20, 21, 22, 50; ch. XIII.

¹¹⁶ *Schuyten M.C.* Influence des variations de la température atmosphérique sur l'attention volontaire des élèves // Bulletin de l'academie royal des sciences, de lettres de Belgique. Brussels, 1906, vol. XXXII.

¹¹⁷ *Lobsien M.* Schwankungen der Psychische Kapazität // Pädagogischen Psychologie. 1902, Bd. 5; *Lobsien M.* Experimentelle Untersuchungen über die Gedächtnisentwicklung bei Schülkindern // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1901, Bd. 27.

¹¹⁸ *Lehmann and Pedersen.* Op. cit., p. 94–104 и passim.

¹¹⁹ *Peaks.* Op. cit., ch. III.

условиях продемонстрировали, что оптимальной для умственной работы является температура в классе от 65 до 70° и что температура 60° и ниже очень вредна¹²⁰. Более того, вопреки теории Хантингтона, эксперименты, которые провела Л. Штехер, не обнаружили никакого влияния влажности на эффективность умственного труда¹²¹. Эксперименты Торндайка и Маккола, Басса и Нью-Йоркской государственной комиссии по вентиляции¹²² обнаружили, что качество воздуха в помещении (определяемое температурой, влажностью и содержанием углекислого газа) не влияет на умственную деятельность, скорость психических реакций, правильность суждений и принятие решений. Нет необходимости и дальше перечислять результаты других аналогичных экспериментов и статистических исследований. Позже я проанализирую некоторые другие «доказательства», которые Хантингтон приводит в пользу своих суждений. Но уже сейчас вышеизложенное вполне позволяет сделать следующие выводы: во-первых, различные исследования влияния климатических факторов на умственную работу показали либо его отсутствие, либо нашли, что это воздействие очень неопределенно и противоречиво; во-вторых, результаты этих исследований совсем не совпадают с основными утверждениями Хантингтона и непохожи на них; в-третьих, его собственные данные весьма противоречивы; в-четвертых, эта противоречивость результатов не дает никаких оснований сделать конкретный вывод о влиянии климата на умственную деятельность; в-пятых, еще в меньшей степени она позволяет делать широкие обобщения относительно решающего влияния климата на зарождение, прогресс и упадок цивилизаций и их характер; и, в-шестых, вывод о влиянии климатических факторов на психические функции был сделан просто на основе того факта, что эти функции испытывают флуктуации в зависимости от времени года. Подобное умозаключение от факта флуктуации к климатическим факторам как причинам неправомерно. Подобно тому как есть регулярные и более заметные месячные, недельные и суточные флуктуации умственной эффективности, почти не связанные с климатическими факторами¹²³, так и существование «сезонных» флуктуаций не обязательно об-

¹²⁰ *Hines L.N.* Effect of School Room Temperature on the Work of Pupils // *The Psychological Clinic*. 1909, vol. VIII.

¹²¹ *Stecher*. Op. cit., passim и ch. VIII.

¹²² *Thorndike E.L.* Ventilation in Relation to Mental Work (Teachers College, Columbia University Contributions to Education, № 78), New York, 1916; *Bass*. Experiment in School Room Ventilation with Reduced Air Supply // *Transactions American Society Heat and Ventil. Engineers*. 1913, vol. XIX, p. 328; *Thorndike, Ruger, McCall*. The Effects of Outside Air and Recirculated Air upon the Intellectual Achievement and Improvements of School Pupils // *School and Society*. 1916, № 3, p. 679.

¹²³ Об этих суточных, недельных и месячных флуктуациях см.: *Peaks*. Periodic Variations in Efficiency; работы М. Бернайса, Макса Вебера, Штехера, Кунеса; *Lombard W.P.* Some Influences Affecting the Power of Voluntary Muscular Contraction // *Journal of Physiology*.

условлено климатическими факторами и не может служить свидетельством в пользу их определяющей роли. Этого вполне достаточно для того, чтобы утверждать: вторая фундаментальная предпосылка широкого социологического обобщения Хантингтона не доказана. То же самое, как мы уже видели, относится и к его первой фундаментальной предпосылке о связи климата со здоровьем и производительностью физического труда. Теперь, прежде чем мы приступим к анализу более широких социологических обобщений в этой области, выдвигаемых Хантингтоном и другими исследователями, рассмотрим вкратце другие, в каком-то смысле более тесные корреляции, которые пытались установить ученые между географическими факторами и различными социальными явлениями. Анализ их достоверности окажется очень полезен и при рассмотрении вопроса о достоверности более широких обобщений.

13. Климат и самоубийства

Ряд исследователей, таких как де Герри, Легой, А. Вагнер, Л. Бодио, А. Леффингвелл, Морселли, Крозе, Гёдекен, Декстер, Г. фон Майр¹²⁴, если упоминать лишь немногих, установили, что в некоторых европейских и неевропейских странах существуют совершенно четкие и вполне определенные «сезонные» флуктуации самоубийств. Больше всего самоубийств во всех европейских странах совершается летом. Максимум самоубийств приходится на июнь или май, на втором месте стоит весна, затем – осень, и минимум выпадает на зиму¹²⁵. Исследования также выявили, что существует недельная и суточная периодичность в динамике самоубийств. Кроме этого, они показали, что пространственная ча-

1892, vol. XIII; *Kraepelin E.* Zur Hygiene der Arbeit // *Zeitschrift für Psychiatrie*. 1898, Bd. XXV; *Christopher W.S.* Report on Child Study Investigations. Chicago, 1898–1899; *Marsh H.D.* The Diurnal Course of Efficiency // *Columbia University Contribution to Philosophy and Psychology*. 1906, vol. XIV; *Gates A.* Diurnal Variations in Memory and Association. University of California Press, 1916.

¹²⁴ См.: *de Guerry.* Statistique morale de la France. Paris, 1835; *Wagner A.* Die Gesetzmässigkeit, etc. Hamburg, 1864, Bd. I, S. 128 ff.; *Morselli.* Il suicidio. Milan, 1879; *Dexter.* Op. cit., ch. XI; *von Mayr.* Statistik und Gesellschaftslehre. Tübingen, 1917, S. 281–291; *Krose H.A.* Die Ursachen der Selbstmordhäufigkeit. Freiburg, 1906, S. 4 ff.; *Miner J.R.* Suicide and its Relation to Climatic and Other Climatic Factors // *American Journal of Hygiene*. 1922; *Jacquart C.J.* Le suicide. Bruxelles, 1908, p. 99 ff.; *Gaedeken P.* Contribution statistique à la réaction des organismes, etc. // *Archive d'anthropologie criminelle*. Lyon et Paris, 1909, vol. XXIX, p. 81 ff.; *Leffingwell A.* Illegitimacy. London, 1892, p. 21 ff. В этих работах имеются ссылки на другие работы и статистические данные.

¹²⁵ Между прочим, уровень самоубийств является также одним из критериев жизнеспособности. Сезонные флуктуации данного явления значительно отличаются от кривых уровня смертности и снижения уровня здоровья, которые приводит Хантингтон.

стога их распределения тоже обнаруживает регулярность: в Европе, например, среднее количество самоубийств в зависимости от географической широты распределяется следующим образом:

Широта	Количество самоубийств на миллион населения
от 36 до 43 °	21,1
от 43 до 50 °	93,3
от 50 до 55 °	172,5
более чем 55 °	88,1 ¹²⁶

Исходя из этих фактов, многие исследователи приходят к выводу о том, что динамика самоубийств напрямую зависит от климатических факторов. Одни связывают ее с флуктуациями температуры, другие – дневного света и давления, а некоторые – с сочетанием всех этих и других климатических факторов. Такие выводы кажутся естественными. И все же более серьезный анализ всех этих явлений, проведенный сначала Дюркгеймом и позже Крозе и Жакаром, показал, что влияние климатических факторов, если таковое вообще существует, является – самое большое – весьма опосредованным и незначительным, что климатическая гипотеза не может объяснить флуктуаций и колебаний уровня самоубийств во времени, в различных странах и социальных группах, в городских и сельских районах, среди одиноких, женатых и разведенных, не может объяснить резких повышений и снижений количества самоубийств в одном и том же обществе или хотя бы характер их суточных, недельных, месячных и «сезонных» флуктуаций. Дюркгейм доказал, что главным фактором самоубийств является не климат, а возрастание или снижение степени социального одиночества членов общества. Он убедительно продемонстрировал, как данный и некоторые другие социальные факторы обуславливают все вышеназванные флуктуации самоубийств, включая и «сезонные». Его гипотеза согласуется с данными статистики самоубийств, его анализ явления менее мистичен, чем климатическая теория, а его подход дает более правдоподобное объяснение фактам¹²⁷. Отсюда мы должны сделать вывод, что связь между самоубийствами и климатическими условиями пока еще не доказана, и, даже если она существует, что весьма сомнительно, то не является главной и непосредственной.

¹²⁶ Durkheim E. Le suicide. Paris, 1912, p. 83.

¹²⁷ См. блестящий анализ климатических теорий самоубийств Дюркгейма (Le suicide, ch. III). Как я уже упоминал, этот пример наглядно иллюстрирует, насколько сложно решить проблему «причинной обусловленности» социальных явлений, как легко можно сделать ошибку «post hoc ergo propter hoc»^{27*} и как ненаучно на основании факта колебания некоторых явлений во времени или пространстве сразу же делать вывод о том, что «причиной» этого колебания является первый попавшийся и вроде бы самый очевидный фактор, в данном случае – фактор климатический. См. также исследование Дж.Р. Майнера, которое никакого влияния климата на флуктуацию числа самоубийств не обнаружило.

14. Климат и умственные расстройства

Многие авторы, такие как Леффингвелл, Норбери, Хантингтон, Декстер, Уотт и другие, пытались установить связь между климатическими факторами и флуктуациями помешательства или общих психических расстройств¹²⁸. Главным основанием для таких попыток является то обстоятельство, что количество лиц, попадающих в психиатрические лечебницы, тоже испытывает «сезонные» флуктуации. Некоторые из этих авторов утверждают, что такие явления, как умственное расстройство и самоубийство, связаны между собой. После исследования Дюркгейма о самоубийстве мы должны признать, что если такая связь и существует, то сомнительно, то, во всяком случае, весьма отдаленная¹²⁹. Более того, можно с разумной степенью уверенности утверждать, что если климатические условия обуславливают динамику количества умственных расстройств, то роль их не главная, а второстепенная. Это следует из того факта, что ни распределение умственных расстройств по разным странам, ни колебания их кривой из года в год внутри одной и той же страны, ни разные уровни психических расстройств в разных классах, разных половых, религиозных и расовых группах одного и того же общества и в одних и тех же климатических условиях не может быть объяснено с помощью климатических факторов. Другими словами, наиболее существенные различия и изменения в уровне умственных расстройств – результаты неклиматических факторов.

Вопрос о том, играют ли климатические условия какую-то второстепенную роль в увеличении или уменьшении уровня психических заболеваний, решается не столь однозначно. Как я уже указывал, единственное основание для положительного ответа на этот вопрос – распространенность «сезонных» колебаний этих заболеваний. Здесь, как и во всех случаях «сезонных» флуктуаций социальных явлений, сам этот факт означает только то, что нечто подобное повторяется из года в год. Без такой регулярности он вообще не имеет смысла. Но, если и есть подобная регулярность, это не обязательно означает, что она вызвана климатическими факторами. Есть ли такая – из года в год наблюдаемая – регулярность в «сезонных» колебаниях психических заболеваний? Кроме того, понимать ли эту регулярность в том смысле, что сезонные колебания этих заболеваний опи-

¹²⁸ См.: *Leffingwell*. Op. cit., p. 98 ff.; *Norbury F.P.* Seasonal Curves in Mental Disorders // *Medical Journal and Record*. 1924, vol. CIX; *Huntington*. Civilization and Climate, p. 155 ff., 225; *Dexter*. Op. cit., ch. IX; *Watt W.E.* Open Air. 1910.

¹²⁹ См.: *Durkheim*. Op. cit., ch. I. В то время как у мужчин более высокий процент самоубийств, женщины чаще впадают в безумие; в то время как у евреев более высокий процент умственных расстройств, чем у протестантов и католиков, в отношении самоубийств ситуация прямо противоположная. Сезонные кривые также не совсем совпадают. Очевидно, что если бы между этими явлениями была тесная связь, то этих и многих подобных им расхождений тоже не было бы.

ссылают похожие кривые в похожих климатических условиях? Что касается первого вопроса, то ответ на него звучит так: регулярность есть, но относительная. Например, ежемесячная кривая числа душевнобольных, помещенных в шотландские лечебницы с 1865 по 1874 г., показывает, что с марта по апрель включительно число больных уменьшалось, в то время как с 1880 по 1887 г. оно увеличивалось в апреле; колебания числа душевнобольных с апреля до мая за оба этих периода тоже противоположны; точно такие же различия демонстрируют и колебания в мае-июне, июне-июле, августе-сентябре и в сентябре-октябре¹³⁰. Аналогичным образом периодами, на которые приходятся максимум и минимум душевнобольных среди одного и того же населения, в разные годы оказываются разные месяцы с марта по июнь-июль, различаясь в местах с аналогичными климатическими условиями, а иногда оказываясь похожими в местах с совершенно разным климатом¹³¹. Это означает, что «сезонная» регулярность колебаний уровня душевных заболеваний в некотором роде нерегулярна. Единственное, что остается, так это то, что в течение одного полугодия (на какие месяцы приходится это полугодие, во многом зависит от исследователя) уровень умственных заболеваний несколько выше, чем в течение другого: по поводу Европы и Америки мы можем сказать, что либо в зимние и весенние месяцы уровень несколько выше, чем летом и осенью, либо в весенние и летние месяцы он несколько выше, чем осенью и зимой. После наших замечаний каждому должно быть понятно, как мало остается от этих «сезонных» колебаний психических заболеваний. Их связь с временами года больше похожа на случайное отклонение, поскольку всегда существует некоторая вероятность. Наконец, если в этих «сезонных» колебаниях уровня умственных заболеваний есть что-то большее, чем просто случайность, то приверженцы климатических факторов должны доказать, что именно климатические, а не другие факторы несут основную ответственность за эти колебания, и показать, почему и как они обуславливают подобные флуктуации. Все, что мы имеем на этот счет, – одни только разноречивые предположения. В своих попытках объяснить особенности климата авторы используют такие выражения, как «нервирующая температура», «невыносимая засуха» или «давящая атмосфера», «промоглая сырость», «нервная усталость» (которая чем-то отличается от климата), или более откровенно именуют это неизвестное влияние «загадочным» (Леффингвелл и многие другие). Никаких серьезных попыток определить, какие температура, степень освещенности или сухости благоприятствуют развитию умственных расстройств, или проверить данные гипотезы индуктивно в работах «климатистов» не предпринимается. Мы можем заключить,

¹³⁰ См.: *Leffingwell*. Op. cit., Appendix, p. 157.

¹³¹ Сравните данные в: *Dexter*. Op. cit., p. 170; *Leffingwell*. Op. cit., p. 157; *Huntington*. *Civilization and Climate*. P. 156; *Durkheim*. Op. cit., p. 89.

что корреляция между психическими расстройствами и климатом пока еще не доказана, и если в соответствующих теориях есть доля истины, то она не может означать больше того, что некая незначительная степень частичной взаимосвязи между ними существует. Впрочем, и это утверждение вызывает сомнение.

15. Климат и преступность

Все, что было сказано о предполагаемом влиянии климата на самоубийства и умственные расстройства, может быть сказано и о его связи с преступлениями. Существование такого влияния признают многие криминологи на основании «сезонных» флуктуаций преступлений против собственности и личности. Данные колебания и характер «сезонных» флуктуаций числа преступлений против собственности, а также против личности считаются достаточным доказательством влияния климатических факторов на преступность¹³². Относительно данной корреляции можно сделать следующие выводы.

Во-первых, частота и колебания преступлений (против собственности, так же как и против личности) в разных странах и разных частях одной и той же страны, в городских и сельских районах, а также среди различных социальных слоев и групп (экономических, профессиональных, религиозных, расовых, культурных, национальных) таковы, что их, за малым исключением, вообще нельзя приписать влиянию климатических условий. Это означает, что в лучшем случае климатические факторы влияют лишь косвенно и играют второстепенную роль. Главные особенности динамики преступности определяются другими факторами.

Во-вторых, то же самое можно сказать и о колебаниях преступности в пределах одних и тех же и разных обществ во времени, из года в год. Чрезвычайные взлеты или падения уровня преступности в каком-то конкретном году или на протяжении ряда лет, как правило, зависят не от климатических, а от иных факторов. В странах, в которых преобладает сельское хозяйство, климатические факторы косвенным образом – через урожайность – могут играть значительную роль, но только посредством своего влияния на бедность или процветание. Вот они-то и являются непосредственными причинами, а не климатические факторы.

¹³² Литература по этому вопросу необъятна. Корреляцию эту подчеркивали в своих трудах А. Моро де Жоннес, Ад. Кетле, Эттинген, Левассер, Ломброзо, Э. Ферри, Леффингвелл, Б. Фёльдеш, Х. Курелла, Лакассань, Герри, Енч, Ашаффенбург, Декстер, П. Гёдекен, Ж.Л. де Ланессан и многочисленные авторы общих текстов по криминологии, таких как «Криминология» («Criminology») М. Пармели и «Криминология и пенология Дж.Л. Гиллина» («Criminology and Penology», ch. V), хотя Гиллин в этом отношении проявляет оправданную осторожность. Литературу см. в: *von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. III, S. 614–615*; и в трудах Гиллина и Пармели. Статистические данные см. главным образом в работе фон Майра (S. 600–615).

В-третьих, сформулированные выше утверждения означают, что климатические условия могут играть какую-то роль только в ограниченной сфере «сезонных» флуктуаций преступности. Но даже в этой сфере их возможное влияние остается лишь косвенным, в том смысле, что человек становится более или менее «преступным» не потому, что температура выше, влажность ниже или солнечный свет не так ярок, а потому, что непосредственные факторы преступности, такие как неурожай и уличная общественная жизнь, частично находятся под влиянием климатических условий. Может быть и так, что некоторые виды преступлений, например сексуальных, стимулируются непосредственно климатическими факторами, но даже и это не доказано окончательно.

В-четвертых, даже в этом ограниченном смысле влияние климатических факторов все еще довольно сомнительно. Мы склонны находить регулярность там, где есть хоть малейший предлог: признаем доказанным, что существуют важные и регулярные «сезонные» колебания уровня преступности. Тогда как в действительности дело обстоит совершенно иначе. Во-первых, обобщенные таблицы очень сильно маскируют тот факт, что динамика преступлений против собственности (и личности) различается в разных местах с похожими климатическими условиями, а нередко бывает даже противоположной¹³³. Во-вторых, регулярность «сезонных» флуктуаций преступности несколько преувеличена: достаточно внимательно посмотреть, как меняются из года в год месячные показатели преступности против собственности и личности, чтобы увидеть, что движение их кривой от месяца к месяцу в разные годы демонстрирует «взлеты» и «падения», которые далеки от какого бы то ни было единообразия. Например, в Бельгии в 1910 г. число преступлений против личности в феврале было меньше, чем в январе, а в феврале 1911 г. больше, чем в январе. То же самое верно и в отношении других преступлений, совершенных в другие месяцы и в других странах¹³⁴. Это означает, что регулярность «сезонных» флуктуаций преступности не носит четко выраженного характера. Такой вывод подтверждается и тем фактом, что периоды, на которые приходится максимум и минимум преступности, в одной и той же стране в разные годы часто переходят от одного месяца к другому, что они иногда бывают разными у стран с почти одинаковыми климатическими условиями и идентичными у стран с разным климатом, что в некоторых южных странах «сезонная» кривая преступности часто имеет совершенно разный характер (не противоположный, что можно было бы объяснить разницей температур, а очень непохожий характер) и что разные виды преступлений

¹³³ Как всего лишь один из многочисленных примеров я могу привести сезонную кривую убийств в Сиэтле: число убийств там было самым низким в самые теплые месяцы (май, июнь, июль) и самым высоким в холодные (декабрь, январь, февраль). См. *Schmidt C.F. A Study of Homicides in Seattle, 1914 to 1924 // Social Forces. 1926, June, p. 751.*

¹³⁴ Данные по Бельгии см. у Г. фон Майра (*von Mayr. Op. cit., S. 610.*)

против собственности, равно как и против личности, демонстрируют намного более сложные, менее регулярные и однородные флуктуации, чем мы обычно думаем, основываясь на немногочисленных общих и однобоких статистических данных¹³⁵. Этих и многих других соображений достаточно, чтобы показать, что так называемая регулярность «сезонных» колебаний преступности – явление «расплывчатое». Хотя факторы все-таки должны быть обнаружены. Наконец, если мы попытаемся выяснить, почему и каким образом климатические факторы вызывают преступления, то результаты окажутся практически никчемными, они будут только неопределенными догматическими повторениями противоречивых намеков на «ослабляющее» или «раздражающее» влияние температуры, воздуха, влажности или ветра и т. д. Зачастую один и тот же автор на одной странице своей работы приписывает «раздражающий» характер какому-то одному климатическому фактору, а на другой странице приписывает его факторам совершенно иным (поскольку во втором случае динамика преступности иная и не может быть объяснена первой причиной)¹³⁶. Соответствующие «объяснения» настолько расплывчаты, что мы не понимаем, температура ли, влажность или атмосферное давление – что способствует, а что препятствует преступлению. Ситуация остается загадочной и практически безнадежной. Этих замечаний достаточно, чтобы показать, что если и существует какая-либо связь между климатическими факторами и преступлением, то она имеет второстепенное значение и все еще нуждается в проверке. Некоторое косвенное влияние данных факторов представляется вероятным, но оно недостаточно осязаемо. Во всяком случае, основные флуктуации преступности в пространстве и времени происходят не из-за климатических факторов.

16. Климат и уровни рождаемости, смертности и брачности

Я не буду вникать во все довольно любопытные, но, скорее всего, фантастические географические теории, существующие в этой области, такие как теория

¹³⁵ Данные факты можно обнаружить даже в цифрах, которые приводятся в работе фон Майра, несмотря на его собственную теорию (S. 609 ff.); очень много «климатических претензий и ошибок», допущенных при интерпретации факторов преступности, уже развенчано многими криминологами, начиная с Г. Тарда и заканчивая работами Н. Колаянни, Бонгера, ван Кана, Гернета, Чарыхова и многих других криминологов так называемой социологической школы. См.: *van Kan J. Les causes économiques de la criminalité; Tarde G. La criminalité comparée и Penal Philosophy; Colajanni N. La sociologia criminale; Гернет М. Преступление и борьба с ним; Гернет М. Дети-преступники; Чарыхов Х. Учение о факторах преступности; Bonger W.A. Criminality and Economic Conditions; Thomas D. Social Aspects of the Business Cycle. London, 1925.*

¹³⁶ Подобные случаи можно найти даже в книгах такого современного «климатиста», как М. Пармели; внимательно прочитайте стр. 43–53 его «Криминологии».

Дженкина о связи между Юпитером и уровнем смертности, а остановлюсь на критике более разумных гипотез. Предыдущие выводы могут быть применены и к флуктуациям в пространстве и времени уровней смертности, рождаемости и брачности, особенно к их «сезонным» колебаниям¹³⁷. Внимательное изучение соответствующих статистических данных показывает, что основные флуктуации в пространстве и времени уровней этих жизненных процессов не могут выводиться из климатических факторов. То же самое верно и в отношении «тенденций» этих процессов. Практически единственная сфера, где можно допустить влияние климата, – это так называемые сезонные колебания. Но даже здесь, если речь идет о развитых западных странах, непосредственное воздействие климатических условий очень неопределенно и сомнительно. «Сезонные» кривые этих процессов носят характер еще менее определенный и регулярный, чем кривые процессов, описанных выше. Например, уровень рождаемости и, соответственно, число зачатий имеют два высоких пика: уровень рождаемости в феврале-марте и в сентябре-октябре, уровень зачатий – в январе-декабре и в мае-июле. Эти пики размещаются в климатических условиях, сильнее всего отличающихся друг от друга. То же самое относится и к ежегодным периодам минимального количества зачатий и рождений¹³⁸. С другой стороны, «сезонные» флуктуации уровня рождаемости различных социальных групп, например протестантов и католиков, которые живут в одном и том же регионе, в тех же самых климатических условиях, обнаруживают значительную разницу. Подобные «сезонные» колебания уровней рождаемости свидетельствуют о том, что они обусловлены факторами отнюдь не климатическими. Во-вторых, «сезонная» флуктуация этих жизненных процессов носит характер совсем нерегулярный и, стало быть, вовсе не является «сезонной» в буквальном смысле слова. Подобные флуктуации кажутся просто колебаниями, причины которых еще предстоит установить. В-третьих, с течением времени данные флуктуации становятся все более неопределенными и все менее и менее «сезонными». В связи с этим можно утверждать, что даже так называемые сезонные колебания данных процессов не вполне доказывают непосредственное и значительное влияние климатических факторов. Сексуальная жизнь и поведение первобытных племен и неодомашенных животных имеют явно сезонный характер. Известно, что у неодомашенных животных есть определенный период спаривания. Толь-

¹³⁷ Статистические данные см. в работах: *Oettingen A.* Die Moralstatistik. 1882 (главы, посвященные анализу уровней смертности, рождаемости и брачности); *Levasseur E.* La population française. Paris, 1891, vol. II; *von Mayr G.* Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. II; см. также разделы, посвященные статистике народонаселения, в работах Ваппеуса, Х. Вестергарда и других.

¹³⁸ См. также: *White R.C.* The Human Pairing Season in America // *American Journal of Sociology*, vol. XXXII, p. 800–805.

ко во время таких периодов они выполняют (и физиологически могут выполнять) половые функции. Вестермарк, Вагнер, Б. Спенсер и Гиллен, Олдфилд, Бонвик, Маннхард и многие другие исследователи установили, что у примитивных народов и предков римлян, греков и современного европейского народонаселения существовали и существуют своего рода остатки данного явления, проявляющиеся в заметной интенсивности сексуальной жизни в определенные периоды года¹³⁹. Но даже такая привязка сексуальной жизни к определенному сезону вызвана, по-видимому, не климатическими условиями непосредственно, а другими факторами, в частности фактором питания. Две самые правдоподобные гипотезы, предлагаемые для объяснения брачного периода животных, – теория Лейкарта и теория Вестермарка – подчеркивают роль пищи и только косвенное влияние климата как определяющего фактора продовольственного изобилия. Согласно Лейкарту, брачный период совпадает с периодом изобилия еды; согласно Вестермарку, брачные периоды приходятся на время, когда тот или иной вид животных может обеспечить пищу и другие предметы первой необходимости для потомков в момент их рождения. С другой стороны, роль продовольственного фактора подчеркивается тем фактом, что наши домашние животные, которые живут в условиях, когда еда обеспечена им в течение всего года, спариваются тоже весь год¹⁴⁰. Это говорит о том, что у животных непосредственным фактором «сезонных» флуктуаций жизнедеятельности и сексуальной жизни является не столько климат, сколько еда¹⁴¹. Климатические условия играют лишь косвенную роль, поскольку обуславливают сезоны обильной и скудной еды. Поэтому понятно, почему «сезонные» колебания зачатий и рождений у примитивных народов более определены, чем у культурных народов, чья обеспеченность продуктами и другими предметами первой необходимости почти не зависит от сезонов¹⁴².

¹³⁹ См.: *Westermarck E. History of Human Marriage*, ch. I, II; *Wagner. Handwörterbuch der Physiologie*. Bd. IV, S. 862 (статья Лейкарта); *Gruenhagen. Lehrbuch der Physiologie*. 1887, Bd. III, S. 528; *Mannhardt. Wald- und Feldkulte*. Berlin, 1875, Bd. I, Kap. V; *Харузин Н.Н. Этнография*. Вып. II: Семья и род. СПб., 1903, с. 50 ff.; *Oldfield. The Aborigines of Australia // Transactions of Ethnological Society. New Series*, vol. III, p. 230; *Bonwick. Daily Life and Origin of the Tasmanians*. London, 1870, p. 178; *Frazer J.G. The Golden Bough*. London, 1890, vol. III, p. 230 ff.; *Ellis H. Studies in the Psychology of Sex*. Philadelphia, 1910, vol. I, p. 85 ff.

¹⁴⁰ См.: *Гагеман О. Физиология домашних животных*. СПб., 1908, с. 232–233; *Heape W. The Sexual Season of Mammals // Quarterly Journal Microscopical Science*. 1900, vol. LXIV, p. 12; *Marshall F.H. Physiology of Reproduction*. London, 1910, p. 57 ff.; *Darwin Ch. Variations of Animals and Plants under Domestication*. London, 1885, vol. II, p. 90.

¹⁴¹ См. следующее примечание. См. также статью *A. Meyerson // American Review*. 1924, January–February; *Pell C.E. The Law of Births and Deaths*. London, 1921. Названные авторы обсуждают роль пищевого фактора в фертильности.

¹⁴² Сомнительно также, что такое явление, как половая зрелость людей, находится под влиянием климата. Некоторые данные, свидетельствующие о том, что в районе тропиков возраст наступления менструации ниже (12,9 лет), чем в холодных регионах (16,5 лет) (согласно Энгельману), отнюдь не являются всеобщими. В Соединенных Штатах, напри-

Всего изложенного достаточно, чтобы показать, что роль климатических факторов в этих жизненных процессах в лучшем случае лишь косвенная и в цивилизованных обществах сильно нейтрализуется другими факторами, так что влияние климата становится почти незаметным. Невозможно установить связь между климатом и жизненными процессами в каком-либо более определенном виде. Этот вывод применим и к уровню смертности, и особенно к количеству браков в западных странах¹⁴³.

мер, не обнаружено какого-либо влияния климата на менструальный цикл. Среди эскимосов возраст начала цикла приблизительно 13 лет, он является почти столь же низким, как и в тропиках. Кроме того, ряд исследований показал, что он находится под влиянием расовых факторов. В Венгрии начало цикла колеблется от 13–14 лет среди славян до 16 или 17 среди штирийцев^{28*}. Часто возраст ниже для верхних слоев и выше для низших классов. Подобная корреляция была выявлена в Америке. Эти и подобные данные заставляют думать, что если климат и влияет на сексуальную зрелость, то это влияние не носит непосредственного, определенного или хотя бы едва заметного характера. Данные см. в: *Engelman G.J.* First Age of Menstruation in the North American Continent // *Transaction of American Gynecological Society*. 1901, p. 87 ff.; *Krieger E.* Die Menstruation. Berlin, 1869, S. 17 ff., 52 ff.; *Kelly H.A.* Medical Gynecology. London, 1912, p. 83 ff.; *Rasari.* Inchiesta della Società Anthropologica // *Annali di Statistica*. 1881, serie II, vol. VI; *Marro A.* La Pubertà. Torino, 1900.

¹⁴³ Вышеизложенные соображения относительно нерегулярности так называемых сезонных флуктуаций уровней рождаемости, смертности и брачности и невозможность объяснить эти колебания влиянием преимущественно климатических факторов подтверждается и очень тщательным исследованием этих процессов, которое провели М.Б. Хекстер и Д.С. Томас. Хотя сам доктор Хекстер безосновательно пишет о том, что «существует масса доказательств в пользу того, что уровень рождаемости (равно как и уровень брачности и смертности) даже у цивилизованных людей в значительной степени зависит от времени года», тем не менее его данные развенчивают ошибочные представления о так называемых сезонных флуктуациях. Сезонная динамика уровня рождаемости в Бостоне с 1900 по 1921 г. показывает, что месяцы максимума – это март, декабрь и июль, а месяцы минимума – апрель, ноябрь и сентябрь. Это означает, что максимумы приходятся на самые разные климатические условия. То же самое относится и к месяцам минимума. Кроме того, ноябрь и декабрь, которые не сильно отличаются по погодным условиям, проявляют самый сильный контраст в отношении уровня рождаемости. Если бы климатические условия были причиной сезонных колебаний уровня рождаемости, то следовало бы ожидать, что в месяцы с приблизительно одинаковыми условиями наблюдалась бы примерно одинаковая рождаемость. Поскольку дело обстоит иначе, то согласно всем законам индуктивной логики мы не можем объяснять «сезонные» флуктуации влиянием климата. Далее, данные с 1900 по 1921 г. показывают, что ежемесячные колебания из года в год значительно отличаются друг от друга. Точки минимума и максимума в разные годы выпадают на разные месяцы. То же самое верно и в отношении динамики браков, смертности и разводов. Этого достаточно, чтобы предположить, что данные флуктуации отнюдь не являются «сезонными» в буквальном смысле слова и не могут приписываться влиянию климата или других географических факторов. См.: *Hexter M.B.* Social Consequences of Business Cycles. Boston and New York, 1925, passim и p. 20 ff., 55 ff., 70 ff. См. также: *Whipple G.Ch.* Vital Statistics. New York, 1919, p. 306, где профессор Уипл показывает движение «сезонного» уровня смертности в 1910 г., которое описывает «сезонную» кривую, отличающуюся от кривой Хекстера. Кривая уровня смертности по переписи в США за 1919 г., приведенная доктором Фальком, несколько отличается от кривых Хекстера и Уипла. См.: *Falk I.S.* Principles of Vital Statistics. 1923, p. 183.

17. Географические условия и религия, искусство и литература

Следует ожидать, что окружающая среда каким-то образом будет отражена в продуктах творческого труда человека – в искусстве, литературе, музыке, живописи, архитектуре и верованиях. Это ожидание, особенно если речь идет о примитивных и изолированных группах, которые обитали в одной и той же географической среде в течение долгого времени, по-видимому, в какой-то степени оправдано. Но далеко не в полной мере. Единственное, что полностью подтверждает ожидания, – это то, что искусство, литература и верования народа в какой-то степени «окрашены» цветом тех картин, фигур и форм, которые чаще всего взяты из окружающей среды, в которой живет данный народ. Среди многочисленных работ, в которых говорится о такой «окрашенности» религиозных верований «цветами» местной географической среды, небольшая статья Р.Х. Витбека является, наверное, наилучшей. Его работа показывает, что многие народы обычно наделяют своих дружелюбных богов такими географическими чертами, которые при существующих условиях выгодны для общества, в то время как недружелюбных – вредными. Сатаной Египта был Тифон, в Индии – Вритра, змея, а злые божества древней Норвегии были ледяными гигантами или горами. Аналогичным образом идеи различных народов относительнорая и ада демонстрируют ту же самую «окраску». Рай для американского индейца – изобилующее дичью охотничье угодье, для аравийца пустыни – оазис с деревьями, потоками воды, в тени которого много свежести и прохлады, а для древних норвежцев – это теплое и солнечное место. С другой стороны, ад обычно изображается как место, в котором воплощены географические условия, от которых страдает население: холод на севере, зной в тропиках и т. д. Витбек далее указывает на то, что, когда народы меняют свою территорию и начинают жить в совершенно другой окружающей среде, их прежние верования и изображения богов претерпевают соответствующую модификацию. Например, когда арии пришли в Индию, их главным божеством был Дьяус (небо), а Индра, дающий дождь, стоял рангом ниже. Впоследствии ввиду большой важности дождя в Индии главным божеством стал Индра, в то время как Дьяус был разжалован в бога второго разряда. Тот же самый автор и некоторые другие показывают далее, что подобным образом были окрашены многие религиозные образы и верования¹⁴⁴.

¹⁴⁴ См.: *Whitbeck R.H. The Influence of Geographical Environment upon Religious Belief // The Geographical Review. 1918, vol. V, p. 316–324*; здесь же см. ссылки на другую литературу. К достоинствам автора следует отнести то, что он не настаивает на своей корреляции и откровенно признает, что «для того, чтобы сформировались религиозные верования того или иного народа, необходимо переплетение многих факторов. Географическое окружение, естественно, является одним из этих факторов, иногда оказывающим заметное влияние, а иногда незначительное» (*Ibid.*, p. 317). Подобные теории и корреляции см. в: *Mougeolle. Les problèmes de l'histoire, p. 374 ff.; Dupuis. Origine de tous les cultes. IX*; см. также ста-

Подобные корреляции могут наблюдаться в фольклоре, песнях, сказках, стихах и других литературных произведениях различных народов на ранних стадиях их истории. Особенности географической среды, предопределяющие общие декорации, задний фон, виды деревьев, растений и животных, которые изображены в «Тысяче и одной ночи», «Илиаде» и «Одиссее», норвежской «Эдде» или индуистской «Махабхарате», значительно отличаются друг от друга, и каждое из этих произведений отмечено особенностями, типичными для местности, в которой жил их создатель. Многие авторы писали о подобных корреляциях. И. Тэн пытался объяснить различие между фламандской и флорентийской школами живописи разными географическими условиями Италии и Нидерландов. Э. Верон, А. Маттеуцци, Ш. Летурно, мадам де Сталь и многие другие пытались показать аналогичные корреляции между географическими условиями и архитектурой, живописью, литературой, музыкой и т. д.¹⁴⁵

Вышеупомянутая корреляция в «окраске» произведений искусства, литературы и религии вполне допустима. В то же время я должен сделать оговорку, что даже на относительно ранней стадии эта корреляция отнюдь не является строгой и универсальной, и что она, по-видимому, становится все менее и менее осязаемой по мере нашего продвижения к более поздним стадиям развития более сложных и более мобильных обществ, и что, наконец, очень многие географы и авторы сильно преувеличили влияние географических условий в этой области. Достоверность первого и второго суждений доказана фактом существования похожих или идентичных верований, символов, мифов, легенд, сказок, архитектурных типов, музыки и т. д. у народов, которые населяют разные области и живут и на разных долготах-широтах, и на разных высотах. Верно и то, что у народов, которые находятся в одинаковых географических условиях, часто имеются весьма отличающиеся верования, вкусы и стандарты в искусстве и литературе. Посмотрите на регионы, где распространены христианство, буддизм, мусульманство, конфуцианство или любая другая религия, имеющая многочисленных адептов. Последователей каждой из религий можно найти в местах с разными географическими условиями и разным климатом. Это означает, что, несмотря на географические различия, все они, в принципе, имеют похожие верования. Если и есть различия, то они вызваны не столько географическим, сколько культурным несходством социальных групп. Возьмем развитие мифологии: оно показывает, что сходные мифы были распространены среди народов, живущих в разных географических условиях¹⁴⁶. То же самое верно и в отношении готического ар-

тью Л. Драпейрона в «Revue de geographie» (I-er partie, I-er année); *Semple E.* Op. cit., ch. II; *Peschel O.* The Races of Man. New York, 1894, p. 314–318.

¹⁴⁵ См.: *Taine H.* Philosophie de l'art. III; *Veron Eug.* L'esthétique; особенно *Matteuzzi A.* Les facteurs de l'évolution des peuples. Paris, 1900, p. 52 ff., 211 ff.; *Letourneau Ch.* L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris, 1894.

¹⁴⁶ См., например: *Frazer J.G.* The Golden Bough, passim и part IV: Adonis, Attis, Osiris. London, 1907; см. также: *Mackenzie D.A.* Migration of Symbols. New York, 1926.

хитектурного стиля, стиля ампира и стилизации античных стилей. Разве музыкальные произведения Бетховена, Грига, Верди, Россини, Чайковского и любого другого великого композитора не исполняются во всех точках земного шара? И не вправе ли мы то же самое сказать о произведениях великих мастеров поэзии, живописи, литературы и скульптуры?

С другой стороны, взгляните на население одного и того же места, например, большого города прошлого или настоящего. Разве мы не находим в нем людей с самыми разными религиозными верованиями, эстетическими вкусами и литературными предпочтениями, несмотря на идентичность их географической среды? Эти факты настолько очевидны, настолько бесспорны, до такой степени присущи и прошлому, и настоящему, что вряд ли есть необходимость лишней раз доказывать, что корреляция, которую мы обсуждаем, относительна, слаба и даже неощутима.

После этих замечаний легко увидеть ошибочность доктрин вроде следующей: «Социальные институты и религиозные идеи – не в меньшей степени (чем физические характеристики) продукты окружающей среды. С таким же успехом можно просить эфиопа сменить кожу, как и радикально поменять его социальные и религиозные взгляды. Опыт показывает, что христианство слабо распространяется среди многочисленных народов в Африке или Азии, где, с другой стороны, мусульманство сделало и постоянно делает успехи. Это, вероятно, происходит вследствие того, что мусульманство – религия, сформировавшаяся... в широтах, граничащих с исконными расами Африки и Азии» (Риджуэй). Если бы автор учел тот простой факт, что мусульманство, так же как и христианство, распространилось среди людей, которые живут и в теплом, и в холодном климате, на равнинах и в горах, в разных географических условиях, он не сделал бы такие опрометчивые обобщения. Далее, если бы он учел, что культурный комплекс народов Азии был более благоприятен для культурного комплекса мусульманства, то этот дополнительный довод заставил бы его воздержаться от провозглашения климата основным фактором распространения мусульманства и христианства. Кроме того, иногда население внезапно, в течение каких-нибудь нескольких лет, меняет одну религию на другую (распространение христианства в пределах Римской империи и завоевание им Галлии, Ирландии и Британии; введение в России по велению властей; аналогичные истории распространения буддизма, мусульманства и т. д.), а иногда быстро возвращается к прежней. Таким образом, у нас имеются достаточные доказательства того, что крупные изменения в религии происходили в одной и той же среде обитания и без каких-либо изменений в ее условиях. Этого достаточно, чтобы доказать, что подобные изменения верований населения не связаны с географическими факторами.

Вот другой пример подобного ошибочного рассуждения: Аберкромби обнаружил¹⁴⁷, что область распространения мусульманской религии в Азии и Африке

¹⁴⁷ См.: *Abercromby J. Seas and Skies in Many Latitudes*. London, 1888, p. 42–43; *Ward R.D. Climate Considered Especially in Relation to Man*. New York, 1918, p. 258–259.

приходится на регион, в котором за год выпадает в среднем меньше десяти дюймов осадков. Отсюда он пришел к выводу, что количество осадков – важнейший фактор распространения мусульманства и христианства. Изучение регионов мусульманства в Европе и Азии (Индия) демонстрирует ошибочность данной теории. Связь между пустынями и монотеизмом, на чем настаивает Э. Ренан, также недостоверна.

Следующий пример неверной логики находим у И. Тэна. Он объяснял различие между флорентийской и фламандской школами живописи их географической средой. Когда же он обнаружил, что обе школы во многих отношениях похожи друг на друга, он стал спасать свою теорию, заявив, что географические условия обоих регионов были, оказывается, почти одинаковыми – подогнал факты под теорию!

Маттеуцци утверждал, что географические различия северной и южной Европы сказались на литературе и музыке этих народов. Он доказывал, что у северных народов меньше воображения и способности к дедуктивным обобщениям, чем у южных. С другой стороны, южане более музыкальны¹⁴⁸. Эти и другие «обобщения» автора свидетельствуют о силе его воображения, но совершенно ошибочны с научной точки зрения. Стоит только вспомнить такие изумительные художественные создания северных народов, как финский эпос «Калевала», русские былины, волшебные сказки и предания, «Эдда» норвежцев, легенды о Короле Артуре, «Нибелунги» или эпические сказания о Роланде, чтобы убедиться в ошибочности подобного «обобщения». Надо забыть имена Баха, Бетховена, Моцарта, Шопена, Вагнера, Римского-Корсакова, Грига, Брамса, Чайковского, Мусоргского и многих других великих композиторов севера, чтобы утверждать, будто итальянцы более музыкальны. Настаивать на том, что южные европейцы более способны к дедукции и абстракции¹⁴⁹, можно только при условии, если забыты такие имена, как Декарт, Кант, Коперник, Ньютон, Дарвин, Лейбниц, Пастер, Клод Бернар, Ламарк, Лобачевский, Г. Спенсер и др.

Я мог бы заполнить сотни страниц примерами таких ложных выводов¹⁵⁰, но вряд ли в этом есть необходимость. Их научная ценность такова же, как и у самых неудачных корреляций между климатом и социальными явлениями, которые установил Монтескье¹⁵¹. Но если великий автор «Духа законов» мог что-

¹⁴⁸ См.: *Matteuzzi*. Op. cit., p. 52 ff., 211 ff.

¹⁴⁹ Убедительную критику этих теорий см. в: *Ковалевский М.* Современные социологи. СПб., 1905, гл. IX.

¹⁵⁰ Здесь мы сталкиваемся с тем самым неправомерным использованием метода «иллюстрации», который является подлинной чумой в общественных науках. Вместо систематической проверки гипотезы авторы используют один или несколько отдельных случаев, согласующихся с их выводами, и победоносно заявляют, что они «доказаны». Подобный метод доказательства совершенно антинаучен по своему характеру.

¹⁵¹ Монтескье сформулировал множество корреляций между географическими условиями и различными социальными явлениями: рабством и свободой, полигамией и полиандрией, монархией и республикой, протестантизмом и католицизмом и т. д. В настоящее время эти корреляции по большей части считаются недостоверными.

то упустить в своих писаниях по причине отсутствия фактического материала в его время, то у современных авторов нет такого оправдания. Их теории бывают интересными, иногда даже наводящими на размышления, но, к сожалению, при первом же научном анализе они рассыпаются, как «карточный домик»¹⁵².

18. Географическая школа и социально-политическая организация общества

Мы видели, что школа Ле Пле пыталась объяснить основные типы семьи различиями в среде обитания народов. Начиная с Монтескье некоторые мыслители подобным же образом объясняли такие разновидности семьи, как моногамия, полигамия или полиандрия, через географическую среду. Ряд авторов, таких как Риттер и Ратцель, а также их последователи, пошли дальше и пытались объяснить размер государства, форму его организации, мирный или военный характер, оптимизм или пессимизм населения, его прогрессивность или отсталость, любовь к свободе или склонность к подчинению и сотни других особенностей, исходя из географического влияния. Достоверны ли подобного рода объяснения?

Я уже указывал на недостатки теории происхождения различных типов семьи, выдвинутой школой Ле Пле. Эта теория может объяснить развитие каждого из типов, но не в полной мере. Попытки сопоставить формы брака и типы семьи с окружающей средой не увенчались успехом. Попробуйте связать моногамию, полигамию, полиандрию, эндогамию, экзогамию или продолжительность брака с климатом, высотой, широтой, долготой или любым другим компонентом географической среды. Сразу станет очевидным, что такой связи не существует. Все перечисленные виды брака можно обнаружить в самых разных географических условиях¹⁵³. То же самое можно сказать и о многих других особенностях семьи. Один из главных авторитетов в области эволюции семьи Дж. Маццарел-

¹⁵² У меня нет желания обсуждать здесь теории, подобные, например, учению М. Мюллера о происхождении и эволюции религии, в котором он подчеркивает роль географических условий и особенно таких мощных природных явлений, как гроза, в зарождении веры в Бога, сверхъестественных существ и т. д. Они не касаются моей темы непосредственно, и, кроме того, их подвергали критике многие авторы, такие, например, как Э. Дюркгейм, так что в моей критике нет необходимости. См.: *Durkheim. Elementary Forms of Religious Life*. New York, 1915 (главы, посвященные критике натуралистических теорий М. Мюллера и Ревилля)^{29*}.

¹⁵³ См. каталог соответствующих народов в: *Westermarck E. The History of Human Marriage*. London, 1921, vol. II, ch. XVIII, XIX, XX; vol. III, ch. XXVII, XXVIII, XXIX, and passim. Здесь также авторы, как правило, «доказывают» свою правоту с помощью метода «иллюстрации». Наиболее показательной иллюстрацией полиандрии, вызванной географическими условиями, является Тибет. Даже такие социологи, как Зиммель, используют данное «доказательство».

ла, изучив причины и зоны распространения матриархата, амбилианской формы брака^{30*}, полигамии и т. д., пришел к выводу: «Данные институты не зависят (непосредственно и ощутимо) от географических причин, потому что их можно обнаружить среди народов, живущих в самых разных географических условиях» (в Арктике и тропиках, в горах и на островах, в пустынях, на равнинах и среди лесов)¹⁵⁴. Это станет еще более очевидным, если примем во внимание, что в одной и той же области и иногда в течение времени, слишком короткого для сколько-нибудь серьезного изменения окружающей среды, институт семьи подвергается радикальным изменениям. В одной и той же географической области мы нередко видим семейные институты разных типов – в соответствии с проживающим в ней населением. А один и тот же тип семьи или брака (полигамию или моногамию) можем обнаружить в регионах, резко отличающихся друг от друга по своим природным условиям. Многие географы пытались установить другие корреляции между географическими и социальными явлениями. Вот несколько типичных примеров.

Корреляция № 1. Географические условия определяют размер государства и политические, расовые, национальные и культурные границы. В регионах, отделенных от остального мира горами или морями, имеются сепаратные политические, расовые, национальные и культурные группы, тогда как население, проживающее на больших равнинах, создает крупное государство. Та же самая корреляция утверждается и в отношении расы, языка и культуры. Затем идут подобранные иллюстрации, призванные подтвердить эти положения¹⁵⁵. Мы, чтобы их проверить, обратимся к фактам, которые им противоречат, заимствуя их как из прошлого, так и из настоящего. Ни Урал, ни Алтай, ни Гималаи, ни Карпатские и другие горы не помешали российским, китайским, австрийским, швейцарским, американским и британским имперским властям распространиться на территории по обе стороны гор или лежащие за морями. В прошлом римская, египетская, ассирийская, китайская, турецкая и персидская империи, а также империи Александра Македонского и Чингисхана распространялись подобным же способом. С другой стороны, «обособленные национальности могут существовать в пределах регионов, которые словно бы самой физической природой обречены на политическое единство», и «карта Европы обеспечивает совсем немного естественных границ»: за исключением нескольких случаев, «в Европе едва ли есть хоть одна миля политической границы, естественной в полном смысле этого слова, т. е. представляющей собой четко обозначенное физическое препятствие

¹⁵⁴ См. великолепные исследования Дж. Маццареллы: *Les types sociaux et le droit*. Paris, 1908, p. 179–180 и *passim*; *La Condizione giuridica del marito nella famiglia matriarcale*. Catania, 1899.

¹⁵⁵ См.: *Ratzel F. Politische Geographie*. 1903, Kap. XII–XV; *Semple E. Op. cit.*, ch. II; *George H.B. The Relations of Geography and History*. Oxford, 1901, p. 11 ff., ch. III.

между народами, отличающимися по расе и языку»¹⁵⁶. В течение веков или даже тысячелетий географические условия остаются практически теми же самыми, тогда как политические системы и культуры, как правило, изменяются довольно заметно, а то и радикально. То, что между средой обитания основных рас и географическими условиями нет никакой связи, мы уже видели. Все эти факты, имеющие фундаментальное значение, свидетельствуют об ошибочности рассматриваемого утверждения. Если и существует взаимосвязь, то она не является строгой, постоянной и универсальной. Это, быть может, некий призрак весьма туманной связи, но уж точно не конкретная корреляция.

Корреляция № 2. Широко известная корреляция Ратцеля между географическим пространством и некоторыми социальными особенностями крупных и небольших политических систем носит аналогичный характер. Суть данной теории состоит в следующем¹⁵⁷: население государств с большими территориями по причине необъятности их просторов наделено духом экспансии и милитаризма, полно оптимизма, молодости и стремлением к развитию. Внутри подобных социальных образований гораздо меньше расовых и социальных конфликтов, чем в странах с небольшой территорией. В политических единицах, занимающих небольшое пространство (место жительства), население настроено более пессимистично, раньше оказывается зараженным закоренелым духом национализма, имеет местечковую психологию, вялое и лишенное мужества. Такова одна часть теории пространства (Raum) Ратцеля¹⁵⁸. Каждый, кто хоть немного знает историю, сразу же заметит ошибочный характер этой теории. Трудно найти больше оптимизма у населения России или Китая по сравнению с жителями Швейцарии или Нидерландов. Еще труднее поверить, что в таких крупных политических образованиях, как Китай, прежняя Австро-Венгрия или Турция, было меньше расовых,

¹⁵⁶ George H. Op. cit., p. 66, 70. Здесь и в главе VI автор в значительной степени опровергает собственные выводы, сделанные в главах I и II. Подробный анализ географических условий и вывод о том, что они не определяют размер государства, см. в: *Vallaux. Le sol et l'état*, ch. IV. Валло, пытаясь спасти кое-что от этой корреляции, предлагает следующую модификацию: «Размер государства не зависит ни от климата, ни от рельефа местности, ни от возможности расширения в пространстве, ни от местоположения. Однако что касается места зарождения государства, то оно зависит от степени характерного (географического) дифференцирования, сосредоточенного в данном месте. Существует постоянная тенденция к формированию автономного государства в наиболее дифференцированных географических областях; и действия государства, сформированного в таком регионе, заставляют его расширяться за счет менее дифференцированных областей» (Ibid., p. 202 ff.). Эти несколько туманные предположения далее усложняются неопределенным разделением на активную и пассивную географическую дифференциацию и целым рядом слабых, неопределенных и неубедительных доказательств. Факты, которые используются для обоснования высказанного предположения, настолько противоречивы и нелогичны, что его нельзя считать доказанным. См. Ibid., ch. VI.

¹⁵⁷ См.: *Ratzel. Politische Geographie*, Kap. XII–XV.

¹⁵⁸ В модифицированном виде ту же теорию развивает Зиммель, не упоминая имени Ратцеля. См.: *Simmel. Soziologie*. Kap. IX, S. 614–708.

национальных и социальных конфликтов и противостояний, чем в Дании, Швейцарии или Норвегии. Небольшие балканские страны охвачены духом экспансии и милитаризма, по крайней мере, так же сильно, как и большие государства. Короче говоря, факты полностью противоречат знаменитой теории Ратцеля¹⁵⁹.

Корреляция № 3. Маттеуцци, вероятно, лучше, чем какой-либо другой географ, пытался показать, как географические условия повлияли на политическую организацию древних Египта, Ассирии, Персии, Греции, Рима и т. д. Вот образец его «объяснений».

В Египте централизованный политический деспотизм был обусловлен равнинами Нила и его нерегулярными разливами. Каждый округ нуждался в воде и старался провести ее на свою территорию. В результате между округами часто вспыхивали конфликты, от которых страдали более слабые.

«Чтобы защитить права более слабых и скоординировать систему распределения воды между округами, Древний Египет должен был создать политическую власть, которая была в состоянии контролировать проблему. Таким образом, Нил предопределил не только административное деление, но и политическое устройство Египта».

Тот же самый фактор стал причиной появления в Египте каст. Аналогичным образом нерегулярные разливы Тигра и Евфрата послужили причиной того, что в Ассирии и Халдее власть оказалась сосредоточенной в руках одного самовластного правителя.

В Персии нет рек, которыми можно было бы объяснить неограниченную персидскую монархию с системой сатрапов. Поэтому у Маттеуцци персидскую политическую систему определяют горы. В Финикии республиканская систе-

¹⁵⁹ Подробную и глубокую ее критику см. в: *Vallaux. Le sol et l'état*, ch. V. Есть много других теорий, которые пытаются установить связь между характером географической среды и оптимистическим или пессимистическим настроением обществ. Например, Арчибальд Гейки в «Шотландских воспоминаниях» утверждает, что мрачный характер шотландцев объясняется «сумеречными долинами», пасмурным небом и ненастными зимами этой страны. Дрейпер утверждает, что различия в климате ответственны за разные умонстроения населения северных и южных штатов Америки. Летурно пытается объяснить мистический и меланхоличный характер литературы народов Северной Европы мрачной географической средой, долгими зимами и ночами, обширными лесами и т. д. Подобных корреляций очень много. Нет никакой нужды говорить о том, что их нельзя воспринимать серьезно. Сам факт преобладающего настроения, приписываемого авторами тому или иному народу, очень сомнителен. Они даже не попытались показать, почему, например, считают, будто характер шотландцев более мрачен, чем русских, или китайцев, или любого другого народа. Реальная ситуация в этом отношении, вероятно, намного сложнее: национальный характер, будучи мрачным или меланхоличным в одном отношении, вероятно, будет очень радостным в другом. Даже если бы утверждения о преобладающем характере народа соответствовали действительности, то надо было бы еще доказать, что он обусловлен окружающей средой, а не другими факторами. Такие попытки серьезно никогда не предпринимались. По этим причинам все подобные теории – журналистский вымысел и ничего более.

ма сложилась из-за характера побережья и гор, которые способствовали изоляции ее частей. Политическую организацию Греции обусловили море, земля и горы. Но поскольку такая комбинация – лишь повторение предыдущих географических факторов, автор допускает там влияние культурных заимствований. Не стоит продолжать дальше список пояснений, которые дает Маттеуцци¹⁶⁰. И подвергать критике подобные теории тоже, наверное, не стоит. Характеристики политических режимов многих стран, приведенные Маттеуцци, грешат неточностью. Например, его описание персидской политической организации ошибочно; некоторые историки, и особенно Пицци, нарисовали совершенно другую картину политических институтов Персии, чем Маттеуцци¹⁶¹. Это же относится и к описанию некоторых других стран. Уже один этот факт делает выводы Маттеуцци сомнительными. Далее, недостоверность его теории подтверждается тем фактом, что аналогичные следствия – деспотические политические режимы Египта, Халдеи и Персии – приписываются разным географическим факторам. В Египте и Халдее политические режимы приписываются плодородным равнинам и полноводным рекам, а в Персии – горам и пустыням. То же самое относится к республиканским режимам в Финикии, Греции и Риме. Если законы индуктивной логики имеют какое-нибудь значение, то Маттеуцци, безусловно, их нарушает. Кроме того, краткий обзор истории и географии показывает, что одни и те же политические режимы, например неограниченные монархии или республики, существовали в разных географических условиях и *vice versa*. В той же самой географической среде мы находим жителей Самоа и маори с аристократической и феодальной системой, а также папуасов практически без вождей и с системой общинных отношений¹⁶². Отсутствие корреляции становится особенно очевидным, когда мы рассматриваем развитие политических режимов в одном и том же географическом районе. В истории Афин, Рима или любой европейской страны политическая система изменялась не раз, в то время как окружающая среда оставалась практически неизменной. Подобные изменения служат вполне достаточным доказательством того, что сколько-нибудь серьезной связи между двумя цепочками явлений не существует. Таким образом, гипотеза Маттеуцци и сотни подобных теорий сомнительны¹⁶³.

¹⁶⁰ *Matteuzzi*. Les facteurs de l'évolution des peuples, p. 45 ff. и passim. Теории, подобные теории Маттеуцци, получили такое распространение, что их можно найти в большинстве учебников по социологии. Там они подаются как нечто не вызывающее ни малейшего сомнения. Пример Нила как основы для создания египетской политической организации стал традиционным «доказательством».

¹⁶¹ См.: *Pizzi*. Le istituzione politiche degli Irani // *Rivista Italiana di Sociologia*. 1902, March-June.

¹⁶² Примеры см. в: *Thurnwald R.* Op. cit.

¹⁶³ Подробную критику теории Маттеуцци см. в: *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. IX.

Корреляции № 4 и № 5. Из других модных географических учений необходимо упомянуть две гипотезы: одна – о так называемом оттеснении к экватору (Equatorial Drift), другая – о «перемещении цивилизации с юга на север» (Northward Trend of Civilisation). Сущность теории оттеснения к экватору заключается в том, что народы, привольно жившие в теплой низменности, подвергались нашествию более выносливых рас, живших на севере или на высокогорьях с более суровым климатом¹⁶⁴. Но даже сам факт существования такого оттеснения, так же как и то, что он – постоянная и бесконечная тенденция, вызывает сомнения. Единственное подтверждение данной гипотезы – ряд таких фактов, как завоевание Индии ариями, Китая – монголами и маньчжурами, Греции и Рима – варварами, или перемещение на юг тольтеков^{31*} и ацтеков в Мексике, а также на север кафров и патагонцев^{32*}. На основе этих односторонних и разрозненных данных едва ли возможно обосновать существование подобного оттеснения. Данным фактам можно противопоставить более многочисленные примеры народов, которые хоть и жили в южных регионах, но завоевали народы севера. Консолидация Шумерской и Аккадской империй начиналась с юга (Ур, Лагаш, Урук^{33*}), а расширились они далеко на север вплоть до Средиземноморья. Как империя Египет сначала зарождался на юге (с центром в Иераконполе^{34*}) и путем завоеваний распространялся на север. Во время второй династии властью обладал Северный, или Нижний, Египет, а во время третьей династии снова победил Южный Египет. Позже подобные победы Южного и Северного Египта с соответствующей переменной столицы (Мемфис, Иераконполь, Тебаис^{35*}) повторялись много раз, не говоря уже о завоеваниях многих северных народов египтянами. В качестве аргумента часто используется завоевание Греции и Рима северными варварами. Исторические хроники говорят нам о сотнях завоеваний и долгом доминировании над данными народами греков и римлян. Разве неверно также, что завоевания Афин и Рима расширялись не только на юг, но и на север? Разве арабы не покоряли жившие далеко на севере от Мекки и Медины многочисленные народы? Не борьба ли Южного и Северного Китая иногда приводила к доминированию юга над севером? Не завоевания ли Чингисхана или Тамерлана, а также турок простираются на огромные области к северу? Разве неверно то же самое даже в отношении великого переселения народов в начале Средневековья, когда волна народов Азии двинулась с юга на север, поработавшая и разрушая все, что было на их пути? В истории Европы испанцы не всегда терпели поражения от северных народов. Военный или культурный успех не всегда принадлежал народам, обитавшим на севере. Я напомнил лишь несколько из этих элементарных фактов, которые могут быть умножены *ad libitum*^{36*}, только

¹⁶⁴ Ward R. Climate, p. 234–235; до Уорда эту теорию разрабатывали многие географы, начиная (в новое время) с Монтескье; см.: *Montesquieu. Spirit of Laws. London, 1894, vol. I, p. 238 ff., 284 ff.* См. также: *Vallaux. Le sol et l'état, p. 41 ff.*

потому, что они забыты приверженцами теории оттеснения к экватору. А они показывают ее ошибочность¹⁶⁵.

Суть теории перемещения цивилизации на север сводится к тому, что «лидерство в мировой цивилизации неразрывно связано с климатом и что когда культура развивалась, она перемещалась в более холодные земли, а когда начинала приходить в упадок, лидерство, как правило, отступало на юг» и «что лучи цивилизации по мере развития культуры все дальше проникали на север, и *vice versa*»¹⁶⁶. Доказательство теории базируется на свидетельстве истории о том, что «цивилизация зародилась в Египте и Шумере, жарких странах, затем лидерство переходило к Вавилону, Криту, Финикии, Ассирии и т. д., все время перемещаясь на север... Можно отметить четыре волны движения на юг, и все они совпадают с упадком цивилизации. Так, например, в период распада Римской империи цивилизация сосредоточилась в Карфагене и Александрии, а также в Константинополе, а позднее – в Дамаске и Багдаде; затем, в Средневековье, она постепенно перемещалась к северу, преодолев крайний римский предел приблизительно в 1350 г., и достигла тех холодных регионов, до каких прежде никогда не доходила. На диаграмме... отображено, как центры цивилизации двинулись из упомянутых городов далее в Венецию, Милан, Антверпен, Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Чикаго, Виннипег и Петроград». Недавно «Скандинавия продемонстрировала большую культурную активность, как будто готовясь стать лидером мира. Россия пробуждается от многовекового сна. В 2000-е г. самая

¹⁶⁵ Частью той же самой теории является широко распространенное мнение о том, что тропический и субтропический климат порождают людей ни к чему не способных, ленивых, лишенных мужества и обреченных поэтому быть в подчинении у мужественных народов, которых взращивает север. Чтобы оценить эту теорию, мы должны сначала определиться с терминами «тропический» и «субтропический». Когда климатологи говорят об этих регионах, они имеют в виду области, расположенные между 40–45° северной и 40–45° южной широты. Эта территория включает в себя большинство древних цивилизаций, а также Японию и южные части Соединенных Штатов. Тот, кто хоть немного знает историю, едва ли согласится с тем, что жители этих широт совершенно ни к чему не способны. Если в настоящее время они еще не созрели и были завоеваны северными народами, то не всегда так было и, может быть, не всегда так будет. Благодаря своему численному превосходству население более умеренных зон, естественно, смогло завоевать малочисленные племена, обитавшие в тропиках. Наконец, мы видим явное пробуждение и растущую активность различных социальных групп в Азии, Индии, Африке, Аравии, которые всегда считались лишенными силы и способностей. Это – еще одно отклонение от рассматриваемой нами теории. Несмотря на свою популярность, она, по-видимому, ошибочна. Чтобы удостовериться в правильности этих выводов, возьмите исторические атласы упомянутых стран, посмотрите, где они расположены, изучите их климат и характер окружающей среды (например, по книге: *Ward R. Climate, ch. I–VII*), их историю, и станет ясно, о чем я сейчас говорил. О пробуждении этих стран см.: *Prince A.E. Europe and the Renaissance of Islam // The Yale Review. April, 1926*; см. также историю Японии в XIX в.

¹⁶⁶ *Gilfillan S.C. The Coldward Course of Progress // Political Science Quarterly. 1920, vol. XXXV, p. 393, 399*; см. также книгу Стефанссона. Ранее эту теорию в несколько иной форме развивал П. Мужоль в своей книге «*Statique des civilisations*» (1883).

зрелая архитектура будет, возможно, (не в Берлине, а) в Детройте и Копенгагене, в 2100 – в Монреале, Христиании и Мемеле^{37*}». Далее автор доказывает, что «и в пределах каждой национальной цивилизации прогресс перемещался на север. Греческая цивилизация зародилась на Крите и закончилась в Константинополе. В Италии лидерство перемещалось из Сицилии через Рим в Милан, в Испании – от Кадиса до Мадрида и Барселоны». Бывают некоторые исключения, но, согласно автору, они только доказывают правило. Таковы сущность и доказательства этой совершенно недвусмысленной теории. Всему причиной является климат.

Несомненно, теория интересная и смелая, особенно для народов, живущих на севере и еще не достигших мирового лидерства. Однако сомнительно, что настанет время, когда лопари и эскимосы возглавят мир. Если серьезно, то теория носит спекулятивный характер и основана на одностороннем и неправильном подборе исторических фактов. Единственно верное в теории – это то, что с прогрессом цивилизации и ростом населения территория, заселенная людьми, расширяется на юг и на север и многие неблагоприятные места, недоступные ранее для менее культурных народов, становятся обжитыми. За исключением этого, все выводы теории сомнительны. Нет никаких конкретных и ясных критериев оценки цивилизации, а также ее прогресса и регресса. Естественно, подобная размытость позволяет автору перетасовывать регионы и периоды в любой желательной последовательности и иерархии. Далее, использование размера главных городов как адекватного критерия цивилизации может быть подвергнуто сомнению. Основываясь на этом, мы не можем сказать ничего определенного о шумерской, аккадской цивилизациях, а также о Древнем Египте или даже Греции и Риме, потому что данных либо нет, либо они не внушают доверия. Помимо высказанных соображений, которых вполне достаточно, чтобы поставить эту теорию под сомнение, легко доказать недостоверность трех ее утверждений.

Чтобы доказать свой тезис о том, что в период упадка лидерство в цивилизации перемещается на юг, автор приводит в пример переход власти в Египте от Нижнего к Среднему царству, или с севера на юг. Между тем историки Древнего Египта говорят, что период Среднего Египта со столицей в Фивах, и особенно во время восемнадцатой и девятнадцатой династий, был временем высшего расцвета египетской цивилизации, а не периодом ее упадка. С другой стороны, в период упадка Древнего Египта его центр переместился не на юг, а на север (Саис и Александрия). Еще более фантастично выглядит то, как автор распределяет Шумер, Аккад, Вавилон, Халдею и Багдад с точки зрения их температуры, сравнительного уровня культуры, а также прогресса и регресса цивилизации (см. его диаграмму на странице 395)^{38*}. Утверждение, что «после распада цивилизации Римской империи» лидерство опять перешло на юг, в Карфаген, Александрию и Константинополь, также не выдерживает критики. Во-первых, Константинополь находится на той же самой широте, что и Рим, а его средняя температура (по Фаренгейту) всего на 4° ниже. Во-вторых, если Карфаген и несколько дру-

гих африканских и азиатских городов в некоторой степени прогрессировали в период упадка Римской империи, то не менее успешно развивались и северные города, такие как Милан, Лион, Трир, Равенна, Таррагона и другие. Они также значительно увеличились в размере и численности населения, выросло их богатство, великолепие и культурное значение. В истории Греции мы обнаруживаем, что период упадка ее культуры сопровождался смещением политического центра не к югу, а скорее к северу. Он переместился из Спарты и Афин в Беотию и Македонию. В данном случае, равно как и во многих других аналогичных случаях, мы видим только перемещение центра культуры или политического влияния в некоторое другое место, когда существующий центр начинает деградировать. Далее, такие случаи, как появление новых культур, например арабской, не могут расцениваться как прогресс или регресс по сравнению с римской культурой, поскольку это явления совершенно разнородные.

Второе сомнительное утверждение автора состоит в том, что в ходе истории цивилизационное лидерство постоянно переходит на север. Эта теория базируется преимущественно на данных XIX и XX вв. Но разве не в этот же сравнительно недавний период на мировой сцене появились новые крупные силы, такие как Япония, Австралия, Латинская Америка и Южная Африка? И разве можно отрицать, что в Америке в течение последних нескольких десятилетий Калифорния росла быстрее, чем большинство северных штатов? Наконец, разве мы не видим пробуждения большинства азиатских и старых африканских обществ (Китай, Индия, Аравия, даже Турция) после многовекового сна? Эти и многие подобные факты указывают только на то, что центры цивилизации со временем перемещаются и ее области расширяются вместе с достижениями человечества. Вот и все. Если человек начал перелетать через оба полюса, то одновременно с этим он начал летать в тропические леса, пустыни и другие необитаемые и прежде малонаселенные места, начал их завоевывать и обустраивать. Кроме того, совершенно бессмысленно рассуждать о лидерстве в цивилизации вообще, поскольку само понятие «цивилизация» расплывчато. Если мы возьмем лидерство в материальной технике, то в течение двух последних столетий оно, несомненно, принадлежало народам Центральной и Северной Европы, но до этого – арабам, азиатам, африканцам или, возможно, даже некоторым народам Америки. В области религии Европа никогда не была лидером; даже христианство и мусульманство, не говоря уже о конфуцианстве, буддизме, индуизме, даосизме или иудаизме, зародились за пределами Европы. В области философии и этики и даже искусств Европа едва ли превзошла Азию и Египет. Я не буду продолжать эту мысль. Сказанного достаточно, чтобы показать неадекватность рассматриваемой теории. Всем фактам, которые приведены в ее подтверждение, легко противопоставить факты противоположного свойства.

Проведенный выше анализ репрезентативных корреляций между географическими условиями и различными фазами политической и общественной организации показывает, что между ними может быть некоторая связь, но она

настолько неопределенна, что ее существование может вызывать и серьезное сомнение. Тщательный анализ этих широких географических гипотез обнаруживает в них больше ошибок, чем научно доказанных выводов.

19. Климат, гениальность и развитие цивилизаций

Из нескольких теорий, посвященных этой проблематике, лучшей, вероятно, является теория Э. Хантингтона. Поэтому ее главным образом я и буду рассматривать. Критические замечания в адрес этой теории в еще большей степени применимы и к другим, менее разработанным концепциям.

Теория Хантингтона о взаимосвязи климата и гениальности, прогресса и упадка цивилизаций – логический вывод из его трех частных гипотез, а именно: о том, что климат – главный фактор здоровья, что он определяет физическую и умственную работоспособность и что климат с течением времени постоянно изменяется. Из этих посылок он делает вывод, что климат определяет развитие и упадок цивилизаций, их распределение по поверхности Земли и исторические судьбы народов. Так как цивилизация – это результат усилий, трудолюбия, интеллекта и гения населения и так как данные качества определяются климатом, то, следовательно, климат – фактор прогресса и регресса цивилизаций.

Если эти три послылки достоверны, то вывод соответствует истине и *vice versa*. В первой части данной главы я пытался показать, что первая и вторая послылки далеки от того, чтобы считать их достоверными. Автор придает третьей послылке огромную важность, отмечая, что «значительная часть доказательной базы этой книги основана на гипотезе о связи климатических пульсаций с историческими эпохами»¹⁶⁷. Однако эта гипотеза еще более сомнительна, чем две предыдущие. Изучение метеорологических отчетов свидетельствует о том, что с течением времени климат не претерпевал столь значительных изменений¹⁶⁸. Ряд выдающихся специалистов-климатологов отмечают, что «широко распространенное мнение (которое разделяет и Хантингтон) о климатических изменениях не имеет под собой основания». Теория Хантингтона о пульсации климата основана на исследовании «годовых колец» в Калифорнии. Этот метод и сделанные с его помощью выводы о пульсации климата специалисты подвергли серьезной критике¹⁶⁹. В-третьих, если даже допустить, что пульсация климата в Калифорнии точно отражается в «годовых кольцах», то из этого не следует, что в других местах Земли он колебался таким же образом, как в Калифорнии. В-четвертых, метод Хантингтона, с помощью которого он определяет характер климатических изменений и исчисляет их точные периоды в Древней Греции

¹⁶⁷ Civilization and Climate, p. 7.

¹⁶⁸ См.: Ward R. Op. cit., ch. XI.

¹⁶⁹ Ibid., p. 350 ff.

или Риме или в любой другой исторической области, – чистая, ни на чем не основанная спекуляция. Кроме того, его гипотеза очень эластична, и он модифицирует ее согласно обстоятельствам¹⁷⁰. Этого достаточно, чтобы показать, до какой степени его третья посылка сомнительна и неопределенна. Таким образом, все три основания, на которых Хантингтон построил громоздкую структуру своих широких обобщений, ненадежны. Этого факта достаточно для того, чтобы опровергнуть его заключения и считать их чрезвычайно сомнительными. Тем не менее рассмотрим дополнительные доказательства и некоторые детали его философии. Доказательства представлены в форме карт, на которых показано распределение климата по всей Земле и в Европе, распределение уровня здоровья населения в Европе, распределение цивилизаций на Земле и в Европе и распределение выдающихся людей в Европе. Все эти карты, согласно Хантингтону, обнаруживают «замечательное сходство». Уровень здоровья высок в тех странах, где климат ближе всего к тому климату, который Хантингтон считает идеальным; уровень развития цивилизация выше в тех же самых странах, а там, где климат плохой, уровень ее ниже и здоровье населения хуже; число выдающихся людей тоже соответствует распределению климата и здоровья. Далее, в прошлом Рим и другие страны росли и прогрессировали во время периодов, когда климат был близок к «идеальному» климату Хантингтона, и деградировали, когда он становился неблагоприятным. Перемещение центров цивилизации в ходе истории происходило параллельно с перемещением благоприятных климатических зон. Таким образом, все замечательным образом согласуется с гипотезой Хантингтона. «Очевидно, что климат влияет на здоровье и энергию, а они в свою очередь влияют на цивилизацию»¹⁷¹. Автор думает, что его гипотеза объясняет даже очень многие другие особенности различных народов и их исторические судьбы. На этом основании доктор Хантингтон интерпретирует историю Греции, Рима, Турции, Германии и многих других стран.

И хотя эти карты и обобщения очень интересны, я боюсь, что они весьма сомнительны. Мы уже рассмотрели вопрос о достоверности основных посылок Хантингтона. Так как корреляции между «идеальным» климатом, здоровьем и эффективностью труда не подтверждаются, карты, построенные на этих основаниях, еще более сомнительны. Самые сомнительные из всех этих гипотез – те, что сделаны на основании сомнительных карт, основанных на еще более сомнительных гипотезах. Кроме того, какую научную ценность имеет карта (см. рис. 22, 43, 44 в «Цивилизации и климате»), на которой зоны благоприятного и неблагоприятного климата таковы, что половина Европы и три четверти Азии оказываются живущими в условиях одинакового климата (область, прости-

¹⁷⁰ Ср., например: *Civilization and Climate*, ch. XIV; *World Power and Evolution*, ch. VIII; *The Character of Races*, Fig. 15.

¹⁷¹ См.: *Civilization and Climate*, ch. X–XVIII; *World Power and Evolution*, ch. VIII–XIII; *The Character of Races*, ch. XV.

рающаяся от 25° до 70° широты и от 30° до 180° долготы)? Фактически в этой обширной области имеются самые разные климатические условия, а многие ее части с большим основанием следовало бы отнести к зонам с неблагоприятным климатом, чем к зонам с климатом благоприятным. Это относится к каждой из пяти климатических зон, на которые Хантингтон разделил поверхность Земли. С помощью такого метода можно доказать «замечательное сходство и совпадение», равно как и связь между чем угодно.

Другие карты – распределения здоровья, климата и гениальности – не лучше. Я уже писал о том, что уровень смертности в разных странах – неадекватный критерий для оценки здоровья их населения. Я также показал, что даже корреляция между «сезонными» колебаниями уровня смертности и климатом пока еще не доказана. Тем не менее доктора Хантингтона все эти обстоятельства не смущают. Он берет уровни смертности различных стран и располагает их на карте таким образом, что обширные территории с самыми разными уровнями оказываются идентичными, и *vice versa*. На основе этой сомнительной процедуры он указывает на «замечательное совпадение с другими картами» (см. карты №№ 10, 11, 12 и 13 в книге «Характер рас»). Еще большее удивление вызывает то, что автор допускает некоторые небольшие «исключения» из правила, такие как Япония и Корея (которые живут в одинаковом климате, но в плане здоровья и уровня развития цивилизации находятся на противоположных полюсах), или Бельгия, имеющая сравнительно небольшое количество выдающихся людей, что противоречит ее благоприятному климату и месту на карте цивилизации. Другое противоречие обнаруживается при сравнении карты цивилизаций, на которой индексы Англии и Шотландии – 100 к 98, с картой числа гениев, на которой соотношение оказывается прямо противоположным. Если можно поместить всю Россию (одну шестую земной суши) в одной климатической зоне и в одной зоне уровня смертности и цивилизации, то к чему обращать внимание на незначительные «исключения»? Почему бы не сделать карты одинаковыми – так, чтобы соответствия казались абсолютными? Если значительными различиями можно пренебречь, то почему не всеми?

Однако это еще не все. Даже если допустить, что карты составлены правильно, то остается вопрос: где доказательство того, что различия в уровне здоровья, уровне развития цивилизации и продуцировании гениев обусловлены различиями в климате, как утверждает доктор Хантингтон¹⁷²? Нет никакого доказательства, кроме неправильно составленной климатической карты. Если бы она была правильной, то корреляция не доказывала бы, что отношение носит каузальный характер. Многие другие факторы могли бы объяснить эту взаимосвязь или это совпадение.

¹⁷² Его убежденность столь велика, что он ничуть не сомневается в том, что «регионы вокруг Северного моря, вероятно, *всегда* будут превосходить страны Восточной и Южной Европы» в продуцировании гениальных людей из-за разницы их климатических условий (The Character of Races, p. 233).

Пойдем далее. Допустим, что всех недостатков теории, на которые мы уже указывали, не существует. Вместо этого спросим: что было бы с картой распределения цивилизации, здоровья и гениальности в разных странах, если бы доктор Хантингтон взял период с 100 или 200 гг. до н. э. вместо 1600-х гг. н. э.? С уверенностью можно утверждать, что самые высокие индексы цивилизации и самое большое число гениев в течение этого периода были бы в странах Азии и Средиземноморья. В настоящее время эти страны имеют индекс очень низкий. Страны вокруг Балтийского моря, Англия и Северная Европа, которые сейчас имеют самые высокие индексы, тогда имели бы самые низкие. Причина проста. В тот период Центральную и Северную Европу населяли в основном варвары, тогда как Рим, Греция, Северная Африка, Китай, Индия и многие другие азиатские регионы были блестяще развитыми цивилизациями. Даже если бы карты составлялись на период 1840-х гг., индексы таких стран, как Япония, были бы совершенно другими. То же самое можно было бы сказать и о других многочисленных явлениях, которые Хантингтон пытается объяснить с помощью своей климатической гипотезы. Почему, например, страны, которые находятся в одной и той же географической среде, делают быстрые успехи и обгоняют народы, которые раньше превосходили их и затем пришли к упадку? Иногда подобные метаморфозы происходят в относительно короткие сроки, например, за одно или два столетия.

Доктор Хантингтон решает эти противоречия с помощью своей гипотезы о перемене климатических зон и пульсации климата. Но теория эта, как мы уже указывали, недееспособна, что подтверждают и климатологи. Я попытался установить, какие климатические изменения происходили в Англии, Северной и Южной Европе в течение последних 1 400 лет, которые объясняли бы уменьшение роли южных народов и увеличение роли северных. И не нашел сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Более того, в Японии в период с 1845 по 1890 г. не было никакого заметного изменения в климате, и все же именно в данный период страна трансформировалась из малоизвестного и отсталого варварского общества в мировую империю. Японские индексы уровня здоровья, цивилизации и гениальности значительно изменились с 1845 г. Читатель, который попытается найти ответ на этот вопрос в работах Хантингтона (включая написанную совместно с Вишером книгу о «Климатических изменениях» [Climatic Changes. New Haven, 1922]), будет искать его напрасно. Допустим, что климатические зоны со временем сдвигаются. Далее необходимо показать, что их сдвиг и изменения в лидерстве цивилизаций происходят одновременно, что любая страна, в которой климат ухудшается по сравнению с идеалом Хантингтона, деградирует, а страна, в которой климат начинает приближаться к идеальному, прогрессирует и что все эти процессы происходят абсолютно в одни и те же периоды. Только в том случае, если этот параллелизм будет доказан, гипотеза сможет считаться достоверной. В работах Хантингтона подобного доказательства не обнаруживается. Вот образец его климатической интерпретации распада Рима.

«С 450 до 250 г. до н. э. климат (Рима) был, вероятно, гораздо более благоприятным, чем в какой бы то ни было части современной Италии... Тот период закончился, когда резко сократилось количество дождей и гроз. К 220 или 210 г. они, очевидно, сократились примерно до нынешнего уровня. Эти погодные условия оставались одними и теми же почти сотню лет, а еще через полтора века климат снова стал таким же благоприятным, как в 240 г. до н. э.»¹⁷³.

Читатель этих строк может подумать, что в распоряжении доктора Хантингтона есть подробные записи Метеорологического бюро Древнего Рима или по крайней мере какие-то достоверные исторические хроники, позволяющие установить характер климатических изменений. К сожалению, читатель ошибается. У доктора Хантингтона нет таких метеорологических отчетов, потому что они не существуют; нет у него ни единой строки из исторических свидетельств современников, которую можно было бы счесть за доказательство, ни хотя бы цитаты из какого-нибудь надежного римского историка. Цитаты, приводимые им из доктора Симховича^{39*}, относятся только к характеру почвы, кроме того, теория истощения почв Симховича критикуется более компетентными историками Рима¹⁷⁴. Все, что имеет доктор Хантингтон, – это данные относительно роста «годовых колец» в Калифорнии, на основании которых он строит диаграмму климатической пульсации в истории. Этой работе и климатическим выводам, основанным на ней, климатологи высказывают недоверие. На основе этой весьма гипотетической диаграммы, которая не может отобразить даже приблизительно уровень осадков или колебания температуры и силу ветра хотя бы в одной Калифорнии, доктор Хантингтон после внесения в нее серьезных изменений (см. диаграмму на стр. 188 «World Power»^{40*}) сделал подробную картину пульсаций римского климата, кажущуюся точной и разделенной на периоды продолжительностью всего лишь в десять лет. Точности его погодных предсказаний могут позавидовать многие современные метеорологи, пытающиеся предсказать изменения погоды. Очевидно, что теория пульсации климата в Риме доктора Хантингтона по своей сути является всего лишь спекуляцией, адаптированной к курсу римской истории. Периоды роста Рима характеризуются как периоды хорошего климата, и *vice versa*. Он не выводит характер исторических процессов из установленных климатических данных, а, наоборот, выводит климатические данные из характера исторических процессов. И приходит к выводу о том, что между климатическими и историческими пульсациями «наблюдается замечательный параллелизм». Далее, если бы в Риме происходили изменения климата, то необходимо было бы показать, что эти изменения были столь большими, что вызвали распад Рима, и что они были намного больше, чем различия между климатом Англии, Японии и Скандинавии. Хантингтон характеризует климат этих мест как бла-

¹⁷³ World Power and Evolution, p. 190, 192.

¹⁷⁴ См.: Rostowtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926, p. 495 и ch. VIII.

гоприятный и способствующий прогрессу цивилизации. Никаких доказательств Хантингтон не привел. И не мог привести.

Если всех этих аргументов недостаточно, можно привести другие. Например, было бы гораздо более правильным проверить корреляцию климата и гениальности, обратив внимание на точные места рождения выдающихся людей, приведенные в исследованиях Эллиса, Одина или Э.Л. Кларка, Дж. Маккина Кеттелла, Ю. Филипченко, Ф. Мааса, К. Касл, Чарльза Х. Кули, С. Неринга, С. Вишера, автора настоящей работы и других. Во всех этих исследованиях представлены необходимые данные относительно мест и времени рождения выдающихся людей. Имея необходимые климатические данные, можно вывести корреляции, с помощью которых легко было бы проверить климатическую гипотезу.

Приведу еще лишь один аргумент. Хорошо известно, что среди разных социальных классов, живущих в одном и том же климате, гении рождаются не в одинаковых пропорциях¹⁷⁵. Известно также, что число выдающихся людей в одной и той же стране от десятилетия к десятилетию, из века в век и от региона к региону колеблется. Например, в течение прошлых двух или трех десятилетий наблюдалось заметное увеличение пропорции ведущих американских ученых и капитанов индустрии, приехавших со Среднего и Дальнего Запада. Эти и сотни подобных фактов трудно согласовать с теорией Хантингтона.

На этом мы и остановимся. Возможно, что между гениальностью, цивилизацией и климатом существуют какие-то корреляции, но большую их часть еще предстоит открыть. Работу доктора Хантингтона, несмотря на талант и энергию, которые она обнаруживает, нельзя признать убедительной.

То же самое можно сказать и о многих других теориях подобного рода. Мы не будем их анализировать¹⁷⁶. В заключение могу добавить, что, хотя на предыдущих страницах я был очень суров по отношению к доктору Хантингтону, я испытываю самое глубокое уважение к нему и его ценным попыткам построить социологическую теорию на солидной объективной основе. Мы должны быть благодарны этой школе за многие интересные и наводящие на размышления теории и некоторые корреляции, которые по крайней мере отчасти соответствуют истине. Любой анализ социальных явлений, не учитывающий географические факторы, является неполным. Мы благодарны школе за ее ценный вклад. Это, однако, не обязывает нас принимать ее ошибочные теории, фиктивные корреляции и переоценивать роль географической среды. Мы должны отделить зерна от плевел. То, что останется после такого «просеивания», пополнит закрома социологических знаний.

¹⁷⁵ Ряд исследований, посвященных этому вопросу, указан в моей книге «Social Mobility» (ch. XII).

¹⁷⁶ Я не стал анализировать книги таких авторов, как К. Келси (The Physical Basis of Society), Ф.Дж. Теггарт (The Processes of History. New Haven, 1918), Х.Дж. Маккиндер (Democratic Ideals and Reality. London, 1919), Н.С. Шалер (Man and the Earth) и ряд других, по той простой причине, что они, будучи слишком общими, не добавляют ничего нового ни к географической теории, ни к ее критике. Недавно изданная книга Г. Тейлора «Environment and Race» носит еще более спекулятивный характер, чем работы Хантингтона.

Глава IV

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ: БИОРГАНИЗМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

1. Основные виды биологических теорий в социологии

Человеческое существо является организмом и вследствие этого подчинено тому, что известно под названием биологических законов. Это и есть причина того, почему многие теории как прошлого, так и настоящего пытались объяснить социальные явления в качестве особой разновидности феномена жизни. Необычайное развитие биологии за последние 70 лет дало дополнительный импульс биологическим интерпретациям в социологии. Отсюда – современные биологические теории в социальной науке. Они многочисленны и разнообразны по своим конкретным формам, но тем не менее их можно сгруппировать в несколько основных классов. Основными понятиями постдарвинистской биологии являются: организм, наследственность, отбор, изменчивость, приспособление, борьба за существование и наследуемые стимулы (рефлексы, инстинкты, безусловные рефлексы). Соответственно, мы имеем: 1) *биорганизмическую интерпретацию социальных явлений*; 2) *расово-антропологическую школу*, которая объясняет социальные явления с помощью таких терминов, как наследственность, отбор и изменения в результате отбора; 3) *дарвинистскую школу* борьбы за существование, которая придает особое значение роли этого фактора; и 4) *инстинктивистскую школу*, которая рассматривает поведение людей и социальные процессы как проявление разнообразных наследуемых или инстинктивных признаков. Кроме того, существует много «смешанных» теорий, которые при анализе социальных явлений сочетают биологические факторы с небιологическими. Такие теории можно отнести к разряду биологических, но в то же время их можно отнести и к другим направлениям в социологии. Ради удобства в этой главе мы рассмотрим только первые три школы. «Инстинктивистские» социологические теории будут рассмотрены в разделе, посвященном психологической социологии. Причиной тому служит то обстоятельство, что данные теории разрабатывались главным образом психологами и тесно связаны с другими психологическими интерпретациями. Что же касается «смешанных» теорий, то их мы будем рассма-

тривать в разных главах книги. Только одна из этих смешанных теорий, а именно демографическая школа, включена в состав биологического раздела. Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что такое распределение материала носит чисто условный характер и просто помогает ориентироваться среди многочисленных социологических теорий. Что важно, так это соответствующий анализ самих теорий, а не их размещение в том или ином условно выделенном разделе.

Теперь обратимся к основным биологическим школам в современной социологии.

2. Биоорганизмическая школа и ее связь с другими органическими теориями

Первая основная школа биологического направления в социологии представлена биоорганизмическими теориями. Термин «биоорганизмический» требует некоторого пояснения. Среди фундаментальных концепций общества можно выделить четыре основных типа: во-первых, *механистическое* представление об обществе как о своеобразной механической системе; во-вторых, *номиналистическое, или атомистическое, понимание*, согласно которому в обществе есть только индивиды и никакой сверхиндивидуальной реальности не признается; в-третьих, *органическое понимание*, когда общество рассматривают как живую единицу, признавая его сверхиндивидуальную реальность, его «естественное» происхождение и спонтанное существование; в-четвертых, *функциональное понимание*, при котором совершенно не важно, является ли общество механизмом или организмом, естественным или искусственным, но его пытаются рассматривать как систему взаимодействующих индивидов (которое поэтому представляет собой синтез социологического реализма и номинализма). Эта система не предполагает какой-либо реальности, помимо составляющих ее членов, но в то же время она отличает ее от той реальности, которую составляли бы те же самые индивиды, если бы они находились в изоляции друг от друга. Функциональный подход пытается установить формы, характер, закономерности (функциональный анализ) флуктуаций, изменения, эволюции взаимоотношений индивидов, которые составляют социальную систему отношений между группами, ее образующими, а также взаимоотношения одной социальной системы с другими.

Среди этих четырех концепций, органический подход был и остается самым популярным. Его характерные особенности свойственны практически всем разновидностям органической теории общества. Эти разновидности могут быть разделены на три основных подкласса: 1) *философский органицизм*, когда утверждается, что общество является живой единицей, обладает сверх-

индивидуальной реальностью, живет согласно законам «природы» и возникает спонтанно. Философский органицизм зачастую совсем не касается каких-либо сравнений общества с биологическим организмом или с «психологическими сущностями», такими как «коллективная душа», «общественное мнение», «социальный разум», и прочими явлениями подобного рода. Он гораздо более важен как подход, противоположный атомистическому, номиналистическому и механистическому пониманию общества. В отличие от первого из них, он признает над- или трансиндивидуальную реальность общества, а в противоположность последнему из названных подходов отказывается рассматривать общество как неодушевленный механизм, контролируемый исключительно внешними силами, и в особенности как искусственный механизм, созданный человеком путем заключения общественного договора или преднамеренным волевым усилием.

2) Второй тип органического понимания общества представлен *социально-психологическим органицизмом*. Социально-психологические органические теории обладают всеми вышеперечисленными общими особенностями философского органицизма. Иногда пограничная линия между ними почти неосызаема, и философский органицизм незаметно переходит в социально-психологический¹. Но менее «утонченные» социально-психологические теории органицизма часто идут дальше. К характерным особенностям философского органицизма они добавляют точку зрения, согласно которой общество – это сверхиндивидуальный организм, наделенный идеями, представлениями, мыслями и волей, а социальный разум, социальная воля, социальное «Я» или «общественное мнение» существуют как бытие *sui generis*^{1*} по ту сторону бытия мыслей, воли, мнений и представлений его членов. В таком же духе они рассматривают общество как своеобразную духовную личность, т.е. как реально существующий общественный или групповой разум. Соответственно в теоретических построениях такого типа нередко совершается персонификация социальной группы, а также проводится масса аналогий между индивидуальным и общественным разумом. Эти теории представляют собой тип социально-психологической интерпретации социологического реализма. Они представлены социологической школой (смотри главу об этой школе).

3) Третью фундаментальную разновидность органической интерпретации общества представляют *биоорганизмические теории общества*. Разделяя все принципы философского органицизма, биологический органицизм утверждает, что общество – это не что иное, как особая разновидность биологического организма. В его природе, функционировании, происхождении, разви-

¹ Примером такой «утонченной» органической теории, которая находится где-то между философским и социально-психологическим органицизмом, может служить концепция Т. Литта, которую он излагает в своей книге «*Individuum und Gemeinschaft*» (Leipzig–Berlin, 1919, S. 6–7, 12, 17–18, 29–30, 102–105). Еще более «утонченным» является «новый органицизм» К. Джини, который он излагает в книге «*Il neo-organicismo*» (Catania, 1927). Такой вариант органицизма практически идентичен функциональной концепции общества.

тии, разнообразии – короче говоря, во всех его жизненных процессах проявляются особенности, подобные тем, что свойственны любому организму; общество подчиняется тем же самым биологическим законам и подобно организму обладает не только социально-психологической, но и физической реальностью. По сути дела, эти теории являются крайним типом социологического реализма. Мы не должны смешивать биоорганизмические теории с философскими и социально-психологическими органическими представлениями об обществе. Они сильно отличаются друг от друга. Из вышесказанного понятно, что если биоорганизмические теории относятся к биологической школе социологии, то другие ответвления органической концепции к этой школе не относятся. В этой главе я намерен рассмотреть только биоорганизмические теории. Социально-психологический органицизм будет рассмотрен в главе, посвященной социологической школе. Философский же органицизм не нуждается в специальном рассмотрении в социологии: его место – в философских трактатах.

3. Предшественники

Разнообразные модели вышеназванных трех типов органических концепций общества так же стары, как и самые древние из известных нам источников общественной мысли. Сравнение общества, в частности государства с его социальными классами, институтами и социальными процессами, с организмом, особенно с человеком, с его телом и душой или же с отдельными органами его тела и телесными процессами, можно найти в древнеиндийской, китайской, греческой и римской философской и социальной мысли. Вот несколько примеров. В древних священных книгах Индии написано, что четыре основные касты были созданы из уст, рук, бедер и ног Владыки². Власть царя изображается как состоящая из вечных частиц бога Индры, Ветра, Солнца и т. д.³ Наказание сравнивается с сыном Всевышнего и с существом «черного цвета с красными глазами»⁴. Социальная инициация считается вторым рождением⁵ и т. д. в том же духе. В диалогах Платона органические аналогии встречаются довольно часто. «В каждом из нас присутствуют те же виды нравственных свойств, что и в государстве: 1) ярость духа развилась в некоторых государствах... оттого, что таковы там отдельные лица... так обстоит дело с обитателями почти всех северных земель, 2) любознательностью отличаются в особенности наши края (Греция), 3) корыстолюбие же замечается всего более у финикийян и египтян». Подобного рода аналогии между

² См., например: «Законы Ману» (Sacred Books of the East. Oxford, 1886, vol. XXV: I, 31)^{2*}.

³ Ibid., VI, 4^{3*}.

⁴ Ibid., VII, 25, 14^{4*}.

⁵ Ibid., II, 148, 169–170^{5*}.

свойствами тела и общества в текстах Платона встречаются многократно⁶. То же самое справедливо и по отношению к Аристотелю. В его «Политике» мы встречаем сравнения души и тела с высшими и низшими классами, контроля разума над аффектами – с господством хозяина над рабами, гармонии внутри человека – с гармонией в рамках политического организма и т. п. В известной басне Агриппы эти аналогии доведены до своего предела. В работах Цицерона, Сенеки, Флора, Тита Ливия и других римских и греческих историков неоднократно встречаются сравнения жизненного цикла человека с историческим развитием общества, которое, как и человек, проходит через детство, зрелость и старость; общество, как и человек, рождается, умирает и т. д. Иногда эти аналогии получают систематическое развитие и обретают вид теоретических построений (см. главу о циклических концепциях социального развития). Наряду с этим мы встречаем представления о «естественном происхождении» общества, его развитии в соответствии с законами природы, особенно с теми законами, которым подчинено развитие организма, о сверхиндивидуальной реальности общества и его «органическом» характере – все это было высказано⁷ многими древнеиндийскими, китайскими, греческими и римскими писателями.

История средневековой мысли показывает, что, несмотря на преобладание в ней номинализма, «под влиянием библейских аллегорий и идей, сформулированных греческими и римскими писателями, сравнение человечества и социальных групп с одушевленным телом признавалось повсеместно и всячески подчеркивалось»⁸. Можно вспомнить об органических аналогиях, проводимых разными авторами в ходе диспутов между светскими и церковными властями, о «Поликратике» (The Policraticus) Иоанна Солсберийского, сочинениях Николая Кузанского и других мыслителей Средних веков, включая даже таких философов-номиналистов, как Фома Аквинский. Затем появились теории Макиавелли, Кампанеллы, Гвиччардини и других, в которых утверждалось, что государство, так же как и человек, проходит такие стадии развития, как детство, зрелость и старость, и как организм переживает периоды расцвета и увядания⁹.

Впоследствии, несмотря на социальный физикализм теорий XVII в., а также на атомистический и индивидуалистический характер теорий XVIII столе-

⁶ *Platon. The Republic*, tr. by B. Jowett. New York, 1874, p. 435–436, 462, 557 и др.^{6*}

⁷ Обзор соответствующего материала и «органические» цитаты из Аристотеля, Цицерона, Тита Ливия, Сенеки, апостола Павла и других см. в книгах: *von Krieken A.Th. Ueber die sogenannte organische Staatstheorie*. Leipzig, 1873, S. 19–26; *Towne E.T. Die Auffassung der Gesellschaft als Organismus*. Halle, 1903, S. 15–24; *Barker E. The Political Thought of Plato and Aristotel*. New York, 1906, p. 127, 138–139, 276–281.

⁸ *von Gierke O. Political Theories of the Middle Age* (tr. by F. Maitland). Cambridge, 1900, notes, p. 103–104, 112, 122 ff.

⁹ Об этом периоде см.: *von Gierke*. Op. cit., passim; *von Krieken*. Op. cit.; *Towney*. Op. cit.; *Gumpłowicz L. Geschichte der Staatstheorien*. Innsbruck, 1926, part III; *Janet P. Histoire de la science politique*. Paris, 1887; *Dunning W. Political Theories, Ancient and Mediaeval*. New York, 1902.

тия, органические аналогии и различные органические концепции продолжали использоваться даже социальными физиками и сторонниками индивидуализма. Принципиальное различие между этими теориями и настоящим органицизмом заключается в том, что механицисты XVII в. сравнивали общество и государство с «искусственным человеком». Известное сравнение общества с человеком, предложенное Паскалем, «Левиафан» Гоббса с его подробными организмическими аналогиями и похожие сравнения, используемые Фортеस्कью, Альтузием, Г. Гроцием, Ж. Боденом и др., можно, конечно, противопоставить учению физиократов об экономической организации общества как «естественного живого организма», но все они являются образцами органического подхода, свойственного тому времени¹⁰. Конец XVIII – начало XIX в. были отмечены заметной реакцией социальной мысли, направленной против атомистического, индивидуалистического и механистического подходов предшествующего периода. Эта реакция приняла форму возрождения различных органических интерпретаций. Договорные теории общества, теории о его искусственном происхождении и теории социологического атомизма – все они утратили доверие. Их вытеснили теоретические построения де Бональда, Ж. де Местра, Э. Берка, Адама Мюллера, Гердера, Лессинга, Фихте, И. Канта, Шеллинга, Лео, Гегеля и др., в трудах которых были изложены те или иные положения органического подхода¹¹.

С тех пор три органические концепции вышеописанного типа – философская, социально-психологическая и биологическая – снова и снова выдвигались великим множеством авторов. К.Х. Краузе, Г. Аренс, Ф.Я. Шмиттнер, Г. Вайц, Ф.А. Тренделенбург, Сен-Симон, Огюст Конт, Й. фон Гёррес, К.Т. Велькер, Ф. и Т. Ромеры, К. Фольграф, Ф.Ю. Шталь и в какой-то степени Лоренц фон Штейн, А. Лассон, Отто Гирке, К.С. Захария, К. Франц, И.К. Блюнчли и, наконец, Г. Спенсер так или иначе развивали различные органические интерпретации государства, общества и социальных явлений¹². Великий прогресс биологии

¹⁰ Об этом периоде см.: *Coker F.W.* Organismic Theories of the State. New York, 1910, p. 14–16; *Dunning W.* Political Theories from Luther to Montesquieu. New York, 1913; *Janet.* Op. cit.; *Denis.* Die Physiokratische Schule und die erste Darstellung der Wirtschaftsgesellschaft als Organismus // *Zeitschrift für Wirtschaftsgeschichte.* 1897, Bd. VI.

¹¹ Об этом периоде см.: *Coker.* Op. cit., p. 16–31; *Moulinée H.* De Bonald. Paris, 1915; *de Maistre J.* Considérations sur la France; Soirées de Saint-Petersbourg (*de Maistre J.* Oeuvres complètes. Lyon, 1891–1892, vol. I–V); *Merriam C.E.* History of the Theory of Sovereignty since Rousseau. New York, 1900; *Michel H.* L'idée de l'État. Paris, 1898; *Burke E.* Reflections on the Revolution in France (*Burke E.* Works. Bohn's ed., vol. II); *Salomon G.* Die Organische Staats- und Gesellschaftslehre // *Worms R.* Die Soziologie. Karlsruhe, 1926, S. 111–124.

¹² Об этом периоде см.: *Coker.* Op. cit., p. 31–139 (здесь указаны работы других авторов и приведены ссылки на них). См. также: *Haff K.* Institutionen der Persönlichkeitslehre und des Körperschaftsrechts. 1918; *Moulinée.* Op. cit.; *Kaufmann.* Über den Begriff des Organismus in der Staatslehre des 19 Jahrhunderts. Heidelberg, 1908.

и теория эволюции во второй половине XIX в. послужили особенно сильным импульсом для развития биоорганизмических теорий в социологии.

Таким образом, мы подошли к современным биоорганизмическим интерпретациям социальных явлений. К ним теперь и обратимся.

4. Современные биоорганизмические теории в социологии

Наиболее видными представителями этого направления социологической мысли являются: П. Лилиенфельд (русский социолог немецкого происхождения, 1829–1903)¹³, А. Шеффле (немецкий профессор и государственный деятель, 1831–1903)¹⁴, Р. Вормс (французский профессор, бессменный секретарь Международного института социологии и редактор «Revue internationale de sociologies», 1869–1926)¹⁵ и Я. Новиков (русский социолог, 1849–1912)¹⁶. К этим именам можно добавить ряд других – тех, кто отстаивал те же самые биоорганизмические принципы в более умеренной форме. Одно из них – А. Фуллье (выдающийся французский философ, психолог и социолог, 1838–1912), который пытался примирить организмическую теорию и теорию общественного договора путем интерпретации общества как «договорного организма»¹⁷. Совсем недавно появился ряд работ, в которых по-прежнему отстаиваются все основные принципы биоорганизмического подхода. Такими, например, являются работы А. Ферьера¹⁸, Р. Челлена¹⁹, М. Робертса²⁰ и некоторых других²¹.

¹³ Основными работами Лилиенфельда являются: *Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft*. Mitau, 1873–1881. Bd. I–V; *La pathologie sociale*. Paris, 1896; *Zur Verteidigung der Organischen Methode in der Soziologie*. Berlin, 1898; *La méthode graphique et l'évolution des formes politiques // Annales de l'institut International de sociologie*. 1896.

¹⁴ Самой важной работой в этом отношении является книга Шеффле «*Bau und Leben des sozialen Körpers*» (1875–1876, Bd. I–II; 3rd ed., 1896).

¹⁵ К числу наиболее репрезентативных работ Вормса-организмиста относятся: *Organisme et société*. 1896; *Philosophie des sciences sociales*. Paris, 1903–1907, vol. 1–3 (2nd ed. – 1913–1920); *La sociologie, sa nature, son contenu, ses attaches*. Paris, 1921.

¹⁶ Из работ Новикова наиболее важными в этом отношении являются следующие: *Conscience et volonté sociale*. Paris, 1897; *Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives*. Paris, 1896; *La théorie organique des sociétés, défense de l'organicisme*. Paris, 1899; *La critique du Darwinisme social*. Paris, 1910.

¹⁷ Из многочисленных работ Фуллье см.: *La science sociale contemporaine*. 1880 (4th ed., Paris, 1904).

¹⁸ См.: *Ferrière A. La loi du progrès en biologie et en sociologie*. Paris, 1915; см. также его статью: *L'organisme social // Revue internationale de sociologie*. 1915, № 5–6.

¹⁹ См.: *Kjellén R. Der Staat als Lebensform*. 1917.

²⁰ См.: *Roberts M. Malignancy and Evolution*. London, 1926.

²¹ Кроме социологов биоорганизмическую теорию разрабатывали и некоторые биологи. См.: *Hertwig O. Die Lehre vom Organismus und ihre Beziehung zur Socialwissenschaft*. Berlin, 1899; *Allgemeine Biologie*. Jena, 1906.

Ввиду значительного сходства основных принципов всех этих авторов, хорошо известного содержания их теорий, а также сомнительной ценности выводов для социологической науки мы можем дать их изложение в обобщенном виде, не анализируя каждую из них в отдельности. Исходя из этого, мы можем резюмировать основные принципы этих теорий следующим образом. Во-первых, общество или социальная группа – это особый вид организма в биологическом смысле слова. Во-вторых, будучи организмом, общество по своим основным характеристикам, по своему строению и функциям похоже на организм биологический. В-третьих, как организм, общество подчинено тем же самым биологическим законам, которые управляют функциями и жизнедеятельностью биологического организма. В-четвертых, социология – это наука, которая опирается прежде всего на биологию. Таковы основные особенности биоорганизмического подхода к обществу.

«Что такое общество?» – спрашивает Спенсер и сам же отвечает: «Общество – это организм». После этого он указывает, что социальный и биологический организмы обнаруживают сходство в следующих важных отношениях: им обоим свойствен рост; в процессе роста оба претерпевают процесс дифференциации структуры и функций; составные части обоих находятся в состоянии взаимозависимости; оба они состоят из единиц (клеток и индивидов); разрушение организма или общества не всегда ведет к гибели единиц, из которых они состоят; оба имеют особые системы: поддерживающую (пищеварительную), распределительную (организм – сосудистую систему и систему кровообращения; общество – торговые артерии) и регулирующую (нервная система у организма и система правления в обществе). Однако помимо этих сходств существует три серьезных различия. Во-первых, организм симметричен, тогда как общество асимметрично; во-вторых, организм – это агрегат конкретный, а общество – дискретный; в-третьих, в организме сознание сосредоточено в нервной системе, в обществе же оно рассредоточено по всему агрегату, так что оно не обладает особым социальным сенсориумом²². В соответствии с этим планом Г. Спенсер подробно анализирует особенности, функции, системы и процессы общества.

Точка зрения П. Лилиенфельда такова: «Человеческое общество как природный организм является реальной сущностью (*ein reales Wesen*). Оно есть не что иное, как продолжение Природы, более высокое проявление тех же сил, которые лежат в основе всех природных феноменов». Представляя собой «систему взаимоотношений и взаимодействий людей», общество обладает теми же характеристиками, что и биологический организм с его функциями размножения, роста, дифференциации, болезни, смерти, регенерации, интеграции частей, срастания, целесообразности, одухотворенности, структурного совершенствования и сохра-

²² *Spencer H. The Principles of Sociology. New York, 1910, vol. I, part II; Spencer H. The Inductions of Sociology, passim и p. 447–462.*

нения или использования энергии. Этими своими особенностями биологический и социальный организмы похожи друг на друга, и ими же оба они отличаются от неорганического тела²³.

«Биологический организм – это единая масса живой субстанции, которая способна сохранять себя при определенных внешних условиях». То же самое относится и к муравейнику, и к человеческому обществу. Используя классификацию организмов М. Ферворна, Лилиенфельд указывает на пять основных классов: клетка, ткань (совокупность клеток), орган (совокупность тканей), человек (совокупность органов) и государство или общество (совокупность людей). Таким образом, общество – это всего лишь высшая форма организма. Как и организм, оно является живой единицей, поглощающей составные элементы окружающей ее среды и обладающей процессом метаболизма^{7*}. Индивиды, его составляющие, так же зависят от общества в целом, как клетка от всего организма, и так же, как организм, оно обладает нервной системой и присущими ему рефлексам. В состав общества помимо его членов входит материальная субстанция, которая соответствует «межклеточному веществу или пространству» в организме. Главным отличием между социальным и биологическим организмами является то, что общество в известном смысле менее интегрировано, чем организм²⁴. Но опять-таки в этом отношении все организмы можно разделить на три класса: растения, которые лишены способности как двигать отдельными своими частями, так и передвигаться как целое; животные, которые могут передвигаться как целое; и социальные организмы, способные передвигаться как единое целое так же хорошо, как и отдельные их части (индивиды). Таким образом, отличие состоит лишь в том, что социальный организм есть не что иное, как организм высшего класса²⁵. Некоторые возражали на это, отмечая, что в организме клетки не могут свободно двигаться, или в одно и то же время принадлежать нескольким организмам, или перемещаться из одного организма в другой, тогда как индивиды могут двигаться, принадлежать нескольким обществам и перемещаться из одного общества в другое. На эти возражения Лилиенфельд отвечает, что большая мобильность индивидов в организме означает только то, что это организм более высокого класса. В организме тоже есть блуждающие клетки, некоторые из них даже переходят от одного органа к другому (сперматозоиды). Другое возражение заключается в том, что в противоположность организму у общества не наблюдается таких фаз, как рождение и смерть. Лилиенфельд встречает это возражение указанием на то, что, как и организм, одно общество часто порождает другое и что общества могут умирать. Возражение, что обще-

²³ *Lilienfeld P. Die Menschliche Gesellschaft als realer Organismus. Mitau, 1873, Bd. I, S. 1, 34–36, 58–68.*

²⁴ *Lilienfeld P. Zur Vertidigung, S. 9–12, 15, 21 и passim.*

²⁵ *Lilienfeld P. La pathologie sociale, ch. I и p. 307 ff.*

ство отличается от организма в том смысле, что оно асимметрично, автор опровергает утверждением, что социальная иерархия – это особый вид симметрии социального тела. Возражение, что индивид обладает собственным «я» и особым интегрированным сознанием, в то время как общество ими не обладает, опровергается указанием на то, что индивидуальное сознание, или «я», тоже мозаично и что оно находится в процессе постоянного изменения, аналогичном общественному сознанию и правительственной деятельности в обществе. Другие возражения и аналогии, приписываемые организмическим теориям, Лилиенфельд считает несерьезными. Они принадлежат не самой организмической теории, а ее критикам, которые несправедливо высмеивают ее и проводят аналогии, которые ей не свойственны²⁶. Общее заключение Лилиенфельда звучит так: «*nihil est in societate quod non prius fuerit in natura*»^{8*}. Социология должна опираться на биологию и применять все ее законы для научной интерпретации социальных явлений. Без организмических принципов научная социология невозможна: «*Sociologus nemo, nisi biologus*»^{27/9*}.

Теория Шеффле более умеренна, особенно во втором издании его работы, где он даже специально подчеркивает различия между обществом и организмом, но в своей реализации – это все та же биоорганизмическая теория. Основные принципы его социологии похожи на те, что были описаны выше, так как характерной особенностью «социальной морфологии» Шеффле является разработанная им классификация пяти видов «социальных тканей», которым соответствуют аналогичные ткани в организме. Такие социальные явления, как армия, полиция, одежда, кров, убежища и крепости, – не что иное, как «защитная социальная ткань», которая соответствует наружному покрову эпидермы у животных. Разного рода технические и практические социальные устройства – это не что иное, как мышечные социальные ткани, которые соответствуют либо продольным, либо поперечным мускулам организма. Образовательные и культурные учреждения общества соответствуют нервной системе организма²⁸. Изучив ткани, он переходит к изучению социальных органов, состоящих из этих социальных тканей. С организмической точки зрения подходит Шеффле и к изучению государства.

Еще в большей степени биологический органицизм проявляется в теории Я. Новикова. Несмотря на сокрушительную критику, которой подвергли органицизм на Международном социологическом конгрессе^{10*}, Новиков, как и Лилиенфельд, до сих пор настаивает, что эта критика не выдвинула ни одного серьезного возражения против биоорганицизма как теории, утверждающей, что законы

²⁶ *Lilienfeld P. Zur Vertidigung*, S. 48–51.

²⁷ *Ibid.* S. 9, 31, 56–51; *Lilienfeld P. La pathologie sociale*, ch. I; *Lilienfeld P. Menschliche Gesellschaft*, S. 398–399.

²⁸ См.: *Schäffle A. Bau und Leben des sozialen Körpers*. 1896, Bd. I, Teil II–IV, S. 111–115 и *passim*.

биологии «в равной мере применимы и к клеткам, и к совокупностям клеток, к растениям и животным, а также к скоплениям индивидов, которые называются обществом». «Поскольку общество состоит из живых существ, оно не может быть не чем иным, как живым существом». Далее он отвечает на основные возражения, направленные против организмических теорий. В организме, так же как и в обществе, борьба происходит не только между гетерогенными телами, но и между различными частями каждого из этих тел. Разница между целостностью организма и целостностью общества относительна, поскольку наша концепция пространства крайне субъективна. Существо, которое в миллионы раз меньше человека, человеческое тело должно казаться целым континентом с океанами, морями, горами и т. д. То есть оно должно ему казаться чем-то совершенно дискретным. С другой стороны, существо, которое в миллионы раз больше человека, многие общества показались бы целостными телами. Наконец, пространственная дискретность или целостность для организма не столь важна, что важно – так это функциональное взаимодействие и взаимозависимость его частей, независимо от их пространственной близости. С этой точки зрения взаимозависимость Англии и Новой Зеландии не меньше взаимозависимости частей организма. Более того, Новиков высмеивает возражение, что члены общества могут жить автономно, в то время как нет такой «изолированной ноги», которая ходила бы и жила сама по себе. «Росток растения может быть пересажен, но человеческую голову нельзя “привить” к другому телу. Означает ли это, что человек не есть организм?» – спрашивает Новиков²⁹.

Далее он продолжает развивать свою теорию социальной воли и сознания, существующих якобы отдельно от индивидуальной воли и сознания. В противоположность другим органицистам, которые считают органом такого социального сенсориума правительство, Новиков усматривает его в социальной элите общества, в его интеллектуальной аристократии. Члены такой элиты суть «подлин-ные, чувственные клетки общества», они «подлинные зачинщики» (*le véritable moteur*) всех социальных действий. Благодаря своей способности продуцировать идеи и формировать настроения, они (как рецепторы нервной системы) передают стимул «исполнителям» (правительству и т. д.) и тем самым исполняют роль социальной нервной системы. «Каждое социальное действие происходит благодаря убеждению. Это убеждение есть воля, которая зарождается в умах элиты и передается другим умам». Таковы вкратце орган и механизм социального сознания и социального волеизъявления³⁰.

Р. Вормс в своей монографии «Общество и организм» проявил себя как крайний биоорганицист. В дальнейшем, однако, он признал массу недостатков

²⁹ *Novikow J. Conscience et volonté sociales*, p. 1–9. См. также его статью в «*Annales de l'institut international de sociologie*» (vol. IV).

³⁰ *Novikow J. Conscience et volonté sociales*, p. 43–44, 51 ff, 69–74, 97–102, 137 и *passim*.

крайних организмических теорий³¹, хотя придерживался основных принципов биоорганизмической концепции всю свою жизнь. Вормс утверждает, что по своему происхождению, структуре и функциям общество аналогично организму. Подводя итог своему анализу сходств и различий общества и организма, он пишет следующее: «Мы должны сделать вывод, что хотя и существуют бесспорные различия между обществами и организмами, но они не столь важны, чтобы разводить их в совершенно разные стороны»³².

Практически нет смысла продолжать подробный обзор характера и содержания большинства других биоорганизмических работ. Достаточно сказать, что их авторы, проводя свои аналогии, проявили настоящую изобретательность и предложили ряд чрезвычайно ярких сравнений, пытаясь выяснить даже половую принадлежность разных социальных организмов (например, Блунчли полагал, что государство – это организм мужского пола, а церковь – женского³³) и найти социальные аналогии сердцу, циркуляции крови, желудку, легким, рукам, волосам, голове и многому другому. В то же время, что касается «биоорганизмизма», то теории этой школы варьируются от крайнего биологизма до весьма умеренных, скорее даже биопсихологических интерпретаций общества, в число которых входит даже такая концепция, как, например, учение Фуллье о «договорном организме». Теперь рассмотрим вкратце, в какой степени эти теории могут быть признаны ценными с научной точки зрения³⁴.

³¹ См. по этому поводу его собственные признания: *Worms R. Philosophie des sciences sociales*. 1913, vol. I, p. 47–48; также его «*Les principes biologiques de l'évolution sociale*». Paris, 1910.

³² *Worms R. Philosophie des sciences sociales*, p. 55. См. ch. III.

³³ См.: *Bluntschli J.K. Lehre vom modernen Staat*. Stuttgart. 1875, Bd. I, S. 23; *Bluntschli J.K. Gesammelte kleine Schriften*. Nordlingen. 1879, S. 284. Вообще говоря, работа Блунчли – наверное, один из наиболее логичных и ярких образцов биоорганизмических теорий.

³⁴ Ввиду того, что существует огромное количество литературы, посвященной критике биоорганизмических теорий, нет необходимости давать здесь ее более подробный критический разбор. Из этой литературы см. «*Annales de l'institut International de sociologie*» (vol. IV), где напечатаны статьи Лиленфельда и Новикова, поддерживающих биоорганизмические теории, и статьи Г. Тарда, Л. Штейна и других критиков биоорганизмизма. См. также указанные выше статьи Кокера, Саломона и др. В дополнение к ним см.: *Giddings F. Principles of Sociology*. New York, 1896, book IV, ch. IV; *Barth P.* Op. cit., p. 306–424; *Duprat. Science sociale et démocratie*. 1900, p. 59, 68 ff.; *Haff K. Kritik der Genossenschaftstheorie // Jahrbuch für Soziologie*, Bd. II, S. 277–299; *Barnes H.E. Representative Biological Theories of Society // Sociological Review*. 1925, vol. XVIII; *Litt Th. Individuum und Gemeinschaft*. 1924; *Gumpłowicz L. Geschichte der Staatstheorien*, S. 396–398; *Willoughby. The Nature of the State*. New York, 1896, p. 32–38; *Leroy-Beaulieu. L'état moderne et ses fonctions*. Paris, 1890, book I, ch. IV; *Kistiakowski Th. Gesellschaft und Einzelwesen*. Berlin, 1899; *Steinmetz R. Die organische sozialphilosophie // Zeitschrift für Sozialwissenschaft*. 1898; *Small A., Vincent. Introduction to the Study of Society*. 1894; *Patten S. The Failure of Biological Sociology // Annales of the American Academy of Political and Social Sciences*. 1896, vol. IV; *Михайловский Н.К. Что такое прогресс?*; *Михайловский Н.К. Дарвинизм и социальные науки*; *Михайловский Н.К. Аналогический метод в социальных науках* (Сочинения, т. 1); *Кареев Н.И. Введение в изучение социологии*. СПб., 1907, гл. IV.

5. Критика

В биоорганизмических теориях мы должны четко различать два разных класса утверждений. Первый класс состоит из утверждений, что социология должна опираться на биологию, что основные принципы биологии должны приниматься во внимание при интерпретации социальных явлений, что человеческое общество не абсолютно искусственное построение и что оно представляет собой разновидность живого организма, отличающегося от простой суммы разрозненных индивидов. Эти утверждения не вызывают сомнений. Они вполне достоверны. Более того, с ними согласны представители не только биоорганизмической школы, но и многих других социологических школ. В этом смысле они не являются монополией биоорганизмических теорий или их специфической особенностью.

Совершенно иным должно быть наше заключение относительно второй группы биоорганизмических концепций. Эта группа состоит из выводов, вытекающих из вышеуказанных общих принципов. Поскольку биологические законы применимы к человеческим существам, приверженцы школы делают вывод, что и все человеческое общество есть организм. Поскольку человеческое общество, как и любой организм, состоит из живых индивидов, они полагают, что общество по своей структуре, органам и функциям должно быть аналогично организму. Отсюда вытекают аналогии школы. Эти предположения составляют их специфику, и этим рассматриваемая нами школа отличается от многих других, которые разделяют утверждения упомянутого выше первого класса, но отказываются принять выводы второго. Правда, социологи, придерживающиеся биоорганизмизма, сталкиваясь с резкой критикой, не раз подчеркивали то обстоятельство, что их организмические аналогии не составляют существенную часть их теоретических построений, будучи фактически не чем иным, как иллюстрацией их принципов, всего лишь *façon de parler*^{11*} и не более того³⁵. И все-таки, вопре-

³⁵ Например, Г. Спенсер особенно резко возражал против интерпретации его аналогий не в качестве «иллюстраций», а в каком-то другом смысле. «Я использовал детально разработанные аналогии, но лишь как трамплин, т. е. в качестве вспомогательного средства при построении последовательной системы социологических индукций. Теперь отбросим этот параллелизм между индивидуальной и социальной организациями, на который мы ссылались. Теперь давайте уберем этот трамплин: индукции останутся сами по себе...» «Это страстное отрицание веры в то, что существуют какие-то особые аналогии между социальным и человеческим организмами – оно-то и побудило меня их использовать» (в связи с недооценкой концепции Спенсера). См.: *Spencer H. The Principles of Sociology. New York, 1910, vol. I, p. 270 и 592* (подстрочное примечание). См. также р. 214–223. Даже такой радикальный органицист, как П. Лилиенфельд, не менее истово возражает против разного рода комичных аналогий и их несправедливой интерпретации. См.: *Lilienfeld P. Zur Verteidigung der organischen Methode in Soziologie. Berlin, 1898. S. 22–28*; то же самое относится и к Я. Новикову. См.: *Novikow J. Conscience et volonté sociale. Paris, 1897*; на стр. 9 он пишет: «Конечно, социальные организмы совершенно отличаются от биологических. Не существует никакого морфологического сходства между ними. Это ребячество – пытаться установить какое-либо сходство

ки этим декларациям, сторонники школы снова и снова продолжали проводить подобного рода аналогии, заполняя ими сотни страниц своих работ и используя их как основной аргумент в пользу своих взглядов. Так что если из этих теорий убрать все аналогии и отождествление общества с организмом, то от них мало что останется. Их оригинальность и своеобразный характер исчезнут, а вместе с ними исчезнет и сама школа. В таком случае она растворится среди большого количества других теорий, которые так или иначе признают первую группу утверждений. По этим причинам вторую группу утверждений следует рассматривать как «*differentia specifica*»^{12*} биоорганизмических теорий. От этих принципов зависит ее жизнь или смерть. Если они истинны, то школа останется, если они ложны – школа исчезнет.

Легко показать ошибочность этих принципов. Поскольку человек является организмом, к нему применимы законы биологии, но из этого вовсе не следует, что человеческое общество есть биологический организм. Правила арифметического сложения или умножения в равной мере применяются при подсчете и людей, и скота, и камней, и многого другого. Следует ли из этого, что человек – это корова, что корова – это камень или что все эти объекты идентичны? Законы механики и химии в равной мере применимы и к человеку, и к камню, и к растению. Следует ли из этого, что и человек, и камень, и растение – это одно и то же? Точно так же из предположения, что законы биологии применимы к человеку, совсем не следует, что человек – это корова или растение, и еще меньше оснований заключать, что человеческое общество есть организм. Другими словами, применимость некоторых правил или формул единообразия (законов) к разным объектам не означает тождества природы этих объектов.

Можно согласиться и с тем, что человеческое общество состоит из живой субстанции, т. е. из человеческих существ. Но ошибочно из этого делать вывод, что человеческие общества являются не чем иным, как биологическими организмами. В конечном счете и камень, и животное, и растение, и человек состоят из атомов и электронов. Но означает ли это, что камни, растения, животные и люди тождественны и что они могут считаться идентичными по своей структуре, органам или функциям или что их состав и деятельность можно объяснить на основании одних и тех же принципов? Можно согласиться с тем, что человеческое общество представляет собой некое единство, члены которого зависят друг от друга. Но, однако, ошибочно заключать из этого, что человеческое общество есть организм по той лишь причине, что и организм тоже является своеобразным единством. Солнечная система, автомобиль, растение, животное, река и чело-

подобного рода». А. Шеффле во втором издании своей книги «*Bau und Leben des Sozialen Körpers*» (1881, S. VIII) убрал аналогии, которые были в первом издании, чтобы избежать их неправильного толкования. То же самое сделал и Р. Вормс. См.: *Worms R. Philosophie des sciences sociales*. Paris, 1913. Vol. I, pp. 47–52; *Worms R. Die Soziologie*. 1926, S. 37. Сказанное вполне относится и к другим выдающимся органицистам в социологии.

век – все они представляют собой своеобразные единства со взаимозависимыми частями. Следует ли из этого, что человеческое общество – это то же самое единство, что и солнечная система, машина и растение, река, или что все эти объекты идентичны?

Как единство человеческое общество может распасться на составные части, человек может умереть, камень может развалиться на куски, река может пересохнуть. Во всех этих случаях каждое из этих единств исчезает. Можно ли из этого заключить, что разные процессы распада каждого из единств одинаковы и что по этой причине соответствующие явления (объекты) тоже идентичны? Очевидно, что нет. Между тем биоорганизмические аналогии сходства процессов, происходящих в организме и обществе (ведь и в организме, и в обществе можно наблюдать одни и те же явления: рост, болезнь, увеличение, дифференциацию и т. д.), представляют собой именно такие соображения и выводы. Если какому-нибудь логике понадобится привести яркий пример ошибочного вывода, сделанного по аналогии, то он вряд ли найдет лучший, чем биоорганизмические методы. Вышеизложенного достаточно для выяснения их «органической» ошибки. Нет необходимости детализировать критику их органических аналогий. Их слабость высмеивали и критиковали более чем достаточно. Нет нужды повторять эти вполне обоснованные возражения.

Однако одно обстоятельство следует упомянуть. Имеются в виду практические выводы, которые делали разные биоорганизмисты из своих предпосылок. Одни из них использовали свои аналогии в качестве аргумента в пользу монархии, административной централизации, абсолютизма или социализма как формы наивысшей интеграции социального организма (например, Блюнчли). Другие, например Спенсер, использовали аналогии в пользу децентрализации, индивидуализма, либерализма и ограничения правительственного вмешательства. Все это свидетельствует в первую очередь о неопределенности логического содержания этих биоорганизмических принципов, которые, будучи одними и теми же, позволяют разным людям делать противоположные выводы. Это также демонстрирует ненаучность данных «прикладных» выводов. По своей сути они представляют собой не что иное, как паретовские «деривации», «идеологии», которые стремятся не столько описать реальность такой, какова она есть, сколько обеспечить «оправдание», «приукрашивание» или «мотивацию» разного рода «аппетитов», «стремлений» и «желаний» («остатков») их авторов. Будучи таковыми, все эти выводы не носят ни научного, ни ненаучного характера, а являются внаучными и находятся за пределами науки³⁶.

³⁶ Современный вариант такого рода идеологий предстает в виде разных учений о солидарности, начиная с «договорного организма» Фуллье и заканчивая «солидарностью» Л. Буржуа, «универсализмом» О. Шпанна, «*Lebens einheit*»^{13*} Т. Литта, националистическим «патриотизмом», социалистическим «коллективизмом», идеологиями монархического движения в католицизме, представленными «*L'action française*»^{14*}, фашистскими теориями

Что касается практической ценности биоорганизмических аналогий, то они могут иметь некоторое «педагогическое» значение, поскольку обеспечивают «конкретными образами», помогающими наглядно представить абстрактную и сложную «структуру» социальной системы, но эта ценность носит ограниченный характер. Кроме того, научная ценность аналогий, даже если отвлечься от злоупотреблений ими, резко снижается по причине их научной несостоятельности. Поэтому тот суровый приговор, который вынес Г. Тард биоорганизмическим теориям, представляется, в сущности, правильным.

синдикализма и т. д. Все эти «идеологии» основаны на «органической» концепции общества, будь то в философской, социально-психологической или биоорганизмической формах. Из теоретических предпосылок органических доктрин каждая из этих идеологий выводит свою прикладную политическую программу, а также ряд положений практического социального, политического и нравственного свойства. На вопрос «Что делать?» каждое из этих идеологических движений отвечает в соответствии со вкусами, желаниями и склонностями их сторонников и авторов. Но при этом каждое из них пытается «обосновать», «оправдать» или же «доказать» свою практическую программу с помощью органических принципов. После всего вышеизложенного должно быть понятно, что все эти разнообразные «идеологии» суть не что иное, как паретовские «деривации», и все они ненаучны, что не мешает им быть социально полезными или вредными, потому что научная истина и социальная полезность или вредность – разные категории и далеко не всегда они совпадают друг с другом. Образцы этих «идеологий» представлены в следующих работах: *Maurras Ch. Romanticisme et révolutions. Paris, 1912; Delafosse J. Théorie de l'ordre. 1901; Cottin P. Positivismisme et anarchy. 1908.* Эти «идеологии» представляют «монархические, клерикальные или традиционалистские стремления», выразителями которых является группа «L'action française». Одной из ее разновидностей является идеология фашизма. См. также цитированную работу Мулине, в которой хорошо показана связь этой идеологии с различными органистическими доктринами. Группа «гуманистических», «либеральных», «позитивистских» и несколько «розоватых» «идеологий» солидарности, тоже опирающихся на органические предпосылки, хорошо представлена «договорным организмом» Фуллье (напоминающим что-то вроде «деревянного железа») в его уже упоминавшейся работе и в его «La propriété sociale et démocratie» (1884) и «Éléments sociologiques des la morale» (1905), а также работами: *Bourgeois L. La solidarité. 1897; Bourgeois L. Essai d'une philosophie de la solidarité. 1902; Bouglé C. Le solidarisme. 1907; Hauriou M. La science sociale traditionnelle; Gide Ch. Essai d'une philosophie de la solidarité. 1902.* В Америке соответствующие «практические идеологии» находят себе прибежище в «психоорганических» социологических трактатах и во многих учебниках по социологии и общественным наукам, которые «проповедуют» доктрину солидарности с помощью «органических» – главным образом психоорганических – концепций. Соответствующие синдикалистские, коммунистические и социалистические идеологии солидарности, также основанные на различных органических концепциях, можно в изобилии найти в трудах К. Маркса и марксистов-социалистов, в работах «гуманистических социалистов», таких как фабианцы в Англии^{15*}, и в журналистских работах таких авторов, как Г.Дж. Уэллс, и подобных ему «идеологов»; другие можно найти в работах идеологов революционного синдикализма, таких как Лагардель, Сорель, Гриффюэльс, Берг и т. д. Наконец, в качестве яркого примера этих «прикладных доктрин», основанных на органических концепциях общества, следует упомянуть и идеологии современного «гильдейского социализма»^{16*}. Все эти теории в большинстве своем не являются ни научными, ни ненаучными, а носят характер венаучных идеологий, лежащих за пределами науки. Это утверждение относится ко всем подобного рода идеологиям, независимо от того, основаны ли они на «философском», «биоорганизмическом» или «социально-психологическом» органицизме.

«Концепция социального организма принесла кое-какую пользу только натуралистам, которым она подсказала идею теории клеток, физического разделения труда и другие явные и важные идеи. Но если для биологии “социологизация” оказывается полезной, то “биологизация” социологии наносит последней вред... Биоорганизмизм не только ошибочен, но и опасен. Я не замечаю его ценности, но прекрасно вижу заблуждения, которые он поддерживает. Ошибкой являются создание социологической онтологии, построение различных метафизических сущностей, подменяющих реальные вещи, или постоянное использование терминов, таких как “социальный принцип”, “душа толпы” и других туманных понятий биологической метафизики; все это, возможно, наихудший вариант из всех возможных вариантов метафизики»³⁷.

Действительно, все эти аналогии и сравнения дали мало чего ценного (если вообще что-нибудь дали) для понимания социальных явлений. Они не открыли ни одной новой корреляции, ни одного нового закона, не вывели ни одной новой формулы фактического отношения между различными элементами социальной системы. По этим причинам мы должны отказаться – в данном отношении – следовать биоорганизмической школе. Отвергая эту часть биоорганизмизма, мы принимаем от него ряд утверждений первого типа, о которых упоминалось выше. Как уже отмечалось, они, по всей видимости, вполне достоверны, но они не являются монополией этой школы. Можно сказать, что общество представляет собой своеобразную систему или своеобразное единство, но оно не тождественно единству организма³⁸. Мы можем сказать, что социальная группа – это

³⁷ Tarde G. La théorie organique des sociétés // Annales institut international de sociologie, vol. IV, p. 238–239. И Дюпра не без оснований замечает по поводу биоорганизмических теорий: «Mentalisez d'abord un organisme; remplacez la cellule purement biologique, qui n'est qu'une abstraction, par une synthèse d'atomes psychiques ou de monades; superposez à la vie la conscience; puis socialisez ce que vous venez de mentaliser ainsi; donnez à chaque élément psycho-physiologique une tendance à la vie en commun, à l'association, donnez à l'agrégat un gouvernement, une sorte de monarchie avec l'âme, dont la sensibilité, l'intelligence, la volonté seront les ministres... Qu'y aura donc gagné la science? Ne resultera-t-il pas une plus grande obscurité encore de ces analogies parfois forcées?» (Duprat G.L. Op. cit., p. 59, 68–69)^{17*}.

³⁸ Называем ли мы единство социальной системы «механическим», «органическим» или «физическим», это вопрос терминологии и само по себе не столь уж важно. Что важно, так это то, как мы описываем ее характеристики и функциональные отношения, которые мы можем обнаружить среди различных компонентов социальной системы, а также между социальной системой и окружающей ее средой. С этой функциональной точки зрения единственно важным является точность описания свойств и компонентов социальной системы, их функционального взаимоотношения и закономерностей. Если эта задача выполнена правильно, то прилагательные «механический», «органический» и «физический» мало что добавляют к нашим знаниям о социальных явлениях. Если эта задача не выполнена вообще, то перечисленные прилагательные будут, скорее всего, бесполезными и сбивающими с толку. В таком случае они могут дать лишь чисто поверхностные терминологические знания о явлениях, а из-за туманного смысла таких слов, как «механический», «органический» и т. д., приведут, скорее всего, к появлению целого ряда ложных понятий, не говоря уже

реальность *sui generis*^{18*}, отличающаяся от ее членов, взятых в изоляции друг от друга. Но общество не существует независимо, и мы не должны забывать о реальности взаимодействующих индивидов, которые составляют данную социальную систему. Можно сказать, что законы биологии следует учитывать при интерпретации социальных явлений, но это не означает, что социальная система есть биологический организм. Можно согласиться с тем, что социальная система не всецело образуется и контролируется внешними силами, но то же самое относится и к любому единству – «механическому», «органическому» или «социальному». Можно согласиться с тем, что общество – это не искусственная система, сознательно созданная человеком, но то же самое можно сказать и о солнечной системе, и об организмах, и о значительной части других «механических», «органических» и «психических» единств, которые возникли спонтанно. Верно, что социальные институты являются плодом многих усилий и длинного ряда проб и ошибок и не должны считаться чем-то чисто «случайным», что можно легко и сразу же изменить; но опять-таки это относится и к великому множеству других несоциальных единств.

Рассмотрев характерные особенности биоорганизмической школы, вернемся к некоторым специальным теориям, которые прямо или косвенно связаны с этой школой и которые пытаются применить ее основные принципы для объяснения целого ряда важных социальных явлений. Среди таких теорий наиболее значимы те, которые пытаются интерпретировать явления социальной дифференциации, социальной адаптации и борьбы за существование. Приступим к их рассмотрению.

6. Биологическая и социальная дифференциация

Г. Спенсер, Карл Бэр, Эрнст Геккель и другие биологи указали на то, что совершенство организма непосредственно связано со степенью его сложности, дифференциации и интеграции. Чем больше дифференциация между органами и морфологической структурой организма, чем значительнее разделение фун-

о бесконечной бесплодной полемике, порожденной этой неясностью смысла слов. По этой причине я полагаю, что научное изучение явлений должно концентрироваться на указанном выше фактологическом анализе и описании социальной системы, а не уделять так много внимания чисто словесным играм при использовании терминов «механический», «органический», «психо-социальный», «атомистический», «универсальный» и т. п. К сожалению, многие социологи занимаются в основном именно этими словесными играми. Даже в сравнительно недавних социологических исследованиях О. Шпанна, Т. Литта, К. Бринкмана, А. Фиркандта, К. Брейзига, В. Зауэра и других ученых слишком много места уделяется «словесной игре» и слишком мало – фактологическому анализу явлений и их функциональным отношениям. На мой взгляд, это – наследие философской стадии развития социологии, которую следует оставить в прошлом, и чем скорее, тем лучше.

кций между органами, вызывающее гораздо более тесную интеграцию его частей с соответствующей утратой ими своей автономии, тем более высокое место занимает организм на эволюционной «лестнице жизни», тем дальше он продвинулся в своей эволюции. Таков биологический критерий степени совершенства организма, который предлагает формула эволюции или прогресса Спенсера и который мы находим в классификации организмов Бэра и Геккеля³⁹. Эта формула, как того и следовало ожидать, породила целый ряд социологических теорий, пытавшихся ответить на вопрос, может или не может она применяться к обществу. Если общество – это биологический организм, то формула должна к нему применяться. В этом случае чем больше общество дифференцировано и интегрировано, чем оно более централизовано, чем меньшей свободой обладают составляющие его индивиды и выше уровень разделения социального труда, тем более совершенным, прогрессивным и развитым должно оно быть, и *vice versa*^{19*}. Такие выводы в скрытом или явном виде, в жесткой или мягкой форме действительно были сделаны, особенно в отношении социальной дифференциации и интеграции как критериев социального прогресса. Примеры таких выводов можно найти в трудах Г. Спенсера и в тех работах «психосоциального» органициста Дюркгейма, в которых содержится много и других теорий. В предлагаемой этими авторами классификации социальных типов и их места в эволюционном ряду, в их формуле прогресса и оценки социального разделения труда практически не содержится ничего, кроме как применения к обществу указанного выше критерия степени совершенства организма. По их мнению, социальная эволюция и прогресс заключаются главным образом в росте социальной дифференциации и интеграции, увеличении степени социального разделения труда и переходе из состояния «неопределенной, несвязной однородности к согласованной и определенной разнородности»⁴⁰.

³⁹ Спенсеровскую формулу эволюции и прогресса см. в: *Spencer H. First Principles*. New York, 1895, p. 396; о ее приложении к социальным явлениям см. в его статье о прогрессе и в «Основаниях социологии» (т. I, ч. 2, гл. X–XII). См. также: *Haeckel E. Prinzipien der Generellen Morphologie*. 1906, S. 106–108.

⁴⁰ См. указанную главу работы Г. Спенсера. См.: *Durkheim E. Les regles de la methode sociologiques*. Paris, 1904 (страницы, посвященные описанию социальной морфологии и классификации социальных типов); см. также: *Durkheim E. De la division du travail social*. Paris, 1893, *passim*. О социологии Дюркгейма см. главу «Социологическая школа» в настоящей книге. Необходимо отметить, однако, что в других местах своих работ, особенно там, где излагается концепция военного и индустриального типов общества, подвергаются критике социализм, вмешательство правительства и «государственное рабство», Спенсер, как и многие другие социальные мыслители, радикально меняет свою позицию и практически отказывается от своей формулы эволюции, а также от своей биоорганизмической теории. Если формула прогресса и эволюции достоверна и если общество есть организм, то чем выше степень централизации, государственного регулирования и общественного разделения труда, пусть даже степень автономии личности будет меньше, тем более совершенным и прогрессивным должно быть общество. Именно это и утверждает Спенсер в ряде своих работ (см. первый

Со стороны «индивидуалистов» такого рода выводы, равно как и выводы политического и практического характера, естественно, вызвали ожесточенную критику. Лучшие образцы этой критики представлены в работах А. Лаланда, Н.К. Михайловского, Л. Винярского, Ж. Паланта, Г. Гарда, П. Лаврова⁴¹, Н. Кареева, если ограничиться упоминанием лишь некоторых имен.

Прежде всего, эти авторы, и среди них особенно Н.К. Михайловский и А. Лаланд, показали, что такие термины, как «более совершенный» и «менее совершенный», неприменимы по отношению к организмам по той причине, что это оценочные суждения не могут употребляться объективной наукой, каковой является биология. Биология может классифицировать и описывать виды и характерные особенности организмов, она может устанавливать их генеалогию, но не может оценивать и ранжировать их как «более или менее совершенные». Такая оценка будет не чем иным, как проявлением антропоморфизма и привнесением в биологию субъективного понятия совершенства. Во-вторых, эти авторы указали, что спенсеровская трактовка объективного учения об эволюции (неустойчивости однородного) неправомерна, поскольку неустойчивым является не однородное, а, наоборот, разнородное. В-третьих, они указали, что с точки зрения жизнеспособности и неистребимости самыми жизнестойкими и поистине бессмертными являются не дифференцированные и сложные организмы, а простейшие. В противоположность хрупким и смертным сложным организмам, они неистребимы, наиболее жизнестойки, вечны и бессмертны. Это, по мнению названных авторов, свидетельствует о субъективности предлагаемого критерия биологического совершенства. В-четвертых, они указали на то, что общество – это не биологический организм, следовательно, если бы биологическая формула совершенства даже и оказалась вполне достоверной, она все равно

том «Principles of Sociology», статью «Progress» и «First Principles»). Но, когда он начинает обсуждать указанные выше проблемы, он совершенно нелогично меняет свою позицию и развивает теории, прямо противоположные основным принципам его биоорганизмической теории и формуле эволюции и прогресса. Такую же противоречивость можно обнаружить и у Дюркгейма. Я не упоминаю здесь о целом ряде гораздо более крайних политических выводов, вытекающих из указанных выше биологических критериев совершенства организма, которые с помощью этих критериев пытаются оправдать политический абсолютизм, централизацию, кастовую систему и т. д. Работы биоорганицистов прошлого и упомянутых современных политических идеологов (Моррасса, Делафосса, Коттена, идеологов фашизма, синдикализма, социализма и коммунизма) содержат множество аналогичных выводов и «оправданий». В них тоже немало противоречий между основополагающими принципами и «идеологиями» их авторов.

⁴¹ См.: *Lalande A. La dissolution opposée à l'évolutions dans les sciences physiques et morales.* Paris, 1899; *Palante G. Combat pour l'individu.* Paris, 1904; *Palante G. Antinomies entre l'individu et société.* Paris, 1913; *Winiarsky L. Essai d'une nouvelle interprétation de phénomènes sociologiques // Revue socialiste.* 1896; *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс; Дарвинизм и общественная наука; Борьба за индивидуальность (Собрание сочинений. СПб., 1896). О социологических теориях Михайловского, Кареева и Лаврова см.: *Hecker J. Russian Sociology.* New York, 1916, p. 85–204.

не могла бы применяться к обществу. В-пятых, они подчеркнули, что и само применение формулы эволюции к обществу, осуществленное Спенсером, тоже неверно. Собственно говоря, она должна была бы применяться не к обществу, а к индивиду. В таком случае это означало бы, что чем более дифференцированы органы и функции индивида, чем выше степень разделения труда между его органами, тем он более совершенен, тем многостороннее он как личность. Таковы характерные особенности гениальных людей, таковы свойства действительно Великого Человека и таковы совершенно необходимые условия человеческого счастья и прогресса всего человечества. Следовательно, наиболее совершенное общество – то, которое предоставляет наибольшие возможности для реализации этого индивидуалистического идеала. Теории же Спенсера, Дюркгейма и других органицистов о дифференциации и интеграции в обществе не оставляют ни малейшего шанса для развития личности. Если общество прогрессирует в плане своей дифференциации и интеграции, то «что в это время делается с личностью реальной – с членом общества? Испытывает ли он на себе то же по типу органического прогресса?» – задается вопросом Михайловский и отвечает: «Нет, не испытывает».

«По мере того, как общество становится все более и более дифференцированным и разнородным, индивид – член общества – претерпевает трансформацию противоположного свойства: он становится все более и более односторонним, однородным, узко мыслящим и ограниченным. Такой “прогресс” общества, как правило, превращает индивида в “простой палец от ноги”^{20*} общественного организма. Понятно, что такой прогресс для индивида означает регресс. Если мы имеем в виду только эту сторону дела, то общество – злейший враг человека, ибо оно стремится превратить индивида всего лишь в один из своих органов».

С этой точки зрения то, что Спенсер и Дюркгейм считают социальным прогрессом (возрастанием социальной дифференциации), следовало бы назвать скорее социальным регрессом.

«В однородной массе первобытного общества неделимые [индивиды] были вполне разнородны... Они были полными носителями современной им культуры, они были многосторонними личностями. С переходом общества от однородного и простого к разнородному и сложному началось нарушение целостности отдельных личностей и переход их от разнородного к однородному»⁴².

Таким образом, если формула совершенства и применима, то в отношении индивида, но не общества. Будучи примененной к индивиду, она дает совершенно другую оценку недифференцированного и дифференцированного общества, разделения труда, специализации и т. д., нежели та, какую дают Спенсер, Дюркгейм и другие био- и психосоциальные органицисты.

⁴² Михайловский Н.К. Собрание сочинений. СПб., 1896, т. 1, с. 29–31, 149–151, 461–463, 573 и *passim*; Winiarsky L. *Op. cit.*, p. 309–310, 312 ff; см. также упомянутые работы Паланта, Лаланда и других.

Таковы в кратком изложении два основных течения социологической мысли, с помощью или под влиянием которых возникла формула совершенствования организма в ее применении к явлениям социальной дифференциации.

7. Критические замечания

Вышеприведенная критика биоорганизмической школы делает ненужным подробный разбор применения закона физиологической дифференциации к обществу. Поскольку мы признали ошибочный характер принципов биоорганизмической школы и невозможность отождествления общества с организмами, то отсюда следует, что формула биологического совершенствования организма не может переноситься в социологию и применяться к обществу. Если бы эта формула вообще была применима к этой сфере, то ее следовало бы применять скорее к индивидам, нежели к группе. В этом отношении Михайловский, Винярский и другие критики рассматриваемой нами теории, по-видимому, правы. К тому же, как отметили некоторые из них, категория «более совершенного» и «менее совершенного» организма является субъективной оценкой, а не констатацией факта. По этой причине эти и другие термины, такие как «высшие и низшие» организмы, в сфере биологии вообще неправомерны. Точно так же недопустимо толкование понятия «эволюция» в смысле оценки, поскольку оно является «бесцветным» и означает только развитие явления во времени (и пространстве), независимо от того, проявляет оно тенденцию к улучшению или ухудшению. Неправомерным с научной точки зрения является и понятие «прогресс», поскольку это термин оценочный и предполагает конечную цель развития. По этой причине отождествление этих двух терминов, которое допускают Спенсер и другие представители рассматриваемого нами направления, следует признать ошибочным. Даже если социальная эволюция действительно состоит из всевозрастающей дифференциации и интеграции, то это еще не значит, что подобного рода процесс непременно является прогрессом⁴³. Большая часть уже приведенных нами возражений в адрес органицистов указывает на другие слабые места обсуждаемой нами аналогии. Строго говоря, она представляет собой не что иное, как «идеологию», сторонники которой используют некоторые данные, заимствованные из биологии, для оправдания своих субъективных стремлений. Как таковые все подобного рода «идеологии» находятся за пределами науки, и чем меньше их окажется в сфере социологии, тем лучше будет для науки.

⁴³ См.: *Сорокин П.А.* Категория «должного» и ее применимость к изучению социальных явлений // *Юридический вестник.* 1917, кн. 17; *Сорокин П.А.* Обзор теорий и основных проблем прогресса // *Новые идеи в социологии.* СПб., 1914, сб. 3; *Сорокин П.А.* Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть (Введение в книгу «Преступление и кара, подвиг и награда». СПб., 1914).

Глава V

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА, ШКОЛА ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

В главе, посвященной этой школе, я намерен рассмотреть основные теории, придающие факторам расы, наследственности и отбора исключительное значение в определении особенностей человеческого поведения, социальных процессов, организации и исторической судьбы социальной системы. Эти теории образуют вторую ветвь биологической школы социологии.

1. Предшественники

Факторы расового происхождения, отбора и наследственности были известны еще в древности. В «Священных книгах Востока» мы находим множество высказываний, подчеркивающих их роль. В обычаях древних обществ «крови», «расе» и «отбору» придавалось особое значение, определяющее социальный статус как индивидов, так и групп. Древняя социальная стратификация на касты и сословия, аристократию и рабов, плебеев и патрициев, а также благородных и простолюдинов опиралась главным образом на «кровь» и «расу». Соответственно древние общества очень широко практиковали то, что сейчас называют «евгеникой». Ниже приведены лишь немногие из массы примеров, найденных в литературных источниках этих обществ.

В «Священных книгах Индии» мы находим теории о том, что касты были созданы из разных частей тела Брахмы и что они по природе различны; следовательно, любое смешение крови, брак или даже любой контакт представителей разных рас есть величайшее преступление, а социальный статус каждого индивида целиком определен «кровью» его родителей. Существует также огромное множество чисто евгенических предписаний, нацеленных на то, чтобы поддерживать чистоту крови, содействовать производству на свет лучших элементов населения и контролировать рождение нездоровых¹. Другими словами, евгеника была хорошо известна и широко практиковалась в древних обществах.

¹ См.: Законы Ману, гл. I, II, III, IV; Апастамба, прашна I, II; Гаутама, гл. X; Нарада, XII; Постановления Вишну, II, III (The Sacred Books of the East).

«Дважды рожденные мужчины (из высших каст), берущие по глупости в жены низкородженных женщин, вскоре низводят семьи и своих детей к положению шудры». «Тот, кто берет в жены шудру, становится парием» (всякий контакт с которым становится невозможным). «Брахман, который берет жену, принадлежащую к шудрам, в свою постель, будет (после смерти) низвержен в ад; если его сын порожден ею, он потеряет звание брахмана» (автоматически будет исключен из высшей касты). Души умерших и боги отвратятся от подношений этого человека. «Для того, кто пьет влагу с губ шудры, кто заражен ее дыханием и чей сын – ее порождение, не предусмотрено никакого искупления» (такой грех не может быть прощен). Далее, согласно предписаниям, следует избегать брака с женщиной из семьи, где не родилось ни одного ребенка мужского пола, где есть больные геморроем, чахоткой, эпилепсией, проказой, страдающие от расстройства пищеварения; когда у девушки красные глаза и т. д.² Это – небольшая часть из множества евгенических предписаний, в давние времена практиковавшихся в древней Индии.

В Библии мы также находим множество эндогамных правил, нацеленных на сохранение чистоты крови и расы среди евреев.

«Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне»³.

«Чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их [не евреев] и не брали дочерей их за сыновей своих и за себя»⁴.

Нарушение этого правила именуется в книге Ездры смещением семени «святого с народами иноплеменными», что строго запрещается⁵.

В «Одиссее» и «Илиаде» также есть множество мест, подчеркивающих важность чистоты крови:

Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низших родятся⁶.

Таковы слова, адресованные чужестранцам исключительно на основании их внешности. Что касается великих мыслителей Греции, таких как Платон и Аристотель, то они совершенно ясно понимали природное неравенство людей и, следовательно, рас. Стражи Платона должны были отбираться из числа мужчин, от рождения подходящих для этого сословия, в то время как другие

² Законы Ману, II, 6–42. См. другие указанные священные книги Индии!^{*}

³ Второзаконие, XXXIII, 2.

⁴ Книга Неемии, XIII, 25, а также XIII, 3, где сказано, что «они отделили все иноплеменное от Израиля».

⁵ Книга Ездры, IX, 2. См. также Второзаконие, VII, 3; Исход, XXXIV, 16.

⁶ Одиссея, IV, 60. Ср. I, 222, 411; Илиада, XIV, 126^{2*}.

сословия составляли люди, соответствующие своему более низкому социальному положению⁷. Аристотель подчеркивает факт, что есть прирожденные рабы и прирожденные хозяева⁸. То же самое можно сказать об огромном множестве античных мыслителей. Везде факторы «крови», «расовой принадлежности», «наследственности» и «отбора» были известны, принимались во внимание и использовались на практике в разных необходимых формах.

С того времени и до XIX в. только некоторые известные социальные мыслители так или иначе не затрагивали этих проблем. «На протяжении всей истории политической мысли мы видели, как различия в происхождении преподносились в качестве причин и достаточных объяснений неравенства в установлениях и власти»⁹. В конце XVIII – начале XIX в. ряд психологов, историков и социальных мыслителей: Уильям Джонс, Ф. Шлегель, Т. Юнг, И.Г. Роде, Ю.Г. Клапрот, А. Кун, Я. Гримм, А.Ф. Потт, Ф. Мюллер и многие другие – положили начало учению об арийской, а затем о тевтонской и нордической расах. Хотя некоторые из них понимали, что арийцы – лингвистическая группа, тем не менее они часто смешивали арийский народ с арийской расой и, таким образом, способствовали появлению чисто расовой интерпретации истории. Наиболее известной и влиятельной среди подобных теорий оказалась расовая теория Гобино. Его работу можно считать краеугольным камнем многочисленных отталкивавшихся от нее подобных теорий¹⁰. Среди сравнительно недавних теорий, составляющих

⁷ Платон. Государство (tr. by Jowett, New York, 1874, p. 191–198).

⁸ «[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться парно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину, и рабу полезно одно и то же». Вследствие той же природной, или врожденной, разницы «прилично властвовать над варварами грекам; варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (*Аристотель*. Политика, кн. II, кн. XIII и passim)^{3*}.

⁹ *Dunning W. A History of Political Theory from Rousseau to Spencer*. New York, 1920, p. 311. Историю этих теорий см. в работах: *Schallmayer W. Vererbung und Auslese in Lebenslauf der Völker*. 2-е изд., S. 142 ff.; *Simar Th. Étude critique sur la formation de la doctrine des races au XVII-e siècle et son expansion au XIX-e siècle*. Bruxelles, 1922; *Hankins F.H. The Racial Basis of civilization*. New York, 1926, part I. См. также указанные ниже работы о Гобино и Чемберлене, содержащие исторический обзор их предшественников. Однако все эти работы либо носят чрезвычайно фрагментарный характер, либо смешивают расовые теории с теми, которые делают особый акцент на национальность, патриотизм или превосходство народа, независимо от расы.

¹⁰ Довольно странно читать заявление К. Пирсона о том, что до Дарвина органическая концепция общества, правильное понимания роли наследственности, расовой борьбы и естественного отбора были невозможны. Не может быть никаких сомнений в том, что все эти факторы хорошо понимали, и, если кто-нибудь сравнит большинство социологических утверждений Гобино с таковыми Пирсона, он обнаружит между ними большое сходство, несмотря на тот факт, что книга Гобино была опубликована задолго до трудов Дарвина и Гальтона.

расово-антропологическую школу в социологии, наиболее важными являются: 1. Расовые теории Гобино и Чемберлена; 2. Школа «наследственности» Френсиса Гальтона и К. Пирсона; 3. Селекционистские теории Ж.В. де Лапужа и Отто Аммона. Кроме этого, существует множество других монографий, придающих особое значение принципам, разработанным этими авторами. О них будет упомянуто позже. Мы начнем наш обзор с данных трех групп теорий. После этого мы вкратце отметим другие работы этой школы, стараясь понять, какие из их обобщений обоснованны, а какие нет.

2. Историко-философская ветвь школы

Артюр де Гобино (1816–1882)¹¹. Расовая интерпретация истории графа Гобино изложена в четырех томах его «Опыта о неравенстве человеческих рас» («*Essai sur l'inégalité des races humaines*». Paris, 1853–1855)¹². Суть его теории состоит в следующем: в качестве точки отсчета Гобино берет проблему развития и упадка обществ. Каковы причины этих явлений? Какие факторы определяют прогрессивное развитие общества и цивилизации или их упадок? Проявляя огромную для своего времени эрудицию, он рассматривает одну за другой существующие гипотезы и показывает их несостоятельность. Условно определив общество «с политической точки зрения более или менее точно, а с социальной – абсолютно точно – как объединение людей, руководствующихся одними и теми же представлениями и обладающими одинаковыми инстинктами»¹³, Гобино показывает, что ни религиозный фанатизм, ни коррупция и безнравственность, ни роскошь не приводят в обязательном порядке к упадку, как полагали многие авторы. Империя ацтеков отличалась религиозным фанатизмом, и среди ее обычаев были даже человеческие жертвоприношения, и все-таки это не привело ее к упадку, а скорее способствовало ее долгому существованию в истории. Высшие классы Греции, Рима, Персии, Венеции, Генуи, Англии и России жили в роскоши на протяжении многих столетий, тем не менее это не привело к их разложению. То же самое можно сказать и о коррупции. На самых ранних стадиях развития Древний Рим, Спарта и многие другие общества были далеки от понятий «добродетельность» и «честность». Ранние римляне были жестоки и безжалостны; для спартанцев и финикийцев воровство, грабёж, насилие и ложь были

¹¹ О Гобино, его жизни, теории и предшественниках см.: *Lange M.* Le Comte A. de Gobineau. Strassburg, 1924; *Hone J.M.* Arthur, Count of Gobineau, Race Mystic // Contemporary Review. 1913, p. 94–103; *Dreyfus R.* La vie et les propheties du Comte de Gobineau. Paris, 1905; *Sellière E.* Le Comte de Gobineau. Paris, 1903; *Scheman L.* Gobineau, eine biographie. Strassburg, 1913–1916, Bd. 1–2; *Hankins.* Op. cit., ch. II, III.

¹² Существует перевод первого тома работы Гобино на английский язык, осуществленный А. Коллинзом: *The Inequality of Human Races.* New York, 1914.

¹³ *Gobineau.* Essai sur l'inégalité des races humaines, vol. I, p. 11–12.

привычными вещами. Они демонстрировали величайшую продажность, тем не менее это не стало помехой для их подъема и процветания. «Отнюдь не добродетель обнаруживаем мы в качестве причины их энергии на самых ранних стадиях их истории». С другой стороны, в период упадка во многих обществах наблюдаются рост гуманности, смягчение нравов и уменьшение жестокости, продажности и грубости, и все-таки это не останавливает их разложения. Наконец, на всем протяжении истории Франции и других стран происходили сильные всплески уровня коррумпированности, но ничто не указывает на то, что в периоды большей коррумпированности тенденция к разложению проявлялась сильнее. Все это доказывает, что упадок нельзя объяснить коррупцией. Точно так же и упадок религии – недостаточная причина его объяснения. Персия, Тир, Карфаген потерпели крах, когда их религиозная вера была очень сильна. Даже в Греции и Риме в периоды упадка религия, особенно среди народных масс, имела довольно сильное влияние. Эти и подобные им примеры показывают, что «гибель народа нельзя объяснить его нерелигиозностью»¹⁴.

Не влияют на историческое долголетие обществ и моральные качества правительства. Плохие правительства можно разделить на чужеземные и навязанные чужеземцами, вырождающиеся и классово-эгоистические. В Китае на протяжении тысячелетий было чужеземное (монгольское) правительство, и все-таки, несмотря на этот факт, Китай существует и нередко демонстрирует огромный социальный прогресс. Англия была завоевана чужеземцами-норманнами, и все же это не привело ее к гибели. Более того, мы знаем, что общества с вырождающимся или классово-эгоистическим правительством продолжали существовать, несмотря на эти условия. Эти и подобные им исторические примеры свидетельствуют о том, что упадок нации нельзя объяснить характером ее правления¹⁵. Таким образом, Гобино демонстрирует неадекватность всех подобного рода теорий. Это не означает, что он не придает перечисленным факторам никакого значения. Придает, но лишь в качестве обстоятельств, содействующих подлинным причинам. Они могут привести к упадку только тогда, когда представляют собой проявление некой глубинной причины.

Расчистив почву, Гобино предлагает свою собственную теорию. Она состоит в том, что основополагающим фактором прогресса или упадка общества является *расовый фактор*.

«Путем логических умозаключений я пришел к выводу, что этнические (расовые) проблемы доминируют над всеми другими проблемами истории. Они являются ключом к ним, и неравенства рас достаточно для объяснения всей цепочки народных судеб»¹⁶.

¹⁴ Ibid., ch. II.

¹⁵ Ibid., ch. III.

¹⁶ Ibid., p. VIII.

Если под упадком или вырождением нации понимается тот факт, что «внутренняя доблесть народа не столь велика, как ранее», то причина такого вырождения состоит в том, что «в венах людей течет не та кровь, что прежде, так как в результате смешанных браков ценность ее изменилась и они не сумели сохранить расу своих предков». Соответственно, «народ или его цивилизация вымирает, когда его основной расовый состав меняется или поглощается другими расами до такой степени, что прекращает оказывать необходимое влияние». Как только такие условия возникают, пробивает смертный час общества и созданной им цивилизации¹⁷. Чистота расы, если эта раса талантлива, – это абсолютно необходимое условие предотвращения упадка общества и его цивилизации. Такой народ потенциально бессмертен. В случае завоевания захватчиками он, подобно китайцам под властью монголов или индусам под властью англичан, может избежать упадка, может сохранить свою цивилизацию и рано или поздно восстановит свою независимость. С другой стороны, смешение рас приводит к вырождению, даже несмотря на самую выдающуюся культуру общества, созданную ее предшественниками. Так случилось с греками и римлянами. Они не смогли поддержать чистоту своей расы на поздних этапах своей истории и поэтому, несмотря на великолепную культуру, пришли к упадку¹⁸.

Исходя из этого Гобино делает второе свое утверждению о *неравенстве рас*. Они не равны. *Существуют высшие и низшие расы*. Первые способны к прогрессу, вторые в этом отношении безнадежны. Цивилизация и культура были созданы исключительно высшими расами, и каждый тип культуры – не что иное, как демонстрация характерных особенностей расы. Для подтверждения этого заявления Гобино приводит длинный ряд доказательств. Неравенство рас доказывается тем фактом, что вплоть до настоящего времени существует множество рас, которые, несмотря на тысячелетнюю историю, по-прежнему остаются на самых примитивных стадиях культуры. Они оказались не в состоянии создать что-либо ценное или прогрессировать независимо от географических условий своего существования. Их творческая несостоятельность объясняется в большей степени их расовой ущербностью, нежели факторами, обусловленными окружающей средой. «Большинство рас не способны когда-либо стать цивилизованными», и «никакое действие окружающей среды не в состоянии преодолеть их органического бесплодия». Таково утверждение автора. Это естественным образом приводит его к критике разнообразных теорий, пытавшихся отнести расовые различия и разнообразие в культурном развитии на счет факторов окружающей среды, особенно географической. «Развитие или застой народа не зависят от географических условий», – утверждает Гобино. Приверженцы этой теории часто говорят, что народ, проживающий в благоприятной географической среде, раз-

¹⁷ Ibid., p. 39–40.

¹⁸ Ibid., p. 53.

вивается, в то время как пребывающие в неблагоприятных условиях стагнируют. Автор утверждает, что история не подтверждает подобную теорию. Окружающая среда Америки была очень благоприятной, и тем не менее коренные расы Америки – за исключением трех рас Южной Америки – не смогли создать какой-либо великой цивилизации, а остановились на примитивных стадиях развития. С другой стороны, географические условия Египта, Афин, Спарты или Ассирии были отнюдь не благоприятны. Они были бедными и бесплодными, пока не были созданы искусственные ирригационные сооружения и другие приспособления. И все-таки, несмотря на неблагоприятные условия, эти расы, благодаря своей внутренней гениальности, изменили естественную среду и создали выдающиеся цивилизации. О такой же независимости культуры от окружающей среды свидетельствует тот факт, что развитые народы находятся в самых разных географических условиях. То же верно и в отношении застывших в своем развитии рас. Наконец, отсутствие какой-либо тесной корреляции между характером расы и географическим окружением подтверждается тем, что в той же самой окружающей среде в один период существует блестящая цивилизация, а в другой она исчезает, будучи вытесненной ленивыми и неспособными людьми. Если бы географические условия были ответственны за прогресс или застой народа, то такие вещи не происходили бы. Рассуждая логически и приводя факт за фактом, Гобино умело демонстрирует, что «географические теории» не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения расовых и культурных различий народов¹⁹.

Затем автор направляет свою критику против теорий, которые пытаются объяснить различия народов социальной средой, т. е. посредством характера социальных и политических институтов. Гобино указывает, что эти теории также неверны. Во-первых, потому что институты – это только проявления расовых черт, а не их причины. Они создаются людьми в соответствии с их внутренними качествами, но сами эти качества народы не создают. Институты не падают с небес как нечто готовое. И при этом они не существуют до появления народов с их внутренними качествами. Когда законы или институты не вполне соответствуют расовым инстинктам народа, насильно вводятся иностранцами, или завоевателем, или радикальным реформатором, они обычно не имеют никакого успеха, а остаются на бумаге, представляя собой всего лишь декорацию. Иногда, когда раса не может противостоять таким новшествам, она умирает, как многие первобытные народы, не способные адаптироваться к другой культуре. Даже чистая имитация иностранной культуры или институтов возможна лишь тогда, когда в венах подражающей расы имеется часть крови народа, которому она подражает. Негры Америки могут подражать некоторым внешним культурным чертам белой расы только потому, что в их венах уже есть значительная часть белой

¹⁹ *Gobineau. Essai sur l'inégalité, ch. VI.*

крови. Автор вновь представляет длинную серию подобных фактов и заключает, что обсуждаемые теории не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения различий, вызываемых в разных народах социальной средой²⁰. С этой точки зрения он детально анализирует роль религии, в особенности христианства, чтобы показать, что даже этот внешний фактор не может объяснить различий разных народов. Хотя христианство принято разными народами, предлагает всем одни и те же идеи, тем не менее оно вынуждено оставить их институты по существу нетронутыми. Эскимосский христианин остается эскимосом, китайский – китайцем, южноамериканский коренной житель остается, каким был, и все эти различные христиане по-прежнему отличаются друг от друга, несмотря на идентичность их религии. Это свидетельствует о том, что, пока религия не станет непосредственным проявлением расовых инстинктов (в этом случае она перестает быть универсальной и космополитической), она не может изменить расовые качества и объяснить различия рас²¹.

После этой критической части Гобино в общих чертах обрисовывает свою теорию происхождения, неравенства и социальной роли расового фактора. Три тома его работы практически посвящены разработке этой теории. Суть ее состоит в следующем: помимо вышеупомянутых аргументов, факт расового неравенства частично проистекает из вероятно разнородного происхождения различных рас и частично подтверждается им. Таким образом, он был одним из первых авторов, сформулировавшим теорию разнородного происхождения рас – теорию, развитую далее Гумпловичем и многими антропологами. Так как различные расы возникали из разных источников, естественно, что они неодинаковы и должны быть неодинаковыми, особенно на ранних стадиях своей истории, когда кровь у них была чище, чем теперь. Несмотря на долгий ход истории и значительное кровосмешение, даже сейчас расы все еще отличаются друг от друга своими анатомическими, физиологическими и психологическими особенностями. Такого рода различия неизменны, и их не смогли стереть никакие факторы окружающей среды. Только смешанные браки или кровосмешение могут изменить расовые характеристики.

В начале истории человечества существовали три чистые основные расы: белая, желтая и черная. Все другие расовые разновидности были ничем иным, как помесью этих фундаментальных рас. Из них самой талантливой и творческой была белая раса, особенно ее арийская ветвь. В своей чистой форме она творила подлинные чудеса. Практически она была создательницей всех десяти основных цивилизаций, известных в истории человечества. Шесть из них, а именно индусская, египетская, ассирийская, греческая, римская и тевтонская цивилизации, были созданы арийцами, которые представляют самую высокую

²⁰ Ibid., ch. V.

²¹ Ibid., ch. VII.

ветвь белой расы. Оставшиеся четыре цивилизации – китайская, мексиканская, перуанская и майя – были основаны и созданы другими ветвями белой расы, смешанными с расами посторонними. Белая раса расширялась и завоевывала другие расы, но в то же время смешивалась с ними. От этой мешанины образовались разные расовые группы и соответствующие цивилизации, но чем дальше шло смешение, тем больше белая раса теряла свои драгоценные качества, тем больше ее различные ветви (как греки или римляне) деградировали. Во времена Иисуса Христа закончилась первая и наиболее блистательная часть истории человечества. К тому времени смешение рас уже достигло значительных пропорций. С того периода и вплоть до наших дней оно с некоторыми флуктуациями идет по нарастающей. Результат такого смешивания рас – тенденция к распаду, которую демонстрирует история последних нескольких веков. Она проявляется во многих формах, и одна из них – прогресс эгалитарных идей, демократических движений и смешение культур, которые, однако, не обнаруживают того блеска и той гениальности, которыми были отмечены предыдущие великие цивилизации, созданные относительно чистыми расами. Будущее, которое рисует Гобино, естественно, не очень радужное: зашедшее чересчур далеко кровосмешение будет и далее прогрессировать, и этот процесс вряд ли можно остановить.

«Миновала эпоха богов, когда арийская раса была абсолютно чиста, и эпоха героев, когда смешение было умеренным по количеству, в эпоху дворянства процесс пошел более или менее быстро. После этого периода смешение рас стремительно ведет... к великой сумятице всех расовых элементов благодаря многочисленным межрасовым бракам».

В результате такого развития люди, с одной стороны, станут похожими друг на друга, а с другой – возрастет число посредственных – в плане телосложения, красоты и ума – индивидов. Грядет настоящий триумф серости, т. к. в этом печальном наследстве (перемешивании рас) должны участвовать все в равных пропорциях, и нет никаких оснований ожидать, что одному выпадет лучший жребий, чем другому. Подобно полинезийцам, все люди станут похожими друг на друга своим телосложением, чертами лица и одеждой.

«Нации – нет, стада человеческие, погруженные в угрюмую дремоту, будут жить, оцепенелые в своем ничтожестве, как буйволы, жующие свою жвачку на стоячих лужах Понтийских болот». Это означает смерть общества и конец всей человеческой цивилизации²².

Таковы содержание и основные идеи труда Гобино. Блестяще написанная, отличающаяся превосходным стилем, восхищающая оригинальной мыслью, отмеченная четкостью и логикой идей и, наконец, необыкновенной эрудицией, книга произвела и производит до сих пор сильное впечатление. Она послужила мощным стимулом для многих других расовых теорий, которые будут упомяну-

²² Ibid., vol. IV, p. 318–359; vol. I, ch. X, XI, XVI.

ты позже. Откладывая на потом критику теории Гобино, я отмечу здесь лишь то положительное, что есть в его теории. Главы книги, посвященные критике различных энвайронменталистских теорий, являются все еще актуальными по существу своих возражений и сохраняют свою новизну даже в настоящий момент.

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1926). Среди работ, которые по методу и характеру подобны работам Гобино, заметное место принадлежит работе Х.С. Чемберлена «Основания девятнадцатого столетия» (*The Foundations of the Nineteenth Century*)²³. Сын адмирала Уильяма Чарльза Чемберлена, родившийся в 1855 г., он получил полностью иностранное (преимущественно немецкое) образование. Он много путешествовал и опубликовал несколько работ, таких как «Notes sur Lohengrin» и «Das Drama Richard Wagners». Однако известностью своей он обязан «Основаниям девятнадцатого столетия». В этой историко-философской работе Чемберлен ставит и решает проблему: что является основанием или источниками цивилизации XIX в.? Сущность его ответа сводится к следующему: современная цивилизация образуется из слияния четырех основных источников, а именно греческой, римской, еврейской и тевтонской цивилизаций. От греков мы получили поэзию, искусство и философию, от римлян – право, искусство управления, порядок, идею гражданства и неприкосновенности семьи и собственности; тогда как евреи дали нам элементы иудаизма и – косвенным образом – христианства наряду с прочими положительными и отрицательными элементами своего наследия и влияния, которые они привнесли с момента своего появления в Западной истории. На основе этого наследия тевтоны – термин, под которым Чемберлен понимает германцев, кельтов, славян и другие расы Северной Европы, от которых произошли народы современной Европы и Соединенных Штатов Америки, – сформировали и создали Западную цивилизацию XIX в.²⁴ Каждый из этих фундаментальных элементов был выработан расовым гением вышеупомянутых групп. Свойственные им таланты и достижения – не что иное, как проявление их расовых качеств. Это приводит Чемберлена к его теории расового фактора.

«В действительности человеческие расы настолько отличаются друг от друга по характеру, склонностям, дарованиям и, прежде всего, по степени отдельных способностей, как гончая, бульдог, пудель и водолаз. Разве не имеет каждая истинная раса свою собственную физиономию, прекрасную и неповторимую? Как бы возникло эллинское искусство без эллинов? Самым убедительным, как ничто иное, является наличие “расы” в собственном сознании. Тот, кто принадлежит к ярко выраженной чистой расе, ощущает это ежедневно. Судьба его племени

²³ На немецком она была издана под названием «Grundlagen des Neunzehnten Jahrhundert» в 1899 г. Я использую ее в английском переводе Джона Лиза: London, John Lane Co., 1911. О Чемберлене см.: *Sellière E.* H.S. Chamberlain, de plus récent philosophe du pangermanisme mystique. Paris, 1917; *Hankins.* Op. cit., p. 64 ff.

²⁴ *Chamberlain.* Op. cit., vol. I, p. 1–13, и passim.

не отходит от него: она несет его, где слабеют его ноги, она предупреждает его, как личное божество... Там, где он намерен встать на ложный путь, она требует послушания и часто принуждает его к поступкам, на которые он никогда бы не отважился. Раса поднимает человека над самим собой, она придает ему чрезвычайные, я бы хотел сказать – сверхъестественные способности... Качество расы чрезвычайно важно, это факт непосредственного опыта»²⁵.

Далее автор показывает, что разные расы отличаются друг от друга, что есть высшие и низшие расы и что их различия не обусловлены окружающей средой, а являются врожденными. Наивысшей расой является белая – особенно арийская раса, к которой в прошлом принадлежали греки и римляне, а в настоящем – тевтоны в вышеупомянутом значении слова. В этом отношении теория Чемберлена подобна теории Гобино. Только по отношению к чистым расам его теория отличается от теории французского автора. Как мы знаем, Гобино расценивал любое смешение крови благородной, чистой расы как ее загрязнение. Согласно Чемберлену, «это предположение основано на полном незнании физиологического значения того, что понимают под “расой”. Благородная раса не падает с неба, она постепенно становится благородной, и этот процесс становления может начаться в любой миг»²⁶.

Не только еврейская, но и арийская, и тевтонская расы – все изначально появились из удачного смешения разных рас. Такие удачные смешения могут происходить и в будущем. Поэтому это будущее не обязательно должно быть таким пессимистичным, как его изображал Гобино²⁷. Основополагающими условиями формирования благородной расы через смешение являются следующие. Во-первых, «наличие совершенного материала. Где ничего нет, король теряет свои права». Во-вторых, инцухт^{4*}.

«Такие расы, как греки, римляне, франки, швабы, итальянцы и испанцы блистательных времен, мавры, англичане, такие явления, как арийские индийцы и евреи, возникают только путем постоянного инцухта (выращивания). Они возникают, и они проходят перед нашими глазами. Инцухтом называют производство последующего поколения исключительно в кругу близких товарищей по племени с избеганием любой примеси чужой крови».

В-третьих, «искусственный отбор», т. е. устранение или предотвращение рождения низшей части расы и содействие ее лучшим представителям. В-четвертых, смешивание крови с другими гомогенными расовыми группами. В-пятых, «для облагораживания расы или для возникновения новой полезны только строго определенные, ограниченные смешения крови»²⁸. Все известные могущественные и благородные расы возникли при соблюдении этих пяти условий.

²⁵ Ibid., vol. I, p. 261–262, 269–271 et seq. См. также p. 317 et seq.

²⁶ Ibid., vol. I, p. 263.

²⁷ Ibid., p. 263.

²⁸ Ibid., p. 276–289.

Сформулировав эти принципы, Чемберлен продолжает свой подробный анализ расы и вклада в мировую культуру греков и римлян. Начиная с периода «хаоса» в начале Средневековья, он прослеживает происхождение и появление тевтонской расы, а также происхождение и появление евреев в Западной истории. С одной стороны, автор восхищается евреями за сохранение ими расовой чистоты, видит в ней источник их возрастающего могущества. С другой стороны, он, подобно Гобино и многим другим, подчеркивает их пагубное влияние на нашу цивилизацию. Они всегда остаются «иностранными среди всех народов». Под покровительством принцев и дворян, нуждавшихся в деньгах, евреи всегда были жестокими эксплуататорами и беспощадными разрушителями всех наций.

«Побуждаемые идеальными мотивами индоевропейцы приняли еврея с открытой душой: как враг ворвался еврей, атаковал все позиции и установил, не хочу сказать на развалинах, но на брешах нашего истинного своеобразия знамя своей вечно чуждой для нас сущности. Везде, где еврей допускается к власти, он ею злоупотребляет»²⁹.

Вследствие человеколюбия, великодушия и игнорирования расовой проблемы со стороны индоевропейцев в течение последних столетий, влияние евреев возрастало, и наше время может быть названо «эпохой евреев».

Тевтоны, представляя удачную смесь различных арийских рас, являются настоящими создателями цивилизации XIX в. Высокие, белокурые, с удлинённым черепом, они были носителями храбрых, энергичных, изобретательных умов и особенно верности и свободы. «Свобода и верность – вот два корня германской сущности»³⁰. Переработав наследие прошлых цивилизаций, они создали нашу новую, великолепную, красивую и великую цивилизацию³¹. Лютер, Иммануил Кант, Ньютон, Карл Великий, Шекспир, Данте, Нельсон, Монтескье, Р. Вагнер и практически все великие люди Средневековья и Нового времени были тевтонцами. В предыдущие столетия тевтонцы боролись и завоевали всех других полукровок и евреев. В настоящий момент борьба между тевтонцами и евреями, а также другими нетевтонцами продолжается.

«Никакие гуманные разговоры не смогут устранить факт, что это означает борьбу. Борьба ведется не с помощью пушечных ядер, а бесшумно в сердце общества, с помощью браков, сокращая расстояния, что способствуют смешениям, благодаря стойкости и упорству различных типов людей, благодаря смешению имущественного положения, благодаря появлению новых влияний и исчезновению старых и т. д. и т. д. Эта молчаливая битва величественнее, чем любая другая, это битва не на жизнь, а на смерть»³².

²⁹ Ibid., p. 330, 345 и вся глава V.

³⁰ Ibid., p. 574.

³¹ Ibid., p. 321–328 и глава VI.

³² Ibid., p. 578.

Такова сущность этой расовой философии истории. Книга Чемберлена трагирует многие другие важные проблемы и предоставляет много интересных теорий и интерпретаций, но мы их опустим, потому что они не имеют прямого отношения к расовой теории в социологии.

3. Расово-антропометрическая ветвь школы

Прежде чем упомянуть другие работы, в которых расовый фактор рассматривается главным образом на основе исторических свидетельств, обратимся сначала к той ветви школы, которая подчеркивает важность расового фактора, опираясь на данные антропометрии. Если ограничиться немногими именами, то ведущие роли в этой области принадлежат работам французского антрополога и биолога Ж. Ваше де Лапужа и немецкого антрополога Отто Амона. Их работы послужили серьезным стимулом для развития расовой школы, которая пытается подвести под свои выводы новые основания, т. е. данные антропометрии и биологии. Посредством их работ концепция высших и низших рас стала несколько более определенной. Рассмотрим вкратце, в чем состоит суть их работ.

Ж. В. де Лапуж³³. Из его многочисленных исследований самыми важными являются три: «*Les sélections sociales*» (Paris, 1896), «*L'Argen, son rôle social*» (Paris, 1899) и «*Race et milieu social*» (Paris, 1909). Несмотря на односторонность этих работ, они принадлежат к тому типу книг, которые отмечены оригинальностью, независимостью мнения и эрудицией. С социологической точки зрения наиболее интересной является первая книга. Она начинается с рассмотрения вопроса о дарвинизме в социальных науках. В отношении рас отправной точкой автора становится утверждение о том, что в венах любого населения или индивида течет кровь многочисленных различных рас. Число предков каждого человека, если они прослежены до времени Иисуса Христа, составляет не менее 18 014 583 333 333 333. Если мы пойдем еще дальше назад, то число быстро возрастет до невообразимой величины. Это означает, что нет никакой чистой расы в абсолютном смысле слова³⁴. Это, однако, не означает, что не существуют различные расы в относительном значении слова. Многие скрещивания являются просто эпизодом и не могут серьезно изменить чистоту расы и ее главные особенности. Это доказывается существованием рас с различными физическими, психическими и физиологическими характеристиками³⁵. Население Европы состоит из трех основных рас, если слово «раса» употреблять в его зоологическом смысле. Первой расой является Номо Еуропаеус, или арийская раса. Ее особен-

³³ Относительно его работ см.: *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. VIII; *Hankins.* Op. cit., ch. V; и работы, указанные далее.

³⁴ *Les sélections sociales*, p. 3–4.

³⁵ *Ibid.*, p. 4–8.

ностями являются высокой рост (около 170 см), заметный долихоцефалический индекс (76 и ниже)^{5*} и белокурость. Соответствующие психологические черты следующие:

«У долихоцефала множество желаний, и он постоянно работает, чтобы их удовлетворить. Он способен скорее к приобретению, чем к сохранению богатства. Будучи по характеру смелым, он дерзает на все и благодаря своей смелости добивается бесподобного успеха. Он борется ради борьбы без задней мысли о прибыли. Вся земля – его собственность, и вся планета – его страна. Его умственные способности могут варьироваться от тугодумия до гениальности. Нет ничего, о чем он не смел бы подумать или чего не дерзнул бы пожелать, а желание для него автоматически означает и реализацию. Прогресс – его самая глубокая потребность. В религии он – протестант. В политике он требует от государства только уважения к своей деятельности и, как правило, предпочитает возвышать себя сам, чем угнетать других»³⁶.

Следующей основной расой является Номо Alpinus. Его характеристики включают в себя рост от 160 до 165 см и цефалический индекс 85 и выше. Цвет волос – каштановый или русый. Это типичный представитель брахицефалической расы: «Он скромн, трудолюбив, удивительно благоразумен и никогда не полагается на авось. Смел, но не склонен к воинственности. Он любит свою страну, особенно место, где родился. Он редко оказывается ничтожеством и в то же время не часто поднимается до уровня таланта. Его умственные способности ограничены, и он упорно добивается реализации своих скромных целей. Это – человек традиции и здравого смысла. Не любит прогресс. Обожает единообразие. В религии он предпочитает быть католиком, в политике жаждет государственной защиты и вмешательства, а также равенства и уравниловки. Он прекрасно осознает свои личные интересы, неплохо – интересы своей семьи, но интересы всей страны лежат за пределами его умственного кругозора»³⁷.

Третья раса – Номо Contractus, или Средиземноморская. Ее представитель отличается низким ростом, он темноволос, его цефалический индекс около 78. Он представляет собой что-то среднее между двумя вышеназванными расами. По своим характеристикам он уступает даже Номо Alpinus³⁸.

Таковы основные расовые типы европейского населения, самыми важными характеристиками которого являются цефалический индекс и цвет волос. Сочетание этих физических черт связано с соответствующими психическими и умственными характеристиками. Эта связь столь тесна, что автор говорит:

«Сила характера зависит от размера черепа и мозга. Когда череп меньше чем 0,19, раса испытывает недостаток энергии. Такова ситуация с брахицефа-

³⁶ Ibid., p. 13–14.

³⁷ Ibid., p. 17–18.

³⁸ Ibid., p. 23–28.

лической расой, которая характеризуется недостатком индивидуальности и инициативы. Сила интеллекта, наоборот, связана, по-видимому, с шириной лба или передней доли головного мозга. Подобные долихоцефалы, черепной индекс которых слишком низок, не в состоянии, видимо, возвыситься над варварством. Я не знаю ни одного более или менее развитого человека, у которого цефалический индекс был бы ниже 74. Разница примерно в десять единиц отделяет границу достаточного интеллекта и максимальной энергии от того уровня, где этой энергии недостаточно»³⁹.

Описав эти расовые характеристики, Лапуж далее доказывает, что практически все важные успехи культуры были достигнуты Ното Еуропаеус, нордической или арийской расой. Именно они лидировали во всех видах творческой деятельности, иными словами, были и остаются господствующей расой. В рамках одного и того же общества высшие сословия состоят преимущественно из представителей этой расы, тогда как низшие классы – из представителей двух других рас или из их помеси. Расовые различия имеются не только в разных обществах, но и среди различных социальных классов одного и того же общества. Соответственно, прогресс или регресс общества определяется преимущественно изменениями в расовом составе его населения. Если нордические расовые элементы в нем увеличиваются, общество прогрессирует, но если, наоборот, их пропорция уменьшается, другими словами, если черепной индекс населения становится все менее долихоцефалическим, то это ведет к социальному регрессу и распаду общества⁴⁰. Эти общие выводы подтверждаются различными антропометрическими данными. Они, как правило, показывают, что черепной индекс древней аристократии (и частично даже современной) был ниже (т. е. более долихоцефалический), чем у более низких социальных классов; что у более развитого городского населения долихоцефалический индекс выше, чем у более отсталого деревенского населения; что в Греции и Риме параллельно их распаду наблюдалось повышение черепного индекса населения; что среди современных стран самыми прогрессивными оказываются те, в которых, как в Англии и США, население богато нордическими элементами; что во Франции и в других странах в течение последних нескольких веков уменьшение этих элементов среди населения сопровождалось процессом распада и т. д. (см. «Social sélections» и «L' Aryen», passim). На основе этих данных антропометрии Лапуж, как и Гобино, приходит к выводу о значительной роли расового фактора в эволюции стран и цивилизаций.

Сформулировав этот вывод, автор задается вопросами: отчего происходят эти изменения в расовом составе? Какие факторы ответственны за них? Почему случается так, что во многих странах долихоцефалическая раса не может

³⁹ Ibid., p. 78–79.

⁴⁰ Ibid., p. 65 f.

и не могла сохранять свою пропорцию? Ответ на эти вопросы приводит нас ко второй и, с моей точки зрения, более ценной части теории Лапужа, т. е. к его теории социального отбора.

Изменения происходят либо благодаря непосредственному воздействию окружающей среды, которая способна шаг за шагом изменять физические и интеллектуальные свойства населения, либо посредством отбора, т. е. постепенного уменьшения одних расовых элементов и умножения других (наследственных) типов. Первый путь не ведет непосредственно к изменению расового (наследственного) типа, но может привести к нему в длительной перспективе. Другой путь может изменить расовый (наследственный) состав населения очень существенно и за относительно короткий период времени. Чтобы показать это, автор анализирует основные элементы окружающей среды. Он берет образование и пытается доказать, что его эффективность в этом отношении весьма ограничена. Оно не может изменить расу и унаследованные черты населения. Оно не может сделать из прирожденного тупицы талантливого человека, идиота сделать более или менее умным человеком, из посредственности вырастить гения. Самое большее, что может сделать образование, – немного поднять умственный уровень посредственности. Но даже в этом отношении его возможности ограничены. Сила наследственности проявляется в том, что образование не уменьшает различия между людьми, а скорее увеличивает их. Если человек со средними способностями получает кое-что от образования, то человек, от рождения талантливый, приобретает еще больше, так что после обучения различия между ними увеличиваются, а не уменьшаются. Кроме того, образование не способно изменить темперамент, характер и нравственные качества людей. Это подтверждается тем фактом, что, несмотря на большое увеличение количества школ и других учебных заведений, число преступлений не уменьшилось, а скорее увеличилось. Умственные способности также не возросли, а скорее снизились за последние несколько десятилетий. Наконец, плоды образования не наследуются, поэтому их нельзя передать потомству и закрепить за ним. Эти соображения должны показать, что образовательный фактор весьма ограничен в своих возможностях преобразовывать человеческую расу.

Более эффективно влияние климата как фактора окружающей среды. В изменении расового типа населения важны и такие модифицирующие факторы внешней среды, как продукты питания, алкоголь, смешанные браки и некоторые другие. Однако вне связи с отбором им потребовались бы сотни лет, чтобы произвести ощутимое изменение в расовом типе народа. По этой причине их непосредственное влияние ограничено. Если же это влияние возрастает, то это происходит благодаря их косвенному влиянию на каналы отбора⁴¹. Наиболее важным, быстрым и эффективным способом изменения расового состава на-

⁴¹ Les sélections sociales, ch. IV, V, VI.

селения является не непосредственное воздействие окружающей среды, а отбор, который приведет к выживанию и приумножению одного расового типа и истреблению другого. Посредством отбора пропорции разных расовых типов в населении могут значительно изменяться и всего лишь в течение жизни нескольких поколений. Если мы представим себе две разные семьи – одну, у которой в каждом поколении выживает четверо детей, и другую, где выживают только трое, – то по прошествии примерно трехсот лет потомки первой семьи составят 93% от общей численности населения, а потомки второй – 7%⁴². Это показывает, как быстро работает фактор отбора и насколько он эффективен в деле изменения расового состава населения. Вырождение или улучшение общества обусловлено не столько непосредственным воздействием окружающей среды, сколько фактором отбора.

Это побуждает Лапужа проанализировать явление отбора. Он принимает дарвиновскую теорию естественного отбора и эволюции организмов, происходящих благодаря этому фактору, т. е. посредством устранения негодных и выживания самых приспособленных. Однако среди людей, убежден он, естественный отбор все больше уступает место отбору социальному, поскольку естественная окружающая среда постепенно вытесняется средой социальной. Поэтому естественный отбор трансформируется в социальный, т. е. он происходит под влиянием не столько естественной, сколько социальной среды⁴³. В последующих частях своей книги Лапуж анализирует основные формы и результаты социального отбора в обществах прошлого и особенно настоящего времени. Поскольку естественный отбор может быть прогрессивным и регрессивным, то и социальный отбор может приводить к вырождению или улучшению расового (наследственного) состава населения. Однако в нынешних обществах его доминирующие влияния носят в основном негативный характер.

Первая фундаментальная форма социального отбора – *милитарная*, т. е. это отбор, который производит война. Вопреки общепринятому мнению Лапуж считает, что количество войн с прогрессом цивилизации не уменьшается, а увеличивается. Человек более воинствен, чем любое животное, а современный человек более воинствен, чем человек доисторический. За исключением первобытных времен, война уносит лучшие расовые элементы населения – самых здоровых, сильных, смелых и самоотверженных долихоцефалов – в гораздо большей пропорции, чем низшее и брахицефалическое население. Тем самым она способствует устранению воинственных арийцев и выживанию представителей альпийской и средиземноморской рас. Благодаря главным образом войне и исчезли арийцы Древней Греции и Рима и нордическое дворянство Галлии и Средневе-

⁴² Ibid., p. 61 f., 350.

⁴³ Ibid., ch. VI.

ковья. Поскольку скандинавы более воинственны и независимы, они и пострадали больше всех от войны. Следовательно, если уровень рождаемости у этих расовых элементов не компенсирует их потерь в войне или если их размножение происходит не так интенсивно, как у других рас, то война ведет к вырождению, т. е. искоренению арийской расы из общества⁴⁴.

Следующая форма социального отбора – отбор *политический*, происходящий под влиянием политических факторов и политической борьбы. Его результаты тоже носят негативный характер. Посредством революции и гражданской войны этот отбор облегчает истребление лучшей части населения и среди аристократии, и среди обычных людей. И снова представители нордического типа, которые обычно оказываются в рядах обеих враждующих партий, гибнут в большей пропорции, чем представители других расовых групп. Именно этот фактор в значительной степени обусловил истребление арийской аристократии в Древней Греции и Риме, в ходе Французской революции и в других подобных случаях. Кроме того, в прошлом, но особенно в настоящем, политические условия облегчили социальное продвижение бездарей, приспособленцев, интриганов и политиканов и в то же время затормозили, особенно в демократических обществах, вертикальную мобильность независимых и творческих умов. Таким людям политическая борьба партий почти не оставляет шансов на выживание и воспроизводство себе подобных. Интриганам, демагогам, политиканам, редко принадлежащим к лучшему и творческому типу людей, такая форма отбора очень даже на руку, тогда как лучшие люди, стараясь держаться подальше от политики, скорее страдают от таких условий⁴⁵.

Третья форма социального отбора – *религиозная* – связана с условиями религиозной жизни. Религия осуществляет отбор непосредственно – через институт безбрачия, существующий в некоторых церквях, и косвенно – посредством различных религиозных учреждений. Во многих религиях священники и духовенство должны быть холостыми. Это означает, что они не могут (по крайней мере, легально) иметь потомство. Как уже неоднократно доказывалось, представители церкви, набираемые из разных социальных слоев, обычно превосходят остальных людей своими физическими, нравственными и интеллектуальными качествами. Обет безбрачия, который дают представители этой высокопоставленной группы, препятствует тому, чтобы они оставляли такое же потомство. Таким образом, безбрачие обедняет фонд высших расовых элементов населения и способствует его вырождению. С этой точки зрения мусульманство с его многобрачием оказывается более евгеничным, чем христианство, особенно если речь идет о римско-католической церкви. К тому же самому генетически опасному результату религия ведет через религиозные преследования, войны

⁴⁴ Ibid., p. 207 f.

⁴⁵ Ibid., p. 243 f.

и инквизицию, через запрет сексуальной свободы, поощрение аскетизма, запрет на браки с иноверцами и т. п.⁴⁶

Четвертая форма социального отбора – *нравственная*, опирающаяся на моральные обязательства и правила поведения. Она тесно связана с религиозным отбором. И обнаруживается в таких явлениях, как преследование и подавление сексуальной свободы, требование благопристойности и порицание физической наготы, в результате чего мы носим одежду, вредную с гигиенической точки зрения, стесняющую свободное дыхание, лишаящую нас благотворного влияния солнца и свежего воздуха и способствующую туберкулезу и другим заболеваниям. Кроме того, нравственные предписания, поощряя и пропагандируя филантропию, способствуют выживанию слабых и воспроизводству неполноценных. Тем самым мораль значительно способствует негативному социальному отбору⁴⁷.

Следующая форма социального отбора – *юридическая* – проявляется посредством права и правоохранительных органов. Она действует через уголовное право, осуществляя наказание преступников в виде казни, тюремного заключения, ссылки, изгнания и пытки. Многие преступники являются политическими, так что эта форма отбора нередко оказывает негативное воздействие, поскольку среди ее жертв много людей, чрезвычайно достойных. Юридический отбор действует, кроме того, посредством гражданского права и его органов, запрещая браки между близкими родственниками и карая за двоеженство и многоженство. Гражданское право препятствует тому, чтобы талантливые люди поддерживали чистоту крови и воспроизводились более интенсивно, в то же время способствуя таким генетически опасным институтам, как проституция⁴⁸.

Шестая форма социального отбора – *экономическая* – обусловлена борьбой за материальные блага. Для лучших расовых элементов ее результаты также имеют катастрофические последствия, потому что достойнейшие люди не очень заботятся о прибыли, в результате чего преуспевающие дельцы редко оказываются из их числа. Обогащение часто является результатом удачи, мошенничества, алчности или махинаций и манипуляций. В существующих обществах богатство концентрируют в своих руках «махинаторы», особенно евреи. Благодаря богатству они поднимаются на вершину социальной пирамиды и продолжают свой род, в то время как индивиды, интеллектуально и нравственно достойные, должны как-то выживать и не могут позволить себе иметь много детей. Многие из них не женятся вообще. Таким образом, эти ценные расовые элементы теряются, и расовый фонд общества обедняется. Браки, заключаемые по экономическим соображениям, приводят к тому же результату, так как достойный в расовом

⁴⁶ Ibid., p. 263 f.

⁴⁷ Ibid., ch. XI.

⁴⁸ Ibid., ch. XII.

отношении, но бедный индивид вступает в брак с неполноценным, но богатым представителем противоположного пола. Таким и подобными ему способами существующий «плутократический» режим способствует размножению худших и препятствует воспроизводству лучших. Режим, основанный на богатстве, является злейшим врагом расового прогресса⁴⁹.

Седьмая форма социального отбора – *профессиональная*, вызываемая дифференциацией населения по профессиям. Влияния, оказываемые ею, опять-таки носят негативный характер. Демографическая статистика показывает, что у квалифицированных профессиональных групп более низкая рождаемость, чем у людей со средней и низкой квалификацией. Поскольку люди, занятые квалифицированным трудом, являются в большей степени долихоцефалами, чем имеющие низкую квалификацию, это означает, что профессиональный отбор способствует приумножению брахицефалов и препятствует воспроизводству долихоцефалов. Это ведет к тому же самому расовому вырождению, что и другие формы социального отбора⁵⁰.

Следующая форма социального отбора представлена *городской и сельской дифференциацией*. Рост городов и индустриализация вызывают постоянную миграцию сельского населения в города. Сельские мигранты в большей степени долихоцефалы, чем те, кто остается на селе. Мигранты, как правило, энергичнее, талантливее, более инициативны и более развиты, чем те, кто остается. Города постоянно вытягивают лучшие элементы сельского населения, а, вытянув их из села, делают их относительно бесплодными, что обусловлено либо городской нуждой и болезнями, либо тем, что они добровольно ради социального продвижения ограничивают количество детей в своих семьях. Таким образом, городской отбор уменьшает возможности для рождения относительно лучших и более долихоцефалических людей.

Таковы, согласно Лапужу, основные формы социального отбора и их последствия. Я лишь схематично обрисовал то, что он блестяще развивает на многих страницах, наполненных статистическими, историческими и психологическими данными. Результат всех перечисленных форм отбора негативен. Они ведут к истреблению арийских элементов в существующих обществах, сопровождаемому расовым вырождением и окончательным распадом. За исключением англосаксонских стран, где арийцев все еще в избытке, эта раса повсюду составляет уже меньшинство. Даже из высших сословий ее представители вытеснены новой брахицефалической аристократией, представляющей собой потомков содержателей трактиров, дельцов и прочих в расовом отношении низших элементов, которые продвинулись благодаря негативной социальной селекции. Триумф серости, демагогии, махинаций и неспособности создавать новые, подлинные

⁴⁹ Ibid., ch. XIII.

⁵⁰ Ibid., ch. XIII, p. 355 f.

ценности и добиваться реального прогресса – вот чем характеризуются наше время и наша культура. Все это – не что иное, как только признаки начинающегося распада Западной цивилизации. Лишь в англосаксонских странах ситуация несколько лучше, но даже там она сохраняется лишь до поры до времени, потому что в существующих социальных условиях арийцы обречены на исчезновение.

Все вышеизложенное побуждает автора выступить с критикой утопии прогресса и сформулировать закон убыстряющегося исчезновения лучших расовых элементов⁵¹. Понятие прогресса есть чистая утопия. Астрономия, палеонтология, биология и история свидетельствуют против него. Астрономия говорит нам, что солнце постепенно остывает и что, когда оно совсем остынет, жизнь на земле и, следовательно, продолжение истории человечества станут невозможными. Палеонтология свидетельствует о том, что в ходе эволюции жизни многие совершенные виды животных вымерли, так как оказались неспособными приспособиться к окружающей среде, в которой выжили гораздо более примитивные особи. Биология доказывает, что отбор может идти как в регрессивном, так и прогрессивном направлении. История свидетельствует о том, что многие блестящие цивилизации погибли и многие народы после периода прогресса исчезли⁵². Все эти бесспорные факты свидетельствуют о том, что вера в прогресс и бесконечное совершенствование рода человеческого во времени носит фантастический характер. Они указывают также на то, что более совершенные организмы, как правило, вымирают быстрее, чем менее совершенные или более примитивные виды. Социальный отбор и исчезновение лучших расовых элементов той или иной популяции в пользу низших рас являются лишь конкретной формой этого общего явления. Арийская раса создала почти все, что есть ценного в культуре и цивилизации. Почти весь человеческий прогресс обязан ей, но эти достижения и прогресс обошлись очень дорого. Теперь ей приходится расплачиваться за это, и платой является уничтожение самой этой творческой расы. Ныне этот процесс близится к своему концу. Арийская раса быстро исчезает, и в настоящий момент составляет лишь небольшую часть всего рода человеческого. С помощью некоторых особых евгенических мер, а именно путем создания естественной аристократии согласно врожденным качествам индивидов и межродственному скрещиванию, повышения уровня рождаемости в среде этой аристократии и превращения ее в новую господствующую расовую касту, можно было бы замедлить процесс расового вырождения. Но больших надежд на реализацию этих мер нет, и даже в лучшем случае они смогли бы лишь отсрочить, но не предотвратить исчезновение арийцев.

Такова сущность основной работы Лапужа. В своих книгах «L'Arguén» и «Le race et milieu social», а также в многочисленных исследованиях он не до-

⁵¹ Ibid., ch. XV.

⁵² Ibid., p. 443 f.

бавил по существу ничего нового к принципам, изложенным в «Les selections sociales». В «L'Argen» Лапуж мастерски обобщил основные «законы», разработанные им и его последователями. Эти законы будут приведены позже, а пока рассмотрим основные принципы теорий Отто Аммона и Георга Хансена.

Отто Аммон. Второй основатель «антропосоциологии» – выдающийся немецкий антрополог Отто Аммон. Его труды начали появляться почти в то же время, что и работы Лапужа. Вначале они работали независимо друг от друга, но несколько позже познакомились с работами друг друга и после этого начали сотрудничать в деле популяризации своих очень похожих теорий. Аммон начал свою научную работу с антропометрического измерения рекрутов Великого герцогства Баден⁵³ в 1886 г. Эти измерения показали, что процент долихоцефалов среди городских рекрутов (из Гейдельберга, Карлсруэ, Маннгейма и других) намного выше, чем среди сельских новобранцев, тогда как процент брахицефалов обнаружил обратную пропорцию. Результат оказался весьма неожиданным для самого Аммона, и на тот момент он не мог понять, чем он обусловлен: непосредственным воздействием городской среды или же специальным отбором городского населения. Как натуралист, он решил, что следует проверить обе гипотезы и разработал такой тест. Он начал тщательнейшим образом снимать антропометрические показатели у учащихся гимназий (средних школ) и рекрутов Карлсруэ и Фрайбурга, строго разделив их по социальному положению (их собственному и их родителей) и по происхождению – из села или города. В результате измерений обнаружилось, что процент долихоцефалов снова оказался выше в городском населении, чем в сельском, больше среди тех, кто переселился в город из села, чем среди тех, кто там остался, и что среди высших социальных классов долихоцефалов больше, чем среди низших⁵⁴. Эти факты, которые нельзя было объяснить непосредственным влиянием городской среды, становились понятными, стоило лишь допустить действие отбора. Объяснение этих результатов Аммоном сводится к признанию, что долихоцефалы доминируют среди тех, кто мигрирует из села в город. Другими словами, долихоцефалы более мобильны, чем брахицефалы, чем и объясняется преобладание долихоцефалического типа в той части городского населения, которая состоит из таких мигрантов, по сравнению с сельским населением. Эта форма отбора облегчается еще одним обстоятельством, наблюдаемым в городах, а именно тем, что брахицефалы вымирают в городах быстрее и что долихоцефалы взбираются по социальной лестнице в городах более успешно, чем брахицефалы. Результаты, полученные посред-

⁵³ Результаты были опубликованы Аммоном в его труде «Anthropologische Untersuchungen der Wehrpflichtigen in Baden». Hamburg, Richter, 1890. Краткое резюме эволюции теорий Аммона в связи с работами Лапужа дано в его статье «Histoire d'une idée. L'Anthroposociologie» в Revue international de sociologie. Vol. VI, 1898, p. 145–181.

⁵⁴ Подробные результаты исследования Аммон опубликовал в своей книге «Die Natürliche Auslese beim Menschen» (Jena: G. Fischer, 1893).

ством этих измерений, можно объяснить, если принять гипотезу отбора. Таким индуктивным способом Аммон пришел к заключениям, подобным выводам Лапужа и Георга Хансена⁵⁵.

В своей книге «Die drei Bevölkerungsstufen» (впервые изданной в 1889 г.) Георг Хансен пытался показать, что население городов не могло бы сохранять свой биологический баланс, не будь постоянного притока сельских мигрантов. Иначе их население вымерло бы через два или три поколения. Поскольку же этого не происходит, причиной тому должна быть миграция деревенских жителей в города. Города постоянно поглощают излишние и лучшие элементы сельского населения. Мигранты, приехав в город, обычно входят в состав средних социальных слоев, часть из них поднимается выше. Возвысившись, они становятся бесплодными и вымирают, другая же часть опускается в класс пролетариата. Таким образом, вопреки теории К. Маркса, имеется не три, а только два основных социальных класса: аграрный класс (фермеры, землевладельцы, крестьяне) и класс городского пролетариата, поскольку городские средние классы и высшие сословия представляют собой лишь временную стадию перехода сельских мигрантов из аграрного класса в пролетариат. В конечном счете город истощает все ценные элементы сельского населения, после чего распад соответствующего общества становится неизбежным.

Теории Хансена и Лапужа помогли Аммону понять универсальное значение данных, полученных в ходе вышеупомянутых наблюдений. Таким вот образом он пришел к заключениям, подобным выводам Лапужа, а позднее стал одним из наиболее видных лидеров данной школы. Хотя Аммон, по сути дела, был согласен с принципами теории Лапужа, он тем не менее подчеркнул некоторые пункты расхождения. Это было вызвано, во-первых, большей точностью и осторожностью Аммона. В отличие от Лапужа, он указал, что если преобладание долихоцефалов среди городского населения и высших сословий и не вызывает никаких сомнений, то нельзя сказать того же о пигментации. Долихоцефалы не должны обязательно быть блондинами, чтобы преуспеть в городе, и то же самое может быть сказано относительно мигрантов из села в город. Далее, вопреки Гобино и отчасти Лапужу Аммон признает, что небольшая примесь брахицефалической крови у долихоцефалов может стать весьма благоприятным условием для научной и подобной ей деятельности. В противоположность Хансену он статистически показал, что срок в два поколения, в течение которого исчезнет городское население без притока сельских мигрантов, слишком мал. Кроме того, он указал, что сельские мигранты, приехав в город, входят не в средние классы, как думал Хансен, а от трех четвертей до четырех пятых из них вначале входят в класс пролетариата. Лишь следующие поколения их потомков постепенно взбираются наверх и, поднимаясь, становятся все менее плодовитыми. Он также

⁵⁵ См.: *Ammon. Histoire d'une idée*, p. 152–157.

подчеркнул, что в нынешних городах брахицефалическое население вымирает быстрее, чем долихоцефалы, хотя в конце концов долихоцефалы также должны вымереть⁵⁶.

Постепенно переходя от специальных исследований к более общим проблемам, Аммон сформулировал свою общую социологическую теорию, которую изложил в книге «Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen» [Социальный строй и его естественные основания], изданной в 1895 г.⁵⁷ Основные идеи этой отчасти теоретической, а отчасти пропагандистской книги таковы: главный недостаток существующих социологических теорий, считает Аммон, заключается в чисто экономическом подходе к социальным проблемам. Человеческое существо есть прежде всего организм с определенными качествами, а общество по своей сути – биологическое явление; поэтому биологический подход к интерпретации социальных явлений представляется необходимым. Биологический же подход обеспечивают принципы теории Дарвина. Основными понятиями дарвинизма являются наследственность, изменчивость, борьба за жизнь, естественный отбор и выживание наиболее приспособленных – их и нужно использовать для интерпретации социальной жизни (§§ 1–9). Они объясняют, что социальная жизнь появляется только у таких видов, для которых социальное существование полезно с точки зрения выживания, и среди этих видов – человеческие существа. Кроме того, они показывают, что люди неравны в физическом, умственном и моральном плане. Это неравенство обусловлено главным образом фактором наследственности. Гениальность, талант и любая способность того или иного рода являются, прежде всего, результатом наследственности. Каждое общество нуждается в гениальных людях, чтобы преуспеть в борьбе за существование, а так как гении редки, то в интересах общества способствовать их воспроизводству. Чтобы преуспеть в борьбе за существование, общество должно приблизиться к такому типу устройства, при котором все его члены занимают положения, в наибольшей степени соответствующие их способностям. Социальный строй и социальные институты, которые осуществляют такое социальное распределение своих членов, не являются чем-то эпизодическим, а представляют собой замечательный механизм, созданный в течение жизни многих поколений для успешной борьбы за существование (§§ 10–11). Напомнив нам об этих принципах, Аммон переходит к интерпретации фундаментальных социальных явлений с этой точки зрения. По ходу дела он приходит к исключительно высокой оценке существующего социального строя и его замечательного устройства. Так как люди от природы неравны, то, соответственно, не должно быть никакого социального равенства. Так как гении и лидеры необходимы для существования любого общества, разумно, что оно должно было создать множество институтов, цель

⁵⁶ *Ammon*. Histoire d'une idée, p. 156–157.

⁵⁷ Я цитирую ее по третьему изданию: Jena: G. Fischer, 1900.

которых – способствовать их появлению. Эта цель в значительных масштабах достигается посредством учреждения социальной стратификации населения на высшие и низшие классы и запрета или предотвращения межклассовых браков. Таким образом, социальная стратификация полностью оправдана с биологической точки зрения. Так как лучший социальный строй тот, при котором каждый член занимает такое место и трудится на том поприще, которое соответствует его врожденной способности, то в каждом обществе должен существовать специальный механизм, который тестирует людей, просеивает и определяет их на подходящее рабочее место и в соответствующий социальный слой. И такой механизм реально существует. Он функционирует в виде школ, которые отделяют неспособного от способного, препятствуют социальному восхождению неспособного и облегчают социальное продвижение способного. Далее такой механизм функционирует в виде различных религиозных, профессиональных и институциональных испытаний и других препятствий, которые необходимо преодолеть, прежде чем занять относительно высокое социальное положение. Те, кто талантлив, успешно преодолевают такие препятствия и поднимаются; те, кто не блещет умом, потерпят неудачу и должны будут остаться на относительно низком социальном уровне. Полиция, уголовное судопроизводство и наказание – вот еще разновидности этого механизма, которые созданы для искоренения моральных и социальных банкротов, благодаря чему и осуществляется социальный отбор. Этот социальный отбор является лишь разновидностью естественного отбора, и он неизбежен ввиду неравенства индивидуумов (§§ 13–14). Он полезен для общества, потому что позволяет отделить способного от неспособного и поместить каждого на то место в обществе, которое соответствует его качествам. Естественный результат такого отбора – наличие социальных слоев и социального неравенства. Таково их происхождение и оправдание. Аммон указывает и на другие причины образования социальных слоев (§ 23 и сл.). Одна из них должна облегчить межродственное скрещивание естественной аристократии, препятствуя смешанным бракам, и таким образом увеличить возможность появления гениев. Второе полезное следствие разделения общества на высшие и низшие классы состоит в том, что оно позволяет талантливым детям аристократии избегать недостатков и пороков самых низших классов и в то же время создает некоторые препятствия на пути легкого восхождения из низших классов в высшие. Межклассовые барьеры препятствуют проникновению никчемных индивидов в верхние слои, в то время как люди способные могут эти препятствия преодолеть. Третья выгода такой стратификации – в том, что благодаря привилегиям, которые предоставлены высшим сословиям, их представители имеют материальный комфорт, абсолютно необходимый для успешного осуществления их интеллектуальной деятельности. Лучшие продукты питания, свежий воздух и другие удобства необходимы для нормального выполнения ответственных со-

циальных функций высших сословий, в то время как те же самые условия не так необходимы для успешного выполнения низкоквалифицированной работы низших классов. Четвертое приносимое благо – то, что привилегии высших сословий служат мощными стимулами для талантливых людей из низших классов проявить свои таланты и подняться в верхние слои общества. От такого усилия большую пользу получают и индивиды, и все общество. Из всего вышеизложенного ясно, что, по мнению Аммона, социальная стратификация и неравное распределение богатства весьма выгодны, полезны, необходимы и поэтому полностью оправданы. Он указывает на то, что распределение дохода и интеллекта в обществе тесно связаны друг с другом и что одна форма неравенства является всего лишь проявлением другой. Подводя итог этой части, Аммон подчеркивает, что в целом существующий социальный строй чрезвычайно хорош и намного лучше, чем любая кем бы то ни было придуманная «рациональная» система.

Проделанный анализ ведет Аммона ко второй части его книги. Здесь он указывает на то, что в основании социальной стратификации лежат расовые различия индивидов. Используя некоторые исторические и антропометрические данные, он утверждает, что верхние слои занимали арийцы, в то время как более низкие социальные классы были преимущественно брахицефалами (§ 27 и сл.). Здесь он приводит рассуждения, которые я уже упоминал, т. е. гипотезы об эмиграции из села в город, о процессе вымирания представителей верхних слоев и заполнении их мест выходцами из низших классов, об уменьшении рождаемости у потомков этих выскочек, о процессе их вымирания и замене новыми карьеристами и т. д. Таким вот образом постоянно идет миграция из села в город и происходит циркуляция со дна до вершины общества. Основным ресурсом, из которого рекрутировались будущие карьеристы, было и остается крестьянство. Из-за наличия барьеров только талантливые выскочки могут успешно взобраться наверх; кроме того, они, как правило, возвышаются постепенно, в течение жизни нескольких поколений. Это опять-таки выгодно для общества. До этого пункта, как мы могли заметить, теория Аммона очень оптимистична – он считает существующий социальный строй почти совершенным. Означает ли это, что его виды на будущее столь же оптимистичны? Аммон отмечает, что, к сожалению, арийцев в процентном соотношении становится все меньше. К концу XIX в. в Бадене их уже было лишь 1,45% от общей численности населения (р. 132). Большинство их можно обнаружить теперь лишь в высших сословиях общества. По мнению Аммона, этот факт служит дополнительной причиной к тому, чтобы сделать все возможное для предохранения этой высшей расы от исчезновения. Согласно Аммону, будущее выглядит не очень обнадеживающим, и он, по сути, соглашается с законом упадка, сформулированным Лапужем. С другой стороны, он констатирует, что, пока среди крестьян будет сохраняться высокая рождаемость, останется возможность заполнения свободных мест, оставляемых выми-

рающей аристократией, талантливыми и тщательно отобранными сельскими мигрантами и их потомками.

Таковы основные положения книги Аммона. Вторая ее часть служит скорее политическим и пропагандистским целям, в ней он резко критикует социализм, эгалитаризм и другие подобные теории и институты. Нам нет нужды рассматривать эти подробности.

Законы Лапужа–Аммона. Лучшим резюме этих теорий является список законов, который их авторы считают вкладом в науку и в котором они пытаются подытожить свои основные выводы. В формулировке Лапужа эти законы выглядят следующим образом⁵⁸:

1. *Закон распределения богатств.* В стране со смешанным арийско-альпийским населением богатство растет обратно пропорционально цефалическому индексу. (Это означает, что чем больше долихоцефалов в составе класса или населения какого-то региона страны, тем больше богатства у этих групп и *vice versa*^{7*}.)

2. *Закон высот.* В регионах, где нордическая раса сосуществует с альпийской, она локализуется на самых низких высотах (на равнинах, а не в гористых местностях).

3. *Закон распределения городов.* Самые важные города почти всегда находятся в регионе, населенном долихоцефалами, и в наименьшей степени – в брахицефальных областях брахицефальных регионов.

4. *Закон городского индекса.* Черепной индекс городского населения ниже, чем у сельского населения в окрестностях города.

5. *Закон эмиграции.* Среди населения, начавшего разъединяться, эмигрируют наименее брахицефальные элементы.

6. *Закон смешанных браков (Loi des formariages).* Цефалический индекс потомков тех родителей, которые происходят из разных регионов, менее высок, чем средний индекс населения этих регионов. Это означает, что менее брахицефальные элементы населения более склонны мигрировать и вступать в брак вне пределов своих регионов.

7. *Закон концентрации долихоцефалов.* В регионах, где существует брахицефальный тип, он имеет тенденцию концентрироваться в деревне, тогда как долихоцефалы больше тяготеют к городу.

8. *Закон городской элиминации.* Городская жизнь имеет тенденцию выполнять отбор в пользу долихоцефалов и разрушает или устраняет наиболее брахицефальные элементы.

9. *Закон стратификации.* Черепной показатель в одной и той же местности уменьшается по мере продвижения от низших социальных классов к высшим.

⁵⁸ См.: Lapouge. L'Aryen, p. 412 f. См. также: Closson C.C. La hiérarchie des races européennes // Revue internationale de sociologie, 1898, p. 416–430.

Средний рост и процент высокорослых увеличиваются при перемещении от низших слоев к высшим.

10. *Закон интеллектуалов.* Череп интеллектуалов более развит во всех направлениях, особенно в ширину, чем у простых людей.

11. *Закон увеличения индекса.* С доисторических времен цефалический индекс, как правило, постоянно и везде увеличивается.

Перечислением этих «законов» мы и завершим обзор основных положений рассматриваемых теорий.

4. Биометрическая ветвь школы

Третья основная ветвь расово-антропологической школы представлена биометрической школой, идеи которой сформулированы преимущественно в работах Фрэнсиса Гальтона и развиты Карлом Пирсоном и его последователями. Начав с исследования индивидуальных различий между людьми, эта ветвь сконцентрировала свое внимание на изучении наследственности. Эти исследования привели ко многим выводам чисто социологического характера, подобным фундаментальным заключениям других ветвей школы.

Фрэнсис Гальтон (1822–1911). Особенно большое влияние на Гальтона и его труды оказали среди прочих ученых известный бельгийский статистик Адольф Кетле⁵⁹ и Чарльз Дарвин. Кетле он обязан применением и совершенством количественного исследования индивидуальных различий и явлений наследственности и таланта. У Дарвина Гальтон почерпнул многие общие принципы, которые он применял в собственных учениях об отборе и изменчивости. Вот его основные работы, которые важны с социологической точки зрения: «Hereditary Genius» (первое издание вышло в 1869 г., я пользуюсь лондонским изданием 1892 г.), «English Men of Science» (1874); «Inquiries into Human Faculty and Its Development» (1883), «Natural Inheritance» (1889) и «Noteworthy Families», написанная в соавторстве с Э. Шустером (1906).

Сколь разными ни были бы проблемы, которые изучал Гальтон, тем не менее во всех своих трудах он подчеркивал несколько фундаментальных идей, сформулированных в его ранней работе «Hereditary Genius». Эти идеи можно суммировать следующим образом:

1. Индивиды отличаются по своим физическим, а также психологическим характеристикам. Они отличаются по росту, весу, цвету волос, здоровью, энергии, чувствительности, силе слуха, умственному воображению, общительности,

⁵⁹ См.: *Quetelet A. Sur l'homme et le développement de ses facultés, un essai de physique sociale.* Paris, 1835, vol. 1–2; *Anthropométrie ou mesure des différentes facultés de l'homme.* Bruxelles, 1870.

интеллекту, способностям и т. д. Вопреки популярной идее о равенстве людей, они, как выясняется, неравны.

2. Физические, а также умственные особенности распределяются согласно типичной кривой частоты распределения среди индивидов одного и того же общества. Например, если миллион человек оценить по их умственным способностям от высочайшей гениальности до самой непроходимой тупости, разбить на два класса – ниже и выше среднего уровня – и распределить по умственным категориям, разделенным равными промежутками, то получатся примерно такие числа:

Степени природной одаренности, разделенные равными интервалами		Количество на каждый миллион одинакового возраста
Ниже среднего уровня	Выше среднего уровня	
a	A	256 791, или 1 на 4
b	B	162 279, или 1 на 6
c	C	63 563, или 1 на 16
d	D	15 696, или 1 на 64
e	E	2 423, или 1 на 413
f	F	233, или 1 на 4 300
g	G	14, или 1 на 79 000
x (все уровни ниже g)	X (все уровни выше G)	1, или 1 на 1 000 000
В ту или другую сторону от среднего уровня		500 000
Итого, с обеих сторон		1 000 000

Больше половины каждого миллиона содержится в двух средних разрядах а и А; четыре средних разряда а, b, А, В содержат более четырех пятых и шесть средних разрядов – девятнадцати двадцатых всего населения. Таким образом, высокая одаренность и чрезвычайное обилие посредственности – явления не случайные, а вытекают из необходимости, из самой природы этих вещей⁶⁰.

3. Индивидуальные различия обусловлены двумя основными факторами – окружающей средой и наследственностью, но из этих двух факторов наследственность гораздо важнее. Точку зрения Гальтона можно уяснить из следующих цитат:

«Я вполне признаю важное значение воспитания и различных общественных влияний для развития деятельных сил ума, так же как я признаю воздействие упражнений на развитие мышц руки кузнеца, – но не более того. Сколько бы кузнец ни работал, он рано или поздно поймет, что есть вещи, которые ему не под силу»⁶¹.

«Природные способности человека передаются ему путем наследования, при таких же точно ограничениях, как нынешняя форма и физические признаки во всем органическом мире»⁶².

⁶⁰ Galton F. Hereditary Genius. London, 1892, p. 30–31.

⁶¹ Ibid., p. 12 f.

⁶² Ibid., p. 1 f.; Noteworthy Families, p. XX f.

4. Большая часть исследований Гальтона была посвящена доказательству решающего значения фактора наследственности. Он неутомимо пытался это показать самыми разными способами. Основные доказательства, выдвигаемые им, суть следующие:

а) Изучение гениев доказывает, что талант и способность наследуются. Следовательно, «талантливые отцы производят талантливых детей в намного большей пропорции, чем заурядные». Изучение Гальтоном английских научных деятелей, гениев и членов Королевского общества показало, что семьи, в которых есть двое или больше выдающихся людей, производят больше известных гениев, чем семьи только с одним, и что «более близкие родственники выдающихся людей гораздо талантливее отдаленных». Другими словами, мы имеем «быстрое уменьшение в частоте значимости с увеличением дистанции родства». Соответственно, «вероятность того, что родственник выдающегося человека проявит незаурядные способности, по сравнению с тем, у кого такого родственника нет, меняется в следующей пропорции: если это отец – она больше в 24 раза, если брат – в 31 раз, если дедушка – в 12, если дядя – в 14, если двоюродный брат – в 7, если прапрадед по отцовской линии – в 3 с половиной раза»⁶³.

б) Талант определенного рода – математика, музыканта, выдающегося судьи или государственного деятеля, – как правило, передается по наследству.

с) Окружающая среда не может сделать гения из заурядного человека, а, с другой стороны, талантливый и гениальный человек неблагоприятные условия окружающей среды, как правило, преодолевает.

«Известно, что многие люди, еще не достигнув среднего возраста, возвышаются из низшего состояния до такого положения в обществе, когда для их последующей карьеры становятся безразличными условия их жизни в детские годы».

К этому возрасту они обычно преодолевают все препятствия и достигают положения тех, кто родился в более благоприятных условиях. В результате подобного рода гениальные люди, хоть они и родились в скромных семьях, в зрелом возрасте занимают уже столь же престижное положение, как и те, кто родился в лучших условиях. Например, «трудности английской общественной жизни не могут подавить большой талант. Число выдающихся людей в Англии так же велико, как и в других странах (например, в Соединенных Штатах), где этих трудностей меньше». «Общественные препятствия не могут помешать высокоталантливому человеку занять выдающееся положение». «Я убежден, что ни один человек не может заслужить высокую репутацию, не будучи одарен чрезвычайно высокими способностями» (Hereditary Genius, p. 34 f.)

d) Изучение близнецов, проведенное Гальтоном, показало, что одинаковое питание не делает их подобными, если они отличаются биологически, и что раз-

⁶³ Hereditary Genius, p. 53 f., 102 f.; Noteworthy Families, p. XII f.

ное обучение едва ли затрагивает их сходство, если они похожи друг на друга биологически.

«Нельзя не признать, что натура гораздо сильнее воспитания, если только воспитание не сильно отличается от того, какое обычно получают люди одного и того же социального уровня в одной и той же стране»⁶⁴.

е) О второстепенном значении среды свидетельствует и тот факт, что одну и ту же внешнюю среду по-разному видят и воспринимают люди с разными наследственными качествами, пробуждающими в них совершенно разные реакции, эмоции и интересы. Более того, в разных обстановках часто вырастают личности одного и того же типа, достигающие почти одинаковых успехов, и наоборот: в условиях, мало отличающихся друг от друга, нередко появляются личности совершенно разного типа и с абсолютно разными характеристиками.

Таковы основные факты и соображения, которые привели Гальтона к выводу о том, что фактор наследственности более важен, чем фактор окружающей среды.

5. Показав различия между индивидами, Гальтон применяет те же самые принципы к группам и расам. В своих работах он указал, что высшие и низшие слои общества не равны в отношении способностей, что высшие сословия произвели больше гениев и талантов, чем более низкие, и что такое различие обусловлено не столько средой, сколько наследственностью. Расы тоже неравны. Если судить об их способности по количеству гениев, рождающихся на определенное количество населения, то выяснится, что древние греки в Афинах, особенно в период с 530 по 430 г. до н. э., давали одного первоклассного гения на приблизительно 4 822 или даже 3 214 человек населения, тогда как в Англии это количество населения на одного гения намного выше. Что касается негров, то они оказались не в состоянии произвести ни одного гения за всю свою историю⁶⁵.

6. Из вышесказанного следует, что исторические судьбы общества определяются, прежде всего, изменениями в наследственных качествах его населения или, другими словами, результатами отбора. Изменения окружающей среды, взятые отдельно, имеют лишь второстепенное значение и являются скорее результатом, чем причиной изменений в наследственных качествах населения. Таким образом, Гальтон основал теорию отбора и расовых факторов, которая значительно повлияла на Аммона, Лапужа и других приверженцев антропометрической школы. Кроме того, его работы придали значительный импульс евгенике как методу социальной реорганизации на основе правильного направления изменений в наследственных качествах населения посредством селекции и селекционных агентств. Метод заключается в содействии увеличению рожда-

⁶⁴ *Inquiries into Human Faculty*, p. 155–173.

⁶⁵ *Hereditary Genius*, p. 325–337.

емости и сохранению рода биологически, интеллектуально и нравственно лучших представителей и в препятствии размножению социально неполноценных и биологически и ментально ущербных. Работа Гальтона в этой области нашла очень много последователей, и в настоящий момент евгеника становится важным методом социальной реконструкции и социальной политики.

Таковы вкратце главные достижения Гальтона, обогатившие социологическую точку зрения. Эти достижения, опирающиеся на фактический и статистический материал, оказали большое влияние на биологов, психологов и социологов. Его работу продолжили многие известные ученые и исследователи, среди которых особенно заметное место занимают Карл Пирсон и его сотрудники.

Карл Пирсон (1857–[1936]). Первым его значительным вкладом в социологию стало совершенствование количественного метода изучения социальных, психологических и биологических явлений. Кроме того, он является одним из самых известных создателей математической теории корреляции. Пирсон разработал ее в ряде своих биометрических исследований⁶⁶. Нам нет необходимости анализировать ее здесь. Ее большое значение признано всеми специалистами и не вызывает никаких сомнений.

Вторая область достижений Пирсона и его последователей охватывает ряд математических исследований явлений изменчивости и наследственности у человека. Наверное, больше, чем кому бы то ни было, мы обязаны группе Пирсона за количественное исследование этих проблем. Результат этих исследований состоит в демонстрации того, «что человек изменяется, что эти изменения, благоприятные или неблагоприятные, наследуются и подвергаются селекции»⁶⁷.

«Мы не только установили, что человек изменяется, но в Биометрической школе в двухстах случаях измерили степень этой изменчивости у мужчин и в женщин. Изменчивость у мужчин в любой локальной расе^{9*} составляет от 4–5 до 15–20% от абсолютной величины характера»⁶⁸.

Что касается наследования этих изменений, то «в этом нет никаких сомнений. Это не просто соматические отклонения, а изменения, соответствующие реальным зародышевым различиям».

Эти исследования показали, что члены одного и того же семейства наследуют не только физические, но и психологические и патологические особенности. Это видно на примере сходства между родителем и детьми, а также между родными братьями. Коэффициент корреляции наследуемого человеком телосложения почти такой же, как и у других видов. В нижеследующих таблицах

⁶⁶ См.: *Pearson. Mathematical Contributions to the Theory of Evolution.* Серии с I по XVIII, опубликованные в «*Biometric Laboratory Publications*», «*Proceedings of the Royal Society*» и в журнале «*Biometrika*»^{8*}.

⁶⁷ *Pearson K. The Scope and Importance to the State of the Science of National Eugenics.* 2nd ed., London, 1909, p. 26.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 26.

представлены основные результаты исследований наследственности у человека, которые получили Пирсон и его сотрудники: Дэвид Херон, Этель Элдертон, Эдгар Шустер, Эми Баррингтон, Э. Неттлшип, Ч.Э. Ашер, Джулия Белл, Чарльз Горинг, С.Дж. Перри, Э.Дж. Поуп, Э.Ч. Сноу, Ли и др.

Таблица II дает коэффициенты корреляции в наследовании патологических особенностей.

Таблица III дает результаты исследований наследования психических особенностей.

Таблица I. Наследование психики у человека и других разновидностей⁶⁹

Мужчина – родительская наследственность, только по мужской линии		Наследственность братьев	
Особенность	Коэффициент корреляции или интенсивность наследования	Особенность	Коэффициент корреляции или интенсивность наследования
Рост	0,51	Рост	0,51
Размах рук	0,45	Размах рук	0,55
Предплечье	0,42	Предплечье	0,49
Цвет глаз	0,55	Цвет глаз	0,52; 0,54
		Ширина головы	0,59
		Длина головы	0,50
		Высота головы	0,55
		Черепной индекс	0,49
		Здоровье	0,52
		Цвет волос	0,62
		Вьющиеся волосы	0,52

Родительская наследственность в различных разновидностях

Вид	Особенность	Коэффициент корреляции
Лошадь	Пигментация	0,52
Бассет-хаунд ^{10*}	Цвет шерсти	0,52
Борзая	Цвет шерсти	0,52
Тля	Правый усик (фронтальный размах)	0,44
Дафния	Протоподит (длина туловища)	0,47

Таблица II. Патологическая наследственность

Условие	Родительская	Братьев
Глухонмота	0,54	0,73
Психоз	0,58	0,48
Туберкулез	0,50	0,48
В среднем	0,54	0,56

⁶⁹ Ibid., p. 27–29.

Таблица III. Схожесть братьев и сестер⁷⁰

Особенность	Мальчики	Девочки	Мальчик и девочка
Живость	0,47	0,43	0,49
Настойчивость	0,53	0,44	0,52
Самоанализ	0,59	0,47	0,63
Доступность	0,50	0,57	0,49
Совестливость	0,59	0,64	0,63
Темперамент	0,51	0,49	0,51
Работоспособность	0,46	0,47	0,44
Почерк	0,53	0,56	0,48
В среднем	0,52	0,51	0,52

Наследование способности, мужчина и женщина

Родительское.....от 0,49 до 0,58 в исследованных группах

Братское..... от 0,52 до 0,56 в исследованных группах

Эти таблицы показывают основные результаты, полученные школой Пирсона в ходе исследования наследственности. Коэффициенты корреляции свидетельствуют о том, что физические, патологические и психические особенности наследуются. Таким образом, школа подтвердила основные положения Гальтона.

Оставляя в стороне другие важные достижения Пирсона и его школы – те, которые довольно далеки от социологии, – перейдем к социологическим выводам, которые были сделаны им на основании этих и других биометрических исследований. Они описаны в его полупопулярных брошюрах и книгах, которые мы уже цитировали, а именно: «The Scope and Importance to the State of the Science of National Eugenics», «The Function of Science in the Modern State», «National Life from the Standpoint of Science», «Social Problems: Their Treatment, Past, Present, and Future», «Eugenics and Public Health», отчасти «The Grammar of Science» и в некоторых других работах, не говоря уже о специальных исследованиях Пирсона.

По существу, социологические доктрины и практические советы Пирсона идентичны учениям Гобино и Чемберлена, Лапужа, Аммона и Гальтона. Основные социологические принципы его школы таковы: во-первых, «биологические факторы являются доминирующими в эволюции человечества; они и только они могут пролить свет на расцвет и гибель наций, на расовый прогресс и национальное вырождение»⁷¹. Эволюция человека, как и эволюция животных, осуществляется посредством естественного отбора. Она «основана на четырех факторах: а) что особенности изменчивы; б) что они наследуются; с) что есть селективный уровень смертности, т. е. что индивидуумы, обладающие определенными свой-

⁷⁰ Ibid., p. 29–32.

⁷¹ Scope and Importance of Science, p. 38.

ствами или набором свойств в большей или меньшей степени, чем другие люди, умирают в целом раньше или позже, чем эти последние; d) что те индивидуумы, которые умирают рано, оставляют меньше потомков, чем те, которые умирают позже»⁷².

Из этих принципов следует, что изменения в расовом фонде населения посредством отбора представляют собой наиболее важный фактор возвышения или упадка нации. Если селекция способствует выживанию и приумножению лучшего человеческого материала, то нация прогрессирует; если ее направленность носит противоположный характер, она распадается. Это верно в отношении прогресса как конкретного общества, так и всего человечества.

«Если вы однажды осознали силу наследственности, то будете видеть в естественном отборе, результатом которого является подбор наиболее здоровых в физическом и умственном отношении индивидов в качестве родителей следующего поколения, самую благотворную основу для прогресса всех форм жизни. Воспитание и образование могут очень помочь социальному механизму, но сами по себе они не затормозят тенденцию к ухудшению человеческого фонда. Лишь сознательный или бессознательный отбор может с этим справиться.

То, что я сказал об испорченной породе, относится, на мой взгляд, к низшим человеческим расам. Как много столетий и даже тысячелетий кафры^{11*} и негры владели огромными регионами Африки, не тревожимыми белыми? Тем не менее их межплеменная борьба так и не привела к созданию цивилизации, хотя бы в малейшей степени сравнимой с арийской. Обучайте и воспитывайте их как угодно, но я не верю, что вы преуспеете в изменении их породы. История показывает мне один, только один путь, каким можно создать цивилизацию высокого уровня, – это борьба между расами и выживание расы, более пригодной в физическом и умственном отношении».

Это превосходство арийской расы оправдывает, по словам Пирсона, то, что белые «должны были прийти и полностью вытеснить низшую расу». С этой же точки зрения смешанные браки между различными расами нежелательны, потому что через них «испорченная порода улучшается, а хорошая ухудшается»⁷³. Борьба за существование идет не только между индивидами, но и между группами и расами.

«Зависимость прогресса от выживания более пригодной расы придает борьбе за существование позитивную идею; это плавильный тигель, из которого выходит высококачественный металл.

Вы можете надеяться, что настанет время, когда мечи перекуют на орало, когда белый и черный разделят между собой землю, каждый, как ему нужно. Но, поверьте мне, когда этот день придет, прогресс остановится; не будет ничего,

⁷² The Function of Science in the Modern State. 2d. ed., Cambridge, 1919, p. 3.

⁷³ Pearson K. National Life from the Standpoint of Science. 2d. ed., p. 20–24.

что могло бы контролировать размножение низшей породы; безжалостный закон наследственности выйдет из-под контроля и руководства естественного отбора. Человек начнет разлагаться, и, если только он не перестанет размножаться, вновь случится катастрофа»⁷⁴.

По этой причине Пирсон пессимистически смотрит на снижение рождаемости цивилизованных наций (р. 29); еще более пессимистически он оценивает дифференциацию рождаемости в нынешнем обществе, когда физически и умственно лучшие классы репродуцируют себя в гораздо меньшей степени, чем породы худшие (см. статистическое резюме этих исследований школы Пирсона в его книге «Score and Importance of the Science», р. 36–37). Он рассматривает данный факт как самую большую опасность, угрожающую прогрессу современного общества.

Вышеизложенное вполне характеризует социологическую позицию Пирсона. Особо следует упомянуть о том, что он, как и Аммон, положительно оценивает существование различных социальных слоев.

«Пусть будет лестница от класса к классу и от профессии к профессии, но пусть восхождение по ней будет не очень легким; человек, высоко одаренный (как Фарадей), по ней поднимется – и это все, чем она приносит пользу обществу. Градация социального тела не является простой исторической аномалией, это в огромной степени результат длительного и до сих пор продолжающегося отбора, который экономически дифференцирует человеческое сообщество на классы, более или менее приспособленные к определенным видам труда».

Соответственно, он утверждает, что образование должно быть разным для различных индивидов и групп, отвечающим их врожденным способностям⁷⁵.

Я не буду останавливаться на других идеях Пирсона, поскольку вышеупомянутого достаточно для того, чтобы прояснить его общую социологическую точку зрения. Мы видим, в сущности, что они очень похожи на идеи предыдущих представителей данной школы, несмотря на их разный подход к социальной проблематике.

5. Другие расово-антропологические, наследственные и селекционистские интерпретации социальных явлений

Помимо вышеупомянутых теорий имеется очень много других работ, которые придерживаются тех же самых или подобных принципов в интерпретации различных социальных явлений. Первую группу среди них составляют работы, цель которых заключается в том, чтобы продемонстрировать неравенство рас, показать превосходство белой расы и особенно ее определенных подвидов, та-

⁷⁴ Ibid., p. 26–27.

⁷⁵ The Function of Science, p. 9–12.

ких как «тевтонская», «нордическая» и «англосаксонская». Будучи в массе своей просто модификацией и популяризацией принципов, заложенных вышеупомянутыми авторами, эти работы, за малым исключением, ценности в научном отношении не представляют и являются главным образом своего рода целенаправленной или непреднамеренной пропагандистской литературой. Они обладают всеми недостатками работ предыдущих авторов, не имея их положительных качеств. Своей «высшей» расой они зачастую делают ту или иную конкретную национальность или нацию, и эта высшая «раса-нация» оказывается, как правило, национальностью соответствующего автора. В результате мы имеем «тевтонскую», «англосаксонскую», «кельтскую», «латинскую» и «еврейскую» теории социально-биологического превосходства рас или наций. Образчиками такого рода литературы являются работы М. Гранта, Л. Стоддарда, С.К. Хамфри, Л. Вольтмана, Вильзера, Отто Хаузера, Й.Л. Реймера, Дж.У. Бёрджесса, А. Шульца, Дж.А. Крэмба, У.С. Сэдлера, Ч.У. Гулда, Ч.С. Бэрра, а также частично некоторые работы У. Мак-Дугалла, Ф.К. Гюнтера и Ф. Ленца⁷⁶.

Вторая категория таких работ имеет дело преимущественно с различными формами социального отбора, с его последствиями и изменениями в расовом составе населения как фактором разнообразных социальных явлений, таких как прогресс и распад обществ и цивилизаций. Работы данной группы являются гораздо более научными и в большинстве случаев весьма ценными. Таковы работы П. Фальбека, С.Дж. Холмса, Г. Сенсини, К. Джини, Отто Зека, В. Шальмайера, Т. Фрэнка, П. Якоби, А. Декандоля, У. Бэтсона, Э. Хантингтона и отчасти П. Сорокина, Д.С. Джордана, В. Келлога, Ф.А. Вудса и многих других⁷⁷.

⁷⁶ См.: *Grant M.* The Passing of the Great Race. New York, 1916 (банальная вульгаризация работ Гобино, Лапужа, Аммона, Гальтона и Пирсона без упоминания их имен); *Stoddard L.* Racial Realities in Europe. New York, 1924; *Stoddard L.* The Rising Tide of Colour. New York, 1920; *Humphrey S.K.* Mankind, Racial Values and the Racial Prospect. New York, 1917; *Woltmann L.* Politische Anthropologie. Leipzig, 1903; *Woltmann L.* Die Germanen und die Renaissance in Italien. Leipzig, 1905; *Wilser L.* Rassen und Völker. Leipzig, 1912; *Hauser O.* Der Blonde Mensch. Weimar, 1921; *Reimer J.L.* Ein Pangermanisches Deutschland. Berlin und Leipzig, 1905; *Burgess J.W.* Political Science and Comparative Constitutional Law. Boston, 1890 (за исключением обсуждаемой проблемы, работа очень ценна во многих других аспектах); *Schultz A.* Race or Mongrel. Boston, 1908; *Sadler W.S.* Long Heads and Round Heads. Chicago, 1918; *Gould Ch.W.* America, a Family Matter. New York, 1922; *Burr C.S.* America's Race Heritage. New York, 1922; *Cramb J.A.* The Origins and Destiny of Imperial Britain. London, 1915; *McDougall W.* Is America Safe for Democracy? New York, 1921 (в книге есть несколько ценных и сильных моментов, но характеристика нордической и других рас далека от научной); *Günther F.K.* Rassenkunde des Deutschen Völkes. München, 1924, ценная работа, но обсуждаемая проблематика сомнительна. То же можно сказать о ценности теорий Ф. Ленца (см.: *E. Baur; E. Fischer; F. Lenz.* Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygiene. München, 1923, Bd. I–II) и А. Баслера (*Basler A.* Einführung in die Rassen und Gesellschafts Physiologie. Stuttgart, 1925).

⁷⁷ *Fahlbeck P.* La décadence et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1905, vol. XV, p. 367–389; *Fahlbeck P.* Der Adel Schwedens. Jena, 1903; *Sensini G.*

Третья категория работ пытается установить корреляцию между различными физическими особенностями человека и его моральными, интеллектуальными и социопсихическими чертами и особенностями темперамента. Наряду с этим многие работы этой группы пытаются увязать множество физических, жизненных и ментальных характеристик социальных групп и классов с их социальным положением и ролью в истории. Несмотря на ряд ошибок и поспешных обобщений, сделанных в некоторых из этих работ, они в целом очень ценны, особенно когда связаны с рядом специальных исследований в этой области. Работы этой группы слишком обширны, чтобы перечислять их здесь. Более или менее полную их библиографию можно найти в моей книге «Социальная мобильность» (главы X–XII и далее). Часть из них будет указана далее в разделе, посвященном критике расово-антропологической школы. Здесь достаточно упомянуть лишь несколько имен из великого множества тех, кто внес свой вклад в эту область: Ч. Ломброзо и его последователи, Ч. Горинг, У. Хили, Ф.А. Вудс, А. Ничефоро, Ж. Бертильон, Дж. Беддо, А. Мюффан, Э.М. Элдертон, Пальяни, Р. Ливи, П. Риккарди, Пфицнер, Коллиньон, Топинар, Брока, Мануврие, А. Грдличка, Шалюмо, Олорис, Анучин, Б.А. Гулд, Г.П. Боудич, Талько-Гринцевич, Ч. Робертс, Дж.Ф. Точер, У. Портер, Э.А. Долл, Г. Годдард, Ч. Девенпорт, Х. Эллис, Ф. Маас, И.Б. Гоуин, К. Рёзе, Б.Т. Болдуин, Л.М. Термен, Замош, О. Шлезингер, Дж.Э. Янг, Дж.Дж. Фрэзер, А. Фиркандт, П. Дешамп, Э. Мамфорд, Матейка, Спицка, Ф.Г. Парсонс, Шустер, А. Макдональд, Дюран де Гросс, А. Константэн, А. Бине, Деникер, Бушан, С.Д. Портеус, Й. Дрезеке, У. Тодд, Э. Риц, Р. Пирл, Маккин Кеттелл, Э.Л. Кларк, У.З. Рипли, П. Тарновская, В. Кларк, А.Э. Уиггам, А. Плётц, П. Сорокин, У.Р. Макдоннел, А. Один, Ю. Филипченко, У. Огл, С. Новосельский, К. Баллод, П. Момберт, Л. Герш, Ф. Принцинг, Кёрёши, Э. Левассер, А. Эттинген, Г. фон Майр, Х. Вестергард, И. Ваппеус, Л. Даблин, Л. Марш, Ф. Саворньян, Н. Хамфрис, доктор Фарр, Э. Велльман, В. Клаассен, Р. Турнвальд, Кучинский, У. Мак-Дугалл, а также множество других исследователей, которые способствовали решению проблемы – относительно того, имеется ли корреляция между

Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // Rivista Italiana di Sociologia. 1913; Gini C. I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni. Torino, 1912; Seeck O. Geschichte des Untergang der antiken Welt. Berlin, 1910 (3rd ed., все тома); Frank T. Race Mixture in the Roman Empire // American Historical Review. 1916, vol. XXI, p. 705 ff.; Holmes S.J. The Trend of Races. New York, 1921; Schallmayer W. Op. cit.; Jacoby P. Études sur la sélection chez l'homme. Paris, 1904, 2nd ed.; Bateson W. Biological Fact and the Structure of Society. London, 1912; Huntington E. The Character of Races. New York, 1924; Sergi G. La degenerazioni umane. Milano, 1889; de Candolle A. Histoire des sciences et des savants. Genève, 1885; Sorokin P. Social Mobility, parts III, IV; Woods F.A. Mental and Moral Heredity in Royalty. New York, 1906; Woods F.A. The Influence of Monarchs. New York, 1913, а также работы Д.С. Джордана и В. Келлога, указанные далее. Многие из этих работ будут рассмотрены в следующих главах данной книги.

физическими и умственными чертами, определенными расовыми и интеллектуальными качествами, социальным положением индивида или группы и их физическими, умственными и моральными качествами. Кроме того, состоит ли элита или привилегированная группа из отобранных индивидуумов или представляет собой простую конгломерацию людей, которые «неожиданно» и «благодаря простой удаче» преуспели в своем восхождении и получении привилегий⁷⁸.

Четвертая категория работ имеет дело преимущественно с ролью, какую играет наследственность в становлении характера и манеры поведения человека, а также в различных социальных процессах. Подчеркивая роль этих процессов, они пытаются интерпретировать их в свете фактора наследственности. В этом отношении данная группа работ продолжает исследования Гальтона, Пирсона и отчасти Лапужа и Аммона. Литература этой категории огромна. Список работ и их авторов занял бы, наверное, несколько десятков страниц. Это целый легион биологов, психологов и социологов. Многие вышеупомянутые авторы также принадлежат к этой группе. Помимо упомянутых имен я назову здесь только несколько из них, таких как Э. Торндайк, А. Плётц, Р.М. Йеркс, Ш. Рише, П. Попено, Р.Х. Джонсон, Г. Пойер, и т. д. Достижениям этой группы способствовали большинство представителей евгеники и исследователей человеческой наследственности⁷⁹.

Пятая группа состоит из исторических работ, посвященных проблеме арийцев, и работ по физической антропологии, имеющей дело с расами и их историей. В качестве репрезентативных для данной группы можно назвать труды таких авторов, как И. Тейлор, С. Рейнах, Г. Пик, В.Г. Чайлд, У. Риджуэй, Г.Г. Бендер, Г. Коссина и Ж. де Морган, с одной стороны⁸⁰, а с другой – авторов антропологических работ, таких как П. Топинар, Морселли, Дж. Серджи, А.К. Хаддон, Р.А. Диксон, У.З. Рипли, Г.Дж. Флер, А. Кит, Деникер, и многих других антропологов⁸¹.

⁷⁸ См. работы авторов, названных в этой и последующих сносках, а также их анализ в моей «Социальной мобильности» (главы X–XII).

⁷⁹ См. библиографию в: *Holmes S.J.* The Trend of the Race // *Popenoe P., Johnson R.* Applied Eugenics. New York, 1918 и в специальной книге Холмса по библиографии евгеники.

⁸⁰ См.: *Taylor I.* The Origin of the Aryans. London, 1890; *Reinach S.* L'origine des Aryens. Paris, 1892; *Peake H.* The Bronze Age and the Celtic World. London, 1922; *Childe V.G.* The Aryans. New York, 1926; *Ridgeway W.* The Early Age of Greece. Cambridge, 1901; *Zaborovski M.S.* Les peuples Aryens. Paris, 1908; *Bender H.H.* The Home of the Indo-Europeans. Princeton, 1922; *Kossina G.* Die Indogermanen. Würzburg, 1921; *de Morgan J.* Prehistoric Man. New York, 1925. О других работах см. в: *Hankins.* Op. cit., ch. II, III, IV.

⁸¹ *Dixon R.A.* The Racial History of Man. New York, 1923; *Ripley W.Z.* The Races of Europe. New York, 1915; *Topinard P.* Anthropologie. London, 1878; *Martin R.* Lehrbuch des Anthropologie. Jena, 1914; *Keith A.* The Antiquity of Man. New York, 1913; *Anthropologie // Hinneberg P.* Die Kultur der Gegenwart. Leipzig, 1923, Bd. V; *Fleure H.* The Peoples of Europe. London, 1922; *Haddon A.C.* The Races of Man. New York, 1925; *Sergi G.* Le origine umane. Torino, 1913; *Morselli E.* Antropologia generale. Torino, 1910.

Таковы основные группы работ, в которых рассматриваются проблемы, выдвинутые лидерами социально-антропологической, наследственной и селекционистской школ в социологии. После данного обзора перейдем к анализу того, что в принципах школы верно, а что ошибочно или является всего лишь предположением.

6. Критика школы

Возьмем одно за другим основные утверждения школы и рассмотрим, в какой степени они правильны.

1. *Гипотеза полигенного происхождения человеческих рас.* Одно из оснований теории Гобино и некоторых других сторонников школы состоит в том, что разные человеческие расы возникли из разных корней и по разным причинам. Эта разнородность происхождения и предполагается ответственной за относительное превосходство и относительную неполноценность рас. Верна ли эта гипотеза? Мы можем сказать лишь одно: и эта гипотеза, и противоположная ей гипотеза моногенного происхождения человеческих рас остаются не чем иным, как догадками. У нас нет четкого и окончательного доказательства истинности той или иной из них⁸². По этой причине аргументы Гобино, так же как и доводы его оппонентов, не могут иметь решающего значения.

2. *Гипотеза арийской расы.* Мы видели, что почти все представители школы утверждают, что наивысшей расой является арийская ветвь белой расы. Соответствует ли эта теория истине? Точны ли характеристики данной расы? Вполне ли доказаны ее происхождение и эволюция и утверждение, что все цивилизации были созданы этой расой? Как мы видели, гипотеза арийской расы прошла два этапа развития. В сочинениях Гобино термин «арийская раса» используется не вполне определенно, без какой-либо попытки обрисовать в общих чертах физические или зоологические особенности этой расы. Только в работах Лапужа и других антропометристов обнаруживаются попытки указать на ее зоологические или физические черты. Соответственно рассмотрение этой гипотезы следует разделить на две части. Сначала мы рассмотрим арийскую расу, как она описывается Гобино и его предшественниками. Гипотеза о происхождении арийской расы была выдвинута лингвистами, которые, начиная с Уильяма Джонса, обнаружили, что санскрит был источником европейских и некоторых других

⁸² См.: *Sergi G.* Le origine umane. Torino, 1913; *Morselli E.* Antropologia generale. Torino, 1910; *Sergi G.* Hominidae. Torino, 1911; *Topinard P.* Anthropology. London, 1878; *Haddon A.C.* The Races of Man. New York, 1925; *Dixon R.B.* The Racial History of Man. New York, 1923, p. 503 ff.

языков, что греческий, латинский и некоторые европейские языки родственны друг другу. Данный факт привел к выводу, что все народы, которые говорят на «арийских» языках, составляют различные ветви одной и той же расы. Такая гипотеза происхождения арийской расы сразу же обнаруживает свою слабую сторону, т. к. многие индивиды и социальные группы, говорящие на одном и том же языке, не обязательно должны принадлежать к одной и той же «расовой» группе в зоологическом понимании этого термина. В настоящее время на английском языке говорят народы, очень отличающиеся друг от друга в расовом отношении, тогда как народы одной расы могут говорить на разных языках. Так же обстояло дело и в прошлом, и поэтому из факта общности или сходства языков нельзя делать вывод об общности или идентичности расы. А именно так и делали ранние «арианисты»⁸³. Во-вторых, точно не известно, откуда произошла арийская раса, где было место ее обитания, по какому маршруту проходила ее миграция. Сами арианисты в этом отношении сильно расходятся друг с другом. Все, что предлагается в этой области, – не более чем гипотеза. Пока еще историки, занимающиеся ариями, не пришли ни к какому общему мнению. В-третьих, представление о том, что все или, по крайней мере, большинство великих цивилизаций были созданы арийцами, является еще более гипотетическим. Так как в ранних сочинениях школы биологические особенности расы установлены не были, их авторы не имели прочных оснований утверждать, что древние египтяне и ассирийцы или греки и римляне были арийцами в зоологическом смысле. Даже в лингвистическом плане эти народы значительно отличались друг от друга; хотя, если допустить, что они и были подобны в этом отношении, все равно это не дает никаких оснований делать вывод о том, что они родственны в расовом отношении. Этих соображений достаточно, чтобы показать: гипотеза об арийской расе на ее ранней стадии – всего лишь предположение, которое могло быть, а могло и не быть правильным, и на котором невозможно построить никакой достоверной научной теории.

3. *Нордическая, или хомоевропейская, гипотеза Лапужа и Аммона и законы Лапужа–Аммона.* В трудах Лапужа и Аммона гипотеза об арийской расе обрела более четкий характер. Как мы уже видели, представители хомоевропейской расы, согласно Лапужу, отличаются высоким ростом, светлыми волосами и принадлежностью к долихоцефалам. С этими чертами он увязал умственное и моральное превосходство и сформулировал вышеупомянутые «законы Лапу-

⁸³ Подробнее см.: *Houzé E. L'Aryen et l'anthroposociologie.* Bruxelles, 1906, p. 1–33; *Reinach S. L'origine des Aryens: histoire d'une controverse.* Paris, Leroux, 1892; *Taylor I. The Origin of the Aryans.* London, 1890; *Peake H. The Bronze Age and the Celtic World.* London, 1922; цитированные работы В.Г. Чайлда, С. Заборовски, Г.Г. Бендера, Г. Коссины, Ж. де Моргана. Хороший обзор гипотез представлен в книге Ф.Г. Хенкинса (см.: *Hankins F.H. Op. cit., ch. II.*)

жа–Аммона». Так вот, в какой степени эта теория подкреплена фактами и насколько достоверны вышеупомянутые «законы»? Так как здесь мы имеем дело с более четкими утверждениями, то их, безусловно, легче проанализировать, нежели те, что были в предыдущем случае. Каково бы ни было происхождение этого расового типа⁸⁴, факты, по-видимому, не подтверждают гипотезы Лапужа, и то же самое можно сказать о большинстве его «законов». Прежде всего, вопреки концепции Лапужа и Аммона, долихоцефальность не обязательно связана с умственным и интеллектуальным превосходством, чрезвычайной энергичностью, инициативностью и талантом. Австралийцы, эскимосы, новокаледонцы, готтентоты, кафры, негры западной Африки и некоторые другие первобытные народы имеют самый большой долихоцефальный индекс (от 71 до 75)⁸⁵, и все же они очень примитивны и не проявляют признаков умственного превосходства. Лапуж, столкнувшись с этим фактом, попытался принизить его значение, заявив следующее: «Я никогда не говорил и не думал, что превосходство хомоевропейцев обусловлено одной только их долихоцефальностью, но можно утверждать, что есть общая связь между долихоцефальностью и широчайшим размахом инициативы. Среди представителей любой расы доминируют долихоцефальные элементы. В Мексике, на Яве и среди негров долихоцефалы занимают более высокие социальные слои, тогда как элементы брахицефальные составляют большую часть обитателей низших социальных классов. Все господствующие расы являются долихоцефальными»⁸⁶.

Это последнее заявление несколько противоречит себе, но, независимо от этого, верно ли, что в каждой расе ее доминирующие классы состоят преимущественно из долихоцефалов? Верно ли, что в любой расе среди лидеров, высших сословий и выдающихся людей доля долихоцефалов гораздо выше, чем среди низших классов и простых людей? На эти вопросы следует ответить скорее отрицательно, т. к. ни Лапуж, никто другой из арианистов не предоставил удовлетворительного доказательства этого утверждения.

Несмотря на общее убеждение, что аристократия Европы состояла из представителей долихоцефального типа и что высшие социальные классы тоже были преимущественно длинноголовыми, это мнение можно подвергнуть серьезному сомнению⁸⁷. Во-первых, данные относительно прошлого недостаточны и сомни-

⁸⁴ Согласно терминологии и классификации профессора Диксона, этот тип близок к выделяемому им каспийскому типу. См. его работу о происхождении различных рас, их миграции и распределении на земле: *Dixon R. The Racial History of Man. New York, 1923, passim*, и особенно главу «Общие выводы».

⁸⁵ *Topinard. Anthropology*, p. 240–242.

⁸⁶ *Lapouge. L'Aryen*, p. 395. Ср. это с другими утверждениями Лапужа в «*Social Selections*» (p. 40, 78–79, 410 f.).

⁸⁷ Недавняя попытка Б.С. Брэмвелла доказать это предоставила только массу случайных и противоречащих друг другу данных, которые не могут ничего доказать и кото-

тельны. Во-вторых, мы определенно знаем, что некоторые знаменитые правители прошлого, например Тиберий и другие римские императоры, были скорее широкоголовыми. Если более или менее бесспорно, что самое раннее доисторическое население Европы, особенно его нижние слои, было чрезвычайно длинноголовым⁸⁸, то у нас все еще нет надежных фактов, с помощью которых можно обосновать мнение, что аристократия и лидеры того времени были еще более долихоцефальными. Данные, представленные Лапужем⁸⁹ и некоторыми другими исследователями относительно греческой, римской и средневековой аристократии, совершенно недостаточны и чересчур сомнительны, чтобы быть надежным основанием для более или менее определенного обобщения. Несколько черепов, чья принадлежность неизвестна и, следовательно, неизвестно их социальное положение, и некоторые ссылки на картины и статуи, с которыми можно сравнить противоположный тип картин и статуй, представляют собой практически все доказательства, на которых базируется гипотеза длинноголовости аристократии древних времен⁹⁰. Все, что мы имеем в качестве доказательства гипотезы о длинноголовости высших классов, – это измерения разных групп современного населения Европы. Верно, что многие данные, полученные Аммоном и Лапужем, а также некоторыми другими антропологами, это, по-видимому, подтверждают; но другие данные, приведенные частично теми же самыми и другими авторами, им противоречат. Стало быть, мы должны заключить, что гипотеза в лучшем случае все еще сомнительна и не доказана. Это можно увидеть на примере следующих репрезентативных данных:

Ничефоро⁹¹ при измерении детей из зажиточных и бедных семей обнаружил, что в обеих группах присутствуют оба типа и что в этом отношении между ними нет никакой значительной разницы.

У 594 самых одаренных детей Калифорнии обнаружены «цефалические показатели разных типов, но большинство из них относится к мезоцефалическому типу». Цефалические индексы таковы:

рые, как мы увидим далее, противоречат фактам. См.: *Bramwell B.S.* Observations on Racial Characteristics in England // *The Eugenic Review*. 1923, October. То же самое можно сказать о работе: *H. Onslow.* Fair and Dark // *The Eugenic Review*, 1920–1921, p. 212–217, 480–491. Похожие утверждения Мак-Дугалла и У. Рипли тоже бездоказательны. Любопытно отметить, что К. Пирсон в своей ранней работе выдвинул противоположную гипотезу о превосходстве брахицефалов. См.: *Pearson K.* The Chances of Death. London, 1897, p. 290–292.

⁸⁸ См.: *Ripley W.Z.* The Races of Europe. New York, 1915.

⁸⁹ *Lapouge.* Op. cit., p. 40 ff., 410 ff.

⁹⁰ Обоснованные критические замечания см. в работах: *Houzé E.* L'Argen et l'anthroposociologie // *Travaux de l'Institut de Sociologie*; *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. VIII; *Hankins.* Op. cit., passim; *Pearson.* Op. cit., 290.

⁹¹ *Niceforo A.* Les classes pauvres. Paris, 1905, p. 43–44.

Возраст	Мальчики	Девочки
7	81	83
8	86	82
9	81	79
10	81	80
11	80	80
12	80	80
13	80	79
14	79	80
15	80	81

Из этого видно, что наиболее одаренные дети Америки (с коэффициентом интеллекта – IQ = 151,33) в большинстве своем совсем не долихоцефалы⁹².

Данные, представленные доктором Парсонсом, показывают, что черепной показатель высших социальных групп английского населения ни в коем случае не является более долихоцефальным, чем у преступников и у населения в целом. Это видно из следующих цифр⁹³:

Социальные группы	Черепной индекс
Британские преступники	78,5
Население XIX столетия	74,9–77,5
Высшие и образованные группы (интеллектуалы, профессора и студенты Оксфорда, Кембриджа, Королевского колледжа, корпус королевских инженеров ^{12*} и т. д.	77,6–81,9

Кроме того, индекс британского населения по сравнению с индексом XVIII в. стал более брахицефаличным, и, однако же, нельзя сказать, что в течение XVIII и XIX столетий англичане стали более инертными и менее прогрессивными, чем были прежде.

Измерения американских детей, произведенные А. Макдональдом, показывают, что «длинноголовость детей увеличивается, а способности снижаются. Высокий процент долихоцефальности, по-видимому, сопутствует умственной отсталости»⁹⁴.

Более того, данные, которые получил доктор Рёзе, вопреки собственному его желанию подтвердить миф о долихоцефальности, полностью его опровергают и не обнаруживают никакой строгой связи. Это видно из данных таблицы⁹⁵:

⁹² *Terman L. Genetic Studies of Genius. 1925, vol. I, table 35, p. 148, 170.*

⁹³ *Parsons F.G. The Cephalic Index of the British Isles // Man. 1922, February, p. 19–23.*

⁹⁴ *MacDonald A. Man and Abnormal Man. 1905, p. 19.*

⁹⁵ *Röse C. Beiträge zur Europäischen Rassenkunde // Archiv für Rassenund Gesellschafts Biologie, 1905, S. 760, 769–792.* Недавно Дж.Р. Массельман и Г.Э. Хармон также не обнаружили никакой корреляции между цефалическим индексом и умственной способностью. См. их статьи в «*Biometrika*» (vol. XVIII, 1926, p. 195–206 и 207–220). Средний коэффициент корреляции между черепным индексом и умом – 0,061. *Pearson K. Relationship of Mind and Body // Annals of Eugenics, 1926, vol. I, p. 383.*

Социальная группа	Цефалический индекс
Пехотный полк в Бауцене	
Штаб-офицеры	81,4
Обер-лейтенанты	86,3
Лейтенанты	84,4
Вольнонаемные	84,6
Унтер-офицеры	84,9
Солдаты	84,6
Полк Королевских улан в Ганновере	
Офицеры	80,2
Унтер-офицеры	82,5
Солдаты	82,4
Лейб-гвардии кавалерийский полк в Стокгольме	
Офицеры	81,9
Унтер-офицеры	79,9
Солдаты	78,9
Рекруты в Копенгагене	
Сыновья сельских собственников	81,6
Сыновья батраков	82,0
Рекруты в Шварцбурге	
Сыновья сельских собственников	83,0
Сыновья батраков	81,6
Ученики реальных школ в Дрездене	
10-летние	
Все	87,1
Из дворянских семей	83,1
11-летние	
Все	86,8
Из дворянских семей	87,2
22-летние	
Все	83,6
Из дворянских семей	85,4
Высшее техническое училище в Дрездене	
Профессора	83,2
Адъюнкт-профессора и доценты	83,2
Преподаватели	83,8
Студенты	84,0
Новички в целом	85,2
Учащиеся начальных школ в Дрездене	
Отличники	85,8
Хорошисты	86,4
Троечники	86,4
Неуспевающие	85,4

Эти репрезентативные данные, взятые из многочисленных подсчетов Рёзе, показывают, что если и есть какая-либо связь между более высоким социальным положением и долихоцефалией, то она настолько неопределенна и имеет такое количество исключений, что мы вправе пренебречь ею как несуществующей. Измерения детей Ливерпуля (которые произвел Мюффан), черепов польского дворянства, образованных групп и простых людей (Талько-Гринцевич), испанских студентов и обывателей (Олорис), бельгийских убийц (Эгер и Даллеман), различных классов в Италии (Ливи) и другие подобные измерения не представляют собой никакого доказательства долихоцефальности высших сословий в Европе⁹⁶.

Этих результатов и собственного признания Лапужа в том, что «необходимых данных о цефалическом индексе различных социальных и профессиональных групп нет», достаточно, чтобы утверждать: гипотеза о долихоцефальности все еще остается просто мнением и ничем более.

Теории в отношении пигментации подтверждены не лучше. Мы видели, что, согласно Лапужу, второй особенностью арийской или нордической расы является ее белокурость. Как и длинноголовость, она предполагает связь с энергичностью, талантливостью и другими превосходными умственными качествами. Соответственно, приверженцы арийской или нордической расы утверждают, что высшие сословия западных обществ и их лидеры являются более светлыми, чем низшие классы и простые люди. Г. Онслоу и Б.С. Брамвелл в своих недавно опубликованных статьях повторяют, что «правлящий класс всегда был светложим», что слово «светлый» означает «яркий и белокурый» и что белокурость является признаком умственного и социального превосходства⁹⁷. В какой степени это утверждение истинно? Как показывают собранные данные, оно абсолютно безосновательно. Рассмотрим пигментацию высших и низких социальных классов, отбросив догадки о цвете глаз и волос у аристократии былых времен и довольно случайные ссылки на пигментацию нескольких исторических знаменитостей (которым можно противопоставить не менее многочисленные примеры противоположного свойства), и обратимся к фактическим доказательствам. Исследования, проведенные Ничефоро по этому вопросу, дали результаты, приведенные в нижеследующей таблице⁹⁸.

⁹⁶ Данные и ссылки см. в моей «Социальной мобильности» (гл. X).

⁹⁷ *Onslow H. Fair and Dark // The Eugenic Review, vol. XII, p. 212–217; Bramwell B.S. Observations on Racial Characteristics in England // The Eugenic Review, 1923, p. 480–491.* Даже такой оппонент преувеличения роли расовой теории, как Рипли, соглашается с этим. См. его «The Races of Europe» (p. 469, 548–550).

⁹⁸ *Niceforo. Op. cit., p. 50–51.*

Возрастные группы, лет	Процент детей, у которых светлый цвет глаз		Процент детей, у которых светлый цвет волос	
	Бедные	Богатые	Бедные	Богатые
7	19	18	26	21
8	18	18	26	20
9	17	17	25	20
10	16	17	24	20
11	16	15	22	18
12	16	15	23	18
13	16,4	14,8	22,1	17,2

Эти данные полностью противоречат критикуемой теории. У бедных детей более высокий процент белокурости, чем у богатых.

Ливи обнаружил, что в Италии среди бедного горного населения и крестьян процент светловолосых людей значительно выше, чем среди городского населения и населения более богатых регионов страны⁹⁹. К. Пирсон, изучив 1 000 выпускников Кембриджа и 5 000 школьников, не нашел никакой связи между пигментацией и умственными способностями¹⁰⁰. С другой стороны, И. Йоргер обнаружил, что среди потомков и членов таких преступных и слабоумных семей, каковой было семейство Зеро^{13*}, были как блондины, так и брюнеты¹⁰¹. Дж.Ф. Точер, тщательно изучавший преступников и слабоумных в Шотландии, также не нашел какого-либо различия в пигментации между обитателями тюрем и приютов и обычным населением, за исключением того, что среди душевнобольных обнаружилось чуть больше светлоглазых и темноволосых, чем среди нормального населения¹⁰². Далее, исследование пожилых американцев, которое провел доктор Алеш Хрдличка, показало, что широко распространенное мнение об их предполагаемой белокурости также ошибочно. Приблизительно у 50% цвет волос колеблется между светлым и темным. У одной четверти мужчин – темные или темно-каштановые волосы, и только один из шестнадцати мужчин и одна из 14,5 женщин оказываются блондинами¹⁰³. Опуская здесь другие подобные исследования с теми же самыми результатами¹⁰⁴, отметим лишь, что иссле-

⁹⁹ *Livi R.* Report // *Bulletin de l'Institut International de Statistique*, vol. VIII, p. 89–92.

¹⁰⁰ *Pearson K.* On the Relationship of Intelligence // *Biometrika*, vol. V, p. 139. Средняя $r = 0,08$, *Annals of Eugenics*, vol. p. 383.

¹⁰¹ *Jörger J.* Die Familie Zero // *Archiv für Rassen- und Gesellschafts Biologie*, 1905, S. 494–554.

¹⁰² *Tocher J.* The Anthropometrical Characteristics of the Inmates of Asylums in Scotland // *Biometrika*, vol. V, p. 347.

¹⁰³ *Hrdlička A.* Physical Anthropology of the Old Americans // *American Journal of Physical Anthropology*. 1922, № 2, p. 140–141.

¹⁰⁴ Г. Кенэги, Н. Д. Хирша, Карпе, Константэна и других. См.: *Laird D.A.* The Psychology of Selecting Men. 1925, p. 127–131; *Hirsch N.D.M.* A Study of Natio-Racial Mental Differences // *Genetic Psychology Monographs*. 1926, May and July, ch. VIII; *Constantin A.* Le rôle sociologique de la guerre et le sentiment national. Paris, 1907, p. 36–39.

дование гениальных людей на предмет их пигментации тоже не подтверждает критикуемую теорию. Из таких более или менее систематических исследований я знаю лишь одно – исследование Х. Эллиса. Результаты, полученные этим ученым в результате его изучения британских гениев, таковы:

Из 424 британских гениев

- 71 были белесыми (светлыми);
- 99 – среднесветлыми;
- 54 – сомнительно средними;
- 85 – среднетемными;
- 115 – полностью темными¹⁰⁵.

Эти данные опровергают мнение о белокуроости британских гениев. Более подробные данные Х. Эллиса лишней раз подтверждают мою критику. Приняв 100 за показатель средней светлости, все индексы выше 100 – за признак большей белокуроости, а все индексы ниже 100 – за признак увеличивающейся темноты, мы получим следующую таблицу¹⁰⁶:

Категории британских гениев	Количество человек	Индекс пигментации
Политические реформаторы и агитаторы	20	233
Мореплаватели	45	150
Ученые	53	121
Солдаты	142	113
Художники	74	111
Поэты	56	107
Королевская семья	66	107
Адвокаты	56	107
Пэры и их сыновья	89	102
Государственные деятели	53	89
Писатели (мужчины и женщины)	87	85
Наследственная аристократия	149	82
Духовные лица	57	58
Гении по рождению	12	50
Исследователи	8	33
Актеры и актрисы	16	3

Из данных таблицы следует, во-первых, то, что королевская семья очень далека от того, чтобы быть наверху списка; во-вторых, то, что пигментация наследственной аристократии является темной, причем гораздо более темной, чем у пэров, которые вышли из средних классов; в-третьих, то, что государственные деятели и исследователи – люди энергичные – были темными. Данные факты полностью опровергают одностороннее толкование этой таблицы, которое пред-

¹⁰⁵ *Ellis H. A Study of British Genius*, p. 209–210.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 209–216; *Ellis H. The Comparative Ability of the Fair and Dark // Monthly Review*. 1901, August.

лагает Г. Онслоу. Цифры никак не подтверждают «теорию о блондинах» и ее вариации. Вышеизложенного достаточно, чтобы убедиться в том, что у этой теории, несмотря на ее популярность, нет научного основания¹⁰⁷.

Помимо этих антропометрических данных, против критикуемой теории свидетельствуют и исторические факты, поскольку нордические расы Европы были последними, кто развил цивилизацию.

«Цивилизация начала развиваться на юге европейского континента раньше, чем на севере, и из всех европейских народов Европы самыми отсталыми в отношении интеллектуальной культуры были обитатели Северной Европы и Балтийского побережья. Поэтому абсурдно утверждать, что еще в баснословные времена нордические племена стали творцами и распространителями культуры. Наоборот, их вторжение везде приводило или к застою, или к регрессу».

Культивация растений, приручение животных и использование бронзы и металлов – все это было известно с давних времен, с эпохи неолита. То же справедливо и в отношении многих других фундаментальных изобретений и открытий в технике и религии, в нравах и социальных институтах¹⁰⁸. По этим причинам никак нельзя утверждать, что белокурые, высокорослые и длинноголовые арийцы одни только и были завоевателями, аристократами, обладателями умственного превосходства и носителями прогресса.

С другой стороны, Лапуж, по-видимому, недооценивает роль и достижения брахицефального альпийского расового типа. Наверное, ближе к истине утверждение Диксона о том, что «если в истории всей расы большую роль сыграли народы средиземноморские и каспийские (нордическая раса Лапужа), то роль альпийцев, кажется, едва ли была менее впечатляющей, и нет никаких оснований полагать, что только там, где эти типы встречались и смешивались, достигались самые большие успехи». Согласно автору, именно такие смешения имели место, когда вавилонская цивилизация достигла высшей точки своего развития и когда греки и римляне, китайцы и итальянцы преуспели в наибольшей степени. Хотя эти утверждения являются скорее предположениями, тем не менее они, по-видимому, ближе к фактам, чем односторонняя теория Лапужа. «Ни одну расу или расовый тип (из числа нордической, средиземноморской и альпийской рас) нельзя увенчать пальмой первенства, ее скорее следует вручить продукту смешения тех типов, которые кажутся самыми одаренными, – Средиземноморского, Каспийского и Альпийского»¹⁰⁹.

Если это фундаментальное утверждение критикуемой теории будет опровергнуто, то многие из ее выводов, такие как теория вырождения из-за увеличения цефалического индекса, объяснение распада Древнего Рима и Греции по причине замещения долихоцефалов брахицефалами, негативная оценка брахи-

¹⁰⁷ См. другие данные в моей «Social Mobility» (New York, 1927, ch. X.).

¹⁰⁸ Houze. Op. cit., p. 31–33; см. первую часть книги и passim.

¹⁰⁹ Dixon. Op. cit., p. 514–516.

цефалической аристократии демократических обществ, равно как и предполагаемое превосходство блондинов, – все эти широко распространенные представления должны пасть, как падает вся цепь из костяшек домино, когда сбивают первую из них.

4. *Другие законы Аммона-Лапужа.* Теперь кратко рассмотрим вопрос о достоверности других указанных выше законов. Что касается закона распределения богатств, то уже известные нам данные показали, что он не подтверждается фактами, поскольку нет никаких доказательств того, что богатые классы более долихоцефальны, чем бедные¹¹⁰.

Законы роста и распределения городов в лучшем случае подтверждаются только локальными явлениями и никоим образом не могут претендовать на то, чтобы быть общими формулами, применимыми ко всем местам и во все времена.

Закон городского индекса, согласно которому население городов является более долихоцефальным, чем население сельской местности, является опять же чисто локальным и никак не может претендовать на универсальность. Если в некоторых городах Германии и Франции население оказывается более длинноголовым, то в других городах тех же самых и многих других стран (Англии, Италии, Бельгии, Испании, Египта, Люксембурга и т. д.) ситуация носит обратный характер¹¹¹. В этом отношении более корректна формула Р. Ливи¹¹². Он констатирует, что города чаще привлекают к себе мигрантов из мест, более отдаленных, чем из мест, находящихся рядом, и поэтому там, где население, окружающее город, относится по своему типу к долихоцефалам, городское население будет более брахицефальным и *vice versa*^{14*}. Это свидетельствует об ошибочности рассматриваемого закона и так называемого закона миграции, согласно которому долихоцефалы по какой-то загадочной причине якобы более мобильны, чем брахицефалы. То же относится и к пигментации. Городское население не более светлое, а скорее более темное, чем сельское. Все вышесказанное опровергает также и «закон концентрации долихоцефалов и закон стратификации». Что касается «закона убывания городского населения», то он тоже не доказан. Данных

¹¹⁰ Этот «закон», между прочим, находится в резком противоречии с другими заявлениями Лапужа, где он поносит нынешнюю денежную аристократию как псевдоаристократию, как процветающих брахицефалов, которые, как чума, опустошают долихоцефалов и препятствуют их существованию и порождению. См. «Selections sociales», ch. XIII, *passim*.

¹¹¹ См.: *Craig F.J.* Anthropometry of Modern Egyptian // *Biometrika*, vol. VIII, p. 72–77; *Ripley*. *Op. cit.*, p. 555–559; *Wissler C.* Distribution of Stature in the U. S. // *Scientific Monthly*, 1924, p. 129–144; *Houzé*. *Op. cit.*, p. 95 f.; *Beddoe J.* Sur l'histoire de l'index céphalique dans les Ples Britanniques // *L'Anthropologie*, 1894, p. 513–529, 658–673; *Pearson K.* The Chances of Death, p. 290; *Livi R.* *Anthropometria militare*, vol. I, p. 86–91; *Retzius G., Fürst K.M.* *Op. cit.*, ch. IV.

¹¹² *Livi R.* La distribuzione geografica dei caratteri antropologici in Italia // *Rivista Italiana di Sociologia*, II, 1898, fasc. IV; *Houzé E.* Les indices céphaliques des Flamands et des Wallons. Bruxelles, Magden, 1882; *Vanderkindere L.* Nouvelles recherches sur l'ethnologie de la Belgique. Bruxelles, Vander Auwera, 1879 (относительно пигментации).

в его пользу недостаточно. Кроме того, этот закон, выведенный Аммоном, противоречит другим утверждениям Лапужа, выдвинутым им в главе, посвященной городской селекции. Здесь он утверждает, что современная городская селекция очень неблагоприятна к продолжению рода долихоцефалов¹¹³.

Наконец, что касается «закона более быстрого исчезновения совершенных разновидностей», который Лапуж сформулировал как закон универсальный¹¹⁴, то я решительно не понимаю, каким образом, если этот закон соответствует истине, могла бы вообще происходить эволюция видов от простейшего до *Homo Sapiens*. Совершенно непостижимо, как – согласно подобного рода закону – могла появиться «арийская раса». Если этот закон действует непрерывно и вечно, то ясно, что такие вещи не могли бы произойти. Если же они произошли, то это означает, что закон неверен или, точнее говоря, это вообще не закон.

Наш беглый анализ показывает, что от данных «законов» мало что остается. Моя критика не означает, что авторы искажали факты, на основании которых они выводили свои «законы», но показывает, что они придавали частным и локальным результатам универсальный характер, а своим обобщениям – характер гораздо более широкий, нежели то позволял – с научной и логической точки зрения – используемый ими материал. Отсюда ошибочный характер их «законов». Этих замечаний достаточно, чтобы показать ошибочность гипотезы об арийской расе и всех выводов, которые из нее были сделаны.

7. Достоверные принципы школы

А. Означает ли вышеизложенная критика, что в теориях школы нет ничего ценного? Означает ли она, что любая теория расовых или индивидуальных различий абсолютно ошибочна? Объявим ли мы, что все индивиды и расы похожи друг на друга и друг другу равны? Станем ли мы отрицать важность фактора наследственности и отбора и будем ли пытаться объяснять все с помощью окружающей среды? Не думаю, чтобы такая попытка была чем-нибудь лучше, чем односторонность расовой школы. Другими словами, я думаю, что наряду с недостатками этой школы в ее теориях имеются и зерна истины.

Во-первых, школа, очевидно, права, когда подчеркивает врожденные различия между расами, социальными классами и индивидами¹¹⁵. Какую бы характеристику мы ни положили в основу классификации рас – цвет кожи, умственные способности, цефалические индексы, носовой индекс, цвет волос, телосложение

¹¹³ *Sélections sociales*, p. 407–409 и *passim*.

¹¹⁴ *Sélections sociales*, p. 456 f.

¹¹⁵ Термины «превосходство» и «неполноценность» субъективны, и их использование школой, так же как и многими другими исследователями и учеными, уводит от сути.

или нечто другое, — род человеческий поделится на самые разные подвиды¹¹⁶. То же самое относится и к индивидам и социальным классам одной и той же расы. Представители одной расы не бывают одинаковыми. Социальные классы одного общества значительно отличаются друг от друга по своим физическим, жизненным и умственным показателям. Как правило, представители высших сословий, по сравнению с сословиями низшими, отличаются более высоким ростом, большим весом и размером головы, более высокими умственными способностями и большим весом мозга. У них дольше продолжительность жизни, ниже уровень смертности и, как правило, лучше здоровье¹¹⁷. Это не означает, что каждый член высшего сословия обладает всеми этими особенностями при сравнении с любым членом более низкого класса; это означает лишь то, что такие результаты получаются, когда мы сравниваем сословия, учитывая каждое из них в целом. Соответственно, различия, будучи сведены лишь к средним статистическим показателям, вовсе не исключают таких случаев, когда у члена высшего сословия рост и умственные способности могут оказаться ниже, а здоровье хуже, чем у члена более низкого класса. То же верно и в отношении расовых различий по физическим, жизненным и интеллектуальным характеристикам. Если часть этих и других отличий разных рас и социальных классов, несомненно, вызвана различиями в окружающей их среде, то нет никаких сомнений в том, что другая их часть обусловлена фактором врожденной разнородности, или наследственности, или же селекцией, происходящей внутри группы¹¹⁸.

В. Во-вторых, школа права, делая акцент на умственных и психологических чертах, т. к. индивиды, высшие и низшие классы и различные расовые группы, будучи именно группами, обнаруживают существенные различия между собой. Что касается индивидов, то едва ли можно сомневаться в том, что между ними существуют различия с точки зрения таких характеристик, как врожденный ум, «сила воли», чувствительность, темперамент, эмоциональность и т. д. Это устанавливается путем общего наблюдения, тестами на интеллект, различиями в успехах, экспериментами и многими другими способами. Индивиды могут ранжироваться: от идиотизма до гениальности высшей степени, от очень темпераментного до меланхолика, от человека с большой силой воли и изобретательностью до того, кто не может принять никакого решения. То же верно и в отношении других психических черт. Разные социальные слои одного и того же общества также по средним показателям обнаруживают существенные раз-

¹¹⁶ См. любую классификацию на основании одной или нескольких из этих черт, т. е. классификацию Топинара и Хэддона на улотричей, кимотричей, леиотричей^{15*} с последующими подклассами или классификацию Морселли, Серджи, Диксона и Деникера. См.: *Haddon A.C. The Races of Man*, p. 1–36; *Morselli. Le razze umane e il sentimento di superiorita ethica // Rivista Italiana di Sociologia*, 1911, p. 325 f.; *Sergi. Hominidae*. 1911; *Deniker J. The Races of Man*. 1900, ch. I–III; *Dixon R.B. The Racial History of Man*. 1923.

¹¹⁷ См. данные и литературу в моей «Социальной мобильности» (гл. X, XI, XII).

¹¹⁸ См. анализ проблемы в «Социальной мобильности» (глава XIII и сл., и passim).

личия в интеллекте и в некоторых других чертах. Если мы возьмем число гениев (абсолютное и относительное – на тысячу человек населения в каждом классе), вышедших из высших и низших классов в Англии, России, Германии, США и Франции, то доля выходцев из высших сословий будет во много раз больше, чем доля выходцев из сословий низших, особенно из числа тех, кто занимается неквалифицированным трудом. Если же мы возьмем данные тестирования на умственное развитие и соответствующие коэффициенты интеллекта (IQ), то результаты будут такими же. IQ у детей и взрослых высших сословий обычно выше, чем у представителей низших. Бывают исключения, но они не опровергают общего правила. Это означает, что между умственным и социальным распределением индивидов корреляция положительная. Я приведу здесь лишь некоторые данные, которые это подтверждают.

В современных европейских странах наиболее «плодородной» в плане производства гениальных людей социальной группой являются, по-видимому, королевские семьи. Они же располагаются на вершине социальной пирамиды. Исследования Ф.А. Вудса показали, что здесь примерно на 800 человек приходится 25 гениев. «Королевский род, рассматриваемый как единое целое, превосходит в этом отношении любую другую семью, будь то семья дворянская или попроще»¹¹⁹. Даже если допустить, что данные д-ра Вудса сильно преувеличены, все равно приходится признать факт, что столь обильного урожая гениальных людей не приносила никакая другая социальная группа, кроме королевских семей. Х. Эллис, изучавший самых знаменитых гениев Британии, показал, что английские высшие и профессиональные классы (составляющие лишь 4,46% населения) произвели 63% гениев, в то время как неквалифицированные рабочие, ремесленники и индустриальные рабочие, составляя почти 84% населения, произвели только 11,7% величайших деятелей Великобритании. Особенно низок процент британских гениев, произведенных представителями неквалифицированного труда и ремесленниками – 2,5% из 74,28 от общей численности населения. В исследование включены все британские гении с начала истории Англии до XX в. В течение XIX в., согласно исследованию А.Г.Г. Маклина, отмечено 2 500 выдающихся британцев; доля аристократии в этот период скорее увеличилась (26% всех лидеров вместо 18,5), представителей свободных профессий – тоже увеличилась (49% вместо 44,5), тогда как доля рабочего класса и ремесленников уменьшилась, несмотря на рост грамотности и увеличение количества учебных заведений для низших классов¹²⁰. Согласно более подробному исследованию Ф.А. Вудса, за первую четверть XIX в. ремесленники и рабочие произвели лишь 7,2% английских гениев вместо 11,7%, произведенных в течение предыдущих

¹¹⁹ Woods F.A. *Mental and Moral Heredity in Royalty*. New York, 1906, p. 301. См. также его *The Influence of Monarchs*. New York, 1913, ch. XVII. См. также: Sorokin P. *Monarchs and Rulers // Social Forces*, 1925–1926.

¹²⁰ Ellis H. *Op. cit.*, p. 80 ff.

веков, а во время второй четверти – только 4,2%¹²¹. Таким образом, несмотря на увеличение количества учебных заведений, значительная часть британского населения была и все еще остается – в большей даже степени, чем когда-либо прежде – бесплодной в плане производства гениев. Подобные же результаты получил и Гальтон в ходе изучения им 107 наиболее выдающихся британских ученых XIX в.¹²² Аналогичные результаты были получены и во Франции относительно всех выдающихся французских писателей. Соответствующие цифры, которые получил Один, проведший скрупулезное исследование, показывают соотношение количества знаменитостей в их соотношении к одному и тому же количеству населения из разных классов. Во Франции дворянство (159) произвело в два с половиной раза больше литературных гениев, чем чиновники (62), в шесть с половиной раз больше, чем представители свободных профессий (24), в двадцать три раза больше, чем буржуазия (7), и в двести раз больше, чем трудящиеся классы (0,8)!¹²³ Распределенный по разным периодам процент литературных гениев, произведенных разными классами, отражен в следующей таблице.

Социальные классы	Периоды				
	1700–1725	1725–1750	1750–1775	1775–1800	1800–1825
Дворянство	31,0	26,7	20,6	13,6	18,3
Чиновничество	50,0	52,6	50,0	54,9	53,1
Буржуазия	7,1	10,35	18,5	18,6	15,2
Трудящиеся классы	11,9	10,35	10,9	12,9	13,4
Всего	100	100	100	100	100

Уменьшение доли дворянства в 1775–1800 гг. является результатом его истребления во время Французской революции. Тем не менее в период с 1800 по 1825 г. оно вновь демонстрирует рост плодовитости в производстве гениев. Похожие результаты получил и Декандоль в своем исследовании знаменитых ученых¹²⁴.

Доктор Фриц Маас изучил 4 421 человека – самых знаменитых немецких гениев в разных сферах деятельности (писателей, поэтов, живописцев, композиторов, ученых, исследователей, художников, педагогов, государственных деятелей, промышленных и финансовых магнатов, военных и т. д.), родившихся после 1700 г. и умерших до 1910 г. Его исследование показывает, что высшие слои (дворянство, представители свободных профессий и богатый класс крупных промышленников и торговцев), которые составляли меньше 20% от общей численности населения, произвели 83,2% гениев, в то время как низшие трудовые классы, составлявшие больше 80% населения, выдвинули из своей среды всего лишь 16,8% немецких лидеров. Чрезвычайно мала относительная доля гениев

¹²¹ Woods F.A. The Codification of Social Groups // *Eugenics, Genetics and the Family*. Baltimore, 1923, vol. I, p. 312–328.

¹²² Galton F. *English Men of Science*. New York, 1875, p. 16.

¹²³ Odin A. *Genèse des grands hommes*. Paris, 1895, vol. II, table XXXII; vol. I, p. 541.

¹²⁴ De Candolle A. *Histoire des sciences et des savants*. Genève, 1885, p. 272–274, 279.

среди пролетариата, несмотря на многочисленность этого класса во второй половине XIX – начале XX в. Процент гениев, выходцев из этого класса, составил лишь 0,3%. Опять-таки, несмотря на увеличение в XIX в. количества учебных заведений для низших классов, пролетарии не дают заметного роста гениев. Это видно по следующим данным¹²⁵:

Социальные классы, откуда вышли гении	Процент гениев каждого класса в определенный исторический период согласно году рождения		
	1700–1789	1789–1818	1818–1860
Дворянство	19,2	14,2	11,0
Чиновники и люди свободных профессий	53,3	55,8	60,0
Буржуазия	15,3	16,4	16,4
Трудовые классы	11,9	13,6	12,4

Согласно данным профессора Дж.М. Кеттелла, доля различных классов, из которых вышли ведущие американские ученые, и пропорция данных классов в общем населении были следующими:

Социальные классы	Процент ведущих ученых из каждого класса	Процентная доля класса в общем населении Соединенных Штатов
Люди свободных профессий	43,1	3,1
Промышленники и торговцы	35,7	34,1
Сельскохозяйственный класс	21,2	44,1

Большинство ведущих ученых вышли из высших и средних классов и ни один из группы домашних слуг или класса трудящихся¹²⁶.

Доктор С. Вишер изучил занятия отцов 18 400 выдающихся американцев из справочника «Who's Who» и получил следующие результаты¹²⁷:

Социальные классы	Число представи- телей на одного выдающегося	Выдающихся людей на 10000 человек в каждом классе
Рабочие, неквалифицированные	75 000	0,013
Рабочие, высокой и низкой квалификации	2 470	4,0
Фермеры	1 100	9,0
Бизнесмены	124	80,0
Люди свободных профессий (без духовенства)	70	142,0
Духовенство	32	315,0

¹²⁵ *Maas F.* Ueber die Herkunftsbedingungen der Geistigen Fürher // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916, S. 144–186.

¹²⁶ *Cattell J.M.* American Men of Science. 3d. ed., 1921, p. 783–784.

¹²⁷ *Visher S.S.* A Study of the Type of the Place of Birth and of the Occupation of Fathers of Subjects of Sketches in Who's Who in America // The American Journal of Sociology. 1925, March, p. 553.

Доктор Э.Л. Кларк в своем исследовании 1 000 наиболее выдающихся американских писателей пришел к следующим результатам¹²⁸:

Социальный класс, откуда вышел писатель	Количество писателей из каждого класса
Творческих профессий	328
Коммерческий	151
Сельскохозяйственный	139
Механический, канцелярский, неквалифицированный	48
Неизвестный	334
Всего	1 000

Опять та же самая картина: численно незначительная часть общего населения – творческих и коммерческих классов – произвела больше 60% всех выдающихся писателей в Соединенных Штатах.

Мое исследование 476 промышленных и финансовых магнатов США показало, что 79,8% из них были выходцами из коммерческих и творческих классов, 15,6% – были фермерами и лишь 4,6% – вышли из квалифицированных и неквалифицированных рабочих¹²⁹. Здесь снова доля рабочего класса в производстве финансовых и промышленных гениев не увеличивается, а уменьшается.

Похожие результаты получил и Ч.Х. Кули. Исследование доктора Кули, изучившего 71 самого выдающегося поэта, философа и историка всех времен и народов, показало, что 45 из них происходили из высшего и высшего среднего класса, 24 – из нижнего среднего и лишь 2 – из рабочего класса¹³⁰.

Доктор Л. Термен совсем недавно пришел к подобному же заключению. Самые умные дети (со средним IQ 151,33), изученные им и его сотрудниками, вышли из следующих социальных групп:

Занятие отцов одаренных детей	Пропорция среди отцов одаренных детей	Пропорция каждой профессиональной группы в населении Лос-Анджелеса и Сан-Франциско
Профессиональная	29,1	2,9
Публичная деятельность	4,5	3,3
Коммерческая	46,2	36,1
Промышленная	20,2	57,7
Всего	100	100

¹²⁸ Clarke E.L. American Men of Letters. Columbia University Studies, vol. LXXII, 1916, p. 74–76.

¹²⁹ Sorokin. American Millionaires // Social Forces, 1925, p. 635–636.

¹³⁰ Cooley Ch.H. Genius, Fame and the Comparison of Races // Annals of American Academy. 1897, May, vol. IX, p. 15.

**Процент доли каждой профессиональной группы
среди отцов одаренных детей**

Профессиональная	1 003
Публичная деятельность	137
Коммерческая	128
Промышленная	35

В индустриальной (промышленной) группе только один человек определяет свою профессию как «рабочую», что составляет 0,2% наших отцов по сравнению с 15,0% всего населения, классифицируемого как рабочие в отчете по переписи¹³¹.

Исследование Ю. Филипченко, посвященное современным российским ученым и исследователям, а также деятелям литературы и искусства, дало следующие результаты¹³²:

Профессия отца	Процент ученых и исследователей	Процент художников и литераторов	Процент великих ученых и исследователей	Процент великих ученых и исследователей – членов Академии наук за последние 80 лет
Профессионалы	36,0	44,6	46,0	30,2
Чиновники	18,2	20,0	8,0	15,5
Военные	9,4	7,7	14,0	16,2
Духовенство	8,8	1,8	10,0	14,8
Коммерсанты	13,0	6,7	12,0	5,6
Занятые в сельском хозяйстве	7,9 ^a	9,6 ^a	6,0 ^a	14,1 ^b
Квалифицированные и неквалифицированные рабочие	2,7	9,6	4,0	3,5 ^c
Неизвестно	4,0			0,1
Всего	100	100	100	100

^a – включая помещиков и мелкопоместное дворянство;

^b – только помещики и мелкопоместное дворянство;

^c – включая крестьян.

Трудящиеся классы (сельскохозяйственные и рабочие) составляют даже в современной России больше 90% населения, и все же из них вышел незначительный процент ученых и исследователей, художников, литераторов и т. д. Этот процент еще меньше среди великих ученых.

¹³¹ *Terman L. Genetic Study of Genius. vol. I, p. 60 ff.*

¹³² *Филипченко Ю.А.* Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике Академии наук. 1922, № 1, с. 11–12, 28; № 2, с. 11–12; № 3, с. 35.

Я не буду приводить другие данные, полученные разными исследователями в разных странах¹³³. Они только подтверждают вышеперечисленные результаты. Идя от основания социальной пирамиды к ее вершине, мы видим систематическое увеличение числа гениев, как абсолютное, так и относительное.

Похожие результаты были получены при тестировании способностей разных социальных групп. Общий вывод, вытекающий из многочисленных результатов тестов умственных способностей, состоит в том, что высшие социальные классы более интеллектуальны, чем низшие. Из многих подобных данных я упомяну здесь лишь те, которые наиболее показательны. Другие цифры могут быть найдены в источниках, указанных в сносках и в моей «Социальной мобильности».

Прежде всего, у нас есть результаты тестов умственных способностей, проводимых в армии США. IQ разных социальных групп, полученные этим исследованием, таковы¹³⁴:

Профессия	IQ	Профессия	IQ
Гражданские инженеры	274	Булочники и пекари	106
Адвокаты и учителя	252	Печатники	99
Химики	205	Плотники	91
Почтовые работники	200	Жестянщики	88
Художники	198	Скорняки	88
Клерки	175	Конюхи	75
Продавцы	170	Водители	72
Торговцы	138	Парикмахеры	65
Полицейские	119	Рабочие	63
Машинисты	107		

Эти данные указывают на довольно тесную связь между социальным положением и интеллектом. Рабочие со средней и низкой квалификацией имеют очень низкий и средний низкий интеллект, квалифицированные трудовые группы находятся преимущественно в группе «высокого среднего» интеллекта, высокий и очень высокий интеллект обнаруживается только у представителей высокопрофессиональных слоев и бизнес-класса. С другой стороны, необходимо упомянуть: тестирование показало, что у различных социальных групп показатели интеллекта перекрывают друг друга. Это, однако, не опровергает факта наличия превосходящего интеллекта в более высоких социальных стратах и низкого – в более низких слоях¹³⁵.

¹³³ См.: *Sorokin P. Social Mobility*, ch. XII.

¹³⁴ *Memoirs of the National Academy of Science*. Washington, 1921, vol. XV, ch. XVII, p. 821 ff. См. также *Yerkes R.M. Eugenic Bearing of Measurement of Intelligence // The Eugenic Review*. 1923, January, p. 234 ff. См. здесь показательные данные и диаграммы.

¹³⁵ Подробности относительно результатов умственного теста в армии Соединенных Штатов см. в указанных работах; см. также: *Goddard H.H. Human Efficiency and Levels of Intelligence*. 1920, p. 1–30; *Pintner R. Intelligence Testing* (главу «Солдат и служащие» [The Soldier and the Employees]) и работы, указанные ниже.

Другое доказательство превосходящего интеллекта у высших социальных классов представлено результатами *тестирования интеллекта у детей разных социальных классов*. В настоящий момент у нас есть результаты многочисленных исследований подобного рода, и они, в сущности, почти одинаковы. Дети профессиональных и зажиточных классов, как правило, обнаруживают гораздо более высокий интеллект, чем дети трудящихся классов. Следующие цифры можно считать репрезентативными: согласно исследованию доктора Термена, медианное значение IQ у детей рабочих низкой и средней квалификации составляет 82,5, тогда как у детей специалистов и представителей высших деловых кругов – 112,5. Из числа протестированных детей процент наиболее одаренных с IQ, равным 135–140, составил: среди детей специалистов – 53, специалистов низшего звена – 37, квалифицированных рабочих – 10, а среди детей неквалифицированных рабочих и рабочих низшей квалификации – 0¹³⁶.

IQ 13 000 детей в возрасте 11 и 12 лет, которых исследовали в Англии Дж. Дафф и Г.Х. Томсон, оказался таким (в соответствии с занятиями их отцов):

Профессиональные группы	IQ
Специалисты	112,2
Менеджеры	110,0
Высший коммерческий класс	109,3
Армия, флот, полиция, почта	105,5
Владельцы магазинов	105,0
Инженеры	102,9
Техники	102,7
Торговцы недвижимостью	102,0
Жестянщики, кораблестроители	100,9
Многопрофильные промышленные рабочие	100,6
Шахтеры, рабочие карьеров	97,6
Сельскохозяйственные классы	97,6
Рабочие	96,0

Если из 597 детей специалистов и представителей высшего коммерческого класса выше среднего умственного уровня оказались 471, а ниже только 126, то из 1 214 детей рабочих и лиц, занятых физическим трудом, 746 показали результаты ниже среднего, и только 468 – выше среднего интеллектуального уровня¹³⁷.

Аналогичные результаты получили С. Бёрт, Х.Б. Инглиш, мисс А.Х. Арлитт, А.В. Корнхаузер, Д. Вапс, Дж.С. Каунтс, У.Г. Гилби и К. Пирсон, Л. Иссерлис, У. Штерн, Холли, С.Л. Пресси и Р. Ральстон, Дж.М. Бриджес и Л.Э. Колер,

¹³⁶ *Terman L.M.* The Intelligence of School Children. 1919, p. 56 ff., 188 ff.; см. также: *Terman.* New Approach to Study of Genius // *Psychological Review*, 1922, p. 310–318.

¹³⁷ *Duff J.F., Thomson G.H.* The Social and Geographic Distribution of Intelligence in Northumberland // *British Journal of Psychology*. 1923, October, p. 192–198.

У.Ф. Бук, М.Э. Хаггерти и Г.Б. Нэш и другие¹³⁸. Нет необходимости продолжать примеры. Мы должны просто сказать, что в Соединенных Штатах, Германии, Англии и Франции почти все детские тесты на интеллект дали подобные результаты¹³⁹.

Следующим доказательством связи между социальным положением и уровнем интеллекта являются *тесты на интеллект у взрослых разного социального положения*. Они также дали результаты, подобные вышеприведенным (см. «Социальную мобильность», гл. XII).

Что касается интерпретации этих результатов, то здесь мнения расходятся, тем не менее даже те исследователи, которые склоняются к тому, что эти различия обусловлены фактором окружающей среды, не отрицают напрочь роль наследственности и отбора. Глубокое изучение данных заставляет признать, что различия вызваны как окружающей средой, так и наследственностью. Во всяком случае, ряд фактов никак нельзя отнести только на счет агентов окружающей среды¹⁴⁰. Стало быть, утверждение школы о том, что особенности каждого из этих классов являются результатом селекции, во многом соответствует истине. С другой стороны, если неправильно отрицать роль наследственности и отбора в создании этих различий, то не менее неправильно отрицать и роль окружаю-

¹³⁸ *Bridges J.M., Coler L.E.* The Relation of Intelligence to Social Status // *Psychological Review*, vol. XXIV, p. 1–31; *Book W.F.* The Intelligence of High School Seniors. New York, 1922, ch. X; *Pressey S.Z., Ralston R.* The Relation of General Intelligence of the Children to the Occupation of their Fathers // *Journal of Applied Psychology*, vol. III, № 4; *Haggerty M.E., Nash H.B.* Mental Capacity of Children and Paternal Occupation // *The Journal of Educational Psychology*. 1924, December, p. 563–572. Другие факты см. в упомянутых книгах Термена и Пинтнера. См. также: *MacDougall W.* The Correlation between Native Ability and Social Status // *Eugenics in Race and State*. Baltimore, 1921, vol. II, p. 373–376; *English H.B.* Mental Capacity of School Children Correlated with Social Status // *Yale Psychological Studies*. 1917, *Psychological Review Monograph*, vol. XXIII, № 3; *Arlitt A.H.* Summary of Results of Testing 342 Children // *Psychological Bulletin*. 1921, February; *Kornhauser A.W.* The Economic Standing of Parents and the Intelligence of their Children // *Journal of Educational Psychology*, vol. IX; *Counts G.S.* The Selective Character of American Secondary School. Chicago, 1922 (Supplementary Educational Monographs, № 19), p. 36–37 и passim; *Waples D.* Indexing the Qualifications of Different Social Groups for an Academic Curriculum // *The School Review*. 1924, p. 537–546; *Gilby W.H., Pearson K.* On the Significance of the Teacher's Appreciation of General Intelligence // *Biometrika*, vol. VIII, p. 94–108; *Holley Ch.E.* The Relationship between Persistence in School and Home Conditions. University of Chicago Press, 1916, passim; *Isserlis L.* The Relation between Home Conditions and the Intelligence of School Children. London, 1923; Publications of the Medical Research Committee of the Privy Council; *Yates.* A Study of some High School Seniors of Super Intelligence // *Journal of Educational Research Monographs*. 1922, № 2; *Stern W.* Die Intellegenz der Kinder und Jugendlichen. Leipzig, 1920; *Hart H.* Occupational Differential Fecundity // *Scientific Monthly*, vol. XIX, p. 531; *Dexter E.* Relation between Occupation of Parents and Intelligence of Children // *School and Society*. 1923, vol. XVII, p. 612–616; *Murdoch K.* A Study of Differences Found Between Races in Intellect and Morality // *School and Society*. 1925, vol. XXII, № 568–569.

¹³⁹ Другие данные см. в моей «Социальной мобильности».

¹⁴⁰ См.: «Социальная мобильность», гл. XIII.

щей среды в этой области. Рассматриваемая нами школа, по-видимому, несколько недооценивает важность фактора окружающей среды, и в этом пункте ее позиция нуждается в корректировке.

С. Школа, видимо, права и в том случае, когда заявляет, что расовые группы отличаются друг от друга в физическом и умственном отношениях. Что касается физических различий между разными расами, то в этом вряд ли может быть какое-либо сомнение. Расхождение мнений касается не существования этих различий, а их значения как оснований для классификации рас и их истории. Но какова бы ни была классификация, наличие разных зоологических расовых типов не может вызывать сомнений. Как пример одной из лучших классификаций рас я привожу следующую таблицу профессора Диксона¹⁴¹.

Особенности восьми основных расовых типов

Типы	Голова	Лицо	Нос	Прогнатизм ^{16*}	Емкость черепа
Протоавстралийский	Длинная Низкая	Среднее Широкое	Широкий	Умеренный	Маленькая
Протонегроидный	Длинная Высокая	Среднее Широкое	Широкий	Умеренный	Маленькая
Средиземноморский	Длинная Низкая	Узкое	Узкий	Нет	Большая
Каспийский	Длинная Высокая	Узкое	Узкий	Нет	Большая
Монголоидный	Круглая Низкая	Широкое	Широкий	Умеренный	Средняя
Палеоальпийский	Круглая Высокая	Широкое	Широкий	Умеренный	Средняя
Уральский	Круглая Низкая	Среднее	Узкий	Нет	Очень большая
Альпийский	Круглая Низкая	Среднее	Узкий	Нет	Очень большая

То, что между расами есть ментальные отличия, это, по-видимому, тоже установлено вполне определенно; будь то по причине окружающей среды или по причине наследственности, но мы находим значительные умственные различия между основными расовыми (не национальными) группами. Их существование подтверждается, прежде всего, теми различными ролями, которые сыграли разные расы в истории человечества, и их достижениями в сфере культуры. Хотя почти всем этим типам была дана возможность создать сложные формы цивилизации в почти не ограниченный промежуток времени, тем не менее роль

¹⁴¹ Dixon. Op. cit., p. 500; см. здесь описание каждого из этих типов.

прото-австралоидной и прото-негроидной рас была в этом отношении очень скромна, тогда как роль каспийской, альпийской и средиземноморской рас – чрезвычайно велика. Эти расы лидировали в деле создания развитой культуры. Они завоевали и покорили почти все другие расы, вытеснив их и распространившись по всему миру. В этом отношении главный вывод Гобино, по-видимому, вполне соответствует истине. Профессор Диксон говорит, что «между фундаментальными человеческими типами есть качественные различия, различия в интеллектуальных способностях, в моральной стойкости и во всем, что делает или сделало тот или иной народ великим. Я убежден, что дело обстоит именно так, что бы там ни говорили защитники однообразия человечества»¹⁴². Никто из тех, кто верит в равенство всех рас, не сможет проигнорировать установленный нами факт, что расы отличаются друг от друга своими ролями в истории и достижениями в области культуры. Они обычно говорят, что это обусловлено средой обитания расы, но мы уже видели, что в этом отношении географической среде нельзя придавать исключительного значения. Во-вторых, географическая среда почти у всех рас была разнообразной, поскольку каждый расовый тип занимал обширные пространства земли с самыми разными географическими условиями. В-третьих, никто пока еще не доказал, что природная среда каспийской или альпийской рас была более благоприятной, чем у прото-негроидов или прото-австралоидов. Если социальная среда у разных рас оказалось разной, то ведь эта среда не с неба на них свалилась, а была следствием того, что одни из них способны были создать сложную социальную среду, тогда как другие сделать это оказались не в состоянии.

Разница между расами с точки зрения созданных ими культурных ценностей и их роли в истории подтверждается экспериментальными исследованиями в области менталитета и психологии рас и полностью согласуется с их результатами. По мере усовершенствования методологии такого исследования все более ясными и неоспоримыми становятся умственные различия между разными расами. К счастью, наука, занимающаяся этими проблемами, уже прошла спекулятивную стадию и перешла к фактологическим исследованиям, которые дали много интересных результатов. Чуть выше я уже отмечал, что историческая роль прото-негроидов и прото-австралоидов была более чем скромной – что их вклад в то, что мы называем общечеловеческой культурой и цивилизацией, был весьма незначительным. Подтверждают ли это свидетельство истории тесты на интеллект? Я должен сказать, что верификация была полной. Насколько я знаю, все сравнительные исследования интеллекта современных черной и белой рас (каспийской, средиземноморской, альпийской и даже в их смеси с желтой расой)

¹⁴² Dixon. Op. cit., p. 518, см. passim. Термин «великий» имеет оценочный характер. Каким бы достижением ни было создание сложных форм цивилизации – хорошим или плохим, великим или ничтожным, – факт различной роли разных рас остается, несмотря ни на какую оценку.

дружно показали, что IQ черных и даже индейцев ниже, чем у белых или желтых. Правда, это различие не является столь великим, как утверждает рассматриваемая нами школа, правда и то, что есть отдельные исключения, но они ни в коем случае не опровергают правило. Ниже представлены некоторые репрезентативные данные из множества доступных в настоящее время¹⁴³:

Средний умственный возраст представителей разных профессий

Профессия	Белые	Негры
Армия Соединенных Штатов		
Фермеры	9,5	8,2
Рабочие	9,5	9,0
Шахтеры	10,2	9,1

Общее умственное развитие белого и негритянского призывника

	D–	D	C–	C	C+	B	A
Белый	7,0	17,1	23,8	25,0	15,0	8,0	4,1
Негр	49,0	29,7	12,9	5,7	2,0	0,6	0,1

Исследова- тель	Раса	Число случаев	Год	Результаты
1	2	3	4	5
Фергюсон ¹⁴⁴	Мулаты Негры Белые призывники	2 288 155 –	1919	Умственное развитие негров ниже, чем у белых. Среди мулатов умственное развитие выше у тех, у кого больший процент белой крови.
Трабуэ ¹⁴⁵	Негры	8 244	1919	Белые превосходят негров.
Йеркс ¹⁴⁶	Негры (армия США) Белые		1921	У негров возраст умственного развития 10,4; у белых – 13,1 лет. Процент недоразвитых среди негров выше, а высокоразвитых крайне мал.
Пинтнер ¹⁴⁷ Келлер	Негры Белые	71 249	1922	IQ негров – 0,88; у белых – 0,95.

¹⁴³ Memoirs of the National Academy of Sciences. Washington, 1921, vol. XV., p. 796, 707. Ранги D–, D, C–, C, C+, B, A показывают переход от низшего IQ – на грани тупости и тупости – к высшему – великолепный и блестящий.

¹⁴⁴ Ferguson G.O. The Intelligence of Negroes. Virginia School and Society, 1919, vol. IX, p. 721–726; The Mental Status of the American Negro // Scientific Monthly. 1921, June, vol. XII, p. 533.

¹⁴⁵ Trabue M.R. The Intelligence of Negro Recruits // Natural History. 1919, vol. XIX, p. 680–685.

¹⁴⁶ Yerkes R.M. Psychological Examination in the U. S. Army // Memoirs National Academy. Washington, 1921, vol. XV.

¹⁴⁷ Pintner R., Keller R. Intelligence Testing of Foreign Children // Journal of Educational Psychology. 1922, vol. XII, p. 214–222.

1	2	3	4	5
Торндайк ¹⁴⁸	Негры Белые	349 2 653	1923	Медианы ¹⁷⁷ белых достигает 4% негров. Процент негров с наивысшим IQ очень мал в сравнении с белыми.
Митчелл ¹⁴⁹ Розанофф	Негры Белые	300 300	1919	По возрасту умственного развития негры намного отстают от белых.
Хирш ¹⁵⁰	Негры Белые	449 5 055	1926	IQ негров – 84,6; все белые разного происхождения, за исключением португальцев, имеют более высокий IQ – от 85,3 до 102,8.
Петерсон ¹⁵¹	Негры Белые	315 311	1921	80–95% белых по умственным способностям превосходят черных. Чем больше у негра доля белой крови, тем выше его умственные способности.
Макффаден Дэшил ¹⁵²	Негры Белые	77 77	1923	Личность белых сильнее. Только 15,4% негров превышают медиану белых.
Бригхэм ¹⁵³	Негры Белые (армия США)		1923	Результаты совпадают с результатами Йеркса.
Сунне ¹⁵⁴	Негры Белые	1 112 5 834	1923	Возраст умственного развития негра на 1–1½ меньше, чем у белого.
Пресси- Тетер ¹⁵⁵	Негры Белые	187 1 022	1919	По умственному развитию негр на два года младше белого.

¹⁴⁸ Thorndike E.L. Intelligence Scores of Colored Pupils // School and Society. 1923, vol. XVIII, p. 563–570.

¹⁴⁹ Mitchell I., Rosanoff I.R. and A.J. A Study of Association in Negro Children // Psychological Review. 1919, vol. XXVI, p. 354–359.

¹⁵⁰ Hirsh N.D. A Study of Nation-Racial Mental Differences // Genetic Psychology Monographs. 1926, May-July, p. 287.

¹⁵¹ Peterson J. Comparison of White and Negro Children in Multiple Choice in Learning // Proceedings of American Psychological Association. 1921, p. 97–98; The Comparative Abilities of White and Negro Children // Comparative Psychology Monographs. 1923, № 5.

¹⁵² McFadden J., Dashiell J.F. Racial differences as measured by the Downey will-temperament test // Journal of Applied Psychology. 1922, vol. VII, p. 30–53.

¹⁵³ Brigham C.C. A Study of American Intelligence. Princeton, 1923.

¹⁵⁴ Sunne D. A Comparison of White and Negro Children // School and Society. 1924, vol. XIX, p. 469–472.

¹⁵⁵ Pressey S.Z., Teter G.P. A Comparison of Colored and White Children, etc. // Journal Applied Psychology. 1919, vol. III, p. 277–282.

1	2	3	4	5
Арлитт ¹⁵⁶	Негры Белые	71 191	1921	IQ негра – 83, белого – 106. Кроме этого, IQ негров уменьшается с возрастом и быстро падает ниже IQ белого.
Дэррик ¹⁵⁷	Негры и белые студенты колледжа	52(Н) 75(Б)	1920	IQ негра – 103, белого – 112.
Швеглер Винн ¹⁵⁸	Негры	58	1920	IQ негра – 89, белого – 103.
Мёрдок ¹⁵⁹	Негры Белые	225 514	1920	Белый на 85% лучше, чем негр.
Пайл ¹⁶⁰	Негры	758	1925	Коэффициенты негра в сравнении с белым, принятым за 100, следующие: по тесту Мантана – 78; по тесту на подстановку – 44; по тесту на механическое запоминание – 68,5; по тесту на логическую память – 80,3.

Чтобы не быть многословным, я вместо того, чтобы подробно описывать результаты этих исследований, свел главные из них в таблицу, указав методы, использованные при тестировании, а в примечаниях указал соответствующие источники, к которым можно обратиться за подробностями.

Продолжать этот список нет необходимости¹⁶¹. Вышеизложенное свидетельствует о том, что результаты всех исследований, практически без малейших исключений и несмотря на различие использованных ими методов, идентичны. Они показывают, что IQ негра сравнительно ниже, чем у представителя белой расы. Эти результаты соответствуют и указанным выше историческим данным. Если в качестве критерия менталитета расы мы возьмем число вышедших из ее

¹⁵⁶ *Arlitt A.H.* The Relation of Intelligence to Age in Negro Children // Proceedings of 30th Annual Meeting of American Psychological Association. 1921, p. 14; *Arlitt A.H.* The Need of Caution in Establishing Race Norms // Journal Applied Psychology. 1921, vol. V, pp. 179–183.

¹⁵⁷ *Derrick S.M.* A Comparative Study of Seventy-Five White and Fifty-Two Colored College Students // Journal Applied Psychology. 1920, vol. V, p. 316–329.

¹⁵⁸ *Schwegler R.A., Winn E.* A Comparative Study of the Intelligence of White and Colored Children // Journal Educational Research. 1920, vol. II, p. 838–848.

¹⁵⁹ *Murdoch K.* Study of Race Differences in New York City // School and Society. 1920, vol. XI, p. 147–150; A Study of Mental Differences that are Due to Race // Proceedings of 32d Annual Meeting of American Psychological Association. 1923, p. 108–109.

¹⁶⁰ *Pyle W.H.* Nature and Development of Learning Capacity. Baltimore, 1925, p. 93.

¹⁶¹ См. также: *Odum H.W.* Social and Mental Traits of the Negro (показывает, что процент слабоумных среди негров выше, чем среди белых); *Terman L.* Genetic Studies of Genius. 1925, vol. I, pp. 56–57; *Strong A.C.* Three Hundred Forty White and Colored Children // The Pedagogical Seminary. 1913, vol. XX, p. 485–515; *Reuter E.B.* The Superiority of the Mulatto // American Journal Sociology. 1917, vol. XXIII, p. 83–106.

среды гениев, то результаты для негроидной расы будут столь же неутешительны, поскольку в этом отношении она практически бесплодна. Наконец, стоит отметить, что исследования Фергюсона, Э.Б. Рейтера и некоторых других ученых показали, что чем больше белой крови у негра, тем выше коэффициент его умственного развития. Здесь, так же как и в исследовании индейцев, которое провел Хантер, мы имеем частичное подтверждение утверждения Гобино о том, что негры и другие «низшие» расы обнаруживают интеллектуальные способности лишь в пропорции к проценту имеющейся у них белой крови.

Полное совпадение всех этих экзаменов – историко-культурного, ментального, на предмет наличия или отсутствия гениев, особенно высшего порядка; и «превосходство» мулатов – по-видимому, четко указывает (особенно при сопоставлении с данными относительно других рас, которые будут приведены в дальнейшем) на то, что причина такого отличия негров не только и, возможно, не столько в окружающей среде, сколько в наследственности¹⁶². Приверженцы одностороннего энвайронментализма для доказательства своего тезиса смогли привести лишь общие рассуждения и предположения. Этого, очевидно, слишком мало, чтобы сделать их позицию внушающей доверия.

Если принять в расчет достижения культуры, результаты тестов на интеллект, число порожденных гениев и «превосходство» индейцев-полукровок над индейцами чистокровными, то красная раса выглядит несколько лучше, чем негры, но, тем не менее, оказывается «ниже» белой. Результаты этих четырех подходов опять-таки находятся в полном соответствии друг с другом. Поскольку никаких культурных достижений у индейцев нет, достаточно указать лишь на результаты их тестов на интеллект, на их отсталость и чрезвычайно низкое число гениев из их среды (если таковые вообще есть).

¹⁶² Ссылки на окружающую среду неубедительны, потому что, если в настоящем и прошлом в Америке среда для негров была менее благоприятной, то в Африке за долгую историю у них было столько же шансов создать сложные формы культуры, сколько их было и у белой расы, – тем не менее они не создали ничего. Кроме того, ни один из энвайронменталистов не показал, что за долгую историю расового развития географическая среда негров была менее благоприятной, чем у белых. Наконец, в нескольких из упомянутых экспериментальных исследований было учтено экономическое, профессиональное и социальное положение белого и негра и были предприняты попытки изучить их в том же самом статусе и окружающей среде (исследования Арлитт, Хирша и др.), но результаты были теми же самыми. Негр был «ниже» при сравнении с белым в большинстве изученных ментальных функций. Наконец, среда – будь то русского крестьянства перед уничтожением крепостничества, будь то средневековых крепостных или римских и греческих рабов – была, вероятно, не немного лучше, если на самом деле не хуже, чем среда американского негра до 1861 г. или в настоящий момент. Все же эти рабы и крепостные белой расы, несмотря на их среду, произвели значительное число гениев высокой степени, не говоря уже о выдающихся людях меньшего калибра. Между тем, за исключением, возможно, нескольких чемпионов в тяжелом весе и выдающихся певцов, американские негры не произвели до настоящего времени ни одного гения крупного калибра. Эти соображения и факты, без сомнения, указывают на фактор наследственности, без которого все эти явления не могли бы иметь места.

С той же самой точки зрения интересно взять такие расовые подвиды, как китайцы, японцы и индусы из числа высшей и низшей каст, и установить, до какой степени данные историко-культурных достижений согласуются с результатами тестов на умственные способности. Мы знаем, что эти народы в прошлом, а отчасти и в настоящем создали несколько самых блестящих цивилизаций. За время своей политической и военной истории они сумели построить мировые империи. Из их среды вышло значительное число великих гениев в разных областях интеллектуальной и социальной деятельности. Поэтому, если результаты этого экзамена и результаты их тестов на интеллект окажутся тождественными, мы должны будем ожидать, что их способности почти столь же высоки, как и у белой расы, с которой они смешались.

Исследователь	Раса	Число случаев	Год	Результаты
Гарт ¹⁶³	Индейцы	190	1919	Негры устают больше, индейцы – меньше. По результатам тестов на интеллект полукровки превосходят чистокровных на 11%. Чистокровные превосходят полукровок в преодолении умственной усталости. Кочующие индейцы превосходят оседлых в сопротивлении умственной усталости. Показатели интеллекта у индейцев-полукровок выше, чем у чистокровных.
	Негры	133	1920	
	Белые	711		
	Индейцы-полукровки	215	1921	
	Чистокровные индейцы	165	1922	
	Индейцы-полукровки	82	1923	
	Чистокровные индейцы	108	1923	
	Индейцы-кочевники	108	1922	
	Оседлые индейцы	121	1922	
Чистокровные индейцы	559	1922		
Хантер и Соммерме ¹⁶⁴	Индейцы-полукровки и чистокровные	715	1921	IQ индейцев ниже, чем у белых. Показатели тестов на интеллект у индейцев-полукровок лучше, чем у чистокровных. Чем больше доля белой крови, тем лучше результат. Соотношение между белой и индейской кровью – 0,41.
Пайл ¹⁶⁵	Индейцы	500	1921	Если показатели белых американцев принять за 100, то у негров они составят 44, у индейцев – 62, у китайцев – 88.
	Негры	758		
	Китайцы	424		

¹⁶³ Garth T.R. Racial Differences in Mental Fatigue // Journal Applied Psychology. 1919, p. 235–244; Garth T.R. White, Indian, and Negro Work Curves // Journal Applied Psychology. 1920, p. 14–25; Garth T.R. A Review of Racial Psychology // Psychological Bulletin. 1925, p. 355–357.

¹⁶⁴ Hunter W.S., Sommermier E. The Relation of Degree of Indian Blood to Score on the Otis Intelligence Test // Psychological Bulletin. 1921, vol. XVIII, p. 91–92.

¹⁶⁵ Pyle W.H. Op. cit., p. 96.

Результаты тестов на интеллект, судя по всему, подтверждают это ожидание¹⁶⁶. Исследования, которые провели Пайл, К. Мёрдок, Уолкотт, К.Ц. Йен, Симондс и Портеус¹⁶⁷, показали, что умственные способности этих народов столь же высоки, как у белых американцев и англосаксов, или ненамного ниже, что иногда может объясняться негативным отбором групп, сформированных из представителей этих наций. Кроме того, уровень их результатов при тестировании на мораль тоже очень высок, как высоки иногда и их школьные отметки. В данном случае мы опять-таки убеждаемся в том, что результаты проверок согласуются друг с другом. Соответствия с культурными и историческими достижениями обнаруживают также и результаты тестов на интеллект, которым были подвергнуты представители индийских каст – брахманов (высокая) и панчамов (самая низкая)^{18*}, принадлежащие к разным расовым типам. Результаты детей брахманов лишь немного ниже, чем у американских белых детей того же возраста, тогда как у детей панчамов значительно ниже, чем у обеих этих групп. Кроме того, у детей панчамов (как и у негритянских детей в некоторых исследованиях) «не наблюдается увеличения скорости их действий после достижения ими двенадцати лет... В этом возрасте они достигают вершины своего умственного развития», тогда как у детей американцев и брахманов еще продолжается рост интеллекта¹⁶⁸.

Наконец, что касается так называемых европейских наций или народов, то очевидно, что они (если выделять их на основе языка – англосаксы, немцы, шведы, итальянцы и т. д.) не представляют собой расовых групп в зоологическом смысле слова. Среди представителей одной и той же национальности мы находим разные подвиды белой расы, и *vice versa*^{19*}. Такое же расовое разнообразие наблюдается повсеместно и среди разных национальных групп. Поэтому, подвергая представителей этих национальностей тестам на интеллект, можно ожидать, что результаты окажутся несколько противоречивыми, что между ними будут различия, пусть и не столь уж большие. То, что все основные разновид-

¹⁶⁶ Исследования физической антропологии этих народов также показали, что с точки зрения объема черепа они находятся на том же уровне, что и белые. По этой причине многие известные антропологи и евгеники оценивают их весьма высоко. См.: *Schallmayer W. Vererbung und Auslese*. 1910, Kap. XI; *Porteus S.D., Babcock M. Temperament and Race*. 1926, part IV.

¹⁶⁷ См.: *Murdoch K. A Study of the Differences Found between Races in Intellect and in Morality // School and Society*. 1925, vol. XXII, № 568–569, 1925; *Symonds P.M. The Intelligence of the Chinese in Hawaii // School and Society*. 1924, vol. LXXXIX, p. 442; *Wolcott C.D. The Intelligence of Chinese Students // School and Society*. 1920, vol. XI, p. 474–480; *Waugh K.T. A Comparison of Oriental and American Student Intelligence // Psychological Bulletin*. 1921, vol. XVIII; *Yeung K.T. The Intelligence of Chinese Children // Journal of Applied Psychology*. 1922, vol. V, p. 267–274; *Kimball Y. Mental Differences in Certain Immigrant Groups*. University of Oregon Publisher, 1922; см. также: *Terman. Genetic Studies of Genius*, vol. I, pp. 56–57.

¹⁶⁸ См.: *Herrick D.S. A Comparison of Brahman and Panchama Children in South India, etc. // Journal of Applied Psychology*. 1921, vol. V, p. 252–260. См. также: *Waugh K.T. Op. cit.*; *Porteus, Babcock. Op. cit.*, parts V, VI.

ности белой расы – нордическая, альпийская и средиземноморская – в истории своей культуры продемонстрировали такие блестящие результаты, можно легко объяснить тем, что они никогда не были столь далеки друг от друга, как белая и черная расы. Все эти предположения вполне подтверждаются тестами на интеллект. Относительное место, которое занимают европейские нации, меняется от исследования к исследованию, так же как и относительные достоинства каждой нации в разных исследованиях оказываются не такими, как достоинства других¹⁶⁹.

Единственный вывод, какой, по-видимому, можно сделать из вышеупомянутых и подобных им исследований, состоит в том, что разные расы, особенно белая и черная (насколько можно судить по результатам упомянутых тестов), отличаются друг от друга своими менталитетами. Я не утверждаю, что одна раса выше, а другая ниже. Такая оценка субъективна. Но я утверждаю, что в обсуждаемом плане «рейтинги» у них разные. Возможно, в некоторых других отношениях черные могут иметь рейтинг несколько более высокий, чем белые. Но такой факт, если бы он был выявлен, означал бы только, что различия между ними еще более велики и носят более многосторонний характер. Это означает, что рассматриваемая нами школа права, когда выявляет различия между разными расовыми типами, но не права, когда их преувеличивает. Как мы видели, они гораздо менее заметны, чем утверждает школа. Различий между высшим и низшими классами одной расы, пожалуй, больше, чем различий между белыми и черными. Школа не права и в том, что она применяет к этим различиям такие характеристики, как «превосходство» и «неполноценность». Ввиду субъективности данных терминов можно с равным правом утверждать, что, например, способность воздержаться от создания целостной цивилизации является признаком «превосходства», тогда как создание таковой есть примета «извращенности». С точки зрения таких критериев негритянская раса оказалась бы «высшей», а белая – «неполноценной». Если мы допустим подобного рода оценки, то вышеупомянутые расовые различия окажутся такими же признаками «превосходства», как и противоположные им.

Задача науки не в том, чтобы оценивать, а в том, чтобы находить факты – в данном случае, чтобы установить, отличаются ли расы друг от друга, и если да, то в чем именно состоят эти отличия. Вышеизложенный обзор отвечает на этот вопрос положительно и показывает, в чем суть различий. Это и все, что требуется с научной точки зрения¹⁷⁰. Другие оценки – дело личного субъективного вкуса. Вот и все, что следует сказать по этому поводу.

¹⁶⁹ См. ранее цитируемые работы. Кроме того, см.: *Brown G.L. Intelligence as Related to Nationality // Journal of Educational Research. 1922, vol. V, p. 324–327; Feingold G.A. Intelligence of the First Generation of Immigrant Groups // Journal of Educational Psychology. 1924, vol. XV, p. 65–83; Pintner R. Intelligence Testing. New York, 1923; Kimball Y. Intelligence Tests of Certain Immigrant Groups // Scientific Monthly. 1922.*

¹⁷⁰ Несмотря на похвальную осторожность, некоторые авторы, как Э.Б. Рейтер в своем исследовании, впадают в противоположную крайность и независимо от известных фактов

Д. Далее, как я уже упомянул, школа, по крайней мере частично, права, когда утверждает, что эти различия обусловлены не только непосредственным влиянием окружающей среды, но и фактором наследственности. Что данный фактор в этом отношении играет определенную роль, в этом едва ли усомнится хоть один серьезный исследователь, знакомый с фактами. Совершенно невозможно приписывать эти различия исключительно влиянию элементов окружающей среды. С этой точки зрения все недостатки подобного рода теорий совершенно верно указал Гобино (см. выше, а также главу III). Совершенно необъясним посредством влияния окружающей среды следующий ряд фактов. Во-первых, в одной и той же среде некоторые расовые группы создали сложные формы культуры, тогда как другие в этом деле не преуспели и остались на примитивном уровне. Во-вторых, некоторые группы сумели создать сложные формы цивилизации, обитая в самых разнообразных географических условиях, в то время как другие остались неподвижными. В-третьих, появление гениев, а отчасти и недоумков не объясняется только окружающей средой. В-четвертых, люди, которые происходят из аналогичной среды, достигают разных результатов. В-пятых, есть неудачники, которые росли в самых благоприятных условиях, и есть гении, выросшие в среде, чрезвычайно неблагоприятной. В-шестых, не наблюдается роста числа гениев из класса пролетариев в XIX и XX вв., несмотря на увеличение количества учебных заведений. Эти и другие подобные факты могут быть объяснены только с учетом фактора наследственности¹⁷¹ – удачной или неудачной комбинацией родительских *генов*. Это не означает, что непосредственное воздействие элементов окружающей среды, таких как питание, климат, профессия, образование и т. д., не играет никакой роли; но, чтобы они сами по себе смогли изменить реальные расовые или наследственные качества индивида или группы, необходимо, чтобы прошел очень долгий период времени.

заявляют, что «все ученые принимают как временную, но довольно обоснованную рабочую гипотезу, что различные расы и народы мира, по сути, равны по своим умственным способностям и способности к цивилизации» (*Reuter E.B. The American Race Problem. A Study of the Negro*, p. 95–96, 429). Это заявление совершенно ошибочно с фактической точки зрения: большинство специалистов не признает, что «различные расы и народы мира, по сути, равны по своим умственным способностям и способности к цивилизации». Заявление противоречит даже собственным выводам автора о том, что «существует широко распространенное и, по-видимому, научно беспристрастное мнение о неполноценности негров. И нет ни одного компетентного исследователя расовых вопросов, который бы догматически утверждал абсолютное умственное равенство рас» (*Ibid.*, p. 92). Это утверждение гораздо ближе к истине, чем предыдущее утверждение того же автора. Оставляя в стороне «превосходство» и «неполноценность» как субъективные оценочные термины, отметим, что, опираясь на известные факты, вопрос о физических и умственных различиях разных рас можно решить в положительном смысле. Несколько недавних исследований, таких как исследование Портеуса и Бэбкока, а также новые устройства для химического тестирования реакции крови различных рас на определенный реагент делают это заявление еще более бесспорным.

¹⁷¹ См. анализ проблемы в моей «Социальной мобильности» (гл. XIII).

«Совокупность физических и ментальных черт, которыми человеческие расы отличаются друг от друга, не остается неизменной, ...но необходимы сотни и тысячи лет для такого изменения, – говорит Морселли. – Я не знаю ни одного случая расового преобразования, которое произошло в течение жизни одного или двух поколений, если оно происходило не через смешанный брак. Окружающая среда не может быстро изменить физические и ментальные качества расы. Что касается образования, то абсурдно ожидать, что оно изменит расовые черты группы за одно или два поколения. Правда, в настоящее время кажется, что качества народа изменяются часто и легко, но научное исследование показывает, что такие изменения относятся скорее к истории нации или народа как психосоциальные явления, чем к разряду расовых изменений»¹⁷².

Поскольку наша школа права, настаивая на том, что наследственность имеет большое значение, она в этом отношении представляет хороший противовес одностороннему подходу энвайронменталистской школы. Но что касается некоторых представителей школы, которые недооценивают или даже игнорируют влияние окружающей среды, то они делают ту же самую ошибку, что и чрезмерные защитники энвайронментализма. Было несколько попыток количественно выразить относительную важность окружающей среды и наследственности¹⁷³, но они представляются несколько субъективными и поэтому неокончательными. Оставив их в стороне, мы можем вполне уверенно утверждать, что фактор наследственности играет важную роль в формировании характерных особенностей и поведения индивидов и групп. Подобные идеи и исследования школы являются ее вкладом в науку и заслуживают нашего одобрения.

Е. Школа также права, когда при объяснении социальных явлений и исторических судеб культурных народов придает большое значение отбору и расовым изменениям в составе населения. Школа несколько преувеличивает значение этих факторов, но, пожалуй, нет сомнения, что отбор, осуществляемый посредством дифференциального уровня рождаемости, смертности и смешанных браков, может серьезно и за сравнительно короткое время изменить расовые особенности населения. Такие изменения могут оказать заметное влияние на социальную организацию и социальные процессы. Если изменения способствуют выживанию «лучших», то они могут облегчить прогресс общества; если они носят характер противоположный – то могут стать одним из факторов распада. Есть ряд исследований, которые вполне убедительно показывают, что процессы распада

¹⁷² *Morselli. Le razze humane*, p. 331–332, 341 f. Доктор Франц Боас пытался показать, что при непосредственном влиянии элементов окружающей среды можно быстро изменить расовые черты группы, но его интересные результаты стали объектом очень серьезной критики и не могут считаться законченными. См.: *Boas F. Changes in Bodily Form of the Descendants of Immigrants // Senate Documents. Washington, 1911, vol. LXIV*. Критику см. в работах Дж. Серджи, К. Пирсона, К. Джини и др., указанных в главе «Географическая школа».

¹⁷³ См., например: *Starch D. Educational Psychology*.

обычно сопровождаются изменением в расовом составе населения. Самый изученный случай подобного рода – это падение Рима и Греции. Все компетентные историки соглашаются с тем, что население Рима позднего периода отличалось от населения периода раннего и что потомство древней римской аристократии к I в. после Рождества Христова уже исчезло.

Т. Фрэнк убедительно это доказал. Отто Зеек пролил свет на «истребление лучших» в ходе войны и революции в Риме^{20*}. Отсюда их вывод о том, что это расовое изменение неизбежно стало одним из факторов падения.

«Главной причиной и постоянно действующим фактором падения Рима было прежде всего то, что народ, который создал Рим, был вытеснен людьми другой расы. Отсутствие энергии и предприимчивости, способности предвидеть будущее и здравого смысла, ослабление моральной и политической стойкости – все это было сопутствующими обстоятельствами постепенного сокращения породы людей, которые на более раннем этапе проявляли эти качества»¹⁷⁴.

Если даже и не совсем правильно объяснять падение Рима только одним этим фактором¹⁷⁵, то все равно он, безусловно, сыграл в этом процессе свою роль. По крайней мере, такое допущение не менее вероятно, чем его отрицание. Вероятно также, что нынешняя форма дифференцированного уровня рождаемости и низкого уровня рождаемости в западных обществах окажет некоторое негативное влияние на их социальную жизнь в будущем. Более низкое воспроизводство высшего слоя и класса специалистов означает относительное или абсолютное уменьшение их потомства в будущем составе населения. Поскольку их качества также зависят от наследственности, это означает обнищание расового фонда этих обществ. Низкий уровень рождаемости, сопровождаемый низкой смертностью, означает устранение или ослабление фактора естественного отбора, другими словами, выживание слабых, чего не было бы при условии высокой смертности, сопровождаемой высоким уровнем рождаемости. В подобных условиях состав общества, вероятно, все больше будет меняться в пользу потомства слабых и в ущерб «лучших». При изменении расового фонда людей их история, скорее всего, тоже будет меняться. В пользу этих выводов говорит целый ряд фактов. Во-первых, падение Рима и Греции шло параллельно исчезновению аристократических родов и снижению их уровня рождаемости. Во-вторых, долго существовавшие аристократии (самой длительной среди них является каста брахманов в Индии) всегда были плодовиты, размножаясь не в меньшей степени, чем низшие классы. В-третьих, долго существующие общества, такие как китайское, индийское или еврейское, также всегда отличались высоким уровнем

¹⁷⁴ Frank T. Race mixture in the Roman Empire // American Historical Review, vol. XXI, p. 705; см. также: Seeck O. Geschichte des Untergang der antiken Welt (все тома, passim); Pareto. Op. cit., vol. II, p. 1694 ff.; Fahlbeck P. La décadence, passim; Sensini G. Op. cit.

¹⁷⁵ См.: Rostovtzeff. Op. cit., pp. 485 ff., где приведены возражения против такой теории.

рождаемости. В-четвертых, ряд исследований уровня смертности возрастных групп ниже и выше 32 лет как в цивилизованных странах – в Германии, Франции и Англии, – у которых низкие показатели рождаемости и детской смертности, так и в странах менее цивилизованных – на Балканах, в Венгрии и России, – где уровень рождаемости и показатели детской смертности более высоки, так вот, ряд таких исследований показал, что в последних из названных стран уровень смертности возрастных групп старше 32 лет не выше, а скорее даже ниже, чем тех же самых возрастных групп в более цивилизованных странах. Такое состояние дел может быть объяснено, если признать, что в менее цивилизованных странах слабые по причине высокой смертности вымирают¹⁷⁶, а те, кто доживает до возраста старше 32 лет, оказываются относительно сильными людьми. Поэтому, несмотря на антисанитарные условия, уровень смертности среди них ниже, чем у соответствующих возрастных групп в более цивилизованных странах.

Наконец, медицинские обследования рекрутов Германии, Англии и Франции в течение последних нескольких десятилетий показали, что процент физически негодных среди них не ниже, а скорее выше, чем среди новобранцев в России, и что этот процент увеличивался и увеличивается, несмотря на улучшение уровня жизни в этих странах в конце XIX и в начале XX в. Такие несколько «неожиданные» результаты свидетельствуют скорее в пользу вышеупомянутого негативного «отбора» из-за низких показателей рождаемости и детской смертности и еще более низкого воспроизводства «лучшей» породы. Улучшения окружающей среды, по-видимому, не компенсируют даже то, что общества теряют благодаря отбору и обнищанию их расового фонда¹⁷⁷. Эти и многие другие факты делают заключения школы в данной области (за вычетом их односторонности) вероятными, хотя они все еще нуждаются в проверке.

Г. Что касается теории социальной селекции Лапужа, ее форм и воздействий, то она должна быть значительно скорректирована в деталях. Он подчеркнул слишком много отрицательных влияний военных, религиозных, правовых и других форм социального отбора, полностью исключив их положительную роль. Например, в следующей главе мы увидим, что влияние военной селекции является гораздо более сложным и многосторонним, чем думал Лапуж. То же самое верно и в отношении других форм социального отбора. Его центральная идея, будучи правильной, тем не менее однобока и требует серьезной доработки¹⁷⁸.

¹⁷⁶ О селективном характере уровня смертности см.: *Snow E.C. The Intensity of Natural Selection in Man. London, 1911*; статью К. Пирсона в «*Biometrika*» (vol. I, p. 50–89); статью А. Плётца в «*Archiv für Rassen- und Gesellschafts Biologie*» (1909, Bd. VI, S. 33–43); *Popenoe P. Johnson R. Applied Eugenics. 1922, ch. VI.*

¹⁷⁷ См. более широкую дискуссию и литературу по этой проблеме в моей «*Социальной мобильности*» (гл. XX–XXII).

¹⁷⁸ Еще большая коррекция необходима теории миграции из села в город Г. Хансена. Мы знаем теперь, что не все сельские мигранты входят в более высокие слои городской

Г. Концепция Аммона и Пирсона различных социальных институтов как своего рода «решета», которое тестирует, просеивает, отбирает и распределяет членов общества согласно их качествам, и их интерпретация классовой дифференциации, в сущности, по-видимому, соответствует истине. Исследование проблемы, которое провел автор этой книги, привело к аналогичному выводу (см. «Social Mobility», *passim* и ch. VII–IX). Однако это рациональное зерно теории перерастает в работах Аммона и Пирсона в серию «поспешных» преувеличений «пропагандистского» характера. От них следует отказаться.

Н. Теории А. Гобино, Лапужа и многих представителей евгеники о неизбежности вреда, который несет с собой смешение рас, судя по всему, также являются односторонними. Проблема ни в коем случае не решена. Многочисленные полученные данные очень противоречивы. Гипотетически самое вероятное решение проблемы, по всей видимости, следующее: смешение крови между определенными расовыми группами, вероятно, будет желательно, тогда как между другими – вредно. С другой стороны, родственное скрещивание, когда порода хороша и не загрязнена, вероятно, будет позитивным, но если она болезненна или загрязнена, то это приведет к вырождению. Таков ответ, который, наверное, ближе всего к истине. Однако у нас все еще очень мало точных знаний о том, каковы условия и расы, смешение которых будет удачным или неудачным¹⁷⁹.

8. Общие выводы

Объем книги не позволяет мне продолжить анализ других положений школы. На основании вышеизложенного мы должны сделать вывод о том, что это одна из самых важных и значимых школ в социологии. Не принимая ее преувеличений и ошибок, мы должны быть ей весьма благодарны за большой вклад в наше знание. Даже односторонность школы была полезна тем, что уравнивала односторонности крайних энвайронменталистов. Освобожденные от своих пристрастий, обе школы превосходно дополняют друг друга и дают «общий ключ» к пониманию многих загадок в поведении человека и в социальных процессах.

структуры, чем коренные горожане. Далее, городское население начиная с конца XIX в. значительно улучшило свой биологический баланс. Также не совсем бесспорно, что лучшие люди всегда мигрируют из села в город и что те, которые остаются, являются «низшими». Литературу и подробности см. в моей «Социальной мобильности».

¹⁷⁹ См.: *Dunn L.C.* A Biological View of Race Mixture // *Publications of American Sociological Society*, vol. XIX, p. 47–56; *Reuter E.B.* The Hybrid as a Social Type // *Ibid.*, p. 59–68; *Linton R.* An Anthropological View of Race Mixture // *Ibid.*, p. 69–77; *Mjøen J.A.* Harmonic and Disharmonic Race-Crossings // *Eugenics in Race and State*. Baltimore, 1923, p. 40–61; *Hoffman F.L.* Race Amalgamation in Hawaii // *Ibid.*, p. 90–108; *Savorgnan F.* Nuzialità e Fecundità delle Case Sovrane // *Metron*. 1924, vol. III, № 2; *East E.M., Jones D.F.* In-breeding and Out-breeding. Philadelphia, 1919; *Hankins*. *Op. cit.*, ch. VII, VIII. Там см. ссылки на другую литературу.

Глава VI

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «БОРЬБЫ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ» И СОЦИОЛОГИЯ ВОЙНЫ

1. Общая характеристика направления

Если биологические концепции организма, наследственности, изменчивости и отбора послужили основой для создания ряда рассмотренных выше социологических теорий, то такой же основой послужили и предложенные Дарвином понятия «борьба за существование» и «приспособление». Хотя учения о «борьбе за существование», «выживании сильнейших» и «приспособлении» появились задолго до Дарвина¹, тем не менее именно его гипотеза оказала чрезвычайно большое влияние на социологическую мысль последарвиновского периода и стала одной из главных причин возникновения целого ряда теорий, которые по-своему интерпретировали борьбу за существование в человеческих сообществах.

¹ Конфликт, противостояние и борьба с давних пор считались фундаментальным законом вселенной, жизни и человеческого существования, а также основной причиной всех изменений и прогресса. Теория «выживания наиболее приспособленных» была сформулирована не позднее V в. до н. э. Об этом свидетельствуют изречения Гераклита «все непрерывно изменяется» и «война – мать всех вещей», учение Эмпедокла о борьбе за существование и выживание наиболее приспособленных, слова Сенеки «vivere militare est», римская поговорка «militia est vita hominus». О том же самом говорит основополагающий принцип «Зенд-Авесты», согласно которому «история мира – это история конфликта» (противоположных сил добра и зла), а «война происходит и в природе, поскольку в ней есть силы, которые работают на добро, и силы, действующие в пользу зла», и эта их борьба постоянна и вездесуща (The Zend-Avesta // The Sacred Book of the East. Oxford, 1880, vol. IV, p. LVI–LVII и passim)^{1*}. О дуализме сил добра и зла и происходящей между ними борьбе учат почти все древние религии. С тех пор философия конфликта и борьбы, которые охватывают всю вселенную, царство живых существ или историю человечества, становится достоянием истории социальной и философской мысли разных народов и обществ. В XIX в. сильный импульс развитию этой идеи придали Г. Спенсер и особенно Ч. Дарвин. Обзор исторического развития теории эволюции см. в книге: *Osborn H.F. From the Greeks to Darwin*. New York, 1908. Краткое изложение см. в работах: *Newman H.H. Readings in Evolution, Genetics, and Eugenics*, ch. II; *Judd J. The Coming of Evolution*. Cambridge, 1911; *Spiller G. Charles Darwin and the Theory of Evolution // Sociological Review*. 1926, April; *de Quatrefages A. Darwin et ses précurseurs français*. Paris, Alcan; *Perrier E. La philosophie zoologique avant Darwin*. Paris, Alcan; *Nasmith G. Social Progress and the Darwinian Theory*. New York, 1916, ch. I.

Эти теории представляют собой либо простое применение «биологического закона» борьбы за существование к человеческому обществу, либо его вариацию. По этой причине большинство из них может рассматриваться как разновидность биологической социологии. Цель этой главы – дать краткий обзор и анализ этих теорий, особенно тех, которые занимаются «социологией войны».

Современная литература по «социологии борьбы» огромна. Однако большая ее часть не имеет научной ценности, будучи не чем иным, как чисто эмоциональными и спекулятивными «идеологиями». Поэтому данной частью этой литературы можно просто-напросто пренебречь. Оставшаяся часть представлена рядом немногочисленных фундаментальных работ, обзор которых может дать вполне отчетливое представление о ситуации социологического знания в этой области. Но, прежде чем приступить к анализу этих теорий, мы должны «очистить почву» от целого ряда смутных понятий, из-за которых строгий анализ делается невозможным.

2. Неопределенность понятия «борьба за существование» в биологической и социологической литературе

Общеизвестно, что Дарвин заимствовал идею борьбы за существование у Мальтуса. Запуская ее в научный оборот, он осознавал, что смысл ее неясен: «Я должен предупредить, что применяю этот термин в широком и метафорическом смысле, включая зависимость одного существа от другого, а также (что еще важнее) не только жизнь особи, но и успех в оставлении потомства».

Далее он приводит ряд примеров борьбы за существование, которые придают этому термину значение, близкое к значению «реакции защиты и самосохранения», которое гораздо шире, чем просто «уничтожение или устранение» других организмов.

«В этих нескольких смыслах, переходящих один в другой, я ради удобства употребляю общий термин “борьба за существование”»².

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что Дарвин фактически не дал определения понятию «борьба за существование». В своем труде он использует этот термин в двух разных смыслах. Первый – широкий, включающий в себя все случаи «зависимости одного существа от другого» (открытой и враждебной) и все защитные реакции, такие как взаимопомощь, сплоченность, кооперация и т. п. Второй – более узкий, в принципе, означающий враждебные, антагонистические, «воинственные реакции». Это расхождение значений и в какой-то степени подмена одного термина другим являются серьезным недостатком теории Дарвина.

² Darwin Ch. The Origin of Species. New York, 1917, p. 78*.

В трудах биологов и социологов этот недостаток чрезвычайно усилился. Во-первых, каждый из них интерпретирует понятие «борьба за существование» по-своему. Есть такие авторы, которые толкуют о борьбе за существование среди атомов, планет, звезд и молекул, не говоря уже о борьбе организмов, человеческих существ и сообществ³. Некоторые авторы используют этот термин лишь применительно к живым существам, но под «борьбой за существование» они понимают не только враждебные, антагонистические или уничтожающие реакции, но и взаимопомощь, солидарность, борьбу за индивидуальность и преобладание, кооперацию и т. п., – т. е. практически все реакции живого организма⁴. Наконец, есть авторы (хотя многие из вышеупомянутых делают то же самое), которые используют термин в узком смысле слова, понимая под ним только антагонистические реакции, особенно наносящие вред и вызванные стремлением к самоуничтожению. Если к этому анархическому использованию термина в научных работах присовокупить несравненно худшую анархию его использования в журналистике и повседневном обиходе, то нельзя не согласиться с ироническими замечаниями одного известного французского биолога по поводу фактора «борьбы за существование».

«По причине столь небрежного обращения с понятием “борьба за существование” толпа поверхностных последователей Дарвина начинает приписывать этим словам магическую силу. Оно используется так же, как в свое время использовали понятие “сродство”, – всякий раз, когда необходимо найти выход из затруднения. Светские люди, особенно журналисты, которые говорят обо всем этом без предварительного изучения и не обладают необходимыми знаниями, философы, метафизики, занимающиеся фетишизацией слов, и даже некоторые ученые считают, что все проблемы будут решены, коль скоро им удастся указать на такой фактор – особенно по-английски, – как “Struggle for Existence”. Борьба за существование! Ничто не может устоять перед заклинанием “Сезам, откройся!”, которое должно нам раскрыть все загадки биологии и социологии»⁵.

³ См., например: *Nowikow J.* Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1896, p. 1–59; *Tarde G.* L'opposition universelle. Paris, 1897.

⁴ См., например: *Thompson J.A.* Darwinism and Human Life. New York, 1917, p. 91; *Giddings F.* Studies in the Theory of Human Society. New York, 1922; *Bagehot W.* Physics and Politics. New York, 1884, p. 24, 50–52, 212–223; *Nicolai G.F.* Die Biologie des Krieges. Zurich, 1919, Bd. I, Kap. II (есть английский перевод).

⁵ *Giard.* Facteurs primaires de l'évolution. Paris, Librairie Croville-Morant, p. xi–xii. Отчасти по тем же причинам такой знаменитый зоолог, как Чалмерс Митчелл, член Королевского общества и секретарь Лондонского зоологического общества, после тщательного анализа проблемы, можно ли рассматривать общераспространенный феномен борьбы за существование в качестве научного закона, отвечает: «Наверное, смешно было бы утверждать, что естественный отбор и борьба за существование могут претендовать на статус научного закона. Утверждение о том, что “закон борьбы является тем законом природы, к которому могут быть сведены все остальные естественнонаучные законы”, совершенно ошибочно. Это не закон, а всего лишь довольно спорная гипотеза» (*Mitchell.* Le Darwinisme et la guerre. Paris, 1916, p. 29. Книга была опубликована на английском языке в 1915 г., но в настоящее время она мне недоступна).

Если мы хотим, чтобы наше рассмотрение было более или менее плодотворным, мы должны оставить в стороне все теории, которые толкуют о «борьбе за существование» среди атомов, планет и т. д. Пусть ими занимаются философы или еще кто бы то ни было, нас же волнуют только человеческие существа. Кроме того, нам придется опустить все теории, которые придают понятию «борьба за существование» расширительный смысл, принимая в качестве ее разновидностей взаимопомощь, кооперацию, социальность и все такое прочее. Столь широкое толкование борьбы за существование фактически делает это понятие бессмысленным; в данном случае можно с таким же правом называть все эти феномены «защитой жизни», «помощью во имя существования» или «сотрудничеством ради существования». Элементарное научное правило гласит, что все одинаковые вещи следует называть одинаковыми терминами, а разные вещи – терминами разными. «Борьба за существование», означающая истребление другого сородича, настолько отличается от «борьбы за существование», проявляющейся в виде взаимопомощи между сородичами, что совершенно недопустимо их отождествлять или обозначать одним и тем же термином. Более того, если мы это сделаем, то, очевидно, невозможно будет установить никакой четкой и определенной корреляции между таким широким, туманным и внутренне противоречивым фактором и некоторыми другими феноменами. Этих доводов достаточно для того, чтобы отвергнуть все подобного рода неопределенные и «бессмысленно широкие» биологические и социологические теории. Пусть ими занимаются те, кому нравится блуждать в чащобе высокопарных, но непонятных и бессмысленных слов.

Сказанное означает, что мы собираемся иметь дело только с теми учениями о борьбе за существование, которые используют это понятие в узком смысле, т. е. подразумевают антагонизм, конфликт и войну между человеческими существами. Но даже при таком ограничении не все эти теории стоят того, чтобы их излагать и обсуждать. Подавляющее их большинство представляет собой не что иное, как поверхностную «идеологию» или поспешное обобщение без сколько-нибудь серьезного доказательства и без систематического анализа фактов. Их тоже можно опустить. По этой причине такие «теоретические построения» и «утверждения», как «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс–Энгельс), «закон борьбы – это универсальный закон» (Новиков), «борьба за существование – неотъемлемый закон человечества, как и всех живых существ» (Э. Ферри), «закон борьбы – это фундаментальный закон природы» (Бернгарди), и подобные им «фигуральные и бессмысленные обобщения» можно опустить безо всякого анализа⁶. По той причине, что подобного рода утверждения, будучи случайными, мало что дают, они означают нечто неопределенное и носят явно односторонний характер.

⁶ *Marx K., Engels F. Communist Manifesto. Chicago, 1913, p. 12–13; Novikow. Op. cit., p. 1–12; Ferri E. Socialism and Positive Science. London, 1909, p. 25.*

Нет никаких сомнений в том, что наряду с феноменом борьбы за существование есть и такие явления, как взаимопомощь, сотрудничество или солидарность. Исследования П. Кропоткина, У. Бэджета и многих других сделали это совершенно очевидным⁷. Эти явления, будучи противоположными борьбе за существование, одинаково распространены и в человеческом, и в животном мире, так же как антагонизм и война. По этой причине все теории, которые пытаются сделать борьбу за существование единственным или главным фактором социальной эволюции, явно ошибочны. То же самое можно сказать и о других «теориях» подобного рода. Теперь, «очистив почву» от псевдонаучного хлама, обратимся к социологическим учениям о войне как о самой крайней форме борьбы за существование среди человеческих существ.

3. Формы борьбы за существование и их модификация в ходе человеческой истории

В данной области репрезентативными теориями могут служить те, которые изложены в следующих книгах: «Les luttes entre sociétés humaines et leurs phases successives» Я. Новикова, «La lutte pour l'existence et ses effets dans l'humanité» и «Les bases sociologiques du droit et de l'état» М. Ваккаро. Во всяком случае, их идеи, которые разделяет большинство социологов, представляют собой удобную отправную точку для обсуждения данной проблемы.

Основы теории Новикова таковы: непрерывная борьба есть универсальный и вечный закон. Борьба идет между атомами, организмами, человеческими существами, обществами, между единицами любого сорта. Среди животных борьба за существование принимает две основные формы: вытеснение и поглощение. Однако даже среди них наблюдается нечто отдаленно напоминающее экономическое и интеллектуальное соревнование. Результатом борьбы является устранение менее приспособленных и выживание тех, кто лучше адаптировался к существующим условиям. Опыт и знание играют важную роль в успешной борьбе среди животных. Те организмы, у которых их оказывалось в большей степени, имели и больше шансов на выживание. Путем истребления непригодных борьба способствует все лучшей и лучшей адаптации. Прогресс в деле адаптации ведет и к большому счастью. С течением времени прогресс адаптации, особенно среди человеческих существ, все более и более ускоряется. Фактически «сам прогресс есть не что иное, как акселерация и адаптация»⁸. Обращаясь к формам и эволюции борьбы за существование между человеческими существами, Нови-

⁷ См.: *Kropotkin P. Mutual Aid. London, 1902, passim; Bagehot. Op. cit., passim; Mitchell. Op. cit., passim.*

⁸ *Novikow. Op.cit., p. 1–12, 30, 50.*

ков различает по крайней мере четыре основных типа. Их характер и эволюция представлены в нижеследующей несколько упрощенной схеме⁹.

Основные формы борьбы за существование и их эволюция

Формы борьбы за существование	Цель	Способы проявления
1. Психологическая	Вытеснение, истребление, добывание пищи	Каннибализм, убийства, война ради добывания пищи и истребление врага
2. Экономическая	Добывание средств существования и богатства; их накопление, присвоение и т. п.; экономические войны	Разбой, экономическая конкуренция и различные способы принуждения с прямой целью ограбить врага
3. Политическая	Достижение политическими методами разных экономических привилегий; политическое господство с целью получения прибыли разными методами. Основной – применение различных наказаний, угроза смертной казни и т. п. Политические войны	Узурпация, рабство, крепостное право, захват имущества, аннексия, завоевания
4. Интеллектуальная	Борьба за интеллектуальное господство, за победу религии, идеологии, догмы, цивилизации, культуры. Методы: пропаганда, различные способы ассимиляции, воспитания, критики, интеллектуальные гонения и т. п.	Религиозные войны, революционные войны, нетерпимость, интеллектуальная борьба, соревнование и т. д.

Эта схема показывает, что в человеческом обществе существует много форм борьбы за существование. Согласно автору, с течением времени более жестокие формы борьбы сменяются более мягкими. Сейчас физиологическая борьба почти исчезла, а сама борьба становится все более интеллектуальной. Война все больше и больше заменяется умственным и интеллектуальным соперничеством. Кроме того, с течением времени эта замена ускоряется. В будущем война в физиологическом смысле исчезнет совсем. Но борьба не прекратится, а примет формы исключительно интеллектуального соперничества без какого-либо кровопролития или уничтожения людей. Следующая цитата из другой работы Новикова представляет собой резюме его теории: «Апологеты войны совершенно правы в том, что борьба – это жизнь. Борьба – это воздействие окружающей среды на организм и реакция организма на окружающую среду,

⁹ Ibid., p. 402 и passim^{3*}.

отсюда нескончаемый бой. ...Без борьбы и антагонизмов общества погрузились бы в состояние спячки, в чрезвычайно опасную летаргию. Это надо признать, но очень ошибаются те, кто считает войну единственной формой проявления борьбы между людьми. ...Кроме физической борьбы существуют экономические, политические, интеллектуальные способы соперничества, которых нет среди животных. Можно даже утверждать, что физическая борьба, основная форма борьбы в животном мире, между людьми закончилась, поскольку они больше не поедают друг друга».

Критикуя теории Ратценхофера и Гумпловича, он далее пишет: «Не суровая необходимость заставляет нас истреблять друг друга подобно диким животным. ...Закон Дарвина вовсе не препятствует всему человечеству объединиться в федерацию, в которой воцарится мир. В ее рамках будет происходить то же самое, что и внутри каждого отдельного государства. Борьба здесь, разумеется, не прекратилась, но приняла формы экономической конкуренции, адвокатских речей, судебных постановлений, голосований, партийных организаций, парламентских дискуссий, митингов, лекций, проповедей, школ, научных ассоциаций, конгрессов, памфлетов, книг, газет, журналов – короче говоря, устной и письменной пропаганды. И не надо думать, что люди предпочли эти методы кровопролитию по той причине, что стали лучше. Идиллии в этом вопросе не играют никакой роли. Эти методы сделались предпочтительнее, потому что их сочли более эффективными, а следовательно, более быстрыми и легкими. ...Все только что перечисленные методы борьбы постоянно используются в нормальные времена среди 381 млн английских подданных, населяющих 25 млн кв. км. Равным образом их могли бы вполне успешно использовать 1 480 млн человек, населяющих 135 млн кв. км. Тогда объединение всего земного шара в единую федерацию было бы достигнуто»¹⁰.

Таковы основы теории Новикова.

Очень похожа на нее социологическая теория адаптации и борьбы за существование, разработанная Ваккаро (1854–[1937]). Адаптация, по его мнению, представляет собой тот окончательный закон, к которому должны быть сведены все биологические и социологические законы. Используя спенсеровское определение жизни как непрерывной адаптации внутренних отношений к внешним, Ваккаро говорит, что сущность жизни – это приспособление и что адаптация

¹⁰ *Novikow. War, and its Alleged Benefits. Translated by T. Seltzer. New York, 1911, p. 102–103, 113, 119, 125.* Французское оригинальное издание было опубликовано в 1894 г. под названием «La guerre et ses prétendue bienfaites». В своей более поздней работе «La critique du Darwinism social» (Paris, 1910) Новиков приводит некоторые утверждения, которые противоречат вышеописанной теории. Они будут рассмотрены далее. Впоследствии он опубликовал специальную монографию, в которой анализируется возможность создания и характер федерации Европы – «La fédération de l'Europe» (Paris, 1901).

состоит из непрерывных усилий, направленных на то, чтобы установить равновесие между организмом и окружающей средой. Из этого следует, что чем сложнее и динамичнее окружающая среда, тем сложнее и изменчивее должны быть обитающие в ней организмы, иначе они погибнут¹¹. Комбинируя принципы Дарвина и Ламарка, он с этой точки зрения рассматривает эволюцию организмов, проблемы наследственности и т. п.¹²

Переходя к человеку, он указывает, что его адаптация, по сравнению с другими животными, более динамична и сложна и состоит не только и не столько в модификации организма, а в трансформации и создании средств адаптации вне организма (орудий труда, инструментов, оружия и прочих «искусственных органов»)¹³. Чтобы приспособиться к среде своего обитания, человеку приходится бороться с враждебными ему космическими силами, животными и растительностью, а также с такими же людьми, как он сам. Создание различных инструментов, предназначенных для уничтожения, нейтрализации и модификации вредных влияний жары, гравитации и других космических сил, есть не что иное, как приспособление к космической среде. Уничтожение вредных организмов, культивация растений и одомашнивание животных – тоже адаптация, но уже к органической среде¹⁴. Одна из труднейших задач адаптации – это приспособление человека к человеку в группе и одного общества к другому. Это подводит нас к учению о борьбе за существование среди человеческих существ и ее эволюции, которое разработал Ваккаро. Среди прочих форм адаптации человеческих существ всегда была борьба за существование. Чтобы выжить, они должны были приспособиться друг к другу в обществе и адаптировать одно общество к другому. На самых ранних стадиях эта цель достигалась с большим трудом и самыми грубыми методами: с помощью безжалостного устранения слабых членов группы и своих «раскольников», а также с помощью еще более жестокой войны и истребления более слабой группы сильной. Ваккаро приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что внутренняя и внешняя «война» на этих стадиях была самой кровавой, беспощадной и непрекращающейся. Войны шли непрерывно, а побежденные группы истреблялись полностью. Пощады не было ни к одному члену побежденной группы. Борьба шла за полное истребление¹⁵. Со временем, однако, эта жестокость борьбы постепенно начала

¹¹ *Vaccaro M.* Les bases sociologiques. Paris, 1898, ch. I, p. I–XX.

¹² *Ibid.*, ch. I–II.

¹³ *Ibid.*, ch. III.

¹⁴ *Ibid.*, ch. IV.

¹⁵ *Ibid.*, ch. V. См. также: *Vaccaro M.* La lotta per l'esistenza e suoi effetti nell'umanità. Rome, 1886 (французский перевод – Paris, 1892). Об эволюции внутригрупповой борьбы за существование (преступление и наказание) см. его «Geneis e funzione delle leggi penali» (Roma, 1889).

снижаться. Факторами этого качественного и количественного спада внутренней и внешней борьбы за существование были: увеличение размера групп и уменьшение их численности, что снижало шансы возникновения межгрупповых конфликтов; увеличение размеров групп, что не позволяло в любой момент запустить социальный механизм войны, как это было возможно, когда группы были небольшими. В таких условиях войны стали менее прибыльными; увеличение социальных контактов, торговли и тому подобных факторов также внесло свой вклад в этот процесс. В силу этих и других подобных причин внутригрупповая и межгрупповая борьба за существование становилась все менее и менее жестокой как в качественном, так и в количественном отношении¹⁶. В межгрупповой борьбе это смягчение сначала проявилось в увеличении численности членов покоренной группы, которых оставляли в живых. Сначала щадили только детей, позднее – женщин, потом – всех не представлявших опасности членов, а еще позднее – большинство членов завоеванной группы. Вместо того чтобы убивать, их обменивали, обращали в рабов, продавали и всячески эксплуатировали. Таким образом, круг замиренного населения все более и более расширялся. Далее, обращение с теми, кого щадили, становилось все более и более гуманным, пока не наступила ситуация, которую мы наблюдаем в наше время: как только заканчивается война, побежденные имеют почти столько же прав, сколько и победители¹⁷. Таким образом, качественно и количественно межгрупповая борьба – война – отмирала, а межгрупповая адаптация постепенно усиливалась.

Нечто подобное наблюдается и в ходе эволюции внутригрупповой борьбы. На ранних стадиях обращение членов группы с преступниками было безжалостным. Кровная месть, изгнание, поединки и подобные меры исключения и истребления были нормой. Позднее эти меры становились все более и более гуманными, пока не наступило время нынешней «пенологической» практики, при которой элемент жестокости и пыток над преступником сведен к минимуму и вскоре, по-видимому, совсем исчезнет¹⁸.

Если теперь мы обратимся к борьбе между победителями и побежденными, насильственно поставленными под контроль завоевателей, то ее эволюция обнаружит ту же самую тенденцию. Завоеватели, как правило, становились привилегированным и правящим слоем завоеванного ими общества. Сначала их взаимоотношения носили резко антагонистический характер, который проявлялся в том, что аристократия, используя чрезвычайно жестокие и насильственные методы, заставляла побежденных или низшие классы повиноваться ее деспотическому господству. Правление непременно принимало форму военной дикта-

¹⁶ Les bases, ch. VI. Другие работы, passim.

¹⁷ Ibid., ch. VI–VIII.

¹⁸ Ibid., ch. IX.

туры победителей над побежденными. По мере того, как взаимная адаптация обоих классов росла, принудительный и жестокий деспотизм начинал уступать место более мягким формам социального контроля. Место военного деспотизма заняло теократическое правление, которое было значительно мягче, чем прежний режим; потом теократия уступила место более мягкому аристократическому правлению, а его место далее занял режим демократический, при котором различия между завоевателями и покоренными, между правящим и управляемым классами практически исчезли. Вместо управления извне появляется самоуправление, вместо принуждения и тиранического контроля – самоконтроль, основанный на воле людей и свободный от кровопролития и деспотизма. Таким образом, в этой области тенденция была той же самой, что и в других сферах межгрупповой и внутригрупповой борьбы за существование. Все они, вместе взятые, свидетельствуют о том, что кровавые формы борьбы с течением времени уходят в прошлое. Адаптация прогрессирует все больше, и все чаще гуманные методы заменяют методы кровавые и жестокие. Все это свидетельствует о том, что война, наказание, истребление и изгнание человеческих существ себе подобными в будущем исчезнут и наступит время быстрой и гармоничной адаптации¹⁹.

Таковы общие контуры теории Ваккаро. Каждое из его утверждений подтверждено богатыми этнографическими, историческими и политическими материалами, что в дополнение к гармоничному и глубоко продуманному характеру всей теории значительно усиливает убедительность его выводов.

Вряд ли стоит говорить о том, что основные выводы Новикова и Ваккаро разделяют многие социологи, экономисты, моралисты, политические мыслители и историки, не говоря уже об огромном числе журналистов, публицистов, священников, политиков, пацифистов и прочих. Они считают, что предсказанное ими исчезновение войн и кровавых форм борьбы за существование внутри человеческих обществ непременно реализуется. Г. Тард, М. Ковалевский, Э. Ферри, Г. де Молинари, Г. Ферреро, Н.М. Батлер, Г. Николаи, У.Г. Тафт, Р.С. Борн, С.Ч. Митчелл, Л. Петражицкий, У.Г. Самнер, А.Г. Келлер, все сотрудники Фонда Карнеги, поклонники Лиги Наций, различные общества, ставящие своей целью установление мира и т. д., – все они могут быть примером того множества людей, которые в это верят²⁰.

¹⁹ Ibid., ch. X–XII.

²⁰ Г. Тард утверждает, что стадия оппозиции, или конфликта, между двумя сменяющими друг друга состояниями «адаптации» – старой и новой – со временем становится, как правило, все короче и короче, все менее и менее жестокой. См.: *Tarde. Social Laws*. New York, 1899, p. 105, 110–113, 132–133 и *passim*. Он был одним из первых теоретиков, кто ввел деление форм противостояния на три основных класса: войну, конкуренцию и спор. Эта классификация является сейчас общепринятой, но иногда неверно приписывается Г. Зиммелю. *Ковалевский М.* Современные социологи, с. 164 и сл.; *Ferry E.* Socialism and Positive Science, p. 24–25 и *passim*; *De Molinari G.* Grandeur et decadence de la guerre. Paris, Alcan, 1898; *Sum-*

Критика

Можно ли утверждать, что основные положения вышеизложенных теорий правильны и научно доказаны? Боюсь, что нет. Они вызывают симпатию, и поэтому хочется в них поверить, однако серьезный научный анализ показывает их ошибочность.

В первую очередь неверно, что среди животных борьба за существование принимает лишь формы вытеснения, истребления и поглощения одних организмов другими. Этого нельзя сказать о большинстве растений и о многих нехищных животных. Кроме того, как показали некоторые биологи, победа в борьбе за существование не обязательно достается самым прожорливым животным. Очень часто она одерживается теми видами, которые не столь ненасытны и менее жестоки²¹. Более того, Кропоткин и многие другие исследователи установили, что взаимопомощь никоим образом не ограничивается человеческими сообществами. Она довольно распространена и среди животных. Мы даже не можем утверждать, что более высокая ступень видов на «лестнице жизни» свидетельствует об их меньшей прожорливости. Такое предположение абсолютно неверно. Более того, есть доля истины в ироничном замечании Монтеня о том, что «война – это специфическое свойство человеческих существ»^{5*}, и в не менее ироничной эпиграмме Шефтсбери, согласно которой знаменитое изречение Гоббса «*homo homini lupus est*»^{6*} оскорбительно для волков, потому что они менее кровожадны и жестоки друг к другу, чем люди. Этих фактов достаточно, чтобы показать ошибочность утверждения Новикова о том, что по мере перехода от низших животных к высшим и от животных к людям «физиологическая борьба за существование» проявляет тенденцию к исчезновению. Факты вовсе не подтверждают столь приятную «закономерность»²². Так можно ли утверждать, что схема эволюции внутри- и межгрупповой борьбы, рассмотренная выше, работает применительно к человеку? Боюсь, что нельзя. В своей поздней книге Новиков сам отмечает, что в нача-

ner W.G., Keller A.G. The Science of Society. 1927, vol. I, p. 16, 62 ff., 390 ff.; Ferrero G. Il militarism. 1898; Nicolai G. Op. cit.; Петражицкий Л. К вопросу о социальном идеале // Юридический вестник. 1913, № 2, с. 34; см. высказывания Н.М. Батлера, У.Г. Тафта, Р. Борна и С.Ч. Митчелла, которые приводит Ф.А. Вудс в предисловии к своей книге «Is War Diminishing?» (Boston, 1915). Такого же мнения придерживался и автор в своей книге «Преступление и кара» (1914, с. 317–385)^{4} и в статье «Законы развития наказаний» (Новые идеи в правоведении, сб. 3).*

²¹ Соответствующие факты см. в: *Mitchell. Op. cit., ch. II.*

²² Интересно отметить, что в своей более поздней книге, в которой социальный дарвинизм подвергнут чрезвычайно суровой критике, Новиков показывает, что среди животных война как борьба одной группы с другой случается крайне редко, так же как и индивидуальная «психологическая» борьба за существование среди особей одного вида. Война является специфической особенностью человеческого сообщества. См.: *Novikow. La critique du Darwinisme social, p. 43, 47–48, 61, 153.*

ле истории человек был «травояден», а не «плотояден», но сильно развитый стадный инстинкт заставил это мирное существо измениться. Лишь когда развитие человеческого интеллекта сломило силу этого инстинкта, только тогда в человеческой истории появилась война²³. Все это лишь умозрение, но и оно обнаруживает противоречие самого Новикова утверждению, будто с течением человеческой истории борьба за существование постепенно затихает, утрачивая свой физиологический характер и приобретая интеллектуальный. Если после этих спекуляций обратиться к фактам, то можно ли утверждать, что первобытный человек был более хищным, кровожадным и воинственным, чем человек цивилизованный, на чем настаивают Новиков, Ваккаро, Самнер, Келлер и даже Штейнмец²⁴, не говоря уже о сонмище невежественных болтунов? Если факты, насколько они нам известны, не позволяют ответить на этот вопрос отрицательно, то еще меньше они позволяют ответить на него положительно. Теперь мы твердо знаем, что «дикарь» ни в коем случае не был похож на жестокого, кровожадного и ненасытного зверя, каким его часто описывали²⁵. Шаг, отделяющий низших охотников от высших земледельческих групп, у первобытных народов чрезвычайно велик. Если бы критикуемая теория была права, то следовало бы ожидать, что среди групп с высокоразвитым земледелием война была бы более редким явлением, а обращение с побежденными носило более гуманный характер, чем среди низших охотников. Факты, однако, не подтверждают такого ожидания. Следующая таблица, в которой обобщены результаты изучения 298 отсталых народов, находящихся на низших ступенях развития, это показывает. Только в девяти случаях было обнаружено «отсутствие войны», и эти примеры показаны не высшими земледельцами, а низшими охотниками и низшими земледельцами. Это позволяет авторам исследования сделать вывод о том, что «организованное ведение войны, как правило, усиливается по мере развития промышленности и социальной организации»²⁶. Вот эта таблица:

²³ *Novikow*. Ibid., p. 50, 53, 207. Похожие спекуляции повторяет Николаи в своей поверхностной работе «Die Biologie des Krieges» (Bd. I, S. 29–32). Николаи практически повторяет работу Новикова.

²⁴ Как мы еще увидим, д-р Штейнмец – один из самых видных ученых, защищающих войну, – весьма решительно настаивает на том, что война не исчезнет из истории человечества. Во всяком случае, он тоже утверждает, что «война – это обычное занятие» первобытных племен, что «die Wilden, wahrscheinlich nach der allerersten Stufe, bludthurstig waren und ihre Kriege in der grausamsten Weise mit ungeheueren Verlusten an Menschen fuhren» (*Steinmetz*. Die Philosophie des Krieges. Leipzig, 1907, S. 55–57, 190)^{7*}.

²⁵ См.: *Westermarck E.* The Origin and Development of Moral Ideals. London, 1906, vol. I, ch. XIV, XV, XVI, p. 334 ff.

²⁶ *Hobhouse L., Wheeler G., Ginsberg M.* The Material Culture and Social Institutions of the Simpler People. London, 1915, p. 228.

Число случаев того или иного способа обращения с побежденными в каждой группе народов²⁷

Группы народов	Убийство побежденных	Убийство только мужчин	Рабство женщин и детей
Низшие охотники	6	3	5,5
Высшие охотники	23	17	10
Низшие земледельцы	16	6	1
Низшие пастухи
Высшие земледельцы	44	7	8
Высшие пастухи	1	1	1
Земледельцы еще более высокой ступени	16	7	6

Группы народов	Порабощение всех	Усыновление	Обмен или освобождение
Низшие охотники	1	1	1
Высшие охотники	11	9,5	7,5
Низшие земледельцы	4,5	12	
Низшие пастухи	2	1	
Высшие земледельцы	15	14	7,5
Высшие пастухи	1		1
Земледельцы еще более высокой ступени	35	2	1,5

Таблица, возможно, включает в себя большее количество отсталых народов, чем любое другое исследование, посвященное их изучению с этой точки зрения. Поэтому она менее фрагментарна и случайна, чем многие другие исследования примитивных народов, построенные на основе немногочисленных отдельных случаев. Будучи таковой, она, в противоположность теории Ваккаро и Новикова, не показывает сколько-нибудь значительного качественного или количественного спада войны по мере перехода от стадии низших охотников к стадии высших земледельцев.

Если мы обратимся к историческим народам, то рассматриваемые нами теории окажутся не в лучшем положении. На настоящий момент мы имеем по крайней мере две или более систематические попытки выяснить, сокращалась ли война или нет среди европейских народов в течение последних девяти веков. За основу для решения этой проблемы авторы берут в каждом веке число лет, проведенных страной в войне и мире. Один из них добавил к этому данные, которые показывают, какой процент вооруженных сил (армии) погиб в главных войнах того или иного столетия. Основные результаты их исследования таковы²⁸:

²⁷ Ibid., p. 232.

²⁸ Woods F.A. Is War Diminishing? p. 34, 39, 43, 53, 64, 67, 73, 78, 85, 91; Bodart G. Losses of Life in Modern Wars. Oxford, 1916, p. 4, 75–78. Между прочим интересно отметить, что

Количество лет, потраченных на войну
каждой отдельной страной в каждом конкретном веке
(верхняя линия цифр – Ф.А. Вудса; нижняя – Бодарта)

Страна	1100– 1200	1201– 1300	1301– 1400	1401– 1500	1501– 1600	1601– 1700	1701– 1800	1801– 1900
Англия	54	36	65	57	54,5	43,5 46,5	55,5 50,5	53,5 35
Франция	36,5	49	43	52,5	60,5	64	52	74 ^a 32 ^b
Австрия Габсбургов					75,5	73,5	48,5	13,5
Австро-Венгрия						77	59	25
Россия					78,5	57,5	49,5	53
Турция					80,5	89	23	39,5
Испания					73	82	48,5	53,5
Польша					55	68	22,5	
Дания					32,5	30,5	12	15
Голландия						62,5	29,5	14,5
Пруссия Гогенцоллернов						58,5	31	13
Швеция					50,5	50	29,5	6,5

a – с колониальными войнами;

b – без колониальных войн.

Эти данные показывают, что только в отношении небольших стран, общая численность населения которых составляет незначительную часть европейского, можно было бы говорить об уменьшении войн. Данные относительно больших стран не дают никакого основания для такого заключения. Если при этом учесть соответствующие соображения Ф.А. Вудса относительно длинных военных циклов и, наконец, данные XX в., то нельзя не согласиться с его выводом о том, что «тенденции [просматриваемые на его ценных диаграммах] для Англии, Франции и России не позволяют предполагать, что милитаризм исчезает» и что все имеющиеся данные в лучшем случае «лишь слегка намекают на вероятность небольшого уменьшения количества военных лет»²⁹.

Пруссия времен Гогенцоллернов, которую принято поносить как самое что ни на есть воплощение милитаризма, объективно была наименее милитаризованной из всех больших стран. Это служит хорошей иллюстрацией расхождения между объективной истиной и субъективным «общественным мнением».

²⁹ Ibid., p. 29–30. Ж. де Местр был первым, кто сделал подобные предварительные вычисления и пришел к выводу, что «la guerre est l'état habituel du genre humain dans un certain sens; c'est-à-dire, que le sang humain doit couler sans interruption sur le globe, ici où là; et que la paix, pour chaque nation, n'est qu'un répit»^{8*} (Considérations sur la France // Oeuvres, vol. I, p. 28 ff.). Г. Вальберт, основываясь на вычислениях «Moscow Gazette», говорит, что «в течение 3 358 лет, с 1496 г. до н. э. до 1861 г. н. э., было 227 лет мира и 3 130 лет войны, или 13 лет войны на каждый год мира. За последние три столетия в Европе было 286 войн». Далее он добавляет, что «с 1500 г. до н. э. и до 1860 г. н. э. было нарушено свыше 8 000 мирных договоров, которые, как предполагалось, заключаются навечно. В среднем они оставались

Если мы возьмем процент потерь воюющих армий в XVII, XVIII и XIX вв., то не увидим никакой тенденции к уменьшению. Между тем численность армий увеличивалась не только в абсолютных цифрах, но, вероятно, даже и в пропорции к населению. Во время последней войны мы видели, что почти все население воюющих стран было превращено в армию. Следовательно, если процент потерь современных армий не меньше, чем армий прошлого, то это, безусловно, означает, что, вопреки многим авторам, в том числе и Штейнмецу, никакого значительного уменьшения количества жертв войны нет. Представленные Бодартом многочисленные и подробные таблицы потерь во всех основных сражениях вышеупомянутых трех веков, подсчитанных в процентах от общей численности воюющих армий, не обнаруживают ни малейшей тенденции к снижению этих потерь³⁰. Эти данные, по-видимому, достаточно хорошо показывают, что предполагаемое исчезновение войн фактическими данными едва ли подтверждается. «Тенденции» Ваккаро и Новикова были скорее делом воображения, чем точным описанием действительности³¹.

Что касается качественного изменения войн, т. е. уменьшения их жестокости, то критикуемые теории представляются также весьма сомнительными. Конечно, кое-кто может думать, что истребление врага с применением пулеметов, ядовитого газа, танков, крупнокалиберных снарядов и других «научных» методов более гуманно, нежели стрелой, дубиной и копьем, но это дело личного вкуса. По мнению автора, нет никаких существенных различий, которые позволяли бы говорить о прогрессирующей с течением времени «гуманизации войны». Да и опыт последней войны^{11*} показал, что в XX в. женщины, дети и гражданское население часто истреблялись так же, как, по данным Ваккаро, и в самом отдаленном прошлом³².

в силе два года» (*Valbert G. Revue des Deux Mondes. April, 1894, p. 692*)^{9*}. Имея в виду эти факты, достопочтенный Джордж Пиль в своей книге «*The Future of England*» (p. 169) сказал, что в течение 15 веков, начиная с утверждения христианства в Европе, проповедовался мир, и в течение этих 15 веков история Европы была ничем иным, как «рассказом о крови и резне».

³⁰ Здесь снова популярные писатели рисуют перед публикой абсолютно ложную картину воинственности и огромных по численности армий прошлых веков, особенно Средневековья. Действительная ситуация была совершенно иной. Армии прошлого, будучи наемными и профессиональными, были, как правило, очень небольшими, иногда состояли из нескольких десятков, сотен или нескольких тысяч человек. Численность австрийской и других армий в сражениях XVII, XVIII и XIX вв. приведена в исследовании Бодарта. Просматривая эти цифры, можно увидеть постоянный рост воюющих армий с XVII по XIX в. Возможно, что их рост был большим, чем рост численности населения в течение этого же периода. См.: *Bodart. Op. cit., passim*.

³¹ Как я уже отмечал, в своей ранней работе я придерживался того же убеждения, но более глубокое изучение фактов изменило мое мнение^{10*}.

³² Если взять колониальные войны, которые вели европейские страны в 1923–1926 гг., то увидим еще больше наглядных примеров тому, сколь ошибочны упования на исчезновение жестокости войн. Были разрушены целые города в Сирии, Марокко, Индии, Афганистане и т. д.^{12*} Женщины, дети и все население были уничтожены. Действительно, замечательная «гуманизация войны»!

Данных показателей, наверное, достаточно, чтобы уяснить иллюзорный характер обсуждаемых теорий. Боюсь, что чем глубже мы погрузимся в факты, тем более явственно проявятся их ошибки³³. Они – не что иное как «деривации», которые реальную тенденцию прикрывают желательной. Пожалуй, вот и все об этом.

Теперь, что касается *форм «борьбы за существование», или форм антагонистических отношений между людьми, то они, надо сказать, многочисленны*. Их классификация зависит от цели исследования. Из существующих классификаций большинство представляют собой разновидности тройкой классификации Тарда: война, конкуренция, спор, – которая близка четырем формам борьбы Новикова³⁴. Таковы же классификации Г. Зиммеля, Л. фон Визе, Р. Парка, Э. Бёрджесса, Э.О. Росса и некоторых других³⁵. Нет сомнения, что такая классификация охватывает только один аспект проблемы и представляет собой лишь одну из многих возможных классификаций. Во-первых, можно классифицировать все антагонизмы согласно их специфическим характеристикам. Они могут быть, например, *сознательными и бессознательными; односторонними*, когда включают в себя только антагонизм между волками и овцами, или *взаимными*, когда обе стороны угрожают друг другу; *абсолютными*, когда одна сторона стремится истребить другую физически, или *относительными*, когда истребление не обязательно является целью, но предполагаются различные виды подчинения, эксплуатации, господства и конкуренции. Во-вторых, согласно «*диагностическим признакам*», или «*проявлениям антагонистических отношений*» (форм), *существуют такие антагонистические отношения: война, физическая борь-*

³³ В противовес данным теориям есть теории противоположного толка, авторы которых искренне пытаются показать, что с прогрессом цивилизации жесточенность борьбы не уменьшалась, а увеличивалась. Одну из самых интересных трактовок подобного рода предпринял А.Н. Энгельгардт в своей книге «Прогресс как эволюция жестокости». Для доказательства своего главного тезиса автор собрал огромное количество материала из истории прошлых и нынешних войн и колонизации коренных жителей европейскими странами. Если этот тезис и не может быть принят (он также односторонен), то работа, по крайней мере, показывает ошибочность мнения противоположного. Как известно, Б. Кидд, изучая теории, идеологии, верования и тенденции второй половины XIX в., также пришел к выводу, что Запад становился несравнимо более жестоким, воинственным и жадным, чем он был прежде. В этот период «возродилась языческая вера во всемогущество силы», возродилась религия силы, жестокости, кровавой бойни и т. д. Выводы Кидда столь же односторонни, но они опять-таки подчеркивают односторонность и противоположных мнений. См.: *Kidd B. The Science of Power. New York, 1918, ch. I–III.*

³⁴ *Tarde. Social Laws, p. 110 ff.*

³⁵ См. далее главу о формальной школе. Соревнование, оппозиция и конфликт – таково формы антагонистического взаимодействия согласно Л. фон Визе, Р. Парку и Э. Бёрджессу. Они проводят различие между соревнованием (взаимодействие без социального контакта) и конфликтом (взаимодействие с социальным контактом), который, в свою очередь, подразделяется на войну и другие формы конфликта. Э.О. Росс перечисляет ряд противоположных форм; см.: *Ross E.A. Principles of Sociology. 1923, ch. XI–XIX.*

ба, соревнование, оппозиция, спор, принуждение, насилие и ряд недружелюбных взаимоотношений. Согласно единицам противодействия, бывают антагонизмы между индивидами и между группами. Согласно природе враждующих единиц, существуют антагонизмы между государствами, национальностями, расами, религиозными группами, политическими партиями, сексуальными группами, социальными классами, профессиональными, экономическими, идеологическими группами и т. д.³⁶ Этот краткий перечень показывает возможность разнообразных классификаций человеческих антагонизмов. Какую из этого множества возможных классификаций использовать, зависит от цели исследования.

4. Социальные функции и последствия войны и борьбы

О том, как мало изучены явления войны и борьбы и насколько неадекватно наше знание в этой области, свидетельствует наличие двух противоположных типов социологических теорий о социальных функциях и последствиях войны. Согласно теориям первого типа война и борьба являются основными факторами человеческого прогресса и ведут к целому ряду весьма выгодных последствий³⁷. Согласно теориям второго типа война является «адом» и оказывает лишь самые пагубные влияния на все стороны социальной жизни³⁸. Оба мнения поддерживаются известными социальными мыслителями, и спор между ними продолжа-

³⁶ Ср. с классификацией антагонизмов Ю. Делевского, приведенной в его подробном исследовании «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории» (СПб., 1910). Другие классификации антагонизмов представлены в работах: *Сорокин П.* Система социологии, т. I, с. 207–211^{13*}; *Park R., Burgess E.* Introduction, ch. VIII–IX; *Savorgnan F.* Les antagonismes sociaux // *Scientia*. 1914, vol. XVI, p. 138–146. См. также «*Annales de l'Institut International de Sociologie*» (vol. XI), посвященные проблеме социальных антагонизмов и составленные из статей известных социологов; *Carver T.N.* Essays in Social Justice. Cambridge, 1915, p. 93–97.

³⁷ Репрезентативными для теорий данного типа являются труды Ж. де Местра, который считается родоначальником подобных теорий в XIX в. (см.: *Maistre J. de.* Considerations sur la France. 1790, ch. III; *Les Soirées de St. Petersburg, septième entretien* // *Oeuvres*, vol. I, V), Р. Штейнмеца (*Steinmetz S.P.* Die Philosophie des Krieges), А. Константэна (*Constantin A.* Le rôle sociologique de la guerre. Paris, 1907), Прудона (*Proudhon.* La guerre et la paix), М. Йенса (*Jähns M.* Ueber Krieg, Frieden und Kultur. Berlin, 1893), Г. Вальберта (см. его статью, опубликованную в «*Revue des deux mondes*». 1894, April), Гумпловича, Ратценхофера, В. Зомбарта (*Sombart W.* Krieg und Kapitalismus. München, 1913). Работы Ваккаро и некоторых других также принадлежат этой группе, так как они объясняют происхождение государства, социальной организации и других социальных институтов «благодаря» войне и борьбе. Г. Лебон, Л. Уорд, Э. Ренан, не упоминая таких апологетов войны, как Ф. Ницше, Бернгарди и другие, отчасти тоже относятся к этой группе.

³⁸ Репрезентативными работами этого типа являются: цитированные труды Новикова, Николаи, Н. Михайловского, Кропоткина, Молилари, Ферреро, Митчелла, Б. Кидда, Лапужа, а также работы О. Зеека, В. Келлогга, Д.С. Джордана, Несмита и многих других, упоминаемых ниже, не говоря уже о легионе пацифистских памфлетов и публикаций.

ется по сей день. Рассмотрим более внимательно аргументы обеих сторон. Их полемика и аргументы обычно предстают в виде «оценочных» суждений о «хороших» или «плохих», «выгодных» или «вредных», «желательных» или «нежелательных» влияниях войны. Такой метод неизбежно ведет к вторжению в науку ряда ненаучных концепций. Они, в свою очередь, усугубляют взаимное непонимание сторон и очень часто перемещают спор из области описания фактов, как они есть, в область моральных оценок и спекулятивных рассуждений. Чтобы избежать такой ненаучной процедуры, я разделю проблему на важные подпроблемы и таким образом представлю краткий обзор того, что известно в этой области, что доказано и что все еще является неясным³⁹.

А. Селекция войны

Что касается селекции, осуществляемой войной, то на этот счет есть две противоположные теории. Согласно одной, селекция войны носит отрицательный характер, согласно другой – нейтральный или положительный. Первую теорию блестяще разработал Г. Спенсер, отчасти Дарвин и В. де Лапуж (см. главу о расовой школе), а позднее целый ряд авторов, таких как Я. Новиков, Николаи, О. Зеек, Д.С. Джордан, В. Келлогг, Шарль Жид и многие другие. Аргумент этой группы звучит следующим образом: как правило, армии состоят из «лучшей крови» населения – самых здоровых, потому что нездоровых и физически неполноценных в армию не призывают; из наиболее дееспособных возрастных групп, потому что стариков и детей в армию тоже не берут; более честных, потому что преступникам запрещается служить, и самых умных, потому что умственно неполноценных и слабоумных из ее рядов исключают. Благодаря такому отбору армия в физическом, нравственном и умственном отношении несколько выше остального населения страны. Во время войны именно армия несет потери, гражданское же население или не страдает вообще, или несет намного меньше потерь. Это значит, что война истребляет «лучшую кровь» страны в гораздо большей пропорции, чем ее «худшая кровь», следовательно, она облегчает выживание непригодных. Истребляя лучшую кровь в возрасте, в котором репродуктивная способность солдат далеко еще не исчерпана, война уничтожает лучших прародителей будущих поколений – носителей лучших расовых качеств. Это способствует распространению ухудшенной крови, и, таким образом, война становится фактором негативного отбора и расового вырождения. Ваккаро подчеркнул другую сторону этого явления. Приведя многочисленный ряд фактов, он показал, что завоеватели, особенно в прошлом, всегда стремились истребить в первую очередь самых сильных, самых отваж-

³⁹ Богатейшая коллекция разнообразных сведений о войне, необходимых для будущих исследований в этой области, собрана в следующих трудах: *von Bloch. Der Krieg; Encyklopädie der Kriegswissenschaften (Bd. I–IV); Berndt O. Die Zahl im Krieg. 1900.*

ных, самых умных представителей противной стороны, ее лидеров. Римский девиз *pacere subjectes et debellare superbos* (щадить покорных и усмирять горделивых) – общее правило почти всех войн. Такова была политика спартанцев в отношении сильных илотов^{40*}, дорийцев в отношении завоеванных коренных народов, арийцев в Индии, римлян по отношению ко многим завоеванным народам. То же самое верно и в отношении гражданской войны, в ходе которой каждая победившая сторона безжалостно истребляет вождей противоположной группы, и, когда успех переходит от партии к партии, мы имеем, как это было в Риме и Греции, череду истреблений лидеров всех партий друг другом. «Так как при отсутствии храбрых и гордых детей порождают покорные, в расе укореняются черты низости и рабства». Таким образом, селекция войны истребляет миллионы лучших индивидов и тем самым способствует размножению худших элементов населения – прирожденных рабов и покорного населения⁴⁰.

Можно добавить и другие негативные влияния войны и милитаризма на расовый и биологический состав населения. Очень многих раненых солдат они превращают в физических инвалидов. Способствуют распространению различных эпидемий и болезней и подрывают здоровье солдат и остального населения. И, что еще важнее, милитаризм даже в мирное время ответствен за очень высокий процент венерических заболеваний среди солдат, особенно сифилиса. Вследствие этого милитаризм непосредственно способствует вырождению нации. Далее, война истребляет офицеров армии в большей пропорции, чем солдат. Поскольку офицеры превосходят солдат, это означает, что война опять работает негативно. Таковы основные соображения тех, кто считает, что отбор посредством международной, гражданской или любой другой войны носит негативный характер⁴¹.

«Поскольку во время войны доля смертей от ран и недугов падает не поровну на все население, а на специально отобранную его часть, а именно на крепких молодых и средних лет мужчин, причем мужчин, которые чаще всего отличаются не только физической силой, но и необычайной смелостью и стойкостью духа, и поскольку количество этих смертей во времена серьезных и длительных войн может быть очень значительным и может наносить именно этой части населения тяжкие потери в течение нескольких или многих лет подряд, тем самым

⁴⁰ *Vaccaro*. La lutte pour l'existence dans l'humanité. Paris, 1892, p. 51.

⁴¹ См.: *Novicow*. War and Its Alleged Benefits, ch. IV; *Nicolai*. Op. cit., vol. I, ch. 3; *Nasmith G.* Op. cit., p. 379; *Jordan D.S.* The Human Harvest. Boston, 1907; *Jordan D.S., Jordan H.E.* War's Aftermath. Boston, 1914; *Gide Ch.* La reconstitution de la population française // *Revue internationale de sociologie*. 1916; *Darwin L.* On the Statistical Enquiries Needed after the War in Connection With Eugenics // *Journal of Royal Statistical Society*. 1916, March; *Otlet P.* Les problèmes internationaux et la guerre. 1916; *Kellogg V.* Military Selection and Race Deterioration. Oxford, 1916 (Carnegie Endowment for International Peace Publications); *Kellogg V.* Eugenics and Militarism // *Problems in Eugenics*, 1912, p. 220–231; *Сорокин П.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист*, Пг., 1922, № 1; *Sorokin P.* Sociology of Revolution, ch. XI.

существенно снижая потенциал, который в противном случае участвовал бы в воспроизводстве, то в свете наших знаний об изменениях расы путем отбора представляется неизбежным ухудшение расового состава того или иного населения в результате серьезной войны»⁴².

Такова одна из этих формул.

Некоторые авторы зашли так далеко в оценке отрицательного отбора войны, что сделали ее ответственной за упадок наций. Такова, например, теория О. Зеека, согласно которой основной причиной упадка Рима и Греции было истребление лучшей крови этих наций в ходе кровавых войн и гражданской борьбы⁴³. Теорию красноречиво повторил Д.С. Джордан⁴⁴. Позже он и Х.Э. Джордан проиллюстрировали ее, изучая последствия гражданской войны в Виргинии⁴⁵.

С целью усиления моей критики только что изложенной теории я воспользуюсь аргументами противоположной теории, которая утверждает, что военный отбор является или нейтральным, или даже положительным. Можем ли мы сказать, что теория отрицательного отбора доказана в достаточной степени? По мнению автора, в ней есть значительная доля истины. Тем не менее некоторые ее суждения сомнительны, а другие нуждаются в дальнейшей проверке.

Во-первых, даже если негативный отбор имеет место в современной войне, то нельзя этого же определенно сказать о войне в прошлом. В нынешней войне, которая ведется при помощи отравляющего газа, снарядов, бомб и т. д., физическая сила, храбрость, ловкость, интеллект и хитрость могут лишить наиболее сильных в армии каких бы то ни было шансов на выживание. Снаряды, газ и пули истребляют их так же легко, как и слабых солдат. В войнах прошлого ситуация была иной. Вероятно, у сильного, опытного, ловкого и умного бойца было тогда больше шансов выжить в сражении, чем у слабого. Причина в том, что в борьбе со стрелами, копьями, пиками и т. д. сильный воин мог гораздо лучше защитить себя, чем слабый⁴⁶. Кроме того, из-за голода, нехватки средств первой необходимости и прочих обычных в таких войнах лишений выживали только те, кто мог все это вынести, тогда как слабые должны были погибнуть. Более того, у сильных и героев, по-видимому, было гораздо больше возможностей для продолжения рода (из-за большего успеха у женщин, посредством полигамии, благодаря праву сильного, путем насилия и т. д.), чем у трусов, слабосильных и физически и умственно неполноценных. Даже факты, на которые ссылается Ваккаро, не совсем являются общими. Правящая группа очень часто сохраняла

⁴² Kellogg. *Military Selection and Race Deterioration*, p. 197–198.

⁴³ См.: Seeck O. *Geschichte des Unterganges der antiken Welt*. Berlin, 1910, Bd. I, Kap. 3 и во всех шести томах.

⁴⁴ См.: Jordan. *The Human Harvest*, p. 28 ff.

⁴⁵ War's Aftermath, p. 22 ff.

⁴⁶ Ср.: Ross E.A. *Principles of Sociology*, p. 386–387; Bushee F.A. *Principles of Sociology*, p. 124–125.

свою жизнь и свободу посредством уступок, выкупа или ценностей, отданных завоевателям за счет масс, которыми они управляли. Эти соображения показывают, насколько сложна проблема и как трудно обнаружить реальное влияние военной селекции.

Некоторые авторы указывают, что даже в настоящее время селекция, осуществляемая войной, совсем не такова, как она изображена выше.

«И в современной войне хитрость и изобретательность многое значат. Наверное, никогда прежде превосходство в интеллекте не давало столь большого преимущества воюющей стороне».

Даже в нынешних траншеях «меткие выстрелы убивают больше народа, чем неточные... и в того, кто более метко стреляет, в того самого реже будут попадать... Так же и с другими способами убийства... Трудно предположить, что превосходство в создании современного оружия не связано с общим умственным превосходством. Если же допустить, что интеллект вообще является фактором, то в таком случае более умные должны, как правило, легче избегать смерти просто в силу того факта, что сами они убивают больше».

Кроме того, даже в современных войнах «большая смертность действительно приносит пользу расе, поскольку в самой армии те, кто может пережить трудности и невзгоды, должны по своей природе быть сильнее тех, кто погибает... В каком бы свете мы ни рассматривали все эти трудные вопросы, фактом остается то, что так или иначе человек эволюционировал и примерно половину этого времени он воевал. Если война так вредна, то спрашивается: как он стал тем, чем он является сейчас? Мы, таким образом, видим, насколько трудна и сложна философия войны. И все-таки большинство авторов предпочитало рассматривать или одну, или другую сторону вопроса, так что у нас вряд ли есть наука об этом предмете»⁴⁷.

К. Джини и Ф. Саворньян добавляют к этим соображениям еще одно. Если война в отношении мужчин действительно осуществляет негативный отбор, то его вред компенсируется посредством положительной селекции среди женщин. Вследствие истребления мужчин их количество уменьшается, и в силу этого «приток» женщин увеличивается. Не все из них теперь имеют шанс выйти замуж и родить детей. Из-за «нехватки» мужчин теперь выходят замуж только лучшие женщины. Худшие из них, которые, если бы не война, вышли замуж, теперь выбывают из рядов «производителей» будущих поколений. Таким образом, негативная селекция среди мужчин компенсируется положительным отбором среди женщин, потому что в определении качества потомков женщина-мать играет такую же роль, как и мужчина-отец⁴⁸.

⁴⁷ Woods F.A. Op. cit., p. 23–27. Cp.: Holmes S.J. Studies in Evolution and Eugenics. New York, 1923; Sumner W.G. War and Other Essays. 1911; Popenoe P., Johnson R.H. Op. cit, ch. XVI.

⁴⁸ Gini C. The War from the Eugenic Point of View // Eugenics in Race and State. Baltimore, 1921, p. 430 ff.; Savorgnan F. La guerra e l'eugenica // Scientia. 1926, June.

Доктор Штейнмец вообще говорит, что потери в войне и ее негативная селекция сильно преувеличены. На основе потерь Франко-прусской войны^{15*} он пытается показать, что они меньше, чем обычное колебание уровня смертности из года в год. В таком случае нельзя говорить о том, что война ухудшает расу⁴⁹. Кроме того, в современных войнах около трех четвертей потерь происходит из-за эпидемий и только одна четверть относится к военным действиям. Это означает, что сильнейшие выживают, тогда как слабейшие умирают. Другие авторы указывают, что ни статистика, ни факты не подтверждают утверждений противоположной теории. Если Виллерме и Б. де Шатонёф отмечают отрицательные влияния⁵⁰, то Р. Ливи, в противоположность им, не нашел никаких следов подобных вредных влияний на итальянских солдат, родившихся в годы войны и после нее⁵¹. К такому же выводу пришел Коллиньон в результате изучения французских рекрутов 1892 г. из департамента Дордонь, родившихся в годы войны и революции⁵². Подобный же вывод сделал О. Аммон, изучая новобранцев Бадена начала 1890 г. Ф. Саворньян обнаружил, что процент мертворожденных детей и уровень смертности младенцев не увеличились и вес новорожденных не уменьшился за годы с 1914 по 1919 по сравнению с периодом 1906–1914 гг.⁵³ С другой стороны, Клаассен и некоторые другие исследователи нашли, что процент нездоровых рекрутов в Германии систематически увеличивался с 1902 по 1913 г., хотя период с 1879 по 1892 г. и позже был в истории страны периодом мира⁵⁴. Это означает, что снижение жизненных показателей у населения может происходить и в самые мирные времена. Изучение фактов делает обсуждаемую теорию еще сомнительней. Более того, Штейнмец указывает две причины, в силу которых следует считать, что даже если военный отбор в некоторой степени и негативен, то этот вред в значительной мере уравнивается положительными последствиями войны. Следуя мнению Плутарха, Полибия, Аристотеля, Макиавелли, Вико и многих других, он утверждает, что отбор мирного времени также отрицателен. Он способствует распространению порока, потере мужества и выживанию людей, которые вовсе не являются лучшей кровью нации. «Мирное соревнование приводит к регрессивному отбору». Это обвинение не полностью отрицают даже те, кто, как Мэллок, Енч, Ферри, Плётц, Вольгман

⁴⁹ Philosophie des Kriegen, S. 71 ff.

⁵⁰ *Villermé L.* Mémoire sur la taille de l'homme en France // *Annales d'hygiène publique*. 1829, 1er serie, t. I, p. 351–399; *de Chateauneuf B.* Essai sur la mortalité // *Ibid.* 1833, 1er serie, t. X, p. 239–316.

⁵¹ *Livi R.* Antropometria militare. Rome, 1905, vol. II, p. 89 ff.

⁵² *Colignon R.* Anthropologie de la France. Dordogne // *Mémoires de Société de Anthropologie de Paris*, 1894, serie III, t. I.

⁵³ *Ammon O.* Zur Anthropologie der Badener. Jena, 1899; *Savorgnan F.* Op. cit., p. 419–428.

⁵⁴ *Claassen W.* Die Abnehmende Kriegstüchtigkeit in Deutschen Reich // *Archiv für Rassen- und Gesellschaft-Biologie*. 1909, Bd. VI, S. 73–77; 1911, Bd. VIII, S. 786; 1913, Bd. X, S. 584. Аналогичные результаты были получены во Франции и Англии накануне и во время Мировой войны относительно рекрутов, которые родились и выросли в мирный период.

и другие, настаивает на отрицательном характере военной селекции⁵⁵. Поэтому сомнительно, какая из этих двух негативных селекций (войны или мирного времени) более вредна и регрессивна –

Война, что убивает уж убитых,
Иль мир, что перетрет их, как зерно?^{16*}

Что, однако, особенно важно – это то, что война является инструментом селекции групп, что гораздо важнее селекции индивидов. Как и К. Пирсон, Штейнмец утверждает, что среди людей идет борьба не только между индивидами, но и между группами. Какая из двух групп лучше, более предприимчива, сообразительна и поэтому более жизнеспособна, не может быть решено без войны. Война – инструмент групповой селекции. Она является единственным тестом, служащим этой цели, и тестом адекватным, потому что он сразу испытывает все силы воюющих групп: их физическую силу, интеллект, социальность и мораль. Победа – результат мобилизации всех сил нации. «Победитель – всегда тот, кто должен победить» на основе превосходства всех его сил. Без войны подобная групповая селекция была бы невозможна. «*Sans guerre, tout le monde deviendrait ruse, dur et lâche comme les Juifs d'aujourd'hui*»^{56/17*}. По сравнению с этим положительным групповым отбором, отрицательные результаты индивидуальной селекции, которую производит война, становятся весьма незначительными.

Вышесказанное свидетельствует о том, что характер военной селекции гораздо сложнее, чем обычно предполагается. Опираясь на то, что мы теперь знаем, невозможно согласиться ни с «очернителями», ни с «восхвалителями» военной селекции. Истина, по-видимому, находится где-то между этими двумя односторонними теориями.

В. Влияние войны на здоровье населения

Чуть более определенным кажется влияние войны на здоровье населения, особенно если это война длительная и напряженная. Разрушение экономической жизни и увеличение всякого рода невзгод усложняют удовлетворение насущных потребностей, в связи с чем начинают распространяться различные эпидемии, болезни и недомогания. Что касается венерических заболеваний, то их увеличение, кажется, не вызывает никаких сомнений⁵⁷. Рост эпидемий чумы, гриппа,

⁵⁵ Steinmetz. La guerre, moyen de sélection collective // Constantin A. Le rôle sociologie de la guerre, p. 268 ff. См. выше о теории социальной селекции Лапужа. См.: Mallock W.H. Aristocracy and Evolution. London, 1898; Jentsch. Socialauslese. 1898; Woltmann L. Die Darvinische Theorie und Socialismus. 1899; Haycraft. Darwinism and Race Progress. 1896.

⁵⁶ Steinmetz. La Guerre, p. 241, 251, ch. III; см. также: Steinmetz. La Guerre; ses sélections individuelles ou corollaires // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1898, vol. IV.

⁵⁷ См.: Kellogg. Op. cit. Туберкулез усилился в годы Мировой войны, но сразу после ее окончания пошел на спад (Gottstein A. Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge. Berlin, 1926, Bd. S. 200–207).

холеры, сыпного тифа и т. д., особенно в прошлом, сомнений тоже не вызывает. Огромное число средневековых войн сопровождалось различными эпидемиями. То же, по-видимому, можно сказать и о современных войнах, в том числе и о мировой⁵⁸, хотя современные санитарные и гигиенические меры значительно снизили возможность возникновения эпидемий и уменьшили степень их тяжести. Не столь бесспорно влияние войны на нервные или психические заболевания. В ряде исследований было обнаружено их увеличение, что и списали на войну⁵⁹, но имеющиеся данные всегда были неполными и фрагментарными. Где трудности, вызываемые войной, велики, там, по причине ненормальных условий жизни, весьма вероятными становятся уменьшение веса новорожденных, увеличение процента мертворожденных, а также рост различных уродств и болезней. Но опять-таки это, вероятно, только одна сторона сложной картины. Могут быть несколько противоположных влияний, которые, однако, едва ли уравнивают вышеупомянутые последствия. С точки зрения будущего расы эти негативные последствия, за исключением венерических заболеваний, не так уж и важны. Устраняя, возможно, самые слабые элементы населения, они могут быть даже благотворными с точки зрения расового отбора. Но опять же: все эти утверждения необходимо проверить, а пока они представляют собой лишь более или менее вероятные гипотезы.

С. Влияние войны на жизненные процессы

В этой области последствия войны, по крайней мере современной, являются более определенными. Они таковы: с началом войны уровень смертности населения воюющей страны начинает повышаться и растет до ее окончания. После ее завершения он резко снижается и иногда падает ниже довоенного уровня, но затем в течение одного, двух или трех лет возвращается к довоенному уровню, и довоенная тенденция возобновляется. Количество браков в начале войны падает, и это падение продолжается до ее конца, а затем их количество резко возрастает до довоенного уровня в результате множества отложенных из-за войны браков. За год или два, однако, оно возвращается к довоенному уровню и возобновляет свою довоенную тенденцию. Почти так же колеблется и уровень разводов. Уровень рождаемости начинает падать спустя 9 месяцев после начала

⁵⁸ Достаточно упомянуть послевоенный грипп, который пронесся по враждующим и соседним странам^{18*}.

⁵⁹ См., например: *Oettingen. Moralstatistik*. 1881, S. 68; *Горовой-Шалтан В.* К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2, с. 34 ff.; *Осунгов В.* О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссии Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919, № 7–12; *Soecknick A.* Kriegseinfluss auf jugendliche Psychopathen // *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheit*. 1924, Bd. 70, S. 172–186. В этих статьях есть ссылки и на другую литературу.

войны и продолжает уменьшаться еще 9 месяцев после ее завершения, а затем резко поднимается выше довоенного уровня в результате значительного увеличения браков в послевоенные годы, но в течение одного или двух лет возвращается к своему довоенному уровню. В деталях эта схема варьируется от страны к стране и от войны к войне, но, в принципе, такой была флуктуация жизненных процессов в воюющих странах во время Мировой войны, Пруско-датской войны 1864 г., Пруско-австрийской 1866 г., наполеоновских войн, Крымской, Франко-прусской 1870–1871 гг., Русско-турецкой 1877–1878 гг., Сербско-болгарской войны 1885 г., Балканской 1912–1913 гг., Русско-японской 1904–1905-х, гражданской войны в Соединенных Штатах и некоторых других^{60/19*}.

D. Влияние войны на экономику

В этой области главные последствия войны таковы: потеря богатства (в виде капитала и человеческого материала) и экстраординарное перетекание его от общества к обществу и от группы к группе в пределах одного и того же общества. Как и любое крупное предприятие, война требует значительной мобилизации богатства. Кроме того, война разрушает города, фабрики и другие экономические ценности. В этом смысле ее можно рассматривать как потерю. Если (как это делают некоторые экономисты) оценить взрослого в 32 000 франков, то утрата 20 000 000 человек в войне означает убыток в размере 640 000 000 000 франков. Короче говоря, расточительный характер войны едва ли может вызывать сомнения⁶¹. Следующее общее последствие войны – экстенсивное перераспределение богатства среди обществ и среди групп и индивидов одного и того же общества. Оно проявляется в перетекании богатства от проигравшей группы к завоевателям, от воюющих стран – к нейтральным, в экономическом крушении одних групп в пользу других групп того же самого общества и в обнищании масс и одновременном обогащении некоторых индивидов. Короче говоря, война все-

⁶⁰ См. цифры в моих статьях: Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист*. Пг., 1922, № 1; Influence of the World War upon Divorces // *Journal Applied Sociology*. 1925, № 2; *Wolfe A.B.* Economic Conditions and the Birth Rate after the War // *Journal of Political Economy*. June, 1917; *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения // *Общественный врач*. 1915, январь; *Nixon S.W.* War and National Vital Statistics // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1916, June. См. другие данные в хорошо известных работах Г. фон Майра, Левассера и Кодерлье. Менее определен факт, разделяемый некоторыми статистиками (в том числе и Эттингеном), что в послевоенные годы наблюдается необычайно высокая пропорция рождения мальчиков как компенсация гибели мужчин во время войны. В последней войне подобное явление замечено не было.

⁶¹ Чисто экономическая литература по этому вопросу огромна. Об общих экономических последствиях войны см.: *Nicolai*. Op. cit., vol. I, ch. IV; *Novicow*. War, ch. V; *Boag H.* Human Capital and the Cost of the War // *Journal Royal Statistical Society*. 1916, January; *Otlet P.* Op. cit., p. 26 ff.; *Bogart E.L.* Cost of the War; *Van Dyke Robinson E.* War and Economics // *Carver T.N.* Sociology and Social Progress, ch. IX.

гда является важным фактором в переходе или перемещении богатства от группы к группе и от человека к человеку⁶². Вместе с тем необходимо заметить, что вызванные войной экономические потери и разрушения часто восстанавливаются в течение чрезвычайно короткого времени. Факт этот объясняют по-разному, но то, что это, по-видимому, происходило много раз, остается истиной.

Кроме того, стимуляция изобретательной мощи нации ради военной победы часто облегчала внедрение нового метода или улучшение старых методов производства богатства. Таким образом, война косвенно вносила что-то в экономический прогресс и иногда хотя бы отчасти компенсировала экономические убытки⁶³.

Е. Война как средство распространения солидарности и мира

Очевидно, что война стимулирует враждебность и наиболее недружелюбные чувства между врагами. Менее очевидна, однако, другая сторона проблемы: тот факт, что она была мощным инструментом в процессе сплочения групп и областей во все более и более крупные замиренные территории. Ведь еще в древности говорили: «*Si vis pacem para bellum*» (хочешь мира – готовься к войне). Эту функцию войны понимали многие древние авторы. А совсем недавно Р. Иеринг в своем блестящем эссе⁶⁴ показал, что «цель права – это мир, но ведет к нему дорога войны»^{20*}. В настоящий момент кажется очевидным, что без войны и принуждения процесс объединения многочисленных враждующих групп во все более и более расширяющиеся замиренные сообщества вряд ли бы был возможен. В этом отношении война и другие способы насилия были инструментами. Благодаря им оказалось возможно сплотить завоевателей и побежденных в одну группу, держать их вместе, установить между ними интенсивный контакт, «уравнять» их различия и после нескольких поколений совместного проживания сделать из них одну социальную группу, в которой стерты прежние различия и враждебность. В настоящий момент эта роль войны, по-видимому, представляется бесспорной и признана очень многими исследователями⁶⁵.

⁶² Данные и литературу см. в: *Sorokin*. Social Mobility, ch. XVIII; *Lewinson R. (Morus)*. Die Umschichtung der Europäischen Vermögen. Berlin, 1925; *Schiff W.* Die Agrargesetzgebung der Europäischen Staaten vor und nach dem Kriege // Archiv für Sozialwissenschaft. 1925, S. 469–529; *White E.* Income Fluctuation of a Selected Group of Personal Returns // Journal of American Statistical Association, vol. XVII, p. 61–81.

⁶³ См. об этом: *Sombart W.* Krieg und Kapitalismus. München, 1913.

⁶⁴ См.: *Jhering R.* The Struggle for Law. Translated by J. Lalor. Chicago, 1879.

⁶⁵ См.: *Steinmetz*. Die Philosophie des Krieges, S. 27 ff.; *Сорокин П.* Преступление и кара, с. 216–247^{21*}; *Giddings F.* Democracy and Empire. 1901, p. 354 ff.; *Keller A.G.* Through War to Peace. New York, 1918; *Vincent G.E.* The Rivalry of Social Groups // American Journal of Sociology, vol. XVI, p. 471–484; *Case C.* Outlines of Introductory Sociology. New York, 1924, ch. XXX; *Sumner W.G.* War and Other Essays. New Haven, 1911; *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf. Innsbruck, 1883 (о Гумпловиче см. в главе о социологической школе); *Vaccaro*.

Ф. Моральные последствия войны

Относительно этой проблемы мнения колеблются от оправдания войны до ее проклятия. Рассмотрим кратко, что в этих противоположных теориях более или менее бесспорно, а что является лишь догадкой.

Война, ожесточение и разложение. «Ни окружающий мир, ни человеческие существа не делаются лучше в мирные периоды; только в войне, которая может стать более редкой, мы должны видеть движущую силу прогресса... С биологической точки зрения агрессивность является необходимым условием прогресса».

Без нее человек не мог выйти из своего животного состояния, потому что был бы истреблен другими видами. Без войны восходящее движение человечества было бы невозможным, потому что не было бы никаких средств обнаружения, какая социальная группа выше, а какая ниже. Длительный или вечный мир сделал бы человека чрезвычайно эгоистичным, лишенным мужества, смелости, альтруизма и самопожертвования. Такой человек был бы изнеженным и развращенным по своей природе. Вырождение, изнеженность, лень, разложение – такими были бы результаты вечного мира. Таковы аргументы защитников благотворного воздействия войны на поступки и поведение человека⁶⁶.

«Война, апелляция к грубой силе, всегда является деградацией, откатом к животности, которая деморализует победителей так же, как и побежденных... Кровопролитие порождает ненависть между народами, а ненависть между народами порождает еще более страшные проявления зла... Война является непосредственной причиной нашей отсталости и паралича умственной деятельности... Она ожесточает человека, лишает его какой бы то ни было подлинно человеческой этики, превращает его в зверя и полностью деморализует».

Таково противоположное мнение⁶⁷.

Я думаю, что простого противопоставления этих мнений достаточно, чтобы показать их взаимные ошибки. Штейнмец прав, полагая, что агрессивность была необходима человеку для выживания и выхода из животного состояния, но вряд ли из этого следует, что смелость и мужество могут проявляться только в виде убийства других людей, что война никак не способствует превращению человека в дикого зверя или что при мирном сотрудничестве невозможен прогресс. Новиков прав, считая, что война в значительной степени деморализует человеческие существа, но невозможно понять, как человек действительно смог выжить, будучи совершенно миролюбивым и лишенным агрессивности. Сомнительно и то,

Les bases, passim; *Bushee*. Op. cit., p. 130 ff. См., однако, противоположные мнения некоторых авторов в: *Nasmith*. Social Progress and the Darwinian Theory, ch. III–VI; *Todd A.J.* Theories of Social Progress, ch. XIX.

⁶⁶ *Steinmetz*. La guerre, p. 288, ch. I.

⁶⁷ *Novicow*. War, p. 72, 74, ch. VIII.

что безопасный и вечный мир всегда благотворен. Еще более сомнительно то, что война не способствовала увеличению альтруизма и социальной самоотверженности, по крайней мере в воюющей группе.

Короче говоря, обе стороны односторонни в своих утверждениях, и истина опять-таки лежит, скорее всего, где-нибудь между этими крайностями.

Преступность и война. Влияние войны на преступность представляет собой одно из оснований для вынесения оценки ее нравственных последствий.

Поощряет она или же сдерживает преступность? Ответ: не знаем. Есть несколько статистических исследований проблемы; они показали, что, например, в Германии в 1866 г. (Австро-прусская война), в 1871 г. (Франко-прусская война), во Франции в 1830 и 1871 гг.^{22*} количество преступлений чрезвычайно снизилось⁶⁸. С другой стороны, имеются некоторые данные (касающиеся в основном побежденных стран), которые свидетельствуют о внезапной, хотя и скоротечной вспышке преступности в годы войны⁶⁹. Это позволяет предположить, что, вероятно, нет никакого общего правила и что характер последствий войны в значительной степени зависит от многих условий, таких как: успешна ли война, происходит ли она на своей или вражеской территории, сопровождается ли значительной экономической дезорганизацией, популярна ли она среди народа и т. д. Это подтверждается исследованием Ф. Зана, который не обнаружил никаких закономерностей в том, как влияла Мировой войны на преступность в разных странах⁷⁰. Кроме того, следует еще отметить, что во время войны преступность может снизиться благодаря тому, что многие потенциальные преступники призываются в армию и там находят возможность удовлетворить свои «преступные» наклонности, совершая военные подвиги. Это соображение подтверждается тем фактом, что, как только закончилась война 1870–1871 гг., преступность во Франции и Германии вновь стала расти⁷¹. Сказанное относится, по-видимому, и к гражданской войне и революционным смутам, которые в этом отношении, должно быть, гораздо хуже, чем международные войны⁷². Принимая гипотезу о том, что война иногда сопровождается снижением преступности, Тард, на наш взгляд, прекрасно объясняет этот факт, когда говорит: «Милитаризм фильтрует преступные страсти, рассеянные в каждой нации, очищает их с помощью их

⁶⁸ См.: *von Mayr G.* Op. cit., Bd. III, S. 947–949; *Starke W.* Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1854–1878. Berlin, 1884, S. 63 ff.; *Bijdragen tot de statistiek van Nederland.* Nieuwe Volgreeks. № 231; *Levasseur E.* La population française, vol. II, p. 442–445; *Corne A.* Essai sur la criminalité // *Journal des économistes.* 1868, January.

⁶⁹ *Bournet A.* La criminalité en France et en Italie. 1884, p. 42, 47, 114; *Socquet J.* Criminalité en France. 1884, p. 25.

⁷⁰ См.: *Zahn F.* Kriegskriminalität // *Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung.* 1924, S. 243–271, 47.

⁷¹ *Tarde G.* Penal Philosophy. Boston, 1912, p. 422; *Parmelee M.* Criminology. New York, 1923, p. 99–102.

⁷² *Sorokin P.* The Sociology of Revolution, ch. IX, p. 146–147^{23*}.

концентрации и оправдывает их, заставляя их бороться друг с другом в высшей форме, которую они таким образом приобретают. Война в конечном подсчете увеличивает поле мира, как преступление увеличивало некогда поле честности. Такова ирония истории»⁷³.

Что касается влияния военной службы и дисциплины на преступность солдат в мирное время, то, по-видимому, нет никаких оснований считать ее положительной или отрицательной. Попытки доказать большую преступность солдат по сравнению с обычным населением успехом не увенчались⁷⁴.

Война и социальные и антиобщественные формы поведения. В конце концов, преступные деяния составляют лишь небольшую часть социальной и нравственной сферы поведения. Каково влияние войны на всю эту сферу? Здесь истина опять-таки лежит, наверное, между восторженной хвалой апологетов войны и проклятиями ее ненавистников. Апологеты войны утверждают, что она – эффективная школа альтруизма, солидарности во имя жизни и смерти и «лечения железом, закаляющего человечество»⁷⁵. Ненавистники войны считают, что она является школой исключительного эгоизма, зверства, рабства, жестокости, убийства и всех мыслимых смертных грехов⁷⁶. Оба этих крайних подхода не выдерживают даже самой легкой проверки. Если бы первое мнение было верно, то такие нации, как швейцарцы, голландцы и бельгийцы (до 1914 г.), у которых не было войн в течение двух или трех поколений, были бы самыми эгоцентричными и испорченными. Реальность такого предположения не подтверждает. Если бы было верным второе мнение, то воюющие нации, особенно в период длительной войны, были бы самыми антисоциальными и звероподобными. Действительность также не подтверждает подобного мнения. Римляне в период с V по III в. до н. э. почти все время находились в состоянии войны, греки во время греко-персидских войн также пребывали в непрерывных баталиях, и все же мы не можем сказать, что нравы и социальность этих народов были ослаблены. Наоборот, в тот период наблюдались внутригрупповая сплоченность, нравственность, жертвенность ради страны, относительная чистота нравов, отсутствие продажности и т. д. То, что верно для данных групп, действительно и для многих других групп и индивидов. Есть «профессиональные солдаты», обнаруживающие жестокие и бандитские качества антиобщественного существа, и есть солдаты, которые отличаются высоко нравственными и социальными ка-

⁷³ Tarde. Penal Philosophy, p. 422.

⁷⁴ См.: Lombroso C. Crime, Its Causes and Remedies. Boston. 1911, p. 201–202.

⁷⁵ См., например, цитированные работы Штейнмеца и Вальберта.

⁷⁶ См., например: Novicow. War, ch. VIII; Nicolai. Op. cit., ch. III, IV, passim; Nasmith. Op. cit., ch. IV; и почти все пацифистские публикации и множество публикаций Фонда Карнеги за международный мир^{24*}, которые не представляют собой ничего, кроме пропаганды, наряженной в псевдонаучный костюм. Ближе к истине взгляды, разработанные в книге: Sumner W., Keller A. The Science of Society, vol. I, p. 397 ff.

чествами. Бывают случаи, когда война, особенно неудачная, деморализует общество, и бывают ситуации противоположного свойства. Достаточно сопоставить противоположные аргументы, чтобы увидеть их взаимные ошибки. Подлинно научное исследование должно быть выше эмоциональных спекуляций и заниматься фактами, чтобы суметь сказать, какой тип войны, при каких условиях, когда и в какой мере усиливает антисоциализацию человека и деморализацию общества и когда, какая и при каких условиях война оказывает противоположные воздействия. Подобных исследований до сих пор практически нет.

Г. Влияние войны на политическую организацию

Наверное, самую важную закономерность в этой области сформулировал Г. Спенсер в своей теории военного и индустриального типов общества. Основы его теории таковы: во-первых, война и милитаризм приводят к расширению правительственного контроля; во-вторых, к его централизации; в-третьих, к деспотизму; в-четвертых, к усилению социальной стратификации и, в-пятых, к уменьшению автономии и самоуправления народа. Таким образом, война и милитаризм пытаются превратить нацию в армию, а армию – в нацию. Мир, как правило, ведет к противоположным результатам: к уменьшению правительственного вмешательства, росту свободы и самоуправления людей, ослаблению социальной и политической стратификации и децентрализации. Причины таких последствий войны состоят в следующем: при прочих равных условиях, нация, во время войны превращенная в армию и контролируемая сильным правительством, имеет больше возможностей победить, чем страна, в которой все действуют, как хотят, и в которой недостает мощного контроля, нет централизации и координации действий ее членов. Кроме того, военное образование, обучение и дисциплина вырабатывают привычку к беспрекословному повиновению «рядовых членов» и контролю со стороны более высоких начальников. Сама природа армии ради победы требует такой иерархической организации и единоначалия. Кроме того, жизнь в армейских казармах такова, что солдаты находятся под контролем более высоких чинов. Они не имеют (и не могут иметь) значительной доли свободы и самоконтроля. Все это прививается нации, ведущей многочисленные и многолетние войны, в том числе привычка к «воинской дисциплине», у подчиненных – привычка к повиновению и деспотическому контролю со стороны командующих начальников. Это в свою очередь способствует расширению, централизации и выработке деспотического характера правительственного контроля. Таковы основные процессы, которые, как правило, порождаются войной и милитаризмом. Будучи таковыми, они, однако, могут облачаться в разные «одеяния» – особенно в форму «идеологий» и «речевых реакций», – смотря по обстоятельствам. Иногда они предстают в виде деспотизма военачальников, королей и аристократических диктаторов. Но иногда они приобретают формы

«социализма» и «коммунизма», «диктатуры пролетариата» или «национализации». Несмотря на различие подобных «одеяний», разница между ними невелика. Оба типа прикрывают объективные социальные процессы, одинаковые по своей природе. Оба, как правило, стараются расширить сферу правительственного контроля (в виде «коммунистической», «генеральской» или королевской деспотии). Оба пытаются сделать его неограниченным (в виде самодержавия императора или деспотической «диктатуры» коммунистических вождей) с помощью абсолютного контроля за «национализированной» промышленностью и материальными благами, с помощью ограничения частной собственности, личного имущества и инициативы, контроля за поведением и взаимоотношениями людей, регулирования этих отношений; оба ограничивают свободу людей до предела и придают нации статус армии, полностью управляемой ее командирами. В двух этих случаях названия отличаются, но сущность одна и та же. Таким образом, согласно Спенсеру, милитаризм, «коммунизм» и «социализм» – родные братья. Усиление первого ведет к успеху последнего, пока тенденция к расширению правительственного контроля не приобретет «реакционную» форму всевластия королей, лордов или военачальников⁷⁷. Такова сущность спенсеровской корреляции милитаризма с военным, а мира – с индустриальным типом политической организации.

По сути своей закономерность, которую установил Спенсер, кажется мне достоверной⁷⁸. Связь между войной и милитаризмом, с одной стороны, и тенденция к расширению и централизации правительственного контроля и постепенному превращению его в деспотию (будь то в «реакционном» или «коммунистическом и социалистическом» одеянии) – с другой, кажется действительно ощутимой. Это не означает, что милитаризм никогда не может быть умерен благодаря вмешательству какого-нибудь особого фактора или что он является единственным фактором данных явлений. Конечно, есть другие факторы, и среди них особенно важную роль играет обнищание общества. Это, однако, не отменяет корреляцию, столь блестяще описанную Спенсером⁷⁹. Помимо прошлых исторических дан-

⁷⁷ См.: *Spencer. The Principles of Sociology*, vol. I, §§ 258–263; vol. II, §§ 547–582; vol. III, §§ 840–853. Спенсер даже предрекал наступающий сегодня подъем социализма как современного «одеяния» для расширения правительственного контроля, вызванного милитаризмом. Его теорию с некоторыми модификациями далее развил У.Г. Самнер в своей книге «*War and Other Essays*» (New Haven, 1911). Предсказание Спенсера блестяще обосновали Р. Пёльман (*Geschichte des Antiken Kommunismus und Socialismus*), В. Парето в превосходной работе «*Les systèmes socialistes*» и многие другие исследователи проблем социализма, милитаризма, деспотизма и этатизма^{25*}.

⁷⁸ А критика ее со стороны Штейнмеца не выглядит убедительной. См.: *Steinmetz. Classification des types sociaux et catalogue des peuples // L'année sociologique*, vol. III.

⁷⁹ Таковы выводы, к которым пришел автор в процессе собственного изучения социальных последствий милитаризма, обнищания, факторов расширения правительственного контроля, социализма и коммунизма. См.: *Сорокин П. Влияние войны на состав населения*,

ных, это наглядно подтвердила последняя война и послевоенные годы. Мы видели чрезвычайное расширение правительственного контроля во всех воюющих странах. Был всплеск успеха социалистических и коммунистических партий, которые привели в России, Венгрии, Баварии и т. д. к «военно-коммунистической диктатуре» и возникновению социалистических правительств во многих других странах. Мы видели далее, как с завершением войны и ее последствий, а также с умиротворением обществ успех этих групп во всех странах пошел на спад. Деспотический характер партийной политики и беспредельного коммунизма (в России) начал становиться более умеренным, пока от него не осталось совсем немного, и даже там капиталистическая система, частная собственность и свобода граждан и другие особенности «индустриального» общества были в значительной мере восстановлены руками самих коммунистов.

Короче говоря, закономерность Спенсера в своих основах представляется истинной.

Н. Война, революция и реформистские движения

Их взаимосвязь мало изучена. Тем не менее между этими явлениями, по-видимому, есть явная связь, особенно между неудачной войной и революцией. В целом ряде случаев такая война сопровождалась революцией: в 1917–1918 гг. в Австрии, Турции, Венгрии, Германии, России, Болгарии, Греции и т. д., в 1905 г. – в России, в 1912 г. – в Турции, в 1870–1871 гг. – во Франции^{26*}, можно назвать и другие случаи в разных странах, имевшие место в течение предыдущих веков. С другой стороны, многие революции приводили к войнам⁸⁰. И вообще они, как правило, порождают друг друга. Причины этого вполне понятны. Проигранная война означает, что общество не выдержало проверку этим испытанием и что оно, следовательно, нуждается в реконструкции. Обрушившиеся на него бедствия порождают неудовлетворенность в массах и вынуждают их восстать против существующих условий, особенно против политического режима. Отсюда революция как результат военного поражения. Но и сама революция, как правило, меняет существующие отношения в таком обществе и за его пределами столь радикально, что начинает угрожать жизненно важным интересам многих социальных групп как внутри, так и за пределами данного общества. Подобный антагонизм обычно приводит к гражданской или международной войне как крайнему способу решения такого рода противоречий⁸¹. Отсюда – война

его свойства и общественную организацию, *passim*; *Sorokin*. Impoverishment and Expansion of Governmental Control // *American Journal of Sociology*. 1926, September; *Сорокин П.* Голод и идеология общества // *Экономист*. 1922, № 4–5; *Сорокин П.* Война и милитаризация общества // *Артельное дело*. 1922, № 1–4; *Sorokin P.* The Sociology of Revolution, ch. XIII–XV. См. также указанные работы Самнера, Пельмана и Парето.

⁸⁰ См.: *Sorokin*. The Sociology of Revolution, p. 336 ff.

⁸¹ Анализ этой проблемы см. в моей «Социологии революции» (гл. XVII).

как результат революции и их функциональные взаимоотношения. Связь эта еще плохо изучена, но ее наличие вполне вероятно.

Даже в тех случаях, когда после или во время войны не происходит никакой революции, война тем не менее влечет за собой многочисленные социальные изменения и преобразования. Война, особенно большая или долгая, сама по себе неизбежно вызывает так много (и столь крупных) изменений, что никакое общество не может развиваться дальше без изменения его «социального устройства», или режима. Хороши или плохи эти изменения – вопрос личного вкуса, но они следуют за войной, и то, что она им способствует, едва ли может вызывать сомнение.

I. Война и социальная мобильность

Вышеизложенное подтверждается и иным образом. Мобильность социальных объектов, ценностей и индивидов во время и сразу после войны становится чрезвычайно интенсивной. Война является «акселератором» горизонтального, а также вертикального передвижения социальных объектов и людей из одного социального слоя в другой. Социальное восхождение из бедных в богатые классы, от нижних к более высоким слоям, от лишенных гражданских прав до привилегированных групп и обратный процесс социального понижения индивидов и групп происходят более интенсивно во время войны, чем в мирный период. То же верно и в отношении перехода от одного занятия к другому, от одного территориального сообщества, политической партии или идеологической группы к другим. В этом отношении война играет роль огня, который нагревает молекулы воды в чайнике и заставляет их двигаться гораздо быстрее. То же самое можно сказать и о вертикальной и горизонтальной мобильности социальных объектов и ценностей (нравов, моды, верований, идеологий, мнений, вкусов и т. д.). Они изменяются и циркулируют внутри общества и между обществами намного быстрее в период войны, чем в мирное время. Быстрое и радикальное изменение «нравов и обычаев» общества и разного рода массовых «фобий» во время войны и сразу после нее наблюдалось много раз, хотя они – лишь частные проявления этого общего явления⁸².

J. Война и изменение мнений, позиций и склонностей

Вышеупомянутая интенсификация мобильности социальных объектов вследствие войны может проявляться и в резком и быстром изменении мнений (идеологий и речевых реакций) и позиций людей с началом войны и после нее. В настоящий момент мы имеем несколько превосходных исследований в этой об-

⁸² Данные см. в: *Sorokin. Social Mobility*, ch. XVII–XIX и *passim*; *Lowell A.L. Op. cit.*, ch. V–VII.

ласти, например, Э.Л. Лоуэлла, У. Липпмана, а также некоторые другие работы. Президент Лоуэлл прекрасно описал этот процесс: «Когда штатские люди уходят на войну, их взгляды на жизнь меняются, и происходит это не после длительного пребывания в армии и участия во многих сражениях, а почти сразу же; происходит это благодаря новой ориентации, знакомству с разными и чрезвычайно важными вещами, которые теперь начинают играть гораздо более значительную роль, чем все прежние. Если говорить кратко, то это – результат радикального изменения фокуса внимания... Более того, изменение настроений не ограничивается только армией. Мужчины и женщины, оставшиеся дома, тоже по-новому начинают смотреть на разразившуюся войну, которая требует от нации огромного напряжения сил. Они в не меньшей степени, чем солдаты, готовы ограничить свою свободу. Они без содрогания узнают из новостей сводки о тысячах соотечественниках, погибших в ходе победоносного сражения, как если бы это были известия о погибших в результате несчастного случая в мирное время... Они с энтузиазмом относятся к своей работе и отказываются от комфорта, что в мирное время показалось бы им невыносимым»⁸³.

Рост патриотизма и ненависть к врагу, склонность недооценить его достоинства и переоценить его недостатки, страстная вера в то, что у себя в стране все благополучно, а у врага все плохо – все это и множество подобных внезапных изменений позиций и пристрастий обычно наблюдается во время любой войны, поддерживаемой народом. Нет надобности говорить, что тот же самый факт можно наблюдать и на примере популярных идеологий. Множество идеологий, эстетических ценностей, политических и моральных взглядов, произведений литературы, поэзии, искусства и т. д., популярных в мирное время, становятся непопулярными во время войны и *vice versa*^{27*}.

Столь же интенсивная циркуляция социальных ценностей продолжается и в послевоенные годы. Они отмечены изменениями, связанными с новыми условиями наступившего мира. В течение первых нескольких лет после окончания войны общество радикальным образом меняется в этом отношении. Одним из самых заметных изменений является падение популярности многих социальных ценностей, которые высоко котировались во время войны, и рост популярности тех ценностей, которые в тот период несколько недооценивались⁸⁴.

Таково, в общем, мощное влияние войны в этой области.

К. Влияние войны на науку и искусства

Здесь опять же существующие мнения совершенно противоположны. Согласно антимилитаристским авторам, влияние войны на интеллектуальный про-

⁸³ Lowell A.L. Op. cit., p. 223–234. См. всю главу V.

⁸⁴ См. в работе Лоуэлла конкретный анализ общественного мнения после войны (Op. cit., ch. VI–VII).

гресс во всех его проявлениях носит негативный характер. Еще в древности говорили: *Inter arma silent musae*^{28*}. «Переводить всегда в акт всю потенцию “возможного интеллекта”», – считает Данте, – возможно только «будучи в состоянии покоя и ничем не возмутимого мира»⁸⁵.

«Война – это отбор худшего, она разрушает более культурное и сохраняет более варварское. Она всегда сдерживала интеллектуальный прогресс, и именно сейчас усиливает умственный застой».

Такова современная формулировка этого мнения⁸⁶. Другое мнение давным-давно сформулировал Ж. де Местр. Вслед за Еврипидом и Макиавелли он говорит:

«Истинные плоды человеческой природы – искусства, науки, великие предприятия, высокие замыслы, мужественные добродетели – особенно зависят от состояния войны. Известно, что никогда нации так не поднимаются к достижимым для себя вершинам своего величия, как после продолжительных и кровавых войн. Так, сияющей вершиной для греков была ужасная эпоха Пелопоннесской войны; Августов век последовал сразу же после гражданской войны и проскрипций^{30*}; французский гений был выточен Лигой и отшлифован Фрондой^{31*}: все великие люди века королевы Анны (1665–1714) родились при политических потрясениях. Одним словом, можно было бы сказать: кровь есть удобрение для того растения, которое называют гением. Я не знаю, вполне ли понимают себя люди, говоря, что “искусства содружны миру”. По крайней мере, надо бы объяснить и уточнить представление; ибо я не усматриваю ничего менее мирного, чем века Александра и Перикла, Августа, Льва X и Франциска I, Людовика XIV и королевы Анны»⁸⁷.

Эти воинственные периоды были отмечены небывалым прогрессом науки, искусства и философии, а также всех видов интеллектуального творчества. Более поздняя формулировка той же самой идеи такова: «Бесконечный мир погрузил бы все нации в опасную летаргию» (*Valbert*. Op. cit., p. 692). «Не прошло бы и полвека, как прочный мир погрузил бы людей в состояние разложения и упадка, более разрушительного для них, чем самые худшие из войн» (Мельхиор де Вогиюэ).

Нетрудно увидеть ошибочность каждого из этих мнений. Мы знаем, например, что Япония перед реформацией пребывала в мире в течение почти 300 лет под сѣгунатом Токугавы^{33*}. И все же это не разложило ее и не сделало неспособной к замечательному прогрессу, когда возникла необходимость. Такие страны, как Швейцария, Голландия, Норвегия и Швеция, наслаждались миром в течение прошлого века, и все же их пропорциональный вклад в искусства и науки был

⁸⁵ *Dante Alighieri*. De Monarchia. Tr. by A. Henry, Boston, 1904, ch. II and III^{29*}.

⁸⁶ *Novicow*. War, ch. VII, p. 59; *Nicolai*. Op. cit., ch. II–IV; *Nasmith*. Op. cit., ch. V–VII; *Todd*. Op. cit., ch. XIX.

⁸⁷ *de Maistre J.* Oeuvres, vol. I, p. 36–37^{32*}. См. там же всю главу III.

не меньшим, чем многих воюющих стран. Мы также были свидетелями того, что последняя война заметно стимулировала, по крайней мере временно, научную и интеллектуальную деятельность. Нет сомнения и в том, что война уничтожает многих ученых и грамотных людей. Она ставит много преград на пути творческой интеллектуальной деятельности. Короче говоря, есть некоторая доля истины в утверждениях критиков войны, но не во всех из них. Если бы теория де Местра была абсолютно неправильной, события, указанные им, возможно, не произошли бы. Однако они имели место, и, более того, связь между периодами войн и весьма значительным числом великих гениев, родившихся в это время или сразу после него, существует и ощутима в гораздо большем числе случаев, чем упомянуто де Местром⁸⁸.

Кроме того, мы знаем, что нации большую часть времени пребывают в состоянии войны, а не мира. Если бы влияние войны было столь пагубным, как это рисуют ее критики, то интеллектуального прогресса, наверное, вовсе не было бы, но он все-таки имел место. Более того, очевидно скорее иное: что интеллект играет большую роль во время войны. В это время он поощряется до предела в особом направлении. Его достижения для целей войны почти всегда используются и в мирных целях и способствуют интеллектуальному прогрессу вообще. Своей мощной стимуляцией, воодушевлением и необычайными условиями военная ситуация способствует расширению человеческих знаний. Этими и другими аналогичными способами война оказывает некоторое благотворное воздействие на развитие наук и искусств. Если бы не было войны, у нас, безусловно, не было бы ни таких произведений, как «Одиссея», «Илиада», «Махабхарата», «Макбет», ни очень многих других поэм, картин, скульптур, архитектурных шедевров, песен, симфоний, стихов и других произведений искусства, которые были вдохновлены войной⁸⁹. То же самое справедливо в отношении великого множества изобретений, начиная с разного рода оружия и заканчивая аэропланами, танками и отравляющими газами.

Это не означает, что мы должны закрыть глаза на отрицательные последствия войны; это значит только, что ее влияние чрезвычайно сложно и не может быть точно описано простой односторонней формулой ее апологетов или критиков.

L. Общий вывод о влияниях войны

Предыдущий обзор показывает, что имеется ряд корреляций между явлениями войны, рассматриваемыми в качестве независимой переменной, и различными аспектами общественной жизни, взятыми в качестве переменной за-

⁸⁸ См. некоторые данные в моей «Социальной мобильности» (гл. XXI–XXII).

⁸⁹ См. об этом: *Леонтьев К.* Византизм и славянство.

висимой. Некоторые из этих корреляций являются, по-видимому, бесспорными и более или менее изученными. Другие, однако, пока еще мало исследованы и представляют собой скорее догадки, а не научные суждения. Авторы чересчур много занимались философствованием и морализаторством и слишком мало объективно изучали факты в этой области. Если социологи собираются способствовать нашему знанию о войне, они должны будут оставить морализаторство (слишком много людей, которые обожают это занятие) и обратиться к реальному исследованию явлений. Иначе мы обречены оставаться в царстве полумистин.

5. Факторы войны

В процессе нашего предыдущего изложения мы брали войну в качестве независимой переменной и прослеживали ее «функции». Теперь мы можем спросить, каковы ее факторы или, другими словами, каковы те «переменные», «функцией» которых является война. Какие явления способствуют началу войны и ее разрастанию, а какие ведут к противоположным результатам?

Именно эта часть социологии войны и конфликта остается мало исследованной. Есть десятки различных теорий, которые пытаются ответить на этот вопрос, и тем не менее большинство из них не имеют почти никакой научной ценности. Во-первых, есть ряд теорий, ответ которых сводится к простой ссылке на «универсальный закон борьбы», или «закон борьбы за существование». Очевидно, что подобные объяснения ничего не дают. Мы можем допустить, что такой универсальный закон существует, но проблема в том, почему в конкретном обществе в определенный период нет никакой войны и почему в том же самом обществе в другой период война вспыхивает, расширяется, растет и спустя какое-то время заканчивается. «Универсальный закон» вообще не помогает решить проблему. Вторая разновидность теорий представлена многочисленными «инстинктивистами». Их общая черта состоит в том, что они ищут главный источник войны в области инстинктов. Соответственно в качестве теорий, объясняющих причины войны, мы имеем «военные инстинкты» и «инстинкты патриотизма». «Инстинкт войны» иногда рассматривается как нечто подобное «бойцовскому инстинкту», описанному в трудах Николаи⁹⁰, но в других случаях они рассматриваются как нечто совершенно разное⁹¹. Другие авторы в качестве источника войны указывают «инстинкт борьбы» или «инстинкт драчливости» (У. Мак-Дугалл, Г.Р. Маршалл, П. Бове и Э.О. Росс)⁹². Некоторые социологи указывают на «стад-

⁹⁰ См. *Nicolai*. Op. cit., vol. I, p. 20 ff.

⁹¹ *Woods F.A.* Op. cit., p. 17 ff.

⁹² *McDougall W.* Social Psychology, p. 280 ff.; *Marshall H.R.* War and the Ideal of Peace. 1915, p. 96 ff.; *Ross E.A.* Principles, p. 44–45; *Bovet P.* The Fighting Instinct. New York, 1923.

ный инстинкт» как на косвенную причину войны (У. Троттер)⁹³. Социологи и психологи, такие как Штейнмец, Дж.Т.У. Патрик, У.Х.Р. Риверс, У.А. Уайт и некоторые другие, указывают на несколько разных инстинктов, ответственных за войну, рассматривая их или как результат, или двигатель «омоложения», стимулируемый избытком социальных связей, навязанных общественной жизнью и различными социальными правилами, которые в конце концов подавляют источник самой жизни; или как форму релаксации от тех конвенциональных правил, которые вследствие их рутинности, монотонности и репрессивного характера в конце концов превращают человека в автомат; или как выход для удовлетворения врожденных порывов гнева, жажды к перемене мест (*Wanderlust*), духа воинственности, храбрости, приключений (*Mut, Wagemut, Grausamkeit*^{34*}) и т. д.⁹⁴ Некоторые другие пытались связать войну с голодом и невозможностью удовлетворения насущных потребностей человека или с ростом препятствий на пути этого удовлетворения⁹⁵.

Короче говоря, мы имеем многочисленные противоречащие друг другу «инстинктивистские» теории войны. Их ядро, наверное, соответствует истине, но, к сожалению, большинство из них опять-таки не дают удовлетворительного решения проблемы. Мы можем допустить, что инстинкт войны, бойцовский инстинкт или какой-то другой импульс являются источником войны, но объясняет ли это, почему общество в определенное время находится в состоянии войны, а в другой период пребывает в мире и почему одно общество очень воинственное, тогда как другое относительно мирное? Если источник войны — это определенный инстинкт или импульс, то он должен существовать постоянно. Даже если допустить это, то все еще нет никакого объяснения, почему в некоторые периоды он проявляется, тогда как в другие бездействует. Для того чтобы данные гипотезы могли быть удовлетворительными, они должны будут объяснить с точки зрения «инстинкта» реальную кривую феномена войны. Они должны показать, почему, например, «инстинкт воинственности» вызвал войну в 1914, а не в 1909 г. и почему одни народы участвовали в этой войне, а другие нет. Почему война была закончена в 1918, а не в 1915 или

⁹³ Trotter W. *Instincts of the Herd in Peace and War*. London, 1916.

⁹⁴ Steinmetz. *Die Philosophie des Krieges*, S. 233, 294; Patrick G.T.W. *The Psychology of War* // *Popular Science Monthly*. 1915, p. 166–168; White W.A. *Thoughts of a Psychiatrist on the War and After*. 1919, p. 75–87; Crile G.M. *A Mechanistic View of Peace and War*. 1916; Russell B. *Why Men Fight*. 1917; Conway M. *The Crowd in Peace and War*. 1916; Eltinge B. *Psychology of War*. 1915; Thorndike E.L. *Original Nature of Man*, ch. VI; Watson J.B. *Psychology*, ch. VI; Park R., Burgess E.W. *Introduction*, ch. IX; Hall G.S. *Some Relations between the War and Psychology* // *American Journal Psychology*. 1919; Le Bon G. *The Psychology of the Great War*. 1916; Rivers W.H.R. *Instinct and Unconscious*. Cambridge, 1921.

⁹⁵ Sorokin. *The Influence of Famine and Food Factor*, ch. VII^{35*}; Bakeless J. *The Economic Causes of Modern War*. New York, 1921.

1935 г.? Почему были относительно мирные периоды в истории той или иной нации, а другие заполнены войной? Большинство обсуждаемых теорий даже не пытаются ответить на подобные вопросы. По этой причине их недостатки очевидны.

То же самое можно сказать и по поводу большинства других теорий о факторах войны, которые видят их в «династических интересах», «религиозной разнородности», «экономических факторах», «дипломатических и политических махинациях», стремлении к господству, к самовыражению и в чем угодно еще. Поскольку такие учения ограничивают свои «объяснения» простым упоминанием этих факторов, а также поверхностным рассмотрением их важности, они фактически достоверными теориями не являются. Поддерживая подобную точку зрения, они должны объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом выдвигаемый ими фактор действительно оказывается причиной войны, и почему, при каких условиях и т. д. он таковым не оказывается. Короче говоря, такая теория должна «интерпретировать» реальную флуктуацию военной кривой. Она должна взять факты войны и увязать их со своим фактором, показывая, что он «годится» для кривой войны. Иначе такая теория бесполезна. Только очень немногие существующие теории предпринимают попытку выполнить такую фактическую верификацию. К сожалению, очень многие из них тоже оказываются несостоятельными, иногда даже более несостоятельными, чем многие инстинктивистские теории⁹⁶.

Здесь мы можем закончить наш анализ того, о чем шла речь выше. О дарвинистской школе борьбы за существование и ее интерпретации сказано достаточно. Четвертое важное направление биологической социологии представлено «инстинктивистскими интерпретациями» социальных явлений. Однако ввиду смешивания в этих теориях «инстинктивных сил» с другими психологическими факторами удобнее было бы проанализировать их в главах, посвященных психологической школе в социологии.

⁹⁶ В качестве примера можно взять книгу Э. Овелака «Глубинные причины войны» (*Hovelaque E. Deeper Causes of the War. London, 1917*). Пытаясь объяснить причины мировой войны, он указывает на факторы «среды обитания», такие как предшествующая история Пруссии, ее милитаристский характер, военные лидеры, «воинственный прусский дух», немецкая философия, «вера в превосходство», мистическое влияние Ф. Ницше, Трейчке, Бернгарди и т. д. Нет нужды говорить, до какой степени вся теория ошибочна. На самом деле при Гогенцоллернах у Пруссии было меньшее число военных лет, чем у какой-либо другой большой европейской страны (см. цифры в этой главе). Неправильно одну только Пруссию делать ответственной за войну. Очевидно, что и среди английских, французских, русских мыслителей, историков, писателей и т. д. было множество апологетов войны, борьбы, патриотизма, национализма, «воинственного духа» и всех прочих подобного рода вещей. Короче говоря, вся теория представляет собой политический памфлет, гораздо менее удовлетворительный, чем вышеупомянутые «инстинктивистские» теории войны.

6. Общее заключение о биологической социологии

Несмотря на многие ошибки, школа в целом представляет собой одно из самых мощных течений социологической мысли; она пролила свет на многие социальные явления, раскрыла ряд ценных корреляций и обнаружила много глубинных факторов, которые скрыты под живописной поверхностью социального океана. По этим причинам она должна быть признана одной из самых важных социологических школ. Нравится нам это или не нравится, она будет существовать. Чем больше открытий будет происходить в биологии и чем точнее будут эти открытия, тем более достоверными будут ее интерпретации социальных явлений и, вероятно, тем более сильное влияние они окажут на социологическую мысль в будущем. Бесполезно и безнадежно пытаться закрыть двери социологии перед вторжением биологических интерпретаций, в необходимости чего убеждены в настоящее время некоторые «формальные социологи». Такая изоляция ничего хорошего социологии не принесет, в то время как вредные ее последствия очевидны. Усиление схоластики, бесполезная словесная перебранка и бесплодный спор о терминологии, с одной стороны, и, с другой – отсталая «самодельная», или «кустарная», *ad hoc*^{36*} биология, ошибочная в своей сущности, будут, скорее всего, следствием подобной изоляции. Так бывало в прошлом и, возможно, повторится в будущем, если подобное «формальное» требование останется в силе. Чтобы избежать этого, мы должны следовать за открытиями биологии, беря из них то, что является подлинно научным, и отбрасывая то, что оказывается «псевдонаучным». Таков разумный подход к «биологической интерпретации» социальных явлений, вполне приемлемый для социологов.

Глава VII

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ВЕТВЬ: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В рамках данной школы я сделаю обзор теорий, которые рассматривают демографический фактор в качестве главной или основной переменной и, соответственно, пытаются интерпретировать социальные явления как функцию или результат данного фактора. Под демографическим фактором понимается увеличение или уменьшение количества и плотности населения. Качественная составляющая населения здесь рассматриваться не будет, так как обсуждалась в главе, посвященной расовой школе.

1. Предшественники

Самые ранние источники социальной мысли и старейшие практики древних обществ показывают, что человечество давно догадывалось о важной роли демографических факторов в области социальных явлений. В какой-то степени оценивались оба аспекта проблемы населения – количественный и качественный. В результате появились определенные социальные практики. Их цель состояла в том, чтобы либо увеличить, либо уменьшить количество населения и улучшить его качество. Библейское «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю...»¹ является типичной иллюстрацией очень многих древних идей и практик, направленных на увеличение населения, что считалось необходимым условием длительного существования и процветания данного общества. С другой стороны, некоторые практики и нравы, такие как обязательный celibат², умерщвление стариков и младенцев, предписанные аборты и т. д., можно обнаружить во многих примитивных обществах¹. Данные практики, цель которых состояла в том, чтобы контролировать или снижать численность населения, свидетельствуют о том, что многие общества так или иначе осознавали опасность перенаселения. Эпизод из книги Бытия, в котором говорится о том, что количество пастухов и ро-

¹ См.: *Carr-Saunders A.M.* The Population Problem. Oxford, 1922, ch. I, VII, VIII, IX; *Reuter E.B.* Population Problems. Philadelphia, 1923, ch. III; *Stangeland C.E.* Pre-Malthusian Doctrines of Population. New York, 1908.

гатога скота Авраама и Лота увеличилось до такой степени, что «непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе», и повествование Зенд-Авесты о периодической перенаселенности Земли² являются типичными иллюстрациями того же самого факта. С еще большим основанием можно утверждать, что древние народы понимали и качественную сторону проблемы населения. «Евгеника» изобретена не в XIX в. За тысячи лет до нашей эры евгеника широко практиковалась в Древней Спарте и Индии, Китае и среди евреев, не говоря уже о других странах³.

Нет никакой необходимости говорить о том, что с появлением первых социальных мыслителей многие из них обратили внимание на фактор народонаселения. В своих учениях они выдвинули практически все гипотезы, которые ведущие современные теории народонаселения предлагают в более развернутой форме. Конфуций, Мэн-цзы, Платон, Аристотель, Полибий, Сенека, Цицерон, Лукреций, Фома Аквинский, Отцы Церкви, Ибн Хальдун, Кампанелла, Макиавелли, Ж. Боден, Лютер, Ботеро, Кольбер, У. Петти, Граунт, Юсти, Зонненфельс, Зинке, камералисты*, Ч. Давенант, У. Темпл, Холиншед, меркантилисты, физиократы (Кенэ и др.), Брукнер, Ч. Беккариа, А. Юнг, Ф. Бриганти, Ж.Ж. Руссо, Дж. Стюарт, Юм, Уоллес, Адам Смит, Прайс, Ортес – вот лишь некоторые имена из длинного списка тех, кто сформулировал различные теории народонаселения до Мальтуса (1766–1834)⁴. После эпохального «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса (изданного в 1798 г.) немного было выдающихся экономистов, социологов, политологов, психологов, практических реформаторов, демографов,

² Быт. 13, 6; *The Zend-Avesta // The Sacred Books of the East. Oxford, 1880, vol. IV, farg. II: 9 ff.* «И земля его была полна животными, и скотом, и людьми, и псами, и птицами... Не находили себе места животные, скот и люди». Это привело к необходимости периодического расширения Земли Йимой. «Зенд-Авеста» была составлена, вероятно, в 325 г., хотя ее содержание значительно старше.

³ См. главу о расовой школе; *Roper A.G. Ancient Eugenics. Oxford, 1913; Schallmayer W. Vererbung und Auslese, S. 142 ff.; Sorokin. Social Mobility, ch. IX.* Не могу согласиться с Карр-Саундерсом в том, что «проблема качества в то раннее время не пробуждала такого же интереса» (что и проблема количества) – *Op. cit.*, p. 18. Роупер приводит вполне убедительное доказательство того, что качественная сторона проблемы, по крайней мере, решаемая путем проб и ошибок, была осознана столь же рано, как и количественная сторона. Знакомство со «Священными книгами Востока», особенно книгами Индии и Китая, и обычаями Спарты, а также других обществ не оставляет ни малейшего сомнения в том, что «евгеническая» сторона проблемы осознавалась в прошлом, может быть, даже лучше, чем ее количественный аспект. В «Законах Ману», «Брихаспати», «Нараде», «Гаутаме», «Институтах Вишну» и других книгах Древней Индии «евгеническая» сторона проблемы является главной идеей, пронизывающей все их содержание.

⁴ См.: *Carr-Saunders. Op. cit., ch. I; Reuter. Op. cit., ch. III, IV; Stangeland. Op. cit., passim; Small A. The Cameralists; Haney W.H. History of Economic Thought; Reynaud. La théorie de la population en Italie du XVI au XVIII siècle. Paris-Lyon, 1904.*

статистиков и евгенистов, которые не рассматривали бы эту проблему⁵. В мою цель не входит обозрение всех этих теорий. Многие из них рассматривают количество и плотность населения как производные от других переменных, а не как их причину. Моя цель состоит в том, чтобы разобрать только такие современные теории, которые интерпретируют социальные процессы как функцию демографического фактора. Рассмотрев основные теории данного типа, мы сможем охватить, по крайней мере, все фундаментальные закономерности, сформулированные в этой области.

2. Адольф Кост

Вряд ли найдется какая-нибудь другая социологическая теория, которая придавала бы количеству и плотности населения такую важность, как теория Адольфа Коста – бывшего президента Статистического и социологического общества Парижа. Я начну свой обзор демографических теорий с Коста не потому, что его работы особенно ценны, или потому, что он является основателем такого рода теорий, а из-за его попытки сделать демографический фактор своего рода универсальным ключом к описанию важных «социальных процессов». До него основные идеи его учения разрабатывали М. Ковалевский, которого он упоминает как своего предшественника и создателя теории⁶, А. Лория, Ив Гюйо, П. Мужоль и Л. Винярский, с трудами которых Кост, публикуя свои книги, не был знаком⁷.

Основы социологической теории Коста таковы:

1. Имеются две фундаментальные категории исторических фактов: социальные и идеологические явления. Под «социальными фактами» Кост понимает такие явления, как правление, производство, распределение экономических или полезных вещей, верований и солидарности. Под «идеологическими» фактами он подразумевает явления непрактичных искусств, таких как поэзия, философия, различные идеологии, включая теоретические и неприкладные науки, которые не имеют полезного или утилитарного характера. Эти две категории явлений должны быть четко дифференцированы. В то время как социальные явления

⁵ Литература на эту тему огромна. Основные теории см. в: *Reuter*. Op. cit., ch. V; *Thompson W.* Population: A Study in Malthusianism. New York, 1915; в учебниках по экономике Г. Шмоллера, А. Маршалла, Ф. Тауссига, Э. Селигмена, Р. Эли и любых других фундаментальных учебниках; *Leroy-Beaulieu P.* La question de la population. Paris, 1913; трактаты по демографии А. Эттингена, Г. фон Майра, Э. Левассера и других; *Wolf J.* Die Volkswirtschaft der Gegenwart und Zukunft. 1912; *Der Geburtenrückgang*. 1912; *Budge*. Das Malthus'sche Bevölkerungsgesetz und die theoretische Nationalökonomie der letzten Jahrzehnte. 1912.

⁶ См.: *Coste A.* Les principes d'une sociologie objective. Paris, 1899, p. 107.

⁷ *Coste A.* L'expérience des peuples et les prévisions qu'elle autorise. Paris, 1900, p. III–IV.

правления, производства, веры и солидарности тесно связаны друг с другом по характеру флуктуации и эволюции, «идеологические» явления не обнаруживают сколько-нибудь тесной корреляции с «социальными явлениями». Другими словами, «социальность» и «идеологический менталитет» независимы друг от друга. Согласно Косту, четыре категории фактов подтверждают это утверждение.

Во-первых, об отсутствии связи между «социальными» и «идеологическими» явлениями свидетельствует тот факт, что великие «мыслители», или создатели «идеологических ценностей», в самых влиятельных обществах не появлялись регулярно, что имело бы место при наличии корреляции между «социальностью» и «идеологическим менталитетом». Идеологии христианства, буддизма и мусульманства появились среди народов, которые вовсе не были могущественными или развитыми. Маленькая Греция произвела самых замечательных поэтов, философов, мыслителей и художников. Но такое изобилие идеологического богатства не очень влияло на социальное положение Греции. Естественно, это не делало ее сильным обществом. Римляне были гораздо более невежественными и менее культурными, чем греки, египтяне и многие другие народы, но они преуспели в организации замечательного управленческого, юридического, военного и социального механизма, и, таким образом, несмотря на скудность «идеологических достижений», они оказали большую услугу прогрессу социальности, нежели греки. В XV и XVI вв. Италия и Франция несравнимо превосходили Германию, Голландию и Англию в плане «идеологий», но эти страны были гораздо более успешными в коммерции, управлении, религии и политической организации, чем Франция или Италия.

Во-вторых, о том же самом отсутствии корреляции свидетельствует тот факт, что великие мыслители появлялись как в эпохи социального прогресса, так и в периоды упадка. В период распада социальности они появляются даже чаще, чем в период политического, экономического, управленческого и религиозного благосостояния. Этого не могло бы происходить, если бы две эти категории явлений были связаны друг с другом. В Греции и Риме самый блестящий «идеологический» период развития (философии, искусства, поэзии, архитектуры, литературы и т. д.) был также периодом социальной дезорганизации и упадка. То же самое наблюдается в Италии в период Ренессанса.

В-третьих, отсутствие корреляции ярко проявляется в том факте, что одна и та же раса в один и тот же период и в тех же самых социальных условиях порождают самых разных идеологических гениев, и, *vice versa*^{4*}, аналогичного типа мыслители появляются в самых разных социальных условиях. «Социальные» факты каждого общества несут на себе отпечаток своих расовых или национальных черт, тогда как «идеологические» космополитны, интернациональны и лишены каких бы то ни было черт того общества, в котором они появились.

Если бы социальные и идеологические явления коррелировались, этого быть не могло бы.

В-четвертых, в динамике идеологических явлений нет ни непрерывности, ни постоянного прогресса, ни регулярности. Они появляются и исчезают неожиданно, расцветая и увядая, тогда как в социальных явлениях наблюдаются непрерывность, регулярность и взаимная причинно-следственная связь.

Так как «идеологические» факты не находятся под влиянием «социальных» явлений, последние тоже от них независимы. «Истребите одну или две дюжины идеологических гениев, и теоретическая наука и искусства, не приносящие пользы, исчезнут». Но это ничуть не изменило бы «социальные явления». «Идеологические достижения», будь то теория чисел Пифагора, учение Платона об идеях, теория атомов Эпикура, монадология Лейбница, закон тяготения Ньютона или теория эволюции Ламарка и Дарвина, массам неизвестны и практически не оказывают на них никакого влияния. Если бы эти теории исчезли, это почти никак не повлияло бы на ход «социальных явлений». Они резко отличаются от социальных фактов, которые, помимо того, что они всегда полезны, являются результатом активности масс и общих потребностей, взаимного внушения, интерстимуляции^{5*} и разделения труда⁸. Идеологические явления – продукты исключительно индивидуального творчества и остаются в собственности лишь немногих. Все это свидетельствует об их отличии и независимости.

2. Так как «социальные и идеологические факты» совершенно различны, они должны изучаться разными науками: социальные факты – социологией, а идеологические факты – «идеологией». Это должна быть наука, в какой-то степени похожая на психологию, но радикально измененную. Физиологическая часть должна войти в биологию, а нефизиологическая – пока что должна трансформироваться в «идеологию»⁹.

3. Соответственно, в классификации наук социологию следует поместить после биологии, как это и сделал Конт, тогда как идеология должна следовать после социологии¹⁰.

4. Обратившись к социальным фактам – правлению, производству, верованиям и солидарности, Кост находит, что они проходят в определенной последовательности пять стадий своего развития, причем каждая стадия связана с другими. Основы его теории социальной эволюции приведены в таблице¹¹.

⁸ Principes, ch. II, XXII; L'expérience, ch. I.

⁹ Principes, ch. III, IV; L'expérience, ch. II.

¹⁰ Principes, ch. V. Классификация наук Коста – модифицированная классификация Огюста Конта; см. p. 57.

¹¹ Ibid., ch. IX, XII, XIV. См. таблицу на p. 150–151; L'expérience, таблица на p. 584–587. Практически весь том Коста «L'expérience des peuples» посвящен описанию этих пяти основных стадий социальной эволюции.

Стадии в соответствии с масовостью и концентрацией населения	Социальная деятельность в эволюции дифференциации и ее характер	Тип солидарности и тенденция к уменьшению неравенства
I. Поселение	Отсутствие разделения социальной активности	Абсолютизм семьи и верховенство, основанное на рождении
II. Город с подчиненными поселениями	<i>Распределение функций</i> Военное правление, социоморфная и политейстичная религия; семейное производство	Военно-религиозное верховенство. Касты. Единственная собственность – земля
III. Метрополия с подчиненными городами	<i>Религия</i> Теистическая и монотеистическая плюс математическая наука <i>Правление</i> Две власти: военная и гражданская	Верховенство государства, олицетворяемое принцем и его бюрократией; классы и привилегии. <i>Собственность</i> : земля и капитал
IV. Столица с подчиненными крупными городами	<i>Религия</i> Полурациональная, математическая и физическая науки <i>Правление</i> Три власти: военная, административная, законодательная	Верховенство богатства, основанного на индивидуализме и наследуемом и установленном неравенстве. <i>Собственность</i> : земля, капитал, движимые ценности
V. Федеральный центр Федерации с подчиненными столицами	<i>Религия</i> Рациональные науки: математическая, физическая, биологическая <i>Правление</i> Четыре власти: военная, административная, законодательная, судебная	Верховенство свободных ассоциаций, стремящееся к верховенству интеллекта и равенству в защите индивидов. <i>Собственность</i> : предыдущие формы плюс патенты на изобретения и доли

Взяв количество и концентрацию населения за основу классификации, Кост в той же самой таблице показывает этапы в социальной эволюции народов, прошедших чисто животные стадии. Из этой схемы следует, что в развитии основных форм социальных явлений есть определенная последовательность, что эти формы связаны друг с другом и что есть линейная историческая тенденция к прогрессивному разделению социальных функций и увеличению свободной кооперации за счет нарастающего снижения неравенства.

5. Если мы спросим теперь, какой фактор ответствен за вышеупомянутое развитие социальных явлений, то ответ будет следующим: рост населения и его плотности. Сообщества животных являются застойными, потому что их численность ограничена. Человеческие общества прогрессируют, потому что все время увеличиваются их размер и плотность. Это ведет к расширению взаимодействия, его интенсификации, обмену опытом, его накоплению и передаче из поколения в поколение. Первые крупные организованные общества появились там, где была большая концентрация населения (долина Нила, Халдея, Индия и Китай). Первые блистательные цивилизации зародились в Греции, Тире, Афинах и Карфагене по той же самой причине. Превращение общества в крупную военную единицу, впервые осуществленное в Вавилоне, Египте и Риме, стало возможным благодаря тому же самому фактору избытка населения и его интеграции в компактные социальные тела. С другой стороны, когда количество и плотность населения уменьшаются, прогресс цивилизации останавливается, как это произошло после депопуляции Римской империи и в течение первых веков Средневековья. Опуская другие аргументы, которые приводит Кост в пользу своей гипотезы, мы можем сказать, что «увеличение числа членов общества является основной причиной его эволюции в целом. Увеличение численности объединенного населения приводит к росту социальной дифференциации, разделению труда и социальных способностей, облегчая коммуникацию различных частей общества и делая возможными лучшую и более сильную координацию индивидуальных действий и все более точное представление о единстве законов природы».

Почва, климат и раса могут в некоторой степени облегчить человеческое объединение и способствовать ему, но не они являются главными факторами социальной эволюции¹².

6. Логически развивая свою идею, Кост наконец приходит к попытке создать «социометрику» для измерения относительного могущества различных государств. Так как численность и плотность народонаселения являются первичными факторами социальности, могущество различных стран можно было бы приблизительно измерить с помощью численности и плотности их населения, определяемых его концентрацией или процентным соотношением живущих в больших и малых городах ко всей массе населения данного общества. Комби-

¹² Principes, p. 95–103; L'expérience, passim и p. 588 ff.

нируя эти критерии, Кост выводит следующий показатель социального могущества разных стран¹³:

Таблица I		Таблица II
Могущество государств (на основе численности народонаселения к концу XIX в.)		Социальность, или сплоченность общества
Государства	Индекс национального могущества ¹⁴ (Франция=100)	Индекс социальности ¹⁵
<i>А. Большие государства</i>		
Великобритания	155	152
Россия	136	49
Германия	121	89
Франция	100	100
США	70 или 74	44
Япония	73	66
Австро-Венгрия	69 или 70	61
Италия	49	60
Турция	45	70
Испания	36	77
В среднем для 10 больших государств	94	71
<i>В. Малые государства</i>		
Бельгия	19	112
Голландия	14	107
Швеция–Норвегия	11	60
....		
Румыния	9	64
Португалия	9	67
Швейцария	5	64
В среднем для 6 малых государств	13	82

Так как социальное могущество равно количеству населения, умноженному на социальность (плотность), т. е. социальная сила = население × социальность, то из этого следует, что социальность нации равна социальному могуществу, разделенному на население:

$$\frac{\text{Социальное могущество}}{\text{Население}} = \text{Социальность}$$

¹³ Методы подсчета в «Principes» и «L'expérience» в какой-то степени различаются. Соответственно отличаются и индексы. Я привожу здесь таблицу из «L'expérience», потому что, согласно Косту, она точнее. См.: Principes, ch. XV; L'expérience, p. 591 ff.

¹⁴ L'expérience, p. 602–603.

¹⁵ Ibid., p. 606.

В таблице II приведены индексы социальности различных наций, вычисленные по этой формуле.

Таковы основы социологической теории Коста.

Критика. В целом теория Коста представляет собой смесь социологического объективизма и безудержной спекуляции, правильных наблюдений и фантастических обобщений.

1. Проводимая им дифференциация «социальных и идеологических явлений» неопределенна и сомнительна. Нельзя понять, почему некоторые верования, искусства и теории он относит к категории «социальных фактов», а некоторые другие называет «идеологическими»¹⁶ или почему такие «идеологии», как буддизм и христианство, иногда рассматриваются как «социальные», а иногда – как «идеологические» явления. Критерий «практической пользы» не помогает, потому что очень много чисто абстрактных теорий, например большинство теорий физических и химических, относятся, согласно Косту, к «идеологическим» явлениям. Однако только умственно невменяемый человек стал бы отрицать большую практическую пользу, которую приносят подобные абстрактные теории. С другой стороны, значительное число верований, которые Кост рассматривает как «социальные, полезные явления», явно обнаруживают свою практическую непригодность. Столь же трудно понять, почему религия отнесена к «социальным», тогда как искусства и науки – к «идеологическим» фактам. С точки зрения полезности науку едва ли можно признать менее ценной, чем религию. Далее, если мы вычленим из религии культ, вероучение, обряды, архитектуру, картины и музыку, то интересно, сколь много останется от нее и от приносимой ею пользы. Более того, если бы продукты идеологии были действительно бесполезны, они не смогли бы выжить, как и все бесполезное. Они давно

¹⁶ Позицию Коста по этому вопросу проясняет следующая цитата: «Египтяне и вавилоняне знали, как строить огромные сооружения и как решать сложные практические задачи задолго до появления алгебры, геометрии и механики. Ганнон обогнул Африку, Гимилькон открыл Великобританию, Колумб, Васко да Гама и Магеллан пересекли Атлантику, Индийский и Тихий океаны до того, как Коперник, Ньютон и Кеплер основали астрономию. Практическое искусство навигации предшествовало науке астрономии, как и социальные изобретения предшествовали “идеологическим”. Аналогичным образом сельское хозяйство, животноводство, медицина и хирургия не ждали, пока Биша и Клод Бернар станут основателями биологии. Дженнер открыл свою вакцину в 1776 г. – за сто лет до того, как микробиология Пастера нашла ей объяснение... Само собой разумеется, что наука, после ее учреждения, реагирует на полезные нововведения посредством обобщения эмпирических изобретений и формулирования общих законов. Идеология может быть очень полезна для общества, но она ему не предшествует и никак его не контролирует» (L'expérience, p. 6). Согласно Косту, таблицу умножения и правила арифметики, по-видимому, тоже следует отнести к «идеологии». Из вышесказанного его ошибка становится очевидной. Его так называемая прикладная наука – всего лишь предшествующая и менее обобщенная ступень знания по сравнению с ее более поздней и более теоретической стадией. Отделять одну от другой как нечто совершенно разное в качественном отношении явно неправильно.

бы исчезли в процессе отбора ценностей и видов деятельности. И все же они существуют и симптомов исчезновения не обнаруживают. Вряд ли есть необходимость рассуждать далее на эту тему. Классификация Коста не выдерживает критики. Его оценка науки и очень многих других «бесполезных» вещей неправильна. Короче говоря, эта часть его теории и основанная на ней дискриминация социологии и идеологии ошибочны. Единственная здравая мысль у Коста – это отрицание им тесной связи между «социальностью» и «ментальностью». Его теория может быть полезной в качестве противовеса односторонности социологической теории, объясняющей менталитет как продукт социально-го взаимодействия или социальности. Но опять же он, как и Л. Винярский¹⁷,

¹⁷ Л. Винярский претендует на то, что он первым указал на антагонизм социальности и ментальности. См.: *Winiarsky L. Réclamation au sujets des principes d'une sociologie objective de M.A. Coste // La revue socialiste. 1900, vol. XXXI, p. 419–421.* В своей интересной статье «*Essai d'une nouvelle interprétation de phénomènes sociologiques*» (*Revue socialiste. 1896, vol. XXIV, p. 308–328, 430–454*) Винярский пытался показать, во-первых, что как биологический тип те организмы являются самыми развитыми, которые наиболее дифференцированы и интегрированы; во-вторых, что общественная жизнь благодаря разделению труда, как правило, уменьшает эту дифференцированную целостность организма и заменяет ее односторонним «профессиональным» типом; в-третьих, что благодаря этому она способствует выживанию узких специализированных типов за счет универсального, многостороннего типа; и, в-четвертых, что через это общественная жизнь и социальная сплоченность препятствуют развитию менталитета, образованности или интеллектуальной гениальности. Самая важная особенность истинного гения – его универсальность, разносторонность и всеобъемлющий ум. Это становится все более и более невозможным вследствие социальной дифференциации. В-пятых, идеальная социальность означает абсолютную умственную стагнацию и ведет к ней. Данные выводы подтверждаются тем фактом, что среди животных те, которые живут в сообществах, являются низшими по сравнению с особями тех же самых видов, живущими изолированной жизнью, что общества с сильной социальной сплоченностью отличаются тупоумием, тогда как общества с менее сильной социальной сплоченностью выше по интеллекту, и что в истории одного и того же общества периоды социальной дезорганизации отмечены чрезвычайным интеллектуальным успехом и буквально преизбытком гениев, в то время как периоды прочного общественного порядка отмечены уменьшением интеллектуальной активности, организованной «психологией толпы» и умственным застоєм. Отсюда Винярский приходит к заключению, что прогресс социальной сплоченности и стадности приводит к снижению умственного развития индивида, уменьшению числа гениев и своего рода умственному бесплодию. Таковы основные черты его исследования, и они действительно аналогичны теории Коста. Утверждение Винярского о том, что он родоначальник данной теории, не соответствует действительности. За 20 лет до выхода его статьи эта же самая теория, только в гораздо лучшей форме была обнаружена Н.К. Михайловским в статье «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и других работах. Его имя Винярский не упоминает, но из содержания его статьи я прихожу к заключению, что он, скорее всего, поляк и читает на польском, а может быть, и на русском. Возможно, что теория Винярского была разработана не без влияния Михайловского, поскольку даже его терминология практически идентична терминологии Михайловского. К этому необходимо добавить, что неэффективную роль идеологов и идеологий в духе Коста отмечали за многие века до этого очень многие авторы. Достаточно вспомнить ту презрительную оценку, которую давал им Макиавелли. Гораздо позже него такого

совершает другую ошибку. Оба автора правы, когда утверждают, что человеческий интеллект и менталитет не могут формироваться только за счет воздействия социальных условий. Они также правы, утверждая, что корреляция между «социальностью» и «интеллектом» не является тесной и не всегда положительная. Иногда «прогресс ума» и прогресс «социальной сплоченности» вступают в конфликт. В данных пределах их теория в целом достоверна. Она наглядно демонстрирует ошибки социологической и солидаристской школ, настаивающих на полном параллелизме в развитии менталитета и социальности, делая первый простым результатом последней (см. главу о социологической школе). Но оба автора неправы, когда рассматривают менталитет или «идеологию» как нечто совершенно независимое от «социальных» явлений (Кост) или «социальности» (Винярский). Уже сам факт большей интеллектуальной деятельности в периоды социальной дезорганизации, упомянутый Винярским, указывает на корреляцию между социальностью и менталитетом. Как я уже пытался показать в другом месте, это легко объясняется социальными условиями. Кроме того, мое исследование пришло к выводу, что есть пределы и у этой негативной корреляции. Заходящая слишком далеко социальная дезорганизация ведет к интеллектуальному упадку, а не к его процветанию¹⁸. Это свидетельствует о том, что доля истины, которая содержится в утверждении Коста, на практике превратилась в большую ошибку его широкого обобщения. Кроме того, если идеологические явления независимы от социальных (а также от расы, географического окружения, климата и почвы), то спрашивается: от чего же они зависят? Должны ли мы прийти к выводу, что они являются чудом? Пустой тратой времени было выстраивать здесь длинную цепочку других возражений против рассматриваемого суждения.

2. Что касается теории Коста относительно стадий социальной эволюции, то мы можем оставить ее без обсуждения. Она представляет собой разновидность «законов развития» или «исторических тенденций», которые вошли в моду

же мнения придерживался Наполеон. Кроме того, многие мыслители, такие как Фюстель де Куланж, неоднократно отмечали «поразительную неэффективность идей и теорий для улучшения человеческого существования» (*Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, vol. I, p. 200*). Наконец, ту же самую идею по-своему поддерживает марксистская школа экономической интерпретации истории. Этих замечаний достаточно, чтобы показать: ни Кост, ни Винярский, ни кто-либо еще из социологов конца XIX в. не может претендовать на роль родоначальника вышеупомянутой или какой-либо другой теории. Они лишь развивали то, что было известно много веков, даже тысячелетий назад.

¹⁸ См.: *Sorokin P. Social Mobility, ch. XXI*. Это, между прочим, еще раз свидетельствует о необходимости нахождения границ и оптимальных точек социологических корреляций. Когда автор не может обозначить пределы корреляции и категорически заявляет, что она носит положительный или отрицательный характер и что с увеличением A его функция B увеличится (или уменьшится), он неизбежно совершает ошибку, потому что немного есть случаев, если вообще есть таковые, когда корреляция не имеет никаких границ.

после «закона трех стадий» Конта^{6*}. В настоящее время на них могут радоваться только новички. Ни предположение о сходстве социальной эволюции, которую переживают разные народы, ни линейная концепция развития, состоящего из определенной последовательности тех или иных «стадий», ни оптимистическое, но чисто спекулятивное пророчество грядущего тысячелетнего царства, к которому ведет «эволюция», никогда не были доказаны и, по-видимому, не вызывают восторга у современных социальных мыслителей. Все подобные теории остаются ничем иным, как своего рода метафизикой (см. главу о линейной и циклической концепции социального процесса).

3. Интересно отметить, что ключевой момент теории Коста – главенство фактора прироста населения – остается у него практически неподтвержденным. Он выдвигает его категорически, приводит несколько упомянутых примеров, но это и все. Естественно, это заставляет нас прийти к выводу, что он не доказал свой тезис. Подобный догматизм, разумеется, дает нам право оставить его без обсуждения как факт неподтвержденный.

4. Это можно сделать еще легче, потому что «Социометрика» Коста наглядно показывает ошибку в его теории. Э. Левассер справедливо замечает, что согласно критерию Коста провинция Шаньдун в Китае со средней плотностью населения 221 должна быть гораздо более цивилизованной и могущественной, чем Франция со средней плотностью всего лишь 73. С таким выводом вряд ли кто согласится¹⁹. Я также сомневаюсь, много ли найдется здравомыслящих людей, которые согласились бы с приведенными выше индексами могущества и социальности разных наций. Годы, прошедшие после публикации работ Коста и после Мировой войны, по-видимому, опровергли данные его таблиц. Подобного рода «прагматичный» тест является одним из самых конкретных критериев достоверности или ошибочности «идеологии». В данном случае он свидетельствует против теории Коста.

Тем не менее вышесказанное не означает полного отрицания ценности книг Коста. Несмотря на ошибки, они наводят на размышления и заставляют задуматься. Односторонность Коста является хорошим противоядием от ограниченности других теорий. Его выводы всегда четкие и не завуалированы толстым покровом абстрактной фразеологии и концептуальных определений, под которыми многие «мыслители» скрывают отсутствие мысли. Кост – мыслитель, причем мыслитель глубокий, но, к сожалению, односторонний.

Теперь перейдем к другим, более зрелым, хотя и не столь всеобъемлющим теориям, пытающимся установить корреляцию между демографическими факторами и другими социальными явлениями.

¹⁹ *Levasseur E.* La répartition de la race humaine // *Bulletin de l'Institut International de Statistique*, vol. XVIII, 2-e. livr., p. 62.

3. Количество и плотность населения и жизненно важные процессы

Могут ли численность и плотность населения быть факторами рождаемости, смертности и темпа прироста населения? Есть ли какая-нибудь связь между первой и второй цепочкой явлений? На эти вопросы положительно отвечали многие выдающиеся исследователи. Рассмотрим, прежде всего, влияние упомянутых демографических факторов на уровень смертности.

Демографические факторы и уровень смертности. Еще П.-Ф. Ферхюльст, доктор У. Фарр, Х. Вестергард и некоторые другие демографы указывали на наличие положительной корреляции между плотностью и уровнем смертности населения²⁰. Позже ряд исследователей, таких как Р. Пирл, Т.Г.К. Стивенсон, Рид, С.Л. Паркер, Дж. Браунли, А. Джевина и Ж. Бон, Боули и Дж.У. Юл, доказали, что тенденция к росту уровня смертности с увеличением плотности населения при прочих более или менее постоянных условиях существует²¹.

Методы получения данных корреляций и измерения плотности населения значительно изменились, начиная с экспериментальных методов, которые при изучении дрозофилы и некоторых других организмов использовали Пирл, Паркер, Ф. Бильски, К. Земпер, Джевина, Ж. Бон и др., и заканчивая разнообразными статистическими методами изучения народонаселения. Если в экспериментальных работах с дрозофилой плотность могла быть измерена точно, а другие условия можно было контролировать, то нельзя сказать того же о народонаселении. Найти точный критерий измерения его плотности очень трудно. Этим объясняется разнообразие методов, используемых с этой целью. Некоторые авторы (например, доктор Фарр) измеряли плотность количеством людей на единицу площади или (как доктор Браунли) путем деления населения административного района на его площадь. Другие (Т.Т.С. де Ястржебский, А. Боули и Р. Пирл) измеряют ее числом человек на одну комнату или показателями «тесноты» и «сверхтесноты».

²⁰ См.: *Verhulst P.E.* Recherches mathématiques sur la loi d'accroissement de la population // Nouveaux Mémoires de l'Académie Royale des Sciences et Belles-Lettres de Bruxelles. 1845, t. XVIII, p. 1–38; Deuxième mémoire sur la loi d'accroissement de la population // Ibid., 1847, t. XX, p. 1–32; *Farr W.* Vital Statistics. Stanford, 1885, p. 172 ff.; Causes of the high mortality in town districts // Fifth Annual Report Registrar General, of Births, Deaths, and Marriages in England. 2nd ed., p. 406–435; Effects of Density of Population on Health // Supplement to the Thirty-fifth Annual Report of the Registrar General. 1875, p. XXIII–XXV; *Westergaard H.* Die Lehre von der Mortalität und Morbidität. Jena, 1901, S. 455 ff.

²¹ *Pearl R.* The Biology of Population Growth. New York, 1925, passim и ch. VI; *Brownlee J.* Density and Death-rate: Farr's law // Journal of the Royal Statistical Society. 1920, p. 281–283; *Bowley A.* Death-rates, Density, Population and Housing // Journal of the Royal Statistical Society. 1923, p. 516–539; *Yule G.U.* The Growth of Population and the Factors which Control It // Ibid., 1925, p. 23 ff.; *Stevenson T.H.E.* The Laws Governing Population // Ibid., 1925, p. 67 ff.; см. в этих работах ссылки на другую литературу.

Некоторые исследователи измеряли плотность с помощью богатства на душу населения. Независимо от используемых методов авторы вполне осознают, что в лучшем случае они могут вычислить только приблизительный индекс плотности населения. Я упоминаю об этом, чтобы показать, сколь велики трудности, которые надо преодолеть, прежде чем выяснится достоверная взаимосвязь. Для общего представления о полученных результатах я приведу некоторые данные. Вот таблица, полученная самым простым статистическим методом, который использует доктор Фарр²²:

Количество смертей на 100 тыс. населения в Англии (в год)	Количество жителей на кв. милю
1,270	138
1,345	149
1,448	187
1,541	214
1,647	307
1,735	435
1,855	662
1,935	1,281
2,043	1,803
.....
.....
3,300	19,584

Увеличивается плотность населения – увеличивается и уровень смертности.

Коэффициенты корреляции доктора Боули (1869–[1957]) между уровнем смертности и различными индексами плотности населения в Англии дают общее представление о результатах, полученных более точным методом статистического анализа. Коэффициенты корреляции общего уровня смертности для разных областей Англии с особым критерием плотности таковы²³:

Плотность	Лондон	Южная Англия	Северная Англия	Каменно- угольный район	Все районы
С логарифмом плотности	0,635	0,104	0,429	0,268	0,246
Человек на пространство	0,842	0,198	0,477	0,312	0,581

В этих и других упомянутых исследованиях предполагается, по-видимому, что существует непосредственная связь между плотностью населения и уровнем смертности. Однако, несмотря на значительную вероятность такой корреляции,

²² Supplement to the Fifty-fifth Annual Report of Registrar General, etc. 1895, p. xvii.

²³ Bowley. Op. cit., p. 522, table I. В таблице приведены более детальные коэффициенты корреляции с «теснотой» и «сверхтеснотой», индексами плотности, уровнем смертности и младенческой смертности и соответствующими регрессионными уравнениями.

соответствующие данные позволяют предположить, что либо связь существует только в пределах определенной амплитуды плотности, вне которой она становится неосязаемой, либо эффект плотности настолько слаб, что преодолевается вмешательством других факторов. Есть также вероятность того, что корреляция относится не столько к плотности, сколько к бедности и подобным факторам, обычно сопутствующим «тесноте» и «сверхтесноте», или причиной является совокупность всех этих факторов. То, что корреляция может существовать только в пределах определенной амплитуды плотности, вне которой она, как правило, исчезает, доказывается данными Боули относительно сельского района Англии (Ibid., p. 535). На юге Англии и Уэльса корреляция уровня смертности с количеством человек на комнату весьма незначительна (0,05 и 0,16). То, что возможное влияние плотности на уровень смертности населения может легко быть сведено на нет другими факторами, доказывается фактом всеевропейского снижения уровня смертности, особенно со второй половины XIX в., несмотря на значительное увеличение плотности населения в данных странах²⁴. Что данные коэффициенты корреляции не только являются результатом плотности, но и, возможно, в еще большей степени обусловлены бедностью или санитарными и другими условиями, скрывающимися за критерием плотности, доказывается тем фактом, что коэффициенты значительно варьируются в различных частях Англии, хотя их плотность приблизительно одинакова. В то время как коэффициент для Лондона высок, он довольно низок для Южной Англии и «Каменноугольного района». Это представляется невероятным, если бы не было никаких «других переменных», работающих под «плотность», как указывают сами профессор Боули и доктор Гринвуд²⁵. Эти соображения объясняют, почему вышеупомянутая корреляция часто неосязаема. Например, исследование Т.Дж. Леблана показало, что закон Фарра не работает в отношении городского и сельского населения Соединенных Штатов²⁶. Из вышесказанного представляется уместным сделать вывод, что, в то время как существование положительной корреляции между плотностью и уровнем смертности сомнительно, мы также все еще не знаем точно, как тесно они связаны и какая часть коэффициентов обусловлена плотностью, а какая – другими факторами, действующими под ее покровом. Доктор Гринвуд справедливо замечает: «Мы можем выбрать то или иное из многочисленных объяснений (данных коэффициентов) лишь после того,

²⁴ Справедливое суждение и данные см. в: *Yule*. Op. cit., p. 24–27. «Показатель смертности неуклонно падает, несмотря на увеличивающуюся плотность населения каждой страны, о которой у нас есть данные... Гораздо более важными были другие причины, чем плотность населения». По этому поводу см. также замечания доктора Дадфилда (Ibid., p. 540–541).

²⁵ См.: Op. cit., p. 535, замечания Гринвуда на p. 542 и А. Уотсона на p. 544.

²⁶ См.: *LeBlanc T.J.* Density of Population and Mortality in the United States // *American Journal of Hygiene*. 1924, vol. IV, p. 501–558.

как проведем большую работу соответствующего рода и бросим на весы еще и другие переменные»²⁷.

Численность и плотность населения и уровень рождаемости. То, что было сказано относительно взаимосвязи между уровнем смертности и численностью и плотностью населения, верно и для их взаимосвязи с уровнем рождаемости. Ряд выдающихся исследователей считает, что данные явления имеют негативную корреляцию. Они утверждают, что само по себе увеличение плотности и численности населения, независимо от отсутствия предметов первой необходимости, ведет, как правило, к снижению фертильности и уровня рождаемости. Недавно данную теорию сформулировали доктор Р. Пирл (1879–[1940]) и его сотрудники в ряде своих работ²⁸. Данный вывод был главным образом подтвержден экспериментами доктора Пирла с дрозофилой и домашними птицами. Домашние птицы в этом эксперименте содержались в группах по 50, 100 и 150 особей. Загоны, в которых они содержались, были сооружены таким образом, что в группах и по 50, и по 100 птиц было равное распределение площади по 4,8 квадратных футов на птицу. Прочие условия были также равны. Поэтому если бы случилась разница в количестве отложенных в каждой группе яиц на птицу, то это произошло бы исключительно из-за фактора размера группы (50 и 100 птиц). В группе из 150 птиц приходилось по 3,2 квадратных фута площади на птицу. Если бы в этой группе случилась разница в количестве яиц на птицу, то это произошло бы из-за фактора плотности и размера группы. Эксперимент продолжался в течение нескольких лет. Результаты следующие: среднегодовая яйценоскость в течение 1904–1907 гг.: для загона с 50 птицами – 129,69 на птицу, для загона со 100 птицами – 123,21, а для загона со 150 птицами – 111,68. Таким образом, результаты показывают, что сам фактор численности группы отрицательно влиял на плодовитость домашних птиц. То же самое влияние проявилось при увеличении плотности птиц в группе, как и различие в числе произведенных яиц в загонах для 50, 100 и 150 птиц²⁹. Аналогичные результаты показали эксперименты и с дрозофилой. Здесь также «уровень воспроизводства обратно пропорционален плотности»³⁰.

Похожие результаты получили и некоторые другие исследователи в экспериментах с головастиками (Бильски)³¹ и другими организмами.

²⁷ Journal of Royal Statistical Society. 1925, p. 542. См. также здравые суждения на эту тему Джорджа Х. Книббса в его статье «The Laws of Growth of a Population» (Journal of American Statistical Association, vol. XXI, XXII).

²⁸ См.: *Pearl R.* The Biology of Population Growth, ch. VI; там же см. другие ссылки.

²⁹ *Ibid.*, p. 141 ff.

³⁰ *Ibid.*, p. 133 ff. Обратите внимание на то, как проводились эксперименты, и на таблицы и диаграммы.

³¹ *Bilski F.* Über den Einfluss des Lebensraumes auf das Wachstum der Kaulquappen // Pflüger's Archiv. Bd. 188, S. 254–272.

Доктор Р. Пирл считает, что то же самое должно быть истинным и в отношении народонаселения. Однако невозможность проведения точного измерения его плотности делает чрезвычайно сложным доказательство этого правила. Пирл предпринял попытку проверить гипотезу на населении 132 американских городов посредством корреляции уровней рождаемости и численности и плотности их населения. Разными способами измеряя плотность, он обнаружил лишь очень слабую связь между уровнем рождаемости и плотностью населения, при которой коэффициент частичной корреляции (измеряемой количеством человек на акр) составляет $0,131 \pm 0,058$. На основании этого доктор Пирл приходит к выводу, что у изученного им городского населения «реальная нетто корреляция между уровнем рождаемости и плотностью носит тот же самый фундаментальный характер, который мы обнаружили у экспериментальных групп, состоящих из мух и куриц». Единственная разница заключается в том, что среди народонаселения влияние плотности на уровень рождаемости кажется менее очевидным, чем в случае с более низкими животными³². Доктор Пирл предвидит возможное возражение на свой вывод о хорошо известном факте, что плотность, измеряемая количеством человек на комнату, положительно коррелирует с уровнем рождаемости. Во многих городах районы с большей численностью людей на одно жилище имеют большее количество детей на семью, на 1 000 человек населения и на одну замужнюю женщину, чем районы с меньшей численностью людей на жилище или на комнату³³. Сам Пирл, сопоставив численность людей в жилище с уровнем рождаемости, установил коэффициент, или корреляцию, $0,456 \pm 0,046$, который намного выше, чем его предыдущий коэффициент, и имеет противоположное значение. Он, однако, объявляет эту корреляцию ложной. По его мнению, это объясняется физической и экономической невозможностью приобретения достаточного излишка жилья для новорожденных. Поэтому он называет данную корреляцию столь же фальшивой, как «чисто механическое следствие помещения большого количества новорожденных в массу контейнеров, сравнительно жестких и по количеству, и по размеру»³⁴. Несмотря на данное объяснение, сам факт, что среди народонаселения коэффициент негативной корреляции Пирла оказывается низким, что его метод измерения плотности количеством человек на один

³² Ibid., p. 153–155.

³³ Недавно тот же самый результат получил Т.Т. де Ястржебский (*Changes in the Birth-Rate ... in London // Journal of Royal Statistical Society. 1923, tables I–IV, p. 40–43*). Разделив население Лондона на 21 группу по количеству комнат на человека (от 0,65 до 1,41), он обнаружил, что уровень плодовитости в расчете на 1 000 замужних женщин, стандартизированный индекс плодовитости, «эффективная» фертильность^{7*} и общий коэффициент рождаемости снижаются по мере перехода от более «тесных» и плотно населенных к менее тесным и плотным районам.

³⁴ *Pearl. Op. cit., p. 155–157.*

акр весьма неточен³⁵ и вряд ли более адекватен, чем измерение количеством людей на комнату, что многие исследования (Д. Херона, Сноу, Пирсона, Джонсона и др.) обнаружили большую плодовитость семей, живущих в стесненных и сверхстесненных условиях, по сравнению с теми семьями, которые живут в не столь тесных домах, свидетельствует о том, что проблема влияния плотности или размера народонаселения на уровень его рождаемости все еще остается нерешенной. Даже исследование Пирла показывает, что это влияние в лучшем случае находится на грани ощутимого и неощутимого.

Плотность и рост населения. Естественный вывод из вышеприведенных исследований Р. Пирла и других ученых состоит в том, что численность и плотность населения в значительной степени определяют скорость его прироста. Другими словами, темп прироста населения является функцией численности и плотности самого населения. К этому сводится сущность так называемого логистического закона роста населения. Поскольку с ростом численности и плотности населения, живущего на ограниченной территории, уровень рождаемости падает, а уровень смертности растет, то в итоге получается, что с количественным ростом населения и его уплотнением темп его роста должен снижаться. Когда на данной ограниченной территории население достигает точки насыщения, его рост останавливается. Когда благодаря вновь открытым или завоеванным территориям происходит расширение населенной области, что приводит к меньшей плотности, рост населения может возобновиться и описать цикл, который он проходил раньше. Такова сущность «логистической теории» в ее упрощенной форме. Ее сформулировал по крайней мере 70 лет назад Ферхюльст (см. его работы). Позднее данный цикл в общих чертах описали несколько исследователей, в том числе и доктор Т.Г. Стивенсон (см. его статью в «Journal of Hygiene», 1904, April), и, наконец, его вновь открыл и усовершенствовал Р. Пирл со своими сотрудниками. В его собственной нематематической формулировке логистический закон прироста населения звучит так: «Процесс роста происходит циклично. За один и тот же цикл на пространственно ограниченной территории или универсума рост на первой стадии цикла начинается медленно, но абсолютное приращение за единицу времени непрерывно увеличивается, пока не достигается середина цикла. После чего приращение за единицу времени постоянно *снижается* вплоть до конца цикла. На территории пространственно ограниченного универсума величина роста, происходящего в течение любой конкретной единицы времени, на любой стадии цикла пропорциональна двум вещам, а именно: (а) абсолютному размеру, уже достигнутому в начале рассматриваемой единицы интервала, и (б) сумме все еще не использованных или не израсходованных

³⁵ Убедительную критику данного метода со стороны Боули см. в его уже цитированной статье (р. 516–517). Жесткую критику теории Пирла со стороны Дж. Книббса см. в: *Knibbs*. Op. cit., passim.

в данных универсуме или области фактических и потенциальных ресурсов для поддержки роста».

В (b) должно быть включено все, что может изменить объем предметов первой необходимости, потребляемых населением, например, изобретения, потенциальное развитие транспортных средств, ресурсы власти и т.д. Закон действует только на территории ограниченного универсума с постоянной величиной (b). Когда в жизнь входит новое изобретение, увеличивающее потенциал и фактические ресурсы населения, это нарушает границы универсума и дает начало циклу роста, который будет продолжаться до тех пор, пока неизменной будет оставаться величина (b). Другими словами, этот закон, как и многие другие научные законы, действует только при наличии указанных обстоятельств³⁶.

Р. Пирл, Дж.У. Юл (1871–[1951]) и некоторые другие статистики попытались сравнить реальное число и фактический темп роста населения в Англии, Соединенных Штатах Америки, Франции и некоторых других странах в XIX и XX вв. с числом и темпом роста согласно математической формуле «логистического закона». Результаты сравнений весьма близки друг другу³⁷. На основе той же самой формулы они вычислили будущий рост населения в различных странах, при условии, что размер (a) хорошо известен, а величина (b) остается постоянной. Наконец, исходя из того же самого закона, они пытаются объяснить движение населения, особенно тенденцию к снижению уровня рождаемости в западных странах. Суть их объяснения сводится к следующему: в течение XIX в. население стран Запада быстро росло, увеличиваясь в количестве и плотности, пока не приблизилось к пределу населенности на этой территории («точка перегиба» траектории). В силу чего его дальнейший рост, естественно, должен был замедлиться. Это могло произойти по причине или увеличения смертности, или снижения уровня рождаемости, или по обеим причинам. Благодаря прогрессу науки и другим факторам смертность в странах Запада уменьшалась, а не увеличивалась. Как замечает доктор Юл, «все это повело себя, как независимая переменная». Поэтому, согласно закону, должно было произойти снижение уровня рождаемости. Что в действительности и произошло. Следовательно, снижаясь, уровень рождаемости в странах Европы ведет себя согласно логистическому закону и еще раз подтверждает его достоверность³⁸.

Такова суть логистического закона увеличения населения, который рост населения рассматривает как функцию численности и плотности самого населения. Будучи, в сущности, улучшенным повторением законов Мальтуса, логисти-

³⁶ *Pearl*. Op. cit., p. 22. См. ch. I–III. См. также: *Yule*. Op. cit., passim.

³⁷ См. таблицы в: *Pearl*. Op. cit., ch. I–VI; *Studies in Human Biology*, passim и p. 567 ff.; *Bowley A.* Births and Population in Great Britain // *The Economic Journal*. 1924, p. 188–192; *Woolston H.B.* The Limits of American Population // *Social Forces*. 1925, September, p. 5–16.

³⁸ См.: *Yule*. Op. cit., passim; *Pearl*. *Studies in Human Biology*, passim; *The Biology of Population Growth*, passim.

ческий закон, вероятно, является одной из ценных научных формул, открытых после него в этой сфере. Он показал, что среди факторов, управляющих движением населения, количество и плотность населения должны рассматриваться в качестве одних из наиболее важных причин. Закон в значительной степени помогает нам в понимании сложных процессов колебания уровней смертности, рождаемости и темпов роста народонаселения. Короче говоря, его научная значимость вне сомнения. Это, однако, не означает, что этого закона достаточно для объяснения всех флуктуаций роста народонаселения или что он дает твердое основание для предсказания будущей тенденции и численности населения или хотя бы вполне удовлетворительно объясняет изменения в движении жизненно важных процессов. Во-первых, сравнение фактического и вычисленного темпов роста населения в различных странах в течение XIX в. выявило, как справедливо заметил Боули, значительное несоответствие – свыше одного миллиона в каждое десятилетие. Во-вторых, как далее отмечает Боули, «доказательство логистической формулы носит чисто эмпирический характер; нас просят ее принять, потому что она дает результаты, соответствующие данным того или иного народонаселения». Но с этой точки зрения есть несколько других формул, столь же подходящих для определения реального прироста населения, как и формула логистическая³⁹. В-третьих, прав, по-видимому, доктор Стивенсон⁴⁰, указывая на факт одновременной тенденции к снижению уровня рождаемости во многих европейских странах, население которых находится в разных фазах своего роста и на разных ступенях материально-технического развития. Таким образом, несмотря на такое различие, все эти страны обнаруживают аналогичное снижение уровня рождаемости, и это, видимо, происходит из-за каких-то других, а не «логистических» факторов. В-четвертых, поскольку закон достоверен лишь тогда, когда (b), по крайней мере, остается постоянным, любое изменение (b), будь то новое изобретение или какая-то чрезвычайная катастрофа типа большой войны, революция или эпидемия, подобная «Черной смерти» 1348 г.^{8*}, или что-то еще, – любое изменение (b) влечет за собой изменение лимита народонаселения и тем самым нарушает предсказание формулы⁴¹. С этими ограничениями научная ценность закона должна быть признана. Он помог нам найти правильное понимание корреляции между количеством и плотностью населения и темпом его роста. Однако его помощь намного меньше, чем уверяют нас его сторонники.

³⁹ См. замечания Боули в «Journal Royal Statistical Society» (1925, p. 76–80).

⁴⁰ См. критику Стивенсона в его цитируемой статье (Ibid., 1925, p. 69–75). Там же см. и критические замечания Бевериджа и Браунли, которые склонны объяснять снижение уровня рождаемости популяризацией контрацептивных средств, начавшейся в 1870 или 1880 г.

⁴¹ Данную точку зрения разделяет Г. Вульстон в цитированной статье; см. также критику закона Л. Айресом в New Republic (1926, January 13, vol. XLV, p. 223–224). Другие слабые места теории отмечены в цитированной статье Книббса, статьях А.Б. Вулфа в Quarterly Journal of Economics (vol. XLI) и Э. Круммеха в Journal de societe statistique de Paris (1927).

Таковы основные корреляции демографических факторов с жизненно важными процессами, которые выдвигаются разными исследователями.

4. Количество и плотность населения и миграция

Чтобы обеспечить свое существование, население по мере увеличения его плотности должно либо улучшить методы производства предметов первой необходимости, сделать их распределение более справедливым, получить дополнительные средства пропитания путем военного разграбления других обществ, мигрировать в другие менее населенные страны, либо, если эти цели реализовать не удастся, снизить уровень рождаемости и повысить уровень смертности с тем, чтобы уменьшить свою плотность. Далее мы увидим, что улучшение методов производства происходит не всегда. Мы также видели, что поставленная цель часто достигается мерами контроля над ростом народонаселения путем снижения уровня рождаемости или увеличения уровня смертности (логистический закон). Но опять-таки эту цель не всегда удается достичь в полной мере. Иногда решение находится в миграции излишка населения или военном разграблении других стран. Этим объясняется наличие связи между колебанием плотности населения и миграцией или военными действиями. На наличие подобной взаимосвязи указывал ряд исследователей. Что касается миграции, то соответствующие теории можно резюмировать следующим образом:

Первая теорема. В истории одного и того же общества периоды быстрого увеличения плотности населения сопровождаются увеличением эмиграции из страны и интенсивной колонизацией эмигрантами других территорий, в то время как периоды застоя или уменьшения плотности – уменьшением эмиграции из страны и иногда даже иммиграцией в нее из других мест.

Вторая теорема. Как правило, миграционный поток смещается из регионов с быстро увеличивающимся населением (или населением с большей рождаемостью) в те регионы, где рост населения замедлен⁴². Многие миграционные потоки происходили в соответствии с этими теоремами. История расширения Древнего Рима и Древней Греции и их колониальной активности показывает, что расширялись они наиболее интенсивно в периоды быстрого роста их населения. Ряд соответствующих явлений более поздних периодов также демонстрирует нечто подобное. Даже сейчас странами и регионами эмиграции являются те, что характеризуются относительно интенсивным уве-

⁴² См., например: *Gini C.* I fatten demografici dell'evoluzione delle nazioni. Torino, 1912, p. 34 ff.; *Hansen G.* Die Drei Bevölkerungsstufen. München, 1889, passim; также см.: *Haddon A.C.* The Wanderings of People. New York, 1912, p. 2 ff.; *Myres J.L.* The Causes of the Rise and Fall in the Population of the Ancient World // *Eugenic Review.* 1915, vol. VII.

личением населения, тогда как страны и регионы иммиграции – низкой рождаемостью и невысокой плотностью населения. Далее, миграция из сельской местности в города в значительной степени подтверждает вторую теорему, потому что, как правило, сельское население было более «плодовито», чем городское. Короче говоря, вероятно, эти два явления каким-то образом связаны друг с другом.

Но опять-таки не следует преувеличивать эту связь. Из того обстоятельства, что, как уже было сказано, бывают разные последствия (изобретения, война, миграция, снижение уровня рождаемости и увеличение смертности) тех состояний общества, к которым приводит рост плотности населения, следует, что вместо миграции может иметь место какое-нибудь другое следствие. Стало быть, увеличения мирной миграции может и не быть и, соответственно, корреляция может не реализоваться. С другой стороны, миграцию могут вызывать причины отнюдь не демографические, поскольку бывает, например, так называемая религиозная, политическая и иного рода миграция. В результате фактическая кривая миграции лишь частично совпадает с той, которая ожидается на основе демографической ситуации. Иными словами, корреляция осязаемая, но не жесткая⁴³.

⁴³ В противоположность авторам, которые переоценивают данную корреляцию, некоторые другие, как Карр-Саундерс, мне кажется, ее недооценивают. «Миграция не возникает там, где появляется перенаселенность», – заявляет он. С сожалением должен сказать, что все его рассуждение о проблеме носит довольно спекулятивный характер и что его туманное учение об идеях как о причинах миграции гораздо более ошибочно, чем даже односторонняя демографическая теория миграции. Из того факта, что одна только миграция не может быть столь эффективным средством, чтобы устранить любой возможный излишек населения, появляющийся в результате большой потенциальной плодовитости людей, еще не следует, что она не может уменьшить его хотя бы в какой-то степени. Мы, конечно, знаем ряд случаев, когда миграция решала эту задачу. Если учесть факт большой потенциальной плодовитости народонаселения, то миграция каждой сотни возможных прародителей в значительной степени помогала контролировать быстрое увеличение населения той или иной страны. Столь же ошибочно указание Карр-Саундерса на то, что миграция – явление редкое, возникающее лишь раз в столетия. Любой статистический анализ миграции из одной страны или из одной области страны в другую показывает, что поток миграции непрерывен и весьма значителен даже в нормальных условиях. Его идея относительно того, что жители перенаселенных обществ, как правило, не проявляют той энергии и инициативы, которой отличаются эмигранты, и что перенаселенные общества, следовательно, не могут порождать мигрантов, также не соответствует действительности. Не каждое перенаселенное общество отмечено в любой период своей истории «отсутствием надежды и духа предпринимательства». Противоположный тезис Джини и Карли насчет того, что величайший дух предпринимательства и инициативы обычно пробуждается в периоды быстрого роста населения, по-видимому, ближе к истине, чем утверждение Карр-Саундерса. С другой стороны, у такого быстро растущего общества, вероятно, больше энергичных и инициативных людей и больше стимулов, способствующих эмиграции. См.: *Carr-Saunders*. Op. cit., p. 291–304; *Gini*. Op. cit., p. 34–37, 48–53 и *passim*. Данные о непрерывной и повседневной миграции можно найти в книге: *Sorokin*. *Social Mobility*, ch. XVI.

5. Демографические условия и война

Многие авторы еще до Мальтуса считали демографический фактор одной из основных причин войны. Мальтус обобщил все эти теории и вывел «закон», согласно которому война выступает в качестве одного из эффективных способов сдерживания роста населения. С тех пор эта идея в самых разных формулировках стала вполне банальной. «Мировая война была, по сути, результатом того давления, которое за десять лет до нее начала оказывать на страны Европы проблема народонаселения»⁴⁴. Таков один из вариантов этой идеи. «Рост населения, порождающий стремление к экономической экспансии, является необходимой причиной войны» – вот другая формула корреляции между этими двумя явлениями⁴⁵. Нечто похожее утверждали А. Дикс, А. Вирт, фон Бернгарди, Д. Фриман, У.Г. Самнер, А.Г. Келлер и многие другие авторы. Многие исследователи объясняли ту же самую корреляцию более подробно. Аргументы, в сущности, укладываются в рамки теории Мальтуса. Одни авторы объясняют корреляцию нехваткой места под солнцем в результате роста населения, что приводит к необходимости расширения пространства с помощью войны. Другие заявляют, что несоответствие между населением и его средствами пропитания, как правило, ведет к войне⁴⁶. Третья группа авторов предлагает чуть более сложное объяснение. По их мнению, демографический фактор роста населения всегда является скрытой причиной войны, но как фактическая причина он подменяется другими: «Степень латентности этого фактора обратно пропорциональна степени политической организации общества». Чем более сложна последняя, тем более существенна роль экономических факторов и тем менее роль факторов демографических⁴⁷. Другие предлагают еще более сложную интерпретацию корреляции: периоды быстрого роста населения сопровождаются распространением империалистических взглядов и настроений. Это ведет к усилению экспансионистской тенденции, которая, в свою очередь, облегчает начало войны. Такова суть данной теории⁴⁸. Кривые движения численности населения и флуктуации империалистических настроений идут параллельно. «То, что скрытую причину войны следует искать в демографическом развитии, кажется очевидным»⁴⁹,

⁴⁴ *Dublin L.* The Statistician and the Population Problem // *Population Problems*, p. 3.

⁴⁵ *Cox H.* The Problem of Population. London: J. Cape Co., p. 72 и ch. III.

⁴⁶ Примеры подобного рода можно найти в цитированных книгах Э.М. Иста, Д.Х. Книббса, Новикова, Ваккаро; *Keynes J.M.* The Economic Consequences of the Peace. London, 1919, p. 215 ff.; *Rose H.* Origins of the War. Cambridge, 1914; *Nicolai.* Die Biologie des Krieges. 1919, S. 34 ff.; *Sumner W., Keller A.* The Science of Society. 1927, vol. I, p. 16, 42, 62 ff.

⁴⁷ *Gini C.* Fattori latenti delle guerre // *Rivista Italiana di Sociologia*. 1915, January-February.

⁴⁸ См.: *Carli F.* Op. cit., p. 289–303, 391–410, 600–603; *Maroi L.* I Fattori demografici del conflitto Europeo. Roma, 1919, passim.

⁴⁹ *Carli.* Op. cit., p. 392. «Lo sviluppo numerico della popolazione fu la causa primaria delle grande variante economiche e sociali del secolo che precedette la guerra mondiale»^{9*}. – Ibid., p. 431.

но связь эта состоит, особенно если речь идет о мировой войне, не столько в прямой ее обусловленности ростом населения, сколько в нарушении равновесия между демографическими, экономическими, психическими и политическими переменными во многих европейских странах. Беда была вызвана быстрым ростом европейского населения в XIX в., приведшим к нарушению равновесия между многими европейскими государствами, особенно между Англией, Германией и романскими странами⁵⁰.

Таким образом, как бы ни объяснялась эта корреляция, большинство мыслителей не сомневаются в ее существовании. Тем не менее некоторые авторы, например Карр-Саундерс, склоняются к тому, что перенаселенность не является причиной войны⁵¹. Однако наличие связи между ними вполне возможно. С другой стороны, необходимо признать, что приверженцы ее существования не дали удовлетворительного подтверждения своих теорий. Даже работы Джини, Карли и Марои, которые, по-видимому, являются лучшими в этой области, совсем неубедительны. Они перечисляют ряд исторических фактов, свидетельствующих о том, что периоды быстрого роста населения и крупных демографических потрясений обычно сопровождалась войнами⁵², но большая часть этих фактов взята из самых ранних периодов Греции и Рима, динамика населения которых практически неизвестна. Поэтому их утверждения являются скорее предположениями, чем фактическими подтверждениями. Другие факты, взятые из средневековой истории, – такого же рода, в том смысле, что выявляют только часть истины. Некоторые факты кажутся достоверными, но, к сожалению, им противоречат другие не менее определенные факты. Можем ли мы утверждать, что любое снижение плотности населения ведет к сокращению войны? Конечно, нет. Черная смерть 1348 г. значительно уменьшила население Европы (приблизительно на одну треть). Если бы гипотеза была верна, то следовало бы ожидать, что в после-

⁵⁰ Ibid., Libro IV, passim. См. также: *Maroi L. I Fattori demografici del conflitto Europeo*, passim.

⁵¹ *Carr-Saunders*. Op. cit., p. 305 ff. «Аргумент, что война вспыхивает из-за перенаселенности, разбивается о реальность», – пишет он. Тем не менее он не приводит практически никаких доводов в пользу своей теории. Его собственное объяснение причин войны – инстинктом драчливости и традициями – совершенно неудовлетворительно, поскольку существование такого инстинкта вызывает сомнение, но даже если он и существует, то нет никакого объяснения, почему он проявляется в форме войны лишь время от времени. Почему тот же самый инстинкт в одно время приводит к столкновению и войне, а в другое – к миру? Теория Карр-Саундерса не дает на этот вопрос никакого ответа. Его рассуждения о роли традиции и высокоорганизованного правительства столь туманны, что ничего не значат. Наконец, он сам признает роль войны в ликвидации части населения и, стало быть, вопреки своему утверждению признает наличие корреляции между движением демографических процессов и феноменом войны (см. p. 304–307).

⁵² См.: *Gini. I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni*, p. 35 ff., 48 ff.; *Carli*. Op. cit., p. 289–303, 391–410, 411–605.

дующие десятилетия войн в Европе станет меньше. Но такое ожидание совсем не подтверждается. Согласно исследованию Ф.А. Вудса и А. Бэлзли, число лет, на которые приходится войны во Франции и Англии, которые велись в 50-летний период с 1350 по 1400 г. или в 100-летний период с 1350 по 1450 г., ничуть не уменьшилось. Вот соответствующие показатели⁵³:

Страны	Количество лет, проведенных в войнах в течение каждого 50-летнего периода							
	1100–1150	1151–1200	1201–1250	1251–1300	1301–1350	1351–1400	1401–1450	1451–1500
Англия	38	16	19	17	39,5	25,5	38	19
Франция	26,5	10	31,5	17,5	18	25	35,5	17

Это один из многих случаев, когда резкое и значительное или незначительное и постепенное снижение плотности населения не сопровождалось уменьшением военных действий. По той же самой причине мы с полным правом можем утверждать, что не каждое быстрое увеличение населения сопровождается ростом войны. Население Европы быстро увеличивалось, особенно в течение XIX в. Это должно было бы привести к увеличению случаев войны, если бы теория была достоверной и универсальной. Действительность же совсем иная. Показатели, приведенные в нижеследующей таблице, могут это частично продемонстрировать⁵⁴.

Страны	Количество лет, проведенных в войнах в каждый 50-летний период							
	1500–1550	1551–1600	1601–1650	1651–1700	1701–1750	1751–1800	1801–1850	1851–1900
Австрия	36	39,5	40,5	33	29	19,5	7,5	6
Дания	22,5	10	21,5	9	11	1	10	5
Англия	16	38,5	17,5	26	29	26,5	26	27,5
Франция	29,5	31	24	22,5	25	25,5	18	17
Россия	42,5	36	18	39,5	29	20,5	35,5	17,5

Хотя число военных лет не вполне адекватный показатель сокращения или расширения военных действий, тем не менее это, наверное, один из лучших возможных критериев. Цифры показывают, что в вышеупомянутом веке, несмотря на чрезвычайно быстрое увеличение населения, количество военных лет не больше, чем в другие столетия. И в другие века кривые военных лет в этих странах не идут параллельно росту или снижению их населения. Этим показателям, которые можно подтвердить и другими данными, достаточно, чтобы поддержать следующий вывод: если корреляция и существует, то она не является абсолютно жесткой и гораздо сложнее, чем предполагают многие ученые, настаивающие на

⁵³ Woods F.A., Baltzly A. Is War Diminishing? Boston and New York., 1915, p. 43, 53.

⁵⁴ Ibid., p. 34, 39, 43, 53, 78. Там же см. показатели для некоторых других стран.

ее существовании. Здесь снова задача будущего изучения состоит в том, чтобы провести объективное количественное исследование, которое показало бы, при каких условиях и в какой степени корреляция между рассматриваемыми явлениями действительно существует (если существует). Несмотря на то, что исследования склонялись именно в это направление, необходимо приложить еще немало усилий, чтобы выяснить, как соотносятся между собой демографические и военные явления.

6. Демографические факторы и революция

На связь между этими двумя явлениями указывали многие мыслители прошлого. В настоящий момент систематическую теорию их взаимосвязи предлагает Ф. Карли. Суть ее такова: «Периоды интенсивной динамики демографических процессов являются также периодами огромных психических изменений», революций и внутренних катаклизмов⁵⁵. Наряду с быстрым увеличением или уменьшением населения важная роль в этом отношении принадлежит усилению дифференциации между различными классами одного и того же общества. Чем больше это расхождение и чем больше препятствий для восхождения талантливых людей из низших классов в более высокие, тем больше шансов для революции и внутреннего кризиса. Такова сущность теории Карли.

Корректна ли эта теория? Сильно сомневаюсь. Не всякое увеличение численности населения ведет к революции. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть историю Пруссии, Англии и России в течение XIX в. В этот период рост их населения, особенно в России, был чрезвычайно велик, и все же в этих странах не происходило никаких революций. С другой стороны, рост населения Франции в тот же самый период почти остановился. Он был меньше, чем в любой другой европейской стране, и все же это не помешало Франции в этот период пережить, по крайней мере, три революции (1830, 1848, 1870–1871 гг.). Опять же волна революций и беспорядков в Древней Греции и в Древнем Риме имела место не столько в периоды роста их населения, сколько во время депопуляции этих стран. Список подобных случаев легко продолжить. Они показывают, что увеличение или уменьшение населения не связано, по крайней мере непосредственно, с революцией. Более серьезным ее симптомом служат усиление дифференциации между высшими и низшими классами и интенсивность вертикальной циркуляции индивидов из нижних классов в высшие, и *vice versa*^{10*}. Но даже в этом случае ситуация куда сложнее, чем изображает ее Карли. Неверно, что чем более индивидам из низших классов открыт доступ в классы более высокие, тем меньше вероятность революции. Я рассматривал эту проблему

⁵⁵ *Carli. Op. cit.*, p. 218–219, 369–389.

в своей «Социальной мобильности»⁵⁶, и мои выводы, основанные на тщательном исследовании фактов, противоположны. Мобильные общества с интенсивной вертикальной циркуляцией не более стабильны, чем неподвижные, хотя и нет никакого общего правила. Относительно закрытые аристократии, когда они находятся в надлежащих условиях, существуют дольше, чем открытые аристократии. Важна не столько закрытость или открытость двери, ведущей в высшие классы, сколько характер аристократии и условия ее существования. Подтверждения, которые Карли приводит в пользу своей гипотезы, весьма немногочисленны и не проанализированы должным образом. Необходимо отметить, что европейские общества XIX в. были более мобильны и их высшие классы были более открыты, чем многие общества прошлого и общества восточные. Это, однако, не спасло европейские общества от ряда революций. Тогда как в обществах прошлого с наследственной аристократией, особенно восточных, революции случались реже, чем в «открытых» обществах Европы или в Древней Греции и Древнем Риме, с тех пор как их аристократия стала относительно «открытой». Не повторяя здесь другие данные, представленные в моей «Социальной мобильности», я все-таки не думаю, что теория Карли корректна. В ней только одна правильная мысль – вырождение высших классов есть положительный фактор революции, но это совершенно иной фактор, нежели демографические силы. Революция может произойти в неподвижном, так же как и в мобильном обществе, как с закрытой, так и с открытой аристократией⁵⁷. По этим причинам теория Карли относительно корреляции между рассмотренными явлениями должна быть оценена как весьма скоропалительная⁵⁸. Проблема не была серьезно изучена. Ее предстоит решать будущим социологам.

7. Демографические факторы и экономические явления

Численность и плотность населения и технология производства. М. Ковалевский (1851–1916), А. Кост, Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель, П. Мужоль, Э. Левассер, Э. Дюпреель, К. Джини, Ф. Карли, У. Самнер, А. Келлер и другие пытались выявить связь между этими двумя группами явлений. По их мнению, рост населения и последствия этого роста, увеличение его плотности способствовали улучшению технологий экономического производства и переходу от менее интенсивных форм производства к более интенсивным. Увеличивающаяся плотность делает методы производства, которые были весьма удовлетворительными

⁵⁶ См.: Sorokin. Social Mobility, ch. XXII.

⁵⁷ См.: Sorokin. The Sociology of Revolution, p. 397–413.

⁵⁸ Еще больше оснований сказать то же самое об интересной теории Дж. Феррари, разработанной им в книге «Teoria dei periodi politici» (Milano, 1874).

для менее плотного населения, недостаточными. Отсюда – растущее давление данного фактора. Он заставляет изобретать более эффективные методы производства, которые будут пригодны для удовлетворения потребностей увеличивающегося населения. Это ведет к изобретениям и через них – к улучшению технологии производства. С другой стороны, увеличившаяся плотность населения означает более интенсивный обмен опытом, который приводит к более быстрому накоплению знания и умственному прогрессу. Этим путем, согласно указанным теориям⁵⁹, общества прошли путь от стадии охотников и рыбаков и собирателей натуральных продуктов к стадии сельского хозяйства и животноводства и от примитивных методов сельского хозяйства и кустарного производства – к более совершенным технологиям мануфактуры и сельского хозяйства. Таким образом, вопреки экономической интерпретации истории, демографическая школа склонна рассматривать производство как функцию демографического фактора.

Вышеупомянутую корреляцию пытались установить разными способами. Либих, Ф. Ратцель и Э. Левассер указали, что между плотностью населения и технологией производства есть связь, однако не обозначили, что из них является причиной, а что – следствием. Согласно вычислению Ратцеля, для того чтобы организовать производство, способное обеспечить население средствами пропитания, на 1 000 квадратных километров должна быть следующая плотность населения:

Охотники и рыбаки (в разных регионах и на разных стадиях)	от 2 до 1 770
Кочующие скотоводы	1 770
Земледельческие народы (в разных регионах и на разных стадиях)	от 1 770 до 35 000
Народы с наиболее интенсивной технологией сельского хозяйства	177 000

Что касается плотности населения с высокоразвитой технологией и коммерцией, то, как показывают современные промышленные центры, в них последний показатель превышен во много раз⁶⁰.

М. Ковалевский (1851–1916) в ряде исторических и социологических работ⁶¹, основанных на исследовании экономического развития, пришел к выводу,

⁵⁹ См. данный аргумент у *Carli*. Op. cit., p. 145–183.

⁶⁰ См. также: *Levasseur E.* La répartition de la race humaine sur le globe terrestre // *Bulléтин Institut International Statistique*, vol. XVIII, 2e livr., p. 48–64; *Carli F.* L'equilibrio delle nazioni secondo la demografia applicate. Bologna: N. Zanichelli Co., 1919, p. 96 ff.

⁶¹ См.: *Ковалевский М.* Общинное землевладение. М., 1879, с. 6–7 и passim; Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт. Лондон, 1876; *Évolution du régime economic // Le devenir social.* 1896, June; *Die Ökonomische Entwicklung Europas.* Berlin, 1908 и все последующие тома, изданные позднее; на русском языке работа начала издаваться в 1898 г.; Современные социологи, с. 260 ff., 200 ff.

что одним из «основных двигателей экономического развития был рост населения». Согласно его теории «данный фактор был ответствен за переход от стадии охотников и рыболовов к земледелию и от примитивной системы сельского хозяйства – к более интенсивной с соответствующими изменениями в системе владения землей и земельной собственности... Тем же самым фактором обусловлен переход от мануфактур к машинофактурам и соответственно дальнейшая дифференциация обрабатывающей промышленности между двумя группами производителей: капиталистом-предпринимателем и пролетарием... Таким образом, наипростейший факт размножения человеческой породы вызвал... и разделение труда, и возникновение общественных групп, принимающих то форму каст, то сословий, то классов, а также порядок производства и порядок распределения»⁶².

Такова суть теории Ковалевского, которую он сформулировал и доказал задолго до того, как это сделали Кост, Дюркгейм, Мужоль и даже А. Лория⁶³. Подчеркивая важность данного фактора, Ковалевский, однако, беспощадно критикует всех, кто попытался отрицать существование и важность других факторов. Он – плюралист вполне определенного типа⁶⁴. Он высмеивает всех, кто «пытается рассматривать исторические процессы как простое уравнение с одним неизвестным». Для него проблема главного фактора является псевдопроблемой, к тому же неправильно сформулированной. В будущем она должна быть пересмотрена⁶⁵. Как мы увидим, Дюркгейм пришел к похожему выводу о том, что процесс разделения труда и экономического развития обусловлен ростом населения (см. главу о Дюркгейме).

Независимо от Ковалевского А. Лория в своей ранней работе о земельной ренте разработал теорию, очень похожую на теорию Ковалевского⁶⁶.

Кроме того, П. Мужоль и Ф.Г. Гиддингс выдвинули теорию, в которой также подчеркивается важная роль фактора роста и плотности населения⁶⁷. Сравнительно недавно Э. Дюпреель, с односторонностью Коста и без оговорок Ковалевского, не упоминая своих предшественников, заявил, что «социальный прогресс и цивилизация являются плодами роста численности населения»⁶⁸. Ф. Карли со

⁶² Ковалевский М. Современные социологи, с. 200–201^{11*}.

⁶³ Замечание Лория о своем приоритете см. в его книге «Il capitalismo e la scienza» (р. 251); Ковалевский отвечает ему в «Современных социологах» (с. 261).

⁶⁴ См.: Сорокин П. Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916): Сборник статей. Пг., 1917.

⁶⁵ Ковалевский М. Современные социологи, с. VII ff.

⁶⁶ Ковалевский разработал свою теорию тоже независимо от Лория тремя годами ранее. По этой причине намек Лория на то, что Ковалевский только повторил его теорию, является совершенно безосновательным.

⁶⁷ См.: Mougeolle P. Statique des civilisations. Paris, 1883; Giddings F.H. Principles of Sociology.

⁶⁸ Dupréel E. Les variations démographiques et le progrès // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922, May, p. 359–385.

своей стороны утверждает, что «более плотное население имеет более развитую технологию» и что «неплотно населенные общества не преуспевают в деле технических изобретений»⁶⁹. Есть и другие авторы, которые мимоходом или с развернутой аргументацией настаивают на важности фактора населения в развитии техники производства. Нет необходимости упоминать их имена, так как их утверждения мало что добавляют к вышесказанному.

Критика. Вышеупомянутые теории указывают на две причины, по которым рост численности и плотности населения влечет за собой интенсификацию методов производства: активизацию социального взаимодействия, способствующую более интенсивному обмену опытом, и увеличение потребностей. Это означает, что обе причины, если можно так выразиться, не коренятся в плотности и численности населения. Лишь по мере того, как увеличение плотности и численности населения сопровождается активизацией взаимодействия и усилением опасности голодания, они вынуждают демографический фактор способствовать усовершенствованию технологии производства. Можем ли мы сказать, что увеличение численности населения всегда и неизбежно ведет к росту человеческих знаний и увеличению дефицита продуктов питания? Иногда это так, а иногда и не приводит к подобным результатам. Для того чтобы мог осуществиться первый результат, необходимо, чтобы и *качество* взаимодействующих людей было на достаточной высоте. Тысячи идиотов могут находиться в самом активном контакте, и все же, вероятнее всего, кончится он только Бедламом^{12*}. Опять же, если у растущего по численности населения есть полная возможность удовлетворять свои потребности с помощью эмиграции, войны, разграбления соседей и т. д., не совершенствуя методов производства, как это было в прошлом у многих племен, то прогресса производства может и не быть. Более того, даже если нужда увеличивается, улучшения технологии производства может не последовать просто потому, что новые изобретения не всегда отвечают социальной потребности нуждающихся в них. Больному срочно необходимо эффективное лекарство, но часто его не оказывается, и человек умирает. Так же и здесь. Тысячи лет тысячи обществ терпели нищету, голод и другие лишения, и все же необходимые для облегчения этих бедствий изобретения не были сделаны. В большинстве случаев проблемы перенаселенности и нищеты решались не столько благодаря новым изобретениям, сколько посредством смерти от голода, детоубийства, вооруженного ограбления соседних народов, миграции, междоусобицы, войны, абортотворения и т. д. Будучи не в состоянии изобрести, люди «предпочитали» умереть⁷⁰.

⁶⁹ Carli. Op. cit., ch. V, p. 147–149.

⁷⁰ Мое исследование связи между голодом и изобретением новых источников пропитания показало, что если под влиянием голода (и перенаселенности) иногда и совершалось улучшение способов приобретения и производства предметов первой необходимости, то все

Сказанного достаточно, чтобы утверждать: если и существует связь между увеличением численности и плотности населения и прогрессом методов производства продуктов питания, то она не очень жесткая и неоднозначная. Если бы эта связь была однозначной, то следовало бы ожидать, что технология экономического производства будет выше и изобретений будет больше там, где больше численность и плотность населения. Но факты не соответствуют этому ожиданию. Если в конце XIX столетия средняя плотность на один квадратный километр в австралийской Виктории составляла 5 человек, Новом Южном Уэльсе – 1,4, Соединенных Штатах – 8, Канаде – 0,3, Новой Зеландии – 2, Финляндии – 7, Швеции – 12, Норвегии – 6, Дании – 55, Франции – 71, Швейцарии – 71, то в Бенгалии она была 182, северо-западных областях британской Индии – 169, Индии в целом – 61, Китае – от 60 до 94, Италии – 96 и т. д.⁷¹ Очевидно, у нас нет оснований считать, что первая группа стран с низкой плотностью населения имеет более примитивную систему технологии, промышленности или сельского хозяйства⁷². Более того, если бы рассматриваемая корреляция была жесткой, то в течение истории одной и той же страны методы экономического производства совершенствовались бы с каждым ростом плотности населения. Это ожидание в какой-то степени подтверждается⁷³, но исключения настолько многочисленны, что корреляция должна считаться весьма несовершенной. Кроме того, эта связь функционирует лишь в определенных границах; за их пределами вступает в действие закон убывающего плодородия, который, как правило, аннулирует потенциальные выгоды от усиленного давления нужды на население. Вот лишь несколько примеров из многих возможных. Сам Ковалевский указывает, что в Англии в период с VI по XVI в. не было никакого заметного усовершенствования технологии производства, однако ее население росло⁷⁴. Нельзя сказать, что население Римской империи было менее плотным во II в. н. э., чем в III и II вв. до н. э., и все же с методами производства и изобретениями во II в. н. э., особенно в конце его, дела обстояли гораздо хуже, по сравнению с предыдущим периодом. Более того, они стали ухудшаться все больше и больше, так что в конечном счете это вызвало депопуляцию, по крайней мере, некоторых частей

же чаще увеличивалась смертность, хотя иногда прибегали и к «профилактическим и репрессивным мерам». Если бы рост нищеты каждый раз сопровождался усовершенствованием производства продуктов питания, то народы, которые чаще всего голодали, оказывались бы и самыми изобретательными. В реальности, однако, факты не подтверждают подобных ожиданий. Подробный анализ этой проблемы см. в главе IV моей книги «Голод как фактор»^{13*}.

⁷¹ Von Mayr G. Op. cit., Bd. II, S. 48; *Levasseur*. La répartition, p. 52.

⁷² Это свидетельствует о том, что утверждение Карли, будто в индустриальных странах плотность населения больше, чем в странах аграрных, ошибочно. Нельзя согласиться с тем, что «la coesistenza delle due serie di fenomeni ha una regolarità di legge»^{14*} (*Carli*. Op. cit, p. 9 ff.).

⁷³ Факты см. в: *Carli*. Op. cit., ch. V.

⁷⁴ *Ковалевский М.* Современные социологи, с. 244–245.

Италии⁷⁵. Почитайте экономическую историю Китая. Несмотря на многочисленные волны прироста и убыли населения и несмотря на большую плотность, достигнутую уже в древние времена, его промышленная и сельскохозяйственная техника осталась практически на той же стадии, что была достигнута в те же давние столетия⁷⁶. Короче говоря, рассматриваемая корреляция во многих случаях ощутима, но имеет свои пределы⁷⁷, за которыми у многих народов никакое дальнейшее увеличение численности населения не влечет за собой усовершенствования техники; кроме того, существует так много исключений, что эту корреляцию нельзя рассматривать как жесткую и регулярную. Наконец, если бы корреляция была идеальной и не было бы никаких пределов, за которыми она переставала бы существовать, то не было бы никакой опасности перенаселенности и никакого несоответствия между средствами пропитания и ростом численности населения. Каждое увеличение населения обеспечило бы новые изобретения и соответствующее усовершенствование методов производства, и, таким образом, потребности были бы удовлетворены. Надо совсем уж не считаться ни с какими фактами истории человечества, чтобы поддержать подобную точку зрения. Бесчисленные случаи массового голода, всякого рода бедствий, экономического обнищания, миграций и т. д. свидетельствуют о том, что чаще всего рост населения не сопровождался подобными изобретениями и усовершенствованиями и что находились другие, менее приятные способы восстанавливать равновесие между потребностями населения и запасами его, нарушенное в результате перенаселенности⁷⁸. Вся мальтузианская литература и даже немальтузианские теории населения предоставляют богатейший материал, который это подтверждает⁷⁹.

⁷⁵ *Rostovtzeff*. The Social and Economic History of the Roman Empire, p. 166, 303–305; В. Симхович идет еще дальше и говорит, что развитие сельскохозяйственных методов производства в Риме представляет собой переход от интенсивной к экстенсивной системе. В древние времена 7 югеров земли было достаточно для содержания семьи землевладельца. Во времена Гракхов было необходимо 30 югеров, Цезаря – 66, Августа – 400. Такое попятное движение, если вывод Симховича, по крайней мере, хотя бы отчасти верен, происходило в период растущей численности и плотности римского населения. *Simkhovitch W. Rome's Fall Reconsidered // Political Science Quarterly*. 1916, p. 221.

⁷⁶ См. *Lee M.P.H.* The Economic History of China. New York, 1921, passim.

⁷⁷ Это признает и Карли; см.: *Carli*. Op. cit., p. 172, 177 ff.

⁷⁸ См. факты в: *Descamps P.* Comment les conditions de vie de sauvages influencent leur natalité // *Revue de l'Institut de Sociologie*. 1922, September; *Carr-Saunders*. Op. cit., ch. VII–XI.

⁷⁹ Теория оптимальной численности населения и возможность чрезмерного отклонения от этого оптимума не отрицается даже оппонентами Мальтуса. Не утверждают они и того, что каждое увеличение населения должно сопровождаться соответствующим усовершенствованием технологии производства. Они наглядно показывают, что как в прошлом, так и в настоящем наиболее частым способом восстановления «оптимального числа» было не усовершенствование технологии, а увеличение смертности, снижение рождаемости, детоубийства, аборты и т. д. Об этом см. теорию оптимальной численности населения: *Cannan E.* A History of the Theories of Production and Distribution. London, 1903, ch. V; *Nicholson J.Sh.* Principles of Political Economy. London, 1893, vol. I, p. 163 ff.; *Carli*. Op. cit.,

Данных соображений достаточно для того, чтобы утверждать: независимо даже от того факта, что численность и плотность населения сильно зависят от многих факторов, эти демографические силы, если принять их за «переменные», по-видимому, обнаруживают некоторую связь с изменениями в методах производства, но связь эта далека от того, чтобы быть тесной, общей или неограниченной. Это означает, что развитие технологии производства можно отнести на счет демографического фактора лишь отчасти. Мы не можем сказать, что один только этот фактор всегда необходим или достаточен для появления изобретений и улучшения методов производства.

Численность и плотность населения в связи с формами собственности и владения. Русские исследователи форм землевладения в России, такие как М. Ковалевский, А. Кауфман, Н. Огановский, К. Качоровский и др.⁸⁰, открыли, что существует связь между формами земельной собственности, или владения, и плотностью населения в разных регионах России. Если мы будем перемещаться из малонаселенной юго-восточной части (Сибирь и центрально-азиатские губернии) в более густонаселенные регионы центральной и северо-западной России, то обнаружим, что общинное землевладение все больше заменяется частным, или индивидуальным. Объясняется эта связь тем, что чем больше плотность населения, тем необходимее становятся более интенсивные методы ведения сельского хозяйства, а это лучше обеспечивает режим частной собственности и ничем не стесняемой личной инициативы, нежели режим общинного землевладения с его перераспределением земли, косностью и ограничением частной инициативы и прибыли. Этот факт может служить примером того, как плотность населения связана с формами экономической организации.

В России эта связь, хотя и не будучи совершенно строгой, довольно заметна⁸¹. Менее заметна она в других странах и в другие эпохи. Я плохой специалист по экономической истории форм земельной собственности, но, изучая экономическую историю Китая и чередование общинного (так называемой системы Цзин Тянь^{15*}) и частного землевладения, я не нашел никакой определенной кор-

р. 98 ff.; *Carr-Saunders*. Op. cit., p. 199 ff.; *Wolfe A.B.* The Optimum Size of Population // *Dublin's Population Problems*. Boston, 1926; цитированные работы Юлиуса Вольфа и Будге. Что касается промальтузианских теорий, то они описывают вышеупомянутые факты перенаселенности, ограниченной возможности усовершенствовать методы производства и прочие факты, когда, несмотря на увеличившуюся плотность населения, необходимого усовершенствования технологии не происходило. См.: *Thompson W.S.* Op. cit., passim и ch. IX–XI; *East E.M.* Mankind at the Crossroads. 1923; *Knibbs G.H.* The Problems of Population, Food Supply, and Migration // *Scientia*. 1919, vol. I, № XII; *The Mathematical Theory of Population* // *Census of the Commonwealth of Australia*. 1917.

⁸⁰ См.: *Ковалевский М.* Общинное землевладение; *Качоровский К.* Русская община; *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины.

⁸¹ Интересно отметить, что в 1917–1926 гг. численность населения на территории Советской России уменьшилась в сравнении с периодом до 1917 г., тем не менее размеры частного землевладения росли за счет общины, несмотря на коммунистический режим.

реляции. Чередование продолжалось все время, но без какой-либо связи с флуктуацией плотности населения⁸². То же самое, видимо, справедливо и в отношении форм землевладения Индии, насколько они нам известны. В течение почти тысячи лет (с V в. до н. э. по III и IV в. н. э.) плотность индийского населения, конечно, претерпевала значительные изменения. Тем не менее система общинного землевладения, по-видимому, преобладала на протяжении всего этого периода⁸³. Аналогичным образом и в Древнем Египте за его долгую историю плотность населения претерпевала серьезные изменения, но вплоть до эпохи Птолемеев «в Египте было только два типа землевладельцев – фараон и боги»⁸⁴. Сомневаюсь также, можно ли в эволюции форм землевладения Рима найти какую-либо реальную связь с плотностью населения, за исключением, может быть, последнего периода Западной Римской империи. Вернувшись к нашим временам, мы видим почти во всех странах Запада ту же самую доминирующую систему частного землевладения, несмотря на большую разницу в плотности их населения, колеблющуюся в пределах от 1–2 жителей до более чем 200 человек на километр. Если бы связь была тесной, такого быть не могло бы. С другой стороны, такие страны, как Индия или Китай, несмотря на значительную плотность, сохраняли общинное землевладение, в то время как в Норвегии, Швеции, Финляндии, Новой Зеландии и Австралии, несмотря на низкую плотность населения, оно практически отсутствует⁸⁵. Этих исключений достаточно, чтобы показать: даже если предполагаемая связь и существует, то она очень незначительна и носит далеко не всеобъемлющий характер.

Нет необходимости для тщательного исследования ряда иных корреляций между плотностью населения и другими экономическими факторами, выдвигаемых сторонниками демографической школы. Для общего представления об их сути я приведу следующую цитату Ковалевского, которая суммирует характер взаимосвязанных экономических явлений.

«В области экономической структуры эти изменения в густоте населения сказываются в замене непроизводительного рабского труда более производительным крепостным,.. наконец, свободным трудом, еще более производительным, в форме сперва оброчного, а затем фермерского. Массовое отпущение рабов на волю, эмансипация крестьян, производимая сперва отдельными помещиками,

⁸² См.: Lee M.P.H. Op. cit., passim; Chang Chen Huan. The Economic Principles of Confucius. New York, 1911, p. 119 ff., 332 ff., 497 ff.

⁸³ См.: The Cambridge History of India. New York, 1922, vol. I.

⁸⁴ Rostovtzeff. Op. cit., p. 262.

⁸⁵ К этому можно добавить, что таблица форм собственности среди различных охотничьих, скотоводческих и сельскохозяйственных народов, приведенная в главе об экономической школе (см. далее), также не подтверждает рассматриваемую нами корреляцию, несмотря на то, что, переходя от самых низкоразвитых охотников к самым высокоразвитым аграрным народам, мы переходим от обществ с самой низкой плотностью населения к обществам наиболее густо населенным.

а затем правительствами городов-республик и государств-наций,.. становятся возможными, благодаря неизбежному возрастанию ренты как последствия большей густоты населения... Параллельно этим изменениям в области земледелия и землевладения происходят перемены в индустрии и обмене, а также в организации промышленного и торгового класса. Из рук рабов и крепостных... промышленность переходит одновременно в руки сельских кустарей и городских мастеров, причем последние с целью ограничить конкуренцию первых устраиваются в замкнутые для них корпорации... Этой эволюции промышленной и торговой деятельности соответствует процесс общественной дифференциации в пределах поместья-села или поместья-города, образования рынков и ярмарок, обособление городского хозяйства» и т. д.⁸⁶

Таково краткое резюме наиболее важных экономических и социальных последствий роста населения, которые описал Ковалевский в одиннадцати томах своего исследования «Die Ökonomische Entwicklung Europas». Из цитаты мы видим, что рассматриваемые связи очень существенны, и роль, приписываемая росту населения, действительно значительна. Я думаю, что в этих рассуждениях содержится лишь часть истины, причем часть эта определяется весьма расплывчато. Серьезное статистическое, историческое и логическое исследование данных связей, вероятно, объявило бы многие из них сомнительными, некоторые – ошибочными, а часть, если можно так выразиться, – имеющими локальное значение. Как я уже говорил, у меня нет необходимости проверять эти утверждения, но я уверен, что подобная проверка привела бы к вышеизложенным выводам. С соответствующими поправками то же самое, по-видимому, можно сказать и о других корреляциях в этой области.

Связь демографических факторов и экономического процветания. В этой сфере особенно много теорий, пытающихся сформулировать ряд четких корреляций между прогрессом промышленности, торговли, уровнем жизни и экономическим благосостоянием, с одной стороны, и ростом или снижением плотности населения – с другой. В прошлом, равно как и в настоящем, эти теории чаще всего противостоят друг другу. Согласно одной группе теоретиков, представленных Мальтусом и мальтузианцами, увеличение плотности населения ведет к перенаселенности и негативно влияет на благосостояние общества. По этой причине они отрицательно относятся к росту населения и, особенно в наше время, одобряют контроль над рождаемостью как удобное средство контроля над приростом населения. Обычно подобные теории приходят преимущественно из стран со значительной плотностью и быстрым ростом населения⁸⁷. Дру-

⁸⁶ Ковалевский М. Современные социологи, с. 245–246.

⁸⁷ Примерами теорий подобного типа могут служить указанные книги Иста, Томпсона, Самнера-Келлера (vol. I, p. 42, 62 ff.) и Дж. Суини. См. также: Cox H. The Problem of Population. London, 1922. Автор даже предлагает (см. ch. III) основать «Лигу Наций с низким уровнем рождаемости» (League of Low Birth-Rate Nations).

гая группа таких теорий, более типичных для прошлого и в настоящий момент поддерживаемых преимущественно во Франции, страдающей от депопуляции, отстаивает совершенно противоположное представление о благотворном влиянии роста населения на экономическое развитие и благосостояние страны⁸⁸. Наконец, третья группа теорий занимает промежуточную позицию, выраженную в их несколько неопределенной концепции *оптимальной численности населения* для данных условий⁸⁹. Когда численность и плотность населения находятся в оптимальной точке, экономические влияния подобной ситуации являются наилучшими в данных обстоятельствах. Когда происходит отклонение от оптимальной точки в виде перенаселенности или недонаселенности, последствия носят негативный характер.

Таким образом, все эти теории явно или неявно утверждают, что существует связь между рассматриваемыми демографическими факторами и экономическим благосостоянием общества. Какая из этих теорий корректна? Во-первых, сам факт существования таких противоположных теорий заставляет сомневаться в их правильности. Во-вторых, исторические и статистические данные не подтверждают в полной мере ни одну из них, к какому бы из крайних типов она ни относилась. Действительно, можно утверждать, что во многих случаях снижение численности и плотности населения способствует росту экономического благосостояния. Например, согласно Э. Мейеру в Древней Греции во II в. до н. э. была значительная депопуляция и в то же время наблюдалось увеличение материального благосостояния уменьшившегося населения⁹⁰. Ф. Куршман в своем исследовании голода в Средние века также заявляет, что часто после значительного сокращения численности населения в голодных областях (в результате большой смертности, снижения уровня рождаемости, эмиграции из таких районов и т. д.) благосостояние тех, кто выжил, значительно возросло⁹¹. Д'Авенель на основе своего классического исследования собственности, доходов, заработной платы и цен во Франции с 1200 по 1800 г. заявляет также, что колебание реальных доходов трудовых классов в течение шести веков не зависело от политического режима, гильдий, корпораций и союзов или цен; динамика их благосостояния целиком определялась законом спроса и предложения. Заработная плата повышалась в периоды уменьшения населения и наступавшей вследствие этого нехватки трудовых ресурсов и понижалась в периоды быстрого увеличе-

⁸⁸ Типичные примеры данных теорий представлены в упомянутой книге П. Леруа-Болье и особенно в работе: *Bertillon J. La dépopulation de la France. Paris, 1911*. Недавно и в Америке появилось течение мысли, примыкающее к этому типу теорий. Оно представлено последними работами Л. Даблина. См. его статью в «Population Problems», 1926.

⁸⁹ Упомянутые работы Карп-Саундерса, А.Б. Вулфа, Будге, Николсона и Кэннона.

⁹⁰ *Meyer E. Die Bevölkerung des Altertums // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3d ed., Bd. II.*

⁹¹ *Curschmann F. Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900, S. 41–47.*

ния населения и избытка ресурсов. Только вмешательство науки в виде нового прибыльного изобретения могло иногда уравновесить тенденцию к снижению реальной заработной платы, вызванную приростом населения⁹². М. Ковалевский со своей стороны показал, что одним из результатов Черной чумы 1348 г., уменьшившей население Западной Европы приблизительно на одну треть, был ряд экономических и социальных выгод для трудящихся и несвободных классов⁹³. Аналогичным образом многие крупные опустошения в Китае сопровождались сравнительным улучшением материального благосостояния выжившего населения⁹⁴. Эти и другие подобные факты, как нам кажется, подтверждают точность промальтузианских теорий, и все же бывают случаи, когда уменьшение населения влечет за собой последствия противоположного характера. Первым примером служит поздний период римской истории. После III в. н. э. в Италии и в некоторых других провинциях Римской империи происходил процесс депопуляции. Он, однако, не сопровождался улучшением, а значительно ухудшил экономическую ситуацию Рима и благосостояние его населения.

«Депопуляция... стала теперь главной особенностью жизни Империи. ... В результате ее общая производительность постоянно снижалась. Все больше и больше участков земли оказывалось заброшенными. Обмен товарами становился все более нерегулярным. ...Отсюда частое возникновение голода и упадок производства. Никакие частичные меры не могли противостоять этому прогрессирующему упадку»⁹⁵.

Другой пример – современная Франция. Как мы знаем, ее население почти не увеличивалось на протяжении XIX и XX вв. Если бы рассматриваемая нами теория была верна, то следовало бы ожидать, что экономическое положение ее населения будет гораздо лучше, чем у населения других европейских стран, которое в тот период быстро росло. К такому выводу действительно приходили некоторые авторы⁹⁶. Тем не менее весьма компетентные французские исследователи указывают, что в реальности состояние дел было совсем иным. Помимо многих неэкономических пагубных явлений в области чисто экономической, недостаточный рост французского населения имел такие последствия: более медленный темп роста национального богатства, чем в других странах, с быстрее увеличивающимся населением и более медленное увеличение зарплат и благосостояния

⁹² *d'Avenel G. Découvertes d'histoire sociale. Paris, 1910, p. 8, 148–149, 155, 209, 230 и passim.*

⁹³ См.: *Kovalevsky. Die Ökonomische Entwicklung Europas. Berlin, 1911, Bd. V, Kap. V–XII. «Согласно закону спроса и предложения трудовая заработная плата должна увеличиваться пропорционально уменьшению населения, что и происходило во всех странах Западной Европы, потому что количество населения уменьшилось» (S. 274).*

⁹⁴ См.: *Lee M. Op. cit., passim.*

⁹⁵ *Rostovtzeff M.J. Op. cit., p. 424–425.*

⁹⁶ *Thompson W.A. Op. cit., p. 156 ff.*

населения, – короче говоря, имел последствия, противоположные ожидаемым. Иллюстрирует это следующая таблица⁹⁷.

Страны	Население (млн)		Национальное благосостояние (млрд)	
	1815	1914	1815	1914
Германия	24	68	35–40	400
Франция	29	39	80	295
Англия	18	45	45,5	450

Более того, если бы теория была верна, то мы могли бы ожидать, что страны с низкой плотностью населения будут обязательно иметь большее экономическое благосостояние, чем страны с более высокой его плотностью. Но опять факты не подтверждают такого ожидания. В странах с относительно низкой плотностью мы находим низкий (Россия) и высокий показатель экономического благосостояния (Соединенные Штаты Америки, Новая Зеландия, Австралия). То же верно и в отношении других стран с высокой плотностью населения (Бельгия, Англия, с одной стороны, и – по контрасту с ними – многие провинции Индии и Китая, с другой).

Не упоминая о других подобных случаях, на основании вышесказанного можно заключить, что абсолютное или относительное уменьшение плотности населения не всегда и не везде сопровождается положительным влиянием на экономическое благосостояние общества. Это означает, во-первых, что корреляция между этими двумя явлениями гораздо более сложная и менее тесная, чем уверяют нас сторонники данного вида теорий. Во-вторых, флуктуация процветания или обнищания общества не может быть отнесена на счет только лишь колебания численности и плотности населения. В-третьих, корреляция изучена недостаточно. Чтобы развеять неясности, сторонники данных теорий должны точно указать, при каких условиях, каким образом и в какой степени уменьшение плотности населения может иметь положительное влияние и когда, при каких условиях и до каких пределов оно начинает оказывать влияние отрицательное.

С еще большим основанием все вышесказанное можно отнести к теориям противоположного типа с их девизом «Каждый рот Бог снабжает парой рук», и чем больше население, тем лучше экономическое благосостояние общества. Я уже высказал некоторые соображения о неадекватности такого рода теории. Многочисленные расчеты, которые производили демографы (Р. Пирл, Дж.Х. Книббс, Э.М. Ист, Дж. Суини и др.), показывают, что если при существующем темпе роста населения в течение жизни нескольких поколений не будет сделано чудодейственное изобретение, то земля будет перенаселена, и вслед за

⁹⁷ *Gini C.* Ammontare e composizione della ricchezza delle nazioni. Torino, 1914, p. 553. См. также: *Bertillon.* La dépopulation de la France, p. 9–61.

тем можно будет ожидать снижения уровня жизни⁹⁸. Слишком очевидны исторические свидетельства экономической нищеты многих «перенаселенных» стран, чтобы мы могли позволить себе поддержать тезис обсуждаемой оптимистической теории. В некоторых случаях рост плотности населения сопровождался ростом экономического благосостояния, но в еще более многочисленных случаях он имел совершенно противоположный результат. Поэтому мы должны сделать тот же самый вывод в отношении данных теорий, который сделали и в отношении противоположных гипотез.

Таким образом, мы должны заключить, что теории, имеющие дело с оптимальным числом населения, ближе к истине. Чем значительнее население отклоняется от оптимальной численности, т. е. чем его больше или меньше, тем негативнее будут последствия этого отклонения для экономического благосостояния. Чем ближе численность к оптимуму, тем лучше будут экономические последствия. Но, к сожалению, теории не говорят конкретно, какова эта «оптимальная численность населения». Их ответ является скорее порочным логическим кругом: «Оптимальная численность населения есть оптимальная численность, которая меняется в зависимости от времени и от общества»⁹⁹. Некоторые другие авторы, такие как Карр-Саундерс, идут настолько далеко, что заявляют: «Фактически при любых обстоятельствах всегда будет оптимальная численность»¹⁰⁰. Но согласно тому же автору она почти всегда нарушается или перенаселенностью, или недонаселенностью. Таким образом, даже эта группа теорий далека от того, чтобы быть удовлетворительной.

Подводя итог этого краткого анализа, мы должны сделать вывод о том, что корреляция между флуктуацией плотности населения данного общества и его экономическим благосостоянием, скорее всего, существует, но мы пока еще не знаем точно, какова эта взаимосвязь. Она, по-видимому, гораздо сложнее и не такая тесная, как утверждают эти теории. Задача будущего – узнать, когда, при каких условиях и до какой степени увеличение или уменьшение плотности населения способствует увеличению или уменьшению его экономического благосостояния и какой должна быть оптимальная численность населения для того или иного общества. В настоящий момент мы все еще знаем очень мало в этой области.

⁹⁸ См.: *Knibbs G.H.* The Mathematical Theory of Population, p. 453; *East E.M.* Op. cit., ch. IV, VI; *Pearl R.* The Population Problem // *Geographical Review*. 1922, № 4.

⁹⁹ Это все, что предлагает теория «оптимальной численности» Кэннона, Николсона, Вольфа и некоторых других.

¹⁰⁰ *Carr-Saunders*. Op. cit., p. 200 ff. Справедливые критические замечания, которые высказываются в адрес «оптимальной численности» Карр-Саундерса, см. в: *Wolfe A.B.* Op. cit., p. 68, note.

8. Корреляция численности и плотности населения с формами социальной организации

Существует несколько теорий, пытающихся продемонстрировать, что демографические факторы обуславливают формы социальной и политической организации. А priori можно предвидеть, что семья и формы брака, политические и социальные режимы будут отличаться, если на территории размером Соединенных Штатов будет население в 10 000 или же в 100 000 000 человек. Но точно указать, каким будет это отличие и каким оно было бы, не будь контраст в численности и плотности населения столь огромен, как в данном случае, остается задачей неразрешимой. Рассмотрим несколько теорий, пытающихся разъяснить некоторые подобного рода случаи.

Связь демографических факторов с социальной дифференциацией, стратификацией и сегрегацией. Вполне очевидно, что дифференциация населения на городские и сельские группы, различные слои, классы, касты и т. д. в значительной степени зависит от роста населения. Если размер и плотность населения увеличиваются, вышеупомянутые формы социальной дифференциации также прогрессируют. Первое явление показывает история городов, второе – ряд исследований, таких, например, как исследование социального разделения труда Дюркгейма. Отмечая наличие связи, необходимо вместе с тем указать, что она не настолько тесная, чтобы не было никаких исключений или отклонений. Размер городов, так же как и процентное соотношение городского и сельского населения, лишь отдаленно зависит от численности населения страны. Об этом свидетельствует тот факт, что среди стран с небольшим количеством населения есть страны и с низким, и с высоким процентом городского населения (например, Бельгия, Финляндия, Корея). В этих странах есть как крупные, так и небольшие города. То же самое можно сказать и о странах со значительным населением (ср. Китай, Россию и Соединенные Штаты). Это означает, что степень урбанизации страны является функцией не только и, возможно, не столько демографических, сколько ряда других факторов. То же самое справедливо и в отношении характера и степени разделения труда и социальной дифференциации. Китай – страна более густо населенная и с более многочисленным населением, чем Соединенные Штаты, и все же техническое разделение труда в Китае менее развито, чем в Америке или в других странах с более низкой плотностью и меньшим населением. То же самое верно и в отношении социальной дифференциации. Существуют большие и плотно населенные общества с кастовой системой и без нее (Индия, Китай, Россия, США). Существуют плотно населенные общества с наследственным дворянством и без него (Бельгия, многие провинции Индии, Германия). То же самое

верно и в отношении небольших стран и стран с низкой плотностью населения. Данных примеров достаточно для доказательства того, что корреляция между обсуждаемыми явлениями не идеальна, знает много исключений и менее тесна, чем уверяют нас ее сторонники¹⁰¹.

Таким образом, даже эти фундаментальные формы общественной организации, стратификации и дифференциации лишь в какой-то степени взаимосвязаны с демографическими факторами. Еще меньше вероятность найти сколь-нибудь заметную связь между демографическими факторами и другими менее фундаментальными характеристиками социальной организации и институтов. Рассмотрим один или два примера, чтобы убедиться, соответствует ли это истине.

Связь между демографическими факторами и формами семьи. Одну из лучших теорий связи между формами семьи и брака и демографическими факторами разработал Дж. Маццарелла при описании экзогамии, полигамии^{16*} и «амбилианской» формы брака, при которой муж входит в семью своей жены и занимает в ней рабское и подчиненное положение^{17*}. Маццарелла показал, что такие формы брака типичны для самых низов примитивных народов и что они регулярно сопровождаются экзогамией, полигамией, матрилинейной системой-наследования^{18*} и отсутствием социальной стратификации (или «gentilisme», по его терминологии). Какие факторы ответственны за такой тип семьи, брака и социальной структуры? Маццарелла в своем исследовании приводит к выводу, что ни географические, ни расовые, ни политические, ни экономические, ни религиозные факторы не могут влиять на них непосредственно, поскольку такая система обнаруживается у народов, отличающихся друг от друга во всех этих отношениях. Его анализ показывает далее, что обсуждаемые характеристики семьи, брака и социальной организации прослеживаются у народов, которые (а) живут в регионе с неограниченными потенциальными экономическими ресурсами, (б) однако для их использования и сохранения требуется большой человеческий труд, особенно труд взрослых мужчин, хотя (с) это, как правило, группы небольшого размера с нехваткой взрослых мужчин (недонаселенные, согласно теории «оптимальной численности»). Отсюда Маццарелла делает вывод: «Экзогамия, полигамия и формы амбилианского брака являются признаками численной слабости (недонаселенности) социальной группы и проявлением ее потребности в росте населения (особенно взрослых мужчин) путем пополнения мужчинами из других социальных агрегатов». Согласно

¹⁰¹ Вышесказанное показывает односторонность теорий Коста, Ковалевского, Карли и Дюркгейма, рассматривающих урбанизацию, социальное разделение труда и социальную дифференциацию как функции от одной только численности и плотности населения или почти одной. Таблица форм правления среди примитивных народов, приведенная в главе об экономической школе (см. далее), лишь подтверждает то, что я сказал ранее.

Маццарелле, данная гипотеза соответствует фактам и объясняет много деталей амбилианской и экзогамной форм семьи и брака¹⁰². Таким образом, согласно автору, эти формы семьи и социальной организации находятся в тесной связи с численностью и плотностью населения. Это означает, что они в значительной степени являются функцией демографических переменных. Я должен признать, что, в отличие от очень многих работ по этнологии, работы Маццареллы лишены поспешных обобщений, сделанных «методом иллюстрации», и небрежности в ходе научного анализа, что обычно делает эти работы бесполезными с научной точки зрения. Я также склонен думать, что в обобщении Маццареллы есть некий момент истины с научной точки зрения. Но, с другой стороны, обобщение заходит слишком далеко. Исследования Хобхауса, Уилера и Гинсберга показали, что полигамия, высокое положение женщин и наследование по материнской линии обнаружены у народов с разной численностью населения, разными формами стратификации, живущих в разной природной среде¹⁰³. Среди экзогамных народов есть такие, которые живут в плохой окружающей среде, у которых патрилинейная система наследования^{19*} и которые практикуют различные методы контроля за численностью населения¹⁰⁴. Данные факты не согласуются с гипотезой. С другой стороны, мы не можем сказать, что все народы, практикующие, чтобы жена жила в семье своего мужа и становилась бы «*filiae loci*»^{20*} для главы семьи мужа (*pater familias*^{21*}) или переходила в полное подчинение к своему мужу (*manus mariti* и браки *cum manu*^{22*}), живут в плохой географической среде, или у них нет необходимости прикладывать значительный труд для получения средств пропитания, или что они всегда перенаселены. Среди населения Европы и Америки в XIX в. были общества с самым разнообразным удельным весом и количеством населения, но у всех были очень похожие системы семьи и брака. В истории семьи и брачных отношений в Риме, Греции, Европе и Соединенных Штатах на более поздних стадиях, когда плотность и численность этих обществ увеличивались, не наблюдалось ни дальнейшего порабощения жены мужем, ни увеличения *manus mariti*, как следовало бы ожидать согласно теории, а происходили скорее эмансипация женщин и ослабление власти мужа. Этих противоречий достаточно, чтобы показать недостатки теории и ее обобщений.

¹⁰² *Mozzarella J.* Les types sociaux et le Droit. Paris, 1908, p. 178 ff., 282–312; *Studi di etnologia guiridica*. Catania, 1903, passim.

¹⁰³ См. таблицу в главе об экономической школе.

¹⁰⁴ Исследование экзогамных народов с этой точки зрения см. в: *Westermarck*. History of Human Marriage (глава об экзогамии). Исследование народов, у которых практикуются детоубийство, аборты, питье различных отваров, табуирование полового акта, отсрочка брака, членовредительство и другие методы уменьшения роста населения, см. в: *Carr-Saunders*. Op. cit., ch. VII–XI.

9. Связь между демографическими факторами и формами политических и социальных институтов

В антропологической, исторической и социологической литературе есть несколько теорий, которые пытаются рассматривать различные политические режимы (такие как деспотизм, демократия, монархия и республика) и социальные институты (рабство, крепостничество, свободные классы, феодализм, «общество равноправия» и т. д.) главным образом как функцию количества и плотности населения. Соответственно, принципиальные изменения в этих областях рассматриваются в связи с изменениями демографических условий. Вышеприведенные теории Коста и Ковалевского могут служить примерами подобного рода гипотез. Поскольку я ограничен объемом книги, можно только сказать, что если их изучить на манер вышеприведенного анализа Маццареллы и других авторов, то достоверность данных гипотез окажется незначительной. Смысл большей части из них настолько расплывчат, что из-за одной только этой расплывчатости их следовало бы оставить за пределами науки. Другая их часть, в том числе теория социальной эволюции Коста (см. выше), весьма «симпатичны» и «приятны» с точки зрения наших желаний (они не противоречат тому, что мы, согласно «закону социальной эволюции», движемся к идеальному раю, где будет абсолютная свобода, равенство и братство), и все же они представляют собой не что иное, как своего рода новую «теологию», в которой устаревшее благодатное Провидение вытесняется «законом благодатной эволюции или прогресса». Это единственное различие между старой и этой новой теологией. Блаженны верующие! Но для тех, кто ищет серьезно доказанную теорию, «закон» Коста и сотни других «симпатичных» теорий – не что иное, как научный «вздор», на каждом шагу противоречащий упрямым фактам. На чем, например, он основывает свое утверждение, что на «стадии торговых городов» царили абсолютизм семьи и главенство, опирающееся исключительно на право рождения? На беллетристике – не более того. Нужно лишь немного изучить факты, чтобы увидеть, что реальная ситуация была гораздо более сложной и совсем иной. На что опирается его утверждение, что с приближением к стадии федерации начинается также верховенство интеллекта и свободных ассоциаций? Тоже ни на что, кроме желания. Если бы я верил в какой-нибудь линейный закон эволюции, я бы полностью перевернул его теорию и попытался показать, что на примитивных стадиях интеллект и свободные ассоциации играли большую роль, чем на последней – федеративной. Но я не верю ни в тот, ни в другой принцип, поэтому просто заявляю, что оба «закона» – «псевдозакон»¹⁰⁵. Изучите в истории какой-либо страны (особенно долго существующего общества) чередование монархии и республики, подъем

¹⁰⁵ См. факты в моей «Social Mobility», passim. См. также: *Fahlbeck P.E.* Die Klassen und die Gesellschaft. Jena: G. Fischer, 1923.

и упадок деспотизма, введение и ликвидацию избирательной системы, а затем сопоставьте данные изменения с флуктуацией численности и плотности населения, и результат едва ли покажет какую-нибудь связь между ними. Исследуйте распределение различных политических режимов или конкретных типов социальных институтов в различных современных обществах, затем сравните их с количеством и плотностью населения этих стран, и результатом, скорее всего, снова будет ноль. Короче говоря, если и существует связь между демографическими факторами и формами социальной и политической организации (что сомнительно), то она столь отдаленна, столь запутанна и так сильно замаскирована вмешательством других факторов, что мы должны рассматривать ее как потенциальную или неосязаемую, а не как фактическую. Во всяком случае, только будущее может ее установить. Существующие теории, за самым малым, пожалуй, исключением, в счет не идут. А что касается этих исключений, то я упомянул бы лишь один тип связи, представляющийся мне более или менее достоверным. Это утверждение, согласно которому с увеличением численности и плотности населения его социальная дифференциация, какими бы ни были ее форма и техническое разделение труда, вероятно, также увеличится (см. теорию Дюркгейма, которая анализируется ниже). Но, как мы видели, даже эта широкая корреляция далеко не всегда бывает жесткой, и линии обоих процессов не всегда идут параллельно. Траектория социальной дифференциации часто следует отдельно, иногда даже в противоположном направлении от кривой плотности и размера населения, в то время как их точки максимума и минимума или точки пересечения в их циклах довольно часто не совпадают. Короче говоря, существует малозаметная, но совсем не жесткая связь. Интересно бы знать, имеется, кроме этой связи, какая-нибудь еще достоверная корреляция среди сотен «псевдокорреляций», которыми обильно снабжают нас разные «социологические законодатели»?

10. Связь численности и плотности населения с изобретательностью и гениальностью

Когда мы рассматривали связь между демографическими факторами и прогрессом технических изобретений, я отметил основные причины появления гипотезы, согласно которой увеличение плотности и численности населения должно способствовать усовершенствованию технологии производства. По аналогичным причинам значительное число авторов убеждены, что увеличение плотности и численности населения, как правило, ускоряет прогресс умственной активности и увеличивает количество гениальных и талантливых людей. Подобного рода теории разрабатывали А. Декандоль, А. Кост, Маккин Кеттелл,

С. Вишер, П. Якоби, А. Один, Дж.Р. Дэвис, Ф. Маас и другие¹⁰⁶. Основной логический аргумент в пользу такого рода теории состоит в статистическом открытии, согласно которому города производят больше таких людей, чем деревня, и плотно населенные районы больше, чем менее населенные. Вот несколько цифр, которые могут проиллюстрировать полученные результаты. Согласно С. Вишеру, в Америке на каждые 10 000 населения определенной категории знаменитости, упомянутые в справочнике «Who's Who» (1922–1923), родились в разных местностях: на ферме – 1; в деревне (до 8 000) – 8,5; в небольшом городе (8 000–50 000) – 6,5; в большом городе (50 000 и больше) – 6,0; в пригороде большого города – 11,6¹⁰⁷. Согласно Дэвису, коэффициент корреляции между плотностью населения и рождением знаменитых писателей в Америке составлял: +0,60 – в 1850 г.; +0,72 – в 1860 г.; +0,76 – в 1870 г.¹⁰⁸ Результаты, полученные несколькими исследователями, по сути дела, аналогичны. Можем ли мы на этом основании прийти к заключению, что чем больше плотность, тем больше родится знаменитостей? Доказывают ли данные исследования, что большее количество знаменитостей, родившихся в городах и в более плотно населенных районах, обусловлено именно плотностью населения, а не каким-либо другим фактором? Одного взгляда на данные цифры достаточно, чтобы убедиться в сомнительности такого заключения. Во-первых, мы видим, что, хотя число знаменитостей, родившихся в городах, больше, чем в сельской местности, это число уменьшается, когда мы переходим от деревень к городам и от них – к большим городам. Аналогичные результаты получил и Дэвис. Это противоречит утверждению, что их число увеличивается параллельно с увеличением количества и плотности населения. Это также ставит под сомнение предположение о том, что плотность населения действительно является обуславливающим фактором. Возможно, это лишь маскировка, под которой скрывается совершенно другой фактор. Это предположение поддерживается рядом фактов. Если бы плотность населения была решающим фактором, то городской пролетариат должен был бы произвести большее число знаменитостей, чем крестьяне, живущие в открытой стране. Факты, собранные Маасом и Вишером, показывают, что это предположение не подтверждается. Городской пролетариат в прошлом, а также и в XIX в.

¹⁰⁶ См.: *Cattell J.McK.* American Men of Science. 2d ed., p. 555 ff., 568 ff.; то же, 3^d ed., p. 784 ff.; *de Candolle A.* Histoire des sciences et des savants. Genève-Bale, 1885; *Odin A.* Genèse des grands hommes. Paris, 1895; *Maas F.* Ueber die Herkunftsbedingungen der Geistigen Führer // Archiv für Sozialwissenschaft. 1916, S. 144–186; *Visher S.* A Study of the Type of the Place of Birth, etc. // American Journal of Sociology. 1925, March; *Davies G.R.* A Statistical Study of the Influence of Environment // Quarterly Journal of the University of North Dakota, vol. IV, p. 212–236; *Jacoby P.* Études sur la sélection chez l'homme. Paris, 1904; другие данные и ссылки см. в моей «Социальной мобильности» (гл. XII).

¹⁰⁷ *Fisher.* Op. cit., p. 552, table I.

¹⁰⁸ *Davies.* Op. cit., p. 221 ff.

был гораздо менее продуктивным в производстве знаменитостей, чем крестьянство. Кроме того, если бы плотность населения была решающим фактором, то число гениев, рождающихся на определенное количество населения, должно было бы увеличиться по мере роста плотности населения Европы в течение XIX в. Несмотря на большое увеличение плотности и интенсивный рост городов, совокупность великих людей, родившихся в конце XIX в., судя по всему, не была больше. Тот же самый факт в отношении выдающихся людей науки в Америке отмечает и Маккин Кеттелл. В период с 1900 по 1910 г. большие американские города значительно сократили свою долю выдающихся людей¹⁰⁹. Более того, если бы обуславливающим это фактором была плотность населения, то районы городов с переполненным населением должны были бы производить большую долю гениев. На самом деле они производят самый незначительный их процент. К тому же самому выводу можно прийти, сравнивая разные страны по их плотности, с одной стороны, и числу гениев и талантливых людей на 10 000 или 1 000 000 населения, с другой. Не все плотно населенные страны возглавляют список стран с самой большой продуктивностью гениев и талантов. Наконец, даже если бы число гениев увеличивалось с ростом размера городов и не все наименее плотно населенные страны были в нижней части списка¹¹⁰ (что неправда), то это не доказывало бы, что плотность является решающим фактором. Данная ситуация могла бы, например, сложиться благодаря отбору городского населения, привлечению всех талантливых людей в города и передаче их талантов рождающемуся в городе потомству. Это также может быть обусловлено большими образовательными возможностями крупных городов и другими аналогичными условиями. Данных соображений достаточно, чтобы утверждать, что если плотность населения и талант и связаны друг с другом, то связаны слабо.

Сказанное о гениях можно отнести и к корреляции изобретений с численностью и плотностью населения. Большая плотность и большее количество населения путем создания благоприятных условий для более интенсивного обмена идеями могут способствовать удачной комбинации идей, приводящих к новым изобретениям. С другой стороны, чем больше плотность населения, тем теснее социальная сплоченность, сильнее психология толпы и пассивное подражание шаблонам поведения толпы, что скорее препятствует развитию инициативы, необходимой для новых изобретений и оригинальных достижений. По этим причинам вполне понятно, почему поток изобретений не всегда ширится с ростом численности и плотности населения; почему многие густо населенные страны (как Китай и Индия) были застойными, традиционалистскими и бедными на

¹⁰⁹ *Cattel*. Op. cit., 2d ed., p. 268 ff.

¹¹⁰ Ср., например, список плотности населения разных стран с таблицей ранга цивилизации Хантингтона: *Civilization and Climate*, ch. XI.

изобретения в течение нескольких веков; почему многие самые великие изобретения («приручение» огня, одомашнивание животных, изобретение языка, грамматики, сельского хозяйства, использование металлов, появление лодки, первых орудий труда, оборудования, использование ветра, создание глиняной посуды, строительство жилья, открытие первых нравственных, правовых и религиозных идей, мифологии и поэзии и т. д.) были сделаны в условиях, где плотность населения была исключительно низкой, а группы малочисленны; почему очень многие изобретатели вели относительно изолированную жизнь; почему люди, проводящие время в толпе, переходящие от одной группы к другой, редко являются людьми самобытного склада ума и т. д. Короче говоря, плотность и количество населения на самом деле не являются ни достаточными, ни необходимыми условиями для изобретательства. В сочетании с другими факторами они могут иногда способствовать появлению изобретений, но не более того. Мы не должны переоценивать их значение и их связь с гениальностью и изобретательством.

11. Демографические факторы в связи с нравами и обычаями

Дж. Фрэнгер, М. Ковалевский, У.Г. Самнер, Г. Спенсер, Э. Вестермарк, Э. Ваксвейлер, А.Г. Келлер¹¹¹ и многие другие показали, что обычаи, нравы и традиции народов не являются чем-то случайным, а представляют собой результат многочисленных проб и ошибок или опыт великого множества индивидов в течение нескольких поколений. Другими словами, они в значительной степени отобраны и являются самыми подходящими в существующих обстоятельствах. Если не во всех, то, по крайней мере, в большинстве случаев данное утверждение, вероятно, соответствует истине. По этой причине нравы, народные обычаи и традиции, касающиеся норм поведения, связанных с половой жизнью, зачатием, рождением, браком, смертью и вообще с регулированием численности индивидов, должны быть прямо или косвенно связаны с демографическими факторами. В группах, которые испытывают проблемы, связанные с населением или с перенаселенностью, должны появиться «народные обычаи» и «нравы», цель которых – контроль над увеличением их населения. В малочисленных группах должны появиться «народные обычаи» и «нравы», цель которых состоит в том, чтобы способствовать увеличению их населения. Соответственно, многие обычаи и нравы, такие как детоубийство, аборт, полиандрия, отсрочка брака или

¹¹¹ См.: *Frazer J.G.* Psyche's Task. London, 1913; *Sumner W.G.* Folkways. 1906; *Westermarck E.* The Origin and Development of the Moral Ideas. London, 1906, vol. I; *Kovalevsky M.* Coutume contemporaine et loi ancienne. Paris, 1893; *Waxweiler E.* Avant-propos // Bulletin mensuel of the Sociological Institute of Solvay. 1910, № 1; *Keller A.G.* Societal Evolution. New York, 1915.

использование противозачаточных средств и т. д., вероятно, будут разрешены или одобрены в «перенаселенных» обществах, тогда как противоположные действия и нравы, цель которых состоит в том, чтобы способствовать увеличению населения, вероятно, будут одобряться в группах, испытывающих нехватку населения. Таким образом, *демографические факторы могут в какой-то степени наложить свой отпечаток на характер нравственных, юридических, религиозных и других форм поведения, имеющих отношение к вышеупомянутым явлениям.* Это предположение в некоторой степени представляется оправданным. Карр-Саундерс доказал это в отношении примитивных народов, а отчасти и в отношении более сложных обществ. «Демографическая политика» Франции скорее противоположна тем мерам в отношении к собственному населению, которые планируют Япония и Китай. Растущее давление демографических проблем, которое испытывают в последние несколько десятилетий европейские страны, сопровождалось расширением методов контроля над рождаемостью и фактической и юридической легализацией их пропаганды. Короче говоря, характер и трансформация народных обычаев в этих областях на первый взгляд обнаруживает некую явную связь с демографическими факторами. Эти факторы следует учитывать, чтобы выяснить, почему нравы данного общества в этой области такие-то и такие-то и почему они трансформируются в таком-то и таком-то направлении. Но опять же – не следует преувеличивать роль демографических факторов даже в этой ограниченной сфере. Еще менее заметна их роль в области нравов, которые лишь весьма опосредованно связаны с ростом населения и жизненно-важными процессами.

12. Связь демографических факторов с другими идеологическими явлениями

Некоторые авторы, в частности Ф. Карли и С. Бугле, пытались осмыслить ряд идеологических явлений в свете демографических факторов. Рассмотрим кратко их теории.

Связь численности и плотности населения с эволюцией языка. Пытаясь доказать решающую роль демографических факторов в причинной обусловленности идеологических и психических изменений, Карли рассматривает эволюцию языка и характер религиозных идей для подтверждения своего фундаментального положения: «Чем больше плотность населения, чем больше размер группы и чем более разнородны составляющие его индивиды, тем более богатым будет суммарный опыт общества, тем более интенсивной будет его интеллектуальная жизнь»¹¹². Это общее положение подтверждается, во-первых, развитием

¹¹² Carli. Op. cit., p. 187 ff., 202 ff.

языка. Аргументы Карли следующие: «Чем больше плотность населения, тем больше количество имен существительных (и глаголов) в языке», т. к. событий в таком обществе намного больше и они гораздо разнообразнее, почему и требуется большее количество слов для их отображения, чем в неплотном населенном обществе. К этому он добавляет, что кривая эволюции языка идет параллельно увеличению численности и плотности населения: язык Римской империи количественно и качественно достиг своей кульминации приблизительно в I в. н. э. и после этого начал угасать вместе с процессом депопуляции Рима, чтобы почти исчезнуть после V в. н. э.¹¹³

Не мне решать, насколько это утверждение Карли соответствует истине, но я могу утверждать следующее: во-первых, его и все «социологистические» теории языка (см. главу о социологистической школе) правы, когда заявляют, что без социального контакта и определенной плотности населения в группе язык и грамматические правила не могли появиться и развиваться. Я также согласен с тем, что, когда население общества убывает, это, вероятно, должно сопровождаться сокращением области распространения его языка. Однако я сильно сомневаюсь в том, что число имен существительных и глаголов в языке пропорционально плотности населения. Например, плотность населения в России меньше, чем в большинстве европейских стран, тем не менее число существительных и глаголов русского языка, безусловно, не меньше, чем в любом другом европейском языке. Я также сомневаюсь в том, что язык более плотного городского населения богаче, лучше и красочнее, чем язык сельского населения того же самого общества. Сомневаюсь я и в том, что воображение и фантазия городского населения и густо населенных индустриальных стран богаче, чем у сельских жителей, или что у народов индустриальных стран с большей плотностью населения они богаче, чем у населения стран аграрных. Я думаю также, что основы грамматики языка создавались на ранних этапах истории группы, когда ее численность и плотность были незначительны. Кроме того, я не думаю, что область распространения языка находится в строгой пропорции к плотности населения страны. Плотность населения Бельгии, Голландии, Бенгалии или северо-западных провинций Индии выше, чем Великобритании, и все же на английском языке говорят на территории в несколько раз большей, чем на голландском, французском и на диалектах хинди. Плотность населения в России ниже, чем в большинстве европейских стран, но на русском языке говорят, вероятно, больше людей, чем на любом европейском языке, за исключением английского. Депопуляция Древней Греции началась приблизительно в конце IV в. до н. э., и все же территория, на которой говорили на греческом языке в III и II вв. до н. э., была, вероятно, больше, чем прежде. Я также сомневаюсь относительно тесной корреляции между увеличением и уменьшением населения и качественным прогрессом и регрес-

¹¹³ Ibid., p. 202–205.

сом языка. Темпы роста римского населения начали снижаться уже примерно с 150 г. до н. э. Однако только в конце II в. н. э. там проявились первые серьезные симптомы упадка римской литературы и литературного языка. Плотность населения Англии, Франции и Германии увеличивалась с 1820 по 1914 г. И все же сомнительно, чтобы английский, французский и немецкий языки, а также литература этих стран прогрессировали в этот период и сегодня были бы лучше, чем в XVIII или начале XIX столетия. То же самое в еще большей степени верно относительно музыки и многих форм искусства.

Можно привести еще множество подобного рода примеров, но, по-видимому, и приведенных вполне достаточно, чтобы серьезно усомниться в истинности теории Карли.

Связь численности и плотности населения с религией, мистикой и фетишизмом. Психология общества с меньшей плотностью населения, как правило, оказывается более религиозной, мистической, фетишистской и менее однородной, чем психология густонаселенных обществ. Такова еще одна корреляция, которую пытается установить Карли. Выдвинутые им в пользу данного положения аргументы таковы: более редкое население села более мистично и религиозно, чем население города. В обществах с меньшей плотностью населения словам придают некий мистический и сакральный смысл, что зачастую превращает их в общества по преимуществу «мифотворческие». С ростом плотности населения появляются и усиливаются такие вещи, как неверие, начатки научного мышления, ереси, личные точки зрения и разногласия мнений¹¹⁴. Боюсь, что в своих предположениях и аргументах Карли смешал совершенно разные группы фактов. Некоторым односторонне интерпретируемым фактам, представленным Карли для подтверждения своего суждения, можно противопоставить ряд фактов противоположных. Например, Китай и многие провинции Индии, безусловно, населены гораздо плотнее, чем Америка или многие страны Европы. Тем не менее мы не можем сказать, что Китай и Индия в меньшей степени страны мистические и «мифотворческие» или что у них большее разнообразие враждующих друг с другом идеологий и ересей, чем у европейских стран с меньшей плотностью населения. Сомнительно и то, будто городское население менее заражено «психологией толпы», чем сельское. Правильнее, наверное, было бы сказать наоборот. Далее, я сомневаюсь в том, что городской пролетариат менее склонен к «мифотворчеству», чем деревенские жители. Различие заключается скорее в содержании создаваемого мифа. Крестьянин делает своеобразного героя из некоего христианского персонажа, в то время как пролетарий превращает в героя какого-нибудь демагога. Деревенские жители могут сотворить легенду из одного человека, а городские – из кого-то другого (из Глорий Свенсон, Валентинов, теннисных звезд, боксеров и футболистов, из какого-нибудь «хиromanта»,

¹¹⁴ Carli. Op. cit., p. 206–211.

из балерин, Менкенов, Бернардов Шоу, Лениных, К. Марксов, Ж.Ж. Руссо, Вольтеров и т. д.). Парето (см. главу о Парето) показал, что изменяются только формы суеверий и легенд, тогда как сущность их остается практически той же самой. Вместо исторической религии у городского населения может быть религия «социализма», «коммунизма», «анархизма», «либерализма», «национализма», «религия прогресса», «пацифизма», «разума» и любого другого новомодного «изма». Несмотря на их псевдонаучные формы, они столь же ненаучны, мистичны и суеверны, как и исторические или традиционные верования, высокомерно именуемые ими как «суеверия». То же самое можно сказать и о склонности приписывать словам некий мистический и магический смысл. Здесь также общества с большей и меньшей плотностью населения, город и село отличаются друг от друга не тем, что одна группа что-то делает, а другая не делает, а только тем, как они это делают. У сельского населения могут быть некоторые слова, имеющие сакральное или магическое влияние, у городского населения тем же влиянием наделяются какие-то другие слова. «Фетишизация» слов, а также других явлений – факт извечный. Формы фетишизации меняются, сущность остается¹¹⁵. Вот и вся разница.

По этим причинам я не думаю, что корреляции, установленные Карли, соответствуют действительности. Еще меньше оснований допускать какую-либо связь между характером религии (буддизма, христианства, мусульманства и т. д.) и демографическими условиями, потому что каждая из них распространялась среди больших и малых, густо и редко населенных обществ.

Связь демографических факторов с идеологией и движениями эгалитаризма. Попытку установить связь между демографическими и идеологическими явлениями предпринял профессор С. Бугле (1870–[1940]) в своей книге «*Les idées égalitaires*»¹¹⁶. Цель книги – ответить на вопрос: каковы факторы, которые ответственны за рост и распространение идеологий равенства, уравниательства и демократии? В ходе исследования автор приходит к выводу, что такими факторами являются численность, плотность, разнородность и мобильность населения. Усиление этих характеристик населения, как правило, способствует распространению, популярности и влиятельности идеологий равенства, а также демократических политических институтов. Основные подтверждения данного предположения носят отчасти «спекулятивный», а отчасти фактологический характер. Спекулятивные доказательства строятся на некоторых аналогиях со сложным биологическим организмом и опираются на ряд положений, типичных для социологической школы. Некоторые из них сводятся к тому, что с увеличением численности населения и его плотности усиливается социальная дифференциация, что это освобождает человека от жесткой принадлежности к группе,

¹¹⁵ См.: *Сорокин*. Система социологии, т. I, с. 177–193.

¹¹⁶ 2^d ed., Paris, 1908; см. также: *Bouglé C.* La démocratie devant la science. 3^d ed., 1923.

делая его в то же время более индивидуалистическим и «космополитным», что такая трансформация естественно подрывает кастовый принцип и способствует оценке человеческого существа вообще, независимо от группы, из которой человек происходит и к которой принадлежит, что большая плотность населения способствует интенсификации умственного общения, подрывая тем самым множество групповых предубеждений и суеверий, что увеличение численности и плотности населения делает более интенсивным контакт людей различных рас, классов, семей, религий и т. д., способствуя их взаимопониманию. Таковы основные спекулятивные доказательства в пользу теории Бугле. Его фактологические доказательства, по сути дела, таковы: в первую очередь он утверждает, что только дважды в истории человечества наблюдалось чрезвычайно широкое распространение идеологий равенства: впервые – в поздний период Римской империи (христианство и философия стоиков) и второй раз – в современный период европейской истории, берущий начало с Великой французской революцией. Анализ специфических условий, приведших к значительному распространению эгалитарных идей в данные периоды, приводит Бугле к выводу, что они сводятся в вышеупомянутым факторам большой численности, высокой плотности, разнородности и мобильности населения. Те же самые условия существуют и в современных демократических обществах. Далее Бугле указывает, что в Римской империи по мере роста численности, плотности и разнородности населения исчезали привилегии, достающиеся по праву рождения и происхождения. Следующее доказательство состоит в указании на то, что идеологии свободы, демократии и равенства зарождались и развивались в городах. К этому добавляется утверждение, что страны с большей плотностью населения, как, например, Ланкашир, где 707 жителей на квадратную милю, более демократичны и в них больше равноправия, чем в странах с низкой плотностью населения, как Россия. Заканчивается это интересное и наводящее на размышления исследование Бугле целым рядом соображений, касающихся меньшего догматизма приверженцев мировых религий по сравнению со сторонниками малочисленных религиозных сект, роста популярности эгалитарных идеологий и институтов по мере расширения социальной мобильности и контактов, и некоторыми другими подобного же рода рассуждениями.

Признаем ли мы теорию Бугле достоверной? Вряд ли. Хотя в его книге можно найти несколько интересных идей, главная мысль автора кажется нам сомнительной. Прежде всего, я никак не могу согласиться с утверждением, что распространение эгалитарных идеологий и институтов наблюдалось в истории человечества лишь дважды. Оставляя сейчас в стороне вопрос о первобытных обществах, я еще больше удивляюсь, почему Бугле не упоминает демократии Афин, итальянские средневековые города-республики, лесные кантоны средневековой Швейцарии, буддистскую революцию в Индии и в некоторых других

странах Востока, основанную Кальвином республику Женевы, движения лоллардов и левеллеров^{23*} и Английскую республику, возникшую в результате революции XVII столетия, крупные эгалитарные и коммунистические движения в истории Персии (революция Маздака^{24*}), Древнего Египта (описанная в «Речениях Ипувера» социальная революция), ряд подобных движений в аравийских и мусульманских халифатах, ряд средневековых эгалитаристов и коммунистов, а также социалистические движения и революции, сопровождаемые соответствующим распространением идеологий равенства и демократических, коммунистических и социалистических институтов (революция XV в. в Богемии, основание коммунистического государства таборитов, коммуны Томаса Мюнцера, Иоанна Лейденского, секты и движения катаров, патаренов, лионских бедняков, Арнольда Брешианского, Чомпи и т. д.^{25*}) и сотни других подобных явлений? Идеологические учения каждого из них, их практические требования, реформы и созданные ими институты были столь же радикальными в признании принципа равенства, как христианство, стоическая философия и Декларация прав человека, провозглашенная Французской революцией^{26*}. Даже в практических результатах многие из данных движений были по крайней мере столь же эффективны, как стоическая философия и христианство в течение первых трех или четырех веков своего существования. Короче говоря, сама отправная точка Бугле ошибочна, что, естественно, обесценивает большинство его заключений. Если бы автор учел хотя бы вышеупомянутые эгалитарные движения, их идеологии, реформы и распространение, он, очевидно, не пришел бы к выводу, что движение за равенство возможно только в больших, плотно населенных, мобильных и разнородных обществах, т. к. они происходили в больших и малых, в плотно и неплотно населенных обществах, а также обществах как с однородным, так и разнородным населением.

Теперь посмотрим, соответствует или не соответствует истине, что чем больше численность, плотность и разнородность населения общества, тем меньше оно будет стратифицировано и тем менее оно будет эгалитарным, демократичным и «плоским». Я убежден, что такое утверждение ошибочно. Население большинства примитивных групп было малочисленным, разнородным и имело малую плотность, и все же они менее стратифицированы и являются более самоуправляемыми, чем почти все большие и плотно населенные общества с разнородным населением. В простых обществах экономические контрасты были меньше, чем в любом современном «равноправном» обществе. Профессиональная стратификация и дифференциация также были меньше. Политических привилегий и поражений в правах у их членов было меньше, чем в любом современном демократическом обществе. Небольшие группы не часто имели какое-либо наследственное правительство или аристократию либо кастовое или классовое деление. Их вожди избирались. Они наслаждались самоуправлением. Ко мно-

гим из них применимы слова Тацита, сказанные по поводу германцев: «Duces ex virtute legunt». «De minoribus principes consultant, de maioribus omnes»^{27*}. Маццарелла, Хобхаус, Уилер и Гинсберг, Лоуи и ряд других исследователей четко это показали¹¹⁷. Это означает, что вопреки мнению Бугле «самая эгалитарная» организации общества наблюдается там, где численность, плотность и разнородность населения самые низкие. Более того, в своем исследовании я пришел к выводу, что каждый раз, когда численность и разнородность населения общества увеличиваются, социальная стратификация и неравенство, как правило, также увеличиваются, а не уменьшаются¹¹⁸. При прочих равных условиях малочисленные группы с менее разнородным населением, как правило, менее стратифицированы и более эгалитарны, чем группы с большим по численности и более разнородным населением. Это, на наш взгляд, гораздо ближе к истине, чем предположение Бугле.

Если нужно дополнительное доказательство, то достаточно сравнить существующие общества по численности и плотности их населения, с одной стороны, и по степени демократии, самоуправления, политического и экономического равенства – с другой. Такое сравнение показало бы, что эти две траектории абсолютно непараллельны. Китай и многие штаты Индии населены плотнее и имеют численность намного большую, чем Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Канада или Новая Зеландия, и все же согласно критерию равенства Бугле первые общества являются менее эгалитарными, чем последние. Плотность населения Соединенных Штатов Америки намного меньше, чем во Франции, Италии, Румынии или Японии, не говоря уже о многих азиатских странах, и все же никто не скажет, что Соединенные Штаты ближе к кастовому режиму или менее демократичны, чем любая из этих стран. В Риме, о котором упоминает автор, процесс уравнивания его субъектов в виде расширения гражданских прав не только происходил в период увеличения плотности римского населения и во время расширения границ империи, но и продолжался в течение долгого времени после депопуляции (эдикт Каракаллы был издан в 212 г. н. э.^{28*}, в то время как уровень рождаемости начал падать приблизительно в 150 г. до н. э.). Я также сомневаюсь в правильности утверждения Бугле о том, что в городах с более плотным и разнородным населением больше «равноправия» и «демократизма», чем в деревне. Если мы зададимся вопросом, где – в городе или в деревне – выше неравенство доходов, больше привилегий, сильнее влияние статуса и престижа, то ответ будет: в городе. Поэтому трудно предположить, что данный пример может свидетельствовать в пользу критикуемой теории. Бесплезно продолжать список этих

¹¹⁷ См.: *Mazzarella*. Les types sociaux, passim; *Hobhouse, Wheeler and Ginsberg*. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples, p. 50 ff. См. представленную в данной книге таблицу в главе об экономической школе. Примеры и другие ссылки см. в: *Sorokin P.* Social Mobility, ch. III–VI.

¹¹⁸ См.: *Social Mobility*, ch. V.

возражений. Из вышесказанного ясно следует, что нет никакой определенной корреляции эгалитарного движения ни с численностью и плотностью населения общества, ни с его разнородностью. Примеры, приводимые Бугле в пользу своей теории, разбиваются о факты, свидетельствующие против них.

В этом отношении больше соответствует истине мнение Бугле о роли мобильности. Да, в некоторых случаях, но не всегда мобильность способствует распространению эгалитаристской идеологии и институтов, и не столько в том смысле, что она делает социальное неравенство или стратификацию менее заметными или менее значительными, сколько в том, что вместо распределения индивидуумов в социальной пирамиде по праву рождения или семейному статусу предлагает для этого распределения некое другое основание. Пирамида социальной стратификации, или неравенства, в мобильных обществах может быть столь же высокой, а нередко даже выше, чем в неподвижных обществах (см. мою «Социальную мобильность», гл III–VI). Вышеперечисленных соображений достаточно для того, чтобы усомниться в достоверности интересной теории Бугле. Я думаю, что она, как и некоторые другие теории о связи между демографическими и идеологическими факторами, далека от истины.

13. Связь демографических факторов с прогрессом и упадком общества

Как почти все социологические школы, демографическая школа также имеет собственную теорию эволюции обществ, или закон их происхождения, прогресса и упадка. Лучшую теорию подобного типа разработал профессор Коррадо Джини¹¹⁹ в своей книге «I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni». Кое-что свое добавил к его теории и Ф. Карли. Обрисуем в общих чертах сущность теории прогресса и упадка обществ, которую предлагает К. Джини.

Книга начинается с заявления о том, что распад обществ происходил в истории человечества много раз. Отсюда возникает вопрос об их возможных причинах. После критики некоторых других теорий Джини приходит к выводу о том, что основной причиной эволюции общества является демографический фактор, который различными способами приводит ко многим изменениям качества населения и его экономической, политической и культурной организации. Теория начинается с утверждения, что, независимо от иммиграции, эмиграции, войны и других катастрофических явлений, влияние демографических факторов за относительно короткий период может изменить биологические особен-

¹¹⁹ Профессор социологии Университета в Риме, президент Итальянского института статистики, редактор журнала «Metron», автор многих ценных работ: *Il sesso dal punto di vista statistic*. 1908; *Problemi sociologici della guerra*. 1921 и др.

ности населения совершенно естественным образом. Это обусловлено тем фактом, что каждое последующее поколение группы представляет собой потомков лишь небольшой части поколения предыдущего. От 2/5 до 2/3 любого предыдущего поколения умирает до брака. Из оставшейся части не все состоящие в браке оставляют потомство. Таким образом, каждое последующее поколение происходит практически лишь от 1/3 до 1/8 части поколения предыдущего. Это свидетельствует о том, что естественное влияние демографических факторов за короткий промежуток времени может в значительной степени изменить расовую или биологическую структуру общества. Это еще в большей степени становится неизбежным, поскольку высшие сословия, как правило, производят потомков меньше, чем низшие классы. Поэтому вследствие разной плодовитости и с учетом вышеупомянутой роли демографических факторов биологически население меняется очень быстро. В то же время более низкая плодовитость высших слоев делает неизбежным постоянное центростремительное восхождение от низших к высшим классам для заполнения вакансий, образовавшихся в результате низкого уровня рождаемости у высших сословий. Они обречены на вымирание, и их места все в большей степени занимают выходцами из более низких слоев. «Земля завоеванных – могила завоевателей» – такова формула этого общего явления¹²⁰.

На основе всех этих фактов Джини формулирует свою «параболу эволюции наций».

«Поскольку причина параболы жизни организма обусловлена различными проявлениями его метаболизма^{29*}, то, я думаю, траектория эволюции народа должна быть связана с различными стадиями демографического метаболизма между разными социальными классами»¹²¹.

После этого Джини в общих чертах обрисовывает свою параболу развития обществ. В сущности, она сводится к следующему.

Основано ли общество иммигрантами или коренными жителями, на ранних стадиях развития в нем нет никакой заметной социальной дифференциации. Такие стадии отличаются высокой фертильностью населения (это справедливо и в отношении прошлых обществ, таких как Крит, Троя, Микены, Афины, Спарта и др., и в отношении населения таких колониальных стран, как Америка, Австралия, Канада, Новая Зеландия и т. д.). В результате – численность и плотность населения начинают расти. Это ведет к усилению социальной дифференциации в пределах данного населения и, наконец, сказывается в различии уровней рождаемости в его высших и низших классах. В то же время страна становится более или менее перенаселенной, и излишек ее населения должен эмигрировать – либо мирным путем, либо посредством войны. Следовательно, данный период роста общества

¹²⁰ *Gini C. I fattori*, p. 1–33.

¹²¹ *Ibid.*, p. 34.

отмечен расширением колонизации и усилением воинственности. Как правило, основой эмиграции и военных предприятий оказываются те, кто наиболее продуктивен, предприимчив и силен. Эти элементы общество главным образом и теряет в процессе своей экспансии. В психологическом отношении эта стадия отмечается огромным патриотическим и националистическим энтузиазмом, прославлением колонизации и войны за отечество, значительной солидарностью и психологией патриотической готовности жертвовать своим счастьем и жизнью ради страны.

После чего рано или поздно наступает следующая стадия. В ходе эмиграции и экспансионистских войн общество теряет свои самые плодотворные, смелые и предприимчивые элементы. В результате – уровень рождаемости в обществе и темп увеличения его населения начинают снижаться. Это усугубляется тем, что плодотворность уже явно обособленных высших классов снижается чрезвычайно. Потомки низших классов, у которых рождаемость тоже снизилась, все больше и больше вынуждены заполнять вакансии, оставленные высшими сословиями с их все более снижающейся рождаемостью. Рост населения прекращается. Восходящие потоки социальной циркуляции из низших в высшие классы становятся более интенсивными. Многие из прежних барьеров, препятствующих подобной циркуляции, отброшены. Общество становится более «демократичным». В то же время благодаря снижению прироста населения и эксплуатации колоний и поработанных стран экономическое благосостояние общества растет. Уровень жизни всех классов повышается, удобств делается все больше, вкусы и желания становятся более изысканными. Роскоши, которую прежде можно было обнаружить только среди высших групп, теперь жаждут все классы. Это приводит к значительному прогрессу в экономической деятельности и появлению искусств, музыки и литературы, тогда как промышленность в крупных масштабах производит предметы комфорта и роскоши. Это естественно сопровождается мощной индустриализацией общества, ростом городов, развитием торговли и ускорением миграции сельского населения в города. Таким образом, наступает период коммерческой и индустриальной городской культуры.

Политически данный процесс сопровождается трансформацией общества в направлении демократизации, психологически – превращением прежде трудолюбивых, предприимчивых, воинственных, патриотичных и героических людей в нацию «мелких буржуев» – дельцов, гонящихся лишь за деньгами и мечтающих о доходах и сбережениях. Экономическое процветание способствует, если можно так выразиться, «изнеженности» общества. Устранение наиболее продуктивных, предприимчивых, солидарных и патриотичных элементов предыдущего периода и эксплуатация колоний, сопровождаемая экономическим процветанием, делают общество «пацифистским». Военная слава больше не в моде, как и национализм. Их место занимают абстрактный пацифизм и расплывчатый космополитизм, идущие рука об руку с идеологией «мелкого буржуа». Начинает-

ся процветание искусства, литературы, поэзии и т. д. Общество чувствует себя счастливым и уверенным в своем будущем. Подобно Цицерону, жившему примерно в такой же период Римской империи, оно думает, что «Рим просуществует, по крайней мере, десять тысяч лет».

Но так же, как и в случае с Римом, который просуществовал примерно лишь 500 лет после Цицерона и который в его время уже вступал в период упадка, общество не видит, что оно также находится в начале своего упадка. Рано или поздно предыдущий этап сменяется новым. Первый симптом этого начинающегося упадка проявляется в процессе депопуляции сельской части населения. Вследствие значительного снижения реальной рождаемости населения и миграции деревенских жителей в город сельское хозяйство приходит в упадок, отсутствие трудовых ресурсов в сельских районах начинает ощущаться все сильнее и сильнее, многие регионы обезлюживают, многие земли оказываются заброшенными. Ряд экономических условий еще сильнее ухудшают ситуацию с фермерами и крестьянами, вынуждая их в еще большей степени снижать рождаемость. В результате село все больше уменьшает свой приток в города, где рождаемость остается на низком уровне. Уменьшение сельского населения и его экономическое обнищание приводят к снижению потребностей в продукции городской промышленности. Страна начинает производить больше, чем может потребить. Это отрицательно сказывается на развитии промышленности, коммерции и экономическом положении городских жителей. Кризисы «перепроизводства» случаются все чаще и становятся все более масштабными. В результате происходит ухудшение экономической ситуации трудящихся классов города и даже городского населения в целом. Положение усугубляется еще и тем, что доля неработающих рантье, живущих на проценты от капитала, и лиц свободных профессий, непосредственно не производящих материальные ценности, теперь гораздо больше, чем прежде. Кроме этого, чтобы защитить себя, свои колонии и доминионы, правительство вынуждено увеличивать налоги на численно сокращающееся население. Все это ведет к усилению социальных кризисов, беспорядков и бунтов трудовых классов, которые не желают снижать свой уровень жизни. Классовая борьба становится ожесточенной и беспощадной, что в свою очередь только обостряет ухудшающуюся ситуацию. Правительство, идеологи и ученые пытаются справиться с трудностями. Правительство начинает все больше контролировать экономическую жизнь общества. В этот период особенно заметна вера во всемогущую роль науки и ученых. Напрасно! Процесс дезорганизации общества продолжается. Наконец, «мирно» или благодаря военному вмешательству общество достигает своей последней стадии – распада. Его история закончена, и с подмостков истории оно перемещается в музей¹²².

¹²² Ibid., pp. 34–47.

Такова парабола социальной эволюции общества, которую К. Джини интерпретирует в свете демографических факторов.

Следующая часть книги посвящена подтверждению этой схемы фактическим анализом истории Греции, Рима и некоторых других обществ, особенно текущей ситуации во Франции, которая, согласно автору, уже находится на этапе упадка (р. 48–102). Предполагается, что большинство европейских стран тоже приближаются к нему. Окончательный вывод Джини состоит в том, что данная парабола социальной эволюции неизбежна. Единственное спасение от этого – эмиграция и основание новых колоний, посредством которых возможно в модифицированной форме продолжить историю метрополии или родины-матери. «Avviene nello sviluppo dei populi come in quello degli individui: raggiunta la maturità, cessa l'esuberanza delle manifestazioni vitali; si va a poco a poco chiudendo il ciclo dell'esistenza; ad essi riaprirne un altro. Ciò molte volte avviene»^{30*}. Таково несколько пессимистическое заключение автора параболической кривой эволюции общества.

По своей сути аналогичной теории упадка наций К. Джини, несмотря на некоторые внесенные в нее изменения, является и теория Карли, заключающаяся в следующем: с уменьшением эффективной рождаемости общества наступает кризис изобретательности, а у нации падает «вера в возможности» (*la fede nelle possibilita*). Это неблагоприятно отражается на экономическом благосостоянии общества. Сопровождается все это изменением господствующей в нем психологии; солидарность его членов уменьшается, в то время как индивидуализм и экономический эгоизм увеличиваются; идеал славы и величия нации заменяется сберегательными счетами и погоней за деньгами; идеал военного героизма заменяется пацифистским комфортом. Высшие сословия все больше вырождаются и перестают напоминать своих предшественников.

Из более конкретных утверждений Карли следует упомянуть о том, что, по его мнению, чем более закрыты высшие сословия и чем значительнее барьеры, препятствующие выходцам из низших слоев подниматься в высшие классы, тем раньше вырождаются высшие слои, в результате чего упадок нации наступает быстрее¹²³.

Что можно сказать относительно достоверности этих теорий? Для начала отбросим положения теории Карли, которые не соответствуют фактам. Самая долгая аристократия в мире, известная мне, – каста брахманов в Индии, которая без армии, денег и даже организации сохраняла свое неоспоримое господство в течение, по крайней мере, двух тысяч лет и сохраняет его до сих пор. Индия продолжает существовать как культурный комплекс, тогда как многие другие

¹²³ *Carli*. Op. cit., p. 235–258, 362–368. Что-то похожее содержится в теории симптомов упадка Г. Раже, разработанной в его книге «*La natalité, ses lois économiques et psychologiques*» (Paris, 1918, особенно p. 12, 19, 152 и passim).

страны исчезли. Каста брахманов почти абсолютно закрыта, во всяком случае, это более закрытая, чем какая-либо другая известная мне аристократия. Более того, я склонен думать, что закрытые аристократии успешно существовали в течение периода, который был, во всяком случае, не короче, чем периоды существования открытых высших классов. Спартанская аристократия была более изолирована, чем афинская, и все же спартанская аристократия и Спарта, которую она контролировала, просуществовала дольше, чем Афины с их более открытой аристократией. В Риме в период его наивысшего расцвета патрицианская и сенаторская аристократия была гораздо более замкнутой, чем в период его распада II и III вв. н. э., когда его высшие сословия были более открыты, чем прежде. Нет никаких сомнений и в том, что аристократия Англии в течение последней тысячи лет или в течение прошлых двух веков была более открыта, чем французская¹²⁴. По этой причине ссылка Карли на различие судеб Англии и Франции как на доказательство его утверждения неубедительна. Более того, история изолированных королевских и старых аристократических семей при сравнении с новой «аристократией», которая менее щепетильна в отношении смешанных браков, показывает, что старинные фамилии вырождались медленнее, чем эти новые. Нет необходимости умножать подобные примеры. Утверждение Карли носит односторонний характер. Открытость или закрытость аристократии, как представляется, не так важны, как ее свойства. Если аристократия биологически здорова и оберегает свою «кровь» от смешения, исключая всяческие элементы загрязнения (устранение хилых, больных детей, нездоровых родственников и т. д.), ее замкнутость и близкородственные браки не ведут к вырождению¹²⁵. Если не предпринимать энергичных мер по устранению портящих породу элементов, то межродственные браки могут очень быстро привести аристократию к упадку. С другой стороны, если в открытых высших классах селекция и пополнение вновь прибывших происходят должным образом, то такая аристократия может успешно существовать и править в течение длительного времени. Если «свежая кровь» подбирается неправильно и новое пополнение далеко от высшего класса биологически и ментально (что может легко произойти, если доступ к высшим классам слишком легок), то такая аристократия окажется псевдоаристократией, неизбежно будет недееспособной, и этот дефицит настоящей аристократии может способствовать крушению страны.

Теперь вернемся к параболе эволюции наций К. Джини. Прежде всего, она не может претендовать на универсальность. Как и многие другие теории прогресса и упадка обществ, она построена преимущественно на истории Рима и Греции. Однако не все страны в своей истории следуют подобной «параболе».

¹²⁴ См. мою «Социальную мобильность» (гл. VII, XV, XXII).

¹²⁵ Ср.: *Savorgnan F.* Nuzialità e Fecondità delle Case Sovrane // *Metron*. 1923, № 2, p. 224; *Pareto V.* *Traité de sociologie générale*. Paris, 1919, p. 1658 ff.

Взять, например, Китай или Индию. Эти две страны существуют уже несколько тысячелетий, тем не менее они до сих пор живы, обнаруживая в настоящий момент некоторые признаки нового пробуждения. Вся схема Джини практически неприменима к их истории. Возможно, это следствие того, что у обеих стран, насколько известно, всегда была высокая рождаемость и их высшие сословия, скорее всего, никогда не отличались в этом отношении от остального населения. Это, однако, означает, что ни факт снижения уровня рождаемости у народа в ходе его эволюции, ни более низкая рождаемость высших сословий не являются чем-то универсальным и неизбежным. Так как они не неизбежны и не универсальны, вся схема Джини, которая базируется на этих двух основаниях, также становится не универсальной и не неизбежной для всех обществ. Теория в лучшем случае может быть применима лишь к некоторым народам. Таково первое ее ограничение. Больше того, в ней есть несколько сомнительных предположений, которые никак не могут рассматриваться как универсальные правила. Например, можем ли мы сказать, что первые стадии общества всегда отмечены интенсивной рождаемостью и быстрым ростом населения? В некоторых случаях это так, в других – нет. Группа или общество вследствие многих факторов (они указаны Карр-Саундерсом) могут быть почти в устойчивом состоянии в течение неопределенного времени. Тогда стадия экспансии, колонизации и эмиграции со всеми вытекающими из них явлениями может для такого народа не наступить, и его история может пойти по другому пути. Кроме того, даже допустив, что первые стадии общества отмечены быстрым ростом его населения, можем ли мы сказать, что эмиграция, колонизация и экспансия являются единственно возможными результатами такой «перенаселенности»? Из вышесказанного мы видим, что иногда они имеют место, а иногда нет. Может быть такое стечение обстоятельств, которое лишит общество возможности колонизировать и завоевывать другие страны или стимулировать эмиграцию. Тогда появляются другие средства контроля над излишком и ростом населения – голод, увеличение смертности, снижение рождаемости, аборт и все прочие средства, описанные Карр-Саундерсом. Опять же это означает, что последующая история такого народа будет отличаться от параболы Джини. Ее универсальность, таким образом, становится все меньше и меньше. Пойдем далее. Действительно ли, например, в период экспансии общества самые плодовитые, смелые и энергичные элементы населения покидают родину? Джини утверждает это без каких-либо сомнений. Его единственный аргумент в пользу своей теории состоит в том, что членам продуктивных семей сложнее найти место на родине, чем членам менее плодовитых. На это можно возразить, что, так как, согласно самому Джини, эмигранты более трудолюбивы и энергичны, у них больше возможностей найти места на родине, чем у менее способных. По этой причине мы должны ожидать, что эмигранты скорее менее способны, чем те, кто остается в стране. Короче говоря, обсуждаемое предполо-

жение Джини не доказано, и мы не знаем, насколько оно соответствует или не соответствует действительности. Поэтому все заключения, основанные на данном предположении, сомнительны, и вся теория становится чем-то таким, что может быть, а может и не быть истиной.

Следующее догматическое предположение теории – рост экономического благосостояния общества благодаря эмиграции его продуктивных членов и снижения его эффективной рождаемости. Мы уже знаем, что не всякая относительная депопуляция обязательно сопровождается ростом экономического благосостояния. Иногда сопровождается, а иногда нет. Если это так, то в таком случае все последующие экономические, политические и психологические изменения, описываемые как результат подобного роста благосостояния, могут не произойти, а история общества может пойти по совершенно другой траектории эволюции, чем та, которую изображает Джини. Некоторые народы фактически и следовали по этой кривой, которая значительно отличается от параболической линии развития, описываемой Джини.

Не будем рассматривать никаких других гипотез, которые выдвигает Джини, поскольку и сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что его схема никоим образом не может претендовать на более или менее общую формулу эволюции общества. В лучшем случае ее можно применить к некоторым странам. Но ввиду того, что было выше сказано о предположениях Джини, даже насчет этих некоторых стран остается непонятным, в какой мере их упадок был обусловлен демографическими факторами, на которые указывает этот выдающийся итальянский статистик и социолог.

Его обобщения еще более сомнительны ввиду фактов упадка многих стран (Польша, Карфагена, Богемии и т. д.), обусловленного чисто военными причинами, т. е. путем завоевания их другими народами. Во многих других случаях – например, если речь идет о Вавилоне, Ассирии, Египте, арабских халифатах, Турции, империях Чингисхана, Тамерлана и других древних государств – мы также не находим никаких серьезных причин полагать, что их упадок был вызван демографическими факторами Джини или что эти страны следовали по линии, описываемой его параболой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что теория Джини имеет весьма ограниченный характер и нуждается в дальнейшей проверке даже в тех ее частях, которые кажутся достоверными. С отмеченными достоинствами и недостатками она все же содержит крупицу истины для тех народов, к истории которых ее можно применить. Один из ее вкладов в науку состоит в том, что она лишает возможности игнорировать роль демографических факторов при любой интерпретации явлений прогресса и упадка наций. Ее практическое значение – в предупреждении странам быть осторожными в их политике регулирования

рождаемости и сокращения населения, если они хотят иметь долгую и великую историю.

Центральная идея Джини относительно того, что депопуляция и снижение эффективной рождаемости являются фактором распада, по-видимому, близка к истине, несмотря на то, что в в настоящий момент популярностью пользуется противоположное мнение. Его аргументы в пользу данного утверждения можно подкрепить рядом других, указывающих на тот же самый факт. Среди этих аргументов нужно упомянуть следующий: низкий уровень рождаемости и низкий уровень смертности, устраняя естественный отбор, вероятно, приведут к выживанию всех неполноценных новорожденных и в итоге – к снижению качества народа¹²⁶. Таким образом, они способствуют ухудшению не только количественной, но и качественной стороны населения. Это, в свою очередь, в значительной степени усиливает факторы, ведущие к упадку народов, и затрудняет попытки остановить распад.

14. Общие выводы

Проведенный обзор показывает, что демографическая школа в социологии – одна из самых разработанных. Многочисленные исследователи сумели показать важность и эффективность демографических условий практически во всех областях социальных явлений. Хотя мы не можем сказать, что все эти попытки были успешными и безукоризненными с точки зрения истины, мы должны признать, что значительное их число, вероятно, соответствуют действительности, по крайней мере, отчасти, а некоторые приближаются к ней настолько, насколько это возможно на нынешней стадии развития социальной науки. Школа пролила свет на целый ряд социальных явлений. Она снабдила нас рядом вероятных корреляций. По этим причинам школа имеет столько же прав на существование, как и любая другая социологическая школа. Отбросив ее ошибки и односторонности, мы можем с благодарностью принять ее ценный вклад в науку о социальных явлениях.

¹²⁶ См. мою «Социальную мобильность» (гл. XX).

Глава VIII

СОЦИОЛОГИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

1. Общая характеристика школы

Как известно, в классификации наук Огюста Конта^{1*}, подразделяющей все науки на астрономию, физику, химию, физиологию и социальную физику, или социологию¹, социология идет сразу после физиологии, или биологии. Психология как наука, предшествующая социологии, опущена. Это вызвало серьезную критику классификации Конта со стороны Дж.Ст. Милля, Герберта Спенсера и многих других ученых, которые настаивали на необходимости помещения психологии после биологии и перед социологией в качестве ее непосредственной основы. Это привело к появлению в социологии психологической школы, которая пытается строить социологию на основе психологии и объяснять социальные явления посредством психологических явлений, а не наоборот – психологические явления с помощью биологических и социологических. Дальнейшие особенности этой школы состоят в том, что большинство ее приверженцев склонно интерпретировать социальные явления как производную от деятельности индивидов, вместо того чтобы пытаться понять индивидов и их поведение через социальную реальность, или общество.

Несмотря на это, у классификации Конта есть свои последователи. Они считают, что, исключив психологию из своей классификации, он был совершенно прав. Они утверждают, что социологию следует ставить сразу после биологии, т. к. для психологии социология необходима как одно из ее оснований. По их мнению, психологические явления следует интерпретировать с помощью социологических явлений, а не наоборот. Общество, или социальность, является психосоциальной реальностью *sui generis*^{2*}, которая существует обособленно и отличается от составляющих общество индивидов². Социологические закономерности отличаются от психологических и не могут быть сведены к ним. Таковы, в общем, линии разграничения между так называемыми психологическими и биосоциологическими, или, проще говоря, социологистическими школами,

¹ *Comte A. Positive Philosophy*, tr. by Martineau. New York, 1855, p. 44–46, 394–395.

² См. главу о биоорганизмической школе, § 1.

которые были довольно заметны несколько десятилетий назад и полностью еще не стерты. Вышесказанное вместе с тем фактом, что среди последователей социологистической школы есть весьма выдающиеся социологи и что они внесли значительный вклад в науку, прояснив те проблемы, которые лишь слегка были затронуты другими школами, дает возможность отделить эту группу от других школ и кратко рассмотреть работы ее наиболее выдающихся представителей. Источник и сущность социальности эти социологи видят в явлениях социального взаимодействия. Их исследования пытаются интерпретировать социальные и психические явления как производную от разных форм взаимодействия. Их анализ состоит, по сути дела, в обнаружении причинно-следственных связей изучаемых явлений с теми или иными условиями совместного проживания или, другими словами, с социальными условиями. Поэтому все теории, которые объясняют конкретный социальный или психический факт посредством его корреляции с определенным социальным условием, рассматриваются как представители социологистической школы.

В интересах изложения мы возьмем в первую очередь самые представительные теории, в которых сформулирована *общая система* социологистической интерпретации. После этого мы перейдем к *специальным теориям*, рассматривающим определенное социальное условие (религию, нравственность, семью, экономические условия и т. д.) в качестве переменной и пытающимся показать его влияние, или функции, на разные сферы социальных явлений. Так мы сможем получить более или менее адекватное представление об этой школе. В качестве типичных образцов *общих* социологистических теорий мы возьмем: а) неопозитивистскую школу Е. Де-Роберти и теории А. Эспинаса, Ж. Изуле, Драгическу, Ч.Х. Кули и других; б) школу Э. Дюркгейма с его сотрудниками; в) теорию Л. Гумпловича и его последователей; г) «формальную школу»³. Проанализировав эти общие системы социологии, мы обратимся к основным видам специальных социологистических теорий и кратко их рассмотрим. Таков, мне кажется, наилучший способ сориентироваться в сложной и обширной области современных социологистических интерпретаций. Теперь скажем несколько слов о предшественниках современной социологии.

³ Из более ранних представителей современной социологистической школы следует назвать Генри Ч. Кэри. В своей книге «Principles of Social Science» (1858, vol. I) он сформулировал все основные идеи школы и дюркгеймовскую теорию разделения труда. Здесь, однако, у меня нет возможности уделить внимание его теориям, потому что их характеристика дана в главе о механистической школе. Точно так же в число «основателей школы» следует включить имена Лацаруса и Штейнталя, хотя, оставив после себя огромную массу материалов, они и не построили четко очерченную систему социологии. См.: Lazarus M., Steinthal H. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860, Bd. I, S. 1–73, 437–477; Bd. II, S. 54–62, 393–453; 1865, Bd. III, S. 1–94, 385–486; 1887, Bd. XVII, S. 233–264.

2. Предшественники

Представление о том, что сознание человека, его поведение и прочие его особенности зависят от социального взаимодействия и общества, что социальные закономерности образуют особую реальность, что общество – это не просто сумма составляющих его индивидов, а нечто отличное от этой суммы и что между фундаментальными категориями социальных явлений и свойствами личности есть некая связь, – все эти представления известны издавна. Большая часть древней индийской философии и этики (особенно буддизма) основана на идее, что наше «Я» (или «Самость») с его эмпирическими свойствами, страданиями и радостями есть продукт социального контакта и существует до тех пор, пока сохраняется этот контакт. Индуистские авторы утверждали, что «Самость» может быть преодолена только путем «разрушения контакта», «отделения», «изоляции» или «отказа».

«Касание есть причина всех чувств, производящая три вида боли и удовольствия... Уничтожь касание, и чувство закончится... имена и вещи исчезнут... знание и невежество сгинут... и то, что составляет индивидуальную жизнь, умрет».

Таков путь «бегства от себя или от собственного “Я”»⁴. В современной терминологии это означает, что сам феномен «Я», или индивидуальной «самости», и его психологические качества (желания, эмоции, идеи и т. д.) – результат социального контакта и взаимодействия. Конфуцианство как система прикладной социологии является по существу теорией социальной среды.

«По природе люди почти одинаковы, но на деле они сильно отличаются... Лишь высшая мудрость и крайняя глупость неизменны... Когда ребенок полностью обучен, его образование так же стойко, как и его характер, и когда он делает что-либо постоянно, он делает это естественно, как бы по укоренившейся привычке»^{3*}.

Привычки прививаются семьей и другими социальными группами с помощью ритуалов, музыки, поэзии, подражания и других социальных агентов. Поэтому исключительная важность в конфуцианстве придается «сыновнему благочестию», «Пяти канонам», правилам приличия и вообще социальному окружению. В этом отношении конфуцианство содержит все основы современных социологических теорий, особенно теории нравов, разработанной У.Г. Самнером, и «семейной социологии» школы Ле Пле и Ч.Х. Кули. Конфуцианство также подчеркивает, что «сердце человека, который не соблюдает правил приличия, звероподобно». Это означает, что человек, не меняющийся под влиянием социальной среды, не человек, а животное⁵.

⁴ Life of Buddha by Asvaghosha Bodhisattva // The Sacred Books of the East. New York, the Colonial Press, p. 369 ff. См. также: The Dhammapada // Ibid., passim и ch. V–VI; The Upanishads // The Sacred Books of the East. Oxford, 1884, vol. XV, passim.

⁵ См.: Li-Ki // The Sacred Books of the East, vol. XXVII passim, и vol. XXVIII, book XVI, Hsio Ki.

Подобными же идеями пронизано и «Государство» Платона. Его система совершенного государства опирается на селекцию, равно как и на обучение, посредством соответствующего изменения социальной среды. Во многих местах он описывает взаимосвязь между свойствами государства и характером индивида, утверждая: «Каково государство, такими будут и индивиды», и наоборот. Наконец, он подчеркивает мысль, что человек за пределами общественного контроля – всего лишь животное.

«В его [человека] душе имеются те же виды, что и в государстве... У различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства... В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются неведь откуда – от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах... Раз видов государства пять, то и у различных людей должно быть пять различных устройств души...»⁶

«Когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души,.. начало дикое, звероподобное... вздымается на дыбы... Оно осквернит себя каким угодно кровопролитием... Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве»⁷.

Все знают высказывание Аристотеля, что «человек есть общественное животное» и что человек, «живущий без закона и справедливости (и общества), – наихудшее из всех животных»⁸, не говоря уже о разработанном им учении о влиянии социальной среды.

В более поздние времена из числа знаменитых социальных мыслителей мало находилось таких, которые не подчеркивали бы определяющего влияния разных социальных условий. С другой стороны, мы уже видели, что органическая концепция общества как реальности *sui generis*^{7*} появилась давно (см. главу о биоорганизмических теориях). Это свидетельствует о том, что школа, как и все почти современные социологические системы, зародилась в далеком прошлом. С тех пор принципы школы с вариациями прослеживаются на протяжении всей истории социальной мысли. Даже в трудах мыслителей XVIII в., какими бы «индивидуалистическими» они ни были, в не меньшей степени подчеркивается решающая и определяющая роль социальной среды. Период конца XVIII – начала XIX в. был отмечен небывалым возрождением органических концепций общества, острой критикой индивидуализма и номинализма, восстановлением в правах идеи о самопроизвольной эволюции социальных институтов, независимо от индивидуальных желаний и теорий, отстаивающих представление о за-

⁶ Plato. *The Republic*, tr. By Jowett. New York, 1874, p. 435 ff., 456 ff., 544 ff., 557^{4*}.

⁷ *Ibid.*, p. 571 ff.^{5*}

⁸ Aristotle. *Politics*, book I, cp. I–III^{6*}.

висимости индивида от общества. Теории Ж. де Местра, де Бональда, Э. Бёрка и многих других (см. главу о биоорганической школе) служат примерами господствовавших в то время социологических концепций. По сути своей основы они носят явно социологистический характер⁹. Эти работы повлияли на основные идеи Огюста Конта в данной области¹⁰, а Конт в свою очередь в значительной степени повлиял на соответствующие идеи современных представителей этой школы. К их работам мы теперь и обратимся.

3. Социологистические интерпретации Е.В. Де-Роберти, А. Эспинаса, Ж. Изуле, Д. Драгическо, Ч.Х. Кули и других

Е.В. Де-Роберти (1843–1915), один из самых ранних пионеров социологии, родился и вырос в России. Он издал свою «Социологию» на русском языке еще в 1876 г. Ее французский перевод появился два или три года спустя (второе издание вышло в 1886 г.). Совместно с Э. Литтре и другим известным русским мыслителем Вырубовым он стал одним из основных интерпретаторов позитивизма О. Конта в журнале, который специально для этого основал Э. Литтре – «La philosophie positive». Несогласия с некоторыми теориями Конта, которые Де-Роберти выразил уже в своей «Социологии», позже привели его к формальному разрыву с позитивизмом и созданию собственной теории под названием «неопозитивизм»¹¹. Он много лет прожил за пределами России, читая ряд курсов по социологии и философии в разных иностранных университетах. С 1909 г. он был профессором Психоневрологического института в С.-Петербурге. В 1915 г. он был убит в своем доме в Тверской губернии. Е.В. Де-Роберти – автор многих книг по философии¹² и социологии¹³. Из его социологических работ самыми важными являются «Новая программа социологии» (Paris, 1904) и «Социология действия» (Paris, 1908), в которых он подводит итог практически всех своих теорий. Философический и назидательный тон его писаний

⁹ См.: *de Maistre J.* Considérations sur la France; Les soirées de Saint-Petersbourg; Le Pape, L'étude sur la souveraineté; Examen de la philosophie de Bacon (L'Œuvres complètes de J. de Maistre. Lyon, 1891–1892, vol. I, IV, V); *de Bonald L.* Théorie du pouvoir politique et religieux dans les sociétés civiles; Du divorce; Essai analytique sur les lois naturelles (Œuvres, vol. I, II, III).

¹⁰ См.: *Moulinée H.* De Bonald. Paris, 1915, p. 145 ff.

¹¹ Принципиальные разногласия с позитивизмом Де-Роберти, помимо своих книг, отметил в специальном памфлете: «Pourquoi je ne suis pas positiviste».

¹² L'ancienne et la nouvelle philosophie; Inconnaissable; La philosophie du siècle; Agnosticisme; La recherche de l'unité; A. Comte et H. Spencer; F. Nietzsche; Les concepts de la raison et les lois de l'univers.

¹³ La sociologie; L'éthique; Le psychisme social; Les fondements de l'éthique; Constitution de l'éthique; Nouveau programme de sociologie; Sociologie de l'action.

в совокупности с довольно «тяжеловесным стилем» – вот, наверное, причины того, что его имя гораздо менее известно, чем имена Дюркгейма и Зиммеля, теории которых Де-Роберти сформулировал раньше и в некоторых аспектах более обстоятельно. В числе своих предшественников Де-Роберти называет О. Конта, де Бональда, Гербарта, Каттанео, Ж. де Витри и Джорджа Льюиса¹⁴. Социологическая система Де-Роберти неотделима от его философской системы в целом. Ее основные идеи можно изложить следующим образом:

1. Известный нам мир – а его, вопреки утверждению агностицизма, можно познать адекватно – состоит из трех основных форм энергии: физико-химической, или неорганической; жизненной, или органической; и социальной, или надорганической.

2. Физико-химические явления представляют собой результат или проявление внутри- и межмолекулярного взаимодействия. Жизненные явления – манифестация внутри- и межклеточного взаимодействия. Социальные или надорганические явления – результат взаимодействия межмозгового. Каждый последующий класс явлений представляет собой специфическое усложнение предыдущего.

3. Переход от одного класса к другому носит постепенный и почти незаметный характер. Это относится к линии разграничения между явлениями неорганическими и жизненными, равно как и между жизненными и надорганическими явлениями. Помимо обычных свойств живого вещества, жизненные явления часто характеризуются наличием так называемых элементарных «психических» процессов, таких как раздражимость, ощущения, чувства, эмоции и даже смутные образы и представления.

4. В противоположность этим элементарным «психическим» явлениям главную сущность надорганических явлений составляют «мысль» и абстрактное «знание» (*connaissance*). Наивысшими формами надорганических явлений являются: абстрактные и истинные понятия, категории и законы науки; философские или религиозные обобщения; символы и образы искусств; и рациональные предписания прикладной мысли, т. е. рациональные теории поведения (этика). Все это – разновидности социальной «мысли», или «знания»; будучи достоянием только человеческих существ, они составляют саму сущность цивилизации. «Мысль», «знание» и «понятия» являются чем-то радикально отличающимся от простой раздражимости, ощущений и конкретных образов. Другими словами, в чистой форме надорганические явления – это то, что называется высшей формой психических явлений¹⁵. Они воплощаются, как мы увидим, в формы научной, философской, эстетической и прикладной мысли, или знания, основанные

¹⁴ *De Roberty*. La Sociologie (chapter «Questions connexes»).

¹⁵ См.: *De Roberty*. Nouveau programme de sociologie. Paris, 1904, ch. I–IV; Sociologie de l'action. Paris, 1908, ch. I–VI; La sociologie, ch. «Questions connexes».

на научных предпосылках. Они образуют царство, совершенно отличающееся от биологических явлений. Разрыв между ними не меньше, чем между биологическими и неорганическими явлениями. Если это так, то возникает вопрос: как они возникли? Из какого источника произошли? Почему они существуют только среди людей? Эти вопросы приводят к самой важной части теории Де-Роберти, каковой является его «*биосоциальная гипотеза*».

5. *Биосоциальная гипотеза*. Фактором, ответственным за появление и рост суперорганической «мысли», или «знания», является межмозговое (межумственное) взаимодействие биологических организмов. «Мысль» имеет двоякий источник. С одной стороны – *чисто биологический*, т. е. те жизненные факторы, которые создали высшие организмы с такой развитой нервной системой, которая необходима для интеллектуального взаимодействия. С другой стороны – *чисто социальный*, т. е. *сам фактор взаимодействия*, без которого не могла появиться «мысль» в ее научных, философских, символических и практических формах, как бы ни высока была биологическая структура организма. Причины последнего утверждения следующие: (А) В отличие от простой раздражимости или ощущения, «мысль» не может ни появиться, ни существовать без языка. Точно так же язык, возможно, не мог появиться без длительного и постоянного межмозгового взаимодействия. Ergo^{8*}: никакая мысль не могла появиться без взаимодействия. Это подтверждается тем фактом, что только среди людей мы находим язык и только среди них обнаруживаем «мысль». Человеческие существа всегда были и самыми общественными животными. (В) Несмотря на то, что образы и представления отдельного индивида бывают ошибочными, «мысль» и «знание» представляют собой «точные» и «истинные» идеи. Они суть воплощения не случайного и фрагментарного индивидуального опыта, а скорее несравнимо более богатого *коллективного опыта* множества поколений, которые исправляли, проверяли, обогащали, увеличивали и дополняли неадекватный индивидуальный опыт. Научная, философская или любая другая мысль может быть действительно точной лишь после того, как она будет проверена и признана адекватной *коллективным опытом*. Мы ничего не можем сказать об индивидуальном опыте, пока опыт других людей его не проверит и не подтвердит или же опровергнет. Это означает, что логически и фактически «мысли», или надорганические явления, не могут возникнуть без взаимодействия: это их логическое и неперемное условие *sine qua non*^{9*}. (С) Без постоянного взаимодействия многих поколений людей никакое накопление мысли или, что то же самое, никакой рост надорганических явлений, никакое развитие цивилизации, никакой «умственный прогресс» не были бы возможны, потому что без взаимодействия любой индивидуальный опыт, каким бы правильным он ни был, обречен на забвение, поскольку он не может быть передан никакому другому человеку или последующему поколению. В таких условиях накопление культуры или мысли становится невозможным. Невозможными также становятся появление, суще-

ствование и рост надорганических, или высших форм, «психических явлений». (D) Одно из необходимых условий сознательного психического процесса – наличие разных и изменяющихся стимулов. Когда они малочисленны и монотонны, они приводят к «умственному застою» и даже к превращению осознанного процесса в процесс автоматический и бессознательный. Если бы существовала только окружающая среда, то она была бы очень слабым стимулом, побуждающим организмы к умственной деятельности, поскольку она довольно монотонна, медленно изменяется и ее разнообразие ограничено. Адаптация к такой окружающей среде, будучи однажды достигнутой, становилась бы все более и более автоматической и инстинктивной, и не было бы никакой необходимости развития мысли. Человеческие существа, как и многие животные, стали бы «инстинктивными» тварями безо всякой «мысли» и без какой бы то ни было «умственной жизни». Этого не произошло, должно быть, благодаря социальной жизни наших человеческих предков, их межумственному взаимодействию, взаимной стимуляции и их «социальной среде», которая динамична по самой своей природе. Это постоянное течение все возрастающих новых стимулов, которые, постоянно изменяясь, не дают возможности для превращения привычки в инстинкт. Наоборот, оно ломает инстинкты и вынуждает людей прикладывать непрерывные усилия для новой адаптации к постоянно меняющейся социальной среде, которая стимулирует и пробуждает процессы мышления.

Этих причин достаточно, чтобы убедиться в том, что, помимо биологических факторов, социальное взаимодействие является абсолютно необходимым условием для появления и роста «мысли», или «процесса мышления». Это значит, что *«психологические феномены» являются результатом, а не причиной социального взаимодействия; поэтому столь же неправильно объяснять социальные явления с помощью явлений психологических, как и причину объяснять через ее следствие.* Стало быть, Огюст Конт был прав, когда поместил социологию сразу после биологии, исключив психологию. Социология – фундаментальная наука о надорганических явлениях, основанных на данных биологии, включая «физиологическую психологию», которая является биологической, а не психологической наукой. Не социальные явления должны объясняться посредством психологических причин, а психологические явления следует объяснять с помощью биологических и социальных факторов. Таков вывод Де-Роберти.

6. Психология не является обобщающей, абстрактной наукой, как биология и социология, она – наука описательная и конкретная¹⁶, которая описывает кон-

¹⁶ Де-Роберти делит все науки на две основные ветви: 1) Абстрактные, или обобщающие, науки, которые разлагают конкретный мир неорганических, органических и надорганических явлений на их компоненты или элементарные единицы, анализируют отношения этих единиц и формулируют законы их взаимосвязей. Таковы, например, физика, химия, биология и социология. 2) Конкретные, или описательные, науки изучают определенный конкретный объект, например, землю, дерево, животное, человека или группу. Они описывают свой объект

кретные психологические процессы, происходящие внутри индивида (психологическая биография) или внутри определенной группы (т. е. описывает психологию конкретной расы, нации или секты), объясняя их с применением данных биологии и социологии. Ее положение и характер подобны геологии. Геология также описательная, конкретная наука. Она действительно лишь описывает определенные геологические особенности и процессы конкретного уникального объекта – Земли, объясняя их с применением общих законов физической механики, физики, химии и биологии. Таким образом, Де-Роберти проводит четкую границу между социологией и психологией. Вышесказанное свидетельствует о том, что настойчивость, с какой Де-Роберти объясняет психологические явления с помощью биологических и социальных факторов, не пустяк, а некое фундаментальное свойство его системы. Такова сущность биосоциальной гипотезы и «социологизма» Де-Роберти.

7. Почти одновременно с Де-Роберти к таким же выводам пришел А. Эспинас в своих ценных исследованиях: «*Les sociétés animales*» (1878), «*Les origines de la technologie*» (1898) и «*Être ou ne pas être*» (1901). Не останавливаясь здесь на выдающемся вкладе Эспинаса в специальные области «социологии животных» и происхождения и факторов развития технологии, отметим лишь, что его специальные исследования привели к ряду выводов, очень похожих на заключения Де-Роберти. «Индивид скорее продукт, чем творец общества» – вот одна из социологистических формул Эспинаса. Де-Роберти, Эспинас и позже Э. Дюркгейм и его школа¹⁷

во всей его уникальности и со всеми его особенностями, и, чтобы объяснить его специфические черты, они должны применить законы, по крайней мере, двух разных абстрактных наук. Один из примеров конкретных наук – геология. У нее есть свой специфический и уникальный объект: Земля. Для того, чтобы объяснить ее историю и ее геологические характеристики, геология должна применить законы химии, физики и даже биологии. Во многих отношениях классификация Де-Роберти близка к классификации наук, позже предложенной Г. Риккертом и В. Виндельбандтом. См.: *De Roberty. La Sociologie; De Roberty. A. Comte and H. Spencer.*

¹⁷ Дюркгейм разработал теории, которые, по сути дела, очень похожи на теории Де-Роберти и Эспинаса. Я даже думаю, что Эспинас и Де-Роберти сформулировали соответствующие идеи лучше и более четко, чем Дюркгейм, который развивает их в своей статье «*Représentations individuelles et représentations collectives*» (*Revue de methaphisique et de morale*, vol. VI). С. Деллаж в своей книге «*Le Conflict de la morale et de la sociologie*» и Ч.Э. Гельке в работе «*Emile Durkheim's Contributions to Sociological Theory*» указывают на ряд авторов, от которых Дюркгейм мог взять некоторые из своих идей. Среди этих имен не нашел ни Де-Роберти, ни Эспинаса. Между тем их теории, вероятно, ближе к дюркгеймовским, чем теории Зиммеля, Вундта и других немецких и французских авторов, которых называют Деллаж и Гельке. «*La Sociologie*» Де-Роберти и «*Les sociétés animales*» Эспинаса были изданы раньше, чем работы Дюркгейма. Он не мог о них не знать, судя по ссылкам на Эспинаса и Де-Роберти в его работах и в издаваемом им журнале «*L'année sociologique*». Правда, ссылки Дюркгейма на Де-Роберти не очень комплиментарны, но такое отношение со стороны Дюркгейма едва ли можно назвать справедливым, если сравнить их теории в области описанных выше проблем. Кстати, необходимо отметить, что аналогия между А. Бергсоном и Дюркгеймом, которую проводит в своей работе Гельке, ошибочна. Их теории совершенно противоположны.

выдвинули много других соображений против психологической интерпретации социальных фактов и против того, чтобы социология опиралась на психологию. Они в один голос твердят о том, что если игнорировать фактор социального взаимодействия, то мы должны прийти к теории «самозарождения» ума и мышления, которая явно ненаучна и ведет к мистике. В таком случае становятся необъяснимыми как появление и развитие ума, так и непрерывность и накопление культуры.

8. Более того, под влиянием А. Эспинаса и Е. Де-Роберти, Э. Дюркгейма Ж. Изуле в своей работе «La cité moderne»¹⁸ и особенно Д. Драгическо в книге «Du rôle de l'individu»¹⁹ представили целый ряд более подробных подтверждений биосоциальной гипотезы. В этом отношении особую ценность представляет книга Драгическо. Он, вероятно, более четко, чем кто бы то ни было еще, показал наличие корреляции между социальными и психологическими процессами – корреляции, в которой психологические процессы интерпретируются как результат процессов социального взаимодействия. Суть аргумента Драгическо такова: одно из необходимых условий интеллекта – существование *изменяющихся и разнообразных стимулов*. Под воздействием монотонных и постоянных стимулов даже осознанные психические процессы, как правило, превращаются в бессознательные и машинальные. Географическая среда, будучи более или менее неизменной, не способствует прогрессу интеллекта. После того как адаптация к такой окружающей среде достигнута, даже осознанная деятельность превращается в бессознательную. В прошлом эта окружающая среда должна была превратить человека в инстинктивное существо и никоим образом не способствовала развитию его сознания. Если же это произошло, то благодаря такому фактору, как взаимодействие внутри общества. Постоянно изменяясь и усложняясь, оно побуждало прилагать непрерывные усилия для новой и сознательной адаптации. Этот фактор постоянно стимулировал развитие человеческого интеллекта, ослаблял инстинктивные и машинальные реакции, снижал роль наследственности, а также наделил человека гибкой памятью. Такова первая причина, в силу которой происхождение и прогресс человеческого интеллекта были обусловлены взаимодействием внутри общества. Человек жил и живет в самом большом и сложном обществе, и вследствие этого он стал самым разумным существом по сравнению с другими животными. Вторая причина следующая: способность расчленения, или анализа, есть фундаментальная функция разума. Эта функция тем более развита, чем более сложен мир, в котором живет человек. С увеличением сложности окружающей среды способности человека к анализу также должны возрастать, иначе он не сможет адаптироваться к своей среде. Отсутствие адаптации ведет его к исчезновению. Самая сложная среда – социальная, и ее сложность увеличивается по ходу истории, потому что рост социальной диффе-

¹⁸ См.: Izoulet J. La cité modém. Paris, 1901, 5th ed.; 1908, 7th ed., p. 588–600.

¹⁹ Draghicesco D. Du rôle de l'individu dans le déterminisme social. Paris, 1906, p. 121 ff.

ренциации является фундаментальным социальным процессом. Следовательно, *прогресс аналитической, или познавательной, способности ума обусловлен взаимодействием внутри общества и ростом социальной дифференциации. Первый есть не что иное, как отражение последней.* То же самое относится и к *синтетической способности ума как его второй фундаментальной функции. Эта его функция опять-таки есть не что иное, как отражение фундаментального социального процесса интеграции небольших групп во все более и более крупные.* Данный социальный процесс сделал необходимым параллельное развитие синтетической способности ума. Без этого человек тоже снова не смог бы адаптироваться к окружающей среде и должен был исчезнуть. Таким образом, мы имеем полный параллелизм прогресса социальной дифференциации и аналитической функции мозга, прогресса социальной интеграции и синтетической способности ума. Эти две функции объяснения и обусловили фундаментальные характеристики высшего человеческого разума. Далее, интеллектуальный и культурный прогресс осуществлялся благодаря изобретениям. Изобретение – счастливый брак двух или большего числа идей. Чем интенсивнее идет обмен идеями между членами общества, тем больше возможностей для изобретения. По этой причине социальное взаимодействие было источником интеллектуального прогресса. То же самое можно сказать и о накоплении знаний и сохранении культурных ценностей. Поскольку культурные ценности биологически не наследуются, они не могли бы накапливаться, если бы не было социального контакта между индивидами, группами и сменяющимися друг друга поколениями. Точно так же интеграция человеческой личности, сама идея о собственном «я» и фундаментальных законах или логике могли возникнуть только в социальной среде. С другой стороны, факты распада индивидуальности, которые хорошо известны психиатрам, обусловлены главным образом тем же фактором социального взаимодействия: неожиданными, внезапными и сильными потрясениями или слишком резким переходом из одной социальной среды в другую²⁰.

Таким же образом Драгическо показывает, что ни память, ни ассоциация идей, даже ни одно понятие и абстрактное обобщение не объяснимы без фактора социального взаимодействия и его фундаментальных форм и характеристик. Психические процессы обязаны своим существованием соответствующим социальным процессам и являются всего лишь их психологическим отражением²¹. Вслед за Де-Роберти, Дюркгеймом и Зиммелем он указывает, что душа индивида является всего лишь микроскопическим отражением социального мира. Если индивид является членом антагонистических групп, то его сознание будет наполнено конфликтами и противоречиями; если же он состоит членом лишь солидарных групп, то его «душа» тоже будет «солидарна». Человек имеет столько

²⁰ *Draghicesco D. Op. cit.*, p. 162–190.

²¹ *Ibid.*, p. 190–274.

различных «Я», сколько есть групп, в которых он состоит²². С этой точки зрения даже гениальные люди являются только продуктом социальной интеграции. Они – люди, которые оказались в точке пересечения или в фокусе умственных брожений общества. Воспринимая доминирующие чувства и настроения масс, они их объединяют и систематизируют, посредством чего и оказывают свое влияние. Так называемая неповторимая оригинальность гениев также обусловлена тем же самым фактом их нахождения в точках переплетения идей, чувств и настроений масс²³. Такова интерпретация Драгическо биосоциальной теории²⁴.

За несколько лет до Драгическо и тоже отчасти под влиянием Де-Роберти и Дюркгейма Ж. Изуле, профессор «College de France», в своей блестяще написанной книге «Современное общество» подробно обосновал биосоциальную гипотезу и, как и Драгическо, показал, что взаимодействие и ассоциация являются главным фактором эволюции организмов от низшего состояния к высшему, а также причиной возникновения и развития «социальных, научных, технических, идеальных и нравственных представлений» у человека²⁵. В то же время Г. Зиммель и Э. Дюркгейм в своих трудах по-своему разработали ряд теорий, в которых пришли к заключениям, подобным вышеупомянутым, а именно к тому, что социальные процессы дифференциации и интеграции связаны с психологическими процессами анализа и синтеза, что человеческий разум – лишь отражение социального мира и его свойств, что логические категории пространства, времени, причинности, качества, количества, а также абстрактные понятия, религиозные идеи и моральные ценности возникли и развиваются благодаря фактору социального взаимодействия и что они по существу – отражения, воплощения или символы самого общества (см. также главы о Дюркгейме и Зиммеле)²⁶. Несколько позже вышеупомянутые принципы социологии были вновь блестяще подтверждены многими авторами из разных стран. Среди них заметное место принадлежит профессору Чарльзу Х. Кули, родившемуся в 1864 г.²⁷ Начав с не-

²² Ср.: *Сорокин П.* Система социологии, т. II, гл. 6; *Park and Burgess.* Op. cit., ch. II–III; *Durkheim.* Le dualisme de la nature humaine // *Scientia.* Vol. XV, p. 206–221.

²³ *Draghicesco D.* Op. cit., p. 295–335.

²⁴ В своей более поздней книге «L'idéal createur» (Paris, 1912) Драгическо попытался показать, что наибольший вклад в культуру был сделан в тех местах, где и когда взаимодействие было наиболее интенсивным и многомерным, что способствовало перекрестному оплодотворению мысли. В этой же книге он пытается представить идеалы как факторы человеческого поведения.

²⁵ *Izulet J.* La cité moderne, passim и особенно livre II.

²⁶ В этом отношении из работ Дюркгейма особенно важны следующие: «Le suicide», «De la division du travail social», «Représentations individuelles», «The Elementary Forms of Religious Life». В работах Зиммеля вышеупомянутый параллелизм социальных и психологических категорий особенно заметен в его небольшой книге о религии с ее центральной идеей о том, что понятие Бога является лишь «переводом определенных характеристик общества на язык психологии». См. главу о формальной школе.

²⁷ См.: *Cooley Ch.H.* Human Nature and the Social Order. 1st ed., 1902; *Social Organization.* 1st ed., 1909; и *Social Process.* 1918.

сколько иной точки зрения, Кули пришел к заключениям, напоминающим вышеописанные принципы социологии. К числу его особых достижений следует отнести его блестящую теорию первичных и вторичных социальных групп, анализ семьи, детства и соседства как особенно важных для первичных групп²⁸.

Помимо трактатов, посвященных общей социологической теории, были изданы многочисленные специальные исследования, в которых определенные «психологические» явления подробно интерпретировались в ее свете. Из таких исследований я упомяну в первую очередь ряд работ, посвященных социологии языка²⁹; другое подобное исследование провел профессор Э. Дюпреель, который попытался показать, что некоторые смутные представления, касающиеся, например, права, справедливости и т. п., являются всего лишь отражениями определенных общественных отношений и обязаны своим происхождением социальной среде³⁰. Недавно профессор М. Хальбвакс, один из самых известных последователей Дюркгейма, опубликовал специальную монографию, посвященную социологической интерпретации памяти³¹. Автор использует тот метод интерпретации религии, которому следовал Дюркгейм, и пытается показать, что существует коллективная память, отличающаяся от индивидуальной, что «социальная структура памяти» является обязательным условием для существования любой отдельной памяти и что характер общественной организации оставляет свой отпечаток на памяти своего представителя: если изменяется первая, то меняется и последняя.

Из вышесказанного следует, что принципы социологической интерпретации различных психических явлений появились почти одновременно в различных странах и совершенствовались, применяя свои принципы к объяснению как простых, так и самых сложных психических процессов. После этого отступления, чтобы не возвращаться к особенностям других социологических трактатов, обратимся к характеристикам других важных моментов социологии Де-Роберти.

9. *Классификация социальных явлений.* Следующая важная черта системы Де-Роберти – предлагаемая им классификация надорганических или социальных явлений. Если, согласно его определению, надорганические явления – это социальные мысли или осознанные психические явления, то их классификация должна быть классификацией фундаментальных форм социальной мысли³².

²⁸ См., в частности: «Social Organization», ch. III.

²⁹ Соответствующей литературы очень много. См. хороший обзор и анализ теорий в: *Погодин А.* Язык как творчество. Харьков, 1913; *de la Grasserie E.* Études de psychologie et de sociologie linguistique. Paris, 1909; *Jordan L.* Sprache und Gesellschaft; *Vossler K.* Die Grenzen der Sprachsoziologie. Обе статьи – в *Erringerungsgabe für Max Weber.* 1923, Bd. 1, S. 338–389; см. в этих работах другие ссылки.

³⁰ *Dupréel E.* La rapport sociale. Paris, 1912, part III.

³¹ *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1925.

³² Необходимо четко понимать, что, согласно Де-Роберти, конкретное поведение человека или конкретные исторические и социальные процессы не являются чистыми социальными явлениями. В своих конкретных формах они – *космо-био-социальные факты*. Человек воплощение не только социальных, но также биологических и физико-химических сил, потому что он – организм, а любой организм является физико-химической субстанцией.

В их причинной последовательности они таковы:

1. Аналитическая, гипотетическая, аподиктическая (недогматическая) мысль	или Наука	В причинной последовательности каждая предыдущая форма мысли определяет последующую. Научная мысль общества определяет характер его философии и религии. Они в свою очередь определяют характер эстетической мысли или искусства общества; между тем как все три формы мысли определяют характер прикладной мысли общества: его технологию, промышленность, сельское хозяйство, экономическую и политическую организацию, <i>нравы</i> , традиции, мораль, этику и т. д., по мере их возникновения или осознанного исполнения ³³ . Так как причинная последовательность форм мысли такова, одним из ее результатов является закон отставания; философия или религия общества отстают от своей науки; эстетическая мысль отстает от своей религии; практическая мысль отстает от всех предыдущих форм мысли ³⁴ .
2. Синтетическая или аподиктическая мысль	или Религия и философия	
3. Символическая или эстетическая мысль	или Искусства и отчасти любовь	
4. Практическая или повседневная мысль, которая на основе знания указывает, что следует делать, чтобы достичь определенной цели	Все прикладные дисциплины, начиная с прикладных физических и химических дисциплин и заканчивая этикой или теорией социального поведения. Социальная технология в самом широком смысле слова	

Для объяснения *конкретного поведения человека или исторических событий* необходимо использовать все данные и законы физико-химических наук, которые отчасти предоставляют исследования космических или географических факторов; все данные и законы биологических наук, полученные в процессе изучения биологических факторов поведения человека и истории; и, наконец, должны быть применены все данные социологии, полученные в ходе исследования социальных факторов данных явлений. Это объясняется тем, что поведение человека и история являются социальными явлениями лишь настолько, насколько они оказываются проявлениями социальной мысли. Это объясняет также, почему в своей классификации чисто социальных явлений Де-Роберти вполне логично классифицирует только формы мысли, а другие компоненты конкретного поведения человека или истории человечества не относит к явлениям социальным. Этому не поняли должным образом некоторые критики системы Де-Роберти, которые неверно истолковали ее как попытку объяснить всю историю человечества с помощью лишь одного фактора – интеллекта. Даже П. Барт отчасти совершает эту ошибку. На самом деле система Де-Роберти лишена такой односторонности. Интерпретируя конкретные процессы истории и поведение человека, он настаивает на том, что они – совокупный результат всех космических, биологических и социальных факторов. В этом смысле Де-Роберти очень близок к Э.К. Хейзу, который тоже четко отличает «чистые социальные явления» от конкретных фактов истории и поведения человека.

³³ *De Roberty*. Nouveau programme, passim; Sociologie de l'action, p. 163–304.

³⁴ La sociologie de l'action, p. 182 ff.

Каждая из форм мысли отличается от других качественно³⁵.

10. *Мысль как реальная сила и наука как основной социальный фактор*. Как уже отмечалось, Де-Роберти не принадлежит к монистическим социологам, которые пытаются объяснить все с помощью одного фактора. Наоборот, он – плюралист. Он рассматривает человеческое существо, его поведение и исторические процессы как *космо-био-социальные явления*, определяемые *космо-био-социальными* факторами. Но, поскольку поведение человека и исторические процессы являются социальными (т. е. сознательными и целенаправленными явлениями), они испытывают влияние со стороны каждой из фундаментальных форм социальной мысли. Как и электричество, «мысль» как высшая форма энергии представляет собой реальную силу. Она «движет» локомотивы и станки, работает на наших фабриках и в мастерских, влияет на поведение телесного человеческого механизма и проявляется в движениях индивидов и масс. Короче говоря, будучи самой высокой формой энергии, мысль является великой и реальной силой³⁶, функция которой – осуществлять контроль и доминировать над всеми другими физико-химическими и биологическими формами энергии. Не много найдется социологических систем, если вообще найдутся таковые, которые так сильно подчеркивали бы могущество «мысли», и, вероятно, нет никакой другой, которая ставила бы на первое место мысль аналитическую или научную. Мы знаем, что

³⁵ Ср. концепцию философии и науки Де-Роберти с зиммелевской; во многих аспектах они похожи. См.: *Simmel*. Hauptprobleme der Philosophie. Leipzig, 1911; *De Roberty*. Le problème sociologique et le problème philosophique // *Revue Philosophique*. 1911, № 11. Легко также обнаружить, что классификация Де-Роберти противоположна марксистской классификации социальных факторов. Для него первым является фактор, который в марксистской теории наименее важен и *vice versa*. Технология, или формы производства как разновидности прикладной мысли, в марксистской теории является первичным фактором. У него она занимает последнее место. См. интересную статью Де-Роберти о марксизме в «*Annales de l'Institut International de Sociologie*» (vol. VIII).

³⁶ Здесь теория Де-Роберти совпадает с выводами, которые делает, исходя из другой точки зрения, А. Фуллье в своей философии и психологии идей-сил. Согласно Фуллье, идея не есть лишь бессильное представление, а является реальной движущей силой, которая влияет на поведение индивидов и масс. «Везде “идея” появляется как сила, обуславливающая изменения сознания и, поскольку психические процессы связаны с процессами, происходящими в мозгу, обуславливающая изменения самих этих процессов... Каждое такое понятие, как “Отчизна”, “Человечество” и “Вселенная”, пробуждает бесконечное множество ощущений, за которыми скрываются самые сильные чувства и эмоции... “Отчизна!” “Человечество!”» Под этими словами нередко объединялись и двигались целые армии и народы...» Будучи социальными по своей природе, «идеи составляют коллективную силу, которая аккумулируется (emmagasinée) в человеке; они имеют свою собственную интеллектуальную наследственность, которая воздействует на наследственность биологическую, и зачастую посредством воспитания они могут ее направлять, а иногда и управлять ею» (*Fouillée A. L'évolutionisme des idées-forces*. Paris, 1906, р. ХСІ–ХСІІІ). Во введении Фуллье дает краткое резюме своей теории идей-сил, подробно развитой в следующих его книгах (если называть лишь некоторые): «*La psychologie des idées-forces*»; «*La morale des idées-forces*»; «*Éléments sociologiques de la morale*».

Огюст Конт также придавал большое значение идеям в деле детерминации поведения человека и исторических процессов. Но в системе Конта, как справедливо указал Де-Роберти³⁷, наибольшая важность придается не столько аналитической или научной, сколько синтетической или философской и религиозной мысли. Они – основа закона трех стадий Конта: его теологической, метафизической и позитивной стадий, в основе которых лежит та или иная синтетическая и аподиктическая концепция мира, свойственная, по мнению Конта, каждой из этих стадий. Согласно Де-Роберти, в этом и заключается один из недостатков позитивизма. В противоположность Конту он решительно отдает первое место научной, или аналитической, мысли. Ее характер и прогресс определяют характер и прогресс всех других форм мысли, благодаря чему обеспечивается относительная власть мысли как фактора истории человечества вообще. Если аналитическая мысль общества бедна в качественном и количественном отношениях, то примитивны и слабы будут и ее религия, ее философия, искусства и прикладная технология. «Настоящий революционер» тот, кто способствует прогрессу науки. Человек, который первым открыл, что «дважды два – четыре», был величайшим революционером. Только прогресс науки ведет к увеличению подлинной свободы человека, а подлинная свобода есть не что иное, как знание. Зная явления и их отношения, мы можем управлять ими, чтобы удовлетворять наши потребности. Настоящими освободителями людей были не невежественные революционеры или радикалы, ими были только те, кто действительно увеличил человеческие знания. Пастер, Ньютон, Фарадей и Лавуазье увеличили сумму человеческой свободы гораздо больше, чем все революции и революционеры, вместе взятые. В областях, где аналитическая мысль достигает совершенства и точности, как сейчас в области природных явлений, ее власть проявляется в высокой эффективности соответствующей прикладной мысли и в успешном покорении естественных сил пара, электричества и т. д. на благо человечества. Фабрики, локомотивы, автомобили, аэропланы, радио и вся промышленная техника являются только проявлением власти физико-химической научной мысли. Также значительны достижения биологических наук с их вытекающим отсюда влиянием на историю и поведение человечества. Современное сельское хозяйство, медицина, санитария и гигиена являются лишь проявлениями власти биологических наук. Самыми ничтожными оказываются достижения социальных наук. Мы все еще мало знаем о природе надорганических явлений. Естественно, прикладная технология социальных наук бедна и незначительна, так же как и их рациональная этика, рациональная организация социальных и политических институтов и рациональная теория прогресса. Вместо научной технологии в этой области есть только многочисленные утопические схемы, псевдонаучные планы реконструкции, поверхностные политические суждения и неосознанные движения страдающих масс во главе с безрассудными или нечестными демагогами. До тех пор, пока аналитическая

³⁷ См. его «Pourquoi je ne suis pas positiviste».

мысль в этой области не добьется реального прогресса, не стоит ожидать от нее никакой эффективной и рациональной прикладной технологии. Вся эта пышная болтология реформаторов неизбежно будет оставаться пустой фразеологией и ничем больше³⁸. Такова сущность этой части рассматриваемой теории.

Критика. Теперь возьмем принципиальные утверждения социологической школы и посмотрим, в какой степени они достоверны.

А. Социологическая теория права, когда утверждает, что при объяснении роста сознания и психологии человеческих существ необходимо учитывать фактор социального взаимодействия. Она права и в своем стремлении установить связь между социальным взаимодействием и психологическими процессами, и в отстаивании учения о социальном происхождении языка, науки³⁹, понятий, логических категорий, нравов, религии и других социальных ценностей. Если бы такой подход был осуществлен как один из множества возможных, то я не видел бы никаких причин для возражений. Но это не тот случай. Теория претендует на исключительность. Она декларирует, что любой другой подход неверен. Поэтому он и не может быть принят. Прежде всего, зададимся вопросом, действительно ли фактора взаимодействия достаточно для объяснения происхождения мысли или надорганических явлений? Я так не думаю. Среди пчел и муравьев и других животных мы находим постоянное и сложное взаимодействие, и все же это не породило «мысль» или что-нибудь подобное. Более того, в соответствии с теорией следовало бы ожидать, что «менталитет» видов, живущих в обществах и постоянно взаимодействующих, окажется выше, чем у животных, которые в обществах не живут. Факты такого ожидания не подтверждают. Л. Морган прав, говоря, что у нас нет никаких причин утверждать, что несоциальные осы в психологическом отношении ниже по сравнению с осами социальными, или что несоциальный тигр ниже по сравнению с социальными шакалами, или что многие несоциальные птицы глупее социальных⁴⁰. Если Н. Михайловский,

³⁸ См.: *Nouveau programme; La sociologie de l'action; Qu'est-ce que le progrès? Qu'est-ce que le crime?*

³⁹ Экспериментальные исследования, которые недавно провели Е.В. Доран, Э.Э. Киркпатрик, Дж.Ч. Уипл, Э.Г. Баббит; Дж.К. Бранденбург, Ф.М. Герлах, Л. Герлах, Л. Термен, В.Р. Макклатчи, Х.Л. Неэр, Э.Л. Торндайк, Г.К. Швайзингер и др., обнаружили высокую степень корреляции (от + 0,39 до + 0,85) между словарным запасом и интеллектом индивидов. Так как язык и словарный запас явно зависят от социального контакта, вышеупомянутая корреляция в значительной степени говорит в пользу социологической школы. Добротное описание упомянутых исследований и литературу см. в: *Schweisinger G.C. The Social-Ethical Significance of Vocabulary. New York, Teachers College, 1926, p. 8–11 и passim.*

⁴⁰ См.: *Morgan L. Animal Behavior. 1908, p. 229 ff.* См. также: *Parmelee M. The Science of Human Behavior. New York, p. 391 ff.; Ammon O. Die Gesellschaftsordnung (part I).* Данные факты противоречат и другому предположению – что «социальность» всегда полезна для всех видов и чем более они социальны, тем выше они по структуре и имеют больше шансов для выживания. Эту идею особенно четко выразил П. Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь как фактор эволюции», но она не подтверждается фактами.

Ж. Палант и Л. Винярский и не совсем правы, утверждая, что «совместное проживание», социальность и социальная сплоченность всегда приводят к ментальной стагнации разновидности и что уединенный и изолированный образ жизни всегда способствует развитию умственных способностей, то они выдвигают весомые доказательства, показывающие односторонность социологистической теории. Это означает, что фактор взаимодействия недостаточен для объяснения чуда возникновения и развития сознания. Правда, Де-Роберти и другие видные представители социологистической школы отмечают, что, прежде чем взаимодействие может оказать свое влияние, необходимо иметь кооперацию биологических факторов в виде развитого головного мозга. Это означает, однако, что благодаря биологическим факторам в некотором роде возможно (даже без взаимодействия) произвести столь же высокоразвитую нервную систему, как у многих не живущих в сообществах животных. Если такое возможно, то разве это не допускает возможности происхождения относительно высокоразвитой нервной системы и менталитета как сателлита, независимого от фактора взаимодействия? Если это допустить, то, значит, для происхождения по крайней мере низших форм мышления социальное взаимодействие оказывается и недостаточным, и не абсолютно необходимым. Для высших форм оно, наверное, необходимо, но его одного редко когда оказывается достаточно. Таково первое ограничение теории социального взаимодействия как достаточного принципа для объяснения происхождения и развития «мысли» или надорганических явлений⁴¹.

Этот вывод подкрепляется следующими соображениями. Согласно теории, чем интенсивнее, сложнее и дольше взаимодействие между людьми, тем значительнее и прогресс мысли. Но школа точно не определила, что подразумевается под интенсивностью и сложностью человеческого взаимодействия. Если оно состоит из непосредственной, эмоциональной и многообразной взаимообразной стимуляции, то таким условиям отвечает толпа и взаимодействие внутри толпы, которое носит характер интенсивный, сложный и чрезвычайно возбужденный. Но стоит ли повторять банальную истину о том, что толпа или соображения толпы редко порождают что-либо действительно прекрасное и высокое в сфере мышления. Ее психология несет на себе отпечаток так называемого сознания толпы, которая производит нечто совершенно противоположное подлинной мысли. Если интенсивность и сложность взаимодействия измеряются плотностью населения, как предлагают некоторые представители школы, то опять-таки, если общества прежние и общества нынешние распределить согласно их культурному уровню и согласно плотности их населения, то между ними не обнару-

⁴¹ С. Бугле в своей последней работе правильно указывает на то, что «социальное окружение» – не единственный творец разума. См. *Bouglé. Leçons de sociologie sur l'évolution des valeurs*. 1922, p. 193; см. также: *Duprat G. La psycho-sociologie en France // Archiv für Geschichte der Philosophie und Soziologie*. Bd. XXX, Heft 1–2; *Paulhan Fr. Les transformations sociales des sentiments*. Paris, 1920.

жится никакой тесной связи. Многие регионы Индии и Китая относятся к числу наиболее плотно населенных, тем не менее они далеки от того, чтобы быть на вершине культурной лестницы.

Плотность населения в Соединенных Штатах далеко не самая высокая, однако страна занимает одно из самых высоких положений на культурной лестнице. То же самое справедливо и в исторической перспективе. Если мы попытаемся связать культурный прогресс или регресс страны с увеличением или уменьшением плотности ее населения, то мы едва ли получим сколько-нибудь заметную корреляцию (см. главу о демографической школе). Далее, непрерывность и длительность взаимодействия не обязательно гарантируют прогресс мысли и культуры или хотя бы удержание их на прежде достигнутом уровне. В Риме после II в. н. э., в древней Индии после XIV в. н. э. (конец империи Чола – высший расцвет индуистской культуры), в Китае после династии Мин, в Древнем Египте после XVIII и XIX династий и в Греции после III в. до н. э. социальное взаимодействие, конечно, продолжалось и иногда становилось более сложным, и все же историки уверяют нас, что с этих времен мысль и цивилизация этих стран померкли и никогда уже не могли достигнуть прежнего уровня^{10*}. Стало быть, непрерывность и длительность социального взаимодействия не вполне гарантируют даже поддержание ранее достигнутого уровня мысли. К тому же у взаимодействия бывает, очевидно, разная степень интенсивности и сложности. Если одни формы взаимодействия благоприятны для умственного прогресса, то другие – катастрофичны. Об этом свидетельствует растущее число психических заболеваний в рамках нашей сложной и напряженной цивилизации. С определенной степенью уверенности можно утверждать, что их увеличение в значительной степени вызвано интенсивностью, сложностью и многообразием социального взаимодействия внутри западного общества⁴². Наконец, результаты экспериментальных исследований влияния социальной стимуляции на умственную работу также не свидетельствуют в пользу критикуемой гипотезы. Выполнение более сложных умственных функций работающих в одной группе людей в качественном отношении не лучше, чем выполнение тех же самых функций теми же людьми, когда они работают в одиночку. Если с количественной стороны совместная работа дает больший результат, то качество работы не улучшается. Оно скорее страдает, когда тестируемые выполняют более тонкую умственную операцию⁴³. Даже

⁴² См. мою «Социальная мобильность», гл. XXI.

⁴³ Описание экспериментов и полученные данные см. в следующих работах: *Gates G.S.* The Effects of an Audience Upon Performance // *Journal Abnormal Psychology*, vol. XVIII, p. 334–344, 192–324; *Gates G., Rissland L.* The Effect of Encouragement and of Discouragement Upon Performance // *Journal Educational Psychology*, vol. XIV, № 1; *Laird D.A.* Changes in Motor Control and Individual Variations Under the Influence of Razzing // *Journal Experimental Psychology*, vol. VI, № 3; *Travis L.E.* The Effects of a Small Audience Upon Eye-Hand Coordination // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925–1926, vol. XX,

количественный рост не всегда имеет место и остается под сомнением⁴⁴. Кроме того, люди высокого интеллектуального труда в одиночестве чаще всего работают лучше, чем когда находятся в группе с социальной стимуляцией⁴⁵. Таково влияние социальной стимуляции на исполнение очень простых умственных операций. Естественно ожидать, что результаты, полученные в процессе изучения социальной стимуляции в совместно работающей группе, будут еще более негативными по сравнению с такими замечательными плодами умственного труда, каковыми являются симфонии Бетховена, «Начала» Ньютона, «Критика чистого разума» Иммануила Канта, «Геометрия» Лобачевского и любая другая работа гения. Результаты этих экспериментов снова показывают, что проблема чрезвычайно сложна. Вероятно, есть формы социальной стимуляции, весьма благоприятные для умственного прогресса, а есть другие – наносящие ему вред.

Этих соображений достаточно, чтобы доказать, что, во-первых, фактор взаимодействия недостаточен для объяснения зарождения и развития мысли; во-вторых, он недостаточен для понимания ментального прогресса или регресса; в-третьих, обсуждаемая теория не проанализировала ни того, что понимается под интенсивностью, сложностью и продолжительностью взаимодействия, ни того, как они измеряются. По этой причине ее суждения остаются довольно туманными и неопределенными. В-четвертых, даже если эти понятия уточнить, факты все равно не оправдывают ожиданий теории. Таковы ее первые недостатки. Вышесказанное не отрицает важности фактора взаимодействия, но отрицает ту преувеличенную роль, которую приписывает ему социологистическая школа. Кроме того, необходимо более подробное изучение взаимодействия, чтобы выяснить, когда, где и при каких условиях одни формы взаимодействия оказываются «генераторами» мысли и когда, где и какие формы взаимодействия являются скорее препятствием для ее прогресса. Туманных и общих формулировок для этого недостаточно.

В. Второе возражение против социологистической теории состоит в том, что ее призыв интерпретировать психологические явления всего лишь как функции социальных процессов и рассматривать человека как простой «рефлекс» группы – этот призыв неприемлем, поскольку он вынуждает объяснять все яв-

р. 142–146; Allport P. Social Psychology. 1924, ch. XI, XII; Mayer A. Einzel und Gesamtleistung des Schulkindes // Archiv für die gesamte Psychologie. 1903; Meumann E. Haus- und Schularbeit. Leipzig, 1914; Moede W. Einzel- und Gruppenarbeit // Praktische Psychologie. 1920–1921.

⁴⁴ См.: Williamson E.G. Allport's Experiments in Social Facilitation // Psychological Monographs. 1926, vol. XXXV, № 2, p. 138–143. Мои эксперименты с дошкольниками^{11*}, а также эксперименты, которые проводила М. Скалет, показали, что их работа в группах в качественном и количественном отношении хуже, чем когда каждый из них работал отдельно. Результаты исследования будут опубликованы вместе с результатами других моих исследований и экспериментальными исследованиями моих сотрудников.

⁴⁵ См. заключение Олпорта в «Journal of Abnormal Psychology» (vol. XVIII, p. 341–344)^{12*}.

ления человеческой психологии, мысли и гениальности исключительно с точки зрения социальных процессов. Но как одна из многих возможных интерпретаций теория представляет определенную ценность. Она, однако, идет дальше, объявляя ошибочной всякую попытку интерпретировать психические явления с любой другой точки зрения. Это ее заявление следует отвергнуть. С методологической точки зрения попытка так увязать социальные явления с психологическими характеристиками индивидов, что социальные явления будут рассматриваться как «функции», тогда как определенные психологические свойства людей будут приниматься за «переменные», столь же логична, как и противоположная попытка социологической школы. То же самое можно сказать и об истолковании особенностей группы посредством свойства ее членов, рассматриваемых в качестве переменных. Я не вижу никакого методологического греха в попытках Ж. Паланта, Дж.М. Болдуина, Г. Тарда, Ч.Э. Эллвуда, У. Мак-Дугалла, Ф. Олпорта, Г. Лебона, Э.О. Росса, Э.К. Хейза или кого-либо из школы Фрейда⁴⁶, когда

⁴⁶ Позиции этих и многих других социологов в споре между социологией и психологией или «групповой» и «индивидуалистической» интерпретациями отличаются друг от друга: Ж. Палант и Ф. Олпорт, а отчасти Г. Тард и Мак-Дугалл четко и однозначно стоят на позиции психологизма и индивидуализма, промежуточную позицию занимают Эллвуд, Болдуин, Росс, Хейз, Гиддингс, а замыкают этот ряд социологи типа Кули, позиция которых практически совпадает с позицией социологической школы. Первое психологическое направление начинается с инстинктивных или приобретенных психологических особенностей человека и рассматривает социальную жизнь и процессы как результат проявления этих психологических «переменных». Многие представители этого направления не допускают никакой «социальной сущности» вроде «социального разума» или «социальной реальности», существующей отдельно и независимо от индивидов. См.: *Palante G. Précis de sociologie. Paris, 1903, 2^d ed.; Combat pour l'individu. 1904; Antinomies entre l'individu et société. 1912; Allport F. Social Psychology, ch. I; Tarde G. Études de psychologie sociale. Paris, 1898, p. 169–175; La logique sociale. 3^d ed., p. I ff.; Les lois de l'imitation, passim.* Труд У. Мак-Дугалла «An Introduction to Social Psychology» также является примером интерпретации социальных процессов как производных от унаследованных и приобретенных качеств человека. Позицию Ч.А. Эллвуда и Дж.М. Болдуина можно считать в известной степени промежуточной и синтетической. Эллвуд в своей статье «The Origin of Society» (*American Journal Sociology, vol. XV, p. 394–404*) рассматривает социальную жизнь и институты как результат инстинктов и интерпретирует «социальное» через «психологическое». Во второй главе своей книги «The Psychology of Human Society» (New York, 1925) он ставит «умственное развитие» перед «социальной эволюцией» в качестве ее основы. С другой стороны, он подчеркивает важность интеллектуального взаимодействия как необходимого условия для развития ума и культуры. В чем-то похожа и позиция Дж.М. Болдуина. Он подчеркивает взаимозависимость социального и психологического, но в то же время утверждает, что «социолог на каждом шагу зависит от того, что сообщит ему психолог о процессах индивидуального ума, который заключает в себе социальные институты». Его интерпретация социальной жизни – дедукция последней из психологических характеристик человека. «Индивидуализм личности проявляется в социальном соревновании, личная симпатия и мораль – в социальной солидарности, лояльность – в гражданских институтах» и т. д. См.: *Baldwin J.M. The Individual and Society. Boston, 1911, p. 14–17 and passim.* См. также: *Social and Ethical Interpretations. 1907, passim.* Близки к концепциям данных авторов позиции Э.К. Хейза, Э.О. Росса, Ф.С. Чапина и Э.С. Богардуса.

они, осуществляя свой подход к проблеме, берут те или иные психологические особенности человека в качестве переменных и связывают с ними как с функциями конкретные социальные явления. Если некоторые попытки подобного рода неудачны, то ошибка не в методе, не в том, что сначала рассматриваются свойства индивида, а от них переходят к социальным явлениям, – здесь допущены некоторые другие ошибки, которые описаны в главе о психологической школе. Если эти недостатки преодолеть, то психоиндивидуалистическая интерпретация становится столь же правомерной, как и социологистическая, а это уже дает ценные результаты⁴⁷. Вышесказанное не отрицает метод социологистической школы и ценность ее вклада в науку, но отвергает ее претензию на монополию интерпретации.

Во «Введении» Хейза анализ унаследованных и приобретенных признаков человека предшествует анализу социальной деятельности и жизни; объявляется, что психология так же относится к социологии, как химия к биологии. С другой стороны, автор не рассматривает человека в качестве социальной единицы, а рассматривает его как сложное явление. См.: *Hayes E.C.* Introduction to the Study of Sociology. 1920, p. 354–361; Classification of Social Phenomena // *American Journal Sociology*, vol. XVII, p. 109–110; *Ross E.A.* Principles of Sociology. 1923, ch. IV, VIII, IX, X; *Bogardus E.* Fundamentals of Social Psychology. 1924, part I; *Chapin F.S.* An Introduction to the Study of Social Evolution. 1920, p. 102 ff. В этом отношении позиция Ф.Г. Гиддингса, кажется, немного ближе к «социологизму». Он говорит, что «значительное умственное развитие возможно только для существ, которые отделены друг от друга физически, но не ментально» и что «знакомство, разговор и сознание рода являются специфическими детерминаторами (человеческой) ассоциации». С другой стороны, ему не свойствен экстремизм «социологизма». См.: *Giddings.* The Scientific Study of Human Society. 1924, p. 32–34; *Studies in the Theory of Human Society.* 1922, ch. XV и его определение общества, p. 202. Еще ближе к социологистической позиции В. Вундт, Самнер и Келлер, Ч.Х. Кули и О. Шпанн. Такие утверждения Кули, как «личность и общество – близнецы», «социальное сознание неотделимо от самосознания», «отдельный индивид – абстракция, неизвестная опыту, равно как и общество, когда оно рассматривается как нечто отдельное от индивида», его концепция «социального разума» и весь характер его книг отделяют его от психологов; но в то же время мне кажется, что он не идет так далеко, как социологистическая школа. См.: *Cooley Ch.H.* Social Organization. New York, 1924, p. 5–7, ch. I–II, VI; Human Nature and the Social Order, p. 35 ff., и passim; *Wundt W.* Völkerpsychologie. 1900, Bd. I, S. 1–6. Социологистический характер носит и «универсализм» О. Шпанна. См.: *Spann O.* Gesellschaftslehre. 1914, S. 244–284; *Sumner W., Keller A.* Op. cit., vol. I, p. 40 ff. Добротно сделанный обзор других теорий см. в: *Davis M.M.* Psychological Interpretations of Society. New York, 1909, p. 15–83.

⁴⁷ Спор между «социологизмом» и «психологизмом» или между «групповой» и «индивидуалистической» интерпретацией социальных явлений представляется мне и бесплодным, и необоснованным. Оба метода допустимы, оба показали себя работоспособными, когда используются должным образом, и каждый из них может использоваться в зависимости от характера изучаемой проблемы, цели исследования и технических удобств исследователя. Этот спор напоминает мне спор о том, что первично – яйцо или курица. Чем раньше он закончится, тем лучше. Почти столь же бесполезным считаю я спор о границе между социологией и социальной психологией. Нет такой границы. Попытки провести эту зыбкую или чисто условную границу продиктованы главным образом «ведомственными соображениями». Сравнения «социальной психологии» и «социологии», которые производил автор, показывают, что под разными именами преподносится практически тот же самый набор теорий и проблем.

С. Третье возражение школе состоит в том, что, вопреки ее утверждению, ей не удалось убедительно свести логические категории, научные концепции, гениальные открытия и изобретения к чисто социальным источникам. Кое-чего на этом пути школе достичь удалось, но гораздо меньше, чем заявляют ее представители. Когда нам говорят, что такие понятия, как «Бог» и «Священное», «мана» и «тотем»^{13}, представляют собой не что иное, как ипостаси самого общества, и что такие свойства Бога, как всемогущество, вечность, вездесущность, всеведение, справедливость и т. д., являются только соответствующими характеристиками общества, как они представляются индивиду (Зиммель, Дюркгейм), кое-что из этих утверждений мы можем понять. Но объясняют ли они полностью тайну этих понятий – Бога и «сакрального»? Дают ли они исчерпывающую информацию о подобных явлениях или сверхявлениях? Боюсь, что нет. Когда нам говорят, что категории силы, пространства, времени, продуктивности, рода и т. д. суть только отражения характеристик общества, мы опять-таки кое-что из этого понимаем. Но как бледны они кажутся, когда сталкиваются лицом к лицу с очень сложной действительностью логического и психологического царства человека! Более того, несмотря на крайне разнообразные формы общества, мы видим, что эти фундаментальные логические категории являются по существу одними и теми же у Конфуция, Аристотеля, Фомы Аквинского, Иммануила Канта, Ньютона, Паскаля, Дюркгейма и Менделеева. Этого не могло бы быть, если бы они были простым отражением особенностей конкретного общества, потому что общества, в которых жили эти люди, очень отличаются друг от друга. Мы можем согласиться с тем, что гения надо понимать как фокус, в котором сходятся течения мысли, как выразителя того, что в обществе уже существует в рассеянном виде. Это, может быть, и верно, но исчерпывается ли этим тайна гения? Объясняет ли это, почему в центре нашего внимания не какой-нибудь г-н Смит, а сэр Исаак Ньютон, не кто-нибудь иной, а именно Наполеон, Будда или Магомет? Теория с ее довольно туманными суждениями не отвечает на наш вопрос вообще. Не пытается она и предложить своим сторонникам никакого предсказания относительно того, кто те люди, которые в течение следующих пяти лет окажутся в центре нашего внимания, и каковы будут их характеристики, потому что предсказать этого они, безусловно, не могут. Если А. Кост, категорически отвергая какую бы то ни было связь между социальной средой и появлением гения в философии, морали, искусстве, музыке и заходит слишком далеко, то он тем не менее прав, когда утверждает, что связь эта чаще всего слабая и почти неосвязаема (см. выше главу о демографической школе). В качестве аргумента в пользу критикуемого тезиса У. Огборн приводит список 148 изобретений, которые сделали двое или даже большее число авторов⁴⁸. Однако сам тот факт, что из миллионов изобретений перечислено только 148 и что эти 148 изобретений были сделаны людьми, жившими в совершенно разных странах и в совершенно*

⁴⁸ *Ogburn W. Social Change*, p. 90–102.

разных условиях, свидетельствует скорее против гипотезы, чем в ее пользу. Возможно, кроме того, что сложность и изменчивость социальной среды несколько ослабляют фактор наследственности, но вправе ли мы утверждать, что наследственность больше не играет никакой серьезной роли? Можно ли утверждать, что образование делает всех людей похожими? Будут все индивиды, находясь в аналогичных условиях среды и обучения, одинаково способными или неспособными, одинаково глупыми или умными? Верно ли, что равенство между людьми все больше усиливается и когда-нибудь в будущем станет окончательным? Увы! Такое предположение есть чистая метафизика, на каждом шагу опровергаемая фактами, экспериментами и менее спекулятивными исследованиями в области биологии, психологии и образования. Эти краткие рассуждения касаются того, что я называю ошибкой школы, связанной с ее попыткой свести психологические и логические явления, а также особенности индивидов к их важнейшим социальным источникам. Какую-то их часть можно к ним свести, но все равно большая их часть остается несводимой⁴⁹. Школа придает себе большее значение, чем это есть на самом деле.

Д. Что касается классификация социальных явлений, которую предлагает Де-Роберти, то она заслуживает одобрения по многим причинам. Она логична, охватывает основные формы социальной мысли, правильно схватывает их особенности и служит хорошим противовесом противоположной классификации, разработанной экономическими интерпретаторами истории (см. главу об экономической школе). Делая акцент на научную мысль как на главный социальный фактор, она указывает на фактор, важность которого вряд ли можно переоценить. Страницы и главы в работах Де-Роберти, которые посвящены анализу этого фактора, поистине превосходны. На данный момент имеются многочисленные фактологические исследования роли науки в социальных и исторических процессах, и незачем говорить, что эти исследования лишь подтверждают теорию Де-Роберти. Любая попытка игнорировать или умалить роль этого фактора в настоящий момент вряд ли бы получила признание. Достаточно вспомнить простой подсчет профессора Умова, согласно которому приблизительное количество энергии, используемой сегодня на наших фабриках, составляет не менее 20 млрд лошадиных сил. В пересчете на человеческий труд это означает работу 200 млрд человек, выполняющих чисто физическую работу по 10 часов в день.

«Обратив все население земли в рабов, прекратив все другие виды деятельности, мы не получим и сотой доли той механической мощности, которая дается техникой, созданной современным физическим знанием... В течение миллионов веков природа довела население земли до полутора миллиардов, а буйный разум физических наук в полтора столетия создал человеку в сто с лишним раз боль-

⁴⁹ Одно из лучших и наиболее резких критических мнений о социологической школе высказал Ж. Палант в своей книге «Les antinomies entre l'individu et société». С серьезной критикой Дюркгейма выступил Ч.Э. Гельке (см.: *Gehlke Ch.E. Op. cit., passim*).

шее число сотрудников, не требующих платы за свой труд и удовлетворяющих (в виде используемой энергии) наши потребности»⁵⁰.

Далее, идею Де-Роберти о том, что любое изменение в области науки влечет за собой соответствующие изменения в других областях социальной мысли – в религии, философии, искусствах, практике, поведении человека и в исторических процессах, также едва ли можно отрицать. Что такая связь существует и что она весьма ощутима, это подтверждается множеством фактов и данными соответствующих исследований⁵¹. Следует признать, что и закон отставания, сформулированный Де-Роберти, тоже в какой-то степени соответствует действительности. Основных недостатков этой части теории Де-Роберти, так же как и у теорий других «интеллектуалистов», два: первый – ее претензия на исключительность, второй – ее предположение о том, что связь между каждой предыдущей и каждой последующей формой мысли носит жестко детерминированный характер. Как я уже упоминал, в области социальных явлений редко наблюдается односторонняя причинно-следственная связь, на деле это почти всегда отношения взаимозависимости различных факторов. Логично взять науку в качестве «переменной» и попытаться увязать ее с другими явлениями, такими как религия, искусство и экономика, которые методологически рассматриваются как ее «функции». Но столь же логично взять «экономический или любой другой фактор» как «переменную» и рассмотреть все другие, включая науку, как его «функции». Так как мы имеем дело с явлениями взаимозависимости и с «функциональными отношениями» различных компонентов социальной жизни, подобные действия вполне допустимы. По этой причине мы должны признать ценность классификации Де-Роберти и в то же время отклонить ее претензию на монополию⁵². Что касается второго недостатка, скажем так: факты не подтверждают наличие идеальной корреляции, на которой настаивает Де-Роберти. Здесь он предстает как жертва собственного «интеллектуализма» и забывает, что человек не

⁵⁰ Умов Н.А. Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, февраль.

⁵¹ См.: *Little A.D.* The Fifth Estate, published by The Chemical Foundation; *Dannemann Fr.* Die Naturwissenschaften in ihren Entwicklung und in ihrem Zusammenhange. Leipzig, 1923; *Neudeck G.* Geschichte der Technik. Stuttgart, 1923; *Knowles L.C.A.* The Industrial and Commercial Revolution in Great Britain. London, 1922; *Cunningham W.* The Growth of English Industry and Commerce. Cambridge, 1907; *Espinass A.* Les origines de la technologie; *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization. New York, 1919; *Fiske B.A.* Invention: The Master-Key to Progress; *Marvin F.S.* (ed.). Science and Civilization; *Caldwell O., Slosson E.E.* Science Remaking the World. New York, 1924; *Cressy E.* Discoveries and Inventions of the Twentieth Century; *Tilden W.A.* Chemical Discovery and Invention in the Twentieth Century; *Soddy F.* Science and Life. 1920; *Flexner S.* Twenty-five Years of Bacteriology. Science, 1920; *Duclaux.* Pasteur. The History of a Mind. Philadelphia, 1920; *Andrews B.R.* Economics of the Household. New York, 1923; *Eddy W.H.* The Vitamine Manual. Williams & Wilkins Co.; *Buckle T.* Op. cit., passim; *Espinass A.* La philosophie sociale du XVIIIe siècle et la révolution. Paris, 1898. Перечисленные работы ясно показывают, как научный прогресс повлиял на разные аспекты человеческой мысли, поведенческие, производственные, социальные, экономические, нравственные, религиозные и исторические процессы.

⁵² Эта претензия портит практически все социологические теории.

только «логическое и рациональное животное», но и, будучи биологическим организмом, является существом нелогичным и иррациональным. Вследствие этой нелогичности, которую особо подчеркивает Парето (см. главу о Парето), человек зачастую мыслит весьма иррационально. Его рассуждения почти всегда искажают «всевозможные предрассудки», эмоции, симпатии и т. п. Нередко, когда новые научные идеи вступают в противоречие с его интересами или умственными установками, они просто отвергаются и не оказывают никакого влияния на религиозные верования, эстетические вкусы и жизненную позицию. Часто новая идея сверяется с существующими идеологиями самым нелогичным способом, не подвергая критике эти идеологии. Иногда она извращается таким образом, что от нее почти ничего не остается. Такие факты – нередкое явление в сфере поведения человека и в истории человеческой мысли. Этим и объясняется, почему не каждое изменение в научной мысли приводит к соответствующему изменению мысли синтетической и отчего не каждое изменение в области религии влияет на эстетическую и практическую мысль. Часто такое изменение в предыдущей форме мысли проходит, не оказывая никакого влияния на последующую. Иногда такие изменения подавляются и исчезают, чтобы спустя несколько столетий быть снова открытыми. Закон отставания Де-Роберти – частичное тому подтверждение. Поэтому, хотя корреляция, установленная Де-Роберти, ощутима, она далеко не идеальна.

Таковы основные недостатки этого направления социологистической школы и наши возражения на них. За вычетом этих недостатков остающаяся часть ее учений следует признать ценным вкладом в науку. Теперь перейдем к дюркгеймовскому варианту школы.

4. Э. Дюркгейм и его школа⁵³

Вторую фундаментальную разновидность социологистической школы представляют Э. Дюркгейм и его последователи. Среди современных социоло-

⁵³ Родился в 1858 г. во Франции, умер в 1917 г., профессор социальных наук Университета Бордо, позже – профессор социологии и педагогики в Сорбонне. Основатель и главный редактор журнала «L'année sociologique». Автор многочисленных статей и книг, важнейшими из которых являются: «De la division du travail social» (1893), «Les règles de la méthode sociologique», «Le suicide» (1897), «Les formes élémentaires de la vie religieuse» (1912). О Дюркгейме имеется обширная литература. Кроме упоминавшихся работ Гельке и Делуажа см.: *Barth P.* Op. cit., p. 628–642; *Branford V.* Durkheim // *Sociological Review*. 1918; *Halbwachs M.* La doctrine de E. Durkheim // *Revue Philosophique*. 1918; *Barnes H.E.* Durkheim's Contribution to the Reconstruction of Political Theory // *Political Science Quarterly*. 1920; *Bouglé C.* Die Philosophischen Tendenzen der Soziologie Durkheims // *Jahrbuch für Soziologie*. 1925, Bd. I; *Duprat G.L.* La psycho-sociologie en France // *Archiv für Geschichte der Philosophie und Soziologie*. Bd. XXX, Heft 1–2; *Сорокин П.* Дюркгейм о религии // *Новые идеи в социологии*. Сб. 4. СПб., 1914; *Ковалевский М.* Цит. соч., с. 134–164; *Sorel G.* Les théories de E. Durkheim // *Le devenir social*. 1895, vol. I; *Bouglé C.* *Revue générale des théories recentes sur la division du travail* // *L'année sociologique*, vol. VI; *Fauconnet.* Op. cit.^{14*}

гов Дюркгейм занял одно из самых важных мест. Во Франции, наверное, только Г. Тард был столь же влиятелен, как Дюркгейм. Помимо всего прочего, это обусловлено самим характером социологических работ Дюркгейма. В нем удачно сочеталась способность соединять широкую, логическую и философскую мысль со скрупулезным и тщательным методом ученого. В основе каждой выдвинутой им гипотезы лежит тщательное исследование соответствующих фактов. Выдвинув гипотезу, он снова и снова подвергал ее всесторонней проверке посредством индуктивного изучения фактических данных. Это поставило его работы гораздо выше чисто спекулятивных философских построений в социальных науках, а также выше сугубо эмпирических описаний того или иного явления. В этом большое преимущество Дюркгейма.

Общие характеристики социологии Дюркгейма. Вышеперечисленные характеристики принципов социологической школы практически те же самые, что и в социологии Дюркгейма. Поэтому нет необходимости их повторять⁵⁴.

Достаточно лишь кратко указать на некоторые специфические черты, принесенные Дюркгеймом в разработанные до него теории. В соответствии с положением социологии он подчеркивает, что «коллективное сознание качественно отличается от индивидуального», что «они состоят из различных элементов», что «социология не есть королларий психологии» и что «не в психологии, а в самой природе общества необходимо искать объяснение социальной жизни»⁵⁵. Чтобы отличить коллективное сознание от индивидуального и социальный факт от чисто психологического, Дюркгейм вводит два объективных критерия: *внешнее существование* и *принудительное воздействие*. Психическая природа социальных явлений отделяет их от чисто биологических. Факт, что коллективные представления существуют вне индивида и внедряются в сознание как нечто внешнее в виде различных моральных, религиозных, юридических и логических правил, и факт, что они наделяются силой принуждения, позволяющего им навязывать себя индивиду, независимо от его личных желаний, – эти две особенности указывают на границу между социальными и чисто психологическими явлениями⁵⁶. Это логически приводит Дюркгейма к допущению реальности социального разума, коллективных представлений и общества, независимого и отличающегося от реальности отдельных умов, представлений и психологии.

«Общество отнюдь не является нелогичной или алогичной, неупорядоченной и фантастической сущностью, которой его часто считают. Совсем наоборот, коллективное сознание – это наивысшая форма психической жизни, поскольку

⁵⁴ Эта сторона теории Дюркгейма вполне удовлетворительно проанализирована в работе о нем Гельке.

⁵⁵ *Durkheim E. Règles de la méthode sociologique. 1895, p. 125–128^{15*}.*

⁵⁶ *Les règles, Ch. I; Representations individuelles, passim; в этом отношении позиция Дюркгейма совпадает с теорией Штаммлера. См.: Stammer R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 1896.*

это сознание сознания. Находясь *вне* и *выше* индивидуальных и локальных обстоятельств, оно видит вещи только в их неизменных и сущностных аспектах, которые оно воплощает в сообщимых понятиях... Общество видит дальше и лучше, чем индивиды»⁵⁷.

Таким образом, выдвинутые Дюркгеймом критерии факта – внешнее существование и принуждение – приводят его к признанию наличия социального разума, независимого от индивидов и внешнего по отношению к ним, – особенности, не в такой степени подчеркнутой Де-Роберти, но типичной для очень многих представителей социологического реализма или психо-организма⁵⁸. Прежде чем пойдем дальше, рассмотрим кратко, до какой степени эта часть социологии Дюркгейма соответствует истине. До тех пор, пока сказанное им означает, что психические явления претерпевают изменения в процессе социального взаимодействия и могут изменяться, даже если не будет взаимодействия индивидов, и когда он заявляет, что регулярность социальных процессов не совпадает с регулярностью, которую можно ожидать от действий изолированных людей, – эти его заявления едва ли могут подвергаться сомнению. Но так как это означает существование разума или психических явлений за пределами разума индивидов и существование общества, независимого от его отдельных членов, – с этим суждением едва ли можно согласиться. Появляется своего рода фиктивная субстанция. В данном случае критика Тардом реализма Дюркгейма кажется объективной. «Признаюсь, – говорит он, – мне очень трудно понять, как может случиться, что, отбросив индивидуумов, мы получим в остатке общество. Если отбросить студентов и профессоров, то я не представляю себе, что останется от университета, кроме одного названия. Очевидно, Дюркгейм пытается вернуть нас к реализму Средних веков»^{59/16*}. Это больше похоже на истину, поскольку различие между социальной и индивидуальной реальностью можно объяснить гораздо проще при помощи факта нейтрализации индивидуальных явлений в массе индивидуальных действий и реакций. Короче говоря, эта сторона реализма Дюркгейма с научной точки зрения ошибочна и должна быть отклонена,

⁵⁷ *Durkheim*. The Elementary Forms of Religious Life, p. 444 и passim.

⁵⁸ Помимо Гумпловича, Эспинаса, Де-Роберти и Дюркгейма, аналогичную в этом отношении позицию занимает органическая школа (см. посвященную ей главу). См.: *Gierke*. Deutsche Privatrecht. 1895, Bd. I, S. 468; *Posada A.* Les sociétés animales // *Annales de l'Institut International de Sociologie*. 1897, vol. III, p. 271; *Boodin J.E.* The Existence of Social Mind // *American Journal of Sociology*. 1913, July; *Ferrière*. La loi du progrès en biologie et en sociologie. 1915, part III; *Coste A.* Les principes d'une sociologie objective, p. 1 ff., 26 ff., и др.

⁵⁹ *Tarde G.* La logique sociale, p. 1 ff.; *Études de psychologie sociale*. Paris, 1918, p. 69–75. Недавно Ф. Олпорт в своей книге «Social Psychology» подверг аналогичной критике социологический реализм в целом. См. также: *Сорокин П.* Система социологии, т. I, гл. VI; *Duprat G.* Science sociale et démocratie. 1900, p. 59, 68–69; *Litt T.* Individuum und Gemeinschaft. 1924, S. 151 ff.; *Haff K.* Kritik der Genossenschaftstheorie // *Jahrbuch für Soziologie*. Bd. II, S. 288 ff.

поскольку это не что иное, как ничем не обоснованный мистицизм. Это касается также и аналогичных концепций социологического реализма других упомянутых социологов.

Критерии внешнего существования и принуждения как характеристики социальных явлений могут быть полезными при изучении некоторых конкретных проблем, например, юридических и нравственных явлений. Тем не менее, когда Дюркгейм говорит, что только те явления, которые принуждают, следует считать социальными, он необоснованно ограничивает их область. Здесь критика Тарда снова актуальна.

В этом случае, говорит Тард, представляется, что только отношения завоевателя к завоеванному, факты порабощения и явления принуждения были бы явлениями социальными. Тогда как все случаи, где имеется свободная кооперация, такие как свободное обращение людей в новую религию, свободные договорные отношения, взаимопомощь, солидарность, подражание, свободная учеба и тысячи подобных фактов, – все они должны быть исключены из области социальных фактов. Такая концепция социальных явлений явно ошибочна⁶⁰. Я думаю, что замечания Тарда совершенно справедливы.

Теперь перейдем к специальным работам Дюркгейма. Его реальный вклад в науку состоит не столько в общих положениях, приведенных выше, сколько в его фактических исследованиях и в ряде корреляций, которые он пытался установить в поддержку своих основных принципов.

Анализ Дюркгеймом социальной солидарности, ее причин, форм и влияния. Это исследование было представлено в его работе «De la division de travail social»⁶¹. Под этим несколько вводящим в заблуждение названием Дюркгейм издал свое глубокое исследование социальной солидарности, имея в этой сфере исследования массу предшественников. Платон, Аристотель, Коменский, У. Петти, А. Фергюсон, Адам Смит, Сен-Симон, а позднее О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль, Г. Ч. Кэри и многие другие экономисты в общих чертах обрисовали суть теории Дюркгейма. За шесть лет до него Фердинанд Тённис⁶² и за три года – Георг Зиммель⁶³ сформулировали теории социальной дифференциации, которые практически идентичны дюркгеймовским. Это, однако, не означает, что Дюркгейм не проявил никакой оригинальности и не внес ничего нового по сравнению с тем, что было написано его предшественниками. Его работа содержит много суждений, основанных на тщательном анализе фактического материала, которых мы не найдем в более ранних работах. В первой части книги Дюркгейм рассматривает разделение труда в качестве «переменной» и пытается связать его

⁶⁰ Tarde G. Études, p. 69–75. То же самое можно сказать и против концепции Штаммера.

⁶¹ См.: Bouglé C. Théories sur la division du travail // L'année sociologique, vol. VI.

⁶² Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig, 1887.

⁶³ Simmel G. Ueber soziale Differenzierung. Leipzig, 1890.

формы и разновидности с другими социальными явлениями, рассматриваемыми как «следствия» или «функции». Основные заключения и взаимосвязи обобщены в следующей таблице, которая показывает, что социопсихические явления изменяются под воздействием «переменной». Таковы основные влияния такого социального фактора, как разделение труда, на различные стороны общественной жизни и психологии. Из вышесказанного следует, что ряд психологических изменений является простой «функцией» соответствующих разновидностей разделения труда как объективного социального процесса. В этом случае Дюркгейм сохраняет верность своей социологической позиции.

С какими явлениями и каким образом связана переменная

Переменная: разделение труда

1. Отсутствие или незначительное разделение труда в обществе оказывает особое влияние на каждую конкретную сферу явлений:

Человеческое поведение и психология	Ментальная, моральная и социальная однородность индивидуумов. Их верования, убеждения, взгляды, манеры, поведение и т. д. одинаковы. Различия обусловлены только наследственностью. Господство традиции, отсутствие индивидуальности и индивидуализма
Закон, мораль и социальный контроль	Благодаря однородности общественного сознания и социальной сознательности они устойчивы, едины и не атомизированы. Преступление является актом, оскорбляющим строгое и глубокое общественное сознание, и влечет за собой суровое наказание. В правовом кодексе группы уголовное право – репрессивное и карающее – доминирует над правом гражданским. Цель правосудия – не возмещение вреда, нанесенного правонарушителем жертве, а «репрессия» и через это усиление морального сознания группы
Солидарность и социальные связи	«Механическая солидарность», основанная на однородности индивидов. Узы, которые связывают их в одно сплоченное единство, – это полное единодушье, основанное на умственной и моральной однородности индивидов.
Политический режим	Все важные социальные решения и акты правосудия осуществляются всем составом группы на публичных собраниях ее членов
Экономическая организация	Общинная собственность
Религия и идеология	Вера в безликую силу тотема, свободного от индивидуальности и персонализации. Отсутствие индивидуальности у членов группы отражается в отсутствии индивидуальности сакральной власти. Местечковый и племенной патриотизм.

2. Со временем разделение труда растёт.

Это историческая тенденция. Когда разделение труда становится существенным, оно вызывает следующие изменения в тех же областях социальных явлений:

<p>Человеческое поведение и психология</p>	<p>Исчезновение моральной и ментальной однородности индивидов. Усиление их индивидуальности и своеобразия. Их вкусы, верования, мнения, мораль становятся все более разными. К этому индивидов вынуждает специализация труда. Специализация приводит к стиранию традиции. Определяющая роль наследственности становится все менее и менее важной. Это способствует ослаблению границ касты и передаче профессии и социальной позиции от отца к детям.</p>
<p>Закон, мораль и социальный контроль</p>	<p>Всеобщее и единое общественное сознание и сознательность уменьшаются. Преступления начинают меньше задевать пониженное таким образом единое общественное сознание. Недружелюбные действия начинают рассматриваться как что-то вредоносное только для части членов. Они теряют свой сакральный характер. Как результат, право все более теряет свою «репрессивность». Наказания также уменьшаются, так как сейчас в них нет необходимости для усиления морального сознания всей группы. Преступник должен только восполнить причиненный своей жертве вред. Социальный контроль становится менее жестким и более свободным. Вменяются только некоторые общие правила поведения. В других областях каждый может поступать, как пожелает. Возрастание личной свободы и договорного права, а также основанных на свободной договоренности взаимоотношений</p>
<p>Солидарность и социальные связи</p>	<p>Так как однородности индивидов больше не существует, она не может играть роль социальных уз. Если бы не было новых социальных связей, единство группы было бы разрушено. Такой новой связью становится разделение труда: теперь тесное единство группы основывается на несамодостаточности разнородных индивидов, вызванной разделением труда. Теперь они «нуждаются» друг в друге и не могут существовать без кооперации, потому что каждый выполняет только свою особую часть работы. Таким образом, «механистическая» солидарность трансформируется в «органическую».</p>
<p>Политический режим</p>	<p>Специализация политических функций. Тенденция к уменьшению наследуемого политического статуса. Договорные отношения между правительством и гражданами.</p>

Экономическая организация	Частная собственность; экономический индивидуализм; договорная кооперация; система «открытых дверей», которая позволяет каждому заниматься любой деятельностью. Упадок наследуемого социального положения, усиливаемый тем, что специфические навыки все меньше передаются по наследству, что, в свою очередь, вызывается разделением труда.
Религия и идеология	Переход к политеизму и монотеизму. «Индивидуализация» и «персонализация» бога, сопровождаемая универсализацией религии. Затихающий местечковый и племенной патриотизм и рост космополитизма и интернационализма.

Во второй части книги автор, если можно так выразиться, меняет местами исходные своего уравнения и спрашивает: «Каковы те причины, что вызывают увеличение самого разделения труда, или, другими словами, каковы переменные данного явления, рассматриваемого теперь просто как “функция”?» Ответ на этот вопрос менее проработан, но тем не менее очевидно, что Дюркгейм остается верен позиции «социологизма». Обычный ответ на этот вопрос, который сводится к тому, что увеличение разделения труда обусловлено психологической тягой к счастью, к делу вообще не относится. Нет никаких причин думать, что с ростом разделения труда увеличивается счастье. Наоборот, учащающиеся случаи самоубийства, рост нервозности и неудовлетворенности жизнью в глубоко расколотом обществе, с одной стороны, а с другой стороны, хорошо известный факт, что примитивные народы живут в счастье и довольстве, – все это свидетельствует о том, что с прогрессом разделения труда счастья, как правило, становится меньше. Поэтому все подобного рода психологические гипотезы не могут объяснить прогрессирующий рост социальной дифференциации. Ее причины необходимо искать в самих объективных социальных условиях. Одним из основных факторов становится рост населения с его увеличивающейся плотностью или «динамическая и моральная плотность» морфологической структуры общества. Такой рост приводит к усилению борьбы за жизнь. Если бы все члены увеличивающегося общества выполняли одинаковые функции, например, если бы все стали портными, то у них было бы меньше возможностей добывать средства к существованию. Соревнование приобретает самые острые формы среди множества людей, занимающихся одной и той же деятельностью. Когда они занимаются разной деятельностью, они могут существовать рядом друг с другом без интенсивной борьбы и имея больше возможностей обрести средства существования. Следовательно, увеличение плотности населения приводит к увеличению разделения труда, что в итоге приводит к вышеупомянутым последствиям, затрагивающим социальные процессы, организацию и психологию людей. Такова вкратце самая суть логически последовательного и хорошо обоснованного учения Дюркгейма

о формах, причинах и последствиях общественной солидарности. На основании вышеизложенного его «социологистическая» позиция должна быть ясна.

Те же самые социологистические принципы лежат в основе и других монографических работ Дюркгейма. В своем превосходном исследовании, посвященном самоубийству⁶⁴, он показывает, прежде всего, что это явление нельзя объяснить такими причинами, как расстройство психики, расовая принадлежность и наследственность, географическая среда, подражание или какой бы то ни было другой психологический фактор, бедность, несчастная любовь или иной личный мотив. Тщательный анализ статистических данных опровергает все подобного рода гипотезы. После чего Дюркгейм блестяще доказывает, что все основные типы самоубийства – эгоистические, альтруистические и аномические – обусловлены исключительно социальными причинами.

Причиной *эгоистического самоубийства* выступает усиление социальной изоляции индивида или, что одно и то же, ослабление социальной сплоченности группы. Поэтому среди людей одиноких и разведенных более высок процент самоубийств, чем среди состоящих в браке, поскольку семейные узы облегчают тяжесть одиночества. Католики, религия которых более догматична и крепко объединяет друг с другом своих членов, показывают меньший процент самоубийств, чем протестанты и атеисты, которые подобных связей лишены. По той же самой причине для периодов гражданских войн и социальных брожений, когда люди «выползают из своих раковин», снижая тем самым уровень изоляции и увеличивая социальную сплоченность, характерно резкое снижение самоубийств, тогда как по окончании подобных движений, когда люди вновь «заползают в раковины», наблюдается внезапный всплеск самоубийств.

Самоубийство аномическое происходит из-за внезапного разрушения социального равновесия и моральных устоев общества. Самоубийства после экономических кризисов и банкротств являются примерами подобного типа. Обычное объяснение, что они происходят из-за роста нищеты, не соответствует действительности, потому что есть много бедных людей и классов, среди которых самоубийств почти не бывает, и потому что количество самоубийств увеличивается не только тогда, когда нарушение равновесия приводит к обнищанию, но также и когда оно приводит к процветанию. Причиной является уже упоминавшееся усиление *l'anomie sociale*^{17*}.

Альтруистическое самоубийство вызывается тем, что индивид почти целиком поглощается группой, рассматривается уже только как ее член, не имеющий собственной личности и индивидуальности, и полностью контролируется группой. Психологически такое поглощение выражается у индивида чувством долга, обязывающим его в любой момент, когда это будет необходимо или же

⁶⁴ Le suicide. Paris, 1887. Я цитирую издание 1912 г.

когда он своими поступками опозорит группу, пожертвовать собой ради группы. Эта психология поглощенности и долга находит свое выражение в механической солидарности между членами примитивных групп, в армии – между солдатами, а в какой-нибудь группе с сильно развитым *esprit de corps*^{18*} – между ее членами (Книга II). Таким образом, «кривая самоубийств» «зависит только от социологических причин, а контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества. У каждого народа существует известная коллективная сила определенной интенсивности, толкающая человека на самоубийство. Те поступки, которые совершает самоубийца и которые на первый взгляд кажутся проявлением личного темперамента, являются на самом деле следствием и продолжением некоторого социального состояния, которое в них обнаруживается внешне. Каждая социальная группа действительно имеет к самоубийству определенную, присущую именно ей коллективную наклонность, которая и определяет собой размеры индивидуальных наклонностей, а отнюдь не наоборот». Таков конечный результат исследования, в котором опять-таки подчеркнута «социологическая» позиция Дюркгейма⁶⁵.

Наконец, в своей книге о религии Дюркгейм дал очень тщательный анализ природы, источников, форм, влияний и разновидностей религии с той же самой «социологической» точки зрения. Выступив с разрушительной критикой общего определения религии как веры в Бога или в сверхъестественные силы, он определяет ее как «единую систему верований и практик, относящихся к священным, то есть к отдельным, запретным вещам верований и практик, объединяющих в одно нравственное сообщество, называемое Церковью, всех тех, кто им привержен»⁶⁶.

Ее суть состоит в разделении всех вещей и явлений на два царства: светское и священное. Ее учения убеждают сторонников конкретной религии не смешивать эти два царства, потому что смешение есть грех или религиозное святотатство; религия учит их стремиться к царству священного, когда же смешение произошло, учит их, как очиститься от грехов, неважно каким именно образом, чтобы они смогли устранить его греховные последствия. Данные функции и характерные черты религиозных явлений проявляются в тысячах форм: в специальном отделении мест религиозных служб от мест обычной светской деятельности; запрете их использования для повседневных нужд; в разделении времени, посвященного священному, от времени, посвященного светскому; отсюда возникают праздники, когда запрещено заниматься мирскими делами, как определено в четвертой заповеди^{19*}. Та же самая сущность религии проявляется в религиозных церемониях, цель которых – или очистить человека от греха, как на испове-

⁶⁵ Ibid., p. 336.

⁶⁶ The Elementary Forms of the Religious Life, tr. by Swain. London, p. 47.

ди, или, как в евхаристии и крещении, сделать светского человека причастным к священному, или, как при хиротонии, придать ему дополнительную долю священного. В следующей части Дюркгейм критикует анимистическую и натуралистическую теории происхождения религии. Первая теория, сформулированная Э. Тайлором и Г. Спенсером, пытается объяснить возникновение религиозной веры с помощью таких биосоциальных факторов, как сны, видения, смерть, психозы и другие биопсихологические явления. Вторая теория, представленная М. Мюллером и другими учеными, относит происхождение религии к впечатляющим космическим явлениям, таким как грозы, молнии, землетрясения, Солнце, Луна, реки и т. д., которыми примитивный человек не мог управлять и которые производили на него неизгладимое впечатление. Дюркгейм убедительно показывает ошибки и несостоятельность этих теорий⁶⁷. Наконец, после тщательного и кропотливого анализа элементарных форм религиозных явлений он формулирует свою собственную теорию – о том, что источником религии является само общество, что религиозные концепции суть не что иное, как символы атрибутов общества, что священное, или Бог, всего лишь персонифицированное общество и что основная социальная функция религии состоит в создании, укреплении и обслуживании социальной солидарности. По этой причине религия играет большую и важную роль в истории. Несмотря на временный кризис отдельной религии, она будет в том или ином виде существовать до тех пор, пока существует социальная солидарность. Конкретные формы религии меняются, но сущность ее вечна. Короче говоря, Дюркгейм дал нам гармоничную социологическую теорию религии⁶⁸. Вместе с тем он дает и социологическую теорию знания вообще. Говоря словами самого Дюркгейма, сущность его общих заключений такова: «Религиозные представления – коллективные представления, которые отражают коллективные реальности; обряды – способы действия, которые возникают только в собравшихся вместе группах и предназначены для возбуждения, поддержания или воссоздания определенных ментальных состояний этих групп... Религиозная жизнь является концентрированным выражением всей коллективной жизни... Идея общества – это душа религии. Следовательно, религиозные силы – это человеческие силы, моральные силы... Неверно, что религия не замечает реального общества, оставляя его в стороне. Наоборот религия представляет собой образ реального общества, она отражает все его черты, даже самые низменные и отталкивающие».

⁶⁷ Ibid., ch. II–III.

⁶⁸ Далее я покажу, что у Дюркгейма было множество предшественников, высказывавших аналогичные идеи. Среди относительно недавних авторов достаточно упомянуть имена Ж. де Местра, Бональда, Сен-Симона, О. Конта, Б. Кидда и особенно Фюстеля де Куланжа (см. его книгу «La cité antique»), Дж. Фрэнзера и Г. Зиммеля, который в своем небольшом памфлете «Религия» дал набросок теории Дюркгейма.

Наряду с религиозными идеями и понятиями есть и другие общие понятия человеческого разума, такие как время, пространство, класс, сила, личность, работоспособность и т. д., и все они тоже обусловлены социальными факторами.

«Попытайтесь представить себе, чем было бы понятие *времени* без тех приемов, посредством которых мы делим и измеряем его... Это было бы чем-то практически невыносимым! Но каково происхождение этого различия [деления времени на дни, недели, годы]. Подобным образом организовано не мое время, а то, которое мыслится объективно всеми... Одного этого уже достаточно для предположения, что подобная организация должна быть коллективной... Деление на дни, недели, месяцы, годы и т. д. соответствует периодичности обрядов, праздников, общественных церемоний. Календарь отражает ритм коллективной деятельности, и одновременно его функция заключается в том, чтобы обеспечить ее регулярность».

«То же самое касается и *пространства*. [Если пространство не дифференцировано, его, как и время, представить себе невозможно.] Но откуда берутся эти сущностные деления пространства? Ведь сами по себе ни левое, ни правое, ни верх, ни низ, ни север, ни юг и т. п. не существуют. Все эти деления явным образом являются результатом того, что разным областям были приписаны разные аффективные ценности. Кроме того, имеются случаи, когда этот общественный характер [представлений о пространстве] совершенно очевиден. В Австралии... существуют общества, в которых пространство воспринимается как безмерный круг, потому что их поселения имеют форму круга, и круг-пространство разделяется так же, как и племенной круг».

«Далее можно будет найти сходные доказательства, относящиеся к понятиям рода, силы, личности, действия. Можно даже задаться вопросом, не зависит ли от общественных условий также и понятие противоречия. ... [Очевидно] если бы люди не обладали в любой момент времени согласием в отношении этих сущностных идей, если бы у них не было сходных концепций времени, пространства, причины, числа и т. д., стало бы невозможным любое согласие между умами и, следовательно, всякая совместная жизнь. Вот почему общество не может допустить произвола частных лиц в отношении категорий, не отказавшись при этом от самого себя»⁶⁹.

Таков вкратце научный вклад Дюркгейма и его социологическая интерпретация социальных и психических явлений. Как видим, в сущности, его социо-

⁶⁹ The Elementary Forms of Religious Life, p. 10–17, 419–421^{20*}; см. целиком «Введение» и «Заключение». См. также: Lévi-Bruhl. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. 1910; Hubert A., Mauss M. Mélanges d'histoire des religions; Lévi-Bruhl. La morale et la science des mœurs. Paris, 1903. В этих работах последователей Дюркгейма излагаются аналогичные теории.

логия совпадает с социологией школы Де-Роберти. Оставим в стороне политические и этические идеи Дюркгейма⁷⁰, которые относятся к области практических суждений, и обратимся теперь к краткой критике рассмотренных теорий.

Критика. Критические замечания по адресу общих принципов социологистической школы относятся и к социологии Дюркгейма. Поэтому нет необходимости повторяться. Можно только сказать, что монографические исследования Дюркгейма ясно показывают, что при объяснении социальных и психических явлений игнорировать чисто социальные факторы в виде социального взаимодействия (морфология общества, его организация и социальные процессы) недопустимо. Работы Дюркгейма сделали это очевидным. Но, признавая важность этой социологистической интерпретации, будем ли мы следовать Дюркгейму настолько, чтобы исключить все другие интерпретации? Думаю, что нет, да и сам Дюркгейм приводит достаточно причин для подобного заключения. Возьмем его объяснение происхождения идеи священного, понятий времени, пространства, рациональности и т. д. Он констатирует, что религиозная вера в царство сакрального была вызвана чередованием периодов рассеяния и собирания примитивных групп. В период рассеяния они ведут унылую, монотонную и утомительную жизнь, тогда как в период сплочения, как во время празднования *corrobogiti*^{21*} у австралийцев, их психика полностью меняется, их охватывают возбуждение, радостное безумие, лихорадочное возбуждение, что обусловлено их общением друг с другом, напитками, едой, плясками и т. д. Не умея еще рационально осознавать подобную трансформацию своих чувств, примитивные люди объясняли ее с помощью некоей безликой сакральной силы, которая входит в их тело и тем самым делает их тоже «сакральными». Достаточно ли такого объяснения? Нет. Во-первых, само чередование периодов рассеяния и сплочения первобытного племени в значительной степени зависит от климатических сезонов: племя рассеивается в неурожайные сезоны и собирается в период изобилия. Это означает, что, по крайней мере косвенно, данные социальные процессы обусловлены географическими факторами; если бы они были другими, то другими были бы и социальные процессы и благодаря этому – психическое состояние людей. Другими доказательствами является то, что тотемами племен выступают местные растения или животные, что идеи рая и ада, добрых и злых божеств и т. д. несут на себе отпечаток местного колорита, обусловленного географической средой, что обычным является обожествление Луны, Солнца, грозы и других космических явлений; все они и множество аналогичных особенностей религиозных представлений указывают на роль, которую играет космическая окружающая среда в происхождении и развитии подобных представлений. Не может быть, чтобы космические явления не производили впечатления на умы примитивных

⁷⁰ Сравнительно неплохое изложение этих аспектов идеологии Дюркгейма см. в упомянутых работах Деллуажа, Бугле, Гельке и в статье Г.Э. Барнса.

народов, которые во многом от них зависят, когда они впечатляют даже ум культурного человека. Отметим, что Дюркгейм и другие социологи преувеличивают статический характер *космической среды*. Еще понятнее, какую роль играет эта среда в происхождении и развитии идей *времени, пространства, действия* и т. д. Если деление времени на дни, недели, месяцы и годы выражает ритм коллективной деятельности, то еще яснее оно выражает ритм природных явлений: деление времени на дни, месяцы, годы и сезоны совпадает с ежедневным чередованием света и темноты, с ритмом циклов Луны и последовательностью сезонов и ежегодных солнечных циклов⁷¹. Это настолько очевидно, что только абсолютная предвзятость может помешать это увидеть. То же самое верно и в отношении *пространства*. Природная среда не есть нечто настолько бесформенное, чтобы в ней не нашлось пространственных координат для локализации событий и вещей. «Дальше этого дерева», «направо от того холма», «ниже этой горы», «вверх или вниз по течению» – эта пространственная координата является вполне естественной и практически известна всем примитивным народам. Не менее известна им и пространственная ориентация относительно положения Солнца, звезд, Луны и тысяч других космических явлений. В этом отношении их роль, вероятно, будет более заметной, чем форма стоянки племени. Это также подтверждается тем фактом, что многие социальные группы с самой разной политической и общественной организацией имеют более или менее одинаковые представления о пространстве и времени. Если бы гипотеза Дюркгейма была точна, этого, возможно, не наблюдалось бы. Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть односторонность социологии Дюркгейма и понять безусловную роль космической среды в происхождении и формировании религиозных представлений и идей времени, пространства и других концептуальных категорий.

С еще большим основанием то же самое можно сказать о той роли, которую играют в этом отношении *биологические факторы*. Возьмем характер и цель главных религиозных обрядов у примитивных и даже культурных народов. Не правда ли, что один из основных обрядов у примитивных народов имеет своей целью *приумножение пищи и средств к существованию*? И разве не тот же самый мотив составляет суть очень многих религиозных молитв, начиная с христианского: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»? Разве не подобную же роль играют такие *биологические явления, как деторождение и сексуальные взаимоотношения*? Если бы этих и подобных биологических явлений не было, то не появилось бы и доброй половины религиозных идей, обрядов, молитв и т. д. Кроме того, удалось ли Дюркгейму показать, что такие биологические явления, как сны, психозы, умственные расстройства и т. д., не играли никакой роли в происхождении и формировании религиозно-анимистических представлений? Нет. Он указал лишь на то, что одни они не могли бы их сформировать.

⁷¹ См.: Nilsson M.P. Primitive Time Reckoning. Lund, 1920.

Более того, очевидно, что если бы люди обладали совершенно разными нервными системами и разной биологической конституцией, их идеи значительно отличались бы или вообще не было бы никаких идей. Для того чтобы социальный контакт мог играть свою роль, необходимо, чтобы человек обладал биологическим строением и особенно нервной системой. Крысы или воробьи могут взаимодействовать сколько угодно, и все же их взаимодействие не может привести ни к чему похожему на религиозные представления или понятия. По этой причине совершенно неправильно игнорировать роль биологических сил, как это сделал Дюркгейм в порыве своего «социологистического энтузиазма». С. Бугле, один из самых выдающихся последователей Дюркгейма, должен был признать, что «есть два элемента, без которых не может ни поддерживаться, ни возникнуть никакой коллективный порыв: природа вещей и природа человеческого разума. [Верно, что социальное окружение играет важную роль в умственном развитии.] Но говорящий “развитие” говорит “эмбрион”. Никакой опыт и никакие самые разнообразные взаимодействия не произвели бы известные нам идеи и понятия, если бы человек еще до всякого опыта не реагировал бы определенным образом, предначертанным ему его природой. Сама эта природа – разве она тоже исключительно социальное творение? А такой драгоценный интеллектуальный инструмент, как рука, – тоже подарок общества?.. Порожденные коллективным проживанием силы всегда работали над определенным числом форм, существовавших еще до их вмешательства... Можно доказать, что эти силы играли преобразующую, содействующую или препятствующую роль, нельзя однако же доказать, что они были единственным творческими силами»⁷².

Этих кратких заметок достаточно, чтобы показать однобокость и заблуждения социологии Дюркгейма. Этим и ограничимся. С высказанной критикой согласился и сам Дюркгейм в своем исследовании о разделении труда. Допустим, что установленные им связи между разделением труда и другими явлениями соответствуют действительности⁷³, но зададимся при этом вопросом: какими

⁷² *Bouglé*. Leçons de sociologie sur l'évolution des valeurs. Paris, 1922, p. 193.

⁷³ Однако это допущение не совсем оправдано. Некоторые связи весьма сомнительны. Иные допущения и утверждения Дюркгейма ошибочны. Я не могу здесь углубляться в подробную критику всех его ошибок. Вместо этого я просто отошлю читателя к указанной работе М. Ковалевского «Современные социологи» и к статье Н.К. Михайловского о книге Дюркгейма, посвященной разделению труда, где дана, насколько я знаю, лучшая фактическая критика дюркгеймовской теории разделения труда. К сожалению, эти работы опубликованы на русском языке и поэтому нерусским читателям недоступны («*Rossica sunt, non leguntur*»^{22*}). Здесь я могу только перечислить некоторые его ошибки, оставляя свои утверждения безо всяких доказательств. Предположение Дюркгейма о том, что закон редко входит в конфликт с этикой или моралью, сомнительно. Предположение о том, что чем слабее разделение труда и более однородно моральное сознание группы, тем более репрессивный характер будет носить закон, тем значительнее и жестче будут наказания, никоим образом нельзя считать общим явлением. С некоторыми изменениями эту идею Дюркгейм развивает в своей ста-

факторами обусловлена сама модификация разделения труда? Как только Дюркгейм начинает рассматривать эту проблему, он сразу признает ее зависимость от фактора рождаемости и увеличения численности людей – фактора, по сути дела, биологического. Усиление разделения труда является преимущественно результатом роста населения. Таков его ответ. Разве это не очевидное доказательство того, что ни разделение труда, ни какой-либо другой социальный фактор не являются самодостаточными и только из методологических соображений их можно брать в качестве переменной? Как только мы пытаемся превратить это условное «первенство» фактора в сущностное или догматическое или рассматривать его как независимый от других факторов, недостаток такого метода сразу становится очевидным⁷⁴. Не продолжая эту череду мыслей, отмечу, что и вышеизложенного достаточно, чтобы прийти к такому заключению: признавая претен-

тье «Deux lois de l'évolution pénale» (*L'année sociologique*, vol. IV). Идея эта ошибочна. См.: *Сорокин П.* Преступление и кара, с. 433 ff.^{23*} Его утверждение относительно того, что самым древним институтом права является собрание всего племени, также ошибочно, как и то, что первобытные племена знали только общинную форму собственности. Его предположение о том, что большее разделение труда приводит к увеличению свободы, независимости, солидарности, сердечного сотрудничества, неперемного умственного прогресса и т. д., более чем сомнительно. Умеренная, но убедительная критика этого, помимо работ Ковалевского и Михайловского, дана в упоминавшейся статье «Revue général des théories sur la division du travail» (р. 90 ff.)^{24*}. Вера Дюркгейма в благотворные результаты правительственного регулирования и контроля договорных отношений между капиталом и трудом в формах, напоминающих «российскую коммунистическую систему» или средневековую регламентацию труда, является простой верой, которая, будучи уже не раз опровергнутой, опровергнута еще больше противоположным результатом, к которому привел российский эксперимент. Предположение Дюркгейма о том, что борьба за жизнь всегда более сильна между представителями одной и той же профессии, чем между представителями разных профессий, опять же есть ошибочное возведение отдельного факта в общий закон. Он забывает другую сторону явлений, а именно солидарность членов одной и той же профессии, которая столь заметно проявилась в трудовых и профессиональных союзах, в «классовой борьбе», когда не представители одного и того же класса, а представители разных классов борются друг с другом, и т. д. См.: *Сорокин П.* Система социологии, т. 1, с. 351 ff.^{25*} Теория Дюркгейма не дает никакого намека насчет того, как появилась солидарность племен, не знающих разделения труда. Его предположение о том, что с увеличением разделения труда наследование социального положения и система каст неизменно уменьшаются, не подтверждается фактами. См.: *Sorokin.* Social Mobility, parts I and II. Алогичная его гипотеза – о том, что роль наследственности уменьшается с увеличением разделения труда, – тоже сомнительна. Вот лишь некоторые из многих сомнительных предположений, а то и просто грубых ошибок, которые найдены в книге Дюркгейма.

⁷⁴ Это относится и к исследованию Дюркгейма, посвященному факторам самоубийства. Хотя его исследование сделало очевидным роль социальных факторов в динамике самоубийств, ему не удалось показать, что все другие факторы не имеют никакого значения. Множество флуктуаций кривой самоубийств не нашли объяснения у Дюркгейма. С другой стороны, ряд исследований показал совершенно явную связь динамики самоубийств с другими биологическими, психологическими, географическими и социальными влияниями. См.: *von Mayr G.* Op. cit., Bd. III, S. 258–405.

зию «социологизма» на интерпретацию социальных явлений и его ценный вклад в социологию, мы должны решительно отклонить ее претензию на научную монополию. Теперь обратимся к третьему направлению социологической школы, представленному работами Л. Гумпловича и его последователей.

5. Л. Гумплович⁷⁵, Ф. Оппенгеймер и другие

Чисто философскую часть теорий Гумпловича, которая нашла свое отражение в его серии «законов» причинности, развития, периодичности, сложности, параллелизма и т. д.⁷⁶, я полностью оставляю вне рассмотрения. Как логический анализ перечисленных фундаментальных принципов науки его философия чересчур элементарна, а как социологическая интерпретация этих научных категорий – несколько устарела.

«Социологизм» Гумпловича. Из социологических особенностей теории Гумпловича очевидным является «социологизм» в его самой явной форме. Он заявляет, что главным объектом социологии являются не индивиды, а исключительно группы и что индивиды сами по себе ничто, а только простой продукт группы. Двух коротких цитат достаточно, чтобы выразить его позицию.

«Мы считаем отдельными реальными элементами в социальном процессе не отдельных лиц, а социальные группы; в истории мы будем исследовать не закономерное поведения индивидов, а движение групп»⁷⁷.

«Величайшая ошибка индивидуалистической психологии заключается в предположении, будто мыслит сам человек. В индивиде вечно ищут источник мышления, вечно ищут, почему он мыслит так, а не иначе... Здесь – целая цепь ошибок: [ибо] в человеке мыслит совсем не он, но его социальная группа; источник его мыслей... лежит... в социальной среде, в которой он живет. ...Его мысли,

⁷⁵ Людвиг Гумплович, польско-еврейского происхождения, родился в 1838 г., окончил с собой в 1909 г. Он был профессором университета Граца в Австрии. Его основные работы: *Rasse und Staat* (1875), *Allgemeines Staatsrecht* (1877), *Der Rassenkampf* (1883), *Grundriss der Soziologie* (1885), *Soziologie und Politik* (1892), *Die soziologische Staatsidee* (1892), *Geschichte der Staatstheorien* (1905). О Гумпловиче см.: *Zebrowski B.L. Gumpłowicz*. Berlin, 1926; *Salomon G.* Предисловие к новому изданию «*Geschichte der Staatstheorien*», 1926; *Kochanowski L. Ludwig Gumpłowicz // American Journal Sociology*, vol. XV; *Ward L.L. Gumpłowicz // Ibid.*, col. XV; соответствующие главы в книгах: *Small A.* *General Sociology*; *Jacobs P.P.* *German Sociology*. New York, 1909; *Barnes H.E.* *The Struggle of Races and Social Groups // Journal of Race Development*, vol. IX; *Barth P.* *Op. cit.*, S. 266 ff.; *Ковалевский М.* *Op. cit.*, с. 89–134; *Ross E.* *Foundations of Sociology*, p. 4; *Todd A.J.* *Theories of Social Progress*. 1919, p. 133 ff., 276 ff. Кроме того, значительное внимание уделяется его трудам в социологических работах Ф. Оппенгеймера, Ф. Саворньяна, М. Ваккаро, Ратценхофера и других; *Lichtenberger J.* *Development of Social Theory*, p. 436 ff.

⁷⁶ См.: *Gumpłowicz.* *Outlines of Sociology*, tr. by Moore. New York., 1899, p. 76–82.

⁷⁷ *Gumpłowicz.* *Der Rassenkampf*. Innsbruck, 1883, S. 39–40.

его дух есть создание его социальной среды, социального элемента, в котором он рождается, в котором живет и действует»⁷⁸.

Критика. Нет никакой необходимости продолжать эти цитаты: мы уже хорошо знакомы с подобным образом мыслей. Что следует отметить в «социологизме» Гумпловича, так это то, что он гораздо более категоричен и прямолинеен, чем предыдущие два направления. По этой причине он и вызывает большее возражение. Интересно, как можно понять группу, полностью игнорируя индивидов? Его утверждение равносильно заявлению биолога, который стал бы утверждать, что для изучения строения и функций сложного организма необходимо считать элементом последнего только ткани, а не клетки и что изучение клеток должно быть полностью исключено из исследования⁷⁹. Биологи едва ли поддержат подобное утверждение. Социологи, к сожалению, его восприняли⁸⁰. И хотелось бы мне увидеть, как это «в человеке мыслит не он, а его социальная группа». К сожалению, это мое желание осуществить не удалось. Все, что я увидел, так это следующее: выводы и мнения, разделяемые группой индивидов, нередко отличаются от решений и мнений, которых придерживаются некоторых из тех же самых людей; и иногда преобладает мнение каких-то одних индивидов, тогда как в других случаях первенство получает мнение других членов группы. Однако я никогда не видел «мысли сообщества». Более того, я не думаю, что кто-нибудь вообще это видел. Заявление Гумпловича – либо неудачный *façon de parler*^{27*}, либо просто «ляпсус»⁸¹. Вот и все, что можно сказать по этому поводу.

Принципы теории Гумпловича. Дальнейшие принципы теории Гумпловича таковы. Во-первых, *теория полигенеза*, или разнообразного происхождения человечества, разработанная Гобино за 30 лет до Гумпловича. Во-вторых, *постулат о врожденной и смертельной ненависти в отношениях одной группы к другой*, приводящей к неизбежной и смертельной борьбе между группами

⁷⁸ Outlines of Sociology, p. 156 ff.

⁷⁹ Сорокин П. Система социологии, т. 2, с. 14^{26*}.

⁸⁰ С сожалением должен сказать, что Л. Уорд, А. Смолл, Кохановский, А. Дж. Тодд и другие сильно переоценили теории Гумпловича. В данном случае, равно как и в некоторых других случаях, Смолл и Уорд судят поверхностно и неверно. Правильную оценку дает П. Барт (*Barth P. Op. cit., S. 270, note 4*).

⁸¹ Ошибочность «социологизма» Гумпловича демонстрируют его собственные теории. Устранив индивидов, он должен был объяснить, как произошли «группы» или его «сингенетические орды». Его объяснение гласит, что эти группы являются союзом индивидов, связанных общностью языка, религии, занятия, местности, кровного родства и общих интересов (*Der Rassenkampf*, глава о сингенетизме; *Outlines of Sociology*, p. 92 ff., 100). Такое объяснение означает, во-первых, смешение расы как зоологического типа с социальными или этническими группами; во-вторых, включение ранее исключенных индивидов и, в-третьих, *petitio principii*^{28*}. Гумплович говорит, что есть недружелюбные группы, потому что у них язык, религия и т. д. отличаются. Когда мы спрашиваем, как эти различия в религии, языке и т. д. возникли, он отвечает: потому что были различные группы. К сожалению, социология богата подобного рода теориями.

(Rassenkampf). В-третьих, постулат, согласно которому *только благодаря подобной борьбе происходит любое расширение социальной группы и благодаря которой только и возможна консолидация двух или большего количества групп в одно социальное тело*. В-четвертых, победившая группа, завоевав свою жертву, безжалостно ее эксплуатирует, превращая ее в раба или предмет. Ради успешного контроля над ней группа вводит в действие законы; таким образом, мы имеем: 1) *происхождение государства* как объединения победившей и поработанной групп, где завоеватели становятся привилегированным и руководящим сословием, а побежденные – эксплуатируемым и лишенным гражданских прав; 2) *происхождение права* как совокупности обязательных правил, предписанных правящей группой ради контроля и эксплуатации поработанной; 3) *происхождение социальной стратификации и неравенства*, благодаря чему завоеватели становятся аристократией, в то время как побежденные – низшим слоем. Пятый принцип заключается в том, что со временем различия между завоевателями и завоеванными уменьшаются. Завоеватели перенимают язык и религию побежденных, и разница между ними все больше и больше стирается. Таким образом, группа становится более сплоченной, пока она не поработит или не будет поработана другой группой, тогда вышеописанный процесс повторяется снова. В повторении такого «*ricorsi*»^{29*} и состоит сущность исторического процесса. Таково краткое резюме социологической теории Гумпловича. Вышеупомянутый набор гипотез или некоторые из них нашли нескольких сторонников. Помимо А.В. Смолла, Л.Ф. Уорда и Кохановского⁸², можно назвать здесь профессора Франца Оппенгеймера из Франкфуртского университета (который в своих ценных работах⁸³ следовал линии социологии Гумпловича и Маркса), Ф. Саворньяна⁸⁴, хотя его более поздние работы имеют мало общего с умозрениями Гумпловича, отчасти Г. Ратценхофера⁸⁵ и некоторых других⁸⁶.

Критика. Наши критические замечания по поводу вышеизложенной теории можно суммировать следующим образом:

1. Принципы теории не отличаются новизной. Как мы видели (см. главу, посвященную борьбе за существование), идея о том, что борьба является источником всех изменений, в том числе и истории человечества, была высказана Ге-

⁸² Мне совершенно непонятно, как Смолл и Уорд смогли примирить теории Гумпловича со своими собственными, поскольку они логически противоречат друг другу.

⁸³ См.: *Oppenheimer F. Der Staat*. Frankfurt am Main, 1908; *System der Soziologie*. Jena, 1923–1926, Bd. I–II.

⁸⁴ См.: *Savorgnan F. Soziologische Fragmente*. Innsbruck, 1909; и отчасти *Studi critici di sociologia*. Modena, 1925.

⁸⁵ *Ratzenhofer G. Wesen und Zweck der Politik*. Leipzig, 1893; *Die Soziologische Erkenntnis*. Leipzig, 1898; *Soziologie*. Leipzig, 1908.

⁸⁶ Доктор Г. Саломон среди частичных последователей Гумпловича упоминает также Ваккаро, но теории Ваккаро значительно отличаются от теорий Гумпловича, и он подчеркивает свое явное несогласие во введении к своей книге «*Les bases sociologiques du droit et de l'état*».

раклитом, в «Зенд-Авесте», в самых ранних религиях, а также такими мыслителями, как Отцы Церкви, Макиавелли, Ж. Боден, Томас Гоббс, если ограничиться лишь немногими примерами из прошлого. Среди многих авторов, кто намного раньше и не так односторонне, как Гумплович, обозначили войну как источник социальной стратификации, мы назовем Джона Миллара и Симона Линге⁸⁷. После Дарвина и Спенсера социальные теории борьбы за существование (похожие на идеи Гумпловича) стали столь многочисленными, что нет смысла перечислять всех авторов и их работы⁸⁸.

2. Как я уже указывал, полигенетическая теория происхождения человечества, которая была возрождена Гумпловичем, представляет собой гипотезу, которая не может быть ни доказана, ни опровергнута.

3. Предположение Гумпловича относительно того, что разные этнические группы всегда находятся в абсолютно враждебном состоянии друг с другом и что между ними идет непрерывная война, рисует ситуацию в сильно преувеличенном виде. Если бы это было так, группы истребили бы друг друга и история человечества на этом давно бы закончилась. Фактологические исследования показывают, что среди примитивных народов есть группы, которые не знают войны вообще, что среди тех, кто воюет, война не идет постоянно и что есть значительное количество племен, которые освобождают, обменивают или принимают военнопленных⁸⁹. С другой стороны, есть вполне достоверные факты, свидетельствующие о довольно мирных отношениях примитивных народов друг с другом. Это как было в прошлом, так остается и в настоящем. Война, несомненно, продолжает существовать среди современных наций, но тот, кто сделал бы вывод, что она является постоянной или что их взаимоотношения всегда смертельно враждебны, был бы очевидно неправ⁹⁰.

⁸⁷ Millars J. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society. London, 1771; Linguet S.N. Théorie des lois civiles ou principes fondamentaux de la société. London, 1767.

⁸⁸ См. некоторые из них в упоминавшемся уже предисловии Г. Саломона к новому изданию книги Гумпловича «Geschichte der Staatstheorien» (Innsbruck, 1926); о теориях борьбы за существование см. выше.

⁸⁹ Из 298 примитивных народов, изученных Хобхаусом, Уилером и Гинсбергом, оказалось девять, которые не знали войны вообще. Для остальных война ни в коей мере не была постоянным состоянием. Из 298 народов около 57 практиковали адаптацию, освобождение или обмен пленными. См.: Hobhouse, Wheeler, Ginsberg. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples, p. 231 ff. См. также: Steinmetz. Philosophie des Kriegeres. 1907, Kap. I–III; Ковалевский. Op. cit., с. 109 ff.

⁹⁰ Здесь Гумплович делает ту же самую ошибку, что и Маркс, когда заявляет: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»^{30*}. Отдельный факт превратился в универсальный; одним аспектом всей истории группы или классовых отношений заменяют весь процесс; некоторыми моментами исторического процесса, отмеченными борьбой, заменяют все, в том числе периоды мира и солидарности. Такова «логика» подобного построения. Это звучит, как заявление: «История жизни отдельного человека – это история того, чем и как он питался». «Pars pro toto»^{31*} – так называется эта ошибка в терминологии старых логиков.

4. Утверждение, что все объединения двух или большего числа групп в еще большую группу достигались только посредством войны, также является неверным. Многие такие объединения действительно появились в результате войны и насилия, но многие обошлись и без них. Достаточно упомянуть относительно мирные создания российского, римского, афинского, швейцарского, ирокезского, американского и австралийского государств. Есть много случаев в древней, средневековой и современной истории, когда некоторые автономные страны свободно примкнули к некоей другой стране и таким образом создали единый организм. Есть также несколько лиг и союзов, которые были образованы договорным способом. М. Ковалевский правильно указывает на то, что первобытные племена и некоторые современные государства на ранних стадиях своей истории образовывали подобные консолидации с помощью специальных посредников – мудрых и уважаемых людей. Этих фактов достаточно, чтобы показать односторонность концепции Гумпловича.

5. Также ошибочно утверждать, что социальная стратификация возникает исключительно благодаря войне, что все правительства и аристократии обязаны своим появлением войне и что они всегда состояли из завоевателей-чужестранцев, тогда как низшие классы состояли из побежденных. В некоторых случаях ситуация была такой, но в других более многочисленных случаях она была совершенно иной и никак не была связана с войной. В своей «Социальной мобильности» (глава XIV) я показал, что социальная стратификация возникает независимо от войны в любой группе людей, живущих вместе, будь то банда подростков или поселок пионеров, община аскетов, группа левеллеров^{32*} или кого угодно еще. Это понятие, тесно связанное с человеческой ассоциацией. Мы не знаем ни одной такой группы, в которой люди совместно проживали бы в течение более или менее долгого времени, группы, которая не знала бы войны – и в которой при этом не было бы социального расслоения⁹¹. Причиной стратификации является не война, а наследуемые различия между людьми и различия в окружающей среде. Война лишь способствует ей. В случаях, когда война устанавливает новую аристократию завоевателей, это не значит, что ее не существовало до этого. Скорее мы наблюдаем простую замену прежней аристократии новой. Это означает, что фактор, выдвигаемый Гумпловичем, не является ни необходимым, ни хотя бы достаточным для того, чтобы считаться причиной возникновения и наличия стратификации.

⁹¹ Доктор Ф. Оппенгеймер ошибается, предполагая, что догосударственные группы не стратифицированы, а стратифицированы только государства. Поскольку посылка неверна, ошибкой заканчивается и его интересная попытка дать на основании этого различия определение государств. См.: *Oppenheimer F. Soziologie des Staates // Jahrbuch für Soziologie. Bd. II, S. 85–87*. Такую же ошибку допускает и Дж. Маццарелла в своей книге «*Les types sociaux et le droit*» (р. 64 и *passim*). Он сам отмечает, что в его «нестратифицированной» (*le gentilice*) группе имеются начальники и подчиненные, класс рабов и класс господ.

6. Столь же односторонним является его предположение, что правящий и высший класс всегда набирались из числа победивших завоевателей. В некоторых случаях дело обстояло именно так, но во многих других случаях – иначе. Исследования власти первобытного вождя, происхождения ранних царств, истории социальной стратификации и состава высших сословий в разных обществах в прошлом и в настоящем – все они противоречат гипотезе Гумпловича. Первые великие вожди и правители многих древних обществ (как Окнирабата у центральных племен Австралии, Манко Капак и Мама Оккло у инков, Моисей у евреев, Фу-хи у китайцев и т. д.) изображались не как чужеземные завоеватели, а как великие изобретатели, учителя, судьи, мудрецы и законодатели, выходцы из коренного населения. То же самое можно сказать и о многих королях на ранних стадиях цивилизации и представителях «правлящего класса» многих первобытных племен или древних германцев (*duces ex virtute sunt*, говорит Тацит^{33*})⁹². Возьмем ли мы класс священников или правителей или даже военачальников – в подавляющем большинстве обществ мы найдем, что они состояли из местных жителей. Более поздние стадии истории различных народов показывают ту же самую картину. Нет необходимости и дальше настаивать на этих фактах. Здесь мы снова видим ту же самую ошибку: частному факту придается универсальное значение, отдельный случай превращается в общее правило.

7. Наконец, интересно бы узнать, есть ли какой-нибудь компетентный исследователь истории права, правовых институтов, морали, нравов и обычаев, который согласился бы с Гумпловичем в том, что все эти «обязательные» правила поведения появились благодаря войне и, следовательно, только правила завоевателей внедрялись в жизнь ради эксплуатации завоеванных субъектов и контроля над ними. Ни сравнительные историки права, такие как Бруннер, Пост, Мейер, Даргун, Колер, Ефименко, Турнвальд, Б. Спенсер и Гиллен, М. Ковалевский, Генри Самнер Мэн, Маццарелла, Штейнмец, Макаревич и многие другие, ни историки моральных идей, как Вестермарк, Летурно, Фрэзер, Дюркгейм, Ювелен, Юбер, Мосс, Г. Спенсер, Хобхаус, У.Г. Самнер и т. д., ни современная этнография, этнология или культурная антропология – никто и ничто не дает серьезного основания для такой теории происхождения права и насиль-

⁹² Факты см. в следующих книгах и статьях: *Sorokin. Social Mobility*, parts I, II, III и passim; *Frazer J.G. Lectures on the Early History of the Kingship*. London, 1905; *Vierkandt A. Führende Individuen bei den Naturvölkern* // *Archiv für Sozwissenschaft*. 1908, Bd. XI, S. 542–553, 623–639; *Ковалевский М. Социология*. 1910, т. II; *Ковалевский М. Современные социологи*, с. 112 ff.; *Mumford E. The Origins of Leadership* // *American Journal of Sociology*, vol. XII; *Maunier R. Vie religieuse et vie économique* // *Revue Internationale de sociologie*. 1907, Dec., 1908, Jan., Febr.; *Lowie R.H. Primitive Society*. 1920, ch. IX; *Descamps P. Le pouvoir publique chez les sauvages* // *Revue International de sociologie*. 1924; *Goldenweiser A. Early Civilization*; *Thurnwald R. Soziale Organization* // *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*. 1920, Bd. XXXVI, и целый ряд ценных статей Р. Турнвальда в «*Reallexikon der Vorgeschichte*».

ственных форм поведения. Несомненно, в некоторых случаях фактор Гумпловича сыграл некоторую познавательную роль, но ошибочно утверждать, что без него у человеческих обществ никогда не было бы закона или что все обязательные правила поведения произошли тем путем, который описан Гумпловичем.

Этих примеров достаточно, чтобы показать ошибки теорий Гумпловича. Тем не менее его работы не были бесполезны. Благодаря его односторонности и преувеличенному значению, которое он придавал вышеупомянутым факторам, он способствовал тому, что исследователи обратили на них повышенное внимание. Это привело к ряду более тщательных исследований, которые позволили нам правильнее судить об этих спорных явлениях. В этом смысле социологические работы Гумпловича⁹³ послужили во благо нашей науке.

⁹³ Я оцениваю исследования Гумпловича по истории социальных теорий гораздо выше. Эти его работы представляют реальную ценность.

Глава IX

СОЦИОЛОГИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА (ПРОДОЛЖЕНИЕ): ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА И СИСТЕМАТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Характеристика школы и ее ведущих представителей

Четвертое основное направление социологистической школы – формальное. Оно придерживается основных положений социологистической школы, к числу которых относятся понимание взаимодействия и взаимосвязи как сущности социальных явлений, сверхиндивидуальная концепция социальной действительности, интерпретация индивида как продукта группы, интерпретация социальных явлений с позиции группы и т. д.; но в дополнение к этому подчеркивает, что подлинным объектом социологии как особой науки является исследование *форм* социального взаимодействия или социального *отношения*, а не его *содержания*, изучением которого занимаются другие социальные науки. Ее приверженцы, в отличие от сторонников «энциклопедической» социологии, которая рассматривает все и представляет собой «мешанину» различных проблем, пытаются построить социологию как специфическую и систематическую науку с ограниченной, но вполне определенной сферой исследования. В эту сферу входят формы человеческих отношений или социализации, рассматриваемые независимо от какого бы то ни было конкретного, исторического общества. Такая социология является, во-первых, наукой аналитической. Во-вторых, поскольку она изучает формы общественных отношений, она должна быть более точной, чем любая энциклопедическая социология. В-третьих, по отношению к другим общественным наукам она занимает приблизительно то же самое место, какое занимает механика или даже математика по отношению к физическим и техническим наукам, – последние не могут существовать без первой. Чем лучше развита математика или теория общественных отношений, тем больше будет пользы от них для технических или других социальных наук¹.

¹ Обстоятельное изложение принципов формальной школы см. в: *Vierkandt A. Gesellschaftslehre. Stuttgart, 1923, S. 1–19.*

Школа утверждает, что она новая и гораздо моложе, чем «энциклопедическая» социология. Основателями школы считаются Ф. Тённис и Г. Зиммель². Ее история насчитывает лишь около 30 лет. Пока оставим это утверждение без комментариев и кратко опишем принципы школы, как они представлены в работах ее наиболее видных представителей. К их числу относятся Ф. Тённис, Р. Штаммлер, Г. Зиммель, Г. Ришар, Л. фон Визе, А. Фиркандт, Т. Литт, С. Бугле, отчасти Э.О. Росс в его последних работах, Р. Парк и Э. Берджесс.

Наверное, концепция социологии Георга Зиммеля (1858–1918) является наиболее характерной для школы. Вот ее содержание: чтобы на самом деле быть самостоятельной наукой, социология, как и другие специальные дисциплины, должна иметь свою собственную область исследования, которую не изучают другие общественные науки, или, что то же самое, иметь собственную точку зрения. Отсутствие такой специальной области социологического исследования неизбежно повлекло бы за собой исчезновение социологии как специальной науки. Какая же область изучения или точка зрения является социологической? Что касается *содержания*, то все области социальных явлений – экономическая, религиозная, лингвистическая, нравственная, историческая и другие – уже изучаются соответствующими общественными науками. В этом отношении для социологии места не остается. Единственная область или точка зрения, которая не изучается другими науками, – это *формы социализации* или *формы человеческого общения*. Эта область или точка зрения действительно принадлежит социологии, делая ее независимой и специальной наукой. С другими общественными науками социология соотносится так же, как геометрия соотносится с другими естественными науками. Геометрия изучает пространственные формы физических объектов, а не их содержание. Социология делает то же самое относительно социальных явлений. Одну и ту же геометрическую форму, например шар, можно наполнить разным содержанием, а у разных геометрических форм может быть одинаковое физическое содержание. Содержание и форма являются совершенно отдельными явлениями или точками зрения, с каких могут рассматриваться явления. Аналогичным образом одни и те же формы человеческого общения могут иметь разное социальное содержание, а одно и то же социальное содержание может принимать разные формы социальных отношений. Другими словами, в области человеческого общения форма и содержание являются чем-то совершенно разным, и, следовательно, и то и другое может быть объектом специального исследования. Каждую из форм человеческих взаимоотношений (господство, подчинение, соревнование, подражание, разделение труда, формирование партий и т. п.) можно обнаружить в государственном общегитии и религиозной общине, в банде и на предприятии, в семье и школе, – короче говоря, в самых разных

² Ibid., S. 1; *Spykman N.J.* The Social Theory of Georg Simmel. Chicago, 1925, p. XIV, XV, 263 ff.

с точки зрения их содержания социальных группах, и *vice versa*^{1*}. Отсюда возможность и даже необходимость существования социологии как специальной науки, целью которой является описание, классификация, анализ и объяснение *форм* человеческих отношений, форм социализации или даже скорее форм социальной организации, чем их содержания, которые изучаются другими науками.

Такова вкратце концепция социологии Зиммеля как особой социальной науки³.

В своей книге «Soziologie», которая включает его предыдущие социологические исследования («Über soziale Differenzierung», «Das Problem der Soziologie», «Comment les formes sociales se maintiennent» и некоторые другие)⁴, Зиммель пытается дать анализ, классификацию и интерпретацию нескольких форм общественных отношений, таких как изоляция, контакт, расположение, подчинение, оппозиция, постоянство или непрерывность социальной группы, социальная дифференциация, интеграция и некоторых других.

Ф. Тённис (1855–1936), профессор Университета Киля, в 1887 г. уже издал свой труд «Gemeinschaft und Gesellschaft», где он заложил основы социологической концепции, в сущности аналогичной той, которую позже сформулировал Зиммель⁵. В этой ценной работе Тённис не только представил очерк «чистой» или «формальной социологии», но и произвел глубокий анализ форм социальных отношений, продемонстрировав тем самым сущностный характер подобно-

³ *Simmel G.* Soziologie. 1908, S. 1–14 и passim. См. также: *Spykman N.J.* The Social Theory of Georg Simmel. 1925, Book I, passim. Книга хороша с точки зрения изложения теорий Зиммеля. С точки зрения критики и оценки его вклада она скорее элементарна. О социологических работах Зиммеля см.: *Сорокин П.* Система социологии, т. 1, с. 25–35, 322 ff.^{2*}; *Barth P.* Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. 1922, S. 149 ff.; *Bernhard E.* Simmel als Soziologe und Sozialphilosoph // Die Tat. 1913–1914, № 10, S. 1080–1086; *Frischeisen-Köhler M.* Simmel // Kantstudien. Bd. XXIV; *Kracauer S.* Georg Simmel // Logos. 1920, IX, S. 307–338; *Schmalenbach H.* Simmel // Sozialistische Monatshefte. 1919, S. 283–288; ряд авторов в «La philosophie allemande au XIXe siècle» (Paris, 1912)^{3*}.

⁴ Некоторые из этих работ были опубликованы на английском. См.: The Problem of Sociology // Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. VI, p. 412–423; Superiority and Subordination as Subject Matter for Sociology // American Journal of Sociology, vol. II, p. 167–189, 392–415; The Persistence of the Social Group // Ibid., vol. III, p. 662–698, 829–836; vol. IV, p. 35–50; The Number of Members as Determining the Sociological Form of the Group // Ibid., vol. VIII, p. 1–46, 158–196; The Sociology of Conflict // American Journal of Psychology, vol. IX, p. 490–525, 672–689, 798–811; Fashion // International Quarterly, vol. X, p. 130–155; A Contribution to the Sociology of Religion // American Journal of Sociology, vol. XI, p. 359–376; The Sociology of Secrecy and the Secret Society // Ibid., vol. XI, p. 441–498; How Society Is Possible // Ibid., vol. XVI, p. 372–391. Полный список работ Зиммеля см. в книге Н. Спикмена (*Spykman N.J.*, Op. cit., p. 277 ff.).

⁵ Очерк Спикмена о предшественниках Зиммеля и о состоянии социологии того времени написан неудовлетворительно. Заблуждаясь вообще насчет новизны формальной школы (см. далее) и допуская некоторые ошибки в характеристике предзиммелианской социологии, он также ошибается, утверждая, что Зиммель был первым, кто сформулировал теорию формальной школы.

го рода социологии. Согласно Тённису, есть две фундаментальные формы общества или социальных отношений: «общность» (*Gemeinschaft*) и «общество» (*Gesellschaft*). *Gemeinschaft* – союз людей с «органической волей», солидарность между которыми возникает в силу естественного кровного родства. Это продукт природы или своего рода природный организм. Личной воли здесь нет. Люди являются только членами общей массы с естественной солидарностью, гармоничными взаимосвязями и одинаковой волей, поскольку индивидуальная воля подавляется общинной. В результате такой «органической» солидарности мы имеем общность собственности и право, которое является не чем иным, как правом семейным. Легко заметить, что *Gemeinschaft* Тённиса тождественна с тем, что Дюркгейм позже назвал «группой с механической солидарностью». *Gesellschaft* – совокупность индивидов, которые вступают во взаимодействие согласно их собственной воле (*Kiugwille*) для достижения своих собственных целей. Это не продукт природы и никоим образом не природный организм. Это – скорее искусственный механизм⁶. Эта форму Дюркгейм называет группой на основе «органической солидарности». Нельзя отделаться от мысли, что Дюркгейм намеренно дал своим социальным типам названия, противоположные тем, какие были даны Тённисом. Дальнейшие различия обеих этих форм общества таковы⁷:

<i>Gemeinschaft</i>	<i>Gesellschaft</i>
Общая воля	Индивидуальная воля
Нет индивидуальности членов	Индивидуальность членов
Доминирование интересов общности	Доминирование личных интересов
Вера	Доктрина
Религия	Общественное мнение
Нравы и обычаи	Мода, прихоть, вкус
Естественная солидарность	Договорная солидарность, торговля и обмен
Общая собственность	Частная собственность

Исторически *Gemeinschaft* появляется раньше, чем *Gesellschaft*, поэтому конкретными примерами этой формы общества являются примитивные группы, семья и кланы. Со временем, однако, *Gemeinschaft* начинает распадаться и появляется *Gesellschaft*. По мере своего развития оно вытесняло *Gemeinschaft*. Человек становился все меньше и меньше связанным с какой-либо общиной. Он постепенно становился членом более многочисленных и больших групп. Таким образом, история идет от общины к обществу, от «культуры народа к цивилизации государства». Процесс этот необратим. Такова в двух словах теория Тённиса, во многих отношениях подобная той, что позже была развита Зиммелем в его

⁶ *Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1920, 3d. ed., S. 1–102 и passim.*

⁷ *Ibid., S. 22, 42, 126, 148, 152, 157 ff., 191.*

книге «Ueber soziale Differenzierung» и русским профессором Б. Кистяковским в его «Gesellschaft und Einzelwesen» (1899).

Следующий значительный вклад в принципы формальной школы внес Р. Штаммлер своим трудом «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung» (Leipzig, 1896), в котором он совершенно четко разграничил понятия социальной *формы* и социального *содержания* и систематически развил теорию закона как формы и «экономических явлений» (Wirtschaft) как содержания общественных отношений. Далее, Г. Ришар (1860–[1945]), профессор университета Бордо, редактор журнала «Revue internationale de sociologie» и сначала сотрудник Дюркгейма, а потом критик некоторых положений его теории, в своей книге «La sociologie générale et les lois sociologiques» (Paris, 1912) тоже разработал концепцию, весьма близкую к социологической концепции Тённиса. Ришар утверждает, что к сфере социологии не относятся ни социальные явления, ни разнообразные аспекты человеческого поведения, ни аналогии между обществом и организмом, ни какая бы то ни было философия истории, ни «энциклопедизм». Ее область более ограничена и более определена; а именно «отношения между Общиной и Обществом, между феноменом сотрудничества и умственного взаимодействия (обществом) и феноменом “communautaires” (общиной)»⁸. Соответственно, большая часть работы Ришара посвящена анализу отношений между этими двумя формами, как они складывались в ходе истории, и формулировке некоторых законов их развития, напоминающих законы, открытые Тённисом, Зиммелем и Дюркгеймом. Эти законы указывают на историческую тенденцию к постепенному сокращению такой формы, как «община», и увеличению формы «общество»⁹.

В числе других известных представителей школы и их работ необходимо упомянуть профессора А. Фиркандта (1867–[1953]), автора «Gesellschaftslehre» (1923), и книгу «Allgemeine Soziologie» профессора Л. фон Визе (1924)¹⁰. Позиция

⁸ Richard G. La sociologie générale et les lois sociologiques. Paris, 1912, p. 180, 227, 345–372.

⁹ Первый закон гласит, что в ходе истории отношения, свойственные типу «общество» (экономические, интеллектуальные и т. д.), постоянно расширяются и, наконец, распространяются на все человечество в виде мирового рынка, мировой религии, мирового интеллекта и прочих взаимосвязей. Второй закон говорит о том, что тип «общины», которой живет группа, как правило, все больше распадается на ряд взаимосвязей типа «обществ». Третий закон состоит в том, что тип групповой «общины» тем больше имеет шансов сохраниться, чем более он становится изолированным от контакта с другими группами. Это означает, что отношения между общиной и обществом развиваются по принципу негативной связи. См.: Ibid., p. 227–277 и passim.

¹⁰ Есть немало других социологов, принадлежащих к этой же школе, например, большинство авторов, печатающихся в журнале «Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie». На формальных позициях также стоят С. Бугле в своих книгах «Qu'est-ce que la sociologie?» и «Les sciences sociales en Allemagne» и Т. Литт в книге «Individuum und Gesellschaft». Имена других сторонников школы см. в статье А. Фиркандта «Die Überwindung des Positivismus in der deutschen Soziologie der Gegenwart» (Jahrbuch für Soziologie. 1926, Bd. II) и в книге Л. фон Визе «Allgemeine Soziologie».

Фиркандта остается в русле школы, но она менее «формальна», чем труд Л. фон Визе. «Allgemeine sociologie als Lehre von den Beziehungen und Beziehungsgebilden der Menschen» профессора Леопольда фон Визе (1876–[1969]) можно рассматривать как наиболее систематическое развитие концепции социологии Зиммеля. Автор признает, что он многим обязан Зиммелю, Э. Ваксвейлеру, Э.О. Россу и Максу Веберу; но очевидно, что Зиммель и Росс повлияли на его книгу гораздо больше, чем другие упомянутые им социологи. Как и Зиммель, доктор фон Визе пытается обосновать социологию как независимую науку.

«Моя цель состояла в том, чтобы выделить социологию как самостоятельную науку, четко отграниченную от других дисциплин, единую и строго систематизированную»¹¹. Как и Зиммель, он думает, что единственный способ достигнуть этой цели – это понимать социологию как науку о формах человеческих отношений или, что то же самое, о формах социальных процессов. По сути, книга представляет собой попытку дать систематизированную классификацию форм человеческих взаимосвязей. В конце книги читатель находит диаграмму, на которой представлена классификация человеческих связей или социальных процессов. Суть классификации в следующем. Автор разграничивает отношения *между индивидами* и *между группами*, которые представляют собой своего рода кристаллизованную форму межличностных отношений (Gebilden). Каждый из этих видов отношений подразделяется на классы: I. *Межличностные* отношения делятся на три основные формы: 1) *в сторону друг к другу* (контакт, подход, приспособление, соединение и союз); 2) *в сторону друг от друга* (соревнование, оппозиция и конфликт); 3) *смешанная форма*, которая является отчасти отношением, направленным друг к другу, а отчасти друг от друга. II. *Межгрупповые* отношения или социальные процессы в более узком смысле слова делятся на четыре основные группы: 1) *процессы дифференциации*, такие как социальное развитие и деградация, господство и подчинение, стратификация, отбор и индивидуализация; 2) *процессы интеграции*, такие как унификация, стабилизация, кристаллизация и социализация; 3) *деструктивные процессы*, такие как эксплуатация, фаворитизм, коррупция, формализация, коммерциализация, радикализация, ограбление; 4) *модификационно-конструктивные процессы*, которые охватывают институционализацию, профессионализацию и освобождение. Таковы основные формы социальных отношений или социальных процессов. В свою очередь каждая из упомянутых подгрупп подразделяется на многие подклассы, которые в своей совокупности образуют приблизительно 650 форм человеческих взаимосвязей¹². В целом книга представляет собой обоснование, мотивацию и интерпретацию этой классификации и каждого класса, подкласса

¹¹ Von Wiese L. Allgemeine Soziologie. München und Leipzig, 1924, Teil I, Beziehungslehre, S. VIII.

¹² См. в конце книги «Tafel der Menschlichen Beziehungen»^{4*}; см. главы I и II.

и подподкласса человеческих отношений, приведенных в таблице. Попутно некоторым классам даются кое-какие логические объяснения и психологические интерпретации, но они играют в книге второстепенную роль. Из вышесказанного можно понять, что доктор Л. фон Визе более систематично, чем кто-либо другой, довел формальную концепцию социологии до ее логического конца. Чтобы предотвратить загрязнение «чистой социологии» «содержанием» социальных связей, он разорвал все узы между социальными «формой» и «содержанием». Он попытался сжать неимоверно сложный мир человеческих отношений до размера одной классификации, основанной на формальной логике. Этим и объясняется, почему книга фон Визе должна рассматриваться как «главное выражение нынешнего духа пост-зиммелианства»¹³. По этой причине на ее материале хорошо можно увидеть плюсы и минусы формальной школы.

2. Критика

Прежде чем рассмотрим то истинное, что есть в утверждениях формальной школы, сначала укажем, что в них сомнительно. Во-первых, заявление школы о том, что она новая, совершенно необоснованно. Это очень старая школа, возможно, даже более старая, чем какая-либо другая. Во-вторых, решительное размежевание формы и содержания социальной связи или ошибочно, или представляет собой нечто такое, на чем невозможно построить социологию как особую науку. В-третьих, заявление, что формы социальных связей не изучаются никакими другими дисциплинами, кроме как социологическими, не подтверждается фактами. Таким образом, попытка Зиммеля построить социологию как автономную науку о формах социальных связей не увенчалась успехом. В-четвертых, Зиммель и другие «формалисты» не придерживаются своих принципов, а противоречат своему собственному названию и поступают вопреки ему, зачастую придавая одним и тем же терминам самые разные смыслы. В-пятых, даже если зиммелевская концепция форм социальных связей и соответствует истине, это не означает, что социология как наука об общих свойствах и связях между социальными явлениями не может или не должна существовать. Нижеследующие соображения покажут справедливость этих критических замечаний¹⁴:

А. Утверждение о том, что формы социальных отношений не изучаются другими науками, не соответствует фактам. Взять хотя бы науку о праве, в которой все формы социальных отношений Зиммеля, Тённиса, Фиркандта, Ришара и фон Визе изучались прекрасно и более точно. Не очевидно ли, что такие «фор-

¹³ Из рецензии А. Смолла в «American Journal of Sociology» (vol. XXXI, p. 87) на книгу Л. фон Визе.

¹⁴ Они уже были высказаны в моей «Системе социологии» (т. 1, с. 24–35)^{5*}.

мы», как «властвование» и «подчинение», всегда были основным объектом так называемого публичного, конституционного и административного права? Сама сущность таких явлений, как верховная власть, компетенция, авторитет, власть, правление, руководство, конфликт, господство, подчинение, повиновение, наряду с их формами, происхождением и функциями всегда были важнейшими объектами науки о праве. Более того, право усилиями римских юристов уже дало превосходные, четкие и блестящие определения таких явлений, как *Potestas*, *Majestas*, *Imperium*, *Dominus*, *Princeps*, *Dignitates*, *Subjecti*^{6*} и т. д. В любой серьезной книге по конституционному праву можно прочитать, что эти «формы» социальных отношений – ее основные объекты¹⁵. То же самое относится и к другим формам формальной социологии. Если мы возьмем международное право, то обнаружим, что такие формы межгрупповых отношений, как контакт, изоляция, соглашение, оппозиция, конфликт, война и т. д., изучены очень тщательно и опять же более четко и формализованно, чем это сделано представителями формальной школы. Далее, такие фундаментальные формы социальных отношений, как обязательство или обязанность, зависимость, договорные отношения, стратификация, эксплуатация, нарушение, захват имущества, преемственность и неразрывность, – все они были давным-давно изучены, проанализированы, описаны, классифицированы и подвергнуты сравнительному анализу в гражданском, уголовном, процессуальном и других отраслях науки о праве. Все это так очевидно, что нет никакой необходимости и дальше это доказывать.

То, что было сказано о правовой науке, можно сказать и по поводу очень многих других наук. Они тоже изучали формы социальных отношений. Возьмем экономику. Разве она не изучает разделение труда и социальную дифференциацию, кооперацию и ассоциацию – формы, которые Зиммель определил как «*Die Treue*» и «*Dankbarkeit*»?^{7*} – или эксплуатацию и присвоение и очень много других форм социальных отношений?¹⁶ Доктор О. Шпанн совершенно прав, указывая на то, что почти все законы экономики носят совершенно формальный характер и описывают то, что Зиммель определяет как формы отношений¹⁷.

¹⁵ См.: *Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907; *Duguit L.* Droit constitutionnel; *Stammler R.* Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911; *Sohm.* Systematische Rechtswissenschaft. 1906; *Ihering R.* Geist des römischen Rechts. Bd. I–III; *Mommsen T.* Römische Staatsrecht, passim; *Laski H.J.* Studies in the Problem of Sovereignty. 1917; *Сорокин П.* Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. 1919; *Кистяковский Б.* Социальные науки и право. М., 1915; *Покровский И.* Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917.

¹⁶ Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любой солидный учебник по экономике.

¹⁷ О. Шпанн правильно указывает на то, что теория цены описывает не что иное, как специфическую форму отношений Зиммеля. «Auch andere national ökonomische Gesetze erweisen sich als rein formale. In Thünens Gesetz der relativen Rationalität der Landbausysteme and ihrer abnehmenden Intensität bei wachsender Entfernung vom Marktorte sind rein “formale” Beziehungen geschildert... Es muss daher abgelehnt werden, dass die formale Natur des

То же самое можно сказать и о политической науке, да практически и обо всех социальных науках. Короче говоря, нелегко найти социальную науку, которая не изучала бы формы социальных отношений в том смысле, как их понимает формальная школа, и с той же самой или аналогичной точки зрения.

Вышесказанное означает, что это притязание школы неправомерно. А поскольку оно неправомерно, то и попытка построить социологию на этом основании терпит неудачу. Так как «формы» изучаются другими науками, то для социологии как науки о формах человеческих отношений места не остается.

В. На основании вышеизложенного понятно, почему, на мой взгляд, формальная школа очень стара. Ее основателями не были ни Тённис, ни Зиммель, как утверждает доктор Фиркандт¹⁸, ни Кант, ни Гегель, ни Герbart, ни Фергюсон, ни Фихте, ни Л. фон Штейн, ни Гнейст, ни Еллинек, ни Спенсер, как более справедливо указывает Г. Ришар¹⁹. Ее основателями были все законодатели, которые сформулировали первые правила социальных отношений, и особенно все юристы и теоретики права. Начиная, по крайней мере, с Конфуция²⁰ и римских юристов, которые столь блестяще сформулировали основные формы социальных отношений, и заканчивая теоретиками права, все были «формальными социологами». Если они не рассматриваются как предшественники и представители формальной школы, то, наверное, потому, что их работы считаются юридическими, а не социологическими. Однако по своему характеру их работы, даже сами кодексы законов, начиная с *Corpus Juris Civilis* Юстиниана^{9*} и заканчивая новыми кодексами гражданского, конституционного, уголовного и процессуального права (не говоря уже о соответствующих теориях), являются самыми блестящими образцами формального анализа человеческих отношений или форм социального взаимодействия. Их определения *Potestas*, *Imperium*, *Majestas* и *Manus* несравнимо лучше и более формальны, чем определения господства, которые предлагает современная формальная школа. Их определения таких понятий, как *commercium*, *consensus*, *cessio*, *beneficium*, различных *obligationes*, договорных отношений, *dominium*, *proprietas* и *possessio*; определения *status libertatis*, *status civitatis* и *capitis diminutio*; брака, семьи, кровного родства, наследования и т. д. представляют собой «идеальную формальную социологию», которой формаль-

Gegenstandes der von Simmel angestrebten "Soziologie" alleineigen wäre. Diese fehlt nirgends, und der ganze Gesichtspunkt erweist sich daher als unrichtig»^{8*} (*Spann O. Kurzgefasstes System der Gesellschaftslehre*. Leipzig, 1914, S. 17–19).

¹⁸ *Vierkandt*. Op. cit., S. 1.

¹⁹ *Richard G.* Op. cit., ch. I, IV.

²⁰ Достаточно вспомнить учение Конфуция о «пяти великих взаимоотношениях» и их анализ в конфуцианстве, и станет ясно, что «формальная социология» – да еще какая! – существовала уже за шесть столетий до Рождества Христова. См.: *Lî-Kî*. Book I, p. 62–63; Book VII, p. 3; Book VIII, p. I, 15; и «Учение о середине» (см.: *Legge J. The Life and Teachings of Confucius*. London, 1895, p. 313 ff.). См. также «*Policraticus*» Иоанна Солсберийского (кн. V и VI), где отношения господства и подчинения трактуются в точности как у формалистов.

ные социологи могут только позавидовать и постараться хотя бы как-то приблизиться к ней.

Классификация социальных форм и Тённиса, и Зиммеля, и Фиркандта или фон Визе является всего лишь неполным и менее систематическим их перечнем, в отличие от форм, которые систематизированы, определены и проанализированы в кодексах и теориях права. Далее будет показано, что в классификации форм социальных отношений формальная школа следует пройденным многими «неформальными» социологами путем. Отсюда выводы: во-первых, формальная школа имеет очень давнюю историю. Во-вторых, все великие юристы и теоретики права были ее основателями и представителями. В-третьих, современные формальные социологи, вопреки своим амбициям, менее формальны в своих конструкциях, чем упомянутые юристы. В-четвертых, дальнейшее очищение принципов и стремлений формальной школы должно привести ее к большему сближению с работами теоретиков права и с кодексами права, которые являются не чем иным, как «идеальной формальной социологией». Если теории нынешней формальной школы не полностью совпадают с последними, то это происходит потому, что формальные социологи, как мы еще в этом убедимся, непоследовательны. Они часто нарушают свое собственное представление о «формальности» и наполняют свои книги изрядными дозами того, что относится к «содержанию» социальных явлений.

Все это ставит школу перед дилеммой: либо лелеять и блюсти свою формальность и таким образом превратиться в нечто подобное еще одной теории права или еще одного правового кодекса, либо потерять свою «формальность» и стать разновидностью «энциклопедической» социологии, которую формалисты подвергают столь жесткой критике. На ее нынешней стадии школа представляет собой смесь «формальности» и «энциклопедизма» и как любая несовершенная смесь подобного рода имеет недостатки обоих типов социологии, не обладая достоинствами ни того, ни другого.

С. Понятия школы о форме и содержании тоже в известном смысле неудовлетворительны. По крайней мере со времен Аристотеля философские понятия формы и содержания или субстанции были всем известны и трактовались по-разному. Ни Зиммель, ни его последователи, однако, не позаботились прояснить эти довольно неопределенные концепции. Если речь идет об объектах с пространственными характеристиками, то эти понятия применяются легко и просто, но как их применить к таким явлениям, как сила, власть, господство, подчинение, соревнование и к другим формам, у которых нет пространственно-геометрических измерений? А поскольку их нет, то проводить аналогию между геометрической формой, такой как шар, и социальной формой, которые можно наполнять разным содержанием, совершенно неправомерно. Еще более ошибочно изолировать «социальную форму» от ее содержания (что возможно

в области геометрически пространственных объектов) и затем утверждать, что «социальные формы могут оставаться идентичными самим себе, в то время как их члены меняются»²¹. Мы можем наполнить стакан вином, водой или сахаром, не изменяя его форму, но я не могу представить себе социальный институт, «форма» которого не изменилась бы, когда ее члены, например американцы, были бы заменены совершенно новым и другим по крови народом, например китайцами или бушменами. Даже если писаная конституция института останется на бумаге без изменений, тем не менее его форма и организация изменятся прямо пропорционально тому, насколько иными будут его члены по сравнению с прежними. Также довольно сомнительно заявление, что социальная «форма» может существовать независимо от «содержания». Сам Зиммель показал, что даже такое «содержание–условие», как число членов группы, решительно влияет на «форму группы». Данные примеры показывают, насколько расплывчаты терминология и аналогии зиммелевской школы. В одних случаях ее последователи используют понятия формы и содержания именно в таком неприемлемом «пространственно-геометрическом» смысле. В других случаях, однако, они несколько изменяют их значение и используют в смысле аристотелевской логики, где форма представляет собой более широкий класс явлений или понятие, тогда как содержание означает подкласс или понятие, которое этот подкласс определяет. В этом смысле класс и, следовательно, понятие «человеческие существа» являются формой подклассов и соответствующих понятий «мужчина» и «женщина», которые могут функционировать как «содержание» по отношению к «человеческому существу» как форме. То же самое можно сказать и об «организме», «растении» или «животном», где «организм» является формой для таких «содержаний», как «растение» и «животное»²². Если такова логическая взаимосвязь данных понятий, то ясно, что их нельзя связывать друг с другом как нечто логически разнородное. В таком понимании утверждение Зиммеля о том, что социология изучает формы социальных явлений, может означать лишь то, что в отличие от других общественных наук она изучает наиболее общие их характеристики, которые относятся ко всем особым формам человеческих взаимоотношений, то-

²¹ *Simmel*. Comment les formes sociales se maintiennent // L'année sociologique, vol. I. Эта теория неизменности социальной группы, по сути, не что иное, как несколько сокращенная и модифицированная правовая теория существования так называемых юридических лиц, которая много веков назад была блестяще разработана юристами и правоведами.

²² Р. Штаммлер, как и Зиммель, постоянно использует эти термины в своих научных работах. На различении формы и содержания базируется его различение закона как формы и экономических процессов как содержания социальной жизни. Однако, когда Штаммлер вынужден дать определение понятиям формы и содержания, он говорит, что форма означает более широкое, а содержание – более узкое понятие для классификации явлений одного и того же ряда. Другими словами, форма является *родом*, содержание – *подклассом* того же самого рода. См.: *Stammler R. Theorie der Rechtswissenschaft*. Halle, 1911, S. 7 ff.; а также *Wirtschaft und Recht*, passim.

гда как другие науки изучают их особенности (содержание). Это означает, что социология не является наукой, которая изучает специфические характеристики социальных явлений, как утверждает Зиммель, а является наукой генерализирующей, что он отрицает. Таким образом, мы приходим к выводу, что концепции формы и содержания Зиммеля являются либо бесполезными и неподходящими к социальным явлениям, либо они ведут к пониманию социологии как обобщающей науки, что противоречит его концепции социологии как частной науки²³.

Кроме того, тот, кто внимательно читает работы Зиммеля или других «формалистов», может легко обнаружить постоянное, иногда довольно значительное изменение смыслов, в каких они используют многие термины и особенно форму и содержание. На одной странице нам говорят, что главным объектом социологии являются формы человеческих отношений, через несколько строк или страниц нам внезапно объявляют, что этот объект – формы социализации!²⁴ Тем не менее эти два понятия – формы человеческих отношений и формы социализации – означают совершенно разные вещи. Формы человеческих отношений могут означать формы не только социализации, но и десоциализации; не соединения, а разъединения; не только сотрудничества, но и военного противостояния²⁵. Если мы определяем социологию как науку о формах человеческих отношений, то тогда в сферу ее изучения должны быть включены процессы разъединения, противостояния, конфликта и войны. Если мы определяем ее как науку о формах социализации, то тогда из ее поля должны быть исключены противоположные социализации процессы. Для Зиммеля и некоторых его последователей этой гетерогенности данных двух определений не существует. Они используют их попеременно и без малейшей попытки их примирить. Естественно, это приводит к ряду логических несоответствий и расплывчатости теоретических конструкций.

²³ Ср.: *Spann O.* Kurzgefasstes System der Gesellschaftslehre, S. 9–19.

²⁴ См.: *Simmel.* *Soziologie*, S. 4 ff.; *Grundfragen der Soziologie*, S. 22 ff. Любопытно отметить, что один из нынешних пропагандистов зиммелианства в этой стране, будучи довольно осторожным в своей характеристике теории Зиммеля, такую подмену смысла делает следующим образом: «Это понятие общества как формы, или скорее формы социализации» и т. д. Автор, как и Зиммель, кажется, не видит, что «формы человеческих отношений» и «формы социализации» означают нечто совершенно разное и с помощью слов «просто» или «скорее» невозможно перепрыгнуть от одной формы к другой и при этом сохранить за ними один и тот же смысл. См. всю первую книгу в цитированной работе Спикмена, в которой он, как и Зиммель, попеременно использует эти два определения.

²⁵ Э.О. Росс и Э. Дюпреель, которые независимо от Зиммеля весьма успешно попытались представить социологию как науку о человеческих взаимосвязях и дали лучший их анализ, избежали этого *quaternio terminorum*^{10*}, который допускают Зиммель и его школы. См.: *Ross E.A.* *Principles of Sociology. Part III*; *Dupréel E.* *Le rapport social. Essai sur l'objet et la méthode de la sociologie.* Paris, 1912, ch. IV, passim. См. также его *Sociologie et psychologie* // *Institut Solvay. Bulletin mensuel*, Jan., 1911, p. 180–186. Изучающие взаимосвязи социологи Росс и Дюпреель не принадлежат к формальной школе.

То, что было сказано о фундаментальных концепциях социологии Зиммеля, можно сказать и о многих других его суждениях. Хотя в некотором отношении они и полезны, но все же несут на себе отпечаток той же расплывчатости, неопределенности, изменчивости значений и нередко имеют спекулятивный характер. В этом отношении они все еще находятся на стадии чисто философской или спекулятивной социологии²⁶.

Наконец, об ограниченности формальной социологии свидетельствует и нарушение ее принципов самими «формалистами». Несмотря на суровую критику «энциклопедической» социологии, их собственные работы носят тот же самый «энциклопедический характер». Они «замутнены» изрядной долей «социального содержания», наполняющего их «формы». Примером может служить книга доктора Фиркандта. Вопреки своему заявлению, что он будет иметь дело только с формами социальных явлений, он с этой программы сбивается. Начиная со второй главы (S. 58–179), книга наполняется «содержанием»: идет долгое обсуждение человеческих инстинктов (эгоизма, подчинения, взаимопомощи, неуживчивости, симпатии и т. д.) вместе с их изменениями в процессе взаимодействия; затем – очерки истории семьи, профессиональных групп, классов, орденов, наций и государств; философия социального единства и реальности; рассуждения о подражании, внушении, психологии толпы и т. д., – словом, обычный «набор», который можно найти во всех неформальных социологических книгах. И почти то же самое можно сказать обо всех работах формальной школы. Я не знаю ни одной работы, которая не носила бы «энциклопедического характера», в которой

²⁶ С чисто методологической точки зрения социологический подход Зиммеля недостаточно научен. Должен сказать, что я совершенно не согласен с высокой оценкой его метода, которую дают ему Р. Парк и Спикмен. Помимо вышеуказанной логической ущербности, метод Зиммеля полностью лишен экспериментального подхода, количественного исследования и какого бы то ни было систематического изучения явлений с фактической их стороны. Вы напрасно будете искать в его работе системный метод, как в школе Ле Пле, или методологические принципы социальных наук, развитые А. Курно в его работах «*Considérations sur la marche des idées*», «*Essai sur le fondements de nos connaissances*», «*Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire*», или некоторые принципы, подобные идеям Г. Риккерта и В. Виндельбанда о разделении наук на генерализирующие (номографические или номотетические) и индивидуализирующие (идиографические) и их методах, или что-то похожее на метод «идеальной типологии» Макса Вебера^{11*}, на количественные методы исследования Гальтона, Пирсона и А. Чупрова; или хотя бы просто тщательное и внимательное изучение фактов, о которых он говорит. Ничего этого нет. То, что есть, представляет собой лишь умозрительное обобщение талантливого человека, опирающееся на «метод иллюстрации» в виде двух или трех фактов, случайно выхваченных и зачастую односторонне интерпретируемых. Без таланта Зиммеля тот же самый материал показался бы бедным. Его талант спасает положение, но лишь настолько, насколько он может компенсировать отсутствие научной методологии. При таких обстоятельствах призывать социологов «назад к Зиммелю», как это делают Парк и Спикмен, – значит звать их назад к чистому умозрению, метафизике и отсутствию научного метода. Умозрение и метафизика – превосходные вещи, когда они на своем месте, но смешивать их с наукой социологией – значит вредить и им, и ей.

не смешивались и не использовались бы данные биологии, этнологии, антропологии, истории, психологии, политической науки, экономики и литературы. Короче говоря, «грех энциклопедизма» в такой же степени присущ формальной социологии, как и «неформальной», которую она критикует²⁷.

Вышесказанного достаточно для доказательства того, что формальная школа не построила социологию как «автономную и независимую науку» с помощью различения категорий формы и содержания. К этому можно добавить, что и сама по себе попытка построить такую независимую социологию или любую другую науку, которая вместо того, чтобы просто быть условным и приблизительным ограничением ее сферы ради практического удобства, претендует на нечто большее, – такая попытка, скорее всего, кончится неудачей. Многие социологи²⁸, по-видимому, прямо-таки рвутся построить такую «независимую социологию». С этой целью они готовы запретить всем социологам использовать данные и материалы других наук. Они мечтают о «чистой социологии», абсолютно не загрязненной данными других наук и независимой от них. Для достижения этой фантастической цели они пишут и публикуют сотни томов, заполненных рассуждениями о том, какой должна быть социология как независимая наука, как она должна быть построена и каким образом должна быть отделена от всех других наук. Признаюсь, что считаю почти все подобные рассуждения бесплодными. Если автору известен чудодейственный секрет, как построить такую социологию, то пусть он докажет это реальным строительством, а не одними только рассуждениями на тему «Как должна быть построена научная социология». Успешное ее строительство будет гораздо более убедительным аргументом в его пользу, чем одни лишь рассуждения²⁹. На самом деле подобные рассуждения только доказывают беспомощность их автора. Сама попытка построить «независимую социологию» – порочна. Нет практически ни одной науки (кроме, может быть, математики и формальной логики), которая была бы независима и «не загрязнена» данными других наук. Я не знаю никакой такой химии, которая не использовала бы данные физики или даже биологии. Я не знаю биологии, которая не использовала бы данные химии, физики и некоторых других наук. Не существует анатомии, которая не содержит данных физиологии, экологии,

²⁷ Это лишает формальную социологию оснований претендовать на ту же роль для других социальных наук, какую играют математика или физическая механика по отношению к физическим и техническим наукам. В любом случае ни эта претензия, ни аналогия не оправдываются.

²⁸ См., например: *Znaniecki F. The Object Matter of Sociology // American Journal of Sociology. 1927, January*. См. также: *Spann O. Op. cit., S. IV, VII, Kap. I и passim*.

²⁹ Парето, который посвящает всего лишь пять строк своему определению социологии в трактате по социологии на полторы тысячи страниц, и Росс, который в своей книге «Principles of Sociology» не дает определения социологии, а сразу же начинает ее строить, продвинулись намного дальше, нежели все те, кто без конца обсуждает, что такое социология, и этим обсуждением заканчивает свои «книжки».

таксономии, гистологии и целого ряда других наук. Разные ветви физических, химических и биологических наук так тесно переплетены и смешаны, а некоторые из них, такие как органическая или коллоидная химия, представляют собой такую «mixtum compositum»^{12*} «различных наук», что, только полностью игнорируя их реальный характер, можно мечтать об «абсолютно независимой науке». Та же самая «смесь» данных и исходных положений еще более замечена в области социальных наук и наук, имеющих дело с человеческими существами. Я не могу вообразить психологию без данных биологии, анатомии и физиологии. Я не видел ни одного важного трактата по экономике или политике, в котором не использовались бы данные психологии, биологии, истории, демографии, этики и даже философии³⁰. Более того, практически все самые важные книги по культуре, психологическим и социальным наукам, даже по биологии были богаты подобным смешением данных различных наук. Возьмем ли «Философию зоологии» Ламарка или «Происхождение видов», и трудно будет точно решить, к какой отрасли науки относятся эти работы. Данные различных, в том числе социальных, наук так перемешаны в таких работах, что этот вопрос решить нелегко. Во всяком случае, они не принадлежат к числу «формальных и независимых работ», о которых мечтают «социологические автономисты». То же самое в еще большей степени относится к эпохальным трудам в области культурных и социальных наук. Возьмем ли мы «Государство» Платона или «Политику» Аристотеля, «Новую науку» (la Scienza Nuova) Вико, «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия», «О духе законов» Монтескье, «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса или работы Адама Смита, Сен-Симона, И. Канта, Огюста Конта, Г. Спенсера и т. д. – все эти великие труды до такой степени насыщены данными

³⁰ Социолог не должен слишком беспокоиться по поводу расхождения существующих определений социологии. У социологов ситуация не хуже, чем у экономистов, историков, теоретиков права и психологов или у тех, кто занимается любой другой наукой о культуре. Все эти науки еще ждут своего определения и трактуются по-разному. Примеры тому приведены в статьях самых выдающихся экономистов, опубликованных в сборнике «The Trend of Economics» (New York, 1924)^{13*}. Книга хорошо показывает, что существует столько же разных определений экономики, сколько имеется экономистов. Самое новейшее определение гласит, что «экономика – это наука о поведении» (Mitchell W.C. Ibid., p. 22 ff.). Сейчас психологию тоже определяют как науку о поведении человека, точно так же, как и социологию. Таким образом, если мы должны руководствоваться определениями «чистых наук», то психология, экономика и социология не могут существовать, поскольку все они «науки о поведении». Нужно ли добавлять, что такие независимые науки действительно не существуют, а с другой стороны, идентичность определений не мешает исследовать поведение человека с нескольких разных точек зрения и в разнообразных сочетаниях, которые дают основание для относительного и условного разделения этих дисциплин. Во всех этих отношениях ситуация в социологии не хуже, чем в науках о культуре. Хуже только в том смысле, что, пока экономика и психология занимались исследованием фактов, социологи тратили свое время впустую, споря на тему «предмета чистой социологии». Но, к счастью для нас, теперь они оставили это бесплодное занятие и принялись за фактические исследования.

различных наук и опираются на них, что мы не можем сказать точно, к какой «отрасли» науки – экономике, социологии, философии, психологии или политической науке – они действительно относятся. С другой стороны, я не знаю ни одной «формальной» работы, которая давала бы что-то большее, чем обыкновенная схоластика. По этим причинам я не вижу, почему у социологов должна быть «абсолютно независимая социология», не «загрязненная» данными других наук и не вторгающаяся в их области. Не вижу я и того, как подобная фантастическая цель может быть достигнута в области социологии или любой другой науки. Не думаю, что такой формализм может произвести что-нибудь ценное. Стремление пожертвовать реальным единством человеческих знаний ради чисто случайных и практических разделений, диктуемых «факультетскими перегородками» и прочими подобного же рода нуждами, науке самой по себе чуждо. Это значит, что и попытка формальной социологии построить «независимую социологию» весьма сомнительна³¹.

Вышесказанное не означает, однако, что формальная школа оказалась совершенно бесплодной в социологии. Ее анализ человеческих отношений и их типов внес много ценного в определенную часть социологии тем, что систематизировал человеческие отношения и социальные процессы. Множество конкретных человеческих отношений и сложность социальных процессов вынуждают группировать их в несколько больших классов с дальнейшими подразделениями, не давая, таким образом, заблудиться в дремучем лесу взаимосвязей. Как в зоологии и ботанике есть своя систематика, так и социология должна иметь по крайней мере приблизительную классификацию социальных отношений, которая обеспечивала бы возможность ориентироваться в обширной области социальных явлений. И в эту часть социологии формальная школа – с ее изучением «форм человеческих отношений» и попытками их классифицировать – внесла нечто ценное. Хотя и в этом отношении школа должна разделить свой вклад с вкладом других социологических школ, которые также способствовали этому,

³¹ То же самое относится и к недавней попытке профессора Ф. Знанецкого определить «предмет социологии». После жесткой критики всяческого социологического «винегрета» вместо «чистой социологии», он сотворил еще один «винегрет» в виде концепции социологии как науки о взаимном влиянии и отношениях между людьми, которая охватывают криминологию, этику, теорию образования, политическую науку и т. д. Очевидно, что эта концепция обладает всеми грехами других «винегретных» определений, подвергнутых столь сокрушительной критике со стороны автора. Тем не менее такой грех лучше, чем «чистота» «чистых социологов», которой никогда и никому не удавалось достичь. Со своей стороны, если уж так необходимо дать какое-то определение социологии, которым можно было бы руководствоваться и на которое можно было бы ориентироваться, то я счел бы самым приемлемым определение ее как науки о наиболее общих характеристиках общих для всех классов социальных явлений и связях, существующих между этими классами (см. «Заключение» данной книги). Однако некоторые другие определения столь же хороши, как и это, и я не думаю, что необходимо спорить по этому поводу. Гораздо лучше «строить», чем спорить о том, «как строить». См.: *Znaniecki*. Op. cit., p. 558–584.

во всяком случае не меньше, чем формальная школа. Достаточно вспомнить разделение процессов социального роста, дифференциации и интеграции, распада и дезинтеграции у Г. Спенсера, фундаментальную классификацию социальных процессов Г. Тарда на три группы: повторение (подражание), противоположение (оппозиция) и приспособление (адаптация) или изобретение, чтобы понять, что ни Тённис, ни Зиммель, никто другой из представителей формальной школы не могут считаться инициаторами классификации социальных отношений и процессов. Даже подробная таблица Л. фон Визе с ее тремя основными группами человеческих отношений – *в направлении друг к другу, в направлении друг от друга и смешанными* – больше напоминает классификацию Тарда, а не Зиммеля. Точно так же классификация социальных процессов фон Визе – *дифференциация, интеграция и деструкция* – представляет собой всего лишь слегка измененную классификацию Г. Спенсера. Этих указаний достаточно, чтобы убедиться, что даже в этой области вклад формальной школы не представляет собой монополии.

3. Формальная систематика социальных процессов и связь между людьми в современной социологии

Теперь уместно будет рассмотреть нынешнюю ситуацию в отношении проблемы формальной систематики социальных процессов и связей между людьми в современной социологии. Результаты такого обзора показывают: во-первых, налицо значительное расхождение во мнениях; во-вторых, одни социологи склонны отождествлять термины «социальный процесс» и «человеческие отношения», тогда как другие придают им разные значения; в-третьих, ряд социологов упоминает и анализирует процессы и отношения как бы между прочим, не пытаясь дать их систематическую классификацию, в то время как другие, по-видимому, пытаются сделать наоборот; в-четвертых, используемые социологами основания для классификации отличаются друг от друга (*fundamentum divisionis*^{14*}); и в-пятых, большинство систематических классификаций находится в русле классификаций, предложенных Гербертом Спенсером и особенно Габриэлем Тардом.

Все это означает, что рассматриваемая проблема далека от какого-либо решения и порождает необходимость обратить на нее большее внимание со стороны социологов. Вот несколько типичных примеров, которые могут подтвердить вышесказанное. В числе социологов, которые не пытаются дать формальную систематическую классификацию социальных отношений и процессов, я назову имена Чарльза Эллвуда, Э.К. Хейза, Э. Ваксвейлера, Чарльза Кули и Франклина Гиддингса. Они предлагают весьма ценные классификации социальных процес-

сов, но не с «формальной» точки зрения. К группе социологов, которые пытаются это сделать, относятся, помимо Л. фон Визе, Эдвард Росс, Роберт Парк, Эрнст Берджесс, Эмори Богардус и автор этих строк.

В работах Чарльза Кули дается блестящий анализ таких социальных процессов и человеческих отношений, как социальная организация и дезорганизация, власть, господство, лидерство, формализация, индивидуализация, социализация, конфликт, враждебность и внушение, но все это дано без какой-либо попытки их классифицировать с точки зрения формальной систематики социальных процессов или человеческих отношений³². Аналогичным образом Чарльз Элвуд дает глубокий анализ таких социальных процессов, как ассоциация, социальная координация, социализация, коадаптация^{15*}, кооперация, социальная ассимиляция, социальная организация, социальная преемственность и социальная дезинтеграция³³, но все это проанализировано не ради классификации социальных процессов, а для другой не менее важной цели. То же самое можно сказать и о работах Франклина Гиддинга. Он дает одну из самых интересных и полезных классификаций социальных фактов³⁴, но его «категориальная схема социального генезиса» построена для других целей и с другой точки зрения, чем формальная систематика социальных отношений. Опять же, его анализ таких социальных процессов, как регулирование (*adjustment*), скопление (*concourse*), достижение (*achievement*), улучшение (*amelioration*), отклонение (*variation*), социализация (*socialization*), согласованное волеизъявление (*concerted volition*), организация действия (*organization of action*) и плюралистическое поведение (*plurastic behavior*), в общем ведется с другой точки зрения, чем анализ при их формальной классификации³⁵.

Чуть более подробную и тщательную классификацию человеческих отношений – но не социальных процессов – представил Эдвард Хейз. Он различает 13 классов человеческих отношений: социальное внушение идей, распространение положительных чувств, подражание общепринятым нормам поведения, поощрение, устрашение, приспособление, подкрепление, соперничество, господство–подчинение, соревнование, конфликт, кооперация и организация³⁶. Нетрудно, однако, заметить, что эта классификация не соответствует «формальной» точке зрения и что она представляет собой отчасти «формы» человеческих

³² См.: *Cooley Ch.H. Social Process; Social Organization; Human Nature and the Social Order.*

³³ См., в частности: *Ellwood Ch.A. The Psychology of Human Society. 1925, passim.*

³⁴ См. *Giddings F.H. Scientific Study of Human Society. 1924, ch. IV, p. 70–79.*

³⁵ См.: *Ibid., passim.* См. также: *Giddings. Studies in the Theory of Human Society. New York, 1922, part III.*

³⁶ См.: *Hayes E.C. Some Social Relations Restated // American Journal of Sociology. 1925, p. 333–346; Sociological Construction Lines. 1902; Introduction to the Study of Sociology, ch. XIX–XXIV; см. также очень хорошее изложение социологических теорий Хейза в «Vox Populorum» (September, 1925, № 21).*

отношений, такие как ассоциация, конфликт, соревнование, приспособление, и отчасти способы влияния одного человека на другого путем внушения, поощрения, сдерживания, соперничества и т. д. То же самое можно сказать и о классификации «социальной деятельности» Ваксвейлера, который делит ее на такие группы: совместная, защитная, благотворительная, разоблачительная, пасторская, надзирательная, воспитательная, производственная и селективная³⁷.

Более «формальную» классификацию предлагают другие социологи из числа упомянутой группы, особенно Э.О. Росс. Его книга «Principles of Sociology» представляет собой систематический трактат о формах человеческих отношений или социальных процессов. Он различает и довольно искусно анализирует следующие формы социальных процессов: первичная социализация, генезис общества, ассоциация, господство, эксплуатация, оппозиция, стимуляция, антагонизм (соревнование, конфликт, классовая борьба, война), адаптация, кооперация, организация социального усилия, воля и мысль, деградация, стратификация, градация, сегрегация и субординация, уравнивание, отбор, социализация, отчуждение, социальный контроль, индивидуализация, освобождение, коммерциализация, профессионализация, институционализация, экспансия, застой, упадок, трансформация и преобразование³⁸. Эта книга, свободная от вышеупомянутых грехов формальной школы, вместе с книгой Леопольда фон Визе служит, наверное, самым ярким примером формальной классификации социальных процессов. В том же ключе написаны «Introduction to the Science of Sociology» Р. Парка и Э. Берджесса и «Fundamentals of Social Psychology» Эмори Богардуса. Р. Парк и Э. Берджесс пытаются проанализировать все существенные социальные явления на примере некоторых основополагающих социальных процессов, таких как изоляция, социальный контакт, социальное взаимодействие, соревнование, конфликт, приспособление, ассимиляция, объединение, социальный контроль и прогресс³⁹. Аналогичным образом Э. Богардус проводит различие между следующими видами взаимной стимуляции: изоляция, стимуляция, коммуникация, внушение, подражание, диффузия, дискриминация, дискуссия, приспособление, ассимиляция и социализация⁴⁰. Классификация Э.Г. Сатерленда состоит из четырех элементов: конфликт, предотвращение, подчинение, дополнение⁴¹.

В некотором смысле системной, но все же значительно от нее отличающейся, является классификация форм человеческих взаимодействий, представ-

³⁷ См. *Waxweiler E.* Esquisse d'une sociologie. 1906, ch. VII.

³⁸ См.: *Ross E.A.* Principles of Sociology. New York, 1923, part III. В некотором смысле аналогична по своему характеру книга русского профессора К.М. Тахтарева «Наука об общественной жизни» (Пг., 1920).

³⁹ *Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology, ch. IV–XIV.

⁴⁰ *Bogardus E.S.* Fundamentals of Social Psychology. New York, 1924, part II.

⁴¹ *Sutherland E.* The Biological and Sociological Processes // American Journal of Sociology. Proceedings, vol. XX, p. 62.

ленная автором. В этой классификации представлены следующие виды взаимодействий: 1. Взаимодействия (или взаимные стимуляции), осуществляемые посредством актов делания или неделания, поскольку индивиды могут влиять друг на друга не только посредством делания чего-то, но также и посредством неделания. 2. Взаимодействия двухстороннего и одностороннего характера, когда одна сторона влияет на другую, но сама не находится под ее влиянием, как это происходит в случаях, когда живущее поколение находится под влиянием тех, кто уже умер. 3. Длительные и постоянные взаимодействия и взаимодействия, которые носят эпизодический или временный характер. 4. Антагонистические и солидаристические. 5. Непосредственные (лицом к лицу) или опосредованные. 6. Сознательные или преднамеренные и бессознательные или неумышленные. 7. Формальные, или институализированные, и неформальные, для которых нет никакого общепринятого шаблона. Каждый из этих семи видов взаимосвязей делится еще и с «внешней» или «объективно материальной» точки зрения. Будучи разделенными на подклассы, они позволяют охватить все фундаментальные формы человеческих взаимодействий^{42/16*}.

Приведенных примеров достаточно, чтобы составить довольно точное представление о том, как в социологии обстоит дело с решением проблемы классификации общественных отношений и процессов. Мы видим, что выдвинутые в начале данного параграфа утверждения, похоже, подтверждаются. Основные выводы, которые следуют из вышеизложенного, можно свести к следующему.

Потребность систематизации социальных процессов и человеческих взаимосвязей в социологии очевидна. Уделяя большое внимание этой проблеме, формальная школа и другие «связисты»^{17*} кое-что внесли в науку социологии, но проблема далеко еще не решена. Сам факт вышеуказанного разнообразия классификаций означает, что единодушие пока еще не достигнуто. Существующие классификации, и среди них даже самые тщательно продуманные, в некоторой степени несовершенны. Примером могут служить классификации профессора Росса и профессора Парка, а также профессора Берджесса. В них мы находим несколько повторяющихся форм социальных процессов. В номенклатуре Росса сложно увидеть основания для различения таких процессов, как ассоциация, социализация, кооперация, адаптация и организация социального усилия, воля и мысль, или таких, как деградация, упадок, застой и эксплуатация. Непонятно, почему Р. Парк и Э. Берджесс отдельно рассматривают такие процессы, как социальный контакт и взаимодействие, приспособление, ассимиляция, социализация и адаптация. Границы между этими процессами и некоторыми другими проведены нечетко, и их раздельное рассмотрение выглядит не вполне оправданным. В результате отношения между этими социальными процессами становятся довольно запутанными, особенно когда их много. По этой причине задача

⁴² См.: *Сорокин П.* Система социологии, т. 1, гл. V.

социолога в этой области состоит в создании лучшей классификации, лишенной указанного недостатка. Рассмотренные классификации Э.О. Росса и Л. фон Визе, возможно, являются шагом к решению задачи. «Схема социетального генезиса» Ф.Г. Гиддинга уже является превосходным инструментом для систематизации типов социальных групп и динамических и генетических взаимодействий, типичных для каждой из них.

Еще одним недостатком вышеупомянутых классификаций является отсутствие четкого определения многих социальных процессов. В нашей обыденной речи и в социологической литературе имеется очень много терминов, которые считаются вроде бы вполне понятными, но совершенно непонятно, что они означают на самом деле. Примерами могут служить такие термины, как эксплуатация, уравнивание, индивидуализация, организация, дезинтеграция, упадок и некоторые другие. Какие социальные отношения описываются как эксплуатация – проблема, ждущая своего решения. Проникшись марксистскими концепциями, мы склонны видеть эксплуатацию почти во всех действиях капиталиста, рабовладельца или аристократа, но все же достаточно небольшого анализа, чтобы показать ошибочность такого представления. Часто взаимосвязи наемного работника и капиталиста или раба и его хозяина лишены антагонизма, скорее напоминающая защиту слабой стороны более сильной, чем эксплуатацию. Нередко бывает так, что рабочие низкой квалификации проявляют себя скорее как эксплуататоры, чем эксплуатируемые⁴³. Многие взаимоотношения оказались бы эксплуатацией, если бы мы встали на точку зрения «арифметического равенства», и эти же взаимоотношения увиделись бы в совершенно ином свете, если бы мы приняли точку зрения «пропорционального равенства». Этих кратких замечаний достаточно, чтобы понять, почему подобные термины нельзя использовать для обозначения социальных процессов без предварительного анализа и почему их использование без анализа ведет к путанице вместо ясности. То же самое можно сказать и о процессах организации, дезорганизации, адаптации и упадка, не говоря уже о таких абсолютно субъективных оценках, как прогресс, регресс, ухудшение, улучшение и т. д. Это означает, что одна из неотложных задач социологии в этой области состоит в том, чтобы начать тщательное монографическое объективное исследование этих процессов, которое приведет к выяснению их характера, благодаря чему появится лучшее основание и для их научной классификации.

⁴³ «Нам постоянно твердят, что неквалифицированный труд создает богатство мира. Но было бы ближе к истине утверждать, что многочисленный класс неквалифицированных рабочих с трудом обеспечивает свое собственное существование. Трудящиеся, которые не умеют адаптироваться, не способны внести новые идеи в свою работу, не имеют представления о том, как им лучше всего поступить, если изменится ситуация, с большим основанием могут идентифицироваться с зависимым классом, чем с творцами материальных ценностей общества», – справедливо говорит профессор Гиддингс в своей книге «Democracy and Empire» (New York, 1900, p. 83).

Третий недостаток вышеуказанных классификаций состоит в том, что они не различают, какие из этих процессов являются постоянными и универсальными, присущими любой социальной группе, а какие являются частными и временными, обнаруживающимися только среди некоторых групп и в определенный период. Так как фундаментальная задача социологии заключается в анализе постоянных и универсальных социальных процессов, чрезвычайно важно отделить их от процессов, имеющих локальный и временный характер. Такой дифференциации нет в большинстве существующих классификаций.

Наконец, ввиду тенденции формальной школы и некоторых «связистов» ограничивать содержание и задачи социологии изучением форм социальных отношений и процессов, необходимо подчеркнуть, что подобные претензии ошибочны. Как систематика растений и животных в биологии и зоологии, так и классификация и анализ социальных отношений и процессов составляет лишь часть социологии. Ограничивать ее содержание данной частью – значит отрезать от социологии ее другие более важные части. Любая классификация носит описательный характер и дает мало возможностей для причинного анализа явлений. Если бы мы буквально выполнили требования формальной школы, то результатом было бы превращение социологии в чисто схоластическую и мертвую науку, своего рода почти бесполезный каталог человеческих отношений⁴⁴. Стало бы, они должны быть отвергнуты, и изучение форм человеческих связей должно стать лишь одним из разделов социологии.

Формальной школой мы закончим обзор главных типов общих социологических теорий. Теперь мы перейдем к рассмотрению специальных социологических теорий, которые берут то или иное социальное условие или фактор и пытаются интерпретировать многие социальные явления как его функцию. Мы начнем анализ специальных социологических теорий с экономической школы как одной из самых популярных в настоящее время. Проанализировав ее, мы сделаем обзор других специальных социологических исследований. Таким образом, мы получим адекватный взгляд на нынешнюю ситуацию в социологической школе.

⁴⁴ Если работы фон Визе, Тённиса, Зиммеля, Парка и Бёрджесса, Росса, Фиркандта и Богардуса не стали подобным схоластическим каталогом, то лишь потому, что они сами не следовали «формальным претензиям». Лучшие части их работ именно те, где они забывают об этих претензиях и углубляются в исследование «содержания» явлений.

Глава X

СОЦИОЛОГИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА (ПРОДОЛЖЕНИЕ): ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В эту школу я включил те теории, которые брали один из так называемых экономических факторов в качестве независимой переменной и пытались выявить его влияния или связи с другими социальными явлениями.

1. Предшественники

В настоящее время только люди, совершенно не знающие историю социальной мысли, могут утверждать, что начало этой школы было положено Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Дело в том, что с незапамятных времен мыслители знали о важной роли, которую играют «экономические факторы» в поведении человека, социальной организации, социальных процессах и исторических судьбах общества. Уже в учениях восточных мудрецов, таких как Конфуций, Мэн-цзы, и индусских мыслителей, мы находим массу высказываний, которые прямо или косвенно подчеркивают значимость экономических условий. Конфуций и Мэн-цзы указывали, что бедность вызывает недовольство людей и социальные беспорядки и что сносное экономическое положение – необходимое условие социального порядка. Указывали они и на то, что «экономические факторы» влияют на религиозную и политическую жизнь. Этим объясняется, почему обеспечение продовольствием и другими товарами первой необходимости они рассматривали как первостепенную задачу хорошего государственного управления¹, и почему в «законе трех стадий» Конфуция^{1*} основная характеристика каждой стадии представлена в виде ее экономических особенностей, связанных с соответствующими политическими и нравственными феноменами, и, наконец, почему в долгой истории Китая мы встречаем так много экономических реформ и такую жаркую дискуссию о различных экономических систе-

¹ См.: Legge J. The Life and Works of Mencius. Philadelphia, 1875; сочинения Мэн-цзы, р. 20–24, 48–49; The Li-Ki // Sacred Books of the East, vol. XXVIII, p. 12 ff.; Chang Chen Huan. The Economic Principles of Confucius and his School. New York, 1911, p. 52 ff. и passim.

мах². То же самое можно сказать и о священных книгах индуистов, и о древнеиндийских мудрецах. Будде приписывается изречение, что «вся история человечества вращается вокруг голода и любви». Сам факт того, что так много внимания в Священных книгах Индии уделяется регулированию экономических отношений, экономической организации и экономическим проблемам, свидетельствует о том, что мыслителям Древней Индии было хорошо известно, какое значение имеют экономические условия для человеческого поведения и социальной жизни³. То же самое можно сказать и о других относительно древних источниках – Зенд-Авесте⁴ и Библии⁵. Что касается Древней Греции, то ее историки и философы, такие как Фукидид, Платон и Аристотель, если ограничиться лишь некоторыми именами, методично обращались к экономическим факторам для объяснения многих социальных процессов. Учение Аристотеля о формах правления сводится к взаимосвязи между политическими и нравственными феноменами, с одной стороны, и экономическими условиями, с другой. В его учении о социальных изменениях и переворотах так прямо и говорится: «То, из-за чего происходят распри, – прибыль и почести, и то, что им противоположно; распри происходят и из опасения утраты гражданских прав, и из нежелания платить наложенный штраф – неважно, за самих себя или за друзей... Какое значение в данном случае имеют наглость и корыстолюбие и в каком отношении они служат причинами внутренних распрей – это, пожалуй, ясно». Далее Аристотель дает свое объяснение этой закономерности и приводит факты, ее подтверждающие⁶. «История Пелопоннесской войны» Фукидида начинается с краткого очерка

² См.: *The Sacred Books of the East*, vol. III: texts of Confucianism, passim; vol. XXVII–XXVIII: *The Lî-Kî*, passim; *Chang Chen Huan*. Op. cit., passim; *Lee Marbel Ping-Hua*. *The Economic History of China*. New York, 1921, passim.

³ См.: «Институты Вишну», «Законы Ману» «Нарада», «Веданта-сутры» «Брихаспати», «Гаутама» в том же издании «*The Sacred Books of the East*»; во всех этих книгах содержится масса утверждений, выражающих указанную выше идею; тщательное регулирование экономических отношений тоже свидетельствует о том, что их авторы хорошо понимали значение экономических условий для благополучия общества.

⁴ «Кто сеет зерно, траву и выращивает фрукты, тот сеет благочестие; благодаря ему закон Мазды растет все выше и выше» – это лишь одно из многочисленных утверждений, демонстрирующих влияние экономических факторов на нравственность и религию (*The Zend-Avesta // The Sacred Books of the East*, vol. IV, farg. III, 31).

⁵ Само утверждение «Не хлебом одним живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа» (Втор. 8: 3) свидетельствует о понимании значения факторов питания. Слова о том, что в условиях экономического благополучия люди, как правило, забывают о Боге и нравственности (Втор. 8: 11–17), а в бедности склонны бунтовать, и сам факт тщательного регулирования экономических отношений, о котором сообщается во Второзаконии и других книгах Библии, является достаточным подтверждением моих слов.

⁶ *Aristotle*. *Politics*. Book V, ch. II–III. Я цитирую по *Everyman's Library Edition*. *Buttton Co.*, p. 144–147. В этой и других работах Аристотеля разбросаны его многочисленные высказывания о влиянии экономических условий на общественную жизнь, об их роли в социальных антагонизмах, классовой борьбе и т. д.

ранней истории Греции. Прослеживая ее эволюцию, Фукидид особо подчеркивает существенную роль перемен в сфере производства, в степени благосостояния, в торговле и других экономических условиях, которые определили изменения в политической и социальной организации, в поведении и психологии людей и связаны с ними корреляционной связью.

«Приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и обосновались более прочно на земле (что естественно для людей, которые стали богаче), окружили себя стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабых терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые города. Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход на Трою они выступили лишь спустя много времени... Между тем Эллада становилась могущественнее и все больше богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов... Эллыны начали строить корабли и обратились к мореходству»⁷.

Это примеры, показывающие, с каким вниманием относился Фукидид к экономическим факторам социальной эволюции Греции, их роли в социальных изменениях и в развязывании Пелопоннесской войны.

В диалогах Платона «Государство» и «Законы» сформулирован ряд закономерностей о влиянии экономических условий на человеческое поведение и социальные явления. Во-первых, в своей классификации человеческих потребностей Платон в качестве основных выделяет еду, питье и стремление к продолжению рода⁸. Во-вторых, он с большой проницательностью характеризует влияние бедности и богатства на психологию и поведение людей. Вот один из примеров. Бедность и богатство – причины порчи. «Богатство развратило души людей роскошью и праздностью, бедность вскормила страданием и довела до бесстыдства, и то и другое вызывает недовольство». Они – причины социальной и классовой борьбы. «Любой город-государство, как бы мал он ни был, заключает в себе два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей»⁹. Классифицируя формы правления, он связывает экономическую организацию с соответствующей политической и преобладающей психологиче-

⁷ *Thucydides. The History of the Peloponnesian War*, tr. by R. Crawley. Button Co., ch. I. Большинство греческих поэтов, начиная с Гесиода и Феогнида и заканчивая идеологами древнегреческого «пролетариата», демагогами и пропагандистами, не упускали случая упомянуть, подчеркнуть и проанализировать роль «экономических факторов» в социальном и историческом процессах. См.: *Ковалевский М. Современные социологи*. 1905, гл. V, с. 225–227; *Pöhlmann R. Geschichte des Antiken Sozialismus und Communismus*, 2d ed.; *Haney L.H. History of Economic Thought*, ch. I–V; *Monroe A.E. Early Economic Thought*, ch. I–II; *Zimmern A.E. The Greek Commonwealth*; особенно см.: *The Comedies of Aristophanes*.

⁸ *Plato. Laws // Dialogues of Plato*, tr. by B. Jowett. Oxford, MDCCCXCII, vol. V, p. 782–783.

⁹ *Plato. The Republic // The Dialogues of Plato*, tr. by Jowett. New York, 1874, vol. II, p. 422 ff., 547.

ской и этической характеристикой людей. Таким образом, он демонстрирует глубокое понимание обуславливающей роли экономических факторов и их связь с другими социальными явлениями¹⁰.

Сложная система экономической организации римского общества в поздний период¹¹, естественно, способствовала, как и в Греции, обращению социальной мысли к экономическим проблемам. Действительно, было бы странным, если бы римским социальным и экономическим мыслителям не удалось понять такую простую вещь, как ключевая роль экономических факторов. Если мы обратимся к сочинениям Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия, Аммиана Марцеллина, Варрона, Лукреция, Катона, Колумеллы, Тацита, Плиния и Полибия, то без труда найдем в них целый ряд мест, в которых описывается, оценивается и анализируется влияние различных экономических условий на социальную жизнь, исторический процесс, поведение и психологию людей. Такова, например, формула падения Рима Плиния: «*Latifundia perdirere Italiam, jam vero et provincias*» (большие поместья, латифундии, погубили Рим)¹², аналогичное утверждение есть у Сенеки¹³, а у Саллюстия высказывание наподобие этого: «Когда людей постепенно лишили их земли, праздность и бедность оставили их без места для жизни; они начали с жадностью стремиться к чужой собственности, считая свободу и интересы своей страны предметом купли-продажи. Таким образом, люди... начали вырождаться и вместо поддержания всеобщего благосостояния взвалили на себя личное рабство»¹⁴.

Учение Полибия о циклической смене форм правления и ее связи с соответствующими изменениями экономических условий – это и сотни аналогичных утверждений¹⁵ явно свидетельствуют о том, что римские авторы были хорошо

¹⁰ Ясное понимание важной роли, которую играют экономические условия в поведении человека, стало причиной того, почему Платон намеревался ввести общность имущества, жен и детей для «стражей» своего идеального государства. «Надо устроить их жилища и прочее имущество так, чтобы это не мешало им быть наилучшими стражами и не заставляло бы их причинять зло остальным гражданам». Он надеялся, что общность имущества поможет достичь этого результата. Разумна или неразумна была его надежда – другой вопрос, но она показывает, что он хорошо понимал силу влияния экономических условий на человеческое поведение: изменяя первые, он хотел изменить последнее. Вообще, во всем диалоге «Государство», особенно в восьмой и девятой книгах, можно найти массу ценных обобщений, касающихся рассматриваемой нами проблемы.

¹¹ См.: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926; Salvioli J. Der Kapitalismus im Altertum. Stuttgart, 1912; Frank T. Economic History of Rome.*

¹² *Pliny. Historia Naturalis, XVIII, 7.*

¹³ *Seneca. Ep. 89.*

¹⁴ *Sallust. I. 5.*

¹⁵ Даже такую довольно частную связь, как между родом занятий и экономическим статусом, с одной стороны, и идеологическими, нравственными и биологическими характеристиками, с другой, много раз подчеркивали разные писатели. Например: «Из земледельцев вырастают лучшие граждане, самые стойкие воины» (*Cato. De Agricultura. New York, 1913,*

осведомлены о важности экономических факторов, их влиянии на многие социальные процессы, включая даже такой фундаментальный процесс, как процесс упадка Рима. Нет надобности говорить, что они знали о классовой борьбе и ее экономических причинах и что существовало великое множество радикальных и «пролетарских» идеологий с призывами и девизами, идентичными идеологиям современного социализма, коммунизма и марксизма¹⁶.

Примерно такой же была ситуация и в более поздние периоды Средних веков и особенно в эпоху Ренессанса и Реформации. М. Ковалевский справедливо отмечает: «Трудно найти автора эпохи Возрождения, который, задаваясь вопросом о смене политических форм, не ставил бы его в связь с зарождением того или другого экономического класса, в интересах которого было бы изменить существующий строй»¹⁷.

Из этих авторов самыми выдающимися являются Н. Макиавелли и Гвиччардини, если ограничиться лишь некоторыми именами. Они оба, а также Джиганотти уделяли большое внимание экономическим факторам в своей интерпретации исторических процессов; оба рассматривали смену правления в свете классовой борьбы, а ее саму объясняли через конфликт интересов разных классов¹⁸.

В этом отношении из авторов XVII в. имя Джеймса Гаррингтона, современника Английской революции, занимает особое место. В своей «Республике Океании» (*The Commonwealth of Oceana*; 1656) он изложил систематическую теорию экономической интерпретации истории. Его девизом были слова: «Каково соотношение или баланс владения и собственности на землю, таков и характер Империи». Политическое могущество основывается на собственности. Когда большей частью собственности в стране владеет один человек, в такой стране существует абсолютная монархия. Когда собственность (или богатство) сконцентрировано в руках нескольких человек, это ведет к «готической или средневековой монархии», смешанной форме, где политический контроль находится в руках короля и немногочисленной группы привилегированных сословий. Когда собственность распределяется среди всего населения и ни одна группа

р. 19–21). См. у Варрона в его «*Regum Rusticarum*» описание жителей города и деревни с биологической и психологической точек зрения, описание, которое показывает, что он хорошо понимал, какое влияние профессия и экономические условия жизни оказывают на человеческое тело и разум.

¹⁶ Даже знаменитая фраза из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса о том, что в классовой борьбе пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, является всего лишь повторением высказываний Менения Агриппы и Саллюстия. См. *Pöhlmann R. Op. cit., passim*.

¹⁷ Ковалевский М. Современные социологи, с. 227.

¹⁸ См. *Machiavelli. The Discourses on Livy, passim* и book III, ch. XVI; book I, ch. V, XI, XII; book II, ch. II; *History of Florence, passim*. См.: *Guicciardini. Opere inedite. Ricordo, vol. I, passim*; см.: Ковалевский М. Цит. соч., с. 227–229.

не владеет чрезмерно большой долей благ, которая превосходила бы богатство всего народа, в такой стране будет республика или демократия. Когда происходят изменения в распределении национального богатства, они, естественно, влекут за собой соответствующие изменения в политическом режиме и в других сферах социальной жизни и организации.

Такова суть теории Гаррингтона. Эти и многие другие утверждения, приведенные в его работе, проистекают из исследования исторических фактов, насколько они были доступны в то время. Это еще более увеличивает ценность его теории¹⁹.

Из авторов XVIII в. следует упомянуть такие имена, как Гарнье²⁰, Далримпл²¹, Мёзер, Рейнгард, Мабли, Джон Миллар²², Барнав, Шлёцер, Адам Смит, Аделунг, Тюрго и особенно Рейналь²³. В произведениях этих авторов были заложены практически все теории, которые позднее были разработаны учеными XIX в. и К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Наконец, если мы обратимся к авторам первой половины XIX в., труды которых были опубликованы либо раньше, либо одновременно с сочинениями Карла Маркса, то увидим, что их число столь велико, что здесь я могу только перечислить их имена, не пытаясь даже коротко изложить характер их теорий. С конца XVIII и в первой половине XIX в. «интеллектуальная атмосфера» была перенасыщена идеями «экономической или материалистической интерпретации истории». Некоторые наиболее страстные последователи Маркса и даже некоторые видные академические ученые, случается, изображают его теорию как *deus ex machina*²⁴, как будто у него не было никаких предшественников или очень немногочисленные, такие как Гегель, Фейербах, Сен-Симон или Л. Блан; и, соответственно, провозглашали его «Галилеем» или «Дарвином» социальных наук²⁴.

¹⁹ См.: *The Oceana and Other Works of James Harrington*. London, 1747, *passim*, и p. 4 ff., 39 ff., 291 ff.

²⁰ *Garnier*. De la propriété dans ses rapports avec le droit politique. 1729.

²¹ *Dalrymple*. An Essay Toward a General History of Feudal Property in Great Britain. 1757.

²² *Möser*. Vorrede zur Osnabrückischen Geschichte. 1768; *Millar J.* Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society. 1771.

²³ Глубокий анализ их работ с этой точки зрения см. в работах: *Sulzbach W.* Die Anfänge der materialistischen Geschichtsauffassung. Karlsruhe, 1911; *von Below G.* Die Deutsche Geschichtschreibung. München und Berlin, 1924, S. 161–194; *Roger*. La théorie de la lutte de classes à la veille de la révolution // *Revue d'économie politique*. 1911, № 5. См. также: *Salomon G.* Historische Materialismus und Ideologienlehre // *Jahrbuch für Soziologie*. 1926, Bd II, S. 386–423.

²⁴ Например, П. Барт в качестве предшественников Маркса называет только Сен-Симона, Гегеля, Фейербаха, Бруно Бауэра, Луи Блана и Л. фон Штейна. А.В. Смолл идет так далеко в своих панегириках Марксу, что «суверенно предсказывает: в окончательном приговоре истории Маркс займет в общественных науках то же место, что и Галилей в физических» (*Small A.W.* Socialism in the Light of Social Science // *American Journal of Sociology*. 1912, vol. XVII, May, p. 812). Даже такой осмотрительный автор, как профессор Э. Селигмен, критикуя учение Маркса, называет несколько его предшественников, однако в конце утверждает,

В действительности чуть ли не все социологические идеи Маркса в таком же, как и у него, или даже в более точном виде были обнаружены другими авторами еще до или одновременно с такими его сочинениями, как «Манифест Коммунистической партии», «Святое семейство», «Нищета философии» и «К критике политической экономии», в которых Маркс впервые более или менее систематически изложил основные принципы материалистического понимания истории. Многие работы по истории, экономике, философии первой половины XIX в. отличаются повышенным интересом к экономическим условиям, к изучению влияния этих условий на различные стороны социальной жизни и объяснению многих политических, социальных, религиозных, эстетических и нравственных феноменов с точки зрения влияния на них экономики.

Чтобы показать это, достаточно упомянуть такие имена, как Нибур, Бёк, К. Нич, Савиньи, Губер, Генрих фон Зибель, Гюльманн, Г. Лео, Г. Штенцель, А. Мюллер, фон Маурер, У. Арнольд, М. Тёппен, Л. Гизебрехт, Ф. фон Бюлау, Ниман, К.Ф. фон Клёден, Штюве, Хёфлер, Хасслер, Кох-Штернфельд, Франц Курц, Хмель, фон Румор, фон Гакстгаузен, Рошер, Б. Гильдебранд, Лоренц фон Штейн, Друманн, С. Хирш, Г. фон Раумер, Тьерри, Руге, Родбертус, Лассаль, Ле Пле, отчасти Прудон и многие другие. В их работах произведен фактологический анализ исторических данных и сформулировано практически все, что в худшей – спекулятивной – форме содержится в формулировках экономической или материалистической интерпретации истории Маркса и Энгельса²⁵. Наконец, необходимо упомянуть имя Георга Вильгельма фон Раумера, который в 1837 и 1851 гг., раньше Маркса, сформулировал теорию экономического понимания истории, которая практически совпадает с его учением²⁶. Эта теория была сфор-

что «Маркс, действительно, должен быть признан родоначальником экономической интерпретации истории» (*Seligman E.R.A. The Economic Interpretation of History. New York, 1907, p. 52–53*). Что касается оригинальности и содержания марксовской теории материалистического понимания истории (но не практического влияния Маркса), то в настоящий момент, особенно после исследований фон Белова, Зульцбаха, Роджера и некоторых других, по-видимому, уже невозможно утверждать, что он добавил в эту область хотя бы одну новую идею или предложил новый и в научном отношении лучший синтез существовавших до него идей. С этой точки зрения ранние мнения таких ученых, как А. Менгер, У. Эшли, С.Н. Паттен и некоторых других, которые гораздо сдержаннее оценивали научный вклад Маркса, по-видимому, полностью подтверждаются фактами. См. особенно критику С.Н. Паттеном «научного промаха» Смолла: *Patten S.N. Essays in Economic Theory. New York, 1924, p. 287–288*. См. ниже в данной книге.

²⁵ Обстоятельный анализ работ этих авторов с этой точки зрения см. в книге: *von Below G. Die Deutsche Geschichtschreibung, S. 161–194*. См. также: *Sulzbach W. Op. cit.; Hammacher E. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. 1909; Woltman L. Der historische materialismus. 1906; Plechanow G. Beiträge zur Geschichte des Materialismus. 1896; Cunow H. Zur Geschichte der Klasskampftheorie // Jahrbuch für Soziologie, Bd. II. Две последние работы имеют ряд недостатков.*

²⁶ См.: *von Raumer G.W. Neumärkischen Landbuchs. 1837* и особенно: *von Raumer G.W. Die Insel Wollin und das Seebad Misdroy. 1851*; о работе Раумера см.: *Voigt A. Georg W. von Raumer und die materialistische Geschichtsauffassung // Preussischen Jahrbuchern. 1902, Bd. 103, S. 430–432; von Below G. Op. cit., S. 161–163*.

мулирована Раумером в результате усердных занятий историей. Нижеприведенные некоторые цитаты из Раумера отражают основные идеи его теории:

«Все политические изменения представляют собой не что иное, как результат изменений условий производства, образа жизни и положения различных классов, вызванных изменениями в торговле и ремеслах (*Verkehrsverhältnisse*)... Политические изменения в конечном итоге представляют собой результаты, причем неизбежные результаты, изменения социально-экономических условий жизни людей, которые постепенно изменяют не только мораль, нравы и образ жизни и мышления, но и отношения разных социальных классов друг к другу... Конечно, это не означает отрицания значения и возможностей духовного (*geistigen*) развития людей; но справедливо и то, что такое развитие в большинстве случаев является следствием экономических изменений, вызывается ими или сопутствует им».

Обобщая основные идеи теории Раумера, можно сказать: во-первых, характер и условия производства – самый важный и первичный фактор; он влияет на все другие социальные феномены: изменения в условиях производства вызывают соответствующие изменения в распределении богатства и собственности, а они в свою очередь влекут за собой изменения в классовой дифференциации, классовой структуре и классовых отношениях общества и в структуре его семьи. Эти изменения влияют на соответствующие изменения социальных отношений и правовых институтов, а за ними следуют соответствующие изменения нравов, традиций, обычаев, манер, идеологий, верований и психологии общества. Короче говоря, перед нами теория, практически идентичная учению Маркса. Однако это не означает, что обе эти теории были чем-то выдающимся на фоне других теорий того времени. Наоборот, «в немецкой (равно как и в английской и французской) исторической и экономической литературе середины XIX в. проявлялся такой жгучий интерес к экономическим проблемам, что любой автор, окунувшись в поток этой литературы, мог легко прийти к четкому пониманию экономических причин». Раумер, а также Маркс и Энгельс «просто находились внутри этого потока и зависели от него в гораздо большей степени, чем предполагалось в то время. Их оригинальность, если речь идет о выдвинутых ими общих положениях, состоит из преувеличений и обобщений того, что было сказано до них»²⁷. Такова реальная ситуация.

Краткий обзор предшественников экономической школы в социологии, сделанный выше, показывает, что она так же стара, как и человеческая мысль, что это не монополия XIX в., что влияние экономических условий на человеческое поведение, физическое состояние, мышление и социальные процессы осознавалось уже давно – иногда смутно, иногда вполне отчетливо – и что давным-давно был открыт ряд взаимосвязей экономических условий с разного рода социальными процессами.

Теперь перейдем к обзору и анализу принципиального вклада, сделанного за последние десятилетия в эту сферу.

²⁷ *von Below G. Op. cit., S. 179, 191.*

2. Теории К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895)

Социалистические догмы основателей марксистского социализма²⁸ и их экономические теории в узком смысле слова не имеют отношения к этой книге. Здесь рассматриваются только их социологические обобщения. Ввиду некоторой двусмысленности терминологии Маркса лучший способ охарактеризовать его концепцию – сделать это его собственными словами. Сущность его теории изложена в его «Критике политической экономии», опубликованной в 1859 г. В ней читаем:

«Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития про-

²⁸ В отношении этих частей их «идеологии» достаточно сказать, что в настоящий момент едва ли возможно поддерживать их как научно достоверные. Гипотезы Маркса о прогрессирующем обнищании рабочего класса, о концентрации богатства, исчезновении среднего класса и о пришествии социализма в результате социальной катастрофы оказались ошибочными. Еще более ошибочной кажется его вера в благотворные последствия уничтожения частной собственности и исчезновения эксплуатации и бедности в результате обобществления средств и орудий производства – и все это в результате чудодейственного влияния «диктатуры пролетариата». Наиболее значительная часть его экономической теории, трудовая теория стоимости и теория прибавочной стоимости в их марксистских формах, современными экономистами (практически) не поддерживается. См.: *Simkhovitch V. Marxism versus Socialism*. New York, 1913; *Sorokin P. Social Mobility*. 1927, ch. III, IV; *Michels R. La teoria di C. Marx sulla misteria crescente*. Torino, 1922; *Новгородцев П. Об общественном идеале*. 1924. О вкладе Маркса и Энгельса в экономику см.: *Böhm-Bawerk E. Karl Marx and the Close of His System*. New York, 1898 и курсы экономики Г. Шмоллера, Ф. Тауссига, А. Маршалла, Дж. Кларка, Р. Эли, М. Туган-Барановского, да и практически любой солидный учебник по экономике. См. также: *Sombart W. Der Proletarische Sozialismus*. Jena, 1924, Bd. I–II (новое и сильно измененное издание его книги «Sozialismus und soziale Bewegung»). Короче говоря, марксовская разновидность социализма имеет не больше прав называться «научной», чем любая другая разновидность социализма.

изводительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»²⁹.

Если мы добавим к этому теорию классово́й борьбы Маркса, то составим представление обо всех существенных особенностях экономической интерпретации истории.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального об-

²⁹ *Marx K. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. 1859, S. IV–V.*

щества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых... Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат»³⁰.

Такова суть социологической теории Маркса–Энгельса³¹.

³⁰ Marx K., Engels F. Communist Manifesto. Chicago, 1913, p. 12–13.

³¹ Вот другие работы Маркса, которые важны с социологической точки зрения: «Святое семейство», «Нищета философии», «Классовая борьба во Франции», «Наемный труд и капитал» и некоторые места в первом, втором, а особенно в третьем томе его «Капитала». Из работ Энгельса наиболее важны: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Положение Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг». Кроме того, некоторые важные работы обоих авторов опубликованы в книге «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalles, herausgegeben von F. Mehring». Из огромной литературы, посвященной марксизму, помимо уже названных, наиболее важны следующие работы: Annales de l'Institut Internationale de Sociologie. Paris, 1902, vol. VIII (весь том посвящен анализу марксизма разными известными социологами); Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. 1899; Struve P. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung // Braun's Archiv, Bd. XIV, S. 677–679; Masaryk Th.G. Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. 1899; Kautsky K. Ethik und material. Geschichtsauffassung; Kautsky K. Das Erfurter Programm; Barth P. Op. cit., S. 657–659; Ellwood Ch. Marx's Economic Determinism // American Journal of Sociology. 1911, vol. XVII, July; Labriola A. Essays on the Materialistic Conception of History; Loria A. The Economic Foundations of Society. London, 1899; Loria A. The Economic Synthesis. New York, 1914; Spargo J. K. Marx, His Life and Works. New York, 1910; Croce B. Historical Materialism; Новгородцев П.И. Об общественном идеале (3-е изд.); Туган-Барановский М.И. Теоретические основания марксизма; Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896; Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895; Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг., 1922; Cunow H. Grundzuge der Marxschen Soziologie. 1920–1921, Bd. I–II; Чернов В.М. Социалистические этюды. М., 1908; Hansen A. The Technological Interpretation of History // Quarterly Journal of Economics. 1921, vol. XXXVI; Commons J. K. Marx // Atlantic Monthly. 1926; Adler M. Marx als Denker; Adler M. Marxistische Probleme; Adler M. Kant und der Marxismus; Tönnies F. Marx Leben und Lehre; Sorel G. Reflections on Violence. New York, 1912; Michels R. Die Italienische Literatur über den Marxismus // Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. XXIV и XXV; Sorel G. Materiaux d'une théorie du prolétariat. 1919; Schmidt K. Marxistische Orthodoxie // Sozialistische Monatshefte. 1913, Bd. I, 8 Hefte; Gehrlich. Der Kommunismus als Lehre von Tausendjährigen Reich. 1920; Stammler R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 1896; Gentile G. La filosofia di Marx. 1899; Ильин В. (Ленин) Государство и революция; Kelsen H. Sozialismus und Staat. 1920; Троцкий Л. Терроризм и коммунизм; Kampffmeyer P. Zur Kritik d. Philos. Grundlagen des Marxismus // Sozial. Monatshefte. Bd. XI; Korsch K. Marxismus und Philosophie. 1923; Untermann E. Marxismus und Logik; Penzias A. Die Metaphysik der materialist. Geschichtsauffassung. 1905; Oppenheimer F. Das Grundgesetz der Marxschen Gesellschaftslehre. Berlin, 1903; Pareto V. Les systèmes socialistes, vol. 1–2; Lichtenberger P. Op. cit., p. 291–302; Todd A.J. Theories of Social Progress. New York, 1926, ch. XIV–XV. В этих работах представлены все принципиальные варианты интерпретаций и критики учения Маркса–Энгельса.

Интерпретация и критика

Из-за двусмысленности формулировок Маркса и Энгельса существуют различные интерпретации этой теории, сделанные разными авторами, как марксистами, так и немарксистами. Тот, кто хорошо знаком с относящимися к делу фрагментами из произведений Маркса, при чтении комментариев марксистов не может не подумать, что он читает своеобразную чисто догматическую интерпретацию «священного откровения», сделанную его восторженными последователями. Пренебрегая такими интерпретациями, остановимся вкратце на главных недостатках основных положений рассматриваемого нами учения.

А. *Его первым недостатком является концепция каузальных отношений и детерминизм.* Легко заметить, что такие выражения, как «способ производства определяет основные свойства социальных, политических и духовных процессов жизни», предполагают антропоморфное и одностороннее понимание каузальных отношений: причина есть нечто активное, то, что в одностороннем порядке определяет, «действует», «создает», «производит» свой результат (средневековая *causa efficiens*³²), а результат есть нечто инертное и полностью зависящее от причины. В наше время довольно сложно поддерживать подобную концепцию. Будучи по существу метафизической, она неприменима к великому множеству отношений между разного рода явлениями, которые, особенно в социальной сфере, находятся не в односторонней зависимости, а в состоянии взаимозависимости. Этим и объясняется то обстоятельство, почему в методологии современных естественных наук концепция функциональных отношений («переменная» и ее «функция», отношения между которыми могут быть одно- и двусторонними) вытесняет представление об односторонних каузальных отношениях и о взаимосвязи в том смысле, в каком его понимает метафизический детерминизм. То есть ученые только констатируют, что взаимодействующие явления находятся в функциональных отношениях друг с другом или что между ними существует связь, степень которой определяется коэффициентом корреляции определенной вероятности³². Такая замена освобождает нас от всех антропо-

³² См.: *Cournot A.* Essai sur le fondements de nos connaissances. Paris, 1851; *Cournot A.* Considérations sur la marche des idées. Paris, 1872; *Cournot A.* Traite de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire. Paris, 1861; *Mach E.* Erkenntnis und Irrtum. 1906; *Mach E.* Beiträge zur Analyse der Empfindungen. 1903; *Borel E.* Le hasard. Paris, 1914; *Rey A.* Die Theorie der Physik bei den modernen Physikern; *Poincaré H.* La science et l'hypothèse. Paris, 1908; *Pearson K.* The Grammar of Science, ch. III; *Pareto V.* Trattato di sociologia generale, ch. I-II; *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909; *Tschuproff A.* Das Gesetz der grossen Zahlen und der Stochastisch-Statistische Standpunkt in der modernen Wissenschaft // Nordisk Statistisk Tidskrift. 1922, Bd. I, Hf. 1; *Сорокин П.* Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный деятель и гражданин. Сборник статей. Пг., 1917; *Duhem P.* La théorie physique, son objet et sa structure. Paris, Chevalier et Riviere Cie.; *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre, S. 87 ff., 112 ff., 420–445 ff.

морфных элементов в связи с каузальностью и детерминизмом и предоставляет возможность изучения одно- и двухсторонних отношений. Эта концепция дает возможность рассматривать любой «фактор» как переменную и пытаться установить, до какой степени и с какими явлениями он взаимосвязан. В большинстве случаев это также позволяет инвертировать такое функциональное «уравнение»: т. е. брать функцию в качестве переменной и пытаться найти ее функции. Например, в одном случае мы можем взять «экономический фактор» как переменную и исследовать, до какой степени он связан с религиозными явлениями. В другом мы можем взять религиозные явления в качестве переменной и попытаться исследовать их «функции», среди которых и функции в области экономических явлений³³. В области социальных явлений мы почти всегда имеем дело с отношениями взаимозависимости, а не с односторонней зависимостью. Применение к таким явлениям концепции односторонних каузальных отношений приводит к ряду логических и фактических ошибок (см. выше параграфы о Парето). Именно это и произошло с марксистской теорией. Ее концепция одностороннего причинного отношения, когда применяется к социально взаимозависимым явлениям, приводит к некоторым логическим и фактическим ошибкам, противоречивым интерпретациям и бесконечному спору между последователями Маркса и между критиками его теории. Здесь источник многих недостатков теории. Присмотримся к этой проблеме. Первая идея теории Маркса состоит в том, что экономический фактор является первичным или наиболее важным, определяющим все остальное. Первичность может означать либо (а) что в причинной цепи этот фактор является первым, который детерминирует все другие социальные явления, либо (б) что его эффективность в детерминации социальных явлений намного больше (скажем, его влияние составляет 90%), чем всех других факторов (чья совокупная эффективность, скажем, только 10%). Первая интерпретация – не что иное, как предшествующая концепция односторонних и необратимых каузальных отношений. Вторую можно примирить с функциональной концепцией, но, к сожалению, ни Маркс, ни Энгельс, ни кто-либо из их последователей не попытались указать способы измерения сравнительной эффективности различных факторов, обуславливающих социальные явления, и не предложили никаких показателей сравнительной эффективности разных факторов. Согласно буквальному и логическому смыслу рассматриваемой теории главенство экономического фактора следует понимать в первом смысле, т. е. он первичный и самый важный, потому что, как было сказано, определяет все другие социальные явления в причинной цепи или потому что он является «пусковым», тогда как все остальные – «запускаемыми».

³³ Именно так и сделал М. Вебер в своем труде «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie» (Bd. I–III). В нем религия рассматривается как переменная и тщательно исследуются ее «влияния» на экономические явления. М. Вебер подчеркнул, что подобное исследование – всего лишь одно из множества возможных.

Очевидно, что подобная концепция не может быть принята: фактически такие факторы, как географические условия и врожденные биологические импульсы, появились и начали действовать раньше, чем экономические. Другие социальные факторы, такие как интеллект, опыт, религиозные идеи или суеверия, правила табу или нравы, примитивное искусство, деятельность, посвященная тому, что может быть названо идеальными целями, игра и т. д., обнаруживаются в самых примитивных и известных нам человеческих обществах, и действуют они так же давно, как и экономические условия. В настоящий момент идея о том, что примитивный человек – это всего лишь желудок, едва ли найдет себе поддержку. Ряд тщательных исследований показал ее ошибочность³⁴. Более того, мы не можем утверждать, что среди врожденных импульсов или инстинктов человека есть только пищевой инстинкт или что он самый сильный. Такое предположение, безусловно, ошибочно и не подтверждается фактами³⁵. Мы не можем даже утверждать, что человек является существом экономическим и всегда действует «экономно», как предполагали классические экономисты. Факты резко противоречат подобному мнению³⁶.

³⁴ См.: *Wodon L.* Sur quelques erreurs de méthode dans l'étude de l'homme primitive. Bruxelles–Leipzig–Paris, 1906; *Thurnwald R.* Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus. München, 1923; *Psychologie des primitiven Menschen // Handbuch für Vergleichende Psychologie.* München, 1922; *Malinowski B.* Argonauts in the Western Pacific. London, 1922; *Schwiedland E.* Anfänge und Wesen der Wirtschaft. Stuttgart, 1923; *Somlò F.* Der Güterverkehr in der Urgesellschaft. Inst. Solvay, 1909; *Maunier R.* Vie religieuse et vie économique // *Revue Internationale de Sociologie.* 1907, Dec, 1908, Jan., Febr.; *Lowie R.H.* Primitive Society. 1920; *Wallis W.D.* An Introduction to Anthropology. New York, 1926.

³⁵ *Thorndike E.L.* Educational Psychology. Vol. I: The Original Nature of Man. New York, 1913; *Sorokin.* Sociology of Revolution, ch. I–III, особенно ссылка на p. 33^{4*}; *Wallas G.* Human Nature in Politics. 1919; учебники психологии У. Мак-Дугалла, Р.С. Вудворта и других; *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 1923.

³⁶ См. особенно: *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. I–III, passim, и Bd. I, S. 12, 21–22, 37, 38, 82, 183, 233–237; *Weber M.* Wirtschaftsgeschichte. 1924, S. 238, 308–315; *Mitchell W.C.* Human Behavior and Economics // *Quarterly Journal of Economics*, vol. XXIX, p. 1–47; *The Prospects of Economics // The Trend of Economics.* New York, 1924, p. 3–34; *Douglas P.H.* The Reality of Non-Commercial Incentives in Economic Life // *Ibid.*, p. 153–193; *Taussig F.* Inventors and Money-Makers. New York, 1915; *Sombart W.* Der Bourgeois; *Slater G.* The Psychological Basis of Economical Theory // *The Sociological Review.* 1923, July, October; *Tugwell R.G.* Human Nature in Economic Theory // *Journal of Political Economy*, vol. XXX, p. 317–395; *Clark J.M.* Economics and Modern Psychology // *Journal of Political Economy*, vol. XXVI, p. 1–30; *Parker C.H.* Motives in Economic Life // *American Economic Review. Suppl.*, vol. VIII, p. 212–213; *Veblen T.* The Instinct of Workmanship. New York, 1918.

«Wir haben uns angewöhnt, als Wirtschaft ein Handeln zu betrachten, das von einem künstlich konstruierten “homo normalis rationalis” ausgeht. Ein Mensch ohne Seele, eine Art puppenhafter Rechenmaschine. Dieser homunculus versagt aber sofort seinen Dienst, wenn wir die grosseren Zusammenhänge ins Auge fassen. Denn allen intelligenten Berechnungen liegen affecterfullte Strbungen zur Erhaltung, Sicherung und Functionsbetätigung zugrunde»^{5*}... Даже стремление к роскоши универсально и существует среди самых примитивных групп. «Allen Zeiten kennen

Кроме того, ряд исследователей, таких как Эспинас, Дюркгейм, П. Ювелен, Турнвальд, Малиновский, Юбер и Мосс, показали, что даже на первобытных стадиях метод производства и вся экономическая жизнь абсолютно неотделимы от религии, магии, науки и других интеллектуальных явлений того времени и совершенно непонятны, если не принимать их в рассмотрение³⁷. Для более поздних стадий обусловленность экономики религией, магией, рационализмом

ihren Luxus». «Ehrgeiz und Prunk, Liebe und Hass sind in alle wirtschaftlichen Zweckbetätigungen eingewoben-keinesweg Hunger ind Durst allein»^{6*}.

Турнвальд четко демонстрирует взаимную зависимость экономических и неэкономических явлений и заключает свой интересный анализ, говоря об «экономике» и противясь односторонним интерпретациям истории: «Die einseitige “wirtschaftliche Geschichtsauffassung” ist ein rationalistisches Truggebilde, sowie die nur “idealistische” ein romantisches Phantasma»^{7*} (Thurnwald. Op. cit., S. 274–278, 328).

³⁷ Выводы, к которым пришел Эспинас в своем исследовании происхождения технологии, следующие: «Общий закон господствует в развитии технологии. Умозрение до известной степени и в некоторых случаях предшествует действию (или приему); но более систематическая теория соответствующих фактов становится возможной только тогда, когда эти факты уже существуют некоторое время».

«Невозможно отрицать наличие зависимости между умственными и прикладными функциями». Это схематично представлено в следующей таблице:

<i>Умственные стадии</i>	<i>Соответствующие стадии техники и практики</i>
1. Элементарные ощущения	1. Элементарные рефлексы
2. <i>Восприятия</i> : индивидуальные и конкретные представления форм и событий	2. <i>Индивидуальные привычки</i> : действия, контролируемые внутренними, социально не осознанными импульсами
3. <i>Познания</i> (типов и законов): совокупность представлений, уже коллективных и в некоторой степени абстрактных, составленных из общих индивидуальных восприятий	3. <i>Традиции</i> : действующие или коллективные институты, совокупность индивидуальных привычек, контролируемых мнением
4. <i>Науки</i> , совокупность систематических, рациональных концепций	4. <i>Ремесла или технологии</i> , совокупность традиций, организованных с помощью обсуждения и познания

(Espinass A. Les origines de la technologie. Paris, 1897, p. 10–11 и passim.)

«Развитие экономической организации идет рука об руку с психической эволюцией человека. В первую очередь на нее влияют технология и форма политической организации. Но сама технология есть не что иное, как “die Anhäufung von Kenntnissen und Fertigkeiten”^{8*}, обусловливаемых постоянными физическими факторами, изменяющимися в пространстве географическими факторами и факторами, изменяющимися во времени, такими как изобретения, открытия и т. д.» (Thurnwald. Op. cit., S. 274 ff.)

См.: Durkheim. Elementary Forms of Religious Life, passim.; Huvelin P. Magie et droit individuel // L'année sociologique, vol. X; Hubert et Mauss. Esquisse d'une théorie générale de la magie // Ibid., vol. VII; см. также: Kapp. Grundlinien einer Philosophie der Technik. 1877. См. в данной книге главу о социологистической школе.

или традиционализмом и даже религиозное происхождение самого современного капитализма (из протестантизма) разъяснил Макс Вебер³⁸.

Поэтому экономический фактор не древнее, чем остальные. Это означает, что социальные явления всегда находились и находятся во взаимной, а не односторонней зависимости. Поэтому нет оснований утверждать, что экономический фактор – первый в причинно-следственном ряду и в силу этого главный. О фактической стороне проблемы сказано достаточно³⁹.

Но, кроме фактической, есть и логическая сторона. Л. Петражицкий и Р. Штаммлер отмечали, что право и общественный порядок являются логическими и фактическими предпосылками экономических отношений, потому что без кодекса обязательных правил поведения сами факты общественных отношений и совместного проживания невозможны⁴⁰. Кроме того, если экономический фактор всегда «пусковой» и все изменения в сфере социальной жизни происходят из-за изменений в экономике, то непонятно, как мы можем объяснить динамику самого экономического фактора? Является ли он благодаря своей мистической сущности *perpetuum mobile*^{11*} и обладает способностью самозапуска или же его динамика обусловлена каким-то другим фактором? Так как главенство экономического фактора основано на том, что он вечный «пусковой механизм», то этот факт нуждается в объяснении. Гипотеза «самозапуска» – худшая разновидность мистицизма, провозглашающая экономический фактор своеобразным божеством. По этой причине эту гипотезу следует отклонить. Если бы марксисты, такие как Энгельс, Лабриола

³⁸ М. Вебер совершенно ясно показал, насколько сильно характер экономической организации Китая, Индии, античного мира, Средневековья и настоящего времени обусловлен спецификой соответствующих религий, магических, традиционалистских и рационалистических учений. Прояснил он и роль протестантской религии в происхождении и развитии современного капитализма. В своем исследовании он совершенно правильно описывает методологические принципы взаимной зависимости религиозных и экономических явлений, так же как и всех других социальных факторов. Он справедливо отмечает, что возможны исследования, в которых экономический фактор будет взят в качестве переменной, функцией которой выступит религия или магия, а возможны исследования, в которых экономические явления будут рассматриваться как функция религии. Его собственное исследование относится к последнему типу. Позиция Вебера становится понятной из следующих цитат: «Eine Wirtschaftsethik ist keine einfache „Funktion“ wirtschaftliche Organisationsformen, ebensowenig wie umgekehrt diese eindeutig aus sich heraus prägt. Keine Wirtschaftsethik ist jemals nur religiös determiniert gewesen»^{9*}. Взяв из методологических соображений религиозный фактор в качестве переменной, он показал, что «die Wurzel des modernen ökonomischen Menschentums ist religiöse»^{10*}, что без Реформации это было бы невозможно и что экономическая специфика Китая, Индии или иудаизма необъяснима без знания религий этих народов. См. главу о М. Вебере в этой книге. См.: *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religions soziologie*. Tübingen, 1922–1923, Bd. I, S. 12, 21–22, 37–38, 82, 183, 233 ff. и passim; Bd. II, S. 363–378; Bd. III, passim. Краткое изложение основных выводов, сделанных в этих томах, дано в его «Wirtschafts-Geschichte» (München, 1924, S. 30, 239, 240, 300–315).

³⁹ Ср.: *Hansen A. The Technological Interpretation of History // Quarterly Journal of Economics*, vol. XXXVI, p. 80–82.

⁴⁰ См.: *Stammeler R. Wirtschaft und Recht*, passim; *Petrajitzky L. Die Lehre von Einkommen*.

и Плеханов, признали «обратное влияние второстепенных факторов на главный»⁴¹, то отправная точка теории и основание главенства экономического фактора была бы признана недействительной. Тогда у нас больше не было бы односторонней зависимости других факторов от экономического, а была бы взаимозависимость, при которой нет ни «запускающего», ни «запускаемых», все были бы «запускающими» и «запускаемыми» одновременно. Тем самым главенство экономического фактора устраняется, и, соответственно, теория теряет свои отличительные черты. Марксист, который допускает подобное обратное влияние других факторов на фактор экономический, логически отходит от этой теории и приходит к концепции функциональной взаимозависимости, ограничивая его притязания одним лишь сопоставлением экономического фактора с некоторыми другими⁴². Это показывает односторонность ошибочной каузальной концепции, на которой основывалась теория, а также некоторые ошибки, вытекающие из подобной концепции. Они окончательно разрушили теорию как нечто оригинальное.

В. Вторым фундаментальным недостатком теории является двусмысленность и неопределенность выражения: *экономический фактор является последним, решающим и наиболее важным фактором социальных явлений*. Как известно, это утверждение толковали в двух смыслах. Некоторые марксистские и немарксистские авторы (например, Плеханов и Эллвуд) интерпретировали его в том смысле, что экономический фактор самодостаточен для объяснения всех исторических и социальных процессов, в чем убежден был и Маркс. Между тем некоторые другие авторы, в том числе и Энгельс, интерпретировали его в том смысле, что он только основной, рядом с которым имеются и некоторые другие менее важные факторы (например, Селигмен, Лабриола, Маркс и Энгельс в поздний период их творчества)⁴³. Если мы предпочтем первую из этих интер-

⁴¹ См. высказывания Энгельса в его письме 1894 г., опубликованном в журнале «Der Sozialistische Akademiker» в 1895 г.^{12*} Сам Маркс тоже был вынужден отметить такое обратное влияние неэкономических факторов на экономические. См. также: *Labriola*. Op. cit., p. 110, 201 ff.; *Плеханов Г. К* вопросу о развитии монистического взгляда на историю.

⁴² Маркс в своих поздних сочинениях, а также и Энгельс, сделав эту неизбежную уступку, практически отказались от своих более ранних притязаний и почти свели «экономическое понимание истории» до всеобщего, банального и надежного признания экономического фактора одним из множества других.

⁴³ По-моему, обе эти интерпретации допустимы, но первая справедлива в отношении ранних сочинений Маркса и Энгельса, а вторая – поздних работ, после того, как они отказались от многих ранних утверждений. В этот период Энгельс написал, что «...Маркс... никогда не утверждал,.. что экономический момент является будто бы единственно определяющим моментом... Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости [совершенно туманное выражение, такого же типа как “белая чернота” или “деревянное железо”], в конечном счете всегда прокладывающей себе путь» (Письмо 1894 г., опубликованное в журнале «Der Sozialistische Akademiker»)^{13*}. См. аналогичные рассуждения Лабриолы (*Labriola*. Op. cit., p. 110 ff.), которые столь же туманны и противоречивы, как и это.

претаций, то она приведет к ряду абсурдных заявлений. Если выберем вторую, значит, откажемся от теории. Первая интерпретация является своего рода монистической концепцией, пытающейся объяснить всю социальную жизнь и весь процесс истории с помощью одного только экономического фактора. Ее безнадежность доказывается следующими соображениями⁴⁴. Прежде всего, если вся социальная жизнь, война и мир, обнищание и процветание, порабощение и освобождение, революция и реакция являются результатами одного и того фактора, то это дает уравнение:

A и не- $A = f(E)$, т. е. самые противоположные вещи являются результатом одной и той причины.

Такое уравнение является логическим абсурдом; оно противоречит основному принципу науки – единообразию связи причины и следствия. Это значит признать, что у одной причины могут быть самые разные и противоположные результаты. При такой предпосылке рушится само представление о закономерности и причинно-функциональных отношениях. Действительно, если A и не- A – результаты одной и той же причины E , то бесполезно искать какую-либо закономерность или причинно-следственную связь. В самой посылке содержится отрицание причинности и закономерности. Такой монистический фактор становится поистине *coincidentia oppositorum*^{14*} (примирением и отождествлением противоположных явлений) – чем-то вроде той дефиниции, которую средневековые схоласты приписывали Богу. Другими словами, такая монистическая концепция составляет уравнение:

E (экономический фактор) есть причина	{	A и не- A B и не- B C и не- C D и не- D F и не- F N и не- N	т. е. причина всех форм поведения, социальных процессов и исторических событий.
---	---	---	---

С такой посылкой ни один математик, ни один логик и ни один ученый не смогли бы сформулировать никакого закона, никакой причинно-следственной связи, не смогли бы вывести формулы никакой закономерности. Кроме того, если фактор E в уравнении означает универсально широкое понятие, например «Все», «Бог», «вселенная» или «вся социальная жизнь», то уравнение превращается в тавтологию. «Все» или «Бог» – причина «Всего» или «Бога». «Вся социальная жизнь является причиной всей социальной жизни». Будучи тавтологией, оно бесплодно. Если под таким монистическим фактором E понимается что-то более узкое (как в нашем случае), то вместо тавтологии мы имеем нечто еще худшее –

⁴⁴ Подобная критика применима к любой монистической теории факторов.

pars pro toto^{15*}, часть чего-то целого как причину этого целого, экономический фактор (часть социальной жизни) как причину социальной жизни. Можно, стало быть, утверждать: «Из части может возникнуть целое, из ничего – что-то». Таковы логические плоды монистической интерпретации утверждения Маркса⁴⁵.

На деле безнадежность такой попытки очевидна по следующим соображениям. Даже простейшее динамическое явление нашего мира – движение физических объектов – согласно современной физической механике обусловлено, по крайней мере, двумя факторами – инерцией и гравитацией. Надеяться на объяснение сложнейшей динамики социальной жизни и истории с помощью лишь одного фактора есть настоящая глупость. Самое большее, что может выйти из подобной попытки, – это тавтология, и ничего больше.

Вышесказанного достаточно, чтобы показать научную безнадежность экономического материализма. Эта безнадежность, может быть, и стала причиной перехода Маркса и Энгельса ко второй интерпретации их концепции в более поздних сочинениях.

Но эта вторая интерпретация, которая допускает другие факторы наряду с экономическим, фактически означает отказ от теории. Она предполагает плюралистическую теорию факторов, утверждающую, что экономический фактор – лишь один среди многих других. Не обязательно быть марксистом, чтобы это принять, и, как мы видели, в такой плюралистической интерпретации экономический фактор признавали, подчеркивали и изучали сотни мыслителей за много столетий до Маркса и Энгельса. Правда, перейдя на позиции такой плюралистической концепции, Маркс, Энгельс и марксисты по-прежнему добавляют: «но среди этих многих факторов экономический является самым важным и первичным». Но и это утверждение высказывалось многими немарксистскими авторами до и после Маркса и Энгельса. Поэтому подобное дополнение не дает им никакого права считать свою позицию оригинальной. Кроме того, их дополнение не было подтверждено никакими ясными логическими или фактическими доказательствами. Маркс и Энгельс даже не попытались предложить какой-нибудь метод для измерения значимости или эффективности различных факторов и не представили ни показателей «первенства» экономического фактора, ни какого бы то ни было логического обоснования своего утверждения. Этого достаточно, чтобы понять, что плюралистическая интерпретация теории Маркса–Энгельса лишает ее всякой оригинальности и ведет к отказу от нее⁴⁶.

⁴⁵ Ср.: Croce B. *Historical Materialism*, p. 28 ff.

⁴⁶ Пытаясь отстоять оригинальность теории Маркса, профессор Селигмен утверждает, что подобная плюралистическая интерпретация не означает отказа от нее. К сожалению, он не сопровождает свое заявление никакими доказательствами, а только чисто догматически утверждает, что «главные составляющие человеческого прогресса – социальные (что совершенно не характерно для марксистского экономического детерминизма), что важным фактором социального изменения является фактор экономический (это подчеркивали еще

С. Третий недостаток теории заключается в том, что определения терминов «экономический фактор», «производительные силы и отношения» и «экономический базис» даны недостаточно четко и конкретно. Неоднозначность формулировок Маркса приводит к тому, что некоторые интерпретаторы, такие как К. Каутский, В. Зомбарт, Э. Хансен⁴⁷ и другие, понимают этот фактор только как определенный вид техники, тогда как Энгельс, Масарик, Селигмен, Кунов и другие понимают его в смысле общих условий производства, включающих в себя географическую среду, природные ресурсы, добычу и обработку полезных ископаемых, транспортные средства, торговлю, механизм распределения и т. д.⁴⁸

Если мы принимаем первую интерпретацию, то рассуждаем так: техника является главным фактором, и ею можно объяснить все чудеса истории. Учитывая тот факт, что техника представляет собой лишь часть социальной действительности, выше сформулированное утверждение логически абсурдно (*pars pro toto*). Далее, поскольку сама техника требует от общества определенного опыта и уровня знаний⁴⁹, Маркс, отделяя технику от науки, разделяет то, что идентично (науку как компонент техники в противоположность науке вообще), и отождествляет друг с другом то, что друг от друга отличается (технику как нечто, существующее отдельно от науки, и технику, состоящую только из науки). Раньше старые логики давали подобным нелогичным процедурам название *quaternio terminorum*^{17*}.

Если мы принимаем вторую, более широкую интерпретацию, то теория и само понятие экономического фактора становятся еще более расплывчатыми. Он превращается в подобие чемодана, в котором сложены географические условия, техника, а рядом с ней наука, весь сложный механизм торговли, коммерции и распределения, включающий в себя юридические и политические институты, и прочая, и прочая. Брать такую неопределенную сложность в качестве причины или переменной и пытаться с ее помощью что-то объяснять – предприятие

Конфуций, Мэн-цзы, Платон, Аристотель, Фукидид, Плиний, Макиавелли, Гвиччардини и сотни других авторов) и что они имеют не исключительное, но преобладающее (почему и по какой причине?) влияние на ход общественного прогресса» (*Seligman*. Op. cit., p. 67). Кроме того, упоминание имени Демолена не усиливает, а только ухудшает позицию автора, потому что «экономизм» Демолена совершенно отличается от «экономизма» Маркса и берет свои истоки не от него, а от более совершенной теории Ле Пле, который гораздо раньше и талантливее, чем Маркс, описал влияние экономических факторов. См. вторую главу этой книги.

⁴⁷ *Sombart W.* Technik und Kulture // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1911, Bd. XXXIII, S. 315; *Hansen A.* The Technological Interpretation of History // Quarterly Journal of Economics. 1921, vol. XXXVI, p. 73.

⁴⁸ *Seligman*. Op. cit., ch. V; *Cunow*. Die Marxsche Geschichts-Gesellschaft und Staats-Theorie. 1921, Bd. II, S. 158 ff.

⁴⁹ Это признает сам Маркс: «Если техника в значительной степени зависит от состояния науки [которую он оценивает исключительно с точки зрения техники], то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребностей техники»^{16*}. (Верно, но из этого разवे следует, что техника – фактор всемогущий, тогда как наука есть нечто второстепенное?)

безнадежное. В таком случае мы, имея то, чего мы не знаем, пытались бы установить влияния этого «фактора» на явления, которые так или иначе состоят из него самого. В таких условиях мы вряд ли смогли бы установить какую-нибудь четкую и определенную корреляцию, а скорее всего нашли бы самые абсурдные взаимосвязи, что на самом деле и произошло со многими последователями Маркса и им самим⁵⁰. В этом случае мы ограничены утверждениями и формулами, неопределенное содержание и туманный смысл которых не позволяют нам ни доказать их, ни опровергнуть. Неизбежным результатом подобного метода является бесполезное пустословие.

Д. В результате указанной неопределенности точное значение причинной последовательности факторов Маркса–Энгельса или порядок их зависимости тоже становится довольно неопределенным. При технологической интерпретации данная последовательность такова: 1) изменения в методе производства влекут за собой 2) изменения в экономической структуре общества – в «производственных отношениях» и «отношениях собственности», – которые в свою очередь определяют 3) изменения в политической, социальной и интеллектуальной жизни общества. В случае второй, более широкой интерпретации экономического фактора последовательность принимает несколько иную форму: 1) изменения в общих условиях производства и обмена определяют 2) модификацию в классовой структуре общества, которая в свою очередь порождает 3) классовый антагонизм, приводящий к 4) изменению социальной, политической и духовной «надстройки» общества. Какую бы интерпретацию мы ни взяли, обе последовательности в лучшем случае имеют лишь относительную ценность – как один из многих возможных вариантов выстраивания череды социальных явлений. Выше я уже отмечал, что нет никакой причины считать, что среди сил, формирующих социальные и исторические процессы и поведение человека, «активным» или «пусковым» является только экономический фактор. Кроме того, я отмечал, что «функциональная концепция» «каузации» и факт взаимозависимости социальных явлений позволяют нам рассматривать любой фактор в ка-

⁵⁰ Достаточно вспомнить о той связи, которую Маркс установил между ручной мельницей и феодальным обществом и между паровой мельницей и капиталистическим производством^{18*}; его объяснение Реформации исключительно тем, что германская нация восстала против экономической эксплуатации Папского двора^{19*}; разъяснение всего характера вавилонской культуры и организации развития ирригационной системы в Месопотамии; а Древнего Египта – разливами Нила^{20*}; развития науки, искусств и изобретений исключительно потребностями техники и т. д. Некоторое время назад марксисты начали выдавать подобного рода простецкие «объяснения» и причинно-следственные связи в таком изобилии, что наиболее трезвые из них сами, наконец, выступили с протестом. «Следуя по такому пути, простак от науки могли бы, пожалуй, низвести всю историю к простой арифметике, а какая-нибудь новая оригинальная трактовка Данте могла бы представить нам “Божественную комедию” с иллюстрациями в виде счетов на сукно, которые бойкие флорентийские купцы продавали с превеликой для себя выгодой!» – с негодованием восклицает Лабриола (Op. cit, p. 204–205).

честве «переменной» (не только «технику», но и «науку», «религию», «закон» и все что угодно) и находить его «функции» или «влияния» в любой области, равно как и в технике и в сфере экономики. Мы видели и увидим далее, что такие попытки предпринимались и не были бесплодными. Поскольку Маркс и Энгельс претендуют на то, что установленная ими последовательность является единственно возможной, она не может быть принята. Она может быть отвергнута противоположным мнением, согласно которому право, религия или «духовный фактор» принимаются за фактор «пусковой», а экономический фактор оказывается функцией⁵¹. Поскольку мы берем его в относительном смысле, с «экономическим фактором» как «переменной», но отнюдь не настаивая на его исключительности, то эту последовательность можно принять, а ее ценность будет зависеть от результатов изучения связи выбранного фактора с другими явлениями. Если исследование покажет, что эта его связь с другими явлениями существует, является универсальной и постоянной и что ее коэффициент высок, это будет доказательством научной ценности последовательности. Если результаты исследования противоположны, это будет означать ее небольшую ценность для научной социологии⁵². Позже я покажу, в каком смысле существует связь между

⁵¹ Книги профессора Джона Коммонса «Legal Foundations of Capitalism», «Wirtschaft und Recht» Р. Штаммлера и «Die Lehre von Einkommen» Л. Петражицкого являются примерами того, когда право берется в качестве «пускового механизма» (переменной), а экономическая система – как функция. «Religionssoziologie» М. Вебера – пример такого исследования, где религия берется в качестве переменной, а экономическая организация – как функция. Географическая и расовая школы рассматривают как переменные географические и расовые факторы. Духовный фактор как пусковой берется в теориях Де-Роберти и Тарда. «Как, – восклицает Тард, критикуя марксистскую теорию, – науки и религии... поставлены в зависимость от экономических условий! И это тогда, как сама общественная среда образовалась под влиянием вульгаризации идей, религиозных и научных, в границах известной национальности! Как утверждать что-либо подобное, когда сама масса и густота населения (и экономические условия) зависят от решения целого ряда проблем, правильно или неправильно поставленных... Сам прогресс промышленности и техники стал возможен благодаря тем мыслителям, которыми движет любовь к истине. Порох, а также паровой двигатель были открыты мечтателями». См.: статью Тарда в «Annales of the Institut International de Sociologie» (vol. VIII), а также статью Де-Роберти, в которой он переворачивает последовательность Маркса^{21*}. Это пример последовательности, обратной по отношению к той, что предлагает Маркс, в которой наука сделана переменной, а экономические явления рассматриваются как ее «функция». С научной точки зрения подобная последовательность столь же приемлема, как и последовательность Маркса. Если бы авторы придерживались «функциональной концепции каузальности», то не было бы никакого подобного конфликта противоположных теорий. Но так как они предпочитали концепцию «односторонней причинности», их последовательности, естественно, нельзя было примирить, и они бесконечно спорили друг с другом. Аналогичная причина лежит в основе бесконечных споров между приверженцами разного рода «главных» факторов. Ср.: *Sombart W. Technik und Kultur // Archiv für Sozialwissenschaft*. 1911, S. 312 ff.

⁵² Тем не менее при такой интерпретации этой последовательности теория Маркса хотя и освобождается от своих «грехов», теряет в то же время свою «оригинальность» и превращается в нечто такое, о чем говорилось много раз до нее.

экономическим фактором и другими социальными явлениями и насколько она тесна. Здесь я лишь отмечу, что надежда Маркса–Энгельса на то, что установленная ими связь очень высока и носит универсальный характер и что она в точности следует установленной ими последовательности, эта их надежда оказалась сильно преувеличенной⁵³. Достаточно по этому поводу.

Е. Из других особенностей марксистской теории следует упомянуть ее ошибочную и противоречивую концепцию исторического детерминизма. Она представляет собой несуразное сочетание фатализма со свободной волей. Пусть читатель внимательно прочтет вышеприведенные длинные цитаты из Маркса^{22*}. Здесь мы читаем, что производственные отношения, в которые вступают люди, «необходимые, от их воли не зависящие». Производительные силы изображены как развивающиеся *sua sponte*^{23*}, независимо от людей и других социальных факторов. Весь процесс истории человечества изображен так: «Люди суеются, а на самом деле ими управляет экономический фактор» или, говоря словами Боссюэ, «люди мечутся, а Всевышний руководит ими»^{24*}. Само ожидание победы социализма основано на той же самой идее всемогущей, фаталистической и неизбежной игры экономического фактора, который приведет к разрушению капитализма и победе социализма.

Уже с одной только научной точки зрения эта фаталистическая интерпретация детерминизма была бы совершенно неприемлемой, поскольку детерминизм не имеет ничего общего с фатализмом; научный детерминизм утверждает только то, что на основе теории вероятности возникновение, связь или исчезновение такого-то и такого-то явления вероятно или невероятно с такой-то и такой степенью вероятности – вот и все. Все термины типа «неизбежный», «необходимый» и т. д. к науке и научной концепции детерминизма не относятся⁵⁴.

К этому греху, однако, Маркс и Энгельс добавляют два других: во-первых, эсхатологическую, «историческую» тенденцию к социализму и будущему земному раю, которые гарантированы «неизбежной» игрой человеческих факторов;

⁵³ Например, изменение техники или экономического базиса не является абсолютно необходимым условием для многих изменений в области экономической, социальной, политической и духовной жизни. М. Ковалевский правильно отмечает, что в Англии в период с VI по XVI в. способы ведения сельского хозяйства, а также средства и инструменты производства оставались практически неизменными. Но, несмотря на это, в области экономических отношений, социальных и политических институтов и в сфере духовно-нравственной жизни произошел ряд чрезвычайно важных изменений. С другой стороны, есть много случаев, когда изменения техники или экономического базиса не сопровождаются сколько-нибудь существенными изменениями в идеологии, этике и искусстве. См. *Ковалевский М.* Цит. соч., с. 244 ff. См. также: *Sombart.* Op. cit., S. 315 ff.

⁵⁴ См. *Pareto.* Op. cit., ch. I, II. См. также цитированные работы А. Чупрова, Пирсона, Курно, Маха, А. Рея и др. Современное учение о причине и следствии, переменной и функции, детерминизме и индетерминизме опирается на понятие вероятности и ее коэффициента и выражается на языке теории вероятностей.

и, во-вторых, веру в то, что, как только социалистический рай окажется достигнутым, фатализм перестанет существовать и человечество «совершит скачок из царства необходимости в царство свободы»⁵⁵.

Смесь этих несовместимых компонентов (фатальности, свободы и эсхатологии) делает излишней любую критику марксистской концепции детерминизма. Ее слабость очевидна⁵⁶.

Ф. Наконец, теория классовой борьбы Маркса–Энгельса, теория очень старая, имеет ряд дефектов. Очевидно, неправильно было бы говорить, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», поскольку это означало бы, что не было сотрудничества социальных классов. Это неверно, потому что сотрудничество классов – явление еще более универсальное, чем их антагонизм. И поскольку эти слова надо понимать так, что одна только классовая борьба была движущим фактором, обуславливающим прогресс

⁵⁵ Эту эсхатологическую веру – разновидность многочисленных вариантов веры в миллениум^{25*} – Маркс выражал неоднократно. По этой причине он рассматривает всю историю человечества вплоть до нынешнего дня как «предысторию человеческого общества». «Развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы вместе с тем создают материальные условия для разрешения этого антагонизма» (*A Contribution to the Critique of Political Economy*, p. 12–13). «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (*Communist Manifesto*). «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (*Misère de la philosophie*. Paris, 1847, p. 178). Энгельс, как известно, прямо говорит о «скачке из царства необходимости в царство свободы», после которого люди «впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество»^{26*}. См.: *Engels. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft*. Berlin, 1907, S. 51–53; *Herrn E. Dühring Umwälzung der Wissenschaft*. Stuttgart, 1894, S. 305. См. также: *Labriola*. Op. cit., p. 154 ff., 234, 244. Эта часть марксистской теории, по справедливому замечанию П. Струве, «является не научной теорией эволюции, а явной теорией прогресса, которая предполагает, что эволюция человечества является неизбежным улучшением и ростом положительных ценностей». Герлих, Новгородцев и некоторые другие исследователи резонно определяют эволюционную теорию марксизма как «разновидность веры в миллениум» – своеобразную религиозную ортодоксальность, как несовместимую смесь науки и этики, необходимости и свободы, теории эволюции и прогресса, примитивного материализма и фантастического или утопического идеализма. См. указанные работы Новгородцева, Герлиха и Струве.

⁵⁶ Эта несовместимость еще больше усугубляется внутренней противоречивостью теории Маркса. Согласно этой теории, вплоть до настоящего времени все социальные изменения, или прогресс, происходили по причине классовых антагонизмов и классовой борьбы. Так вот, если они исчезнут в будущем миллениуме, означает ли это, что с наступлением этого миллениума история человечества остановится и начнется застой? Если не означает, то какая движущая сила заступит место классового антагонизма? И если это будет солидарность, то почему она бездействовала в прошлом и каким образом может появиться внезапно наподобие *deus ex machina*^{27*}?

человечества, – это опять-таки неправильно. После ряда исследований, таких как «Взаимная помощь» Кропоткина, не может быть сомнений в том, что прогресс человечества был обусловлен скорее сотрудничеством и солидарностью, чем классовой борьбой, антагонизмом и ненавистью. В этом отношении колкие замечания Тарда представляются справедливыми: «С начала истории классы и армии могли бороться друг с другом бесконечно, и все же это не могло создать ни геометрию, ни механику, ни химию, без которых человеку было бы невозможно подчинить себе природу и добиться успехов в промышленности и военном искусстве. Все это стало возможным только благодаря тому, что среди шума и суеты этой разрушительной борьбы несколько мыслителей и правдоискателей тихо работали в своих лабораториях и занимались исследованиями». Поскольку классовая теория Маркса подразумевает, что существует только антагонизм экономических классов и что он является самым важным, то это опять-таки не соответствует действительности. Было много других видов антагонизма, помимо классового, – борьба расовых, национальных, религиозных и государственных групп. Эти антагонизмы, принципиально отличаясь от антагонизма экономических классов, иногда играли более важную роль, чем эти последние⁵⁷.

Наконец, кроме вышеупомянутых недостатков, концепция социального или экономического класса Маркса–Энгельса расплывчата и внутренне противоречива. В «Манифесте Коммунистической партии» они используют этот термин в самом широком смысле, охватывающем касту, профессиональную группу, сословие или орден, гильдию и политические круги. В других своих работах (в «Нищете философии» и «Капитале») они использовали его в более узком смысле и отличали социальный класс от профессиональной группы, ордена и т. д.

Рукопись третьего тома «Капитала» Маркса заканчивается началом анализа социальных классов, но этот анализ не завершен. Поэтому мы не можем извлечь какой-либо ясной концепции социальных или экономических классов из работ Маркса и Энгельса. Поэтому вся их теория классовой борьбы тоже становится расплывчатой. Некоторые марксисты попытались разработать понятие и классификацию социальных классов (К. Каутский, Оверберг, С. Солнцев, Э. Бернштейн, Г. Кунов и др.)⁵⁸. Это привело к созданию противоречивых и неудовлетворительных определений социального класса. Интерпретации концепции Маркса, представленные различными марксистами, также оказались совершенно разными. Поэтому марксистская теория социального класса, так же как и общие термины «пролетариат», «буржуазия» и т. д., все еще неопределенны.

⁵⁷ См.: *Сорокин П.* Система социологии, т. 2, *passim*; *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории, *passim*.

⁵⁸ См.: *Сорокин П.* Система социологии, т. 2, с. 283–306^{28*}; *Делевский Ю.* Цит. соч., *passim*; *Солнцев С.* Общественные классы. Томск, 1917; *Cunow.* Op. cit., Bd. II, S. 50 ff.

Они – «тайные пароли»^{29*}, точный смысл которых неизвестен⁵⁹. Все эти причины позволяют сказать, что данная часть марксистской теории абсолютно неудовлетворительна⁶⁰.

Г. Возможно, самой ценной частью теории Маркса являются его анализ зависимости нашего сознания от нашей среды и особенно от социально-экономического окружения, и его утверждение, что «объективная социальная реальность» очень часто отражается или мыслится в отдельных умах в неадекватном и искаженном виде. Эту мысль он формулирует следующим образом: «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота (имеется в виду эпоха преобразования производительных сил и производственных отношений) по ее сознанию»^{32*}.

⁵⁹ Вопрос о том, кто такой пролетарий, получил практическую важность при коммунистическом режиме в Советской России. Изучая теоретические дискуссии коммунистических лидеров и их практические попытки отделить пролетариев от непролетариев, приходишь к выводу, что теоретическим концепциям коммунистов свойственны туманность и противоречивость. На практике, однако, пролетарием считался любой, кто поддерживает коммунистов, хотя бы он и был капиталистом или принадлежал бы к привилегированным и богатым кругам. Непролетариями считались все, кто не поддерживает коммунистическое правительство, даже если они были простыми рабочими с заводов. Например, в одной статье из «Петроградской правды» (1919, №. 162) некоторые крестьяне, симпатизирующие коммунистическому правительству, называются «пролетариями», тогда как рабочие Путиловского и Обуховского заводов, которые вызвали недовольство у советского правительства, именуется «буржуями»^{30*}. Это лишний раз доказывает, что у марксистов нет никакой ясной концепции социального класса, и, следовательно, такие лозунги, как «пролетариат» и «диктатура пролетариата», не имеют четкого и определенного смысла.

⁶⁰ Довольно удивительно, что А.В. Смолл счел эту часть теории Маркса особенно ценной. Никак иначе, кроме как «ляпсус», я это его заявление назвать не могу. Как мы уже знаем, классовая борьба была открыта тысячи лет назад. Даже терминологию «Манифеста Коммунистической партии» можно найти в сочинениях римских и греческих авторов, не говоря уже о мыслителях более поздних периодов. Поэтому никак нельзя приписывать Марксу заслугу открытия фактора классовой борьбы. Что касается специфических черт марксистской теории классовой борьбы, то из всего вышесказанного следует, что они не что иное, как заблуждения. Еще одна вещь, о которой здесь следует упомянуть, – это отсутствие общепринятого четкого определения социального класса в современной социологии. Большинство социологов по-прежнему используют этот термин небрежно. Те, кто пытался дать ему определение, представили разные дефиниции. В «Системе социологии» я привожу 32 варианта этих определений^{31*}. Ясно, что подобная анархия не может продолжаться. Пора ее заканчивать. См. анализ и обзор определений и классификаций социальных классов в моей «Системе социологии» (т. 2, с. 283–306). См. также: *Michels R.* Beitrag zur Lehre von den Klassenbildung // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. 1922, Bd. XLIX, S. 561–593; *Mombert P.* Zum Wesen der sozialen Klasse // Erinnerungsgabe für Max Weber. 1923, Bd. II, S. 239–278; *Bauer A.* Les classes sociales. Paris, 1902; *Schmoller G.* Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 1901, Bd. I; *Солнцев С.* Цит. соч.; *Loria A.* Beiträge zur ökonomischen Theorie der sozialen Klassen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1923; *Mombert P.* The Tatsachen der Klassenbildung // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, etc. 1920, S. 93–122; *Fahlbeck P.* Die Klassen und die Gesellschaft. Jena, 1923.

В этом и подобных утверждениях Маркс и Энгельс указывают на то, что наши «речевые реакции» и наши субъективные интерпретации социальных явлений (идеологии) нередко бывают ошибочными, что они отражают действительность неадекватно и что невозможно понять объективную социальную реальность, характер социальных процессов, социальной группы или человека исключительно на основании «речевых реакций» (идеологии) человека, группы или общества⁶¹. Даже реальная функция многих «идеологических явлений», таких как религия и вера, зачастую не совпадает с тем, что говорят о ней сами идеологи. В сущности, это мысль здравая, но, как всегда, Маркс выражает ее со свойственными ему преувеличениями и двусмысленностью, когда, например, заявляет: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»^{33*}. Кроме того, мысль эта совсем не нова. Ее высказывали за много веков до Маркса, и высказывали более ясно, чем он⁶². Поэтому даже эту часть его теории нельзя считать оригинальным открытием.

Общее заключение

Суммируя все сказанное о социологической теории Маркса–Энгельса, можно утверждать: во-первых, что касается ее ключевых элементов, то с чисто научной точки зрения в них нет ничего такого, что не было бы высказано более ранними авторами; во-вторых, то, что в ней действительно оригинально, далеко от научности; в-третьих, единственное достоинство теории – то, что она в чуть более строгом и раздутым виде обобщила идеи, высказанные до Маркса. Однако, как мы видели, общие формулы выражены в неясной и неоднозначной форме, причем они являются результатами не столько какого-ли-

⁶¹ См.: *Sorokin. The Sociology of Revolution*, ch. III–IV; *Sorokin. Social Mobility*, ch. II; *Sorokin. Die Russische Soziologie // Jahrbuch für Soziologie*. Bd. II, S. 473–477; *Pareto. Op. cit.*, vol. I, ch. III и *passim* (его анализ «дериваций»).

⁶² Хорошим примером служит «*Defensor Pacis*» Марсилия Падуанского, в котором мы находим вполне «материалистическую» интерпретацию роли религии и несоответствия между объективной реальностью и искаженным ее отражением в верованиях и идеологиях. Подобные же идеи высказывал и Макиавелли в своих «*Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия*» (кн. I, гл. XI–XVI; кн. II, гл. II). Вполне адекватное выражение этой же мысли можно найти в трудах П. Бейля с его учением о том, что «мнения и идеологии не являются правилами для действий, и люди не следуют за ними в своем поведении. Турки верят в Фатализм и Предопределение, и все же они бегут от опасности так же, как и французы, у которых нет такой веры». См.: *Bayle. Pensées divers... à l'occasion de la comète*, etc. Paris, 1704, p. 266, 272 ff.^{34*} В XVIII – начале XIX в. было много авторов, высказывавших такое же мнение. О непосредственных предшественниках этого аспекта учения Маркса см.: *Salomon G. Op. cit.*, *passim*.

бо индуктивного или фактического исследования, сколько умозрительной и догматической дедукции. Поэтому с чисто научной точки зрения нет никакой причины оценивать Маркса и Энгельса как «дарвинов» или «галилеев» социальных наук. Нет даже никакой причины оценивать их научный вклад как нечто выше среднего. Большое влияние, которое приобрели их труды и имена, обусловлено не научными достоинствами их сочинений, а совсем другими обстоятельствами⁶³. Они хотя и послужили стимулом для нескольких плодотворных научных исследований⁶⁴, но в то же время породили огромное количество ошибочных гипотез и идеологий, а также целую гору литературы, сущность которой состоит только в «теологической» интерпретации «священного писания» Маркса и Энгельса, подобного богословским интерпретациям Корана. Эта литература находится практически вне сферы науки⁶⁵. В общем, Маркс и Энгельс скорее препятствовали прогрессу социальных наук, чем ему способствовали. В настоящий момент, как мы еще увидим, их теория принадлежит прошлому. Что касается частных ее проблем, то здесь ее превосходят и опровергают многочисленные глубокие и фактологические исследования. Теперь только метафизик может заниматься концепциями Маркса–Энгельса. Ученый оставит их в стороне и обратится к индуктивным и фактическим исследованиям связей, существующих между экономической и другими сторонами общественной жизни.

⁶³ Подобное явление – не редкость в истории социальной мысли. С чисто научной точки зрения работы Руссо, Вольтера, многих Отцов Церкви и широко известных авторов далеки от совершенства. Их основные идеи скорее ошибочны с научной точки зрения, и все же это не помешало им обрести большую популярность и влияние в конкретных обществах в определенные периоды. В настоящий момент мы наблюдаем нечто подобное на примере огромной популярности в Германии 1919–1923 гг. книги О. Шпенглера. Это явление интересно и достойно изучения. Популярность и влиятельная роль работ Маркса и Энгельса являются отдельным случаем этого общего явления.

⁶⁴ Многие авторы, среди них даже такие, как профессор Селигмен, воздают марксизму хвалу за работы, которые никоим образом не испытали ни прямого, ни косвенного влияния с его стороны. Например, Селигмен упоминает работы М. Ковалевского, Л.Г. Моргана, Франкотта, Р. Пёльмана, Ницше, Моммзена, Лампрехта и Э. Демолена в разделе, заголовок которого может ввести в заблуждение: «Современные приложения теории» (*Recent Applications of the Theory*) – имеется в виду теория Маркса. Этот заголовок и некоторые утверждения Селигмена могут произвести впечатление, что работы перечисленных авторов были написаны под влиянием теории Маркса или ради ее применения. См. *Seligman. Op. cit.*, ch. VI. Истина заключается в том, что все эти работы были написаны безо всякого влияния теории Маркса (а некоторые из них появились даже раньше трудов Маркса), и марксизм в данном случае не за что хвалить. Это замечание относится ко многим другим подобного же рода казусам, когда марксизму воздают хвалу за то, что не ему принадлежит.

⁶⁵ Печать этого научного бесплодия лежит и на таких современных работах, как «Теория исторического материализма» Н. Бухарина, замечательная только своим невежеством и высокомерными претензиями. И даже на добротной книге профессора Кунова лежит отпечаток духа «теологии».

3. Современные исследования связи между различными экономическими условиями и другими социальными явлениями

Их общие характеристики. Пока марксистские горе-теоретики занимались теологическим толкованием «откровения» своих учителей, пока многие выдающиеся мыслители впустую тратили свое время и энергию, критикуя и обличая заявления Маркса, пока многие спекулятивные умы занимались научно бесплодными размышлениями о том, каково значение той или иной марксистской концепции, каковы отношения между Кантом и Марксом, являются ли его категории логическими или историческими и т. п., пока все это шло своим чередом, очень многие исследователи, до и после Маркса и независимо от его теории, были заняты действительно научными исследованиями связей между различными экономическими факторами и другими социальными явлениями. Если в настоящий момент мы знаем что-то в этой области, то наше знание получено, прежде всего, из таких вот исследований. Почти все эти исследователи рассматривали то или иное экономическое условие не как «главный фактор» или «основную причину», а просто как «переменную». Независимо от «материалистического понимания истории», несмотря ни на какое ранжирование разного рода факторов по степени их важности, безо всякой предвзятости они продолжали искать корреляции, выясняли, насколько они тесны и с какими явлениями связаны. *Первым результатом было обнаружение того, что отношения между различными экономическими и неэкономическими явлениями намного сложнее, чем предполагал Маркс или любой другой автор, разрабатывавший дедуктивную теорию экономического понимания истории. Вторым их общим результатом стал вывод о том, что разные социальные явления так или иначе связаны с различными экономическими условиями, хотя между некоторыми экономическими и неэкономическими явлениями связь довольно тесная, а между другими – почти никакая. Их третий результат состоит в установлении того факта, что почти не бывает случаев, когда связь носит абсолютный характер. Это означает, что практически нет ни одного социального явления неэкономического характера, «природу» которого, колебания, движения и изменения можно было бы объяснить с помощью одного только «экономического фактора». Четвертый результат – выяснение того, что следует не только рассматривать сами экономические явления как факторы, обуславливающие другие явления, но и учитывать, что они тоже испытывают на себе влияние этих других явлений. Их отношения являются не односторонней зависимостью, а взаимозависимостью.* Поэтому мы не можем рассматривать экономические факторы как «причину» и все другие – как «след-

ствия». Только условно или из методологических соображений мы можем принимать «экономический фактор» за «независимую переменную», а все другие явления в качестве «функций». С таким же правом эти другие явления можно взять в качестве «независимых переменных», тогда как экономические факторы – за их «функции».

Таковы вкратце результаты этих исследований. В настоящий момент подобных исследований ведется чрезвычайно много. В этой книге невозможно дать их исчерпывающее описание. Поэтому на нижеследующих страницах я упомяну лишь основные типичные исследования подобного рода. По ним вполне можно составить представление о том, как обстоят дела с этой проблемой в современных социальных науках.

4. Экономические условия и физические и умственные характеристики населения

Многочисленные статистические, антропометрические и экспериментальные исследования показали, что между экономическим положением (уровнем бедности или богатства) и физическими, биологическими и психологическими характеристиками населения одного и того же возраста и пола, живущего в одном и том же обществе, имеется ряд корреляционных связей разной степени. Самыми важными из этих связей являются, вероятно, следующие.

В одном и том же обществе представители бедного класса по сравнению с представителями класса, хорошо обеспеченного, а) меньше ростом; б) меньше весят; в) вероятно, имеют мозг меньшего веса и череп меньшего объема; д) имеют больше физических болезней; е) меньшую продолжительность жизни; ф) более низкий интеллект. Исследования, которые проводили В. де Лапуж, О. Аммон, А. Ничефоро, К. Пирсон, Э. Элдертон, Пальяни, Н. Вяземский, Ватев, Беддо, Ч. Робертс, А. Мюффан, Г. Швининг, Р. Ливи, А. Бине, А. Константэн, Ф.Г. Парсонс, А. Макдональд, Г. Бушан, С.Д. Портеус, В. Пфицнер, Матейка, П. Рикарди, Ж. Бертильон, Виллерме, П. Топинар, Карли, Лонге, Б. Раунтри, К. Рёзе, Ф.А. Вудс, А. Один, Дж. Маккин Кэттелл, Ф. Маас, С. Вишер, Ю. Филиппченко, Л. Термен, Р. Йеркс, А. Гейсслер, Вайсенберг, Талько-Гринцевич, Мануврие, А. Грдличка, Олорис, Анучин, Г.Г. Годдард, Дж. Дафф и Г. Томсон, М. Хаггерти, Дж. Бриджес и Л.Э. Колер, У Мак-Дугалл, Б.А. Гулд, Вачтер, У. Портер, Э.А. Долл, Х. Эллис, И.Б. Гоуин, Б.Т. Болдуин, П. Сорокин и многие другие, сделали эти связи совершенно бесспорными⁶⁶. Однако связь эта

⁶⁶ Ради краткости я не привожу здесь соответствующие данные и ссылки. Они представлены в моей книге «Social Mobility» (ch. X–XII); см. также главу V этой книги.

не носит абсолютный характер, поскольку есть множество наслоений. Это означает, что роль экономических условий ограничена. Ограничение делается еще большим, если мы учтем, что связи между экономическими условиями и вышеуказанными характеристиками, будучи даже весьма ощутимыми, все же не являются абсолютными и что на различия в этих характеристиках влияет не только экономическое положение, но и многие другие факторы. Сам факт корреляции не обязательно означает, что эта разница характеристик у представителей разных экономических классов является прямым результатом «экономических различий». Связи только указывают, что таково фактическое соотношение между экономическим положением этих классов населения и их характеристиками. Связь не может установить, обладают ли бедные классы более низким интеллектом, потому что они бедны и не имеют больших возможностей для тренировки умственных способностей, или же они бедны, потому что обладают низким интеллектом. В краткой формуле она просто описывает реальную ситуацию, вот и все. Чтобы решить указанную дилемму, необходимо предпринять дальнейшие специальные исследования. Они, скорее всего, покажут, что вышеупомянутые различия являются следствиями социальных и экономических условий жизни бедных и хорошо обеспеченных классов, а также врожденных свойств высших и низших классов. Оба фактора необходимы для «объяснения» этих различий⁶⁷.

5. Экономические условия и жизненные процессы

Различия между жизненными процессами у бедных и богатых классов. Из множества связей, обнаруженных между разницей в экономических условиях (измеряемых суммой дохода, количеством занимаемых комнат, уровнем жизни и т. д.) и рождаемостью, смертностью, брачностью и уровнем разводов и их колебаниями, одной из самых важных является, наверное, следующая.

Как правило, в современных западных обществах и в некоторых обществах прошлого у бедных классов уровень смертности и рождаемости выше, чем у хорошо обеспеченных слоев того же самого общества, а также того же пола и возраста^{35}.* Многие переписи населения и исследования, которые проводили вышеупомянутые ученые, а помимо них еще такие, как Кёрёши, Ольдендорф, Эттинген, Э. Левассер, Дж. У. Юл, А. Л. Боули, Н. А. Хамфрис, У. Фарр, Ф. Принцинг, Л. Герш, Х. Вестергард, У. Огл, И. Ваппеус, Дж. К. Данлоп, Т. Г. Стивенсон, Л. Марш, Г. фон Майр, Л. Даблин, К. Джини, Ф. Саворньян, Д. Херон, Р. Мэй, Р. Пирл, У. Уилкоккс, А. Поуис, а также множество других, сделали это предполо-

⁶⁷ См.: Sorokin. Social Mobility, ch. XIII.

жение вполне очевидным⁶⁸. Однако и здесь эти связи, будучи весьма заметными, не абсолютны. Есть много исключений из правила и изрядное наслоение. Это означает, что уровни жизненных процессов зависят от многих факторов, помимо экономических условий. Опять-таки, даже неабсолютные связи нельзя рассматривать как контролируемые исключительно экономическими условиями. Вряд ли подлежит сомнению, что упомянутые различия между классами обусловлены еще и рядом других факторов. Кроме того, существовали общества, в которых таких связей не было, особенно если речь идет об уровне рождаемости. По-видимому, не было более низкой рождаемости у богатых классов по сравнению с бедными во многих прошлых обществах, а в восточных странах (в Индии и Китае) ее не было и до относительно недавнего времени. Это тем более справедливо в отношении обществ, практикующих полигамию, которая в том, что касается продолжения рода, дает некоторые преимущества зажиточным классам. Это опять-таки означает, что связь не носит универсального характера и что динамика этих жизненных процессов контролируется экономическими условиями еще меньше, чем о том свидетельствуют вышеупомянутые неабсолютные связи, обнаруженные в современных западных обществах. Как мы увидим далее, исследование флуктуаций уровней смертности и рождаемости в связи с конъюнктурой рынка дает результаты, скорее обратные вышеупомянутым. Вместо уменьшения в период процветания государства уровень смертности во многих случаях повышался и снижался во время упадка. Несмотря на улучшение экономических условий в западных обществах во второй половине XIX в., уровень рождаемости в них не повысился, как ожидалось, а понизился. Такой неожиданный результат, судя по всему, предполагает, что связь между жизненными процессами и экономическими условиями имеет свои пределы. Выходя за эти пределы, связь или становится неосязаемой, или принимает противоположный характер. Сильное обнищание, переходящее в голодание, несомненно, ведет к увеличению уровня смертности и уменьшению рождаемости. Однако сравнительно незначительное изменение экономических условий может и не повлиять на флуктуацию жизненных процессов, или его последствия могут быть перевешены последствиями других, неэкономических факторов, в результате чего движение жизненных процессов будет отличаться от той динамики, которую определяет крупное изменение экономических условий, или от той, которую можно было бы ожидать на основе имеющихся статистических данных. Это опять же демонстрирует ограниченное влияние экономического фактора в этой области. Наконец, даже вышеупомянутые большие уровни смертности и рождаемости у бедных классов по сравнению с зажиточными

⁶⁸ Данные и ссылки см. в моей книге «Social Mobility» (ch. XI и XV). См. также добротное резюме в: *Mosse M., Tugendreich G. Krankheit und Soziale Lage. München, 1913.*

слоями в их узком смысле не могут рассматриваться как «функция» исключительно экономических условий. Вероятно, они – результат многих других факторов, помимо фактора экономического. С достаточной степенью вероятности можно утверждать, что у бедных классов выше уровень смертности не только потому, что они живут в менее благоприятных экономических условиях, но и потому, что они бедны по причине слабого здоровья и доставшейся им по наследству болезненности. Это значит, что жизненные, экономические и другие социальные явления взаимосвязаны. Следовательно, экономические условия нельзя игнорировать при объяснении жизненных процессов, но в то же время их одних недостаточно, чтобы только ими эти процессы и объяснять, их роль не следует преувеличивать⁶⁹.

Что касается таких критериев, как уровни браков и разводов, то здесь различия между бедными и богатыми классами еще менее определенные и даже в некоторой степени противоречивые. Соотношения, обнаруженные в одних обществах, – например, больший процент разводов в зажиточных классах, чем в бедных, – не были обнаружены в других. В общем, связь между уровнями этих явлений и экономическими условиями, как видно, настолько сложна, что ее можно рассматривать только как локальную и временную. Это означает, что браки и разводы зависят от чисто экономических условий еще в меньшей степени, чем уровни смертности и рождаемости, и что ими, по всей видимости, управляют в большей степени неэкономические условия, которые могут маскировать, изменять или же искажать «влияние» факторов экономических.

Связь флуктуации жизненных процессов с конъюнктурой рынка. Связи между экономическими условиями и уровнями рождаемости, смертности, бра-

⁶⁹ Было много других попыток объяснить более высокий уровень рождаемости бедных классов. Некоторые авторы, такие как Томас Даблдей, пытались объяснить более низкую рождаемость у высших сословий обилием еды и соответствующими изменениями в их организме. См.: *Doubleday T. The True Law of Population. London, 1843, passim и p. 67 ff., 128 ff.* Дарвин, как известно, подверг резкой критике эту гипотезу Даблдея и привел ряд противоречащих ей фактов. Недавно Ф. Карли на основе исследований Пигини и других ученых выдвинул аналогичную гипотезу. «Превысив определенные пределы, увеличение богатства начинает идти вразрез с интересами видов и сдерживает рождаемость» (*Carli. Op. cit., p. 177 ff.; Pighini. La biochimia del cervello. Torino, 1915, p. 100 ff.*). Р. Пирл, в свою очередь, объясняет это различие тем, что бедные классы сексуальнее, чем хорошо обеспеченные и высшие сословия. Его исследование частоты половой активности бедных, богатых и профессиональных групп показало, что у бедных и групп низкой квалификации более высокая частота половых контактов, чем у зажиточных и более интеллектуальных групп. См.: *Pearl R. The Biology of Population Growth, ch. VIII, p. 198 ff.* Вышеупомянутые гипотезы, не говоря уже о некоторых других, показывают, насколько сложна ситуация и как необходимо воздерживаться от выдвижения любых «неограниченных корреляций» в этой области. Кроме того, это опять-таки означает, что данные явления не могут быть обусловлены только одними экономическими факторами.

ков и разводов были обнаружены также в результате исследования изменчивости обоих явлений *во времени* в той же самой или приблизительно в той же самой социальной единице, отличающегося от вышеупомянутых исследований связи между ними в «социальном пространстве» среди разных экономических классов в одно и то же время. Многие исследователи, среди них Э. Дени, Покровский, Эттинген, Левассер, Ж. Лескюр, Г. фон Майр, У. Беверидж, Туган-Барановский, Афталон, Фарр, А.Л. Боули, Бодио, Лонгстафф, Огл, Хукер, Жюгляр, а позднее У. Огборн, Дж.Р. Дэвис, Дж.У. Юл, Л. Марш, Д. Томас и М. Хекстер, изучили влияние деловых циклов (ритма процветания и депрессии) на браки, рождения, смертность и разводы⁷⁰.

А. Что касается уровня брачности, то статистики уже больше полувека назад заметили, что в сельскохозяйственных странах в годы хорошего урожая, которые способствуют процветанию, количество браков увеличивалось, в неурожайные годы – наоборот, уменьшалось. С индустриализацией этих стран урожайность перестала играть исключительно важную роль в экономическом благополучии страны, на ее место пришло промышленное процветание или депрессия. Соответственно, многие авторы пытались доказать, что годы промышленного процветания или оживления, как правило, способствуют увеличению количества браков, тогда как годы депрессии отмечены его уменьшением. Чем больше контраст между периодами депрессии и оживления, тем заметнее флуктуация уровня брачности. Полученные разными авторами данные о связи между разными экономическими условиями и колебаниями уровня брачности, таковы:

⁷⁰ См.: *Oettingen A.* Die Moralstatistik. 1881; *von Mayr G.* Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. II–III; *Levasseur E.* La population française, vol. I–II; *Чупров А., Посников А.* Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. 1–2; *Denis H.* La dépression économique et sociale et l'histoire des prix. Bruxelles, 1895; Les index numbers des phénomènes moraux // *Memoirs de l'Académie Royale de Belgique.* 1911, vol. IV; *Lescure J.* Les crises générales et périodiques de surproduction. 1910; *Туган-Барановский М.* Промышленные кризисы в современной Англии. Их причины и влияние на народную жизнь. 1894; *Aftalion A.* Les crises périodiques de surproduction. 1913; *Farr W.* Vital Statistics. 1885; *Ogle W.* On Marriage Rates and Marriage Ages // *Journal of Royal Statistical Society.* 1890, June; *Beveridge W.* Unemployment. 1912; *Hooker.* Correlation of the Marriage-rate with Trade // *Journal of Royal Statistical Society.* 1901, p. 485–492; *Juglar C.* Y-a-t-il des périodes pour les managers, etc. // *Bulletin de l'Institut International de Statistique.* 1903, vol. XIII; *Yule G.U.* On Changes in the Marriage-Birth-rates in England and Wales during the Past Half-Century // *Journal of Royal Statistical Society,* vol. LXIX; *Davies G.P.* Social Aspects of the Business Cycle // *Quarterly Journal of the University of North Dakota.* 1922, January; *Bowley A.L.* Elements of Statistics. 1907; *Ogburn W.F., Thomas D.S.* The Influence of the Business Cycle on Certain Social Conditions // *Journal American Statistical Society.* 1922, September; *Thomas D.S.* Social Aspects of the Business Cycle. London, 1925; *Hexter M.B.* Social Consequences of Business Cycles. Boston and New York, 1925. В двух последних книгах сделан хороший обзор основных исследований в этой области.

Тип корреляции	Автор	Годы и страна	Коэффициент корреляции
Между уровнем брачности и:			
Экспортом на душу населения	Хукер	Англия, 1861–1895	+0,80 (метод скользящей средней ³⁷)
Импортом на душу населения	Хукер	Англия, 1861–1895	+0,79
Объемом всей торговли на душу населения	Хукер	Англия, 1861–1895	+0,86
Ценой на пшеницу	Хукер	Англия, 1861–1895	+0,38
Индексом Зауэрбека ³⁶	Юл	Англия, 1865–1896	+0,795
Индексом безработицы	Юл	Англия, 1870–1895	–0,873
Индексом безработицы	Марш	Англия, 1870–1895	–0,73
Объемом торговли того же года	Марш	Англия, 1861–1895	+0,78
Оптовым индексом	Дэвис	США, 1887–1906	+0,67
Барометром деловой активности	У. Огборн, Д. Томас	США, 1866–1906	+0,66 и +0,87
Барометром деловой активности	Д. Томас	Англия, 1854–1913	+0,67
		Англия, 1854–1874	+0,64
		Англия, 1875–1895	+0,84
		Англия, 1895–1913	+0,57
Оптовыми ценами	Хекстер	Бостон, США, 1900–1920	+0,489 (брак отстает на 1 месяц)

Эти данные показывают, что между экономическими условиями и количеством браков существует довольно тесная связь. Однако из приведенных статистических данных мы видим, что связь эта не жесткая. Она сильно колеблется от страны к стране и от периода к периоду. Вместе с вышеупомянутым фактом это указывает на то, что динамика брачности в значительной степени определяется экономическими условиями, но не только ими. Разница между идеальным коэффициентом (1) и коэффициентами, полученными в результате исследований, приблизительно равна величине влияния других, неэкономических факторов на динамику и флуктуацию уровня брачности. Если мы примем во внимание еще и «тенденцию» этого уровня, то роль неэкономических факторов, наверное, окажется еще более значительной, потому что все попытки связать тенденции с экономическими условиями не привели к однозначным результатам.

В. Вышеупомянутые исследования, а также некоторые другие показали, что между *флуктуацией экономических условий и уровнем рождаемости* существует заметная связь. С задержкой приблизительно в один или два года уровень рождаемости, как правило, поднимается в периоды экономического процветания и снижается в период депрессии. Коэффициенты корреляции (приведенные в таблице на с. 494) подтверждают это.

Связь между уровнем рождаемости и указанными экономическими условиями	Автор	Страна и период	Коэффициент корреляции
Торговля двумя годами ранее	Юл	Англия, 1850–1896	+0,479
Барометром деловой активности годом ранее	У. Огборн, Д. Томас	США, 1870–1920	+0,33
Барометром деловой активности годом ранее	У. Огборн, Д. Томас	Англия и Уэльс, 1874–1910	+0,15
Барометром деловой активности двумя и тремя годами ранее	Д. Томас	Англия и Уэльс, 1854–1913	+0,29 и +0,30
	Д. Томас	Англия и Уэльс, 1854–1874	«незначителен»
	Д. Томас	Англия и Уэльс, 1875–1894	+0,35, +0,34
	Д. Томас	Англия и Уэльс, 1895–1913	+0,64, +0,42
Оптовые цены месяцем ранее	Хекстер	Бостон, 1900–1920	+0,707, синхронно +0,516
Или когда вопрос с зачатием решен за 11 месяцев	Хекстер	Бостон, 1900–1920	
Занятость с задержкой в 17 месяцев	Хекстер	Бостон, 1900–1920	–0,696, синхронно –0,090
Сезонные синхронные флуктуации уровня рождаемости и безработицы в течение 10 месяцев			–0,474
Сезонные синхронные флуктуации уровня рождаемости и безработицы в течение 2 месяцев			+0,440

Эти данные показывают, что уровень рождаемости, возможно, менее тесно связан с циклами деловой активности, чем количество браков. Коэффициент корреляции здесь ниже, чем коэффициент в динамике браков. Относительно высокие коэффициенты Хекстера связаны с периодами, которые несколько сомнительны, так как мы не знаем, действительно ли «психологически» у людей есть возможность предвидеть или предчувствовать приближающееся улучшение или ухудшение экономических условий. Как бы то ни было, эти данные свидетельствуют о меньшей зависимости уровня рождаемости от экономических условий. За исключением периодов сильного экономического обнищания, переходящего в голод, когда уровень рождаемости значительно падает (чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на данные Индии в течение голодных лет и во время голода 1917–1922 гг. в России^{38*}), обычные нормальные колебания конъюнктуры рын-

ка, по-видимому, влияют незначительно, хотя и заметно, на флуктуацию уровня рождаемости. Принимая во внимание тот факт, что тенденции в динамике уровня рождаемости не были удовлетворительно объяснены экономическими факторами, мы склоняемся к мысли, что в этой области роль экономических факторов еще менее очевидна, чем их роль в динамике семейно-брачных отношений.

С. Относительно *уровня смертности* среди исследователей до великого труда Мальгуса было чуть больше единодушия насчет тесной связи между флуктуациями смертности и экономическими условиями. Сильное экономическое обнищание, переходящее в нищету и голод, безусловно, значительно увеличивает уровень смертности; при этом считалось, что любая экономическая депрессия должна была его пропорционально увеличивать, а любое экономическое улучшение – снижать. Недавние тщательные исследования привели к результатам, которые либо не показывают никакой ощутимой связи между колебаниями экономики и уровнем смертности, либо дают довольно противоречивые результаты. Доктор Юл нашел, что с 1850 г. (в Англии и Уэльсе) «нет никаких доказательств, что уровень смертности всякий раз повышался во времена депрессии. Чтобы в этом удостовериться, достаточно лишь обратиться к статистическим отчетам нескольких прошлых лет. 1921, 1922 и 1923 гг. были рекордно низкими по смертности, несмотря на то, что промышленность была охвачена самой сильной и всеобъемлющей депрессией из всех, какие мы только пережили»⁷¹. Для нескольких штатов Америки в период с 1870 по 1920 г. У. Огборн и Д. Томас установили довольно значительную корреляцию: +0,57; средние значения для девятилетних циклов составляют +0,63; но, вопреки ожиданию, корреляция оказалась положительной. Вместо снижения уровень смертности в период процветания повышался, и наоборот. Доктор Тома, изучавший данные по Англии и Уэльсу 1854–1913 гг., тоже установил, что уровень смертности, отстающий от промышленного цикла на год, связан с ним положительно: +0,30. Для периода с 1854 по 1874 г. коэффициент составил +0,24; для периода 1875–1894 гг. +0,32⁷²; для периода 1895–1913 гг. +0,35⁷³. Совершенно иные результаты получил М.Б. Хекстер. У него корреляция между уровнем смертности и оптовыми цена-

⁷¹ Yule G.U. The Growth of Population and the Factors which Control It // Journal of Royal Statistical Society. 1925, p. 30. См. также его цитированную уже статью: On the Changes in the Marriage, etc.

⁷² Tomas D. Op. cit., p. 69.

⁷³ Ibid., p. 109. Из недавних исследований, которые установили, что экономические и профессиональные условия незначительно влияют на уровень детской смертности и на здоровье детей и что гораздо более важную роль играет наследственность, следует отметить работы Э. Элдертона (Annals of Eugenics, vol. I), установившей, что коэффициент корреляции между младенческой смертностью и всеми факторами окружающей среды составляет 0,03; Д.Н. Патона и Л. Финдли (Medical Research Council, Special Report Series. London, 1926, № 101); М. Гринвуда и Дж. Брауна (Journal of Hygiene, vol. XII). С другой стороны см.: Collins S. Economic Status and Health. 1927; Woodbury R.M. Infant Mortality. 1926.

ми составляет +0,613 (смертность отстает на 17 месяцев); между уровнем смертности и безработицей 0,361 (отставание на 10 месяцев)⁷⁴. Эти данные ближе к предполагаемым и результатам более ранних исследователей.

Вышесказанное дает нам право считать, что в настоящий момент отношение между флуктуацией деловой активности и уровнем смертности намного более сложное и не настолько тесное, как мы привыкли думать. Экономические условия, вероятно, оказывают некоторое влияние на уровень смертности, но оно весьма отдаленное, часто неосоздаемое и иногда подвергается изменениям со стороны факторов неэкономических. Короче говоря, экономические условия совсем не основные факторы в этой области, если только экономическое обнищание не переходит в голодание и лишение хотя бы минимальных средств существования. В таком случае в действие вступают законы Мальтуса.

Д. Связи между колебаниями *экономической конъюнктуры* и уровнем разводов тоже довольно неопределенны и противоречивы. Данные У. Уилкокса, У. Огборна и Д. Томас по США показывают заметную положительную корреляцию +0,70 в период с 1867 по 1906 г. и +0,33 для тринадцати штатов с 1867 по 1920 г. Данные по Англии, изученные Томас, не выявили сколько-нибудь значимой и единообразной связи⁷⁵. Коэффициенты, полученные Хекстером, также оказались очень низкими, самый высокий составляет -0,308 (с задержкой разводов на 24 месяца). Данные результаты, пожалуй, дают нам право считать, что динамика разводов еще меньше зависит от экономических условий, чем динамика рождения, смерти и уровня брачности.

Вышеизложенное приблизительно отражает характер взаимосвязей между экономическими факторами и жизненными процессами, степень их зависимости и методы их современного исследования. Если в целом жизненные процессы и чувствительны к экономическим условиям, то их ни в коем случае нельзя объяснить одним только экономическим фактором, взятым за независимую переменную⁷⁶.

6. Экономические условия, самоубийство, пауперизм и преступность

Самоубийство. Многие исследователи давно уже заметили некоторую связь между экономическими условиями и самоубийствами. И многие из них думали,

⁷⁴ *Hexter.* Op. cit., p. 144–150, 161.

⁷⁵ *Thomas D.* Ibid., p. 67–68, 90–93.

⁷⁶ Между прочим на предыдущих и последующих страницах показано, как далеко научное знание оставило позади метафизические, спекулятивные и словесные марксистские споры о «базисе» и «надстройке», «первичных» и «вторичных» факторах и т. д. Разница между современными и «марксистскими» исследованиями роли экономического фактора не меньшая, чем между средневековой алхимией и современной химией.

что бедность и ухудшение материального положения способствуют росту самоубийств, тогда как экономический рост и богатство – их уменьшению. Более поздние исследования, и среди них особенно работа Дюркгейма, показали, что связь между этими явлениями не настолько тесна и носит более сложный характер. Статистика показывает, что среди бедных классов процент самоубийств, как правило, не выше, чем среди хорошо обеспеченных. Она также показывает, что, несмотря на общее повышение уровня жизни в XIX в., процент самоубийств скорее вырос, чем снизился. Более того, богатые географические регионы одной и той же страны часто дают более высокий уровень самоубийств, чем бедные. Эти и некоторые другие данные указывают на то, что если и есть связь между экономическими условиями и самоубийствами, то довольно косвенная и более сложная⁷⁷. С другой стороны, много раз замечалось, что периоды сильной экономической паники почти неизменно сопровождаются ростом числа самоубийств⁷⁸. Недавние исследования У. Огборна и Дороти Томас, которые изучали связь между уровнем самоубийств и экономической конъюнктурой, дали следующие коэффициенты корреляции: 0,74 – для США и 0,50 – для Англии и Уэльса⁷⁹. С этими противоречивыми данными лучше всего, по-видимому, согласуется теория Дюркгейма, согласно которой бедность и богатство являются факторами, лишь косвенным образом способствующими самоубийству, – в той мере, в какой они усиливают социальную изоляцию (*l'anomie sociale*^{39*}, освобождение человека от социальных правил)⁸⁰. Это снова означает, что в данной области роль экономических условий далеко не решающая. Даже если мы не принимаем теорию Дюркгейма, полученные результаты показывают осязаемое, но не исключительное влияние экономических условий на самоубийство.

Пауперизм. Тесная связь колебаний уровня нищеты с экономическими условиями происходит просто в силу того факта, что она сама является экономическим явлением. Но более интересно то, что, вопреки этому факту, связь не является идеальной. Мисс Хауленд, занимавшаяся помощью бедным в Массачусетсе, и Ф.С. Чапин, изучавший индекс иждивенчества в Миннеаполисе, установили следующие коэффициенты корреляции:

⁷⁷ См.: *Durkheim E. Le suicide, ch. V; von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre, Bd. III, S. 258–406, особенно S. 353–359.* В этих же работах см. литературу и статистические данные.

⁷⁸ См.: *Durkheim.* Op. cit., p. 264 ff.

⁷⁹ *Thomas.* Op. cit., p. 73, 114–116.

⁸⁰ «Si donc les crises industrielles ou financières augmentent les suicides, ce n'est pas parce qu'elles appauvrissent; c'est parce qu'elles sont des crises, c'est-à-dire des perturbations de l'ordre collectif. Toute rupture d'équilibre, alors même qu'il en résulte une plus grande aisance et un rehaussement de la vitalité générale, pousse à la mort volontaire. Toutes les fois que de graves réarrangements se produisent dans le corps social, qu'ils soient dus à un soudain mouvement de croissance ou à un cataclysme inattendu, l'homme se tue plus facilement»^{40*} (*Durkheim. Ibid.*, p. 271; см. всю главу V).

Между количеством получающих пособие по бедности и индексом заработной платы	-0,62.
Между количеством получающих пособие по бедности и предпринимателями, потерпевшими крах.....	+0,44 ⁸¹ .
Между индексом иждивенчества в Миннеаполисе и клиринговым индексом К. Снайдера с шестимесячным отставанием	-0,556 ⁸² .

Исследование доктора Д. Томас в Англии дало коэффициент корреляции $-0,52$ между содержанием бедняков в домах призрения и барометром экономической жизни с однолетней задержкой по пособиям. Для внешних получателей пособий (пособия нуждающимся в их домохозяйствах) коэффициент равен $-0,32$ ⁸³. Это означает, что даже такого рода явление, которое, казалось бы, должно теснейшим образом зависеть от экономических условий, на самом деле находится под влиянием многих других факторов. Что касается явлений бедности и нищеты в целом, то попытка объяснить факт их существования, глубину, характер и социальное распределение одними только экономическими условиями – дело совершенно безнадежное. Эти сложные явления – результат многочисленных разнообразных факторов, как экономических, так и неэкономических. В ряде исследований это установлено более или менее четко⁸⁴.

Преступления. Связь между экономическими условиями и преступлениями, особенно против собственности, известна издавна. Исследования показали, что бедные совершают больше преступлений против собственности, чем представители зажиточных классов, и что в тех регионах страны или районах города, которые населены неимущими, более высок уровень преступности по сравнению с богатыми районами страны или городами. Далее, многие авторы отмечали параллелизм между динамикой преступлений против собственности и ценами на пшеницу или хлеб в сельскохозяйственных странах; другие исследователи – то, что в индустриальных странах периоды депрессии отмечены ростом преступности против собственности, тогда как в периоды процветания она снижается. Так называемое сезонное колебание преступности против соб-

⁸¹ *Howland K.E.* A Statistical Study of Poor Relief in Massachusetts // *Journal of American Statistical Society*. 1922, December.

⁸² *Chapin F.S.* A Dependency Index for Minneapolis // *Publications of the American Sociological Society*, vol. XIX, p. 200–202; *Dependency Indexes for Minneapolis* // *Social Forces*. 1926, May.

⁸³ *Thomas.* *Op. cit.*, ch. VI.

⁸⁴ Литературу, данные и факторы см. в: *Gillin J.* Poverty and Dependency. New York, 1922; *Rowntree B.S.* Poverty. London, 1906; *Parmelee M.* Poverty and Social Progress. 1921; *Lidbetter E.J.* Pauperism and Heredity // *The Eugenic Review*; *Booth Ch.* Life and Labor of the People of London (все тома); *Dexter R.C.* Social Adjustment. New York, 1927.

О связи между экономическими циклами и безработицей см.: *Business Cycles and Unemployment*. New York, 1923 (статьи У.А. Берриджа, У.К. Митчелла, Ф.Р. Маколея, У.И. Кинга, П.Ф. Бриссендена, А.С. Райса)^{41*}.

ственности, когда в холодные зимние месяцы наблюдается всплеск преступности, а в теплые месяцы она идет на спад, как будто указывает на тот же самый экономический фактор. Короче говоря, ряд таких исследований вроде бы подтвердили наличие связи между экономическими условиями и преступлениями, особенно против собственности⁸⁵. Однако, признавая связь, не следует ее преувеличивать. Многие исследователи установили, что не только динамику преступности в целом, но даже и против собственности невозможно объяснить одними только экономическими факторами. Некоторые исследования, и среди них Г. Ришара и мое, показали, что чрезвычайный рост преступности в периоды социальных сдвигов происходит не только в силу чисто экономических причин, но и некоторых других⁸⁶. Во-вторых, не везде и не всегда большая часть преступлений совершается бедными. В-третьих, во многих бедных странах преступность ниже, чем в странах более богатых. В-четвертых, улучшение экономических условий жизни у населения стран Запада во второй половине XIX – начале XX в. не сопровождалось снижением преступности. В-пятых, среди тех, кто совершает преступления против собственности, всегда есть значительное количество зажиточных людей, и, с другой стороны, многие беднейшие слои населения таких преступлений не совершают. В-шестых, установлен факт, что среди причин преступления и мотивов преступника важную роль играют многочисленные неэкономические факторы⁸⁷. В-седьмых, практически все связи между экономическими условиями и преступностью далеко не идеальны или даже не очень заметны. В-восьмых, тщательный математический анализ выявил лишь сравнительно низкий коэффициент корреляции между преступлениями и экономическими условиями⁸⁸. Эти и многие подобные им факты совершенно

⁸⁵ А. Кетле, А. Эттинген, Э. Левассер, Г. фон Майр, Тарновская, Боско, Э. Дени, Л. Моро-Кристоф, А. Корн, М. Гернет, Фойницкий, Чарыхов, А. Мейер, В. Штарке, Туган-Барановский, Ж. Бертильон, Виллерме, Б. Вайс, Г. Мюллер, Форназари ди Верче, А. Лакассань, А. Корн, П. Лафарг, П. Хирш, М. Ивернес, Г. Тард, Э. Ферри, Р. Майо-Смит, Ван Кан, Бонгер – вот лишь некоторые из многих ученых, кто исследовал преступность с рассматриваемой нами точки зрения. Данные и литературу см. в: *von Mayr G. Op. cit., Bd. III; Bongger W.A. Criminality and Economic Conditions. Boston, 1916; van Kahn J. Les causes économiques de la criminalité. Paris, 1903; Gillin J. Criminology and Penology. 1926; Parmelee M. Criminology. 1923;* цитированные работы Левассера и Эттингена; *Гернет М. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914; Чарыхов Х. Учение о факторах преступности: Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910; Жижиленко А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922; Aschaffenburg G. Crime and its Repression. Boston, 1913.*

⁸⁶ См.: *Richard G. Les crises sociales et les conditions de la criminalité // L'année sociologique. 1899; Сорокин П. Преступление и кара, гл. X; Sorokin P. Sociology of Revolution. 1925, ch. IX.*

⁸⁷ См. работы фон Майра, Эттингена, Гиллина, Левассера, Пармели и других. См. также: *Sutherland E. Criminology. 1925.*

⁸⁸ Согласно Дж. Дэвису, ежегодное количество заключенных в государственную тюрьму Нью-Йорка в 1896–1915 гг. при сопоставлении с индексом цен дает коэффициент корреляции $-0,41$; У. Огборн и Д. Томас установили, что коэффициент корреляции между эконо-

не позволяют нам думать, что преступность обусловлена только экономическими условиями. Исключают они и мысль о том, что эти условия являются наиболее важным фактором. Единственный вывод, который можем сделать, заключается в том, что экономические условия в этом отношении играют серьезную роль.

7. Экономические условия и миграция

С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что миграция населения (ее направление, характер и массовость) в значительной степени связана с экономическими явлениями. Ухудшение экономической ситуации в стране эмиграции и ее улучшение в стране иммиграции способствуют росту эмиграции из первой во вторую страну, и *vice versa*^{42*}. Ряд исследований относительно миграции первобытных племен и многих древних народов, статистика эмиграции и иммиграции в течение последних нескольких десятилетий и данные о миграции в разных странах в периоды голода подтверждают это предположение⁸⁹. Подтверждает его и Д. Томас в своем недавнем исследовании. Сопоставив число эмигрантов из Соединенного Королевства в Соединенные Штаты (1870–1913) с экономическими условиями в США, она вывела коэффициент +0,77; сопоставив эмиграцию с экономическим циклом обеих стран она получила коэффициент +0,65⁹⁰. Оба коэффициента достаточно высоки и вполне подтверждают сформулированное выше положение. К подобному же выводу приходит и Г. Джером в своем недавнем исследовании проблемы⁹¹. Другие аналогичные факты показывают, сколь наивны ожидания, что с улучшением экономических условий преступления исчезнут.

⁸⁹ Подробное исследование этого явления представлено в моей книге, уничтоженной советским правительством, «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» (гл. VI); данные см. в: *Philippovicz. Auswanderung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, ed. by Conrad. 3d. ed., Bd. II; *Denis H. Le mouvement de la population // Memoirs of the Belgian Academy of Science*. 1900, vol. LIX; *Туган-Барановский М.* Цит. соч.; *von Waltershausen S. Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, ed. by Conrad. 3d. ed., Bd. III; *von Mayr G.* Op. cit., Bd. II; *Mayo-Smith. Statistics and Sociology*; *Coletti Fr. Dell' emigrazione italiana*. Milano, 1912; ряд статей в журнале «Bulletin de l'Institut international statistique»^{43*}; *Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal Royal Statistical Society*, vol. XLVIII, p. 167–227.

⁹⁰ *Thomas.* Op. cit., p. 151.

⁹¹ *Jerome H. Migration and Business Cycles*. New York: National Bureau of Economic Research, 1926, ch. IV–VIII.

вают, что миграция населения, которая в значительной степени зависит от экономических условий, в то же время зависит и от многих других факторов⁹². Это подтверждает и пример современной Советской России, где вследствие внутреннего запрета на отъезд и противодействия со стороны других стран эмиграции было мало, несмотря на голод. Еще один показательный пример – закон Соединенных Штатов, ограничивающий иммиграцию.

8. Экономические условия, социальная организация и институты

Мы уже знаем, что согласно марксизму и экономической интерпретации истории характер средств и орудий производства определяет социальную, политическую и идеологическую надстройку общества. Многие «исследователи», руководствующиеся этой простейшей теорией, пытались «подтвердить» ее с помощью «фактологических» исследований. Особенно многочисленны исследования в области «экономической интерпретации» социальной организации и институтов у первобытных народов. Некоторые авторы, такие как Ф. Энгельс, Э. Гроссе, Г. Кунов и отчасти Г. де Грееф, пытались показать, что способы производства и системы экономических отношений определяют типы семьи, собственности и политических институтов⁹³. Другие, как, например, А. Лория, К. Каутский и А. Гроппали, пошли еще дальше и пытались установить тесную связь между экономическими факторами и формами и видами политических и юридических институтов, религиозными верованиями, моралью, нравами, идеологией, литературой и искусством. Все эти явления названные авторы трактуют как «всего лишь своеобразное отражение» экономического базиса или как «надстройку» над этим базисом⁹⁴. Все загадки истории человечества в этих работах решаются

⁹² Jerome H. Op. cit., ch. VI.

⁹³ Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentum und des Staates; Grosse E. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. Freiburg, 1896; De Greef G. Introduction à la sociologie. Paris, 1889, vol. II., p. 142 ff.; Cunow H. Die Verwandtschaftsorganisationen der Australneger. Stuttgart, 1894; Zur Urgeschichte der Ehe und Familie. Stuttgart, 1912.

⁹⁴ См.: Loria A. The Economic Foundations of Society. London, 1899; Le leggi organiche della costituzione economica i le forme storiche della costituzione economica. Torino, 1889; La sociologia. 1901; The Economic Synthesis. New York 1914; Groppali A. Lezioni di Sociologia. Torino, 1902; Elementi di Sociologie. Genova, 1905; Kautsky K. Foundations of Christianity. New York, 1925; Cunow H. Ursprung der Religion und des Gottesglaubens. Berlin, 1913; Die Marxsche Geschichts-, Gessel-, und Staatstheorie. Bd. II; Kelles-Krauz C. Influences du facteur économique sur la musique // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1903, p. 305–321; Elentheropoulos A. Wirtschaft und Philosophie. 1900–1901, Bd. I, II. Менее односторонен К. Киндерман в своей книге «Volkswirtschaft und Staat». Упрощенные и примитивные образчики той же самой «интерпретации» представлены в огромном количестве статей, которые пишут марксистские журналисты, и в социалистической и коммунистической пропагандист-

«просто» и даже «слишком просто». Любой социальный процесс, который они изучают, они решают, как простое уравнение с одним неизвестным⁹⁵. Все они утверждают, что существует самая тесная связь между экономическим фактором и другими социальными явлениями, включая науку, философию, религию, литературу, искусства и прочее. «Доказывают» они это положение очень просто – методом умозрения и иллюстрациями. Имея в голове определенное предвзятое мнение, они сознательно или подсознательно берут один или два подходящих примера, особенно из рассказов о первобытных народах, – и желаемая связь доказана, а экономический фактор подтвержден.

«Данные (этнологии, антропологии и истории цивилизации) столь многочисленны и разнообразны, что надо быть отборщиком низшей квалификации, чтобы не суметь – придавая решающее значение случаям, с которыми он согласен, и игнорируя те, которые противоречат его взглядам, – выбрать из них убедительный пример в пользу какого-нибудь общего представления (о человеческой эволюции)»⁹⁶.

Эти слова объясняют сущность «иллюстративного» метода, используемого такими авторами и вообще ранними этнологами, антропологами и историками культуры. Очевидно, что научная ценность такого метода нулевая⁹⁷. Равна нулю

ской литературе. Примером подобной упрощенной «интерпретации» литературы с марксистской точки зрения может служить «Литература и революция» Л. Троцкого (*Literature and Revolution*. New York, 1925). Этот старый европейский метод интерпретации теперь привносится и в Соединенные Штаты как нечто совершенно современное группой журналистов из «*Modern Review*» и других социалистических и коммунистических периодических изданий Америки.

⁹⁵ Вот наиболее яркие примеры таких «интерпретаций»: «Пантеизм Каббалы и странствия души, которые в ней описываются, есть не что иное, как метафизическое выражение стоимости товара и его обмена» (*Lafargue P. Die Geschichte des Sozialismus im Einzeldarstellungen*. Stuttgart, 1895, Bd. II, S. 489); «философия Гартмана обязана своим происхождением тому, что германская буржуазия все более и более теряет свое классовое сознание» (А. Элейтеропулос); «реформация есть не что иное, как восстание германских земель против папской эксплуатации» (Лория, Каутский); «исчезновение в XVIII в. спокойствия и сладости, приданной музыке Палестриной, стоит в причинной связи с развитием капитализма и вызванными им столкновениями классов». Введение в музыку фуги второй Венецианской школой также рассматривается как «музыкальное отражение страстных общественных битв» (Келлес-Крауз). Возникновение портретной живописи объясняется появлением буржуазии, способной оплачивать труд художника. Религия, право, мораль и «общественное мнение» интерпретируются просто как система контроля над низшими классами со стороны высших сословий с целью эксплуатации и предотвращения их восстания (*Loria. Economic Foundations of Society*. 1899, p. 9 ff.). Другие примеры см. в: *Ковалевский М. Современные социологи*, гл. V; *Barth P. Op. cit.*, p. 677 ff.

⁹⁶ *Hobhouse L., Wheeler G.C., Ginsberg M. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples*. London, 1915, p. 1.

⁹⁷ См. критику подобного подхода в: *Somló F. Zur Gründung einer beschreibenden Soziologie*. Berlin, 1909; см. также: *Steinmetz S.R. Classification des types sociaux // L'année sociologique*, vol. III.

и ценность тех результатов, которые получены подобным методом⁹⁸. К счастью для социальных наук, за последние несколько десятилетий это осознали многие исследователи, в результате чего появился ряд работ, которые позволили установить более конкретные отношения между экономическими факторами и другими социальными явлениями. С другой стороны, они предоставили солидное основание, позволяющее установить, в какой степени достоверны претенциозные обобщения «экономических интерпретаторов истории».

Теперь перейдем к рассмотрению основных результатов этих более научных работ и благодаря им узнаем, каковы же связи между экономическими условиями и сложными социальными явлениями того или иного рода.

9. Экономические условия, в том числе технология и производство, и формы социальной организации и политических институтов

Одной из наиболее важных работ в этой области является книга «Материальная культура и социальные институты примитивных народов» (The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples) Л.Т. Хобхауса (1864–[1929]), Дж.К. Уилера и М. Гинсберга, а наряду с ней исследования Дж. Маццареллы, составляющие его труд «Les types sociaux et le droit»⁹⁹. Основная цель первого исследования заключается в том, чтобы определить, существует ли связь между

⁹⁸ В качестве примера возьмем работы Лории. Это лучшие работы в данном виде литературы, по сравнению с другими. Для него все просто. Если имеется свободная земля, то этим объясняется отсутствие разделения на классы, эксплуатации, религии, права и морали. В этом случае мы имеем общество свободных производителей – счастливых, равных и мудро управляемых своим «просвещенным эгоизмом». Если вследствие некоторых чудесных махинаций капиталистов (чудесных, потому что Лория не объясняет, как эти «капиталисты» смогли поработить и закабалить тружеников, как они сумели внедрить в сознание, наряду с моралью, религией, правом и общественным мнением, правила поведения, цель которых только и состоит в том, чтобы помочь эксплуатировать трудящегося человека) им удастся запретить свободный доступ к земле, то тогда появляется классовая дифференциация, эксплуатация и т. д., а с ними право, мораль, религия и общественное мнение. Однако читатель Лории утешен, поскольку он (Лория) гарантирует, что грядет «заклучительная экономическая фаза общества», которая будет свободна от «всех видов узурпации и каких бы то ни было конфликтов», в которой все будет гармонично и прекрасно. Потребовались бы сотни страниц, чтобы перечислить все недостатки «Экономических оснований общества» Лории. Здесь же достаточно отметить, что теория в целом носит спекулятивный характер и имеет очень отдаленное отношение и к научным методам, и к исследованию фактов. См., например, целиком части I и II. Фактологическую критику книги можно найти у Ковалевского (Цит. соч., с. 249–286).

⁹⁹ См. его превосходное многотомное исследование «Studi di etnologia giuridica» (Catania, 1903 и последующие годы). Маццарелла был первым, кому удалось избежать «иллюстративного метода» в этнологии. Он разработал основы более совершенного и надежного стратиграфического метода^{44*} для анализа социальных организаций и причинно-следственных отношений.

экономическими условиями и социальными институтами, и если существует, то какова она. За отправную точку авторы берут «материальную культуру» как «контроль человека над природой, отражающийся в навыках его жизни». Это соответствует марксистскому экономическому фактору; но они, однако, рассматривают его не в качестве «основной причины», а как выбранную из методологических соображений «независимую переменную». Авторы, в отличие от Маркса, говорят, что «материальная культура является точным показателем общего уровня знаний и, если воспользоваться более широким термином, менталитета» (р. 6, 16). Чтобы не пользоваться «иллюстративным методом», авторы тщательно классифицировали все более или менее изученные народы (более четырехсот) согласно их материальной культуре, средствам и орудиям производства и способам добывания продуктов питания. Это дает следующую классификацию народов:

	низшие охотники	
	высшие охотники	
земледельческие народы (низшие)		пастушеские народы (низшие)
земледельческие народы (высшие)		пастушеские народы (высшие)
	аграрные народы (еще более развитые)	

После этого они стали искать связи между этими формами материальной культуры и различными социальными институтами. Они их нашли, произведя тщательное статистическое исследование всех этих народов один за другим и представив результаты в форме количественных таблиц и диаграмм, которые позволяют измерять степень этих связей. Одна из многочисленных таблиц, составленная авторами, дает общее представление о полученных результатах (Ibid., p. 50).

Таблица показывает, во-первых, что одна и та же форма материальной культуры (экономический базис) связана с самыми разными формами правления (см. горизонтальные строки), и *vice versa*, и что одну и ту же форму правления можно обнаружить среди разных экономических культур (см. вертикальные столбцы). Это означает, что нет ни малейшего основания утверждать, что «характер производительных сил и производственных отношений» тесно связан с определенными формами политической «надстройки» или что политические институты являются всего лишь функцией экономического фактора. С другой стороны, таблица также показывает, что некоторые формы правления более распространены среди народов, находящихся на определенной стадии развития материальной культуры, чем среди других народов. Например, количество случаев со слабым или никаким правлением составляет 47% для «низших охотников» и 0% для «земледельческих народов III». Это позволяет предположить, что между «экономикой» и «правлением» есть некоторая связь, но совсем в небольшой степени или не очень тесная. Этот же вывод подтверждается данными, показывающими, что «тенденции» эволюции форм правления, когда мы переходим от низших охотников к земледельческим народам III, весьма причудливы и непостоянны.

Практически к тем же выводам придем, обратившись к другим таблицам, предлагаемым авторами. Вот некоторые из них в сокращенном виде:

Связи между формами материальной культуры и видами правления

Народы	Всего изучено	Наследственное	Личное	Властное	Влиятельное	Властное во время войны	Разные власти во время войны и во время мира	Советательное	Слабое или никакое
Низшие охотники	36	8	6	3	10	0	0	5,5	17
Высшие охотники	75	20,5	17	13,5	32,5	1	2	9	19
Зависимые охотники	8	1	1	4,5	0	0	0	3	1
Земледельческие I	37	7	10	7	13,5	4	5	8	10
Пастушеские I	16	1	4	2	8	0	1	4	2
Земледельческие II	119	34	22	20	34,5	9	4	24	12
Пастушеские II	16	2	5	1	6	0	1	3,5	0
Земледельческие III	96	16,6	14,4	7	23	2	0	19	0
Всего	403	90	79,5	58	127,5	16	13	76	61

Народы	Общий процент	Самоисправление при отсутствии права	Самоисправление с публичным вмешательством	Публичное вмешательство с элементами самоуправления	Публичное право как регулярная система
Низшие охотники	100	40	58	2	0
Высшие охотники	100	62	30	3	5
Зависимые охотники	100	17	11	61	11
Земледельческие I	100	48	21	10	21
Пастушеские I	100	28	32	24	16
Земледельческие II	100	35	18	23	24
Пастушеские II	100	19	19	13	48
Земледельческие III	100	11	17	30	41

Несколько похожи данные о методах наказания (месть, денежное возмещение, компенсация) и формах процедуры (разбирательство, «суд божий», клятва). – (См. таблицы на с. 507–510)

Подобные же картины видим и в отношении целомудрия, общественного контроля над браком и т. д. Таблицы показывают, что нет никакой более или менее значительной и убедительной связи между экономическим фактором и формами брака и семьи, причем показывают это даже более четко, чем таблицы, на которых представлены данные о правлении и праве. Какая-то связь, по-видимому, есть, но она незначительна и почти неосвязаема в отношении многих особенностей институтов семьи и брака.

Материальная культура и война. Из 298 изученных народов только в девяти случаях не было обнаружено «никакой войны». Четыре случая зафиксировано среди низших охотников, два – среди высших и два – среди низших земледельческих. Таким образом, вопреки распространенному мнению «организованная война скорее развивается с прогрессом промышленности и социальной организации вообще» (р. 228). Таблицы показывают, что даже в относительно примитивных обществах, где, как предполагается, власть сугубо экономических потребностей особенно велика, нет никакой тесной связи между способом производства (экономическим базисом) и формами различных социальных и политических институтов. И это несмотря на то, что общества, которые были изучены, относятся к совершенно разным экономическим эпохам. Возможно, некоторая связь имеется, но слабая и неабсолютная.

Материальная культура и формы семьи, родства и брака

Изученные черты	Число случаев, где обнаружены определенные черты семьи и брака у каждого из народов															
	Низшие охотники	Высшие охотники	Зависимые охотники	Земледельческие I	Пастушеские I	Земледельческие II	Пастушеские II	Земледельческие III	Низшие охотники	Высшие охотники	Зависимые охотники	Земледельческие I	Пастушеские I	Земледельческие II	Пастушеские II	Земледельческие III
Наследование Материнское Отцовское	23	24	–	5,5	3	21	1	20	14	12	–	6	6	6	6	24,5
	Процент народов каждого типа, среди которых обнаружена определенная форма брака, от общего количества народов данного типа															
Формы брака Решение за невестой Выкуп Похищение	47 из всех случаев	66	5	61	72	76	88	81	10 из всех случаев	42	38	31	61	53	83	69
	24 из всех случаев	6	0	6	11	2		7,5								

Материальная культура и формы семьи, родства и брака (Продолжение)

		Процент народов каждого типа, среди которых обнаружена определенная форма брака, от общего количества народов данного типа									
		Низшие охотники	Высшие охотники	Зависимые охотники	Земледельческие I	Пастушеские I	Земледельческие II	Пастушеские II	Земледельческие III		
<i>Согласие невесты:</i>	Требуется	29	56	100	78	35	62	14	70		
	Не требуется	70	44	0	22	65	38	86	30		
	В целом	100	100	100	100	100	100	100	100		
<i>Разводы</i>	По согласию	40	59	4	53	5	49	29	44		
	По воле мужа	25	26	—	25	19	14	43	31		
	Обустроенный	25	14	6	17	23	32	29	23		
	По воле жены	—	2	—	—	—	1	—	—		
	Нерасторжимый брак	10	0	—	5	8	5	5	2		
В целом	100	ок. 100		100		ок. 100	ок. 100	ок. 100	100		
<i>Брак</i>	Низшие охотники		Высшие охотники	Зависимые охотники	Земледельческие I	Пастушеские I	Земледельческие II	Пастушеские II	Земледельческие III		
	35	14	18	22	31	36	29	22			
	65	86	82	78	69	67(?)	71	78			
В целом	100	100	100	100	100		100	100			
Положение женщин		Охотники			Пастушеские			Земледельческие			
Хорошее		14		10		19					
Плохое		82		87,2		73					
Посредственное		4		2,5		8					
В целом		100		100,0		100					

По сути дела, к таким же результатам пришел и Маццарелла в результате своих трудоемких исследований форм семьи, брака и духовенства, политических и судебных институтов, а также институтов наследования, наказания и других. После самого тщательного изучения зоны распространения матриархата, его вариаций, флуктуаций и т. д. и еще более кропотливого исследования «нетрадиционной» формы семьи (где жених приходит в семью невесты) он пришел к выводу: «Эти институты не зависят непосредственно от экономических причин,.. потому что их можно обнаружить среди очень многих народов, которые живут в совершенно разных экономических условиях»¹⁰⁰. Если и есть между ними связь, то отдаленная и чрезвычайно неопределенная. Она состоит в «отсутствии рабочей силы, необходимой для использования и сохранения природных экономических ресурсов автономных социальных групп (среди которых обнаружены эти формы семьи и брака), – отсутствии, которое определяется недостаточным количеством взрослых мужчин в группах, [и] в существовании потенциально или реально неограниченных естественных экономических ресурсов, требующих значительного объема труда для их использования и сохранения»¹⁰¹.

Методы обращения с побежденными (по количеству случаев)¹⁰²

Народы	Убийство	Убийство только мужчин	Обращение в рабство женщин и детей	Обращение в рабство всех	Принятие в свой состав	Обмен или освобождение
Низшие охотники	6	3	5,5	1	1	1
Высшие охотники	23	17	10	11	9,5	7,5
Земледельческие I	15	6	1	4,5	12	0
Пастушеские I	0	0	0	2	1	0
Земледельческие II	44	7	8	15	14	7,5
Пастушеские II	1	1	1	1	0	1
Земледельческие III	16	7	6	35	2	1,5

¹⁰⁰ *Mazzarella J.* Les types sociaux et le droit, p. 179–180.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 311 и passim. См. также: *Carr-Saunders A.M.* The Population Problem. Проанализировав некоторые традиции (детоубийство, половое регулирование, аборт, войны и т. д.), автор пришел к выводу, что «нет никакой явной связи между наличием любой из этих традиций и разными экономическими стадиями» (p. 237).

¹⁰² *Ibid.*, p. 232.

Материальная культура и наличие знати и рабства¹⁰³

Народы	Процент народов каждого класса, имеющих рабство, от общего числа народов данного класса	Процент народов каждого класса, имеющих социальные статусы знати, от общего числа народов данного класса
Низшие охотники	2	0
Высшие охотники	32	11
Земледельческие I	33	3
Пастушеские I	37	20
Земледельческие II	46	15
Пастушеские II	71	24
Земледельческие III	7	23

Материальная культура и формы собственности¹⁰⁴

Народы	Процент народов, имеющих определенную форму собственности, от общего числа народов данного класса					
	Общинная	Смешанная	Частная	Собственность вождя	Собственность знати	Итого
Низшие охотники	69	15	15	0	0	ок. 100
Высшие охотники	80	6	5	3	5	ок. 100
Земледельческие I	64	18	18	0	0	100
Пастушеские I	57	0	35	0	9	ок. 100
Земледельческие II	54	21	13	8	4	100
Пастушеские II	62	0	5	33	0	100
Земледельческие III	29	24	10	27	10	100

Зависимость форм семьи (и ряда других социальных институтов) от экономических условий общества ложится на них лишь косвенным образом.

Если реальная ситуация такова, то вполне резонно предположить, что и в более сложном обществе, где социальные силы многочисленнее и их взаимосвязи

¹⁰³ Ibid., p. 236.

¹⁰⁴ Ibid., p. 251.

сложнее, эта зависимость может оказаться не теснее, чем в вышеупомянутых простых обществах. Факты, судя по всему, подтверждают такое предположение. Из соображений краткости я приведу цитаты из Зомбарта, которые совершенно точно отображают ситуацию. Зомбарт убедительно показывает, что, вопреки Марксу, техника (или средства и орудия производства) не оказывает на формы социальной и экономической организации заметного влияния.

«Как показывает история, тесной и необходимой связи между методом производства и определенной экономической системой общества, очевидно, не существует... Нередко бывает так, что лучшая техника, уже имеющаяся в наличии, не используется. С другой стороны, культурная ситуация общества может быть и часто оказывается такой, что уже существующая техника оказывается забытой и перестает применяться, потому ли, что люди становятся слишком ленивыми, или же потому, что они не хотят это делать. Если обладание определенной техникой должно оказывать необходимое влияние на культурный комплекс общества, то каким образом мы можем объяснить распад целой культуры безо всякого изменения в технике производства, которая не устарела и в более поздние времена? Некоторые изобретения, которые мы теперь используем, были сделаны китайцами тысячи лет назад, и все же они не побудили их отказаться от своего трудоемкого способа обработки земли. В таком случае, каким же образом технология определяет все виды культуры?»

Точно так же мы обнаруживаем, что нет никакой тесной связи между характером используемой техники производства и определенной экономической системой социальной организации.

«Известно множество случаев, когда одна и та же экономическая система функционирует на основе самой разной техники производства и когда одна и та же техника применяется в самых разных экономических системах. У нас была и есть капиталистическая система экономической организации на основе техники ручного и машинного труда. Основные формы капиталистической экономической организации... в своих основных чертах остаются неизменными после внедрения совершенно новой современной техники производства, и *vice versa*^{45*}. Трехпольная система сельского хозяйства применялась в экономических системах, где основной рабочей силой были свободные фермеры, а также в таких системах, где работали зависимые крепостные. Столетиями капиталистическая система с одной и той же техникой производства обслуживалась и рабами, и свободными рабочими. Все это было бы невозможно, если бы экономическая организация общества была бы простой функцией производственной техники».

Зависимость неэкономических культурных явлений от техники производства и экономической организации общества является еще менее выраженной, потому что «совершенно разнородные культурные комплексы существовали при одной и той же экономической организации, а похожие комплексы существо-

вали в разных экономических системах. Мы имеем один и тот же капитализм в маленьких и больших государствах, в республиках и абсолютных монархиях, в протестантских и католических странах. В одной и той же капиталистической системе мы имеем совершенно разные формы искусств и «наук», такие как католическая и «беспристрастная» наука, и религиозно-этическое и материалистическое идеологические течения. Также верно и противоположное. Вряд ли кто-нибудь реально сможет доказать, что Платон, Спиноза и Гегель принадлежат трем экономическим системам, что они неразрывно с ними связаны или что они – только функция этих систем»¹⁰⁵.

Эти слова подводят итог тому, что показали приведенные выше таблицы. Это не означает, и Зомбарт так не думает, что нет никакой связи между техникой производства и экономической системой или между ними и неэкономическими социальными явлениями. Это означает лишь то, что связь является отдаленной, менее определенной и более изменчивой, чем полагают «экономические интерпретаторы истории». Не будучи абсолютной, эта связь в отношении некоторых явлений иногда вполне ощутима. А иногда, в отношении других явлений, почти незаметна или ее вообще нет¹⁰⁶. Насколько мне известно, этот вывод подтверждают практически все глубокие и подлинно научные исследования связи между экономическими и сложными социальными явлениями. Нижеследующие параграфы могут служить еще одними показательными примерами.

10. Экономические условия, забастовки, беспорядки и революции

Одно из лучших исследований связи между экономическими факторами и забастовочным движением принадлежит Э.Х. Хансену, который проанализи-

¹⁰⁵ *Sombart. Technik and Kultur*, S. 317 ff.

¹⁰⁶ Не считая технику производства «главным фактором», бесполезно изучать ее влияние на различные социальные явления не вообще и не путем умозрения, а в каждом случае рассматривая связь между определенным техническим объектом и определенным социальным явлением. В качестве примеров подобного рода исследований можно назвать: *Knies K. Die Eisenbahnen und ihre Wirkungen*. 1853; *Sociological Aspects of Automobile Accidents in Omaha*, изданный Университетом Омаха; *Lowie R.H. Primitive Society*, p. 198–201, где автор указывает на изменения, произошедшие среди чукчей, из-за отхода от рыбалки и оленеводства; *Wissler C. The Influence of the Horse in the Development of Plains Culture // American Anthropologist. New Series, vol. XVI, № 1* – с научной точки зрения все эти исследования действительно плодотворны. С указанным выше ограничением разработанная У. Огборном и Ф.С. Чапином в духе экономической интерпретации истории теория также вполне приемлема, поскольку она не претендует на исключительность и не настаивает на существовании тесной связи между материальной и «приемной культурой». Для более глубокого ознакомления с этой теорией см.: *Ogburn W.F. Social Change*. New York, 1923, part IV, p. 265 ff.; *Chapin F.S. A Theory of Synchronous Culture Cycles // Journal of Social Forces*. 1924, May.

ровал количество забастовок и их участников в Соединенных Штатах (и Канаде) в период с 1881 по 1919 г. Сопоставив его с экономическими циклами, он обнаружил, что в период 1881–1897 гг., когда оптовые цены снижались, коэффициент корреляции между ними и числом забастовщиков составлял $-0,338$, а во второй период с 1898 по 1919 г., когда цены росли, он равнялся $+0,494$. «В течение длительных периодов снижающихся цен забастовки находятся в обратно пропорциональной связи с экономическими циклами, тогда как в долгие периоды роста цен они связаны с ними напрямую». Коэффициенты «не вполне убедительны», тем не менее они довольно заметны¹⁰⁷. Это показывает, что даже такие явления, как промышленные забастовки и их флуктуация, нельзя полностью объяснить экономическими условиями.

Почти такие же выводы были сделаны и по результатам исследования, посвященного связи между колебанием экономических условий (процветанием и бедностью, взятыми в качестве независимой переменной) и динамикой восстаний, беспорядков и революций, методологически рассматриваемых в качестве «функций». В течение сравнительно недавнего периода, включая годы, предшествовавшие Русской революции и годы самой революции, удалось собрать более или менее подробные данные. Для прошлой истории разных стран я использовал метод приблизительной исторической корреляции. Он состоит в противопоставлении периодов улучшения и ухудшения экономического положения народных масс Древнего Рима и Древней Греции, средневековой и современной Англии, Франции, Германии, Богемии и России на основе свидетельств современников и периодов, непосредственно предшествующих великим революциям и социальным переворотам, т. е. тех периодов, когда еще сохранялся относительно стабильный социальный порядок. Это исследование привело к следующим основным выводам: во время крупных социальных беспорядков, восстаний, революции, борьбы, независимо от их конкретной формы, участие экономических факторов, по-видимому, не вызывает сомнений. Периоды, непосредственно предшествующие таким переворотам, обычно совпадают с ухудшением экономической ситуации в соответствующем обществе, тогда как периоды общественного порядка – с улучшением экономического положения. Существенную роль играет степень ухудшения и его темп или скорость. С другой стороны, один только этот фактор, пожалуй, недостаточен для начала революции или переворота. Бывали периоды значительного экономического ухудшения (голод), которые не сопровождались революцией. Опять-таки некоторые перевороты случались в периоды относительного процветания. Чтобы переворот или революция могли произойти, необходимо сочетание многих других факторов. В союзе с экономическими факторами они могут произвести революцию, но, противодействуя им, могут

¹⁰⁷ Hansen A. Cycles of Strikes // American Economic Review. 1921, vol. XI, December, p. 616–621.

нивелировать экономические факторы и воспрепятствовать революции. Среди подобных факторов – степень и характер социальной дифференциации, характер политической организации, социального контроля, природы правительства, нравов, привычек и традиций, религии и образования, расовые качества населения, интенсивность социальной мобильности и многие другие неэкономические условия. Это означает, что рассматриваемая нами связь существует, но вовсе не такая уж тесная¹⁰⁸.

Результаты, полученные профессором Н. Кондратьевым в его исследовании длительных флуктуаций экономической конъюнктуры с периодом от 48 до 60 лет, дали аналогичные результаты. Эти длинные экономические циклы в какой-то степени совпадают и с социальными переворотами, хотя связь между ними тоже не является слишком тесной¹⁰⁹.

11. Экономические условия и разного рода политические явления и отношения

Среди ценных исследований в этой области я могу назвать работы Чарльза Бирда, Р. Михельса и некоторых других, которые объяснили проблему взаимосвязи экономических и разных политических явлений. Работа профессора Бирда, основанная на тщательном исследовании большого количества фактических данных, показывает роль, которую играли экономические факторы в формировании конституции Соединенных Штатов. Его основной тезис – «конституция была по существу экономическим документом». Она была создана и принята теми группами американского населения, которые были в ней экономически заинтересованы, а против нее выступали те, чьи интересы были противоположны.

«При ратификации [конституции] стало очевидным, что линия раскола за и против нее проходит между интересами крупных собственников, с одной стороны, и интересами мелких фермеров и должников, с другой.

Движение за конституцию Соединенных Штатов породили и осуществили преимущественно четыре группы личных интересов, которые неблагоприят-

¹⁰⁸ Это исследование составило главы VII и IX моей упоминавшейся выше книги «Голод как фактор», уничтоженной Советским правительством. Я представил краткое его резюме в своей книге «The Sociology of Revolution» (ch. XVII). См. также: *Sorokin. Social Mobility*, ch. XXII.

¹⁰⁹ См.: *Кондратьев Н.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925, т. 1, вып. 1, с. 45 If. Мне кажется, что в его работе есть одно слабое место, когда он говорит, что периоды беспорядков, как правило, приходятся на восходящий период крупных циклов. Даже те данные, которые он приводит, показывают, что беспорядки начинаются в конце нисходящих периодов (длинного цикла или в конце периода депрессии), как утверждает и сам Кондратьев в другом месте.

но отразились на статьях Конфедерации: деньги, общественная безопасность, производство, торговля и мореплавание. Первые решительные шаги по формированию конституции были сделаны малочисленной, но активной группой людей, крайне заинтересованных, благодаря личной собственности, в результатах своего труда. У членов Филадельфийского конвента, составивших проект конституции, была, за редким исключением, личная кровная заинтересованность в скорейшем установлении новой системы, которая давала им экономические преимущества»¹¹⁰.

Автору удалось доказать наличие связи, но в то же время его общее заключение, по-видимому, несколько ее преувеличивает. Чтобы нарисовать более адекватную картину реальной связи, я возьму представленные им две или три таблицы¹¹¹.

Пенсильвания. Число голосов «за» и «против» конституции (по экономическим группам)

Экономический класс	За	Против
Торговцы	4	1
Доктора	3	
Священнослужители	2	
Фермеры	10	13
Капиталисты	12	2
Юристы	8	1

Из 128 человек, которые в Конвенте Коннектикута проголосовали за конституцию, только приблизительно 65 были владельцами ценных бумаг на такую сумму, которая, по словам автора, могла служить экономическим поводом для одобрения конституции. Эти данные показательны для всех штатов. Соглашаясь с тем, что теория автора правильна, видим, однако, что его конкретные цифры нигде не показывают, что связь между экономическими интересами и одобрением или отрицанием конституции носит абсолютный характер. Не все капиталисты голосовали за конституцию, как должны были, если бы связь была абсолютной, а только 12 из 15. Не все фермеры голосовали против конституции, а только 13 из 25. В Коннектикуте только 65 держателей ценных бумаг (экономические интересы) голосовали за конституцию, хотя в общей сложности голосовавших

¹¹⁰ Beard Ch.A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913, p. 324 ff. См. также его книгу «Economic Basis of Politics».

¹¹¹ Ibid., p. 280. См. всю главу X.

было 128. Экономическую мотивацию остальных 63 автор не указывает. Эти отклонения, очевидно, не могут быть объяснены экономическими интересами. И это означает, что если «линия раскола за и против конституции» и была связана с экономическими интересами, то связь эта не такая уж тесная, и во многих местах она проходила, по-видимому, по совсем другим границам, нежели та, что разделяет интересы крупного собственника и интересы мелкого фермера-должника. С другой стороны, ситуации конфликта между интересами фермеров-должников и интересами крупных собственников наблюдались в истории не один раз, и все же они никогда не приводили к созданию конституции, хотя бы отдаленно напоминающей конституцию Соединенных Штатов¹¹². Всех этих причин достаточно, чтобы понять: в данном, равно как и во всех известных случаях, исследуемая нами связь ощутима, но далеко не абсолютна.

Этот вывод подтверждается многими подобными исследованиями связей между политическими отношениями разных социальных групп и их экономическими интересами. Ценные исследования профессора Роберта Михельса по социологии политических партий¹¹³, особенно социалистических, показали, что, хотя они состоят преимущественно из пролетариев, интересы которых должны совпадать со стремлениями этих партий, тем не менее в них всегда было значительным число капиталистов, богачей, представителей дворянства и интеллектуалов, особенно среди их лидеров. С другой стороны, весьма значительное число трудящихся всегда было связано с другими партиями, а не только с социалистическими и «трудовыми». Данный факт подтвердили многие другие исследования и переписи¹¹⁴. Они показывают, что каждая политическая партия состоит из представителей разных экономических классов. С другой стороны, представители одного и того же экономического класса со-

¹¹² В качестве дополнительной причины Ч. Бирд указывает на то, что «большинство членов [Конвента] было адвокатами по профессии», интересы которых совпадали с интересами крупных собственников. Не много было конвентов в истории, среди членов которых адвокаты не составляли бы значительную часть, и все же, несмотря на то, что законы и конституции, принятые ими, были самыми разнообразными, не было среди них ни одной, подобной конституции Соединенных Штатов.

¹¹³ См.: *Michels R. Political Parties*. New York, 1915, passim и p. 79 ff., 264 ff.; *Le prolétariat et la bourgeoisie dans le mouvement socialiste italien*. Paris, 1921.

¹¹⁴ См.: *Ostrogorsky M. La démocratie et les partis politiques*. Paris, 1912. Исследование Р. Бланка показало, что в Германии в 1903 г. около одной трети пролетариата ассоциировало себя с другими, несоциалистическими, партиями, тогда как полмиллиона голосов, отданных за социалистов, принадлежали представителям «буржуазного класса» (*Blank R. Die soziale Zusammensetzung der socialdemokratischen Wählerschaft Deutschland // Archiv für Sozialwissenschaft*. 1905, Heft III). Перепись 1913 г. Германии показала, что из 5 391 000 рабочих, объединенных в профсоюзы, лишь 2 573 000 были членами социалистических партий, тогда как оставшаяся часть состояла в других партиях. См.: *Лурье М. Состав пролетариата*. 1918, с. 10; другие данные и литературу см. в моей «Системе социологии» (т. 2, с. 198–220^{46*} и passim).

стоят в разных партиях. Кроме того, количество голосов за разные политические партии в стране значительно колеблется и в течение очень коротких периодов времени – во Франции с 1870 по 1911 г. в среднем в течение 9 месяцев, в Англии в 1846–1924 гг. в течение 2 лет и 9 месяцев. Победа обычно переходила от одной партии к другой¹¹⁵. Это означает, что за этот короткий период политические взгляды большей части населения изменились, причем изменились значительно. Очевидно, что состав экономических классов населения не может заметно измениться за такой короткий период. Поэтому мы должны сделать вывод, что эти колебания политических предпочтений населения нельзя объяснить изменениями в классовом составе населения, что эти два процесса не совпадают друг с другом, происходят непараллельно и по большей части друг от друга независимо¹¹⁶. Такие расхождения между предполагаемой линией разграничения экономических интересов и линией, определяющей принадлежность к политической партии и отношение к ней, опять же указывают на слабость предполагаемого соотношения. Одними только экономическими интересами невозможно объяснить распределение политических позиций среди населения и их изменение¹¹⁷.

Еще более ясно то же самое явление показывает исследование политической мысли разных социальных классов, которое провели У. Огборн и Д. Петерсон. Они изучили, как и почему распределились голоса, поданные в Орегоне представителями пяти разных социально-экономических классов – сельскими жителями, горожанами, высшим сословием, средним классом и трудящимися – по 103 различным политическим вопросам. Голоса всех классов были разделены на группы «за» и «против» каждого из этих вопросов, и был подсчитан соответствующий процент «плюсов» и «минусов» в каждом классе напротив каждой предлагаемой меры. Результаты сведены в таблицу I^{47*}. Нет ни единого случая, когда бы весь класс высказался за или против поставленной на голосование меры, предназначенной для решения хотя бы одной из 103 политических проблем. В каждом случае часть представителей одного и того же класса голосовала против меры, а другая – за. В результате члены одного и того же класса голосуют по-разному, а части членов разных классов – одинаково. Это видно из следующих нескольких цифр, извлеченных из большой таблицы:

¹¹⁵ Факты и данные см. в: *Sorokin P. Social Mobility*, ch. XVI. См. также: *Taylor C.C. Rural Sociology*. 1926, p. 447.

¹¹⁶ См. мою «Систему социологии» (т. 2, с. 205–211).

¹¹⁷ Утверждение Каутского о том, что «трем крупным классам современного общества соответствуют три большие политические партии – либеральная (класс капиталистов), консервативная (класс землевладельцев) и социалистическая (рабочий класс)», как и все подобного рода утверждения, есть не что иное, как ошибочное упрощение реальной ситуации. На самом деле связь носит гораздо менее однозначный и тесный характер.

Наименование меры	Процент голосов в пользу меры в каждом конкретном классе				
	Сельский	Городской	Высший	Средний	Трудящийся
Предоставление женщинам права голоса	46	32	21	43	29
Гос. строительство железных дорог	39	44	33	38	52
8-часовой рабочий день муниципальных служащих	53	67	49	61	80
Пропорциональное представительство	21	25	15	16	25
Запрет на продажу спиртных напитков	61	50	46	65	31
Отмена смертной казни	47	51	41	47	53

Очевидно, что имеется некоторая связь между социально-экономической позицией людей и их политическими взглядами, но она незначительна¹¹⁸.

Аналогичны результаты исследования С.А. Райса, изучавшего, как распределяются голоса фермеров, трудящихся и их представителей при решении политических вопросов в нескольких штатах Америки. Они тоже показывают, что «согласие» среди голосов одного и того же класса хотя и несколько выше случайного, но далеко от единодушия и стабильности¹¹⁹.

Аналогичные выводы следуют и из ряда других исследований. В качестве примера могу привести исследование У.Г. Самнера и мое собственное, посвященные факторам *расширения и сужения правительственного вмешательства в регулирование экономических и других социальных отношений населения*. Объем правительственного вмешательства не является постоянным: он колеблется от общества к обществу и от периода к периоду в пределах одного и того же общества. Каковы факторы этой флуктуации? Мое исследование привело меня к выводу, что они многочисленны. Среди них особенно важная роль принадлежит милитаризму, на что указывали Г. Спенсер и У.Г. Самнер, и экономическому фактору, т. е. улучшению или ухудшению материального положения значительной части населения. При определенных условиях обнищание облегчает расширение правительственного вмешательства, тогда как процветание действует

¹¹⁸ *Ogburn W., Peterson D. Political Thought of Social Classes // Political Science Quarterly. 1916, p. 307 ff.*

¹¹⁹ См.: *Rice S.A. Farmers and Workers in American Politics. New York, 1924, ch. V–VI.* Результаты исследований К. Тейлора и К. Циммермана аналогичны.

в противоположном направлении. Таким образом, связь имеется, но опять-таки ей очень далеко до абсолютной¹²⁰.

Все эти факты и соображения заставляют сделать вывод, что экономические условия нельзя сбрасывать со счетов при объяснении разных политических явлений и политических позиций населения. Их влияние ощутимо в большинстве случаев, но, с другой стороны, их совершенно недостаточно для полного понимания подобных явлений. Если ненаучно отрицать наличие связей между рассматриваемыми явлениями, то не менее ненаучно эту связь и преувеличивать, как это делается в односторонней экономической интерпретации истории Маркса. Изучение фактов и индуктивные исследования не подтверждают подобных спекуляций.

12. Экономические условия и идеологии, религия и искусство

Несмотря на обширность литературы, состоящей из трудов разных исследователей, особенно марксистов, и посвященной установлению связи между экономическими факторами и характером и флуктуацией идеологий, верований и явлений искусства и литературы, в научном отношении она большой ценности не представляет. Спекулятивный характер работ, предвзятые мнения авторов, насыщенность этих исследований дешевым пропагандистским духом, отсутствие научных методов изучения, сложный и тонкий характер изучаемых явлений – эти и многие другие подобные причины делают их ценность сомнительной¹²¹.

¹²⁰ Это исследование *in extenso* было представлено в главе XII моей книги «Голод как фактор». В сильно сокращенном виде ее фрагменты были опубликованы в моей статье «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (*Экономист*. 1922, № 2) и в моей же статье «*Impoverishment and the Expansion of Governmental Control*» (*American Journal of Sociology*. 1926, Septemder). Ср.: *Sumner W.G. State Interference // War and Other Essays*.

¹²¹ Научная техника экспериментального и количественного исследования «речевых реакций» и идеологических явлений и их связей с разного рода факторами начала развиваться лишь недавно. В качестве примеров подобных исследований могу назвать следующие: уже цитированные работы Орборна, Петерсона и Райса; *Allport F., Hartman D.A. Technique for the Measurement and Analysis of Public Opinion // Proceedings American Sociological Society*. 1926, vol. XXXII; *Allport F. The Influence of the Group upon Association and Thought // Journal Experimental Psychology*. 1920, vol. III, p. 159–182; *Gates G.S. The Effect of an Audience upon Performance // Journal of Abnormal Psychology*. 1924, vol. XVIII, p. 334–345; *Root W.T. The Psychology of Radicalism // Ibid.*, 1925, vol. XIX, p. 341–356; *Moore H.T. Innate Factors in Radicalism and Conservatism // Ibid.*, 1925, vol. XX, p. 234–244; *Lundberg G. The Newspaper and Public Opinion // Social Forces*. 1926, June, p. 709–715; *Paterson D.G., Langlie T.A. The Influence of Sex on Scholarship Ratings // Educational Administration and Supervision*. 1926, September; *Sorokin P. Experimental Studies of the Effects of Equal and Inequal Remuneration and Pure Competition on the Efficiency of Work, etc. // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie, Bd. V*.

Из более серьезных попыток я упомяну здесь ряд гипотез, которые *пытаются связать количество, динамику и характер изобретений с различными фазами колебаний экономической конъюнктуры*. Такова, например, теория Кондратьева, которая утверждает, что в конце нисходящего периода длинного цикла конъюнктуры количество изобретений увеличивается в несколько большей пропорции, чем в период восходящего движения такого цикла¹²². Несколько похожа теория, которую кратко излагают В. Парето, отчасти У. Огборн и некоторые другие ученые¹²³. Они утверждают, что между этими явлениями имеется некоторая (несильная) связь. Гипотеза похожа на правду, но по причине некоторой небрежности соответствующих исследований она все-таки нуждается в проверке. Были попытки связать экономические условия не только с *общей тенденцией*, господствующей в сфере изобретений и идеологий (научных, философских, религиозных, литературных, эстетических, моральных и т. д.), но даже с *их частностями*. Эти гипотезы заявляют, что «такая-то и такая-то экономическая ситуация в достаточной степени объясняет, как в такой-то и такой-то период в таком-то и таком-то обществе должны были появиться христианство, философия Канта или «Макбет», и если бы экономические условия были известны, то их появление можно было бы точно предсказать». Эти и подобные им дерзкие попытки нужно рассматривать как необоснованные и ошибочные. Я не знаю ни одной теории подобного типа, которая хотя бы косвенным образом преуспела в этом деле¹²⁴.

¹²² См.: Кондратьев Н. Цит. соч., с. 47 ff.

¹²³ Ogburn W. Social Change. 1924; Pareto. Traite de sociologie generale, p. 1655 ff.

¹²⁴ Изобретение или создание той или иной идеологической ценности является функцией такого множества различных «переменных» и такой сложной комбинации, что никакой математик не может их расшифровать или решить такое «уравнение» и вывести формулы связи. По этой причине появление каждой такой ценности мы должны рассматривать как нечто, что обязано своим появлением «просто счастливому случаю». Невозможно ни предвидеть, ни предсказать, где и когда каждая ценность будет изобретена или создана. Авторы, которые уверенно заявляют, «что такое-то и такое-то изобретение, религия, идеология или теория должны были появиться в определенное время, и это можно было предсказать», фактически говорят следующее: «Христианство появилось в Риме в I в. до н. э., поэтому его и следовало там ожидать и именно в то время». Попросите их предсказать, какая идеологическая ценность появится через три года, и я, опираясь на некоторые опыты, произведенные мною в Санкт-Петербургском университете, без колебаний предскажу, что их пророчество потерпит крах. Нельзя предсказать не только такие капризные явления, как зарождение той или иной идеологической ценности в определенном обществе и в определенный период, но, к сожалению, мы не можем предсказывать со 100-процентной уверенностью и гораздо более регулярные и простые социальные события. Как показало мое исследование бюджетов времени нескольких сотен студентов Петербургского университета, которое я проводил в течение нескольких месяцев, мы не можем предсказать даже наше собственное завтрашнее поведение, еще менее предсказуемы наше завтрашнее «настроение», завтрашний «ход мыслей» и «что взбредет на ум», какие «фантазии», а еще меньше можем мы все это предсказать, если речь идет о каком-то другом, тем более незнакомом нам человеке. Этого достаточно, чтобы показать вздорность заявлений вышеупомянутых пророков-всезнаек.

Более серьезны и успешны гипотезы, которые пытаются *флуктуации популярности (заразительности или распространенности) той или иной идеологической ценности среди определенных социальных групп связать с определенными экономическими условиями*. Образцами их могут служить вышеупомянутые теории Чарльза Бирда, Р. Михельса и других исследователей. Дальнейшими примерами являются интерпретация Каутским происхождения христианства¹²⁵, теория Г. Исамбера о факторах колебания популярности социалистических идеологий и мое собственное исследование этой же проблемы. При такой постановке вопроса, т. е. если речь идет о тех или иных (но не всех) идеологиях, искомая связь становится ощутимой. Примерами могут служить следующие утверждения. Они касаются связи между коммунистическими и социалистическими идеологиями и характером экономических групп, среди которых они пользуются или не пользуются успехом, а также колебаний их популярности и заразительности в тех или иных экономических условиях. Понимая под коммунистическо-социалистической идеологией идеологию, которая требует действий, направленных на отъем, экспроприацию, перераспределение, выравнивание и «социализацию» собственности зажиточных классов, независимо от того, требуется ли это от имени Христа или Маркса, справедливости или прогресса, и поощряет их, можно сформулировать следующее предположения:

1. «При прочих равных условиях коммунистическо-социалистическая идеология должна иметь успех у групп бедняков и легко прививаться к ним и не может иметь успеха у богато-сытых и легко прививаться к ним. Последние должны быть иммунитетны по отношению к ней, первые, наоборот, – легко подвержены ее “заразе”».

2. «При прочих равных условиях усиление имущественной дифференциации общества или обнищание его населения, а особенно одновременное усиление дифференциации и обнищание масс способствует резкому росту успеха подобной идеологии в обществе. Чем сильнее дифференциация, тем интенсивнее будут развиваться эти процессы».

3. «Уменьшение имущественной дифференциации, или улучшение материального положения масс, или оба эти явления, случающиеся одновременно, ведут к ослаблению популярности и заразительности коммунистическо-социалистической идеологии».

¹²⁵ См.: *Kautsky K. Foundations of Christianity; Isambert G. Les idées socialistes en France de 1815 à 1848. Paris, 1905; Сорокин П. Голод и идеология общества // Экономист. 1922, № 5. Исследование Каутского, однако, грешит односторонним преувеличением указанной связи и сильным упрощением реальности. Теория Исамбера ошибочна, потому что она пытается связать с экономическими условиями не только распространение и колебания популярности идеологии, но также и момент ее создания. Факт создания – это функция великого множества переменных, и по этой причине его вряд ли можно объяснить экономическими условиями.*

4. «Когда степень дифференциации растет, но соответственно улучшается и экономическое положение масс или, наоборот, уровень материального положения масс снижается, но соответственно уменьшается и степень имущественной дифференциации, оба эти процесса нейтрализуют друг друга и кривая роста или падения коммунистически-социалистических идеологий может остаться неизменной»¹²⁶.

Ряд исторических и статистических данных показывает, что эти предположения, скорее всего, соответствуют действительности. Они, однако, делают оговорку – «*при прочих равных условиях*», подчеркивая тем самым, что, когда эти прочие условия не равны, они могут замаскировать, устранить и исказить эту связь, придав колебанию популярности и заразительности коммунистически-социалистической идеологии среди бедных и богатых характер, отличающийся от вышеописанного. Это означает, что связь несовершенна и что флуктуация и заразительность подобной идеологии зависят не только от экономического фактора, но и от многих других.

Такая несовершенная связь, вероятно, существует у многих идеологических явлений, но едва ли у всех, причем там, где она ощутима, она никогда не бывает идеальной. Приятие или неприятие ряда идеологических ценностей, таких как истины математики и естественных наук, физики, химии и т. д., по-видимому, не обнаруживает никакой ощутимой связи с материальным положением бедняков и богачей. Правила арифметики принимаются обеими группами одинаково, и они остаются достоверными как в период обнищания, так и в период процветания. То же самое можно сказать о многих других научных истинах. Если иногда какие-то из них одни группы населения отвергают, а другие, наоборот, одобряют, то факторы, ответственные за подобные явления, обычно значительно отличаются от экономических. Это происходит, вероятно, потому, что, помимо научных ценностей подобного рода, есть и другие идеологические ценности (произведения искусства, музыки, литературы, явления моды и т. д.), которые в своей заразительности и флуктуации успеха тоже «нейтральны» по отношению к экономическим факторам. Но даже те идеологические ценности, которые могут не быть «нейтральными», нечасто обнаруживают хотя бы малейшую связь с экономическими условиями; если же она и существует, то очень слаба, как в случае со всеми великими религиями. Среди христиан, буддистов и конфуцианцев есть и бедные, и богатые. Эти религии существовали и в периоды обнищания, и в периоды процветания; при системе кустарного производства, равно как и при мануфактурной промышленности; при рабстве и крепостничестве, а также в системе свободной капиталистической экономики. То же самое справедливо и в отношении очень многих других идеологических систем и ценностей

¹²⁶ Сорокин П. Голод и идеология общества // Экономист. 1922, № 5, с. 6^{48*}. Там же см. и доказательства данных гипотез.

(моральных, литературных, музыкальных, эстетических и т. д.). С другой стороны, представители одного и того же экономического класса, живущие в одной экономической системе и даже в одной стране, обычно придерживаются разных, отличающихся друг от друга идеологий. Они нередко исповедуют разные религии, придерживаются разной философии жизни, имеют разные эстетические вкусы и моральные убеждения. Они любят разную литературу, картины и музыку и принадлежат к разным партиям и организациям. Эти очевидные факты означают, что даже если и есть связь этих явлений с экономическими условиями, то она часто неосвязаема или очень слаба¹²⁷.

Задача, которая теперь стоит перед социологами в этой области, состоит в том, чтобы оставить споры об общем влиянии экономических факторов на идеологии и приступить к тщательному изучению тех сфер идеологии, в которых влияние того или иного экономического фактора существует, установить степень этого влияния, найти области, где это влияние неощутимо. Когда подобных исследований будет произведено много, мы получим ряд более точных корреляций, которые обеспечат лучшее понимание проблемы. Иначе мы обречены и дальше изучать эти неопределенные и сомнительные обобщения, которые, может быть, соответствуют истине, а может быть, и нет.

13. Экономические условия и упадок или прогресс общества

Есть несколько теорий, которые пытаются связать расцвет и упадок нации с разными исключительно экономическими факторами или с их преимущественным влиянием. Поскольку само понятие упадка и подъема нации в этих теориях неопределенно, то трудно их доказать или опровергнуть. Они ускользают из рук, как античный Протей. Такие теории, пока их авторы не позаботятся сформулировать более четко, что они подразумевают под терминами «распад» и «расцвет», можно рассмотреть очень кратко, как нечто еще не достигшее зрелости научной гипотезы. Этим и объясняется, почему мой обзор экономических теорий упадка будет краток.

С древних времен известно учение, согласно которому экономическое процветание ведет к коррупции, деморализации, изнеженности и, наконец, к распаду

¹²⁷ См.: *Sombart*. Op. cit., pp. 323 ff. М. Вебер также говорит: «Ausserlich anliche ökonomische Organisationsformen mit verschieden Wirtschaftsethik vereinbar sind und je nach deren Eigenart dann sehr verschiedene historische Wirkungen zeitigen. Eine Wirtschaftsethik ist keine einfache "Funktion" wirtschaftlicher Organisationsformen» (*Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. II, S. 238)^{49*}. «Феномены культуры не есть ни результат (Ausfluss), ни простая функция экономических явлений, как утверждает материалистическое понимание истории» (*Weber M. Wirtschaftsgeschichte*, S. 16).

(Диодор, Квинт Метелл, Полибий, Сенека, Макиавелли и другие). С незапамятных времен нам твердят и о том, что обнищание и бедность порождают преступления, болезни, недовольство, мятеж, анархию и распад. С вариациями эти учения повторялись много раз и повторяются в наше время. Очевидно, что как универсальное объяснение оба учения ошибочны. Мы знаем некоторые «упадки», которые происходили в период обнищания, – Западная Римская империя, например. Та же самая Римская империя, однако, в ее более ранней истории пережила несколько периодов обнищания и не распалась. Большинство существующих наций и империй, особенно Китай, знало несколько периодов сильного обнищания и не распалось. Этого несложного сопоставления достаточно, чтобы показать ошибочность теории распада в результате обнищания. С некоторыми изменениями то же самое можно сказать и о теории распада по причине процветания и экономической роскоши.

Теперь рассмотрим некоторые более сложные теории, пытающиеся объяснить явления распада влиянием экономических факторов. В качестве примера я возьму теории Брукса Адамса, В. Симховича и отчасти Р.А. Фримена. Теории Брукса Адамса представлены в его книгах «The Law of Civilization Decay» и «The New Empire». Вообще говоря, Б. Адамс представил не одну, а ряд различных и в чем-то противоречащих друг другу теорий. В одном месте он говорит, что «преобладающим» фактором является географический¹²⁸, в другом – расовый, а в третьем – экономический или «перераспределение космической энергии»¹²⁹. Тем не менее наиболее разработанную часть его теории упадка можно рассматривать как «экономическую интерпретацию распада». Суть ее в следующем:

«В неизбежной борьбе за жизнь люди стремились хорошо оснастить себя для сражения, а с конца каменного века никакая нация не была в состоянии сделать это, не имея относительно дешевого металла. Таким образом, на направление передвижения влияло нахождение залежей руды».

Это определило места рынков. Рынки с подвластной им территорией привели к организации государств и империй. Таким образом, процветание нации зависит от рынков и подъездных путей к ним. «Когда меняются торговые пути, передвигаются рынки, перемещаются империи». Когда от нации уходят главные рынки, это, сопровождаясь войнами, революциями и другими переворотами, приводит ее к распаду и к господству новой нации, которая теперь становится центром торговли и богатства¹³⁰. Такова сущность теории. В дальнейшем она осложняется «суб-теорией». Хорошо обеспеченные нации, согласно Адамсу, не тратят всю свою энергию в ежедневной борьбе за жизнь и накапливают излишки

¹²⁸ См.: *Adams B. The New Empire*. New York, 1902, p. iii.

¹²⁹ См.: *Adams B. The Law of Civilization and Decay*. New York, 1897, preface.

¹³⁰ См.: *The New Empire*, p. 193–211, где Адамс лучше подытоживает свою теорию, чем в книге «The Law of Civilization».

в форме богатства. В результате завоевания и экономической конкуренции это богатство переходит от общества к обществу. В результате в некоторых сообществах избыточная энергия (богатство) «накапливается в таком количестве, что перевешивает энергию продуктивности». Тогда богатство начинает контролировать социальную силу. Это проявляется в виде перехода социального господства священников и военных к господству торговцев; военные и интеллектуалы перестают воспроизводить себя, и главными фигурами становятся «ростовщик» и «селянин». Распад общества, достигнувшего такой точки, рано или поздно становится неизбежным¹³¹.

Понадобилось бы много страниц, чтобы перечислить исторические огрехи автора¹³². Еще больше страниц нужно было бы, чтобы показать, что даже если допустить достоверность его теории, она не объясняет сотни самых важных фактов, имеющих отношение к явлениям распада и к переходу социального доминирования от страны к стране. Впрочем, не стоит этого делать. Чтобы показать неадекватность теории, достаточно спросить, какими причинами обусловлены смена торговых путей, рынков и перемещение империи? Теория Б. Адамса на это вопрос не дает ответа. Затем мы можем спросить: в силу каких причин одни расы в состоянии сохранить свою избыточную энергию в форме благосостояния, тогда как другие не могут этого сделать? Какие факторы ответственны за то, что некоторые нации путем военного завоевания и конкуренции могут посягать на богатства других народов и изменять торговые пути и размещение рынков, благодаря чему изменяется и местонахождение могущественных империй? Б. Адамс принимает это как данность. Он даже не пытается проанализировать проблему. Тем не менее, если возможно, как заявляет он, переместить благосостояние и торговые маршруты благодаря превосходству, проницательности или военной доблести расы, то это фактически означает, что раса и ее наследственные и приобретенные черты определяют торговые пути, месторасположение рынков и перемещение благосостояния. Другими словами, это – расовый фактор, именно он является доминирующим, а не торговые пути и рынки. Это означает далее, что для распада нации ни торговые пути, ни направления перемещения благосостояния не являются решающими (они, согласно автору, могут быть изменены способной расой), а является таковым фактор расы, ее выучка, ее военное снаряжение, природные ресурсы и т. д. Короче говоря, теория оборачивается против себя самой. Более того, нет нужды напоминать о том, что за тысячелетия существования торговых путей в Китае и Индию они много раз менялись, и все же эти страны до сих пор существуют

¹³¹ См.: *The Law of Civilization and Decay*, preface и passim.

¹³² Часть из них указана в: *Roosevelt T. Administration. Civil Service*. New York, 1900, essay VIII; см. также: *Ковалевский М.* Цит. соч., с. 299–302.

и не распались. Этого достаточно, чтобы показать ошибочность теории. В ней есть доля истины, но только доля¹³³.

Теперь обратимся к интересной теории распада, сформулированной несколькими немецкими авторами, которую еще раз повторил профессор В. Симхович в своей теории падения Рима¹³⁴.

Собственно говоря, это не совсем теория экономической интерпретации упадка. Это скорее «экономико-географическая» теория, потому что фактор упадка у Симховича – это истощение почвы, результат физико-химически-космических сил, с одной стороны, и, с другой, экономическая эксплуатация почвы. Сущность теории проста и ясна. Она утверждает, что ни коррупция, ни латифундии, ни войны, ни расовое истощение, ни какие-то другие факторы не были главными причинами упадка Рима. Скорее они все были вторичными результатами более глубокой причины – истощением почвы Рима. Все большее истощение ее плодородия, тщательно прослеженное автором, определило переход от более интенсивной формы сельского хозяйства в Риме к менее интенсивной, от хозяйств небольшого размера – к хозяйствам крупным и латифундии. Истощение почвы стало причиной упадка сельского хозяйства, бегства аграриев с земли, их превращения в безземельных пролетариев, концентрации богатства, увеличивающейся экономической дезорганизации, депопуляции, коррупции и, наконец, упадка. Подводя итоги своей теории, автор говорит:

«Все, что показывает данное исследование, сводится к тому, что прогрессирующего истощения почвы было вполне достаточно, чтобы Рим оказался обреченным, как нехватки кислорода в воздухе достаточно для того, чтобы обречь на гибель самое сильное живое существо... Нравственный или безнравственный характер Рима, его сила или слабость, его гениальность или умственные дефекты не повлияли бы на обстоятельства его смерти. Он бы жил, если бы был кислород; он умер, потому что его не было. Но нужно помнить, что наличие кислорода не объясняет его жизнь, отсутствия же его достаточно для объяснения его смерти»¹³⁵.

Отсюда видно, что мысль автора состоит не просто в констатации того, что среди различных факторов падения Рима следует учитывать и прогрессирующее истощение почвы, а в том, что оно было самым сильным и вполне достаточным фактором для того, чтобы вызвать его упадок, – фактором, влияние которого не

¹³³ Некоторые детали теории Адамса представляют ценность: его анализ отрицательной стороны диктатуры коммерсантов (ростовщиков и биржевых игроков) верен, его теория ритма доминирования священников, военных и биржевиков (теория, которая напоминает нам о теории Парето) отмечает нечто важное, даже его анализ социальных влияний изменения торговых путей, если отвлечься от его претензии на исключительность, вероятно, окажется точным во многих отношениях.

¹³⁴ *Simkhovitch V.G. Rome's Fall Reconsidered // Political Science Quarterly. 1916, June, 1916; см. также его статью «Нау and History» (Ibid. 1913, September).*

¹³⁵ *Ibid.*, p. 241.

могло быть предотвращено ни «нравственным или безнравственным характером Рима», ни «его гением или умственными дефектами», ни чем-нибудь еще. Такая интерпретация делает теорию Симховича «монистической» или чем-то вроде вышеупомянутых «односторонних теорий каузальности». Хотя наиболее видные историки Рима отрицают сам факт истощения его почвы¹³⁶, мы можем допустить, что фактор Симховича сыграл свою роль в дезинтеграции Рима. Несмотря на это допущение, мы, однако, должны отклонить его претензию на то, что указанная им причина является «главной» или «исключительной». Во-первых, ряд исторических фактов показывает, что истощение почвы не обязательно ведет к распаду государства. М. Пинь-Хуа Ли показала, что в Китае с его длительной историей и перенаселенностью истощение почвы происходило много раз, и все же Китай до сих пор существует. После периодов истощения в результате деятельности людей почва снова становилась плодородной, и пагубные последствия постоянного бесплодия почвы устранялись¹³⁷. Это свидетельствует о том, что последствий истощения почвы можно избежать и что они не обязательно ведут к распаду. Во-вторых, мы знаем, что процесс прогрессирующего истощения почвы может быть остановлен, если предпринять соответствующие меры, особенно ее удобрение. Это означает, что истощение почвы никоим образом не должно расцениваться как что-то неизбежное и что «гений, нравы, сила и другие качества населения» могут на это повлиять и тем самым предотвратить распад. Это значит, что истощение самой почвы не независимая от всего причина, а результат многих других космических, так же как и социальных, биологических и умственных сил. Ее скорость и интенсивность определяются количеством и плотностью населения, климатическими и космическими влияниями, сельскохозяйственными навыками населения, его гением или глупостью, миром или войной и т. д. Эти очевидные причины не позволяют нам интерпретировать истощение почвы как независимую, основную или достаточную причину упадка. Кроме того, если бы теория автора была верна, то стоило бы задуматься, почему существующие нации оказались способными выжить и почему на территории Рима продолжает оставаться большое количество населения. Так как истощение римской почвы было прогрессирующим и неизбежным, оно должно было со временем делать существование социальных организмов все менее и менее возможным. Если истощение каким-то образом в какой-то период было остановлено, то это значит, что оно не было столь неизбежным и неотвратимым. Многие европейские страны были перенаселены и неоднократно испытывали голод и недоедание¹³⁸. Можно задаться вопросом, почему в этих странах не было

¹³⁶ См.: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire*, ch. VIII, p. 495.

¹³⁷ См. *Ping-Hua Lee M. The Economic History of China. Columbia University Studies*. New York, 1921, Introduction и passim.

¹³⁸ См.: *Curschmann F. Hungersnöte in Mittelalter*. 1900.

истощения почвы, или, если оно имело место, то почему не привело к их окончательному распаду. Наконец, параллель автора с нехваткой кислорода как неизбежной причиной смерти еще более ошибочна. Действительно, нехватка кислорода может быть достаточной причиной смерти, но смерть может быть вызвана и нехваткой воды, еды или крова, и ядом, инфекцией, пулей и сотнями других факторов. Любой из них может быть достаточной причиной смерти. Точно так же причиной распада социального организма может быть истребление на войне, смерть от голода, вырождение населения, разгулявшаяся и длительная анархия, полная деморализация, депопуляция, наводнение, геологическая катастрофа и т. д. Сама по себе теоретическая возможность смерти от этих причин не дает нам право взять за основу одну из них и сказать: «Это и есть причина». Мы должны установить, какая из сотни возможных причин присутствовала фактически и почему она не была предотвращена или нейтрализована. Допуская, что в Риме существовала причина Симховича, мы имеем еще большее право допустить, что другие возможные причины, такие как война и вторжение варваров, анархия, изменение расового состава населения, деморализация, депопуляция, экономическая дезорганизация и т. д., также имели место. Поэтому, следуя логике автора, каждый на том же самом основании может претендовать на то, чтобы предлагаемый им фактор был признан причиной падения. Если мы спросим, почему истощение почвы в Риме не было предотвращено, мы не найдем у автора ответа. Если мы добавим к этому, что падение Рима было результатом совпадения многих факторов¹³⁹, то станет ясной неадекватность теории Симховича.

Помимо недоказанности самого факта истощения почвы в Риме, его теория, претендуя на исключительность и главенство выдвигаемого им фактора, едва ли лучше, чем 77 других исключительных теорий падения Рима. Вообще говоря, невероятно, чтобы такое сложное явление, как распад империи, можно было списать на счет одного-единственного фактора, каким бы он ни был¹⁴⁰. Любая подобного рода теория неизбежно оказывается ошибочной. Если выбранный фактор слишком широк, то и теория тоже будет расплывчатой и значить она будет не больше того, что означает утверждение: «Всё есть причина всего».

Совершенно иной характер носит исследование Р.О. Фримена, посвященное негативному влиянию, которое «механизм» или «машинотехническое производство» и особенно современная машинофактура оказывает на людей и социальную жизнь. Он не берет изучаемый фактор в качестве основной причины, а, наоборот, показывает, что сама машинофактура есть нечто созданное и обусловленное другими факторами. Теория не претендует на то, чтобы быть универсальным объяснением явлений распада, а также на то, что прослеженные в ней влияния «механизма» неизбежны. Она просто берет фактор механизма

¹³⁹ См. *Rostovtzeff M.* Op. cit., passim, и ch. VIII–XII.

¹⁴⁰ Ср.: *Ross E.* Principles of Sociology. 1923, ch. XLIII.

или «машиноиндустрии» как данную переменную и пытается проследить ее основные влияния, во-первых, на сам механизм, т. е. саму машинную индустрию, во-вторых, на человеческую окружающую среду, в-третьих, на человека как существо коллективное и, в-четвертых, на человека как индивида. Это показывает, что претензии Фримена носят умеренный характер и его постановка проблемы вполне приемлема. Так как его выводы подытоживают очень многие негативные влияния современной машинотехники и делают это, на мой взгляд, весьма точно, они заслуживают, чтобы их процитировать как ценные социологические предположения. В сокращенном виде и в изложении самого автора они сводятся к следующему:

«I. Реакции *механизма на самого себя* проявляются в трех направлениях: а) в тенденции механизма порождать последующие механизмы; б) в тенденции машины, генерирующей энергию, порождать потребляющие машины, станки и производственные машины; с) в тенденции машин того и другого типа развиваться в направлении все большего автоматизма, с соответствующим устранением человеческого фактора.

II. А. *На природную окружающую человека среду* механизм реагирует: 1) ухудшением общего состояния тех регионов, которые оказываются под его влиянием, разрушением природной красоты и созданием регионов, в которых царит разруха; 2) созданием больших промышленных городов, приспособленных к потребностям машины, но не приспособленных к потребностям множества людей, которые вынуждены в них жить; 3) вызывая гигантское расточительное потребление природных ресурсов, как невозобновляемых, так и возобновляемых, вследствие чего имеющиеся в мире богатства заметно сокращаются и создаются условия, все более неблагоприятные для последующих поколений. Общая тенденция этих реакций – уменьшение пригодности мира как среды обитания для человека, т. е. превращение благоприятной окружающей среды в менее благоприятную.

В. Реакции *на вторичную окружающую среду* проявляются [через локомотив-механизм]: 1) в заметном сокращении пространства и снижении влияния расстояния. Это ведет к нарастающему однообразию внешнего вида местностей и исчезновению их особенностей; и это однообразие распространяется на натуральные продукты, которые становятся доступными в регионах, весьма отдаленных от места их происхождения. Доступность транспорта, как правило, сопровождается постоянно увеличивающейся централизацией средств передвижения, утратой контроля над ними со стороны индивидов, опасностью их владения и принуждением к их использованию; 2) Машина, как правило, заменяет ручной труд... и человека как агента производства; [ведет к централизации мануфактуры, в результате чего исчезают местные кустарные промыслы, и замене сложных

и дорогостоящих средств производства простыми и недорогими. В отношении продукции индустрии влияние машин-механизмов заключается в увеличении количества произведенных предметов потребления с уменьшением их стоимости; тенденции к ухудшению продукции и качества материала, мастерства, длительности использования и красоты; к уменьшению адаптации продуктов к индивидуальным или даже просто человеческим потребностям; повторению, однообразию предметов потребления и отсутствию интереса к ним. Таким образом, в этих отношениях реакции] в основном неблагоприятны.

III. *Реакции на людей как коллективных существ:* а) превращение рабочего класса из живого организма искусных мастеров более или менее высокого уровня, живущих в довольно хороших условиях и вполне ими довольных, в железобетонное тело, в значительной степени состоящее из людей сравнительно низкого уровня, живущих в безнадежно плохих условиях, которыми они недовольны¹⁴¹; и б) как следствие, создание большой организации – федерации профсоюзов, члены которых понимают свои интересы как антагонистические по отношению к остальной части сообщества и политическая деятельность которых имеет антиобщественный характер; в) появление международного движения – синдикализма, – провозглашающего своей целью разрушение существующего строя революционными методами; г) переход производственной инициативы от отдельных мастеров или небольших организаций квалифицированных рабочих к финансовому оператору-производителю, контролирующему автоматические машины и большой коллектив рабочих относительно низкой квалификации; д) хроническое нарушение социального порядка и экономической стабильности; е) формирование антиобщественных организаций (синдикатов, картелей, трестов и т. д.), цель которых – контроль над снабжением предметами потребления и ценами на них; ж) сосредоточение в руках сравнительно небольшого числа людей огромного богатства и, благодаря этому, большой управленческой власти над людьми; з) переход значительной части населения из производственного в непроизводственный класс.

IV. *Реакции на человека как индивида:* а) исчезновение мастера и его замена машиной и фабричными рабочими (людьми низкой квалификации); б) изменение характера индивида; отсутствие «мастерства» и самоуважения порождает чувство неуверенности в своих силах. Человек теперь готов к тому, чтобы его семейные обязанности и обязанности как гражданина взяло на себя государство и даже желает этого; в) общее уменьшение радостных психических состояний, возникающих от приятной, разнообразной и интересной работы мастера, переход на неприятное, монотонное и унылое занятие фабричного рабочего; г) смена относительно хороших и человеческих условий жизни мастера на плохие условия

¹⁴¹ Ср.: Patrick G.T.W. The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920.

наемного работника, с жильем в промышленном районе, временем, проводимым на фабрике, потерей свободы и подчинением жесткой дисциплине; е) понижение социального статуса работника и потеря равенства возможностей; ф) снижение эстетического вкуса и стандартов и замена эстетической тупостью и вульгарностью в отношении к прекрасному и совершенному искусству; г) потеря культуры в результате перехода индивида с позиции исполнителя на позицию пассивного зрителя и слушателя; h) в результате роста возможностей транспортной сети – социальной мобильности – мы имеем “потерю социальной адаптации, которая возможна в регионах с коренным населением”; и) сокращение длительного, сосредоточенного усилия; j) сокращение досуга и увеличение количества времени, потраченного на передвижения; к) эволюция заводного человека или «ловкача» и усиление неугомонности и бесцельной энергичности; л) уменьшение интереса к путешествиям и отсутствие любопытства, уважения к далеким странам и их жителям.

Таким образом, взятые в целом, реакции механизма неблагоприятны для человека»¹⁴².

Я привел эту длинную цитату из книги Фримена, потому что в своем резюме он, вероятно, более полно, чем кто-либо еще, указывает на разные влияния машинотехнического производства, способствующие распаду общества. Хотя список последствий является несколько односторонним, потому что он не упоминает многих благотворных влияний изучаемого фактора, однако его перечисление «зла» машиноиндустрии кажется точным и поэтому ценным. Поскольку машиноиндустрия рассматривается как экономический фактор, это и послужило причиной, по которой я упомянул работу Фримена в этом разделе. Эта часть его книги – пример предполагаемой связи средств и орудий производства со сложными явлениями социального распада.

14. Общие выводы об экономической школе в социологии

1) Все вышесказанное показывает, что эта школа стара. 2) Школа – одна из самых важных в социальных науках. 3) Маркс и Энгельс никоим образом не могут рассматриваться как основатели школы и мыслители, вклад которых превышает вклад множества других исследователей. 4) Исследования очень многих ученых показали, что так называемые экономические условия связаны с разнообразными многочисленными социальными явлениями. По этой причине при интерпретации или анализе социальных явлений их нельзя игнорировать. 5) Во многих областях социальная наука может теперь не только сказать, что суще-

¹⁴² *Freeman R.A. Social Decay and Regeneration. Boston, 1921, p. 199–203; подтверждения см. на р. 80–203. Ср.: Sorokin. Social Mobility, последняя часть книги.*

ствует связь того или иного социального явления с определенным экономическим условием, но и определить степень или коэффициент корреляции. 6) Эти коэффициенты доказывают, что едва ли есть какое-нибудь социальное явление, связь которого с экономическим фактором носит абсолютный характер. Некоторые из них взаимосвязаны вполне ощутимо, другие – лишь слегка, а третьи – не обнаруживают никакой заметной связи. Это означает, что никоим образом нельзя рассматривать экономический фактор в качестве всемогущего, в качестве главной или конечной причины или же как единственный «движущий механизм», тогда как все другие – в качестве «только зависимых» от него. 7) Этот вывод станет еще более достоверным, если мы учтем, что социальные явления взаимозависимы, но не односторонне зависимы. По этой причине несамодостаточность экономического фактора, продемонстрированная характером связей, еще больше увеличится, если мы возьмем его самого в качестве «функции» и покажем его зависимость от других факторов, взятых в вышеупомянутых исследованиях «просто как функции». Это сделано другими социологическими школами, которые имеют логическое и фактическое право придерживаться собственной точки зрения, как имеют право на собственное мнение и экономические интерпретаторы. 8) Вышеуказанные причины требуют, чтобы бесполезные и бесплодные дебаты относительно того, какие факторы являются основными, а какие вторичными, «пусковыми» и «запускаемыми», причинами и следствиями, более и менее важными и т. д., были закончены. 9) Все сказанное свидетельствует и о том, что в настоящий момент задача социологов в этой области состоит не в производстве расплывчатых, неоднозначных и спекулятивных обобщений, и не в «метафизических размышлениях» о довольно смутном экономическом факторе вообще, и не в выдвижении сенсационных, хотя и односторонних, всеобъясняющих гипотез, а в фактическом, индуктивном, тщательном и количественном выяснении наличия или отсутствия ощутимой связи между конкретным четко определенным экономическим условием и конкретным и четко определенным социальным явлением; и если связь между ними существует, то в определении ее степени и универсальности, ее характера и колебаний. Каждое исследование подобного типа, вероятно, больше даст науке социологии, чем любые поспешные и спекулятивные обобщения. Когда такие исследования накопятся в достаточном количестве, это и только это позволит нам перейти от более узких выводов к более широким обобщениям. 10) Вышесказанное свидетельствует о том, что современная социология уже вступила на этот путь.

Глава XI

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Ранее отмечалось, что граница между психологической и социологической школами практически незаметна. Она напоминает разницу между Республиканской и Демократической партиями в Америке. Республиканская и Демократическая партии имеют некоторые различия, которые определяют независимое существование этих партий. Таким же образом социологическая школа психологична в своей основе, а психологическая – социологична. Тем не менее существуют некоторые различия, определяющие независимое существование обоих направлений социологической мысли на протяжении нескольких последних десятилетий. Из этих различий наиболее существенным является различие методологическое. Социологическая школа пытается объяснить психические явления с помощью социальных условий. Она делает их производными от трансиндивидуальных процессов взаимодействия и социальных обстоятельств. Психологическая школа, наоборот, начинает с психических характеристик индивида, рассматривает их как производные и пытается интерпретировать социальные явления как их производные или как их проявления. Хотя различия рассматриваются здесь в несколько схематичной форме и многие социологи занимают промежуточную позицию между этими полюсами, тем не менее различие существует, и в последующих параграфах это будет четко показано.

1. Предшественники и основные направления школы

Практически большинство предшественников различных направлений социологической школы можно считать сторонниками психологической интерпретации социальных явлений. Что человеческий ум, душа, дух, желания, стремления, инстинкты и другие психические характеристики «считаются» определяющими социальные события и что они наиболее важные факторы человеческого поведения и социальных процессов, подчеркивалось большинством древних мыслителей. Первобытный «анимизм», который рассматривает человеческие действия и изменения в природе как простое проявление различных духовных или душевно-магических сил, представляет собой, наверное, наиболее яркий пример древнейшей психологической интерпретации динамики универсума и истории человечества.

«Деяние происходит от мысли».

«Ум – возбудитель телесных действий, которые связаны с телом».

«Именно атман – все боги; вселенная содержится в атмане, ибо атман производит соединение этих одаренных телом с действием»¹.

«Выше чувств – объекты чувств. Выше объектов чувств – ум. Выше ума – разум. Выше разума – Великая Душа человека... Атман бесформен и беззвучен, неосязаем, не имеет вкуса и запаха. У него нет начала и конца, он вечен и неисчерпаем. Когда приходит осознание Атмана, человек спасается от челюстей Смерти. [Такой человек, будучи] Господином прошлого и будущего, больше ничего не боится. Воистину так»².

«Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть – разум, из разума они сотворены».

«Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, то за ним следует счастье».

«Отсутствие разума – дорога к смерти»³.

Эти краткие цитаты из древних индуистских, буддистских и китайских источников хорошо иллюстрируют мое утверждение. Представители философии конфуцианства и даосизма, Платон, Аристотель, Зенон, Эпиктет, Полибий и другие стоики⁴, Отцы церкви и большинство средневековых мыслителей подчеркивали ту же идею разными способами, отчасти в виде этических и религиозных учений, отчасти в виде философских и психологических теорий, но в основном в виде методов духовного преобразования человеческих существ в монастырях и подобных учреждениях⁵. Эти направления в современной пси-

¹ Laws of Manu XII, p. 3–4, 119^{1*}.

² The Upanishads. Part II, third Vallī, 10–15; fourth Vallī, passim // Sacred Books of the East, vol. XV^{2*}.

³ The Dhammapada // Sacred books of the East. New York: The Colonial press, 1900, ch. I, p. 1, ch. III и passim^{3*}. Ср.: The Texts of Taoism, The Classic of Purity, ch. I; The Thâi-Shang, passim; Tao-Teh-King, passim // Sacred Books of the East, vol. XL.

⁴ Стоики с их девизом «Смотри внутрь»^{4*} и «все средства к благородной жизни находятся внутри нас»^{5*}, в «нашей собственной воле и в формировании наших суждений и мнений» – занимают позицию, аналогичную брахманизму, буддизму и даосизму.

⁵ С точки зрения теории социального контроля и практической педагогики совершенно необходимо более внимательное изучение этих методов и соответствующих аскетических приемов перевоспитания индивидов. Мы должны признать, что с практической точки зрения эти воспитатели знали о данных проблемах гораздо больше нас. По моему заданию один из моих студентов, г-н Тимофеевский, насчитал 44 различных методики изменения человеческого поведения, использовавшихся в средневековых монашеских и аскетических орденах. Все эти методики весьма эффективны и должны быть признаны как абсолютно адекватные с точки зрения современной науки. Читая такие книги, как «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, ясно видишь, как глубоко проникли их авторы в механизмы человеческого поведения и насколько они искусны в плане изобретения эффективных методов его изменения в желаемом направлении. Следует добавить, что эта методика, по сути дела, была «психологической» и основывалась на изменении психологии и сознания человека.

хологической науке выступают под разными названиями: «интроспективной», «целевой» или «структурной» психологии^{6*}.

Наряду с интерпретацией человеческого поведения и социально-психологических явлений в духе «интроспективной» психологии, в прошлом была известна и механистическая, или бихевиористская, их интерпретация. Об этом свидетельствуют Демокрит и Тит Лукреций Кар с их чисто материалистической и механистической теорией психических явлений. Такой метод интерпретации существовал на всем протяжении истории социальной мысли⁶. Как мы уже видели, в XVII в. он проявился как механистическая психология мыслителей того периода (см. главу о механистической школе). В XVIII в. представителями механистической психологии были такие философы-материалисты, как Кондильяк и Ламетри, а в XIX в. – Т. Гексли, Г. Спенсер и многие другие. Сейчас она приобрела формы разных течений в рамках бихевиористской школы в психологии. Короче говоря, основы всех современных школ в психологии были заложены давно, так же как давно появились и соответствующие интерпретации человеческих поступков и социальных явлений с точки зрения каждой разновидности психологической теории⁷. В настоящий момент у нас все еще нет общепринятой психологии, а разных ее направлений столь же много, как и самих психологов⁸.

Оставив самим психологам их внутренние споры, мы из этих многочисленных психологий рассмотрим только те, которые реально пытались дать интерпретации социальных явлений с точки зрения своих главных принципов. Это позволяет нам выделить следующие основные направления психологической социологии: во-первых, *инстинктивистское*, во-вторых, *бихевиористские* интерпретации и, в-третьих, *интроспективистские, которые интерпретируют поведение человека и социальные процессы с помощью таких понятий, как желания, идеи, верования, волеизъявления, интересы, стремления, чувства и другие психические проявления*. Если к анализу данных фундаментальных направлений психологической школы мы добавим обзор теорий о социальной роли религии, морали, общественного мнения, права и других социально-психологических и культурных факторов, то составим достаточно полное представление о настоящем положении дел в этой школе. Присовокупив к этому обзор количественных и экспериментальных исследований различных социально-психологических явлений, которые занимают промежуточное положение между социологической и психологической школами, мы получим еще более адекватное представление о сегодняшнем состоянии социологии в данной области.

⁶ См.: *Lange Fr.A. Geschichte des Materialismus*. 3^d ed., 1877, Bd. I–II.

⁷ Некоторые разрозненные данные см. в: *Barnes H.E. New History and Social Studies*, ch. III; *Davis M.M. Psychological Interpretations of Society*, passim.

⁸ На такую мысль наводит сборник «Psychologies of 1925» (Clark University, 1926)^{7*}, в котором представлено, по крайней мере, шесть различных психологий, которые так же отличаются друг от друга, как и большинство существующих на данный момент социологических школ.

А теперь приступим к конкретному анализу инстинктивистского направления психологической (и отчасти биологической) школы.

2. Инстинктивистские интерпретации

Я не намерен вступать здесь в дебаты по поводу понятия инстинкта, классификаций инстинктов и других деталей проблемы, по поводу которых сейчас столь живо и почти безрезультатно ведется дискуссия⁹. Ясно одно, что даже наиболее ярые противники инстинктов не могут полностью от них отказаться ни в психологии, ни в социологии. С другой стороны, дискуссия показывает, что самим термином так сильно злоупотребляют, что теперь использовать его нужно с большой осторожностью¹⁰. Оставляя в стороне общую дискуссию, которая не

⁹ См.: Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.-Пг., 1923; *Thorndike E.L.* The Original Nature of Man. New York, 1913; *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. Boston, 1923; Can Sociology and Social Psychology Dispense with Instincts? // *American Journal of Sociology*, vol. XXIX, p. 657–670; *Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности. 1907; *Вагнер В.* Биологические основания сравнительной психологии, т. II; *Faris E.* Are Instincts Data or Hypotheses? // *American Journal of Sociology*, vol. XXVII, p. 184–196; *Dunlap K.* Are There any Instincts? // *Journal of American Psychology*, vol. XIV, p. 307–311; *Allport F.L.* Social Psychology, ch. III; *Фролов Ю.П.* Современное состояние учения об инстинкте с точки зрения физиологии условных рефлексов // *Известия Военно-медицинской академии*. 1913, т. XXVI; *Tolman E.Ch.* The Nature of the Fundamental Drives // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925–26, p. 349–358; *Baldwin J.M.* The Individual and Society. Boston, 1911; *Larguier des Bancels J.* Introduction à la psychologie. L'instinct et l'émotion. Paris, 1921; *Freud S.* Group Psychology and the Analysis of the Ego, trans. by J. Strachey; *Koffka K.* The Growth of the Mind. New York, 1924, p. 84–114; *Bernard L.L.* Instinct. New York, 1924; *Ellwood C.A.* The Psychology of Human Society. New York, 1925, ch. IX; *Ross E.A.* Principles of Sociology, ch. IV; *Eldridge S.* Instinct, Habit and Intelligence in Social Life // *Journal of Abnormal Psychology and Social Psychology*, vol. XIX, p. 142–154; *Josey C.C.* The Social Philosophy of Instinct. New York, 1922; *Woodworth R.S.* Dynamic Psychology, ch. III–V; *Wells W.R.* The AntiInstinct Fallacy // *Psychological Review*, vol. XXX, p. 228–234; *Watson J.B.* What the Nursery Has to Say about Instincts // *Pedagogical Seminary*, vol. XXXII, p. 293–326. Остальную литературу см. в указанных работах и работах, цитируемых далее.

¹⁰ Большинство представителей функциональной, структурной и гештальт-психологии признают существование инстинктов. То же самое можно сказать и о представителях динамической психологии в лице Р. Вудворса, а также биологической в лице В. Вагнера. Что касается психологов-бихевиористов, то русская школа И.П. Павлова выделяет множество инстинктов, отождествляя их с безусловными рефлексами. Бихевиористы типа Ф. Оллпорта оперируют доминантными рефлексами и стимулами, отличие которых от инстинктов практически незаметно. То же относится и к другим умеренным бихевиористам. Бихевиористы типа Р.Б. Перри и Э.Ч. Толмена – откровенные инстинктивисты. Наконец, бихевиористы типа Джона Уотсона демонстративно отрицают инстинкты, но поскольку они считают, что различия в структуре ведут к различиям в формах поведения, и признают наличие ряда безусловных рефлексов, среди которых мы находим «любовные повадки», «рефлексы страха»,

имеет практического отношения к социологии, и общие очерки «инстинктивистской» психологии, так как по причине своего общего характера они не могут доказать, в какой степени они правдоподобны, обратимся к монографическим «инстинктивистским интерпретациям» социальных явлений и выясним, насколько они плодотворны с научной точки зрения. Вместо схематической интерпретации, предлагаемой общими теориями, монографические работы пытаются фактически объяснить социальные явления; следовательно, они лучше отображают плюсы и минусы этого направления. Монографий подобного рода уже много. В качестве репрезентативных образцов я возьму, во-первых, ряд монографий, посвященных изучению социальных функций инстинкта общительности, стадного, или социального, инстинкта; во-вторых, имеющих дело с социальными функциями полового инстинкта; и, в-третьих, исследования, посвященные социологии инстинкта драчливости или воинственности, социологии родительского и других инстинктов, таких как «трудолюбие», «свобода», «коллекционирование» и т. д. Краткого анализа двух или трех групп этих работ будет достаточно, чтобы показать сильные и слабые стороны всех «инстинктивистских социологий».

А. Социальные функции полового инстинкта и полового различия. Возьмем в первую очередь половой инстинкт и половое различие как факторы человеческого поведения и социальных процессов. На настоящий момент мы имеем несколько монографических исследований, которые рассматривают данные биологические факторы как переменные и пытаются выявить их «функции» в области социальных явлений. Рассмотрим, как они работают и к каким результатам пришли.

Сначала рассмотрим школу З. Фрейда, которая придает либидо и полу столь исключительное значение. Основные социологические связи данного фактора с другими социальными явлениями, как утверждает школа, следующие: во-первых, сам факт социальной жизни и возникновения человеческого общества обязан либидо или эросу в смысле, который придает этим терминам фрейдистская школа. Во-вторых, связь, которая объединяет человеческих индивидов в социальную группу, – это связь либидная. В-третьих, большие человеческие сообщества обусловлены особой разновидностью сексуального влечения мужчины к мужчине (но не к женщине). В-четвертых, в любой привязанности последователей к их лидеру, членов общества друг к другу задействовано либидо. В-пятых, явления толпы, внушения, подражания и т. д. суть не что иное, как проявления либидо. В-шестых, ряд других явлений, таких как тотемизм, религия, табу и т. д., опять

«гневное поведение», «защитные действия», «голосовые рефлексии» и т. д., то фактически и они вносят их окольным путем. Некоторые другие «анти-инстинктивисты» делают то же самое, только называют инстинкты «физиологическими потребностями», «стимулами» или «импульсами». Короче говоря, не много найдется психологов и биологов (если таковые вообще существуют), которые в действительности не использовали бы (явно или замаскированно) что-то наподобие инстинктов.

же не что иное, как разные проявления того же фактора. Несколько цитат проиллюстрируют вышесказанное. «Любовные отношения составляют сущность массовой души... Характеризующие массу привязанности имеют либидинозное происхождение»¹¹. Внушение – это только ширма для либидо. Стадный инстинкт – другое название для либидо¹². Эти идеи Фрейда более подробно развил Ганс Блюхер. В своей работе он пытается показать, что силой, которая привлекает человека к человеку и приводит их к совместной жизни, а также к созданию больших социальных организмов, не является ни экономическая необходимость, ни самозащита, ни какой-либо другой фактор, а только сексуальность или либидо в своей специфической форме притяжения мужчины к мужчине. Особенно сильно Блюхер подчеркивает идею, что если маленькие семейные группы появились под воздействием связи мужского-женского либидо, то большие общества обязаны своим существованием только мужскому-мужскому либидо и возможны только там, где мужское-женское либидо ослаблено или разрушено¹³, так как мужчина и женщина «объединяются с целью полового удовлетворения и таким образом ищут уединения, противостоя стадному инстинкту и групповому чувству. Чем больше любви между ними, тем полнее они удовлетворяют друг друга». Таким образом, групповая солидарность и половая любовь находятся в антагонизме, и там, где первая сильна, там последняя не может развивать первую. Стало быть, «несомненно, что гомосексуальная любовь легче совместима с массовыми привязанностями»¹⁴.

Вряд ли необходимо углубляться в детали фрейдовских построений. Вышесказанное доказывает, что эта популярная теория абсолютно неадекватна. Можно лишь удивляться таким ненаучным построениям, нашедшим более или менее многочисленных поклонников. Действительно, возьмите хотя бы фрейдистскую концепцию либидо, или эроса, или самой сексуальности. Вот она:

«Мы называем этим термином [либидо] энергию таких влечений, которые имеют дело со всем тем, что можно охватить словом «любовь». Ядром понятия, называемого нами любовью, является... половая любовь, имеющая целью половое соединение. Но мы не отделяем от этого понятия всего того, что причаст-

¹¹ Freud S. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*, p. 37, 40, 54, 80, 88, 92^{8*}.

¹² Ibid., p. 85, 89 и passim. См. также: Freud. *Totem and Taboo*. New York, 1918.

¹³ Bliüher H. *Die Rolle der Erotik in der männlichen Gesellschaft*. Jena, 1921, Bd. I, S. 4, 6, 37, 190; Bd. II, S. 2–8 и passim. Jena, 1920. Вот итоговый тезис Блюхера: Все социальные отношения являются модификациями сексуальности, «so ist auch klargestellt, dass das, was letzten Endes und zwingend den Mann zum Manne drängt, genau dasselbe ist, wie das, was ihn zum Weibe treibt: seine Sexualität. Liegt die mannweibliche offen und unverleugnet da, so ist diese durch ein vielgestaltiges System psychischer Mechanismen verschüttet und zersprengt. Aber sie ist, und wäre sie nicht, so fielen noch am morgigen Tage der Menschenstaat auseinander»^{9*} (Ibid., Bd. I, S. 190).

¹⁴ Freud S. *Group Psychology*, p. 121–123^{10*}.

но к слову “любовь”: с одной стороны, себялюбие, с другой стороны – любовь к родителям и к детям, дружба и всеобщее человеколюбие, а также преданность конкретным предметам и абстрактным идеям»¹⁵.

Далее мы читаем, что стадный инстинкт есть тоже половой инстинкт и что внушение, самосохранение, единомыслие, состояние гипноза и многие другие явления – все это тоже либидо или любовь¹⁶.

Это определение показывает, что фрейдистское либидо, любовь или сексуальность – это мешок, в который напихано все подряд, начиная с сексуальности в узком смысле слова и заканчивая гипнотизмом, социальностью, идеализмом, родительской любовью, дружбой и самозащитой, и чего еще там только нет. Оно очень широко, как и понятие самой жизни. Поэтому стоит ли удивляться, что эта школа рассматривает всю деятельность людей как сексуальную активность, самого человека с младенческого возраста – как секс-машину, а социальные явления, начиная с самого общества и заканчивая религией, магией, правом, искусством и наукой, как многочисленные проявления сексуального фактора? Такой прием напоминает учения античных философов, которые, как, например, Фалес, рассматривали весь мир как проявление воды. С метафизической точки зрения подобного рода философия может быть вполне приемлемой, но с научной она бесполезна, так как является тавтологией. Все сказанное выше о понятии и теории либидо дает нам не больше, чем утверждение: «жизнедеятельность человека и общества есть функция и проявление фактора жизни», поскольку и фрейдовское либидо тождественно понятию жизни. Это утверждение, может быть, и соответствует истине, но, к сожалению, оно ничего не значит. Более того, теория нарушает основной логический закон – закон тождества. «Объяснять все поведение одной формулой – значит ничего не объяснять», – справедливо утверждают Р. Парк и Э. Бёрджесс¹⁷. Термину «либидо» она дает самые разные значения – иногда очень узкие, а иногда безмерно широкие. В результате ни авторы, ни читатели не понимают, о чем говорят и с чем имеют дело. В таких обстоятельствах невозможно установить никакой четкой связи, никакой причинной зависимости и никакого определенного отношения между явлениями. Мы не знаем, что с чем пытаемся связать, и блуждаем в дебрях неопределенных явлений и их теней. Если мы заблудимся, как фактически заблудились фрейдистские теоретизаторы, то это будет естественно. Короче говоря, теория абсолютно неадекватна и неудовлетворительна. Трудно согласиться с тем, что она что-то дает для понимания социальных явлений и отношений между по-

¹⁵ Freud S. Ibid., pp. 37, 65, 77, 85, 93^{11*} и passim; Zur Sexuellen Aufklärung der Kinder // Soziale Medizin und Hygiene. 1907, Bd. II.

¹⁶ Еще более расплывчато определение сексуальности (Sexualität), которое дает Блюхер. См.: *Blüher*. Op. cit., Bd. I, S. 15–16, 37.

¹⁷ *Park R., Burgess E.* Op. cit., p. 497.

ловым фактором и другими категориями социальных фактов¹⁸. Об этой группе теорий сказано достаточно.

Следующую группу работ в этой области представляют «Studies in the Psychology of Sex» (6 томов) Хэвлока Эллиса, «Sex and Society» У.А. Томаса, «History of Human Marriage» Э. Вестермарка и десятая глава книги У. Мак-Дугалла «Introduction to Social Psychology». Первые три работы социологичны лишь отчасти. Их содержание состоит либо в трактовке физиологии и психологии полов, либо в чисто описательном анализе их исторического развития, брачных отношений и явлений, связанных с семьей. Если мы выделим в данных работах основные социологические утверждения, то получим следующие предположения:

1. Репродуктивный инстинкт – «один из сильнейших инстинктов»¹⁹.
2. Его психологически сопровождают «сексуальная ревность и женское целомудрие»²⁰.
3. Он ответствен за воспроизведение человеческих существ, за притяжение полов и любовное поведение.
4. Естественные различия между полами ответственны за ряд социальных явлений. Например, «самые ранние группирования населения формировались скорее вокруг женщин, чем вокруг мужчин»²¹. «Склонность к экзогамии, несомненно [!], коренится в неугомонности самца»²², тогда как естественные различия полов обусловили различия в их занятиях и разделение групп на мужской и женский социальные классы²³. «Похищение невесты – прямое проявление мужских сил»²⁴. Сексуальное влечение – одна из основных сил «в развитии идеальных, моральных и эстетических сторон жизни»²⁵. Половое влечение – одна из

¹⁸ Естественно, это не касается вклада школы Фрейда в психологию. Но даже в психологии достоинства школы, мне кажется, сильно преувеличены. См. выпуск «Psychological Review» (vol. XXXI, May), посвященный «вкладу фрейдизма в психологию», особенно статью *Lashley K.S. Physiological Analysis of the Libido*. См. также статью У. Мак-Дугалла в *Problems of Personality*. New York, 1925. Наиболее значительная часть вклада Фрейда – его метод лечения психоза и гипотезы репрессии, замещения, проекции, сублимации, компенсации и рационализации желаний. Но опять же все это не есть открытие школы Фрейда. Например, метод лечения психозов широко практиковался во многих религиях в виде исповеди за тысячи лет до Фрейда. Оба метода, по сути дела, идентичны. Это, кстати, свидетельствует о том, что многие религиозные практики, которые нередко изображаются как нечто сверхъестественное, существуют совсем небезосновательно и выполняют весьма важные функции. Даже поверхностное знакомство с техникой социального контроля, практиковавшейся в древних и средневековых религиозных орденах, показывает, что и другие упомянутые принципы школы Фрейда были хорошо им известны и успешно применялись.

¹⁹ *McDougall W.* Op. cit., p. 272 ff.

²⁰ *Ibid.*, ch. III.

²¹ *Thomas W.I.* Sex and Society. 7th ed., p. 55; *Ellis H.* Man and Woman. New York, 1904, ch. I.

²² *Thomas.* *Ibid.*, p. 57, 196 ff.

²³ *Ibid.*, p. 51, 61, 67.

²⁴ *Ibid.*, p. 80.

²⁵ *Thomas.* *Ibid.*, p. 119–120; *McDougall.* *Ibid.*, ch. X.

главных основ семьи и брака²⁶. Секс находит свое выражение в поэзии, религии, праве и т. д.²⁷

Это лишь немногие утверждения из множества подобных, приводимых в цитируемых и аналогичных им работах. Большинство подобных утверждений кажутся достоверными, однако того, кто ищет более четких и важных связей в этой области, они не удовлетворят. Мы можем согласиться, что брак и семья являются результатом полового инстинкта, но объясняет ли подобное допущение многочисленные вариации в формах этих институтов в пространстве и во времени? Если инстинкт – что-то постоянное, то он не может породить столько вариаций. Если интенсивность и формы инстинкта меняются от человека к человеку, от периода к периоду, то в таком случае данные исследования должны это показать и доказать связь вариаций этого инстинкта с другими явлениями. К сожалению, именно такого исследования и не было проведено должным образом. Можно согласиться с тем, что «склонность к экзогамии, несомненно [!], коренится в неугомонности самца». Но если это так, и «неугомонность самца» есть его врожденное свойство, то как в таком случае объяснить появление эндогамии и исчезновение экзогамии? Если неугомонность изменчива во времени, то не может ли она быть свойством приобретенным, ошибочно принятым за врожденное? Очевидно, что эндогамия, моногамия и брак по взаимному согласию не могут быть объяснены предпосылкой о неугомонности самца, и мы вынуждены заключить, что либо сама предпосылка неправильна, либо теория недостаточно продумана для объяснения основных явлений в этой области. То же самое относится и к «похищению невесты как прямому проявлению мужских сил» и другим подобного рода утверждениям. Если за этот обычай действительно ответственны «мужские силы», то почему он исчез? Опять-таки можно согласиться с тем, что фаллический культ в религии является проявлением того же инстинкта, но почему он обнаруживается не во всех религиях и почему принимает разные формы? Если половой инстинкт один из самых сильных, то как объяснить факты абсолютного полового аскетизма и целомудрия?

Все эти соображения показывают слабые позиции рассматриваемых теорий. Они не могут объяснить бесконечное разнообразие этих явлений. Заявляют о множестве причинно-следственных связей, которые не доказаны. Не показывают конкретно, какие действия являются специфическими проявлениями полового влечения, а какие приобретены или произошли от других инстинктов. Они не проводят четкого различия между постоянными и непосредственными проявлениями инстинкта и его косвенным и изменчивым влиянием. Теории не могут объяснить большей части вариаций ни в методах спаривания, ни в формах

²⁶ McDougall. Ibid., ch. X; Ellwood Ch. The Psychology of Human Society, p. 288–290.

²⁷ См.: Howard C. Sex Worship. Chicago, 1917; статьи Альберта Молля, Г. Бушана и С. Риббинга в «Handbuch der Sexualwissenschaften» (herausgegeben von A. Moll. Leipzig, 1921).

любовного поведения, ухаживания, брака и семьи, не говоря уже о других явлениях. Например, теория инстинкта не объясняет, почему у некоторых народов брак имеет форму моногамии, тогда как у других – полигамии. Почему гомосексуальная любовь в некоторых обществах разрешена, тогда как в других наказуется? Почему аскетизм или разводы высоки в одни периоды и низки в другие? Почему в одних случаях половая связь усиливает симпатию между мужчиной и женщиной, тогда как в других ведет к росту ненависти? Почему ревность и женское целомудрие можно найти в одних случаях, тогда как в других они отсутствуют? Почему уровень рождаемости колеблется во времени и пространстве? Короче говоря, существующие теории инстинкта не объясняют большинства важных явлений в данной области. Если они хотят оправдать свои притязания, им необходимо объяснить все эти явления более тщательным образом. Иначе это только гипотезы, в которых содержится доля истины, но большую часть которых ни авторы обсуждаемых теорий, ни их критики на самом деле не понимают²⁸. Область чрезвычайно интересная и важная, но все же с точки зрения чисто социологической – слабо разработанная.

В. *Социальные последствия родительского инстинкта*. Все, что включает в себя этот термин, фактически представляет собой набор различных рефлексов или инстинктов, перемешанных с огромным количеством приобретенных реакций. Однако, соглашаясь с тем, что родительский инстинкт состоит из набора более простых рефлексов, зададим вопрос: каково его влияние на поведение человека и социальную жизнь? Ответ таков: «Родительский инстинкт является основой семьи». «Он побуждает к самопожертвованию», к заботе о детях, порождает брачные церемонии и формальные законы о семье. Он «источник всех нежных чувств и истинно великодушных побуждений», он великий источник морального негодования и «в какой-то степени присутствует в любом чувстве, которое действительно можно назвать любовью». Именно этот инстинкт лежит в основе милосердия таких религий, как буддизм или христианство. «Ни обуче-

²⁸ Можно надеяться на то, что недавние исследования нервного механизма сексуальных реакций помогут расширить наши знания о социологических последствиях половых рефлексов. В первую очередь я имею в виду применение в этой области теории условных и безусловных рефлексов, исследование «сексуальных центров нервной системы», условную и безусловную стимуляцию, включая стимуляцию гормональную, и т. д. С другой стороны, в сфере изучения половых различий наступает этап более тщательных экспериментальных исследований. Помимо изучения чисто физиологических различий в метаболизме и анатомии полов, мы уже имеем несколько экспериментальных исследований их ментальных различий. Продолжение данных исследований обещает быть весьма полезным для социологии полового инстинкта, которая до сих пор еще не написана. Некоторые данные о ментальных различиях см. в работах: *Paterson D.G., Langlie T.A.* The Influence of Sex on Scholarship Ratings // Educational Administration and Supervision. 1926, September (см. здесь ссылки на другие работы); *Starch D.* Educational Psychology. New York, 1919, p. 68 ff.; *Jastrow J.* The Psychology of Conviction; *Thompson H.B.* Psychological Norms in Men and Women; *Thorndike E.L.* Educational Psychology.

ние, ни система социальных или религиозных санкций не смогли бы пробудить в людях доброту, если бы их сознание было полностью лишено этого инстинкта»²⁹. Я не буду продолжать список воздействий инстинкта на поведение человека и социальную жизнь.

Если родительский инстинкт действительно вызывает все выше перечисленные проявления, то как мы можно объяснить факты убийства, истязания и наказания детей родителями, которые весьма распространены среди многих первобытных народов³⁰, а в более мягких формах встречаются и в современном обществе? Если такой инстинкт существует, то почему многие избегают иметь детей в нынешнем обществе? Почему так много безответственных родителей? Если родительский инстинкт есть настоящий инстинкт, то подобные факты не имели бы места, потому что он сделал бы их невозможными. Если же они случаются, то, значит, такого инстинкта либо нет, либо он подавляется некоторыми другими силами. Обычно именно такое объяснение и приводят. Но в таком случае для чистоты теории необходимо указать, когда, при каких условиях и какими средствами инстинкт подавляется. Обусловлены ли факты его подавления в одних случаях и его наличия в других разной силой инстинкта у разных индивидов и групп или он у всех одинаков, и вышеприведенные случаи объясняются тем, что разнообразные силы подавления тоже действуют по-разному? К сожалению, авторы, пишущие на эти темы, не дают ничего, кроме догматических утверждений. В результате огромное количество выводов становится чрезвычайно гипотетическими, а манипуляции с инстинктом – весьма сомнительными. Вот тому иллюстрация³¹:

Влияния родительского инстинкта

- | | |
|--|--|
| 1. Это «источник всех благородных побуждений» не только в семье, но и за ее пределами. | 1. Жестокий человек, но «добрый отец может вести себя совершенно по-скотски по отношению ко всем человеческим существам, кроме членов своего племени». |
| 2. Жертвенность во имя семьи. | 2. Детоубийство. |
| 3. «Ни обучение, ни система социальных или религиозных санкций не смогли бы пробудить в людях доброту, если бы их сознание было полностью лишено этого инстинкта». | 3. «Широкое распространение благородных действий в нашей цивилизации не обязательно вызвано увеличением внутренней силы данного инстинкта». (Это значит, что широкое распространение благородства возможно и без усиления инстинкта – суждение, противоречащее приведенному слева.) Без поддержки религиозных и социальных санкций инстинкт исчезает и ведет к детоубийству. |

²⁹ McDougall W. Op. cit., ch. X. Cp.: Sutherland A. The Origin and Growth of the Moral Instinct. London, 1898, vol. 1–2; Wagner W. Op. cit., vol. II; Westermarck E. The Origin and Development of the Moral Ideas, vol. I, ch. XVII, XXV.

³⁰ См.: Carr-Saunders. Op. cit., passim.

³¹ Ibid., p. 274–275, 277, 281–283, ch. X.

Таблица показывает, что одному и тому же инстинкту приписываются противоположные влияния. Это означает, что А и не-А рассматриваются как следствия одного и того же фактора – логическая операция, в высшей степени сомнительная с точки зрения истинности. А примерами таких операций полны теории не только родительского, но и других инстинктов. В одном случае инстинкту приписывается одно влияние, в другом, без какого-либо достаточного объяснения, – противоположное. Эти примеры доказывают, насколько неудовлетворительно изучена проблема и насколько велики недостатки обсуждаемой теории полового и родительского инстинктов. То, что мы сейчас имеем, не идет дальше общих, наполовину истинных, наполовину ложных набросков, которые никоим образом не могут рассматриваться как что-то точное и достаточное с точки зрения науки.

С. *Социальное влияние инстинкта общительности, или стадного инстинкта.* С еще большим основанием вышесказанное может быть отнесено к стадному инстинкту. Не вступая в дискуссию о том, существует такой инстинкт или нет, нам достаточно внимательно посмотреть, какие функции приписывают ему разные, а иногда одни и те же авторы, чтобы убедиться, как мало изучена эта область. Вот краткий перечень этих функций, взятый только из двух книг. Стадному инстинкту обязаны своим существованием такие социальные явления, как кооперация, досуг, рост городов, привлечение в города мигрантов, парады, уличные толпы и сознание рода³². Социальная жизнь человека, внушение и подражание, альтруизм, нетерпимость, страх одиночества, чувствительность к стадному голосу, стандартизация морали, страсть к участию в беспорядках толпы, стадная паника, стремление к лидерству и жажда популярности – всем этим человечество обязано ему же³³.

Если все эти феномены действительно проявление того же инстинкта, то это лучшее доказательство, что его нет, потому что инстинкт с такими разнообразными проявлениями не может быть инстинктом вообще. Если же подобный инстинкт и существует, то многие из его проявлений приписаны ему по ошибке. Какое бы из этих предположений мы ни взяли, любое указывает на существенный недостаток в теориях. Легко заметить, что некоторые явления связывают с инстинктом совершенно неправильно. Например, ошибочно объяснять с его помощью рост городов. Если бы подобная теория была верной, мы должны были бы заключить, что у тех, кто не перебирается в города, инстинкт отсутствует и что в прошлом, когда больших городов не было, население его не имело. Данный вывод далее ведет к заключению, что инстинкт появился недавно и что он совсем не инстинкт, потому что приобретенный инстинкт – понятие, противоречащее само себе. Если бы феномен лидерства был проявлением стадного инстинкта, то многочисленные случаи анархии и отсутствия подчинения какому-нибудь

³² *McDougall W.* Op. cit., ch. XII.

³³ *Trotter W.* Instincts of the Herd in Peace and War, p. 17, 112–120 и passim.

лидеру нужно было бы интерпретировать как проявление отрицаемого доктором Троттером инстинкта «независимости». Если страх одиночества – это проявление стадного инстинкта, то очевидно, что аскеты, отшельники и все те, кто бежит от толпы, либо не имеют инстинкта Троттера, либо имеют «инстинкт одиночества». Если внушаемость и подражание – проявления стадного инстинкта, то, очевидно, существует «инстинкт оригинальности и упрямства», потому что практически каждый человек в одних случаях подвержен внушению, а в других – нет. Я не буду продолжать свою критику. Вышесказанного достаточно, чтобы показать, насколько спекулятивны эти теории и насколько хрупкими они становятся под ударами малейшей критики.

Д. *Другие инстинкты.* Аналогичные недостатки теорий инстинкта воинственности или драчливости были отмечены выше в главе, посвященной теориям борьбы за выживание. С еще большим основанием все приведенные выше возражения можно отнести к большинству других инстинктивистских интерпретаций социальных явлений, берущих за основу такие инстинкты, как «инстинкт страха», «любопытства», «религии», «свободы», «приобретательства», «строительства», «привязанности», «собственности», «мастерства» и т. д.³⁴ В интересах краткости я опущу их анализ и критику. Достаточно сказать, что соответствующие теории имеют гораздо больше недостатков, чем предыдущие.

Е. *Общее заключение об инстинктивистских интерпретациях.* К вышеуказанным недостаткам обсуждаемых теорий необходимо добавить еще один, а именно их «анимистический» характер. Первобытная анимистическая интерпретация любого конкретного явления заключается в том, что он рассматривается как результат деятельности заключенного в нем мистического духа. Гром – это «проявление» деятельности Зевса, смерть – результат исхода духа из тела, рождение – вселение духа в женщину и т. д. Инстинктивистские теории – не что иное, как утонченная форма той же самой анимистической интерпретации. На место человека и его деятельности они ставят определенное число духов, называемых инстинктами, и интерпретируют все явления как выражение этих духов-инстинктов. Сексуальная активность рассматривается как проявление полового влечения, взаимоотношения между родителями и детьми относят к мистической деятельности родительских инстинктов, войну – к инстинкту драчливости, мир – к инстинкту мира и т. д. Суть интерпретации состоит в следующем: берется человек и по желанию инстинктивиста наполняется некоторым количеством нематериальных инстинктов-духов. Некоторые исследователи наполняют

³⁴ См., например: *Veblen T. The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts.* New York, 1914. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что нет такого инстинкта, как «мастерство», и, следовательно, само исходное положение работы – ложное. См. далее: *Wallas G. Human Nature in Politics.* London, 1919, p. 1–56; *Eldridge S. Political Action.* 1924; *Patrick G.T.W. The Psychology of Social Reconstruction.* Boston and New York, 1920.

человека только тремя или четырьмя инстинктивными сущностями, другие напихивают в него до полутора сотен. Совершив такое «наполнение», они берут определенную деятельность человека, например драку, и объясняют, что всякая «драка есть проявление инстинкта драчливости». Хотите объяснить поведение толпы? Возьмите стадный инстинкт – и объяснение готово. Почему родители заботятся о своих детях? Ничего удивительного, потому что причина – «родительский инстинкт». Люди охотятся? Все понятно: из-за «охотничьего инстинкта». Ходят в церковь? Чего проще? – у них религиозный инстинкт. И т. д., и т. п. Метод объяснения гениально прост. Ясно, однако, что суть его та же самая, что и у анимистического объяснения. Внешнее различие заключается в том, что старомодные слова «дух», «душа», «бог» и «дьявол» заменяются модным термином «инстинкты».

Стоит ли удивляться, что при таком объяснении каждый волен вложить в человека столько разнообразных инстинктов, сколько пожелает. Очевидно, тем не менее, что подобная процедура не что иное, как объяснение *obscurum per obscurius* – неясного еще более неясным. Естественно, подобное объяснение вовсе и не объяснение. Более того, поскольку сам «инстинкт» есть нечто неощутимое, чрезвычайно трудно установить какую-нибудь связь между нематериальной «переменной» и «материальными» феноменами, рассматриваемыми как ее «проявления». Допустим, что A – это родительский инстинкт. Инстинктивист утверждает, что ряд явлений: a, b, c, d – функции этой «переменной», т. е. $a, b, c, d = f(A)$. Чтобы доказать это равенство, мы должны знать A . Но, поскольку он нематериален, мы не можем его ухватить, измерить его и доказать это равенство. Сам факт того, что a, b, c, d суть материальные или транссубъективные явления (действия) и что A есть субъективная «сила» нематериального характера, не позволяет нам перекинуть между ними никакого мостика, который можно было бы объективно измерить и испытать. Поэтому все уравнения подобного типа, где одна часть состоит из транссубъективных явлений (a, b, c, d), тогда как другая из чисто субъективного (психического) опыта (инстинкт, мысль, чувство, желание, стремление, воля и т. д.), неизбежно остаются недоказуемыми, достоверность которых никому не известна. Очевидно, что подобная ситуация не очень обнадеживает.

Обращаю внимание читателя на то, что, несмотря на вышеприведенную критику, я не отрицаю существование инстинктов. В терминологии немецких философов моя критика носит «имманентный» характер. Я принимаю существование инстинктов как нечто данное и, исходя из этого, пытаюсь показать недостатки существующих теорий. По вышеприведенным причинам эти теории должны быть признаны неудовлетворительными и ошибочными, несмотря на долю истины, которая, по-видимому, в них содержится. Какова эта доля, мы сейчас увидим.

3. Бихевиористские интерпретации

А. *Общая характеристика.* На настоящий момент мы имеем не одну, а множество разных психологий, называемых «бихевиористскими». Условимся понимать здесь под бихевиоризмом то направление экспериментального изучения поведения животных и людей, которое разрабатывают Ч.С. Шеррингтон, Магнус и особенно И.П. Павлов и его школа. Эта школа, наверное, внесла больший вклад в науку о поведении человека, чем любая другая школа бихевиоризма, причем она относительно более свободна от множества спекуляций, свойственных другим бихевиористским и псевдобихевиористским «психологиям». Одно из главных ее достижений – учение об условных и безусловных (или врожденных) рефлексах. Существование последних было твердо установлено. Было показано, что все условные или приобретенные реакции прививаются на основе реакций безусловных. Кроме того, было доказано, что условные реакции, повторяемые много раз без поддержки безусловных, постепенно «угасают» и, наконец, исчезают. Также были изучены механизмы взаимосвязи между условными и безусловными рефлексам и между разными условными ответами, их внушением, изменением, угасанием, ослаблением, усилением и подавлением. В результате мы сейчас кое-что понимаем в этой загадке. Между прочим, изучение безусловных рефлексов подтвердило существование многочисленных врожденных или инстинктивных побуждений и ту важную роль, которую они играют в поведении животного и человека³⁵.

³⁵ См.: Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. М.-Пг., 1923; Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.-Л., 1927; Бехтерев В. Общие основы рефлексологии человека. М.-Пг., 1923; см. также экспериментальные исследования Г.В. Анрепа, В.М. Архангельского, Б.П. Бабкина, М. Безбокой, М.Ф. Белиц, В.В. Белякова, В.Н. Болдырева, В.А. Бурмакина, А.З. Былины, П. Васильева, Е. Воскобойниковой, Л.Н. Воскресенского, Э.Л. Горна, Ф. Гроссмана, М. Губергрица, В.А. Демидова, В.А. Дегтяревой, В.С. Дерябина, В.М. Добровольского, И.Е. Егорова, М.Н. Ерофеевой, И.В. Завадского, Г.П. Зеленого, Б.А. Когана, П.С. Купалова, С.П. Кураева, Н.И. Лепорского, И.С. Маковского, Г. Миштовта, Е.А. Нейца, Н. Кашерининовой, Н.И. Красногорского, А.Н. Крестовникова, Л.А. Орбели, А. Палладина, М.К. Петровой, И.С. Розенталя, А.А. Савича, Ю.П. Фролова, Д.С. Фурсикова, И.С. Цитовича и других, названных в книге И.П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения» и его эпохальных «Лекциях». Считая, что между врожденными рефлексам и инстинктами нет принципиальной разницы, школа признает существование множества врожденных рефлексов, и среди них такие, как «исследовательский рефлекс», «рефлекс свободы», «рефлекс цели» (аналогичный «целевому действию» У. Мак-Дугалла) и многие другие. В этом отношении школа Павлова заметно отличается от таких бихевиористов, как Джон Уотсон и другие, которые категорически, хотя вроде бы и нелогично, отрицают наличие инстинктов у человека. См. особенно статьи И.П. Павлова «Рефлекс цели» и «Рефлекс свободы» (в сборнике «Двадцатилетний опыт») и с. 13–21 в его «Лекциях». См. также: Фролов Ю.П. Современное состояние учения об инстинкте с точки зрения физиологии условных рефлексов // Известия Военно-медицинской академии. 1913, т. XXVI. Автор считает своим долгом выразить признательность Ивану Павлову за то, что тот любезно прислал ему свою новую книгу «Лекции о работе больших полушарий головного мозга», в которой подведены итоги всех важнейших результатов исследований Павлова и его учеников.

Означает ли это, что бихевиористская интерпретация человеческой деятельности и социальных процессов тождественна инстинктивистской? Вовсе нет. Между ними – большая разница. Заключается она в том, что бихевиоризм не признает существования никаких «таинственных сил», скрывающихся за объективными данными о поведении. Само понятие безусловного рефлекса означает, что между таким-то и таким-то стимулом и таким-то и таким-то ответом организма связь скорее врожденная, чем приобретенная. Врожденная она или нет, решается на основе целого ряда чисто объективных данных. То же относится и к условным реакциям, т. е. к таким реакциям, у которых связь со стимулом носит приобретенный характер. Другими словами, все уравнения школы бихевиоризма являются уравнениями между транссубъективными явлениями, а не между субъективными и транссубъективными сферами, как в теориях инстинктивистов. В лекциях Павлова невозможно найти ни одного «субъективистского» термина и никаких упоминаний об «идеях», «эмоциях», «желаниях» и т. п. Будучи таковыми, уравнения бихевиористов не знают непреодолимого разрыва между транссубъективной и субъективной областями и могут быть испытаны, проверены и доказаны. По этой причине они могут установить некоторые конкретные связи не по желанию автора, а в соответствии с очевидностью транссубъективных явлений. Этого достаточно, чтобы показать разницу между инстинктивистским и бихевиористским анализом действий человека и социальным явлением. Хотя и те, и другие признают существование определенного количества врожденных рефлексов, они сильно отличаются друг от друга по методам исследования.

Соответственно, подходы к интерпретациям социальных явлений у них тоже разные. Любая действительно бихевиористская интерпретация должна начинать с транссубъективной переменной, идти к транссубъективным явлениям и устанавливать связь между транссубъективными явлениями. Цепочка явлений нигде не должна разрываться вмешательством «психического фактора». Только после того, как эта задача решена, можно попытаться установить связи между транссубъективными и субъективными явлениями, но даже это можно сделать лишь в том случае, если эти субъективные явления найдут свое выражение в транссубъективных формах речевых реакций, жестикующих, восклицаний и других внешне наблюдаемых явлениях.

В. *Соотношение бихевиористских и небихевиористских методов изучения деятельности человека и социальных процессов.* В широком смысле каждое социологическое исследование, которое связывает одно транссубъективное явление с другим, может рассматриваться как бихевиористское. Например, вышеприведенные связи того или иного географического условия с условием экономическим или определенного экономического условия с определенной формой религиозного культа, выраженные в конкретных действиях, составляют предмет бихевиористской теории. Все подобные исследования не включают

в причинную или функциональную цепь ни одного чисто психического или субъективного звена. Они начинаются с транссубъективных данных, обращаются к транссубъективным явлениям и заканчиваются тоже транссубъективными фактами. Бихевиористских исследований, понимаемых в таком широком смысле, в социологии великое множество.

Если же понимать бихевиоризм в узком смысле – как особую интерпретацию поведения и психологии человека с точки зрения формулы: транссубъективные стимулы – реакции без какой бы то ни было интроспекции и безо всяких интроспективных методов, – то бихевиористских интерпретаций социальных явлений относительно мало. Даже те, что есть, посвящены не столько фактической интерпретации конкретной категории социальных фактов, сколько самой дискуссии о плане и программе подобной интерпретации³⁶. Кроме того, большинство этих работ, сильных в критической своей части, зачастую, как только они переходят к своей части конструктивной, оказываются либо псевдобихевиористскими³⁷, либо спекулятивными и метафизически-

³⁶ Таковыми фактически являются работы: *Bentley A.* Process of Government. 1908; *Selony G.P.* Ueber die zukunfftige Soziophysologie // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1912, S. 405–430 и ряд статей того же автора на русском языке (см. критику его концепции: *Ellwood Ch.A.* Objectivism in Sociology // American Journal of Sociology, vol. XXII, p. 289–305); отчасти работы: *Waxweiler E.* Esquisse d'une sociologie. 1906, p. 169 ff.; *Kenagy H.G.* The Theory of the Social Forces // The Psychological Review, vol. XXIV, p. 376–390; *Bernard L.L.* The Transition to an Objective Standard of Social Control; *Alport F.* Social Psychology. Примеры реальной интерпретации разных социальных явлений представлены в работах: *Павлов И.* Рефлекс цели и Рефлекс свободы // Двадцатилетний опыт, с. 204–212; *Савич В.В.* Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлекторного акта // Красная новь. 1922, № 4, с. 207–223; *Васильев Ю.А.* Очерки физиологии духа. Опыт объективной трактовки душевных явлений. Пг., 1923; *Розенталь И.С.* Влияние голода на условные рефлексы // Архив биологических наук. 1922, т. 22, вып. 3–5, и значительное количество других работ сотрудников лаборатории И.П. Павлова, перечисленных в его «Двадцатилетнем опыте» (с. 238–244); см. также: *Сорокин П.* Система социологии, т. 1–2.

³⁷ Таковы, например, работы Дюркгейма, Коста, Ваксвейлера, а в их конструктивной части – работы А. Бенгли, оперирующего термином «интерес», который так же субъективен, как термины «идеи», «чувства», «стремления» и т. д., которые он критикует в первой части своей книги «Process of Government». Псевдобихевиористичны и работы Л.Л. Бернарда с его «психосоциальными», «символическими» и «нервно-психическими» категориями, с его «отношениями симпатии», «эмоциональными, интеллектуальными и физическими отношениями», практически с полным набором методов и понятий субъективной или интроспективной психологии, только переименованных на бихевиористский манер. Не имеет отношения к бихевиоризму и его разделение на «инстинкты» и «физиологические» нужды. См.: *Bernard L.L.* An Introduction to Social Psychology. New York, 1926. То же самое можно сказать и о книге Р. Парка «Principles of Human Behavior» (1915). В некоторых случаях термин «бихевиоризм» употребляется совершенно неправильно. Например, можно только гадать, почему книга «Introduction to Sociology» (1927), изданная под редакцией Дж. Дэвиса и Г.Э. Барнса, имеет подзаголовок «бихевиористская социология», тогда как во всей книге нет абсолютно ничего от «бихевиоризма». Всем, кто действительно дорожит «бихевиоризмом» и знаком с ним, не остается ничего другого, кроме как протестовать против такого неправильного употребления термина.

ми³⁸. Ввиду горячей дискуссии, которая развернулась сейчас в психологии по поводу возможностей и границ бихевиористской интерпретации поведения человека, и ввиду того факта, что с этой проблемой мы будем сталкиваться на протяжении всего разговора о психологических теориях и что с ней сталкивается в ходе своих исследований практически каждый социолог, задержимся чуть подольше на таких проблемах: является бихевиористский подход единственно возможным при изучении человеческого поведения и социальных явлений? Имеет ли он свои собственные границы? Необходим ли метод интроспекции? И если оба подхода возможны, то где и в какой форме уместно их применение?

Крайние бихевиористы вроде Уотсона утверждают, что бихевиористского метода вполне достаточно для анализа и описания всего поведения и психологии человека и что в методах интроспекции нет необходимости, так как они не дают ничего ценного с познавательной точки зрения. Они заходят настолько далеко, что верят в возможность описания в строго бихевиористской или транссубъективной терминологии даже внутреннего или психического опыта человека, начиная с сознания и заканчивая идеями, эмоциями, желаниями и т. д. Соответственно, их «философия» начинает принимать вид своеобразного материализма, для которого психические явления не существуют или являются чем-то фиктивным, в любом случае не имеющим никакой познавательной ценности.

³⁸ Например, спекулятивный характер носит редукция психических явлений к совокупностям, состоящим из электронов и протонов, осуществляемая А.П. Вайссом. Кроме того, как и все механистические построения, о которых уже шла речь (см. главу о механистической школе), эта редукция бесполезна. Допустим даже, что человеческое сознание так же, как камень, собака и растение, состоит из электронов и протонов. Следует ли из этого, что камень, собака и растение точно такие же вещи или явления, как и сознание человека? Если нет, что, кажется, не вызывает сомнений, то какая разница между каждой из этих совокупностей электронов и протонов, составляющих собаку, камень, растение, и – сознанием? Ответа нет и, конечно, быть не может. Подобно любой «монистической формуле», пытающейся объяснить все на свете, формула Вайсса лишена смысла и одновременно с этим нелогична. См.: *Weiss A.P. A Theoretical Basis of Human Behavior*. Columbus, Ohio, 1925. Многие громкие заявления Джона Уотсона выходят далеко за пределы фактических и экспериментальных данных, и в этом смысле они тоже спекулятивны. Таково, например, его утверждение о том, что все люди, независимо от расы, совершенно одинаковы в отношении их врожденных умственных способностей. Подобный вывод ни на чем не основан и отчасти противоречит его же собственному утверждению о том, что различия в строении тела влекут за собой различия в поведении и жизнедеятельности. Спекулятивный характер носит и его решительное отрицание инстинктов, что опять же противоречит его учению о врожденных рефлексам и связи структурных особенностей с формами реакций. Спекулятивны многие ссылки на природу процессов, происходящих в нервной системе. Короче говоря, мы должны тщательно разделять, что в бихевиоризме реально подтверждено экспериментальными и другими данными, а что просто ни на чем не основанная догадка. См. статьи Уотсона и критику его бихевиоризма в статьях К. Коффки, В. Кёлера, М. Принса и особенно У. Мак-Дугалла в сборнике «Psychologies of 1925»^{12*}.

С другой стороны, есть ряд психологических и социологических теорий, утверждающих, что методы интроспекции являются предпочтительными способами познания поведения и психологии человека. По их мнению, психические явления, такие как стремления, идеи, желания, волеизъявления, чувства и т. д., – реальные силы, которые определяют поведение в его внешних и транссубъективных формах. Эти внешние действия не что иное, как проявление психических сил, которые определяются транссубъективными социальными процессами и без них не могут быть поняты. Соответственно, их причинное объяснение заключается во внедрении этих субъективных сил в цепь транссубъективных явлений (см. далее).

Какая из этих противоположных точек зрения правильна? По мнению автора, с чисто методологической точки зрения они обе ошибочны. Крайний бихевиоризм ошибается, потому что внутренний мир человека не может быть адекватно описан в терминах, пригодных для чисто внешних действий. Если же он в этих терминах описывается, то описание либо оказывается чрезвычайно бедным и неполноценным, как речь заики, либо превращается в замаскированное интроспективное описание и становится псевдобихевиористским. Вот примеры:

«Сознание – это скопление электронов и протонов» (А.П. Вайсс).

Сознание – это «сложное соединение и продолжение телесной активности, которое тесно связано с вербальными и двигательными механизмами или задействует их и поэтому наиболее часто находит социальное самовыражение» (К.С. Лешли)³⁹.

Эмоция – это «особая связь между стимулом и реакцией» (У.С. Хантер)⁴⁰.

Если бы в начале этих определений я не написал слова «сознание» и «эмоции», никто бы не догадался, что эти формулы являются дефинициями сознания и эмоций. До такой степени они бедны, неадекватны и «безмолвны». Более того, мой стол тоже скопление электронов и протонов. Означает ли это, что он является «сознанием»? Лягушка являет собой «сложное соединение и продолжение телесной активности, которое тесно связано с вербальными и двигательными механизмами или задействует их». Означает ли это это, что лягушка есть «сознание» и что ее сознание такое же, как у человека? Змея, безусловно, проявляет «особую связь между стимулом и реакцией». Должны ли мы заключить, что змея – это «эмоция» и что ее эмоции идентичны человеческим? Этих замечаний достаточно, чтобы показать, почему подобные описания недостаточны и совершенно неадекватны. Они свидетельствуют еще и о том, что подобные «научные» формулы фактически являются метафизикой худшего сорта. Вот примеры немного получше. Пусть читатель угадает, какие явления или какой тип поведения описывают следующие определения:

³⁹ *Lashley K.S. The Behavioristic Interpretation of Consciousness // Psychological Review. 1923, vol. XXX, p. 237, 329.*

⁴⁰ *Hunter W.S. The Problem of Consciousness // Psychological Review. 1924, p. 1–31; Psychology and Anthroponomy // Psychologies of 1925, p. 91.*

№ 1. «Задержка дыхания, вздрагивание или дрожь по всему телу, крик, нередко испражнение или мочеиспускание».

№ 2. «Сдерживание крика, журчащие, воркующие и многие другие неопределенные (реакции). Господство висцеральных факторов, проявляющееся в изменении дыхания и кровообращения, эрекции пениса».

№ 3. «Напряженность всего тела, крик, временная приостановка дыхания, покраснение, а потом позеленение лица»⁴¹.

Если кто-то скажет, что данные описания представляют собой непостижимые иероглифы без ключа, дающего возможность их прочесть, то будет недалек от истины. Более того, формулы настолько расплывчаты, что под их описания могут подпадать десятки разных форм поведения. Наконец, с трудом догадываешься, что формула № 1 описывает «страх», № 2 – «любовь», а № 3 – «гнев». Только с введением этих интроспективных ключей – «страх», «любовь» и «гнев» – эти формулы приобретают реальную познавательную ценность и некоторый научный смысл. Данный факт доказывает, что наш интроспективно приобретаемый опыт небесполезен. Он показывает также, что чисто бихевиористское описание человеческого поведения при полном игнорировании знания и терминологии интроспективной психологии неизбежно окажется чрезвычайно обедненным и неадекватным⁴².

Но это еще не все. Неадекватность строго бихевиористского описания действий и психологии человека заключается еще и в том, что оно совсем не может уловить ничего из того, что называется «смыслом» внешних поступков, субъективных психических процессов и таких символических социальных явлений, как наука, религия, идеология, церковь, школа и т. д. «Смысл» вообще невозможно описать с помощью терминологии крайнего бихевиоризма, потому что «смысл» не транссубъективное или внешнее явление, которое можно наблюдать по изменениям мускулатуры, желез или нервной системы. Смысл философии

⁴¹ *Watson J.B.* Experimental Studies of the Growth of the Emotions // *Psychologies of 1925*, p. 49–50.

⁴² Доктор В. Кёлер совершенно прав, говоря, что даже поведение обезьяны не может быть адекватно описано, если мы будем следовать советам крайних бихевиористов. В таком случае «одно следствие будет неизбежным: наше описание поведения окажется чрезвычайно бедным, а наши понятия вскоре станут такими же тощими, как и наш материал» (*Köhler W.* Intelligence of Apes // *Psychologies of 1925*, p. 153). Теперь понятно, почему очень многие известные бихевиористы, такие как В. Бехтерев, И. Павлов, В. Вагнер, Э.Ч. Толмен, даже Ф.Г. Олпорт, либо открыто признавали познавательную ценность интроспективного метода и необходимость сочетания внутреннего и бихевиористского методов изучения психологии и поведения человека, либо косвенным образом использовали такие термины, которые по своей сути носили «интроспективный» характер. См.: *Бехтерев В.* Общие основы рефлексологии человека, с. 128; *Вагнер В.* Био-психология, т. I, с. 157–249; другие ссылки в моей «Системе социологии» (т. I, с. 50–76)^{13*}; см. также: *Ellwood Ch.* Objectivism in Sociology; *Koffka K.* The Growth of the Mind. New York, 1924, ch. I, II.

Канта, «Начал» Ньютона, конфуцианства или высказывания «дважды два четыре» – это ни физическое явление, ни описание в терминах сокращения мускулатуры и желез, его нельзя рассмотреть в микроскоп или изучить с помощью химического анализа. «Сеть бихевиоризма» не может уловить «смысл» вообще, так же как единицу веса невозможно использовать для измерения пространства. Выражение «расстояние от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса пять тысяч тонн» абсурдно. Не менее абсурдны и такие выражения: «Сознание – это вокальный или субвокальный рефлекс», «Этика Канта есть целостность, состоящая из скоплений электронов и протонов» или «Феномены собственности – это сочетания хватательных и собирательных реакций организма, сопровождающихся таким-то и таким-то выделением определенного рода желез». Не только смысл этих сложных явлений, но даже смысл таких вещей, как «любовь и ненависть, уважение и преданность, злоба и страх, счастье и страдание», не может быть ни понят, ни описан строго бихевиористскими методами при исключении «интроспективного опыта». Уотсон пишет: «Негры проявляют страх» или «трепет» или «почтение»⁴³. Это не описание бихевиориста, потому что все, что могут проявить негры перед наблюдателем, исключая интроспекцию и психический опыт, – это то или другое изменение мускулатуры, реакции и прочие транссубъективные движения, среди которых нет никакого «страха», «любви» и «трепета» или иного проявления души. Само употребление этих и аналогичных им терминов является засорением чистого бихевиоризма «интроспекцией». То же самое следует сказать и о таких популярных терминах бихевиоризма, как «символические стимулы», «позиция» и «психосоциальный шаблон поведения». Символ неотделим от смысла, а смысл символического стимула отличается от его физических свойств. С физической точки зрения государственный флаг – это всего лишь прикрепленный к древку кусок материи. Тем не менее как символ он означает нечто совершенно иное и гораздо более сложное. В физическом смысле книга «Государство» Платона – это только бумага с какими-то черными значками на белом листе. Как сочинение Платона она значит что-то абсолютно другое, чем бумага и значки. Так как бихевиорист отказывается использовать внутренний опыт и ограничивает свою задачу описанием видимых и физических явлений, для него само понятие символа не существует и существовать не может. Настоящие великие бихевиористы, такие как Павлов и Шеррингтон, не имеют дела ни с каким не наблюдаемым «извне» явлением поведения, и не используют термины откровенной или замаскированной интроспективной психологии, и вообще не пытаются «измерить дистанцию единицами веса» или «бихевиористски» исследовать явления внутреннего и субъективного мира. Если бихевиорист использует «внутренний опыт», он перестает быть чистым бихевиористом и в закамoufl-

⁴³ *Watson J.B. Experimental Studies of the Growth of the Emotions // Psychologies of 1925, p. 37.*

рованном виде внедряет ранее отрицаемый им «интроспективизм». То же самое можно сказать и о «позиции»⁴⁴, «установке», «шаблоне поведения» и о других популярных среди бихевиористов терминах. Эти термины в замаскированном виде содержат в себе многое от «внутреннего психического опыта» и благодаря этому обретают более или менее понятный смысл. Фактически все крайние псевдобихевиористы делают это и контрабандой снова вводят то, что ранее отбрасывали. Это означает, что они непоследовательны и сами подтверждают неадекватность своего метода. Это ведет к еще одному неудобству с методологической точки зрения. Из-за скрытого использования терминологии интроспективизма, их описания поведения человека становятся туманными, расплывчатыми и непонятными, как приведенные выше бихевиористские формулы.

Этих примеров достаточно, чтобы показать некоторые заблуждения крайнего псевдобихевиоризма⁴⁵. Означает ли это, что правы крайние интроспективисты? Отнюдь нет. Бихевиоризм в пределах собственных границ действительно один из самых ценных методов научного изучения поведения человека, а через поведение человека и социальных явлений. Без изучения механизмов и форм внешних или транссубъективных человеческих действий мы никогда не сможем установить ничего объективного и точного в данной области. В мире транссубъективных явлений бихевиоризм – единственный метод, который может быть научно использован. Как я пытался показать, его недостатки начинаются с того момента, когда он вторгается в сферу субъективного опыта, т. е. начинает измерять расстояние весовыми единицами и, поскольку сделать это невозможно, переходит к отрицанию ценности других методов и даже самого существования сферы психического опыта. Если отвлечься от этих неудачных попыток, которых не предпринимают настоящие бихевиористы (Павлов, Шеррингтон, Магнус), то он абсолютно прав, когда утверждает, что изучает поведение человека как транссубъективное явление без включения психических агентов в причинную цепь транссубъективных событий или реакций. Это тем не менее не дает ему права ни отрицать познавательную ценность интроспекции, ни исключать возможности описания человеческого опыта с точки зрения внутреннего мира, чего настоящие бихевиористы и не делают. Термины «страх», «любовь» и «гнев», поставленные рядом с вышеприведенными формулами Уотсона, не искажают ни их объективного характера, ни их значения, а скорее увеличивают их научную ценность

⁴⁴ См., например: *Allport F. Social Psychology*, p. 244 ff.; *Bernard L.L. Introduction to Social Psychology*, p. 246 ff.

⁴⁵ Многие другие недостатки крайнего бихевиоризма в психологии и социологии отмечены в статьях К. Коффки, В. Кёлера, У. Мак-Дугалла, М. Бентли, М. Принца и Р. Вудворта в сборнике «Psychologies of 1925». См. также: *Roback A.A. Behaviorism and Psychology*. Cambridge, 1923; *Ellwood Ch. Objectivism in Sociology*; *Faris E. The Subjective Aspect of Culture* // *Publications of the American Sociological Society*, vol. XIX, p. 37–46; *Ogden C.K. The Meaning of Psychology*. New York, 1926. См. также цитированные работы В. Вагнера, Бехтерева, П. Сорокина и Петражицкого.

и наше знание о поведении человека. Формула бихевиоризма отражает внешнюю или транссубъективную сторону явления, а интроспективизм – связанный с ней жизненный опыт, а вместе они отражают их взаимную связь и цельность. От этого сочетания наше знание увеличивается, каждый вид описания становится более точным и ценным, а их смыслы взаимодополняются. Когда все делается правильно, то с чисто познавательной точки зрения невозможно увидеть никаких недостатков, проистекающих от такого взаимодополнения.

Но, чтобы достичь вышеупомянутых преимуществ, оба метода должны использоваться в своих собственных сферах. Ни один из них не имеет права вторгаться в область другого с его совершенно иными методами, совсем непригодными для изучения чужой ему сферы. Оба способа описания должны находиться рядом друг с другом, но не должны смешиваться. Интроспективный опыт никоим образом не должен вторгаться в причинную цепь транссубъективного поведения, а транссубъективные понятия и подходы не должны использоваться для описания внутреннего опыта. Образец их отношений должен быть следующим:

Страх – (интроспективное описание изнутри)

задержка дыхания, вздрагивание или дрожь по всему телу и т. д.
(бихевиористское описание извне)

Оба описания, как разные языки, обозначают с помощью разных терминов две стороны явлений и их связь. Пусть бихевиоризм изучает свои транссубъективные явления объективными методами, а интроспективисты занимаются тем же самым в отношении внутреннего опыта человека. Как только они вторгаются в чужую для них сферу, так начинают измерять расстояние единицами веса⁴⁶. В отношении крайнего бихевиоризма это было показано выше. В отношении интроспективизма и интроспективной социологии это *in extenso*^{14*} будет показано ниже. А пока что высказанных замечаний достаточно, чтобы в общих чертах обрисовать позицию, которую мы должны занять в дискуссии по этой проблеме, и чтобы дальнейшая критика интроспективных психологических интерпретаций социальных явлений была понятной. Теперь вернемся к исследованиям конкретных проблем, которыми занимается социология бихевиористского типа.

С. Влияние пищевых стимулов на поведение человека, социальные процессы и организацию общества. Фактических интерпретаций социальных явлений с бихевиористской точки зрения пока еще очень мало. О некоторых из них уже было упомянуто выше. Есть и другие, но они тоже или представляют собой просто план бихевиористского исследования, или носят чересчур общий характер,

⁴⁶ Читатель должен заметить, что такое решение проблемы является не психофизическим параллелизмом в философском смысле слова, а параллелизмом методологическим, значительно от него отличающимся. Этот методологический параллелизм двух методов исследования ни в коем случае не претендует на решение проблемы души и тела и не примыкает ни к одному из существующих решений этой проблемы.

чтобы на самом деле быть интерпретацией. В качестве примера нескольких фактических исследований социальных явлений с точки зрения обрисованного в общих чертах умеренного бихевиоризма, я возьму на себя смелость изложить здесь основные идеи моего исследования, посвященного связям пищевых стимулов с поведением и психологией человека, социальными процессами и организацией общества. Его недостатки могут послужить предостережением, а достоинства – стимулом для других бихевиористских интерпретаций социальных фактов⁴⁷.

Основные принципы этого исследования те же, что в общих чертах были обрисованы выше. Во-первых, начать следует с транссубъективного стимула, который может быть измерен, перейти к транссубъективным явлениям и закончить транссубъективными фактами. Во-вторых, причинная цепь транссубъективных явлений не должна быть нарушаема вмешательством внутреннего психического опыта или внутренних переживаний. В-третьих, описание внутренних психических переживаний, которыми сопровождаются изменения в количестве и качестве потребляемой еды, должно быть добавлено к описанию изменений в области транссубъективных явлений, но не должно смешиваться с ним. В-четвертых, за отправной пункт исследования берется учение о процессе пищеварения, разработанное Павловым, о психическом центре, который им управляет, и о работе его механизма – безусловном и условном способе стимуляции и подавления «пищевого центра нервной системы» через кровь и саму нервную систему, – короче говоря, все основные идеи теории Павлова⁴⁸. Если опустить здесь детали, методологию и многие частности и оговорки, то полученные результаты можно суммировать следующим образом.

Взяв количество и качество потребляемой пищи как независимую переменную и сконцентрировав внимание на тех случаях, когда эта переменная ниже физиологического минимума, т. е. когда налицо имеется физиологическое голодание, мы получаем, во-первых, ряд *корреляций между данной переменной и телесными характеристиками человека и животных*, установленными многими исследователями. Количество и качество еды определяют многие особенности пищеварительного тракта и его органов, рост, вес, химический состав тела, размер груди, форму черепа и другие физические черты. Во всех этих отношениях голодание вызывает серьезные изменения. По этой причине ряд телесных различий разных социальных групп, которые потребляют пищу разного качества

⁴⁷ Сорокин П. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Пг.: Колос, 1922. Книга, уже находившаяся в печати, была уничтожена советским правительством. От тома объемом примерно в 600 страниц у меня осталось лишь около 300 страниц в гранках^{15*}.

⁴⁸ См.: Павлов И. Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897; The Work of the Digestive Glands. London, 1902; Бабкин Б. Внешняя секреция пищеварительных желез. Пг., 1915; Лондон Е. Физиология и патология пищеварения. Пг., 1916; Павлов И. О пищевом центре; «Настоящая физиология» головного мозга // Двадцатилетний опыт, с. 92–99. В этих работах указана и другая литература.

и в разном количестве, можно объяснить этим фактором. Например, больший вес и рост представителей хорошо обеспеченных классов по сравнению с весом и ростом бедных слоев⁴⁹.

Во-вторых, *голодание вызывает фундаментальные изменения во всех физиологических процессах*, которые достаточно хорошо изучены физиологами.

В-третьих, *телесные и физиологические изменения, вызываемые голода-*

нием, сопровождаются рядом изменений в субъективном психическом опыте. (А) В начале физиологического и относительного голодания в области чувств и эмоций у нас появляется «аппетит». Если голодание продолжается, «аппетит» превращается в совершенно иное по сравнению с ним чувство «голода» и позднее – в различные сложные чувства слабости, тупой боли, «опустошенности» и апатии, прерываемые моментами раздражения, озлобления, бесчувственности и общей психической подавленностью. (В) В области ощущения, восприятия и внимания первые стадии голодания сопровождаются снижением чувствительности и внимания ко всем явлениям, которые не имеют отношения к еде и питанию, и резким возрастанием чувствительности и внимания ко всему, что прямо или косвенно с ними связано. Человек становится безразличным и глухим ко всему, кроме еды и питания. Продолжение голодания, наконец, приводит к общему оупению и апатии. Вся система восприятия приходит в расстройство и теряет способность анализировать внешний мир и его компоненты. (С) В области репродуктивного воображения и ассоциации идей голодание сопровождается вытеснением из сознания всех образов, представлений и идей, никак не связанных с едой и питанием, и наполнением его образами, представлениями и идеями «пищевого характера». В то же время свободное течение мысленных ассоциаций все чаще и чаще прерывается неконтролируемым волей вторжением «пищевых представлений, образов и идей», которые часто приводят к «пищевой» галлюцинации и голодному бреду. Люди все больше утрачивают способность думать о чем бы то ни было, кроме еды и всего, что с ней связано. (D) В области речевых реакций это выражается в том, что «продовольственные темы» начинают занимать все больше места и вытесняют все другие темы из разговоров голодающих людей. (Е) Что касается памяти, то на начальной стадии голодания происходит ослабление памяти о вещах и событиях, не связанных с едой, и усиление ее в отношении продовольственных явлений. На более поздних стадиях голодания память ослабевает вообще и человек забывает даже собственное имя и адрес. (F) В области стремлений и желаний наблюдается ослабление желаний, не связанных с едой, и усиление желаний, направленных на еду. (G) Что касается воли как сознательного усилия, то она тоже ослабевает, и при длительном голодании человек становится апатичным, безразличным и неспособным ни к какому целенаправленному усилию. (H) В сфере психической жизни

⁴⁹ См. также: *Armitage F.P. Diet and Race. London, 1922.*

в целом голодание ломает весь ее уклад. Сильное и продолжительное голодание приводит к распаду «я», дезорганизации личности, ее гармонии и целостности, в результате чего ослабевает способность связно мыслить, сосредоточиваться хоть на чем-нибудь, что в конце концов приводит к психическим и умственным расстройствам⁵⁰. Таким образом, голодание приводит к тому, что тело, физиология и психика человека сильно меняются.

В-четвертых, голодание изменяет все поведение человека. Под влиянием дефицитного голодания человек изменяется не только физически, физиологически и психически, – меняется и его поведение. Это изменение главным образом проявляется в том, что для голодающего все более привлекательными становятся пищевые объекты и то, что можно на них обменять. Другими словами, все поведение, как правило, принимает характер приобретенных пищевых реакций, т. е. реакций, направленных на продукты питания или на то, что может их заменить. Сам факт привлекательности продуктов питания носит характер не приобретенный, а врожденный. Способ реализации или конкретное воплощение этого [инстинкта] в тех или иных образцах поведения изучены и меняются в зависимости от обстоятельств. С этой точки зрения всю совокупность действий, связанных с поиском еды, можно разделить на действия чистые, стимулируемые исключительно отсутствием еды, и смешанные, стимулируемые как ее отсутствием, так и другими факторами. Обе разновидности действий можно далее подразделить на *простые* реакции (получение еды, жевание и проглатывание) и *сложные*, состоящие из длинной цепи разного рода действий, нацеленных на приобретение еды (надо устроиться на работу, отработать, сходить в магазин, купить продукты, приготовить их и, наконец, употребить).

Анализируя ту часть, которую подобного рода действия занимают в общей совокупности человеческих поступков, можно сделать следующее обобщение: *чем больше препятствий приходится преодолевать, чтобы раздобыть продукты питания, тем больше пропорция подобных действий во всем поведении человека*. Когда этих препятствий становится чрезвычайно много – как в тех случаях, когда наступает период всеобщего голода, – все поведение человека, как правило, подчиняется лишь одной цели – поиску пищи и состоит из чистых и смешанных действий, направленных исключительно на поиски еды. Это подтверждают и результаты изучения бюджета времени человека и совокупности его доходов и расходов. Однако интенсивность продовольственной охоты не является посто-

⁵⁰ Сорокин П. Цит. соч., с. 1–112; см. также: Петражицкий Л. Введение в теорию права и нравственности, ч. II; Luciani. Das Hungern. 1890; Пауштин В. Курс общей и экспериментальной патологии. СПб., 1902, т. II; Boring E.G. Processes Referred to the Alimentary and Urinary Tracts // The Psychological Review. 1915, № 4; Marsh. Individual and Sex Differences // The Psychological Review. 1916, p. 434–445; Cannon W.B. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear, and Rage; Armitage F.P. Diet and Race. London, 1922. Другая литература приведена в моей книге.

янной, а меняется в зависимости от длительности и степени голодания. При абсолютном голодании она обычно достигает своего пика на третий, четвертый и пятый дни. После этого ее интенсивность начинает снижаться в результате общего упадка сил и ослабления энергии человека.

Вышеизложенное означает, что голод обычно вытесняет из совокупных актов поведения все действия, которые не связаны с питанием, и превращает физическое тело в механизм, предназначенный исключительно для переваривания пищи. Соответственно, под влиянием отсутствия еды люди идут на риск и совершают массу опасных деяний, которых они не совершали бы, не будь они голодными (подавление голодом реакций самосохранения). То же самое относится и к совокупности действий, направленных на защиту интересов группы, к которой принадлежит человек. Действий, вредных для группы или отдельных членов группы, но которые могут помочь при данных обстоятельствах утолить голод, как правило, становится больше. Поэтому люди, которые при хорошем питании испытывают ужас перед людоедством, во время голода нередко становятся каннибалами и убивают своих соседей, детей и собратьев, чтобы съесть их. По той же самой причине, т. е. чтобы как-то облегчить муки голода, растет число убийств недееспособных членов группы. В условиях голода даже честный человек ради куска хлеба может предать и своих друзей, и своих родных. Точно так же и группа половых реакций претерпевает прямое и косвенное изменение. Сексуальный аппетит слабеет и исчезает. Акты совокупления становятся реже. Половая любовь и романтика, как правило, исчезают. С другой стороны, сексуальное целомудрие может быть отброшено, если занятие проституцией помогает получить еду. Поэтому во время голода количество женщин, промысляющих этим ремеслом, увеличивается, если находятся покупатели. Аналогичным образом все другие приобретенные в течение жизни навыки – религиозные, моральные, социальные, эстетические и конвенциональные – перестают действовать, если они в данных обстоятельствах мешают утолить голод. Честный человек становится вором; горделивый делается кротким; независимый готов, как Исав, продать свое первородство, достоинство и свободу за хлеб и чечевичную похлебку^{16*}. Наконец, убеждения, мнения и верования также претерпевают изменения, если препятствуют удовлетворению голода. Таким образом, меняется все поведения человека.

В-пятых, *вышеупомянутая модификация человеческого поведения позволяет понять те заметные изменения в области социальных явлений, которые происходят, когда значительная часть населения начинает голодать или испытывать раздражение из-за нехватки продуктов питания*. Поскольку действия, связанные с добыванием еды, совершаются по несколько раз каждый день, это объясняет, почему в любом существующем обществе есть некоторых социальные институты, которые являются, если можно так выразиться, постоянными функциями пицетаксиса. Все виды деятельности и все институты общества,

цель которых состоит в добывании продуктов питания для своих членов, их приготовлении, распределении и потреблении, должны расцениваться как подобные постоянные социальные функции фактора пищевого фактора. Значительная часть так называемых экономических институтов производства, распределения, обмена и потребления имеет эту природу, независимо от их конкретной формы. Наряду с этими постоянными функциями периодически возникают социальные функции этого фактора, когда наступает время массового голода. В этом случае поведение всего голодающего населения приобретает вышеупомянутый характер продовольственной охоты. В этих условиях можно ожидать, что голод в зависимости от конкретных обстоятельств охваченного им общества будет иметь для него одно или несколько из следующих социальных последствий: *во-первых, изобретение новых или улучшение старых методов добывания пищи; во-вторых, увеличение импорта продуктов питания из других стран; в-третьих, усиление мирной или насильственной эмиграции из страны, охваченной голодом, в другие страны, где нет голода; в-четвертых, завоевание стран, где нет голода, голодающим населением или предотвращение такого вторжения в благополучное общество силовыми методами, которые выливаются в войну и конфликт; в-пятых, увеличение преступлений против собственности и в меньшей степени против личности; в-шестых, усиление беспорядков и революция как способ насильственной апроприации богатства и еды зажиточных классов бедными и голодающими; в-седьмых, усиление правительственного вмешательства в экономические вопросы и контроля над поставками продовольствия и его распределением (обусловленный голодом государственный социализм); в-восьмых, порабощение или усиление зависимости бедных от богатых в обмен на хлеб; в-девятых, если все эти проявления продовольственной охоты не удовлетворяют потребность, то либо уровень смертности растет, либо падает рождаемость, или же происходит и то и другое одновременно; в-десятых, речевые реакции общества также изменяются в сторону увеличения «продуктивно-речевых реакций», измеряемых объемом, который данному вопросу отводится в газетах, количеством заседаний парламента и других политических органов для обсуждения продовольственной проблемы, темами частных разговоров и т. д.; в-одиннадцатых, среди идеологий, существующих в обществе, особенно влиятельными и заразительными становятся те, которые при существующих обстоятельствах призывают к действиям, обещающим удовлетворение голода (например, к конфискации богатства или вторжению в богатую страну), тогда как идеологии противоположного характера теряют свою популярность.*

Одно или чаще всего несколько из этих последствий непременно наблюдаются в обществе, в котором питание значительной части его населения становится дефицитным или ухудшается в качественном и количественном отношении. Логическая проверка этих утверждений с помощью исторических, статистиче-

ских данных, экспериментальных материалов и наблюдений подтверждает их и доказывает наличие связи между флуктуацией качества и количества потребляемой обществом пищи и такими явлениями, как миграция, война, преступность, революция, ужесточение государственного контроля, повышение уровня смертности и снижение уровня рождаемости, а также рост и падение популярности и притягательности тех или иных идеологий.

Хотя воздействия, которые оказывает на общество один и тот же фактор, многообразны, это не должно нас смущать, поскольку обстоятельства a, b, c, d, e, f, в условиях которых действует фактор, в разных обществах разные. Естественно, что конкретные воздействия рассматриваемого фактора тоже должны быть разными. Таким образом, вышесказанное должно показать, что социальные воздействия столь прозаичных факторов, как количество и качество потребляемой пищи, огромны. Они воздействуют так глубоко, что влияют на такие далекие от них явления, как общественные идеологии и верования. Тем не менее связь между ними вполне осязаема и должна учитываться.

Это исследование убедило автора в важной роли безусловных рефлексов⁵¹. Хотя конкретные формы «пищедобывательных» реакций могут быть самыми разными и большинство из них уже изучены, все же линия поведения, направленного на добывание пищи, многие «пищевые рефлексы», начиная с тех, что срабатывают в ответ на внешний вид съедобных и несъедобных продуктов, и заканчивая фундаментальным механизмом, контролирующим основные процессы пищеварения и т. д., – все эти рефлексы, безусловно, имеют врожденный характер. Они «задают тон» всей «сложной симфонии» фактического поведения голодающего человека и приобретенным им реакциям. Эти врожденные рефлексы непостижимым образом управляют всем поведением голодающего человека. То же самое можно сказать и о многих других безусловных рефлексах. Это означает, что крайний «энвайронментализм» неприемлем с точки зрения бихевиоризма⁵².

⁵¹ То же самое я могу сказать и на основе своего изучения событий революции. Без учета подавления ряда безусловных рефлексов невозможно понять самые важные особенности этих событий. См. мою книгу «Sociology of Revolution».

⁵² Абстрактно рассуждая об инстинктах и заученных действиях, легко построить такую угодно одностороннюю теорию. Пока не начинаешь с ними работать, они могут выглядеть вполне прилично. Однако, как только исследователь принимается за решение реальной проблемы и начинает ее анализировать, оказывается, что большинство односторонних и «прилизанных» общих теорий не работает. Вот почему я и здесь, и в других главах этой книги ссылаюсь обычно на фундаментальные исследования, опирающиеся на факты, а не общие «Очерки», «Основания» и «Введения», которые полны этих абстрактных и непроверенных рассуждений. Между прочим, любопытно отметить, что в то время как многие псевдобихевиористские социологические трактаты отрицают существование или важную роль безусловных рефлексов и «инстинктов», подлинный бихевиоризм рассматривает их как главную основу всех условных рефлексов. «Совокупность этих рефлексов (или “инстинктов”) составляет основной фонд нервной деятельности как человека, так и животных», – утверждает И.П. Павлов (Лекции о работе больших полушарий головного мозга, гл. I и passim).

Я уже указывал на основные недостатки инстинктивистских теорий. В правильной бихевиористской интерпретации содержатся сильные стороны инстинктивизма без его недостатков. Так что, когда количество подлинно бихевиористских исследований будет достаточно велико, когда существующие безусловные реакции и их типичные комбинации в более сложные связки будут достаточно изучены, когда их механизм стимуляции, запрета, модификации и взаимосвязей будет хорошо исследован, когда их периодичность будет адекватно проанализирована и продвинется вперед изучение взаимосвязи условных рефлексов и когда, наконец, относительная сила разных условных и безусловных рефлексов будет измерена и установлен приблизительный индекс их сравнительной влияния⁵³, – тогда у нас будут все основания ожидать, что бихевиористская интерпретация социальных явлений прольет яркий свет на загадки человеческого поведения и истории. Перспектива весьма заманчивая, но чтобы ее реализовать, необходимо отказаться от теперешней «болтологии» вокруг «инстинктов», от вторжения метафизики в область внутреннего опыта и от безудержной спекуляции. Необходимо, чтобы мы начали работать над тщательным объективным исследованием безусловных и условных рефлексов в указанном выше направлении.

4. Интерпретации с помощью таких понятий, как стремления, волеизъявления, боль и радость, интересы, желания и жизненные позиции

А. Общая характеристика направления. Третья основная разновидность психологической школы представлена многочисленными теориями, которые рассматривают психологический опыт как ключ к пониманию поведения человека и социальных процессов, разделяют его на группы и рассматривают их как силы, движущие человеческим поведением и социальными процессами, и интерпретируют эти процессы как проявления динамики этих сил. Нет ну-

⁵³ Насколько мне известно, было лишь несколько попыток измерить относительную силу разных «побудительных мотивов» и найти методы такого измерения. См.: *Moore H.T.* A Method of Testing the Strength of Instincts // *American Journal of Psychology*, vol. XXVII, p. 227–233. Метод показался мне неудачным. Гораздо более успешными для решения проблемы оказались экспериментальные методы, используемые школой Павлова. См.: *Архангельский В.М.* Относительная сила разных видов внутреннего торможения // *Труды физиологических лабораторий акад. И.П. Павлова*. М.–Л., 1924, т. I, вып. 1; *Тихомиров Н.П.* Сила раздражителя в качестве особого условного раздражителя // *Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге*. СПб., 1910, т. 77; *Chapin F.S.* Measuring the Volume of Social Stimuli // *Social Forces*, vol. IV, p. 479–495. Изучая голод, я пытался, используя «метод конфликта» и наблюдая, какая из конфликтующих реакций, вызываемых разными стимулами, подавляется, а какая сохраняется в физиологическом механизме, рассчитать приблизительные индексы относительной силы основных «движущих мотивов».

жды говорить, что основы такой интерпретации очень стары. Начиная с древних источников индийской, китайской, греческой и римской мысли и переходя к трудам средневековых авторов, везде мы находим суждения, приписывающие человеческим страстям, чувствам, желаниям, вожделениям, волеизъявлениям и другим субъективным психическим силам хорошее или плохое, но большое влияние. В тех же источниках мы находим некоторые классификации этих факторов. В настоящий момент есть довольно много теорий подобного рода. Терминологией они несколько отличаются друг от друга, но сущность у них одна: все они берут психический опыт как «переменную» для интерпретации поведения человека и социальных процессов и рассматривают последние как функцию игры данных переменных. К рассмотрению основных разновидностей этих теорий мы сейчас и приступим.

В. *Интерпретации в терминах верований, стремлений и волеизъявлений.* Габриель Тард. Наверное, самыми известными современными представителями этого типа интерпретации являются Габриель Тард (1843–1904) и Лестер Ф. Уорд (1841–1913). Среди социологов конца XIX – начала XX в. Тард занимает одно из самых видных мест. Он родился в небольшом французском городке^{17*}, был судьей, криминальным статистиком, редактором научного журнала и, наконец, занял должность профессора современной философии в «College de France»^{18*}. Из его многочисленных работ наиболее важны следующие: «Les lois de l'imitation» (1890, английский перевод Е.С. Parsons, 1903), «La philosophie pénale» (1890), «Les transformations du droit» (1893), «La logique sociale» (1895), «Essais et mélanges sociologiques» (1895), «L'opposition universelle» (1897), «Les lois sociales» (1898, английский перевод Н.С. Warren, 1899), «Études de psychologie sociale» (1898), «L'opinion et la foule» (1901). Краткое изложение основных идей социологического учения Тарда дано в его работе «Социальные законы»⁵⁴.

Блестящий писатель и вдохновенный мыслитель, Тард оставил очень много оригинальных планов, идей и теорий в социологии, социальной психологии, криминологии, экономике и философии. Его теории хотя и отмечены оригинальностью, вдохновением и интуицией, указывают на то, что Тард был скорее социальным философом, чем строгим и дотошным ученым. Многим его теориям

⁵⁴ О Тарде см.: *Davis M.M.* Op. cit., p. 83–260 (обращаю внимание на добротную библиографию сочинений Тарда на p. 254–260); статьи Р. Вормса, Э. Левассера, М. Ковалевского, П. Гриманелли, Шарля Лимузена и других в «Revue international de sociologie» (1904, vol. XII); *Bouglé C.* Gabriel Tarde // *Revue de Paris.* 1905, vol. III; *Belot.* La logique sociale d'après M. Tarde // *Revue philosophique.* 1896, vol. IV; *Vierkandt A.G.* Tarde und die Bestrebungen der Soziologie // *Zeitschrift für Sozialwissenschaft.* 1899, Jahrgang II; *Tosti G.* The Sociological Theories of Tarde // *Political Science Quarterly.* 1897, vol. XII; *Ward L.F.* Tarde's Social Laws // *Science.* 1900, vol. XI; *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. I; *Lichtenberger J.P.* Op. cit., ch. XIV; *Squillace F.* Op. cit., p. 321 ff.

не хватает необходимой точности и четкости, некоторые другие носят весьма спекулятивный характер. Тем не менее Тард оказал огромное влияние на современную социологическую мысль. Если оставить в стороне его метафизику, монадологию, криминологию и другие теории, не имеющие прямого отношения к социологии, то принципы социологической системы Тарда можно изложить следующим образом:

1. Социальные явления по своей природе носят психологический характер. Они состоят из взаимодействия индивидуальных умов, из верований и стремлений взаимодействующих индивидов. Там, где такое психическое взаимодействие происходит, там существуют и общество, и социальные явления в их чистом виде. Где подобных психических взаимодействий нет, там нет и общества⁵⁵. Это свидетельствует о том, что Тард, хотя он и является психологическим социологом, все же отказывается присоединяться и к психосоциальному, т. е. биологическому органицизму. Он решительно отклоняет все теории «социального ума» или «коллективной души» и т. п. и остается представителем «номинализма» в социологии.

2. Ментальное, или интер-мозговое (inter-cerebral) взаимодействие людей, т. е. обмен и циркуляция стремлений и верований, которые составляют сущность социальных процессов, имеет три основные формы: *повторение*, или подражание, *оппозиция* и *адаптация*, или изобретение. Любая новая идея или новое мнение, возникающее в уме индивида, как правило, повторяется другими людьми, становится для них образцом для подражания. Это порождает волну подражания и распространяется на все общество. В процессе распространения она рано или поздно сталкивается с еще одной волной подражания, исходящей из другого центра изобретения. Встреча двух или более различных волн имитации приводит к оппозиции между ними. Таким образом, имитация производит оппозицию как вторую фундаментальную форму социальных процессов. Оппозиция двух или более волн имитации может привести либо к взаимному разрушению обеих волн, когда они одинаково сильны и противоречат друг другу, либо к разрушению более слабой волны более сильной, либо к взаимной адаптации двух образцов для подражания, что означает новое изобретение. Таким образом, оппозиция вызывает адаптацию, или изобретение, как третью фундаментальную форму социального процесса. Любая адаптация изобретения является «удачным браком» двух или более имитационных образцов (идей, верований) в уме человека. Новое изобретение – новая волна имитации; распространяясь, она встречает другую волну имитации. Это приводит к их оппозиции; оппозиция приводит к новому изобретению и т. д.

⁵⁵ См: *Tarde G.* La psychologie intermentale // *Revue internationale de sociologie.* 1901, vol. IX, p. 1–13; *L'opposition universelle.* Paris, 1897, p. 165, 336; *La logique sociale.* Paris, 1895, p. 87; *The Laws of Imitation.* Preface.

Такова концепция социального процесса, его динамики и основных форм у Тарда⁵⁶.

3. Из вышесказанного следует, что, согласно Тарду, источником социальных изменений является изобретение. Каждая новая идея, новое убеждение или форма поведения подобны камню, брошенному в воды социального моря. Она порождает волну имитации и распространяется, пока не встретит другую волну. Они сталкиваются и (или) аннулируют друг друга, или одна из них уничтожает другую, или они порождают новое изобретение. Так непрерывные изобретения, подражания, оппозиции образуют динамику социальной жизни.

4. Из этих трех форм социального процесса Тард особое внимание уделил подражанию и изобретению. Он пытался указать факторы, способствующие или препятствующие изобретениям. Среди этих факторов – врожденные умственные способности, общественная потребность и социальные условия. Из законов подражания Тарда следует отметить такой: имитационная волна, удаляясь от своего изначального центра, как правило, растет в геометрической прогрессии. «Имитации преломляются в их социальной среде»: физическая или расовая разнородность населения является условием, отвечающим за успешность распространения имитационной волны. Сами имитации могут быть или логичными, или сверхлогичными. Обычно обе формы подражания распространяются с социальной вершины в социальные низины. Внутренняя, мысленно происходящая имитация предшествует открытому подражанию на практике. В истории общества наблюдается ритм чередования периодов обычая и периодов моды. В период обычая подражают преимущественно древним образцам, тогда как в период моды объектами подражания оказываются самые современные образцы поведения и новейшие мнения, пользующиеся престижем.

Такова общая структура социологической теории Тарда. Она показывает, что его концепция социальной жизни, ее динамики, форм и факторов является всецело психологической. Цель социологии состоит не в том, чтобы объяснить транссубъективные события истории или поведение людей в их конкретной психофизической форме, а в изучении динамики идей, верований, стремлений и другого внутреннего опыта. Поведение людей, отношения, исторические и социальные события как транссубъективные явления интересуют социологию Тарда лишь постольку, поскольку они оказываются проявлениями ментальных явлений и поскольку могут влиять на психические процессы изобретения, оппозиции и подражания. За этими пределами они для его социологии интереса не представляют⁵⁷. Это означает, что социология Тарда по самой своей цели силь-

⁵⁶ Tarde G. Social Laws, passim; L'opposition universelle, p. 88–98, 331–332, 428; La logique sociale, p. 166 ff.

⁵⁷ Выше мы уже видели, что позиция Де-Роберти почти такая же. Для него предметом социологии тоже является «социальная мысль», а не «космобиосоциальные» явления истории или поведение человека. Из современных социологов подобную концепцию

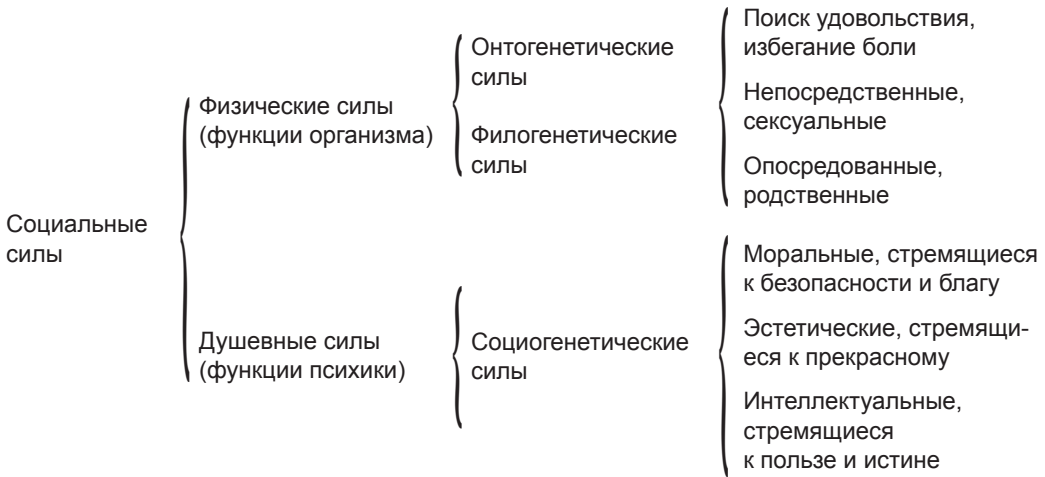
но отличается от многих других социологических учений, которые пытаются изучать не столько психическое взаимодействие индивидов, сколько поведение человека, его взаимосвязи, социальные и исторические события сами по себе, независимо от того, являются ли они «проявлениями» умственной деятельности или нет. Тард и другие психологические социологи пытаются разгадать динамику идей, стремлений, верований, их циркуляции в обществе, тогда как другие социологи, наоборот, стремятся разгадать динамику объективного поведения человека и социальных событий как таковых. Между ними большая разница в понимании самой природы и цели социологии. Она приводит ко многим другим различиям между этими двумя типами социологов.

Лестер Ф. Уорд. Другим знаменитым представителем интерпретации социальных явлений с точки зрения стремлений и волеизъявлений является Лестер Ф. Уорд (1841–1913)⁵⁸. Генри Кэри, У.Г. Самнер и Л. Уорд вместе представляют, наверное, самые видные фигуры среди раннего поколения американских социологов, которые в то время входили в число наиболее выдающихся социологов мира. В своих многочисленных трудах, особенно таких, как «*Dynamic Sociology*» (1883), «*Psychic Factors of Civilization*» (1893), «*Outlines of Sociology*» (1898), «*Pure Sociology*» (1903) и «*Applied Sociology*» (1906), Уорд создал широкую систему, но не столько социологии, сколько социальной философии. Оставляя в стороне философскую часть его системы, которая нас не касается, мы можем сказать, что ее чисто социологическая часть состоит из теории социальных сил и из приравнивания телеологического, или волевого, характера социального процесса к слепому характеру процесса естественного.

логически развивает Э.К. Хейз (род. в 1868 г.) в своей книге «*Introduction to the Study of Sociology*». Взаимообразная психическая деятельность («опыт-деятельность») является основой социальной жизни или социального процесса. Она составляет предмет социологии, и изучение ее взаимосвязей (внушения идей, распространения чувств и подражания внешнему поведению), их причинной взаимообусловленности, их формы и т. д. считается надлежащей задачей социологии. Физические явления, такие как географическая среда, искусственная физическая среда, техника или психофизические черты населения, – это лишь «условные факторы» социальной жизни и учитываются настолько, насколько они являются «проявлениями» социальных «переживаний». Идеи, чувства и другие психические явления рассматриваются как факторы, определяющие поведение человека и социальные процессы. «Человеческий организм есть механизм, приспособленный для того, чтобы функционировать под воздействием идей». См.: *Hayes E.C.* Op. cit., ch. XVII–XXI и passim, а особенно p. 302–306, 311–316, 340–347.

⁵⁸ О Лестере Ф. Уорде см.: *Lichtenberger J.P.* Development of Social Theory, ch. XIII; *Dealey J.Q.* Sociology, Its Development and Application. New York, 1920; *Dealey J.Q.* Masters of Social Science: Lester Frank Ward // *Social Forces*. 1925, vol. IV, p. 257–272. Кроме того, см. статьи Э.О. Росса, Ф.Г. Гиддингса, У.Г. Уэтерли, Ч.А. Элльвуда, А.В. Смолла, опубликованных в «*American Journal of Sociology*» (1913, vol. XIX, July)^{19*}; *Barth P.* Op. cit., p. 446 ff.; *Сорокин П.* Главнейшие теории прогресса в современной социологии // Вестник знания. 1911, сентябрь^{20*}; *House F.N.* The Concept «Social Forces» in American Sociology // *American Journal of Sociology*. Vol. XXXI, September, p. 156 ff.

Теория социальных сил Уорда отмечена, во-первых, разделением этих сил на движущие и управляющие факторы. Движущие силы – это стремления или чувства, управляющий фактор – человеческий интеллект. Первые поставляют динамическую энергию, второй ищет пути и средства достижения цели. «Это не сила, а только условие. Оно не движет, а только направляет» (слепая сила страстей)⁵⁹. «Страсти» как реальные социальные силы классифицированы следующим образом⁶⁰:



Эти страсти являются «силовым мотором» поведения человека и социальных процессов. Функцией интеллекта по мере его медленного развития становилось руководство слепыми силами страстей. Постепенно эта функция интеллекта возрастает. Соответственно, под его влиянием социальная адаптация человека принимает все более целенаправленный и окольный или опосредованный характер вместо слепого и непосредственного характера естественного процесса, не управляемого интеллектом. Это означает, что социальная адаптация человека с помощью интеллекта становится все более искусной, просчитанной, самоуправляемой и самоконтролируемой. Уорд рисует довольно оптимистическую перспективу будущего человечества, и его теория поощряет человеческие усилия, управляемые знанием, к достижению всеобщего счастья, что является окончательной целью волевых усилий человека⁶¹.

Отчасти под влиянием Уорда, отчасти независимо от него многие выдающиеся социологи разработали теории, аналогичные теории Уорда. Таково, напри-

⁵⁹ Подробнее см.: *Ward. Dynamic Sociology*, vol. I, p. 69, 468 ff., vol. II, p. 89 ff., p. 93 ff.; *Pure Sociology*, p. 256 ff.; *Psychic Factors of Civilization*, passim, ch. XXXIII.

⁶⁰ *Pure Sociology*, p. 261. Ср.: *Dynamic Sociology*, vol. I, p. 472.

⁶¹ См.: *Dynamic Sociology*, vol. I, p. 15, 18, 29, 487 ff.; vol. II, p. 2, 13, 93 и passim; *Pure Sociology*, p. 15–29, 545 и passim.

мер, учение Э.О. Росса о страстях как социальной силе. Он делит их на два больших класса: естественные и культурные. К естественным страстям (желаниям) относятся: а) обусловленные физиологическими потребностями (голод, жажда, сексуальный аппетит); б) гедонистические (страх, неприятие боли, любовь к праздности, теплоте, чувственному удовольствию); в) эгоистические (стыд, зависть, любовь к свободе, славе, власти); г) эмоциональные (симпатия, общительность, любовь, ненависть, ревность, гнев, месть); д) рекреационные (импульсы игры, любовь к самовыражению). Культурные бывают: а) религиозными; б) этическими; в) эстетическими; г) интеллектуальными⁶².

Профессор Чарльз А. Элвуд в своих последних трудах наряду с географическими и биологическими силами придает большое значение психическим факторам, импульсам, чувствам и интеллекту⁶³. По его мнению, «вся наша социальная жизнь и социальное поведение не только заключаются в чувстве, но в основном управляются и контролируются чувством». С другой стороны, «интеллект является активным компонентом социального прогресса» и играет исключительно важную роль. Некоторые другие авторы, такие как У.Г. Самнер и А. Келлер (выделяющие голод, любовь, тщеславие и страх), Ф.А. Буше и отчасти О. Шпанн, стоят примерно на таких же позициях⁶⁴. Такова гедонистическая плюс интеллектуалистическая разновидность школы.

С. Интерпретации с точки зрения интересов. Следующая разновидность обсуждаемой группы интроспективистских психологических интерпретаций представлена теориями, которые в качестве переменной поведения человека и социальных процессов рассматривают «интересы». Сам термин «интерес» и его отличие от «стремления» или «чувства» по-разному трактуются разными авторами, которые и классифицируют «интересы» тоже каждый по-своему. Но, в сущности, характер теорий интереса в главных чертах такой же, как и у теорий стремления. Вполне репрезентативными являются теории интересов как постоянных и фундаментальных факторов социальной динамики, которые

⁶² *Ross E.A.* Moot Points in Sociology // *American Journal of Sociology*, vol. VIII–X, особенно ch. V. Позиция профессора Росса в этом отношении претерпела небольшие изменения в его работах. Его нынешняя позиция по этому вопросу, по сути дела, осталась той же самой. «Непосредственные причины социальных явлений следует искать в человеческом разуме». Изначальные социальные силы – человеческие инстинкты. Сочетание этих инстинктов, вожделений или желаний создает «производные социальные силы» в виде «интересов», таких как богатство, власть, религия и знание. К этим силам присоединяются факторы расы и географической среды. Такова последняя теория Росса, как она изложена в его книге «Principles of Sociology» (ch. IV–VII).

⁶³ *Ellwood Ch.A.* Introduction to Social Psychology. 1917, p. 75–77; *The Psychology of Human Society*, p. 316 ff., 365 ff. и ch. III, X, XII.

⁶⁴ *Sumner W.G., Keller A.* Op. cit., p. 21 ff. и passim; *Bushee F.A.* Principles of Sociology, p. 57 ff.; *Spann O.* Op. cit., S. 20. Шпанн рассматривает «Empfindungen»^{21*} и «действия» как конечные «элементы» общества.

разработали Густав Ратценхофер⁶⁵ и Альбион Смолл. Согласно Ратценхоферу, «в начале были интересы»^{22*}. Рассматривая их как «внутренние потребности» или двигатели, он утверждает, что «интересы – это ключ, который открывает дверь любой сокровищницы социологических знаний». Социальная жизнь представляет собой огромную связку интересов; социальные группы – не что иное, как объединения людей вокруг интересов; а сама социальная динамика – всего лишь непрерывный конфликт, приспособление и внутренняя игра интересов членов общества. Основными интересами, согласно Ратценхоферу, являются: 1) расовые или сексуальные интересы; 2) питания и самосохранения, или физиологические интересы; 3) личные; 4) общественные интересы (в семье, классе, нации); 5) трансцендентные (в невидимом и окончательном Абсолюте или в религии и философии)⁶⁶.

Теория интересов Альбиона Смолла⁶⁷ представляет собой модификацию теории Ратценхофера. Для Смолла также «интересы являются материалом, из которого сотканы люди».

«Вся жизнь, рассматриваемая в индивидуальном или социальном плане, является в конце концов процессом развития, достижения и удовлетворения интересов, [понимаемых как] неудовлетворенная способность, соответствующая нереализованному условию, и предрасположенность к такой перестройке, которая стремилась бы реализовать указанное условие». В этом смысле теория интересов – «последнее слово в социологии»⁶⁸. В классификации, разработанной Смоллом, интересы делятся на шесть групп: интерес к здоровью, благосостоянию, общению или престижу, познанию, красоте и справедливости⁶⁹.

Нет необходимости перечислять множество других теорий, которые для объяснения социальных явлений используют понятие интересов как основную или дополнительную социальную силу. Его используют Росс, Шпанн и даже А. Бенгли⁷⁰. Его часто используют и экономисты, но они используют этот тер-

⁶⁵ Родился в 1842 г., умер в 1904. О Ратценхофере см.: *Lichtenberger J.P.* Op. cit., ch. XV; *Barth P.* Op. cit., p. 472 ff.; *Jacobs P.P.* German Sociology. New York, 1909; *Small A.* General Sociology. 1905, ch. XIII.

⁶⁶ *Ratzenhofer G.* Die soziologische Erkenntnis. Leipzig, 1898, S. 55–66; из некоторых других работ Ратценхофера следует назвать: *Wesen und Zweck der Politik.* Leipzig, 1893, Bd. I–III; *Soziologie.* Leipzig, 1907.

⁶⁷ Родился в 1854, умер в 1926 г. Основные работы: «An Introduction to the Study of Society» (в соавторстве с Джорджем Винсентом, 1894), «General Sociology» (1905), «Adam Smith and Modern Sociology» (1907), «The Cameralists» (1910), «The Meaning of Social Science» (1910), «Origins of Sociology» (1924). О Смолле см. статьи некоторых авторов в «American Journal of Sociology» (vol. XXXII, № 1)^{23*}; *Hayes E.C.* A.W. Small // *Social Forces.* Vol. IV, № 4.

⁶⁸ *Small A.* General Sociology, p. 197–198, 282–284, 425–426, 433.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 197–198. Подробнее см.: *House F.* Op. cit. // *American Journal of Sociology,* vol. XXXI, p. 507–512.

⁷⁰ отождествляя понятия деятельности и интересов социальных групп и заменяя затем групповые действия интересами, Бенгли переходит с позиции бихевиоризма на позиции

мин совсем иначе, чем социологи. Их «интересы» поддаются измерению и почти всегда представляют собой некоторые транссубъективные явления. По этой причине их не следует смешивать с вышеупомянутым социологическим понятием интересов, особенно в интерпретации Ратценхофера и Смолла.

Д. Интерпретации с точки зрения желаний, волеизъявлений, позиций и т. п. Если интересы и стремления в предыдущих теориях заменить словом «желания» и слегка изменить упомянутые выше классификации, то это и будет интерпретация социальных явлений в терминах желаний. В качестве современных вариантов этого стародавнего способа интерпретации поведения человека и социальной динамики можно рассматривать теории У.А. Томаса (1863–1947), Р. Парка (1864–1947) и Э. Бёрджесса. Подобно Уорду, Смоллу, Ратценхоферу и другим ученым, которые на манер социальных физиков XVII в., рассматривают «стремления» или «интересы» как конечные атомы, в которых растворяется социальная жизнь, профессоры Томас, Парк и Бёрджесс рассматривают желания как самую элементарную составляющую социальных явлений. Желания играют в социологии роль, подобную электронам в химическом анализе. Желаний много. Но их можно разделить на несколько основных классов. Таких классов четыре: желание безопасности, нового опыта, ответа и желание признания.

Из сочетания желаний и чувств формируются позиции или модели поведения, которые соотносятся с желаниями точно так же, как электроны с элементарным веществом в химии⁷¹. Другими примерами использования желаний как познавательного принципа могут служить работы представителей фрейдистской школы, многих психологов, социальных философов и просто философов⁷².

Е. Интерпретации в терминах идей, чувств и эмоций. Наиболее яркие образцы интерпретации социальных явлений в терминах идей, и особенно на-

психологической интерпретации социальных явлений в терминах интересов. См.: *Bentley A. Process of Government*, p. 258 ff.; см. также его статью «Simmel, Durkheim and Ratzenhofer» (*American Journal of Sociology*, vol. XXXII, p. 250–256).

⁷¹ См.: *Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology, p. 435–443 и ch. VII; *Thomas W.I.* The Unadjusted Girl. Boston, 1923, p. 4 ff.; *Thomas W.I., Znaniecky F.* The Polish Peasant in Europe and America, vol. I, p. 21–23, 72–73. В этой более ранней работе Томаса понятия позиций, ценностей, причинности и желаний несколько отличаются от представленных в его книге «The Unadjusted Girl».

⁷² См., например: *Holt E.B.* The Freudian Wish and Its Place in Ethics. New York, 1915; *Watson J.B.* The Psychology of Wish Fulfillment // *Scientific Monthly*. 1916, p. 479–486. Наиболее важные фрагменты данных работ представлены в: *Park R., Burgess E.* Op. cit.; *Sutherland E.* Criminology. 1924, p. 118 ff.^{24*}; *van der Hoop J.H.* Character and Unconscious, ch. III. Огромное количество литературы по психологии и философии воли представляет собой модифицированный вариант рассматриваемой нами группы теорий с той лишь разницей, которая придается смыслу понятий «желание» и «воля». Философии Шопенгауэра, Ницше и в какой-то степени Гегеля – вот примеры такой философской интерпретации мироздания в терминах воли.

учных идей, были представлены выше при характеристике теорий Де-Роберти и А. Фулье (см. социологистическую школу). Поэтому здесь нет необходимости повторять то, что уже было сказано об этих и подобных им теориях.

Нет также необходимости подробно анализировать и другие интерпретации социальных явлений с точки зрения чувств, привязанностей, эмоций или других «компонентов» психического опыта. Достаточно сказать, что в подобных интерпретациях нет недостатка⁷³, но, с другой стороны, между ними и вышеупомянутыми психологическими теориями различия скорее терминологические, чем по существу. Под чувствами, привязанностями и эмоциями они тоже понимают внутрииндивидуальную психическую величину и, взяв ее в качестве переменной, пытаются показать «действие», оказываемое ею на поведении человека и социально-исторические явления⁷⁴.

Ф. Критика. Вышеизложенное дает представление обо всех основных теориях, интерпретирующих социальные явления с точки зрения интроспективной психологии. Теперь займемся их критикой. Несмотря на различия в терминологии и других деталях, их основной «интроспективный» характер одинаков. Поэтому слабые и сильные стороны у них практически одни и те же. Основные недостатками этих теорий, по-видимому, таковы:

1. *Поскольку названные теории выводят из психического опыта причины, определяющие динамику транссубъективных явлений, они представляют собой разновидность анимистической интерпретации.* Критикуя бихевиористские интерпретации, я уже указывал на то, что их главный недостаток состоит во вторжении в область внутреннего опыта, который нельзя описывать в терминах бихевиоризма и изучать его методами. Ту же самую ошибку допускают и обсуждаемые нами теории, с той лишь разницей, что со своими интроспективной терминологией и методами они незаконно вторгаются в область транссубъективных явлений поведения и социальных событий, для которых их методы и терминология тоже не подходят. Они утверждают, что транссубъективные явления определяются идеями, желаниями, стремлениями и т. д. Эти психические переживания становятся факторами, управляющими динамикой транссубъективных процессов, причиной, которая их определяет и контролирует. Поэтому данные теории следует рассматривать как разновидность анимистической интерпретации. В этом смысле они псевдонаучны. Действительно, в чем состоит их объяснение?

⁷³ См., например: *Рибо Т.А.* Психология чувств. СПб., 1898, с. 15 ff. и passim; *Ланге К.Г.* Эмоции: Психофизиологический этюд. М., 1896 с. 14 и сл.; *Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности, passim; *Patten S.S.* The Theory of Social Forces. Philadelphia, 1896; см. также классификацию «остатков» Парето и «мотивов-интересов» Самнера: голод, секс, страсть, тщеславие и страх (*Sumner W.G.* Folkways, § 22 и passim).

⁷⁴ См., например: *Fairbanks A.* Introduction to Sociology. 3rd ed., p. 108–141; *De Greef G.* Introduction à la sociologie. 1896, vol. I, p. 214 ff.; *Таштапов К.М.* Социология. Пг., 1918, с. 25–26, 47–48; *Stuckenberg J.H.W.* Sociology. 1903, vol. I, p. 203 ff.

В очень простой вещи. Каждый автор наполняет человека определенным количеством стремлений, интересов, желаний, чувств и эмоций. Далее он рассматривает поведение человека и дает ему элементарное объяснение. Человек совершает ряд сексуальных действий, потому что у него есть «сексуальное стремление», «сексуальное желание» или «репродуктивный интерес». Человек идет в суд и предъявляет иск другому человеку, потому что у него есть «стремление, желание или интерес» к «справедливости». И т. д. Стремления, желания, интересы и чувства играют здесь ту же самую роль, которая в первобытных анимистических представлениях отводится разного рода «духам» или сверхъестественным силам. Такие объяснения напоминают известное саркастическое высказывание Мольера: «Опиум усыпляет, потому что он имеет снотворную способность»⁷⁵. Подобно фокусникам, авторы помещают в человека-сумку набор желаний и стремлений и после этого согласно обстоятельствам с серьезным выражением предъявляют одно или несколько из них и уверенно провозглашают: «Вот сила, ответственная за действия или изучаемые события». Процедура, конечно, простая, но вызывающая серьезные сомнения насчет ее познавательной ценности⁷⁵.

2. *Сама природа этих теорий делает чрезвычайно трудным или даже невозможным любой причинный или функциональный анализ транссубъективных явлений.* Как мы уже видели, эти теории претендуют на то, что психические переживания, такие как желания, стремления, интересы и т. д., являются силами, которые причинно определяют движения тела и динамику транссубъективных социальных и исторических событий. Они пытаются соединить психические и транссубъективные наборы явлений. Первым последствием такого намерения оказывается их столкновение со всеми возражениями, которые направлены против подобных теорий в психологии и философии. Каким образом «идеи», «стремления» или «желания», будучи чисто психическими переживаниями, могут влиять на рецепторы, проводники и рабочие органы нервной системы и телесных движений, а вместе с ними на такие транссубъективные явления, как борьба или снижение уровня рождаемости и т. д., – вот проблема, с которой сталкиваются эти теории. Нужно ли говорить о том, что, будучи довольно слабыми в своей философской части, они, скорее всего, не смогут отвести ни это, ни многие другие возражения⁷⁶. Между тем без удовлетворительного ответа на вышеупомянутые

⁷⁵ В этом смысле критика А. Бентли всех подобных теорий совершенно справедлива. См. его книгу «Process of Government» (part I). Я уже отмечал, что этот автор в конструктивной части своей работы, где излагается теория «групповых интересов», впадает в тот же самый «анимизм».

⁷⁶ См.: *Weiss A.P. Relation between Structural and Behavior Psychology // Psychological Review.* 1917, p. 301–317; *Relation between Functional and Behavior Psychology // Ibid.*, 1917, № 5; *Perry R.B. Docility and Purposiveness // ibid.*, 1918, № 1; *Оржевицкий Р.М.* К вопросу о природе хозяйственных явлений и методе их изучения // *Юридический вестник.* 1914, кн. 1. Возьмите также любой серьезный текст по психологии и изучите аргументы сторонников разных теорий против своих оппонентов.

и многие другие возражения их основной тезис остается недоказанным и сомнительным. Сомнительными становятся и все их другие утверждения. Вследствие этого они будут вынуждены отказаться от своего исходного положения.

Но даже если предположить, что каким-то образом им удастся справиться с этой трудностью, то все равно они останутся весьма неудовлетворительными с точки зрения научной методологии. Вместо того чтобы облегчить исследование, они в значительной степени его усложняют. В чем можно убедиться после следующих соображений.

Их причинный анализ поведения человека или социальных событий можно схематично изобразить таким образом:

А	В	А'	В'	А''	В''
.....	-----	-----	-----
стремление или желание А вызывает	внешнее действие В	стремление или желание А' вызывает	внешнее действие В'	стремление А'' вызывает	внешнее действие В''

Если психическое состояние рассматривается как причина внешнего действия, то, помимо загадки такой причинной обусловленности, у нас появляется причинная цепь, в которой между транссубъективными явлениями В, В', В'' образуется разрыв благодаря вторжению в нее психических связей: А, А', А''. Вся цепь, таким образом, превращается в сплошное умственное salto mortale^{26*} из сферы психического опыта в транссубъективные явления и обратно. Можно, конечно, рассуждать о такой причинной цепи, но наука ничего подобного не знает. Сам характер такой цепи является опровержением причинной обусловленности, известной другим наукам, потому что все причинные формулы начинаются с транссубъективных явлений, используют их и ими же заканчиваются. Они нигде не допускают прерывания своей причинной последовательности путем внедрения в нее не-транссубъективных звеньев. С этой точки зрения вышеупомянутая «причинная обусловленность» является настоящей мистикой. Она устраняет любой причинный анализ явлений. Таково первое методологическое неудобство обсуждаемых теорий.

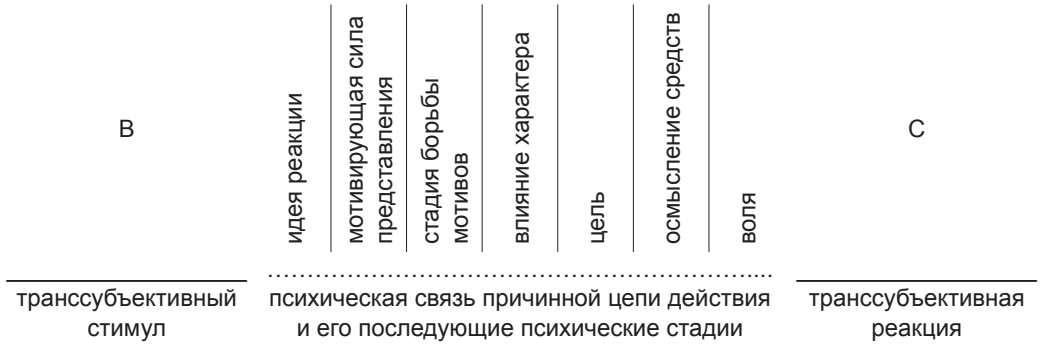
Их второе неудобство проявляется в том, как они анализируют стадии, через которые проходит человеческая деятельность. Вот два примера. Согласно Новикову, любое сознательное действие начинается с каких-нибудь транссубъективных стимулов; начавшись, оно вступает во «внутреннюю или психическую стадию», в рамках которой проходит промежуточную стадию чувств, представлений, идей, стремлений и волеизъявления; только после этого оно снова принимает форму внешнего действия, которое становится «инкарнацией» всех этих чувств, представлений, идей, желаний и волеизъявлений. Согласно М.Э. Майеру, происхождение внешнего действия еще более сложно. Обе теории можно представить в виде следующих схем.

Стадии генезиса ответной реакции Новикова⁷⁷:

В ⇨ чувство ⇨ представление ⇨ идея ⇨ стремление ⇨ воля ⇨ С

транссубъективный стимул	психическая связь причинной цепи действия и его последующие психические стадии	транссубъективная реакция
-----------------------------	---	------------------------------

Генезис человеческого действия по М.Э. Майеру⁷⁸:



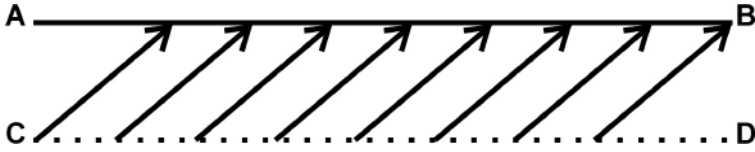
С некоторыми вариациями все обсуждаемые теории явно или неявно предполагают нечто подобное. Согласно этим теориям, мы должны взять психическую связь в качестве агента или переменной, которая производит внешнее действие С. Это означает, что мы должны учесть все компоненты переменной: чувства, представления, стремления, мотивы, идеи, цели и волеизъявления. Каждый из этих компонентов представляет собой подпеременную всей психической переменной. Кроме того, нельзя забывать, что все эти психические подпеременные чрезвычайно нестабильны, поскольку они постоянно флуктуируют и изменяются. К тому же нет способа их измерения. Стоит только учесть все эти обстоятельства, и станет ясно, что никакой, даже самый великий математик не сможет удержать в уме все эти подпеременные и их колебания, поэтому вычисление их «функции», т. е. одного-единственного внешнего действия, становится невозможным. Только Бог может решить уравнение, в котором анализируется ряд действий нескольких индивидов с точки зрения критикуемых теорий. Исследователь словно бы оказывается посреди огромного множества психических теней, которые непрерывно извиваются, колеблются и меняют свою форму. И эти тени он должен взять в качестве «переменных», чтобы объяснить с их помощью единственное или целый ряд транссубъективных явлений! Вот уж поистине метод объяснения *clarum per obscurum*^{27*}. Внешние действия гораздо проще, чем психические переменные, предназначенные их объяснить. Вместо

⁷⁷ *Novicow J.* Conscience et volonté sociale, p. 89 ff.

⁷⁸ *Mayer M.E.* Die Schuldhafte Handlung und ihre Arten im Strafrecht. 1901, Kap. II. Наверное, самый подробный психологический анализ человеческого действия произведен в многочисленных трудах криминологов, примером которых служит труд Майера.

преодоления трудностей, встающих на пути исследования, теория усложняет его до такой степени, что делает научный анализ поведения невозможным.

Ситуация не улучшится, если вышеописанную схему заменить следующей:



Пусть АВ представляет цепь внешних действий или транссубъективных явлений, а CD – поток желаний, стремлений, идей или волеизъявлений. Каждый из рядов развивается без перерывов. Ряд CD является переменной, ряд АВ – его «функцией», результатом или проявлением. Анализ все еще остается невозможным, потому что ряд CD более сложен, чем ряд АВ. Разнообразие и непрерывная суматоха стремлений, желаний и т. д. делают переменную столь сложной и неопределенной, что связь между обоими рядами и их звеньями практически исключена.

Это еще не все. Согласно схеме, суждение: «Транссубъективные явления А являются результатом желания, стремления или идеи а», – предполагает, что желание *a* проявляется в виде внешнего действия А; желания *b, c, d, e* – в виде соответствующих действий В, С, D, Е, иначе все суждение становится пустым. Между тем высказывание таких суждений невозможно, потому что то же самое желание *a* может сопровождаться разными внешними действиями, а одно и то же внешнее действие может осуществляться одновременно с самыми разными стремлениями и желаниями. Мое стремление поесть может сопровождаться посещением ресторана, копанием картофеля на огороде или работой на фабрике, чтобы получить деньги и купить еды, или же пением в театре, чтобы заработать на ужин. Внешние действия машинистки могут сопровождаться мечтой о поездке во Флориду, мечтой о платье, которое она купит на заработанные деньги, или мыслями о том, как потратить деньги в танцевальном зале⁷⁹. А если так, то

⁷⁹ Ср.: *Hayes E.C. Classification of Social Phenomena // American Journal of Sociology, vol. XVII. То же самое можно сказать и о попытках вывести те или иные социальные институты из определенных желаний, стремлений и интересов. Например, Самнер и Келлер рассматривают промышленность, собственность, грабительскую войну и правовое общество как явления, «вызванные к жизни голодом», брак и семью – как результат «интереса» по имени «любовь», показную роскошь в одежде, украшения, социальный этикет, войну ради славы, игры, карты, наркотики и т. д. – как функцию «тщеславия»; религию – как результат «интереса» под названием «страх» (Sumner W.G., Keller A. Op. cit., p. 89–90). Нетрудно заметить, что эта попытка является всего лишь разновидностью вышеописанных теорий об «инстинктах-двигателях», хотя авторы отрицают инстинкты; более того, сами авторы признают неудовлетворительный характер своей теории, говоря, что установленные ими связи совершенно бесполезны, потому что «категории сталкиваются друг с другом в зонах перехода, а ни одна зона не имеет четких границ, все размыты». «Собственность ни в коем случае*

объяснение в духе критикуемых теорий становится невозможным. Никакой четкой связи между той или иной частью ряда CD и той или иной частью ряда AB установить невозможно. Вся теория рассыпается в прах⁸⁰.

3. На самом деле теории мало что объясняют и не используются даже их авторами. Обсуждаемые теории подтверждают высказанную в их адрес критику. Во-первых, их классификация желаний, стремлений, интересов, чувств и эмоций в количественном отношении варьируется от автора к автору. Одни выделяют четыре или шесть классов, тогда как другие насчитывают больше сотни. Кто прав? Никто, потому что классификации не опираются вовсе не на фактическую реальность, а зависят от прихоти их авторов и носят чисто спекулятивный характер. Во-вторых, если мы спросим, например, почему Смолл выделяет шесть, а не тридцать шесть классов интересов или почему Томас указывает только на четыре, а не на сто сорок четыре «желания», мы не найдем сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Ситуация аналогична ситуации с классификацией инстинктов, с той, однако, разницей, что многие классификации инстинктов отличаются от них в лучшую сторону, поскольку сделаны на основе наблюдаемых закономерностей, тогда как в психологических теориях сложно найти даже такое приближение к действительности. Рассмотрим такие группы стремлений, интересов или желаний, как, например, «интересы справедливости», «общитель-

не проистекает из тщеславия; брак, безусловно, связан не только с сексом и любовью» и т. д. И фактически вышеупомянутые связи в анализе названных авторов не играют никакой роли, кроме как чисто внешнего оформления при подаче ими материала.

⁸⁰ Не лучше и тот вариант данных теорий, который предлагают профессора Парк и Бёрджесс своим учением о желаниях и позициях. Само понятие «позиции», введенное, чтобы укрепить понятие желания, является логическим уродом. Читаем у них: «Позиция – это способность человека реагировать положительно или отрицательно на общую ситуацию». Она «является мобилизацией желания человека. ... Желания входят в состав позиции как компоненты. ... Лучший способ понять, что такое позиции, это представить их как модели поведения или единицы поведения. Двумя самыми элементарными моделями поведения являются склонность к сближению и склонность к отдалению». Таким образом, у нас есть понятие, которое, с одной стороны, является чем-то чисто психологическим (желание) и, с другой стороны – чем-то трансубъективным и физическим («единица поведения» или «образец»). На самом деле это своеобразный мешок (тенденция), в котором лежит несколько желаний, чувств, эмоций, даже инстинктов и некоторых других психических явлений. Бок о бок с ними лежат «реакция», «модель поведения» и «единица поведения», «отдаление» и «сближение» как нечто трансубъективное. Я вынужден сказать, что такая чудовищная мешанина психических и трансубъективных элементов представляет собой что-то невысказанное, и еще меньше может быть это невысказанное одним из фундаментальных понятий социологии. В этой, а также во многих «современных психологиях» появляются некоторые новые термины, которые, несмотря на их популярность, на самом деле весьма ущербны и непригодны ни для какого научного анализа. Однако на авторах нет вины. Она лежит отчасти на природе самой проблемы, а отчасти на магии слов, которая все еще правит в социальных и психологических науках. См.: *Park R., Burgess E.* Op. cit., p. 438–439; внимательно прочитайте всю главу VII.

ности» «тщеславия» или «желание ответной реакции» и «нового опыта». Разве не ясно, что эти самые классы представляют собой своего рода темный чулан, в который можно свалить что угодно и как попало? Что-нибудь более неопределенное трудно и вообразить. Нам говорят, что желание нового опыта может «воплотиться» в формах охоты, атлетики, азартной игры, преступления, научного исследования, геологоразведке и даже в стремлении к сексуальному разнообразию. Точно так же желание безопасности проявляется в действиях, направленных на добывание продуктов питания и средств к существованию, и в той же жадности, в систематическом труде, консерватизме, избегании опасности, в нападении и борьбе и т. д. Или интерес тщеславия «материализуется» в таких формах, как щегольство, страсть к украшениям, социальный этикет, желание прославиться на войне, игры, в том числе и азартные, употребление возбуждающих средств, наркотиков, танцы, актерство, изящные искусства и т. д. Такое разнообразие и разнородность форм «воплощения» всех этих желаний и интересов ясно свидетельствуют о том, что каждая из них представляет собой чемодан, наполненный случайными и самыми разными действиями, не связанными друг с другом ни неврологическими, ни психологическими, ни логическими отношениями. Любая классификация желаний может быть столь же хороша, как и эта. То же самое можно сказать и о классификации стремлений, интересов и т. д.

Кроме того, чтобы стремления, желания или интересы могли служить как переменные, мы должны знать, являются ли они неизменными или варьируются по интенсивности и стимулирующей силе. Равномерно ли они распределены среди всех человеческих существ или их распределение меняется в зависимости от индивида, от пола, а в самом человеке тоже меняются каждое мгновение? Далее мы должны знать, какое из стремлений, желаний, интересов и т. д. сильнее или слабее, каковы их отношения – антагонистические или солидарные – и когда, где и почему. Также мы должны знать, как измерять их интенсивность и колебания. Лишь когда эти и многие другие проблемы будут решены, указанные «переменные» могут на деле использоваться в качестве таковых и можно будет попытаться связать их с внешними действиями и интерпретировать эти действия как функции «желания–стремления–интереса». Не стоит и говорить о том, что ничего подобного не было сделано и даже попыток к тому не предпринималось. Поэтому делать эти «туманные пятна» фундаментальными «переменными» поведения человека и пытаться с их помощью что-то объяснить – предприятие абсолютно безнадежное. Это ясно даже на примере исследований упомянутых авторов. Разве сумели с их помощью что-нибудь построить Смолл, Уорд, Самнер и Келлер, Томас или кто-нибудь другой? Нет, ничего не сумели. В их работах они играют роль случайного придатка, который механически прикрепляется к другим ими же разработанным полезным теориям. Категории эти, после того как они реально проанализированы, вообще не используются. Если

иногда они случайно упоминаются, то не добавляют познавательной ценности к тому, что было получено авторами другими способами и без этих инструментальных понятий⁸¹. Неудивительно, что использование таких «сил» мало чем может помочь в процессе функционального или каузального анализа транссубъективных явлений⁸².

4. *Несколько специфических моментов этих теорий сомнительны.* Помимо вышеупомянутых недостатков, характерных для всех теорий, есть в них и другие сомнительные положения.

Возьмем, например, понятие подражания у Тарда и приписываемую ему роль. Само понятие чрезвычайно расплывчато. Согласно Тарду, оно настолько широко, что практически любое сходство в поведении людей или в социальных особенностях группы оказывается проявлением или результатом подражания. Нет нужды говорить, что такие всеобъемлющие понятия, как фрейдистское либидо, утрачивают определенное содержание и с научной точки зрения становятся бесполезными. Если взять такое понятие в более узком смысле, то окажется, что оно не играет той громадной роли, какую ему приписывают Тард и многие другие⁸³.

⁸¹ Это особенно справедливо в отношении работ Томаса. Психология польского крестьянина или неприспособленной девушки объясняются с помощью конкретных случаев. Четыре желания ничего не добавляют к тому, что дают описания этих случаев в приведенных письмах.

⁸² С методологической точки зрения нельзя не согласиться со следующим утверждением Ивана Павлова: «В течение 13 лет, что я работаю с моими сотрудниками над условными рефлексами, я постоянно получал впечатление, что психологические понятия и систематизация психологами субъективных явлений должны глубоко различаться от физиологических представлений и физиологической классификации явлений высшей нервной деятельности, что воспроизведение нервных процессов в субъективном мире является очень своеобразным, так сказать, многократно преломленным, так что в целом психологическое понимание нервной деятельности в высшей степени условно и приблизительно» (*Павлов И.* «Настоящая физиология» головного мозга // Двадцатилетний опыт, 1923, с. 182; Лекции о работе больших полушарий головного мозга, гл. I и II).

⁸³ Тард, С. Сигеле, П. Росси, Б. Сидис, В. Бехтерев, Г. Лебон, Марпиллеро, О. Вигуру, П. Жукелье, Ж. Дюма, П. Обри, Дж. М. Болдуин, З. Фрейд, Н.К. Михайловский и большинство авторов, писавших о подражании, внушении, о духе и психологии толпы сильно преувеличивали значение подражания-внушения и некритически приписывали этим факторам такое влияние, какого они на самом деле не оказывают. Точно так же и описания поведения и психологии толпы сильно преувеличивают свойственную ей стихийность («mobbish» traits). Даже такая сравнительно неплохая работа, как «The Behavior of Crowds» Э.Д. Мартина, не вполне свободна от этого недостатка. Чем больше изучаются соответствующие явления, тем менее важной становится роль подражания-внушения и меньше «настроения толпы» остается в толпе под воздействием этих факторов. Серьезную критику теорий подражания-внушения см. в: *Durkheim E.* Le suicide (глава «Подражание»); *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. I; *Allport F.* Social Psychology, p. 239 ff.; и особенно *Faris E.* The Concept of Imitation // *American Journal of Sociology*, vol. XXXII, p. 367–379; *Moede W.* Die Massen- und Sozialpsychologie im kritischen Überblick // *Zeitschrift für pädagogische Psychologie und*

Возьмем далее гипотезу Л. Уорда о *постепенной замене слепого характера естественной эволюции волевым и целенаправленным прогрессом*. Что касается утверждения этой и аналогичной ей теории профессора Л.Т. Хобхауса о том, что со временем поведение человека становится все более и более рациональным, а социальные процессы – все более управляемыми сознательной волей людей, то это вовсе еще не доказано. Утверждение это апеллирует к нам и кажется убедительным, и все же, будучи тщательно проверенным, должно быть признано, по крайней мере, сомнительным. Современный человек в некотором отношении, конечно, более рационалистичен, чем первобытный, но в других отношениях мы, по-видимому, оказываемся жертвой слепых сил в большей степени, чем народы прошлых и древних обществ.

Можно было бы указать и на другие сомнительные моменты обсуждаемых нами теорий, но недостаток места не позволяет этого сделать. Этими замечаниями я закончу общую критику рассмотренных теорий. Вышесказанного достаточно, чтобы показать их слабые пункты⁸⁴. С этими недостатками мы еще столкнемся, когда будем обсуждать теории, имеющие дело с социальной ролью религии, морали, права, искусства, общественного мнения и других психосоциологических факторов (см. следующую главу).

Г. *Заключение об интроспективистских интерпретациях*. Высказанная в адрес этих теорий критика носит негативный характер по той причине, что они пытаются вторгаться в область транссубъективных явлений, которые не подлежат изучению с помощью их методов, а также и потому, что данные теории утверждают, будто психические субъекты являются факторами, обуславливающими эти явления. Сказанное, однако, не означает, что интроспективные теории бесполезны. Наоборот, они представляют большую ценность, поскольку

experimented Pädagogik. 1915; история соответствующих теорий дана в: *Davis M.M.* Op. cit., p. 109–118. Более адекватны работы: *Kraskovič B.* Die Psychologie der Kollektivitäten. Vukovar, 1915; *Moede W.* Op. cit. О древних теориях в этой области см. «Rivista Italiana di Sociologia» за 1900 и 1901 гг., где опубликованы статьи: *Bianchi.* Il carattere di razza; *Robertis R.* Intorno alla concezione della psicologia sociale; *Alimena.* Per la storia della psicologia collettiva // Archivio di Psicologia collettiva. 1900, May; *Orano.* Psicologia sociale. Bari, 1920. Между прочим, следует отметить, что за несколько лет до Тарда Н.К. Михайловский издал свою статью «Герои и толпа» и другие работы, в которых он более точно, чем Тард, сформулировал теорию подражания-внушения. Сама теория очень стара. В работах Конфуция и Платона мы уже находим четкое описание этих явлений и практического применения подражания в воспитательных целях.

⁸⁴ Претензии теорий, призывающих рассматривать стремления или интересы и желания в качестве «социологических атомов», «социологических электронов» или «конечных элементов социальных явлений», а их динамику – как «простейший вид движения», – всего лишь претензии. Будучи имитацией «социальной физики» XVII в., эти претензии абсолютно необоснованны. Сказать о желаниях, что они являются «простейшими видами движения, которые можно проследить в поведении человека», это все равно что сказать: «Прогулка на Луну есть самый обычный променад после обеда».

ку описывают *внутренний психический опыт и смысл психосоциальных явлений*. Эта сфера столь же важна для нас, как и мир транссубъективных фактов, и в этой сфере интроспективные психологические теории являются, наверно, единственным методом их изучения. Это означает, что они могут иметь большую познавательную ценность. Точно так же динамику психического опыта человека или группы можно правильно описать лишь с помощью методов и терминологии интроспективистских теорий. Во всяком случае, они необходимы и неизбежны для ее познания. Даже когда мы изучаем некоторые транссубъективные явления, например, письмо, книгу, речевые реакции, картины, музыку, церемонии и другие «символические» стимулы и реакции, мы должны быть интроспективистами, чтобы понять их смысл, а в какой-то мере даже их отношения. Все это означает, что интроспективное описание внутреннего опыта в терминах желаний, стремлений и т. д. или, по словам Чарльза Кули, «драматического знания»⁸⁵ может иметь большую познавательную ценность.

Но – *sum quique*^{28*}. Мы должны оставаться бихевиористами, когда речь идет о причинной обусловленности, классификации и описании транссубъективных явлений, и «интроспективистами» при интерпретации чисто внутреннего опыта и смысла психосоциальных ценностей. Вторжение любой из сторон в область другой в научном отношении бесплодно.

Наконец, *мы можем изучать параллелизм в динамике обоих рядов, но не пытаемся превращать один ряд в причину или следствие другого*. Задача сводится к описанию изменений, происходящих в одной из двух областей, которые идут параллельно с изменениями в другой. Естественно, каждый ряд должен быть описан в его собственной терминологии. Классическое исследование Гельмгольца показало, что такое описание возможно: то, что с транссубъективной точки зрения представляет собой количество колебаний воздушных волн определенной длины за единицу времени, с внутренней точки зрения воспринимается как звук определенного тембра. Изменение в количестве и качестве потребляемой еды сопровождается определенными изменениями в процессах восприятия, внимания, эмоций, воображения, ассоциации и т. д. Что с точки зрения бихевиоризма описывается как определенное изменение в движении наших мышц и выделении желез, то с внутренней точки зрения описывается как «вожделение», «страх» или «ревность». Познавательная ценность такой «двусторонней» картины психосоциальных явлений выше, чем у «односторонней».

Но опять-таки при описании «каждой» стороны мы должны оставаться либо бихевиористами, либо интроспективистами. Мы должны избегать бихевиористского описания внутренней стороны и интроспективистского – транс-

⁸⁵ Ср. вышесказанное с тем, что пишут Ч. Кули и Л. Петражицкий: *Cooley Ch.H. The Roots of Social Knowledge // American Journal of Sociology, vol. XXXII, p. 59–80; Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности, ч. I, *passim*.

субъективных явлений. С этой точки зрения обсуждаемые теории не вполне удовлетворительны, потому что, будучи интроспективистскими по природе, они строятся с помощью «научных инструментов», используемых при исследовании транссубъективных фактов. Подобно этим последним, они «механистичны», стараются давать количественную оценку, пытаются делить свои объекты на несколько классов и использовать выделенные ими единицы так же, как химик или физик пользуется атомами, электронами или своими транссубъективными элементами. Подобная имитация, будучи совершенно бесполезной, в то же время лишает эти теории того, что могло бы составлять их оригинальную ценность. Это превращает их в «единицы веса», используемые для измерения расстояния. В результате подобной имитации они много проигрывают как интроспективное описание внутренней стороны социопсихических явлений. Они бесцветны, унылы и для понимания внутреннего мира человека, социальной группы или эпохи дают гораздо меньше, чем хороший роман, исторический рассказ, «кейс-стади», новелла, биография или даже талантливая социальная философия, которые, подобно «Путевому дневнику философа» Кайзерлинга или трудам О. Шпенглера, Карлейля, Леонтьева, Данилевского и многих других, не подражают естественным наукам в своих описаниях «разума и духа эпохи или общества», а «честно и по-настоящему интроспективны». Подходя к психическому миру с его внутренней стороны и описывая его в «интроспективных терминах», такого рода романы, биографии, истории и социальные философии дают гораздо более глубокое понимание «духа культуры», чем все эти «неживые теории» стремлений и желаний и других «социальных атомов», от которых после тщательного анализа ничего не остается и которые представляют собой своего рода «материалистическую психику» или «механический дух»⁸⁶. Вступая в противоречие с духом собственной логики, такие теории ничего не добавляют ни к пониманию механики транссубъективных вещей, ни к пониманию динамики внутренних явлений, которые имеют совершенно иной характер. Такова судьба всех логически непоследовательных теорий⁸⁷.

Чтобы избавиться от этих недостатков, теории должны перейти на чисто интроспективные позиции. Только новичок или неопытный преподаватель социологии может пугаться при слове «интроспекция» и думать о нем как

⁸⁶ Сравните, например, с этой точки зрения прекрасные описания жизненных ситуаций разных «неприспособленных девушек» и «польских иммигрантов», содержащиеся в их «интроспективных» письмах и «интроспективных комментариях» У. Томаса и Ф. Знанецкого, с теми местами из их книг, где авторы используют свою теорию желаний и пытаются с помощью ее понятий описать поведение тех же самых людей. По-моему, ни в одном из этих мест нет ничего такого, что способствовало бы лучшему пониманию описываемых ситуаций.

⁸⁷ Это не означает, что все вышеназванные работы не имеют никакой ценности. Напротив, ценность их чрезвычайно высока, но лишь потому, что авторы не следовали собственным теориям, которые мы здесь критикуем.

о «пресловутом источнике всего научного зла». Если они немного подучатся, то увидят, что этот «пресловутый инструмент» абсолютно необходим для изучения внутреннего мира человека⁸⁸. А когда теории станут чисто интроспективными, они перестанут подражать логической структуре исследования, принятой в науках о транссубъективных явлениях. Должны они отказаться и от механистического и количественного характера этих наук. Он вне их компетенции и не отвечает их целям. При этом они не должны заниматься проблемой причинной обусловленности транссубъективных явлений, их дело – описывать внутренний мир человека, группы или эпохи, их обязанность показывать нам – не с помощью статистических таблиц и причинно-следственных формул, а посредством интроспективного описания – «внутренний мир преступника», «типичную психологию революционера», психологический тип короля, правителя, священника, капитана промышленности, «протестанта», «буддиста», «психологический стиль Ренессанса», «эпохи Перикла» или «умонастроение Западного общества XX века». Более того, их обязанность – разъяснять смысл психосоциальных ценностей. Эти задачи столь же важны, как и задачи бихевиоризма, количественного и «объективного» исследования социальных явлений.

Сказанного достаточно, чтобы показать границы и функции обоих типов психологической интерпретации социальной жизни⁸⁹.

⁸⁸ См. вполне приемлемые замечания по этому поводу профессора Кули в его книге «The Roots of Social Knowledge» (р. 65 ff.) и учение Петражицкого о комбинированном методе интроспективного и бихевиористского наблюдения (*Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности, ч. I; *Сорокин П.* Система социологии, т. 1, с. 50–76^{29*}).

⁸⁹ Ср.: *Cooley Ch.H.* The Roots, passim; *Spranger E.* Lebensformen. Halle, 1922; *Weber M.* Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // *Logos*. 1913, Bd. IV; Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1904, Bd. XIX; *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Berlin, 1913; *Klüver H.M.* Weber’s “Ideal Type” in Psychology // *Journal of Philosophy*, vol. XXIII, p. 29–35; *Spann O.* Op. cit., S. 1–22. Тот, кто знаком с «понимающей социологией» и «понимающей психологией», разработанными в трудах Макса Вебера, Шпрангера, Ясперса, отчасти даже в трудах сторонников гештальтпсихологии, видит, что все вышеизложенное, повторяющее то, что я писал в своей «Системе социологии», полностью согласуется с этими мощными течениями в современной социологии и психологии.

Глава XII

ПСИХОСОЦИОЛОГИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РЕЛИГИИ, МОРАЛИ, ПРАВА, ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ, ИСКУССТВА И ДРУГИХ КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ КАК ФАКТОРОВ

В этой главе мы должны сделать краткий обзор тех социологических теорий, которые пытаются интерпретировать социальные феномены как функцию разных культурных сил, таких как религия, право и искусство. Поскольку эти переменные являются психосоциальными явлениями, соответствующие теории принадлежат как к социологической, так и к психологической школе. По этой причине их можно назвать психосоциологическими теориями. Любой социолог знает, что количество их огромно. Разумеется, в этой общей работе дать обзор всех этих теорий невозможно. Поэтому я собираюсь поступить следующим образом. Я возьму одну из групп подобного рода теорий, например, ту, которая изучает социальную роль веры и религии, и после обзора главнейших теорий в этой области попытаюсь показать, насколько они достоверны и в чем их слабые стороны. Их недостатки, по сути дела, те же самые, что и у других теорий культурных факторов. По этой причине после анализа этой группы теорий об остальных можно только упомянуть. Нескольких примеров и замечаний будет достаточно, чтобы показать, в каком случае они достоверны, а в каком – сомнительны. В данных обстоятельствах такой вариант обращения с огромным множеством теорий культурных факторов кажется мне наиболее приемлемым. Поскольку эти теории являются психологическими, их анализ будет опираться на принципы, положенные в основу предыдущей главы о психологической школе. Теперь рассмотрим интерпретации социальных явлений в терминах верований и религии.

1. Верования, магия, мифы, суеверия, идеологии и религия как факторы

Общие замечания

Я собираюсь сделать обзор ведущих теорий, пытающихся показать роль верований и религии в целом, особенно в динамике социальных явлений. Под «верованиями» я понимаю совокупность суждений, которые либо находятся вне компетенции науки, либо являются ошибочными в научном понимании, либо научно не доказаны. Все суждения, не являющиеся научными, суть верования независимо от их содержания. Не стоит и говорить, что такие суждения составляют значительную часть «духовного багажа» каждого. Они часто носят псевдонаучный характер, и их нелегко распознать. Каковы же социальные функции таких верований? Играют ли они какую-либо роль в детерминации социальных явлений? Если да, то какова эта роль и какие взаимоотношения установились между верованиями и другими составляющими социальной жизни? Таковы вопросы, на которые отвечают работы, обсуждаемые в этой главе. Из многочисленных и значимых исследований, посвященных этим вопросам, здесь будут рассмотрены те, которые пытаются ответить на вышеуказанные вопросы. Все теологические теории, заявляющие, что история вселенной и человечества контролируется Провидением, Богом или другой мистической силой, также должны быть исключены, поскольку они находятся вне компетенции науки и мы не можем их ни доказать, ни опровергнуть¹. Таковы рамки, установленные характером изучаемого предмета. Литература, посвященная изучению вышеназванных проблем, огромна, и охватить ее всю один человек не в силах. Тем не менее основные типы таких исследований достаточно хорошо представлены сравнительно небольшим числом работ. К их обзору мы и приступим.

¹ Среди таких теологических построений, начиная с изумительного «Града Божия» Бл. Августина и заканчивая блистательными теориями провиденциального контроля над человеческой историей, разработанными Ж. де Местром и де Бональдом, есть чрезвычайно оригинальные, изумительные и впечатляющие труды по «философии истории». Каждый из нас может верить или не верить в них, но, пока они вне компетенции науки, мы не можем их обсуждать. Их можно обсуждать и анализировать лишь в той мере, в какой в этих философских учениях встречаются теоретические положения, выходящие за рамки их основных гипотез и подлежащие компетенции науки. В этих «нетрансцендентальных» частях они нередко содержат ценнейшие научные наблюдения, утверждения и гипотезы. Например, «*Considération sur la France*» и «*Les soirées de Saint-Petersbourg*» Ж. де Местра, «*Théorie du pouvoir politique et religieux dans les sociétés civiles*» (1796) Бональда или «Византизм и славянство» К. Леонтьева (1883) содержат в своих «эмпирических» частях больше социологии, чем дюжина социологических учебников, вместе взятых. Эти части подобного рода работ, естественно, находятся в компетенции социологов и должны изучаться ими.

Предшественники. Учение о том, что верования, особенно магические и религиозные, представляют собой наиболее действенный фактор в человеческой судьбе, является, наверное, древнейшей формой социальной теории. Оно пронизывает практически все известные нам древнейшие источники человеческой мысли. И проявляется в самом факте наличия религии или магии у самых первобытных народов. Это главная тема почти всех Священных книг Востока, «Одиссеи», «Илиады», Библии и других аналогичных источников. Более поздние мыслители, начиная с Блаженного Августина и отцов церкви до Фомы Аквинского, Макиавелли, Марсилиа Падуанского, Кампанеллы, Ж. Бодена, Боссюэ, Вольтера, Ж.Ж. Руссо, Сен-Симона, О. Конта и Г. Спенсера, – все они в той или иной степени признавали роль верований². Огюст Конт даже сделал религию основным фактором и построил «закон трех стадий»^{1*} на основе ее характера. С тех пор социальные мыслители разработали множество различных теорий в этой области. В числе выдающихся ученых, которые в той или иной степени действительно пытались изучить роль верований, магии и религии и сформулировать в этой области некоторые обобщения, следует в первую очередь назвать Фюстеля де Куланжа, Б. Кидда, Гюстава Лебона, Чарльза Эллвуда, Э.О. Росса, Ж. Сореля, Э. Дюркгейма, Дж. Фрэнзера и, наконец, Макса Вебера.

Теория Фюстеля де Куланжа (1830–1889). Будучи одним из наиболее выдающихся французских историков античности и средневековья, Фюстель де Куланж изложил социологическую теорию религии в своей классической книге «Древний город». Она представляет собой попытку рассмотреть «те принципы и правила, на которых основывалось управление греческим и римским обществом»³, и установить, какие факторы отвечали за эволюцию и изменения в их социальной и политической организации, происходившие с течением времени. Теорию автора можно понять из следующих цитат.

«Перемены, которые время от времени происходят в общественном строе, не являются делом случая или результатом применения силы. Причина изменения всегда кроется в самом человеке. Если законы человеческого общества теперь

² Даже антирелигиозные мыслители признавали религию как действенный фактор, по крайней мере, в смысле Макиавелли и Марсилиа Падуанского. «Религия – вещь совершенно необходимая для поддержания цивилизованности... Прозорливый политик всегда уважает религию, даже если он сам не верит... потому что даже если она привита хитростью, то прибавляет немало доблести для защиты страны» (*Макиавелли*. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, ч. 1, гл. XI–XII). Для Марсилиа Падуанского ее функция состоит в «надзирательной работе» по устрашению и обнаружению тайных преступлений и злоумышленников. Так как правительственный контроль недостаточен, «законодатель по этой причине изобретает Бога, от которого ничего не скрыть и который предписывает соблюдение закона под страхом наказания». Священник помогает полиции и суду, запугивая «страхом перед вечным проклятием». Как видим, даже такой тип «теорий» не отрицает роль религии как фактора.

³ *Fustel de Coulanges*. The Ancient City. Boston. 1900, p. 9 (я пользуюсь переводом Уилларда Смола)^{2*}.

не те, что были в древности, значит, что-то изменилось в самом человеке. Действительно, из века в век развиваются наши умственные способности, а в силу этого подвергаются изменениям институты и законы. У современного человека другое мышление, чем у его предка, жившего двадцать пять веков назад; а потому им уже невозможно управлять так, как управляли человеком в древности»⁴.

Таким образом, Фюстель де Куланж утверждает, что причиной социальных изменений и главным фактором социальных явлений в основном выступают идеи. Далее он более точно определяет, какой род идей имеется в виду.

«История Греции и Рима – свидетельство о тесной связи, которая всегда существует между интеллектуальным уровнем народа и социальным строем его общества. Если изучать институты древних народов, не задумываясь об их религиозных взглядах, они покажутся непонятными, странными и необъяснимыми... Но стоит рассмотреть эти институты и законы вместе с верованиями, как сразу все становится объяснимо. Если вернуться в первые века существования этих племен, то есть в то время, когда сформировались эти институты, выяснить, какие представления сложились у человека о жизни, смерти, будущей жизни, то мы сразу увидим тесную связь между этими представлениями и древними нормами частного права, между обрядами, вытекающими из этих представлений, и политическими институтами. Сопоставление верований и законов показывает, что древняя религия создала римскую и греческую семью, учредила брак и власть отца, установила степени родства и освятила право собственности и наследования. Та же самая религия, увеличив семью, создала более многочисленное сообщество – общину, город, где продолжала господствовать так же, как и в семье. Все древние институты и древнее частное право основаны на религии. ... Но со временем древние верования изменились и исчезли, а вместе с ними изменились политические институты и частное право»⁵.

Фюстель де Куланж показывает, что объектом древнейшей религии греков и римлян был культ умерших предков, а основным символом – священный очаг. Далее, он весьма наглядно демонстрирует, как эти представления определили характер древней семьи, законы брака, развод, неравенство сына и дочери, формы родства, право собственности, характер власти, право наследования и все основные характеристики древнего общества⁶. На втором этапе истории этих народов появился другой тип древней религии – обожествление физической природы в виде Зевса, Афины, Юноны и т. д. Эта религия выросла за счет ранней семейной религии. «Новая религия привела к появлению новых нравственных понятий. Она не ограничивалась тем, что указывала человеку на семейные обязанности. По мере развития этой второй религии развивалось и общество»^{5*}. В результате

⁴ Ibid., p. 11^{3*}.

⁵ Ibid., p. 11–12^{4*}.

⁶ Ibid., p. 49–153.

изменилась вся социальная и политическая структура этих обществ. Возник город, изменились правительство, магистратура, законы, институты, социальные классы. Произошел целый ряд реформ и революций⁷.

Окончательные выводы разработанной автором теории таковы:

«Древнее общество было создано древней религией, основным догматом которой была вера в то, что каждый бог оказывает покровительство только одной семье или одному городу. Это было время домашних и городских богов. Древняя религия создала законы; отношения между людьми, собственность, наследование, судопроизводство – все это основывалось не на чувстве справедливости, а на догматах религии и требованиях культа... В древней общественной системе религия была полновластной повелительницей и в общественной, и в частной жизни; государство было религиозной общиной, царь – верховным жрецом, магистрат – священнослужителем, закон – священной формулой; патриотизм был благочестием, изгнание – отлучением от религии; не существовало понятия о свободе личности [и т. д.]. Но постепенно общество стало изменяться. Одновременно с изменениями верований произошли изменения в управлении и праве. Труды философов, развитие мысли расшатали основы древнего сообщества [отметьте это. – П.С.]... если право и политика стали более независимыми, то только потому, что люди отказались от религиозных верований». [Обратите внимание на формулировку. – П.С.]

Затем пришло христианство, внедрившее новые идеи и тем самым вновь радикально изменившее древнее общество и создавшее новое общество с новой формой социальной организации⁸. Фюстель де Куланж делает вывод:

«Мы изучили историю веры. Утверждается вера – создается человеческое общество. Изменяется вера – общество подвергается переворотам. Исчезает вера – общество видоизменяется. Таким был закон древних времен»⁹.

Теория настолько понятна, что нет необходимости ее комментировать. Прежде чем перейдем к критике, рассмотрим другие теории о социальной роли религии.

С. Теория Чарльза А. Эллвуда. По существу, к таким же выводам о социальных функциях религии пришел и профессор Чарльз Эллвуд¹⁰, анализируя современный кризис религии и цивилизации.

«Сегодня мы находимся в центре религиозной революции, происходящей настолько тихо, что многие ее и не замечают, хотя эта революция гораздо значи-

⁷ Ibid., p. 154–469.

⁸ Ibid., p. 519 ff.^{6*}

⁹ Ibid., p. 529^{7*}.

¹⁰ Родился в 1873 г. Автор ряда ценных работ: *Sociology and Modern Social Problems*; *Sociology in Its Psychological Aspects*; *Introduction to Social Psychology*; *The Psychology of Human Society*.

тельнее и носит более фундаментальный характер, чем любая другая, происходящая с начала христианской эры».

Этот кризис является результатом изменений наших идеалов и ценностей, обусловленных прогрессом науки¹¹. За таким кризисом в идеях и религии должно последовать и фактически уже следует соответствующее изменение в человеческом поведении и социальных институтах, потому что религия всегда была одним из наиболее важных инструментов социального контроля над человеком и обществом. Если этот важный регулирующий фактор ослабевает, то возникает опасность отката человека к первобытным и антисоциальным формам поведения, регресса и упадка цивилизации и возвращения к социальному и нравственному язычеству. Согласно автору, симптомы такого регресса, вызванного кризисом христианства, уже присутствуют. Прославление физической силы и борьбы в популярных идеологиях, таких как философия Ницше, Мировая война, усиление чувственного гедонизма и эгоизма, разрушение семьи и рост разводов, «свободная любовь», рост числа венерических заболеваний, нарастающая волна мистицизма, политеизма, атеизма и материализма, усиление веры в насилие и социальную борьбу и многие другие события сегодняшнего дня – все это результаты, главным образом, современного религиозного кризиса¹². Далее автор показывает определяющую роль религии по отношению к разным нерелигиозным социальным явлениям. В психологическом отношении религия является силой, которая иной раз может эффективно контролировать поведение человека и физиологические процессы. Примером тому могут служить аскеты и мученики. Религия дает максимум жизненной энергии. «Что разум значит для идей, то религия значит для чувств». Проецируя важнейшие ценности личности и человеческого общества на мироздание в целом, она освящает человеческую жизнь, укрощает чисто эгоистические порывы, способствует социализации человека. «Она приводит волю и эмоции человека в гармоническое состояние с окружающим его миром». Религия – одно из наиболее действенных средств социального контроля. Она поощряет социально полезные навыки и пресекает асоциальные тенденции. Она дает всему обществу представление о его собственной сакральной ценности. То же самое относится и к социальным институтам, праву и порядку. «Безрелигиозный социальный мир будет миром, где нет уверенности, нет энтузиазма и воображения, миром, скатившимся на безжизненный уровень личной выгоды». Поэтому естественно, что любой прогресс народа должен проявляться в прогрессе его религии, тогда как упадку цивилизации всегда предшествует упадок религии. «Смерть религии должна соответственно означать смерть всей

¹¹ *Ellwood Ch. The Reconstruction of Religion. New York, 1922, p. 1–11.*

¹² *Ibid., p. 14–26.* См. также статью Элльвуда «Religion and Social Control» (*Scientific Monthly. 1918, October*). Аналогичные мнения высказывали и многие другие авторы. См.: *Kidd B. The Science of Power. First part; Hayes E.C. Sociology and Ethics; Hobhouse L.T. Morals in Evolution. New York, 1915; Ross E.A. Social Control. 1920, ch. XII–XVI.*

развитой цивилизации»¹³. Даже если индивид может быть нравственным, не будучи религиозным, то все общество нравственным без религии быть не может.

Сделав этот главный вывод о социальных функциях религии, автор продолжает анализ характера сегодняшнего кризиса христианства и в общих чертах намечает направление, в котором нужно перестроить религию, чтобы она успешно выполняла свои важные социальные функции¹⁴. Нам нет необходимости рассматривать эту часть авторского замысла. Она представляет собой не что иное, как практический вывод из его теоретических положений.

Теория Э. Дюркгейма. Мы уже рассмотрели главные элементы теории религии Дюркгейма. Будучи продуктом общества, концентрируя «социальное» в его ярчайшей и лучшей форме, религия служила мощным средством создания, расширения и роста солидарности среди его членов. С этой точки зрения ее роль велика и абсолютно позитивна.

«Религиозные убеждения основаны на специфическом опыте, чья доказательная ценность в некотором смысле не уступает доказательной ценности научных экспериментов, хотя и отличается от них»¹⁵.

«Почти все великие общественные институты родились из религии... Основополагающие категории мысли и, соответственно, науки имеют религиозное происхождение. Вплоть до сравнительно поздних этапов эволюции нормы морали и права не отличались от ритуальных предписаний. Религиозная жизнь была принципиальной формой всей коллективной жизни, ее, так сказать, концентрированным выражением. Если религия породила все, что есть существенного в обществе, то потому, что идея общества – душа религии.

[С этой точки зрения] верующий, который пребывает в общении со своим богом, это не просто человек, узревающий новые истины, недоступные неверующему, – он *сильнее*. Он чувствует в себе бóльшую силу, чтобы выносить тяготы бытия или преодолевать их. Таким образом, в религии есть нечто вечное, чему суждено пережить все те частные символы, в которые последовательно облакалось религиозное мышление. Не может быть такого общества, которое не испытывало бы потребности в том, чтобы регулярно поддерживать и укреплять коллективные чувства, которые обеспечивают его единство и его индивидуальность»¹⁶.

Теория Г. Лебона (1841–1931). Столь же категорично, хотя и с иной позиции отстаивает высокую эффективность верований Лебон. Сущность его теории состоит в следующем. Человек – существо нелогичное. Он готов поверить самым нелогичным и нелепым вещам, если они созвучны его эмоциям и чувствам. Как

¹³ Ibid., ch. I–III.

¹⁴ Ibid., ch. IV–XI.

¹⁵ Durkheim. *Elementary Forms of Religious Life*, p. 417^{8*}; ср.: James W. *The Varieties of Religious Experience*, p. 20 ff.

¹⁶ Ibid., p. 416–427^{9*}.

только разумом человека овладевает вера, разум становится неспособным его контролировать. В таком случае любая критика становится бессильной. Поэтому историческая роль разума и логики была весьма ограниченной. Реальными факторами в жизни и истории были верования. Они неоспоримы. Они всегда составляли основную часть умственного багажа человека. Вплоть до нынешнего времени человечество не могло жить без верований, не сможет оно избежать этого и в будущем. Тот или иной Бог, та или иная религия могут быть отвергнуты, но только для того, чтобы их место занял новый Бог и нового типа верования. Их место никогда не было свободно и не собирается оставаться пустым в будущем. Вот почему любое изменение в верованиях народа сопровождается огромными изменениями во всей его общественной жизни. В этом смысле верования были одним из наиболее мощных факторов истории человечества¹⁷.

Теория Дж. Дж. Фрэзера (1854–[1941]). Выводы, к которым пришел этот выдающийся исследователь первобытных обществ и человеческих верований, изучая социальную роль верований и суеверий, носят гораздо более определенный характер и основаны на изучении фактов. Эти выводы таковы: во-первых, верования – действенные факторы человеческого поведения и социального контроля; во-вторых, роль суеверий была, в конечном счете, довольно благотворной. Вот как резюмировал свое исследование сам Фрезер:

«Я попробую доказать,.. что для отдельных народов и на отдельных ступенях эволюции отдельные общественные институты, которые мы все считаем полезными, отчасти основываются на суевериях. То, что я хочу вам сообщить, можно суммировать четырьмя утверждениями:

- I. У определенных народов в определенные эпохи суеверия укрепляли уважение к государственной власти, в особенности монархической, и таким образом способствовали утверждению и поддержанию общественного порядка.
- II. У определенных народов в определенные эпохи суеверия укрепляли уважение к частной собственности и таким образом давали гарантии обладания ею.
- III. У определенных народов в определенные эпохи суеверия укрепляли уважение к браку и таким образом способствовали более строгому соблюдению правил половой морали и женатыми, и холостыми
- IV. У определенных народов в определенные эпохи суеверия укрепляли уважение к человеческой жизни и таким образом способствовали личной безопасности»¹⁸.

¹⁷ *Le Bon G.* Psychology of Socialism, ch I, III и passim.

¹⁸ *Frazer J.G.* Psyche's Task. A Discourse Concerning the Influence of Superstition on the Growth of Institutions. London, 1913, 2d ed., p. 154. Здесь приведены факты, на которые опираются эти выводы. Если не в отношении оценок, то, по крайней мере, в том, что касается утверждений о действенности верований и суеверий в осуществлении контроля над поведе-

Теория С. Бугле (1870–[1940]). С. Бугле, изучив кастовую систему в Индии, пришел к выводу, что без религиозного фактора нельзя понять ни ее происхождения, ни длительного существования. Ни экономическая теория Несфилда, ни семейная теория Сенара, ни расовые теории некоторых авторов не дают удовлетворительного объяснения по поводу происхождения кастовой системы. Хотя эти факторы, наверное, играли определенную роль, но без участия религиозного фактора они не смогли бы породить эту систему. Под его влиянием возник первый закон в виде религиозного *fas*^{10*}, что способствовало изоляции разных расовых групп и сделало любое смешение рас смертным грехом. Религия освятила это разделение и превратила прежнее семейное жертвоприношение в нечто сакральное. Правила и ритуалы жертвоприношений становились все сложнее, специальные технические навыки для их совершения становилось все более необходимыми. Отсюда рост власти касты брахманов, их изоляция от остальных групп, а этих остальных групп – друг от друга. С течением времени эта ранее относительная специализация групп становилась все более и более жесткой, превращалась в наследственную и, наконец, была закреплена навечно под влиянием священников-брахманов¹⁹. В этой теории, переданной очень кратко, сделана попытка связать религию с политической и социальной системой.

Н. Концепции Э.О. Росса, Ж. Сореля, У.Г. Самнера и А.Г. Келлера. Весьма лаконично и четко подчеркивают особый аспект влияния верований, легенд и мифов на человеческую психологию и социальные процессы профессор Э.О. Росс и Ж. Сорель. Э.О. Росс²⁰ в своей книге «Социальный контроль» (Social Control) строго научно описал в общих чертах влияние различных культурных агентов – веры, религии, права, искусства, науки и т. п. – на поведение человека и социальные процессы. Со свойственным ему вдохновением и блеском литературного стиля он подчеркнул, что человеческое поведение может управляться

нием человека и отношениями между первобытными обществами, теорию Фрэзера подтверждают и подкрепляют многие полевые исследования. В качестве примеров подобных работ я могу назвать следующие: *Malinovsky B.* Argonauts of the Western Pacific. London, 1922; *James E.O.* Primitive Ritual and Belief. London, 1917; *Codrington R.* Melanesians. Oxford, 1891; *Hauer J.W.* Die Religion, ihr Werden, ihr Sinn, ihre Wahrheit, Bd. I: Das religiöse Erlebnis auf den unteren Stufen. Studgart, 1925. См. далее курсы по антропологии и примитивному обществу Крёбера, Р. Лоуи, У. Уоллиса, У. Риверса и других; *Westermarck W.* The Origin and Development of the Moral Ideas, vol. I. С обсуждаемой точки зрения особенно ценной является работа: *E.D. Starbuck.* The Psychology of Religion. New York, 1903. Используя количественные методы исследования, автор приходит к выводу, что религия помогает взрослому реализовать свое желание помогать другим, а подающему надежды подростку адаптироваться к социальному организму, «уверенному в своем пути и непреклонному в своих требованиях» (Ibid., p. 195). См. также: *Leuba J.H.* The Belief in God and Immortality. Boston, 1916.

¹⁹ См.: *Bouglé C.* Essais sur le régime des castes. Paris, 1908.

²⁰ Родился в 1866 г. Один из основателей американской социологии. Автор нескольких выдающихся работ: *Foundations of Sociology*; *Social Control*; *Social Psychology*; *Principles of Sociology*. «Американский Тард» – такова краткая характеристика Росса как социолога.

и управляется иллюзией. Вера, – независимо от того, верна она или нет, – является реальной силой, определяющей поступки человека, если он действительно верит. Религия есть одна из сил, обуславливающих социальные процессы²¹.

Позиция Сореля такова: представление о будущих действиях и ходе событий в значительной степени определяет их объективный курс, даже если это представление на самом деле абсолютно ошибочно. То же самое справедливо и в отношении разных мифов и легенд.

«Мы видели на опыте, что построения будущего, не определенного во времени, могут производить большой эффект и почти не иметь недостатков; это бывает с мифами, в которых выражаются наиболее мощные склонности народа, партии или класса – склонности, предстающие уму с настойчивостью инстинктов во всех обстоятельствах жизни и придающие впечатление полной обоснованности надеждам на ближайшее действие, которые обеспечивают преобразование воли. Притом известно, что эти социальные мифы нисколько не мешают человеку... в совершении привычных дел. В доказательство можно привести множество примеров.

Первые христиане ждали второго пришествия Христа, гибели языческого мира и установления Царствия Божия на земле к концу жизни своего поколения. Этого не произошло, но апокалиптический миф все же оказался столь важен для христианской мысли, что многие современные ученые готовы свести к этой единственной мысли все учение Христа. Надежды, возлагавшиеся Лютером и Кальвином на религиозный дух Европы, тоже нисколько не оправдались... Можем ли мы на этом основании оспаривать колоссальную важность плодов, которые принесла их мечта о возрождении христианства? Мы легко можем согласиться, что и настоящие последствия Революции совершенно не совпадают с волшебной картиной, вдохновлявшей ее первых адептов, – но не будь этой картины, разве смогла бы Революция победить? В совсем недавнем прошлом Мадзини преследовал цель, которую мудрецы его времени называли безумной химерой. Однако сегодня уже нельзя сомневаться в том, что без него Италия не стала бы великой державой»²².

Таким образом, вымыслы как миф, убеждение просто как вера определяют ход событий.

I. *Теория Бенджамина Кидда* (1858–1916). Б. Кидд попытался создать, возможно, одну из самых общих теорий социальных функций веры и религии. Основы гипотезы Кидда таковы: первоначальным фактором эволюции всех организмов была борьба за существование. Вследствие этого высшие организмы

²¹ См.: *Ross E.A. Social Control*, ch. XXIII.

²² *Sorel G. Reflections on Violence*. New York, 1912, p. 133 ff.^{11*} См. также: *Malinowski B. Myth in Primitive Psychology*. New York, 1926; *Sumner W., Keller A.* Op. cit., p. 1465–1407; *Todd A.J.* Op. cit., ch. XXIX.

выживали за счет низших. Любой шаг в эволюции обходился огромной ценой в виде истребления и устранения очень многих жизней. Человек также эволюционировал с помощью фактора борьбы за существование. Его победа над другими животными стала возможной во многом благодаря разуму, или интеллекту, который он развил в процессе этой бесконечной борьбы. Любой прогресс самого человечества, как и во всем животном мире, давался огромной ценой. Для того чтобы несколько индивидов или групп могли развиваться, огромное количество других должны были пожертвовать собой. Однако если бы только этот фактор отвечал за человеческий прогресс, то очень многие явления были бы необъяснимы. Действительно, если бы закон борьбы за жизнь, ведущейся с помощью эгоистического оружия интеллекта, был единственным фактором человеческого прогресса, то самые интеллектуальные и эгоистичные социальные группы всегда выживали бы за счет менее интеллектуальных. Тогда среди людей прославлялась бы безжалостная борьба, а закон абсолютного эгоизма властвовал бы безраздельно. Но сам прогресс должен был бы остановиться, чтобы избежать этой ужасной цены, поскольку с чисто эгоистической точки зрения не было бы никакого рационального мотива продолжать прогресс, который непрерывно требует жертвовать индивидами в пользу группы, а подавляющим большинством групп – в пользу немногих. Ни одно из этих ожиданий не оправдалось. Очень многие народы с блестящими умственными способностями, например греки, исчезли бы, тогда как некоторые другие, с более низким интеллектом, выжили бы. Даже наша собственная цивилизация возвысилась не столько благодаря превосходству нашего интеллекта, который, конечно, ненамного превышает интеллект тех цивилизаций, которые исчезли, сколько благодаря другому фактору. Кроме того, в нашей социальной жизни мы не проповедуем абсолютный эгоизм, а, напротив, проповедуем неограниченный альтруизм и принесение в жертву личных интересов и даже жизни за своих ближних. У нас есть благотворительные и филантропические учреждения и т. д. Наконец, несмотря на то, что остановить прогресс было бы в интересах людей, они его не останавливают, а продолжают постоянно платить за него огромную цену.

Все эти явления представляют собой парадокс прогресса. Они, очевидно, не могут быть отнесены только на счет человеческого интеллекта, который по своей сути эгоцентричен, и даже не на счет борьбы за существование, ведущейся исключительно из эгоистических соображений. Так как вышеупомянутые факты неоспоримы, мы должны допустить помимо эгоистического расчета и борьбы за существование некоторый другой фактор, обуславливающий социальный прогресс человека, непрерывное жертвоприношение индивидов во благо группы и групп во благо человечества, во благо альтруизма, милосердия, филантропии

и, наконец, во благо самого факта выживания многочисленных групп, которые отнюдь не умнее многих исчезнувших²³.

Этот фактор – религия как «форма верований, который снабжает сверхрациональными правилами ту обширную область личной жизни, где личные интересы и интересы социального организма противоположны друг другу и посредством которого первые интересы подчиняются вторым в силу общих интересов эволюции всей расы...»

Никакая форма верований не способна в процессе эволюции общества функционировать как религия, не способна обеспечить сверхрациональный контроль над социальным поведением индивида... Рациональная религия – научная невозможность, безусловно представляющая собой явное противоречие²⁴.

Таков ответ Кидда. Он означает, что социальная эволюция человечества обусловлена не только и даже не столько эгоистическим разумом, сколько сверхрациональной верой или религией. Ее роль все более и более возрастала. Она ответственна за все альтруистические поступки человеческих существ. Это сила, которая убеждает индивидов жертвовать собой ради группы, а группу – ради человечества. Чем она сильнее, тем более социальна группа и тем больше у нее возможностей для выживания. Это объясняет, почему некоторые интеллектуально более развитые, но религиозно слабые общества погибли, тогда как некоторые другие группы, которые были не столь высоко интеллектуальны, но сильнее в социальном или религиозном отношении, выжили. Наконец, религия ответственна за непротивление человека прогрессу и ужасную плату за него. «Интеллект, конечно, остается одним из наиболее важных факторов, помогающих системе, к которой принадлежит индивид, удерживать свое место в борьбе за жизнь, но это больше не главный фактор»²⁵.

Ж. Социология религии Макса Вебера²⁶. Фундаментальные проблемы его исследования. Три больших тома, посвященных М. Вебером социологии рели-

²³ Kidd B. Social Evolution. New York, 1894, p. 66–72, 106–107, 305–306.

²⁴ Ibid., p. 108–116. Ср. с «рациональной религией» Эллвуда и Дюркгейма.

²⁵ Ibid., p. 306–307. О теории Кидда см.: *Giddings F. Studies in the Theory of Human Society*, p. 9–11; *Lichtenberger J. Op. cit.*, p. 287–291; *Ковалевский М. Современные социологи*, с. 210–222; *Barth P. Op. cit.*, p. 425 ff.

²⁶ Умер в 1920 г. Профессор экономики ряда университетов Германии. К числу основных работ Вебера, помимо «Religionssoziologie», относятся: *Wirtschaftsgeschichte* (1924, 2d ed.), *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre* (1922), *Grundriss der Sozialökonomik. III. Abteilung: Wirtschaft und Gesellschaft* (1922), *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* (Tübingen, 1924). Данные работы сделали М. Вебера, возможно, одним из наиболее выдающихся экономистов и социологов настоящего времени. О работах М. Вебера см.: *Walter A. Max Weber als Soziologe // Jahrbuch für Soziologie. Bd. II; von Schelting A. Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaft von Max Weber und sein Begriff des Idealtypus // Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. XLIX, Heft 3; ряд статей, опубликованных в двухтомнике, посвященном памяти М. Вебера: Erinnerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I–II^{12*}; Honigsheim P. Max Weber als Soziologe // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie I. Jahrgang, 1. Hefte, 1921; Weber M. Max Weber: Ein Lebensbild.*

гии²⁷, представляют собой, наверное, один из самых ценных вкладов в эту область, сделанных в XX в. Хотя эти тома являются собранием его статей, опубликованных в период с 1904 г. до момента его смерти, и хотя в целом работа осталась незаконченной, тем не менее эти тома вместе с некоторыми другими произведениями М. Вебера дают достаточно систематическое и ясное представление о его теории в этой области. Главная тема работы – анализ взаимоотношений между религиозными и экономическими явлениями. Но эта тема разработана столь масштабно и с такой колоссальной эрудицией, что работа представляет собой не только социологию религии, но и социологию всей культуры. Кроме того, в противоположность большинству работ в этой области она основана на огромном фактическом материале, что придает ей особую ценность. Я опускаю здесь специфическую методологию и терминологию М. Вебера и несколько упрощу его слишком сложную «технику» анализа, не искажая, тем не менее, его принципов. Фундаментальная проблема его исследования заключается, вероятно, именно в том, чтобы выяснить взаимоотношения между экономическими и религиозными явлениями. Есть ли это односторонняя обусловленность религиозных явлений экономическими, как утверждают экономические интерпретаторы истории, или экономика определяется религией, или оба эти явления взаимозависимы? Если они взаимозависимы и каждый из них влияет на другую категорию факторов, то как можно выяснить, что действует религиозный фактор; и если действует, то в чем состоит его реальное влияние на экономические явления, всю культурную жизнь и социальную организацию общества? Такова фундаментальная проблема, разрешить которую пытался Макс Вебер.

Методологические принципы. Его ответ на вышеуказанные вопросы можно описать следующим образом. Во-первых, религиозные и экономические феномены взаимозависимы. Любая односторонняя интерпретация одного из них как простой функции другого ошибочна. Поэтому ошибочна теория экономической интерпретации истории и столь же ошибочна была бы противоположная ей теория, которая стала бы рассматривать экономические явления как простую функцию религиозных факторов. Эти два фактора взаимозависимы, и каждый из них испытывает влияние ряда других условий. Но из методологических соображений можно взять один из этих факторов как «переменную» и найти ее специфическое воздействие на ту или иную сферу, в данном случае – на сферу экономических явлений. Такова исходная позиция Макса Вебера. Он рассматривает религиозный фактор как переменную и пытается выяснить его влияние на экономику и другие социальные явления²⁸. Таким образом, Макс Вебер – плю-

²⁷ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1922–1923, Bd. I, II, III; далее при ссылках на это издание оно обозначается как «Religionssoziologie».

²⁸ См.: Weber M. Op. cit., Bd. I, S. 12, 21–22, 37–38, 82, 183, 233–237; Weber M. Wirtschaftsgeschichte. München und Leipzig, 1924, S. 16, 238, 308–315. «Любая попытка толкования [типичного социального явления] должна ввиду фундаментального значения эконо-

ралист и «функционалист» в том смысле, в каком я использовал эти понятия в главах о Парето и экономических интерпретациях истории.

Какие аспекты религии рассматриваются при изучении ее воздействий на экономические явления? Взяв религиозный фактор в качестве методологической переменной, Макс Вебер рассматривает «хозяйственную этику религии» (*Wirtschaftsethik*), чтобы выяснить влияние религии на экономическую жизнь. Под «экономической этикой религии» он подразумевает не столько разные теологические догматы религии, сколько совокупность «*практических форм поведения*», соблюдать которые требует от своих членов религия. Он признает, что хозяйственная этика любой религии есть результат самых разных факторов и среди них присутствует и такой фактор, как религия. Поскольку исследование всех факторов «экономической этики» увело бы в бесконечность да и фактически невозможно, необходимо рассматривать ее как преимущественно религиозный продукт, и путем изучения ее воздействий выявить влияния религии в целом. Такая задача может быть реализована, если исследователь изучит экономические влияния религиозной этики на жизнь тех социальных групп, которые сильно влияют на ее характер, а также находятся под ее влиянием²⁹. Ограничив таким образом свою задачу, Вебер берет «хозяйственную этику»^{15*} шести мировых религий – конфуцианства, индуизма, буддизма, христианства, ислама и иудаизма – и исследует характер этой этики в каждой из них, а также ее влияния на экономическую организацию и жизнь народов, исповедующих одну из этих религий³⁰. Таким образом, он пытается связать религию с экономикой. Мы, естественно, не можем проследить здесь долгий и тщательно продуманный анализ, какому Вебер подверг влияния каждой из этих религий. Как бы ни была

мики принимать во внимание прежде всего экономические условия. Однако нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения (*Lebensführung*). Там, где определенные психологические (*seelische*) факторы служат ему препятствием, развитие хозяйственно-рационального жизненного поведения также наталкивается на серьезное внутреннее противодействие. В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге (*Pflichtvorstellungen*)»^{13*}. Религия и «*Eine Wirtschaftsethik ist keine einfache "Funktion" wirtschaftlicher Organisationsformen, ebensowenig wie sie umgekehrt diese eindeutig aus sich herausprägt. Keine Wirtschaftsethik ist jemals nur religiös determiniert gewesen. Sie besitzt selbstverständlich ein im höchsten Mass durch wirtschaftsgeographische und geschichtliche Gegebenheiten bestimmtes Mass von reiner Eigengesetzlichkeit gegenüber allen durch religiöse oder andere (in diesem Sinn) "innerliche" Momente bedingten Einstellungen des Menschen zur Welt*» (*Religionssoziologie. Bd. I, S. 12, 238*)^{14*}.

²⁹ *Religionssoziologie. Bd. I, S. 238 ff.*

³⁰ В опубликованных трех томах фактически исследованы протестантизм, конфуцианство, даосизм, индуизм, буддизм и иудаизм.

заманчива такая задача, ограниченность места не позволяет этого сделать. Поэтому я возьму только один пример для иллюстрации метода анализа и выводов Макса Вебера. Добавив к этому его собственное резюме фундаментальных влияний других религий, мы составим представление о работе Макса Вебера. В качестве примера я возьму отношения между современным капитализмом и протестантизмом, которые были особенно хорошо изучены автором.

*Современный капитализм и протестантизм*³¹. Хотя разные элементы того, что принято называть «капиталистической экономикой», находили в прошлом и во многих неевропейских обществах, современный западный капитализм – явление особое и принадлежащее нашему времени. К типичным особенностям «духа современного капитализма» («*Der Geist des Kapitalismus*») относятся: рационально организованное и рационально управляемое экономическое предприятие, опирающееся на строго научные принципы, и частная собственность; производство для рынка; производство массовое и осуществляемое массами; производство ради денег; максимум энтузиазма, этоса и эффективности в работе, которая требует полной преданности человека своему призванию, профессии или делу. Подобная преданность предполагает, что профессиональная деятельность является самоцелью, основной функцией жизни каждого; соответственно, труд в современном капиталистическом обществе считается не чем-то случайным, а тем, ради чего и существует человек, что является его главным жизненным призванием, возлагающим на него самые важные обязательства служить своему призванию, т. е. служить ему честно, преданно и «религиозно». Эта «профессиональная этика» является одной из самых ярких черт духа современного капитализма. Следовательно, люди оцениваются и оплачиваются согласно эффективности их работы. Те, кто плохо служит своему призванию, понижаются в статусе, а те, кто служит ему хорошо, повышаются; капиталистическое общество оценивает человека в первую очередь как работника, какими бы ни были его работа или профессия. К этим чертам следует добавить, с одной стороны, рационализм, утилитаризм, проявление инициативы и изобретательности всеми возможными способами, а с другой – величайшее отвращение к «традиционализму», ко всему, что неэффективно и устарело и существует лишь по инерции, а также ко всему, что считается суеверным, иррациональным и несовершенным с точки зрения существующих более совершенных и рациональных методов³². Таковы типичные – идеально типичные – особенности современного капитализма³³. Этими чертами он радикально отличается от других форм древнего или

³¹ Книга Р.Г. Тоуни «*Religion and the Rise of Capitalism*» (New York, 1926) представляет собой лишь краткое изложение теории М. Вебера.

³² *Religionssoziologie*. Bd. I, S. 17–63; *Wirtschaftsgeschichte*, S. 238 ff., 308 ff.

³³ Тем самым мы получаем представление о методологической теории «идеального типа» М. Вебера. «Идеальный тип» – это конкретный, но в то же время и обобщенный образ изучаемых социальных явлений, в котором должны быть суммированы специфические осо-

средневекового капитализма и представляет собой специфическое явление современного западного общества.

Чтобы такая экономическая организация стала возможной, должны были появиться человеческие существа с определенной психологией, поведением и соответствующие социальные условия. Ясно, что среди довольно ленивых, суеверных, непродуктивных и иррациональных людей подобная система экономической организации невозможна. Она стала возможной лишь тогда, когда у людей сформировались «определенная психология» и поведение и когда появились следующие условия: а) рациональный расчет капитала и рациональные методы управления производством, б) присвоение всех средств производства, в) рациональная техника производства, г) рациональное право, д) свободный труд и е) коммерческая организация хозяйства и производство продуктов труда для продажи на рынке³⁴.

Что касается психологии и поведения, которые необходимы для существования такой системы, то идеальным примером их может служить один из творцов и ранних представителей духа современного капитализма Бенджамин Франклин, его поведение и его сочинения: «Совет молодому торговцу» (*Advice to a Young Tradesman*) и «Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым» (*Necessary Hints to those that would be Rich*). Здесь опять применим метод «идеального типа» Макса Вебера: «Время – деньги», «Кредит – деньги», «Деньги делают деньги», «Честность – лучшая политика», «Тщательный учет необходим в любом деле», «Добропорядочность и честность, усердие, трудолюбие, правдивость, искренность и собранность необходимы для успеха в любой области, в том числе и в деловой». Эти и подобные им наставления Франклина, которые он сам методически соблюдал в своей деятельности³⁵, – вот психологические характеристики, без которых, по крайней мере, в определенной степени, современный капитализм был бы невозможен³⁶. Так как они появились и существуют, то очевидно, что подобная психология и подобное поведение были в какой-то степени привиты народным массам западного общества.

Теперь проблема, которую требуется решить, состоит как раз в том, чтобы определить, какие силы были ответственны за такое преобразование чело-

бенности явления в его самом ярком, даже утрированном виде, тем самым совершенно ясно показывая специфику данного явления. Идеальный тип – это не «среднестатистическое» явление, это явление с ярко выделенными специфическими чертами. Упомянутый «дух современного капитализма» может служить примером одного из «идеальных типов» Макса Вебера. Вышеизложенное показывает, что его «дух современного капитализма» является не образом среднестатистической предпринимательской организации или психологии среднестатистического предпринимателя или работника, а образом идеальной деловой организации, идеального капитана промышленности или работника.

³⁴ *Wirtschaftsgeschichte*, p. 237–239^{16*}.

³⁵ Особенно см. «Автобиографию» Франклина.

³⁶ *Religionssoziologie*. Bd. I, S. 30–34, 63 ff.

веческих существ и их поведения и психологии. Вебер отвечает: *Современный западный капитализм был создан протестантской религией и ее «хозяйственной этикой».* Дух современного капитализма – это дух протестантизма, его правил поведения и практической этики. Прежде чем современный капитализм появился, он был воспринят, выращен и подготовлен в недрах протестантской религии. Дух капитализма появился раньше, чем сам капитализм. Это, замечает Вебер, пример того, как экономической организации предшествуют и становятся определяющими идеологические факторы³⁷.

Каковы доказательства такого утверждения? Они многочисленны. В первую очередь Вебер, произведя скрупулезный анализ учений Лютера, Кальвина и многих других протестантских проповедников, показывает, что дух протестантизма в этике повседневной жизни практически был идентичен духу современного капитализма. Протестантизм оформил всеобъемлющую рационализацию человеческой жизни, придал огромную нравственную цену мирскому призванию и мирской профессии, освятил труд и стал рассматривать добросовестное, честное и самоотверженное исполнение человеком его профессиональных обязанностей как его священный долг, а своей проповедью о том, что спасение человека зависит, прежде всего, от благонравной и рациональной жизни, отвратил его от чисто «аскетического идеала» и обратил к исполнению земного, но религиозного долга. Кроме того, протестантизм провозгласил, что честное зарабатывание денег не является греховным занятием. Короче говоря, дух капитализма есть, по сути дела, дух протестантизма. Во-вторых, достоверность теории Вебера подтверждается тем фактом, что начиная с Реформации ведущими в экономическом отношении странами являются страны протестантские (Голландия, Англия, Америка и т. д.), тогда как католические или непротестантские страны оказались далеко позади. Объясняется это очень просто. Протестантская хозяйственная этика воспитала и приучила своих последователей к капиталистической экономике. Дух протестантизма способствовал выработке привычек и форм поведения, необходимых для успешного создания современных капиталистических предприятий и управления ими. В-третьих, правильность гипотезы подтверждают и статистические данные, свидетельствующие о том, что в Германии протестанты более зажиточны, чем непротестанты, и что среди учащихся реальных гимназий и коммерческих училищ процент протестантов тоже выше. Макс Вебер допускает возможность и противоположного объяснения этих фактов. Можно предположить, что Англия, Голландия и некоторые другие страны были экономически более обеспечены не потому, что они приняли протестантизм, а потому они и приняли его, что были богаче. И более богатые семьи приняли протестантизм по причине их богатства. Такова противоположная гипотеза. Она тем не менее неправильна, говорит Вебер, потому что было много бедных и преследуемых

³⁷ Ibid., S. 38–39.

протестантских сект в римско-католических странах – гугеноты во Франции, протестанты в Австрии, квакеры в Англии и т. д.; и все же все они известны своими успехами на производстве, в деле управления предприятиями и ведущей ролью в области экономической деятельности. Даже в странах, где безраздельно господствовали католики и в прежние времена католики и составляли наиболее зажиточный слой населения, их оттеснили протестанты, которые нередко были выходцами из более бедных сословий. Эти и подобные им факты показывают ошибочность этой гипотезы и достоверность гипотезы Макса Вебера. Таким образом, шаг за шагом Вебер рассматривает кальвинистов, пиетистов, методистов и других протестантов и показывает, что установленную им связь между экономикой и религией подтверждают результаты исследования всех протестантских народов в Германии, Англии, Голландии и Америке³⁸. Таковы основы теории Макса Вебера о происхождении современного капитализма из протестантизма. Вышеизложенное дает, конечно, только общее представление о глубокой, опирающейся на кропотливое изучение фактов аргументации Вебера в пользу его гипотезы, но этого достаточно для понимания характера теории и метода автора.

Аналогичным образом Вебер анализирует хозяйственную этику конфуцианства, даосизма, индуизма, буддизма и, наконец, иудаизма³⁹. Этика хозяйственной и повседневной жизни каждой из этих мировых религий^{17*} сформировала экономическую и социальную организацию народов, среди которых она получила распространение, в точности по своему образцу. Их «традиционализм» и дух очень отличаются от «духа современного капитализма», они-то и стали причиной того, что капитализм в этих странах остался в недоразвитом состоянии⁴⁰. Следующая цитата показывает сущность учения М. Вебера о влиянии религиозного фактора на экономическую организацию общества.

Для появления современного капитализма были необходимы «рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли (*Gesinnung*), рациональный образ жизни и рациональную хозяйственную этику (*Wirtschaftsethos*). В основе всякой этики и вытекающих из нее хозяйственных отношений всегда лежит известная традиционность – святость предания, сохранение способов ведения торговли и хозяйства в том виде, в котором они перешли к нам от праотцов. Эта особенность глубоко сохраняется и в наши дни»^{18*}. Традиционность, с древних времен укоренившаяся в этике и методах ведения хозяйства, может быть усилена двумя особыми обстоятель-

³⁸ Ibid., S. 17–30, 63–236, особенно S. 162, 190–195, 202–206.

³⁹ Ibid., Bd. I (религии Китая), Bd. II (индуизм и буддизм), Bd. III (иудаизм) и их хозяйственная этика.

⁴⁰ Об экономическом влиянии конфуцианства и даосизма см. Bd. I, S. 524–528, буддизма и индуизма – Bd. II, S. 367 ff.; краткие выводы об экономическом влиянии всех мировых религий см.: *Weber M. Wirtschaftsgeschichte*, S. 302–315.

ствами: прежде всего, с соблюдением традиций могут быть связаны материальные интересы некоторых социальных групп, но еще более сильное влияние оказывает суеверное стремление сохранить все привычные способы деятельности из опасения, что малейшее изменение в обычном ходе жизни вызовет враждебные действия со стороны руководящих таинственных сил. «Склонность держаться рутины не может быть побеждена одним стремлением к наживе (Erwerbstrieb). Было бы ребячеством думать, что наша рационалистическая капиталистическая эпоха отличается более сильным стремлением к наживе, чем другие эпохи. Представители современного капитализма не больше горят желанием получить прибыль, нежели древние торговцы Востока». Точно так же увеличения населения недостаточно, чтобы разбить цепь традиционных народных нравов. Это особенно видно на примере Китая. Во все времена к уничтожению традиционных народных верований приводило только одно средство – *появление великих рациональных пророков*. Не всегда, но часто таким пророкам, сумевшим «легализоваться» благодаря чудесам и другим «откровениям», удавалось разбить цепи традиционализма, избавить людей от его магического наваждения и тем самым заложить основы современной экономической организации, техники и капитализма. «В Китае не создавалось подобного движения; раздававшиеся там пророчества, например Лао-цзы и Дао цзин, приходили извне»^{19*}. В Индии, наоборот, такие пророки появлялись и прокладывали путь к освобождению от цепей традиционализма. Но, к сожалению, они были пророками индуистского типа, которые, как Будда, хотя и призывали к освобождению от традиций, усматривали рациональную свободу лишь в области чисто духовной медитации и размышления (Нирвана), полностью пренебрегая практической повседневной жизнью. В результате этого их рациональные пророчества и учения могли повлиять только на узкую группу мыслителей. Для широких масс они были слишком утонченными, чтобы эти массы могли их понять и усвоить. Для них буддизм означал только примитивный магический способ обретения спасения. По этой причине пророчеству не удалось привить рационализм массам индийского населения, так что их экономическая жизнь осталась в своих традиционных рамках. В противоположность восточным религиям иудаизм и христианство оказали огромное влияние на массы и их деятельность, потому что они всегда были «плебейскими религиями». Правда, и здесь шла борьба между «интеллектуальной аристократией» (гностиками) и «интеллектуальным плебсом». Первые пытались преобразовать религию в рафинированную философскую систему, тогда как их противники придерживались упрощенных форм учения, доступных сознанию масс. Борьба, к счастью, закончилась двойственным результатом. Интеллектуальная аристократия могла уединиться в монастырях и пустынях и там, ведя рациональный образ жизни, предаваться размышлениям. Интеллектуальному плебсу, однако, была предоставлена возможность вести свою мирскую жизнь с соответству-

ющими обязанностями, не выполняя обязательств религиозной аристократии, т. е. монахов и аскетов. Отсюда различие в степени рационализации образа жизни этих двух христианских слоев. Средневековый монах стал первым [рационально] живущим человеком той эпохи, методически и сознательно стремящимся к одной цели – блаженной жизни за гробом. Только для него звучали колокола, только для него день делился на часы молитвы. Хозяйство монастырских общин было рациональным хозяйством с методическим планированием, управлением, подсчетом и учетом. Однако такой образ жизни ограничивался только монастырем, жизнь народных масс шла за его пределами. Затем пришел протестантизм, который по-своему распространил рационализацию жизни на массы, заложив таким образом основы современного капитализма. Своим возникновением он обязан исключительно протестантизму⁴¹. В настоящий момент эти религиозные корни современного капитализма уже омертвели. Ранний религиозный энтузиазм и религиозная концепция мира утрачены. Это означает, что какая-то стадия в развитии современного капитализма закончена. Со смертью его религиозных корней должен измениться и он⁴².

Таковы основы социологии религии Вебера и его теории о влиянии религии на экономические явления. На этом мы можем закончить наш обзор данных теорий и перейти к их критике.

К. *Критика*. I. Серьезной критике рассматриваемых нами теорий в значительной степени мешает сама природа тех понятий, которыми они пользуются. Хотя некоторые из теорий и дают определение религии, оно все равно остается весьма расплывчатым. Поэтому ни авторы, ни читатели не знают точно, с чем они имеют дело и о чем говорят. Например, будем ли мы понимать под религией или магией только некоторую систему идей и другого психического опыта или же включим в понятие религии и такие ее внешние проявления, как ритуалы, церемонии, формы религиозного поведения и всю систему принудительных и карательных мер, с помощью которых они нередко поддерживаются? Если

⁴¹ Вебер не согласен с Зомбартом, считающим, что современный капитализм был создан преимущественно евреями. Хотя иудаизм рано преодолел барьеры традиционализма и, как и христианство, занял враждебную позицию по отношению к магии, тем не менее особое положение еврейского народа во времена Средневековья, его изоляция от христиан, запрет на вступление с ними в брак и положение «народа-парии» – все это сделало для евреев невозможным любое рациональное и творческое экономическое развитие. Если они участвовали в какой-то степени в экономической жизни, занимаясь ростовщицеством и т. д., то это был не современный рациональный капитализм, а вырождающийся «капитализм париев». Рациональный капиталист – это «был христианский тип, оказавшийся возможным только на почве христианского общества». За пределами «капитализма париев» хозяйственная этика Талмуда глубоко традиционна и непрогрессивна. «Набожный еврей так же боится всяких новшеств, как и представитель дикого народа, опасющийся за это мести таинственных сил». Только в современном мире еврейские предприниматели начали играть какую-то роль в сфере капитализма» (Wirtschaftsgeschichte, S. 305–308; Religionssoziologie, Bd. III, passim).

⁴² Weber M. Wirtschaftsgeschichte, S. 302–315.

взять только религиозные идеи и психический опыт, то необходимо точно указать, каким образом они действуют в своей чистой форме. Этого рассматриваемые нами авторы относительно транссубъективных социальных явлений практически никогда не делали. В понятие «религиозный фактор» все эти теории включают нравы, правила поведения, обряды, интересы, церемонии и почти все законы, обычаи и этические предписания. Другими словами, этот фактор представляет собой неосмысленную смесь транссубъективных и психических явлений. Такое широкое понимание «религиозного фактора» позволяет гораздо легче доказывать его эффективность, но имеет и большой недостаток. Дело вот в чем. Так как «религиозный фактор» подобного рода представляет собой «мешанину», состоящую из форм поведения, обрядов, церемоний, «хозяйственной этики», законов и нравственных норм, «интересов» и даже мер физического наказания и принуждения, то он фактически охватывает почти все психические и великое множество физических факторов. В действительности он перестает быть «религиозным» и становится просто фактором, охватывающим множество транссубъективных факторов и психический опыт, которые по своему характеру мозаичны и расплывчаты. Если таким образом авторам легко удастся показать его действенность, то это действенность не «чистого фактора религии», «магии» или «веры» как психического состояния, а ряда различных психических и «культурных» агентов. С не меньшим основанием такой фактор мог бы называться «речевой реакцией», «физическим», «принудительным», «этическим», «юридическим» или «нравственным» фактором. Фактически многие социологи так его и называли. Таким образом, теории доказывают и гораздо меньше, и гораздо больше, чем намеревались доказать. Таков их первый общий недостаток: искажение самой их природы. В результате чего эти теории оказываются абсолютно неспособными привести сколько-нибудь ясное и убедительное доказательство причинного влияния религии как психической силы на динамику транссубъективных явлений. Причина этого была четко указана в предыдущей главе. Она состоит в смешении транссубъективных и психологических категорий и в превращении одной из этих категорий в причину или же, наоборот, в следствие другой. В результате мы имеем причинную цепь транссубъективных явлений, все время разрываемую психическими агентами и описываемую отчасти с помощью объективных, а отчасти с помощью интроспективных терминов. Поскольку «религиозный фактор» представляет собой таинственный ящик, наполненный многочисленными транссубъективными стимулами, такими как речевые реакции, телесные движения в ходе исполнения обрядов; такими стимулами, как песнопения, музыка, картины, танцы, скульптуры, строения, «религиозные» предметы; другими людьми с их шаблонами поведения; актами физического наказания, принуждения, заключения; различными веществами, используемыми при богослужении и т. д.; и, наконец, многочисленными психическими переживаниями, такими как

«идеи», образы, эмоции, чувства, волеизъявления и т. д., – мы теряемся в сложном многообразии этих факторов, объединенных под названием «религия», и не знаем, какой из этих стимулов действительно эффективен, даже если доказано, что «религиозный фактор» влиятелен в целом. Таким образом, здесь мы узнаем в конкретной форме общие недостатки психических теорий, о которых речь шла в предыдущей главе. Чтобы показать, насколько велики трудности, которые необходимо преодолеть, чтобы сделать какой бы то ни было определенный вывод о роли верований, религии и идеалов, я возьму гораздо более простой случай. На его примере отчетливее будет виден недостаток этих теорий.

Чтобы установить, возможно или невозможно «внедрить в сознание достаточно сильные идеалы и установки, чтобы управлять человеческими целями и поведением», доктор П.Ф. Фёлкер взял четыре экспериментальные группы бойскаутов и две контрольные группы других детей, – все они имели примерно одинаковый интеллект и воспитывались примерно в одинаковой домашней обстановке и среди одинакового ближайшего окружения. Внедрить предстояло идеал доверия. С помощью разных методов, таких как тест загадки, тест потерянного предмета, тест преувеличения, тест «позволь-мне-помочь-тебе» и другие, группы в начале обучения были проверены на доверие. После этого экспериментальные группы В, С, J, К в течение приблизительно трех месяцев обучались доверию обычными методами воспитания бойскаутов, тогда как контрольные группы Е и I не обучались. В конце обучения экспериментальные и контрольные группы были вновь протестированы. Основные результаты показаны в следующей таблице⁴³.

В первом тесте различные группы получили следующие баллы по доверию.

Группа	Характер	Время тренировок	Средний балл	Ранг
A	Частная школа	Нет	59,5	7
B	Бойскауты	Только организованные	60,5	6
C	Бойскауты	Только организованные	58,1	8
D	Бойскауты	Шесть месяцев	80,4	2
E	Частная школа	Нет	75,0	4
F	Частная школа	Четыре месяца	62,2	5
G	Скауты девочки	Нет	78,2	3
H	Бойскауты	Два года	82,3	1
I	Государственная школа	Нет	56,8	9
J	Бойскауты	Только организованные	42,1	11
K	Бойскауты	Только организованные	53,4	10

Таблица показывает, что связь между доверием и обучением незначительна.

⁴³ *Voelker P.F.* The Function of Ideals and Attitudes in Social Education. New York, 1921, p. 99, 115–118, 120–126 и passim.

После обучения четырех экспериментальных групп их отношение к доверию по сравнению с двумя необучаемыми группами изменилось следующими образом:

У экспериментальной группы В доверие возросло на 13,5 пунктов
 -----"----- С -----"----- 9,9 -----"
 -----"----- I -----"----- 15,5 -----"
 -----"----- К -----"----- снизилось на 10,2 -----"
 У контрольной группы Е доверие снизилось на 7,6 пунктов
 -----"----- J -----"----- 10,2 -----"

Я считаю, что эти результаты гораздо менее убедительные, чем думает автор, особенно если учесть, что во втором тесте в группах В и С худшие мальчики в расчет не принимались, что, естественно, привело к увеличению пунктов у этих групп. Но, даже если допустить, что обучение прошло успешно, можем ли мы утверждать, что изменения в объективном поведении были обусловлены «идеалами», понимаемыми как душевное переживание? Как раз этого вывода и нельзя сделать из результатов исследования. Изменения произошли вследствие целого ряда факторов, которые все вместе называются «обучением»: образцов поведения, передаваемых посредством речевых реакций, реакций и поступков лидеров и других членов бойскаутских групп, повторения внушенного образца поведения, различных транссубъективных стимулов и взаимного стимулирования, откровенной угрозы исключить нечестных мальчиков из группы и т. д. Короче говоря, там работали многочисленные и разнообразные транссубъективные стимулы⁴⁴, и абсолютно точно на вопросы, какова эффективность «идеалов» и что подразумевалось под ними – образцы поведения, словесно внушаемые, или что-то еще, исследование ответа не дает и не может дать. Если ситуация столь неопределенна в этом сравнительно простом случае, то насколько более неопре-

⁴⁴ Это более точно показывает таблица Э.Д. Старбака, фиксирующая причины религиозного обращения изученных им 1 011 мужчин и 254 женщин. «Причины» эти таковы:

<i>Причина</i>	<i>Процент</i>
Страх перед смертью или адом	14
Другие личные мотивы	6
Альтруистические мотивы	5
Моральный идеал	17
Раскаяние	16
Отклик на учение	10
Подражание и пример	13
Социальное давление и понуждение	19
Итого	100

Op. cit., p. 52. Таким образом, акт религиозного обращения является функцией многих переменных, среди которых три последние группы носят явно транссубъективный характер, тогда как пять первых (отчасти, по крайней мере, тоже транссубъективных) являются результатом «переживания» от других причин.

деленной она должна быть, если решается вопрос о влиянии религии на массы и на сложные социальные процессы. В этом случае мы даже точно не знаем, о чем говорим. Не знаем ни агентов, влияние которых мы пытаемся измерить, ни тех явлений, влияние «религии» на которых мы пытаемся проследить, ни критериев оценки. Поэтому теории не могут дать на этот вопрос никакого определенного ответа. Все их утверждения – лишь туманные и ни на чем не основанные предположения. Вот и все, что можно сказать по этому поводу.

II. Но даже если допустить, что мы вместе с авторами знаем, с чем мы имеем дело и о чем говорим, то можно усмотреть во всех этих теориях еще один серьезный «изъян». Фюстель де Куланж уверяет нас, что вся динамика греческой и римской истории была всего лишь результатом динамики религиозных верований. Они изменились, и, как следствие, социальные и политические институты изменились тоже. Такова суть его теории. Но доказывает ли он свое утверждение? Действительно ли он показывает, что каузальная последовательность была такова, что сначала изменялись религиозные идеи, а после этого происходили изменения в институтах? Доказывает ли он, что последовательность событий не была противоположной или что изменения не происходили одновременно? Нет, он не предъявляет ни малейших доказательств. Более того, если читатель обратится к вышеприведенным цитатам из его работы, особенно к строкам, которые я выделил курсивом, то сможет увидеть, что Фюстель де Куланж в одном месте говорит, что закон и политика начали изменяться «потому, что люди отказались от религиозных верований», тогда как в другом он утверждает, что «одновременно с изменениями верований произошли изменения в управлении и праве». Это показательная иллюстрация догматичности предположения Фюстеля де Куланжа, противоречивости его мысли и бездоказательности его тезиса. Все, что доказывает его блестящая книга, сводится к тому, что изменения в одной области социальных явлений сопутствуют изменениям в других. Не более того. Но какое из этих изменений является причиной, а какое следствием? Это в его работе не показано вообще. Взяв ее фактическую сторону, мы вместе с Эд. Мейером можем сказать: «Религия не источник (*Wurzel*) нравов, а только выражение и проявление социальной жизни человеческих существ», или вместе с У.Г. Самнером⁴⁵: «Религия проистекает из обычаев и ими контролируется», но нравы (и институты) не проистекают из религии, не управляются ею, как уверяют нас вышеназванные авторы. Более того, даже допустив, что утверждение Фюстеля де Куланжа истинно, мы не получим ответа на вопрос: если все социальные институты изменяются под влиянием изменений, происходящих в религии, то как и почему изменяется сама религия? Стоит задать такой вопрос, как сразу же ста-

⁴⁵ Sumner W.G. Religion and the Mores // American Journal of Sociology, vol. XV, p. 591. Позже мы увидим, что вышеупомянутые возражения относятся и к фактору *нравов* Самнера. Он трактует их так же, как критикуемые нами авторы трактуют религиозный фактор.

нет понятна ошибочность этой теории, аналогичная той, что свойственна односторонней экономической интерпретации социальных процессов (см. главу об экономической школе).

Вышесказанное справедливо и по отношению к теориям Эллвуда, Лебона, Сореля, Росса, Фрэзера и др. Пытаясь показать, что в каузальной связи между религиозными и другими явлениями религия, вера или магия являются причиной, а другие феномены следствиями, они не приводят тому адекватных доказательств. Например, доказывает ли профессор Эллвуд, что в установленном им параллельном упадке религии и цивилизации упадок религии является причиной упадка цивилизации, а не просто выражением или признаком той или иной действующей силы? Нет, приводимые им аргументы этого не доказывают. Что можно увидеть в его же собственной книге. В одном месте он интерпретирует нынешний кризис религии как всего лишь симптом общего социального кризиса⁴⁶, а в другом – социальный кризис описывает как результат кризиса религии⁴⁷. Он не приводит никакого убедительного доказательства тому, что современный возврат к язычеству, безнравственности, грубой силе и т. д. является результатом религиозного кризиса, о чем он прямо и косвенно заявляет. С не меньшим основанием можно перевернуть причинно-следственное соотношение и сказать, что сегодняшний религиозный кризис есть результат усиления язычества, грубого насилия, войны, распада семьи и т. д. Чистый итог его исследования состоит в том, что социальные явления претерпевают изменения вместе или одновременно с нерелигиозными, но что является причиной, а что – следствием, его исследование показать не в состоянии. Мы можем согласиться с Россом, Лебоном, Сорелем и Фрэзером, что верования, мифы и суеверия могут *казаться* факторами, определяющими человеческое поведение и социальные процессы, когда они восприняты, объективированы в открытых действиях, поддержаны физическим насилием и принуждением и насыщены эмоциями, инстинктами, чувствами, проявлениями воли и интересами. Этого, однако, недостаточно, чтобы доказать их точку зрения. В процессе истории возникали миллионы различных верований, суеверий и мифов, и все же мы хорошо знаем, что большинство из них не поддерживалось массами. Они потерпели крах и не нашли никакого отклика у народа. Это означает, что верования и мифы сами по себе не могут захватить «человеческую душу» и что в наличии должны быть еще и некоторые другие условия, которые сделали бы их приемлемыми и влиятельными. Парето может быть прав, когда говорит, что верования и мифы – только деривации некоторых других действующих сил. Эти силы определяют, принимается вера или нет,

⁴⁶ «Можно сказать, что в настоящее время все институты современного мира пребывают в плавильном котле, проходя через горнило испепеляющей критики» и т. д. (The Reconstruction of Religion, p. 14).

⁴⁷ Ibid., p. 15 ff. и passim.

а идеологии являются только своеобразной маскировкой этих действующих сил. Маскировка, если она принята и объективирована, конечно, не бессильна и что-то значит, но неверно приписывать ей всю мощь действующих сил, скрывающихся под «покровом» верований и суеверий. То же самое можно сказать и о религиозных догмах вообще. Шарль Гинебер в своей превосходной монографии показал, что «верования и догмы религии – только идеологические проявления эмоций и чувств человека». Совершенно неважно, логичны ли они, разумны и рациональны или иррациональны и абсурдны. Важно то, что они подходят соответствующим «эмоциям и желаниям». Если они подходят и приукрашивают их, то будут приняты и *vice versa*^{20*}. «Эта [эмоциональная] вера не заботится о логичности догматов и верований». «Будет принята любая вера и любая догма, которая утолит их жажду»⁴⁸. С этой точки зрения парадокс Августина – *credo quia absurdum*^{21*} (верю, потому что это абсурдно) – типичен для человека, находящегося под влиянием такой веры⁴⁹. По этим причинам недостаточно показать, что некоторые из принятых мифов, верований и догм были вроде бы «эффективны». Чтобы показать их эффективность, авторы должны взять идею в чистой форме и на ней продемонстрировать точность своей теории. Иначе их анализ останется «поверхностным», а вывод необубедительным.

Несколько лучше обстоит дело с теорией Макса Вебера. Поскольку он берет религиозный фактор как переменную только из методологических соображений, его большая часть вышеупомянутых возражений не касается. Однако Вебер очень часто соскальзывает со своей «функциональной» точки зрения в одностороннюю «каузальность». В этом случае он тоже совершает вышеуказанную ошибку. Кроме того, само его понятие хозяйственной этики не дает ему права расценивать ее влияния только как религиозные или даже как главные. По словам самого же Вебера, «не существовало хозяйственной этики, которая была бы только религиозно детерминирована». Это функция географических, исторических и других физических и психологических факторов. Религиозный – только один среди многих факторов хозяйственной этики.

«Zu den Determinanten der Wirtschaftsethik gehört als eine – wohlbemerkt: nur eine – auch die religiöse Bestimmtheit der Lebensführung. Diese selbst aber ist natürlich wiederum innerhalb gegebener geographischer, politischer, sozialer, nationaler Grenzen durch ökonomische und politische momente tief beeinflusst»^{50/22*}.

Это значит, что хозяйственная этика (X) никоим образом не является продуктом только религиозного фактора (A) и что ни Вебер, ни мы не знаем, какова его относительная значимость среди других факторов (B, C, D, E, F,...), которые ее

⁴⁸ См. *Guignebert*. L'évolution des dogmes. Paris, 1910, passim и p. 143 ff.

⁴⁹ Ср.: *Sorokin*. The Sociology of Revolution, ch. III, IV, XV; *Lippmann W.* Public Opinion, passim; *Lowell*. Op. cit., passim; *Sumner*. Folkways, passim; *Sumner*. Religion and Mores; см. также параграф о теории Парето и указанную в нем литературу.

⁵⁰ *Weber M.* Religionssoziologie. Bd. I, S. 238–239.

формируют. По этой причине, допуская, что веберовский анализ влияния хозяйственной этики на экономическую жизнь правилен, мы никоим образом не можем приписать эти влияния религии (А) только потому, что фактор хозяйственной этики – сложное объединение многочисленных и разнообразных факторов (В, С, D, E, F,...), которые ее формируют. Схематично это можно изобразить так:

X (хозяйственная этика) = f ((А) (религия) + В + С + D + E + F,...)

X оказывает такие-то и такие-то влияния на экономические явления.

Эти влияния будут не только влияниями А, но и + В + С + D + E + F,...

Другими словами, если бы выводы Вебера относительно влияния хозяйственной этики были правильны, то он доказал бы только то, что ряд факторов: А, В, С, D, E, F,... – оказывают такие-то и такие влияния на экономическую жизнь, но никоим образом не стал бы доказывать, что данные влияния – влияния религии (А), как он нередко утверждает, или что религиозный фактор является самым важным среди факторов А, В, С, D, E, F,... Более того, анализ Вебера не показывает даже экспериментально, какова доля религиозного фактора в формировании хозяйственной этики и, соответственно, степень его участия в определении ее влияний в сфере экономических явлений. Таким образом, после работы М. Вебера мы так же мало знаем о степени эффективности религиозного фактора, как и прежде. В этом отношении работа Вебера имеет те же самые недостатки, что и остальные теории.

III. Наряду с этими фундаментальными «изъянами» теорий, которые в значительной степени лишают их научной ценности, но не их практической полезности, в них есть много фактических предположений, которые или туманны или, по крайней мере, сомнительны. Например, Хобхаус и Эллвуд⁵¹ утверждают, что упадок религии сопровождается распадом цивилизации и что «смерть религии означала бы гибель всей развитой цивилизации». Откровенно говоря, я нахожу подобное утверждение сомнительным. Я не нахожу ни одного примера абсолютного упадка религии. Все, что я знаю, – это то, что упадок одной религии сопровождается подъемом другой. Например, в Древнем Риме примерно в конце II в. до н. э. прежняя религия оказалась в упадке, но одновременно с этим мы видим распространение и развитие разных восточных религий и, наконец, христианства. В Европе примерно в конце XIV в. римско-католическая религия стала проявлять некоторые признаки упадка, но это сопровождалось возникновением многочисленных и разнообразных сект и закончилось триумфом протестантизма. То же самое можно сказать и обо всех других случаях «упадка» религии. Когда одна религиозная система умирает, другая приходит на ее место. Если дела действительно обстоят именно так, то вышеупомянутое утверждение оказывается в сущности «пустым». Если же оно имеет в виду относительное ослабление

⁵¹ *Ellwood. The Reconstruction*, p. 60–64; *Religion and Social Control*, p. 335 ff.; *Hobhouse L.T. Social Evolution and Political Theory*, p. 128.

религии, то необходимо показать, как его можно измерить. Только после подобного измерения объяснение может иметь некоторое значение. Если мы возьмем его в качестве неопределенного суждения, то ситуация не станет лучше. Например, с конца II в. н. э. в истории Рима «с интеллектуальной и духовной точки зрения главное явление – это упадок древней цивилизации, городской цивилизации греко-римского мира». Наука, литература, философия и т. д. становились все более примитивными, элементарными, менее изящными и творческими⁵². Согласно критикуемому утверждению этот процесс должен сопровождаться ростом неверия. Сопровождался ли он им фактически? Довольно сомнительно. Скорее он сопровождался не снижением, а ростом другого религиозного менталитета в разных формах.

«Это был менталитет низших слоев общества, который имел почти исключительно религиозную подоплеку и характерной чертой которого было не просто равнодушие к интеллектуальным достижениям высших классов, но даже враждебное противостояние им. Этот новый духовный настрой постепенно усваивался и высшими классами или, во всяком случае, их большинством. Он проявился в той популярности, которую приобретали среди них различные таинственные религии как восточного, так и греческого происхождения. Кульминацией явился триумф христианства»⁵³.

Таким образом, распад Римской империи, который, как обычно думают, демонстрирует упадок цивилизации благодаря упадку религии, свидетельствует скорее против такого предположения. Гобино уже указывал, что есть много случаев, когда общества или даже цивилизации распались, в то время как религиозный дух народа был силен. Примерами тому служат Тир, Карфаген и Иудея⁵⁴. Этих замечаний достаточно, чтобы показать слабые стороны рассматриваемой точки зрения. Возможно, потенциально она и соответствует истине, но эту ее возможную истинность нужно доказать путем систематической научной верификации, а ее авторы этих теорий вообще не предоставили.

Теперь возьмем другой пример. Б. Кидд, Э. Дюркгейм и многие другие ученые заявляют, что основополагающая социальная функция религии состоит в создании и распространении солидарности (Дюркгейм) и что фактически все альтруистические действия индивидов и групп и весь процесс освобождения масс от рабства и крепостной зависимости происходит благодаря религии (Б. Кидд). Могут ли эти предположения выдержать научную проверку? Боюсь, что не могут. Если судить о религиозных явлениях поверхностно (а эти теории так и делают), то можно, конечно, увидеть, что религия в некоторых случаях

⁵² *Rostovtzeff M.* Op. cit., p. 479.

⁵³ *Ibid.*, p. 479–480; см. также: *Angus S.* The Mystery-Religions and Christianity. New York, 1925, p. 4–5; *Legge F.* Forerunners and Rivals of Christianity. Cambridge, 1915, vol. I, p. xii; *Aust E.* Die Religion der Römer. Münster, 1899, S. 107.

⁵⁴ См.: *Gobineau.* Op. cit., vol. I, p. 21–22.

служит инструментом солидарности; но в других случаях она выступает орудием взаимной вражды, войны и борьбы (преследование и истязание народов другой религии, захват их имущества, религиозные войны, религиозные антагонизмы, конфликты и т. д). Поэтому, мне кажется, неправильно подчеркивать одну сторону и забывать о другой. Утверждение Кидда может быть правильным в отношении одних исторических случаев, но ошибочным в отношении других. Например, можно уверенно сказать, что кастовая система Индии, полностью лишаящая гражданских прав представителей низших каст, возникла и существовала при поддержке религии. Ислам и иудаизм в период их экспансии покоренные ими народы превращали в рабов, количество которых исчислялось тысячами. Даже и христианство не лишено этих черт. Если, с одной стороны, апостол Павел и Отцы Церкви осуждали рабство и несправедливость народных масс, то, с другой стороны, они поучали: «Рабы, повинуйтесь господам своим... со страхом и трепетом»^{23*}. Так что довольно трудно сказать, в чем христианство сыграло более значительную роль – в освобождении народных масс от рабства и крепостничества или в поддержке этих институтов. Хорошо это или плохо, нас это здесь не касается. Что для нас сейчас важно, так это реальные факты, а они не позволяют нам говорить, что утверждение Кидда соответствует действительности. По крайней мере, оно носит односторонний характер.

Не более достоверно и его предположение о том, что наука и интеллект – чисто эгоистические агенты и что сверхрациональные верования усиливаются по мере исторического развития. Я не принадлежу к тем энтузиастам науки, которые полагают, что наука всегда является альтруистической и что любой научный прогресс ведет к развитию социальности и альтруизма. Однако утверждение Кидда не менее ошибочно, чем утверждение энтузиастов науки. Ни одно из этих противоположных утверждений, как мне кажется, не соответствует действительности. Не принадлежу я и к тем, кто ожидает, что в течение нескольких дней «иррационализм» человеческих существ исчезнет и что по мере исторического развития будет усиливаться «рационализм». Но если я этого не вижу, то это еще не дает мне никакого серьезного повода думать, что истинно противоположное – утверждение Кидда. Оба мнения относятся к области непроверенных предположений, истинность или ошибочность которых еще предстоит выяснить. Более того, довольно сомнительны и исходные позиции Кидда. В главе о школе дарвинизма я указывал, что понятие борьбы за существование несколько расплывчато. Если эта борьба и была фактором в эволюции организмов, то не единственным. Наряду с ней действовал фактор взаимопомощи, или солидарности. Он существовал так же давно, как и фактор борьбы за существование. Поэтому нельзя утверждать, как это делает Кидд, что «прогресс» организмов был следствием только борьбы за существование. Так как взаимопомощь существует и среди растений и животных, это значит, что действия, связанные с оказанием помощи

возможны и без религии, потому что смешно было бы предполагать наличие религии у растений и животных. Это значит, что взаимопомощь – столь же общее явление жизни, как и борьба за существование. Поэтому акты солидарности, жертвенности и взаимопомощи среди людей вполне можно объяснить как проявление того же самого биологического фактора, действующего среди человеческих существ. Это означает, что фундаментальное предположение Кидда, будто все альтруистические действия являются следствием религии и что без нее их не было бы, совершенно неверно. Так как такие действия возможны без религии и вполне могут быть объяснены без нее, вся теория Кидда о социальной роли религии теряет свою основу и становится неубедительной.

Теперь обратимся к фактической стороне теории М. Вебера. Некоторые ее положения тоже сомнительны. Он утверждает, что только христианство и отчасти иудаизм были враждебно настроены по отношению к традиционализму, магии и суеверию и что только их практическая этика была рациональна и способствовала рационализации жизни. «За исключением иудейства, христианства и двух или трех восточных сект, нет ни одной религии с ясно выраженным отрицательным отношением к магии» (и традиционализму)⁵⁵. Этим, как мы видели, Вебер и объясняет, почему современный капитализм получил развитие в христианском мире и потерпел неудачу в странах других мировых религий. Боюсь, что подобное утверждение сомнительно. Я не вижу, почему конфуцианство с его очевидным презрением к мистицизму и всему сверхъестественному, явно агностическим отношением к существованию сверхъестественных существ, чрезвычайно «практическим» характером, уравновешенным здравым смыслом и, наконец, с систематической и рациональной теорией воспитания человека⁵⁶ следует объявлять более суеверным и менее враждебным к магии, чем христианство или иудаизм. Вместе со многими компетентными исследователями конфуцианства я считаю, что это одна из наиболее «позитивных» и наименее магических, мистических и суеверных религий в мире⁵⁷. Поэтому я никоим образом не могу согласиться с утверждением Вебера. Верно, что конфуцианство подчеркивает «традиционализм», но только в смысле благоразумной и гармоничной политики здравого консерватизма. В этом отношении он не более «традиционен», чем иудаизм или христианство. Наконец, вся система конфуцианства – последовательная теория

⁵⁵ Weber. *Wirtschaftsgeschichte*, S. 307^{24*}.

⁵⁶ «Искать таинственное и творить чудеса, чтобы меня чествовали в будущем, – вот чего я не делаю». Это один из девизов Конфуция. Другой он сформулировал, отвечая на вопрос о человеческой судьбе после смерти: «Если мы так мало знаем о жизни, что можем мы знать о смерти?»

⁵⁷ Читайте «The Texts of Confucianism», опубликованных в «The Sacred Books of the East» (vol. III, XXVII, XXVIII); см. также: Legge J. *The Life and Teaching of Confucius*. London, 1895, p. 100 ff., ch. XV и passim; Legge J. *The Life and Works of Mencius*. Philadelphia, 1875; Chang Chen Huan. *The Economic Principles of Confucius and His School*. New York, 1911.

прагматической и сбалансированной рационализации социальной жизни, свободной от всяческого мистицизма и магии⁵⁸. Таким образом, обсуждаемое предположение Вебера, по крайней мере, сомнительно. А если это так, то и все его выводы относительно религиозного происхождения современного капитализма и причин, ответственных за экономические режимы, существующие в каждой из стран основных мировых религий, также становятся сомнительными. Точно так же серьезному сомнению можно подвергнуть и другие «типологические» характеристики Вебера. Будучи весьма сложными и изменчивыми, веберовские «идеальные типы» каждой мировой религии с ее хозяйственной этикой, даже его понятия «рационализма» и «традиционализма», по крайней мере, расплывчаты и сомнительны в качестве адекватных объяснений действительности. Наконец, ряд фактов непосредственно противоречит его теории. Со второй половины XIX в. в Японии не было никакого заметного изменения в религии, исповедуемой ее населением. Япония не стала ни христианской, ни иудейской. Ее религия осталась по существу такой же, какой была перед второй половиной XIX в., и тем не менее страна добилась удивительного прогресса в «рационализации» своей экономической, социальной, политической и культурной жизни. «Традиционалистская и магическая» религия большинства населения Японии, очевидно, совсем не препятствовала чрезвычайно успешному развитию современного капитализма. Согласно Веберу, это невозможно при наличии такой религии. Кроме того, его утверждение, что протестанты везде и всегда материально более обеспечены по сравнению с представителями других конфессий, по-видимому, далеко не универсальное явление в пространстве и во времени. Его статистические данные недостаточны и относятся почти исключительно к Бадену в Германии. Невозможно сделать никакого универсального обобщения на основе столь фрагментарного и ограниченного статистического материала.

Объем книги не позволяет мне углубляться в анализ многих других фактических утверждений Вебера⁵⁹. Но и всего сказанного достаточно для того, чтобы показать крайнюю уязвимость фундаментальных положений теории Вебера в ее второстепенных деталях. Она отнюдь не бесспорна и не столь совершенна, как утверждают некоторые из его последователей.

Вышесказанного достаточно, чтобы показать, что все эти социологии религии еще остаются спекулятивными и неудовлетворительными. Ни одна из них

⁵⁸ Если Вебер находит организацию жизни в средневековых монастырях рациональной, то мне странно, почему он не видит, что в области чисто экономической организации общества Китай испробовал самые разнообразные системы, начиная с разных форм социализма и государственного социализма и заканчивая режимом частной собственности. См.: *Chang Chen Huan*. Op. cit., passim; *Ping-Hua Lee M.* The Economic History of China. New York, 1921, passim.

⁵⁹ См.: *Brentano L.* Der Wirtschaftende Mensch in der Geschichte. Leipzig, 1923.

не дает нам подлинно научного анализа «роли религии». Ни одна не показывает строго доказанной связи между четко определенными религиозными и нерелигиозными социальными явлениями.

Это не означает, что они не содержат, по крайней мере, доли истины. Очень может быть, что и содержат. Остается выяснить, как велика эта доля. Сами теории не дают никакого надежного основания для решения проблемы. Тем, кто в будущем станет изучать эту проблему, необходимо, во-первых, не использовать полуспекулятивный метод этих теорий; во-вторых, определить четко и строго научно, что они понимают под «фактором» «религия»; и, в-третьих, тщательно отсеять истину от накопившегося в этой области «мусора» с помощью строгого статистического, исторического и даже экспериментального анализа соответствующих фактов⁶⁰.

2. Социальная роль народных обычаев, нравов и традиций

«Изъяны» вышеупомянутых теорий о социальной роли религии можно обнаружить и в теориях, которые подчеркивают значимость таких факторов, как народные обычаи, нравы и традиции. Важность этих факторов понимали и использовали для практических нужд с давних времен. Это очевидно на примере прикладной социологии конфуцианства, которая построена главным образом на решающем значении народных нравов, известных в нем под названием «путь», «правила благопристойности» и «соблюдение ритуалов».

⁶⁰ Кое-что в области статистического исследования связей между религиозными и нерелигиозными явлениями уже сделано. Мы даже имеем некоторые количественные данные и гипотетические выводы, сделанные на их основе. Например, более или менее точно установлены такие связи: между теми или иными религиями и разводами (Г. фон Майр, Боско, Эттинген, Лихтенбергер и др.); между религиями и самоубийством (Дюркгейм, фон Майр и др.); между религией, преступностью и типами преступлений (фон Майр, Г. Ашаффенбург, Ломброзо, П.Р. Радосавлевич и др.); религией и количеством браков и уровнем рождаемости (М. Туган-Барановский, Ю. Вольф и др.); религиями и состоянием экономики (М. Вебер, Г. Шелл, М. Оффенбахер, Ч.О. Ханна и др.); религиями и характером нравов (У.Г. Самнер и др.); религией и определенными особенностями этики и политических и социальных институтов. Вполне смело можно предположить, что некоторые из этих связей являются «фиктивными», будучи простым совпадением параллельного или противоположного колебания чисел из-за фрагментарного и ограниченного во времени и пространстве характера изученных данных. Однако некоторые из них, скорее всего, являются связями функциональными. Используя этот способ исследования со всеми необходимыми мерами предосторожности, мы сможем со времени делать все более и более достоверные выводы, лишенные недостатков этих теорий. Несмотря на то, что подобные исследования представляют большой интерес, нехватка места не позволяет мне углубляться в дальнейший анализ. Для этого потребуются объем монографии.

«Правила благопристойности служат инструментами для формирования человеческих характеров, поэтому они разработаны так, что охватывают все. Поскольку они таковы, ценность их очень высока. Они отделяют от человека все порочное и усиливают то, что прекрасно в нем от природы. [Они] делают людей праведными... показывая им все обычные добродетели. ... Их путь нельзя оставить ни на мгновение. Если бы его можно было оставить, это не был бы путь. ... Правила благопристойности и ритуалы должны соблюдаться самым тщательным образом»⁶¹.

Слова Тацита – *Quid leges sine moribus!*^{25*} – и сотни аналогичных высказываний древних и более современных мыслителей, в которых подчеркивается определяющая роль нравов, традиций и обычаев, служат дальнейшими примерами. В более позднее время эту же самую идею подробно развили некоторые социологи. Примерами могут служить теория «церемониального правительства» Г. Спенсера⁶², теория происхождения и взаимосвязи «обычая и закона» М. Ковалевского⁶³, формула социальной адаптации Ваксвейлера⁶⁴, блестящие обобщения в этой области Э.О. Росса⁶⁵, теория происхождения и роли нравственных норм Э. Вестермарка⁶⁶ и, наконец, работа У.Г. Самнера⁶⁷.

Чтобы показать недостатки всех этих теорий, достаточно будет краткого анализа теории народных обычаев и морали Самнера⁶⁸. Суть ее заключается в следующем: «Народные обычаи – это привычки индивида и традиции общества, которые происходят из попыток удовлетворить потребности». Так как «первая задача жизни состоит в том, чтобы жить, люди начинают с действий,

⁶¹ Lî-Kî. VII: 3; VIII: 15, 1; I: 62–63.

⁶² См.: *Spencer H. Principles of Sociology, part IV: Ceremonial Institutions.*

⁶³ *Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886 (на франц. языке: Coutume contemporaine et loi ancienne. Paris, 1893); Ковалевский М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. № 4. СПб., 1914 (на франц. языке: Origin of the Permitted and Unpermitted Actions // Revue internationale de sociologie. 1891–1892).*

⁶⁴ Формула происхождения нравов и последовательных стадий социальной адаптации Ваксвейлера выглядит следующим образом: в группе взаимодействующих индивидов выполняется много действий; лучшие их образцы повторяются; повторяемые действия становятся обычаями; когда обычаи осознаются, они превращаются в юридическое правило; совокупность таких правил, имеющих отношение к одной сфере деятельности, составляет социальный институт; а совокупность таких институтов образует социальную организацию группы. Эту схему можно свести к краткой формуле: «повторение действия – привычка – обычай – правило – институт-организация». См. *Waxweiler E. Avant-propos // Bulletin Mensuel of the Solvay Institute of Sociology. 1910, № I.*

⁶⁵ *Ross E. Social Control, ch. XI, XIX, XV и passim.*

⁶⁶ *Westermarck E. The Origin and Development of the Moral Ideas. 1906, vol. I, ch. I–XIII и passim.*

⁶⁷ *Sumner W.G. Folkways. 1906. См. также: Keller A. Societal Evolution. 1915.*

⁶⁸ Родился в 1840, умер в 1910 г. Автор многих ценных работ по экономике, политической науке и социологии.

а не с размышлений». Методом проб и ошибок из разных способов действий выбираются наилучшие и самые пригодные в данных условиях. Они повторяются. Повторение «порождает привычку у индивида и традицию в группе». Таким образом, «народные обычаи, как правило, создаются подсознательно». Возникнув, «они становятся регулятивными нормами для последующих поколений и обретают характер социальной силы. Никто не знает, откуда и как они возникают. Они растут как будто по игре внутренней жизненной энергии. Они могут быть изменены, но только до определенной степени целенаправленными усилиями людей. В какое-то время они теряют силу, приходят в упадок и умирают или трансформируются. Пока они в силе, они в значительной степени контролируют индивидуальные и социальные начинания, а также продуцируют идеи и наполняют ими мировую философию и жизненную политику». «Когда элементы истины и права превращаются в доктрины благосостояния, народные обычаи переходят на другой уровень. Тогда мы называем их моралью». Народные обычаи и мораль «являются директивной силой». «Институты и законы происходят из морали». «Мировая философия, жизненная политика, порядок, право и мораль – все это продукты народных обычаев». «Они проникают в образ мыслей и контролируют его во всех жизненных ситуациях, возвращаясь из мира абстракций в мир действия и указывая путь к выживанию»⁶⁹.

Такова сущность теории Самнера, в которой он более системно резюмировал то, что до него уже высказывали Э. Берк, Савиньи, Пухта, Г. Спенсер, И. Тэн, Э. Ренан, Ковалевский, Макаревич и другие историки обычаев, права и нравственных предписаний. Можно согласиться с тем, как описывает эта теория происхождение, изменения, селективный характер, социетальную природу, рост и упадок народных обычаев и морали⁷⁰; но совсем иначе обстоит дело с той частью концепции, где утверждается, что они обладают большой контролирующей властью, и делается попытка объявить их основополагающим фактором социальных процессов. Вполне ли доказана эта часть? Понятен ли и сам смысл этого утверждения? Боюсь, что нет. Так как народные обычаи и мораль – «это нормы поведения, принятые в обществе» (Folkways, p. 34, 61), то сказать, что они определяют человеческое поведение, значит высказать всего лишь тавтологию: «нормы поведения определяют нормы поведения», или X детерминирует X. Самнер и сам, по-видимому, чувствовал, что основное утверждение сформулировано не вполне удовлетворительно, и много раз пытался указать те

⁶⁹ Sumner W.G. Folkways, p. 1, 2, 25, 26, 34, 39, 44, 61, 66–67 и passim. См. также: Keller A. Op. cit., ch. III, L и passim.

⁷⁰ Хотя даже здесь есть несколько сомнительных положений, например, селективный характер народных нравов. Самнер, Келлер и Ковалевский вынуждены были признать, что «есть такие народные обычаи, которые безусловно вредны» (Sumner. Op. cit., p. 26). Подобные исключения свидетельствуют о том, что селекция не всегда носит положительный характер или что иногда ее нет.

силы, которые заставляют соблюдать народные обычаи. В одном месте в качестве силы, стоящей за народными обычаями, он указывает «интересы» (р. 1–2); в некоторых других – «первую задачу жизни», которая заключается в том, «чтобы жить»; еще в каких-то говорит о «четырех главных мотивах человеческих действий: голоде, сексуальной страсти, тщеславии и страхе» (р. 22); а есть места в его книге, где в качестве таковой силы выступают «боль и удовольствие» и т. д. Если неубедительна упомянутая тавтология, то интерпретация могущества народных обычаев как святыни, воплощения «интересов, голода, сексуальной страсти, тщеславия и страха, удовольствия» и многих других сил превращает их в фактор исключительно сложный и расплывчатый, в котором специфика народных обычаев и морали как фактора теряется в море различных транссубъективных, физических, биологических, «интроспективных» социальных и психических сил. «Переменная» становится неопределенной и столь же широкой, как «фактор жизни», и в таком качестве не дает никакой возможности ни установить какую-либо связь с другими явлениями, ни четко описать ее функции в жизни. В результате утверждения вроде следующего: «Институты и законы, жизненная политика и философия, порядок и права определяются народными обычаями», – становятся «пустыми». Таким образом, мы имеем либо тавтологию «нормы поведения определяют нормы поведения», либо расплывчатое заявление о том, что интересы плюс удовольствие и боль, плюс голод, плюс сексуальная страсть, плюс тщеславие, плюс много других мотивов и вещей накладывают свой отпечаток на человеческое поведение и социальные процессы. Конечно, накладывают. Но как же быть с влиянием народных обычаев как специфического фактора, отличающегося от этих сил? Каково его влияние? Каковы его связи с другими конкретными явлениями? На это теория Самнера ответа не дает. Кроме того, стоит лишь немного изменить мои возражения против «религиозных» теорий, чтобы увидеть, что их можно выдвинуть и против теории нравов. Эту задачу я оставляю читателю. Всего сказанного вполне достаточно, чтобы показать, где позиции самнеровской и других подобных теории слабы. Теперь обратимся к теориям, которые пытаются проанализировать социальную роль такой «переменной», как право и мораль.

3. Социальные функции права

Среди многочисленных и разнообразных психологических теорий права⁷¹ и его социальной роли лучшей, пожалуй, является концепция профессора

⁷¹ Превосходный обзор и критику этих теорий см. у Л. Петражицкого: *Очерки философии права*. 1900; *Теория права и государства в связи с историей нравственности*. 1907, т. II. См. также: *Ihering R. The Struggle for Law; Cruet. La vie du droit et l'impuissance des lois*. Paris,

Л.И. Петражицкого. Ее сущность состоит в следующем: право не является ни «официальными, ни государственными приказами», которые представляют собой лишь разновидность такого более общего явления, как право; не является оно и правилами поведения, предписанными должностными лицами государства, потому что государство и его органы предполагают существование права, без которого само их существование было бы невозможно или незаконно. Право – это и не выражение общей воли народа, поскольку и в прошлом и настоящем было и есть много таких законов, которые были приняты безо всякого согласования с большинством народа. Нельзя найти законы и в кодексах, потому что в физическом смысле кодексы – это всего лишь бумага с начертанными на ней буквами. *Право – это особое психическое переживание.* За пределами человеческого сознания оно не существует как право, а только как символ права, который без соответствующего психического переживания непостижим и представляет собой всего лишь комбинацию разных физических явлений. Психологически право-переживание состоит из особого чувства, которое одновременно и пассивно, и активно, и из представления об определенных образцах действия (правил и поведения). Этот последний элемент состоит из представлений а) о субъекте, который имеет право требовать, б) о субъекте обязанности, который обязан исполнить свой долг, в) о том, что должен делать субъект права и д) что должен делать субъект обязанности, плюс несколько других «идеациональных представлений». Другими словами, с психологической точки зрения феномен права состоит из чувства плюс вышеупомянутые представления о субъектах права и обязанности и соответствующих форм их поведения. Эмоциональные элементы дают праву-переживанию силу и динамику, «идеациональные» – определяют образцы поведения, которым они побуждают следовать. Такой психологический состав права проявляется в том, что мы ощущаем правовые нормы поведения как «обязательные» или двусторонние. С одной стороны, они предписывают субъекту долга обязательство их выполнить, с другой – они наделяют субъект права требовать или добиваться удовлетворения своего права. Этой двусторонностью право отличается от морали. Моральные правила поведения только рекомендуют делать то-то и то-то, например, делиться богатством с бедняком, но они не дают этому бедняку права требовать от другого его богатство. Правила морали носят односторонний, исключительно императивный характер, тогда как правовые нормы носят характер двусторонний, императивно-атрибутивный. Будучи тако-

1908; Ehrlich E. Grundlagen der Soziologie des Rechts. München, 1913; Jerusalem F.W. Soziologie des Rechts. 1925; Ross E. Social Control, ch. XI; Park R., Burgess E. Introduction, ch. XII; Сорокин П. Элементарный учебник общей теории права. 1919; Commons J. Legal Foundations of Capitalism. New York, 1924; Stammler R. Wirtschaft und Recht; Theorie der Rechtswissenschaft; Kantorowicz H. Der Aufbau der Soziologie, part IV, Die Rechtssoziologie // Erinnerungsgabe für Max Weber. Bd. I; Todd A.J. Op. cit., ch. XXIV; Pound R. Introduction to the Philosophy of Law. 1922.

выми, они естественно ощущаются как «обязательные» или «приказные». Таким образом, согласно профессору Петражицкому, закон – это императивно-атрибутивное психическое переживание, состоящее из особого чувства плюс представления об определенном образце поведения субъектов права и обязанности. Такова психическая сущность феномена права. Любое психическое переживание, имеющее вышеуказанные характеристики, есть феномен права, независимо от конкретного характера правил поведения. Даже банда преступников имеет свое собственное право, поскольку у ее членов есть вышеупомянутое переживание. Существует много разновидностей права. Два основных – официальное право, предписываемое должностными лицами государства, и неофициальное, которое очень часто вступает в противоречие с официальным, а и иногда и нарушает его⁷².

Исходя из такого понимания права, Петражицкий очень четко изображает его социальные функции и влияние на человеческое поведение. *Влияние права на человеческое поведение и через него на социальные явления осуществляется тремя основными способами: а) определенным образом мотивируя поведение человека; б) формируя его посредством повторения норм поведения, предписываемых законом; в) физически принуждая его соблюдать эти нормы поведения.* В качестве мотивирующей силы право побуждает нас выполнять наш долг, дает нам возможность требовать то, что положено нам по закону, и бороться за наши права, когда они нарушены, а также внушает субъекту чувство ответственности по отношению к своим обязанностям. Без такого фактора, как право, мы не стали бы делать ничего неприятного или тяжелого, не смели бы требовать услуг от других людей, если это не было бы установлено законом, и не было бы у нас ни возможности выступать против того, кто сильнее нас, ни бороться за свои права в случае их нарушения.

Короче говоря, без права как мотивирующего фактора наше поведение было бы совсем другим. Право – это энергия, которая приводит человеческий механизм в движение и следит за его работой. Влияние права, однако, идет дальше. Действия, выполняемые сначала под влиянием права как мотивирующей силы, превращаются после многократных повторений в привычку и начинают выполняться как вполне обычное дело. Таким образом, право оказывает на человеческое поведение еще более глубокое влияние. Наконец, когда определенные нормы поведения, установленные правом, не соблюдаются или когда совершаются

⁷² Вышеизложенное – лишь бледный набросок чрезвычайно логичной и глубокой психологической теории права, подробно разработанной Петражицким в его «Введении в теорию права и нравственности» и двухтомной «Теории права и государства». В противоположность многим философам, теоретизирующим по поводу права, автор подробнейшим образом анализирует кодексы конституционного, гражданского, административного, уголовного и процессуального права с точки зрения своей теории и весьма убедительно показывает, как легко «работает» его концепция при их анализе и интерпретации.

те или иные поступки, запрещенные законом, право проявляет себя как физическая сила и, применяя меры насилия и принуждения, присуждая «правонарушителей» к штрафу и наказанию, принуждает их соблюдать свои требованиям, сажает их в тюрьму, где они обязаны соблюдать жесткие нормы поведения, или «элиминирует» их, так сказать, из сферы жизни. В последнем случае право действует в качестве фактора социального отбора и устранения «непригодных». Таковы три основных способа влияния права на человеческое поведение. Вместе взятые, они оказывают огромное давление на человеческие существа, придают их поведению совершенно четкую форму, сильно изменяют состав населения посредством отбора и устранения и посредством всего этого формируют социальные институты и социальные процессы.

Право выполняет две социальные функции: *дистрибутивную и организационную*. Будучи по сути своей эмоциональным представлением, которое распределяет права и обязанности между людьми, право определяет все существенные формы человеческих отношений, предписывает *suum quique*^{26*}, распределяет права и обязанности между членами группы, – короче говоря, действует как дистрибутивный агент. Оно четко указывает каждому, что, когда, где и в отношении кого он должен делать. Поскольку права и обязанности – ценности социальные, их правовая дистрибуция означает распределение всех социальных ценностей, в том числе и экономических, между членами общества. При выполнении этой функции социальная роль права огромна. Это сила, которая формирует всю социальную организацию, все политическое устройство, все экономические институты, социальные классы и т. д. Официальные «законы», суды и судьи являются только инструментами для реализации дистрибутивной функции права. Его *организационная функция* – оборотная сторона дистрибутивной. Чтобы осуществить на деле распределение прав и обязанностей, должна быть некая сила, или власть, благодаря которой эти права и обязанности исполняются и охраняются. На этой основе появились правительство, или власть, государство и законодательные органы, исполнительные органы, суды, судьи, полиция и т. д. Власть – не что иное, как порождение права. Власть правительства – не что иное, как власть закона, т. е. сила убежденности, которая дает соответствующим лицам право управлять, а субъектам права внушает, что их обязанность – подчиняться. Наделяя разные классы людей и властные органы разными правами и обязанностями, право создает иерархию властей, организуя социальные, экономические⁷³ и политические институты общества. Из всего этого следует, что должна быть тесная связь между особенностями правосознания группы и ее социальной и политической организацией. Меняется правосознание – меняется и организация. Такова сущность теории права как психосоциального фактора, разработанной Петражицким.

⁷³ Профессор Джон Коммонс в своей книге «Legal Foundations of Capitalism» по-своему высказывает аналогичную мысль и доказывает ее на огромной массе материала.

По-моему, теория вполне логична, изящна и достоверна постольку, поскольку в качестве заданной переменной берется правосознание. Если определенные правовые убеждения даны как мораль, то они влияют на человеческое поведение вышеназванными тремя способами и выполняют дистрибутивные и организационные функции. Но достаточно ли этого, и далеко ли мы проникнем в дебри динамики трансубъективных социальных явлений с этими предположениями? Боюсь, что нет. Действительно, эта теория прежде всего сталкивается с теми же трудностями, с какими сталкиваются рассмотренные выше теории, пытаюсь объяснить, как влияет психический опыт на внешнее действие. Кроме того, она говорит нам, что человеческие существа, как правило, ведут себя в соответствии со своими убеждениями по поводу поведения и отношений. Но почему у них вообще есть свои особые убеждения? Почему некоторые индивиды и группы имеют одни правовые убеждения, в то время как другие нередко имеют убеждения противоположные? Почему правовые убеждения одного и того же индивида или одной и той же группы со временем, как это часто бывает, изменяются? Почему в развитом обществе, несмотря на однородность этих убеждений у его членов и классов, только определенные формы этих убеждений становятся «официальным правом», тогда как другие нередко подавляются и преследуются?

Кроме того, существовали миллионы форм поведения и множество конституций, например, французские конституции 1791, 1793, 1795, 1814, 1830 гг., которые должны были соблюдаться^{74*}. И все же эти и многие подобные конституции остались лишь на бумаге, и лишь некоторые из этих образцов поведения превращались в «правовые убеждения» той или иной группы в то или иное время. Большая часть возможных образцов поведения не привилась и не оказала никакого влияния⁷⁴. Можно согласиться с тем, что власть правительства состоит из силы правосознания его подданных, которые признают за правительством право управлять, а за собой – обязанность подчиняться. Но почему они это делают? И почему они часто повинуются правительству, которое называют «прогнившим», и почему из тысяч потенциальных правителей только некоторые кандидаты становятся ими фактически? Стоит только задать эти вопросы, как станет очевидным, что теория на них не отвечает. Как и теория морали, теория права соответствует истине, когда утверждает, что люди обычно ведут себя и формируют свои социальные институты в соответствии со своими убеждениями в том, какими должны быть формы поведения и отношений. Но это похоже на тавтологию. Чтобы стать подлинным объяснением, теория должна ответить на все вышеупомянутые вопросы, чего она не делает. Если бы она попыталась это сделать, то должна была бы обратиться еще к чему-то, что объясняло бы, почему эти факторы такие-то и такие-то в одном случае, а не в других, почему они изменяются, почему у разных групп они разные, почему из этих разных убеждений

⁷⁴ Резкую критику этого явления см в: *Cruet. Op. cit.*, p. 1–10, 336 и passim.

лишь определенные «проводятся в жизнь официальным правом» и т. д. В этом случае правовой фактор становится преимущественно лишь каналом, через который многочисленные незаконные силы находят себе общий выход и общими усилиями определяют форму власти правового фактора. В результате сила власти, принадлежащая исключительно самому правовому фактору, остается неизвестной. В то же время недифференцированный комплекс различных факторов, объединенных под именем правового фактора, делает их анализ и установление связей чрезвычайно трудными и обрекает нас ходить кругами в мире туманной неопределенности. Другими словами, мы обнаруживаем здесь тот же самый «изъясн», который был указан выше в ходе критики теорий религии и морали.

4. Общественное мнение и пропаганда как факторы

За последние несколько лет был опубликован ряд исследований, посвященных анализу того, что называется «общественным мнением» – его природы, факторов и механизмов формирования, его достоверности и влияния⁷⁵. Эти исследования сильно обогатили наше знание о данном феномене. Они также позволили нам более глубоко понять природу и влияние разных инструментов, способствующих формированию общественного мнения, таких как газеты, пресса, пропаганда и т. д.⁷⁶ Прояснили ли они проблему их влияния на динамику социальных событий? Можем ли мы теперь сказать точно, каково влияние этих агентов? На эти вопросы приходится отвечать скорее отрицательно. Об этой области мы по-прежнему знаем мало. С одной стороны, некоторые явно талантливые авторы уверяют нас в том, что «образ, в каком люди представляют себе мир, в любой данный момент определяет то, что они будут делать», что «картина нашей среды, которую мы имеем в наших головах», независимо от того, соответ-

⁷⁵ См., в частности: *Lippmann W.* Public Opinion. New York, 1922; *Lippmann W.* Phantom Public. New York, 1926; *Tönnies F.* Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922; *Lowell L.* Op. cit.; *Lowell L.* Public Opinion and Popular Government. New York, 1913; *Hayes E.C.* The Formation of Public Opinion // *Journal Applied Sociology.* 1925, September-October; *Dacey A.V.* Law and Public Opinion in England. 1905; *Wallas G.* The Great Society. New York, 1914; *Bauer W.* Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen. Tübingen, 1914; *Todd A.J.* Op. cit., ch. XXV; и цитированные работы Парето, Дж. Брайса, Острогорского, Г. Моска и Р. Михельса.

⁷⁶ *Yarros V.S.* The Press and Public Opinion // *American Journal of Sociology.* 1899; *Park R.* The Natural History of the Newspaper // *Ibid.* 1923, November; *Leupp P.E.* The Waning Power of the Press // *Atlantic Monthly.* 1910, February; *Lundberg G.* The Newspaper and Public Opinion // *Social Forces.* 1926, June; *Salmon L.M.* The Newspaper and the Historian. New York, 1923; *Irwin W.* The American Newspaper // *Collier's.* 1911, №№ XLVI, XLVII; *Scott W.D.* The Psychology of Advertising. 1916; *Belloc H.* The Present Position and Power of the Press. London, 1918; *Scott-James R.A.* Influence of the Press. London, 1913. См. в данных работах ссылки на другую литературу.

ствуется она реальному миру или не соответствует, определяет наше поведение и что именно эти «псевдосреды, внутренние образы мира определяют образ мышления, настроения и деятельности» людей⁷⁷. Показав далее, что эти «картины в наших головах» сильно искажаются искусственной цензурой, ограничениями социальных контактов, сравнительно малым временем, затрачиваемым ежедневно на ознакомление с общественными делами, пристрастиями, фрагментарным характером газетной информации, намеренным искажением правды и другими факторами, эти авторы приходят к выводу, что «картины в наших головах» ошибочны, неадекватны и ложны и что по этой причине компетентное общественное мнение вряд ли вообще возможно. Стало быть, различные межличностные и межгрупповые недоразумения и социальные конфликты почти неизбежны⁷⁸. Конечно, если мы согласимся с тем, что «картины мира в наших головах» определяют поведение столь же эффективно, как и реальный мир, и что эти картины сильно зависят от вышеперечисленных сил, а особенно от газет, то, по-видимому, вполне логично будет заключить, что газеты «создают великих людей из ничего и разрушают репутации людей, которые действительно созданы, чтобы руководить, решают вопросы войны и мира, проводят выборы, запугивают и выкручивают руки политических деятелей, правителей и судей, и, когда они действительно выступают единым фронтом, противостоять им не может ничто» (*Yarros. Op. cit.*, p. 32). В этом случае распространенная среди народа вера в великую силу пропаганды и во всемогущество капиталистических или коммунистических групп, которые контролируют прессу, по-видимому, абсолютно права.

Однако стоит чуть ближе ознакомиться с фактами, и теория становится весьма сомнительной. Против нее можно выдвинуть все те возражения, которые мы уже выдвигали против теорий, исследующих психические факторы. По сути дела, это разновидность старинной веры во всемогущество идей. В настоящий момент эту веру вряд ли можно поддерживать. Если бы рассматриваемая нами теория соответствовала действительности, то мы должны были бы ожидать, что в Советской России, где в течение нескольких последних лет пресса и все средства информации были полностью монополизированы коммунистами, которые кормили людей только тем, что хотели им дать, коммунистическая идеология должна быть исключительно популярной. Фактически же в глазах населения России идеология дискредитирована, наверное, больше и уж, конечно, не меньше, чем в любой другой стране. Это, очевидно, противоречит теории. Исследование Дж. Лундберга приводит к такому же выводу. Он сравнил отношение нескольких газет к некоторым важным политическим проблемам – плану городской администрации, президентским выборам и т. д. – с тем, как их постоянные

⁷⁷ *Lippmann W. Public Opinion*, p. 25–30.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 30–32 и *passim*.

читатели голосовали по этим вопросам. Если бы гипотеза о решающей роли газет в формировании позиции их читателей оказалась правильной, то мы должны были бы ожидать наличие тесной связи между мнением газеты и мнениями ее постоянных читателей. Фактически исследование Лундберга не нашло никакой тесной связи. «The Times» резко выступала против плана чиновников городской администрации. Из ее читателей 42% проголосовали за и 52% против плана. «The Post-Intelligence» и «The Star» план одобряли. Из читателей «Post» 50% и из читателей «Star» только 35% голосовали в соответствии с позицией этих газет. Аналогичны результаты и по другим политическим вопросам⁷⁹.

Вопреки бытующему мнению о том, что законодательный процесс в Англии определяется преобладающим общественным мнением, А.В. Дайси совершенно ясно показывает, что само общественное мнение «складывается из стечения обстоятельств» и зависит «от внешних – можно даже сказать случайных – условий». Из этих его слов и приведенных им фактов становится очевидным, что общественное мнение является чем-то вроде флюгера, который поворачивается при малейшем изменении направления ветра, но который сам по себе мало влияет на направление ветра. Эти и подобные исследования свидетельствуют против теории исключительного влияния газет и пропаганды на человеческое поведение и ход социальных процессов⁸⁰. Они также показывают, что утверждения У. Липпмана о решающей роли «неправильных образов в наших головах» сильно преувеличены. Его теория, судя по ее выводам, заставляет поверить в то, что люди живут главным образом в псевдосреде и реагируют преимущественно на нее, почти не имея возможности вступить в контакт с реальным миром. С этим психосоциальным солипсизмом, безусловно, нельзя согласиться, поскольку, если бы он соответствовал истине, то человечество уже прекратило бы свое существование по той простой причине, что при доминирующей в течение долгого времени неадекватной реакции на реальную среду поддержание жизни было бы невозможно. Если человечество до сих пор существует, значит люди по большей части жили в реальном мире, а не в пещере Платона-Липпмана^{28*} и реагировали преимущественно на реальную среду, а не на тени псевдосреды, которые они наблюдали со дна пещеры⁸¹. Этим данным вполне достаточно, чтобы показать,

⁷⁹ *Lundberg. Op. cit.*, p. 710–711.

⁸⁰ По этим причинам критика, которой Ч.А. Элвуд подвергает преувеличенную веру во влияние пропаганды, и утверждение Парка о том, что пресса скорее отражает, чем формирует общественное мнение, кажется, ближе к истине, чем рассматриваемая теория. См.: *Ellwood C.A. Intolerance // Publications of the American Sociological Society, vol. XIX, p. 10–11*. В своей «Социологии революции» я тоже попытался показать, насколько изменчивы идеи и как сильно зависят они от более глубоких факторов.

⁸¹ Есть еще один сомнительный момент в теории Липпмана, а именно его вера в то, что чем больше правды получают люди из информации о человеческих делах, тем благотворнее будет ее роль. Несмотря на популярность такого рационалистического мнения, в нем можно

как мало мы еще знаем о конкретном социальном влиянии пропаганды, новостей, мнений, идей и «общественного мнения» в их чистом виде. Рассмотренные нами теории имеют тот же самый изъян, что и теории религии, морали и права. Истина, по-видимому, лежит где-то посередине между верой во всемогущество обсуждаемых факторов в их объективированной форме и отрицанием их эффективности. Но даже и этот вывод еще нуждается в проверке.

5. Другие явления культуры

После вышесказанного нет необходимости анализировать разные теории о социальной роли искусства, нравственности, моды и других явлений культуры. Проще всего сказать, что в своей транссубъективной форме они играют некоторую роль в социальном контроле, но насколько эта роль велика, на этот вопрос существующие теории не отвечают⁸². В лучшем случае они только указывают, каким образом каждый из этих элементов культуры влияет на социальную жизнь или же на те или иные явления. Но каков коэффициент влияния и является ли оно следствием непосредственно самого фактора или других сил, для которых этот фактор – всего лишь обитель или канал, на эти вопросы теории не отвечают. Как правило, они даже не пытаются провести такое различие. Более того, под разными именами они нередко считают по многу раз одну и ту же «силу». Когда внимательно читаешь материалы дискуссий о роли веры, мнений, церемоний, права, искусства, религии, морали и т. д., то сразу же обнаруживаешь, что под названиями этих разных явлений чаще всего скрываются одни и те же «силы». Таким образом, одно и то же явление подсчитывается несколько раз. Теории отождествляют то, что различается, и различают то, что идентично. Поэтому не

усомниться. Если бы каждый человек или группа точно знали, что действительно думают другие люди и что на самом деле происходит в мире, то враждебность, ненависть, войны и конфликты едва ли уменьшились бы. Если бы многие конфликты, вызванные воображаемой враждебностью, в этом случае и прекратились бы, то вместо них вспыхнули бы другие по причине знания о тайной враждебности, которая сейчас остается неизвестной. Чистый балланс такой всеведущей информации в том, что касается конфликтов, вероятно, был бы почти таким же, каков он и сейчас, когда часть нашей среды на самом деле есть псевдосреда. См.: *Lippmann*. Op. cit., part VIII. Ср.: *Pascal B.* Thoughts. New York, 1909–1914 (Harvard Classics, vol. XLVIII), section V, p. 294^{29*}.

⁸² О роли искусства, например, см.: *Guyau M.* L'art au point de vue sociologique. Paris, 1895, passim и p. 378–384; *Ross E.* Social Control, ch. XX; *Bushee*. Op. cit., ch. XXIX; *Bücher K.* Arbeit und Rhythmus. Leipzig, 1902; *Lederer E.* Aufgaben einer Kultursoziologie // Erinnerungsgabe für Max Weber. Bd. II; *Combarieu J.* La musique et le magic. Paris, 1908; *von Vogt O.* Art and Religion. New Haven, 1921; *Ellis H.* The Philosophy of Dancing // Atlantic Monthly. 1914. Гораздо лучше исследование Ч.М. Дизеренса (*Diserens Ch.M.* The Influence of Music on Behavior. 1926).

стоит удивляться тому, что эти теории носят расплывчатый характер и не открыли никаких достоверных взаимосвязей⁸³. В этой области наши научные знания особенно скудны, поэтому необходимо начать более тщательное изучение этих явлений со строгим разделением транссубъективных и психических переменных и с четким определением изучаемых факторов. Иначе мы обречены блуждать среди существующих туманных спекуляций, которые наполовину истинны, наполовину ложны.

6. Общее заключение

Последние две главы дают достаточную информацию о характере психологической школы – о ее ответвлениях, разновидностях, плюсах и минусах. Школа, безусловно, представляет собой научную ценность, но нуждается в значительной реконструкции согласно предложенным вариантам, чтобы избавиться от нынешних недостатков, искажающих все ее достижения. Вместо нынешнего смешения полубихевиористских и полуинтроспективных теорий должны быть чисто бихевиористский и чисто интроспективистский типы психологической интерпретации социальных явлений. Если такая реконструкция осуществится, то можно будет ожидать, что оба типа интерпретаций внесут больший вклад в науку, чем нынешние туманные теории.

⁸³ С этой точки зрения предпочтительнее другой подход к проблеме социального контроля – тот, который использует профессор Ф.Э. Льюмле в своей работе «Means of Social Control» (New York, 1925). Вместо традиционного деления средств социального контроля на науку, религию, искусство и т. д., он классифицирует их в зависимости от характера действий, посредством которых одни индивиды влияют на других. В результате мы имеем такие средства социального контроля: вознаграждение, похвала, лесть, убеждение, реклама, пропаганда, сплетни, сатира, смех, навешивание ярлыков, угрозы и наказания. Аналогичный подход использовал и автор этих строк в своей книге «Преступление и кара, подвиг и награда» (СПб., 1914). Все эти средства контроля используются религиозными, научными, судебными, эстетическими, моральными, воспитательными и другими агентами общественного контроля. В результате, если агенты классифицируются вышеупомянутым традиционным образом, одна и та же «сила» под разными именами становится соисполнителем тех ролей, какие играют в деле контроля искусство, религия, мораль и т. д. Это сильно вредит всей теории. Между тем, следуя по пути Льюмле, мы избегаем подобного ошибочного удвоения или даже утроения одних и тех же средств, выступающих под разными именами; можем сделать все средства контроля транссубъективными; можем наблюдать их и получить более точные данные об их влиянии и установить более надежную социологическую корреляцию. Вообще говоря, в социологии от традиционного деления социальных явлений на право, искусство, науку, религию и т. д. следует отказаться. Несмотря на то, что оно важно с практической точки зрения, так же как в повседневной жизни важны «овощи» или «дичь», с научной точки зрения от такого деления стоило бы отказаться. Ботаники и зоологи уже перестали классифицировать растения и животных на такие виды, как «овощи» и «дичь». Мы, социологи, все еще оперируем подобными «классами» социальных явлений.

Глава XIII

ДРУГИЕ ПСИХОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ И ИХ ДИНАМИКОЙ

Помимо общих и специальных социологических и психологических теорий существуют многочисленные теории, посвященные анализу функциональных отношений между двумя или большим числом специфических компонентов психосоциальных феноменов. Как правило, эти теории не претендуют на то, чтобы дать всеобъемлющую интерпретацию социальной жизни. Все, на что они претендуют, – это показать, что такая-то и такая-то связь существует между такими-то и такими-то изучаемыми явлениями. Несмотря на такую скромность, они чрезвычайно ценны по причине их фактологического, статистического и экспериментального характера. Будучи таковыми, они вносят в науку социологии не меньший вклад, чем широкие философские обобщения. Пока эти обобщения не проверены посредством таких специальных исследований, их достоверность остается недоказанной. Накапливаясь, данные этих исследований все более и более создают фундамент реальной индуктивной социологии. В последние нескольких десятилетий прогресс социологии был преимущественно обязан этому типу исследований. Они уже имеют такое значение, что ни один будущий автор общего трактата по социологии не сможет их проигнорировать, если не захочет отстать от жизни. По этой причине необходимо хотя бы кратко рассказать об основных группах таких исследований. Часть их я уже использовал, критикуя те или иные школы. Образцы других исследований будут рассмотрены в этой главе.

1. Исследования связи между семьей^{1*} или родным домом и другими социальными явлениями

Среди специальных исследований подобного рода заметное место принадлежит тем, которые анализируют связи между различными компонентами семьи и другими социальными явлениями. Из таких исследований первую группу составляют те, которые измеряют *влияние семьи и атмосферы в семье, взятых*

как переменные, на личность и поведение выходцев из нее. В целом исследования подтверждают утверждение Конфуция, школы Ле Пле, а также Чарльза Кули о том, что семья и семейная обстановка – факторы, играющие очень важную роль в становлении личности человека. Разные исследователи рассматривали разные компоненты семьи и домашней обстановки: экономический статус семьи, характеры родителей, их занятия, нравственные принципы, отношения, чистоту дома, количество книг, качество домашней мебели и т. д. Градуировав семьи и домашние обстановки согласно одному или нескольким из этих критериев, они изучали связи между этими условиями и здоровьем, подростковой преступностью, криминальностью, самоубийствами, психическими отклонениями, слабоумием, интеллигентностью, гениальностью, успехами в школе и на работе и другими личностными характеристиками людей, воспитанных в этих семьях. В результате почти всех исследований было установлено, что все эти критерии в той или иной степени, но оказывают свое влияние. Как правило, из семей с более высоким экономическим статусом, с доброй атмосферой в доме, где честные и интеллигентные родители и хорошие отношения между ними, – из таких семей по большей части выходят дети более здоровые, более умные, успешные в школе и на работе, в таких семьях рождается больше гениальных и талантливых людей; и в то же время они производят на свет меньшее количество слабоумных, психически больных, малолетних правонарушителей, преступников, проституток и других социально неадекватных индивидов, чем бедные семьи, в домах которых грязно и неуютно, где родители биологически ущербны, безграмотны, с дурными характерами, пьяницы, находятся в разводе или живут отдельно или даже умерли, где родители преступники или люди аморальные, отношения между которыми никак нельзя назвать хорошими. Короче говоря, эти исследования установили, что все вышеперечисленные и подобные им условия оказывают свое влияние, причем влияние весьма ощутимое, хотя и не абсолютное. Разумеется, они не могут дать точного ответа на вопрос: что в этих случаях больше зависит от дома и от семьи, а что – от наследственности. Вероятно, влияние оказывают оба фактора¹.

¹ Из огромного количества литературы укажем следующие репрезентативные исследования, посвященные связям между семьей, с одной стороны, и моральной распущенностью и преступностью среди подростков – с другой: *Williams J.H.* The Whittier Scale for Grading Home Conditions // *Journal of Delinquency*, vol. I, p. 273–286; *Williams J.H.* The Intelligence of the Delinquent Boy // *Ibid.*, 1919. Monograph № 1; *Breckenridge S., Abbott E.* The Delinquent Child and the Home. New York, 1912; *Fernald M., Hayes M., Dawley A.* A Study of Women Delinquents in New York State. New York, 1920; *Healy W.* The Individual Delinquent. Boston, 1915; *Johnson E.* The Relations of the Conduct Difficulties of a Group of Public School Boys, etc. // *Journal of Delinquency*. 1921, November; *Shideler E.H.* Family Disintegration and the Delinquent Boy // *Journal of Criminal Law*. 1918, January; *Гернет М.Н.* (ред.) Дети-преступники. Сборник статей. М., 1912; *Drucker S., Hexter M.B.* Children Astray. Cambridge, 1923; *Burt C.* The Young Delinquent. New York, 1925; *Taft J.* The Effect of an Unsatisfactory Mother-Daughter Relation-

Кроме того, некоторые другие исследования обнаружили, что практически все важные социальные характеристики индивида, такие как религия, язык, моральные принципы, привычки, верования и даже его экономический статус и род занятий, определяются в первую очередь семьей. Раньше, как правило, большинство людей исповедовали ту же религию, говорили на том же языке, придерживались тех же нравственных принципов, имели тот же экономический статус и род занятий, что и их родители. Степень зависимости в этих областях меняется время от времени, от общества к обществу, она сильнее, например, в том, что касается языка, чем в сфере профессиональных занятий. Тем не менее связи эти остаются ощутимыми даже в современном западном обществе².

Вторая группа исследований выявила множество связей между семейным положением (т. е. тем, состоит человек в браке или не состоит, разведен или овдовел) и продолжительностью жизни, преступностью, самоубийствами, ду-

ship // *The Family*. 1926, March. Краткое изложение этих исследований см. в: *Sutherland E. Criminology*, ch. VII–VIII; *Gillin J. Criminology and Penology*. 1926, ch. XI; *Burgess E. Topical Summaries of Current Literature. The Family // American Journal of Sociology*. 1926, July. Из числа исследований, изучающих влияние семьи на умственное развитие, успеваемость в школе, гениальность, моральные качества личности и т. д., наиболее репрезентативны следующие: *Terman L. Genetic Studies of Genius*. 1925, vol. I; *O'Brien F. The High School Failures*. New York, 1919; *Kelly A.M., Lidbetter E.J. A Comparative Inquiry of the Heredity and Social Conditions, etc. // Eugenic Review*, vol. XIII; *Book W.F. The Intelligence of High School Seniors*. New York, 1922; *Isserlis L. The Relation between Home Conditions and the Intelligence of School Children*. London, 1923; *Duff J., Thomson G.H. The Social and Geographic Distribution of Intelligence in Northumberland // British Journal of Psychology*, vol. XIV; *Pintner R. Intelligence Testing*. New York, 1923; *Holley Ch.E. The Relationship between Persistence in School and Home Conditions*. Chicago, 1916; *Waples D. Indexing the Qualifications of Different Social Groups // The School Review*. 1924; *Burdge H. Our Boys*. New York, 1921; *Counts G.S. The Selective Character of American Secondary Education*. Chicago, 1922; *Ellis H. A Study of British Genius*. London, 1904; *Odin A. Le genèse des grands hommes*. Paris, 1895; *De Candolle A. Histoire des sciences et des savants*. Genève, 1885; *Maas F. Ueber die Herkunftsbedingungen der Geistigen Führer // Archiv für Sozialwissenschaft*. 1916; *Cattell J.M. American Men of Science*. 3d ed.; *Clarke E. American Men of Letters*. New York, 1916; *Davies G.R. A Statistical Study of the Influence of Environment // Quarterly Journal of University of North Dakota*, vol. IV; *Sorokin P. American Millionaires // Journal of Social Forces*. 1925, May; *Sorokin P. Monarchs and Rulers // Ibid.*, 1925–1926; *Woods F.A. Op. cit.*; *Huntington. Op. cit.* Другие источники и другое краткое изложение этих исследований см. в: *Sorokin. Social Mobility*, ch. X–XII; *Hollingworth L.S. Gifted Children*. New York, 1926. Уже цитированные исследования Н. Патона и Л. Финдли, О.Б. Хилла и Э. Элдертона показали, что здоровье матери и ее уход за ребенком – фактор, в наибольшей степени влияющий на здоровье и поведение ребенка. Исследование Х. Хартсхорна и М.А. Мэя также показало, что понимание детьми добра и зла ближе всего к пониманию их родителей: здесь коэффициент корреляции достигает 0,545, тогда как коэффициент близости с друзьями равен всего лишь 0,353, с клубными авторитетами – 0,137, с учителями – 0,028 и 0,002 (*Testing the knowledge of Right and Wrong // Religious Education*, vol. XXI, p. 545).

² См., в частности: *von Mayr G. Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben*. München, 1877. О флуктуации этих связей во времени и пространстве см.: *Sorokin P. Social Mobility*, ch. VII, IX, XVI–XIX; там же см. библиографию.

шевными расстройством и нищетой. Почти все исследования за редким исключением показывают, что среди состоящих в браке более низкий процент душевных заболеваний, преступлений, самоубийств и нищеты, а продолжительность жизни больше, чем среди не состоящих в браке и особенно разведенных одного и того же пола, возрастной группы и социального положения³.

Третья группа исследований попыталась определить факторы, которые влияют на модификацию различных семейных характеристик. В отличие от исследований, о которых уже была речь, исследования этой группы принимают за функцию ту или иную характеристику семьи и пытаются найти ее переменные. Многие исследования этого типа уже упоминались в предыдущих параграфах книги. А некоторые из тех, что не упоминались, внесли значительный вклад в решение проблемы факторов, отвечающих за рост или снижение количества разводов и уходов из семьи. Эти исследования показали, что динамику разводов и распада семьи определяют род занятий, изменения в промышленном производстве, экономический статус, религия, социальная и расовая разнородность мужа и жены, количество детей, социальная мобильность, характер законов о браке и разводах, война и некоторые другие факторы⁴.

Следующая группа состоит из исследований, которые анализируют факторы, которые обуславливают выбор при вступлении в брак и вообще подбор пар у людей. Судя по результатам этих исследований, оба распространенных мнения — о том, что «противоположности сходятся», и о том, что *similia similibus curantur*^{2*}, — по всей видимости, не соответствуют действительности. Как правило, сходство брачных партнеров по росту, возрасту, цвету кожи, расовой принадлежности и национальности, а также по социальным, профессиональным, религиозным, экономическим, культурным и другим характеристикам облегчает выбор и яв-

³ Статистические данные и литературу см. в: *von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. II–III; Oettingen A. Op. cit.; Levasseur E. La population française, vols. I–II; Ogburn W.F. The Relationship of Marital Condition to Death, Crime, Insanity, and Pauperism // XVI-e session de l'Institut International de Statistique. Roma, 1926.*

⁴ Помимо цитированных работ фон Майра, Левассера и Эттингена, см.: *Lichtenberger J.P. Divorce. New York, 1909; Willcox W. The Divorce Problem. New York, 1891; Jacquart C. Le divorce et la séparation de corps. Bruxelles, 1909; United States Bureau of the Census. Marriage and Divorce, 1867–1906. Washington, 1908–1909, vol. I–II; Bosco A. I divorzi e le separazioni personali dei coniugi. Roma, 1908; Bertillon J. Étude démographique du divorce. Paris, 1883; Böckh R. Statistik der Ehescheidungen in der Stadt Berlin in den Jahren 1885 bis 1894 // Bulletin de l'Institut International de Statistique, tome XI, p. 251–281; Yvernès M. Les divorces et les séparations de corps en France depuis 1884 // Journal de la Société de Statistique de Paris. 1908; Savorgnan F. Nuzialità e fecondità delle case sovrane d'Europa // Metron, vol. III, № 2; Sorokin P. Influence of the World War upon Divorces // Journal Applied Sociology. 1925, November–December; Ogburn W. Factors Affecting the Marital Conditions of the Population // Proceedings American Sociological Society. 1923, vol. XV; Eubank E. A Study of Family Desertion. Chicago, 1916; Colcord J. Broken Homes. New York, 1919; Sherman C. Racial Factor in Desertion // The Family. 1922–1923, vol. III; Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasants in Europe and America. Boston, 1918–1920, vol. I–IV.*

ляется фактором благоприятствующим. Но из этого правила есть несколько исключений, которые делают необходимым дальнейшее исследование явления⁵.

Еще одна группа исследований пыталась обнаружить факторы, отвечающие за определение пола индивидов. Разумеется, проблема до сих пор остается нерешенной⁶.

Большое количество исследований имеет дело с факторами, которые влияют на флуктуацию уровня рождаемости во времени и пространстве, а также с факторами, от которых зависит разный уровень рождаемости у разных социальных классов. Основные работы подобного типа были указаны в предыдущих главах.

Не стану перечислять остальные исследования, изучающие причинно-следственные отношения между семьей и другими социальными явлениями, поскольку и сказанного достаточно, чтобы показать ту интенсивную работу, которая ведется в этой области. Уже полученные данные предоставляют нам большие возможности приступить к построению индуктивной теории «социологии семьи».

2. Исследования связи между характером соседских отношений и другими социальными явлениями

Вторая категория исследований представлена работами, посвященными подробному изучению влияния соседских отношений на физические, умственные и нравственные свойства человека. В них собрано большое количество данных о том, каким образом и в какой степени отношения с соседями влияют на поведение человека. Исследования Чарльза Бута, Б.С. Раунтри, Р.Д. Маккензи, Дж.Г. Уильямса, Э.У. Бёрджесса, Р.А. Вудса, У.А. Томаса⁷ и других ученых проли-

⁵ *Fay E.A.* Marriages of the Deaf in America. Washington, 1898; *Pearson K.* Grammar of Science. 2nd ed., p. 431–437; *Savorgnan F.* La scelta matrimoniale. Ferrara, 1924; *Benini.* Principi di demografia. 1901; *Chessa F.* La trasmissione ereditaria delle professioni. Torino, 1912; *Jenks A.E.* Ethnic Census in Minneapolis // *American Journal of Sociology*, vol. XVII; *Harris J.A.* Assortative Mating in Men // *Scientific Monthly*. 1912, April; *Lutz F.E.* Assortative Mating in Man // *Science. New Series*, 1905; *Drachler J.* Intermarriage in New York City. New York, 1921; *Marvin D.* Occupational Propinquity as a Factor in Marriage Selection // *Publication of the American Statistical Association*, vol. XVI, p. 131–151; *Weatherly W.G.* Race and Marriage // *American Journal of Sociology*, vol. XV; *Weatherly W.G.* Assortative Mating in Man: A Cooperative Study // *Biometrika*, vol. II, p. 481–498.

⁶ Литературу по этой теме и ее блестящий анализ см. в: *Gini C.* Il sesso dal punto di vista statistico: Le leggi della produzione dei sessi. 1908; см. также: *von Mayr.* Op. cit., Bd. II.

⁷ *Rowntree B.S.* Poverty. London, 1901; *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London (все тома); *McKenzie R.D.* The Neighborhood. Chicago, 1923; *Williams J.H.* A Scale for Grading Neighborhood Conditions // *Publications of Whittier State School. Department of Research. Bulletin № 5*, May 1917; *Chapin F.S.* A Quantitative Scale for Measuring the Home, etc. // *Journal of Educational Psychology*. 1928, February; *Burgess E.W.* Juvenile Delinquency in a Small City // *Journal of Criminal Law*. 1916, January; *Goldmark P.* West Side Studies. Boston, 1898;

ли много света на влияние соседства на характер, поведение и психологию человека. Теперь мы твердо знаем, что среди многих факторов, которые формируют индивидуальность, должны учитываться и отношения с соседями, в окружении которых человек рождается и вырастает. Иначе один из эффективных факторов окажется неучтенным.

3. Исследования влияний рода занятий и профессии

Наряду с работами, которые, подобно «*De la division du travail social*» Дюркгейма, пытаются проанализировать общее влияние разделения труда, сейчас есть множество фактологических исследований, которые дают точные данные о влияниях, которые оказывает род занятий человека на его физическую, жизненную, умственную и моральную природу. Подобных исследований так много, что здесь невозможно дать хотя бы самый краткий перечень соответствующих работ. Вместо этого лучше указать несколько источников, в которых содержание большинства этих исследований уже подытожено. Так, например, огромное количество биологических исследований, посвященных влиянию рода занятий на телосложение и здоровье человека, резюмировано в книге «Болезнь и социальное положение», изданной проф. М. Моссе и Г. Тугендрейхом [*Krankheit und Soziale Lage*. Hrsg. von Prof. M. Mosse and G. Tugendreich. München, 1913]³*, и в пяти-томном «Справочнике по социальной гигиене и здравоохранению», изданном проф. А. Готштейном, проф. А. Шлосманом и доктором Л. Телеки [*Handbuch der Sozialen Hygiene und der Gesundheitsfürsorge*. Hrsg. von Professors A. Gottstein, A. Schlossman und Dr. L. Teleky. Berlin, 1926–1927, Bd. I–V]⁴*. В своей книге «Социальная мобильность»⁸ я обобщил результаты основных работ, посвященных влиянию профессии человека на его физические, интеллектуальные и жизненно важные показатели⁹. Многочисленные исследования в этой области установили

Woods R.A. The City Wilderness; *Thomas W.I.* The Unadjusted Girl. Boston, 1923; *Addams J.* The Spirit of Youth and the City Streets. New York, 1909; *Simkhovitch M.K.* The City Worker's World in America. New York, 1917; *Woods R.* The Neighborhood in Social Reconstruction // *American Journal of Sociology*, vol. XIX.

⁸ См.: *Sorokin P.* Social Mobility, ch. VI, X–XII, XIII, XVII.

⁹ Из необозримой литературы по этому вопросу назову лишь несколько исследований, посвященных разным «профессиональным» типам социальной группы: *Williams J.M.* Our Rural Heritage. New York, 1925; *Williams J.M.* The Expansion of Rural Life. New York, 1926; *Groves E.* Rural Mind and Social Welfare. Chicago, 1922; *Hermes G.* Die geistige Gestalt des Marxistischen Arbeiters und die Arbeiterbildungsfrage. Tübingen, 1926; *Лурье М.З.* Состав пролетариата. Пг., 1918; *Bláha A.* Sociologie sedlaka a delnika. Prague, 1925; *Rühle O.* Die Seele des proletarischen Kindes. Dresden, 1925; несколько исключительно ценных томов «*Schriften des Vereins für Sozialpolitik*» (Bd. CXXXIII–CXXXV Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft)⁵*; *Sombart W.* Der Bourgeois; *Taussig F.M.* Inventors and Money-Makers. New York, 1915; *Bauer A.* Les classes sociales. Paris, 1902. См. также журнал «*Revue internationale de sociologie*» за 1900–

огромное влияние этого социального фактора на человека и его поведение, а через это и на социальные процессы. Без учета фактора «род занятий» невозможно удовлетворительно объяснить такие явления и процессы, как поведение и психология индивида и группы, социальные антагонизмы и солидарность, социальная реконструкция и революция – практически ни одно значительное социальное изменение, ни одну социальную аномалию. Кроме этого, исследования раскрыли ряд зависимостей между спецификой труда профессиональных групп и их соматическими, социальными и психологическими характеристиками. Если мы разделим профессиональные классы на группы, начиная с рабочих низшей квалификации, затем выделяя группы полуквалифицированных и квалифицированных рабочих, служащих низшего и среднего уровня и заканчивая представителями крупного бизнеса и квалифицированными профессиональными группами, то увидим, переходя от представителей низшей квалификации к квалифицированным профессионалам, что их рост, вес, здоровье, продолжительность жизни и размер головы увеличиваются, тогда как рождаемость в их семьях, напротив, уменьшается. Уровень интеллекта тоже увеличивается. Имеются значительные пересечения и некоторые исключения из правила, однако они не отменяют установленной зависимости¹⁰.

4. Исследование влияния городской и сельской среды

В течение нескольких последних десятилетий были опубликованы многочисленные ценные исследования, посвященные сложным влияниям городской и сельской среды. В настоящее время уже сложилось фундаментальное разделение социологии на сельскую и городскую. Исследования обнаружили ряд особенно заметных различий в физических чертах, жизненных процессах, менталитете, преступности и нравах между сельским и городским населением, связанных с разными элементами этих двух сред, с преобладающим родом деятельности в городе и на селе и особенностями отбора. Эти исследования внесли серьезный вклад в наше знание «социальной тайны»^{7*}. Энергичная работа, которая продолжается в этих областях, обещает еще больше обогатить науку социологии¹¹.

1903 г., в котором опубликованы материалы ряда дискуссий по этой проблеме^{6*}; *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class. Другую литературу см. в указанных книгах Моссе, Тугендрейха и Сорокина. См. также следующий параграф.

¹⁰ Литературу и данные см. в: *Social Mobility*, ch. X–XII.

¹¹ Литература по этому вопросу уже довольно обширна. Статистические данные и библиографию см. в следующих репрезентативных курсах по сельской социологии: *Gillette J.M.* Rural Sociology. New York, 1925; *Vogt P.L.* Introduction to Rural Sociology. New York, 1920; *Taylor C.* Rural Sociology. New York, 1926; *Phelan J.* Reading in Rural Sociology; *Galpin Ch.J.* Rural Life. New York, 1918; *Steiner J.F.* Community Organization. New York, 1925; *Sims N.L.* The Rural Community. New York, 1920; *McClenahan B.A.* Organizing the Community. New York, 1922.

5. Изучение психосоциальных типов индивидов и связи между психологическими особенностями индивидов и их членством в социальных группах

Мы уже упомянули несколько видов исследований, которые пытаются описывать психосоциальные типы индивидов и социальных групп. Таковы, например, патриархальный, партикулярный и государственно-коммунистический типы индивидов и народов, которые выделяет школа Ле Пле. Другим примером такой типологической социологии служат вышеуказанные работы, рисующие *профессиональные или классовые типы* фермера, пролетария, банкира, священника, ученого, врача и т. д. Третья разновидность типологической социологии представлена работами, которые описывают *национальные* психосоциальные типы. Работы Эмиля Бутми, Г. Мюнстерберга, А. Фуллье, А. де Токвиля и Джеймса Брайса¹² являются типичными образцами этой разновидности. Работы подобного типа многочисленны, но большая их часть носит односторонний или поверхностный характер.

Четвертая разновидность социологической типологии представлена различными теориями *культурных типов личности и групп*. Возможно, самую серьезную попытку разъяснить понятие «идеальный социальный тип» и разработать «идеальный тип» как определенный метод исследования социальных проблем предпринял Макс Вебер. Мы видели кое-что из этого на примере его анализа «идеальных типов» капитализма, протестантизма, конфуцианства и т. д.¹³ Однако он использовался давно и реализован в полной мере. В настоящий момент мы имеем много образцов разного рода культурных типологий. Таковы, например, восемь типов культур у О. Шпенглера, учение которого в этом, так же как

Обстоятельная библиография по городской социологии представлена в: *Park R., Burgess E. The City. Chicago, 1925; Burgess E. Urban Community. Chicago, 1926.* См. также: *Weber A.F. The Growth of Cities in the Nineteenth Century. New York, 1899; Thurnwald R. Stadt und Land im Lebensprozess der Rasse // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1904; Kohlbrügge J.H.F. Stadt und Land als biologische Umwelt // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1909; Kuczynsky R. Der Zug nach der Stadt. Stuttgart, 1897.* Кроме того, см. данные и литературу в цитированных работах фон Майра, Эттингена и Левассера. Всеобъемлющую и строго критическую монографию на эту тему готовят сейчас автор этих строк и К. Циммерман^{8*}.

¹² См.: *Boutmy E. Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIXe siècle. Paris, 1901* (перевод на английский: New York, 1904); *Boutmy E. Éléments d'une psychologie politique du peuple Américain. Paris, 1902; Münsterberg H. The Americans; Fouillée A. Psychologie du peuple français. 2^d ed., 1898; Fouillée A. Esquisse psychologique des peuples européens. 2^d ed. Paris, 1903; De Tocqueville A. Democracy in America; Bryce J. The American Commonwealth. 1891.* См. также упоминавшиеся работы Э. Демолена, П. Рузье, А. де Турвиля и Ф. Ле Пле.

¹³ См.: *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 1922, S. 190 ff.; Walter A. Max Weber als Soziologe // Jahrbuch für Soziologie. 1926, Bd. II; Klüver H.M. Weber's «Ideal Type» in Psychology // Journal of Philosophy, vol. XXIII.*

и во многих других отношениях, фактически, хотя и независимо, повторяет то, что Н. Данилевский сформулировал в 1869 г.¹⁴ Другая разновидность этой «культурной типологии» представлена многочисленными работами различных историков и социологов, которые пытались классифицировать культуры или общества. Теории настолько многочисленны, что нет никакой возможности их хотя бы перечислить¹⁵. Достаточно сказать, что в исторической, политической, социологической, экономической и других науках о культуре метод «идеального типа», или, проще говоря, типология, практикуется широко и, по-видимому, является неизбежным. Когда историк рассуждает о «греческом городе-государстве», «феодалном», «кастовом» или «современном обществе», он использует этот метод. Когда экономист классифицирует экономическую организацию на «капиталистическую» и «социалистическую» системы или системы «натуральной экономики», «денежной экономики», «кредитной экономики» и т. д., он применяет тот же метод. То же самое можно сказать и об антропологической классификации рас, обществ «демократического и самодержавного типа» и т. д. Будучи полезным и повсеместно применяемым, этот метод, однако, часто используется неправильно, в результате чего классификация искажается, а «тип» соответствующих культурных явлений получает совершенно одностороннюю характеристику. Чтобы с помощью метода получить положительные результаты, необходимы глубокое знание предмета, способность находить типичные черты во множестве конкретных особенностей и умение хорошо синтезировать эти черты. Только когда этим методом пользуются великие умы и таланты, он дает хорошие результаты.

Пятая разновидность психосоциальной типологии представлена в теориях, которые можно назвать «формальными типологиями индивидуальности». Примером может служить классификация «идеальных типов» человека, которую предлагает Э. Шпрэнгер. Он выделяет идеальные типы теоретического человека, экономического человека, эстетического, социального человека, человека власти и религиозного человека¹⁶.

Шестая разновидность классификации типов личности представлена многочисленными психоаналитическими и психосоциологическими теориями. Они

¹⁴ См.: *Spengler O.* Op. cit. Bd. I, passim. Ср.: *Данилевский Н.* Россия и Европа. 2-е изд., 1871. См.: *Шварц М.Н.* Шпенглер и Данилевский (Два типа культурной морфологии) // Современные записки. 1926, т. XXVIII, с. 436–456.

¹⁵ Обзор и анализ основных теорий социологов см. в: *Сорокин П.* Система социологии, т. II, с. 306–346^{9*}; *Steinmetz S.R.* Classification des types sociaux et catalogue des peuples // L'année sociologique, vol. III; *Somló F.* Zur Gründung einer beschreibenden Soziologie. Berlin-Leipzig, 1909; *Mazzarella.* Op. cit., passim; *Капеев Н.* Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905.

¹⁶ См.: *Spranger E.* Lebensformen. Halle, 1922; другие примеры см. в: [*Dilthey W.*]^{10*} Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen // Weltanschauung, herausgegeben von M. Frischeisen-Köhler. Berlin, 1922; *Klüver H.* Problem of Type in «Cultural Science» Psychology // Journal of Philosophy, vol. XXII, p. 225–234.

пытаются классифицировать индивидов не столько на основе их «идеологий», «речевых реакций» и характера их мнений, сколько на основе темперамента, эмоциональности, способности реагировать на изменения в окружающей среде и других более глубоких характеристик. Соответственно, эти типы считаются «универсальными» и «вечными» и распространенными среди разных обществ и в разные периоды. Типы «рантье» и «спекулянтов» Парето – один из образцов такого рода классификаций. Деление индивидов на два типа – интровертов и экстравертов, – которое предлагают К.Г. Юнг и другие психологи, – еще один пример подобной классификации¹⁷. Предлагаемая Л. Клагесом классификация темпераментов, согласно формуле

$$\frac{T \text{ (двигатель)}}{W \text{ (сопротивление)}} = R \text{ (реакция)}^{18} \text{ – является третьим образцом.}$$

Еще более сложная классификация Э. Кречмера на шизотомический и циклотомический типы¹⁹ или типологии личности, которые предлагают Э.Р. Йенш, Г. Роршах, Г. Эвальд, А. Кронфельд и К. Ясперс – вот другие образцы этой же разновидности²⁰. Поскольку возраст у большинства из этих психологических типологий весьма почтенный, современные теории стремятся к тому, чтобы в основе их классификаций лежали данные экспериментальных исследований и точных измерений. Если в нынешнем своем виде они еще не бесспорны, то в будущем, тем не менее, они обещают принести плоды и обрести научный вес.

В связи с названными психологическими классификациями типов личности необходимо упомянуть некоторые исследования, которые пытаются с их помощью проанализировать некоторые более явные социальные группы. Мы уже знаем, как это сделал Парето, который связал свой тип «спекулянта» с определенными обществами и социальными процессами (Афины, демократия и т. д.), а тип «рантье» – с другими обществами (Рим) и другими процессами. Люди одинаковых идеологических взглядов могут относиться к противоположным типам личности с точки зрения их доминирующих «остатков», и наоборот. Таков вывод Парето. Подобная идея лежит в основе нескольких исследований таких социальных типов, как радикал, реакционер, консерватор и т. д. Внешне эти типы личности кажутся противоположными, поскольку противоположны их стремления и идеологии. Но отличаются ли они с точки зрения их эмоциональности, способности реагировать на изменения, умственного развития, экстра- и интравертно-

¹⁷ Jung C.G. Psychological Types. 1923.

¹⁸ Klages L. Principien der Characterologie. Leipzig, 1920.

¹⁹ Kretschmer E. Körperbau und Character. Berlin, 1922.

²⁰ Обстоятельный обзор этих теорий и их анализ см. в: Klüver H. An Analysis of Recent Works on the Problem of Psychological Types // The Journal of Nervous and Mental Disease, vol. LXII, p. 561–596. Там же см. хорошо подобранную библиографию.

сти и других более глубоких черт? И если отличаются, то чем именно? Исследования Г.Т. Мура и Ф.Г. Олпорта могут служить примером экспериментального и количественного подхода к проблеме. Под этим углом зрения профессор Мур (род. в 1886 г.) изучил приблизительно 350 радикальных и консервативных студентов. Основные результаты его исследования показывают, что группы не отличаются друг от друга ни по интеллекту, ни по эмоциональной стабильности и вообще ни в чем друг друга не превосходят и ни в чем друг от друга не отстают. Принципиальные различия носят «врожденный» характер и состоят из таких специфических показателей, как «большая скорость реакций среди радикалов и легкость, с какой они меняют свои привычки; их способность принимать моментальные решения и проявлять независимость (во взглядах), несмотря на мнение большинства. Последнее из этих различий проявляется наиболее ярко»²¹. Почти аналогичным является исследование Ф.Г. Олпорта и Д.А. Хартмана. Они изучали психологические отличия радикалов от реакционеров, а также различия между этими обеими группами и группой умеренных. Первый результат исследования показал, что экстремальные группы в большей степени похожи друг на друга, чем на умеренных. Это подтверждает мнение Парето, что различие в идеологии носит весьма поверхностный характер и не мешает радикалам и реакционерам по сути дела походить друг на друга более глубокими психологическими чертами. Кроме того, исследование показало, что представители обеих крайних групп гораздо сильнее убеждены в правоте своей позиции, чем умеренные. Следующее различие между группами состоит в том, что в группе радикалов религия играет жизненно важную роль, тогда как «реакционная группа меньше всего интересуется религией», умеренные же занимают промежуточную позицию. Далее, обе крайние группы менее быстры в разговоре и при ходьбе, менее эмоциональны и более самостоятельны в своем мнении, чем умеренные. Радикальная группа рассматривает себя как наименее экспансивную, консервативная – как самую экспансивную, умеренная^{11*} – посередине между ними. Что касается мнений других людей, то умеренные и реакционеры менее чувствительны к ним, чем радикалы. Относительно проницательности и самооценки – у реакционеров наименьшая степень проницательности и самая высокая самооценка, следом за ними идут радикалы, а умеренные занимают промежуточную позицию. Кроме того, реакционная группа проявляет большую склонность к науке, в ее идеологии больше снобизма, цинизма и механистичности, в то время как радикалы по своим взглядам более идеалистичны, религиозны, моральны и склонны к совершенствованию²².

²¹ Moore H.T. *Innate Factors in Radicalism and Conservatism* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925–1926, vol. XX, p. 234–244. Там же описан метод исследования и приведены количественные данные.

²² Allport F.A., Hartman D.A. *The Measurement and Motivation of Atypical Opinion in a Certain Group* // *The American Political Science Review*, vol. XIX, p. 735–760.

Вряд ли кто подумает, что различия, обнаруженные в этих двух исследованиях, действительно бесспорны. Данные, полученные ими, несколько противоречат друг другу²³. С их методом, основанным на данных речевых реакций, едва ли можно получить надежные и точные результаты. Характер кривых второго исследования намного более сложен и менее категоричен, чем выводы вышеупомянутых авторов. Вывод профессора Мура о «врожденной склонности» к радикализму и консерватизму, по-видимому, вытекает не из тех данных, которые он приводит, чтобы его доказать. Короче говоря, к полученным выводам можно относиться только как к предварительным, о чем говорят и сами авторы. Тем не менее эти исследования интересны и полезны как первые шаги к количественному и фактическому пониманию обсуждаемых и подобных им явлений.

6. Исследования связи лидерства и интеллекта с количеством групп, в которых участвует индивид, и социальным перемещением

Мы знаем, что Де-Роберти, Дюркгейм, Зиммель и Бугле утверждали, что должна быть положительная связь между умом индивида, его способностью к лидерству и количеством групп, в которых он участвует. Однако они не привели необходимых фактических данных для доказательства своего утверждения. В настоящий момент мы уже имеем некоторые фактические исследования в этой области. Показательными в этом смысле можно считать исследования профессора Ф.С. Чапина (1888–[1974]). Изучив 250 студентов и сравнив их внеучебную деятельность с академической успеваемостью и физическим состоянием, он обнаружил явную позитивную связь между этими тремя показателями. «Пятьдесят лучших, или самых активных студентов (связанных с большим количеством групп и принимающих в их деятельности более живое участие) оказались также наиболее успевающими в сравнении со средним академическим уровнем и лучшими по своему физическому состоянию». Корреляция между внеучебной деятельностью и уровнем академической успеваемости равна 0,402, т. е. связь между ними вполне ощутима, хотя и не идеальна²⁴. О.М. Мехус в ходе своего исследования 500 студентов университета Миннесоты получил аналогичные ре-

²³ Несколько противоречат друг другу и результаты, полученные А.С. Райсом, Вольфом, Дж. Лундбергом. См.: *Rice S.A.* Op. cit.; *Wolfe*. Conservatism, Radicalism, and Scientific Method, ch. VII; *Lundberg G.* The Demographic and Economic Basis of Political Radicalism and Conservatism // *American Journal of Sociology*, vol. XXXII, p. 719–732.

²⁴ *Chapin F.S.* Measuring the Volume of Social Stimuli: A Study in Social Psychology // *Social Forces*. 1926, March; *Chapin F.S.* Extra-Curricular Activities of College Students. A Study in College Leadership // *School and Society*. 1926, February; *Chapin F.S.* Leadership and Group Activity // *Journal Applied Sociology*. 1924, January.

зультаты. Таким образом, эти результаты подтверждают выводы более ранних социологов. Исследование автором этой книги 1 400 лидеров рабочих Америки и Европы также показало, что группа крупных лидеров связана с бóльшим количеством социальных групп, чем группа мелких лидеров. Это подтверждает выводы профессора Чапина (см.: *Sorokin and others. Leaders of Labor and Radical Movements*). Является ли такая связь следствием участия в группах или само участие и высокий интеллект – результаты врожденной способности индивидов, на это исследования не дают ответа. Как бы то ни было, необходимы дальнейшие исследования подобного рода, чтобы выяснить, до какой степени установленная связь является универсальной и постоянной.

Следует упомянуть и о связи между интеллектом и лидерством, с одной стороны, и социальной мобильностью индивидов – с другой. Понимая под мобильностью любое изменение места жительства или социального положения индивида, можно утверждать, что упомянутые явления связаны друг с другом в рамках определенных границ. Исследование лидеров американских фермеров, проведенное автором и профессором К. Циммерманом, и изучение автором лидеров рабочих показали, что их территориальное перемещение значительнее, чем перемещение остального населения. Процент лидеров, которые живут в других штатах или других странах, а не в местах их рождения, судя по всему, выше, чем у простых людей²⁵. То же самое относится и к знаменитостям из справочника «Who's Who in America» и к известным людям вообще. Аналогичную связь показывает и приблизительное историческое сравнение периодов, отличающихся большей и меньшей мобильностью, с количеством гениев, рождавшихся в эти периоды. Факты показывают, что в определенных пределах периоды переворотов и высокой мобильности отмечены более высокой рождаемостью гениев и более интенсивным прогрессом в изобретательстве и сфере интеллектуальной жизни²⁶. Профессор Карл Мерчисон также нашел, что из числа изученных им преступников у тех, которые прибыли из регионов более отдаленных, интеллект заметно выше, чем у преступников из мест более близких и у преступников местных. Р. Ливи указал, что высшие сословия итальянского населения более мобильны, чем низшие классы²⁷. Ту же связь предполагают и некоторые другие факты. Если учесть, что более мобильные индивиды, вероятно, и участвуют в большем количестве групп, чем менее мобильные, то окажется, что обе обсуждаемые связи взаимно подтверждают друг друга. Однако эти связи, скорее всего,

²⁵ См.: *Sorokin P., Zimmerman C. Leaders of Farmers of the United States // Social Forces. March, 1928; Sorokin P. and others. Leaders of Labor and Radical Movements in the United States and Europe // American Journal of Sociology. 1927; Sorokin P. Leadership and Geographic Mobility // Journal of Applied Sociology, vol. XII.*

²⁶ См.: *Sorokin. Social Mobility, ch. XXI.*

²⁷ *Murchison C. Criminal Intelligence. 1926, p. 44–57; Livi R. Antropometria Militare. Roma, 1896, p. 46–51, 87–91 и passim.*

носят ограниченный характер и после того, как мобильность достигает определенной степени, перестают действовать. Но даже и в этом ограниченном смысле выводы носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшей проверке. Ясно также, что исследования еще не могут ответить на вопрос, являются ли лидерство и более высокий интеллект результатом большей мобильности и участия во многих группах или само участие есть результат врожденной особенности соответствующих индивидов, хотя недавнее исследование Чапина «Измерение социальности» (*Journal of Applied Sociology*. 1928, February) решает именно эту очень важную проблему.

7. Исследования условий, которые способствуют межличностной и межгрупповой симпатии и отторжению

Мы видели, что согласно Э. Дюркгейму и Г. Зиммелю разделение труда и усиление социального расслоения индивидов ведет от «механической» к «органической солидарности». Они и их последователи склоняются к мысли, что такое увеличение разнородности в общем способствует росту солидарности. Противоположную теорию выдвинул Франклин Генри Гиддингс²⁸. Он ввел выражение «родовое сознание» и первым высказал идею о том, что «себеподобное сознание» или сходство индивидов – необходимое условие для перехода от стадности к обществу, и, во-вторых, что это фактор, способствующий росту солидарности или положительной симпатии в отношениях между людьми²⁹. В этом смысле его теория противоположна теориям Дюркгейма, Зиммеля, Бугле и других и обнаруживает сходство с теорией Ф. Тённиса. Хотя проблема все еще мало изучена, истина, судя по всему, на стороне профессора Гиддингса. Его более поздние фактологические исследования в этой области показали, что сходства во вкусах, идеях, верованиях, манерах и морали «явно» содействуют симпатии, сочувствию и солидарности в отношениях между индивидами и группами, тогда как несходства, как правило, ведут к отторжению и порождают антипатию³⁰.

²⁸ Родился в 1855 г., [умер в 1931]. Пионер американской и мировой социологии. Автор многих ценных работ по социологии, особенно по методологии социологического исследования. В своих последних работах разработывал теорию «плюралистического поведения». Основные работы Гиддингса: *The Principles of Sociology* (3d ed., 1896), *Elements of Sociology* (1900), *Readings in Descriptive and Historical Sociology* (1906), *Inductive Sociology* (1901), *Studies in the Theory of Human Society* (1922), *The Scientific Study of Human Society* (1924). О Гиддингсе см.: *Ковалевский М.* Современные социологи, гл. II; *Barth P.* Op. cit., p. 446 ff.; *Squillace F.* Op. cit., p. 381 ff.; *Gillin J.L.* [Franklin Henry Giddings] // *Odum. American Masters of Social Science*. New York, 1927, p. 191–231, а также огромное количество статей и практически большинство учебников по социологии.

²⁹ *Giddings F.* *Studies in the Theory of Human Society*, ch. XV, passim и p. 164 ff.

³⁰ *Giddings F.* *The Scientific Study of Human Society*, p. 122 ff.

По поводу таких явлений, как социальный антагонизм и солидарность, высказывались и многие другие социологи. В настоящее время есть уже и несколько количественных исследований, посвященных факторам, которые обуславливают эти явления. В качестве репрезентативных в этой области следует назвать исследования профессора Э. Богардуса³¹. Используя количественный метод и метод конкретных ситуаций (*case method*), он, во-первых, показал сложность этих явлений, во-вторых, открыл ряд факторов, ответственных за возникновение отношений либо благожелательных, либо антагонистических, в-третьих, раскрыл механизм развития этих отношений и, в-четвертых, показал возможность преобразования одного вида отношений в другой посредством соответствующей модификации стимулов. Таким образом, был сделан шаг к лучшему пониманию данных явлений.

8. Исследования флуктуаций, ритмов и циклов социальных процессов

За последние несколько десятилетий мало в каких областях социологии проводились столь же глубокие исследования, как и в сфере разных аспектов социальной динамики. Одним из аспектов таких исследований стал характер флуктуаций и ритмов разных социальных процессов. Рассмотрим вкратце, как на сегодняшний день обстоят дела с этой проблемой.

Для социальной мысли второй половины XIX в. была характерна *линейная концепция* социальных и исторических изменений. Большинство социологов, экономистов и философов истории старались, как правило, сформулировать «законы исторической эволюции» и открыть «тенденции и закономерности исторического развития». Начиная с «закона трех стадий» Огюста Конта^{12*}, который представляет собой яркий пример линейной концепции, десятки подобных «законов» и «тенденций» были предложены многими социологами, историками, экономистами и социальными философами. В их теориях социальный процесс изображался как нечто дрейфующее к определенной цели. Процесс истории они изображали как своего рода обучение в университете: все народы начинают с одного и того же исторического момента – первого года обучения (например, с «теологической стадии» Конта), потом все переходят на

³¹ См. ряд статей Э. Богардуса о «социальной дистанции» в «The Journal of Applied Sociology» (1925, 1926, 1927). См. также его статью «Social Distance in the City» (Proceedings of the American Sociological Society, vol. XX). Единственное, с чем я не могу согласиться, это термин «социальная дистанция», употребляемый в этих исследованиях. По-моему, термин «социология дружественности и антагонизма» больше подходит к объекту исследований Богардуса. См. также: *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910.

второй курс («метафизическая стадия» Конта) и, наконец, пройдя остальные курсы обучения, все общества становятся выпускниками, т. е. оказываются на «стадии позитивизма» или «социализма», «анархии», «демократии», «вырождения» или чего-то еще. Таким образом линейная концепция принимает характер эсхатологической^{13*} интерпретации социального и исторического процесса.

В мою задачу здесь не входит давать характеристику всех разновидностей этой линейной концепции или критиковать их. После критических замечаний Ф. Боаса, У.Х. Риверса, А. Гольденвейзера, К. Уисслера, Р.Г. Лоуи и других ученых нет необходимости доказывать, что почти все подобные «законы» оказались «псевдозаконами», а «последовательные стадии» – просто досужим вымыслом³². Господство этой концепции со второй половины XIX в. привело социологов к игнорированию другой – циклической – концепции социальных изменений и исторического процесса. Будучи занятыми открытием «исторических тенденций», они, естественно, не могли уделить много внимания циклам, ритмам и повторам в социальных изменениях. Если я не ошибаюсь, то в настоящий момент мы находимся на поворотном пункте социальной мысли в этой области. Изменения в социальной жизни за последние несколько десятилетий, провал эсхатологической концепции истории и попыток обнаружить «исторические тенденции», более глубокое знание многих социальных явлений, открытия многих блестящих цивилизаций прошлого – все эти и многие другие факторы способствовали тому, что социальная мысль, по-видимому, начинает снова обращать несколько большее внимание на повторения, ритмы и циклы в социальных и исторических процессах. Большой успех учения Бергсона о бесцельной творческой эволюции в современной философии, замена понятия «социальной эволюции» термином «социальное изменение» в социологии, все более пристальное изучение деловых циклов, флуктуаций, колебаний в экономике и социальных науках, колоссальный успех «Заката Европы» (*Der Untergang des Abendlandes*) О. Шпенглера^{14*} с его циклической концепцией истории – все эти явления – лишь некоторые из множества других симптомов, указывающих на отмеченный нами поворот современной социальной мысли.

В этих условиях самое время дать краткое описание основных циклических концепций исторического процесса, представленных в современной социологии. Обе концепции, и линейная, и циклическая, ни в коем случае не являются новыми открытиями. Они были сформулированы давно и проходят через всю историю человеческой мысли³³. Ради экономии места я не буду

³² Обстоятельный обзор этой проблемы и литературу см. в: *Goldenweiser A. Cultural Anthropology // The History and Prospects of the Social Science. New York, 1925, p. 221–232.*

³³ См.: *Sorokin. A Survey of the Cyclical Conceptions of Social and Historical Process // Social Forces. September, 1927*; см. также превосходный анализ понятия «цикла» У. Митчелла в сборнике статей «*Business Annals*» (New York, 1926); см. также: *Report of Conference on Cycles // The Geographical Review. Special Supplement. 1923, October.*

характеризовать отдельно многочисленные попытки, предпринятые в XIX и XX вв., доказывать существование циклов в различных областях социальной жизни, а представлю только их краткое резюме в виде таблицы, в которой указаны, во-первых, характер цикла, во-вторых, социальная сфера, в которой он наблюдается, и, в-третьих, авторы, которые его открыли или на него ссылались. Действуя таким образом, я перечислю все циклы, независимо от того, представляют ли их авторы как циклы, которые в совокупности ведут к определенной цели (линейная теория циклов), или как циклы, у которых нет никаких устойчивых и постоянных тенденций (нелинейная теория циклов). Представляя современные теории социальных циклов, я, разумеется, не несу ни малейшей ответственности за их научную точность и достоверность. Так как циклы бывают *периодическими*, т. е. повторяющимися регулярно через определенный промежуток времени, и *непериодическими*, т. е. неопределенными и разными по своей длительности, удобнее будет разделить все попытки установить существование циклов на эти две группы и представить их по отдельности. Начнем с периодических циклов.

Периодические циклы

Временной промежуток цикла	Характер социального процесса, чье изменение предположительно циклично		Авторы и работы
1	2	3	4
24 часа	<i>Смерти и самоубийства:</i>	Каждые 24 часа, максимальное количество смертей и самоубийств случается в 6–7 утра, 19–20 вечера; минимальное – около 12–14 дня.	Герри, Дюркгейм, Миллард ³⁴
7 дней	<i>Работа и отдых:</i>	Шесть будничных дней и воскресенье.	
1 год (сезонные флуктуации)	<i>Рождения:</i>	Во многих европейских странах максимум рождений приходится на месяцы с января по апрель, минимум – на ноябрь и декабрь, а также июнь, июль, август.	Многие авторы, среди которых Виллерме, Кетле, Эттинген, Г. фон Майр, Левассер и др. ³⁵

³⁴ Durkheim E. Le suicide. Paris, 1912; Colonel Millard. Essai de physique social et de construction historique // Revue International de sociologie. 1917, February.

³⁵ См.: Villermé. De la distribution par mois des conceptions, etc. // Annales d'hygiène. 1831, vol. V; Quetelet A. Physique social. 1869, vol. I, p. 104 ff.; Oettingen. Moralstatistik. 1882; von Mayr G. Statistik und Gesellschaftslehre. 1897, Bd. II, S. 169 ff.; Levasseur. La population française. 1891, vol. II, 1891, p. 20 ff.

1	2	3	4
	<i>Смерти:</i>	Во многих европейских странах максимум приходится на месяцы с января по апрель, минимум – на лето и осень. В странах с теплым климатом количество смертей увеличивается в жаркие летние месяцы.	Многие авторы ³⁶
	<i>Самоубийства:</i>	Максимум – в мае, июне, июле; минимум – в ноябре-феврале (для европейских стран).	А. Вагнер, Морселли, Бодио, Масарик, Крозе и мн. др. ³⁷
	<i>Преступления:</i>	В Европе преступления против личности максимальны летом, минимальны зимой, преступления против собственности максимальны зимой, минимальны летом. В тропических странах циклы прямо противоположны.	Герри, Кетле, Эттинген, Ферри, Э. Левассер, Ломброзо, Курелла, Декстер и мн. др. ³⁸
	<p>Кроме того, сезонные колебания были замечены различными исследователями в явлениях иждивенчества, трудовых требований и безработицы, в движении разных болезней, в бизнесе и текучести рабочей силы. Очевидно, что такие явления, как сезонные колебания основных форм экономической деятельности населения, особенно в сельскохозяйственных странах; флуктуации в сезонной покупке и продаже различных объектов, необходимых в одно время года и ненужных в другое; повторение из года в год периодов учебы и каникул; определенных праздников (Рождество, День благодарения и т. д.) и много подобных явлений показывают довольно регулярные периодические циклы в течение одного года.</p>		
3,5 и 4 года	<i>Бизнес-циклы:</i>	Флуктуация периодов роста и депрессии. Во Франции каждый четвертый год, начиная с 1815 по 1878, отмечен необычайно низким уровнем рождаемости. С 1875 по 1905 г. циклы продолжают существовать в несколько измененных формах.	Жюгляр, Дж. Китчин, Лескор ³⁹ Полк. Миллард ⁴⁰

³⁶ См. цитированные работы Кетле, Эттингена, фон Майра, Левассера и других статистиков.

³⁷ *Wagner A.* Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen Handlungen, etc. Hamburg, 1864, Teil I, S. 128 ff.; *Morselli.* Der Selbstmord. Leipzig, 1881, S. 72 ff.; *Masaryk T.G.* Der Selbstmord. 1887, S. 7 ff.; *von Mayr G.* Statistik und Gesellschaftslehre. 1917, vol. III, S. 281–291; цитированные работы Дюркгейма, Эттингена, Левассера, Кетле.

³⁸ См. цитированные статистические работы: *Dexter E.* Weather Influences. New York, 1904; *Ferri E.* Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit vom jährlichen Temperaturwechsel. 1882.

³⁹ *Kitchin J.* Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economics and Statistics. 1923, January; *Lescure J.* Les crises générales et périodiques des surproductions. Paris, 1907.

⁴⁰ *Millard.* Op. cit., p. 71–72.

Другие психосоциологические исследования связи между различными ...

1	2	3	4
	<i>Рождения:</i>	<i>В жизни великих людей</i> (Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона I, Бисмарка, Кромвеля и некоторых других) каждый четвертый год был заметным поворотным пунктом в их карьере. То же самое наблюдается и в истории великих революций и социальных потрясений.	Миллард ⁴¹
5 лет	<i>Количество рождений выдающихся писателей во Франции:</i>	С 1475 г. 42 раза (из 70) каждые пять лет высокой рождаемости писателей перемежались пятилетним периодом относительно низкой их рождаемости. Относительно выдающихся писателей подобные циклы имели место 51 раз в течение 69 пятилетних периодов.	А. Один ⁴²
7, 8 и 11 лет	<i>Бизнес-циклы</i>		Туган-Барановский, Зомбарт, У.М. Персонс, А. Афталон, Г.Л. Мур, У. Митчелл и др. ⁴³
	<i>Явления, связанные с деловыми циклами: безработица, разводы, пособия по безработице, браки, рождения, смерти, самоубийства, преступления, рост религиозных настроений.</i>		Туган-Барановский, Огборн, Томас, Хекстер и др. ⁴⁴
15–16 лет	<i>Политическая жизнь:</i>	Каждые шестнадцать лет происходят значительные изменения в политических взглядах и правительстве.	Жюстен Дромель ⁴⁵
30–33 года	<i>Рождения:</i>	Тридцатилетние циклы в динамике рождаемости во Франции.	Миллард ⁴⁶
	<i>Эпидемии:</i>	Холера.	

⁴¹ Millard. Op. cit., p. 71–72.

⁴² Odin A. Genèse des grands hommes. Paris, 1895, vol. I, p. 424–426.

⁴³ Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии; Aftalion A. Les crises periodiques de surproduction. Paris, 1913; Moore H.L. Economic Cycles. 1913; Moore H.L. Generating Economic Cycles. 1923; Mitchell W. Business Cycles; Robertson. A Study of Industrial Fluctuation.

⁴⁴ Ogburn W.F. The Influence of Business Cycle on Certain Social Conditions // Journal of American Statistical Association. 1922; Hexter M.B. Social Consequences of Business Cycles. 1925; Thomas D.S. Social Aspects of the Business Cycle. 1925. Далее см.: Bonger W.A. Criminality and Economic Conditions. 1916; van Kan J. Les causes économiques de la criminalité. Paris, 1903; Туган-Барановский М.И. Цит. соч.

⁴⁵ Dromel J. La loi des révolutions.

⁴⁶ Millard. Op. cit.

1	2	3	4
	<i>Смерти:</i>	Динамика смертности в Финляндии, Швеции, Норвегии.	Мур ⁴⁷
	<i>Бизнес-циклы:</i>		
	<i>Господствующие литературные движения и школы:</i>	В течение тридцати или тридцати трех лет они меняются, вытесняя друг друга.	Миллард ⁴⁸
	<i>Доминирующие политические партии и правительственная политика:</i>	Огромное количество различных социальных явлений имеет цикл в 30–33 года. Этот отрезок времени – естественная единица исторического периода.	Дж. Феррари, О. Лоренц, К. Иоэль ⁴⁹
48–60 лет	<i>Бизнес-циклы:</i>	Многие социальные явления связаны с этими длинными деловыми циклами; стремительный натиск первого периода бизнес-цикла сопровождается социальными бунтами, войнами, революциями и другими социальными и политическими изменениями.	Н. Кондратьев, А. Шпитгоф, Мур ⁵⁰
100 лет		Значительное количество исторических процессов проходят столетний цикл как «естественный» исторический период. Крупные социальные потрясения, такие как Французская революция, Наполеоновские войны, Мировая война и сегодняшние революции, Возрождение и Реформация, случаются примерно раз в сто лет.	О. Лоренц, К. Иоэль, А. Бартельс, Ф. Куммер ⁵¹
200 лет		Флуктуация уровней рождаемости и смертности ⁵²	

⁴⁷ Moore. Economic Cycles.

⁴⁸ Millard. Op. cit.

⁴⁹ Lorenz O. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. Berlin, 1886, S. 299 ff.; Lorenz O. Leopold von Ranke. 1891, S. 143–276; Joël K. Der seculare Rhythmus der Geschichte // Jahrbuch für Soziologie. Bd. I, S. 137–165; Ferrari G. Teoria die periodici politici. Milano, 1874.

⁵⁰ Кондратьев Н. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925, т. 1, вып. 1, с. 28–79; Spiethoff A. Krisen // Handwörterbuch der Staatwiss. 4th ed.; Moore. Generating Economic Cycles.

⁵¹ См. выше, прим. 49.

⁵² Brownlee D.J. The History of the Birth and Death Rates in England and Wales // Public Health. 1916, June-July. См. критику со стороны Бевриджа в: Beveridge W. The Fall of Fertility among European Races // Economics. 1925.

1	2	3	4
300 лет	<i>Крупные изменения:</i>	Начало и конец многих династий и социальных, религиозных и политических институтов; зарождение, развитие и упадок литературных и идеологических систем.	О. Лоренц, К. Иоэль, В. Шерер ⁵³
500 лет	<i>Примерный период роста и упадка некоторых культур и государств</i> (Персия, Греция) или период, определяющий целую эру в истории государств, которые случаются дважды, трижды или четырежды в 500 лет (Рим, Франция, Англия).		Миллард ⁵⁴
600, 1 200 и 1 800 лет	Некоторые фундаментальные исторические процессы длятся непрерывно в течение 600 или 1 200 или 1 600 лет. Окончание каждого из этих периодов отмечено эпохальными событиями.		О. Лоренц, К. Иоэль, В. Шерер ⁵⁵
1 330 лет	<i>Период значительной революции в смене цивилизации</i>		У. Петри ⁵⁶

Я не буду продолжать этот список попыток установить существование периодического цикла в социальных и исторических процессах. Вышесказанное дает приблизительное представление о разнообразии периодичности согласно исследованиям разных авторов. Теперь перейдем к непериодическим циклам.

Непериодические циклы

Многие авторы указывали на то, что наряду с периодическими циклами существуют циклы или колебания, которые повторяются без какой-либо определенной периодичности, но тем не менее циклически. Вот примеры таких теорий:

Цикл изобретения: внедрение, использование и упадок (Михайловский, Тард, Э. Богардус, Ф.С. Чапин, У.Ф. Огборн и многие другие)⁵⁷.

Цикл социального процесса: 1 – подражание; 2 – оппозиция как столкновение двух разных волн подражания; 3 – адаптация-внедрение (Тард и многие другие)⁵⁸.

Циклы роста и падения экономического процветания: экономическая, политическая и профессиональная стратификации; вертикальная мобильность или циркуляция (В. Парето, У. Митчелл, П. Сорокин)⁵⁹.

⁵³ Scherer W. Geschichte der Deutschen Literature (Introduction и ch. I, II).

⁵⁴ Millard. Op. cit.

⁵⁵ Lorenz O. Op. cit.; Joël K. Op. cit.; Scherer W. Op. cit.

⁵⁶ Petrie W.M.F. The Revolutions of Civilizations. 1911, p. 84 ff.

⁵⁷ Михайловский H. Герои и толпа; Tarde G. The Laws of Imitation; Bogardus E. Fundamentals of Social Psychology, p. 401–402; Chapin F.S. A Theory of Synchronous Culture Cycles // Journal of Social Forces. 1925, p. 599; Ogburn W. Social Change.

⁵⁸ Tarde. Social Laws, passim.

⁵⁹ Sorokin. Social Mobility; Mitchell W. Business Annals. New York, 1926.

Цикл социального института: появление, рост, распад (Ф.С. Чапин, У. Огборн)⁶⁰.

Циклы в сфере идеологии, веры, религии, политических убеждений, моды и т. д.: возникновение, догматизация и упадок (В. Парето, Гинебер)⁶¹.

Ритм духовных и материалистических цивилизаций: их чередование (Л. Вебер)⁶².

Ритм роста населения: период быстрого увеличения населения перемежается с периодом медленного увеличения и vice versa (Ферхюльст, Шмоллер, Р. Пирл, Дж.У. Юл)⁶³.

Ритм в распределении национального дохода: чередование периодов концентрации благосостояния и его более равномерного распределения (Г. Шмоллер, В. Парето, П. Сорокин)⁶⁴.

Ритм периодов процветания и обнищания в жизни нации (Д'Авенель, Парето, Сорокин и многие другие)⁶⁵.

Цикл в жизни нации или культуры: появление, рост, упадок (К. Леонтьев, Данилевский, В. де Лапуж, К. Джини, О. Аммон, О. Шпенглер)⁶⁶.

Ритм усиления и ослабления государственного вмешательства (Г. Хансен, Г. Спенсер, П. Сорокин и многие другие)⁶⁷.

Циклы в исторической самореализации мирового духа или логоса: тезис, антитеза и синтез (Гегель).

Вечный ритм преобразования вещества в энергию и энергии в вещество (Г. Лебон)⁶⁸.

Ритм «критических» и динамических периодов в истории и ритм периодов «органических» или статичных (Сен-Симон, Парето, Э.О. Росс, П. Лавров)⁶⁹.

⁶⁰ *Chapin F.S.* Op. cit.; *Ogburn W.* Social Change.

⁶¹ *Pareto V.* Trattato di Sociologia Generale. 1916, vols. I, II; *Guignebert.* L'évolution des dogmes. 1910.

⁶² *Weber L.* Le rythme du progrès. Paris, 1913.

⁶³ *Pearl R.* Op. cit.; *Verhulst.* Op. cit.; *Yule.* Op. cit.

⁶⁴ *Schmoller.* Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1895, vol. IX.

⁶⁵ *D'Avenel G.* Le paysan et l'ouvrier; *D'Avenel G.* La fortune privée.

⁶⁶ *Данилевский Н.* Россия и Европа; *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes; *de Lapouge V.* Les selections sociales; *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. 1895.

⁶⁷ *Hansen G.* Die drei Bevölkerungstufen. 1889; *Spencer H.* Principles of Sociology, vol. II, ch. XVII; *Сорокин П.* Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. 1922, № 2; *Сорокин П.* Голод и идеология общества // Экономист. 1922, № 4–5.

⁶⁸ *Le Bon G.* L'évolution de la matière.

⁶⁹ *Saint-Simon.* Letters of an Inhabitant of Geneva to his Contemporaries; *Pareto.* Op. cit.; *Ross E.A.* Principles of Sociology; *Лавров П.Л.* Задачи понимания истории. СПб., 1903.

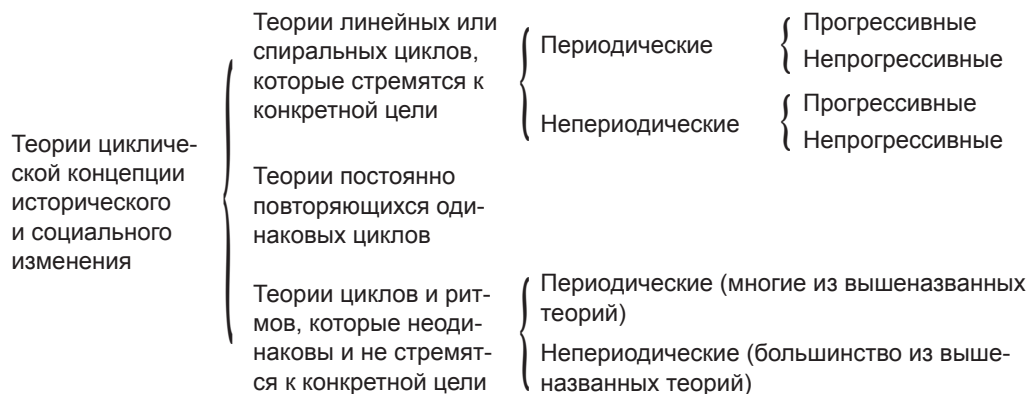
Цикл в ходе революции: периоды «освобождения» и «обуздания» (П. Сорокин)⁷⁰.

Цикл возвышения и вырождения аристократии (П. Якоби и другие)⁷¹.

Всемирная история – вечное повторение одних и тех же циклов (Ф. Ницше)⁷².

Вышесказанного достаточно, чтобы дать общее представление о большом разнообразии различных ритмов и циклов, которые выявляли разные авторы⁷³.

Все разнообразие вышеупомянутых циклических теорий исторических и социальных изменений можно обобщить, изобразив его в виде следующей схемы:



Я не намерен обсуждать здесь все вышеупомянутые теории и множество сложных проблем, связанных с концепцией исторического процесса вообще и с линейными и циклическими концепциями развития в частности. Я занимался этими проблемами в других местах⁷⁴. Здесь же я хочу, не приводя доказательств, высказать несколько предположений, которые, на мой взгляд, могут претендовать на научную достоверность. Предположения эти таковы:

⁷⁰ Sorokin P. The Sociology of Revolution.

⁷¹ Jacoby P. Études sur la sélection chez l'homme. 1904.

⁷² Nietzsche F. Also Sprach Zarathustra.

⁷³ См. также: Vierkandt A. Die Stetigkeit in Kulturwandel. Leipzig, 1908.

⁷⁴ Сорокин П. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. СПб., 1914; Сорокин П. К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911, т. 8, вып. 3; Сорокин П. Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. См.: Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung; Windelband W. Die Praeludien. 1911, Bd. II; Xénopol A.D. La théorie de l'histoire. 1908; Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 1907; Simmel G. Hauptprobleme der Philosophie; Ланно-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910, вып. I; Eulenburg F. Sind historische Gesetze möglich? // Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. Bd. I; Croce B. Zur Theorie und Geschichte des Historiographie. Tübingen, 1915; Bernheim. Lehrbuch der Historischen Methode. Leipzig, 1914; Berr H. La synthèse en histoire. Paris, 1911; цитированные работы Э. Маха, П. Дюгема, А. Курно, А. Чупрова.

1. Наличие постоянно повторяющихся одинаковых циклов ни в эволюции всего мира, ни в истории человечества не доказано. Поэтому соответствующие теории одинаковых циклов с научной точки зрения, скорее всего, ошибочны⁷⁵.

2. Существование определенной, устойчивой и вечной тенденции в исторических и социальных изменениях также не доказано. Все попытки установить такую историческую тенденцию потерпели неудачу. Среди сотен подобных тенденций, сформулированных различными авторами, я не знаю ни одной, о которой после тщательного научного изучения можно было бы сказать, что она научно достоверна. Безусловно, могут быть некоторые «долговременные тенденции», но многие из них представляли собой лишь часть еще более длительного цикла, и нет никакой гарантии, что все подобные тенденции не являются тем же самым. Даже такая очевидно бесспорная тенденция, как увеличение народонаселения на этой планете, может оказаться длительным циклом – по крайней мере, естественные науки, которые предсказывают будущее охлаждение солнца, этого не исключают. По мере остывания солнца всего живого на Земле должно становиться меньше, следовательно, должно будет уменьшиться и народонаселение. Г. Тард в своей «Утопии» очень ярко изобразил этот процесс^{15*}. В. де Лапуж описал его в научных терминах⁷⁶. По этой причине все «линейные» и «эсхатологические» теории эволюции и исторического процесса, по всей видимости, представляют собой чисто спекулятивные, а не научные концепции. Что касается теорий прогресса и регресса, то они, будучи «суждениями оценочным», в силу самого этого факта неизбежно носят характер субъективный и по своей логической природе не могут быть суждениями научными. «Наука всегда высказывает свои истины в изыскательном наклонении и никогда не высказывает их в наклонении повелительном, как это свойственно моральным сентенциям и оценочным суждениям», – абсолютно верно утверждает А. Пуанкаре^{16*}. Поэтому теории прогресса с их оценкой того, что хорошо и что плохо, что является прогрессивным и что нет, могут выражать лишь субъективные пристрастия своих авторов и ничего больше⁷⁷. Если социология хочет быть наукой, она должна избавиться от подобных оценочных суждений⁷⁸.

⁷⁵ См. цитированные работы Виндельбанда, Риккерта, Ксенополя, Зиммеля, Ойленбурга и др.

⁷⁶ См.: *De Lapouge V. Les sélections sociales*, ch. XV.

⁷⁷ См. указанные работы автора. См. также: *Сорокин П. Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть* // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1913, вып. 4; *Pareto V. Trattato di sociologia generale*, vol. I–II; *Poincaré. Science and Ethics* // *Poincaré H. Dernières Pensées*; *Гуссерль Э. Логические исследования*. СПб., 1909, с. 33–34; *Зигварт Х. Логика*. СПб., 1908, т. I, с. 425.

⁷⁸ С этой точки зрения беспощадная критика, которую Парето обрушивает на все оценочные теории в социологии, абсолютно справедлива. Однако в чисто условном смысле, если открыто признается конвенциональный характер того или иного идеала прогресса, можно обсуждать и научно измерять, приближается или отдаляется общество от такого идеала с

3. Наличие периодичности в циклах разных социальных процессов остается еще сомнительным и нуждается в дальнейшей проверке⁷⁹.

4. Из вышесказанного следует, что можно говорить лишь о «временной и относительной» «тенденции», которая, будучи тенденцией в течение сравнительно короткого периода времени, может смениться тенденцией противоположной и таким образом оказаться частью долговременного цикла.

5. Кроме того, из вышесказанного следует, что вряд ли можно допустить существование одинаковых циклов в истории и социальных изменениях. Каждый социальный цикл или ритм, скорее всего, только подобен или приблизительно равен другому в той же самой области социальных изменений. Это означает, что можно говорить лишь об относительных и приблизительно подобных социальных и исторических циклах.

6. С точки зрения социологического релятивизма одной из самых важных задач социологии в настоящий момент является изучение циклических или ритмичных повторений. Его следует продвигать во что бы то ни стало, поскольку, во-первых, только там, где есть циклические или ритмичные повторения социальных явлений, можно уловить его причинные или функциональные взаимосвязи и сформулировать «социологические законы». Без таких повторений невозможно сделать никакого надежного обобщения. А без подобных обобщений исчезает *raison d'être*^{17*} социологии как генерализирующей науки^{18*}. Во-вторых, область повторных, циклических или ритмичных явлений более удобна для изучения корреляционной зависимости и взаимозависимости разных социальных процессов. Наиболее ценные научные выводы были получены именно в этой области. В-третьих, область повторяющихся социальных явлений, несомненно, одна из наиболее удобных для количественного изучения, которое является конечной целью любой генерализирующей науки. Если таким образом мы можем получить лишь более или менее истинное обобщение, то это не должно нас смущать: мы до сих пор так мало знаем о «таинственном» мире социальных событий, что любое даже приблизительное, но подлинное знание имеет большую ценность. Если среди этих попыток установить наличие циклов в социальной жизни попадают и совершенно вздорные теории, то это не отрицает множество других, которые делают сравнительно приемлемые научные обобщения. Изучая все больше разные повторяющиеся социальные явления, мы все больше приближаемся к решению важной социологической проблемы: что в постоянно изменяющемся

течением времени. Примерами таких исследований могут служить: *Niceforo A.* Les indices numériques de la civilisation et du progrès. Paris, 1921; *Willcox W.* A Statistical Idea of Progress // *Internstional Journal of Ethics.* 1913; *Tönnies F.* Richtlinien für das Studium des Fortschritts und des Soziale Entwicklung // *Jahrbuch für Soziologie.* 1925, Bd. I, S. 166–221. Теории прогресса см. в: *Todd A.J.* Theories of social progress. New York, 1918. обстоятельная библиография представлена в книге: *Park R., Burgess E.* Introduction, ch. XIV.

⁷⁹ См.: *Sorokin P.* Social Mobility, ch. III–VI.

процессе истории относительно постоянно, а что – временно, что носит универсальный характер, а что – чисто локальный, какие отношения между двумя или более явлениями эпизодичны, а какие действительно каузальны. Таким образом, социология все больше будет превращаться в настоящую «Scienza Nuova»^{19*}, о которой мечтал великий Вико и которую он пытался создать.

Таковы вкратце причины, которые побуждают нас обращать больше внимания на циклические, ритмичные и повторяющиеся явления в социальной жизни и истории, чем обращали на них в прошлом столетии⁸⁰.

9. Исследования скорости изменения разных частей культуры и степени их зависимости друг от друга

Следующая группа работ в области социальной динамики представлена исследованиями, которые пытаются найти, насколько тесна связь между разными компонентами «культуры» в процессе ее изменения. Всегда ли и сразу ли изменение одного из этих компонентов ведет к изменению других? Если да, то изменяются эти другие компоненты лишь в одном направлении или у них есть некоторые альтернативные возможности? Какой из этих компонентов обычно берет на себя роль ведущего, т. е. «зачинщика» социального изменения, а какие оказываются ведомыми и следуют за «зачинщиком»? Какова скорость изменения в разных областях социальных процессов? Таковы основные проблемы этой группы исследований.

Ответить на эти вопросы пытаются У.Ф. Огборн (1886–[1959]) в своей книге «Social Change» и Ф.С. Чапин, автор сочинения «Theory of Synchronous Culture Cycles». В сущности, выводы их работ аналогичны и заключаются в следующем. То, что называется «культурой», находится в постоянном процессе изменения. Однако разные части культуры изменяются не одновременно. Некоторые ее части, особенно материальная культура, могут изменяться, тогда как другие, особенно нематериальная культура, формы социальной организации, религия, искусство и нравы, могут оставаться, по крайней мере, какое-то время неизменными. Это означает, что связь между разными компонентами культуры не настолько тесная, чтобы во всех ее частях изменения происходили одновременно. Вот почему между разными частями материальной и нематериальной культуры наблюдается дисгармония и почему одни ее части отстают от других. Например, благодаря промышленной революции материальная культура современного западного общества в течение последних ста лет изменилась чрезвычайно сильно. Между тем как наш институт семьи и другие социальные и политические формы

⁸⁰ Автор надеется опубликовать в ближайшем будущем специальную монографию, посвященную обсуждаемой в данном параграфе проблеме^{20*}.

организации все еще остаются в том виде, который вполне соответствовал материальной культуре периода, предшествовавшего промышленной революции, но плохо подходит к сегодняшней материальной культуре. Эта нематериальная часть культуры отстала. Отсюда результат – дисгармония между данными частями и социальная несогласованность. Более того, оба автора показывают, что изменение культуры со временем становится все более и более быстрым. Тем самым они подтверждают «закон ускорения», сформулированный Новиковым⁸¹. Оба автора задаются вопросом: какая часть культуры – материальная или нематериальная – обычно лидирует в процессе изменения культуры, а какая отстает? И отвечают на него следующим образом: хотя и бывают случаи, когда нематериальная часть культуры изменяется чуть раньше по времени, но, как правило, предшествуют изменения в материальной культуре и влекут за собой изменения в другой ее части. Кроме того, изменения в материальной культуре оказывают более сильное влияние на культуру нематериальную, чем последняя на первую. Таким образом, они приходят к выводу, в какой-то степени аналогичному экономической интерпретации истории. Главными аргументами в пользу такого ответа служит то, что, во-первых, изменения в материальной культуре происходят быстрее, чем в нематериальной, что они идут первыми, что материальная культура заметно кумулятивнее, что новое изобретение в материальной культуре распространяется и получает признание гораздо быстрее, чем открытие в области нематериальной, и что, наконец, изменения в материальной культуре влияют на нематериальную часть эффективнее, чем изменения в последней влияют на культуру материальную. Такова сущность этой подробно разработанной теории⁸².

Как видим, эта теория – умеренная форма экономической интерпретации истории. Какая ее часть соответствует истине, а какая сомнительна? Правильно, пожалуй, то, что разные части культуры изменяются не одновременно. Другими словами, связь между разными частями не такая уж тесная. Мы видели это во всех предыдущих частях этой книги. По этой причине расхождение между разными компонентами культурного комплекса и их несогласованность, судя по всему, действительно существуют. Эта часть теории достоверна, но ее другая часть, которая утверждает, что «материальная культура – источник современного социального изменения» или его «зачинщик», страдает многими из упоминавшихся уже недостатков экономической интерпретации. В первую очередь сомнительно, что изменениям в материальной культуре требуется более короткий промежуток времени, чем в нематериальной. Методы производства в сельском хозяйстве существовали в средневековой Европе столетиями без малейшего из-

⁸¹ *Novicow J.* Les luttes entre sociétés humaines. Paris, 1896, глава о «Законе ускорения» [Loi de l'accélération].

⁸² *Ogburn.* Op. cit., part IV, особенно p. 268–280; *Chapin.* Op. cit., passim, p. 596–601. См. также: *Wissler C.* Aboriginal Maize Culture as a Typical Culture Complex // *American Journal of Sociology.* 1916, March, p. 661.

менения. Однако религиозные верования, нравы, политическая и социальная организация, формы брака, обычаи, поэзия, школы живописи, стили архитектуры и другие формы нематериальной культуры изменялись много раз. Изменения в политических симпатиях населения вызваны были скорее нематериальной культурой. По моим подсчетам, в Англии они менялись в среднем каждые два с половиной года, во Франции – каждые девять месяцев (см. «Social Mobility», ch. XVI). Согласно исследованию Э. Богардуса средняя продолжительность разного рода увлечений редко превышает один год. Скорость изменения разных «мод» и «вкусов» в литературе, искусстве, музыке, танцах и идеологиях нынешнего общества хорошо известна. Что было бы, если бы столь быстрые изменения в этих и других областях нематериальной культуры сопровождались такими же изменениями в культуре материальной и главное – в промышленности? Правда, за последнее столетие промышленность изменялась стремительно, но вряд ли эти изменения происходили быстрее, чем многие изменения в культуре нематериальной. Известно также, что в некоторые периоды в прошлом, отмеченные стагнацией в материальной культуре, в народной среде происходила очень быстрая смена религиозных умонастроений. Таковы, например, были первые столетия появления и распространения буддизма, ислама, христианства и протестантизма. Кроме того, возможно, есть некоторая доля истины в теории Л. Вебера о том, что бывают периоды, отмеченные интенсивными инновациями в материальной технике, и периоды, отмеченные инновациями в нематериальной культуре общества⁸³. По этой причине предположение вышеназванных авторов все-таки вызывает сомнения. Вышеперечисленная периодичность разных социальных процессов также показывает, что самые короткие периоды не относятся к изменениям только в материальной культуре, они свойственны и другим ее областям. Эти краткие заметки, довольно серьезные, по сути дела, должны убедить в том, что вопрос это довольно сложный, и прежде чем дать на него какой-нибудь определенный ответ, необходимо провести более тщательное исследование.

Вызывает у меня сомнение и утверждение о том, что изменение в материальной культуре обычно предшествует изменению в ее нематериальной части. Повод для этого сомнения указывает сам У. Огборн.

«Что касается вопроса о том, с чем в настоящее время больше связана инициатива широких культурных изменений – с материальной или же с нематериальной культурой, то здесь надо напомнить, что большая часть изменений в материальной культуре происходит по причине изобретений» (Op. cit., p. 269).

Я подписываюсь под этим утверждением обеими руками. Оно означает, что изменения в материальной культуре в значительной степени зависят от изобретений. Изобретения – это воплощения человеческой мысли и знания, зависящие от общего состояния науки. Знание, мысль и наука, насколько я понимаю, относятся

⁸³ См.: Weber L. Le rythme du progrès. Paris, 1913.

ся к культуре нематериальной. Ergo: этот вывод больше согласуется с противоположной теорией Де-Роберти, чем с теорией нашего автора. Я внимательно читал труды проф. Огборна и Чапина, в которых они анализируют проблему, и пытался найти метод, посредством которого они могли бы согласовать свое утверждение с ролью знания и науки, но не сумел найти в них никакого систематического ответа на этот вопрос. Если наука – часть нематериальной культуры и если, как правило, научное исследование и мысль предшествуют материализации этой мысли почти во всех изобретениях, то трудно согласиться с утверждением, что изменения в материальной культуре предшествуют нематериальным. Если добавить к этому, что чаще всего научная мысль общества имела в своем распоряжении ряд уже разработанных планов относительно реконструкции материальной и нематериальной культуры (примитивный «паровой двигатель» был изобретен больше тысячи лет назад) и что вследствие сопротивления материальной и нематериальной культуры реализация планов, которые уже родились в лоне мысли, откладывалась на десятки и даже сотни лет⁸⁴, то сомнительный характер этого утверждения станет очевидным.

По аналогичным причинам я сомневаюсь и в том, что изобретения в сфере материальной культуры распространяются быстрее, чем изобретения в сфере культуры нематериальной. Я думаю, вопрос слишком мало изучен, чтобы можно было дать на него определенный ответ. Интересно, что в течение последних лет распространялось быстрее – радио, автомобиль или идеи коммунизма?⁸⁵ Интересно также, что за этот же период получило более широкое распространение – джаз и чарльстон или ванна? Я уверен, что в России за тот же период поведенческий образец, обусловленный сексуальной свободой, распространялся быстрее и успешнее, чем трактора и газовые плиты. В прошлом скорость распространения мировых религий, многих средневековых психических эпидемий, идей крестовых походов и сотен подобных нематериальных новшеств едва ли была медленнее скорости распространения более или менее существенных изобретений в сфере материальной культуры. Короче говоря, вопрос, видимо, остается открытым и нуждается в дальнейшем изучении.

Вызывает сомнение и утверждение о том, что материальная культура более кумулятивная, чем нематериальная. Если наука, человеческий опыт и знание – культура нематериальная, то, безусловно, она носит кумулятивный характер. Каждое новое поколение начинает не со своего собственного опыта, а с опыта, накопленного за все время всеми предыдущими поколениями. Это очевидно. То

⁸⁴ Например, современная наука имеет отличный план строительства «города-сада»^{21*}, тем не менее сопротивление существующей городской и материальной культуры не позволяют его реализовать.

⁸⁵ Степень распространения достижений культуры – материальной и нематериальной – должна измеряться количеством людей, которые их восприняли и используют, а не размером географического пространства.

же самое можно сказать и о верованиях, искусстве, музыке, литературе и других формах нематериальной культуры. Ни «Илиада», ни «Махабхарата», ни философия Платона, ни буддистская религия, ни симфонии Бетховена, ни картины Рембрандта не утрачены. Они с нами, и мы ими наслаждаемся. Без таких нематериальных ценностей, созданных предыдущими поколениями, наше нематериальное благосостояние было бы очень бедным. С другой стороны, исчезновение культурных достижений случалось не только с нематериальными ценностями, но и с материальными. У.Х. Риверс и У.Дж. Перри хорошо показали это в отношении примитивных групп. История человеческой культуры знает подобные факты из истории и более развитых обществ⁸⁶.

Наконец, все предыдущие главы показали, что «нематериальные» новшества очень сильно влияют на материальные. В этом отношении особенно важна теория Л. Вебера^{22*}. Перед нашими глазами есть пример нематериальной инновации огромной важности – теория Маркса. Коммунистический план социальной реконструкции был в значительной степени ответствен за разрушение и паралич всей экономической жизни России.

Объем книги не позволяет мне углубляться в более детальную критику всех этих суждений. Однако и высказанные замечания свидетельствуют о том, что проблемы эти пока еще не решены. В заслугу рассматриваемых нами авторов следует поставить то, что они четко и строго научно наметили путь их дальнейшего исследования.

10. Исследования, посвященные миграции, распространению и мобильности индивидов и культурных объектов и ценностей

Как мы видели, термины «социальная динамика», «механика» и «социальная физиология» были изобретены давно. Их целью было исследование «движений» или процессов, происходящих в пределах социальной группы и культурного комплекса. Хотя, если судить с чисто количественной точки зрения, в этой области и были получены кое-какие результаты, но в качественном отношении сделано в ней было совсем немного. Опубликованные на эту тему трактаты больше говорили о социальной физиологии и механике, чем действительно изучали социальные процессы. Лишь совсем недавно были предприняты первые попытки реального изучения динамики социальных процессов, или социального изменения. Первую разновидность этих исследований представляют работы так называемых диффузионистов в культурной антропологии. Их вклад в социо-

⁸⁶ *Perry W.J.* The Disappearance of Culture // *The Eugenic Review*. 1924, July, p. 104–113; *Rivers W.H.R.* The Disappearance of Useful Arts // *Westermarck's Festschrift*. Helsingfors, 1912.

логию состоит не только в жесткой критике «линейной концепции эволюции» и не столько в выдвижении интересных, но сомнительных широких гипотез, сколько в том, что они подробно изучили регионы, изменения, маршруты, быстроту, препятствия и благоприятные условия перемещения и распространения тех или иных весомых достижений культуры, начиная с горшка, рисунка и каменных ошейников и заканчивая тем или иным конкретным обрядом, церемонией, мифом или верованием. Тщательно изучая эти явления, они положили начало тому, что можно назвать научным изучением социальной циркуляции и диффузии культурных черт. Реальное знание этих явлений столь же важно для социологии, как знание циркуляции крови в организме животного для физиологии. Работы Ф. Гребнера и его учеников, У.Х. Риверса, Эллиота Смита, У.Дж. Перри, Франца Боаса, Р.Г. Лоуи, А.Л. Крёбера, А. Гольденвейзера, К. Уисслера и других уже многое дали в этой области⁸⁷. Они послужили примером для последующих глубоких исследований перемещения и распространения различных культурных черт в рамках современного развитого общества. Накопление точных и количественных данных об этих явлениях позволяет нам построить индуктивную теорию социальной циркуляции, перемещения, распространения, исчезновения, модификации, комбинации и разъединения компонентов культуры, а благодаря этому и «динамику» культурных комплексов.

Вторая группа исследований в сфере социальной динамики имеет дело с такими явлениями, как территориальная миграция, перемещение, обособление и концентрация индивидов. Исследования эти начались гораздо раньше. Поскольку занимались ими главным образом статистики, они уже дали хорошие результаты, свободные от какой бы то ни было спекуляции. В качестве разновидности подобного рода исследований можно назвать работы, посвященные изучению миграции из села в город и наоборот. Однако исследование динамических процессов в области социальной мобильности культурных черт и индивидов не ограничилось вышеупомянутыми явлениями. Ряд социологов, таких как В. Парето, Г. Сенсини, О. Аммон, М. Колабинская и многие другие, начали изучать социальную циркуляцию индивидов из одной профессиональной, религиозной,

⁸⁷ См.: *Graebner F. Methode der Ethnologie*. Heidelberg, 1911; *Boas F. Evolution or Diffusion* // *American Anthropologist*. 1924, July-September; *Wissler C. The Relation of Nature to Man in Aboriginal America*. New York, 1926; *Lowie R.H. Primitive Society*; *Mackenzie D.A. The Migration of Symbols*. New York, 1926; *Goldenweiser A. Early Civilization*; другую литературу см. в: *Goldenweiser A. Diffusionism and the American School of Historical Ethnology* // *American Journal of Sociology*. 1925, July; *Barnes H.E. New History and Social Studies*, ch. IV; *Wallis W. An Introduction to Anthropology*. 1926, ch. XXXIX; «*Ethnologica*» (специальный журнал, издаваемый Ф. Гребнером). См. также: *Ogburn W. Social Change*, part III; *Vierkandt A. Stetigkeit im Kulturwandel*; *Willey M.M., Herskovits M.J. Psychology and Culture* // *Psychological Bulletin*. 1927, vol. XXIV. У школы, однако, много сомнительных предпосылок и обобщений. Некоторые из ее слабых позиций хорошо освещены в *L'année sociologique*. 1923–1924, p. 310–318, 324–330^{23*}.

экономической, политической и т. п. группы в другую и из одного социального слоя в другой. Таким образом, область «социальной физиологии» постепенно расширялась, и в настоящий момент уже предпринимаются первые попытки построить общую, но опирающуюся на факты теорию социальной мобильности. Одна из таких попыток была предпринята автором этих строк в его книге «Социальная мобильность». Сосредоточившись преимущественно на вертикальной мобильности индивидов, он попытался подытожить то, что было сделано в этой области, и установить факторы, формы, флуктуации, механизмы и влияния социальной мобильности. За подробной информацией читателю лучше всего обратиться к этой книге, здесь же уместно будет, наверное, кратко перечислить основные выводы исследования. Сущность их состоит в следующем:

Концепция социальной мобильности и ее форм. Под социальной мобильностью я понимаю любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного социального положения в другое. Существуют два основных типа социальной мобильности – *горизонтальная* и *вертикальная*. Под горизонтальной мобильностью, или перемещением по горизонтали, я подразумеваю переход индивидуального или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. Перемещения индивидов, такие, например, как переход баптистов в методистскую религиозную группу, переход из одного гражданства в другое, из одной семьи (в качестве мужа или жены) в другую в результате развода и заключения повторного брака, с одной фабрики на другую при сохранении прежнего профессионального статуса, – все эти случаи представляют собой примеры горизонтальной мобильности. Подобными же примерами являются перемещения социальных объектов – радио, автомобиля, моды, коммунизма, теории Дарвина, – происходящие в пределах одного и того же социального слоя, как, например, переезд из Айовы в Калифорнию или из одного какого-нибудь места в другое. Во всех этих случаях «перемещение» может происходить без сколько-нибудь заметной перемены социального положения индивидуального или социального объекта в вертикальном направлении. Под вертикальной социальной мобильностью я понимаю отношения, связанные с перемещением индивида (или социального объекта) из одного социального слоя в другой. В зависимости от направления перемещения могут быть два типа вертикальной социальной мобильности: *восходящая* и *нисходящая*, или *социальный подъем* и *социальный спуск*. В зависимости от характера стратификации, существуют восходящие и нисходящие потоки экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уже о других менее важных типах.

Все эти разновидности представлены на схеме (с. 659).



Иммобильный и мобильный типы стратифицированных обществ. Теоретически может быть стратифицированное общество, в котором вертикальная социальная мобильность нулевая. Это означает, что внутри него нет никакого восхождения или нисхождения, нет циркуляции членов, что каждый индивид навсегда прикреплен к социальному слою, в котором он родился. Такой тип стратификации может быть определен как абсолютно закрытый, жесткий, непроницаемый или иммобильный. Противоположный теоретический тип внутренней структуры стратификации – тот, в котором вертикальная мобильность очень интенсивная и всеобщая; здесь мембраны между его слоями очень тонкие и имеют крупные отверстия для перехода с одного этажа на другой. Такой тип социальной стратификации может быть определен как открытый, пластичный, проницаемый или мобильный. Между этими двумя крайними типами может располагаться множество средних или промежуточных типов стратификации.

Некоторые результаты исследования вертикальной мобильности. Гипотезы о флуктуации скорости и объемности вертикальной мобильности в пространстве и во времени. 1. Вряд ли когда-нибудь существовало общество, слою которого были бы абсолютно закрыты или в котором вертикальная мобильность отсутствовала бы во всех ее формах – экономической, политической, профессиональной и других.

2. Никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно свободной и переход из одного социального слоя в другой не встречал бы никакого сопротивления.

3. Интенсивность и объем вертикальной мобильности варьируются от общества к обществу (флуктуация в пространстве) и в пределах одного и того же общества в течение времени.

4. У флуктуации вертикальной мобильности во времени, по всей видимости, нет никакой определенной и постоянной тенденции к росту или снижению интенсивности и объемности. Все тенденции, скорее всего, носили лишь временный характер и в течение более длительного периода сменялись тенденциями противоположными. Это предположение относится и к истории отдельной страны, и к истории крупного социального образования, и, наконец, к истории человечества.

5. XIX и XX столетия в истории западных стран были периодами самой высокой мобильности в ее профессиональной, экономической и политической формах. Однако в прошлом бывали периоды такой же, а может быть, еще большей мобильности.

Предположения по поводу каналов и механизмов, контролирующих вертикальную мобильность индивидов. 1. Роль самых распространенных каналов, через которые происходит вертикальное перемещение индивидов, играют такие социальных институты, как армия, церковь, школа, политические партии и разного рода профессиональные организации. Они играют роль «лифтов», через которые люди перемещаются «вверх» и «вниз».

2. За исключением периодов анархии, вертикальная мобильность индивидов и их размещение в различных социальных слоях контролируются сложным механизмом социального тестирования, отбора и распределения внутри общества. Этот механизм состоит из социальных институтов семьи, церкви и школы, которые тестируют общий интеллект и характер индивидов, а также разных профессиональных учреждений, которые повторно проверяют результаты семейного, церковного и школьного тестирования и особенно способности, необходимые для успешного исполнения конкретных профессиональных функций. Эта «проверочная и селективная» роль данных институтов не менее важна, чем «образовательная и учебная». Из этого следует, что население разных социальных слоев является результатом отбора.

Гипотезы относительно влияния мобильности. 1. В области расового состава общества: при условии более низкой рождаемости верхних слоев мобильное общество постоянно теряет свой лучший состав. Есть вероятность, что за длительный период времени эти потери могут привести к расовому истощению населения. Это – цена, которую мобильное общество платит за свой быстрый прогресс.

2. В области человеческого поведения и психологии: интенсивная вертикальная мобильность приводит к росту гибкости и разносторонности в поведении, к большей открытости и увеличению умственной напряженности, к интеллектуальному прогрессу и прогрессу в сфере открытий и изобретений. С другой стороны, она способствует росту психических заболеваний, увеличению поверхностности и уменьшению чувствительности нервной системы,

усилению скептицизма, цинизма и идиосинкразии; кроме того, она снижает интимность во взаимоотношениях индивидов, увеличивает их социальную изоляцию и одиночество, способствует росту самоубийств, поощряет суетливость и погоню за чувственными удовольствиями; наконец, способствует падению нравственности.

3. В области социальных процессов и организации: мобильность при некоторых условиях способствует более адекватному социальному распределению индивидов по разным социальным слоям, экономическому процветанию и социальному прогрессу. Влияния мобильности на социальную стабильность очень сложны, отчасти они носят положительный, а отчасти – отрицательный характер, но в целом – скорее отрицательный. Ее влияние на долговечность и непрерывность культурного комплекса также отрицательно. Мобильность способствует атомизации и рассеиванию солидарности и антагонизмов, нарастанию индивидуализма, сопровождающегося смутным космополитизмом и коллективизмом.

Таковы самые общие выводы. Они, однако, носят лишь предварительный характер. Несмотря на желание автора делать выводы, опираясь только на фактические данные, оказалось, что зачастую таких данных просто-напросто нет. Поэтому выдвинутые гипотезы нуждаются в проверке будущими исследованиями, которые будут проводиться в этой области.

11. Исследования внезапных, катаклизмических, революционных и катастрофических изменений

Последняя группа исследований социальной динамики имеет дело с явлениями внезапных и спазматических социальных изменений. Первая разновидность данных работ имеет дело с внезапными «мутациями» культурных черт в целом⁸⁸. Основной объект их изучения – факторы динамики изобретений как основной формы таких инноваций и закономерности в этой области. Вышеупомянутые работы, имеющие дело с гениальными людьми, внесли большой вклад в освещение этой проблемы. Кроме того, исследования У. Огборна, Чарльза Кули, В. Оствальда, Э.Э. Тэннер, Р. Турнвальда, Энгельмейера, Ф. Тауссига, К.Л. Моргана, Г. Тарда, Т. Рибо, В. Парето и других ученых указали на многие важные с этой точки зрения социальные условия⁸⁹.

⁸⁸ См.: *Petrie W.M.F. The Revolutions of Civilization. London, 1912; Teggart F.J. Theory of History. 1925; Perry W.J. The Growth of Civilization; Paulhan Fr. Les transformations social des sentiments. Paris, 1920.*

⁸⁹ См.: *Ogburn W., Thomas D. Are Inventions Inevitable? // Political Science Quarterly. 1922, March; Cooley Ch. Genius, Fame, and the Comparison of Races // Annals of American*

Следующая разновидность – фактологическое изучение социальных изменений, вызываемых катастрофами, такими как наводнение, землетрясение, циклон или другие космические явления. Монография С.Г. Принса представляет собой хороший образец данного вида исследования. Подобно натуралисту или геологу, он наблюдал Галифакское бедствие (взрыв)^{24*} и проанализировал его последствия для разных сторон социальной жизни, поведения, деятельности и организации Галифакской общины⁹⁰. Продолжение подобных исследований обещает многое для теоретического знания о характере таких катастрофических изменений.

Третья разновидность исследований имеет дело главным образом с тем, что известно под названием политической или социальной революции. Среди многочисленных работ этого вида особое значение имеют труды И. Тэна, Г. Лебона, А. Бауэра, Галео, Чарльза А. Эллвуда, Р. Пёльмана, Г. Ришара, И. Кинга, Л. фон Визе, Г. Ландауэра, Л.П. Эдвардса, А. Фиркандта и автора этой книги⁹¹.

В результате этих исследований мы сегодня знаем довольно много о феномене революции и, что особенно важно, знаем некоторые регулярные

Academy Political and Social Sciences. 1897; *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. СПб., 1910; *Taussig F.* Inventors and Money-Makers; *Ostwald W.* Grosse Männer. Leipzig, 1909; *Tanner A.E.* Certain Social Aspects of Invention // *American Journal of Psychology.* 1915; *Morgan C.L.* Emergent Evolution. London, 1923; *Ribot T.* Essay on the Creative Imagination. Chicago, 1906; *Baldwin M.* Social and Ethical Interpretations. New York, 1897, part II; *Gowin E.B.* The Executive and His Control of Men. New York, 1915; *Thurnwald R.* Führerschaft und Siebung // *Zeitschrift für Völker Psychologie und Soziologie.* 1926, March.

⁹⁰ *Prince S.H.* Catastrophe and Social Change. New York, 1920.

⁹¹ Один из самых глубоких анализов феномена революции представлен в классической работе И. Тэна «*Les origines de la France contemporaine*» (перевод на английский: *The French Revolution.* New York, 1878–1885); *Le Bon G.* The Psychology of Revolution. New York, 1913; *Pöhlmann R.* Geschichte des Antiken Sozialismus und Communismus; *Bauer A.* Essai sur les révolutions. Paris, 1908; *Ellwood Ch.A.* A Psychological Theory of Revolutions // *American Journal of Sociology.* 1905–1906, vol. XI; *Ellwood Ch.A.* The Psychology of Human Society. New York, 1925, ch. VIII; *Richard G.* Les crises sociales et les conditions de la criminalité // *L'année sociologique.* 1898–1899, vol. 1; *Vierkandt A.* Zur Theorie der Revolution // [Schmoller's] *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft.* 46 Jahrgang, Heft 2, 1922; *Galeot.* La psychologie révolutionnaire. Paris, 1923; статьи Л. фон Визе и некоторые другие в «*Verhandlungen des Dritten Deutschen Sociologentage*» (Tübingen, 1923); *Landauer G.* Die Revolution. Frankfurt, 1907; *Freimark H.* Die Revolution als psychische Massenerscheinung. München, 1921; *King I.* The Influence of the Form of Social Change upon the Emotional Life of a People // *American Journal of Sociology,* vol. IX; *Edwards L.P.* Mechanics of Revolution // *St. Stephen's College Bulletin.* 1923, May; *Lederer E.* Einige Gedanken zur Sociologie der Revolution. 1918; *Sorokin P.* The Sociology of Revolution. 1925; *Toller E.* Masse Mensch. Potsdam, 1921; *Lombroso C.* Le crime politique et les révolutions. Paris, 1922. Кроме того, до сих пор представляют чрезвычайную ценность труды Ж. де Местра «*Considérations sur la France*» и [А. Феррана] «*Théorie des révolutions par l'auteur de l'esprit de l'histoire*» (Paris, 1817, vol. I–IV)^{25*}, не говоря уже о замечательном анализе революции в трудах Платона, Аристотеля, Макиавелли, Гвиччардини, Ж. Бодена, Т. Гоббса и других классических авторов.

и «вечные компоненты», которые в какой-то степени обнаруживаются во всех революциях и составляют их «вечный» скелет. В своей совокупности исследования, перечисленные выше в параграфах 7–11, являются значительным вкладом в наше знание социальной динамики. Они не раскрывают все ее тайны, но тем не менее представляют собой серьезный прогресс на пути к более глубокому и более объективному познанию социальных процессов и их оттошений.

12. Наступление стадии экспериментальной социологии

Хотя на предыдущих страницах термин «экспериментальный» и использовался применительно к некоторым исследованиям, их однако можно назвать экспериментальными лишь в широком смысле слова. Чисто «экспериментальные» исследования, в которых все соответствующие условия находятся под контролем исследователя и созданы им, были в социологии очень немногочисленными. Тем временем, поскольку социология – наука номографическая^{26*} и пытается сформулировать функциональные или каузальные законы, в экспериментальном методе, понимаемом в узком смысле слова, она нуждается не меньше, чем любая другая номографическая наука. Следовательно, рано или поздно социология должна была начать работать «экспериментально». По ряду вполне понятных причин применение экспериментального метода к исследованию социальных явлений нередко оказывается невозможным. Тем не менее есть много проблем, которые, пожалуй, можно изучить экспериментально. В качестве примера первых экспериментальных попыток можно назвать здесь исследования П.Ф. Фёлькера, Ф. Олпорта, Дж. Гейтс, А. Майера, Э. Меймана, цитируемые в главе VIII, а также исследования Э.Б. Херлок, М. Партен, М. Уолкера и автора этой книги, проведенные в университете Миннесоты⁹². Эти исследования следует рассматривать как первые робкие шаги к подлинно экспериментальной социологии. В высшей степени вероятно, что эти попытки, все более совершенствуясь по форме, будут предприниматься все чаще и чаще, пока социология, по крайней мере в некоторых ее частях, не станет настоящей экспериментальной наукой. Во всяком случае, надо полагать, что дело идет к этому.

⁹² См., например: *Hurlock E.B.* The Value of Praise and Reproof // *Archives of Psychology*, vol. XI, № 71; *Sorokin P.* An Experimental Study of the Effects of Collective and Individual, Equal and Unequal Remuneration and Pure Competition on the Efficiency of the Work // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. 1927, Bund V, Heft 1. Дальнейшие исследования автора и нескольких аспирантов, работающих под его руководством (А. Андерсон, М. Танквист), будут опубликованы через некоторое время.

13. Заключение о специальных исследованиях

Объем книги не позволяет нам продолжить перечисление других специальных исследований. Однако и вышесказанное свидетельствует о том, что в настоящий момент их уже довольно много. Они позволяют надеяться на то, что спекулятивная стадия развития социологии уходит в прошлое. Если общие теории в качестве гипотез были необходимы, чтобы начать специальные и более точные исследования, то сами общие гипотезы можно теперь оценивать на основе специальных исследований. По мере своего количественного роста они начинают оказывать все большее влияние на сами общие теории. Это означает, что реальный прогресс социологии как науки осуществляется в форме этих специальных исследований. Я без колебаний предвещаю, что если такие исследования продолжатся, то в течение нескольких десятилетий у нас будут учебники по социологии, столь же отличающиеся от нынешних, как биологические трактаты до Ламарка и Дарвина отличаются от сегодняшних курсов биологии.

Будучи благодарными нашим предшественникам за их наводящие на размышления гипотезы и предварительные обобщения, мы, однако, должны посвятить себя не размышлениям о банальных вещах, а специальным, фактологическим и особенно экспериментальным исследованиям социальных проблем.

14. Общее заключение о социологистических и психологических школах

Мы проделали длинный путь, анализируя общие теории социологистических и психологических школ, их направления и специальные исследования. Пора дать общее заключение об этих школах. Буду краток. Нет сомнений в том, что они внесли большой вклад в развитие науки социологии. Нет сомнений и в том, что они имеют бесспорное право на существование. Нет сомнения, что продолжение исследований на основе их принципов принесет ощутимые плоды, но, поскольку они претендуют на монополию в научных исследованиях социальных явлений и поскольку пытаются рассматривать процессы истории как уравнение с одним неизвестным, эти их претензии не могут быть поддержаны и должны быть отвергнуты.

Глава XIV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Пришло время закончить нашу прогулку по области социологии. Мы пересекли ее от края до края в разных направлениях. Конечно, мы не так внимательно рассмотрели ее второстепенные проблемы, как, наверное, должны были бы рассмотреть. И, конечно же, мы не могли рассмотреть во всех подробностях все небольшие здания, построенные отдельными социологами. Тем не менее мы изучили наиболее важные особенности области социологии, чтобы составить приблизительное представление о ситуации, сложившейся здесь на данный момент. Теперь кратко подытожим наши впечатления.

Во-первых, сфера социологии разделена на множество отраслей с разными методами развития социологического знания. Стало быть, само это знание растет естественным и даже несколько анархическим образом. Вся область социологии напоминает скорее полудикий заповедник, нежели хорошо спланированный сад. Будем ли мы сожалеть о том, что так сложилась ситуация? Ответ: некоторое усовершенствование общего планирования всей области социологии, вероятно, желательно. Однако планированию и стандартизации не следует придавать чрезмерно большого значения. Искусственная стандартизация в социологии особенно опасна. Это может привести к вырождению подлинного социологического знания в сухую и безжизненную схоластику. Сложный характер социальных явлений требует разнообразия подходов и методов изучения. Изучая социальные явления разными методами и с различных точек зрения, мы получаем больше шансов познать их, нежели в том случае, если будем изучать их одним стандартизированным методом и с одной стандартизированной точки зрения. Некоторые социологи обеспокоены отсутствием именно такого универсального стандарта, а некоторые не-социологи нередко утверждают, что эта особенность свидетельствует о том, что такой науки, как социология, не существует. Мы не должны обращать внимание на это беспокойство и на подобного рода критику. Если эти критики знают хотя бы что-то о других несоциологических науках о культуре, таких как право, экономика, история, политология, психология и т. п., то они должны признать, что эти дисциплины находятся в таком же состоянии дикости, как и социология. Только те из этих «ученых», которые знают свою специальность, прочитав лишь пару учебников, или не ведают, что происходит

во всей сфере этих наук за пределами их собственного квартала, могут полагать, что они стандартизированы и хорошо «причесаны». Фактически каждая из этих наук находится примерно в таком же состоянии «дикости», как и социология. Поэтому мы можем посоветовать этим критикам насчет этого лучше помолчать. *Medice cura te ipsum!*^{*}, – можем мы сказать им. И довольно об этом.

Вторая заметная черта исследуемой нами области состоит в том, что она переполнена «пустоцветами» и «сорняками». Абстрактные дискуссии насчет того, что представляет из себя социология, какой она должна быть, что такое культура, является общество биоорганической, психоорганической, надорганической или механической системой, относится культура к разряду психологических или непсихологических явлений, чем отличаются друг от друга культурные, социальные, психосоциальные и психологические явления, что такое прогресс, каковы отношения между обществом и индивидом и т. д., и т. п. – вот образчики того, что называется «пустоцветом» в социологии. Множество социологических работ фактически состоят из умозрительных спекуляций по поводу данных проблем и далее не идут. Они приняли «прихожую» социологии за все здание. Кроме того, даже эти предварительные проблемы часто решались самым туманным и совершенно неудовлетворительным образом. Стоит ли удивляться, что подобного рода «социологии» не дали нам никакого реального знания о социальных явлениях, помимо множества непонятных словес, нанизанных друг на друга? И стоит ли удивляться тому, что после прочтения таких «социологий» многие мыслящие люди стали отрицательно относиться к подобной науке? Если речь идет о таких именно «словесах», то они правы. Они справедливо говорят: «Вместо длинного и утомительного рассуждения на тему, что же такое социология, лучше покажите ее как факт», «Вместо того, чтобы спорить о том, как должна быть построена социология, постройте ее», «Вместо того, чтобы “порхать” вокруг да около предварительных проблем науки, дайте нам хоть что-нибудь: покажите свои каузальные формулы, представьте нам хотя бы один реальный анализ социальных явлений». По-видимому, они правы в своей критике, если речь в ней идет о подобных «пустоцветах».

Теперь перейдем к «сорнякам». Их первая разновидность представлена «проповедями и оценочными суждениями». Многие «социологические» работы, в сущности, представляют собой не что иное, как рецептурные книги, рассказывающие о том, что хорошо и что плохо, что нужно делать и чего следует избегать, что такое прогресс и что такое регресс, какие реформы необходимо произвести для спасения «мира» от зла и т. д. Поскольку такое проповедничество не требует никакого серьезного исследования фактов, многие невежественные персоны притворились всеведущими докторами, которые знают, как спасти мир, и выпиывают свои «рецепты» уничтожения войны, регулирования рождаемости, организации труда, решения сексуальных и расовых проблем и т. д. В результате какая только нелепость не печаталась, не распространялась и не преподавалась под названием «Социология». Любой пустомеля называл себя социологом. Уди-

вительно ли, что это лишний раз серьезно дискредитировало социологию? Совершенно очевидно, что ввиду разнородности научных и оценочных суждений и радикального различия между изучением фактов как они есть и морализаторством о том, какими они должны быть, этот «сорняк» необходимо выкорчевать с поля научной социологии и пересадить туда, где ему надлежит быть.

Есть другие, но тоже вредные «сорняки». Недостаточное изучение фактов во времени и пространстве; мания чрезмерно обобщать частные выводы, выходя за пределы тех фактических оснований, на которых они сделаны; незнание теорий и исследований, созданных и проведенных другими учеными и в прежние времена; неумение сделать из той или иной гипотезы все существенные выводы и проверить, подтверждаются ли они в пространстве и во времени; неспособность подвергнуть выдвигаемую гипотезу серьезной проверке – вот некоторые из этих «сорняков». Удивительно ли, что даже лучшие теории в социологии в какой-то степени ошибочны? Стоит их слегка протестировать, и сразу становится видно, что их фактический анализ произведен неправильно, обобщение избыточно, абсолютно фиктивная связь принята за реальную, вывод является необъективным. В таких условиях естественно ожидать, что социология будет похожа на нечто вроде «музея научно-патологических теорий», как справедливо заметил профессор Петражицкий^{2*}. Что и доказывает содержание данной книги. Само собой разумеется, что эти «сорняки» тоже должны быть уничтожены.

Однако наша критика не означает, что на этом поле мы нашли только «пустоцветы» и «сорняки». Ни в коем случае. На каждом участке мы видели значительное количество потенциально могучих деревьев, чудесных растений и прекрасных цветов. Говорю «потенциально», потому что их сильно облепили «сорняки» и «пустоцветы», от которых их надо освободить. После этого они могут стать гордостью каждого научного садовника. Так что социология не только собирается стать наукой, она уже и *есть* наука – но лишь в указанных выше пределах. Чтобы расширить эти пределы, мы, очевидно, должны избегать повторения вышеупомянутых ошибок. Это задача младших и будущих поколений социологов.

Наконец, на основе всего нашего обзора следует сделать еще один вывод. Есть множество теорий, посвященных спору о том, что такое социология и что составляет ее предмет. Я не намерен вступать в дискуссию по этому вопросу. Хочу лишь отметить, что многим авторам вместо умозрительных рассуждений на эту тему лучше было бы хорошенько ознакомиться с развитием социологических теорий за последние 50 лет. Такое знакомство открывает кое-что весьма поучительное. В первую очередь оно показывает, что некоторые дефиниции социологии находятся в противоречии с реальным ходом социологических исследований. Например, если бы мы приняли определение формальной школы, то почти все вышеупомянутые исследования пришлось бы из социологии исключить. А оставшееся представляло бы собой нечто столь незначительное, что едва ли заслуживало бы названия социологии или какой-нибудь другой науки. С соответствующими изменениями то же

самое можно сказать и о некоторых других определениях социологии. Во-вторых, развитие социологии все более четко показывает, каков ее предмет. Судя по всему, она изучает: *во-первых, связи и взаимоотношения между различными классами социальных явлений (связи между экономикой и религией, семьей и моралью, правом и экономикой, мобильностью и политическими явлениями и т. д.); во-вторых, между социальными и несоциальными (географическими, биологическими и т. д.) явлениями; в-третьих, изучает общие свойства, присущие всем классам социальных явлений.* Все рассмотренные нами школы занимаются либо установлением связей между различными классами социальных явлений или между социальными и несоциальными явлениями, либо разработкой формул, которые описывают их самые общие черты¹. Нравится это социологу или не нравится, но таков, по-видимому, подлинный предмет социологических теорий. Более того, этот предмет вырисовывается все более ясно по мере того, как мы продвигаемся от начала к концу изучаемого нами периода. В мою задачу не входит здесь развивать и доказывать данную концепцию социологии и ее предмета. Я сделал это в другом месте^{4*}. А указывая на вышеупомянутый факт, я только хочу обратить внимание социолога на то, что является подлинным предметом социологических теорий. Это может предотвратить появление многих бредовых гипотез на этот счет и оказаться полезным для тех, кто намерен посвятить себя данной проблематике. И еще: я принимаю во внимание лишь то, в чем данная концепция согласуется с лучшими определениями социологии, пусть даже и иначе сформулированными, и с природой реально существующей социологии. Хотя такое определение социологии является всего лишь выводом, сделанным на основании обзора, оно менее спекулятивно и более логично, чем многие другие определения, поэтому оно представляется мне более точным, чем многие другие определения, сформулированные разными авторами. Социология была и остается наукой об общих свойствах всех классов социальных явлений с их связями и взаимоотношениями; таковой она либо и будет оставаться, либо не будет никакой социологии.

¹ Легко понять, что оба компонента предмета социологии логически неотделимы друг от друга. Если предстоит исследовать N классов явлений, то, по логике вещей, наук должно быть $N + 1$. Каждая из N специальных наук изучает особенности своего специфического класса явлений, дополнительная $N + 1$ -ая наука должна изучать особенности, общие для всех N классов. Два фундаментальных класса организмов – растения и животные – требуют существования ботаники, изучающей специфические особенности растений-организмов, зоологии, имеющей дело с животными организмами, и общей биологии, которая изучает особенности, характерные для обоих классов организмов и их отношения. Точно так же, если общественные явления разбить на классы $a, b, c, d... n$, каждый из которых изучается специальной социальной наукой (экономикой, политической наукой, правом и т. д.), то, помимо N специальных наук, должна быть $N + 1$ -ая наука, которая будет изучать общие свойства, присущие всем N классам социальных явлений, и отношения или связи между ними. Такова логическая причина существования социологии, соответствующей смыслу своей дефиниции. Таким в действительности и был предмет социологических теорий изученного нами периода. Блестящий анализ вышеуказанной темы см. в: *Петражицкий Л.* Введение в теорию права и нравственности, с. 80–81; см. также: *Сорокин П.* Система социологии, т. I, с. 30–36^{3*}.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рецензии на книгу

**«СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ»**

Флойд Н. Хаус

Contemporary Sociological Theories. By Pitirim Sorokin.
New York: Harper & Bros. 1928. 785 pp. \$4

Во «Введении» к своей книге профессор Сорокин объясняет, что причиной ее написания было отсутствие однотомной работы, дающей краткий обзор основных социологических теорий последних 60–70 лет, которая могла бы использоваться студентами как учебник по курсу «Современные социологические теории». Автор попытался закрыть эту лауну, и вышедший том свидетельствует о компетентном и глубоком ученом и очень кропотливом труде. Студенты старших курсов, которые слушают лекции Сорокина по современным социологическим теориям, несомненно, получают в руки ценное учебное пособие и свод материалов для своей работы. Надо полагать, что и другие преподаватели будут рады воспользоваться помощью, которую может предоставить им данная книга.

Самой примечательной особенностью этой книги является классификация социологических теорий, которую автор и берет за основу своего описания предмета. Эта классификация настолько сложна и облечена в столь незнакомую терминологию, что воспроизводить ее здесь не стоит. Можно, впрочем, сказать, что в целом она отображает некоторые достоинства и недостатки, которые характерны для любой подобной классификации. Без сомнения, она послужит подспорьем для аспирантов, но не сделает книгу привлекательной для так называемого широкого круга читателей. Вклад в науку социологию, который был внесен различными выдающимися авторами, не так-то просто разложить по полочкам, чтобы не пожертвовать при этом чем-то очень важным. Несмотря на это, чтобы написать такую книгу, автор должен иметь некий четкий план подачи своего материала. Опасность заключается в том, что аспирант может спутать термины сорокинской классификации (например, «социологическая школа», «био-социальная школа» и т. п.) с тем, как некоторые авторы из той или иной рубрики этой классификации на самом деле понимали факторы и процессы социальных явлений.

Профессор Сорокин оказал большую услугу нынешним студентам-социологам, так как кратко изложил содержание работ европейских авторов, мало известных тем из них, кто слабо владеет языками. В связи с этим особо следует отметить его изложение работ Парето, Джини, Карли и других итальянцев, а также русских авторов: Винярского^{1*}, Ковалевского и других.

Кроме того, каждый тип анализируемых социологических теорий подвергается подробной критике, не лишенной доли язвительности, с которой читатели знакомы по ранее опубликованным сочинениям Сорокина. Его собственную точку зрения можно охарактеризовать как «бихевиористскую» в относительно узком

смысле термина, и некоторым читателям покажется, что его трактовка теорий, в основе которых лежат субъективные и интроспективные данные, менее благо-склонна и адекватна, чем его оценка вклада, основанного на физиологических и статистических данных. Однако сторонники психологического подхода найдут пищу для ума в его резкой критике социологов, которых он классифицирует как представителей «психологической» и «психосоциологической» школ.

Данная книга окажется наиболее ценной для тех, кто больше всего не согласен с мнением Сорокина относительно достоинств различных авторов. Тем, кто не отнесется к ней критически, она может оказать медвежью услугу, если они по ошибке примут формы социологических теорий за их содержание.

(Social Forces. Baltimore (Maryland), 1928, September, p.166–167)

Франклин Г. Гиддингс и М.В. Гааден

Contemporary Sociological Theories. By Pitirim Sorokin.
New York: Harper & Bros. 1928. 785 pp. \$4

Социология сейчас находится как раз между сеном и травой. Сено высохло, ждем траву. Философическая социология творцов систем – Конта, Спенсера, Шеффле и де Греефа – утратила свою былую привлекательность. Социология, которая объясняла бы важнейшие процессы и учреждения человеческого общества на основании строго научных выводов, – дело будущего. Тем временем социологи занимаются интенсивным изучением второстепенных моментов и пограничных явлений – отчасти социологических, отчасти культурных, отчасти психологических, а отчасти биологических. Многие из них имеют существенное значение, и все они в конце концов внесут свой вклад в некое большое целое. В данный момент большинство авторов, занимающихся процессами, происходящими в человеческом обществе, редко выходят за пределы изучения контактов и взаимодействий между индивидами. А они относятся, главным образом, к социальной психологии и составляют в лучшем случае лишь половину факторов, которые когда-нибудь станут предметом исследования. Мнения индивидов и их отношения друг с другом можно описать как основу общества. Уток, с которым они переплетаются, состоит из массовых тревог, негодований, голоданий, требований, побуждений и формирований, вызываемых общими ситуациями, на которые реагируют массы людей, независимо от того, есть между ними контакты и взаимодействия или нет. Впрочем, это не следует принимать за пренебрежительное отношение к нашей социологии – она по-своему хороша, хотя по сравнению с величественной социологией прошлого и, вероятно, более совершенной социологией будущего она всего лишь сдала первый «кандидатский экзамен».

Книга профессора Сорокина «Современные социологические теории» построена по оригинальному плану, что делает ее исключительно полезной для преподавателя. Сегодня в нашем распоряжении немало книг о социологических теориях, но все они, без исключения, написаны в виде изложения работ отдельных социологов, следующих друг за другом. Профессор Сорокин, отказавшись от этого метода, распределяет свой материал по «школам». Главные из них, не считая особых ответвлений и разновидностей, следующие: «механистическая», «географическая», «биоорганизмическая», «социологическая» и «психологическая» школы. Гипотезы, взгляды и выводы каждой излагаются по установленному образцу, затем подвергаются критике и оцениваются. Немало цитируемых авторов появляются больше, чем в одной «школе». Однако профессор Сорокин, как правило, соотносит каждого из них с той или иной школой, к которой он в общем и принадлежит. В некоторых случаях могут быть исключе-

ния из этого правила. Упорный труд профессора Сорокина позволил ему собрать впечатляющий объем данных, и ему можно не опасаться упреков в том, что он многое, тем более что-то важное, упустил. Его суждения жестки, но не в ущерб истине, и студент не найдет другого столь же информативного источника по современной социологии.

У рецензентов есть лишь одно, но серьезное замечание, хотя, возможно, оно не столь серьезно, как им кажется. В конце концов, школы социологии – это только способы описания разных аспектов общества и физических по своему характеру группировок, которые подчиняются физическим законам. Не прослеживая физических сил в разных социальных явлениях, мы получаем только фантастическое и ненадежное понятие социальных возможностей. Социальному работнику и реформатору, которые слишком часто упускают из виду закон сохранения энергии и закон убывающей отдачи, грозит опасность потерпеть неудачу. География с самого начала определяла и будет определять ход социетальной эволюции. Миграционные передвижения больших масс людей, сопровождаемые интеграцией и распадом их объединений, были вызваны циклическими изменениями климата, чередованием периодов засухи и периодов обильных осадков. Борьба за существование, естественный отбор, расовая дифференциация и смешение определили дееспособность и судьбу народов. Мы только сейчас начинаем разбираться с такими явлениями, как «врожденные способности» и возможности «условий». Все эти вопросы представлены на страницах работы профессора Сорокина, но он, возможно, мог бы более решительно настоять на том, что только посредством синтеза мы сможем получить полную и единую социологию. Он мог бы это сделать, если бы открыто сказал о том, что «социологическая» школа, утверждающая, что истинный характер социетальных процессов может быть открыт лишь при рассмотрении их как уникальных, должна обратить внимание также на синтез всех содействующих процессу факторов. Однако при нашей оценке этой замечательной и полезной книги эту мысль не следует заострять.

(The Saturday Review of Literature. 1928, October 20, p. 274)

А.Б. Вулф

Contemporary Sociological Theories. By Pitirim Sorokin
(New York: Harper. 1928. Pp. xxiii, 785. \$4.00)

Соискателю докторской степени по социальным наукам, ломающему голову над тем, как бы произвести должное впечатление и показать себя высококвалифицированным и эрудированным специалистом, следует выбрать в качестве объекта какого-нибудь малоизученного мыслителя прошлого, причем чем менее он известен, тем лучше. Следует изучить его биографию, начиная с первых дней жизни, места рождения и начального образования, прочитав и законспектировав его труды, затем соединить все эти конспекты в единое целое в такой логической согласованности, какую позволяет еще незрелая критическая способность и недостаточное знание области исследования и ее исторического развития, – и представить все это в виде диссертации, которая более или менее удовлетворит придирчивую экзаменационную комиссию, ни один из членов которой, может быть, ничего, кроме имени, не знает об ученом, которому посвящена данная диссертационная работа. В последнее время диссертаций подобного рода становится меньше. Может быть, все достойные внимания неизвестности уже упокоились в докторских диссертациях. Кроме того, наметилась некоторая тенденция к тому, что даже дипломная работа должна хоть в какой-то степени носить практический характер.

В последнее время, однако, наблюдается повальное увлечение книгами, – как правило, тематическими сборниками статей, написанными одним автором или коллективом авторов, – посвященными проблемам «истории», «происхождения», «тенденций» и «отношений» социальных наук. Являются ли эти книги признаком здоровой интеллектуальной жизни и конструктивного развития социальных наук или они лишь отражение того, что социальные ученые, за исключением зарождающегося класса специалистов, занимающихся немногочисленными пока лабораторными и «навязанными им» количественными исследованиями, видя ужасающий объем и высочайшую степень сложности задачи научного проникновения в суть социальной реальности, все больше и больше устают от возрастающих требований насущной жизни или, выражаясь попроще, тянут время? Возможно, суть проблемы заключается в том, что на сегодняшний день социальные науки, и в особенности социология (какая бы она ни была), достигли некоего поворотного пункта в своем развитии и по стратегическим причинам им необходимо осмотреться и обсудить, что важнее всего для дальнейшего прогресса. Внимание, уделяемое научному методу и «методологии» (напыщенный термин, за которым подчас ничего не стоит), потребность в новых подходах к «количественным», «объективным» и «фактологическим» исследованиям, вера

в то, что все наследие социальной науки на самом деле является лишь шумным и поверхностным барахтаньем в социальной философии, убежденность в том, что реальный вклад в науку о социальных отношениях должен быть монографическим по своему характеру, – все это можно объединить для того, чтобы вызвать у настоящего студента желание «вскарабкаться» на некую удобную башню и обозреть ситуацию с высоты птичьего полета.

Изучение традиционной истории философии, экономики и политической теории является довольно унылым и скучным занятием, да и к тому же не всегда приносит конкретную пользу даже знатокам в данных областях знания. В процессе их сжатия в один крохотный том все мясо отваривается от костей, и то, что остается нам в назидание, представляет собой груды скелетов мертвых человеческих идей. Их жизнь и смысл оказываются утраченными. Уэсли Митчелл в одной своей рецензии однажды заметил, что на сегодняшний день большая часть экономических систем и теорий прошлого является своего рода антиквариатом. В этом утверждении может оказаться больше истины, если изучение доктринальной истории не будет умело проводиться и направляться с некоторой выбранной точки зрения, которая обеспечит адекватную основу, объемность и перспективу для научной – или философской – картины, которая рисуется в наши дни. Каждый, кто пытается изложить историю науки, даже если он, как профессор Сорокин, не будет углубляться в прошлое дальше чем на 60 лет, должен не только избегать субъективных оценок и интерпретаций, чего профессор Сорокин, по его собственному признанию, и старался прежде всего избежать, но также по возможности исключить бесполезную и схоластическую антикварность, к чему может привести чрезмерная эрудиция и библиографические знания, и довольствоваться тем, что написанную им книгу, как бы она ни была удобна для справочных целей, никто не будет читать, если только этого не потребует какой-нибудь суровый редактор или лишенный воображения профессор.

Сразу же надо отметить, что Сорокин, несмотря на свою редкую на сегодняшний день, особенно для Америки, образованность и эрудицию, не выставляет ее напоказ, и ему в значительной степени удается избежать уклона в область бесплодного антикварианизма.

Хотя толстый том профессора Сорокина оказался на вершине популярности среди так называемых книг о книгах в области социологии, он нуждается хотя бы в кратком объяснении своего *raison d'être*^{2*}. При отсутствии подобного объяснения даже всемирная известность автора и его огромный вклад в социологическую науку не избавили бы его от обвинений в так называемом топтании на одном месте. Предвидя подобные замечания, автор готов представить такое объяснение, и оно вполне приемлемо. «Нет ни одной книги, в которой был бы представлен краткий очерк всех оригинальных социологических теорий, созданных за указанный период». (Между прочим, то же самое справедливо и по отно-

шению к экономике.) «Иметь хотя бы минимальное знание об общей ситуации в современной социологии» (включая сюда Г.Ч. Кэри, Ле Пле, Гобино и др.) необходимо, чтобы какой-нибудь начинающий ученый не растратил напрасно свои усилия на «открытие новой социологической Америки, уже давно открытой до него [и, добавим от себя: забытой]». Наконец, профессор Сорокин утверждает, что основная задача исследователя состоит в том, чтобы во множестве различных и противоречивых систем отделить истинное от ложного. Несомненно, кто-то должен этим заняться, хоть это и неблагодарный труд. «Истинное и ложное» – классификация бессодержательная. В философии суждения об истинности и ложности носят несколько субъективный характер, поэтому они никого не могут полностью убедить, за исключением некритически настроенных умов, преклоняющихся перед мнением авторитетов. Профессор Сорокин пытается быть критиком объективным в той мере, в какой это в силах человеческих. Он излагает предельно ясно, уделяет должное внимание соответствующим авторам (хотя, может быть, останавливается более подробно на трудах Ле Пле, Гобино и Адольфа Коста). Свои выводы он подтверждает документально и в доступной форме, демонстрируя при этом широчайшую эрудицию. Его книга написана в сдержанном и объективном тоне, она достаточно рассудительна и критична. Профессору Сорокину удалось найти положительные стороны практически во всех социологических школах и научных подходах. Он редко отвергает *in toto*^{3*}. Иногда читателю может показаться, что ему следовало бы быть и пожестче.

Социология представляется достаточно широкой дисциплиной, охватывающей обширный диапазон исследовательской мысли. Рассказывается о географической, биологической, расово-антропологической, психологической и социально-психологической школах. Эта книга будет полезной не только для социологов, но и для специалистов из других областей общественных наук. Например, те, кто занимается проблемами народонаселения и социального отбора, найдут в этой книге много полезного для себя. Не следует забывать, что, помимо всего прочего, данная монография ценна и тщательной разработкой справочного материала. Это не книга для беглого чтения. На это указывает хотя бы то, что в указателе имен содержится более тысячи двухсот имен авторов, цитируемых в книге. При всем этом в сноски закралось на удивление мало ошибок.

(The American Economic Review. 1928, vol. 18, № 4, December, p. 715–717)

Sorokin Pitirim, Prof. of Sociology, University of Minnesota
Contemporary Sociological Theories (Harper's Social Science Series)
New York and London 1928. Harper & Brothers. XXIII, 785 S.

Целью этой интересной книги профессора Сорокина является обзор основных социологических теорий, разработанных в течение последних 60–70 лет. Он пытается разобраться в фундаментальных принципах различных школ, понять, как он говорит, ситуацию, определить, что в них достоверно и может оказаться плодотворным в будущем, а что следует отвергнуть. Его интересует в основном то, что он называет «фактологическими, или индуктивными» исследованиями, а большую часть философской социологии, представляющую собой всего лишь «словесные красоты», он, как правило, во внимание не принимает. Все социологические теории он делит на такие типы: механистические, географические, биологические, биосоциальные, биопсихологические, социологические и психологические. Его метод состоит в описании основных разновидностей каждой школы, затем кратком изложении критики и тех возражений, которые были или могут быть выдвинуты против них, и, наконец, объявлении – в несколько категоричной форме – того, что он считает ценным, а что должно быть отброшено как бесполезное.

Несомненно, профессору Сорокину удалось сконцентрировать значительный объем ценной информации, и его работа будет полезна тем, кто желает быстро ознакомиться с проблемами, которые решают современные социологи, и используемыми ими методами. Его ссылки на русских авторов особенно полезны и интересны. Он также один из первых, кто представил на английском языке удобочитаемый очерк работ современных немецких и итальянских авторов.

Больше сомнений вызывает вопрос, оказались ли его усилия, определяющие качество работы, охватывающей такую обширную область, столь же успешными. Его критика носит подкупающе искренний характер, хотя и редко бывает глубокой, а его акцент на важности методов непосредственного наблюдения и индуктивного обобщения вызовет сочувствие тех, кто устал от бесконечных словесных аргументов, столь часто встречающихся в социологических трудах. Однако можно усомниться в том, что в своем нынешнем состоянии социологическая теория поддается наскоро изготовленному методу быстрого подведения итогов, которому следовал профессор Сорокин, и что его привязанность к эмпирическим исследованиям, сама по себе весьма похвальная, не привела его к тому, что он принимает за «факты» вещи, которые при более глубоком анализе могут оказаться опирающимися на весьма слабое научное основание.

Понадобился бы целый том, чтобы подробно разобрать выводы профессора Сорокина. Приведу только один или два примера, которых будет достаточно для иллюстрации его методов. Его рассуждения о биологических теориях в их применении к социологии понятны и хорошо документированы, но вряд ли можно сказать, что он намного дальше продвинул вопрос о природе социальной эволюции. Он приводит возражения, которые могут быть выдвинуты против использования в социологии таких понятий, как «органическое», но они, на мой взгляд, едва ли затрагивают более глубокую проблему того, можно ли говорить, что социальные целостности эволюционируют и в каком смысле. Он весьма скупко отдает должное огромному объему работы, проделанной учеными, занимающимися сравнительными исследованиями, которая раскрывает процесс роста и дифференциации, и поднимает проблемы, аналогичные тем, с какими приходится сталкиваться в биологии, хотя, как все более и более ясно начинают осознавать ученые, эти проблемы невозможно адекватно интерпретировать исключительно в терминах биологии. Мы не видим здесь крайне необходимого анализа природы социального развития.

Что касается биологических факторов, участвующих в социальной эволюции, то, на мой взгляд, профессор Сорокин придает чрезмерное значение теориям, которые пока еще находятся *sub judice*^{4*}. Например, он поспешно и без должной проверки готов принять точку зрения, согласно которой главным фактором упадка Греции и Рима было якобы вымирание аристократических родов. Опять же, в своем рассуждении о роли летальной селекции в социальных изменениях он полагается на результаты школы профессора Карла Пирсона и его последователей без адекватной и независимой проверки доказательств и критических замечаний, которые были выдвинуты против них. Отношения между детской смертностью и смертностью в старших возрастах или между младенческой смертностью и пригодностью к службе в армии ни в коем случае не столь однородны и однозначны, чтобы можно было утверждать, будто «улучшения окружающей среды, по-видимому, не компенсируют даже то, что общества теряют благодаря отбору и обнищанию их расового фонда (р. 307/285). Когда же речь заходит о социальной дифференциации вообще, он, кажется мне, слишком подчеркивает врожденные различия между группами. Методы, которые до сих пор использовались для измерения различий умственных и физических качеств разных социальных групп, крайне несовершенны и нуждаются в тщательном пересмотре, прежде чем выводы, полученные с их помощью, можно будет использовать в социальной теории. В любом случае различия очень незначительны, и, насколько мне известно, отделить факторы окружающей среды от наследственных факторов в деле формирования социальных групп еще не удалось, так что сам факт существования врожденных различий, влияющих на их формиро-

вание, остается весьма сомнительным. Профессор Сорокин сам внес важный вклад в решение этой проблемы в своей работе «Социальная мобильность»¹, и его рассмотрение этой же проблемы в книге, которая находится перед нами, также имеет свои достоинства, но я сильно сомневаюсь в том, что у нас достаточно фактов для того, чтобы можно было утверждать, будто селекционистская «интерпретация классовой дифференциации... по-видимому, соответствует истине» (р. 307/286).

Обзор психологических теорий, сделанный профессором Сорокиным, чрезвычайно интересен и ценен благодаря большому числу удачно подобранной информации. Но здесь снова его критические оценки несколько огульны и кратки. Например, в очень кратком обзоре психоанализа он заключает, что последний мало или совсем не способствовал нашему пониманию социальных явлений. Это, конечно, крайне преувеличенное суждение. Анализ таких явлений, как внушаемость, лидерство и власть, роль семьи в разрешении конфликтов, общий акцент на бессознательных агентах и т. п., несомненно, имеет большую ценность, несмотря даже на расхождение мнений по поводу фундаментального характера либидо или тождества либидинальной и социальной связи. Еще более отрывочны ссылки профессора Сорокина на теории, которые обращаются к сознательно-волевым^{5*} и телеологическим факторам социальной эволюции. Это же просто издевательство, когда без развернутой аргументации говорят, что такая теория «кажется убедительной, и все же, будучи тщательно проверенной, должна быть признана по меньшей мере сомнительной» (р. 655/579).

Короче говоря, стремясь представить в сравнительно кратком обзоре результаты огромного количества социологических исследований, профессор Сорокин вынужден был довольствоваться очень кратким обсуждением вопросов, которые при современном состоянии социологии на самом деле требуют более детального рассмотрения. Тем не менее все студенты должны быть благодарны ему за то, что он снабдил их картой всей области социологических исследований, и за множество наводящих на размышления и интересных направлений критики и исследований.

(Weltwirtschaftliches Archiv. 1929, Bd. 30, p. 228–230)

¹ *Sorokin P.A. Social Mobility. New York and London, 1927 (Harper's Social Science Series).*

Э.Б. Рейтер

Contemporary Sociological Theories. By Pitirim Sorokin
New York: Harper and Brothers, 1928. Pp. xxiii+785. \$4.00

Более или менее адекватное знание о том, что уже сделано и изучено, так же как и том, что делают и о чем думают современные ученые той же самой отрасли знания, есть необходимая часть исследовательского багажа. Подобное знание необходимо, чтобы не тратить напрасных усилий на открытие уже известных и описанных фактов, не пользоваться бесполезными методами и избежать бесперспективных направлений исследования.

Но объем социальной литературы настолько велик, что ее по-настоящему глубокое прочтение превышает возможности одного человека. Кроме того, в большинстве своем она недоступна, отчасти по причине отсутствия в библиотеках, отчасти – из-за незнания языков. Отсюда и возникает насущная необходимость в адекватном обобщении, исторической оценке и критическом рассмотрении социальной теории. Следует приветствовать издание этой книги за попытку решить эту задачу. Она предоставляет американским студентам значительный объем теоретического и фактического материала, который ранее был им недоступен.

В ходе своего исследования автор классифицирует «все существенные социологические теории» на девять «научных школ»: механистическую, синтетическую и географическую школу Ле Пле, географическую, биологическую, биосоциальную, биопсихологическую, социологическую, психологическую и психосоциологическую. Эти главные школы затем разделяются на направления, каждое из которых «представлено несколькими типичными работами». После чего автор приступает к характеристике фундаментальных основ каждой школы и каждого направления и указывает на их ошибки и недостатки.

В подобного рода работе важно знать точку отсчета, с которой началось развитие, а также выдвинутые суждения, так как моральная ответственность автора иногда ограничивает его понимание или детали его интерпретации теории, к которой он не принадлежит.

В работе такого рода важно знать позицию, с которой автор производит оценки и выносит суждения, поскольку его моральные убеждения иногда определяют или ограничивают его интерпретацию разных теоретических направлений. Позиция автора состоит, по-видимому, в том, что подлинная социология – это количественное, статистическое исследование отношений между классами широких социальных явлений, которые должны анализироваться, если они вообще анализируются, другими дисциплинами. Согласно его определению (выделенному курсивом), социология – это, во-первых, изучение *связей*

*и взаимоотношений между различными классами социальных явлений (связей между экономикой и религией, семьей и моралью, правом и экономикой, мобильностью и политическими явлениями и т. д.); во-вторых, между социальными и несоциальными (географическими, биологическими и т. д.) явлениями; в-третьих, она изучает общие свойства, присущие всем классам социальных явлений*⁶. Исходя из этой позиции, автор находит много достойного критики и мало достойного похвалы в большинстве работ, которые – по крайней мере, в некоторых кругах – рассматриваются как значительные; в то же время он находит много ценного и мало достойного критики в большинстве трудов, которые многие ученые склонны были рассматривать как псевдонаучные.

С точки зрения масштабов книги и с учетом вышеупомянутой предвзятости автора работа в целом выполнена хорошо. Есть некоторые, наверное, неизбежные недостатки. Ведь почти нет специальных исследований, необходимых для полного обзора такой огромной области. Разумеется, одному человеку невозможно подробно изучить всю или хотя бы большую часть литературы, представленной на страницах книги. Библиографические ссылки, конечно же, очень ценны и важны. Столь же подробные ссылки на вторичные источники, хотя они и менее впечатляющи, для учащегося представляли бы еще большую ценность. Отсутствие вспомогательных критических источников лишает писателя возможности проверить свои мнения, сформировавшиеся на основе избранных им первоисточников. В некоторых случаях кажется, что более полное понимание позиции других ученых способствовало бы более адекватному изложению занимаемых ими теоретических позиций, а его критику сделало бы более убедительной и не такой огульной.

Это очень ценная книга, но ее никак не назвать великой: ее стиль грубоват, принцип составления механический, тон догматический, а авторская предвзятость очевидна. Тем не менее это попытка проделать крайне необходимую работу. Ее жесткая критика большинства современных теорий очень полезна: она подталкивает к более серьезным размышлениям и более тщательному формулированию фундаментальных гипотез. Она несколько облегчит подготовку действительно адекватного и объективного анализа тенденций социальной мысли. Социологам стоит ее прочитать, а аспирантов следует обязать ее прочитать.

(The American Journal of Sociology. 1929, vol. XXXIV, № 2, September, p. 382–384)

Р.М. Макайвер

Sorokin, Pitirim. Contemporary Sociological Theories.
Pp. xxiii, 785. New York: Harper & Brothers, 1928

Читаем зловещее утверждение – зловещее, так как написано оно автором книги о социальных теориях во введении к ней. «По мнению автора данной книги, – пишет профессор Сорокин, – ученый в первую очередь должен обращаться к изучению фактов, а не теорий». В этом заключается широко распространенное прагматическое представление о том, что в теоретизировании есть что-то почти незаконное, что факты – это суровые реалии, ожидающие, когда мы их обнаружим, тогда как теории являются продуктами нашего разума, в некотором смысле оторванные от действительности, что, короче говоря, существует глубокое противоречие между фактами и теориями.

Это выдает слабость глубинной логики автора и его довольно наивное представление о науке – как будто все было бы гораздо лучше, если бы люди не изобретали теорий «о» фактах. Поскольку почти вся книга написана в таком духе, она не в состоянии признать ту важную истину, что формирование и проверка устоявшихся теорий является основным свойством ученого, тем, что отличает его от простого смертного, и что все великие достижения в науке являются результатом целенаправленных размышлений, короче говоря – теоретизирования.

Прагматическая нетерпимость профессора Сорокина к своему собственному предмету ведет к плачевным результатам. Его подход отличается характерным отсутствием такта и меры. Нелюбовь к теории привела его к забвению таких социологических мыслителей, как Оппенгеймер и Мюллер-Лиер. Нет ссылок на наиболее важные труды Хобхауса, которые он, возможно, отвергает как разновидность метафизики, хотя таким малозначительным писателям, как Винярский, уделено множество страниц. Он практически игнорирует весь спектр эволюционных теорий общества, ограничиваясь дешевой насмешкой над их сторонниками (р. 369/337–338). Не хочет наш автор иметь дела и с такими крупными идеологическими течениями, как национализм, социализм и т. д., хотя даже он вынужден признать, что это активные силы огромного практического значения, а не «просто» теории, к которым он относится с таким презрением.

Вместе с тем в объемном труде, который предлагает профессор Сорокин, содержится много ценного. В нем дано изложение различных социологических школ настоящего и недавнего прошлого и представлена их критика, причем его критика нередко бывает хлесткой и справедливой. Его знание европейской, равно как и американской социологии носит исчерпывающий характер.

Многие американские студенты, изучающие социологию, представления не имеют о бурном развитии социальных наук, происходящем в европейских странах, и ни одна работа, написанная и изданная в Америке, не способна в такой степени раскрыть его масштабы, как том, лежащий перед нами.

(The Annals of the American Academy of Arts and Sciences. 1929, vol. 139, p. 216–217)

Луис Вирт^{7*}

Contemporary Sociological Theories. By Pitirim Sorokin.
New York: Harper and Bros., 1928. Pp. xxiii+785. \$4.00

В этой книге излагаются и критикуются социологические теории последних 60 или 70 лет. Автор счел целесообразным разделить эти теории на следующие школы: (i) «механистическая школа»; (ii) «синтетическая и географическая школа Ле Пле»; (iii) «географическая школа»; (iv) «биологическая школа»; (v) «биосоциальная школа»; (vi) «биопсихологическая школа»; (vii) «социологическая школа»; (viii) «психологическая школа»; (ix) «психосоциологическая школа» и несколько подразделов. Благодаря такой классификации он избегает как биографических, так и исторических способов подачи материала с вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Многие из рассматриваемых авторов возражали бы против представленной в книге классификации их теорий, а некоторым пришлось бы искать свои теории в разных рубриках. Много из того, что профессор Сорокин включил в свою книгу, было бы опущено другими авторами, придерживающимися иной концепции социологии. С другой стороны, многое из того, что было упущено им, было бы добавлено другими. Непропорционально много места в книге отведено биологическим факторам, грешит она и множеством ненужных повторов.

Социология, согласно автору, изучает, «во-первых, связи и взаимоотношения между различными классами социальных явлений; во-вторых, между социальными и несоциальными явлениями; в-третьих, изучает общие свойства, присущие всем классам социальных явлений» (p. 760–761/668). Он заканчивает книгу словами: «Социология была и остается наукой об общих свойствах всех классов социальных явлений с их связями и взаимоотношениями; таковой она либо и будет оставаться, либо не будет никакой социологии» (p. 761/668).

В этом отношении профессор Сорокин в основном согласен с большинством американских социологов прошлого поколения. Однако многие современные социологи склонны думать, что значительного прогресса в социологии удалось достигнуть благодаря тому, что она отказалась от самопровозглашения себя генералиссимусом социальных наук и заняла скромное положение частного лица в их компании. Для современных социологов позиция профессора Сорокина покажется шагом назад.

Объясняя во введении к книге причины ее написания, профессор Сорокин указывает, что «социологу, занимающемуся какой-нибудь частной социологической проблемой, чрезвычайно трудно обрести адекватное знание обо всей сфере науки. Поглощенный своим специальным исследованием, он не имеет времени просматривать сотни разных источников, в которых содержится информация

о теориях». На протяжении книги автор ссылается на работы более чем 1 150 различных авторов^{8*}, среди них больше 70 раз и на самого себя.

Прискорбно, что профессор Сорокин позволил своей личной предвзятости, которая во многих местах книги очевидна, снизить ее ценность. Впрочем, можно выразить надежду на то, что при последующих изданиях этой книги, которые, несомненно, последуют, некоторые из наиболее явных примеров крайнего догматизма исчезнут.

(Social Service Review. 1930, vol. IV, № 4, p. 687–688)

Джозеф Майер^{9*}

Pitirim Sorokin. Contemporary Sociological Theories Through the First Quarter of the Twentieth Century.
New York: Harper and Row, 1964, pp. xx+783, \$3.75

Из названия этой эпохальной книги видно, что она завершается событиями первой четверти XX в. Однако ее критический охват таков, а социологические теории прошлого поколения до такой степени продолжали следовать традиционным образцам мышления, что эта книга, вероятно, столь же значима для третьей четверти этого века, как и для первой.

Книга замечательна во многих отношениях. Во-первых, в ней излагаются социальные теории с древних времен до настоящего времени, разработанные в основном по аналогии с физическими и биологическими дисциплинами, и указываются их актуальные и сомнительные стороны. Делается это с помощью принятой строго логической и научно обоснованной системы координат. Во-вторых, она сочетает в себе критическое мышление России и Востока с критическим мышлением Соединенных Штатов и Запада и снабжена обширными библиографическими ссылками на нескольких языках. В-третьих, с момента ее выхода в 1928 г. она была переведена на 11 языков. В настоящее время готовятся еще два перевода.

На семи страницах введения к книге достаточно ясно показано, какова цель автора. Речь в ней идет о школах социальной мысли, таких как механистическая, географическая, биологическая, демографическая, биопсихологическая, социологическая, психологическая и психосоциологическая. Сначала называются исторические предшественники каждой школы, затем дается их общая характеристика, и, наконец, после описания каждой школы или ее ответвления дается их логико-научная критика с выводами об их достоверности или недостоверности.

В большинстве случаев Сорокин приходит к выводу, что все эти школы социальной мысли безусловно ущербны. Хотя биопсихологические школы имеют большее значение для реалистичной социальной теории, чем физические социальные школы, все они содержат ряд логических ошибок, их выводы не подтверждаются опытом. Все применяемые этими школами аналогии являются псевдоаналогиями. По словам автора, применение этих аналогий без должного осознания их ограниченности принесло социальным теориям больше вреда, чем пользы. Как отмечалось нами по другому поводу, главный недостаток подобных школ мысли состоит в том, что они преувеличивают роль факторов, которые оказывают на человека такое же влияние, как и все остальное в окружающем его мире, тем самым неизбежно пренебрегая уникальными человеческими и со-

циальными особенностями, которые являются основными для социальных исследований. Важно помнить о том, что в социальной организации существуют факторы окружающей среды, наследственности и ментальности, но еще важнее осознавать, что человеческое общество гораздо больше, чем просто комбинация окружающей среды, наследственности и интеллекта. Животные также имеют в своем распоряжении все эти факторы или испытывают их воздействие, и все же никакое другое животное не создало ничего похожего на человеческое общество, особенно на культурном уровне. На что обычно не обращают внимания специалисты из других научных областей, так это на то, что главным объектом социологии является человеческое общество. То существенное, что есть в школах социальной мысли, исследуемых Сорокиным, игнорировать не следует, но то, что оказывается явным преувеличением, скоропалительным обобщением, неверной аналогией или сырым анализом, должно быть отброшено для того, чтобы социальная теория могла развиваться дальше, не встречая препятствий на своем пути, потому что дисциплины, от которых она зависит больше всего, т. е. психология и биология, очевидно, могут внести в ее развитие существенный вклад еще до того, как прояснятся ее собственные фундаментальные понятия. (См.: *Mayer Joseph. Social Science Principles in the Light of Scientific Method. Durham: Duke University Press, 1941, p. 13–15, 231–239*).

В краткой рецензии полный обзор данной книги и конкретные анализ и критика вряд ли могут быть чем-то большим, чем просто заметками. Критика Сорокина – это большой пласт информации и разумные доводы, которые должны быть рассмотрены и оценены прежде, чем приступать к серьезному исследованию в области социологической теории. Подобные взгляд и оценка так же важны сегодня, как и раньше. Каждый серьезный исследователь социальных проблем должен быть хорошо знаком с данной работой. Фактически ее необходимо прочитать каждому выпускнику, увлеченному социальными науками.

В кратком обзоре можно лишь слегка коснуться огромного размаха этой книги и острого анализа и критики, содержащихся в ней – и вряд ли можно сделать что-то большее. Критика Сорокина представляет собой кладезь информации и здравых рассуждений, которые следует тщательно изучить и оценить, прежде чем приступить к серьезным исследованиям в области социологической теории. Такие обзор и оценка сегодня так же важны, как и раньше. С этой работой должен хорошо ознакомиться каждый исследователь социальных проблем. Фактически она должна стать обязательным чтением для каждого аспиранта, специализирующегося в области социальных наук.

(*Social Science. 1965, vol. 40, № 3, June, p. 178–179*)

КОММЕНТАРИИ

Первое издание книги «Contemporary Sociological Theories» вышло в Нью-Йорке в 1928 г. в издательстве «Harper & Brothers», второе – в том же издательстве в 1956 г.

Настоящий перевод выполнен по изданию 1964 г., титульный лист которого помещен на с. 18. Для этого издания П.А. Сорокин сделал подзаголовок, уточняющий хронологические рамки книги: *Through the First Quarter of the Twentieth Century* [До конца первой четверти двадцатого века]. По-видимому, это связано с тем, что в это время Сорокин готовил к печати продолжение «Современных социологических теорий» – «Sociological Theories of Today» (New York, 1966).

«Современные социологические теории» были переведены на немецкий (1930), японский (1930), сербохорватский (1932), турецкий (1932), китайский (1932), чешский (1936), испанский (1944), итальянский (1954), польский (1957, фрагменты), украинский (1957, фрагменты) и хинди (1961) языки.

До настоящего издания на русский язык были переведены лишь отдельные ее главы и фрагменты:

– Школа Фредерика Ле Пле [глава II] // *Социология*. 2005, № 1, с. 229–253 (перевод В.В. Сапова);

– Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны [глава VI] // *Социология современных войн: Материалы научного семинара*. Под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. М., 2004. Вып. 1 (перевод Ю.Б. Михайлова, Л.А. Преснякова под научной редакцией И.В. Образцова);

– Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны [глава VI] // *Наследие*. 2017, № 2 (11), с. 165–198 (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова);

– Механистическая школа Вильфредо Парето [глава I, 6] // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2017, № 44, с. 153–188 (перевод В.Л. Силаевой).

Книга вызвала многочисленные рецензии, список которых (не претендующий на полноту) приведен ниже. Рецензии, отмеченные звездочкой (*), см. в приложениях к настоящему изданию.

Case C.M. A Landmark in Sociological Literature // *Sociological and Social Research*. 1928, № 13;

* *House P.N.* // *Social Forces*. 1928, September, p. 166–167;

* *Giddings F.H., Gaaden M.V.* // *The Saturday Review of Literature*. 1928, October 20, p. 274;

* *Ginsberg M.* // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1929, Bd. 30, p. 228–230;

Klimt A. // *Moderne Stat.* 1936, roč. 9, čís. 5, p. 139–140;

* *MacIver R.M.* // *The Annals of the American Academy of Arts and Sciences*. 1929, vol. 139, p. 216–217;

* *Mayer J.* // *Social Science*. 1965, vol. 40, № 3 (June), p. 178–179;

Mougin H. // *Annales Sociologiques. Serie A: Sociologie Générale*. 1938, fasc. 3, p. 98–104;

Philippe-Robert J. Nul n'est prophète en son pays // *Les Études Sociales*. 1938, septembre-octobre, p. 59–66;

* *Reuter E.B.* // *The American Journal of Sociology*. 1929, vol. XXXIV, № 2 (September), p. 382–384;

* *Wirth L.* // *Social Service Review*. 1930, vol. 4, № 4 (December), p. 687–688;

* *Wolfe A.B.* Review of Contemporary Sociological Theories // *The American Economic Review*. 1929, vol. 15, p. 715–717;

von Wiese L. // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. 1929/30, Heft. 1, S. 109–115;

Vlădescu-Răcoasa G. // *Revista de Filosofie*. 1938, octubre-diciembre, p. 410–412.

Глава I

^{1*} *Modo mathematico (лат.)* – букв.: математическим способом (образом), т. е. отдает предпочтение интерпретации геометрической, механической и физической, энергетической, математической. — 29

^{2*} Единственный сохранившийся фрагмент Фалеса гласит: «Начало сущих вещей – вода», «Начало элементов – вода», «Началом всех вещей он полагал воду» (Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989, ч. I, с. 109, 104, 101). — 29

^{3*} *In physics plurimum posuit (лат.)* – самое большое значение придавал он физике (Цицерон. О пределах блага и зла. I, XIX, 63). — 30

^{4*} *Placet nostris quod bonum est corpus esse (лат.)* – Наши [т. е. стоики] считают, что благо телесно (*Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977, с. 297: Письмо СХVII, 2). — 30

^{5*} Учение о «четырех типах желания» У. Томас разработал в книге «Неприспособленная девушка» (1923). Желание как движущая сила активности индивида есть не что иное, как потребность. У. Томас делит желания на четыре типа: желание нового опыта, желание безопасности, желание ответной реакции, желание признания. Подробнее см.: *Гордеева С.С.* Теория У. Томаса в исследовании установки на потребление алкоголя у подростков // *Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы III Международной научно-практической интернет-конференции*. Пермь, 2016, с. 377–380. — 31

^{6*} Согласно Г. Ратценхоферу существует пять (не шесть!) главных типов интересов: прокреативные (стимулирующие продолжение рода), физиологические (связанные с питанием), индивидуальные (связанные со стремлением к самоутверждению), социальные (родственные и групповые) и трансцендентные (религиозные). Интересы – это (по Ратценхоферу) осознание прирожденных биологических потребностей и импульсов, которые обуславливают борьбу за существование.

А. Смолл выделял шесть классов интересов, связанных со сферами здоровья, благосостояния, общения, познания, красоты, справедливости. Первый класс интересов касается пищи и сексуальных отношений, второй – богатства и владения вещами, третий – связей между людьми, четвертый – знания и науки, пятый – наслаждения эстетическим, шестой – правоты. Каждый из этих классов (групп) интересов претендует на доминирование среди других, в результате между ними возникает постоянный конфликт, который проявляется в действиях людей. — 31

^{7*} *Nominis corpus quatenus machinamentum quoddam ... machinamentum humani corporis (лат.)* – человеческое тело похоже на механизм ... механизм человеческого тела (*Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. М., 1994, т. 2, с. 67, 68: Размышления о первой философии, VI размышление). — 31

^{8*} L'on peut fort bien ~ horloge (*фр.*) – и поистине мы вполне можем сравнивать нервы (человека) с трубами машин, мускулы и сухожилия – с другими разнообразными двигателями и средствами, способствующими их движению. <...> Кроме того, дыхание и другие подобные действия... напоминают ход часов (*Декарт Р.* Человек. М., 2012, с. 17–18). Аналогичную мысль Декарт высказывает в «Размышлениях о первой философии», где рассматривает «тело человека в качестве некоего механизма, состоящего из костей, нервов, мышц, сосудов, крови и кожных покровов» (*Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. М., 1994, т. 2, с. 67). — 31

^{9*} Quid est cor ~ nisi... rotulae (*лат.*) – Что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не... нити, а суставы – как не... колеса? (*Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, т. 2, с. 6). — 31

^{10*} Le corps de l'animal ~ les Automates artificiels (*фр.*) – Тело животного – это машина одновременно гидравлическая, пневматическая и пироболоческая <...> своего рода... естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные.

Первая цитата взята из не переведенного на русский язык сочинения Лейбница (1697) «Ответы на размышления... касающиеся последствий некоторых мест в философии Декарта» (*Réponses aux réflexions... touchant les conséquences de quelques endroits de la philosophie de Descartes // Leibniz.* Die philosophische Schriften. Hildesheim: Olms, Bd. IV, S. 339–340); вторая – из «Монадологии» (§ 64). См.: *Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х тт. М., 1982, т. 1, с. 424). — 31

^{11*} *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006, т. II, с. 329. — 31

^{12*} *Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. М., 1994, т. 1, с. 484: Страсти души, 6. — 31

^{13*} Vita motus est perpetuus (*лат.*) – жизнь – это постоянное движение (*Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, т. 1, с. 246: О человеке. XI, 15). — 32

^{14*} Notre nature est dans le mouvement (*фр.*) – наша природа – движение (*Паскаль Б.* Мысли. М., 1995, с. 263, фр. 641/129, ошибочно указан 121). — 32

^{15*} *Мальбрани Н.* Разыскания истины. СПб., 1999, с. 139. — 32

^{16*} Suum esse conservare, suum sibi utile quaerere (*лат.*) – каждый стремится сохранить самого себя, каждый ищет собственной пользы (*Спиноза Б.* Избранные произведения в 2-х тт. М., 1957, т. I, с. 549: Этика, ч. IV, теорема 35, королларий). — 32

^{17*} Generalem quandam ~ universalem nominari (*лат.*) – должна существовать некая общая наука, и эта самая наука должна называться... именем всеобщей математики (*Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. М., 1994, т. 1, с. 90: Правила для руководства ума. Правило 4). — 33

^{18*} См.: *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006, т. I, с. 265. Сам Спекторский ссылается на труд Вейгеля «Idea Matheseos Universae» (Jena, 1669, p. 30). — 33

^{19*} В оригинале: All truths are discovered only through measurement. Это, по-видимому, не совсем точный перевод с французского: La vérité n'est autre chose qu'un rapport réel... Los vérités ne sont donc que des rapports... Ainsi, toutes les vérités n'étant que des rapports (*Malebranche N.* Recherche de la vérité, livre VI, I partie, ch. V).

Правильный перевод дан у Е.В. Спекторского, у которого Сорокин, скорее всего, и заимствовал эту цитату (как, впрочем, и почти все предыдущие): «В XVII в., с его склонностью к растворению всякого фактического бытия без остатка в “модусах” и к схематизации всего познаваемого, не было недостатка в утверждениях, что “истина – это не что иное, как реальное

отношение” и что даже “все истины – это только отношения”, отношения между предметами и отношения между самими отношениями» (*Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006, т. II, с. 323–324). — 33

^{20*} *Mens, mensura, quies, motus, positura, figura sunt cum materia cunctarum exordia rerum (лат.)* – ум, мера, покой, движение, расположение, фигура. Вместе с материей суть начала всех вещей.

В этом латинском двестишии перечислены семь категорий философии Декарта, которые в «Логике Пор-Рояля» противопоставлялись таблице категорий Аристотеля. Согласно философии Декарта, можно дать отчет обо всей природе, рассматривая только эти семь объектов: 1) *mens* (дух, или мыслящая субстанция), 2) *materia* (тело, или протяженная субстанция), 3) *mensura* (величина), 4) *positura* (расположение частиц материи относительно друг друга), 5) *figura* (фигура тел), 6) *motus* (их движение) и 7) *quies* (их покой). — 33

^{21*} *Sicut Mathematici figuras a corporibus semotas considerant (лат.)* – подобно тому, как математики считают фигуры абстрагированными от тел.

Цитата из трактата Г. Гроция «О праве войны и мира»: «Ибо я истинно утверждаю, что подобно тому, как математики считают фигуры абстрагированными от тел, так и я, рассматривая их правильно, отвел свой ум от всех частных фактов» (*Grotius. De jure belli ac pacis. Prolegomena*, 58). — 33

^{22*} *Ad analogiam systematis Copernicae (лат.)* – по аналогии с системой Коперника. — 33

^{23*} *In societate ~ non dependeat (лат.)* – в человеческом обществе нет почти ничего такого, что не зависело бы от науки о числе и измерении. — 33

^{24*} *Per magnitudinem, figuram et motum (лат.)* – посредством величины, фигуры и движения.

Выражение из письма Лейбница к Я. Томазиу (1669) «о возможности примирить Аристотеля с новой философией». См.: *Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х тт. М., 1982, т. 1, с. 86. — 33

^{25*} *In respectu ad durationem (лат.)* – в зависимости от длительности. Выражение из сочинения С. Пуффендорфа «Право естественное и право народов» (*Puffendorff. De jure naturae et gentium. Lib. I, Cap. I, § 10*). — 34

^{26*} *Status quanticativus* (от *лат. quand* – «когда») – статус времени; здесь – моральное пространство.

Пуффендорф определяет его так: «Статусом называется предполагаемая сущность, потому что он является как бы основой положительных моральных поступков... Он в известном смысле аналогичен пространству [физическому], потому что пространство также является как бы основой вещей природных, поскольку в нем они существуют тем естественным образом, какой имеют, и осуществляют свойственные им физические движения. Однако статус отличается от пространства в том отношении, что пространство есть некая субстанция, неподвижная и протяженная изначально и сама по себе, которая будет существовать, даже если удалить из нее все природные вещи; статус же... обладает только свойствами качества и атрибута, так что если физические вещи будут из него удалены, то он никоим образом не сможет сохранить свое существование. Теперь статус можно разделить по аналогии с пространством на статус места и статус времени». Эта цитата на латинском языке приведена у Спекторского (*Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006, т. I, с. 435). — 34

^{27*} *Tempus nihil aliud est quam magnitudo motus (лат.)* – время есть не что иное, как величина движения (*Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х тт. М., 1982, т. 1, с. 97: Письмо к Якобу Томазиу о возможности примирить Аристотеля с новой философией). — 34

^{28*} Не перевод, а скорее пересказ цитаты, которая у Бехтерева выглядит так: «В дни царизма в России уже требование министерства доверия признавалось крайне радикальной формой общественного движения, тогда как в дни революции всего несколько месяцев спустя уже и требования республиканского строя для России не считались радикальной мерой». — 43

^{29*} Имеется в виду книга Э. Сольве «Questions d'énergétique sociale. Notes et publications de M. Ernest Solvay (1894–1910)» (Bruxelles, 1910), последняя глава которой носит название «Социальная энергетика и позитивная политика» (Energétique sociale et Politique positive, p. 211–225). — 43

^{30*} Desiderata (*лат.*) – пожелание. — 45

^{31*} Лот – мера веса, использовавшаяся в России со второй половины XVIII в. до введения метрических мер. 1 лот = 3 золотникам = 12, 8 г. — 52

^{32*} В юбилейном сборнике В. Парето участвовали: швейцарский историк Жан-Шарль Биодэ (Biaudet); ректор Лозанского университета Эме Шаван (Chavan); Паскуале Бонинсенни (Boninsegni), профессор политической экономии; Эрнест Рогин (Roguin), профессор права; Эдмон Роживу (Rogivue); Матео Панталеоне (Pantaleoni), профессор политической экономии; Шарль Жид (Gide); Роберт Михельс (Michel); доктор Гроссман (Grossman); Мишель Бувье (Bouvier), профессор финансового права, делегированный на юбилей Лионским университетом. Поскольку тексты перечисленных авторов представляют собой выступления на юбилее, они не имеют индивидуальных названий, а названы в оглавлении сборника общим названием «Речь» (Discours), причем с двумя «дискурсами» выступил и сам юбиляр. В сборник вошли также библиография трудов В. Парето и библиография трудов о нем. Сборник был переиздан в Женеве в 1975 г. — 60

^{33*} Этот номер журнала посвящен памяти умершего в 1923 г. социолога. Вот его содержание:

Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica
Vol. 65 (Anno 39), № 1/2, Gennaio-Febbraio 1924:

1. *M. Pantaleoni*. In occasione della morte di Pareto: riflessioni (p. 1–19)
[*М. Панталеони*. По случаю смерти Парето: размышления].
2. *Enrico Barone*. L'opera di Vilfredo Pareto e il progresso della scienza (p. 20–26)
[*Энрико Бароне*. Труды Вильфредо Парето и развитие науки].
3. *Umberto Ricci*. Pareto e l'economia pura (p. 27–44)
[*Умберто Риччи*. Парето и чистая экономика].
4. *Luigi Amoroso*. La Meccanica Economica (p. 45–54)
[*Луиджи Аморосо*. Экономическая механика].
5. *Alfonso de Pietri-Tonelli*. Le equazioni generali dell'equilibrio economico di Vilfredo Pareto (p. 55–61)
[*Альфонсо де Пьетри-Тонелли*. Общие уравнения экономического равновесия Вильфредо Парето].
6. *Gustavo Del Vecchio*. Le teorie sulla circolazione negli scritti del Pareto (p. 62–68)
[*Густаво Дель Веккьо*. Теории циркуляции в трудах Парето].
7. *Marco Fanno*. Punti controversy della teoria dei dazi doganali (p. 69–77)
[*Марко Фанно*. Спорные моменты теории таможенных пошлин].
8. *Ulisse Gobbi*. Economia pura e fenomeno economico concreto (p. 78–80)
[*Улисс Гобби*. Чистая экономика и конкретный экономический феномен].

9. *Gino Borgatta*. I rapporti fra la scienza economica e la sociologia nell'opera paretiana (p. 81–89)
[Джино Боргатта. Отношения между экономической наукой и социологией в работах Парето].
10. *R. Benini*. Da Malthus e Ricardo a Vilfredo Pareto: Traccie di una via maestra (p. 90–102)
[Р. Бенини. От Мальтуса и Рикардо до Вильфредо Парето: этапы большого пути].
11. *Giuseppe Prato*. Corollari paretiani dell'ora presente (p. 103–109)
[Джузеппе Прато. Паретианские короллары последнего часа].
12. *Roberto Michels*. Pareto e il Materialismo Storico (p. 110–113)
[Роберт Михельс. Парето и исторический материализм].
13. *Ettore Ciccotti*. Pareto e ali studi storici (p. 114–119)
[Этторе Чиккотти. Парето и исторические исследования].
14. *Giorgio Mortara*. Pareto statistico (p. 120–126)
[Джорджо Мортара. Парето-статистик].
15. *Felice Vinci*. Calcolo delle probabilità e distribuzione dei redditi nel pensiero di Pareto (p. 127–129)
[Феличе Винчи. Расчет вероятности и распределение доходов в теории Парето].
16. *Fulvio Zugaro*. Pareto e le discipline militari (p. 130–141)
[Фульвио Зугаро. Парето и воинские дисциплины].
17. *R. Dalla Volta*. Il Pareto all'Accademia dei Georqofili (p. 142–143)
[Р. Далла Вольта. Парето в Академии Джеоргофили].
18. Bibliografia di Vilfredo Pareto (p. 144–153)
[Библиография Вильфредо Парето]. — 60

^{34*} Trattato est ~ où il va (*фр.*) – «Трattato» написан из ряда вон плохо... Обилие экспериментальных данных затемняет ясность изложения, темы рассматриваются без какой-либо последовательности, и читатель не понимает, куда он идет. — 60

^{35*} «Религия человечества» – религиозное учение О. Конта, изложенное им в «Системе позитивной политики» (т. 1–4, 1851–1854; на русский язык не переводилась). Богом «позитивной религии» является «Высшее существо» – совокупное человечество в лице наилучших своих представителей, которое должно почитаться каждым отдельным человеком. Роль первосвященника новой религии О. Конт сохранил за собой. За поддержкой своего «проекта» он обращался к русскому императору Николаю I, великому визирю Решид-паше и к ордену иезуитов. Переговоры эти не дали результатов и прекратились из-за смерти «реформатора» в 1857 г. Самое краткое и содержательное изложение «позитивной религии человечества» дает В.С. Соловьев в своей статье о Конте, написанной для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (см.: Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб., б.г., т. X, с. 391–396). — 62

^{36*} *Фюстель де Куланж*. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010, с. 68. — 63

^{37*} De minimis non curat praetor (*лат.*) – Претор не занимается пустяками. Претор в Древнем Риме – представитель высшей судебной власти. — 64

^{38*} Residui (*итал.*) – остатки. — 66

^{39*} Vice versa (*лат.*) – наоборот. — 69

^{40*} Одна из самых знаменитых фраз В. Парето: L'histoire est un cimetière d'aristocraties. См.: Трактат, т. 1, § 2053; *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007, с. 313 (§ 806). — 76

Глава II

^{1*} Les ouvriers deux mondes [Рабочие двух миров] – журнал, издававшийся в Париже с 1857 по 1928 г. (1857, 1858, 1861, 1862, 1885, 1887, 1888, 1890, 1895, 1900, 1905, 1908, 1928). Всего вышло 16 номеров. — 82

^{2*} Лапландцы, лопари (саами) относятся к северной группе финно-язычных народов, проживают на территории Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров). — 93

^{3*} Капская колония – основана голландцами в Южной Африке, получила название от форта Капстад (ныне – Кейптаун), а потомки начавших ее заселять европейских колонистов образовали особую народность – африканеры, или буры; с 1875 по 1910 г. была колонией Великобритании. — 103

^{4*} Эколь де Рош (École des Roches) – школа в Вернёе (Нормандия) во Франция, основанная Эдмоном Демолем в 1899 г. как школа для мальчиков, с 1968 г. – школа совместного обучения. — 104

^{5*} Лунь Юй. 7, 1 (Конфуцианское «четверокнижие» («Сы Шу»). М., 2004, с. 180). — 105

^{6*} Имеются в виду Библейские заповеди, или декалог («десятисловие»), – заповеди, написанные согласно книге Исход (34, 28) Моисеем, а согласно Второзаконию (4, 13; 10, 4) – самим Яхве на двух каменных досках («скрижалях»). В Пятикнижии названы два различных декалога: «этический» декалог (Исх. 20, 2–17 и Втор. 5, 6–21) и «культовый» декалог (Исх. 23; 34, 12–26).

Этический декалог состоит из следующих заповедей:

1. Да не будет у тебя других богов.
2. Не делай себе кумира.
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его.
5. Почитай отца твоего и мать твою.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
10. Не желай дома ближнего твоего, ничего, что у ближнего твоего.

При классификации этих заповедей имеются некоторые отличия между католиками, протестантами, православными и иудеями. Древнейшее изложение «культового» декалога (Исх. 34, 12–26) называет следующие десять заповедей:

1. Не вступай в союз с жителями той земли, в которую ты войдешь.
2. Ты не должен поклоняться богу иному.
3. Не делай себе богов литых (т. е. из металла).
4. Соблюдай праздник опресноков.
5. Пусть не являются пред Лице Мое с пустыми руками.
6. В седьмой день отдыхай.
7. Совершай праздник седмиц, праздник начатков жатвы и праздник собирания плодов.
8. Не изливай крови жертвы Моей на квасное (при заклании).
9. Жертва праздника Пасхи не должна переночевать до утра.
10. Не вари козленка в молоке матери его. — 105

Глава III

^{1*} Градус по Фаренгейту (обозначение: F) – единица измерения температуры, названная в честь немецкого ученого Габриеля Фаренгейта, предложившего в 1724 г. шкалу для измерения температуры. При переводе из шкалы Фаренгейта в шкалу Цельсия из исходной цифры вычитают 32 и умножают на 5/9. — 118

^{2*} Абиссиния – название африканской страны и государства; современное официальное название – Эфиопия. — 119

^{3*} Триест (Trieste) – столица автономной провинции Фриули-Венеция-Джулия на северо-востоке Италии.

Альмерия – город в Испании на юго-восточном побережье Средиземного моря, одна из восьми провинций Андалусии. — 121

^{4*} Хопи – индейский народ, принадлежащий к группе народов пуэбло, проживающий в резервации Хопи на северо-востоке Аризоны.

Навахо – самый многочисленный индейский народ, проживающий на территории США. — 121

^{5*} Ораоны – народ, живущий на плато Чхота-Нагпур (Индия) среди народов мунда, которым ораоны близки по культурно-бытовым особенностям; небольшие группы ораонов живут в штате Орисса, Западный Бенгал, Ассам.

Мунда – группа народов в Центральной и Восточной Индии, небольшими группами живут также в соседних странах.

Луши – некитайские племена и княжества на территории нынешнего городского округа Чан-чжи провинции Шаньси в эпоху Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.); китайцы считали их «северными варварами».

Арагонцы – жители испанского автономного сообщества, расположенного на севере Испании и граничащего с Францией.

Тонкинцы – жители французской колонии (с 1885 г.) Тонкин (Tonking), расположенной на территории современного северного Вьетнама.

Сиамцы (тайцы) – коренное население Сиама (прежнее название Таиланда). — 122

^{6*} Ливы – малочисленный прибалтийско-финский народ, живший на территории современной Латвии; по последним данным, в Латвии к 2009 г. не осталось ни одного представителя с родным ливским языком. — 122

^{7*} Догрибы – индейский народ, живущий на северо-западных территориях Канады.

Чинуки – группа индейских народов на северо-западе США.

Кутенайцы – индейский народ, живущий на юго-востоке Британской Колумбии (5 общин), в северо-западной Монтане и северо-восточном Айдахо (по 1 общине).

Команчи – индейский народ в США; в настоящее время живут в резервации в штате Оклахома.

Черноногие (англ. Blackfoot) – индейский народ в США и Канаде, названный так англичанами и французами по цвету носимых ими мокасин.

Кроу – индейское племя в США, исторически проживавшее в долине реки Йелоустон; в настоящее время живут в резервации в штате Монтана.

Кри – одно из алгонкиноязычных индейских племен Северной Америки; в XVII в. жили на западе полуострова Лабрадор; к началу XIX в. расселились по огромной территории лесостепной Канады.

Чаруа (Charua) – индейский народ, живший в восточной части низины Ла-Плата, в основном на территории современного Уругвая, а также на северо-востоке Аргентины и юге Бразилии.

Макоби (Macobys) – племя южноамериканских индейцев. — 122

^{8*} Сиу – индейский народ, живущий на севере США (резервации на севере штата Небраска, в штате Миннесота, Южной и Северной Дакоте, на северо-востоке штата Монтана) и юге Канады (резервации в провинциях Саскачеван и Манитоба).

Пауни – индейский народ, проживавший в прошлом в районе рек Платт, Луп и Репабликан, на территории современных штатов Небраска и Канзас.

Оджибве – индейский народ алгонкинской языковой семьи, расселенный в резервациях США и Канады.

Ленгуа – индейский народ, проживающий на территории Парагвая.

Мачикуи – индейский народ, проживающий в Аргентине.

Ирокезы – группа индейских племен, проживающих в США (штаты Нью-Йорк, Оклахома) и Канаде (провинция Онтарио).

Алгонкины – группа коренных народов (индейцев) Северной Америки, родственных по языку.

Маскоходианцы – индейское племя, жившее на территории Мексики.

Конкапа – племя индейцев, проживающих в США (штат Аризона) и Мексике; численность конкапа в момент контакта с европейцами составляла около 3 тыс., в настоящее время – от 500 до 800 человек.

Якуи (чане) – когда-то крупная этническая группа в составе араваков, проживавшая на севере современной Аргентины и юге Боливии.

Мохаве – индейский народ, проживающий на юго-западе США.

Юма – группа индейских народов на юго-западе США (штаты Аризона, юго-восток Калифорнии и Невады).

Пима – индейское племя, проживающее в центральной и южной части штата Аризона (США), а также в мексиканском штате Сонора.

Папагосы, Папахосы – индейское племя, живущее по реке Колорадо, в Северной Америке.

Опата – индейский народ группы пима на северо-западе Мексики.

Майя – народ Центральной Америки численностью не менее 6 млн человек, живущий на территории Мексики, Гватемалы, Гондураса и Сальвадора; потомки народа, создавшего древнюю цивилизацию Майя.

Тепеуа – индейский народ на севере Мексики. — 122

^{9*} В указанном примечании (т. I, гл. II) Бокль пишет: «Я охотно соглашусь с замечанием одного из величайших мыслителей нашего времени (Д.С. Милля), который говорит по поводу предполагаемого различия пород: “из всех грубых уловок, к которым прибегают, чтобы не входить в рассмотрение действия общественных и нравственных явлений на дух человека, самую грубую составляет объяснение несходства в действиях и характерах людей их врожденным различием”. Обыкновенные писатели постоянно впадают в ту ошибку, что признают существование этого различия, которое, существует ли, нет ли, но доказано еще конечно не было» (Бокль Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1895, с. 16). — 125

^{10*} Huertas (*исп.*) – орошаемые сады. — 126

^{11*} Post factum (*лат.*) – здесь: задним числом. — 126

^{12*} Имеется в виду землетрясение Канто, которое произошло в Японии 1 сентября 1923 г. и практически полностью разрушило Токио и Йокогаму, погибло нескольких сотен тысяч человек; по масштабу разрушений и количеству пострадавших это землетрясение является самым разрушительным за всю историю Японии (но не самым сильным – землетрясение 2011 г. более мощное, но вызвало менее масштабные последствия). Подробнее см.: Резанов И.А. Великие катастрофы в истории Земли. М., 1984, с. 98. — 131

^{13*} Имеется в виду статья: *Fleming R.M. Sex and growth features in social analysis: an abstract of a communication read before the Royal Anthropological Institute on February // Man. 1922, vol. 22, p. 69–75.*

В ходе исследования сначала были проведены измерения 2 000–3 000 детей в школах Англии и Уэльса, при повторных измерениях, с интервалом от одного до двух лет, были проанализированы 187 мужчин и 232 женщины. В результате 1) установлено различие скорости развития полов, 2) обнаружена тенденция к увеличению цефалического индекса по мере роста, 3) выявлены различия в изменении цвета глаз и волос в процессе развития полов. — 139

^{14*} Цефалический, кефалический (от *греч.* *kephale* – «голова») показатель – соотношение длины и ширины черепа; в зависимости от этого соотношения выделяют: *брахицефалию* (от *греч.* *brachys* – «короткий») – короткоголовость, такое соотношение длины и ширины черепа, при котором ширина черепа больше 0,8 его длины; *долихоцефалию* («длинноголовость»), когда соотношение ширины и длины черепа составляет 0,75, и мезоцефалию («среднеголовость»), когда оно колеблется в пределах от 0,75 до 0,79.

С помощью этих пропорций головы можно выделить локальные антропологические типы. Со времен средневековья по сравнению с предшествующими эпохами наблюдался процесс брахицефализации; со второй половины XIX в. процесс пошел в обратном направлении (дебрахицефализация), т. е. черепа становятся уже и длиннее. В настоящее время установлено, что черепной показатель не связан с умственными способностями. — 139

^{15*} Носовой индекс (носовой указатель) – антропометрический показатель формы носа: отношение ширины носа к его высоте, выраженное в процентах. — 141

^{16*} У Сорокина ошибочно: «World Power and Climate». Речь идет о диаграмме 7.

К этой диаграмме Хантингтон сделал примечание: «Шкала для Финляндии указана в процентах от годовой нормы. Для всех остальных кривых шкала одинакова, за исключением того, что ноль находится на другом уровне» (*Huntington E. World-Power and Evolution. New Haven, 1919, p. 62.*) — 148

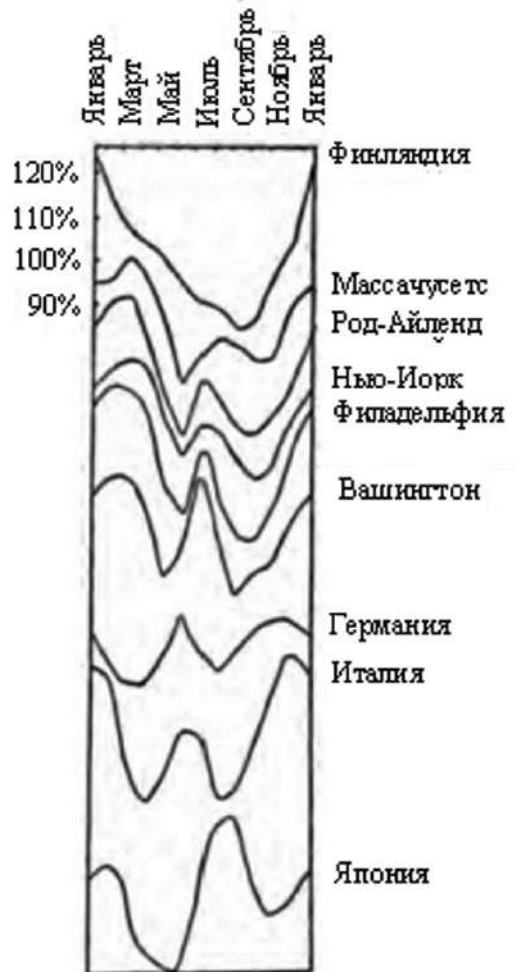


Диаграмма 7. Сезонное распределение осадков в США

^{17*} Регистрационная зона (registration area) – часть Соединенных Штатов, имеющая государственную регистрацию рождений и смертей, которая соответствует стандартам, установленным Бюро переписи населения; включает более 95% населения США. — 148

^{18*} См. прим. 39* на с. 694. — 149

^{19*} Сорокин предлагает сравнить две таблицы из книги Дж. Уипла. Одна из них называется «Ежемесячная смертность: Массачусетс, 1920» (р. 266), вторая – «Сезонное распределение смертности. Массачусетс, 1910» (р. 358). Приводим их здесь:

Таблица 58: Ежемесячная смертность: Массачусетс, 1920			Таблица 86: Сезонное распределение смертности. Массачусетс, 1910		
Месяц	Уровень смертность	Процент от годового уровня смертности	Уровень смертности	Процент от общей смертности	Отношение ежемесячной смертности к среднему числу за каждый месяц
Январь	15,69	113	17,1	8,9	106
Февраль	24,90	180	17,1	81,1	106
Март	16,65	120	17,8	9,5	110
Апрель	14,35	104	17,2	8,8	107
Май	13,23	96	15,2	8,0	94
Июнь	11,33	82	14,4	7,3	89
Июль	10,36	74	17,2	9,0	107
Август	11,15	80	16,6	8,7	103
Сентябрь	11,82	85	15,8	8,0	98
Октябрь	11,97	86	14,7	7,7	91
Ноябрь	12,39	89	14,8	7,5	92
Декабрь	13,14	95	16,2	8,5	101
Весь год	13,90	100	16,1	100	100

— 149

^{20*} Э. Хантингтон сравнивает северных фермеров-белых и фермеров-негров, южных фермеров-белых и фермеров-негров. Для сравнения выбраны следующие показатели:

1. Общее количество фермерских хозяйств в 1900 г.
2. Средняя площадь одной фермы.
3. Средняя площадь улучшенных земель на одну ферму и процент от общей площади улучшенных земель.
4. Средняя стоимость собственности (в целом).
5. Средняя стоимость земли фермы.
6. Средняя стоимость построек.
7. Средняя стоимость инструментов и техники.
8. Средняя стоимость домашнего скота.
9. Средняя стоимость продуктов в 1899 г.
10. Затраты на рабочую силу в 1899 г.

В «сравнении А» участвуют, с одной стороны, штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания, с другой – Северная и Южная Каролина, Джорджия и Флорида; в «сравнении В» – с одной стороны, штаты Огайо, Индиана, Иллинойс и Висконсин, с другой – Кентукки, Теннесси, Алабама и Миссисипи. По всем показателям лидируют северные фермеры-белые. — 154

^{21*} Кукурузный пояс – регион Среднего Запада США, где климатические условия благоприятствуют выращиванию кукурузы. Эта зона включает территории Айовы, Индианы, Иллинойса и Огайо, где выращивается около 50% всей кукурузы США. Кроме того, зона

кукурузного пояса частично включает территории штатов Южная Дакота, Северная Дакота, Небраска, Канзас, Миннесота, Висконсин, Мичиган, Миссури и Кентукки.

Озерные штаты – восемь штатов США, примыкающие к побережью Великих озер: Нью-Йорк, Иллинойс, Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Миннесота, Индиана, Висконсин. — 155

^{22*} Помещаем здесь диаграммы Э. Хантингтона, о которых идет речь:

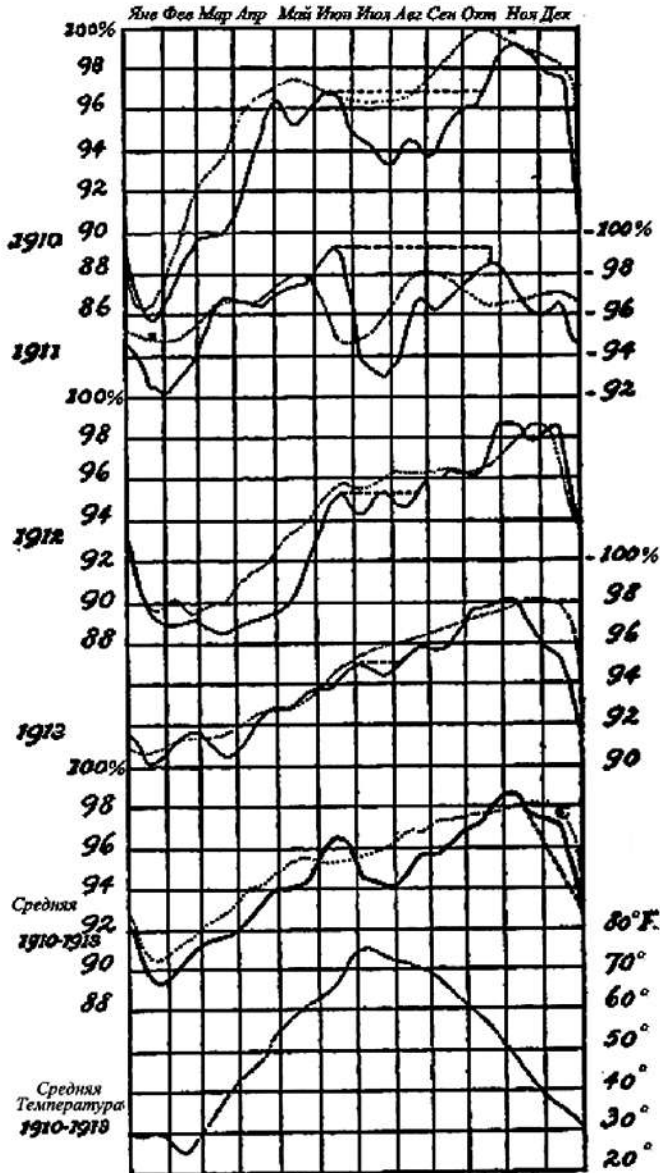


Диаграмма I. Влияние времен года на заводских рабочих в Коннектикуте (сплошные линии) и в Питтсбурге (пунктирные линии)

А. Увеличение веса 1 200 больных туберкулезом на озере Саранак. Н. Й., 1895–1902.

В. Работа 160 заводских рабочих в Коннектикуте. 1913 г.

С. Работа 60 заводских рабочих в Коннектикуте. 1911.

Д. Смертность в штате Нью-Йорк, 1892–1906. В масштабе этой кривой 100 представляет средний уровень смертности.

Е. Сила 90 школьников в Дании, 1904–1906.

Ф. Работа 410 заводских рабочих в Коннектикуте, 1910–1913.

Г. Работа 65 девушек в Уинстон-Салеме, Северная Каролина, 1914.

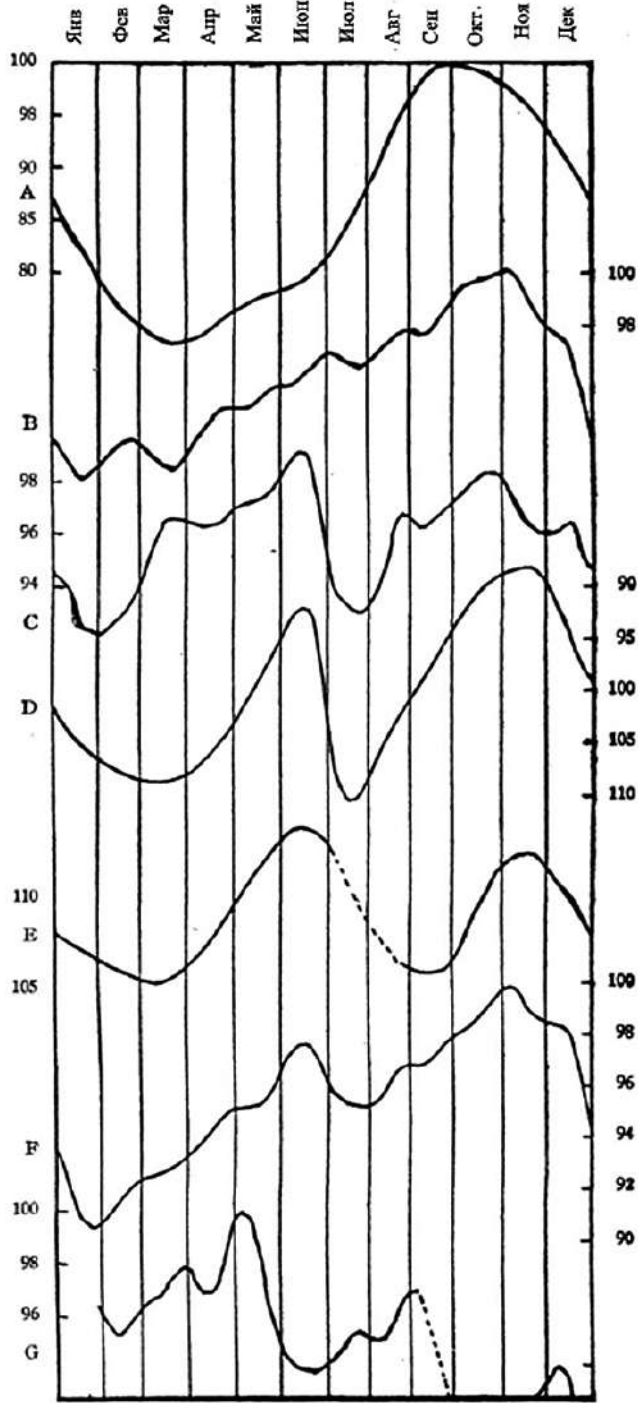


Диаграмма 2а. Человеческая деятельность и времена года

Ф. Работа 410 заводских операторов в Коннектикуте, 1910–1913.

Г. Работа 65 девушек в Уинстоне Салеме, Северная Каролина, 1914.

Н. Работа 120 рабочих хлопчатобумажных фабрик в Колумбии, С.К., 1912–1914.

И. Работа 120 рабочих на хлопковых фабриках близ Аугусты, Джорджия, 1912–1914.

Ж. Работа 57 плотников в Джексонвилле, Флорида, 1911–1914.

К. Работа 400 производителей сигар в Джексонвилле, Флорида, 1911, 1913, 1914.

Л. Работа 2300 производителей сигар в Тампе, Флорида, 1912–1914 г.

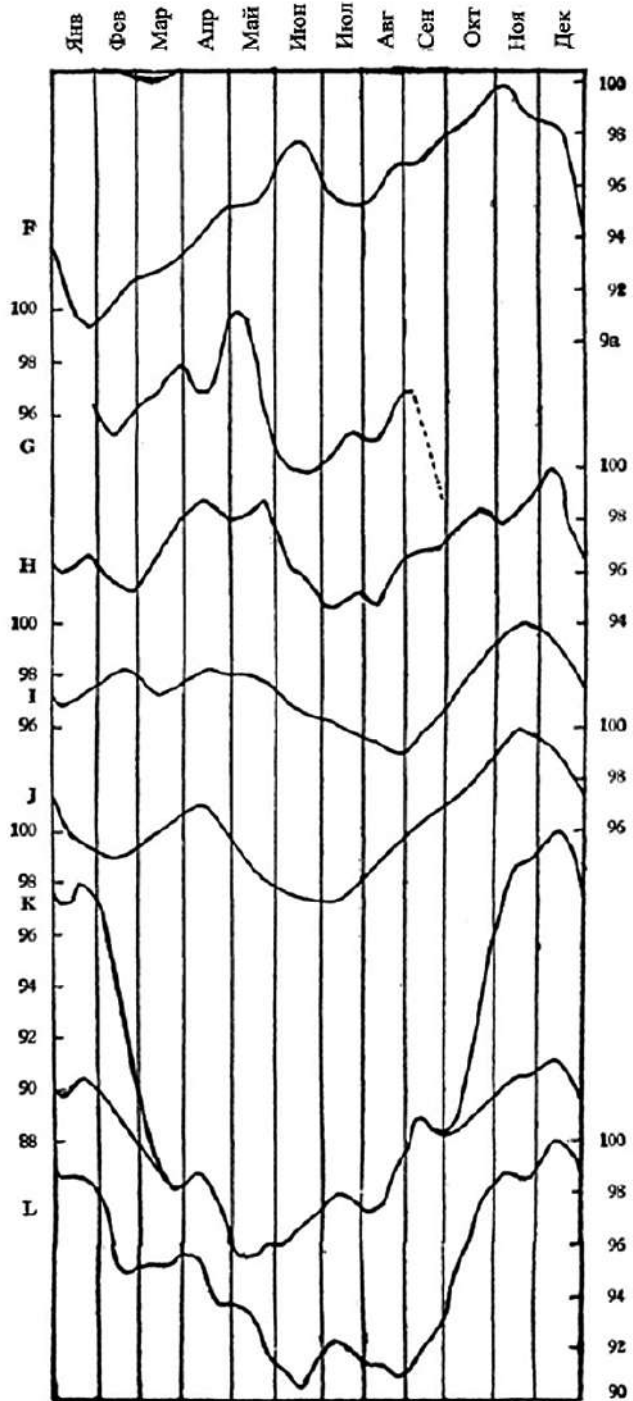


Диаграмма 2b. Человеческая деятельность и времена года

Примечание [Э. Хантингтона]. На диаграммах 2а и 2б единицей является годовая работа человека. Таким образом, «120 рабочих, 1912–1914» означает в среднем 40 человек в год в течение трех лет.

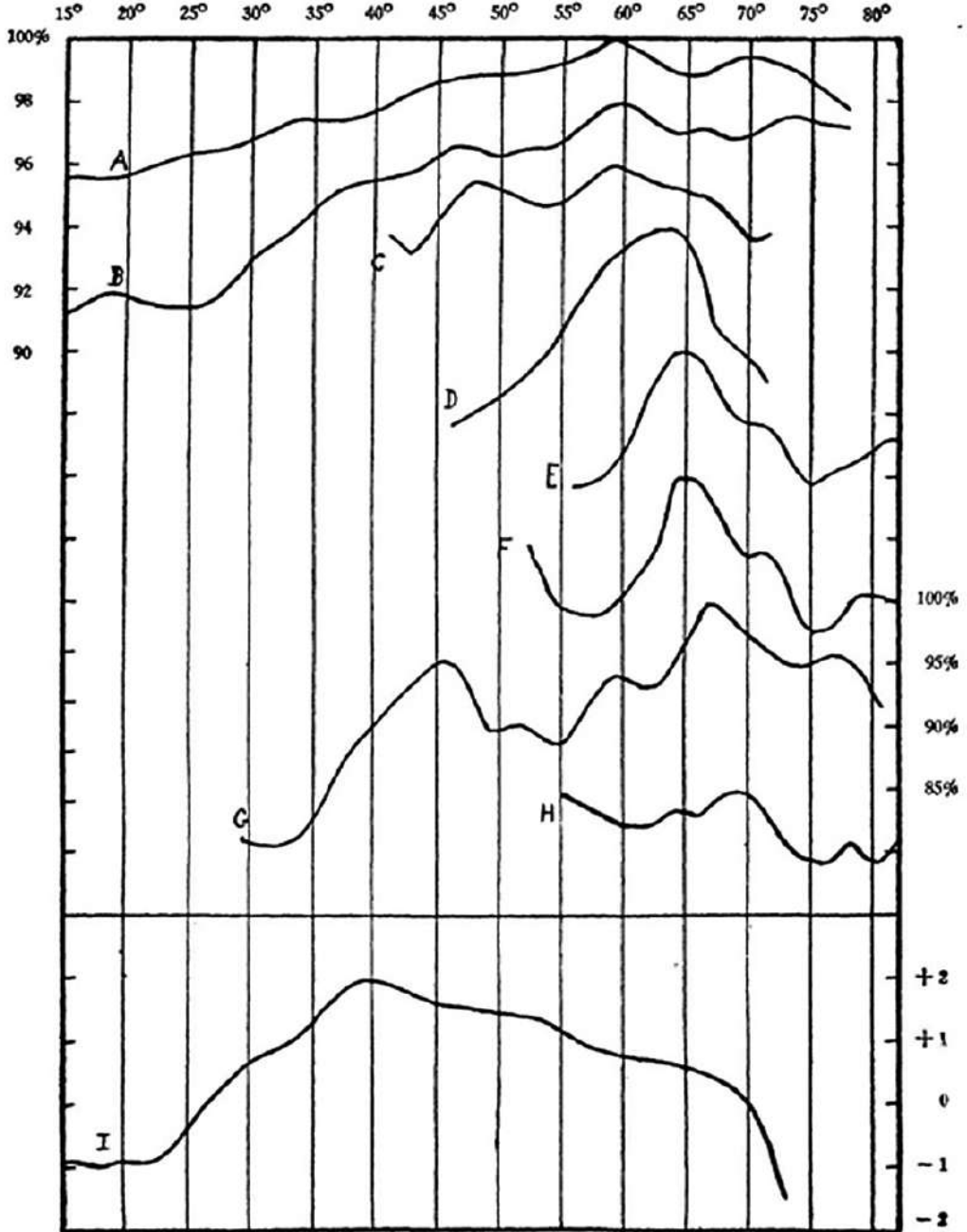


Диаграмма 8. Человеческая активность и средняя температура

- A. 300 человек на двух фабриках в Коннектикуте. 1910–1913.
 B. 196 девушек на одной фабрике в Коннектикуте. 1911–1913.
 C. Один человек в Дании. Июнь-декабрь. 1906.
 D. Один человек в Дании. Июнь-декабрь. 1909.
 E. 300 производителей сигар на фабрике В в Тампе, Флорида, 1915.
 F. 400 производителей сигар на фабрике А в Тампе, Флорида, 1913.
 G. 5 детских машинок в Нью-Йорке. 1905–1906.
 H. 580 сигарщиков на фабрике В в Тампе, Флорида, 1911.
 I. 1 550 студентов по математике и английскому языку в Вест-Пойнте и Аннаполисе, 1909–1913.

[Примечание Э. Хантингтона]. Все кривые, кроме G и I, нарисованы в одном масштабе. Максимальное количество в каждом случае равно 100. — 156

^{23*} См.: Report of New York state commission on ventilation // Monthly Review of the U.S. Bureau of Labor Statistics. 1916, vol. 2, № 5 (May), p. 48–51. — 158

^{24*} Вест-Пойнт (West-Point) – краткое название Вест-Пойнтской военной академии, высшего федерального военного учебного заведения армии США. — 159

^{25*} Аннаполис – военная академия, готовящая офицеров для ВМС США и Корпуса морской пехоты США; основана в 1845 г. и расположена в г. Аннаполис (штат Мэриленд). — 159

^{26*} Букв.: способность запоминания (*нем.*). — 160

^{27*} Post hoc, ergo propter hoc (*лат.*) – после этого, значит вследствие этого; логическая ошибка, состоящая в том, что простая последовательность двух событий во времени принимается за причинную связь между ними. — 163

^{28*} Штирийцы – коренные жители земли Штирия на юго-востоке Австрии. — 171

^{29*} Критике М. Мюллера в указанном труде Дюркгейма действительно посвящена отдельная глава (кн. I, гл. III), А. Ревиль упомянут всего несколько раз. См.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018, с. 135–160; 69, 125, 130, 499. — 176

^{30*} Амбилианский (от *малайского* ambil) брак – форма малайского брака, при заключении которого муж становится членом клана жены. Описан в книге: Mazzarella G. Teoria etnologica del matrimonio ambiliano. Coco, 1902. — 177

^{31*} Тольтеки – индейский народ, живший в VIII–XII вв. на территории Центральной Америки. Ацтеки – индейский народ в Центральной Мексике численностью более 1 млн человек. — 181

^{32*} Кафр – термин, который с XVI в. использовали португальцы в отношении чернокожих жителей Южной Африки, позднее кафрами стали называть племена юго-восточной Африки, говорившие на языках банту; в XX в. слово «кафр» приобрело презрительный смысл и стало восприниматься чернокожими жителями ЮАР как крайне оскорбительное.

Пагагонцы – общее название группы индейских племен Южной Америки, населявших южную часть Аргентины. — 181

^{33*} Ур, Лагаш, Урук – древнейшие шумерские города-государства Древней Месопотамии (на территории современного Ирака). — 181

^{34*} Иераконполь (Гиераконполь) – один из древнейших городов Египта, на западном берегу Нила в Верхнем Египте, ок. 80 км к югу от Луксора, центр культа божества Гора (Сокола). — 181

^{35*} Мемфис – большой город в Среднем Египте, некогда столица Египетского царства, резиденция фараонов.

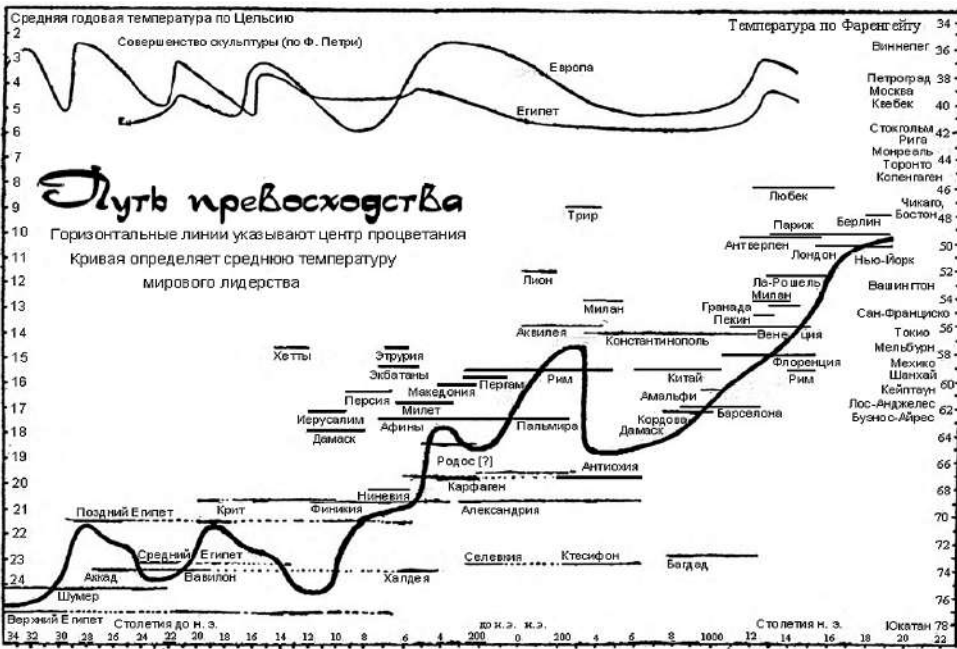
Тебаис – область древнего Верхнего Египта от Абидоса до Асуана. — 181

36* Ad libitum (*лат.*) – по желанию, до бесконечности. — 181

37* Мемель – немецкое (до 1929 и в 1939–1945 гг.) название литовского города Клайпеда. — 183

38* Поскольку Сорокин достаточно далеко удалился от последней сноски, нелишним, на-верное, будет напомнить, что автор, которого он здесь критикует, – С.К. Гилфиллан.

В его статье «Жесткая поступь прогресса» на указанной Сорокиным странице приведена следующая диаграмма:



— 183

39* Э. Хантингтон цитирует статью В.Г. Симховича «Rome's Fall Reconsidered» (Political Science Quarterly. 1916, June). — 189

40* Имеется в виду диаграмма 15, которую читателю необходимо видеть, чтобы понять, о чем идет речь. Поэтому приводим ее здесь:

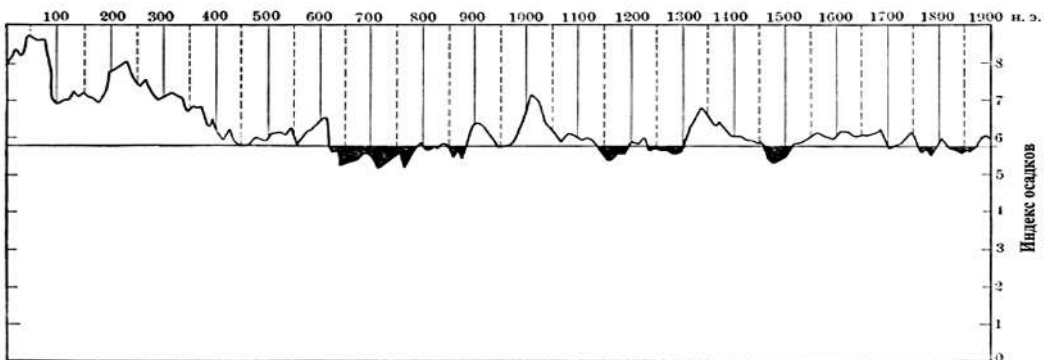


Диаграмма 15. Приблизительные колебания количества осадков в Калифорнии во времена Христианской эры

Примечание [Э. Хантингтона]: эта кривая несколько отличается от тех, которые я обычно публиковал. Она взята из книги «Цивилизация майя и климат» [Maya Civilization and Climate // Proceedings 2d International Congress of Americanists. Washington, 1917] и приведена в соответствие с уровнями берегов озера Оуэнс. Часть, начиная с 600 г. н. э. и далее, хорошо согласуется с кривой больших деревьев, скорректированной как по методу автора, описанному им в «Климатическом факторе» [The Climatic Factor. Washington, 1915], так и по методу доктора Антевса, описанному в «Постледниковых климатических изменениях» [Antevs E. Postglacial Climatic Changes. Publication № 352 of the Carnegie Institution of Washington, 1924]. Часть до 600 г. н. э. нуждается в дальнейшем пересмотре, что не оказывает существенного влияния на эту книгу. — 189

Глава IV

^{1*} Sui generis (*лат.*) – своеобразный, единственный в своем роде. — 193

^{2*} «Ради процветания миров он [божественный Самосуший] создал из своих уст, рук, бедер и ступней [соответственно] брахмана, кшатрия, вайшия и шудру» (Законы Ману. М., 1960, с. 23). — 194

^{3*} «Царь – воплощение восьми хранителей мира: Сомы, Агни, Солнца, Анилы, Индры, владык богатств и воды и Ямы» (Там же, с. 110: V, 96, а не VI, 4, как указано Сорокиным). — 194

^{4*} VII, 25: «Где идет черное, красноглазое Наказание, уничтожающее преступников, там подданные не возмущаются (grihyanti), если вождь хорошо наблюдает» (Там же, с. 129).

VII, 14: «Для этого Владыка с самого начала создал сына (ātmaja) – Наказание, охранителя всех живых существ, [воплощенную] дхарму, полную блеска Брахмы» (Там же, с. 128). — 194

^{5*} II, 148: «Но рождение, которое для него посредством “Савитри” согласно правилам дает учитель, знающий всю Веду, – действительное; оно свободно от старости и смерти» (Там же, с. 44).

II, 169–170: «Согласно наставлению священного откровения для дважды рожденного первое рождение – от матери, второе – при повязывании поясом из травы мунджа, третье – при посвящении на совершение жертвоприношения. При этом для него рождение от Веды (brahmanjanman) [то], которое отмечено повязыванием пояса из травы мунджа, при этом его мать – “Савитри”, отцом же считается учитель (ācārya)» (Там же, с. 46). — 194

^{6*} См.: Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1994, т. 3, с. 208, 238, 343–344. — 195

^{7*} Метаболизм – в данном случае обмен веществ и энергии. — 199

^{8*} Nihil est in societate quod non prius fuerit in natura (*лат.*) – нет ничего в обществе, чего бы не было раньше в природе; перефразированная формула сенсуалистов, сформулированная Дж. Локком и восходящая к Аристотелю: Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu (нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении). — 200

^{9*} Sociologus nemo, nisi biologus (*лат.*) – нет социолога, кроме как биолога.

У Лиленфельда: «Всякая социология – биология» (Лиленфельд П. Органический метод в социологии // Философия и общество. 1997, № 4, с. 230, 255). Аналогичную мысль высказывает и фон Корен у Чехова (прообразом которого послужил В. Вагнер): «Я зоолог, или социолог, что одно и то же» (Дуэль, VIII). — 200

^{10*} Имеется в виду Третий международный социологический конгресс, происходивший в октябре 1897 г. в Париже; труды конгресса опубликованы в «Annales de l'Institut International de Sociologie» (Т. IV, Paris, 1898). — 200

^{11*} *Façon de parler* (*фр.*) – манера речи, только слова. — 203

^{12*} *Differentia specifica* (*лат.*) – видовое отличие, характерный признак. — 204

^{13*} *Lebens einheit* (*нем.*) – единство жизни. — 205

^{14*} *L'action française* (*фр.*) – букв.: Французское действие, «Аксьон Франсез», французская монархическая организация, возникшая в 1899 г. под руководством Ш. Морраса. — 205

^{15*} Фабианцы – члены и сторонники Фабианского общества, которое было основано в Англии в 1884 г. и ставило своей целью «медленное» и ненасильственное построение социализма (название общества происходит от имени римского полководца Фабия Максима, прозванного Кунктатором – «медлительным» – за его выжидательную тактику в борьбе с Ганнибалом). В состав общества вошли Б. Шоу, С. и Б. Вебб, Г. Уэллс и др. С 1900 г. Фабианское общество входит в состав Лейбористской партии, сохраняя при этом свою организацию и играя роль идеологического центра, разрабатывающего программные и тактические основы лейборизма. — 206

^{16*} «Гильдейский социализм» (гильдеизм) – реформистское течение среди английских социал-демократов в первой четверти XX в. Авторы концепции «гильдейского социализма» (Дж. Коул, Дж. Гобсон, У. Меллор) выдвигали идею о переходе к социализму путем передачи национализированных предприятий в управление «национальным гильдиям» – объединениям трудящихся той или иной отрасли производства, ядро которых должны были составить уже существующие тред-юнионы. С целью реализации своей программы «гильдеисты» основали в 1914 г. Национальную гильдейскую лигу. Однако их утопические планы не получили распространения среди широких рабочих масс; претворить их в жизнь (главным образом в строительном деле) «гильдеистам» также не удалось. В итоге в 1920-е гг. «гильдейский социализм» сошел с политической арены. — 206

^{17*} Сначала представьте себе организм; замените чисто биологическую клетку, которая является только абстракцией, синтезом психических атомов или монад; поверх жизни накладывайте сознание; затем социализируйте то, что вы мысленно получили; сообщите каждому психофизиологическому элементу стремление жить в сообществе, ассоциации, образовавшийся агрегат снабдите правительством, чем-то вроде монархии с душой, чье чувство, интеллект, воля будут министрами... Что выиграет от этого наука? Не станет ли еще темнее от этих вынужденных аналогий? (*фр.*) — 207

^{18*} См. прим. 1* на с. 706. — 208

^{19*} См. прим. 39* на с. 694. — 209

^{20*} Выражение Н.К. Михайловского, считавшего, что развитие по «органическому» пути с его разделением труда превращает реальную личность в «палец ноги». — 211

Глава V

^{1*} Правильная сноска: III, 6–42. «6. При заключении брака надо избегать следующие десять семейств, даже [если они] большие и богаты коровами, козами, овцами, деньгами и зерном: 7. семейство, пренебрегающее исполнением обрядов, лишненное мужчин, в котором не изучается Веда, [члены которого] волосаты, подвержены геморрою, чахотке, плохому пищеварению, падучей, белой или черной прокаже. 8. Не следует брать в жены девушку рыжую, имеющую лишний член [например, шесть пальцев], болезненную, безволосую, слишком волосатую, болтливую, красноглазую, 9. носящую имя созвездия, дерева, реки, название

нижней касты, горы, птицы, змеи, слуги или устрашающее имя. 10. Надо брать в жены женщину, свободную от телесных недостатков, имеющую приятное имя, походку лебедя или слона, нежные волосы на теле и голове, красивые зубы, нежные члены» (Законы Ману. М., 1960, с. 30–32). — 214

^{2*} Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967, с. 453. — 214

^{3*} Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 377. — 215

^{4*} У Сорокина – imbriding. Имбридинг, или инцухт, – форма гомогамии, скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов (животных или растений). Термин «кинбридинг» обычно используется в отношении животных, а для растений более распространен термин «инцухт» (нем. Inzucht); этот термин также часто используется при описании взаимоотношений между людьми, например, в биографиях и научно-политических трудах. — 223

^{5*} См. прим. 14* на с. 698. — 226

^{6*} Великое герцогство Баден – историческое государство на юго-западе Германии, существовавшее в период с 1806 по 1918 г.; осталось независимым вплоть до создания Германской империи в 1871 г., после революции 1918 г. Баден стал частью Веймарской республики. — 234

^{7*} См. прим. 39* на с. 694. — 239

^{8*} Под общим названием «Вклад в математическую теорию эволюции» К. Пирсон опубликовал 17 статей, пронумерованных от II до XIX и опубликованных в «Drapers' Company Research Memoirs», а также 8 нумерованных статей, опубликованных в «Proceedings of the Royal Society». Статьи публиковались на протяжении более 20 лет (1894–1916), но отдельным изданием при жизни Пирсона так и не вышли. Большая часть этих статей вошла в издание: Karl Pearson's Early Statistical Papers. Cambridge University Press, 1948. — 244

^{9*} Локальные расы – первичные группы человека, обособившиеся в составе больших рас при освоении разных биозон. — 244

^{10*} Бассет-хаунд (basset hound) – порода гончих собак, выведенная в Англии. — 245

^{11*} Кафры – см. прим. 32* на с. 704. — 247

^{12*} Перечислены престижные вузы Великобритании: Оксфордский и Кембриджский университеты, Королевский колледж Лондона (который наряду с Оксфордским и Кембриджским университетами входит в так называемый золотой треугольник) и Корпус королевских инженеров – Королевские инженеры Британской армии. — 256

^{13*} Семья Зеро (фамилия вымышленная) – представители двух семейств енишей (jenische – центрально- и западноевропейские цыгане), проживающих в швейцарском кантоне Граубюнден. По мнению Йоргера, преступность «семьи Зеро» объясняется двумя факторами: алкоголем и неблагоприятной социальной средой (несколько поколений семьи Зеро рождались от брака с бродячими и бездомными женщинами). Эти два фактора способствуют, по его словам, «возникновению и размножению рода клопов человеческого общества». После опубликования работы Йоргера началось преследование енишей в Швейцарии, и вообще его идеи внесли свою лепту в теорию и практику расовой политики Третьего Рейха, конечной целью которой было тотальное уничтожение не только евреев, но и цыган. Подробнее см.: Huonker Th. Diagnose: «moralisch defekt»: Kastration, Sterilisation und Rassenhygiene im Dienst der Schweizer Sozialpolitik und Psychiatrie. 1890–1970. Zürich, 2003. — 259

^{14*} См. прим. 39* на с. 694. — 262

^{15*} Классификация рас по типу волос: улотричи – «кудрявые» (*греч.* ulotrichous, от ulos – «пушистый», «ворсистый» и thrix – «волосы»); леиотричи (leiotrichous) – «гладкошерстные»; кимотричи (kimotrichi) – имеющие волнистые волосы или волосы, на конце завитые в локоны. Эту классификацию в 1825 г. ввел французский естествоиспытатель Жан Батист Бори де Сен-Винсент (1778–1846). — 264

^{16*} Прогнагизм – антропологический термин, обозначающий один из типов профилировки лица человека: выступающие вперед челюсти, кроме того, нижняя челюсть лишена подбородочного выступа. — 273

^{17*} Медиана – в математической статистике число, характеризующее выборку (например, набор чисел); если все элементы выборки различны, то медиана – это такое число, что половина из элементов выборки больше него, а другая половина меньше. — 276

^{18*} Д. Геррик в начале своей статьи пишет: «Следует пояснить, что термин “Панчама” означает на юге Индии очень большую социальную группу, к которой относятся самые низшие касты. Индусы вообще не считают их кастами в строгом смысле слова, принимая скорее за “отверженных”. Предполагалось, что поскольку есть какое-либо отчетливое расовое разделение между коренными народами Южной Индии, то оно проходит между брахманами и низшими кастами, или отверженными. Основополагающее утверждение брахманов состоит в том, что их кровь не смешивалась с кровью других рас». В эксперименте, который проводил Геррик, испытуемым предлагалось на скорость разложить в определенном порядке несколько геометрических фигур. Итоги таковы: «Самое быстрое время, какое показали индийские дети, составляло 14 секунд, и этого результата достигли только трое, а именно: один брахман 12 лет, один брахман 13 лет и один Панчама 14 лет. Самое быстрое время, показанное американским ребенком, составляет девять секунд, и этого результата достигли дети 11, 13 и 14 лет» (*Herrick D.S. A comparison of Brahman and Panchama children in South India with each other and with American children by means of the Goddard Form Board // Journal of Applied Psychology. 1921, vol. V, September, p. 253, 260.*) — 280

^{19*} См. прим. 39* на с. 694. — 280

^{20*} Явление, которое в «Социологии революции» П.А. Сорокин назвал «отрицательной селекцией». См.: *Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 409–420.* — 284

Глава VI

^{1*} Согласно Гераклиту, «все возникает по противоположности и всю целостностью течет, как река» (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 361*). Другой фрагмент Гераклита гласит: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей и что все возникает через вражду и заимообразно» (*Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989, ч. I, с. 212*).

Ср. перевод А.О. Маковельского: «Но должно знать, что война всеобща, что правда есть раздор и что все возникает через борьбу и по необходимости».

По учению Эмпедокла, существуют четыре элемента (огонь, вода, земля и воздух), а также Любовь, которой они соединяются, и Распря, которой они разделяются. Подробнее см. *Семушкин А.В. Эмпедокл. М., 1985.*

Vivere militare est (*лат.*) – жить – значит воевать. Цитата из письма Сенеки: «Спроси сам себя: если бы кто из богов дал тебе власть выбирать, где захотел бы ты жить, – в об-

жорном ряду или в лагере? А ведь жить, Луцилий, значит нести военную службу. И кто не знает покоя, кто идет вверх и вниз по трудным кручам, кто совершает опаснейшие вылазки, — те храбрые мужи, первые в стране, а те, кого нежит постыдный покой, откуда другие трудятся, — те голубки, позором избавленные от опасности» (*Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977, с. 242: XCVI, 5*).

Militia est vita hominis (лат.) — война — это жизнь человека. — 287

^{2*} *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. СПб., 1991, с. 67. — 288

^{3*} Схему Я. Новикова, помещенную в его книге в виде вклейки между с. 402 и 403, Соркин изображает в виде таблицы. — 292

^{4*} Приводим здесь высказывания авторов, на которых ссылается П.А. Сорокин.

Н.М. Батлер: «Циник усмехается, ну и пусть усмехается. Человеческую природу нельзя переделать за один день, или за год, или за столетие. Но человек, который совершенно четко видит и понимает вечную силу морального принципа, будет стремиться осуществить его, хотя время, когда он осуществится, еще далеко. Кроме того, в сфере практической международной политики есть много вещей, которые можно начать уже сейчас и быстро воплотить их в жизнь. <...> Людей следует убедить в том, что мораль является более высоким принципом, чем грубая сила, необходимо доказать в глазах общественного мнения, что баланс личной, социальной и политической выгоды находится на стороне мира и дружбы между народами. <...> Для достижения этих целей необходимо провести сложные и длительные исследования, строго научные по своему характеру, а результаты этих исследований следует опубликовать во всем мире. <...> Скоро начнется публикация результатов этих научных начинаний, и можно смело предсказать, что содержащие их тома не только составят уникальную библиотеку для публициста, но и предоставят искусным и опытным пропагандистам материал, имеющий большое значение для просвещения общественного мнения во всем мире».

У.Г. Тафт: «Поле битвы как место разрешения споров постепенно уступает место третейским судам. Интересы широких масс не приносятся в жертву, как в прежние времена, эгоизму, честолюбию и возвеличиванию государей или интригам государственных деятелей, не желающих отказаться от своего скипетра власти. Религиозные войны, к счастью, являются призраками средневекового или древнего прошлого, и христианская церковь доблестно трудится, чтобы выполнить свое предназначение — водворить “мир на земле”».

Р. Борн: «С объединением Германии и освобождением балканских государств центр тяжести международной политики переместился из Европы в конфликтующие сферы интересов в Азии и Африке. В настоящее время, по-видимому, наступает длительный период перестройки господства и влияния, сопровождающийся неизбежными пограничными, торговыми и колониальными спорами. Все это будет сопровождаться с той долей кровопролития и труда, которые были потрачены на аналогичный процесс в Европе. Гаагский суд предоставляет механизм для урегулирования соответствующих юридических вопросов; политические вопросы будут решаться дипломатическими переговорами и международными конференциями и комиссиями. Постепенно, по мере формирования международного общественного мнения, мы можем ожидать развития свода Международного уголовного права и разрешения наиболее важных вопросов международных интересов посредством арбитража. Между тем ни одним из средств массовой информации нельзя пренебрегать. Мирное урегулирование международных споров, основанное на соперничестве престижа, должно быть высшей целью движения за мир.

Такому мирному урегулированию способствует быстро проникающее в сознание западных народов признание того, что мир является единым целым. Проницательность дипломатов усиливается благодаря открытию того факта, что война не окупается. Международная конференция и переговоры стали актуальной экономической необходимостью. Колоссальное

развитие промышленной техники в течение последнего столетия, использование природных ресурсов в сочетании с наличием потока капитала, готового хлынуть в любую часть света, которая нуждается в нем для своего экономического развития, привели к экономическому переплетению и взаимозависимости наций, не имеющих аналогов в истории. Капитал не знает отечества; благодаря иностранным инвестициям нации связаны узами, которые бросают вызов всем иррациональным предрассудкам и внезапной или вековой ревности. Существует международная кредитная система, настолько тонкая, что потрясение ее в любой точке означает катастрофу всей системы. Успешное завоевание одной нации другой означало бы просто разрушение финансового благополучия завоевателя. Даже завоевание такой неразвитой страны, как Триполи, вряд ли приведет к процветанию Италии, поскольку последняя будет зависеть от иностранного капитала в освоении ресурсов, а богатства Триполи будут истощаться в пользу финансово способных наций. В национальное сознание западных народов проникает мысль и о том, что война физически самоубийственна и экономически невыгодна. Война уничтожает не непригодных, как любят утверждать ее сторонники, а наиболее приспособленных и лучших. Европа из-за людских потерь в войне становится не сильнее, а слабее. Эта страна [США] стала умственно и морально слабее из-за того, что ее лучшие мужчины были убиты в ходе Гражданской войны. Само совершенство вооружений и чудовищная утечка средств уже делают войну почти невозможной. Народы сейчас находятся на грани банкротства и фактически не решаются воевать.

Таковы экономические и психологические силы, которые вытесняют физическую агрессию и принуждение из сферы международных отношений и выдвигают на передний план дипломатию и арбитраж не в качестве дополнения, а в качестве фактической замены войны. Разные учреждения, которые мы рассмотрели выше, становятся институциональным выражением мирового сознания, аналогичного сознанию этнического или национального единства. Рождается настоящее чувство «интернациональности». Как мы и надеялись, нации стали настолько связанными друг с другом, переплелись столь мощные их интересы, что успешное функционирование каждой из них зависит от процветания каждой другой. Всемирный арбитраж или Всемирная федерация будут лишь признанием того факта, что война есть мировое самоубийство. Нации будут сражаться только тогда, когда мир потеряет всю свою надежду и все свое здравомыслие».

С. Ч. Митчелл: «Мир сжался до размеров городка, все люди – соседи. <...> Подобно тому, как блага свободы представляют на северо-западе [США] постоянный контраст с рабством, так и любой регион цивилизации, приверженный делу мира, будет служить постоянным аргументом против бессмысленности попыток решить вопросы международного права с помощью крупных военных объединений, созданных для организованных убийств. Фактически нейтрализация таких стран, как Бельгия и Швейцария, является в настоящее время применением к войне того самого принципа географического разграничения, который оказался эффективным в борьбе с рабством. Ограничение войны путем сокращения категории вопросов, которые могут вызвать войну, со стороны выдающихся наций, как Англия, Франция и Америка, было бы равносильно демонстрации эффективности разума над грубой силой в достижении справедливости, которая должна оказаться непреодолимой для человечества».

Ссылки на указанные сочинения Сорокина в современных изданиях:

Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 277–329 (гл. VIII, § 3. Историческая тенденция падения кар); Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // *Сорокин П.А.* Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб., 2014, с. 567–590). — 297

^{5*} То, что «война – это специфическое свойство человеческих существ», М. Монтень докazyвал, так сказать, от противного – тем, что в животном мире она неизвестна. В «Апологии

Раймунда Сабундского» (глава XII) он писал: «Что касается войн, которые принято считать самым выдающимся и достославным человеческим деянием, то я хотел бы знать, должны ли они служить доказательством некоего превосходства человека, или наоборот, показателем нашей глупости и несовершенства? Животным поистине не приходится жалеть о том, что им неизвестна эта наука уничтожать и убивать друг друга и губить свой собственный род:

quando leoni
Fortior eripuit vitam leo? quo memore unquam
Expiravit aper maloris dentibus apri?

[Разве более сильный лев убивал когда-нибудь льва послабее? Разве видели когда-нибудь кабана, издыхающего от удара клыков кабана посильнее? (*лат.*)].

Не всем, однако, животным неведомы войны: примером тому служат яростные сражения пчел и столкновения предводителей их армий:

saepe duobus
Regibus incessit magno discordia motu
Continuoque animos vulgi et trepidantia bello
Corda licet longe praesciscere.

[Часто между двумя царями возникает ожесточенная распря; тогда нетрудно предвидеть, что начнется волнение в народе и в сердцах вспыхнет воинственное одушевление (*лат.*)]] (Монтень М. Опыты. М., 1996, т. 1, кн. I и II, с. 421). — 297

^{6*} Homo homini lupus est (*лат.*) – человек человеку – волк. Источник выражения – пьеса Плавта «Ослы» (II, 4, 88):

...Но ты меня никак не убедишь
Отдать тебе, незнакомому, деньги.
Человек человеку волк, если он его не знает.

Это выражение, ставшее формулой крайнего эгоизма, Т. Гоббс использовал в качестве характеристики человека в дообщественном состоянии. — 297

^{7*} Дикие, вероятно, на самой первой ступени своего развития были кровожадны и вели свои войны самым жестоким образом, с огромными потерями в людях (*нем.*). — 298

^{8*} История доказывает, к несчастью, что война в некотором смысле есть обычное состояние человечества; что кровь людская должна проливаться повсюду на земле и что мир для любой нации является лишь передышкой (*фр.*). — 300

^{9*} Имеется в виду статья Г. Вальберга (Виктора Шербюлье) «Война и вечный мир, об одной недавней публикации» (*La Guerre et la Paix perpétuelle, a propos d'une publication récente // Revue des deux mondes. 1894, t. 122, mars-avril, p. 690–701.*) — 301

^{10*} См. прим. 4* на с. 710–711. — 301

^{11*} Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг. — 301

^{12*} Имеются в виду следующие колониальные войны, происходившие после окончания Первой мировой войны.

В результате распада Османской империи в 1920 г. было основано Сирийское арабское королевство с центром в Дамаске, королем был объявлен Фейсал из династии Хашимитов, позже ставший королем Ирака. Но независимость Сирии длилась недолго. Уже через несколько месяцев французская армия оккупировала Сирию, разгромив сирийские войска в битве у перевала Мейсалун. В 1922 г. Лига Наций приняла решение легализовать оккупацию земель Османской империи Великобританией и Францией.

В северном Марокко в результате восстания в 1921 г. возник независимый берберский эмират Риф, против которого вели войну Франция и Испания (с 1925 г.). Война закончилась в 1926 г. ликвидацией эмирата после совместного наступления испанских и французских войск.

В мусульманских районах Индии в 1922 г. вспыхнуло восстание, подавленное английскими войсками.

Афганистан в 1919 г. провозгласил свою независимость, после чего началась третья англо-афганская война, закончившаяся в 1926 г. признанием со стороны Великобритании полной независимости Эмирата Афганистан. — 301

^{13*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 210–214. — 303

^{14*} Илоты – местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартанцами и превращенные ими в государственных рабов. — 305

^{15*} Франко-прусская война 1870–1871 гг. – война между Францией, с одной стороны, и Пруссией, а также другими государствами Северо-Германского союза и Южной Германии – с другой. Поводом к войне стал дипломатический конфликт между Францией и Пруссией из-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена, родственника прусского короля Вильгельма, на вакантный королевский престол в Испании. В сентябре 1870 г. Шалонская армия Франции (ок. 140 тыс. человек) оказалась окруженной в районе Седана и капитулировала, что послужило толчком к революции 4 сентября 1870 г. и падению Второй империи. 26 февраля 1871 г. в Версале был подписан прелиминарный мирный договор, а 18 марта в Париже победило народное восстание, провозгласившее Коммуну. — 308

^{16*} Цитата из стихотворения английского поэта и художника Данте Габриэля Россетти (1828–1882) «Туманные границы» (*The Cloud Confines*). В оригинале: «*War that shatters her slain, / And peace that grinds them as grain*». — 309

^{17*} Без войны весь мир стал бы хитрым, жестоким и подлым, как евреи сегодняшнего дня (*фр.*). — 309

^{18*} Имеется в виду «испанский грипп», или «испанка», – самая массовая пандемия гриппа за всю историю человечества как по числу заразившихся, так и по числу умерших. Эпидемия длилась с января 1918 г. по 1920 г.; во всем мире испанкой было заражено не менее 550 млн человек (около 30% населения планеты). Число умерших оценивают от 17 млн до 50–100 млн человек, или 0,9–5,3% населения Земли, что позволяет считать эту эпидемию одной из наиболее масштабных катастроф в истории человечества. — 310

^{19*} Пруско-датская война 1864 г. – вооруженный конфликт между Данией, с одной стороны, и Пруссией совместно с Австрией, с другой стороны, за отделение герцогств Шлезвига и Гольштейна от владений Датского королевства.

Пруско-австрийская война 1866 г. – война между недавними союзниками за дальнейшую судьбу герцогства Гольштейн (Австрия настаивала на создании из него очередной германской микространы, Пруссия была не согласна); война закончилась поражением Австрии и подписанием 23 августа Парижского мира, по которому Австрия теряла Венецию, выходила из Германского союза (на замену которому пришел Северогерманский, уже без Австрии) и обязывалась выплатить 40 млн талеров контрибуции.

Наполеоновские войны – войны, которые велись против Наполеона Бонапарта разными государствами Европы, когда тот был Первым консулом и императором (ноябрь 1799 – июнь 1815).

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. – война России с коалицией Великобритании, Франции, Турции и Сардинии за господство на Ближнем Востоке. Война закончилась

поражением России – подписанием Парижского договора (18/30 марта 1856 г.), по которому Россия соглашалась на нейтрализацию Черного моря с запрещением иметь там военный флот и базы, уступала Турции южную часть Бессарабии, обязалась не возводить укреплений на Аландских островах и признавала протекторат великих держав над Молдавией, Валахией и Сербией. Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 1950, т. 1–2; *Бестужев И.В.* Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956.

О Франко-прусской войне 1870–1871 гг. см. выше прим. 15*.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. закончилась поражением Турции и подписанием Берлинского трактата, зафиксировавшего возврат России южной части Бессарабии и присоединение Карса, Ардагана и Батума; была восстановлена государственность Болгарии, увеличились территории Сербии, Черногории и Румынии, а турецкая Босния и Герцеговина была оккупирована Австро-Венгрией.

Сербско-болгарская война 1885 г. закончилась фактически «вничью», не было сделано никаких территориальных изменений ни в одной из участвовавших в войне стран, однако объединение Болгарии было признано Великими державами.

Балканская война 1912–1913 гг. (Первая Балканская война) – война, которую Сербия, Греция, Румыния и Черногория вели против Турции. Страны Балканского союза планировали полностью лишить Османскую империю владений в Европе, что им и удалось сделать (за Турцией сохранился лишь Константинополь и небольшие территории возле него). Однако вскоре противоречия между победителями привели к началу войны между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией – с другой. Болгария была побеждена и лишилась большей части своих приобретений в первой войне, Османская империя вернула Адрианополь с окрестностями.

Русско-японская война 1904–1905 гг. закончилась поражением России и подписанием в августе 1905 г. Портсмутского договора, по которому Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы и соглашалась на заключение конвенции по рыбной ловле вдоль русских берегов Японского, Охотского и Берингова морей, кроме того, Россия уступала Японии юг Сахалина (от 50-й параллели) и «все прилегающие к последней острова».

Гражданская война в Соединенных Штатах (война Севера и Юга) – война 1861–1865 гг. между Союзом 20 нерабовладельческих штатов и 4 пограничных рабовладельческих штатов Севера, с одной стороны, и Конфедерацией 11 рабовладельческих штатов Юга – с другой; закончилась победой Севера и запрещением рабства, закрепленным 13-й поправкой к Конституции США, вступившей в силу 18 декабря 1865 г. — 311

^{20*} В оригинале: «the objective of Law is Peace, but the road to it is War» (p. 339). Однако в английском переводе, на который ссылается Сорокин, эта мысль выражена иначе: «The end of the law is peace. The means to that end is war» (*Jhering R. The Struggle for Law. Chicago, 1879, p. 1*). По-видимому, Сорокин перевел эту цитату с русского, не сверив свой перевод с английским переводом (поэтому и страница не указана). Между прочим, в русском переводе эта фраза звучит тоже несколько иначе: «Цель права есть мир, а средство – борьба» (*Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1895, с. 13*). — 312

^{21*} См.: *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 201–224 (гл. VI: Социальная роль кар и награда). — 312

^{22*} Во Франции в 1830 г. произошла Июльская революция, которая привела к свержению Карла X и тем самым покончила с монархией Бурбонов. «Королем французов» был провозглашен Луи-Филипп (так называемая Июльская монархия), который, в свою очередь, был

свергнут в ходе Февральской революции 1848 г., в результате чего во Франции была установлена Вторая республика (1848–1852).

Под событиями 1871 г. имеется в виду Парижская Коммуна, провозглашенная 18 марта и просуществовавшая 72 дня (до 28 мая). Коммуна успела провести ряд социалистических преобразований: установила максимум жалования государственным служащим, равный зарплате квалифицированного рабочего, отделила церковь от государства, отменила задолженность по квартплате, вернула вещи, заложенные в ломбард на сумму до 20 франков, установила минимальную зарплату рабочих и служащих, ввела рабочий контроль над производством на некоторых крупных предприятиях и т. д. Подробнее см.: История Парижской коммуны 1871 г. М., 1971. — 314

^{23*} См.: *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 357–359 (Очерк I, § 8: Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения). — 314

^{24*} Эндрю Карнеги (1835–1919) – американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), – потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов. — 315

^{25*} Этатизм – политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Государство – все, личность гражданина – ничто» – такова формула «предельного этатизма». Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все... личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (цит. по журналу «Звезда». 1989, № 10, с. 116). — 317

^{26*} В странах, перечисленных П.А. Сорокиным, в первой трети XX в. произошли следующие события.

В *Австрии* в октябре-ноябре 1918 г. произошла демократическая революция, приведшая к распаду Габсбургской империи и провозглашению Австрийской Республики. В 1918–1927 гг. в Австрии происходили острые классовые столкновения, сопровождавшиеся уличными боями; в 1931 г. произошел нацистский путч, в 1934 г. был убит канцлер Австрийской Республики А. Дольфус, в марте 1938 г. Австрия была насильственно присоединена к Германии («аншлюс»).

В *Турции* в 1908 г. – Младотурецкая революция, приведшая к свержению султана Абдул-Хамида II, затем «Кемалистская революция», в результате которой в 1923 г. была провозглашена Турецкая Республика, а в 1924 г. ликвидирован халифат.

В *Венгрии* (до 1918 г. входившей в состав Австро-Венгерской империи) в марте 1919 г. была провозглашена Советская Республика, просуществовавшая 133 дня. В 1920 г. к власти пришел контр-адмирал М. Хорти. В 1929–1933 гг. в Венгрии происходили массовые демонстрации и забастовки, некоторые из которых были подавлены или разогнаны с помощью военной силы.

В *Германии* полтора десятилетия после окончания Первой мировой войны были отмечены неуклонным ростом могущества национал-социалистов, начиная с «пивного путча» в 1923 г. и кончая приходом к власти Гитлера в 1933 г.

Болгария в результате победоносной Первой Балканской войны (1912) освободилась от турецкого ига; в октябре 1918 г. царь Фердинанд отрекся от престола в пользу своего сына

Бориса. В 1923 и 1934 гг. в Болгарии произошли фашистские перевороты, в результате которых в стране была установлена военно-фашистская диктатура (в итоге во Второй мировой войне Болгария выступала союзницей Германии).

В Греции в 1909 г. была создана Либеральная партия, лидер которой Э. Венизелос был противником монархии и с началом Первой мировой войны выступал за сближение с Антантой. Опираясь на союз с Англией и Францией, он надеялся решить две главные задачи, стоявшие перед Грецией: провести модернизацию экономики и присоединить территории с преимущественно греческим населением. Противостояние двух политических сил завершилось 10 июня 1917 г. отречением короля Константина I в пользу своего сына Александра. 29 июня 1917 г. Греция вступила в мировую войну на стороне Антанты.

В России 1905 г. начался с «кровавого воскресенья» (9 января), а закончился октябрьским манифестом Николая II и декабрьским вооруженным восстанием в Москве.

В Турции в 1912 г. произошел государственный переворот, организованный группой армейских руководителей против правительства, сформированного «младотурками», лидерами военного переворота была группа офицеров, которые сами себя называли «офицерами-спасителями».

О событиях 1870–1871 гг. во Франции см. выше, прим. 15*. — 318

^{27*} См. прим. 39* на с. 694. — 320

^{28*} *Inter arma silent musae* (лат.) – среди оружия молчат музы. — 321

^{29*} Данте Алигьери. Монархия. М., 1999, с. 27–28. — 321

^{30*} Проскрипции (лат. – «обнародованные объявления») – особые списки, на основании которых лица, попавшие в них, объявлялись вне закона. Всякий, кто убивал или выдавал этих людей, получал награду; имущество их подлежало конфискации, а рабы становились свободными. Имущество осужденных продавалось с аукциона. Впервые проскрипции в качестве орудия политической борьбы употребил Сулла в 82 г. до н. э., затем они широко использовались в ходе гражданской войны в Риме. — 321

^{31*} Лига (католическая лига) – католическая партия во Франции, организованная в 1576 г. герцогом Г. Гизом для борьбы с гугенотами и ограничения централизованной королевской власти феодальной знатью. В конце 1576 г. первая Лига, бывшая партией католического духовенства и дворянства, фактически распалась, затем Лига была восстановлена в 1585 г. и просуществовала до 1594 г.

Фронда (фр. *fronde* – «праща») – общественное движение против абсолютизма во Франции в 1648–1653 гг., в котором участвовали различные слои общества, преследовавшие подчас противоположные цели. Парижский парламент временно блокировался с народными антифеодальными силами и потребовал ряда реформ. В ответ на попытку Мазарини арестовать лидеров оппозиции в Париже началось 26–27 августа 1648 г. массовое вооруженное восстание. Мазарини вывез из восставшей столицы малолетнего Людовика XIV, и королевские войска начали осаду города (январь – февраль 1649 г.). Парижан поддержал ряд провинций. В марте 1649 г. окончилась «парламентская Фронда», но народные волнения продолжались. К середине 1653 г. был подавлен самый стойкий и радикальный очаг Фронды – в Бордо. Поражение Фронды способствовало установлению неограниченного самодержавия Людовика XIV. — 321

^{32*} Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997, с. 49–50. — 321

^{33*} Сёгунат – правительство сёгунов в Японии в 1192–1867 гг. Сёгун (сокращенное название от «сейи тай-сёгун», дословно – «великий полководец, покоряющий варваров») – пер-

воначально воинское звание, присваивавшееся командующим войсками, посылаемыми из древней японской столицы Киото с 794 по 811 г. для покорения народности эбису в северо-восточной части о. Хонсю. С переходом фактической власти от императора к феодальному дому Минамото в 1192 г. звание сёгуна было присвоено главе этого дома Минамото Еритомо. С тех пор сёгунами стали называть управляющих страной от имени императора представителей военно-феодальных династий Минамото (1192–1333), Асиката (1335/1338–1573), Токугава (1603–1867). Последним сёгуном был Токугава Ёсинобу (Кэйки), свергнутый в результате революции 1867–1868 гг. — 321

^{34*} Mut, Wagemut, Grausamkeit (*нем.*) – отвага, жестокость, риск. Эти качества, по мнению Р. Штейнмеца, исчезнут с окончательным исчезновением войны. Критику этого утверждения см. в: *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 328. — 324

^{35*} П.А. Сорокин имеет в виду свою книгу «Голод как фактор», уничтоженную советской цензурой, наделяя ее более понятным для американского читателя названием. Подробнее о судьбе этой книги см.: *Сапов В.В., Сычева В.С.* Судьба книги – судьба автора // Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар, 2014, с. 7–12. — 324

^{36*} Ad hoc (*лат.*) – «для этого», «применительно к этому», «специально для этого случая», «для определенного случая». — 326

Глава VII

^{1*} Быт. 1, 28. — 327

^{2*} Целибат – безбрачие католических священников. — 327

^{3*} Камералист – специалист по административным и экономическим вопросам. — 328

^{4*} См. прим. 39 на с. 694. — 330

^{5*} Интерстимуляция – феномен, посредством которого индивиды участвуют в достижении общих целей, активизируют друг друга либо через установки, либо через специфические формы поведения, действия, чувства, мысли и т. д. — 331

^{6*} Согласно «закону трех стадий» О. Конта любое из важнейших человеческих понятий, равно как и каждая из областей познания, неизбежно проходит через три различных теоретических состояния: 1) теологическое, для которого характерна власть над людьми ими же измышленных фикций; 2) метафизическое, когда над человеческим познанием господствуют отвлеченные сущности, конструируемые познающим субъектом; 3) научное (или «положительное», «позитивное»), находящееся под знаком господства в сфере понятий, выработанных точными науками. Подробнее см.: *История теоретической социологии.* М., 1997, т. 2, с. 59; *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910, с. 10. — 338

^{7*} «Эффективная» фертильность – рождаемость, рассчитанная с учетом младенческой и детской смертности.

Общий коэффициент рождаемости – показывает, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т. е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель, независимо от смертности и изменений возрастного состава. — 343

^{8*} Черная смерть (Black Death) – историческое название эпидемии чумы в Европе в 1347–1353 гг., за время которой погибло ок. 25 млн человек (почти половина населения Европы). — 346

^{9*} Численный рост населения был первопричиной великих экономических и социальных потрясений века, предшествовавших мировой войне (*итал.*). — 349

^{10*} См. прим. 39 на с. 694. — 352

^{11*} Так как перевод Сорокина больше напоминает реферат, чем собственно перевод, приводим здесь цитату из Ковалевского по оригиналу и без сокращений: «В “Лекциях по истории экономического развития Европы”, как и в более обширном трактате, озаглавленном “Экономический рост Европы”, я сам старался проследить влияние этого фактора на изменение как порядков производства, земледельческого и индустриального, так и порядков распределения недвижимой и движимой собственности. Мне кажется, что тому же росту населения, в связи с возрастающей его густотой (оба фактора стоят в тесной связи между собою, и я не считаю возможным отделять их друг от друга), необходимо приписать не только замену первобытных промыслов земледелием и последовательную смену в нем подсечного хозяйства двухпольным, трехпольным и плодопеременным с соответствующим сокращением общинных пользований, но и постепенный упадок надельной системы, а вместе с тем и основанного на ней крепостного права и оброчного владения, всюду принимающего форму половничества, или раздела урожая на равные или неравные доли между собственником и сьемщиком. Тому же фактору принадлежит почин и в замене поместного и домашнего производства мануфактурами, отправляемыми не столько единичными рабочими, сколько корпорациями лиц одного ремесла или промысла, и позднейшую дифференциацию в среде этих союзов предпринимателей, устраивающих более или менее замкнутые сообщества (цехи), и простых исполнителей труда, кое-где образующих из себя рабочие братства. Наконец, тому же росту населения и его большей густоте я приписываю и позднейший переход от мануфактур к машинофактурам и соответственно дальнейшую дифференциацию обрабатывающей промышленности между двумя группами производителей: капиталистом-предпринимателем и пролетарием, рабочим, живущим трудом своих рук. Но чтобы вызвать все эти перемены, рост населения должен был повести первоначально к упадку самодовлеющего хозяйства и к зарождению обмена. Только с момента возникновения последнего и соответственно рынков и ярмарок могла произойти та дифференциация города от села, которая позволяет нам говорить о первобытных городищах, или укрепленных лагерях, служащих убежищем для соседнего населения, его стад и домашних запасов, как о чем-то отличном от городского поселения. С обособлением города от села, как последствием возникновения рынков и ярмарок, и со сосредоточением вблизи тех видов обрабатывающей промышленности, на которые имелся наибольший запрос, также складов иноземного и туземного товара, возникло и отличное от сельского городское население, или буржуазия. Таким образом, наипростейший факт размножения человеческой породы вызвал собою в конце концов и разделение труда, и возникновение общественных групп, принимающих то форму каст, то сословий, то классов, смотря по тому, в какой мере религии и правительства санкционируют эти естественные деления, наделяя или не наделяя входящие в состав их семьи наследственными монополиями.

Следует ли сделать еще шаг далее и признать, что весь строй государства и церкви, а также вся сумма наших технических знаний, если не отвлеченного мышления, должны быть приписаны влиянию того же фактора? Я этого не думаю...». — 355

^{12*} Бедлам (*англ.* bedlam, от Bethlehem – Вифлеем) – первоначально госпиталь святой Марии Вифлеемской, затем дом для умалишенных в Лондоне; в переносном смысле слова – неразбериха, кавардак. — 356

^{13*} См.: *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар, 2014, с. 209–218. — 357

^{14*} Параллельное существование двух рядов явлений имеет силу закона (*итал.*). — 357

^{15*} Системы Цзин Тянь (букв.: «колодезные поля») – система землепользования в Древнем Китае, суть которой заключалась в том, что квадратное поле размером в 900 му (1 му = 0,16 га) делилось на девять равных участков, из которых центральный участок (гун тянь, т. е. «общественное поле») обрабатывался совместно восемью семьями, а продукт производства с этого поля передавался властям в качестве налога. Остальные восемь участков по 100 му распределялись поровну среди восьми семейств и обрабатывались каждой семьей для себя. Эти поля назывались сы тянь, т. е. «частные поля». — 359

^{16*} Экзогамия – заключение брака за пределами определенной социальной группы, чаще всего родственной.

Полигамия, многобрачие – форма брака, при которой супруг одного пола имеет более одного супруга противоположного пола; различают два вида полигамии: полигиния – многоженство, полиандрия – многомужество. — 367

^{17*} См. прим. 30* на с. 704. — 367

^{18*} Матрилинейная система наследования – т. е. наследование по материнской линии. — 367

^{19*} Патрилинейная система наследования – т. е. наследование по отцовской линии. — 368

^{20*} *Filiae loco* (*лат.*) – вместо дочери. — 368

^{21*} *Pater familias* (*лат.*) – глава семьи, обладающий по Закону XII таблиц безусловной и абсолютной властью над всеми членами семьи. — 368

^{22*} *Manus mariti* (*лат.*) – власть над женой; форма брака *cum manu* (букв.: с рукой) означала, что женщина, покидая родной дом, уходила из-под власти главы своей семьи и попадала во власть мужа или главы семьи мужа, женщина при этом не могла распоряжаться приданным и принесенным богатством. — 368

^{23*} Лолларды (от *средненидерл.* lollaert – «бормочущий [молитвы]») – участники крестьянско-плебейского движения XIV в. в Англии, отвергавшие привилегии церкви и требовавшие секуляризации ее имущества; сыграли большую роль в идеологической подготовке восстания Уота Тайлера в 1381 г., а впоследствии и подготовке английской Реформации.

Уравнители (левеллеры) – радикальная демократическая партия Английской революции, которая до 1647 г. существовала как левое течение индипендентов; во главе левеллеров стояли Дж. Лильберн, Р. Овертон, У. Уолвин и др. — 379

^{24*} Имеется в виду народное движение в Передней Азии в V–VI вв., возглавляемое манихейским жрецом Маздаком и направленное против аристократии и высшего духовенства. — 379

^{25*} Табориты – леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора

в Южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядок раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г.

Под «коммуной Т. Мюнцера» имеется в виду Мюльхаузен – город в Германии, в округе Эрфурт; во время Крестьянской войны 1524–1526 гг. был центром революционного движения в Тюрингии и главным центром деятельности Томаса Мюнцера. Социально-политическая программа Т. Мюнцера, близкая к анабаптистской, предусматривала «общность имуществ», которую он и пытался ввести в Мюльхаузене, поселившись здесь в конце февраля или в начале марта 1525 г. 15 мая 1525 г. отряд Мюнцера потерпел поражение в битве при Франкенхаузене от объединенных войск князей. Т. Мюнцер был взят в плен и после мучительных пыток казнен. Подробнее см.: *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.

«Коммуна Иоанна Лейденского», или Мюнстерская коммуна (1534–1535) – революционная власть анабаптистов в г. Мюнстере (Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия), установленная в результате вооруженной борьбы граждан Мюнстера и пришлых анабаптистов против сеньора города князя-епископа Франца Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты получили большинство голосов в магистрате – все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов, были изгнаны из города. Власть фактически сосредоточилась в руках «главного пророка» Яна Матиса, а после его гибели (5 апреля 1534 г.) – Иоанна Лейденского, который в апреле-мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 старейшин». В дальнейшем в связи с осложнением военной обстановки (город был осажден войсками епископа) и внутренними конфликтами была введена личная диктатура Иоанна Лейденского, провозглашенного царем «Нового Сиона» (Мюнстера) и будущим владыкой мира. Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд преобразований, носивших «уравнительно-коммунистический» характер: отменили деньги, ввели всеобщую трудовую повинность, моногамная семья была заменена полигамной, нарушения общественного порядка карались вплоть до смертной казни и т. п. 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа; деятели коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были преданы жестоким пыткам и казнены.

Катары (от *греч.* kataros – «чистый») – последователи широко распространившейся из Южной Франции с конца XII в. ереси, в начале XIII в. проникшей в Англию и Северную Германию, вплоть до Пруссии, и сомкнувшейся с еретическими движениями Северной Италии. По своему мировоззрению катары были дуалистами, во многом смыкавшимися с манихеями: все зло в мире они объявляли порождением дьявола, а поскольку церковь освящала подобные «порождения дьявола», катары объявили и ее дьявольской силой. Катары создали свою религиозную организацию, поощряли добровольный уход из жизни, самоубийство. Одной из ветвей катаров были альбигойцы, против которых в начале XIII в. были организованы истребительные «альбигойские войны». К концу XIII в. движение катаров было почти полностью подавлено, чему способствовали и элементы непротивленчества в их учении.

Патерены, патарии (*итал.* – букв.: «тряпичники») – презрительное прозвище сторонников миланского монаха Ариальда (XI в.), возглавившего движение против «симонии» (продажи и покупки церковных должностей).

Лионские братья, лионские бедняки (или вальденсы) – приверженцы религиозной ереси, возникшей в XII в. среди плебейских масс южнофранцузских городов и затем распространившейся среди сельского населения Южной Швейцарии, а позднее в Германии и Чехии. По преданию, название получено по имени лионского купца Пьера Вальда, который в 1176 г. создал общину «совершенных», давших обет не владеть собственностью, не иметь семьи и не думать о завтрашнем дне. Они отрицали католические таинства, перевели Евангелие на народные языки, отказывались от подчинения духовным и светским властям, более того – требовали их ликвидации. Учение вальденсов было осуждено в 1215 г. IV Латеранским собором. В XV в. папа Сикст IV предпринял против них крестовый поход. В 1545 г. французские войска учинили над ними массовую расправу в Дофинэ. Массовые избиения вальденсов имели место в 1655 и 1685 гг.

Арнольд Брешианский (ок. 1100–1155) – итальянский борец против католической церкви и папства, который выступал с программой, ставшей впоследствии основой учения Реформации. Схваченный людьми императора Фридриха Барбароссы, Арнольд Брешианский был выдан папе и казнен, тело его сожгли, а пепел сбросили в Тибр.

Восстание чомпи (чесальщиков шерсти) в 1378 г. во Флоренции сначала добилось успеха, но в конце концов потерпело поражение, вожди восстания Доменико ди Туччо и Маттео Сальви были казнены. Подробнее см.: *Рутенбург В.И.* Народные движения в городах Италии. XIV – начало XV в. М.-Л., 1958. — 379

^{26*} «Декларация прав человека и гражданина» была принята Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 г. В основу идей Декларации была положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения, естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению. — 379

^{27*} *Duces ex virtute legunt* (лат.) – вождей [они выбирают] из наиболее доблестных, *de minoribus principes consultant, de maioribus omnes* (лат.) – о делах, менее важных, совещаются их старейшины, о более значительных – все (*Тацит К.* Сочинения. М., 1991, т. 1, с. 356, 358: О происхождении германцев, 7, 11). — 380

^{28*} По эдикту Каракаллы 212 г. н. э. римское гражданство предоставлялось всему свободному населению империи. — 380

^{29*} См. прим. 7* на с. 706. — 382

^{30*} В ходе развития популяций происходит то же, что и в развитии индивидов: по достижении зрелости жизненные проявления становятся беднее, цикл существования постепенно замыкается; за ним снова открывается другой. Так происходит много раз (*итал.*) (*Gini C.* I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni. Torino, 1912, p. 134). — 385

Глава VIII

^{1*} В основу своей классификации наук О. Конт положил три критерия: 1) логический, объясняющий порядок расположения наук фактором простоты их объекта; 2) исторический, объясняющий временной порядок их возникновения (раньше других возникла математика, потом – астрономия, далее физика и т. д.); 3) педагогический, т. е. интересы педагогики, последовательного образования, предписывают преподавать науки учащимся именно в таком порядке, как они сформировались в историческом генезисе. В результате получается такая иерархия наук: 1) математика; 2) астрономия; 3) физика; 4) химия; 5) биология; 6) социология. — 390

^{2*} См. прим. 1* на с. 706. — 390

^{3*} Цитаты из трактата Конфуция «Ли-Цзи», гл. 48 (на русский язык эта глава не переведена). — 392

^{4*} Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1994, т. 3, с. 207, 208, 328–329. — 393

^{5*} Там же, с. 360–361. — 393

^{6*} Ср. перевод С.А. Жебелева: «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо [=наихудшее из животных], либо сверхчеловек» (*Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 378). — 393

^{7*} См. прим. 1* на с. 706. — 393

^{8*} Ergo (*лат.*) – следовательно. — 396

^{9*} Sine qua non (*лат.*, сокр. от *conditio sine qua non*) – букв.: «условие, без которого нет», непереносимое условие. — 396

^{10*} В Риме после II в. н. э. наступил так называемый кризис империи III века, хронологические рамки которого обычно определяют в годы между гибелью императора Александра Севера в 235 г. и провозглашением императором Диоклетиана в 284 г. Этот период характеризуется рядом кризисных явлений в экономике, ремесле, торговле, а также нестабильностью государственной структуры, внутренними и внешними военными столкновениями и временной потерей Римом контроля над рядом областей.

Империя Чола – тамильское государство на юге Индии, возникшее в III в. до н. э. и просуществовавшее до 1279 г. Империя Чола оставалась стабильным государством до 1215 г., затем постепенно была поглощена государством Пандья и прекратила свое существование в 1279 г.

Династия Мин правила в Китае с 1368 по 1644 г., после ее свержения в Китае до 1912 г. правила маньчжурская династия Цин.

В Древнем Египте после смерти Рамсеса III при последних восьми царях XX династии, которые все носили личные имена Рамсесов, внутренняя стабильность и внешнеполитические позиции оказались окончательно подорванными. При Рамсесе XI (середина XI в. до н. э.) единое египетское государство Нового царства прекращает свое существование.

В оригинале: «in ancient Egypt, after the eighteenth and the nineteenth centuries» (p. 455), что является ошибкой или случайной опечаткой: хронология Древнего Египта ведется чаще всего по династиям, а не по столетиям.

Греция в 338 г. до н. э. потерпела поражение в битве при Херонее, после чего правителем Греции стал македонский царь Филипп II, а Греция как самостоятельное и независимое государство навсегда прекратила свое существование. — 408

^{11*} Известна лишь одна статья, написанная Сорокиным на эту тему: *Arbeitsleistung und Entlohnung* (Experimentelle Untersuchungen bei Kindern im Alter von 3–4 und von 13–14 Jahren) [Производительность и поощрение труда (экспериментальные исследования на детях 3–4 и 13–14 лет)] // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. 1928, Heft. 2, S. 186–198. — 409

^{12*} Речь идет о статье: *Gates G.S. The Effect of an Audience Upon Performance*. Editorial Comment Upon the Effect of an Audience [Влияние аудитории на выступление. Комментарий редакции о влиянии аудитории] // *The Journal of Abnormal Psychology and Social Psychology*. 1924, vol. XVIII, № 4. В статье описан следующий эксперимент. В качестве испытуемых

выступают три группы студентов колледжа, которым предлагается пройти четыре теста при наличии и отсутствии зрителей в аудитории. Полученные результаты свидетельствуют о том, что различия в баллах слишком малы, чтобы быть статистически достоверными. Г.Ф. Олпорт предлагает повторить эксперимент с одиночными индивидами, а не с группами. — 409

^{13*} Мана – по верованиям народов Меланезии и Полинезии, существующая в природе сверхъестественная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы, а также «духи».

Тотем (на языке северо-американских индейцев племени оджибве слово означает «его род») – животное, растение, предмет или явление природы, которые считаются родоначальниками племени, дают ему свое имя и служат объектами религиозного почитания. — 412

^{14*} Ошибка Сорокина: ни одно сочинение П. Факонне в книге не упоминается и не цитируется. Возможно, он хотел сослаться на статью «L'œuvre pédagogique d'Émile Durkheim» [Педагогический труд Эмиля Дюркгейма], опубликованную в качестве предисловия к книге Э. Дюркгейма «Education et sociologie» (Paris, 1922). Книга состоит из четырех статей и выступлений Э. Дюркгейма на темы воспитания и образования: 1) Éducation: sa nature, son rôle [Образование: его сущность и роль]; 2) Nature et méthode de la pédagogie [Природа и метод педагогики]; 3) Pédagogie et sociologie [Педагогика и социология]; 4) L'enseignement secondaire en France [Среднее образование во Франции]. — 415

^{15*} См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с. 492–494. — 416

^{16*} Номинализм и реализм – направления средневековой философии, первое из которых (номинализм) отрицало онтологическое существование общих понятий («универсалий»), признавая вместе с тем, что объективно существуют лишь единичные вещи и индивидуумы. Реализм, напротив, считал, что универсалии существуют реально и независимо от сознания, будучи тем самым формой средневекового идеализма. — 417

^{17*} L'anomie sociale (*фр.*) – социальная аномия (от *фр.* anomie – букв. «беззаконие», «безнормность», *греч.* а – отрицательная частица «не», «без» и *nomos* – закон), такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с. 342–343. — 422

^{18*} Éspirit de corps (*фр.*) – сословный, корпоративный дух. — 423

^{19*} См. прим. 6* на с. 695 (этический декалог). — 423

^{20*} См.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018, с. 41–44, 52, 721–733. — 425

^{21*} Корробори – церемониальный танец австралийских аборигенов, исполняемый традиционно мужчинами и являющийся неотъемлемой частью культуры аборигенов. Описание см. в книге: Spencer B., Gillen F. Native Tribes of Central Australia. London, 1899. — 426

^{22*} Rossica sunt, non leguntur (*лат.*). – это по-русски, не читается. Сорокин перефразирует средневековую латинскую поговорку «graeca sunt...» (это по-гречески, нельзя прочесть). — 428

^{23*} См. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 364–366 (гл. 9). — 429

^{24*} Автор этой статьи, не указанный П.А. Сорокиным, – С. Бугле. — 429

^{25*} См.: *Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008, с. 339–340. — 429*

^{26*} См.: Там же, с. 353. — 431

^{27*} *Façon de parler (фр.)* – фигура речи. — 431

^{28*} *Petitio principii (лат.)* – предвосхищение основания; логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недосказанной предпосылки для доказательства. — 431

^{29*} *Ricorsi (итал.)* – отливы. *Corsi* и *ricorsi* (приливы и отливы) – выражение Дж. Вико, часто встречающееся и в произведениях А.И. Герцена. «А там настанет весна, – писал он в книге “С того берега”, – молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенчества, полное... здоровых сил, заменит старческое варварство; дикая свежая мощь распадется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории.

Основной тон его мы можем понять теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм развивается во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущему, неизвестною нам революцией...

Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, *corsi e ricorsi* истории, *perpetuum mobile* маятника!» (*Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1956, т. 3, с. 339.* — 432

^{30*} Цитата из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 4, с. 424. — 433*

^{31*} *Pars pro toto (лат.)* – часть вместо целого; прием речи, когда называется часть предмета вместо целого предмета: например, «парус или флаг» вместо «корабль» (у Лермонтова: «Белеет парус одинокий»). — 433

^{32*} См. прим. 23* на с. 719. — 434

^{33*} См. прим. 27* на с. 721. — 435

Глава IX

^{1*} См. прим. 39* на с. 694. — 439

^{2*} См.: *Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008, с. 39–52, 322–323. — 439*

^{3*} Сборник «Немецкая философия XIX века» состоит из следующих статей:

Préface, par Ch. Andler [Андлер Ш. Предисловие].

I. *Dilthey et son école, par V. Groethuysen [Гротуйзен В. Дильтей и его школа].*

II. *Husserl, sa critique du psychologisme et sa conception d'une logique pure, par Victor Delbos [Дельбо В. Гуссерль, его критика психологизма и его концепция чистой логики].*

III. *La philosophie religieuse: Rudolf Eucken, par J. Benrubi [Бенруби И. Религиозная философия: Рудольф Ойкен].*

IV. *Les grands courants de l'esthétique allemande contemporaine, par Victor Basch [Баш В. Основные течения современной немецкой эстетики].*

V. *Wilhelm Wundt et la psychologie expérimentale, par Georges Dwelshauvers [Двельшауверс Ж. Вильгельм Вундт и экспериментальная психология].*

VI. La socio-psychologie de W. Wundt, par H. Norero [*Нореро Х.* Социопсихология В. Вундта].

VII. Simmel, par C. Bouglé [*Бугле С.* Зиммель].

VIII. La philosophie des sciences historiques, par Ch. Andler [*Андлер Ш.* Философия исторических наук]. — 439

^{4*} Полное название: *Tafel der menschlichen Beziehungen in soziologischer Betrachtung* (нем.) – Таблица человеческих взаимоотношений с социологической точки зрения. — 442

^{5*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 44–50. — 443

^{6*} Авторитет (святость), высшая исполнительная власть, собственник, принцепс, достоинство, юридическое лицо (лат.) – термины римского права. — 444

^{7*} *Die Treue, Dankbarkeit* (нем.) – верность и благодарность. — 444

^{8*} Другие экономические законы тоже носят чисто формальный характер. Закон Тюнена об относительной рациональности сельскохозяйственных систем и их снижающейся интенсивности по мере удаления от рынка описывает чисто «формальные» отношения... Стало быть, утверждение о том, что только в «Социологии» Зиммеля реализуется формальный подход к предмету, не соответствует действительности. Он используется повсеместно, поэтому такой взгляд оказывается совершенно неправильным. — 445

^{9*} *Corpus Juris Civilis* (лат.) – свод гражданского права, составленный в 529–534 гг. при византийском императоре Юстиниане. — 445

^{10*} *Quaternio terminorum* (лат.) – учетверение терминов; логическая ошибка, обусловленная нарушением правила, гласящего, что в силлогизме должно быть только три термина. Ошибка состоит в том, что в силлогизм включают четыре термина. Обычно это происходит благодаря тому, что слово, играющее роль среднего термина, в одной посылке выражает одно понятие, а в другой посылке – иное понятие. — 448

^{11*} Разделение наук на генерализирующие (т. е. обобщающие) и индивидуализирующие введено неокантианцами Баденской школы, различавшими «науки о природе» и «науки о культуре». «Естествознание, – писал Риккерт, – не может, во-первых, никогда изложить в своих понятиях все особенности исследуемых объектов, ибо количество их в каждой разнородной непрерывности неисчерпаемо, и, во-вторых, оно будет, даже и при самом подробном знании, основанном на каком угодно количестве образованных понятий, всегда видеть несущественное в том, что присуще одному только объекту... По всем этим основаниям мы можем назвать поэтому естественнонаучный метод генерализирующим» (*Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 80–81). Соответственно различаются и методы познания, применяемые этими двумя видами наук: науки о природе (генерализирующие) используют метод *номографический* или *номотетический* (от греч. *nomos* *teteo* – «издавать законы», т. е. законоустанавливающий или законоописывающий), а науки о культуре (индивидуализирующие) – метод *идиографический* (от греч. *idios* – «особенный, своеобразный» и *grafo* – «пишу»), т. е. описывающий индивидуальные особенности. См.: *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, с. 320; *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 80–81. — 449

^{12*} *Mixtum compositum* (лат.) – сложная смесь. — 451

^{13*} В указанном сборнике опубликованы следующие статьи:
Mitchell W.C. The prospects of economics [*Митчелл У.К.* Перспективы экономики];
Mills F.C. On measurement in economics [*Миллс Ф.С.* Об измерении в экономике];

- Clark J.M.* The socializing of theoretical economics [*Кларк Дж. М.* Социализация теоретической экономики];
- Copeland M.A.* Communities of economic interest and the price system [*Коупленд М.А.* Сообщества экономических интересов и система цен];
- Douglas P.H.* The reality of non-commercial incentives in economic life [*Дуглас П.Х.* Реальность некоммерческих стимулов в экономической жизни];
- Hale R.L.* Economic theory and the statesman [*Хейл Р.Л.* Экономическая теория и государственный деятель];
- Knight F.H.* The limitations of scientific methods in economics [*Найт Ф.Х.* Ограничения научных методов в экономике];
- Buye R.T.* Some recent developments of economic theory [*Бай Р.Т.* Некоторые недавние разработки экономической теории];
- Slichter S.H.* The organization and control of economic activity [*Сличтер С.Х.* Организация и контроль хозяйственной деятельности];
- Soule G.* Economics-science and art [*Соул Дж.* Экономика-наука и искусство];
- Tugwell R.G.* Experimental economics [*Тагвелл Р.Г.* Экспериментальная экономика];
- Weld W.E.* Regional comparison and economic progress [*Уэлд У.Э.* Сравнение регионов и экономический прогресс];
- Wolfe A.B.* Functional economics [*Вулф А.Б.* Функциональная экономика]. — 451

^{14*} *Fundamentum divisionis* (лат.) – основание разделения. — 453

^{15*} Коадаптация – взаимное приспособление видов друг к другу в ходе эволюции, например, насекомых к опылению растений и растений к опылению насекомыми. — 454

^{16*} Классификация взаимодействий, которую Сорокин предлагает в «Системе социологии», несколько сложнее. В «Системе» все виды взаимодействия делятся на три большие категории в зависимости от: I) индивидов (от их количества и качества); II) характера актов; III) проводников (в зависимости от проводников, посредственные и непосредственные). Виды взаимодействия в зависимости от характера актов делятся, в свою очередь, на взаимодействия: 1) в зависимости от актов делания и неделания; 2) односторонние и двусторонние; 3) длительные и временные; 4) антагонистические и солидаристические; 5) шаблонные и нешаблонные; 6) сознательные и бессознательные; 7) интеллектуальные, чувственно-эмоциональные и волевые. См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 199–232. — 456

^{17*} В оригинале – «relationists». — 456

Глава X

^{1*} Имеются в виду стадии социальных флуктуаций, неоднократно зафиксированные в долгой истории Китая: «стадия беспорядка», «стадия кратковременного успокоения», «стадия великого равновесия, или подобия». Стадии описаны в трактате Конфуция «Ли цзи» (Книга установлений), гл. VII (на русский язык эта глава не переведена). Описывая конфуцианский «закон трех стадий» в «Социальной мобильности» (М., 2005, с. 133), Сорокин дает ссылку на английский перевод: *The Li-Ki*, book VII, p. 2–4. — 459

^{2*} *Deus ex machina* (лат.) – бог из машины. Драматический прием, применявшийся иногда в античной трагедии: запутанная интрига получала неожиданное разрешение во вмешательстве бога, который посредством механического приспособления появлялся среди действующих лиц, раскрывал неизвестные им обстоятельства, предсказывал будущее или приводил пьесу к счастливой развязке. В современной литературе выражение употребляется для ука-

зания на неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным вмешательством извне. — 464

^{3*} *Causa efficiens* (лат.) – производящая, действующая причина. — 470

^{4*} См.: *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 279, прим. 14. — 472

^{5*} Мы привыкли смотреть на экономику как на деятельность, которую осуществляет искусственно созданный «*homo normalis rationalis*» [нормальный рациональный человек]. Человек без души, своего рода игрушечная счетная машина. Однако этот гомункул сразу же перестает служить, если рассмотреть его в более широком контексте. Потому что все интеллектуальные вычисления основаны на соответствующих усилиях, направленных на поддержание, защиту и осуществление функций (нем.). (*Thurnwald R.* Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus // Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I, S. 275). — 472

^{6*} У каждого времени свои представления о роскоши. Цели экономической деятельности никогда не определяют только голод и жажда, в них всегда вплетены тщеславие и помпезность, любовь и ненависть (нем.) – *Op. cit.*, S. 275. — 473

^{7*} Односторонняя «экономическая концепция истории» – это рационалистическая иллюзия, всего лишь «идеалистический» романтический фантом (нем.) – *Op. cit.*, S. 328. — 473

^{8*} Совокупность знаний и навыков (нем.). — 473

^{9*} Хозяйственная этика не является простой «функцией» форм хозяйственной организации, так же как она не может сама по себе однозначно их создавать. Не существовало хозяйственной этики, которая была бы только религиозно детерминирована. (*Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 43–44). — 474

^{10*} Корень современной экономической жизни – религиозный (нем.). См.: *Вебер М.* История хозяйства. Город. М., 2001, с. 332. — 474

^{11*} *Perpetuum mobile* (лат.) – вечный двигатель. — 474

^{12*} Имеется в виду письмо Ф. Энгельса к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. Энгельс в нем писал: «Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. <...> Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь. <...> Следовательно, экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие – политические и идеологические, – являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 39, с. 174–175). — 475

^{13*} Контаминация цитат из письма В. Боргиусу от 25 января 1894 г. (Там же, с. 174–176). — 475

^{14*} *Coincidentia oppositorum* (лат.) – совпадение противоположностей. Согласно Николаю Кузанскому («О видении Бога»), «Бог видим по ту сторону совпадения противоположностей, и его видение есть бытие» (Николай Кузанский. Сочинения в 2-х тт. М., 1980, т. 2, с. 53, 54). — 476

^{15*} См. прим. 31* на с. 724. — 477

^{16*} Слова не К. Маркса, а Ф. Энгельса из того же письма В. Боргиусу от 25 января 1894 г. — 478

^{17*} См. прим. 10* на с. 725. — 478

^{18*} «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 4, с. 133: Нищета философии). — 479

^{19*} «Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия» (Там же, т. 23, с. 523: Маркс К. Капитал, т. 1, гл. 14, прим. 5). — 479

^{20*} «Климатические условия и своеобразие поверхности, особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия. Как в Египте и Индии, так и в Месопотамии, Персии и других странах наводнения используют для удобрения полей: высоким уровнем воды пользуются для того, чтобы наполнять питательные ирригационные каналы» (Там же, т. 9, с. 132: Британское владычество в Индии).

Что касается «объяснения Реформации исключительно тем, что германская нация восстала против экономической эксплуатации Папского двора», то здесь Сорокин не совсем прав. К. Маркс писал о Реформации следующее: «Лютер победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека. Но если протестантизм не дал правильного решения задачи, то все же он правильно поставил ее. Речь теперь шла уже не о борьбе мирянина с попом вне мирянина, а о борьбе со своим собственным внутренним попом, со своей поповской натурой. И если протестантское превращение немца-мирянина в попа эмансипировало светских пап, князей, со всей их кликой – привилегированными и филистерами, то философское превращение немца, проникнутого поповским духом, в человека будет эмансипацией народа. Но подобно тому как эмансипация не должна остановиться на князьях, так и секуляризация имуществ не остановится на захвате церковных имуществ, который раньше других был осуществлен лицемерной Пруссией. Тогда Крестьянская война, это наиболее радикальное событие немецкой истории, разбилась о теологию. Ныне, когда сама теология разбита, наиболее резкое проявление несвободы в немецкой истории – наш status quo – разобьется о философию. За день до реформации официальная Германия была самым покорным рабом Рима. За день до своей революции она – покорный раб того, что меньше Рима, раб Пруссии и Австрии, заскорузлых юнкеров и филистеров» (Там же, т. 1, с. 422–423: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение). — 479

^{21*} Имеются в виду статьи: *Tarde G. Quelques mots sur le matérialisme historique* (Несколько слов об историческом материализме) // *Annales de l'Institut International de Sociologie*. 1902,

vol. VIII, p. 283–289; *De Roberty E. Discours: Le matérialisme historique ou économique* (Рассуждение на тему: Материализм исторический или экономический)] // *Annales de l'Institut International de Sociologie*. 1900–1901, vol. VIII. — 480

^{22*} См. наст. издание, с. 467–469. — 481

^{23*} *Sua sponte* (лат.) – по своей инициативе, по собственной воле. — 481

^{24*} Цитата из «Всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ, которую неоднократно приводит в своих сочинениях М.М. Ковалевский. См., например: *Ковалевский М.М.* Социология. СПб., 1910, т. I, с. 10. — 481

^{25*} Миллениум (millennium) – латинское слово (букв.: «тысячелетие»), смысловой эквивалент греческому «хилиазму», учение (или вера) в тысячелетнее царствие Христа на земле. — 482

^{26*} О «скачке» человечества «из царства необходимости в царство свободы» писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 20, с. 295). — 482

^{27*} См. прим. 2* на с. 726. — 482

^{28*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 645–669. — 483

^{29*} В оригинале «shibboleth», шиболет (евр.: «колосья») – пароль, установленный судьей Иеффаем во время войны против ефремлян: каждый ефремлянский беглец мог быть сразу опознан по особому произношению этого слова (Суд. 12, 5–6). — 484

^{30*} Речь идет о статье В. Васильевского «К работе среди гарнизона» (Петроградская правда. 1919, № 162, 22 июля, с. 1), которую автор начинает такими словами: «В рядах петроградского гарнизона есть много беспартийных красноармейцев. Все они состоят, в большинстве своем, из рабочей молодежи, не имеющей еще в своем прошлом тяжелой, закаляющей школы классовой борьбы, и из середняков-крестьян, готовых примкнуть к ним, часто инстинктивно, чутьем угадывающих, что только с ними им будет хорошо.

Вся эта масса – честные пролетарии, только часто заблуждающиеся, не понимающие еще многого, плохо разбирающиеся в том могучем водовороте событий и понятий, с которыми им приходится сталкиваться.

В гарнизоне их много – десятки тысяч. И, надо прямо сказать, на работу среди них, на жизнь их в душных казармах, на то, чтобы помочь им разобраться во всем, что их мучит, – до сих пор обращалось слишком мало внимания».

Эту же статью Сорокин цитирует в «Системе социологии» (М., 2008, с. 659, прим. 101). — 484

^{31*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 646–647. — 484

^{32*} *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 13, с. 8: «К критике политической экономии». — 484

^{33*} Там же, с. 7. — 485.

^{34*} *Бейль П.* Исторический и критический словарь в 2-х тт. М., 1968, т. 1, с. 243–244. — 485

^{35*} В оригинале этот абзац начинается со слова «first», при переводе опущенного, поскольку за ним не следует «second». — 489

^{36*} Индекс Зауэрбека – индекс оптовых цен на определенные виды товаров; разработан английским экономистом А. Зауэрбеком в 1886 г. — 493

^{37*} Скользящая средняя, скользящее среднее – общее название для семейства функций, значения которых в каждой точке определения равны среднему значению исходной функции за предыдущий период. Скользящие средние обычно используются с данными временных рядов для сглаживания краткосрочных колебаний и выделения основных тенденций или циклов. — 493

^{38*} Официально голод в России (в Поволжье) датируется 1921–1922 гг.; Сорокин, отождествив в данном случае понятия «голод» и «голодание» (*famine* и *hunger*), началом голода считает революцию 1917 г. в России. — 494

^{39*} См. прим. 17* на с. 723. — 497

^{40*} Если промышленный и финансовый кризисы имеют усиливающее влияние на число самоубийств, то это происходит не потому, что они несут с собой бедность и разорение, – ведь кризисы расцвета дают те же результаты, – но просто потому, что они – кризисы, то есть потрясения коллективного строя. Всякое нарушение равновесия даже при условии, что следствием его будет увеличение благосостояния и общий подъем жизненных сил, толкает к добровольной смерти. Каждый раз, когда социальное тело терпит крупные изменения, вызванные внезапным скачком роста или неожиданной катастрофой, люди начинают убивать себя с большей легкостью (*Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912, с. 121). — 497

^{41*} Имеются в виду следующие статьи указанного сборника:

Berridge W.A. [Берридж У.А.] What the Present Statistics of Employment Show [Что показывает нынешняя статистика занятости] (р. 43–66);

Mitchell W.C. [Митчелл У.К.] The Various Kinds of Remedies Proposed [Предлагаемые способы правовой защиты] (р. 113–115);

Macaluary R. [Маколей Ф.Р.] Individual Industries and Enterprises in the Business Cycle [Отдельные отрасли и предприятия в деловом цикле] (р. 19–31);

King W.I. [Кинг У.И.] Changes in Employment in the Principal Industrial Fields, January 1, 1920 to March 31, 1922 [Изменения в занятости в основных отраслях промышленности с 1 января 1920 г. по 31 марта 1922 г.] (р. 78–98);

Brissenden P.F. [Бриссенден П.Ф.] Under-Employment [Неполная занятость] (р. 67–77);

Rice A.S. [Райс А.С.] The Effect of Unemployment upon the Worker and his Family [Влияние безработицы на работника и его семью] (р. 99–109). — 498

^{42*} См. прим. 39* на с. 694. — 500

^{43*} В книге «Голод как фактор» (Сыктывкар, 2014, с. 238, прим. 38) П.А. Сорокин уточняет эту ссылку: *Bulletin de l'Institut international statistique*. 1909, t. XVII, p. 167–168; t. XVIII, p. 11 (в этих томах опубликован отчет о XII сессии Международного института статистики, проходившей в Париже 4–10 июля 1909 г.). — 500

^{44*} Стратиграфический метод – в археологии определение относительной хронологии культурных остатков, сооружений и находок в зависимости от их залегания в культурном слое. — 503

^{45*} См. прим. 39* на с. 694. — 511

^{46*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 560–576. — 516

^{47*} В статье, на которую ссылается П.А. Сорокин, таблица занимает три страницы (р. 307–309) и называется: «*Votes of Social Classes on Initiative and Referendum Measures*» [Голосование социальных классов по мерам инициативы и референдума]. — 517

^{48*} См.: *Сорокин П.А. Сочинения: 1919–1923.* Сыктывкар, 2019, с. 300–301. Сорокин очень вольно перевел собственный текст на английский язык. Скорее это даже не перевод, а пересказ. Здесь обратный перевод с английского по возможности приближен к русскому оригиналу. — 522

^{49*} Внешне сходные формы экономической организации могут быть связаны с весьма разной по своему характеру художественной этикой и в зависимости от ее своеобразия оказывать самое разнообразное историческое воздействие. Хозяйственная этика не является простой «функцией» форм хозяйственной организации (*Вебер М. Избранное. Образ общества.* М., 1994, с. 43). — 523

Глава XI

^{1*} У Сорокина вместо Атман – Self (сам, самость), так что буквальный перевод выглядел бы так: «Вселенная содержится в Самости».

Атман (*санскр.* Atman – «сам, себя»; «тело»; «сущность, душа, дух, мировой дух») – одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма: вечная, неизменная духовная сущность, абсолют, осознающий свое собственное существование; термин используется для описания высшего «Я» человека и всех живых существ. — 534

^{2*} Использован перевод Б.Б. Гребенщикова (third Vallî). Vallî (*санскр.*) – часть. — 534

^{3*} См.: Дхаммапада. Пб., 1993, с. 147. Дхамма, дхарма (*санскр.* – «закон», «правило») – индийский философский и религиозный термин, который используется для обозначения морального долга, обязанностей человека или, в более общем значении, пути благочестия. — 534

^{4*} Цитата из Марка Аврелия (VI, 3): Гляди внутрь; пусть в любом деле не ускользнет от тебя ни собственное его качество, ни ценность (*Марк Аврелий. Размышления.* СПб., 1993, с. 29). — 534

^{5*} В оригинале: The aids to noble life are all within – заключительная строка сонета английского поэта и культуролога Мэтью Арнольда (1822–1888) «Worldly Place», написанного по поводу изречения Марка Аврелия о том, что «достойно можно жить и во дворце». — 534

^{6*} Интроспективная психология (от *лат.* introspecto – «смотреть внутрь») – психологические учения, основанные на методе наблюдения собственных психических процессов без использования каких-либо инструментов или эталонов; метод самонаблюдения восходит к работам Дж. Локка и разрабатывался В. Вундтом и Э. Титченером.

Целевая психология – термин последователя необихевиоризма Э.Ч. Толмена, обозначающий направление исследований в психологии, в котором основное значение придается роли цели в детерминации поведения.

Структурная психология – направление, считающее предметом психологии элементы сознания и структурные отношения между ними, выявляемые посредством специально тренируемой интроспекции. Возникло в начале XX в., восходит к В. Вундту, но приобрело статус особой школы благодаря американскому психологу Э. Титченеру и его последователям. — 535

^{7*} О «шести различных психологиях», представленных в сборнике «Psychologies of 1925», можно судить по его оглавлению:

Часть I. Школа Бихевиоризма.

1. *Джон Б. Уотсон.* Что должны сказать ясли об инстинктах.
2. *Джон Б. Уотсон.* Экспериментальное исследование развития эмоций.

3. *Джон Б. Уотсон*. Последние эксперименты о том, как мы теряем и изменяем наш эмоциональный багаж (equipment).
4. *Уолтер С. Хантер*. Психология и антропология.
Часть II. Динамическая психология.
5. *Роберт С. Вудворт*. Динамическая психология.
Часть III. Гештальт
6. *Курт Коффка*. Умственное развитие.
7. *Вольфганг Кёлер*. Интеллект обезьян.
8. *Вольфганг Кёлер*. Один аспект гештальт-психологии
Часть IV. Целевые группы
9. *Мортон Принс*. Три фундаментальные ошибки поведения и примирение целевых и механистических понятий.
10. *Мортон Принс*. Понимание, сознание, осознание и интеллект животных с точки зрения аномальной психологии. Биологическая теория сознания.
11. *Мортон Принс*. Проблема личности: сколько «Я» мы имеем?
12. *Уильям Мак-Дугалл*. Люди или Роботы? I.
13. *Уильям Мак-Дугалл*. Люди или Роботы? II.
Часть V. Психология реакций
14. *Найт Данлэн*. Теоретический аспект психологии.
15. *Найт Данлэн*. Экспериментальные методы психологии.
16. *Найт Данлэн*. Применение психологии к социальным проблемам.
Часть VI. Психологии, называемые «структурными»
17. *Мэдисон Бенгли*. Историческое происхождение.
18. *Мэдисон Бенгли*. Работа структуралистов.
19. *Мэдисон Бенгли*. Психологический организм. — 535
- ^{8*} *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991, кн. 1, с. 92, 99 (Массовая психология и анализ человеческого «Я», гл. IV, VI). — 538
- ^{9*} Таким образом, понятно также, что то, что в конечном итоге и настоятельно влечет мужчину к женщине, в точности совпадает с тем, что влечет его и к женщине – его сексуальность. Если связь мужчины и женщины очевидна и бесспорна, то эта [связь мужчины с женщиной] раздроблена и разрушена разнообразной системой психических механизмов. Но она есть, и если бы ее не было, человечество распалось бы завтра же (*нем.*). — 538
- ^{10*} *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991, кн. 1, с. 136 (Массовая психология и анализ человеческого «Я», гл. XII. Дополнения, пункт «г»). — 538
- ^{11*} Там же, с. 90 (Массовая психология и анализ человеческого «Я», гл. IV). — 539
- ^{12*} См. выше, прим. 7*. — 550
- ^{13*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 70–93. — 552
- ^{14*} In extenso полностью (*лат.*) – без сокращений, подробно. — 555
- ^{15*} См. прим. 35* на с. 717. — 556
- ^{16*} См.: Быт. 25–27. — 559
- ^{17*} Сарла-ла-Канеда на юго-западе Франции, недалеко от Бордо. Современные продюсеры часто выбирают Сарла местом съемок фильмов; исторический центр Сарла является одним из самых «снимаемых» во Франции; начиная с 1945 г. город служил аутентичной средневековой декорацией более чем в 80 кинолентах. — 563

^{18*} Коллеж де Франс (le Collège de France) – парижское учебно-исследовательское учреждение в Латинском квартале, предлагающее бездипломные курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Обучение бесплатное и доступно всем без предварительной записи, отчего Коллеж де Франс имеет особое значение для интеллектуальной жизни французского общества. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высших отличий в области французского высшего образования. Основан при Франциске I как институт королевских профессоров, с XVII в. – «Королевский коллеж», современное название носит с 1870 г. — 563.

^{19*} Все эти статьи посвящены памяти умершего 18 апреля 1913 г. Л. Уорда (р. 61–78). — 566

^{20*} См.: *Сорокин П.А.* Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб., 2014, с. 171–186. — 566

^{21*} *Empfindungen* (нем.) – чувства, ощущения. — 568

^{22*} Обыгрываются слова Фауста «в начале было Дело», который, в свою очередь, перефразирует первую строку Евангелия от Иоанна («В начале было Слово»). См.: *Гете И.В.* Фауст. М., 1971, с. 73. — 569

^{23*} Имеются в виду статьи, посвященные памяти умершего в 1926 г. А.В. Смолла: *Goodspeed T.W.* Albion Woodbury Small [Альбион Вудбери Смолл] (р. 1–14); *Barnes H.E.* The Place of Albion Woodbury Small in Modern Sociology [Место А.В. Смолла в современной социологии] (р. 15–44); *MacLean A.M.* Albion Woodbury Small: An Appreciation [А.В. Смолл: оценка] (р. 45–48); *House F.N.* A List of the More Important Published Writings of Albion Woodbury Small [Список наиболее важных публикаций А.В. Смолла] (р. 49–58). — 569

^{24*} Имеется в виду: *Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1921. — 570

^{25*} Цитата из комедии Мольера «Мнимый больной» (третья интермедия): «Почтенный доктор спрашивает, почему усыпляет опиум? На это я отвечаю: он имеет такое свойство – снотворную способность, которая может содержать в себе силу усыплять организм». У Мольера вся третья интермедия описана макароническими стихами, так что ответ «бакалавра» в пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник выглядит так:

Почтенный доктор инквит: кваре
Опиум фецит засыпаре?
Респондэс на кое:
Хабет свойство такое —
Виртус снотворус,
Которус
Поте силу храпира
Натуру усыпира.

(*Мольер Ж.-Б.* Комедии. М., 1972, с. 629). — 572

^{26*} *Salto mortale* (итал.) – смертельный прыжок. — 573

^{27*} *Clarum per obscurium* (лат.) – объяснять неясное еще более неясным. — 574

^{28*} *Suum quique* (лат.) – каждому свое. — 580

^{29*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 71–93 (т. 1, гл. III, § 2: Субъективный и объективный методы изучения психических явлений. Спор «субъективистов» и «объективистов» в психологии и социологии. Решение спора). — 582

Глава XII

^{1*} См. прим. 6* на с. 717. — 585

^{2*} *Фюстель де Куланж*. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010, с. 7. — 585

^{3*} Там же, с. 8. — 586

^{4*} Там же, с. 8–9. — 586

^{5*} Там же, с. 125–126. — 586

^{6*} Там же, с. 404–405. — 587

^{7*} Там же, с. 411. — 587

^{8*} *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018, с. 687. — 589

^{9*} Там же, с. 689, 688, 685, 701. — 589

^{10*} *Fas* (лат.) – высший закон, божественный закон, религиозное право; в отличие от *jus* – гражданского права. В «Системе социологии» (М., 2008, с. 627) Сорокин цитирует С. Бугле, согласно которому «у индусов нет различия *jus* и *fas* – все поглощено религией». — 591

^{11*} *Сорель Ж.* Размышления о насилии. М., 2013, с. 126–127. — 592

^{12*} Приводим содержание сборника «Erinnerungsgabe für Max Weber»:
Band I

Gerhart von Schulze-Gaevernitz. Einführung. Max Weber als Nationalökonom und Politiker (S. XII–XXII)

[*Герхарт фон Шульце-Гевениц.* Вступление. Макс Вебер как политэконом и политик].

1. *Werner Sombart.* Die Anfänge der Soziologie (S. 3–20)

[*Вернер Зомбарт.* Истоки социологии].

2. *Franz Eulenburg.* Sind historische Gesetze möglich? (S. 21–71)

[*Франц Эйленбург.* Возможны ли исторические законы?]

3. *Hermann Kantorowicz.* Der Aufbau der Soziologie (S. 73–95)

[*Герман Канторович.* Структура социологии].

4. *Friedrich von Gottl-Ottlilienfeld.* Freiheit vom Worte (S. 97–152)

[*Фридрих фон Готтль-Оттлilienфельд.* Свобода от слов].

5. *Hans W. Gruhle.* Die Selbstbiographie als Quelle historischer Erkenntnis (S. 155–177)

[*Ганс В. Груле.* Автобиография как источник исторических знаний].

6. *Ludo M. Hartmann.* Die nationale Grenze vom soziologischen Standpunkte (S. 179–190)

[*Людо М. Гартманн.* Национальная граница с социологической точки зрения].

7. *Eberhard Gothein.* Über einige soziologische Grundfragen (S. 193–234)

[*Эберхард Готеин.* О некоторых основных социологических вопросах].

8. *Ferdinand Tönnies.* Zweck und Mittel im sozialen Leben (S. 235–270)

[*Фердинанд Тённис.* Цели и средства в общественной жизни].

9. *R. Thurnwald.* Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus.

Gesichtspunkte und Andeutungen (S. 273–328)

[*Р. Турнвальд.* Формирование экономического развития с самого начала. Точки зрения и подсказки].

10. *Leo Jordan.* Sprache und Gesellschaft (S. 337–360)

[*Лео Йордан.* Язык и общество].

11. *Karl Vossler.* Die Grenzen der Sprachsoziologie (S. 361–389)

[*Карл Фосслер.* Границы социологии языка].

Band II

12. *Carl Schmitt*. Soziologie des Souveränitätsbegriffes und politische Theologie (S. 3–35)
[Карл Шмитт. Социология концепции суверенитета и политическое богословие].
13. *Richard Thoma*. Der Begriff der modernen Demokratie in seinem Verhältnis zum Staatsbegriff (S. 37–64)
[Рихард Тома. Концепция современной демократии в ее отношении к концепции государства].
14. *Carl Brinkmann*. Soziologie und Staatswissenschaft (S. 63–83)
[Карл Бринкманн. Социология и наука о государстве].
15. *Karl Löwenstein*. Zur Soziologie der parlamentarischen Repräsentation in England vor der ersten Reformbill (S. 85–110)
[Карл Лёвенштейн. О социологии парламентского представительства в Англии до принятия первого закона о реформе].
16. *Karl Landauer*. Die Wege zur Eroberung des demokratischen Staates durch die Wirtschaftsleiter (S. 111–143)
[Карл Ландауэр. Способы завоевания демократического государства экономическими методами].
17. *E. Lederer*. Aufgaben einer Kultursoziologie (S. 149–171)
[Э. Ледерер. Задачи культурсоциологии].
18. *Paul Honigshaim*. Zur Soziologie der mittelalterlichen Scholastik (Die soziologische Bedeutung der nominalistischen Philosophie) (S. 173–213)
[Пауль Хонигсхайм. О социологии средневековой схоластики (Социологический смысл номиналистической философии)].
19. *Arthur von Rosthorn*. Religion und Wirtschaft in China (S. 221–233)
[Артур фон Ростхорн. Религия и экономика в Китае].
20. *Paul Mombert*. Zum Wesen der sozialen Klasse (S. 239–275)
[Пауль Момберт. Сущность социального класса].
21. *Werner Wittich*. Der soziale Gehalt von Goethes Roman «Wilhelm Meisters Lehrjahre» (S. 278–306)
[Вернер Виттих. Социальное содержание романа Гете «Годы учения Вильгельма Майстера»].
22. *Walter Lotz*. Wandlungen im deutschen Wirtschaftsleben und Wandlungen in der deutschen Wirtschaftswissenschaft seit Bismarcks Rücktritt (S. 311–316)
[Вальтер Лоц. Изменения в экономической жизни и в экономике Германии после отставки Бисмарка].
23. *Heinrich Sieveking*. Zur süddeutschen Agrarentwicklung (S. 319–338)
[Генрих Зевекинг. О развитии сельского хозяйства на юге Германии].
24. *Melchior Palyi*. Das Wesen der Inflation. Ein Versuch (S. 339–352)
[Мельхиор Палий. Суть инфляции. Опыт]. — 594

^{13*} Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 55–56. — 596

^{14*} Хозяйственная этика не является простой «функцией» форм хозяйственной организации, так же как она не может сама по себе однозначно их создавать. Не существовало хозяйственной этики, которая была бы только религиозно детерминирована. Совершенно очевидно, что она в значительной мере обладает чисто автономной закономерностью, основанной на определенных географических и исторических особенностях, которые отличают ее от обусловленного религиозными или иными «внутренними» (в этом смысле) моментами отношения человека к миру (Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 43–44). — 596

^{15*} Здесь и далее в оригинале – *Wirtschaftsethik*. — 596

^{16*} См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001, с. 255–256. — 598

^{17*} В отечественном религиоведении к мировым религиям относятся только христианство, ислам и буддизм. Однако в веберовской традиции в число мировых религий включены индуизм (поскольку он является религией огромного культурного региона, а также источником буддизма), конфуцианство (поскольку оно является религией огромного культурного региона) и иудаизм (поскольку он является источником христианства и ислама). Подробнее см.: Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). СПб., 1998. — 600

^{18*} Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001, с. 320. — 600

^{19*} Там же, с. 326. — 601

^{20*} См. прим. 39* на с. 694. — 608

^{21*} *Credo quia absurdum* (лат.) – верю, ибо абсурдно. На самом деле эти слова принадлежат Тертуллиану. Приписывание из Августиному – типичная ошибка Сорокина, которая встречается во многих его сочинениях. Правда, и у Тертуллиана такой фразы – буквально – нет, но в трактате «О плоти Христа» (5) имеется рассуждение, которое и дало повод приписать ему эту формулу: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» (Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994, с. 166). См. также: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979, с. 113. — 608

^{22*} Однако несомненно, что одним из детерминаторов хозяйственной этики – именно только одним – является религиозная обусловленность жизненного поведения. Она, в свою очередь, также, конечно, испытывает в данных географических, политических, социальных, национальных условиях большое влияние экономических и политических моментов (Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 44). — 608

^{23*} Еф. 6, 5. — 611

^{24*} См.: Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001, с. 325. — 612

^{25*} Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов? (лат.) – слова не Тацита, а Горация (Оды, III, 24, 35–36). — 615

^{26*} См. прим. 28* на с. 733. — 620

^{27*} Французская конституция 1791 г. была принята Национальным собранием 3 сентября на основе «Декларации прав человека и гражданина»; согласно этой конституции верховная власть принадлежит нации и делегируются нацией; ее представители – законодательное собрание и король. Форму правления, возникшую после принятия конституции 1791 г., называют «демократической монархией».

Конституция 1793 г. (Конституция I года), принятая при якобинцах, провозгласила Францию республикой, увеличила права граждан, но фактически в силу не вступила.

Конституция III года (1795) фактически установила во Франции режим Директории, хотя и называлась республиканской, как и Конституция 1793 г. Согласно этой конституции выборы носили косвенный (двухступенчатый) характер; избирателем был каждый гражданин, достигший 21 года, владевший известным имуществом и предоставивший доказательства, что он регулярно платил подати. Новая конституция вводила двухпалатную систему: народ-

ное представительство должно было состоять из совета пятисот и совета старейшин. Кроме того, Конвент, чтобы обеспечить себе на ближайшее время большинство в обоих советах, издал два новых декрета, согласно которым две трети советов состояли из членов Конвента, причем эти две трети должны были избираться не избирателями, а самим Конвентом.

6 апреля 1814 г. французский сенат провозгласил восстановление монархии Бурбонов при условии принесения ими присяги на верность новой конституции, устанавливавшей во Франции режим конституционной монархии.

Конституция (Хартия) 1830 г. была принята в результате Июльской революции. По этой конституции король обладал всей полнотой исполнительной власти и осуществлял законодательную власть совместно с двухпалатным парламентом; однако право законодательной инициативы принадлежало теперь не только королю, но и обоим палатам, палата пэров, как и ранее, формировалась королем по собственному усмотрению. — 621

^{28*} Имеется в виду «символ пещеры», которым начинается седьмая книга «Государства» Платона (514 а–б). Сорокин называет ее «пещерой Платона–Липпмана», потому что У. Липпман в качестве эпиграфа к своей книге «Общественное мнение» выбрал начало платоновского мифа:

«Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю, – сказал Главкон.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие – молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так». — 624

^{29*} Сорокин указывает не страницу (page), а фрагмент «Мыслей» Паскаля, заканчивающийся словами: «...Мудрейший из законодателей [Платон] говорил, что людей ради их же блага необходимо время от времени надувать, а другой тонкий политик [Августин] писал: “Cum veritatem qua liberetur ignoret, expedit quod fallatur” [И так как он не ведает истины, дарующей освобождение, ему лучше быть обманутым]. Народ не должен знать об узурпации власти: когда-то для нее не было никакого разумного основания, но с течением времени она стала разумной; пусть ее считают неистребимой, вековечной, пусть не ведают, что у нее было начало, иначе ей быстро придет конец» (*Паскаль Б. Мысли. М., 1994, с. 337*). — 625

Глава XIII

^{1*} В оригинале – family and home. — 627

^{2*} Similia similibus curantur (*лат.*) – подобное излечивается подобным. — 630

^{3*} Подробнее об этой книге и ее значении см: *Murphy S., Egger M.* Studies of the social causes of tuberculosis in Germany before the First World War: extracts from Mosse and Tugendreich's landmark book // *International Journal of Epidemiology.* 2002, vol. 31, p. 742–749. — 632

^{4*} На самом деле «Справочник по социальной гигиене и здравоохранению», изданный А. Готтштейном, А. Шлоссманом и Л. Телеки, насчитывает шесть томов:

Том 1: Основы и методы.

Том 2: Промышленная гигиена и промышленные заболевания.

Том 3: Алкоголь, туберкулез, венерические заболевания.

Том 4: Здравоохранение (Уход за младенцами, уход за детьми ясельного возраста, уход за беременными, школьное здравоохранение, уход за психопатами и т. д.).

Том 5: Социальная физиология и патология.

Том 6: Больницы, службы спасения, бассейны и т. д. — 632

^{5*} В указанных Сорокиным томах «Schriften des Vereins für Sozialpolitik» под общей рубрикой «Подбор и адаптация персонала» (Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft) в 1910–1912 гг. были опубликованы следующие исследования:

1. *Marie Bernays.* Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft der geschlossenen Großindustrie: dargestellt an den Verhältnissen der «Gladbacher Spinnerei und Weberei» AG zu München-Gladbach im Rheinland. – 1910, Bd. 133

[*Мари Бернайс.* Подбор и корректировка рабочей силы закрытого крупного производства: показано на примере условий «Gladbacher Spinnerei und Weberei» AG в Мюнхен-Гладбах Рейнской области].

2. *Stanislaw von Bienkowski.* Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft in der Elektroindustrie, Buchdruckerei, Feinmechanik und Maschinenindustrie. – 1910, Bd. 134

[*Станислав фон Беньковский.* Подбор и адаптация кадров в электротехнической промышленности, книгоиздании, точной механике и машиностроении].

3. *Fritz Schumann, Richard Sorer.* Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft in der Automobilindustrie und einer Wiener Maschinenfabrik. – 1911, Bd. 135, Th. 1

[*Фриц Шуман, Рихард Зорер.* Подбор и адаптация рабочей силы в автомобильной промышленности и на Венском машиностроительном заводе].

4. *Rosa Kempf.* Das Leben der jungen Fabrikmädchen in München: die soziale und wirtschaftliche Lage ihrer Familie, ihr Berufsleben und ihre persönlichen Verhältnisse; nach statistischen Erhebungen dargestellt an der Lage von 270 Fabrikarbeiterinnen im Alter von 14–18 Jahren. – 1911, Bd. 135, Th. 2

[*Роза Кемпф.* Жизнь молодых фабричных девушек в Мюнхене: социально-экономическое положение их семьи, их профессиональная жизнь и личные обстоятельства. По данным статистических наблюдений, изучены ситуации 270 заводских работниц в возрасте 14–18 лет].

5. *Max Morgenstern.* Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft in der Lederwaren-, Steinzeug- und Textilindustrie. – 1912, Bd. 135, Th. 3

[*Макс Моргенштерн.* Подбор и адаптация рабочей силы в кожевенной, керамической и текстильной промышленности].

6. *Elise Herrmann.* Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft der geschlossenen Grossindustrie: dargestellt an den Verhältnissen einer Luckenwalder Wollhutfabrik. – 1912, Bd. 135, Th. 4

[Элиза Херрманн. Отбор и адаптация рабочей силы закрытой крупной промышленности: на примере фабрики шерстяных шляп в Луккенвальде]. — 632

^{6*} В журнале «Revue international de sociologie» в течение 1900 и 1902–1903 гг. публиковались материалы дискуссии, организованной Парижским социологическим обществом на тему «Наследование и преемственность профессии» (*L'hérédité et la continuité des professions*). Заседания происходили: 13 декабря 1899 г., 10 января 1900 г.; 14 февраля 1900 г., основным докладчиком был Г. Тард, в обсуждении принимали участие Р. Вормс, А. Кост, А. Дюмон и др. В 1903 г. обсуждалась тема «Общественные классы» (14 января, 11 февраля, 8 апреля, 13 мая), причем на сессии 13 мая выступал М.М. Ковалевский с докладом «Социальные классы в России», в обсуждении принимали участие Е.В. Де-Роберти, Н. Костылев, Иван Лучиский, Е. Семенов, г-жа Муромцева. — 633

^{7*} Поскольку выражение закавычено, то, возможно, здесь использовано название романа «Неприятная женщина: социальная тайна» (*The Disagreeable Woman: A Social Mystery*, 1895) Горацио Элгара-младшего (в других транскрипциях: Хорейшо Эджер, Горацио Олджер). — 633

^{8*} Имеется в виду монография: *Sorokin P.A., C.C. Zimmerman. Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt and Co., 1929. — 633

^{9*} См.: *Сорокин П.А. Система социологии*. М., 2008, с. 682–712. — 635

^{10*} Автор (В. Дильтей) Сорокиным не указан. — 635

^{11*} В оригинале – reactionary, что, по-видимому, ошибка или описка. Судя по предыдущей цитате, реакционерами считаются консерваторы. — 637

^{12*} См. прим. 1* на с. 717. — 641

^{13*} Эсхатология (от *греч.* eschatos – «крайний», «последний» и logos – «учение») – учение о конце света, в христианстве – о пришествии Мессии и окончательной победе над силами зла. — 642

^{14*} П.А. Сорокин дает название книги О. Шпенглера по-немецки. Русский перевод этого названия – «Закат Западного мира» – более точен, чем традиционный, и более привычен для русскоязычных читателей XX в., в том числе и для Сорокина, – «Закат Европы». Впрочем, появившийся новый перевод труда Шпенглера, выполненный И.И. Маханьковым под названием «Закат Западного мира» (последнее изд.: М., 2017), в ближайшем будущем станет, наверное, общепринятым. — 642

^{15*} Имеется в виду научно-фантастическая повесть Г. Тарда «Отрывки из истории будущего», в которой рассказывается о человечестве, ушедшем под землю после угасания Солнца. В России книга была издана в двух переводах (М., 1906; СПб., 1907); последнее переиздание: Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. — 650

^{16*} Свободный и не совсем точный пересказ идеи А. Пуанкаре, которую он излагает в своей книге «Последние мысли» (гл. IX: Мораль и наука). — 650

^{17*} *Raison d'être* (*фр.*) – разумное основание, смысл. — 651

^{18*} См. прим. 11* на с. 725. — 651

^{19*} *Scienza nuova* (*итал.*) – «новая наука», общепринятое сокращенное название классического труда Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (М. – Киев, 1994). — 652

^{20*} «Специальной монографии», посвященной флуктуациям, ритмам и циклам социальных процессов Сорокин в ближайшем будущем не опубликовал, но само это обещание, безусловно, можно рассматривать, как замысел будущей «Социальной и культурной динамики». — 652

^{21*} Впервые идею «города-сада» высказал английский философ и социолог-утопист Эбенизер Говард (1850–1928) в своей публикации «Города-сады будущего» (1898), которая привела к возникновению движения «город-сад» и многочисленным попыткам во многих странах мира (в том числе и в Советской России) воплотить эту идею в жизнь. Частичным ее воплощением можно считать города-спутники и спальные районы современных городов. — 655

^{22*} В оригинале – Weber’s theory. То, что в данном случае речь идет не о Максе, а о Луи Вебере, ясно из ближайшего контекста (см. прим. 83) и подтверждается указанием на страницу в «Index of Names». — 656

^{23*} На страницах, указанных Сорокиным, в журнале «L’année sociologique» (1923, а не 1923–1924) опубликованы рецензии: на статью Ф. Гребнера [*Graebner F.* «Ethnologie»] (dans: *Anthropologie, de Schwalbe et Fischer.* – Leipzig, 1923, p. 435–587) и книгу А.Л. Крёбера [*Kroeber A.L. Anthropology.* Londres, 1923]; обе рецензии подписаны инициалами М.М. (М. Мосс). — 657

^{24*} Имеется в виду взрыв в порту канадского города Галифакса, который произошел 6 декабря 1917 г. в результате столкновения французского военного транспорта «Монблан», загруженного практически одной взрывчаткой, с норвежским кораблем «Имо». На судне начался пожар, приведший к взрыву, в результате чего порт и городской район Ричмонд были полностью разрушены. Около 2 тыс. человек погибли непосредственно в результате взрыва, под обломками зданий, из-за возникших пожаров и заплеска воды высотой 18 м. Приблизительно 9 тыс. человек получили ранения, несколько сотен человек лишились зрения. Взрыв в Галифаксе входит в число сильнейших взрывов, устроенных человеком, его считают мощнейшим взрывом доядерной эпохи. — 662

^{25*} Не указав фамилии А. Феррана, Сорокин тем самым приписал его сочинение Ж. де Местру. — 662

^{26*} См. прим. 11* на с. 725. — 663

Глава XIV

^{1*} *Medice, cura te ipsum* (лат.) – врач, исцели самого себя (Лк. 4, 23). — 666

^{2*} Л.И. Петражицкий писал: «В социологии мы имеем пред собою картину все возрастающего множества конкурирующих теорий, из которых каждая возводит какой-либо особый фактор или элемент человеческой жизни в “основу” всей общественной жизни и ее истории, всех общественных процессов; одни социологи утверждают, что основой всего в человеческом обществе, фактором, определяющим все прочие явления (напр., право, нравственность, религию, науку и т. д.), являются условия производства материальных благ, производительные силы и орудия производства (т[ак] н[азываемый] экономический материализм, социологический марксизм); другие все сводят к подражанию со стороны членов общества более выдающимся и проявляющим личное творчество индивидам (Гард и др.); третьи все сводят к столкновению и покорению одних племен и иных общественных групп другими (Гумплович); четвертые считают решающими борьбу за существование и естественный под-

бор (социологи-дарвинисты); пятое корень всего видят в свойствах расы, шестые – в физико-географических условиях жизни данного общества и проч., и проч. Не требуется более подробного изучения и критики этих и т. п. в изобилии фабрикуемых в социологической литературе теорий, а достаточно очень простых общих соображений, чтобы сказать, что социология представляет своего рода музей научной патологии» (*Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1906, с. 83–84). — 667

^{3*} См: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 50–55. — 668

^{4*} См: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 2008, с. 24–56; *Сорокин П.* Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. СПб., 1913, сб. № 1. — 668

Приложения

^{1*} Ошибка автора: Леон Винярский – поляк, писавший на французском языке. — 672

^{2*} См. прим. 17* на с. 739. — 676

^{3*} *In toto (лат.)* – в целом. — 677

^{4*} *Sub judice (лат.)* – на рассмотрении суда; еще не решено. — 679

^{5*} В оригинале: *sonational*. — 680

^{6*} См. наст. изд., с. 668. — 682

^{7*} Луис Вирт (*Wirth*; 1897–1952) – американский социолог, представитель Чикагской школы социологии, один из ведущих городских социологов. Был первым президентом Международной социологической ассоциации (1949–1952) и 37-м президентом Американской социологической ассоциации (1947). — 685

^{8*} Автор, безусловно, пользовался «Указателем имен» в конце книги. — 686

^{9*} Джозеф Майер (*Mayer*; 1911–2002) – американский социолог немецкого происхождения. — 687

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

- Аберкромби** (Abercromby) Ральф [у Сорокина ошибочно: John] (1842–1897), шотландский метеоролог — 174
– Seas and skies in many latitudes; or, Wanderings in search of weather [Моря и небеса на многих широтах, или Странствия в поисках погоды]. London, 1888 — 174
- Август** (Augustus) Гай Юлий Цезарь Октавиан (69 до н. э. – 14 н. э.), римский император с 27 г. до н. э., основатель принципата – формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 321, 358
- Августин** (Augustine) Аврелий (354–430), христианский теолог и философ, представитель христианской патристики — 584, 585, 608
- Авенариус** (Avenarius) Рихард (1843–1896), швейцарский философ, профессор в Цюрихе (с 1877 г.) — 62
- Авраам** (*библ.*), мифический родоначальник евреев, отец Исаака — 328
- Агриппа** — см. Менений Агриппа
- Адамс** (Adams) Брукс (1848–1927), американский историк, политолог, критик капитализма — 524–526
– The New Empire [Новая империя]. New York, 1902 — 524
– The Law of Civilization and Decay [Закон цивилизации и упадка]. New York, 1897 — 524, 525
- Аделунг** (Adelung) Иоганн Кристоф (1732–1806), немецкий филолог и историк, представитель немецкого Просвещения, автор «Опыта истории культуры человеческого рода» (1782) — 464
- Адамс** (Addams) Джейн (1860–1934), американский социолог и философ, лауреат Нобелевской премии мира (1931), в 1919–1929 гг. президент Международной женской лиги за мир и свободу — 635
– The Spirit of Youth and the City Streets [Дух молодости и городские улицы]. New York, 1909 — 635
- Адлер** (Adler) Макс (1873–1937), австрийский философ, социолог и педагог, один из лидеров австрийской социал-демократии, теоретик австромарксизма и неокантианского «этического социализма» — 469
– Marx als Denker [Маркс как мыслитель]. Wien, 1921 — 469
– Marxistische Probleme. Beiträge zur Theorie der materialistischen Geschichtsauffassung und Dialektik [Проблемы марксизма. К теории материалистической историографии и диалектики]. Stuttgart, 1913 — 469
– Kant und der Marxismus [Кант и марксизм]. Berlin 1925 — 469
- Айрес** (Ayres) Леонард Портер (1879–1946), американский статистик, бригадный генерал армии США, автор исследования «Отстающие в наших школах» (Laggards in Our Schools. New York, 1913) — 346
– [Статья] // New Republic. 1926, vol. XLV, January 13 — 346

- Александр Македонский**, Александр Великий (Alexander the Great; 356–323 до н. э.), царь Македонии с 336 г. до н. э., полководец и завоеватель, воспитанник Аристотеля — 177, 321, 645
- Алимена** (Alimena) Бернардино (1861–1915), итальянский юрист и политический деятель, преподаватель в университете Кальяри и Модены — 579
 – Per la storia della psicologia collettiva [К истории коллективной психологии] // Archivio di Psicologia collettiva. 1900, May — 579
- Аллен** (Allen) Джоэл Азаф (1838–1921), американский зоолог и орнитолог — 137
 – The Influence of Physical Conditions in the Genesis of the Species [Влияние физических условий на генезис вида] // Smithsonian Annual Report for 1905. Washington, 1906 — 137
- Альтузий** (Althusius) Иоганн (1557–1638), немецкий политический мыслитель, один из основоположников теории естественного права, в 1586–1604 гг. – профессор права в Херборне — 196
- Аммиан Марцеллин** (Ammianus Marcellinus; ок. 330 – ок. 400), римский историк, автор сочинения «Деяния», которое было задумано как продолжение «Анналов» и «Истории» Тацита — 462
- Аммон** (Ammon) Отто Георг (1842–1916), немецкий евгенист и социолог — 78, 216, 234–239, 243, 246, 248, 249, 251, 253–255, 262, 263, 286, 308, 488, 648, 657
 – Anthropologische Untersuchungen der Wehrpflichtigen in Baden [Антропологические исследования призывников в Бадене]. Hamburg, 1890 — 234
 – Die natürliche Auslese beim Menschen. Auf Grund der Ergebnisse der anthropologischen Untersuchungen der Wehrpflichtigen in Baden und anderer Materialien [Естественный отбор у человека. На основании результатов антропологических исследований призывников в Бадене и других материалов]. Jena, 1893 — 234
 – Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen [Социальный строй и его естественные основания]. Jena, 1895 — 236
 – L'Anthroposociologie [Антропосоциология] // Revue internationale de sociologie. 1898, vol. VI — 236, 406, 648
 – Histoire d'une idée: l'anthroposociologie [История одной идеи: антропосоциология]. Paris, 1898 — 234–236
 – Zur Anthropologie der Badener. Bericht über die von der Anthropologischen Kommission des Karlsruher Altertumsvereins an Wehrpflichtigen und Mittelschülern vorgenommenen Untersuchungen [К антропологии баденца. Отчет об исследованиях, проведенных антропологической комиссией Карlsruэского общества древностей для призывников и учащихся средней школы]. Jena, 1899 — 308
- Анаксагор** (ок. 500–428 до н. э.), древнегреческий философ, математик и астроном, основоположник афинской философской школы — 29
- Анаксимен** (ок. 585–525 до н. э.), древнегреческий философ, представитель ионийской школы — 29
- Ангус** (Angus) Сэмюэль (1881–1943), австралийский теолог, профессор Нового Завета и истории Церкви в колледже Святого Андрея университета Сиднея — 610
 – The Mystery-Religions and Christianity [Религиозные мистерии и христианство]. New York, 1925 — 610
- Андерсон** (Anderson) Арнольд Чарльз (1907–1990), американский социолог и экономист, в 1920-х гг. – аспирант П.А. Сорокина в университете Миннесоты, впоследствии работал в разных университетах США (в том числе и Гарвардском) и в Университете Стокгольма; сформулировал и доказал «парадокс Андерсона»: получение сыном лучшего образования, чем у отца, не обеспечивает ему лучшего социального статуса, что связано с так называемой инфляцией образования — 663

- Анна Стюарт** (Anne Stuart; 1665–1714), королева Англии, Шотландии и Ирландии с 8 марта 1702 г., первый монарх Соединенного Королевства Великобритании, последняя представительница династии Стюартов — 321
- Анреп** (Anrep) Глеб Васильевич (1889–1955), русский физиолог, ученик и последователь И.П. Павлова, в 1920 г. эмигрировал в Великобританию, с 1931 г. до конца жизни возглавлял кафедру физиологии в Каирском университете; член Лондонского королевского общества (1928) — 547
- Анучин** (Anoutchin) Дмитрий Николаевич (1843–1923), русский антрополог, географ, этнограф и археолог, профессор Московского университета (1884), академик (1896) — 141, 250, 488
- О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1889 — 141
- Апастамба** (Apastamba), ведийский комплекс ритуальных текстов, принадлежащих к традиции Черной Яджурведы (V–III вв. до н. э.), текст состоит из 30 книг (прашн — *praśna*) и отличается энциклопедизмом и либеральными взглядами на женщин и все социальные классы (The Sacred Books of the East. Oxford, 1879, vol. II [рус. перевод: Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха. М., 2015]) — 213
- Арбетног** (Arbuthnot) Джон (1667–1735), шотландский врач, писатель, эрудит, автор сатирических произведений «История Джона Булля» (1712) и посмертно изданных «Мемуаров Мартина Писаки» (1741) — 112
- Аренс** (Ahrens) Генрих (1808–1874), немецкий юрист и философ, сторонник философской школы К.Х. Краузе, свое учение об обществе развивает, исходя из основного положения, что общественный союз представляет собой организм, в котором все части и функции находятся между собой в такой неразрывной связи, что благосостояние или поражение одной части или функции отзывается на всех других и на целом — 196
- Аристотель** (Aristoteles; 384–322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый, родившийся в г. Стагир (Древняя Македония), учитель Александра Македонского — 214, 215, 308, 328, 393, 412, 418, 446, 451, 460, 478, 534, 662
- Политика (Politics) — 393, 460
- Аристофан** (Aristophanes; ок. 445 – ок. 386 до н. э.), древнегреческий поэт и комедиограф — 461
- Комедии (The Comedies of Aristophanes [рус. перевод: М., 2000] — 461
- Арлитт** (Arlitt) Ада Харт (1890–1976), американский, философ, психолог и педагог, профессор в Высшей школе искусств и наук при Университете Цинциннати и заведующая кафедрой ухода за детьми и обучения в Школе управления домашним хозяйством — 271, 272, 277, 278
- The Relation of Intelligence to Age in Negro Children [Соотношение интеллекта и возраста у негритянских детей] // Proceedings of 30th Annual Meeting of American Psychological Association. 1921 — 277
 - The Need of Caution in Establishing Race Norms [Необходимость предусмотрительности при установлении расовых норм] // Journal Applied Psychology. 1921, vol. V — 277
 - Summary of Results of Testing 342 Children [Общие результаты тестирования 342 детей] // Psychological Bulletin. 1921, February — 272
- Армитаж** (Armitage) Фрэнсис Пол (1875–1953), английский химик и антрополог, член химического общества и член Королевского антропологического института — 122, 140, 558
- Diet and race. Anthropological essays [Диета и раса. Антропологические очерки]. London, 1922 — 122, 558

- Арнольд Брешианский** (Arnold of the Breshia; ок. 1100–1155), итальянский религиозный и общественный деятель, борец против католической церкви — 379
- Арнольд** (Arnold) Уильям Делафилд (1828–1859), английский писатель и колониальный чиновник, автор романа об англо-индийской жизни «Окфилд, или Братство на Востоке» (1853), в котором исследуются общие черты между духовными традициями Востока и Запада, а также предсказывается «мятеж», который вскоре произойдет — 465
- Артур**, король Артур (Arthur, King Arthur), легендарный вождь бриттов V–VI вв., разгромивший завоевателей-саксов; центральный герой британского эпоса и многочисленных рыцарских романов — 175
- Архангельский** (Arkhangelsky) В.М., ученик и сотрудник И.П. Павлова, автор статей о физиологии кожного и двигательного анализатора, в советское время основатель и глава Института физиологии в Днепропетровске — 547, 562
– Относительная сила разных видов внутреннего торможения // Труды физиологических лабораторий акад. И.П. Павлова. М.-Л., 1924, т. I, вып. 1 — 562
- Аттила** (ум. 453), правитель гуннов с 434 по 453 гг., объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги — 92
- Ауст** (Aust) Эмиль (1863 – после 1928), немецкий филолог-классик, учитель гимназии — 610
– Die religion der Römer [Религия римлян]. Münster, 1899 — 610
- Афина** (Athene), в греческой мифологии – вечно девственная богиня, дочь Зевса, появившаяся на свет из его головы в полном боевом снаряжении — 586
- Афтальон** (Aftalion) Альбер (1874–1956), французский экономист родом из Болгарии, профессор Парижского университета, в 1909 г. впервые открыл акселератор — 492, 645
– Les crises périodiques de surproduction [Периодические кризисы перепроизводства]. Paris, 1913 — 492, 645
- Ашаффенбург** (Aschaffenburg) Густав (1866–1944), немецко-американский психиатр, психолог, криминолог, в 1938 г. эмигрировал в США — 166, 499, 614
– Crime and its Repression [Преступность и ее подавление]. Boston, 1913 — 499
- Ашвагхоша**, Асвагоша (Asvaghosha; 1-я пол. I в. н. э.), индийский поэт, драматург, проповедник буддизма — 392
– Life of Buddha [Жизнь Будды] // Sacred books of the East: Incl. selections from the Vedic hymns, Zend-Avesta, Dhammapada, Upanishads, The Koran, and The Life of Buddha. New York: The Colonial press, 1900, p. 293–457 [рус. перевод (К. Бальмонта): М., 1913; М., 1990] — 392
- Ашер** (Usher) Чарльз Эдвард (1865–1942), шотландский офтальмолог, совместно с К. Пирсоном исследовавший феномен альбинизма — 245

Б

- Баббит** (Babbit) Эжен Говард (1859–1927), американский лингвист, филолог-германист, автор исследования «Университетские слова и фразы» (College words and phrases // Dialect notes. New Haven, 1900) — 406
- Бабкин** (Babkin) Борис Петрович (1877–1950), русский физиолог, ученик И.П. Павлова — 547, 556
– Внешняя секреция пищеварительных желез. Пг., 1915 — 556
- Бакстер** (Baхter) Джедедиа Гайд (1837–1890), американский врач, во время Гражданской войны – бригадный генерал, главный хирург армии США, автор справочника «Медицинская и антропологическая статистика» (Statistics, medical and anthropological. Washington, 1875, vol. II), в котором содержатся медицинские данные миллиона мужчин, служивших в армии северян во время Гражданской войны — 141

- Бакстон** (Buxton) Леонард Халфорд Дадли (1890–1939), английский антрополог, преподаватель физической антропологии Оксфордского университета, один из ведущих специалистов своего времени в области человеческого мозга — 141
 – Man’s Nasal Index in Relation to Certain Climatic Conditions [Носовой индекс человека в соотношении с определенными климатическими условиями] // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. LIII, 1923 (в соавторстве с А. Томсоном) — 141
- Баллод** (Ballod) Карл (1864–1931), латвийско-немецкий экономист и финансист, статистик и демограф, профессор Берлинского и Латвийского университетов, автор книг «Государство будущего, производство и потребление в социальном государстве» (1898; издана под псевдонимом Атлантикус), «Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 гг.» (1897), «Советская Россия» (1920) и др. — 250
- Баркер** (Barker) Эрнест (1874–1960), английский политолог, профессор политических наук в Кембриджском университете — 195
 – *Political Thought of Plato and Aristotle* [Политические взгляды Платона и Аристотеля]. New York – London, 1906 — 195
- Барнав** (Barnave) Антуан Пьер Жозеф Мари (1761–1793), французский политический деятель эпохи Великой французской революции, казненный по приговору революционного трибунала, автор сочинений «Введение во Французскую революцию» (*Introduction à la Révolution Française*) и «Политические размышления о революции» (*Réflexions politiques sur la Révolution*); один из первых европейских мыслителей, кто отмечал большую роль демографического детерминизма в развитии общества — 464
- Барниш** (Barnich) Жорж (1876–1948), бельгийский политик, физик, директор Социологического Института Сольве — 43
 – *Essai de politique positive basée sur L’énergétique sociale de Solvay* [Очерк позитивной политики, основанной на социальной энергетике Сольве]. Bruxelles, 1919 — 43
- Барнс** (Barnes) Гарри Элмер (1889–1968), американский историк и социолог — 12, 23, 112, 202, 415, 439, 426, 535, 549, 657
 – *American Psychological Sociology* [Американская психологическая социология] // *The Sociological Review*. 1922, 1924, 1925 — 23
 – *English Sociology* [Английская социология] // *Publications of the American Sociological Society*, vol. XXI — 23
 – *The Struggle of Races and Social Groups as a Factor in the Development of Political and Social Institutions: An Exposition and Critique of the Sociological System of Ludwig Gumplowicz* [Борьба рас и социальных групп как фактор развития политических и социальных институтов: изложение и критика социологической системы Людвига Гумпловича] // *Journal of Race Development*. 1919, vol. IX — 439
 – *Durkheim’s Contribution to the Reconstruction of Political Theory* [Вклад Дюркгейма в реконструкцию политической теории] // *Political Science Quarterly*. 1920, vol. 35 — 415
 – *The New History and the Social Studies* [Новая история и социальные исследования]. New York, 1925 — 112, 535, 657
 – *Representative Biological Theories of Society* [Репрезентативные биологические теории общества] // *Sociological Review*. 1925. Vol. XVIII — 202
 – *An Introduction to Sociology* [Введение в социологию]. Boston, 1927 (в соавторстве с Дж. Дэвисом) — 12
- Бароне** (Barone) Энрико (1859–1924), итальянский офицер, военный историк и экономист — 60, 64
 – *L’opera di V. Pareto e il progresso della scienza* // *Giornale degli Economisti*. 1924 — 60, 64

- Баррингтон** (Barrington) Эми (ок. 1858–1942), ирландская учительница и ученая, занимавшаяся практической евгеникой — 245
- Барт** (Barth) Пауль (1858–1922), немецкий философ и социолог — 23, 106, 112, 202, 403, 414, 430, 431, 439, 464, 469, 502, 566, 569, 594, 640
 – Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. Leipzig, 1922 [рус. перевод: Философия истории как социология. СПб., 1902] — 23, 106, 112, 202, 415, 430, 431, 439, 469, 502, 566, 569, 594, 640
- Бартельс** (Bartels) Адольф (1802–1862), бельгийский либерал, журналист и писатель — 646
- Баслер** (Basler) Адольф (1878–1945), немецкий физиолог и психолог, профессор университета в Бреслау — 249
 – Einführung in die Rassen- und Gesellschaftsphysiologie [Введение в физиологию рас и общества]. Stuttgart, 1925 — 249
- Басс** (Bass) Фредерик Герберт (1875–1954), американский инженер, специалист по строительству плотин, акведуков, морских гаваней, в 1904–1910 гг. – профессор коммунальной и санитарной инженерии, в 1919–1943 гг. – заведующий кафедрой гражданского строительства Миннесотского университета — 161
 – Experiment in School Room Ventilation with Reduced Air Supply [Эксперимент по вентиляции школьных помещений с пониженной подачей воздуха] // Transactions American Society Heat and Ventil. Engineers. 1913, vol. XIX — 161
- Батлер** (Butler) Николас Мюррэй (1862–1947), американский теоретик и практик педагогики, политик, публицист, профессор; более 40 лет (с 1902 по 1945 г.) был президентом Колумбийского университета — 296, 297
- Баур** (Baur) Эрвин (1875–1933), немецкий ботаник и генетик, с 1891 г. – профессор Высшей сельскохозяйственной школы в Берлине, с 1914 г. – в Институте генетики; в 1921 г. стал одним из соучредителей Общества по изучению наследственности — 249
 – Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygiene [Очерк теории наследственности человека и расовой гигиены]. München, 1923, Bd. I–II (в соавторстве с О. Фешером и Ф. Ленцем) — 249
- Бауэр** (Bauer) Артур (1850–1935), французский философ, социолог и моралист, профессор философии, член социологического общества Парижа — 484, 662
 – Essai sur les révolutions [Эссе о революциях]. Paris, 1908 — 662
 – Les classes sociales: analyse de la vie sociale [Общественные классы: анализ социальной жизни]. Paris, 1902 — 484, 632
- Бауэр** (Bauer) Бруно (1809–1882), немецкий теолог, философ-гегельянец, историк — 464
- Бауэр** (Bauer) Вильгельм (1877–1953), австрийский историк, профессор Венского университета (в 1945 г. был отстранен от преподавательской деятельности за сотрудничество с нацистами и антисемитизм) — 622
 – Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen [Общественное мнение и его исторические основы]. Tübingen, 1914 — 622
- Бах** (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор — 175
- Беверидж** (Beveridge) Уильям Генри (1879–1963), английский политический деятель и экономист — 129, 131, 346, 492, 646
 – Unemployment. A problem of industry [Безработица. Проблемы промышленности]. London, 1912 — 492
 – British Exports and the Barometer [Британский экспорт и барометр] // The Economic Journal. 1920, March — 129
 – Weather and Harvest Cycles [Погода и циклы урожайности] // The Economic Journal. 1921, vol. 31, p. 429–452 — 131, 134
 – The Fall of Fertility among European Races [Падение рождаемости у европейских народов] // Economica. 1925, № 13, March — 646

- Беддо** (Beddoe) Джон (1826–1911), английский этнолог и антрополог — 250, 262, 488
 – Sur l’histoire de l’index cephalique dans les Iles Britanniques [Об истории цефалического индекса на Британских островах] // *L’Anthropologie*, 1894 — 262
- Безбокая** (Besbokaia) Мария Яковлевна, физиолог, ученица и сотрудница академика И.П. Павлова — 547
- Бейкless** (Bakeless) Джон (1894–1978), американский писатель, полковник, член Общества военных историков — 324
 – *The Economic Causes of Modern War. A Study of Period 1878–1918* [Экономические причины современной войны. Исследование периода 1878–1918 гг.]. New York, 1921 — 324
- Бейль** (Bayle) Пьер (1647–1706), французский публицист и философ-скептик — 485
 – *Pensées diverses écrites à un docteur de Sorbonne à l’occasion de la comète, qui parut au mois de Décembre 1680* [Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю появления кометы в декабре 1680 г.]. Paris, 1704 [рус. перевод: *Бейль П.* Исторический и критический словарь в 2-х тт. М., 1968, т. 1, с. 195–264] — 485
- Беккариа** (Beccaria) Чезаре (1738–1794), итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель, автор трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764) — 328
- Белиц** (Belitz) Мария Федоровна (1885–?), физиолог, ученица академика И.П. Павлова, автор диссертации «О следовых условных рефлексах» (Пг., 1917) — 547
- Белл** (Bell) Джулия (1879–1979), английский статистик и генетик, ученица К. Пирсона, сделала ряд важных открытий в генетике — 245
- Беллок** (Belloc) Джозеф Хилэр Пьер Рене (1870–1953), англо-французский писатель и историк — 622
 – *The Present Position and Power of the Press* [Нынешнее положение и власть прессы]. London, A. Allen and Unwin, Ltd., 1918 — 622
- Бело** (Belot) Гюстав (1859–1929), французский философ, профессор в Бресте — 563
 – *La logique sociale d’après M. Tarde* [Социальная логика по учению г-на Тарда] // *Revue philosophique*. 1896, vol. XLI — 563
- Белов** (Below) Георг Антон Гуго фон (1858–1927), немецкий историк права и экономики — 464–466
 – *Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unsern Tagen* [Немецкая историография от освободительных войн до наших дней]. 2 Aufl. München und Berlin, 1924 — 464–466
- Беляков** (Beliakoff) Владимир Васильевич, физиолог, ученик и последователь академика И.П. Павлова, автор диссертации «Материалы к физиологии дифференцирования внешних раздражений (По методу условных рефлексов)» (СПб., 1911) — 547
- Бендер** (Bender) Гарольд Герман (1882–1951), американский филолог, профессор Принстонского университета — 251, 253
 – *The Home of the Indo-Europeans* [Дом индоевропейцев]. Princeton, 1922 — 251
- Бенини** (Benini) Родолфо (1862–1956), итальянский статистик и демограф, профессор университета Павии — 60, 631
 – *Principi di demografia* [Принципы демографии]. Firenze, 1901 — 631
- Бентам** (Bentham) Иеремия (Джеремии) (1748–1832), английский философ-моралист и правовед, один из крупнейших теоретиков политического либерализма — 36
- Бентли** (Bentley) Артур Фишер (1870–1957), американский социолог и политолог — 37, 50, 549, 569, 570, 572
 – *The process of government. A study of social pressures* [Процесс правления. Изучение социальных давлений]. Chicago, 1908 — 50, 549, 570, 572
 – *Relativity in Man and Society* [Относительность в человеке и обществе]. New York, 1926 — 50

- Simmel, Durkheim and Ratzenhofer [Зиммель, Дюркгейм и Ратценхофер] // *American Journal of Sociology*. 1926, vol. XXXII — 570
- Бентли** (Bentley) Мэдисон Исаак (1870–1955), американский психолог, специалист по обшей, детской и социальной психологии — 554
- Беньковский** (Bienkowsky; Bieńkowski) Станислав (1882–1958), польский инженер, экономист и промышленный социолог, окончил Берлинский политехнический университет и в 1910 г. защитил диссертацию на тему «Изучение профессиональной пригодности и трудоспособности работников крупного промышленного предприятия» (*Untersuchungen über Arbeitseignung und Leistungsfähigkeit der Arbeiterschaft eines grossindustriellen Betriebes*. Diss. Berlin-Charlottenburg, 1910), в том же году опубликовал статью «Изучение профессиональной пригодности и трудоспособности работников кабельной фабрики» (*Untersuchungen über Arbeitseignung und Leistungsfähigkeit der Arbeiterschaft einer Kabelfabrik // Schriften des Vereins für Sozialpolitik*. 1910, Bd. CXXXIV, S. 3–45); в дальнейшем работал доцентом Политехнического университета в Люблине, с 1945 г. до выхода на пенсию в 1951 г. был проректором Краковской коммерческой академии — 156
- Бергсон** (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни — 398, 642
- Бердяев** (Berdiaieff) Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ, в 1922 г. высланный из Советской России — 48
– Философия неравенства. Берлин, 1923 — 48
- Беркли** (Berkeley) Джордж (1685–1753), английский философ, субъективный идеалист, епископ Клойнский в Ирландии — 36
– *The Principles of Moral Attraction* [Принципы нравственного влечения] // *Works*. Oxford, 1871, vol. IV — 36
- Бернайс** (Bernays) Мария (1883–1939), немецкий политик и правозащитница, двоюродная сестра жены З. Фрейда Марты Бернайс, защитила диссертации о подборе и адаптации рабочих на прядильной фабрике в Гладбахе — 156, 157, 161
– *Gladbacher Spinnerei und Weberei* [Гладбахский прядильный завод и ткацкая фабрика] // *Schriften des Vereins für Sozialpolitik*. Leipzig, 1910, Bd. 133 — 156, 157
– *Untersuchungen über die Schwankungen der Arbeitsintensität während der Arbeitswoche und während des Arbeitstages* [Исследования колебаний интенсивности труда как в течение рабочей недели, так и в течение рабочего дня] // *Schriften des Vereins für Sozialpolitik*. Leipzig, 1912, Bd. 135, Theil 3 — 156
- Бернар** (Bernard) Клод (1813–1878), французский медик, исследователь процессов внутренней секреции, основоположник эндокринологии — 175, 335
- Бернард** (Bernard) Лютер Ли (1881–1951), американский социолог, профессор социологии в ряде университетов США, в 1932 г. – президент Американского социологического общества, основатель журнала «*American Sociological Review*» (официального органа общества) — 536, 549, 554
– *The Transition to an Objective Standard of Social Control* [Переход к объективному стандарту социального контроля]. Chicago, 1911 — 549
– *Instinct. A Study in Social Psychology* [Инстинкт. Исследование в области социальной психологии]. New York, 1924 — 536
– *An Introduction to Social Psychology* [Введение в социальную психологию]. New York, 1926 — 549, 554
- Бернгарди** (Bernhardi) Фридрих фон (1849–1930), немецкий генерал и военный теоретик, исследователь «биологических» оснований войны, последователь Г. Трейчке, автор сочинений «Германия и следующая война» (1911), «О войне будущего» (1920) и др. — 290, 303, 325, 349

- Бернгейм** (Bernheim) Эрнст (1850–1942), немецкий историк, источниковед и методолог истории, предтеча теории культурных кругов — 649
 – Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie [Учебник методологии и философии истории]. Leipzig, 1889 — 649
- Берндт** (Berndt) Отто, один из основоположников военной статистики, капитан Австро-Венгерского ген. штаба — 304
 – Die Zahl im Kriege: statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte [Число на войне: статистические данные из новейшей военной истории]. Wien, 1897 — 304
- Бернхард** (Bernhard) Эрнст (1896–1965), немецкий психолог, врач по образованию, автор статей о Г. Зиммеле и А. Бергсоне, с 1936 г. жил в Риме, где практиковал Юнгианский психоанализ (среди его пациентов был Ф. Феллини) — 112, 439
 – Simmel als Soziologe und Sozialphilosoph [Зиммель как социолог и социальный философ] // Die Tat. 1913–1914, Bd. V, № 10 — 439
- Бернштейн** (Bernstein) Эдуард (1850–1932), немецкий публицист и политический деятель, социал-демократ — 469, 483
 – Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899 [рус. перевод: Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М., 2015] — 469
- Берр** (Berr) Анри (1863–1954), французский историк, основатель «Журнала исторического синтеза»; в разработанной им философской концепции «исторического синтеза» пытался соединить интуицию и интеллект — 649
 – La synthèse en histoire. Essai critique et théorique [Синтез в истории. Критический и теоретический опыт]. Paris, 1911 — 649
- Берридж** (Berridge) Уильям Артур (1893–1974) американский экономист и статистик — 498
- Берт** (Berth) Эдуард (1875–1939), теоретик французского синдикализма и ученик Ж. Сореля — 206
- Бертильон**, Бертийон (Bertillon) Жак (1851–1922), французский статистик и антрополог — 250, 362, 364, 488, 499, 630
 – Étude démographique du divorce et de la séparation de corps dans les différents pays de l'Europe [Демографическое исследование развода и раздельного проживания супругов в разных странах Европы]. Paris, 1883 — 630
 – La dépopulation de la France [Депопуляция Франции]. Paris, 1911 — 362, 364
- Бессон** (Besson) Луи (1872–1944), французский метеоролог, начальник физической и метеорологической службы Парижа — 151
 – Relations entre les éléments météorologiques et la mortalité [Отношения между метеорологическими условиями и смертностью] // Annales des services techniques d'hygiène de la Ville de Paris. 1921 — 151
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 174, 409, 656
- Бехтерев** (Bekhtereff) Владимир Михайлович (1857–1927), русский психолог, психиатр и физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России, академик — 37, 42, 56, 547, 552, 578
 – Коллективная рефлексология. Пг., 1921, ч. II — 42
 – Общие основы рефлексологии человека. М.-Пг., 1923 — 547, 552
- Бёк** (Böckh) Рихард (1824–1907), немецкий демограф и статистик, профессор Берлинского университета; усовершенствовал таблицы смертности, впервые сформулировал нетто-коэффициент воспроизводства населения, развитый впоследствии Р. Кучинским — 465, 630
 – Statistik der Ehescheidungen in der Stadt Berlin in den Jahren 1885 bis 1894 [Статистика брачных разводов в городе Берлине в 1885–1894 гг.] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1899, vol. XI, p. 251–281 — 630

- Бём-Баверк** (Böhm-Bawerk) Ойген (1851–1914), австрийский экономист, профессор в Инсбруке и Вене, создатель «теории предельной полезности» — 467
- Karl Marx and the Close of His System. New York, 1898 [рус. перевод: К завершению марксистской системы (Zum abschluss des Marxschen Systems). 2002] — 467
- Бёрдж** (Burdge) Говард Гриффин (1873–1957), американский генеалог, школьный учитель, путешественник и писатель — 629
- Our boys: a study of the 245,000 sixteen, seventeen and eighteen year old employed boys of the state of New York [Наши мальчики: исследование 245 000 шестнадцати-, семнадцати- и восемнадцатилетних работающих мальчиков штата Нью-Йорк]. Albany, 1921 — 629
- Бёрджесс** (Burgess) Джон Уильям (1844–1931), американский юрист, историк и политолог, один из основателей современной политической науки — 249
- Political Science and Comparative Constitutional Law [Политическая наука и сравнительное конституционное право]. Boston, 1890 — 249
- Бёрджесс** (Burgess) Эрнст Уотсон (1886–1966), американский социолог, представитель Чикагской школы социологии — 302, 303, 324, 401, 455, 458, 539, 570, 576, 618, 629, 631, 632, 634
- Juvenile Delinquency in a Small City [Подростковая преступность в маленьком городе] // Journal of Criminal Law. 1916, January — 631
 - Topical Summaries of Current Literature. The Family [Тематический обзор текущей литературы. Семья] // American Journal of Sociology. July, 1926 — 629
 - Introduction to the Science of Sociology [Введение в науку социологии]. Chicago, 1921 (в соавторстве с Р. Парком) — 303, 324, 401, 455, 539, 570, 576, 618, 651
 - The city. Suggestions for investigation of human behavior in the urban environment [Город. Предложения по исследованию поведения человека в городской среде]. Chicago, 1925 (в соавторстве с Р. Парком) — 634
 - Urban Community. Selected papers from the Proceedings of the American sociological society, 1925 [Городское сообщество. Избранные статьи из трудов американского социологического общества, 1925]. Chicago, 1926 (ed.) — 634
- Бёрк** (Burke) Эдмунд (1729–1797), английский политический деятель, публицист, родоначальник идеологии консерватизма — 196, 394
- Reflections on the Revolution in France (Burke E. Works. Bohn's ed. London, 1854, vol. II) [рус. перевод: Размышления о революции во Франции. М., 1993] — 196
- Бёрт** (Burt) Сирил (1883–1971), английский педагог-психолог и генетик, профессор и заведующий кафедрой психологии в Университетском колледже Лондона; проводил исследования по широкому кругу проблем: способностей и одаренности, темперамента, умственной отсталости, детской преступности и т. д., большую роль отводил тестам, способствовал введению трех типов школ в английской системе образования; вскоре после того, как он умер, его исследования были дискредитированы, поскольку появились доказательства, что некоторые данные он фальсифицировал — 271, 628
- The Young Delinquent [Малолетний преступник]. New York, 1925 — 628
- Библия.** Книги Священного Писания:
- Бытие — 328
 - Исход — 214
 - Второзаконие — 214, 460
 - Книга Ездры — 214
 - Книга Неемии — 214
- Бильски** (Bilski) Фридрих, немецкий зоолог, сотрудник Мюнхенского зоологического института — 339, 342

- Über den Einfluss des Lebensraumes auf das Wachstum der Kaulquappen [О влиянии среды обитания на рост головастиков] // Pflüger's Archiv für die gesamte Physiologie des Menschen und der Tiere. 1921, Bd. 188 — 342
- Бине** (Binet) Альфред (1857–1911), французский психолог — 147, 148, 250, 488
 – Consommation du pain [Потребление хлеба] // L'année psychologique. 1897, vol. IV — 148
- Бирд** (Beard) Чарлз Остин (1874–1948), американский историк, глава так называемой экономической школы — 514–516, 521
 – An Economic Interpretation of the Constitution of the United States [Экономическая интерпретация Конституции Соединенных Штатов Америки]. New York, 1913 — 515
 – Economic Basis of Politics [Экономическая основа политики]. New York, 1922 — 515
- Бисмарк** (Bismarck) Отто фон (1815–1898), первый канцлер Германской империи, осуществивший объединение Германии — 645
- Биша** (Bichat) Мари Франсуа Ксавье (1771–1802), французский анатом, физиолог и врач — 335
- Блан** (Blanc) Луи Жан Жозеф (1811–1882), французский социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 г. — 464
- Бланк** (Blank) Рувим Маркович (Рубен Моисеевич) (1866–1954), русский экономист, публицист и общественный деятель, социал-демократ, народный социалист, в 1899–1905, 1918–1954 гг. – в эмиграции — 516
 – Die soziale Zusammensetzung der socialdemokratischen Wahlerschaft Deutschland [Социальный состав социал-демократических избирателей Германии] // Archiv für Sozialwissenschaft. Tübingen, 1905, Bd. XX, Heft III — 516
- Блаха** (Bláha) Иносенк Арност (1879–1960), чешский социолог и философ, с 1922 г. – профессор социологии в университете Масарика, автор теоретической концепции «федеративного функционализма» — 632
 – Sociologie sedlaka a delníka [Социология фермера и работника]. Prague, 1925 — 632
- Блюх** (von Bloch) Иван Станиславович (1836–1901), российский банкир, концессионер железных дорог в Российской империи, меценат, ученый, деятель международного мирного движения, автор шеститомного сочинения «Будущая война и ее экономические последствия» (СПб., 1898), переведенного на все основные европейские языки, в том числе на немецкий (Der krieg. Berlin, 1899) — 304
- Блунчли**, Блунчли (Bluntschli) Иоанн Каспар (1808–1881), швейцарский правовед, специалист по государственному и международному праву и истории права — 196, 202, 205
 – Lehre vom modernen Staat [Учение о современном государстве]. Stuttgart, 1875. Bd. I — 202
 – Gesammelte kleine Schriften [Собрание небольших сочинений]. Nördlingen, 1879 — 202
- Блюхер** (Blüher) Ганс (1888–1955), немецкий писатель, психолог и философ, антифеминист, исследователь психологии мужских групп — 538
 – Die Rolle der Erotik in der männlichen Gesellschaft [Роль эротики в мужском сообществе]. Jena, 1920, Bd. I–II — 538
- Боаг** (Boag) Гарольд, английский статистик — 311
 – Human Capital and the Cost of the War [Человеческий капитал и стоимость войны] // Journal Royal Statistical Society. 1916, January — 311
- Боас** (Boas) Франц (1858–1942), американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель, один из основателей современной антропологии («отец американской антропологии») — 137, 139, 283, 642, 657
 – The Mind of Primitive Man [Ум первобытного человека]. New York, 1911 — 137
 – Changes in Bodily Form of the Descendants of Immigrants [Изменения формы тела у потомков переселенцев] // Senate Documents. Washington, 1911, vol. LXIV — 137, 139, 283
 – Evolution or Diffusion [Эволюция и диффузия] // American Anthropologist. 1924, July–September — 657

- Бове** (Bovet) Пьер (1878–1965), швейцарский психолог и педагог, автор книги «Инстинкт воинственности: психология, воспитание» (*L'instinct combatif: psychologie, éducation*. Neuchâtel, 1917) — 323
- *The Fighting Instinct* [Инстинкт воинственности]. New York, 1923 — 323
- Богардус** (Bogardus) Эмори Стивен (1882–1973), американский социолог, создатель метода психологического тестирования для измерения готовности людей участвовать в социальных контактах различной степени близости с членами различных социальных групп, названного его именем (шкала Богардуса) — 36, 410, 411, 454, 455, 458, 641, 647, 654
- *Social Distance and its Origins* [Социальная дистанция и ее происхождение] // *Journal of Applied Sociology*. 1925, vol. IX — 641
 - *Measuring Social Distances* [Измерения социальной дистанции] // *Journal of Applied Sociology*. 1925, vol. IX — 641
 - *Social Distance in the City* [Социальная дистанция в городе] // *Proceedings and Publications of the American Sociological Society*. 1926, vol. XX — 641
 - *Fundamentals of Social Psychology* [Основы социальной психологии]. New York, 1924 — 411, 455, 647
- Богарт** (Bogart) Эрнест Ладлоу (1870–1958), американский экономист, профессор Иллинойского университета, в 1931 г. – президент Американской экономической ассоциации — 311
- *War costs and their financing. A study of the financing of the war and the after-war problems of debt and taxation* [Военные расходы и их финансирование. Исследование финансирования войны и послевоенных проблем долга и налогообложения]. New York – London, 1921 — 311
- Бодарт** (Bodart) Гастон (1867–1940), военный историк, статистик и государственный служащий — 299–301
- *Losses of Life in Modern Wars: Austria-Hungary, France* [Потери убитыми в современных войнах: Австро-Венгрия, Франция]. Oxford, 1916 [на самом деле это конволют, который Сорокин цитирует как две отдельные книги: *Bodart G. Losses of life in modern wars: Austria-Hungary, France*, p. 3–156; *Kellogg V.L. Military selection and race deterioration*, p. 157–202. Oxford: Clarendon Press, 1916 (Carnegie Endowment for International Peace Publications)] — 299, 301
- Боден** (Bodin) Жан (1530–1596), французский политический мыслитель, теоретик естественного права, юрист, автор «Метода легкого познания истории» (1566), «Шести книг о государстве» (1576) и др. сочинений — 196, 328, 433, 585, 662
- Бодио** (Bodio) Луиджи (1840–1920), итальянский статистик и политэконом — 162, 492, 644
- Бойль** (Boyle) Роберт (1627–1691), английский натурфилософ, физик, химик и богослов — 30
- Бокль** (Buckle) Генри Томас (1821–1862), английский историк — 112, 124, 125, 136, 137, 140, 154, 414
- *Introduction to the History of Civilization in England*. New and Revised Edition by J.M. Robertson. London, 1904 [рус. перевод: *История цивилизаций. История цивилизации в Англии*. М., 2000–2002, т. 1–2] — 124, 125, 137, 140, 154, 414
- Болдуин** (Baldwin) Бёрд Томас (1875–1928), американский психолог и антрополог, профессор Университета штата Айова, автор исследования «Физический рост детей от рождения до зрелости» (*The physical growth of children from birth to maturity*. Iowa, 1921) — 250, 488
- Болдуин** (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, философ, социолог, один из основателей психологии личности и социальной психологии в США — 410, 536, 578, 662
- *Social and ethical interpretations in mental development. A study in social psychology* [Социальные и этические интерпретации психического развития. Социально-психологическое исследование]. New York, 1897 — 662
 - *The individual and society, or, Psychology and sociology* [Индивид и общество, или Психология и социология]. Boston, 1911 — 410, 536

- Болдырев** (Boldyreff) Василий Николаевич (1873–1946), русский физиолог, с 1906 г. – ассистент И.П. Павлова, профессор (1912), с 1918 г. в эмиграции в Японии, с 1922 г. – в США, где в течение многих лет руководил физиологической лабораторией им. И.П. Павлова, созданной Дж. Келлогом — 547
- Бон** (Bohn) Жорж (1868–1948), французский биолог и физиолог — 339
- Бональд** (Bonald) Луи-Габриэль-Амбруаз де (1754–1840), французский философ, родоначальник традиционализма, политический деятель периода Реставрации — 196, 394, 395, 424, 584
- *Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile* (1796) [Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе] // *Oeuvres complètes*. Paris, 1859, vol. I — 394
 - *Du divorce* (1801) [О разводе] — 394
 - *Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social* (1800) [Опыт анализа естественных законов социального устройства] // *Oeuvres complètes*. Paris, 1859, vol. I — 394
- Бонвик** (Bonwick) Джеймс (1817–1906), английский историк, педагог и журналист — 170
- *Daily Life and Origin of the Tasmanians* [Повседневная жизнь и происхождение тасманийцев]. London, 1870 — 170
- Бонгер** (Bonger) Виллем Адриан (1876–1940), нидерландский криминолог и социолог, профессор Амстердамского университета — 168, 499, 645
- *Criminality and Economic Conditions* [Преступность и экономические условия]. London, 1916 — 168, 499, 645
- Боргатта** (Borgatta) Джино (1888–1949), итальянский экономист, ученик В. Парето, академик — 60
- *L'Opera sociologica e le feste giubilari di V. Pareto* [Социологическое творчество и юбилейные торжества В. Парето]. Torino, 1917 — 60
- Борель** (Borel) Эмиль (1871–1956), французский математик и политический деятель — 470
- *Le hazard*. Paris, 1914 [рус. перевод: Случай. М.-Пг., 1923] — 470
- Боринг** (Boring) Эдвин Гарин (1886–1968), американский психолог, историк психологии, профессор Гарвардского университета — 558
- *Processes referred to the alimentary and urinary tracts: A qualitative analysis* [Процессы, влияющие на пищеварительный тракт и мочеточники: качественный анализ] // *The Psychological Review*. № 4, 1915 — 558
- Борн** (Bourne) Рэндольф Силлиман (1886–1918), американский критик и публицист, «пророк молодого поколения», радикальный антимилитарист, автор статей «Сумерки идолов» (*The Twilight of Idols*, 1916), «Война и интеллигенция» (*The War and Intellectual*, 1917) и не опубликованной при жизни работы «Государство» (*The State*), близкой по мыслям к «Гражданскому неповиновению» Г. Торо — 296, 297
- Боско**, Боско ди Руффино (Bosco, Bosco di Ruffino) Августо (1859–1906), итальянский статистик и социолог, руководитель Главного статистического бюро Италии, преподаватель статистики в университете Рима, автор работ по статистике преступлений, миграции и разводов — 499, 630, 614
- *Divorzi e separazioni personali di coniugi* [Разводы и отдельные проживания супругов]. Roma, 1908 — 630
- Боссюэ** (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский проповедник и богослов, писатель, автор трактата «Рассуждение о всеобщей истории» (*Discours sur l'histoire universelle*, 1681) — 481, 585
- Ботеро** (Botero) Джованни (1540–1617), итальянский мыслитель, поэт, дипломат и путешественник, монах, автор сочинений «Della ragioni di stato» (1588), направленного против Н. Макиавелли, и «Relazione universalì» (1590), представляющего собой отчеты о состоянии разных стран; Ботеро считается предшественником таких идеологов либерализма, как Дж. Локк, А. Смит и Т. Мальтус — 328

- Боудич** (Bowdich) Генри Пикеринг (1840–1911), американский врач и физиолог, декан Гарвардской медицинской школы; в своих антропометрических исследованиях показал, какое влияние питание и факторы окружающей среды оказывают на физиологическое развитие — 250
- Боули** (Bowley) Артур Лайон (1869–1957), английский экономист, представитель Лондонской школы, президент Эконометрического общества (1938–1939) и Королевского статистического общества (1938–1940) — 339–341, 344–346, 489, 492
- Elements of Statistics. London, 1907 [рус. перевод: Элементы статистики, М.-Л., 1930] — 492
 - Death-rates, Density, Population and Housing [Смертность, плотность населения и жилищные условия] // Journal of the Royal Statistical Society. 1923, vol. LXXXVI, p. 516–539 — 339, 340
 - Births and Population in Great Britain [Рождаемость и население в Великобритании] // The Economic Journal. 1924 — 345
- Боци** (Bozi) Альфред (1857–1938), немецкий юрист, мировой судья в Билефельде, сторонник эмпирического метода в юриспруденции, автор концепции ресоциализации уголовных преступников — 37
- Die Weltanschauung der Jurisprudenz [Мировоззрение юриспруденции]. Hannover, 1907 — 37
- Брайант** (Bryant) Уолтер Уильям (1865–1923), английский астроном и метеоролог, сотрудник Гринвичской обсерватории, затем департамента метеослужбы, почетный секретарь Королевского метеорологического общества, автор «Истории астрономии» (A History of Astronomy, 1907), а также книг о Кеплере и Галилее — 130, 133
- The Weather and Cyclical Fluctuations [Погода и циклические флуктуации] // The Economic Review. 1921 — 133
- Брайс** (Bryce) Джеймс (1838–1922), английский государственный деятель, правовед, историк и филантроп, один из инициаторов создания Лиги Наций — 78, 622, 634
- Modern Democracies [Современные демократические государства]. New York, 1921 — 78, 634
- Брамвелл** (Bramwell) Байрон Стенли (1877–1948), английский адвокат и евгеник — 255, 258
- Observations on Racial Characteristics in England [Обзор расовых особенностей в Англии] // The Eugenic Review. 1923, October — 255, 258
- Брамс** (Brahms) Иоганнес (1833–1897), немецкий композитор и пианист — 175
- Бранденбург** (Brandenburg) Джордж Клинтон (1878–1935), американский психолог, профессор образовательной психологии университета Пердью, автор статьи «Психологические аспекты языка» (Psychological aspects of language // Journal of educational psychology. 1918, vol. IX, № 6, p. 313–332) — 406
- Бранфорд** (Branford) Виктор (1863–1930), английский социолог — 415
- Durkheim: a brief memoir [Дюркгейм: краткое воспоминание] // Sociological Review. 1918, vol. X, № 2 — 415
- Браун** (Brown) Гилберт Л. (1877–?), американский психолог из Северной нормальной школы в Маркетте (Мичиган) — 281
- Intelligence as Related to Nationality [Соотношение интеллекта и национальности] // Journal of Educational Research. 1922, vol. V — 281
- Браун** (Brown) Джеймс, ассистент статистической лаборатории Британского института профилактической медицины (Листер-института), автор статьи, написанной совместно с М. Гринвудом, «Рассмотрение некоторых факторов, влияющих на уровень детской морали» (An Examination of Some Factors Influencing the Rate of Infant Morality // Journal of Hygiene. 1912, vol. XII, № 1) — 495

- Браунли** (Brownlee) Джон (1866–1927), английский врач и медицинский статистик, основатель (в 1914 г.) и первый директор департамента статистики Великобритании — 145, 339, 346, 646
- The History of the Birth and Death Rates in England and Wales [История рождаемости и смертности в Англии и Уэльсе] // *Public Health*. 1916, June-July — 646
 - Density and Death-rate: Farr's law [Плотность населения и смертность: закон Фарра] // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1920 — 339
- Брахма** (Brahma), бог творения в индуизме; наряду с Вишну и Шивой является одним из богов Тримурти; супруга Брахмы — богиня знания и учености Сарасвати — 214
- Брейзиг** (Breysig) Курт (1866–1940), немецкий историк, социолог, философ, ученик Г. Шмоллера — 208
- Брекинридж** (Breckenridge) Софонисба Престон (1866–1948), американский общественный деятель и социолог, первая женщина, получившая в США степень доктора политических наук и экономики, профессор Чикагского университета — 628
- The Delinquent Child and the Home [Преступный ребенок и домашний очаг]. New York, 1912 (в соавторстве с Э. Эббот) — 628
- Брентано** (Brentano) Луйо (1844–1931), немецкий экономист, представитель «исторической школы», катедер-социалист, один из основателей «Союза социальной политики» (1872) — 613
- *Der Wirtschaftende Mensch in der Geschichte* [Хозяйственный человек в истории]. Leipzig, 1923–613
- Бриганти** (Briganti) Филиппо (1724–1804), итальянский юрист и экономист, сторонник меркантилизма, автор трактата «Экономический экзамен гражданской системы» (*Esame economico del sistema civile*. Napoli, 1828) — 328
- Бригхэм** (Brigham) Карл Кэмпбелл (1890–1943), американский психолог, профессор психологии Принстонского университета, один из основателей психометрики — 276
- *A Study of American Intelligence* [Изучение американского интеллекта]. Princeton, 1923 — 276
- Брикнер**, Брюкнер (Brückner) Эдуард (1862–1927), немецкий географ и климатолог — 129, 132
- *Der Einfluss der Klimaschwankungen auf die Ernteerträge und Getreidepreise in Europa* [Влияние климатических колебаний на урожайность и цены на зерно в Европе] // *Geographische Zeitschrift*. 1895, Bd. I — 129
- Бринкман** (Brinkmann) Карл (1885–1954), немецкий социолог и экономист — 208
- Бриссенден** (Brissenden) Пол Фредерик (1885–1974), американский историк труда — 498
- Брока** (Broca) Поль Пьер (1824–1880), французский хирург, этнограф, анатом и антрополог — 141, 250
- *Recherches sur l'ethnologie de la France* [Исследования по этнологии Франции] // *Bulletins et mémoires de la société d'anthropologie de Paris*. 1859–1860 — 141
- Бруннер** (Brunner) Генрих (1840–1915), немецкий историк права, профессор истории германского права в Берлинском университете — 435
- Брюн** (Bruhnes) Жан (1869–1930), французский географ, ввел понятия «социальная география» и «социально-экономическая география» — 112, 114, 115, 117, 119–121, 125–127
- *Human Geography* [География человека]. New York, 1920 — 115, 117, 119–121, 125–127
- Бувен** (Bouven) Пьер (1886–1968), швейцарский юрист, ботаник, орнитолог и социолог, в 1932–1950 гг. – генеральный прокурор кантона Во, в социологии – ученик и последователь В. Парето (в 1917–1919 гг. перевел «Трактат по общей социологии») — 78
- *Les applications mathématiques à l'économie politique* [Математические приложения к политической экономии]. Lausanne, 1922 — 78
- Бугле** (Bouglé) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Дюркгейма, профессор Тулузского и Парижского университетов, директор (с 1935 г.) Высшей

нормальной школы в Париже — 206, 374, 377–381, 407, 415, 418, 426, 428, 438, 441, 563, 591, 638, 640

- Les sciences sociales en Allemagne: les méthodes actuelles [Социальные науки в Германии: современные методы]. Paris, 1896 — 441
- Les idées égalitaires. Étude sociologique [Эгалитарные идеи. Социологическое исследование]. Paris, 1899 — 377
- Revue générale des théories récentes sur la division du travail [Общий обзор последних теорий разделения труда] // L'année sociologique. 1903, vol. VI — 415, 418
- Un sociologue individualiste: Gabriel Tarde [Индивидуалистическая социология: Габриэль Тард] // Revue de Paris. 1905, t. III, mai-juin — 563
- Le solidarisme [Солидарность]. Paris, 1907 — 206
- Essais sur le régime des castes [Очерки кастового режима]. Paris, 1908 — 591
- Qu'est-ce que la sociologie? [Что такое социология?] Paris, 1921 — 441
- Leçons de sociologie sur l'évolution des valeurs [Социологические лекции об эволюции ценностей]. Paris, 1922 — 407, 428
- La démocratie devant la science. Études critiques sur l'hérédité, la concurrence et la différenciation [Демократия перед лицом науки. Критические исследования наследственности, конкуренции и дифференциации]. 3 éd. Paris, 1923 — 377
- Die Philosophischen Tendenzen der Soziologie Durkheims [Философские тенденции социологии Дюркгейма] // Jahrbuch für Soziologie. 1925, Bd. I — 415

Будге (Budge) Зигфрид (1869–1941), немецкий юрист и экономист — 329, 359, 362

- Das Malthus'sche Bevölkerungsgesetz und die theoretische Nationalökonomie der letzten Jahrzehnte [Мальтусовский закон народонаселения и теоретическая национал-экономика последних десятилетий]. Karlsruhe, 1912 — 329

Будда (Buddha; санскр. букв. – «просветленный»), эпитет Сиддхартхи Гаутамы (623–544 до н. э.), основателя буддизма; в более широком смысле в буддийской религии — существо, достигшее наивысшей святости — 412, 460, 601

Буден (Boudin) Жан (1803–1867), французский военный врач, автор множества монографий и статей по вопросам патологии, общественной гигиены и демографии и статистических исследований о рекрутах, распределении болезней по расам и местностям, увеличении роста с 1831 г., неблагоприятных последствиях браков между близкими родственниками, а также двухтомной монографии «Traité de géographie et statistique médicales et des maladies endémiques» [Трактат по медицинской географии и статистике и эндемическим заболеваниям] (1857) — 141

Будин (Boudin) Джон Элоф (1869–1950), американский философ шведского происхождения — 417

- The Existence of Social Mind [Существование общественного сознания] // American Journal of Sociology. 1913, July — 417

Бук (Book) Уильям Фредерик (1873–1940), американский психолог, профессор ряда американских университетов, директор психологической лаборатории Индианского университета — 272, 629

- The intelligence of high school seniors as revealed by a statewide mental survey of Indiana high schools [Интеллект старшеклассников по результатам общегосударственного опроса учащихся средних школ Индианы]. New York, 1922 — 272, 629

Буржуа (Bourgeois) Леон (1851–1925), французский государственный деятель и юрист, лауреат Нобелевской премии мира за 1920 г. — 205, 206

- La solidarité [Солидарность]. Paris, 1897 — 206
- Essai d'une philosophie de la solidarité. Conférences et discussions [Очерк философии солидарности. Лекции и дискуссии]. Paris, 1902 — 206

- Бурмакин** (Bourmakin) Владимир Абрамович (1878–1924), русский физиолог, военный врач, окончил Военно-медицинскую академию (1903), в 1909 г. защитил диссертацию под руководством И.П. Павлова («Процесс обобщения условного звукового рефлекса у собаки»), имел частную урологическую и хирургическую клинику; умер в Харбине — 547
- Бурне** (Bournet) Альбер (1854–1895), французский врач, криминалист и писатель — 314
– De la criminalité en France et en Italie: étude médico-légale [Преступность во Франции и Италии: медицинское исследование]. Lyon, 1884 — 314
- Буске** (Bousquet) Жорж-Анри (1900–1978), французский юрист и экономист — 37, 60
– Vilfredo Pareto. Philosophe, sociologue, politique [Вильфредо Парето. Философ, социолог, политик] // *Revue international de Sociologie*. 1924, vol. XXXII — 60
– Grundriss der Soziologie nach Vilfredo Pareto [Проект социологии по Вильфредо Парето]. Karlsruhe, 1926 — 37, 60
- Бут** (Booth) Чарльз (1840–1916), английский предприниматель, общественный деятель, социальный реформатор, филантроп, социолог, один из первых в мире исследователей бедности как социального явления, автор многотомной книги «Жизнь и труд людей в Лондоне» (*Life and Labour of the People in London*); первое ее издание под названием «*Life and Labour of the People*» (Жизнь и труд народа) вышло в 1889–1891 гг. в двух томах, второе – «Жизнь и труд народа в Лондоне» (*Life and Labour of the People in London*, 1892–1897) в девяти томах, третье появилось в 1902–1903 гг. в семнадцати томах — 631
- Бутми** (Boutmy) Эмиль (1835–1906), французский политолог и социолог — 634
– *Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIXe siècle* [Очерк политической психологии английского народа в XIX в.]. Paris, 1901 — 634
– *Éléments d'une psychologie politique du peuple américain* [Элементы политической психологии американского народа]. Paris, 1902 — 634
- Бушан** (Bushman) Георг (1863–1942), немецкий ученый, врач, этнограф и антрополог, издатель журнала «*Zentralblatt für Anthropologie*», автор многочисленных (более 100) работ по медицине, антропологии и этнографии, автор четырехтомной работы «*Die Sitten der Völker*» (Обычай народов) и редактор «*Illustrierte Völkerkunde*» (рус. перевод: Человек: Популярный курс антропологии. СПб., 1912) — 250, 488, 541
– [Das Sexuelle in der Völkerkunde] (Сексуальное в этнографии) // *Handbuch der Sexualwissenschaften. Mit Besonderer Berücksichtigung Der Kulturgeschichtlichen Beziehungen* [Справочник по сексуальным наукам. С особым вниманием к культурно-историческим отношениям], herausgegeben von Dr. Albert Moll. Leipzig, 1912 — 541
- Буше** (Bushee) Фредерик Александр (1872–1960), американский экономист и социолог, профессор университета Колорадо — 306, 568
– *Principles of Sociology* [Основы социологии]. New York, 1923 — 306
- Бухарин** (Bucharin) Николай Иванович (1888–1938), российский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель, репрессирован — 469, 486
– Теория исторического материализма (Популярный учебник марксистской социологии). М., 1922 — 469, 486
- Бьянки** (Bianchi) Ромоло, итальянский социолог и антрополог — 579
– Il carattere di razza [Основные черты расы] // *Rivista Italiana di Sociologia*. 1901 — 579
- Былина** (Bylina) Александр Зелиславович (1875–1945), ученый-медик, в 1911 г. под руководством И.П. Павлова защитил диссертацию «Простое торможение условных рефлексов», в 1917–1918 гг. – профессор специальной патологии — 547
- Бэбкок** (Babcock) Марджори Элизабет (1899–?), американский психолог, заместитель директора психологической клиники Гавайского университета, автор книги «*Applications of Clinical Psychology in Hawaii*» [Применение клинической психологии на Гавайях] (University of Hawaii, 1927) — 280, 282

- Temperament and Race [Темперамент и раса]. Boston, 1926 (в соавторстве с С.Д. Портеусом) — 280
- Бэджет** (Bagehot) Уолтер (1826–1877), английский журналист и эссеист — 37, 289, 291
– Physics and Politics [Физика и политика]. New York, 1884 — 37, 289, 291
- Бэлзли** (Baltzly) Александр (1892–1989) американский историк, профессор emeritus Нью-Йоркского университета (1957) — 351
– Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day [Идет ли война на убыль? Исследование распространенности войны в Европе с 1450 г. до наших дней]. Boston and New York, 1915 (в соавторстве с Ф.А. Вудсом) — 351
- Бэкон** (Bacon) Фрэнсис (1561–1626), английский философ, историк, государственный деятель — 30
- Бэр** (Baer) Карл Эрнест фон [в России – Карл Максимович] (1792–1876), один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, академик Петербургской академии наук — 112, 208, 209
- Бэрт** (Burt) Клинтон Стоддарт, американский националист, считавший американизм высшим воплощением нордической расы — 249
– America’s Race Heritage. An Account of the Diffusion of Ancestral Stocks in the United States During Three Centuries of National Expansion and a Discussion of Its Significance [Расовое наследие Америки. Отчет о распространении наследственных запасов в Соединенных Штатах в течение трех столетий национальной экспансии и обсуждение его значения]. New York, 1922 — 249
- Бэтсон**, Бейтсон (Bateson) Уильям (1861–1926), английский биолог, один из основателей генетики, автор термина «генетика» (1907) — 249, 250
– Biological Fact and the Structure of Society [Биологический факт и структура общества]. London, 1912 — 250
- Бюлау** (Bülow; у Сорокина, по-видимому, ошибочно: Bilow) Фридрих фон (1805–1859), немецкий экономист, историк и цензор, ординарный профессор практической философии и политики Лейпцигского университета, автор «Энциклопедии государствоведения» (Encyclopädie der Staatswissenschaft. Leipzig, 1832), книги «Государство и промышленность» (Der Staat und die Industrie. Leipzig, 1834) и др. — 465
- Бюхер** (Bücher) Карл (1847–1930), немецкий экономист, историк народного хозяйства и статистик, представитель «новой исторической школы в политэкономии» — 625
– Arbeit und Rhythmus. Leipzig, 1902 [рус. перевод: Работа и ритм. Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение. СПб., 1899] — 625

В

- Вагнер** (Wagner) Адольф (1835–1917), немецкий экономист, сформулировавший в 1892 г. закон о постоянном возрастании государственных потребностей, который впоследствии стал называться его именем, сын физиолога Р. Вагнера — 162, 644
– Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen vom Standpunkte der Statistik [Закономерность в кажущихся произвольными человеческих действиях с точки зрения статистики]. Hamburg, 1864 — 162, 644
- Вагнер** (Wagner) Владимир Александрович (1849–1934), русский биолог и психолог, основоположник российской сравнительной психологии — 536, 552, 554
– Биологические основания сравнительной психологии (Био-психология). СПб., 1910–1913, т. I–II — 536, 552
- Вагнер** (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор и теоретик искусства — 175, 234
- Вагнер** (Wagner) Рудольф (1806–1864), немецкий физиолог и сравнительный анатом, издатель и редактор «Краткого словаря физиологии: с учетом физиологической патологии» (Handwörterbuch der Physiologie: mit rücksicht auf physiologische pathologie. Braunschweig, 1842–1853, Bd. I–IV) — 170

Вайс (Weisz В.) Б., криминолог — 499

Вайсенберг (Weisenberg, прав.: Weissenberg) Самуил Абрамович (1867–1928), русский врач и антрополог, в 1895 г. после окончания Гейдельбергского университета вернулся в родной город Елисаветград, где занимался врачебной практикой и одновременно проводил антропологические исследования еврейского населения Юга России, автор исследования «Das Wachstum des Menschen nach Alter, Geschlecht und Rasse» [Рост человека по возрасту, полу и расе] (Stuttgart, 1911) — 488

Вайсс (Weiss) Альберт Поль (1879–1931), американский психолог немецкого происхождения, сторонник бихевиоризма — 550, 551, 572

– Relation between Structural and Behavior Psychology [Связь между структуральной и бихевиористской психологией] // Psychological Review. 1917, vol. XXIV, № 4 — 572

– Relation between Functional and Behavior Psychology [Связь между функциональной и бихевиористской психологией] // Psychological Review. 1917, vol. XXIV, № 5 — 572

– A Theoretical Basis of Human Behavior [Теоретические основы поведения человека]. Columbus (Ohio), 1925 — 550

Вайц (Waitz) Георг (1813–1886), немецкий историк, президент «Monumenta Germaniae Historica» (1875–1886) — 196

Ваккаро (Vaccaro) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист, директор Международного института социологии — 291, 293, 294, 296, 298, 299, 301, 303–306, 312, 349, 430, 432

– Genesi e funzione delle leggi penali [Генезис и функция уголовного права]. Rome, 1889 — 294

– La lotta per l'esistenza e i suoi effetti nell'umanità [Борьба за существование и ее последствия для рода человеческого]. Roma, 1892 (перевод на фр.: La lutte pour l'existence et ses effets dans l'humanité. Paris, 1892) — 294, 305

– Les bases sociologiques du droit et de l'état [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 294, 313

Ваксвейлер (Waxweiler) Эмиль (1867–1916), бельгийский инженер и социолог, член Королевской академии Бельгии и Международного института статистики — 373, 442, 453, 455, 549, 615

– Avant-propos [Предисловие] // Bulletin Mensuel of the Sociological Institute of Solvay. 1910, № 1 — 373, 615

– Esquisse d'une sociologie [Очерк социологии]. Bruxelles-Leipzig, 1906 — 455, 549

– Recherches sur le travail humain dans l'industrie. I. Enquête sur l'alimentation de 1065 ouvriers belges [Исследования человеческого труда в промышленности. Обзор продовольственных товаров 1 065 бельгийских рабочих]. Bruxelles-Paris-Leipzig, 1910 (в соавторстве с О. Слоссом) — 123

Валло (Vallaux) Камилл (1870–1945), французский географ, работал в области физической океанографии — 112, 116, 121, 127, 178, 179, 181

– [Géographie sociale]. La mer, populations maritimes, migrations, pêches, commerce, domination de la mer [Социальная география. Море, морское население, миграция, рыболовство, торговля, господство на море]. Paris, 1908 — 112, 121, 127

– [Géographie sociale] Le Sol et l'Etat [Социальная география. Земля и государство]. Paris 1911 — 116, 127, 178, 179, 181

Вальберг Г. (Valbert G. – псевдоним Виктора Шербюлье, 1829–1899), журналист и беллетрист, член французской академии, с 1864 г. – деятельный сотрудник журнала «Revue des Deux Mondes», помещавший в нем статьи критического и публицистического содержания (под псевдонимом G. Valbert), в том числе статью «Война и вечный мир, об одной недавней публикации» (La Guerre et la Paix perpétuelle, a propos d'une publication récente // Revue des deux mondes. 1894, t. 122, mars-avril, p. 690–701) — 300, 303, 315

- Вальрас** (Walras) Мари Эспри Леон (1834–1910), французский экономист, основатель теории общего экономического равновесия — 46, 58
- Вальтер** (Walter) Андреас (1879–1960), немецкий историк и социолог, профессор Геттингенского и Гамбургского университетов, в 1933 г. вступил в НСДАП, в 1945 г. отправлен в отставку американскими оккупационными властями — 594, 634
– Max Weber als Soziologe [Макс Вебер как социолог] // *Jahrbuch für Soziologie*. 1926, Bd. II — 594, 634
- Вальтерсгаузен** (Waltershausen) Август Сарториус фон (1852–1938), немецкий экономист — 500
– Einwanderung [Иммиграция] // *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 1909–1910, III. Aufl. — 500
- Ван Дейк** Робинсон (Van Dyke Robinson) Эдвард (1867–1915), американский экономист, в 1907–1915 гг. – профессор Миннесотского университета, в 1915 г. (в течение трех месяцев) – профессор Колумбийского университета — 311
– War and Economics in History and in Theory [Война и экономика в истории и теории] // *Carver T.N. Sociology and Social Progress. A Handbook for Students of Sociology*. Boston, 1905, p. 133–173 — 311
- Вандеркиндер** (Vanderkindere) Леон (1842–1906), бельгийский историк, специалист по средневековой истории, профессор Свободного университета в Брюсселе — 262
– *Nouvelles recherches sur l'ethnologie de la Belgique* [Новые исследования по этнологии Бельгии]. Bruxelles, 1879 — 262
- Ван дер Хооп** (van der Hoop) Йоханнес Херманус (1887–1950), голландский психиатр, соучредитель и президент голландской Ассоциации психотерапии, в 1929 г. читал лекции по теории неврозов в Амстердамском университете — 570
– Character and Unconscious. A Critical Exposition of the Psychology of Freud and of Jung [Характер и бессознательное. Критическое изложение психологии Фрейда и Юнга]. London, 1923 — 570
- Ван Кан, Ван-Кан** (van Kan) Жозеф (1877–1945), нидерландский социолог, профессор уголовного права Амстердамского университета — 168, 499, 645
– *Les causes économiques de la criminalité. Étude historique et critique d'étiologie criminelle*. Paris, 1903 [рус. перевод: Экономические факторы преступности. М., 1915] — 168, 645
- Вапс** (Waples) Дуглас (1893–1978), американский психолог и библиотековед, специалист по печатной коммуникации и читательскому поведению — 271, 272, 629
– Indexing the Qualifications of Different Social Groups for an Academic Curriculum [Индексация квалификаций различных социальных групп для академического учебного плана] // *The School Review*. 1924 — 272, 629
- Ваппеус** (Wappäus) Иоганн Эдуард (1812–1879), немецкий географ и статистик, автор «Лекций по общей статистике населения» (*Vorlesungen über die allgemeine Bevölkerungsstatistik*. Leipzig, 1859–1861, Bd. I–II) — 144, 250, 489
- Варен** (Varenius) Бернхард (1622–1650), голландский географ немецкого происхождения, основоположник географии как научной дисциплины, автор «Всеобщей географии» (*Geographia generalis*, 1650) — 112
- Варрон** (Varro) Марк Теренций (116–27 до н. э.), римский государственный деятель, писатель, ученый-энциклопедист, автор не сохранившейся энциклопедии «Disciplinae» — 111, 463
– *Rerum Rusticarum Libri Tres* [О сельском хозяйстве, три книги] [рус. перевод: Сельское хозяйство. М.–Л., 1963] — 463
- Васильев** (Vasilieff) Петр Николаевич (1885–1976), военный врач-практик, автор статьи «Влияние постороннего раздражителя на образовавшийся условный рефлекс» (1906), в 1909–1911 гг. работал у И.П. Павлова, под руководством которого защитил диссертацию «Дифференцирование температурных раздражителей собакой» (1912) — 547

- Васильев** (Vasilieff) Юрий Аркадьевич, русский психолог — 549
 – Очерки физиологии духа. Опыт объективной трактовки душевных явлений. Пг., 1923 — 549
- Васко** да Гама (Vasco da Gama; 1460/1469–1524), португальский мореплаватель эпохи Великих географических открытий — 335
- Ватев** (Wateff, Vatioff) Стефан (1866–1946), болгарский врач, первый болгарский профессор по педиатрии, антрополог, собиратель фольклора, автор статьи «Contribution à l'étude anthropologique des Bulgares» [Вклад в антропологическое исследование болгар] (Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris. 1904) — 488
- Вачтер** (Wachter), антрополог — 488
- Вебер** (Weber) Анна Феррин (1870–1968), американский статистик — 634
 – The Growth of Cities in the Nineteenth Century. New York, 1899 [рус. перевод: Рост городов в XIX столетии. Исследование по статистике. СПб., 1903] — 634
- Вебер** (Weber) Луи, французский философ, секретарь Французского философского общества — 648, 654, 656
 – Le rythme du progrès. Étude sociologique [Ритм прогресса. Социологический этюд]. Paris, 1913 (частичный рус. перевод: Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 3) — 648, 654
- Вебер** (Weber) Макс (1864–1920), немецкий историк и социолог — 46, 61, 62, 64, 156, 157, 161, 442, 449, 471, 474, 480, 523, 582, 585, 594–600, 602, 608, 609, 612–614, 634
 – Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie [Статьи по социологии религии]. Tübingen, 1922–1923, Bd. I–III (Religionssoziologie) — 471, 594, 598–600, 602, 608
 – Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre [Статьи по методологии науки]. Tübingen, 1922 — 62, 594, 634
 – Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte [Статьи по социально-экономической истории]. Tübingen, 1924 — 594
 – Grundriss der Sozialökonomik. III. Abteilung: Wirtschaft und Gesellschaft [Набросок социал-экономики. Раздел III: Экономика и общество]. Tübingen, 1922 — 62, 594
 – Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1904, Bd. 19 [рус. перевод: Объективность] социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 345–415] — 582
 – Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Tübingen, 1913, Bd. IV, Heft 3 [рус. перевод: О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 495–546] — 582
 – Wirtschaftsgeschichte [Экономическая история]. München und Leipzig, 1923 — 523, 594
 – Zur Psychophysik der Industriellen Arbeit [К психофизике промышленного труда] // Archiv für Sozialwissenschaft. 1909, Bd. 28 — 156
- Вебер** (Weber) Марианна (1870–1954), немецкий социолог, активная участница движения за права женщин, жена Макса Вебера — 594
 – Max Weber: Ein Lebensbild. Tübingen, 1926 [рус. перевод: Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007] — 594
- Веблен** (Veblen) Торстейн (1857–1929), американский экономист и социолог — 414, 472, 545, 633
 – The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions. New York, 1899 [рус. перевод: Теория праздного класса. М., 1984] — 633
 – The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts [Инстинкт мастерства и состояние промышленного искусства]. New York, 1914 — 472, 545
 – The Place of Science in Modern Civilization [Место науки в современной цивилизации]. New York, 1919 — 414

- Вегетий** (Vegetius) Флавий (кон. IV — нач. V в.), римский военный историк и теоретик, автор сочинения «*Epitoma rei militaris*» (Краткое изложение военного дела) — 111
- Вейгель** (Weigel) Эрхард (1625–1699), немецкий математик, астроном и философ — 31, 33, 35
- Вельман** (Wellman) Эрих, немецкий статистик, автор «теоретического и практического исследования» «Родословная, род занятий и замена службы в армии в их юридических взаимосвязях» (*Abstammung, Beruf und Heeresersatz in ihren gesetzlichen Zusammenhängen. Eine theoretische und praktische Untersuchung*. Leipzig, 1917) — 250
- Велькер** (Welcker) Карл Теодор (1790–1869), немецкий юрист, публицист и либеральный политик — 196
- Верди** (Verdi) Джузеппе (1813–1901), итальянский композитор — 174
- Вернон** (Vernon) Гораций Миддлтон (1870–1951), английский физиолог, специалист по промышленному здравоохранению, изобретатель термометра для измерения микроклимата (в частности, для измерения индекса тепловой нагрузки среды) в зданиях и на рабочих местах («сфера Вернона») — 156
 – The Influence of Hours of Work and of Ventilation on Output in Tinsplate Manufacture [Влияние часов работы и вентиляции на производительность труда при жестяных работах] // Industrial Fatigue Research Board. Report № I, 1919 — 156
- Верон** (Veron) Эжен (1825–1889), французский философ, писатель и искусствовед, специалист по социальным вопросам и издатель журналов и газет — 173
 – L'esthétique [Эстетика]. Paris, 1890 — 173
- Вестермарк** Эдвард (Westermarck) (1862–1939), финский социолог и этнограф, профессор Лондонского университета (1907–1930) и шведского университета в г. Турку (Финляндия; 1918–1932) — 170, 176, 298, 368, 373, 435, 540, 543, 591, 615, 656
 – The Origin and Development of Moral Ideals [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1906, vol. I — 298, 373, 543, 591, 615
 – The History of Human Marriage [История человеческого брака]. London, 1921, vol. II, vol. III — 170, 176, 368
- Вестергард** (Westergaard) Харальд Людвиг (1853–1936), датский статистик и экономист, автор работ в области демографии и истории статистики — 144, 169, 250, 339, 489
 – Die Lehre von der Mortalität und Morbidität [Учение о смертности и заболеваемости]. Jena, 1901 — 339
- Вигуру** (Vigouroux) Огюст (Auguste), французский невропатолог, автор (совместно с П. Жукелье) книги «Психическая зараза» (М., 1912; оригинальное издание: *Vigouroux A., Juquelier P. Contagion mentale*. Paris, 1905) — 578
- Видадь де ла Блаш** (Vidal de la Blache) Поль (1845–1918), французский географ и геополитик, основатель французской географической школы — 83, 112, 115
 – Principles of Human Geography [Принципы географии человека]. New York, 1926 — 115
- Визе** (Wiese) Леопольд фон (1876–1969), немецкий социолог, представитель формальной школы в социологии — 20, 23, 302, 438, 441–443, 446, 453–455, 457, 458, 662
 – Allgemeine sociologie als Lehre von den Beziehungen und Beziehungsgebilden der Menschen. Teil I: Beziehungslehre [Общая социология как учение об отношениях и взаимоотношениях людей. Часть I: Учение о взаимоотношениях]. München und Leipzig, 1924 — 441, 442
 – German Sociologie [Немецкая социология] // The Sociological Review, vol. XIX, № 1 — 23
- Вико** (Vico) Джамбаттиста (1668–1744), итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии, автор трактата «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), сокращенное общепринятое название которого — «Новая наука» (*La Scienza Nuova*) — 60, 112, 308, 451, 652

- Виллани** (Villani) Джованни (1274/1280–1348), флорентийский хронист, историк и государственный деятель, итальянский банкир и дипломат, автор «Новой хроники» — 111
- Виллерме** (Villermé) Луи-Рене (1782–1863), французский экономист и физик — 308, 488, 499, 643
- Mémoire sur la taille de l’homme en France [Записка о росте мужчин во Франции] // Annales d’hygiène publique. 1829, 1-er serie, t. I — 308
 - De la distribution par mois des conceptions et des naissances de l’homme: considérée dans ses rapports avec les saisons, avec les climats, avec le retour périodique annuel des époques de travail et de repos, d’abondance et de rareté des vivres, et avec quelques institutions et coutumes sociales [О ежемесячном распределении зачатий и рождений человека: рассматривается в их соотношении с сезонами, климатом, с ежегодной периодической сменой времени труда и отдыха, изобилия и скудости продовольствия, а также с некоторыми общественными институтами и обычаями] // Annales d’hygiène. 1831, vol. V — 643
- Вильзер** (Wilser) Людвиг (1850–1923), немецкий врач, писатель и историк, выдвинувший социально-дарвинистский тезис о «нордическом очаге творения», согласно которому суровые условия жизни в скандинавско-арктических районах породили самую сильную и, следовательно, призванную к мировому господству расу германцев, благодаря чему стал одним из идейных вдохновителей нацизма; на русский язык переведена его книга «Происхождение и развитие человечества» (СПб., 1908) — 249
- Rassen und Völker [Расы и народы]. Leipzig, 1912 — 249
- Вильсон** (Wilson) Д.Р., английский фабричный инспектор, в 1932–1940 гг. – главный инспектор, специалист по освещению и влажности на предприятиях — 156
- On Some Recent Contributions to the Study of Industrial Fatigue [О некоторых недавних достижениях в области изучения промышленной усталости] // Journal Royal Statistical Society. 1923, vol. LXXXVI, July — 156
- Виндельбанд** (Windelband) Вильгельм (1848–1915), немецкий философ, глава Баденской школы неокантианства — 398, 449, 649, 650
- Die Praeludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie. Tübingen, 1911, Bd. II [рус. перевод: Прелюдии. Философские статьи и речи. М., 2007] — 649
- Винн** (Winn) Эдит, преподаватель Высшей школы в Канзасе — 277
- Comparative Study of the Intelligence of White and Colored Children [Сравнительное изучение интеллекта белых и цветных детей] // Journal Educational Research. 1920, vol. II (в соавторстве с Р.А. Швеглером) — 277
- Винсент** (Vincent) Джордж Эдгар (1864–1941), американский социолог, профессор и декан Чикагского университета — 202, 312, 569
- Introduction to the Study of Society [Введение в изучение общества]. New York – Cincinatti — Chicago, 1894 (в соавторстве с А.В. Смоллом) — 202
 - The Rivalry of Social Groups [Соперничество социальных групп] // American Journal of Sociology. 1911, vol. XVI — 312
- Винье** (Vignes) Жозеф Бернар Морис (1863–1943), французский экономист и социолог — 83, 84, 89
- La science sociale d’après les principes de Le Play et des ses continuateurs [Социальная наука на основе принципов Ле Пле и его продолжателей]. Paris, 1897 — 83
- Винярский** (Winiarsky) Леон (1865–1915), польский социолог и экономист, ученик В. Парето, с 1903 г. – профессор Лозаннского университета — 37, 45–50, 56–59, 210–212, 329, 336, 337, 407
- La Method mathematique dans la sociologie et dans l’economie [Математический метод в социологии и экономике] // La revue socialiste. 1894, vol. XX — 45

- Essai d'une nouvelle interpretation de phenomenes sociologiques [Очерк новой интерпретации социологических феноменов] // *Revue socialiste*. 1896, vol. XXIV — 45, 210, 211
- Deux théories d'équilibre économique [Две теории экономического равновесия] // *Revue internationale de sociologie*. 1896, December — 45
- Essai sur le mécanisme sociale [Очерк социальной механики] // *Revue philosophique*. 1898, vol. XLV — 45
- L'équilibre sociale [Социальное равновесие] // *Revista Italiana di sociologia*. 1899, Sept. — 45, 49, 50
- L'équilibre esthétique [Эстетическое равновесие] // *Revue philosophique*. 1899, vol. XLVII — 45
- L'énergie sociale et ses mensurations [Социальная энергия и ее измерения] // *Revue philosophique*. 1900, vol. XLIX — 45
- Réclamation au sujets des principes d'une sociologie objective de M.A. Coste [Замечание на тему принципов объективной социологии г-на А. Коста] // *La revue socialiste*. 1900, vol. XXXI — 336

Вирт (Wirth) Альбрехт (1866–1936), немецкий историк, путешественник и этнограф — 349

Витбек, Уитбек (Whitbeck) Рэй Хьюз (1871–1939), американский географ, профессор университета Висконсин — 125, 172

- The Influence of Geographical Environment upon Religious Belief [Влияние географической среды на религиозную веру] // *The Geographical Review*. 1918, vol. V — 172
- Economic Geography [Экономическая география]. New York, 1924 (в соавторстве с В.К. Финчем) — 125
- Industrial geography: production, manufacture, commerce [Промышленная география: добыча, производство, торговля]. New York, 1924 — 125

Витри Ж. де — см. Де Витри Ж.

Витрувий (Vitruvius), римский архитектор и инженер I в. до н. э. — 111

Вишер (Visher; у Сорокина ошибочно – Fischer) Стивен Сарджент (1887–1967), американский географ и евгеник, профессор географии университета Индианы — 188, 190, 267, 371, 488

- A Study of the Type of the Place of Birth and of the Occupation of Fathers of Subjects of Sketches in Who's Who in America [Исследование типологии места рождения и рода занятий отцов на основе материалов в Who's Who in America] // *The American Journal of Sociology*. March, 1925 — 267, 371
- Climatic Changes: Their Nature and Causes [Климатические изменения: их природа и причины]. New Haven, 1922 (в соавторстве с Э. Хантингтоном) — 188

Вишну (Vishnu), высшее божество в индуистской религии, которому поклонялись по преимуществу представители зажиточных слоев населения — 213, 328, 460

Во (Waugh) Карл Тинсли (1879–1971), американский психолог и философ, преподаватель и администратор Чикагского университета, колледжа Береа и университета Южной Калифорнии — 280

- A Comparison of Oriental and American Student Intelligence [Сравнение интеллекта американских студентов и студентов из стран Востока] // *Proceedings of the American Psychological Association*. 1921, vol. XXIX — 280

Вогт (Vogt) Вон Огден (1879–1964), американский теолог (унитарий) и искусствовед, профессор Чикагской теологической семинарии и колледжа Белуа, в 1925–1944 гг. – служитель первой унитарной церкви Чикаго — 625

- Art and Religion [Искусство и религия]. New Haven, 1921 — 625

Вогт (Vogt) Пол Лерой (1878–?), американский социолог и экономист, член Американской экономической ассоциации и Американского социологического общества, специалист по аграрной социологии — 633

- Introduction to Rural Sociology [Введение в сельскую социологию]. New York, 1920 — 633
- Вогюэ (Vogüé)** Эжен Мельхиор де (1848–1910), французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат и литературный критик, член Французской академии — 321
- Водон (Wodon)** Луи (1868–1946), бельгийский социолог и юрист, начальник канцелярии короля Альберта I, в 1919–1926 гг. – президент бизнес-школы университета Сольве в Брюсселе — 472
- Sur quelques erreurs de méthode dans l'étude de l'homme primitif: note critiques [О некоторых методологических ошибках при изучении первобытного человека: критические замечания]. Bruxelles-Leipzig-Paris, 1906 — 472
- Вольтер (Voltaire)** Франсуа Мари (1696–1778), французский писатель, мыслитель и публицист эпохи Просвещения — 486, 585
- Вольгман (Woltmann)** Людвиг (1871–1907), немецкий философ, социолог и публицист, оказавший влияние на нацистскую расовую политику, по образованию врач-окулист — 249, 308, 309, 465
- Die Darwinsche Theorie und der Sozialismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der menschlichen Gesellschaft [Дарвиновская теория и социализм. Проблемы естественной истории человеческого общества]. Düsseldorf, 1899 — 309
- Der historische Materialismus: Darstellung und Kritik der marxistischen Weltanschauung [Исторический материализм: изложение и критика марксистского мировоззрения]. Düsseldorf, 1900 — 465
- Die Germanen und die Renaissance in Italien [Германцы и Ренессанс в Италии]. Leipzig, 1905 — 249
- Politische Anthropologie. Eine Untersuchung über den Einfluss der Descendenztheorie auf die Lehre von der politischen Entwicklung der Völker. Leipzig, 1903 [рус. перевод: Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1906] — 249
- Вольф (Wolf)** Юлиус (1862–1937), немецкий экономист, профессор университета в Бреслау, с 1913 г. Королевского технического института в Берлине — 329, 359, 614
- Die Volkswirtschaft der Gegenwart und Zukunft [Экономика настоящего и будущего]. Leipzig, 1912 — 329
- Die Geburtenrückgang. Die Rationalisierung des Sexuallebens in unserer Zeit [Падение рождаемости. Рационализация половой жизни в наше время]. Jena, 1912 — 329
- Вормс (Worms)** Рене (1869–1926), французский социолог, секретарь Международного института социологии, редактор журнала «Revue international de sociologies» — 196, 197, 201, 202, 204, 563
- Organisme et société [Общество и организм]. Paris, 1896 — 197, 201
- [Hommages à la mémoire de G. Tarde (Дань памяти Г. Тарда)] // Revue international de sociologie. 1904, vol. XII — 563
- Philosophie des sciences sociales [Философия общественных наук]. Paris, 1903–1907, vol. I–III (2 ed. — 1913–1920) — 197, 202, 204
- Les principes biologiques de l'évolution sociale [Биологические принципы социальной эволюции]. Paris, 1910 — 202
- La sociologie, sa nature, son contenu, ses attaches [Социология, ее природа, содержание и привязанности]. Paris, 1921 — 197
- Die Soziologie. Wesen, Inhalt und Beziehung zu anderen Wissenschaften [Социология. Сущность, содержание и отношение к другим наукам]. Karlsruhe, 1926 (перевод на нем. книги «La sociologie, sa nature, son contenu, ses attaches») — 196, 204
- Воронов (Voronoff)** Андрей Петрович (1864–1912), русский историк и социолог — 37, 40, 41, 54
- Основания социологии. СПб., 1912 — 40, 41

- Воскобойникова**, Воскобойникова-Гранстрем (Voskoboinikova) Евгения Евстафьевна (1881–1957), врач-педиатр, ученица и сотрудница И.П. Павлова, автор статьи «Теплота 50°C как новый искусственный условный раздражитель слюнных желез» (1906), жена доктора медицины, приват-доцента Императорской Военно-медицинской академии Э.А. Гранстрема, мать выдающегося специалиста по греческой и славяно-русской палеографии Евгении Эдуардовны Гранстрем — 547
- Воскресенский** (Voskresensky) Леонид Николаевич, физиолог, ученик и сотрудник академика И.П. Павлова, в соавторстве с которым написал статьи «Материалы к физиологии сна» (1915) и «Материалы к физиологии выведения молока» (1917), автор доклада «К физиологии поврежденного звукового и носового анализатора у собаки» (1914) — 547
- Вритра** (Vritra), в древнеиндийской мифологии – демон, противник Индры, преградивший течение рек; олицетворение косного, хаотического принципа — 172
- Вудбери** (Woodbury) Роберт Морс (1889–1970), американский экономист, член Американской ассоциации общественного здравоохранения, Американского социологического общества, Американской статистической ассоциации — 495
- Infant mortality and its causes: with an appendix on the trend of maternal mortality rates in the United States [Детская смертность и ее причины: с приложением о тенденции материнской смертности в Соединенных Штатах]. Baltimore, 1926 — 495
- Вудвортс** (Woodworth) Роберт Сэшнз (1869–1962), американский психолог, один из создателей функциональной психологии в США — 472, 536, 554
- Dynamic Psychology [Динамическая психология]. New York, 1918 — 536
 - Dynamic Psychology [Динамическая психология] // Psychologies of 1925. Worcester, Mass., 1927, p. 111–128 — 554
- Вудс** (Woods) Роберт Арчи (1865–1925), социальный реформатор, писатель и деятель образования — 631, 632
- The city wilderness. A settlement study by residents and associates of the South End House [Городская глушь. Исследование поселения «Дом Южной окраины» его жителями и единомышленниками]. Boston and New York, 1899 (ed.) — 632
 - The Neighborhood in Social Reconstruction [Городской квартал в процессе социального преобразования] // American Journal of Sociology. 1914, vol. XIX, № 5 — 632
- Вудс** (Woods) Фредерик Адамс (1873–1939), американский биолог и социолог — 249, 250, 265, 266, 297, 299, 300, 307, 323, 351, 488, 629
- Mental and Moral Heredity in Royalty [Ментальная и моральная наследственность в королевской семье]. New York, 1906 — 250, 265
 - The influence of monarchs. Steps in a new science of history [Влияние монархов. Движение к новой науке истории]. New York, 1913 — 250, 265
 - Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day [Идет ли война на убыль? Исследование распространенности войны в Европе с 1450 г. до наших дней]. Boston and New York, 1915 (в соавторстве с А. Балцли) — 297, 299, 307, 323, 351
 - The Conifiration of Social Groups [Конификация социальных групп] // Eugenics, Genetics and the Family. Baltimore, 1923, vol. I — 266
- Вулф** (Wolf) Альберт Бенедикт (1876–1967), американский экономист, профессор экономики университета штата Огайо, в 1943 г. – президент Американской экономической ассоциации — 311, 346, 359, 362, 365, 638
- Economic Conditions and the Birth Rate after the War [Экономические условия и рождаемость после войны] // Journal of Political Economy. 1917, June — 311
 - Conservatism, Radicalism, and Scientific Method. An Essay on Social Attitudes [Консерватизм, радикализм и научный метод. Эссе о социальных установках]. New York, 1923 — 638

- The Optimum Size of Population [Оптимальная численность населения] // Dublin's Population Problems. Boston, 1926 — 359
- [Is There a Biological Law of Human Population Growth? (Существует ли биологический закон роста человеческой популяции?)] // Quarterly Journal of Economics. 1927, vol. XLI, № 4, p. 557–594 — 346, 365
- Вульстон** (Woolston) Говард Браун (1876–1961) американский социолог и статистик, профессор университета Нью-Йорка — 345, 346
 - The Limits of American Population [Пределы американского населения] // Social Forces. 1925, September — 345, 346
- Вундт** (Wundt) Вильгельм (1832–1920), немецкий психолог, философ, языковед и физиолог, один из основателей экспериментальной психологии — 398, 411
 - Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte [Психология народов. Изучение законов развития языка, мифа и обычая]. Leipzig, 1900, Bd. I — 411
- Вырубов** (Vyrouboff) Григорий Николаевич (1843–1913), русский философ-позитивист, с 1864 г. жил за границей, в 1889 г. натурализовался во Франции, почти все свои сочинения писал на французском языке — 394
- Вяземский** (Viazemsky) Николай Владимирович, князь, доктор естественных наук Парижского университета, автор трехтомного исследования «Изменение организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет)» (СПб., 1901) — 488

Г

- Габсбурги** (Habsburger), династия, правившая в Австрии в 1282–1918 гг., в Чехии и Венгрии – в 1529–1918 гг. (с 1867 г. в Австро-Венгрии), в Испании и ее владениях – в 1516–1700 гг., императоры «Священной Римской империи» (постоянно в 1438–1806 гг., кроме 1742–1745 гг.); последний представитель династии император Карл I отрекся от престола в 1918 г., 3 апреля 1919 г. Учредительное собрание Австрийской республики приняло закон о лишении Габсбургов всех прав, об изгнании их за пределы Австрии и конфискации всего их имущества — 300
- Гагеман** (Gageman, правильно: Hagemann) Оскар, профессор физиологии животных Сельско-хозяйственной академии в Бонне-Поппельсдорфе — 170
 - Физиология домашних животных. Руководство для слушателей сельскохозяйственных и ветеринарных институтов, ветеринарных врачей, животноводов и для сельских хозяев. СПб., 1908 — 170
- Гакстгаузен** (Haxthausen) Август фон (1792–1866), барон, прусский чиновник, экономист, писатель по аграрным вопросам, после поездки по России в 1843 г. написавший труд «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (М., 1869), в котором детально проанализировано социально-экономическое значение русской сельской общины; его труды пользовались большой популярностью в России сначала у славянофилов, а позже и у народников — 465
- Галео** (Galeot) Антуан-Л., французский психолог — 662
 - La psychologie révolutionnaire [Революционная психология]. Paris, 1923 — 662
- Галилей** (Galileo) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик, астроном, философ, математик — 30, 464
- Галпин** (Galpin) Чарльз Джошуа (1864–1947), американский социолог, один из основателей аграрной социологии, профессор в университете штата Висконсин — 633
 - Rural Life [Сельская жизнь]. New York, 1918 — 633
- Гальтон** (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский антрополог и психолог — 78, 215, 216, 240–244, 246, 249, 251, 266, 449

- Hereditary Genius. An Inquiry into its Laws and Consequences [Наследственный гений. Исследование его законов и последствий]. London, 1892 (первое издание – 1869) — 240–243
- English Men of Science. Their Nature and Nurture [Английские ученые мужи. Их природа и воспитание]. New York, 1875 — 240, 266
- Inquiries into Human Faculty and Its Development [Исследования способностей человека и их развития]. London, 1883 — 240, 243
- Natural Inheritance [Природная наследственность]. London, 1889 — 240
- Noteworthy Families (Modern Science). An index to kinships in near degrees between persons whose achievements are honourable and been public recorded [Выдающиеся семьи (Современная Наука). Индекс степени родства между лицами, чьи достижения публично зафиксированы и пользуются уважением]. London, 1906 (в соавторстве с Э. Шустером) — 240–242
- Ганнон** (Hannon), карфагенский путешественник V в. до н. э., который с целью основания финикийских колоний предпринял плавание вдоль западного берега Африки — 335
- Гарнье** (Garnier) Жермен (1754–1821), французский экономист, переводчик А. Смита — 464
 - De la propriété dans ses rapports avec le droit politique [Собственность в ее отношениях с политическим правом]. Paris, 1729 — 464
- Гаррингтон** (Harrington) Джеймс (1614–1677), английский публицист, теоретик «классического республиканизма», идеолог буржуазии и так называемого нового дворянства — 463, 464
 - The Commonwealth of Oceana [Республика Океания] (1656) — 463
- Гарт** (Garth) Томас Рассел (1872–1939), американский психолог, адъюнкт-профессор психологии Техасского университета (1919–1922), профессор педагогики Денверского университета (1922–1928), профессор психологии образования (1928–1932), профессор экспериментальной психологии (1928–1939); большая часть работ Гарта была посвящена американским индейцам и мексиканцам; будучи скорее экспериментатором, чем психометристом, он исследовал такие явления, как утомляемость, цветовые предпочтения, темперамент и интеллект — 279
 - Racial Differences in Mental Fatigue [Влияние расовых различий на умственную утомляемость] // Journal Applied Psychology. 1919, № 4 — 279
 - White, Indian, and Negro Work Curves [Показатели работоспособности у белых, индийцев и негров] // Journal Applied Psychology. 1921, № 5 — 279
 - A Review of Racial Psychology [Обзор расовой психологии] // Psychological Bulletin. 1925, vol. XXII, № 6 — 279
- Гартман** (Hartmann) Эдуард фон (1842–1906), немецкий философ, автор книги «Философия бессознательного» (1869) — 502
- Гаутама** (Gautama) — см. Священные книги Востока
- Гвиччардини** (Guicciardini) Франческо (1483–1540), итальянский политический мыслитель и историк, автор «Заметок о делах политических и гражданских» и «Истории Италии» — 195, 463, 478, 662
 - Ricordi di Famiglia; Ricordi Autobiografici [Семейные воспоминания; Автобиографические воспоминания] // Opere inedite di Francesco Guicciardini. Firenze, 1867, vol. I — 463
- Гегель** (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ — 198, 445, 464, 512, 570, 648
- Гейки** (Geikie) Арчибальд (1835–1924), шотландский геолог, член Лондонского королевского общества (с 1865 г.), его президент в 1908–1913 гг., иностранный почетный член Российской академии наук (с 1908 г.) — 179
 - Scottish Reminiscences [Шотландские воспоминания]. Glasgow, 1904 — 179

- Гейсслер** (Geissler Arthur) Артур Пауль (1832–1902), немецкий врач и медицинский статистик, автор статьи «Измерения школьников в Голисе (Лейпциг)» (Messungen von Schulkindern in Gohlis // Zeitschrift für Schlgesundheitspflege. 1892, Bd. V, S. 249–253) — 488
- Гейтс** (Gates) Артур Ирвинг (1890–1972), американский психолог — 162
 – Diurnal Variations in Memory and Association [Суточные изменения памяти и ассоциации]. Berkeley: University of California Press, 1916 — 162
- Гейтс** (Gates) Джорджина Ида Стиклэнд (1896–1981), американский психолог, ученица Э. Торндайка, сотрудница Колумбийского университета — 408, 519, 663
 – The Effect of Encouragement and of Discouragement Upon Performance [Влияние поощрения и выговора на производительность] // Journal Educational Psychology. 1923, vol. XIV, № 1 (в соавторстве с L.Q. Rissland) — 408
 – The Effect of an Audience upon Performance [Влияние посторонних зрителей на производительность] // Journal of Abnormal Psychology. 1924, vol. XVIII — 408, 519
- Геккель** (Haeckel) Эрнст (1834–1919), немецкий естествоиспытатель и философ, автор терминов «питекантроп», «филогенез», «онтогенез» и «экология» — 208, 209
 – Prinzipien der generellen Morphologie der Organismen [Принципы общей морфологии организмов]. Berlin, 1906 — 209
- Геккер** (Hecker) Юлиус Фридрих, Юлий Федорович (Теодорович) (1881–1938), русский и американский философ немецкого происхождения, написавший первую историю русской социологии, профессор философии; в 1902 или 1903 г. уехал в США, где учился в Колумбийском университете у Ф. Гиддингса; в 1922 г. по приглашению А.В. Луначарского приехал в Советскую Россию, печатался в журналах «Большевик» и «Фронт науки и техники», работал внештатным сотрудником Института философии, в 1938 г. арестован как «враг народа» и расстрелян; его жена и трое из пяти дочерей много лет провели в ГУЛАГе — 24, 210
 – Russian sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory [Русская социология. Вклад в историю социологической мысли и теории]. New York, 1916 — 24, 210
- Гексли**, Хаксли (Huxley) Томас Генри (1825–1895), английский зоолог и эволюционист, пропагандист дарвинизма — 535
- Гельке** (Gehlke) Чарльз Элмер (1884–1968), американский социолог, профессор Колумбийского университета — 398, 413, 415, 416, 426
 – Emile Durkheim's Contributions to Sociological Theory [Вклад Эмиля Дюркгейма в социологическую теорию]. New York, 1915 — 398, 413
- Гельмгольц** (Helmholtz) Герман (1821–1894), немецкий физик, физиолог и психолог — 580
- Гераклит** Эфесский (Heraklitus; ок. 520 – ок. 460 до н. э.), древнегреческий философ-диалектик — 15, 287
- Гербарт** (Herbart) Иоганн Фридрих (1776–1841), немецкий философ, психолог и педагог, один из основателей научной педагогики — 36, 46, 395, 445
- Гердер** (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ-просветитель — 112, 196
- Герлах** (Gerlach L.) Л., психолог, изучавший соотношение словарного запаса и интеллекта — 406
- Герлах** (Gerlach) Фредерик Мэтью, магистрант университета Колорадо, соискатель ученой степени «магистр гуманитарных наук» (Master of Arts), автор работы «Vocabulary studies» [Изучение лексики] (Colorado Springs, Colo, 1917) — 406
- Герлих** (Gehrlich) Фриц (1883–1934), немецкий журналист и историк, один из главных представителей журналистского сопротивления против Адольфа Гитлера и национал-социализма, арестованный нацистами в 1933 г. и убитый в Дахау — 469, 482
 – Der Kommunismus als Lehre von Tausendjährigem Reich [Коммунизм как учение о тысячелетнем царстве]. München, 1920 — 469

- Гермес** (Hermes) Гертруда Антония (1872–1942), немецкая учительница, деятель народного образования, лектор по экономике; в период национал-социализма была в списке запрещенных авторов — 632
 – Die geistige Gestalt des Marxistischen Arbeiters und die Arbeiterbildungsfrage [Духовный облик марксистского рабочего и вопрос о рабочем образовании]. Tübingen, 1926 — 632
- Гернет** (Gernet) Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 168, 499, 628
 – Дети-преступники. Сборник статей. С предисловием и под редакцией М.Н. Гернета. М., 1912 — 168, 628
 – Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914 — 168, 499
- Геродот** (Herodotus; между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк, «отец истории» — 111
- Герри** (Guerry) Андре-Мишель де (1802–1867), французский юрист, адвокат и статистик-любитель; вместе с А. Кетле – основатель моральной статистики — 162, 166, 643, 644
 – Statistique morale de la France [Моральная статистика Франции]. Paris, 1835 — 162
- Геррик** (Herrick) Дэвид Скардер (1863–1954), американский миссионер в Южной Индии при Американском совете уполномоченных по иностранным миссиям (ABC FM), профессор Объединенного теологического колледжа в Бангалоре, в 1924–1930 гг. – его директор — 280
 – A comparison of Brahman and Panchama children in South India with each other and with American children by means of the Goddard Form Board [Сравнение друг с другом детей брахманов и неприкасаемых в Южной Индии и с американскими детьми с помощью фигурной доски Годдарда] // Journal of Applied Psychology. 1921, vol. V, September, p. 253–260 — 280
- Гертвиг**, Хертвиг (Hertwig) Оскар (1849–1922), немецкий биолог, эмбриолог и цитолог, профессор анатомии в Берлине, критик теории эволюции Ч. Дарвина — 197
 – Die Lehre vom Organismus und ihre Beziehung zur Socialwissenschaft [Учение об организме и его связь с социальной наукой]. Berlin, 1899 — 197
 – Allgemeine Biologie [Общая биология]. Jena, 1906 — 197
- Герш** (Hersch) Песах Либман (1882–1955), швейцарский демограф, статистик и политический деятель (выходец из России (территория современной Литвы), член Бунда с 1905 г., полемизировавший с В.И. Лениным по проблеме национальной автономии), профессор Женевского университета, председатель Всемирной конференции по народонаселению ООН, президент Международного союза по научным исследованиям в области народонаселения, автор статьи «Из статистики Парижа. Влияние социального положения на смертность» (L'inégalité devant la mort d'après les statistiques de la ville de Paris. Effets de la situation sociale sur la mortalité // Revue d'économie Politique. 1920, № 3–4) — 250, 489
- Гесиод** (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт, автор поэм «Труды и дни» и «Теогония» — 461
- Гёдекен** (Gaedeken) Пауль, датский статистик, доктор политических и экономических наук — 162, 166
 – Contribution statistique à la réaction des organismes sous l'influence physico-chimique des agents météorologiques [Статистический подход к реакции организма на физико-химическое воздействие метеорологических условий] // Archive d'anthropologie criminelle. Lyon et Paris, 1909, vol. XXIX — 162
- Гёррес** (Görres) Иоганн Йозеф фон (1776–1848), немецкий католический мыслитель, писатель, журналист — 196
- Гиддингс** (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894), президент Американского социологического общества (1908) — 20, 36, 202, 289, 312, 355, 410, 411, 453, 454, 457, 566, 594, 640

- The Principles of Sociology. An Analysis of Phenomena of Association and of Social Organisation. New York, 1896 (3d ed.) [рус. перевод: Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 2012] — 202, 355, 640
- Democracy and Empire. With studies of their psychological, economic, and moral foundations [Демократия и империя. С изучением их психологических, экономических и моральных оснований]. New York, 1900 — 312, 457
- Elements of Sociology. A text-book for colleges and schools [Элементы социологии. Учебник для колледжей и школ]. New York, 1900 — 640
- Inductive Sociology. A syllabus of methods, analyses and classifications and provisionally formulated laws [Индуктивная социология. Краткий перечень методов, способов анализа и классификаций и предварительно сформулированных законов]. New York, 1901 — 640
- Readings in Descriptive and Historical Sociology [Чтения по описательной и исторической социологии]. New York, 1906 — 640
- [Lester Frank Ward (Лестер Фрэнк Уорд)] // American Journal of Sociology. 1913, vol. XIX, № 1, July, p. 67–68 — 566
- Studies in the Theory of Human Society [Исследования в области теории человеческого общества]. New York, 1922 — 289, 454, 594, 640
- The Scientific Study of Human Society [Научное исследование человеческого общества]. London, 1924 — 411, 454, 640
- Гизебрехт** (Giesebrecht) Людвиг (1792–1873), немецкий историк и поэт, профессор гимназии в Штетине, автор «Истории вендов с 780 по 1182 г.» (Wendische Geschichten aus den Jahren 780 bis 1182. Berlin, 1843) — 465
- Гизи** (Gisi) Вильгельм Иоганн Мартин (1843–1893), швейцарский экономист, историк и политический деятель, профессор швейцарской истории и статистики в Бернском университете — 144
 - Die Bevölkerungsstatistik der schweizerischen Eidgenossenschaft und ihrer Kantone [Статистика населения Швейцарской Конфедерации и ее кантонов]. Aarau, 1868 — 144
- Гилби** (Gilby) Уолтер Г., английский психолог, бакалавр — 272
 - On the Significance of the Teacher's Appreciation of General Intelligence [О значении оценки учителем общего интеллекта] // Biometrika. 1911, vol. VIII, № 1/2 (в соавторстве с К. Пирсоном) — 272
- Гиллин** (Gillin) Джон Льюис (1871–1958), американский социолог, специалист в области криминальной социологии, 16-й президент Американской социологической ассоциации, с 1912 г. до конца жизни – профессор университета штата Висконсин — 23, 166, 498, 499, 629, 640
 - Criminology and Penology [Криминология и пенология]. New York, 1923 — 166, 499, 629
 - Presidential Address [Президентское послание] // Publications of the American Sociological Society. 1926, vol. XXI — 23
 - Poverty and Dependency. Their Relief and Prevention. New York – London, 1926 — 498
 - Franklin Henry Giddings [Франклин Генри Гиддингс] // Odum H.W. American Masters of Social Science. New York, 1927 — 640
- Гилфиллан** (GilFillan) Сибири Колум (1889–1987), американский социолог, член Американского социологического общества, автор ряда работ по социологии изобретений — 119, 182
 - The Coldward Course of Progress [Жесткая поступь прогресса] // Political Science Quarterly. 1920, vol. XXXV — 119, 182
- Гильдебранд** (Hildebrand) Бруно (1812–1878), немецкий экономист и статистик — 465
- Гимилькон** (Himilcon), карфагенский мореплаватель V в. до н. э., предпринимавший дальние продолжительные путешествия вдоль берегов Африки, Испании и Галлии, первым посетил Северный океан и указал путь к Британским островам — 335

- Гинебер** (Guignebert) Шарль (1867–1939), французский историк религии, специалист по истории христианства — 608, 648
 – *L'évolution des dogmes* [Эволюция догматов]. Paris, 1910 — 608, 648
- Гинсберг** (Ginsberg) Моррис (1889–1970), английский социолог литовского происхождения, в 1951 г. основал Британскую социологическую ассоциацию и стал ее первым президентом (1955–1957) — 298, 368, 380, 433, 502, 503
 – *The material culture and social institutions of the simpler peoples* [Материальная культура и социальные институты примитивных народов]. London, 1915 (в соавторстве с Л.Т. Хобхаусом и Дж.К. Уилером) — 298, 380, 433, 502, 503
- Гиппократ** (Hippocrates; ок. 460 до н. э. – между 377 и 356 до н. э.), древнегреческий врач, «отец медицины» — 111
- Гирке** (Gierke) Отто Фридрих фон (1841–1921), немецкий правовед, профессор истории права и гражданского права, последователь исторической школы права — 195, 196, 417
 – *Deutsche Privatrecht. Bd. I: Allgemeiner Teil und Personrecht* [Немецкое частное право. Т. I: Общая часть и личное право]. Leipzig, 1895 — 417
 – *Political Theories of the Middle Age* [Политические теории Средневековья] (tr. by F. Maitland). Cambridge, 1900 — 195
- Гнейст** (Gneist) Рудольф (1816–1895), немецкий правовед, публицист и политический деятель — 445
- Гоббс** (Hobbes) Томас (1588–1679), английский философ-материалист — 31, 32, 196, 297, 433, 662
 – О человеке (рус. перевод: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-т. М., 1989, т. 1) — 32
 – Левиафан (рус. перевод: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-т. М., 1992, т. 3) — 31
- Гобино** (Gobineau) Жозеф Артюр (1816–1882), французский социальный философ, писатель, дипломат, ориенталист и этнограф — 15, 78, 124, 215–224, 235, 246, 249, 252, 274, 278, 282, 286, 431, 610
 – *Essai sur l'inégalité des races humaines* [Опыт о неравенстве человеческих рас]. Paris, 1853–1855, vol. I–IV — 216–221, 610
- Говард** (Howard) Клиффорд (1868–1942), американский писатель и актер — 541
 – *Sex worship: an exposition of the phallic origin of religion* [Поклонение сексу: изложение фаллического происхождения религии]. Chicago, 1917 — 541
- Гогенцоллерны** (Hohenzollern), немецкий род королей Пруссии, в 1871–1918 гг. одновременно и германских императоров — 300, 325
- Годдард** (Goddard) Генри Герберт (1866–1957), американский психолог и евгеник — 250, 270, 488
 – *Human Efficiency and Levels of Intelligence* [Человеческая эффективность и уровень интеллекта]. Princeton, 1920 — 270
- Голдмарк** (Goldmark) Полин Доротея (1874–1962), американский социальный реформатор, по образованию биолог, борец за права трудящихся женщин, заместитель директора нью-йоркской филантропической школы — 631
 – *West Side Studies* [Вест-Сайдские исследования]. Boston, 1898 — 631
- Голдсбери** (Goldsbury) Пол Уильямс (1869–1962), американский врач и общественный деятель, выпускник Гарвардской медицинской школы, член Медицинского общества Массачусетса — 151
 – *Humidity and Health* [Влажность и здоровье] // *Boston Medical and Surgical Journal*. 1911, September — 151
- Гольденвейзер** (Goldenweiser) Александр, Александр Александрович (1880–1940), американский этнограф и антрополог — 435, 642, 657
 – *Early Civilization. An introduction to anthropology* [Ранняя цивилизация. Введение в антропологию]. New York, 1922 — 435, 657

- Cultural Anthropology [Культурная антропология] // The History and Prospects of the Social Science. New York, 1925 — 642
- Diffusionism and the American School of Historical Ethnology [Диффузионизм и американская школа исторической этнологии] // American Journal of Sociology. 1925, July — 657
- [Гомер]**, легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается авторство «Илиады» (Iiad) и «Одиссеи» (Odyssey) — 173, 214, 322, 585, 656
- Горинг** (Goring) Чарльз Бакман (1870–1919), английский врач и криминолог, работавший в разных английских тюрьмах, автор книги «Английский каторжник: статистическое исследование» (The English convict; a statistical study. London, 1913) — 245, 250
- Горн** (Gorn) Эдуард Леонидович (1880–?), российский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Материалы к физиологии внутреннего торможения условных рефлексов» (СПб., 1912) — 547
- Горовой-Шалтан** (Gorovoi-Shaltan) Владимир Антонович (1896–1951), врач из клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии — 310
- К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2 — 310
- Госсен** (Gossen) Герман Генрих (1810–1858), немецкий экономист, предшественник математической и австрийской школ в экономике — 46, 58
- Готтштейн** (Gottstein) Адольф (1857–1941), немецкий эпидемиолог, специалист в области общественной гигиены — 309, 632
- Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge [Справочник по социальной гигиене и здравоохранению]. Berlin, 1926–1927, Bd. I–V (в соавторстве с А. Шлосманом и Л. Телеки) — 309, 632
- Гоуин** (Gowin) Инек Бартон (1883–?), американский экономист, профессор университета Нью-Йорка — 250, 488, 662
- The executive and his control of men. A study in personal efficiency [Управляющий и его контроль над людьми. Исследование личной эффективности]. New York, 1915 — 662
- Грачки** (Gracchi), братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus; 162–133 до н. э.), римский народный трибун до 133 г. и 2) Гай Семпроний (Gaius Sempronius Gracchus; 153–121 до н. э.), римский народный трибун в 123 и 122 гг. до н. э.; оба брата погибли в борьбе с сенатской знатью Древнего Рима за осуществление своих демократических аграрных реформ — 358
- Грант** (Grant) Мэдисон (1865–1937), американский юрист, зоолог и антрополог, который пропагандировал «научный расизм» и деятельность которого сыграла большую роль в разработке строгих иммиграционных ограничений и законов против смешения наций и рас в США — 240, 249
- The Passing of the Great Race: Or The Racial Basis of European History [Былое великой расы, или Расовая основа европейской истории]. New York, 1916 — 249
- Грассери** Р. — см. Де ла Грассери
- Граунт** (Graunt) Джон (1620–1674), английский ученый, родоначальник демографии как науки; одним из первых начал разрабатывать методы статистики и переписи населения — 328
- Грдличка** (Hrdlička) Алеш (1869–1943), чешский антрополог, с 1881 г. жил и работал в США; автор гипотезы о заселении Северной Америки через Берингов пролив и теории о том, что эволюция человечества прошла через стадию неандертальцев — 250, 259, 488
- Physical Anthropology of the Old Americans [Физическая антропология старых американцев] // American Journal of Physical Anthropology. 1922, № 2 — 259
- Гребнер** (Graebner) Роберт Фриц (1877–1934), немецкий географ и этнолог, разработавший теорию культурных кругов (Kulturkreislehre), которая стала основой культурно-исторического направления в этнологии — 657
- Methode der Ethnologie [Метод этнологии]. Heidelberg, 1911 — 657

- Греф** — см. Де Греф Г.
- Григ** (Grieg) Эдвард (1843–1907), норвежский композитор и дирижер — 174, 175
- Гриманелли** (Grimanelli) Перикл (1847–1924), французский адвокат, социолог-позитивист — 563
 – [Hommages à la mémoire de G. Tarde (Дань памяти Г. Тарда)] // *Revue Internationale de Sociologie*. 1904, vol. XII — 563
- Гримм** (Grimm) Якоб Людвиг Карл (1785–1863), немецкий филолог — 215
- Гринберг** (Greenberg) Давид, преподаватель общественного здравоохранения медицинского факультета Йельского университета, автор статьи «Связь метеорологических условий с распространенностью пневмонии» (*Relation of Meteorological Conditions to the Prevalence of Pneumonia* // *Journal of American Medical Association*. 1919) — 151
- Гринвуд** (Greenwood) Мэйджор (1880–1949), английский медицинский статистик, сотрудник Британского института профилактической медицины (Листер-института), автор статьи, написанной совместно с Дж. Брауном, «Рассмотрение некоторых факторов, влияющих на уровень детской морали» (*An Examination of Some Factors Influencing the Rate of Infant Morality* // *Journal of Hygiene*. 1912, vol. XII, № 1) — 341, 495
- Гриффюэльс** (Griffühels) Виктор (1874–1923), деятель французского профсоюзного движения, один из основателей анархо-синдикализма, ученик Ж. Сореля, в 1902–1909 гг. – секретарь Всеобщей конфедерации труда — 206
- Гроппали** (Groppali) Алессандро (1874–1959), итальянский социолог — 46, 501
 – *Essai recent de sociologie pure* [Недавний очерк чистой социологии] // *Revue internationale de Sociologie*. 1900 — 46
 – *Lezioni di Sociologia* [Лекции по социологии]. Torino, 1902 — 501
 – *Elementi di Sociologie* [Элементы социологии]. Genova, 1905 — 501
- Гроссе** (Grosse) Эрнст (1862–1927), немецкий этнограф и искусствовед, занимавшийся в основном проблемой возникновения искусства и форм семьи — 501
 – *Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft* [Формы семьи и формы хозяйства]. Freiburg und Leipzig, 1896 — 501
- Гроссман** (Grossman) Феликс Соломонович (1881 – после 1935), врач и физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Материалы к физиологии следовых условных слюнных рефлексов» (СПб., 1909), впоследствии работал в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте — 547
- Гротьян** (Grotjahn) Альфред (1869–1931), немецкий врач, один из основоположников социальной гигиены, автор трудов по вопросам алкоголизма, венерических заболеваний, регуляции рождаемости и др. — 123
 – *Über Wandlungen in der Volksernährung* [О переменах в народном питании] // *Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen*. 1920, Bd. XX, Heft. 2 — 123
- Гроувз** (Groves) Эрнест Резерфорд (1878–1946), американский социолог — 632
 – *Rural Mind and Social Welfare* [Сельский ум и социальное обеспечение]. Chicago, 1922 — 632
- Гроций** (Grotius) Гуго (1583–1645), голландский юрист, философ и государственный деятель — 31, 33, 196
- Грюнхаген** (Gruenhagen) Альфред Вильгельм (1842–1912), немецкий врач, профессор Кенигсбергского университета — 170
 – *Lehrbuch der Physiologie: für akademische Vorlesungen und zum Selbststudium* [Учебник физиологии: для академических лекций и самостоятельного изучения]. Hamburg und Leipzig, 1887, Bd. III — 170
- Губер** (Huber) Виктор Эме (Victor-Aimé) (1800–1869), немецкий социальный реформатор, писатель-путешественник и историк литературы — 465

- Губергриц** (Gubergritz) Макс Моисеевич (1886–1951), российский и советский ученый-медик, ученик и сотрудник И.П. Павлова, защитил диссертацию на тему «Более выгодный способ дифференцирования внешних раздражений» (Пг., 1917), в соавторстве с И.П. Павловым написал статью «Рефлекс свободы» (1917); с 1928 г. и до конца жизни – заведующий созданной им кафедрой пропедевтики внутренних болезней Киевского медицинского института — 547
- Гулд** (Gould) Бенджамин Апторп (1824–1896), американский астроном; в 1862 г. был назначен актуарием (специалистом по страховой математике) санитарной комиссии Соединенных Штатов и в 1869 г. издал исследование по военной и антропологической статистике — 141, 250, 488
- Investigations in the Military and Anthropologic Statistics of American Soldiers [Исследования в области военной и антропологической статистики американских солдат]. New York, 1869 — 141
- Гулд** (Gould) Чарльз Уинтроп (1849–1931), американский искусствовед, попечитель музея Метрополитен — 249
- America, a Family Matter [Америка, семейное дело]. New York, 1922 — 249
- Гумбольдт** (Humboldt) Александр фон (1769–1859), немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки — 112
- Гумплович** (Gumplowicz, Gumplowich) Людвиг (1838–1909), польский социолог, экономист и юрист, профессор университета в Граце — 26, 220, 293, 303, 312, 391, 417, 430–436
- Rasse und Staat [Раса и государство]. Wien, 1875 — 430
 - Allgemeines Staatsrecht [Общее государственное право]. Innsbruck, 1877 — 430
 - Der Rassenkampf. Sociologische Untersuchungen [Борьба рас. Социологические исследования]. Innsbruck, 1883 — 312, 430, 431
 - Grundriss der Soziologie. Wien, 1885 [рус. перевод: Основы социологии. СПб., 1899; англ. перевод: The outlines of Sociology, tr. by F.W. Moore. New York, 1899] — 430, 431
 - Soziologie und Politik. Leipzig, 1892 [рус. перевод: Социология и политика. М., 1895] — 430
 - Die soziologische Staatsidee [Социологическая идея государства]. Graz, 1892 — 430
 - Geschichte der Staatstheorien [История государственных теорий]. Innsbruck, 1905 — 430, 433
- Гуссерль** (Husserl) Эдмунд (1859–1938), немецкий философ, родоначальник феноменологической школы — 650
- Логические исследования. СПб., 1909 (Logische Untersuchungen. Halle, 1901, Bd. I) — 650
- Гюйгенс** (Huygens) Христиан (1629–1695), нидерландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель — 30
- Гюйо** (Guyot) Арнольд Генри (1807–1884), швейцарский географ и геолог, в 1848 г. переехал в США, где прочитал курс лекций по физической географии, изданный под названием «Земля и человек» (1849) — 112
- Гюйо** (Guyau) Жан Мари (1854–1888), французский философ и поэт, преподаватель философии в лицее Кондорсе — 625
- L'art au point de vue sociologique. Paris, 1895 [рус. перевод: Искусство с социологической точки зрения. СПб., 1900] — 625
- Гюйо** (Guyot) Ив (1843–1928), французский политический деятель, журналист и писатель, автор нескольких романов и сочинений на социально-экономические и социально-политические темы: «Очерки социальных учений христианства» (Étude sur les doctrines sociales du christianisme. 1873), «История пролетариев» (Histoire des prolétaires. 1873), «Экономическая наука» (La Science économique. 1881), «Проституция» (La prostitution. 1881), «Полиция» (La Police. 1883) и др. — 329

- Гюльманн** (Hüllman) Карл Дитрих (1765–1846), немецкий историк, профессор, автор ряда работ по истории средних веков; на русский язык переведена его книга «Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков» (СПб., 1839) — 465
- Гюнтер** (Günther) Ханс Фридрих Карл (1891–1968), немецкий антрополог и евгенист, оказавший своими научными работами серьезное влияние на расовую политику немецких национал-социалистов; по итогам своей работы Гюнтер получил прозвище Rassenpapst (Расовый Папа), после окончания войны три года провел в концлагере: суд решил, что хотя он и был частью нацистского режима, но не был инициатором преступлений и потому несет меньшую ответственность за последствия — 249
- Rassenkunde des Deutschen Völkes [Расовая наука немецкого народа]. München, 1924 — 249

Д

- Даблдей** (Doubleday) Томас (1790–1870), английский политик и писатель — 491
- The True Law of Population shewn as connected with the food of the people [Истинный закон народонаселения, показанный в связи с пищей народа]. London, 1843 — 491
- Даблин** (Dublin) Луис Израэль (1882–1969), американский статистик еврейского происхождения (родился в Ковно), в 1920–1930-х гг. способствовал созданию демографии как социально-научной дисциплины в США, интересовался евгеникой, но не признавал за нордическими народами биологического превосходства — 250, 349, 362, 489
- The Statistician and the Population Problem in the United States and Canada [Статистика и проблема народонаселения в Соединенных Штатах и Канаде] // Population Problems. Boston, 1926 — 349
- Давенант** (Davenant) Чарльз (1656–1714), английский экономист, представитель меркантилистского направления в экономической науке, автор сочинений: «Эссе о вероятных методах превращения людей в выигрывающих игроков в торговом балансе» (An Essay on the probable Methods of making the People gainers in the Ballance of Trade. London, 1699) и «Очерк Ост-Индской торговли» (Essay on the East India Trade, 1697) — 328
- Д’Авенель** (d’Avenel) Жорж (1855–1939), французский историк, виконт — 123, 362, 363, 648
- Le mécanisme de la vie moderne [Механизм современной жизни]. Paris, 1908 — 123
 - Découvertes d’histoire sociale, 1200–1910 [Открытия социальной истории, 1200–1910 гг.]. Paris, 1910 — 363
 - Paysans et ouvriers depuis sept cent ans [Крестьяне и рабочие в течение семисот лет]. Paris, 1913 — 648
 - La fortune privée à travers sept siècles [Частное имущество на протяжении семи веков]. Paris, 1913 — 648
- Дадфилд** (Dudfield) Реджинальд, председатель Специального комитета по детской смертности Королевского статистического общества, автор статьи «Заметки о смертности от туберкулеза в период с 1851 по 1905 г.» (1907) (Notes on the mortality from tuberculosis from 1851–1905 // Journal of the Royal Statistical Society. 1907, vol. 70) — 341
- Дайси** (Dicey) Альберт Вэнн (1835–1922), английский юрист — 622, 624
- Law and Public Opinion in England [Право и общественное мнение в Англии]. London, 1905 — 622
- Даллеман** (Dallemagne) Жюль (1858–1923), бельгийский медик и криминолог, политический деятель либерального направления, профессор Свободного университета в Брюсселе, автор исследований о биологических, анатомических и социологических «стигмах» преступности — 258
- Далримпл** (Dalrymple) Джон (1726–1810), английский историк, экономист — 464
- An Essay Toward a General History of Feudal Property in Great Britain [Очерк общей истории феодальной собственности в Великобритании]. London, 1757 — 464

- Данбар** (Dunbar) Джеймс (1742–1798), английский писатель и философ — 36
 – Essays on the History of Mankind in Rude and Cultivated Ages [Очерки по истории человечества в варварские и культурные времена]. London, 1780 — 36
- Данилевский** (Danilevsky) Николай Яковлевич (1822–1885), русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель — 48, 78, 581, 635, 648
 – Россия и Европа. 1869 (2-е изд.: СПб., 1871) — 48, 635, 648
- Данлоп** (Dunlop) Джон Колин (1785–1842), шотландский адвокат и историк — 489
- Данлэп** (Dunlap) Найт (Knight) (1875–1949), американский психолог, основатель «Journal of Psychology» и первый редактор «Journal of Comparative Psychology», в 1922 г. – президент Американской психологической ассоциации — 536
 – Are There any Instincts? [Существуют ли инстинкты?] // Journal of American Psychology. 1919–1920, Vol. XIV, p. 307–311 — 536
- Данн** (Dunn) Лесли Кларенс (1893–1974), американский генетик, профессор Колумбийского университета — 286
 – A Biological View of Race Mixture [Биологический взгляд на расовое смешение] // Publications of American Sociological Society. 1925, vol. XIX — 286
- Даннеман** (Dannemann) Фридрих (1859–1936), немецкий естествоиспытатель, историк, педагог, почетный профессор Боннского университета — 414
 – Die Naturwissenschaften in ihren Entwicklung und in ihrem Zusammenhange. Leipzig, 1923 [рус. перевод: История естествознания. Естественные науки в их развитии и взаимодействии. М., 1932–1938, т. I–III] — 414
- Даннинг** (Dunning) Уильям Арчибальд (1857–1922), американский историк и политолог — 195, 196, 215
 – A History of Political Theories: Ancient and Mediaeval [История политических учений: Античность и Средневековье]. New York, 1902 — 195
 – Political Theories from Luther to Montesquieu [Политические учения от Лютера до Монтескье]. New York, 1913 — 196
 – A History of Political Theory from Rousseau to Spencer [История политических учений от Руссо до Спенсера]. New York, 1920 — 215
- Данте** (Dante), Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт и мыслитель — 224, 321, 479
 – De Monarchia. Translated by A. Henry. Boston, 1904 [рус. перевод: Монархия. М., 1999] — 321
- Дарвин** (Darwin) Леонард (1850–1943), четвертый сын Ч. Дарвина, президент Королевского геологического общества (1908) — 305
 – On the Statistical Enquiries Needed after the War in Connection With Eugenics [О необходимости после войны связать статистические исследования с евгеникой] // Journal of Royal Statistical Society. 1916, March — 305
- Дарвин** (Darwin) Чарльз (1809–1882), английский натуралист и путешественник, создатель теории эволюции — 170, 175, 215, 236, 240, 287–289, 293, 294, 304, 331, 336, 433, 464, 491, 658, 664
 – The Origin of Species. New York, 1917 (On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. London, 1859) [рус. перевод: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1999] — 288
 – Variations of Animals and Plants under Domestication. London, 1885, vol. II [рус. перевод: Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М.-Л., 1941] — 170
- Даргун** (Dargun) Лотар фон (1853–1893), историк права, автор монографии «Материнское право и обычай похищения невест и их остатки в германском праве и жизни» (Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben. Breslau, 1883) — 435

- Дафф** (Duff) Джеймс Фитджеймс (1898–1970), английский педагог, в 1932–1937 гг. преподавал педагогику в Манчестерском университете, после 1937 г. входил в состав нескольких комиссий по высшему образованию — 271, 488, 629
- The Social and Geographic Distribution of Intelligence in Northumberland [Социальное и географическое распределение интеллекта в Нортумберленде] // *British Journal of Psychology*. 1923, vol. XIV, October (в соавторстве с Г.Х. Томсоном) — 271, 629
- Девенпорт** (Davenport) Чарльз Бенедикт (1866–1944), американский биолог и евгеник, в 1925 г. основал Международную федерацию евгенических организаций (IFEO), после прихода к власти А. Гитлера поддерживал связи с нацистскими учреждениями и изданиями; сегодня некоторые его работы относят к жанру «научного расизма» — 141, 250
- *Army anthropology: based on observations made on draft recruits, 1917–1918, and on veterans at demobilization*, 1919 [Армейская антропология: на основе наблюдений за призывниками в 1917–1918 гг. и ветеранами при демобилизации в 1919 г.]. Washington, 1921 (в соавторстве с А.Г. Лавом) — 141
- Де Витри** (Vitry) Жак (у Сорокина ошибочно: Г.) де (ок. 1180–1240), французский историк, монах-августинец, вдохновитель Пятого крестового похода — 395
- Де Грееф** (de Greef) Гильом (1842–1924), бельгийский социолог, ректор Нового Брюссельского университета — 501, 571
- *Introduction à la sociologie* [Введение в социологию]. Paris, 1889–1896, vol. I–II — 501, 571
- Дегтярева** (Degtiareva) Вера Александровна (1867– после 1936), врач и физиолог, сотрудница И.П. Павлова, защитила диссертацию на тему «К физиологии внутреннего торможения» (СПб., 1914), в конце 1920-х гг. работала врачом квартирной помощи и школьным врачом двух школ, в 1929 г. арестована как участница контрреволюционной монархической организации «Воскресение» и приговорена к трем годам концлагеря; ввиду преклонного возраста наказание заменено высылкой в Марийскую область на три год — 547
- Декандоль** (de Candolle) Альфонс Луи Пьер Пирамю (1806–1893), швейцарский ботаник и биогеограф, объясняющий различия в географическом распространении растений не только экологическими факторами, но и историческими причинами — 249, 250, 266, 370, 371, 629
- *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles* [История науки и ученых на протяжении двух столетий]. Genève-Bale-Lyon, 1885 — 250, 266, 371, 629
- Декарт** (Descartes) Рене (1596–1650), французский философ и математик — 30–33, 175
- *Meditationes de prima philosophia* [Размышления о первой философии]. Amsterdam, 1685 — 31
 - *Les Passions de l'âme* // *Oeuvres de Descartes, publiées par Victor Cousin*. Paris, 1824, t. IV [рус. перевод: Страсти души // *Декарт Р.* Сочинения в 2-х тт. М., 1989, т. 1] — 31
 - *L'Homme* // *Ibid.* [рус. перевод: Человек. М., 2012] — 31
- Декстер** (Dexter) Роберт Клутман (1887–1955), канадский социолог, член Американской ассоциации социальных работников — 498
- *Social Adjustment* [Социальная адаптация]. New York, 1927 — 498
- Декстер** (Dexter) Эдвин Грант (1868–1938), американский педагог, профессор педагогики и психологии университета штата Иллинойс, в 1905–1907 гг. – президент секции изучения детей Национальной ассоциации образования — 112, 145, 159, 160, 162, 164–166, 272, 644
- *Weather Influences. An empirical study of the mental and physiological effects of definite meteorological conditions* [Влияние погоды. Эмпирическое исследование психических и физиологических эффектов определенных метеорологических условий]. New York, 1904 — 145, 160, 162, 164, 165, 644
 - *Relation between Occupation of Parents and Intelligence of Children* [Связь между родом занятий родителей и интеллектом детей] // *School and Society*. 1923, vol. XVII — 272

- Де ла Грассери** (De la Grasserie) Пауль (1839–1914), французский юрист, филолог, литератор — 40
- De la cosmologie [О космологии]. Paris, 1913 — 40
 - Études de psychologie et de sociologie linguistiques [Исследования лингвистической психологии и социологии]. Paris, 1909 — 402
- Делафосс** (Delafosse) Жюль Виктор (1843–1916), французский журналист и политический деятель, блестящий оратор — 206, 210
- Théorie de l'ordre [Теория порядка]. Paris, 1901 — 206
- Делевский** (Delevsky) Ю. (Жак) (наст. имя и фамилия: Юделевский Яков Лазаревич) (1868–1956/1957), русско-французский публицист, социолог, инженер-геолог, политический деятель; был тесно связан с народолюбцами; позже – член Парижской группы партии социалистов-революционеров, масон; в эмиграции занимался философией, историей науки, популяризацией научных знаний; во время Второй мировой войны уехал в США — 303, 483, 641
- Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910 (перевод на франц.: Antagonismes sociaux et antagonismes prolétariens. Paris, 1924) — 303, 641
- Дельбёф** (Delboeuf) Жозеф Реми Леопольд (1831–1896), бельгийский философ, математик, экспериментальный психолог — 46
- Дель Веккьо** (Del Vecchio) Джорджио (1878–1970), итальянский философ права, неокантианец — 60
- Де Маринис** (De Marinis) Эррико (1863–1919), итальянский юрист, социолог и политический деятель — 37
- Sistema di sociologia: naturale concezione del mondo sociale [Система социологии: естественная концепция социального мира]. Torino, 1901 — 37
- Де Местр** (de Maistre) Жозеф Мари (1753–1821), граф, французский католический философ, политик и дипломат — 196, 300, 303, 321, 322, 394, 424, 584, 652
- Considérations sur la France (1790) // Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. Lyon, 1884, vol. I [рус. перевод: Рассуждения о Франции. М., 1997] — 196, 300, 303, 321, 394, 584, 652
 - Les Soirées de St. Petersburg // Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. Lyon, 1884, vol. IV–V [рус. перевод: Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998] — 196, 303, 394, 584
 - Du Pape [О Папе] // Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. Lyon, 1884, vol. II — 394
 - Étude sur la souveraineté [Исследование о суверенитете] // Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. Lyon, 1884, vol. I — 394
 - Examen de la philosophie de Bacon [Рассмотрение философии Бэкона] // Oeuvres complètes de J. de Maistre. Lyon, 1891–1892, vol. VI — 394
- Демидов** (Demidoff) Валентин Александрович, русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Условные (слонные) рефлексы у собаки без передних половин обоих полушарий» (СПб., 1909) — 547
- Демокрит** (Democritus; ок. 460 – ок. 370/360 до н. э.), древнегреческий философ-атомист — 29, 535
- Демолен** (Demolins) Эдмон (1852–1907), французский историк, социолог, один из инициаторов нового воспитания — 82, 84, 86–94, 97–99, 101–104, 106, 107, 109, 112, 126, 128, 478, 486, 634
- Anglo-Saxon Superiority: To What Is It Due? [Превосходство англосаксов. Чем оно обусловлено?] London, 1898 — 97, 101–104
 - L'Éducation nouvelle. L'École des Roches [Новое воспитание. Школа Рош]. Paris, [1898] — 104
 - Les Français d'aujourd'hui: les types sociaux du midi et du centre [Французы сегодня: социальные типы на юге и в центре], Paris, [1899] — 97

- Comment la route crée le type social. Les grandes routes des peuples: Essai de géographie sociale [На каком пути возникает социальный тип. Великие пути народов: очерк социальной географии]. Paris, 1902, vol. I–II — 89–94, 97–99, 107
 - Nos deux premiers maîtres [Наши первые два наставника] // Brochure de Propagande: Société Internationale de Science Sociale. L'origine, le but et l'organisation de la société [Пропагандистская брошюра: Международное общество социальной науки. Происхождение, цель и организация общества]. Paris, 1896 — 82
 - Comment on analyse et comment on classe les types sociaux [Как мы анализируем и классифицируем социальные типы] // Brochure de Propagande: Société Internationale de Science Sociale. L'origine, le but et l'organisation de la société [Пропагандистская брошюра: Международное общество социальной науки. Происхождение, цель и организация общества]. Paris, 1896 — 84, 87, 88
 - Le socialisme devant la science sociale [Социализм перед лицом социальной науки]. Paris, 1892 — 104
- Деникер** (Deniker) Жозеф (Иосиф Егорович) (1852–1918), российский и французский натуралист и антрополог — 250, 251, 264
- The Races of Man. An outline of anthropology and ethnography [Человеческие расы. Очерк антропологии и этнографии]. New York, 1900 — 264
- Дени** (Denis) Эктор (1842–1913), бельгийский экономист и социолог, историк экономических учений — 196, 492, 500
- La dépression économique et sociale et l'histoire des prix: table des diagrammes [Экономическая и социальная депрессия и история цен: таблица диаграмм]. Bruxelles, 1895 — 492
 - Die Physiokratische Schule und die erste Darstellung der Wirtschaftsgesellschaft als Organismus [Школа физиократов и первое представление об экономическом обществе как организме] // Zeitschrift für Wirtschaftsgeschichte. 1897, Bd. VI — 196
 - Le mouvement de la population [Движение населения] // Memoirs of the Belgian Academy of Science. 1900, vol. LIX — 500
 - Les index numbers des phenomenes moraux [Числовые индексы моральных феноменов] // Memoirs de l'Academie Royale de Belgique. 1911, Vol. IV — 492
- Деплуаж** (Deploige) Симон (1868–1927), бельгийский философ и правовед — 398, 415, 426
- Le Conflict de la morale et de la sociologie [Конфликт морали и социологии]. Louvain-Paris, 1912 — 398
- Де Роберти** (de Roberty) Евгений Валентинович (1843–1915), русский социолог, философ-позитивист и экономист испанского происхождения — 391, 394–407, 413–415, 417, 426, 480, 565, 571, 638, 655
- Социология. Основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией. СПб., 1880 (франц. перевод: La Sociologie: essai de philosophie sociologique [Социология: очерк социологической философии]. Paris, 1884) — 394, 395, 398
 - L'ancienne et la nouvelle philosophie. Essai sur les lois générales du développement de la philosophie [Древняя и новая философия. Очерк об общих законах развития философии]. Paris, 1887 — 394
 - L'inconnaissable: sa métaphysique — sa psychologie [Непознаваемое: его метафизика — его психология]. Paris, 1889 — 394
 - La philosophie du siècle. Criticisme — positivisme — évolutionisme [Философия века. Критицизм – позитивизм – эволюционизм]. Paris, 1891 — 394
 - Agnosticisme. Essai sur quelques théories pessimistes de la connaissance [Агностицизм. Эссе о некоторых пессимистических теориях знания]. Paris, 1893 — 394
 - La recherche de l'unité [Поиск единства]. Paris, 1894 — 394

- Auguste Comte et Herbert Spencer. Contribution à l'histoire des idées philosophiques au XIX^e siècle [Огюст Конт и Герберт Спенсер. Вклад в историю философских идей в XIX в.]. Paris, 1894 — 394, 398
- L'éthique [Этика]. Paris, 1896–1900, vol. I–IV — 394
- L'éthique: Le psychisme social. Deuxième essai sur la morale considérée comme sociologie élémentaire [Этика: социальная психика. Второе эссе о морали, рассматриваемой как элементарная социология]. Paris, 1897 — 394
- Les fondements de l'éthique. Troisième essai de morale considérée comme sociologie élémentaire [Основы этики. Третье эссе о морали, рассматриваемой как элементарная социология]. Paris, 1898 — 394
- Qu'est-ce que le progrès? Leçon donnée à l'Institut des Hautes Études de l'Université Nouvelle [Что такое прогресс? Лекция, прочитанная в Институте высших исследований Нового университета]. Paris, 1898 — 406
- Qu'est-ce que le crime? [Что такое преступление?] Paris, 1899 — 406
- Constitution de l'éthique. Quatrième essai sur la morale considérée comme sociologie élémentaire [Конституция этики. Четвертое эссе о морали, рассматриваемой как элементарная социология]. Paris, 1900 — 394
- Pourquoi je ne suis pas positiviste [Почему я не позитивист]. Paris, 1900 — 394, 405
- Frédéric Nietzsche. Contribution à l'histoire des idées philosophiques et sociales à la fin du XIX^e siècle [Фридрих Ницше. Вклад в историю философских и социальных идей в конце XIX в.]. Paris, 1903 — 394
- Nouveau programme de sociologie [Новая программа социологии]. Paris, 1904 — 394, 395, 403
- Sociologie de l'action. La genèse sociale de la raison et les origines rationnelles de l'action [Социология действия. Социальный генезис разума и рациональные истоки действия]. Paris, 1908 — 394, 395, 403
- Le problème sociologique et le problème philosophique [Социологическая проблема и философская проблема] // Revue Philosophique. 1911, № 11 — 404
- Понятия разума и законы вселенной. СПб., 1914 [Les concepts de la raison et les lois de l'universe] — 394
- [Discours: Le matérialisme historique ou économique (Рассуждение на тему: Материализм исторический или экономический)] // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1900–1901, vol. VIII — 404, 480
- Дерябин** (Deriabin) Викторин Сергеевич (1875–1955), русский и советский психиатр и физиолог, доктор медицинских наук, в 1912–1914 гг. – сотрудник И.П. Павлова, защитил диссертацию на тему «Дальнейшие материалы к физиологии времени как условного возбудителя слюнных желез» (СПб., 1916) — 547
- Дешамп**, Декамп (Descamps) Поль (1872–1946), французский социолог и историк — 250, 358, 435
 - Comment les conditions de vie de sauvages influencent leur natalité [Как условия жизни дикарей влияют на их рождаемость] // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922, September — 358
 - Le pouvoir publique chez les sauvages [Публичная власть у дикарей] // Revue International de sociologie. 1924 — 435
- Джадд** (Judd) Джон Уэсли (1840–1916), английский геолог, профессор Королевской шахтерской школы — 287
 - The Coming of Evolution. Cambridge, 1911 [рус. перевод: Пришествие эволюции. М., 2011] — 287
- Джевина** (Drzewina; у Сорокина ошибочно: Drzwina) Анна (1878–1944), француско-польский биолог и зоопсихолог, ученица и ближайшая сотрудница Ж. Бона — 339

- Джевонс** (Jevons) Герберт Стенли (1875–1955), английский экономист, сын Уильяма Джевонса — 129, 132
 – The Causes of Unemployment [Причины безработицы] // The Contemporary Review. 1909, August — 129
- Джевонс** (Jevons) Уильям Стенли (1839–1882), английский экономист, профессор логики и политической экономии в Лондоне и Манчестере — 46, 58, 128, 129, 132
 – Investigations in Currency and Finance [Исследования в сфере валюты и финансов]. London, 1884 — 128
- Джейкобс** (Jacobs) Филип Питер (1879–1940), американский социолог — 430, 569
 – German Sociology [Немецкая социология]. New York, 1909 — 430, 569
- Джеймс** (James) Т. Кэмпбелл, английский антрополог, профессор — 139
 – Geographical Distribution of Anthropological Types in Wales [Географическое распределение антропологических типов в Уэльсе] // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1916, vol. XLVI (в соавторстве с Г.Дж. Флером) — 139
- Джеймс**, Джеймс (James) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 589
 – The Varieties of Religious Experience. London, 1902 [рус. перевод: Многообразие религиозного опыта. М., 1910] — 589
- Джеймс** (James) Эдвин Оливер (1888–1972), английский антрополог и религиовед, почетный профессор истории и философии Лондонского университета, преподаватель Оксфордского университета — 591
 – Primitive Ritual and Belief [Первобытные ритуалы и верования]. London, 1917 — 591
- Дженкин** (Jenkin) Генри Чарльз Флеминг (1833–1885), английский инженер, экономист, преподаватель, филолог, критик, актер, драматург и художник, выдвинувший принципиальное возражение против теории Ч. Дарвина, так называемый аргумент заболачивания, или «кошмар Дженкса» — 169
- Дженкс** (Jenks) Альберт Эрнест (1869–1953), американский антрополог, основатель и первый декан (1918–1938) факультета антропологии университета Миннесоты — 631
 – Ethnic census in Minneapolis [Этническая перепись в Миннеаполисе] // American Journal of Sociology. 1912, vol. XVII, № 6 — 631
- Дженнер** (Jenner) Эдвард Энтони (1749–1823), английский врач, разработавший первую в мире вакцину против натуральной оспы — 335
- Джентиле** (Gentile) Джованни (1875–1944), итальянский философ, основатель теории «актуалистического идеализма», теоретик итальянского фашизма, убитый партизанами на улице во Флоренции — 469
 – La filosofia di Marx [Философия Маркса]. Pisa, 1899 — 469
- Джером** (Jerome) Гарри (1886–1938), американский экономист, директор Национального бюро экономических исследований — 500, 501
 – Migration and Business Cycles [Миграция и бизнес-циклы]. New York: National Bureau of Economic Research, 1926 — 500, 501
- Джианотти** (Gianotti) Донато (1492–1573), итальянский политический писатель и драматург, один из лидеров недолговечной Флорентийской Республики 1527 г., умер в изгнании в Риме; автор теоретических работ по республиканизму, в частности, трактата «О форме государственного устройства Флоренции» (Della Repubblica Fiorentina. 1531) — 463
- Джиллет** (Gillette) Джон Морис (1886–1949), американский богослов и социолог, профессор социологии в университете Северной Дакоты, в 1928 г. – президент Американской социологической ассоциации — 633
 – Rural Sociology [Сельская социология]. New York, 1925 — 633
- Джини** (Gini) Коррадо (1884–1965), итальянский демограф и социолог, профессор политической экономии в Падуе — 20, 139, 193, 249, 250, 283, 307, 347, 348–350, 353, 364, 381, 382, 385–389, 489, 631, 648

- Il sesso dal punto di vista statistico; le leggi della produzione dei sessi [Пол с точки зрения статистики; законы воспроизводства полов]. Milano, 1908 — 381, 631
- I fattori demografici dell'evoluzione delle nazioni [Демографические факторы эволюции нации]. Torino, 1912 — 250, 347, 348, 350, 381, 382
- Ammontare e composizione della ricchezza delle nazioni [Богатство народов в денежном и натуральном выражении]. Torino, 1914 — 364
- Fattori latenti delle guerre [Скрытые факторы войны] // Rivista Italiana di Sociologia. 1915, Jan.-Feb. — 349,
- Problemi sociologici della Guerra [Социологические проблемы войны]. Bologna, 1921 — 381
- The War from the Eugenic Point of View [Война с точки зрения евгеники] // Eugenics in Race and State. Baltimore, 1921 — 307
- Il neo-organicismo [Неоорганицизм]. Catania, 1927 — 193
- Джонс** (Jones) Дональд Форша [у Сорокина ошибочно: D.J.] (1890–1963), американский генетик и селекционер, сотрудник Сельскохозяйственной экспериментальной станции Коннектикута, в 1935 г. – президент Американского общества генетиков — 286
 - In-breeding and Out-breeding [Инбридинг и аутбридинг]. Philadelphia and London, 1919 (в соавторстве с Э.М. Истом) — 286
- Джонс** М.З. (Jones M.Z.), сотрудник Бюро статистики труда Соединенных Штатов — 127
 - Trend of Occupations in the Population, 1851 to 1920 [Тенденция занятости населения, 1851–1920 гг.] // Monthly Labor Review. 1925, vol. XX, № 5 — 127
- Джонс** (Jones) Уильям (1746–1794), английский филолог-востоковед (в первую очередь индолог) и переводчик, основатель Азиатского общества; основоположник сравнительно-исторического языкознания — 215, 252
- Джонсон** (Johnson) Розуэлл Хилл (1877–1967), американский евгеник, профессор университета Питтсбурга, председатель секции евгеники Американской ассоциации исследования и предотвращения младенческой смертности — 251, 285, 307
 - Applied Eugenics [Прикладная евгеника]. New York, 1918 (в соавторстве с П. Попено) — 251, 285, 307
- Джонсон** (Johnson) Элинор Хоуп, американский педагог и писательница, автор популярной книги «Юношеские годы капитана Джона Смита» (Boys' Life of Captain John Smith. New York, 1907) — 628
 - The Relations of the Conduct Difficulties of a Group of Public School Boys to their Mental Status and Home Environment [Проблемы поведения учащихся общеобразовательной школы и их связь с их психическим состоянием и домашним окружением] // Journal of Delinquency. 1921, vol. 6 — 628
- Джордан** (Jordan) Дэвид Старр (1851–1931), американский ихтиолог, зоолог и пацифист, президент Стэнфордского университета — 249, 250, 303, 304, 306
 - The Human Harvest [Человеческая жатва]. Boston, 1907 — 305, 306
 - War's aftermath. A preliminary study of the eugenics of war as illustrated by the civil war of the United States and the late wars in the Balkans [Последствия войны. Предварительное исследование евгеники войны на примере гражданской войны в Соединенных Штатах и последних войн на Балканах]. Boston, 1914 (в соавторстве с Х.Э. Джорданом) — 305
- Джордан** (Jordan) Харви Эрнст (1878–1963), американский врач, евгеник, профессор гистологии и эмбриологии университета Вирджинии — 305, 306
- Джордж** (George) Хирфорд Брук (1838–1910), английский адвокат и историк, известный также как альпинист — 177
 - The Relations of Geography and History [Взаимосвязи географии и истории]. Oxford, 1901 — 177

- Джоси** (Josey) Чарльз Конант (1893–?), американский философ и психолог, профессор Колумбийского университета — 536
 – The Social Philosophy of Instinct [Социальная философия инстинкта]. New York – Chicago – Boston, 1922 — 536
- Дизеренс** (Diserens) Чарльз Мердок (1889–1971), американский психолог и музыковед, преподаватель музыкального колледжа при университете Цинциннати — 625
 – The Influence of Music on Behavior [Влияние музыки на поведение]. Princeton, 1926 — 625
- Дикс** (Dix) Артур (1875–1935), немецкий экономист и геополитик, ученик Г. Шмоллера, апологет милитаризма — 349
- Диксон** (Dixon) Роланд Бурраж (1875–1934), американский антрополог, профессор Гарвардского университета — 138, 142, 251, 252, 254, 261, 264, 273, 274
 – The Racial History of Man [Расовая история человечества]. New York, 1923 — 138, 142, 251, 252, 254, 261, 264, 273, 274
- Дили** (Dealey) Джеймс Куэйл (1861–1937), американский историк, преподаватель древнегреческого языка, социолог, профессор Университета Брауна, в 1916–1928 гг. приглашенный профессор Шанхайского университета — 566
 – Sociology, Its Development and Application [Социология, ее развитие и применение]. New York, 1920 — 566
 – Masters of Social Science: Lester Frank Ward [Мастера социальных наук: Лестер Фрэнк Ворд] // Social Forces. 1925, vol. IV, № 2, Decemder, p. 257–272 — 566
- Дильтей** (Dilthey) Вильгельм (1833–1911), немецкий философ, один из основоположников «философии жизни» — 635
 – Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen // Weltanschauung. Philosophie und Religion, herausgegeben von M. Frischeisen-Köhler. Berlin, 1911 [рус. перевод: Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. СПб., 1912, № 1, с. 119–181; Культурология. XX век: Антология. М., 1995, с. 213–255] — 635
- Диодор** Сицилийский (Diodorus; ок. 90–30 гг. до н. э.), древнегреческий историк и мифограф; родом из Агирия на Сицилии — 524
- Добровольский** (Dobrovolsky) Владимир Михайлович (1874–?), русский физиолог, сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «О пищевых следовых рефлексах» (СПб., 1911) — 547
- Долл** (Doll) Эдгар Арнольд (1889–1968), американский педагог и психолог, директор по научно-исследовательской работе в Training School (техникуме) в Вайнленде (штат Нью-Джерси), автор статьи «Антропометрия как помощь в психической диагностике. Простой способ изучения ненормальных» (Anthropometry as an aid to mental diagnosis. A simple method for the examination of sub-normals // Publications of the Training School at Vineland, N.J., 1916, № 8) — 250, 488
- Доран** (Doran E. V.) E. V. — 406
- Доули** (Dawley) Алмена (1890–1956), американский врач, основательница и заместитель директора детской клиники в Нью-Йорке — 628
 – A Study of Women Delinquents in New York State [Исследование женщин-правонарушителей в штате Нью-Йорк]. New York, 1920 (в соавторстве с М.Р. Фернальд и М. Хейз) — 628
- Драгическо**, Драгическу (Draghicesco) Думитру (1875–1945), румынский социолог, дипломат и писатель — 394, 399–401
 – Du rôle de l'individu dans le determinisme social [О роли индивида в социальном детерминизме]. Paris, 1906 — 399–401
 – L'ideal createur [Идеал творца]. Paris, 1912 — 401

- Драпейрон** (Drapeyron) Людовик (1839–1901), французский географ и историк, основатель журнала «Revue de géographie» (1876) — 173
 – [De la transformation de la méthode des sciences politiques par les études géographiques et de l'application des réformes du Congrès géographiques de Paris (Преобразования метода политических наук с помощью географических исследований и осуществления реформ Парижского географического конгресса)] // *Revue de géographie*. 1877, vol. I, p. 11–43 — 173
- Драхслер** (Drachsler) Джулиус (1889–1927), американский социолог (уроженец Чехословакии), работник социальной службы, в 1919–1922 г. – доцент экономики и социологии в колледже Смита, с 1922 г. – преподаватель социологии в университете Нью-Йорка — 631
 – *Intermarriage in New York City* [Смешанные браки в Нью-Йорке]. New York, 1921 — 631
- Дрезеке** (Dräseke) Йоханнес, немецкий врач-психиатр из Гамбурга, доктор медицины, автор статьи «Вес мозга и интеллект» (*Gehirngewicht und Intelligenz* // *Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie*. 1906, Heft 4, S. 499–522) — 250
- Дрейпер** (Draper) Джон Вильям (1811–1882), американский ученый, философ, физик, химик, историк и фотограф (в 1840 г. сделал первый фотоснимок), автор книги «История умственного развития Европы» (*History of the intellectual development of Europe*, 1862, рус. перевод: т. 1–2, 1866) — 179
- Дрейфус** (Dreyfus) Робер (1873–1939), французский эссеист, историк, специалист по Гобино, друг М. Пруста, доктор юридических наук — 216
 – *La vie et les prophéties du Comte de Gobineau* [Жизнь и пророчества графа де Гобино]. Paris, 1905 — 216
- Дромель** (Dromel) Жюстен (1826–?), французский историк — 645
 – *La loi des révolutions. Les générations, les nationalités – les dynasties, les religions...* [Закон революций. Поколения, национальности – династии, религии]. Paris, 1862 — 645
- Друкер** (Drucker) Сол (1880–1932), американский педагог — 628
 – *Children Astray* [Дети сбились с пути]. Cambridge, 1923 (в соавторстве с М.Б. Хекстером) — 628
- Друмманн** (Drumann) Карл Вильгельм Август (1786–1861), немецкий историк и археолог, автор книги «Рабочие и коммунисты в Греции и Риме» (*Die Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom*. Königsberg, 1860) — 465
- Дуглас** (Douglas) Пол Ховард (1892–1976), американский экономист и политический деятель, в 1847 г. – президент Американской экономической ассоциации — 472
 – *The Reality of Non-Commercial Incentives in Economic Life* [Реальность некоммерческих стимулов в экономической жизни] // *The Trend of Economics*. New York, 1924 — 472
- Дьяус** (Dyaus), в ведийской мифологии – бог неба и небесного света, верховный бог ранних гимнов — 172
- Дэвис** (Davies) Джордж Реджинальд (1876–?), английский социолог и экономист, специалист по экономической статистике, член Американской ассоциации содействия развитию науки, член Американской статистической ассоциации, член Американской экономической ассоциации, профессор социологии в университете Северной Дакоты — 371, 492, 493, 499, 500, 629
 – *A Statistical Study of the Influence of Environment* [Статистическое исследование влияния окружающей среды] // *Quarterly Journal of the University of North Dakota*. 1914, vol. IV — 371, 629
 – *Social Aspects of the Business Cycle* [Социальные аспекты бизнес-цикла] // *Quarterly Journal of the University of North Dakota*. 1922, January — 492, 499, 500
- Дэвис** (Davis) Джером Дуайт (1891–1979), американский организатор труда и социолог, активист мира и сторонник социальных реформ, в 1916–1918 гг. находился в России в

- качестве руководителя YMCA, в 1922 г. получил докторскую степень по социологии в Колумбийском университете — 549
- An Introduction to Sociology: A behavioristic study of American society [Введение в социологию: Бихевиористское изучение американского общества]. Boston – New York, 1927 (ред. совместно с Г.Э. Барнсом) — 549
- Дэвис** (Davis) Майкл Маркс (1879–1971), американский врач и социолог, одна из главных фигур в политике здравоохранения в США — 411, 535, 563, 579
- Psychological Interpretations of Society [Психологические интерпретации общества]. New York, 1909 — 411, 535, 563, 579
- Дэррик** (Derrick) С.М., американский психолог и антрополог из университета Южной Каролины — 277
- A Comparative Study of Seventy-Five White and Fifty-Two Colored College Students by the Stanford revision of the Simon-Binet scale [Сравнительное исследование семидесяти пяти белых и пятидесяти двух цветных студентов колледжа по Стэнфордской версии шкалы Саймона-Бине] // Journal Applied Psychology. 1920, vol. IV — 277
- Дэшил** (Dashiell) Джон Фредерик (1888–1975), американский психолог, в 1938 г. – президент Американской психологической ассоциации — 276
- Racial differences as measured by the Downey will-temperament test [Расовые различия, измеренные с помощью теста Дауни на волю и темперамент] // Journal of Applied Psychology. 1922, vol. VII (в соавторстве с Дж.Г. Макфадденом) — 276
- Дюбуа** (Dubois) Марсель (1856–1916), французский географ, соучредитель журнала «Annales de Géographie» — 127
- La crise maritime [Морской кризис]. 1910 — 127
- Дюги** (Duguit) Леон (1859–1928), французский социолог и теоретик права, представитель солидаризма и социологии права — 444
- Traité de droit constitutionnel [Трактат о конституционном праве]. Paris, 1911, t. 1 — 444
- Дюгем**, Дюэм (Duhem) Пьер Морис Мари (1861–1916), французский физик, механик, математик, философ и историк науки — 62, 65, 470, 649
- La théorie physique, son objet et sa structure. Paris, 1906 [рус. перевод: Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910] — 470
- Дюкло** (Duclaux) Пьер Эмиль (1840–1904), французский физик, химик и биолог, ученик и преемник Л. Пастера – стал директором созданного им института — 414
- Pasteur. The History of a Mind [Пастер. История разума]. Philadelphia and London, 1920 — 414
- Дюма** (Dumas) Жорж (1866–1946), французский психолог и врач, духовный сын и наследник Т. Рибо, которому посвящены все его книги и под влиянием которого исследовал психологию эмоций; в 1904 г. основал «Журнал нормальной и патологической психологии», после Первой мировой войны написал книгу «Психические и нервные расстройства войны» (Troubles mentaux et troubles nerveux de guerre. 1919) — 578
- Дюпра** (Duprat) Гийом Леонсе (1872–1956), французский и швейцарский врач, издатель, педагог, психолог, социолог и философ — 24, 202, 207, 407, 415, 417
- La psycho-sociologie en France [Психосоциология во Франции] // Archiv für Geschichte der Philosophie und Soziologie. 1926, Bd. XXXVII, Heft 1–2 — 24, 407, 415
 - Science sociale et démocratie [Социальная наука и демократия]. Paris, 1900 — 202, 207, 417
- Дюпреель** (Dupréel) Эжен (1879–1967), бельгийский социолог и философ, противник мальтузианства — 353, 355, 402, 448
- Le rapport social. Essai sur l'objet et la methode de la sociologie [Социальное отношение. Эюд об объекте и методе социологии]. Paris, 1912 — 402, 448
 - Sociologie et psychologie [Социология и психология] // Bulletin mensuel de l'Institut de Sociologie Solvay. 1911, Janvier — 448

- Les variations demographiques et le progres [Демографические изменения и прогресс] // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922, May — 355
- Дюпюи** (Dupuis) Шарль-Франсуа (1742–1809), французский ученый, политический деятель, философ — 172
- L'origine de tous les cultes, ou la religion universelle [Происхождение всех культов, или Всеобщая религия]. Paris, 1795, t. IX — 172
- Дюран** де Гросс (Durand de Gross) Жозеф Пьер (1826–1900), французский философ, противник позитивизма, писавший под псевдонимом Dr. Philips — 250
- Дюркгейм** (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог, основатель французской социологической школы — 38, 50, 147, 163–165, 176, 209–211, 353, 355, 366, 367, 370, 391, 395, 398–402, 412, 413, 415–419, 421–429, 435, 440, 441, 473, 497, 549, 578, 585, 589, 594, 610, 614, 638, 640, 643, 644
- De la division du travail social. Paris, 1893 [рус. перевод: О разделении общественного труда. М., 1996] — 209, 401, 415
- Les règles de la méthode sociologiques [Правила социологического метода]. Paris, 1895 [рус. перевод: Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008] — 209, 415, 416
- Représentations individuelles et représentations collectives [Индивидуальные представления и коллективные представления] // Revue de métaphisique et de morale. 1898, vol. VI — 398, 401
- Deux lois de l'évolution pénale [Два закона эволюции наказаний] // Année sociologique. 1899–1900, vol. IV — 429
- Le suicide. Paris, 1912 [рус. перевод: Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912] — 147, 163–165, 401, 415, 422, 497, 578, 643
- Les formes élémentaires de la vie religieuse, 1912 [рус. перевод: Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018; англ. перевод: Elementary Forms of Religious Life. New York, 1915] — 176, 401, 415, 417, 423–425, 473, 589
- Le dualisme de la nature humaine et ses conditions sociales [Дуализм человеческой природы и ее социальных условий] // Scientia. 1914, vol. XV, № XXXIV (2) — 401
- Дюруи** (Duru) Виктор Жан (1811–1894), французский историк и политический деятель, автор трудов по истории Древней Греции, Древнего Рима и Франции, член Французской академии — 63

Е

- Еврипид** (Euripides; 485/484–406 до н. э.), древнегреческий драматург — 321
- Егоров** (Egoroff) Яков Егорович (1870–?), русский физиолог, сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Влияние пищевых условных рефлексов друг на друга» (СПб., 1911) — 547
- Езра** (*библ.*), иудейский первосвященник, возвратившийся после вавилонского плена и воссоздавший еврейскую государственность на основе закона Торы, автор канонической книги, включенной в состав Ветхого Завета и относящейся к так называемой летописной литературе — 214
- Еллинек** (Jellinek) Георг (1851–1911), немецкий юрист, государствовед, представитель юридического позитивизма — 445
- Енч** (Jentsch) Карл (1833–1917), немецкий богослов, священник (отлученный от церкви), писатель и публицист — 166, 308, 309
- Sozialauslese. Kritische Glossen [Социальный анализ. Критические заметки]. Leipzig, 1898 — 309

Ерофеева (Erofeeva) Мария Николаевна, врач Петропавловской больницы, автор научных и популярных работ по медицине, сотрудница И.П. Павлова, под руководством которого написала диссертацию «Электрическое раздражение кожи собаки как условный возбудитель работы слюнных желез» (СПб., 1912) — 547

Ефименко (Efimenko) Александра Яковлевна (урожд. Ставровская, 1848–1918), русский историк и этнограф — 435

Ж

Жакар (Jacquart) Камиль (1867–?), бельгийский статистик — 162, 163, 630

– Le suicide [Самоубийство]. Bruxelles, 1908 — 162

– Le divorce et la séparation de corps [Развод и раздельное проживание супругов]. Bruxelles, 1909 — 630

Жане (Janet) Поль (1823–1899), французский философ, ученик В. Кузена, профессор философии в Париже — 195

– Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. Paris, 1887 [рус. перевод: История государственной науки в связи с нравственной философией. Кн. 1. СПб., 1878] — 195

Жиар (Giard) Альфред Матье (1846–1908), французский биолог — 289

– Facteurs primaires de l'évolution [Первичные факторы эволюции]. Paris, 1904 — 289

Жид (Gide) Шарль (1847–1932), французский экономист и историк экономической мысли — 206, 304, 305

– La reconstitution de la population française [Восстановление народонаселения во Франции] // Revue international de sociologie. 1916, vol. XXIV, № 3 — 305

– La solidarité économique // *Bourgeois L., Croiset A.* Essai d'une philosophie de la solidarité. Paris, 1907 — 206

Жижиленко (Jijilenko) Александр Александрович (1873 – не ранее 1930), русский правовед, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета — 499

– Преступность и ее факторы. Пг., 1922 — 499

Жукелье (Juquielier) Поль (1876–1921), французский врач, профессор клинической медицины, автор (совместно с О. Вигуру) книги «Психическая зараза» (М., 1912; оригинальное издание: *Vigouroux A., Juquielier P.* La contagion mentale. Paris, 1905) — 578

Жюгляр (Juglar) Клеман (1819–1905), французский врач и статистик, внесший значительный вклад в исследования циклов деловой активности (экономические циклы с периодом 7–11 лет, названные в его честь «циклами Жюгляра»), основатель статистического общества, член и президент Французского общества социальной экономики — 492, 644

– Y a-t-il des périodes pour les mariages et les naissances comme pour les crises commerciales? [Существуют ли периоды для браков и рождений, а также для торговых кризисов?] // Journal de la société française de statistique. 1902, vol. 43 — 492

З

Заборовски, Заборовски-Муэндрон (Zaborovski; у Сорокина: Zaborovski M.S.) Сигизмунд (1851–1929), французский антрополог, профессор и с 1907 г. президент Парижского антропологического общества — 251, 253

– Les peuples aryens d'Asie et d'Europe, leurs origines en Europe. La civilisation protoaryenne [Арийские народы Азии и Европы, их происхождение в Европе, протоарийская цивилизация]. Paris, 1908 — 251

Завадский (Savadsky) Игорь Владимирович (1875–1944), русский врач и физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, автор ряда работ о торможении и растормаживании условных рефлексов, доктор медицинских наук, профессор, с 1916 по 1931 г. – заведующий кафедрой госпитальной терапии — 547

- Замош** (Samosch) Юлиус (1869–?), практикующий врач из Берлина, автор книги «Школа и дом: необходимость их взаимодействия» (Schule und Haus: die Notwendigkeit ihres Zusammenwirkens. Gmelin, 1912) — 250
- Зан** (Zahn) Фридрих (1869–1946), немецкий юрист и статистик, профессор статистики и социальной политики в Мюнхене — 314
– Kriegskriminalität [Военные преступления] // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung. 1924 — 314
- Зауэр** (Sauer) Вильгельм (1879–1962), немецкий философ и социолог, автор исследования «Основы общества; юридическая, государственная и социальная философия» (Grundlagen der Gesellschaft; eine Rechts-, Staats- und Sozialphilosophie. Berlin, 1924) — 208
- Зауэрбек** (Sauerbeck) Август (ум. 1929), английский экономист, статистик и коммерсант (торговец шерстью); разработал индекс оптовой торговли, названный его именем (1886), с 1886 г. член Королевского статистического общества — 493
- Захариэ**, Цахариэ фон Лингенталь (Zacharia, Zachariä von Lingenthal) Карл Соломон (1769–1843), немецкий государствовед и политический деятель — 37, 196
– Vierzig Bücher vom Staate [Сорок книг о государстве]. Heidelberg, 1839–1843, Bd. I–VII — 37
- Зебровски** (Zebrowski) Бернад (1900–1962), немецкий журналист, писатель и переводчик — 430
– Ludwig Gumpłowicz. Eine Bio-Bibliographie [Людвиг Гумплович. Био- и библиография]. Berlin, 1926 — 430
- Зевс** (Zeus) (*миф.*), верховный бог древнегреческого пантеона — 545, 586
- Зеек** (Seeck) Отто (1850–1921), немецкий историк, специалист по истории поздней античности — 249, 250, 284, 303, 304, 306
– Geschichte des Untergang der antiken Welt [История гибели античного мира]. Berlin, 1910, Bd. I–VI — 250, 284, 306
- Зеленый** (Seliony) Георгий Павлович (1878–1951), русский биолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Материалы к вопросу о реакции собаки на звуковые раздражения» (1906), автор свыше 70 научных работ, посвященных исследованиям звукового анализатора у животных, физиологии желудочной секреции, патологии животных и человека, в 1919 г. в Петроградском ветеринарном институте организовал кафедру физиологии, которую возглавлял с 1921 по 1951 г. — 547, 549
– Ueber die zukünftige Soziophysologie [О будущей социальной физиологии] // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1912, Bd. IX — 549
- Земпер** (Semper) Карл Готтфрид (1832–1893), немецкий зоолог и путешественник, профессор зоологии и сравнительной анатомии в Вюрцбурге, директор основанного в 1877 г. Зоологическо-зоотомического института, брат энтомолога Георга Земпера (1837–1909), автор книги «Естественные условия существования животных» (Animal life as affected by the natural conditions of existence. New York, 1881) — 339
- Зенд-Авеста** (Zend-Avesta), комментированный перевод «Авесты» (собрание священных книг зороастрийской религии, написанное на авестийском — более нигде не зафиксированном — языке) на среднеперсидский язык — 12, 287, 328, 433, 460
– The Zend-Avesta // The Sacred Books of the East. Oxford, 1880, vol. IV — 287, 328, 460
- Зенон Элейский** (Zeno; ок. 490 — ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Парменида — 534
- Зибель** (Sybel) Генрих фон (1817–1895), немецкий историк и политический деятель — 465
- Зигварт** (Sigwart) Христоф (1830–1904), немецкий логик, близкий по своим философским воззрениям к Баденской школе неокантианства — 650
– Логика. СПб., 1908, т. I–II — 650

- Зиммель** (Simmel) Георг (1858–1918), немецкий философ и социолог — 37, 38, 50, 176, 178, 296, 302, 395, 398, 400, 401, 404, 413, 418, 424, 438–449, 453, 458, 570, 638, 640, 649, 650
- Ueber soziale Differenzierung [О социальной дифференциации]. Leipzig, 1890 [рус. перевод: *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996, т. 2, с. 301–465] — 418
 - Die Religion [Религия]. Frankfurt am Main, 1906 [рус. перевод: *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996, т. 1, с. 545–605] — 424
 - Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Berlin, 1907 [рус. перевод: Проблемы философии истории. М., 2017] — 649
 - Soziologie. Untersuchungen über die formen der vergesellschaftung [Социология. Исследования форм социализации]. Leipzig, 1908 — 178, 439, 445
 - Hauptprobleme der Philosophie [Основные проблемы философии]. Leipzig, 1911 — 404, 649
 - Grundfragen der Soziologie. Individuum und Gesellschaft [Основные вопросы социологии. Индивид и общество]. Berlin und Leipzig, 1917 — 448
 - The Problem of Sociology [Das Problem der Soziologie; Проблема социологии] // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1895, vol. VI (первая глава «Soziologie») — 439
 - Superiority and Subordination as Subject Matter for Sociology [Превосходство и подчинение как предмет социологии] // American Journal of Sociology. 1896, vol. II — 439
 - Comment les formes sociales se maintiennent [Как сохраняются социальные формы] // L'année sociologique. 1898, vol. I — 447
 - The Persistence of the Social Group [Постоянство социальной группы] // American Journal of Sociology. 1898, vol. III–IV — 439
 - The Number of Members as Determining the Sociological Form of the Group [Количество членов группы как фактор, определяющий ее социологическую форму] // American Journal of Sociology. 1902, vol. VIII — 439
 - The Sociology of Conflict [Социология конфликта] // American Journal of Psychology. 1904, vol. IX — 439
 - Fashion [Мода] // International Quarterly. 1904, vol. X [рус. перевод: *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996, т. 2, с. 266–291] — 439
 - A Contribution to the Sociology of Religion [К социологии религии] // American Journal of Sociology. 1905, vol. XI [рус. перевод: *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996, т. 1, с. 618–636] — 439
 - The Sociology of Secrecy and the Secret Society [Социология тайны и тайное общество] // American Journal of Sociology. 1906, vol. XI — 439
 - How Society Is Possible? [Как возможно общество?] // American Journal of Sociology. 1910, vol. XVI [рус. перевод: *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996, т. 2, с. 509–526] — 439
- Зинке** (Zincke) Георг Генрих (1692–1769) немецкий юрист, камералист (специалист по административным и экономическим вопросам), автор «Общего экономического лексикона» (Allgemeines oekonomisches Lexicon, 1731) — 328
- Знанецкий** (Znaniecki) Флориан Витольд (1882–1958), польско-американский философ и социолог — 450, 452, 570, 581, 630
- The Polish Peasant in Europe and America [Польский крестьянин в Европе и Америке]. Boston, 1918–1920, vol. I–IV (в соавторстве с У.А. Томасом) — 570, 630
 - The Object Matter of Sociology [Предмет социологии] // American Journal of Sociology. 1927, January — 450, 452
- Зокник** (Soecknick) Анна, врач из Психиатрической и нервной клиники Кёнигсбергского университета — 310
- Kriegseinfluss auf jugendliche Psychopathen [Влияние войны на подростков-психопатов] // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheit. 1924, Bd. 70 — 310

- Зом** (Sohm) Рудольф (1841–1917), немецкий юрист, профессор германского и канонического права — 444
 – [Bürgerliches Recht (Гражданское право)] // Systematische Rechtswissenschaft. Berlin und Leipzig, 1906 — 444
- Зомбарт** (Sombart) Вернер (1863–1941), немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры — 303, 467, 478, 511, 512, 523, 602, 632, 645
 – Sozialismus und soziale Bewegung. Jena, 1905 [рус. перевод: Социализм и социальное движение. СПб., 1906] — 467
 – Technik und Kultur [Техника и культура] // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1911, Bd. XXXIII — 512, 523
 – Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. München und Leipzig, 1913 [рус. перевод: Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994] — 632
 – Krieg und Kapitalismus [Война и капитализм]. München und Leipzig, 1913 — 303
 – Der Proletarische Sozialismus [Пролетарский социализм]. Jena, 1924 — 467
- Зонненфельс** (Sonnenfels) Йозеф (1732–1817), австрийский юрист, автор книги «Принципы полицейской деятельности и финансовая наука» (Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft. Wien, 1765–1776), до середины XIX в. служившей общепринятым руководством для изучения политических наук — 328
- Зульцбах** (Sulzbach) Вальтер (1889–1969), немецкий социолог и экономист, банкир, профессор социологии Франкфуртского университета — 464, 465
 – Die Anfänge der materialistischen Geschichtsauffassung [Основы материалистического понимания истории]. Karlsruhe, 1911 — 464, 465

И

- Ибн Хальдун** (Ibn-Khaldun) Абдуррахман Абу Зейд ибн Мухаммед (1332–1406), арабский историк и философ — 111, 128
- Ивернес** (Yvernès) Морис Леон, французский статистик и криминолог, заместитель, а потом начальник статистического управления Министерства юстиции Франции — 499, 630
 – Les divorces et les séparations de corps en France depuis 1884 [Разводы и раздельное проживание супругов во Франции с 1884 г.] // Journal de la Société de Statistique de Paris. 1908 — 630
- Иеринг** (Ihering) Рудольф (1818–1892), немецкий правовед, представитель реалистической школы права — 312, 444, 617
 – Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung [Дух римского права на разных этапах его развития]. Leipzig, 1866, Bd. I–III — 444
 – The Struggle for Law. Translated by J. Lalor, Chicago, 1879 [рус. перевод: Борьба за право. М., 1874] — 617
- Иерузалем** (Jerusalem) Франц Вильгельм (1883–1970), немецкий социолог и правовед — 618
 – Soziologie des Rechts [Социология права]. Jena, 1925 — 618
- Изуле** (Izoulet) Жан Бернар Жоакен (1854–1929), французский философ и социолог, с 1897 г. – профессор социальной философии в Коллеж де Франс — 391, 394, 399, 401
 – La cité moderne. Métaphysique de la sociologie [Современный город. Метафизика социологии]. Paris, 1901 (5th ed.); 1908 (7th ed.) — 399
- Иисус Христос** — 105, 221, 225, 592
- Инглиш** (English) Хорас Бидвелл (1892–1961), американский психолог и психоаналитик — 271, 272
 – Mental Capacity of School Children, Correlated with Social Status [Связь умственных способностей школьников с их социальным статусом] // Yale Psychological Studies.

New Series, vol. II, № 2 (Psychologica Review Publications, vol. XXIII, № 2 [100]: Psychological Monographs). Princeton [1905] — 272

- Индра** (Indra), в индуизме – бог неба и атмосферы; в Ведах это наиболее популярный бог, призываемый чаще других и в противоположность другим (несотворенным) богам имеющий отца (могучего бога) и мать (героиню-женщину) — 172, 194
- Иоанн Лейденский** (John of Leiden, настоящее имя — Ян Бокельсон; ок. 1509–1536), вожьд мюнстерских анабаптистов — 379
- Иоанн Солсберийский** (John of Salisbury; 1115/1120–1180), средневековый богослов, схоластик, писатель, епископ Шартра (1176–1180) — 195, 445
 – Policraticus [рус. перевод: Поликратик, или О забавах света и заветах философов // Библиотека в саду. Писатели античности, Средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М., 1985] — 195, 445
- Иордан** (Jordan) Лео, Леопольд Герман (1874–1940), немецкий писатель, медиевист, философ и языковед — 402
 – Sprache und Gesellschaft [Язык и общество] // Hauptprobleme der Soziologie. Erringerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I, S. 337–361 — 402
- Иозель** (Joël) Карл (1864–1934), немецкий философ, с 1897 г. – профессор в Базеле — 646, 647
 – Der seculare Rhythmus der Geschichte [Секулярный ритм истории] // Jahrbuch für Soziologie. 1925, Bd. I — 646, 647
- Ипувер** (Ipuwer), предполагаемый автор древнеегипетского трактата «Речения Ипувера», сохранившегося в копии времен Нового Царства (примерно XIV–XIII в. до н. э.); «папирус Ипувера» хранится в Лейденском музее в Голландии и повествует о социальных бедствиях, обрушившихся на Древний Египет в переходный период его истории — 379
- Ирвин** (Irwin) Уильям Генри, «Уилл» (1873–1948), американский писатель и журналист, один из «разгребателей грязи» (muckraker) — 622
 – The American Newspaper // Collier's. 1911, №№ XLVI–XLVII [Цикл из пятнадцати статей, в которых обсуждаются истоки, цели и принципы газетной журналистики; рассматриваются темы: власть прессы, четыре основных течения журналистской истории в США, распространение и упадок желтой журналистики, что является новостью, издатель/редактор газеты, новостной репортаж, этические проблемы в журналистике, реклама и ее влияние на журналистику, журналистика с точки зрения бизнеса, два тематических исследования газет и общая оценка газет США в 1911 г.; в 1969 г. весь цикл переиздан в одном томе] — 622
- Исав** (Esau) (*библ.*), сын Исаака и Ревекки, продавший своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку (Быт. 25, 30) — 559
- Исамбер** (Isambert) Гастон (1867–1941), французский юрист, историк права — 521
 – Les idées socialistes en France de 1815 à 1848 [Социалистические идеи во Франции в 1815–1848 гг.]. Paris, 1905 — 521
- Иссерлис** (Isserlis) Леон (1881–1966), английский статистик, выходец из России, в 1934–1935 и 1944–1945 гг. – секретарь Королевского статистического общества — 271, 272, 629
 – The Relation between Home Conditions and the Intelligence of School Children [Связь между домашними условиями и умственным развитием школьников]. London, 1923 — 272, 629
- Ист** (East) Эдвард Мюррей (1879–1938), американский генетик, ботаник, агроном и евгеник, сотрудник биологического института Гарвардского университета (института Бусси) — 286, 359, 365
 – In-breeding and Out-breeding [Инбридинг и аутбридинг]. Philadelphia and London, 1919 (в соавторстве с Д.Ф. Джонсом) — 286
 – Mankind at the Crossroads [Человечество на распутье]. New York – London, 1923 — 359, 365

Й

- Йейтс** (Yates) Дороти Мод Хазелтин (1888–?), сотрудница исследовательского отдела Стэнфордского университета по изучению одаренных детей — 272
 – A Study of some High School Seniors of Super Intelligence [Исследование некоторых старшеклассников с высокими умственными способностями] // Journal of Educational Research Monographs. 1922, № 2 — 272
- Йен** (Yeung) Квок Цюнь (Kwok Tsuen), американский психолог китайского происхождения — 280
 – The intelligence of Chinese children in San Francisco and vicinity [Интеллект китайских детей в Сан-Франциско и окрестностях] // Journal of applied psychology. 1922, vol. V — 280
- Йенс** (Jähns) Макс (1837–1900), немецкий военный писатель и педагог — 303
 – Ueber Krieg, Frieden und Kultur: eine Umschau [О войне, мире и культуре: обзор]. Berlin, 1893 — 303
- Йенш** (Jaensch) Эрих Рудольф Фердинанд (1883–1940), немецкий психолог и философ, профессор Марбургского университета, основатель учения об эйдетике, в своей биологически обоснованной психологии установил изначальные типы душевного склада людей; один из 900 ученых и преподавателей немецких университетов и вузов, подписавших 11 ноября 1933 г. «Заявление профессоров немецких университетов и вузов о поддержке Адольфа Гитлера и национал-социалистического государства» — 636
- Йеркс** (Yerkes) Роберт Мернс (1876–1956), американский психолог, этолог, евгеник и приматолог, больше известный за исследование умственных способностей в области сравнительной психологии — 270, 275, 276, 488
 – Eugenic Bearing of Measurement of Intelligence [Евгенический подход к измерению интеллекта] // The Eugenic Review. 1923, January — 270
 – Psychological Examination in the U. S. Army [Психологическая экспертиза в армии США] // Memoirs National Academy. Washington, 1921, vol. XV — 275
- Йима** (Yima), в иранской мифологии – первопредок человечества, культурный герой, создатель благ цивилизации — 328
- Йоргер** (Jörger) Иоганн Иозеф (1860–1933), швейцарский психиатр, директор лечебницы для умалишенных в Валдхаусе — 259
 – Die Familie Zero. Mit 2 Anhängen [Семейство Зеро. С двумя приложениями // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1905, July-August — 259

К

- Кайзерлинг** (Keyserling) Герман (1880–1946), немецкий философ и писатель — 581
 – Путевой дневник философа. СПб., 2010 (Das Reisetagebuch eines Philosophen. München und Leipzig, 1919, Bd. 1–2) — 581
- Калевала** (Kalevala), карело-финский эпос, состоящий из 50 рун (песен) — 175
- Кальвин** (Calvin) Жан (1509–1564), французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма — 379, 592, 599
- Камберленд**, Кумберленд (Cumberland) Ричард (1632–1718), английский философ, епископ, противник Гоббса в нравственной философии — 33
 – Disquisitio philosophica de legibus naturae [Философское исследование о законах природы]. London, 1672 — 33
- Кампанелла** (Campanella) Томмазо (1568–1639), итальянский философ и писатель — 195, 328, 585
- Кампфмейер** (Kampffmeyer) Пауль (1864–1945), немецкий публицист, историк социал-демократического движения в Германии — 469
 – Zur Kritik der philosophischen Grundlagen des Marxismus [К критике философских оснований марксизма] // Sozialistische Monatshefte. 1905, Bd. IX, Heft 3 — 469

- Каннингем** (Cunningham) Уильям (1849–1919), английский историк, родоначальник экономической истории в качестве самостоятельной дисциплины, один из основателей и первых членов Британской академии — 414
– The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times [Рост английской промышленности и торговли в Новое время]. Cambridge, 1907 — 414
- Кант** (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 175, 196, 224, 409, 445, 451, 487, 520, 553
– Критика чистого разума (1781) — 409
- Канторович** (Kantorowicz) Герман (1877–1940), немецкий правовед, в 1933 г. эмигрировал в США, потом в Англию — 618
– Der Aufbau der Soziologie, IV: Rechtssoziologie [Построение социологии, IV: социология права] // Erinnerungsgabe für M. Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I — 618
- Карп** (Kapp) Эрнст (1808–1896), немецкий философ и географ, основоположник философии техники — 473
– Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten [Основные черты философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения]. Braunschweig, 1877 — 473
- Каракалла** (Caracalla; 186–217), прозвище римского императора (с 211 г.) Марка Аврелия Севера Антонина, полученное им от галльской одежды; «солдатский император», убитый заговорщиками — 380
- Карвер** (Carver) Томас Никсон (1865–1961), американский экономист, профессор Гарвардского университета — 37, 42, 45, 303, 311
– Sociology and Social Progress. A Handbook for Students of Sociology [Социология и социальный прогресс. Пособие для студентов-социологов]. Boston, 1905 — 311
– Essays in Social Justice [Очерки социальной справедливости]. Cambridge, 1915 — 303
– The Economy of Human Energy [Экономия человеческой энергии]. New York, 1924 — 45
- Кареев** (Kareeff) Николай Иванович (1850–1931), русский историк и социолог — 202, 210, 469, 635
– Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. СПб., 1896 — 469
– Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905 — 635
– Введение в изучение социологии. СПб., 1907 — 202
- Карл Великий** (Charlemagne; 742–814), король франков, покровитель католической церкви — 224
- Карлейль** (Carlyle) Томас (1795–1881), английский писатель, публицист, историк и философ — 581
- Карли** (Carli) Филиппо (1876–1938), итальянский экономист и социолог — 37, 60, 66, 348–350, 352–358, 367, 374–377, 381, 385, 386, 488, 491
– L'equilibrio delle nazioni secondo la demografia applicate [Баланс наций согласно данным демографии]. Bologna, 1919 — 66, 349, 350, 352, 354, 356–358, 374, 376, 385, 491
– Paretos soziologisches System und der Behaviorismus [Социологическая система Парето и бихевиоризм] // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. IV. Jahrgang, 3 und 4 Heft — 60
- Карнеги** (Carnegie) Эндью (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов — 296

- Каролинги** (Carolingi), королевская и императорская династия во Французском государстве, получившая название по имени Карла Великого; в 751 г. сменила Меровингов, прекратила существование в X в. — 96
- Карре** (Carret) Жюль (1844–1912) французский врач и политический деятель, автор «Очерка о савоярах» (*Étude sur les Savoyards*. Chambéry, 1882) — 259
- Карр-Саундерс** (Carr-Saunders) Александр Моррис (1866–1960), английский демограф, член Лондонского королевского общества (1946) — 327, 328, 348, 350, 358, 359, 362, 365, 368, 374, 387, 509, 543
 – *The Population Problem* [Проблема населения]. Oxford, 1922 — 327, 328, 348, 350, 358, 359, 365, 368, 509, 543
- Касл** (Castle) Кора Олив Саттон (1880–1966), американский педагог и социолог, автор книги «Статистическое исследование выдающихся женщин» (*A Statistical Study of Eminent Women*. New York, 1913) — 190
- Каспер** (Casper) Иоганн Людвиг (1796–1864), немецкий врач, основатель медицинской статистики — 144
 – *Der Einfluss der Witterung auf Gesundheit und Leben des Menschen* [Влияние погодных условий на здоровье и жизнь человека] // *Denkwürdigkeiten zur medizinische Statistik*. Berlin, 1846 — 144
- Кассполь** (Kasspohl) Ганс, немецкий социолог, переводчик на немецкий язык «Социологии революции» П.А. Сорокина — 20
- Катон** (Cato), Марк Порций Катон Старший (234–149 до н. э.), древнеримский политик и писатель, известный как новатор римской литературы и консервативный борец против пороков и роскоши — 462
 – *De Agriculture*. New York, 1913 [рус. перевод: Земледелие. М.-Л., 1950] — 462
- Катрфаж** (Quatrefages, Quatrefages de Bréau) Жан-Луи-Арман де (1810–1892), французский зоолог и антрополог, член Академии наук (1864) — 287
 – *Darwin et ses précurseurs français: étude sur le transformisme* [Дарвин и его французские предшественники: исследование трансформизма]. Paris: Alcan, 1892 — 287
- Каттанео** (Cattaneo) Карло (1801–1869), итальянский философ, писатель и общественный деятель, родоначальник итальянского позитивизма — 395
- Каунтс** (Counts) Джордж Сильвестер (1889–1974), американский педагог, социолог и публицист, в 1939–1942 гг. – президент Американской федерации учителей — 271, 272, 629
 – *The Selective Character of American Secondary Education* [Избирательный характер американского среднего образования]. Chicago, 1922 (*Supplementary Educational Monographs*, № 19) — 272, 629
- Каутский** (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий экономист, историк, теоретик марксизма — 469, 478, 483, 501, 502, 517, 521
 – *Ethik und materialistische Geschichtsauffassung*. Stuttgart, 1910 [рус. перевод: Этика и материалистическое понимание истории. СПб., 1906] — 469
 – *Das Erfurter Programm*. In seinem grundsätzlichen Theil. Stuttgart, 1906 [рус. перевод: Эрфуртская программа. (Комментарий к принципиальной части). М., 1922] — 469
 – *Foundations of Christianity. A Study in Christian Origins*. New York, 1925 [рус. перевод: Происхождение христианства. М., 1990] — 501, 521
- Кауфман** (Kaufmann) Александр Аркадьевич (1864–1919), русский экономист и статистик — 359
 – К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907 — 359
- Кауфманн** (Kaufmann) Эрих (1880–1972), немецкий юрист еврейского происхождения, в 1908 г. – приват-доцент Кильского университета, а в 1913 г. – профессор Кенигсбергского университета — 196
 – *Über den Begriff des Organismus in der Staatslehre des 19 Jahrhunderts* [О понятии организма в государствоведении XIX в.]. Heidelberg, 1908 — 196

- Качоровский** (или Кочаровский) Карл Романович (у Сорокина ошибочно: R. Kotcharovsky) (1870 — после 1937), русский экономист-аграрник, статистик, после 1917 г. эмигрировал, жил в Праге, Берлине, Италии — 359
- Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1900 — 359
- Кашерининова** (Kasherininova) Надежда Александровна (1870–1920), выпускница Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1896), врач Обуховской больницы, сотрудница И.П. Павлова, написавшая под его руководством диссертацию «Материалы к изучению условных слонных рефлексов на механическое раздражение кожи у собаки» (1909) — 547
- Кеймс**, лорд Кеймс (Kames, у Сорокина ошибочно: Kame) Генри Хоум (1696–1782), шотландский адвокат, судья, философ и писатель, основатель философского общества Эдинбурга, покровитель некоторых видных мыслителей шотландского Просвещения (философа Д. Юма, экономиста А. Смита, писателя Дж. Босуэлла и др.) — 36, 111, 112
- Sketches of the history of man [Очерки истории человека]. Edinburgh, 1788, vol. I–IV — 36, 111
- Кейнс** (Keynes) Джон Мейнард (1883–1946), английский экономист, основатель направления в экономике, названного по его имени «кейнсианством» — 349
- The Economic Consequences of the Peace [Экономические последствия мира]. London, 1919 [рус. перевод: Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922] — 349
- Кейс** (Case) Кларенс Марш (1874–1946), американский социолог, квакер, сторонник и пропагандист прагматических ненасильственных акций — 312
- Outlines of Introductory Sociology: A Textbook of Readings in Social Science [Очерки вводной социологии: книга для чтения по обществознанию]. New York, 1924 — 312
- Келлер** (Keller) Альберт Гэллоуэй (1874–1956), американский социолог, ученик У. Самнера, с 1907 г. – профессор Йельского университета — 296–298, 312, 315, 349, 353, 373, 411, 568, 575, 577, 591, 592, 615, 616
- Societal Evolution [Социетальная эволюция]. New York, 1915 — 373, 615, 616
 - Through War to Peace [Через войну к миру]. New York, 1918 — 312
 - The Science of Society [Наука об обществе]. New Haven and London, Vol. I, 1927 (в соавторстве с У.Г. Самнером) — 297, 315, 349, 411, 568, 575, 592
- Келлер** (Keller) Рут (1891–1987), американский психолог, сотрудница Колумбийского университета — 275
- Intelligence Testing of Foreign Children [Тестирование интеллекта иностранных детей] // Journal of Educational Psychology. 1922, vol. XIII (в соавторстве с Р. Пинтнером) — 275
- Келлес-Крауз** (Kelles-Krauz) Казимеж (1872–1905), польский философ и социолог, член Польской социалистической партии, один из самых значительных марксистских мыслителей конца XIX в., сформулировавший «закон ретроспективной революции», согласно которому идеалы, которыми каждое реформаторское движение пытается заменить существующие социальные нормы, всегда сходны с нормами более или менее отдаленного прошлого — 501, 502
- Influences du facteur économique sur la musique [Влияние экономического фактора на музыку] // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1903 — 501
- Келли** (Kelly) Агнес Мэри, английский антрополог и евгеник — 629
- A comparative inquiry on the heredity and social conditions among certain insane, mentally defective, and normal persons [Сравнительное исследование наследственности и социальных условий у некоторых душевнобольных, умственно неполноценных и нормальных людей] // Eugenic Review. 1921, vol. XIII (в соавторстве с Э. Дж. Лидбеттером) — 629

- Келли** (Kelly) Говард Этвуд (1858–1943), американский врач-гинеколог, профессор акушерства и гинекологии в Университете Джона Хопкинса — 171
 – *Medical Gynecology* [Медицинская гинекология]. London, 1912 — 171
- Келлогг** (Kellogg) Вернон Лайман (1867–1937), американский энтомолог и биолог, в 1894–1920 гг. – профессор Стэнфордского университета; в годы Первой мировой войны находился в Брюсселе в качестве директора американской гуманитарной комиссии Гувера по оказанию помощи населению Бельгии, где познакомился с социал-дарвинистской мотивацией немецкой военной машины и стал ее принципиальным и непримиримым противником — 303, 304, 306, 309
 – *Military Selection and Race Deterioration* [Военный отбор и ухудшение расы]. Oxford, 1916 [на самом деле это конволют, который Сорокин цитирует как две отдельные книги: *Bodart G. Losses of life in modern wars: Austria–Hungary, France*, p. 3–156; *Kellogg V.L. Military selection and race deterioration*, p. 157–202. Oxford: Clarendon Press, 1916 (Carnegie Endowment for International Peace Publications)] — 305, 306, 309
 – *Eugenics and Militarism* [Евгеника и милитаризм] // *Problems in Eugenics. Papers Communicated to the First International Eugenics Congress*. London, 1912, p. 220–231 — 305
- Келси** (Kelsey) Карл (1870–1953), американский социолог, профессор университета Пенсильвании — 190
 – *The Physical Basis of Society* [Физическая основа общества]. New York – London, 1916 — 190
- Кельзен** (Kelsen) Ганс (1881–1973), австрийский и американский юрист и философ, теоретик права — 469
 – *Sozialismus und Staat: eine Untersuchung zur politischen Theorie des Marxismus* [Социализм и государство: исследование политической теории марксизма]. Leipzig, 1920 — 469
- Кенэ** (Quesnay) Франсуа (1694–1774), французский экономист, основоположник школы физиократов — 328
- Кенэги** (Kenagy) Генри, заместитель директора Бюро кадровых исследований Технологического института Карнеги — 259, 549
 – *The Theory of the Social Forces* [Теория социальных сил] // *The Psychological Review*. 1917, vol. XXIV — 549
- Кеплер** (Kepler) Иоганн (1571–1630), немецкий математик, астроном и механик, первооткрыватель законов движения планет Солнечной системы — 30, 52, 335
- Кетле** (Quetelet) Адольф (1796–1874), бельгийский социолог, математик и астроном, один из создателей научной статистики — 36, 166, 240, 499, 643, 644
 – *Sur l’homme et le développement de ses facultés, ou, Essai de physique sociale* [О человеке и развитии его способностей, или Очерк социальной физики]. Paris, 1835, vol. 1–2 — 240
 – *Physique social, ou, Essai sur le développement des facultés de l’homme*. Bruxelles-Paris, 1869, vol. I [рус. перевод: Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911] — 643
 – *Anthropométrie, ou, Mesure des différentes facultés de l’homme* [Антропометрия, или Измерение различных способностей человека]. Bruxelles, 1870 — 240
- Кеттелл** (Cattell) Джеймс Маккин (1860–1944), американский психолог, один из первых специалистов по экспериментальной психологии в США, родоначальник методов тестирования — 190, 250, 267, 370–372, 629
 – *American men of science. A biographical directory* [Американские ученые мужи. Биографический справочник]. New York, 1921 — 267, 371, 629

- Кёлер** (Köhler) Вольфганг (1887–1967), немецкий и американский психолог, один из основателей гештальт-психологии — 550, 552, 554
 – Intelligence of Apes [Интеллект обезьян] // Psychologies of 1925. Worcester, Mass., 1927, p. 145–162 — 552
- Кёрёши** (Körösi) Шандор Чома (1784–1842), венгерский антрополог — 250, 489
- Кидд** (Kidd) Бенджамин (1858–1916), английский социолог, социал-дарвинист — 302, 303, 424, 585, 588, 592, 594, 610–612
 – Social Evolution. New York, 1894 [рус. перевод: Социальная эволюция. СПб., 1897] — 588, 594
 – The Science of Power [Наука власти]. New York, 1918 — 302
- Кимбалл** (Kimball) Йонг (1893–1972), американский психолог и социолог, в 1927 г. ввел термин «амбиверт», чтобы описать человека, проявляющего черты как экстраверта, так и интроверта, профессор университета штата Орегон, в 1945 г. – президент Американской социологической ассоциации — 280, 281
 – Mental differences in certain immigrant groups [Ментальные различия в определенных группах иммигрантов]. Published by the University Press. Eugene, 1922 — 280
 – Intelligence Tests of Certain Immigrant Groups [Тесты на интеллект среди некоторых групп иммигрантов] // Scientific Monthly. 1922, vol. XV — 281
- Кимура** (Kimura) Хисаси (1870–1943), японский астроном, с 1925 г. – член Императорской академии (ныне – Японская академия наук) — 133
- Кинг** (King) Ирвин, американский психолог, сотрудник института Пратта — 662
 – The Influence of the Form of Social Change upon the Emotional Life of a People [Влияние способа социальных изменений на эмоциональную жизнь народа] // American Journal of Sociology. 1903, vol. IX — 662
- Кинг** (King) Уилфорд Исбелл (1880–1962), американский статистик, экономист, председатель Комитета по конституционному правлению, автор статьи «Экономические потери, вызванные деловыми циклами», написанной в соавторстве с У. Митчеллом (The economic losses caused by business cycles // Business Cycles and Unemployment. New York, 1923) — 498
- Киндерман** (Kinderman) Карл (1860–1938), немецкий экономист, профессор национальной экономики университета Гогенгейма — 501
 – Volkswirtschaft und Staat (у Сорокина ошибочно: Volkswirtschaft und Kunst) [Народное хозяйство и государство]. Leipzig, 1908 — 501
- Киркпатрик** (Kirkpatrick) Эдвин Эсбери (1862–1937), американский психолог и педагог, специалист по детской психологии, преподаватель ряда университетов США — 406
- Кирхгоф** (Kirchhoff) Иоганн Вильгельм Адольф (1826–1908), немецкий филолог, профессор Берлинского университета — 112
- Кистяковский** (Kistiakowski) Богдан (Theodor) Александрович (1868–1920), русский правовед, философ и социолог неокантианской ориентации — 202, 441, 444
 – Gesellschaft und Einzelwesen. Eine metodologische Untersuchung. Berlin, 1899 [рус. перевод: Общество и индивид. Методологическое исследование. М., 2002] — 202, 441
 – Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 — 444
- Кит** (Keith) Артур (1866–1955), английский анатом и антрополог, сторонник научного расизма, президент Королевского антропологического института — 137, 139, 140, 251
 – The Antiquity of Man (у Сорокина: Man. New York, 1913) [Древность человека]. London, 1915 — 251
 – On Certain Factors Concerned in the Evolution of Human Races [О некоторых факторах, связанных с эволюцией человеческих рас] // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1916, vol. XLVI — 137

- La différenciation de l’humanité en types raciaux [Дифференциация человечества на расовые типы] // *Revue générale des Sciences pure et appliquées*. 1919, t. 30, № 21, 15 Novembre, p. 610–616 — 137
- Китчин** (Kitchin) Джозеф (1861–1932), английский статистик — 644
- *Cycles and Trends in Economic Factors* [Циклы и тенденции изменения экономических факторов] // *Review of Economics and Statistics*. 1923, vol. V, January — 644
- Клаассен** (Claassen) Вальтер (1872–?), немецкий врач и статистик — 146, 250, 308
- *Die abnehmende Kriegstüchtigkeit im Deutschen Reiche in Stadt und Land von 1902 bis 1907* [Снижение военной выучки в городах и землях Германской империи в период с 1902 по 1907 г.]. *Archiv für Rassen- und Gesellschaft-Biologie*. 1909, Bd. VI; 1911, Bd. VIII; 1913, Bd. X — 308
- *Die Einfluss von Fruchtbarkeit, Sterblichkeit und Konstitutionskraft auf den Heeresersatz nach Wohndichtigkeit, sozialer Stellung und Beruf* [Влияние рождаемости, смертности и телосложения на состав армии в соответствии с плотностью населения, социальным положением и профессией] // *Archiv für Rassen- und Gesellschaft-Biologie*. 1909, Bd. IV — 146
- Клагес** (Klages) Людвиг (1872–1956), немецкий психолог и философ, сторонник идей Шопенгауэра и Ницше, один из пионеров характерологии и графологии — 636
- *Prinzipien der Charakterologie* [Принципы характерологии]. Leipzig, 1920 — 636
- Клапрот** (Klaproth) Юлиус Генрих (1783–1835), немецкий востоковед, путешественник и полиглот, специалист по восточным языкам (главным образом — китайскому) — 215
- Кларк** (Clark) Висслер (1870–1947), американский антрополог и культуролог — 250, 653
- *Aboriginal Maize Culture as a Typical Culture Complex* [Аборигенная культура кукурузы как типичный культурный комплекс] // *American Journal of Sociology*. 1916, March — 653
- Кларк** (Clark) Джон Бейтс (1847–1938), американский экономист, автор теории предельной производительности, в 1894–1895 гг. – президент Американской экономической ассоциации, автор «Основ экономической теории» (*Essentials of economic theory*. New York, 1907) — 467
- Кларк** (Clark) Джон Морис (1884–1963), американский экономист, профессор Колумбийского университета — 472
- *Economics and Modern Psychology* [Экономика и современная психология] // *Journal of Political Economy*. 1918, vol. XXVI — 472
- Кларк** (Clarke) Эдвин Левитт (1888–1948), американский социолог и экономист — 250, 268, 629
- *American Men of Letters. Their Nature and Nurture* [Американские литераторы. Их характер и воспитание]. New York, 1916 (*Studies in History, Economics and Public Law* edited by the Faculty of Political Science of Columbia University, vol. LXXII, № 1) — 268, 629
- Клейтон** (Clayton) Генри Хелм (1861–1946), американский астроном и метеоролог, сотрудник астрономической обсерватории Гарвардского университета и Гарвардской метеорологической обсерватории, изучал влияние солнечной активности на мировые погодные условия — 129
- *The Influence of Rainfall on Commerce and Politics* [Влияние осадков на торговлю и политику] // *Popular Science Monthly*. 1901, December — 129
- Клепиков** (Клериков) Сократ Александрович (1895–1978), советский книговед, библиограф и экономист — 123
- *Питание русского крестьянства*. М., 1920 — 123
- Клёден** (Klöden) Карл Фридрих фон (1786–1856), немецкий ученый, педагог, историк и географ — 465

- Клоссон** (Closson) Карлос К. Младший (1869–?), американский социолог, антрополог, сторонник социал-дарвинизма — 239
- La hiérarchie des races européennes [Иерархия европейских рас] // *Revue internationale de sociologie*, 1898 (оригинальное издание: *The Hierarchy of European Races* // *The American Journal of Sociology*. 1897, vol. 3) — 239
- Клювер** (Klüver) Генрих (1897–1979), немецкий и американский психолог — 582, 634–636
- An Analysis of Recent Works on the Problem of Psychological Types [Анализ последних работ по проблеме психологических типов] // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 1925, vol. LXII — 636
 - Problem of Type in «Cultural Science Psychology» [Проблема типа в «культурологической психологии»] // *Journal of Philosophy*. 1925, vol. XXII — 635
 - Weber's «Ideal Type» in Psychology [Веберовский «идеальный тип» в психологии] // *Journal of Philosophy*. 1926, vol. XXII, № 2 — 582, 634
- Книббс** (Knibbs) Джордж Хэндли (1858–1929), австралийский ученый, первый статистик Содружества и первый директор Института науки и промышленности Содружества — 342, 344, 346, 349, 359, 364, 365
- The Laws of Growth of a Population [Законы роста населения] // *Journal of American Statistical Association*. 1926, vol. XXI, XXII — 342, 344
 - The Problems of Population: Food Supply, and Migration [Проблемы народонаселения: продовольственное обеспечение и миграция] // *Scientia*. 1919, vol. I, № XII — 359
 - A Mathematical Theory of Population, of Its Character and Fluctuations, and of the Factors Which Influence Them [Математическая теория населения, его характера и флуктуаций, а также факторов, влияющих на них] // *Census of the Commonwealth of Australia for 1911*. 1917, vol. 1, appendix A — 365
- Книс** (Knies; у Сорокина ошибочно: Kries) Карл (1821–1899), немецкий экономист, представитель исторической школы в политэкономии — 512
- Die Eisenbahnen und ihre Wirkungen [Железные дороги и их последствия]. Braunschweig, 1853 — 512
- Ковалевский** (Kovalevsky) Максим Максимович (1851–1916), русский историк, правовед, этнограф и социолог, государственный и общественный деятель — 24, 175, 180, 225, 255, 296, 329, 354, 355, 357, 359–361, 363, 367, 369, 373, 415, 428–430, 433–435, 461, 463, 470, 481, 486, 502, 503, 525, 563, 578, 594, 615, 616, 640, 649
- Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт. Лондон, 1876 — 354
 - Общинное землевладение. М., 1879 — 354, 359
 - Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886 (издание на франц. языке: *Coutume contemporaine et loi ancienne*. Paris, 1893) — 373, 615
 - [Hommages à la mémoire de G. Tarde (Дань памяти Г. Тарда)] // *Revue Internationale de Sociologie*. 1904, vol. XII — 563
 - Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898, т. 1–3 [расширенное немецкое издание: *Die Ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform*. Berlin, 1901–1914, Bd. 1–7 (не 11, как указывает П.А. Сорокин)] — 354, 363
 - Современные социологи. СПб., 1905 — 175, 180, 225, 255, 296, 355, 357, 361, 415, 430, 428, 433, 435, 461, 463, 481, 502, 503, 525, 563, 578, 594, 640
 - Социология. Т. 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб., 1910 — 435

- Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. № 4: Генетическая социология. I. СПб., 1914 (на франц. языке: *Revue internationale de sociologie*. 1891–1892) — 615
- *Évolution du régime economic* [Эволюция экономического режима] // *Le devenir social*. 1896, June — 354
- Коган** (Kogan) Борис Александрович (1882–1960), врач-терапевт и физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Об иррадиации и концентрации угасательного торможения» (СПб., 1914), профессор Ростовского медицинского института — 547
- Кодерлье** (Cauderlier) Эмиль (1847–1889), бельгийский экономист, автор исследования «Законы народонаселения во Франции» (*Les lois de la population en France*. Paris, 1902) — 311
- Кодрингтон** (Codrington) Роберт Генри (1830–1932), английский этнограф, англиканский священник и миссионер, первый исследователь меланезийского общества и культуры; его творчество до сих пор считается классикой этнографии — 591
- *The Melanesians. Studies in their anthropology and folk-lore* [Меланезийцы. Исследования их антропологии и фольклора]. Oxford, 1891 — 591
- Кокер** (Coker) Фрэнсис Уильям (1878–1963), американский ученый политических наук, руководитель департамента управления Йельского университета (1937–1945) — 196, 202
- *Organismic Theories of the State: Nineteenth Century Interpretations of the State as Organism or as Person* [Организмальные теории государства: Интерпретации в XIX в. государства как организма или как личности]. New York, 1910 — 196
- Кокс** (Cox) Гарольд (1859–1936), английский математик, экономист и политический деятель — 349, 361
- *The Problem of Population* [Проблема народонаселения]. London, 1922 — 349, 361
- Колабинская** (Kolabinska) Мария, швейцарский социолог, ученица В. Парето — 78, 657
- *La circulation des élites en France. Étude historique depuis la fin du XIe siècle jusqu'à la grande révolution* [Циркуляция элит во Франции. Исторический очерк периода с конца XI века до великой революции]. Lausanne, 1912 — 78
- Коляяни** (Colajanni) Наполеоне (1847–1921), итальянский социолог и политический деятель, представитель «левого крыла» социологической школы уголовного права, близкого к марксизму — 168
- *La sociologia criminale* [Криминальная социология]. Catania, 1889 — 168
- Колдуэлл** (Caldwell) Отис Уильям (1869–1947), американский ботаник и тренер по американскому футболу, профессор ботаники в Восточной средней школе штата Иллинойс и Чикагском университете — 414
- *Science Remaking the World* [Наука переделывает мир]. New York, 1924 (в соавторстве с Э.Э. Слоссоном) — 414
- Колетти** (Coletti) Франческо (1866–1940), итальянский экономист и статистик — 500
- *Dell'emigrazione italiana* [Итальянская эмиграция]. Milano, 1912 — 500
- Колкорд** (Colcord) Джоанна Карвер (1882–1960), американская писательница, социальный работник, по образованию химик — 630
- *Broken Homes. A study of family desertion and its social treatment* [Распавшиеся семьи. Исследование феномена ухода из семьи и его социальное преодоление]. New York, 1919 — 630
- Коллер** (Koller) Армин Хайман (1878–1942), американский лингвист и культуролог, по происхождению венгерский еврей, профессор университета Иллинойса — 112
- *The theory of environment. An outline of the history of the idea of Milieu, and its present status* [Теория окружающей среды. Очерк истории идеи среды и ее современного состояния]. Wisconsin, 1918 — 112

- Коллинз** (Collins) Адриан, магистр гуманитарных наук (Magister of Arts), переводчик на английский язык произведений Ф. Ницше и А. Гобино — 216
 – The Inequality of Human Races [Неравенство человеческих рас]. New York, 1914 (перевод первого тома А. Гобино) — 216
- Коллинз** (Collins) Селвин Де Витт (1891–1959), американский экономист и статистик, член различных ассоциаций и комитетов по здравоохранению — 495
 – Economic status and health. A review and study of the relevant morbidity and mortality data [Экономическое положение и здоровье. Обзор и изучение соответствующих данных о заболеваемости и смертности]. Washington, 1927 — 495
- Коллиньон** (Colignon) Рене (1856–1932), французский антрополог — 250, 308
 – Anthropologie de la France. Dordogne [Антропология Франции. Дордонь] // Memoirs de Societe de Anthropologie de Paris, 1894, serie III, t. I — 308
- Колумб** (Colombus) Христофор (1451–1506), испанский мореплаватель итальянского происхождения, в 1492 г. открывший для европейцев Америку — 24, 335
- Колумелла** (Columella) Луций Юний Модерат (I в. н. э.), римский писатель по сельскому хозяйству, автор сочинения «De re rustica» (написанного около 42 г.) в 12 томах с особым приложением «De arboribus», в котором рассматриваются земледельческие работы, воспитание домашних животных, разведение пчел и дрeвоводство — 462
- Коль** (Kohl) Иоганн Георг (1808–1878), немецкий географ и путешественник, автор работы «Транспортировка и поселение людей в зависимости от рельефа местности» (1841) — 112
- Кольбер** (Colbert) Жан-Батист (1619–1683), французский государственный деятель, фактический глава правительства Людовика XIV после 1665 г. — 328
- Кольбрюгге** (Kohlbrügge) Якоб Герман Фридрих (1865–1941), нидерландский врач и анатом, член Королевской академии искусств и наук — 634
 – Stadt und Land als biologische Umwelt [Город и деревня как биологическая среда] // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1909 — 634
- Комбарье** (Combarieu) Жюль (1859–1915), французский историк музыки — 625
 – La musique et le magic [Музыка и магия]. Paris, 1908 — 625
- Коменский** (Comenius) Ян Амос (1592–1670), чешский педагог-гуманист, писатель, общественный деятель, основоположник научной педагогики — 31, 418
- Коммонс** (Commons) Джон Роджерс (1862–1945), американский экономист, сторонник институциональной теории — 469, 480, 618, 620
 – Legal Foundations of Capitalism. New York, 1924 [рус. перевод: Правовые основания капитализма. М., 2011] — 480, 618, 620
 – K. Marx [К. Маркс] // Atlantic Monthly. 1926 — 469
- Конвей** (Conway) Уильям Мартин (1856–1937), английский искусствовед, политик, картограф и альпинист, в 1901–1904 гг. – профессор изящных искусств в Кембриджском университете — 324
 – The Crowd in Peace and War [Толпа в мирное время и во время войны]. London, 1916 — 324
- Кондильяк** (Condillac) Этьен Бонно де (1715–1780), французский философ-просветитель, сотрудник «Энциклопедии» — 535
- Кондратьев** (Kondratieff) Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, основоположник теории экономических циклов, известных как «циклы Кондратьева»; дважды реабилитирован (в 1963 и 1987 гг.), ближайший друг П.А. Сорокина — 514, 520, 646
 – Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925, т. 1, вып. 1 — 514, 520, 646
- Константэн** (Constantin) Андре Николя (1868–1934), французский философ, антрополог, военный психолог и этнограф, кавалерийский полковник (с 1934 г.), член многих научных обществ — 250, 259, 303, 488

- Le rôle sociologique de la guerre et le sentiment national [Социологическая роль войны и национальное чувство]. Paris, 1907 — 259, 303
- Конт** (Comte) Огюст (1798–1857), французский философ, родоначальник позитивизма, основоположник социологии как самостоятельной науки — 106, 216, 331, 338, 390, 394, 395, 397, 398, 405, 418, 424, 451, 585, 641, 642
- The Positive Philosophy of Auguste Comte. Freely Translated and Condensed by Harriet Martineau [Позитивная философия Огюста Конта. Свободно переведенная и сокращенная Гарриетом Мартино]. New York, 1853, vol. I–II — 390
- Конт** (Comte) Шарль (1782–1837), французский правовед и государственный деятель, академик (профессор естественного права), член парламента, один из руководителей либерального движения во Франции — 112
- Конфуций** (Confucius; ок. 551–479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства — 104, 105, 111, 328, 412, 445, 459, 478, 579, 612, 628
- Коперник** (Copernicus) Николай (1473–1543), польский астроном, математик, механик и экономист — 30, 52, 175, 335
- Корн** (Corne) Анатолий Эмиль (1832–1872), французский криминолог — 314
- Essai sur la criminalité, sur ses causes, sur les moyens d’y remédier [Очерк о преступности, ее причинах и способах устранения] // Journal des économistes. 1868, January — 314
- Корнхаузер** (Kornhauser) Артур Вильям (1896–1990), американский индустриальный психолог — 271, 272
- The Economic Standing of Parents and the Intelligence of their Children [Экономическое положение родителей и интеллект их детей] // Journal of Educational Psychology. 1918, vol. IX — 272
- Король** Артур — см. Артур
- Корш** (Korsch) Карл (1886–1961), немецкий философ-марксист и политический деятель, один из теоретиков неомарксизма, идеи которого оказали сильное влияние на еврокоммунистическое движение 1960–1970-х гг. — 469
- Marxismus und Philosophie. 1923 [рус. перевод: Марксизм и философия. М., 1924] — 469
- Коссина** (Kossina) Густав (1858–1931), немецкий археолог, филолог, историк — 251
- Die Indogermanen [Индогерманцы]. Würzburg, 1921 — 251
- Кост** (Coste) Адольф (1842–1901), французский социолог, основатель демографической школы — 329–331, 333–338, 353, 355, 367, 369, 370, 412, 417, 549
- Les principes d’une sociologie objective [Принципы объективной социологии]. Paris, 1899 — 331, 333, 334, 417
- L’expérience des peuples et les prévisions qu’elle autorise [Опыт народов и предсказания, которые он допускает]. Paris, 1900 — 329
- Коттен** (Cottin) Поль (1836–1932), французский писатель и историк, научный редактор исторических и литературных документов — 206, 210
- Positivism et anarchie. Auguste Comte – Littré – Taine [Позитивизм и анархия. Огюст Конт – Литтре – Тэн]. Paris, 1908 — 206
- Кюффа** (Koffka) Курт (1886–1941), немецко-американский психолог, один из основателей гештальт-психологии — 536, 550, 552
- The Growth of the Mind. An introduction to child-psychology [Рост ума. Введение в детскую психологию]. New York, 1924 — 536, 552
- Кохановский**, Кохановский-Корви (Kochanowsky) Ян Кароль (1869–1949), польский историк и социолог, профессор и ректор Варшавского университета, автор исследования «Прогресс человечества как выражение психических законов развития» (Postęp ludzkości jako wyraz praw psychicznych rozwoju. 1917) — 430, 431, 432
- Ludwig Gumplowicz [Людвиг Гумплович] // American Journal Sociology. 1910, vol. XV — 430

- Кох-Штернфельд** (Koch-Sternfeld) Йозеф Эрнст Риттер фон (1778–1866), немецкий географ, историк и писатель, автор многочисленных исторических и историко-статистических трудов — 465
- Крайл** (Crile) Джордж Вашингтон (у Сорокина ошибочно: G.M.) (1864–1943), американский хирург, во время Первой мировой войны служил в военно-полевых госпиталях во Франции — 324
 – A Mechanistic View of Peace and War [Механистический взгляд на мир и войну]. New York, 1916 — 324
- Кракауэр** (Krausauer) Зигфрид (1889–1966), немецкий социолог, кинокритик, писатель и публицист, один из самых влиятельных теоретиков кинематографа; в 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. — в США — 439
 – Georg Simmel [Георг Зиммель] // Logos. 1920, Bd. IX — 439
- Краскович** (Kraškovič) Людвиг, хорватский психолог и правовед, член Юридического общества в Загребе — 579
 – Die Psychologie der Kollektivitäten [Психология коллективизма]. Vukovar, 1915 — 579
- Красногорский** (Krasnogorsky) Николай Иванович (1882–1961), русский врач-педиатр, ученик И.П. Павлова, написавший под его руководством диссертацию «О процессе задерживания и о локализации кожного и двигательного анализатора в коре больших полушарий у собаки» (1911), академик Академии медицинских наук СССР — 547
- Краузе** (Krause) Карл Христиан Фридрих (1781–1832), немецкий философ — 196
- Крепелин** (Kraepelin) Эмиль (1856–1926), немецкий психиатр, создатель учения о «dementia graecosa», профессор Гейдельбергского и Мюнхенского университетов — 162
 – Zur Hygiene der Arbeit [О гигиене труда] // Neue Heidelberger Jahrbücher. 1896, Jg. 6 — 162
- Кресси** (Cressy) Эдуард, американский историк — 414
 – Discoveries and Inventions of the Twentieth Century [Открытия и изобретения двадцатого века]. New York, 1915 — 414
- Крестовников** (Krestnikoff) Алексей Николаевич (1885–1955), русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР (1953) — 547
- Кречмер** (Kretschmer) Эрнст (1888–1964), немецкий психиатр и психолог, создатель типологии темпераментов на основе особенностей телосложения — 636
 – Körperbau und Character. Untersuchungen zum Konstitutionsproblem und zur Lehre von den Temperamenten. Berlin, 1922 [рус. перевод: Строение тела и характер. Исследования по проблеме конституции и теории темпераментов. М., 2001] — 636
- Крёбер** (Kroeber) Алфред Луис (1876–1960), американский антрополог — 591, 657
- Кригер** (Krieger) Эдуард (1816–1870), немецкий врач — 171
 – Die menstruation: eine gynäkologische studie [Менструация: гинекологическое исследование]. Berlin, 1869 — 171
- Крикен** (Krieken) Альберт Т. ван, немецкий юрист и философ — 195
 – Ueber die sogenannte organische Staatstheorie. Ein Beitrag zur Geschichte des Staatsbegriffs [О так называемой органической теории государства. Об истории понятия государства]. Leipzig, 1873 — 195
- Кристофер** (Christopher) У.С., американский педагог и психолог, в 1896–1901 гг. — член Общества штата Иллинойс по изучению детей и Чикагского совета по образованию — 162
 – Report on Child Study Investigations [Отчет об исследованиях в области изучения детей]. Chicago, 1898–1899 — 162
- Крозе** (Krose) Герман Антон (1867–1949), немецкий католический теолог и статистик — 162, 163, 644
 – Die Ursachen der Selbstmordhäufigkeit [Причины самоубийства]. Freiburg, 1906 — 162
- Кромвель** (Cromwell) Оливер (1599–1658), английский государственный деятель и полководец, вожь индипендентов, руководитель Английской революции — 645

- Кронфельд** (Kronfeld) Артур (1886–1941), немецкий и советский психиатр еврейского происхождения, автор многих трудов по клинической синдромологии и шизофрении — 636
- Кропоткин** (Kropotkin) Петр Алексеевич (1842–1921), князь, русский революционер-анархист и ученый, географ и историк — 78, 291, 297, 303, 406, 481
- Mutual Aid. A Factor of Evolution [Взаимопомощь. Фактор эволюции]. London, 1902 [рус. перевод: Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М., 1922; при последующих переизданиях: Взаимопомощь как фактор эволюции] — 291, 406
 - Речи бунтовщика. М., 1919 — 78
- Кроче** (Croce) Бенедетто (1866–1952), итальянский философ, историк, литературовед и политический деятель; основоположник «этико-политической» школы в итальянской историографии — 469, 477, 649
- Historical materialism and the economics of Karl Marx [Исторический материализм и экономика Карла Маркса]. New York, 1914 — 469, 477
 - Zur Theorie und Geschichte des Historiographie. Tübingen, 1915 [рус. перевод: Теория и история историографии. М., 1998] — 649
- Круммех** (Krummeich E.). Contribution à l'étude du mouvement de la population [К изучению движения населения] // Journal de societe statistique de Paris. 1927, vol. 68 — 346
- Круэ** (Cruet) Жан, французский юрист, адвокат, один из первых сторонников самостоятельной юридической социологии — 617, 621
- La vie du droit et l'impuissance des lois [Жизнь права и бессилие законов]. Paris, 1908 — 617, 621
- Крэйг** (Craig) Джеймс Айрленд (у Сорокина ошибочно: F.J.) (1868–1952), английский математик и метеоролог, в 1896–1914 гг. жил и работал в Египте — 262
- Anthropometry of Modern Egyptian [Антропометрия современного египтянина] // Biometrika. 1911, vol. VIII — 262
- Крэмб** (Cramb) Джон Адам (1862–1913), английский историк — 249
- The Origins and Destiny of Imperial Britain [Происхождение и судьба имперской Британии]. London, 1915 — 249
- Ксенополь** (Xéropol) Александру Димитрие (1847–1920), румынский историк, писатель, философ, педагог и социолог-позитивист — 649, 650
- La théorie de l'histoire [Теория истории]. Paris, 1908 — 649
- Ксенофонт** (Xenophon; ок. 430 до н. э. — 355/4 до н. э.), древнегреческий историк — 111
- Кули** (Cooley) Чарльз Хоторн (1864–1929), американский социальный психолог, профессор Мичиганского университета, в 1918 г. – президент Американской социологической ассоциации — 190, 268, 391, 392, 394, 401, 402, 410, 411, 453, 454, 580, 582, 628, 661
- Genius, Fame and the Comparison of Races [Гений, слава и сравнение рас] // Annals of American Academy Political and Social Sciences. 1897, vol. IX, May — 268, 661
 - Human Nature and the Social Order. New York – Chicago — Boston, 1902 [рус. перевод: Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000] — 401, 411, 454
 - Social organization. A study of the larger mind [Общественная организация. Исследование большего сознания]. New York, 1924 (1st ed. — 1909) — 401, 411, 454
 - Social Process [Социальный процесс]. New York, 1918 — 401, 454
 - The Roots of Social Knowledge // American Journal of Sociology. 1926, vol. XXXII [рус. перевод: Корни социального знания // Кули Ч. Избранное. М., 2019] — 580, 582
- Куммер** (Kummer) Фридрих, немецкий историк литературы, профессор в Дрездене, автор исследования «История немецкой литературы XIX и XX вв., описанная по поколениям» (Deutsche Literaturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, nach generationen dargestellt. Dresden, 1922, Bd. I–II) — 646

- Кун** (Kuhn) Франц Феликс Адальберт (1812–1881), немецкий лингвист и историк, основатель сравнительной мифологии, автор сочинения «К древнейшей истории индоевропейских народов» (*Zur ältesten Geschichte der indogermanischen Völker*. Berlin, 1845), в котором впервые предложил гипотезу об индогерманском пранароде — 215
- Кунес** (Kuhnes) Л.Л., докторант Нью-Йоркского университета — 158, 161
- *Variations in Muscular Energy* (an unpublished thesis for Ph.D. at New York University, 1915) [Разновидности мышечной энергии (неопубликованная диссертация на соискание ученой степени доктора философии в Университете Нью-Йорка, 1915)] — 158
- Кунов** (Cunow) Генрих (1862–1936), немецкий историк, социолог, этнограф, публицист; один из теоретиков германской социал-демократии — 465, 469, 478, 483, 486, 501
- *Die Verwandtschaftsorganisationen der Australnegers* [Родственные организации австралийцев]. Stuttgart, 1894 — 501
 - *Zur Urgeschichte der Ehe und Familie*. Stuttgart, 1912 [рус. перевод: О происхождении брака и семьи, М., 1923] — 501
 - *Ursprung der Religion und des Gottesglaubens*. Berlin, 1913 [рус. перевод: Возникновение религии и веры в бога. М.-Л., 1925] — 501
 - *Die Marxsche Geschichts- Gesellschaft und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie* [Марксова теория истории, общества и государства. Основные черты марксистской социологии]. Berlin, 1920–1921, Bd. I–II [рус. перевод первого тома: Марксова теория исторического процесса, общества и государства. М.-Л., 1930] — 478, 483, 501
 - *Zur Geschichte der Klasskampftheorie* [К истории теории классово́й борьбы] // *Jahrbuch für Soziologie*. 1926, Bd. II — 465
 - *Grundzüge der Marxschen Soziologie* [Основные черты марксистской социологии]. 1920–1921, Bb. I–II — 469
- Купалов** (Kupalov) Петр Степанович (1888–1964), советский физиолог, ученик И.П. Павлова, который, продолжая исследования, намеченные Павловым, внес существенный вклад в разработку ряда новых важных проблем физиологии высшей нервной деятельности — 547
- Куряев** (Kuraieff) Сергей Петрович, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Исследование собак с нарушенными передними долями полушарий в поздний послеоперационный период» (СПб., 1912) — 547
- Курелла** (Kurella) Ханс Георг (1858–1916), немецкий психиатр, автор работ по криминальной антропологии — 166, 644
- Курзон** (Curzon) Эммануэль Паран де (1811–1896), французский социолог — 82, 105
- *Frédéric le Play: sa méthode, sa doctrine, son oeuvre, son esprit* [Фредерик Ле Пле: его метод и учение, творчество и дух]. Paris, 1899 — 82, 105
- Курно** (Cournot) Антуан Огюстен (1801–1877), французский экономист, философ и математик — 58, 62, 449, 470, 481, 649
- *Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique* [Эссе об основах наших знаний и характере философской критики]. Paris, 1851 — 470
 - *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire* [Трактат о связи фундаментальных идей в науке и в истории]. Paris, 1861 — 449
 - *Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes* [Соображения о ходе идей и событий в наше время]. Paris, 1872 — 470
- Курц** (Kurz Franz) Франц (1771–1843), австрийский музыкант и историк, автор сочинения «Австрия при императоре Фридрихе IV» (*Österreich unter Kaiser Friedrich dem Vierten*. Wien, 1812) — 465

- Куршман** (Curschmann) Фриц (1874–1946), немецкий историк — 362, 527
 – Hungersnöte in Mittelalter [Массовый голод в Средние века]. Leipzig, 1900, Bd. I–II — 362, 527
- Кучинский** (Kuczynski, Kuczynsky; у Сорокина ошибочно: Kozcinsky) Роберт Рене (1876–1947), немецкий демограф, экономист и статистик, ученик Р. Бёка, автор двухтомной работы «Баланс рождений и смертей, Западная и Северная Европа» (1928–1931), в которой привел данные о воспроизводстве населения для всех стран, по которым имела статистика, и исследования «Рождаемость и воспроизводство, методы измерения баланса рождений и смертей» (1932); в 1907 г. впервые предложил расчет нового показателя уровня рождаемости – total fertility (суммарная, или итоговая, рождаемость), получаемого путем суммирования возрастных коэффициентов рождаемости, а позднее ввел в практику показатель net reproduction rate (нетто-коэффициент воспроизводства населения), который сегодня называют коэффициентом Бёка-Кучинского; в 1933 г. эмигрировал в Англию, где преподавал демографию в Лондонской школе экономики, затем работал статистиком в Британском колониальном бюро — 250, 634
 – Der Zug nach der Stadt. Statistische Studien über Vorgänge der Bevölkerungsbewegung im Deutschen Reiche [Поезд в город. Статистические исследования процессов движения населения в Германской империи.]. Stuttgart, 1897 — 634
- Кэннан** (Cannan) Эдвин (1861–1935), английский экономист и историк экономической мысли — 358
 – A History of the Theories of Production and Distribution [История теорий производства и распределения]. London, 1903 — 358
- Кэннон** (Cannon) Уолтер Брэдфорд (1871–1945), американский психолог, профессор Гарвардской медицинской школы, член Американского психологического общества — 558
 – Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear, and Rage [Телесные изменения под влиянием страданий, голода, страха и гнева]. New York, 1927 — 558
- Кэри** (Carey) Генри Чарльз (1793–1879), американский экономист и социолог — 37–40, 55, 56, 391, 418, 566
 – Principles of Social Science [Основания социальной науки]. Philadelphia, 1858–1867, vol. I–III — 37, 38
 – The Unity of Law: As Exhibited in the Relations of Physical, Social, Mental and Moral Science [Единство законов: соотношение физической, общественной, психологической и этической наук]. Philadelphia, 1872 — 39
- Кювье** (Cuvier) Жорж (1769–1832), французский натуралист, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии — 112

Л

- Лабриола** (Labriola) Антонио (1843–1904), итальянский философ, основатель итальянского марксизма — 469, 474, 475, 479, 482
 – Essays on the Materialistic Conception of History, tr. by Ch. H. Kerr. Chicago, 1908 [рус. перевод: Исторический материализм: Очерки материалистического понимания истории. М., 2019] — 469, 475, 482
- Лав** (Love) Альберт Галлагин (1877–1964), американский антрополог — 141
 – Army anthropology: based on observations made on draft recruits, 1917–1918, and on veterans at demobilization, 1919 [Армейская антропология: на основе наблюдений за призывниками в 1917–1918 гг. и ветеранами при демобилизации в 1919 г.]. Washington, 1921 (в соавторстве с Б. Девенпортом) — 141
- Лавров** (Lavrov) Петр Лаврович (1823–1900), русский социолог, философ, публицист и революционер, один из идеологов народничества — 112, 210, 648
 – Задачи понимания истории СПб., 1903 (под псевдонимом: С.С. Арнольди) — 648

- Лавуазье** (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский естествоиспытатель, основатель современной химии — 405
- Лагардель** (Lagardelle) Юбер (1874–1958), французский политический деятель, теоретик и лидер национал-синдикализма — 78, 206
- Лакассань** (Lacassagne) Александр (1843–1924), французский врач и криминолог — 166, 499
- Лаланд** (Lalande) Пьер Андре (1867–1963), французский философ — 210, 211
 – La dissolution opposée à l'évolution dans les sciences physiques et morales [Диссолюция как противоположность эволюции в физических и моральных науках]. Paris, 1899 — 210
- Ламарк** (Lamarck) Жан Батист (1744–1829), французский естествоиспытатель, создатель первой целостной эволюционной теории — 112, 175, 294, 331, 451, 664
 – Философия зоологии (1809) [рус. перевод: М.–Л., 1935–1937, т. 1–2] — 451
- Ламетри** (La Mettrie) Жюльен Офре де (1709–1751), французский врач и философ-материалист — 535
- Лампрехт** (Lamprecht) Карл (1856–1915), немецкий историк — 486
- Ланге** (Lange) Карл Георг (1834–1900), датский медик, психиатр, психолог, философ и педагог, профессор Копенгагенского университета — 571
 – Эмоции: Психофизиологический этюд. М., 1896 — 571
- Ланге** (Lange) Фридрих Альберт (1828–1875), немецкий философ и экономист, представитель неокантианства — 535
 – Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Iserlohn, 1877, Buch I–II [рус. переводы: История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб., 1881–1883; Киев-Харьков, 1899–1900] — 535
- Ландауэр** (Landauer) Густав (1870–1919), немецкий философ и писатель, анархо-индивидуалист, социалист — 662
 – Die Revolution [Революция]. Frankfurt am Main, 1907 — 662
- Ланессан** (Lanessan) Жан Мари Антуан (1843–1919), французский врач, ботаник и политик, последователь Ч. Дарвина, автор книги «Естественная нравственность» (La morale naturelle. Paris, 1908) — 166
- Ланж** (Lange) Морис (1872–1923), французский филолог и историк, профессор филологического факультета Страсбургского университета — 216
 – Le comte Arthur de Gobineau, étude biographique et critique [Граф Артур де Гобино. Критико-биографическое исследование]. Strassburg, 1924 — 216
- Лао-цзы** (Lao-Tse, Lao-tse), легендарный древнекитайский мыслитель, основатель даосизма, живший в VI–V вв. до н. э., которому приписывается философский трактат «Лао-цзы» (Дао дэ цзин) — 111, 601
- Лаппо-Данилевский** (Lappo-Danilevsky) Александр Сергеевич (1863–1919), русский историк, член Петербургской академии наук (с 1899 г.) — 649
 – Методология истории. СПб., 1910, вып. I — 649
- Лапуж** (Lapouge) Жорж Ваше де (1854–1936), французский социолог — 78, 138, 216, 225, 227–229, 232–235, 238, 239, 243, 246, 249, 251–255, 258, 261–263, 285, 286, 303, 304, 309, 488, 648, 650
 – Les sélections sociales. Cours libre de science politique, professé à l'Université de Montpellier (1888–1889) [Социальная селекция. Свободный курс политологии, прочитанный в университете Монпелье (1888–1889)]. Paris, 1896 — 138, 225–233, 254, 262, 648, 650
 – L'Argen, son rôle social. Paris, 1899 [рус. перевод: Ариец и его социальная роль. М., 2014] — 225, 227, 233, 234, 239, 254, 255
 – Race et milieu social. Essais d'anthroposociologie [Раса и социальная среда. Очерки антропосоциологии]. Paris, 1909 — 225, 233

- Ларгье де Бансель** (Larguier des Bancel) Жан (1876–1961), швейцарский психолог, ученик А. Бине, с 1903 г. – приват-доцент, с 1907 г. – профессор Лозаннского университета — 536
– Introduction à la psychologie. L'instinct et l'émotion [Введение в психологию. Инстинкт и эмоция]. Paris, 1921 — 536
- Ласки** (Laski) Гарольд Джозеф (1893–1950), английский социолог, деятель Лейбористской партии, реформист — 444
– Studies in the Problem of Sovereignty [Исследования по проблеме суверенитета]. New Haven – London, 1917 — 444
- Лассаль** (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель — 465
- Лассон** (Lasson) Адольф (1832–1917), немецкий философский публицист — 196
- Лафарг** (Lafargue) Поль (1842–1911), французский экономист и политический деятель, зять К. Маркса, муж его дочери Лауры — 499, 502
– [Thomas Campanella (Томас Кампанелла)] // Die Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen von E. Bernstein, G. Hugo, K. Kautsky, P. Lafargue, F. Mehring, G. Plechanow [История социализма в отдельных монографиях. Э. Бернштейн, Г. Гуго, К. Каутский, П. Лафарг, Ф. Меринг, Г. Плеханов]. Stuttgart, 1895, Bd. I, Th. 2, S. 469–506 — 502
- Лазарус** (Lazarus) Мориц (1824–1903), немецкий философ, психолог, один из основателей психологии народов — 391
– [Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie, als Einladung zu einer Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft (Вводные мысли о психологии народов. Вместо предисловия к журналу «Психология народов и языкознание»)] // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860, Bd. I–III, XVII (в соавторстве с Х. Штейнталем) — 391
- Леап** (Leupp) Фрэнсис Эллигтон (1848–1918), американский юрист, журналист и писатель, редактор и совладелец газеты «Syracuse Herald» (1878–1885), в 1905–1909 гг. – комиссар Соединенных Штатов по делам индейцев — 622
– The Waning Power of the Press [Убывающая сила прессы] // Atlantic Monthly. 1910, February — 622
- Леблан** (LeBlanc) Томас Дж., американский врач и статистик, профессор превентивной медицины университета Цинциннати — 341
– Density of Population and Mortality in the United States [Плотность населения и смертность в США] // American Journal of Hygiene. 1924, vol. IV — 341
- Лебон** (Le Bon) Гюстав (1841–1931), французский психолог, социолог, антрополог и историк — 73, 78, 303, 324, 410, 578, 585, 589, 590, 607, 648, 662
– Psychology of Socialism. New York, 1899 [рус. перевод: Психология социализма. СПб., 1908] — 78, 590
– Толпа, La Psychologie des foules. Paris, 1906 [рус. перевод: Психология народов и масс. М., 2016] — 78
– L'évolution de la matière [Эволюция материи]. Paris, 1906 — 648
– The Psychology of Revolution [Психология революции]. New York, 1913 — 662
– The Psychology of the Great War [Психология Великой войны]. New York, 1916 — 324
- Лев X** (Leo X, в миру – Джованни Медичи; 1475–1521), Папа Римский с 1513 г. — 321
- Левассер** (Levasseur) Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк, статистик и географ, автор работ по экономической истории Франции — 144, 166, 169, 250, 311, 314, 329, 338, 354, 489, 492, 499, 563, 630, 634, 643, 644
– La population française. Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France comparée à celle des autres nations au XIXe siècle [Французское население. История населения до 1789 г. и французская демографическая статистика в сравнении с данными по другим народам за XIX век]. Paris, 1891, vol. I–II — 169, 314, 492, 630, 643

- [Hommages à la mémoire de G. Tarde (Дань памяти Г. Тарда)] // *Revue Internationale de Sociologie*. 1904, vol. XII — 563
- La répartition de la race humaine sur le globe terrestre [Перераспределение человеческого рода по земному шару] // *Bulletin de l'Institut international statistique*. 1909, vol. XVIII — 338, 354, 357
- Левенгук** (Leeuwenhoek) Антони ван (1632–1723), нидерландский натуралист, конструктор микроскопов, основоположник научной микроскопии — 30
- Леви-Брюль** (Lévy-Bruhl) Люсьен (1857–1939), французский философ и психолог-позитивист, близкий к социологической школе Э. Дюркгейма; создатель теории первобытного «дологического» мышления — 425
- La morale et la science des moeurs [Мораль и наука о нравах]. Paris, 1903 — 425
- Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures [Ментальные функции в примитивных обществах]. Paris, 1910 — 425
- Левинсон** (Lewinson) Рихард (1894–1968), немецкий врач, писатель, журналист (писал по проблемам экономики); автор многих статей и книг, изданных под псевдонимами *Morus* и *Campanella* — 312
- Die Umschichtung der Europäischen Vermögen. Berlin, 1925 [рус. перевод: Экономический переворот в Западной Европе после мировой войны. Л., 1925] — 312
- Левкипп** (Leucippus; V в. до н. э.), древнегреческий философ, один из основоположников атомистики — 29
- Легг** (Legge) Джеймс (1815–1897), английский синолог, первый профессор китайского языка Оксфордского университета, издатель (в соавторстве М. Мюллером) 50-томной серии «Священные книги Востока» (*Sacred Books of the East*) — 445, 459
- The Life and Teachings of Confucius [Жизнь и учение Конфуция]. London, 1895 — 445
- The Life and Works of Mencius [Жизнь и творчество Мэн-Цзы]. Philadelphia, 1875 — 459
- Легг** (Legge) Джордж Фрэнсис (1853–1922), историк христианства, почетный секретарь Общества библейской археологии, член совета Королевского азиатского общества — 610
- Forerunners and Rivals of Christianity [Предтечи и соперники Христианства]. Cambridge, 1915, vol. I — 610
- Легой** (Legoyt) Альфред (1812–1885), французский статистик, организовавший переписи во Франции в 1856, 1861 и 1866 гг. — 162
- Ледерер** (Lederer) Эмиль (1882–1939), австрийский и немецкий экономист, сторонник демократического социализма, в 1933 г. эмигрировал в США — 625, 662
- Aufgaben einer Kultursoziologie [Задачи социологии культуры] // *Erinnerungsgabe für Max Weber*. München and Leipzig, 1923, Bd. II — 625
- Einige Gedanken zur Sociologie der Revolution [Мысли о социологии революции]. Leipzig, 1918 — 662
- Лейба** (Leuba) Джеймс Генри (1868–1946), американский психолог, занимавшийся в основном психологией религии и объяснявший ее с атеистической точки зрения — 591
- The Belief in God and Immortality [Вера в Бога и бессмертие]. Boston, 1916 — 591
- Лейбниц** (Leibnitz) Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, логик, математик и физик — 30, 31, 33, 34, 175, 331
- Лейкарт** (Leuckart) Рудольф (1822–1898), немецкий зоолог, ученик Р. Вагнера, профессор в Гиссене и Лейпциге, почетный член Петербургской академии наук (1895), автор статьи «Размножение» (*Zeugung // Wagner R. (hrsg.) Handwörterbuch der Physiologie*. Braunschweig, 1853, Bd. IV, S. 707–1000) — 170
- Леманн** (Lehmann, у Сорокина ошибочно: Lehman) Альфред Георг Людвиг (1858–1921), датский психолог, ученик В. Вундта, основоположник экспериментальной психологии в скандинавских странах — 157, 160

- Das Wetter und unsere Arbeit. Experimentelle Untersuchungen über den Einfluss der meteorologischen Faktoren auf die körperliche und seelische Arbeitsfähigkeit [Погода и наша работа. Экспериментальные исследования о влиянии метеорологических факторов на физическую и душевную работоспособность] // Archiv für die gesamte Psychologie. 1907, Bd. X (в соавторстве с Р.Х. Педерсеном) — 157, 160
- Ленгле-Дюфренуа** (du Fresnoy; правильно: Lenglet Du Fresnoy) Николая (1674–1755), французский ученый, историк, географ, философ и библиограф алхимии, пять раз заключался в Бастилию, участник Энциклопедии — 112
- Ленин** (Lenin) Владимир Ильич (1870–1924), основатель и глава советского государства — 72, 377, 469
- Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Пг., 1918 [под псевдонимом: Н. Ленин (В. Ильин)] — 469
- Ленц** (Lenz) Фриц (1887–1976), немецкий генетик, член нацистской партии (НСДАП), один из крупнейших расовых теоретиков XX в., специалист по биологии наследственности и расовой гигиене; после войны признал, что связывал с расовой гигиеной ложные ожидания, отошел от этой науки и стал заниматься только генетикой человека — 249
- Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygiene [Очерк теории наследственности человека и расовой гигиены]. München, 1923, Bd. I–II (в соавторстве с Э. Бауром и О. Фишером) — 249
- Лео** (Leo) Генрих фон (1799–1878), немецкий филолог и историк, автор многотомных «Лекций по истории немецкого государства» (1850–1870) — 465
- Леонтьев** (Leontieff) Константин Николаевич (1831–1891), русский философ и писатель, дипломат — 48, 78, 322, 581, 584, 648
- Византизм и славянство. М., 1876 — 48, 322
- Ле Пле** (Le Play) Пьер Гийом Фредерик (1806–1882), французский социолог, экономист, инженер — 26, 81–87, 89, 90, 94, 97–99, 101, 104–110, 112, 114, 115, 125, 176, 392, 449, 465, 478, 628, 634
- Les ouvriers européens. Études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe [Европейские рабочие. Исследования труда, быта и нравственного состояния рабочего населения Европы] (1855). 2-ème ed, en 6 v. Paris, 1877–1879 — 82, 84, 85
- La réforme sociale en France déduite de l'observation comparée des peuples européens [Социальная реформа во Франции, обоснованная путем сравнительного наблюдения европейских народов]. Paris, 1864, vol. I–II — 82, 84, 105
- L'organisation du travail selon la coutume des ateliers et la loi du Décalogue [Организация труда по цеховому обычаю и закону Декалога]. Tours, 1870 — 82
- La constitution essentielle de l'humanité. Exposé des principes et des coutumes qui créent la prospérité ou la souffrance des nations [Основная конституция человечества. Описание принципов и обычаев, которые способствуют процветанию или страданию народов]. Tours – Paris, 1881 [рус. перевод: Основная конституция человеческого рода. Идеи, нравы и учреждения благоденствующих народов. М., 1897] — 105
- L'école de la paix sociale. Son histoire, sa méthode et sa doctrine [Школа социального мира. Ее история, метод и учение]. Tours, 1881 — 105
- Лерпорский** (Lerporsky) Николай Иванович (1877–1952), русский советский терапевт, ученик и сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого написал диссертацию «Материалы к физиологии условного торможения» (1911), академик АМН СССР (1944), автор работ о работе и болезнях поджелудочной железы — 547
- Леруа-Болье** (Leroü-Beaulieu) Пьер Поль (1843–1916), французский экономист — 202, 329, 362
- L'État moderne et ses fonctions [Современное государство и его функции]. Paris, 1890 — 202
- La question de la population [Проблема народонаселения]. Paris, 1913 — 329

- Лескюр** (Lescure) Жан (1882–1947), французский экономист — 492, 644
 – Des crises générales et périodiques de surproduction. Paris, 1910 [рус. перевод: Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908] — 492, 644
- Лессинг** (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель, основоположник германской классической литературы — 196
- Летурно** (Letourneau) Шарль (1831–1902), французский этнограф, философ и социолог — 173, 179, 435
 – L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris, 1894 [рус. перевод: Литературное развитие различных племен и народов, СПб., 1895] — 173
- Леффингвелл** (Leffingwell) Альберт (1845–1916), английский врач, социальный реформатор и активный сторонник реформы вивисекции — 162, 164, 165
 – Illegitimacy and the influence of seasons upon conduct. Two studies in demography [Незаконнорожденность и влияние времен года на поведение. Два исследования в области демографии]. London, 1892 — 162, 164, 165
- Лешли** (Lashley) Карл Спенсер (1890–1958), американский психолог и физиолог — 540, 551
 – The Behavioristic Interpretation of Consciousness [Бихевиористская интерпретация сознания] // Psychological Review. 1923, vol. XXX — 551
 – Contribution of Freudism to Psychology. III. Physiological Analysis of the Libido [Вклад фрейдизма в психологию. Раздел III: Физиологический анализ либидо] // Psychological Review. 1924, vol. XXXI — 540
- Либих** (Liebig) Юстус (1803–1873), немецкий химик-органик, один из основателей агрохимии и создателей системы химического образования, в 1840 г. сформулировал фундаментальный закон экологии – «Закон ограничивающего (лимитирующего) фактора» («Закон минимума Либиха»), согласно которому продуктивность культурных растений в первую очередь зависит от того питательного вещества (минерального элемента), который представлен в почве наиболее слабо — 354
- Ливи** (Livi) Ридольфо (1856–1920), итальянский антрополог, с 1917 г. – генерал-майор королевской армии — 141, 250, 258, 259, 262, 308, 488, 639
 – Antropometria militare [Военная антропометрия]. Roma, 1896, vol. I — 141, 262, 308, 639
 – La distribuzione geografica dei caratteri antropologici in Italia [Географическое распределение антропологических характеристик в Италии] // Rivista Italiana di Sociologia. 1898, anno II, fasc. IV — 262
 – Report [Отчет] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1903, vol. XIII — 259
- Ливий** (Livy) Тит (59 до н. э. – 17 н. э.), римский историк эпохи принципата Августа, автор «Истории Рима от основания города» — 195, 451, 462, 485, 583
- Лидбеттер** (Lidbetter) Эрнест Джеймс (1877–?), английский антрополог и евгеник — 498, 629
 – A comparative inquiry on the heredity and social conditions among certain insane, mentally defective, and normal persons [Сравнительное исследование наследственности и социальных условий у некоторых душевнобольных, умственно неполноценных и нормальных людей] // Eugenic Review. 1921, vol. XIII (в соавторстве с А.М. Келли) — 629
 – Pauperism and Heredity [Пауперизм и наследственность] // The Eugenic Review. 1922, vol. XIV — 498
- Лилиенфельд**, Лилиенфельд-Тоаль (Lilienfeld) Павел Федорович (1829–1903), русский социолог-позитивист, либеральный земский и государственный деятель — 197–200, 202, 203
 – Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft [Мысли о социальной науке будущего]. Mitau, 1873–1881. Bd. I–V — 197
 – Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft. Bd. I: Die Menschliche Gesellschaft als realer Organismus. Mitau, 1873 [издание на рус. языке: Мысли о социальной нау-

- ке будущего. Ч. I: Человеческое общество как реальный организм. СПб., 1872 (под псевдонимом П.Л.); 2-е изд.: М., 2014] — 199, 200
- *La pathologie sociale* [Социальная патология]. Paris, 1896 — 197, 199, 200
 - *Zur Verteidigung der Organischen Methode in der Soziologie* [В защиту органического метода в социологии]. Berlin, 1898 [рус. перевод: Органический метод в социологии // *Философия и общество*. 1997, № 4, с. 226–255] — 197, 199, 200, 203
 - *La méthode graphique en sociologie* [Графический метод в социологии] // *Annales de l'institut International de sociologie*. 1896, vol. III, p. 33–137 — 197
 - *Y a-t-il une loi d'évolution des formes politiques?* (у Сорокина: *L'évolution des formes politiques*) [Существует ли закон эволюции политических форм?] // *Annales de l'institut International de sociologie*. 1896, vol. II, p. 235–258 — 197
- Лимузен** (Limousin) Шарль (1840–1909), французский масон и журналист, автор статьи «Дань памяти Г. Тарда» (*Hommages à la mémoire de G. Tarde* // *Revue Internationale de Sociologie*. 1904, vol. XII, p. 527–531) — 563
- Линге** (Linguet) Симон-Николя Анри (1736–1794), французский историк, журналист и адвокат, казненный во время Французской революции — 433
- *Théorie des lois civiles ou principes fondamentaux de la société* [Теория гражданских законов или фундаментальные принципы общества]. London, 1767 — 433
- Линтон** (Linton) Ральф (1893–1953), американский антрополог, с 1937 г. – заведующий кафедрой антропологии Колумбийского университета — 286
- *An Anthropological View of Race Mixture* [Антропологический взгляд на расовое смешение] // *Publications of American Sociological Society*. 1924, vol. XIX — 286
- Липпман** (Lippmann) Уолтер (1889–1974), американский писатель, журналист, политический обозреватель, автор оригинальной концепции общественного мнения — 78, 320, 608, 622–625
- *Public Opinion*. New York, 1922 [рус. перевод: Общественное мнение. М., 2004] — 78, 608, 622, 623, 625
 - *Phantom Public* [Призрак общественности]. New York, 1926 — 78, 622
- Литт** (Litt) Теодор (1880–1962), немецкий философ и педагог, один из основоположников «педагогике культуры» — 193, 202, 205, 208, 417, 438, 441
- *Individuum und Gemeinschaft* [Индивид и сообщество]. Leipzig-Berlin, 1919 — 193, 202, 417, 441
- Литтл** (Little) Артур Дехон (1863–1935), американский химик и инженер-химик, основатель консалтинговой компании «Arthur D. Little», в 1912–1914 гг. – президент Американского химического общества, в 1928–1929 гг. – президент Общества химической промышленности — 414
- *The Fifth Estate* [Пятое сословие]. Published by The Chemical Foundation. Philadelphia, 1924 — 414
- Литтре** (Littré) Максимилиан Поль Эмиль (1801–1881), французский философ, историк и филолог, представитель позитивизма, основатель (в 1867 г.) и редактор журнала «*La philosophie positive*» (1867–1883) — 394
- Лихтенбергер** (Lichtenberger) Джеймс Пендлтон (1870–1953), американский пастор и социолог, в 1928 г. – президент Американской социологической ассоциации, профессор университета Пенсильвании — 430, 469, 563, 566, 569, 594, 614, 630
- *Divorce: A Social Interpretation* [Развод: Социальная интерпретация]. New York, 1909 — 630
 - *Development of Social Theory* [Развитие социальной теории]. New York, 1923 — 430, 469, 563, 566, 569, 594
- Лобачевский** (Lobachevsky) Николай Иванович (1792–1856), русский математик, создатель неевклидовой геометрии — 175, 409

- Лобзиен** (Lobsien) Марк, немецкий психолог, профессор, проводивший специальное исследование психологии учащихся народных школ г. Киля — 160
- Experimentelle Untersuchungen über die Gedachtnissentwicklung bei Schülkindern [Экспериментальные исследования развития памяти у школьников] // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1901, Bd. XXVII, Heft 1–2 — 160
 - Schwankungen der psychischen Kapazität: Einige experimentelle Untersuchungen an Schülkindern [Колебания психической способности: экспериментальные исследования школьников] // Pädagogischen Psychologie ind Physiologie. 1902, Bd. 5 — 160
- Лойола** (Loyola) Игнатий (1491–1556), основатель ордена иезуитов, католический святой — 534
- Spiritual Exercises (1548) [рус. перевод: Духовные упражнения. Духовный дневник. М., 2006] — 534
- Ломбард** (Lombard) Уоррен Плимpton (1855–1939), американский физиолог, профессор физиологии и гистологии Мичиганского университета — 161
- Some of the Influences which affect the power of Voluntary Muscular Contractions [Некоторые факторы, влияющие на силу произвольных мышечных сокращений] // Journal of Physiology. 1892, vol. XIII — 161
- Ломброзо** (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский врач-психиатр и судебный медик, основатель антропологической школы в уголовном праве и криминологии — 166, 250, 315, 614, 644, 662
- Le crime politique et les révolutions par rapport au droit à l'anthropologie criminelle et à la science do gouvernement. Paris, 1922, vol. 1–2 [рус. перевод: Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. СПб., 1906] (в соавторстве с Р. Ляски – Сорокиным не указано) — 662
 - Crime, Its Causes and Remedies [Преступление, его причины и способы искоренения]. Boston. 1911 [рус. перевод: Преступление. СПб., 1900] — 315
- Лонге** (Longuet) Шарль Феликс Сезар (1839–1903), французский журналист и революционер, участник Парижской коммуны, зять К. Маркса, женатый на его старшей дочери Женни — 488
- Лонгстафф** (Longstaff) Джордж Бланделл (1849–1921), английский писатель, врач и генеалог — 492
- Лондон** (London) Ефим Семенович (1868/1869–1939), русский патофизиолог, биохимик и радиобиолог — 556
- Физиология и патология пищеварения. Пг., 1916 — 556
- Лоренц** (Lorenz) Оттокар (1832–1903), австрийский и немецкий историк, специалист по генеалогии, профессор в университетах Вены и Йены — 646, 647
- Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben [Историческая наука, ее основные направления и задачи]. Berlin, 1886 — 646, 647
 - Leopold von Ranke. Die Generationenlehre und der Geschichtsunterricht [Леопольд фон Ранке. Учение о поколениях и уроки истории]. Berlin, 1891 — 646
- Лория** (Loria) Акилле (1857–1943), итальянский экономист, историк философии, профессор в Сиене и Падуе — 329, 355, 469, 484, 501–503
- Il capitalismo e la scienza [Капитализм и наука]. Torino, 1901 — 355
 - Le leggi organiche della costituzione economica i le forme storiche della costituzione economica [Органические законы экономического строя и его исторические формы]. Torino, 1889 — 501
 - Economic Foundations of Society [Экономические основы общества]. London, 1899 — 469, 501, 502
 - Социология, ее задачи и новейшие успехи. СПб., 1902 (ориг. издание: La sociologia, il suo compito, le sue scuole, i suoi recenti progressi. Verona, 1900) — 501
 - The Economic Synthesis. A Study of the Laws of Income [Экономический синтез. Исследование законов прибыли], tr. by E. Paul. New York, 1914 — 469, 501

- Beiträge zur ökonomischen Theorie der sozialen Klassen [Об экономической теории социальных классов] // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1923 — 484
- Лот** (*библ.*), племянник Авраама, с которым переселился в Ханаан; позже жил в Содоме, откуда спасся при гибели города — 328
- Лотка** (Lötka) Альфред Джеймс (1880–1949), американский математик, физикохимик, статистик, демограф — 37, 40, 41
- Elements of Physical Biology [Элементы физической биологии]. Baltimore, 1925 — 40, 41
- Лоуи** (Lowie) Роберт Генрих (1883–1957), американский этнограф, изучавший индейские племена и посвятивший им ряд монографий — 121, 125, 380, 435, 472, 512, 591, 642, 657
- Culture and Ethnology [Культура и этнология]. New York, 1917 — 121, 125
- Primitive Society [Первобытное общество]. New York, 1920 — 435, 472, 512, 657
- Лоуэлл** (Lowell) Эббот Лоуренс (1855–1943), американский бизнесмен, востоковед, астроном и математик, в 1903–1933 гг. – президент Гарвардского университета — 68, 71, 78, 119, 320, 608, 622
- Public Opinion and Popular Government [Общественное мнение и народное правительство]. New York, 1913 — 622
- Public Opinion in War and Peace [Общественное мнение во времена войны и мира]. Cambridge: Harvard University Press, 1923 — 71, 78, 119, 320, 608, 622
- Лукреций**, Тит Лукреций Кар (Lucretius; ок. 99 до н. э. — 55 до н. э.), римский поэт и философ, последователь учения Эпикура, автор поэмы «О природе вещей» — 29, 328, 462, 535
- Лундберг** (Lundberg) Джордж Эндрю (1895–1966), американский социолог, профессор университета Вашингтона — 519, 622–624, 638
- The Newspaper and Public Opinion [Газета и общественное мнение] // Social Forces. 1926, June — 519, 622, 624
- The Demographic and Economic Basis of Political Radicalism and Conservatism [Демографические и экономические основы политического радикализма и консерватизма] // American Journal of Sociology. 1927, vol. XXXII, № 5 — 638
- Лурье** (Lurje) Михаил Зальманович (псевд.: Ю. Ларин) (1882–1932), революционный деятель, экономист, литератор; тесть Н.И. Бухарина — 516, 632
- Состав пролетариата (Из области социальной физиологии). Пг., 1918 — 516, 632
- Лутц** (Lutz) Фрэнк Юджин (1879–1943), американский энтомолог, в 1904–1909 гг. работал на станции экспериментальной эволюции Института Карнеги, где проводил генетические исследования дрозофилы — 631
- Assortative Mating in Man [Ассортативное спаривание у человека] // Science. 1905, vol. 22 — 631
- Лучиани** (Luciani) Луиджи (1840–1919), итальянский физиолог, автор трудов, посвященных физиологии сердца, дыхания, влиянию длительного голодания на организм и физиологии центральной нервной системы — 558
- Das Hungern [Голод]. Hamburg–Leipzig, 1890 — 558
- Льюис** (Lewes) Джордж Генри (1817–1878), английский писатель, философ, литературный и театральный критик, выступавший с позиций позитивизма, дарвинизма и религиозного скептицизма — 395
- Лэнгли** (Langlie) Т.А., американский психолог, сотрудник Уэслианского университета (Мидлтаун, штат Коннектикут) — 519, 542
- The Influence of Sex on Scholarship Ratings [Влияние пола на размеры стипендий] // Educational Administration and Supervision. 1926, September (в соавторстве с Д.Г. Паттерсоном) — 519, 542
- Лэрд** (Laird) Дональд (1897–1968), американский психолог, специалист в области промышленной и профессиональной психологии — 259, 408

- Changes in Motor Control and Individual Variations Under the Influence of Razzing [Изменения контроля над движениями и индивидуальные вариации под влиянием насмешки] // *Journal Experimental Psychology*. 1923, vol. VI, № 3 — 408
- The Psychology of Selecting Men [Психология отбора мужчин]. New York, 1925 — 259
- Людовик XIV** (Louis XIV; 1638–1715), французский король с 1643 г., известный как «король-солнце», время царствования которого ознаменовано расцветом абсолютизма — 321
- Люмле** (Lumley) Фредерик Элмор (1880–1954), американский социолог, профессор университета Огайо — 626
- Means of Social Control [Средства социального контроля]. New York, 1925 — 626
- Лютер** (Luther) Мартин (1483–1546), немецкий богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык — 224, 328, 599

М

- Маас** (Maas) Фриц, немецкий социолог и антрополог — 190, 250, 266, 267, 371, 488, 629
- Ueber die Herkunftsbedingungen der Geistigen Führer [Об условиях происхождения духовных лидеров] // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1916, Bd. 41, S. 144–186 — 267, 371, 629
- Мабли** (Mably) Габриэль Бонно де, аббат Мабли (1709–1785), французский социальный философ, автор многих работ по международному праву — 464
- Магеллан** (Magallanes) Фернан (1480–1521), португальский и испанский мореплаватель, совершивший первое кругосветное путешествие (1519–1522) — 335
- Магнус** (Magnus) Рудольф (1873–1927), немецкий фармаколог и физиолог, автор книги «Установка тела рефлексов, их взаимных влияний и их расстройств» (*Körperstellung: experimentell-physiologische Untersuchungen über die einzelnen bei der Körperstellung in Tätigkeit tretenden Reflexe, über ihr Zusammenwirken und ihre Störungen*. Berlin, 1924; рус. перевод: М.–Л., 1962) — 547, 554
- Магомет**, Мухаммед (Mahomet; ок. 570–632), основатель ислама, почитаемый как пророк — 412
- Мадзини** (Mazzini) Джузеппе (1805–1872), итальянский политик, писатель и философ — 592
- Мазда**, Ахура-Мазда (Mazda), верховный бог в зороастризме, персонифицированный небесный свод, доброе начало, ведущее постоянную борьбу со злым богом Анхра-Майнью; у древних греков был известен под названием Ормузд — 460
- Маздак** (Mazdak; 50-е гг. V в. — 528/529), основоположник религиозно-философского учения маздакизма, руководитель движения крестьян и городской бедноты в сасанидском Иране — 379
- Майер** (Mayer) Август, немецкий педагог — 409, 663
- Über Einzel- und Gesamtleistung des Schulkindes. Ein Beitrag zur experimentellen Pädagogik [Об индивидуальных и общих достижениях школьника. Вклад в экспериментальную педагогику] // *Archiv für die gesamte Psychologie*. 1903, Bd. I, Heft 1 — 409
- Майер** (Mayer) Макс Эрнст (1875–1923), немецкий юрист и философ — 573, 574
- Die schuldhaftige Handlung und ihre Arten im Strafrecht: drei Begriffbestimmungen [Преступное деяние и его виды в уголовном праве: три понятия]. Tübingen, 1907 — 574
- Майерсон** (Meuseron) Абрахам (1881–1948), американским невролог, психиатр и патолог, исследовавший наследственность психиатрических и неврологических заболеваний — 170
- [Статья] // *American Review*. 1924, January-February — 170
- Майнер** (Miner) Джон Райс (1892–?), американский врач-гигиенист, докторант университета Джона Хопкинса — 162, 163
- Suicide and its Relation to Climatic and Other Factors [Самоубийство и его связь с климатическими и другими факторами] // *American Journal of Hygiene (Monograph Series, 2)*. 1922 — 162

- Майо-Смит** (Mayo-Smith) Ричмонд (1854–1901), американский социолог, проф. политэкономии и социальных наук Колумбийского университета — 500
 – Statistics and Sociology. New York, 1910 [рус. перевод: Статистика и социология. М., 1900] — 500
- Майр** (Maug) Георг фон (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 144, 150, 162, 166–169, 250, 311, 314, 329, 357, 429, 489, 492, 497, 499, 500, 629, 614, 630, 631, 634, 641, 643, 644
 – Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. Statistische Studien [Закономерность в жизни общества. Статистические исследования]. München, 1877 [рус. перевод: Закономерность в общественной жизни. Теория статистического метода. Статистика народонаселения. Нравственная статистика. М., 1899] — 629
 – Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. II: Bevölkerungsstatistik [Статистика и общественное учение. Т. II: Статистика населения]. Freiburg i. B., 1897 — 169, 357, 492, 500, 630, 631, 643
 – Statistik und Gesellschaftslehre. Bd. III: Moralstatistik [Статистика и общественное учение. Т. III: Моральная статистика]. Tübingen, 1917 — 314, 429, 492, 497, 499, 630, 644
- Майрес** (Muges) Джон Линтон (1869–1954), английский историк и археолог, профессор древней истории Оксфордского университета — 347
 – The Causes of the Rise and Fall in the Population of the Ancient World [Причины подъема и падения населения Древнего мира] // Eugenics Review. 1915, vol. VII — 347
- Макаревич** (Makarewicz) Юлиуш (1872–1955), польский философ и правовед, автор «Введения в философию уголовного права» (Einführung in die Philosophie des Strafrechts. Stuttgart, 1906) — 435, 616
- Макдональд** (MacDonald) Артур (1856–1936), американский криминолог — 250, 256, 488
 – Man and Abnormal Man. Including a study of children, in connection with bills to establish laboratories under federal and state governments for the study of the criminal, pauper, and defective classes [Человек и ненормальный человек. В том числе изучение детей в связи с законопроектами о создании лабораторий при федеральном правительстве и правительствах штатов для изучения преступных, нищих и неполноценных классов]. Washington, 1905 — 256
- Макдонелл** (Macdonell) Уильям Роберт (1872–1940), английский юрист и историк, доктор права Абердинского университета — 146
 – On the expectation of life in ancient Rome and in the provinces of Hispania and Lusitania, and Africa [Об ожиданиях жизни в Древнем Риме и в провинциях Испании и Лузитании, а также в Африке] // Biometrika. 1913, vol. IX, № 3/4 — 146
- Мак-Дугалл**, Мак-Даугал (MacDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог, один из основателей социально-психологических исследований, ввел понятие «социальная психология» (1908) — 249, 250, 272, 255, 323, 410, 472, 488, 536, 540, 541, 543, 544, 547, 550, 554
 – Is America Safe for Democracy? Six Lectures Given at the Lowell Institute of Boston, under the Title «Anthropology and History, or the Influence of Anthropologic Constitution on the Destinies of Nations» [Безопасна ли Америка для демократии? Шесть лекций, прочитанных в Бостонском институте Лоуэлла под названием «Антропология и история, или Влияние антропологической конституции на судьбы народов»]. New York, 1921 — 249
 – The Correlation between Native Ability and Social Status [Соотношение между врожденными способностями и социальным статусом] // Eugenics in Race and State. Baltimore, 1921, vol. II — 272
 – An Introduction to Social Psychology [Введение в социальную психологию]. Boston, 1923 — 323, 410, 472, 536, 540, 541, 543, 544

- Can Sociology and Social Psychology Dispense with Instincts? [Могут ли социология и социальная психология обойтись без инстинктов?] // *American Journal of Sociology*. 1924, vol. XXIX, № 6 — 536
- [Professor Freud's Group Psychology and his Theory of Suggestion (Групповая психология профессора Фрейда и его теория внушения)] // *Problems of Personality. Studies presented to Dr. Morton Prince, Pioneer in American Pscopathology*. London — New York, 1925, p. 267–286 — 540
- [Men or Robots? (Люди или роботы?)] // *Psychologies of 1925*. Worcester, 1927, p. 273–308 — 550
- Макнавелли** (Machiavelli) Никколо (1469–1527), итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик — 60, 73, 111, 195, 308, 321, 328, 336, 433, 463, 478, 485, 524, 585, 662
 - The Discourses on Livy [Рассуждения о первой декаде Тита Ливия] (1531) — 463, 485, 585
 - History of Florence [История Флоренции] (1532) — 463
- Маккензи** (Mackenzie) Дональд Александр (1873–1936), шотландский журналист и писатель, автор книг по вопросам религии, мифологии и антропологии — 657
 - Migration of Symbols [Миграция символов]. New York, 1926 — 657
- Маккензи** (McKenzie) Родерик Дункан (1885–1940), американский социолог, создатель (совместно с Р. Парком) так называемой человеческой экологии — 631
 - The Neighborhood. A Study of Local Life in the City of Columbus, Ohio [Городской квартал. Исследование местной жизни в городе Колумбус, штат Огайо]. Chicago, 1923 — 631
- Маккиндер** (Mackinder) Хэлфорд Джон (1861–1947), английский географ и геополитик, создатель теории «Хартленда» — 112, 190
 - Democratic Ideals and Reality [Демократические идеалы и реальность]. London, 1919 — 190
- Макклатчи** (McClatchy; у Сорокина ошибочно: McClarchy) Вивьен Робисон (1892–1931), американский психолог и антрополог, преподаватель университета Миннесоты и женского колледжа во Флориде; автор статей «Различия в устных ответах на слова общего и местного значения» (Differences in the oral responses to words of general and of local significance // *Journal of Experimental Psychology*. 1922, vol. 5), «Психологическое исследование языковых способностей на основании результатов словесно-ассоциативных тестов» (A psychological study of linguistic abilities with reference to the results of word association tests // *Journal of Experimental Psychology*. 1924, vol. 7; в соавторстве с Мэри Купер) — 406
- Маккленахан** (McClenahan) Бесси Аверн (1885–?), американский социолог, сотрудница университета Южной Калифорнии — 633
 - Organizing the Community [Организация сообщества]. New York, 1922 — 633
- Маккол** (McCall) Уильям Андерсон (1891–1982), американский психолог, профессор педагогической психологии, ученик и сотрудник Э. Торндайка — 161
 - The Effects of Outside Air and Recirculated Air upon the Intellectual Achievement and Improvements of School Pupils [Влияние свежего и спертго воздуха на успеваемость и умственное развитие школьников] // *School and Society*. 1916, № 3 (в соавторстве с Э. Торндайком и Г. Руджером) — 161
- Маклин** (MacLean) Алик Генри Герберт (1864–1947), английский адвокат и педагог, член адвокатской корпорации Линкольнс–Инн, автор исследования «Откуда мы получаем наших лучших людей. Некоторые статистические данные об их национальности, графствах, городах, школах и университетах» (Where we get our best men. Some statistics showing their nationalities, counties, towns, schools, universities. London, 1900) — 265

- Маковский** (Makovsky) И.С., ученик и сотрудник И.П. Павлова, написавший под его руководством диссертацию «Звуковые рефлексы при удалении височных областей больших полушарий у собаки» (СПб., 1908) — 547
- Маколей** (Macaulay) Фредерик Робертсон (1882–1970), канадский экономист, в 1921–1938 гг. работал в Национальном бюро экономических исследований, член Американской статистической ассоциации — 498
- Макфадден** (McFadden) Джеймс Г. (1876–1953), американский психолог — 276
 – Racial differences as measured by the Downey will-temperament test [Расовые различия, измеренные с помощью теста Дауни на волю и темперамент] // *Journal of Applied Psychology*. 1922, vol. VII (в соавторстве с Дж. Ф. Дэшилом) — 276
- Малиновский** (Malinowski) Бронислав Каспар (1884–1942), английский антрополог польского происхождения, основатель функционализма в антропологии и социологии — 472, 473, 591, 592
 – Argonauts of the Western Pacific. London, 1922 [рус. перевод: Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004] — 472, 591
 – Myth in Primitive Psychology. New York, 1926 [рус. перевод: Миф в первобытной психологии // *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. М., 2004, с. 285–334] — 592
- Маллинг-Хансен** (Malling-Hansen) Ганс Расмус Йохан (1835–1890), датский государственный деятель, изобретатель, руководитель Королевского института глухих; изобрел первую в мире коммерчески произведенную пишущую машинку, реформировал методы обучения глухонемых, исследовал рост детей в разные периоды жизни — 157
 – Perioden im Gewicht der Kinder und in der Sonnenwärme [Периоды весового роста детей и солнечного тепла]. Copenhagen, 1886 — 157
- Мальбранш** (Malebranche) Николя (1638–1715), французский философ, картезианец — 31–33
- Мальтус** (Malthus) Томас Роберт (1766–1834), английский священник и ученый, демограф и экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле — 288, 328, 345, 349, 358, 361, 451, 495, 496
 – An Essay on the Principle of Population. London, 1798 [рус. перевод: Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск, 1993] — 328
- Мама Оккло** (Mama Ocello), в мифологии инков жена Манко Капака, почитаемая как мать и богиня фертильности — 435
- Мамфорд** (Mumford) Эбен (1871–1942), американский социолог, профессор и заведующий кафедрой социологии в университете штата Мичиган — 250, 435
 – The Origin of Leadership [Происхождение лидерства] // *American Journal of Sociology*. 1906, vol. XII — 435
- Маннхард** (Mannhardt) Вильгельм (1831–1880), немецкий мифолог и фольклорист — 170
 – Wald- und Feldkulte. Bd. I: Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. Mythologische Untersuchungen [Лесные и полевые культы. Т. I: Древовидный культ германцев и соседних с ними племен. Мифологические исследования]. Berlin, 1875 — 170
- Манко Капак** (Manco Capac), первый Инка, основатель государства инков, муж Мамы Оккло — 435
- Ману** (Manu), в индийской традиции – мифический прародитель людей, создатель сборника предписаний, определяющих поведение индийца в частной и общественной жизни («Законов Ману») — 194, 213, 214, 328, 460
- Манувриэ** (Manouvrier) Леонс-Пьер (1850–1927), французский антрополог, анатом и физиолог — 250, 488
- Марвин** (Marvin) Дональд М. (1893–?), американский статистик и демограф — 631
 – Occupational Proximity as a Factor in Marriage Selection [Профессиональная склонность как фактор брачного отбора] // *Publication of the American Statistical Association*. 1918, vol. XVI — 631

- Марвин** (Marvin) Фрэнсис Сидней (1863–1943), американский историк и педагог — 414
 – Marvin F.S. (ed.). *Science and Civilization* [Наука и цивилизация]. London, 1923 — 414
- Маркс** (Marx) Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель международного рабочего движения — 60, 69, 72, 76, 206, 235, 290, 377, 432, 433, 439, 453, 463–471, 475, 477–487, 504, 511, 521, 531, 656
 – *Die Heilige Familie* (1844) [рус. перевод: Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 2, с. 3–230] — 465, 469
 – *Das Elend der Philosophie; Misère de la philosophie*. Paris, 1847 [рус. перевод: Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 4, с. 65–185] — 465, 469, 482, 483
 – *Communist Manifesto*. Chicago, 1913 [рус. перевод: Манифест Коммунистической партии (1848) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 4, с. 419–459] (в соавторстве с Ф. Энгельсом) — 290, 463, 465, 469, 482, 483
 – *Lohnarbeit und Kapital* (1849) [рус. перевод: Наемный труд и капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 6, с. 428–459] — 469
 – *Die Klassenkampf in Frankreich* (1850) [рус. перевод: Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 7, с. 5–110] — 469
 – *Zur Kritik der Politischen Oeconomie* (1859); *A Contribution to the Critique of Political Economy*. New York, 1904 [рус. перевод: К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 13, с. 1–167] — 465, 467, 468, 482
 – *Capital* (1867) [рус. перевод: Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 23, с. 1–784] — 469, 483
 – *Das Kapital* (т. III, 1894) [рус. перевод: Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 1–505; т. 25, ч. II, с. 1–458] (изд. под ред. Ф. Энгельса) — 469, 483
- Марои** (Maroi) Ланфранко (1889–1974), итальянский статистик, в 1949–1969 гг. – председатель Центрального института статистики Италии, с 1926 г. – преподаватель в университете — 349, 350
 – *I Fattori demografici del conflitto Europeo* [Демографические факторы европейского конфликта]. Roma, 1919 — 349, 350
- Марпиллеро** (Marpillero) Гвидо, итальянский социолог-урбанист, директор лицея «Beccaria» в Милане, автор статьи «Психология урбанизма» (*Laggio di psicologia dell'urbanismo* // *Rivista italiana di sociologia*. 1908, vol. XII, September-October) — 578
- Марро** (Marro) Антонио (1840–1913), итальянский психиатр, психолог, антрополог и социолог — 171
 – *La pubertà studiata nell'uomo e nella donna in rapporto all'antropologia, alla psichiatria, alla pedagogia ed alla sociologia* [Половое созревание мужчины и женщины, рассмотренное с точки зрения антропологии, психиатрии, педагогики и социологии]. Torino, 1900 — 171
- Марсили** (Marsilio of Padua; р. ок. 1270), средневековый схоласт, политический философ, теоретик светского государства — 485, 585
 – *Defensor Pacis* [рус. перевод: Защитник мира. М., 2014] — 485
- Мартин** (Martin) Рудольф (1864–1925), немецкий антрополог, специалист по физической антропологии, создатель современной методики антропологических исследований — 251
 – *Lehrbuch des Anthropologie* [Учебник антропологии]. Jena, 1914 — 251
- Мартин** (Martin) Эверетт Дин (1880–1941), американский социолог — 578
 – *The Behavior of Crowds* [Поведение толпы]. New York and London, 1920 — 578

- Марш** (Marsh) Ховард Д., американский психолог — 162, 558
 – The Diurnal Course of Efficiency [Суточные колебания работоспособности] // Columbia University Contribution to Philosophy and Psychology. 1906, vol. XIV — 162
 – Individual and Sex Differences brought out by Fasting [Проявление индивидуальных и половых различий при голодании] // The Psychological Review. 1916, vol. XXIII — 558
- Марш** (March) Люсьен (1859–1933), французский статистик, автор статьи «Статистические данные по семьям» (Les statistiques des familles // Bulletin de l'Institut international statistique, XVIII) — 250, 489, 492, 493
- Маршалл** (Marshall) Альфред (1842–1924), английский экономист, основоположник неоклассического направления в экономической науке — 323, 329, 467
- Маршалл** (Marshall) Генри Рутджерс (1852–1927), американский архитектор и психолог — 323
 – War and the Ideal of Peace. A study of those characteristics of man that result in war [Война и идеал мира. Изучение особенностей человека, ведущих к войне]. New York, 1915 — 323
- Маршалл** (Marshall) Фрэнсис Хью Адам (1878–1949), английский физиолог и эндокринолог — 170
 – Physiology of Reproduction [Физиология размножения]. London, 1910 — 170
- Масарик** (Masaryk) Томаш Гарриг (1850–1937), чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935) — 469, 478, 644
 – Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. Studien zur socialen Frage. Wien, 1899 [рус. перевод: Философские и социологические основания марксизма. Этюды по социальному вопросу. М., 1909] — 469
 – Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881 [рус. перевод: Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации // Масарик Т.Г. Философия — социология — политика. Избранные тексты. М., 2003, с. 83–135] — 644
- Массельман** (Musselman) Джон Роджерс (1890–1968), американский математик, специализировавшийся в области алгебраической геометрии, в 1916 г. получил степень доктора философии в университете Джона Хопкинса; автор статьи «О соотношении размеров головы и сообразительности у женщин» (On the Correlation of Head Measurements and Mental Agility: Women // Biometrika. 1926, vol. XVIII, № 1, p. 195–206) — 256
- Матейка** (Matejka) Йиндрижих (1862–1941), чешский антрополог, профессор Пражского университета, при естественном факультете которого основал антропологическую кафедру и «Музей человека» имени А. Хрдлички, в 1923 г. основал журнал «Антропология» (Anthropologie), где выступал со статьями против расистских измышлений — 488
- Маттеуцци** (Matteuzzi) Аугусто, итальянский социолог — 112, 173, 175, 179, 180
 – Les facteurs de l'évolution des peuples [Факторы эволюции народов]. Paris, 1900 — 173, 175, 180
- Маурер** (Maurer) Георг Людвиг фон (1790–1872), немецкий государственный деятель, правовед, историк, педагог, профессор — 465
- Мач** (Mach) Эрнст (1838–1916), австрийский физик, механик и философ — 62, 65, 470, 481, 649
 – Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung. Leipzig, 1906 [рус. перевод: Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 1909] — 470
 – Beiträge zur Analyse der Empfindungen. Jena, 1903 [рус. перевод: Анализ ощущений. М., 1908] — 470
- Махабхарата** (Mahabharata), «Великое сказание о потомках Бхараты», древнеиндийский эпос — 173, 322, 656

- Маццарелла** (Mazzarella) Джузеппе (1868–1958), итальянский правовед и этнограф — 176, 177, 367–369, 380, 434, 509, 635
 – Les types sociaux et le droit [Социальные типы и право]. Paris, 1908 — 177, 380, 434, 435, 503, 509, 635
 – Studi di etnologia giuridica [Очерки юридической этнологии] Catania, 1903–[1938], vol. I–[XVI] — 503
 – La condizione giuridica del marito nella famiglia patriarcale. Contributo alla giurisprudenza etnologica [Юридический статус мужа в матриархальной семье. Вклад в этнологическую юриспруденцию]. Catania, 1899 — 177
- Мейер** (Meyer) Альберт (1870–1953), швейцарский правовед, государственный и политический деятель, в 1936 г. – президент Швейцарии, автор исследования «Преступление в его связи с экономическими и социальными отношениями в кантоне Цюрих» (Die verbrechen in ihrem zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen verhältnissen im kanton Zürich. Jena, 1895) — 435, 499
- Мейер** (Meyer) Эдуард (1855–1930), немецкий историк, египтолог и ориенталист — 362
 – Die Bevölkerung des Altertums [Население древности] // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Hrg. von Dr. Conrad. Jena, 1891, Bd. II, S. 443–456 — 362
- Менгер** (Menger) Антон (1841–1906), австрийский юрист, профессор гражданского судопроизводства в Венском университете, автор книги «Новое учение о нравственности» (СПб., 1906) — 465
- Менделеев** (Mendeleeff) Дмитрий Иванович (1834–1907), русский химик, создатель периодической системы элементов — 412
- Мендес-Корреа** (Mendès-Côrrea) Антонио (1888–1960), португальский антрополог, почетный профессор университета Порту — 141
 – Le milieu géographique et la race [Географическая среда и раса] // Scientia. 1921, vol. XV, № 30 — 141
- Менений** Агриппа (M. Agrippa), римский политический деятель, который в 494 г. до н. э., когда плебеи объявили борьбу патрициям и удалились на «Священную гору», отправился к ним и рассказал басню о членах человеческого организма, сравнив последний с государством, где каждое сословие выполняет свою необходимую функцию — 195, 463
- Менкен** (Mencken) Генри Луис (1880–1956), американский журналист, эссеист, сатирик — 177
- Мерием** (Merriam) Чарльз Эдвард (1874–1953), американский политолог и социолог права, профессор Чикагского университета, советник нескольких президентов США — 196
 – History of the Theory of Sovereignty since Rousseau [История теории суверенитета со времен Руссо]. New York, 1900 — 196
- Меровинги** (Merovingiens), первая в истории Франции династия франкских королей, правивших с конца V до середины VIII в. на территории современных Франции и Бельгии — 96
- Мерчисон** (Murchison) Карл Алланмор (1887–1961), американский психолог и историк, издатель и редактор — 639
 – Criminal Intelligence [Криминальный интеллект]. Worcester, 1926 — 639
- Местр де Ж.** — см. Де Местр Ж.
- Метелл** Квинт (Q. Metellus) Цецилий (ум. 115 до н. э.), римский претор, слова которого П.А. Сорокин цитирует в «Социологии революции» — 524
- Мехус** (Mehus) Оскар Майкинг (Mehus Oscar Myking, 1894–1983), преподаватель университета Миннесоты, ассистент Ф.Ст. Чапина и его соавтор при написании брошюры «Внеклассные мероприятия в Университете Миннесоты» (Extra-curricular activities at the University of Minnesota, by F. Stuart Chapin assisted by O. Myking Mehus. Minneapolis, 1929) — 638
- Мечников** (Metchnikoff) Лев Ильич (1838–1888), русский географ, этнограф, историк, социолог, революционер-анархист и публицист, автор книги «Цивилизация и великие исторические реки» (1889) — 112

- Мёде** (Moede) Вальтер (1888–1958), немецкий психолог, один из основоположников экономической психологии и психотехники, в 1918 г. вместе с Г. Шлезингером основал Институт промышленной психотехники, в 1950–1951 г. – профессор психологии труда в Берлинском университете Гумбольдта — 409, 578, 579
- Einzel- und Gruppenarbeit [Индивидуальная и групповая работа] // *Praktische Psychologie*. 1920–1921, Bd. II — 409
 - Die Massen- und Sozialpsychologie im kritischen Überblick [Массовая и социальная психология: критический обзор] // *Zeitschrift für pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik*. 1915, Bd. XVI — 578, 579
- Мёзер** (Möser) Юстус (1720–1779), немецкий юрист, историк, публицист — 464
- *Osnabrückische Geschichte. Allgemeine Einleitung*. [Оснабрюкская история. Общее введение]. Osnabrück, 1768 — 464
- Мейман** (Meumann) Эрнст Фридрих Вильгельм (1862–1915), немецкий педагог и психолог, один из основателей экспериментальной педагогики — 409
- Haus- und Schularbeit [Домашняя и школьная работа]. Leipzig, 1914 — 409
- Мёрдок** (Murdoch) Катарина (у Сорокина ошибочно: М.) (1882–1962), американский психолог — 277, 280
- A Study of the Differences found between Races in Intellect and in Morality [Исследование различий между расами в интеллекте и морали] // *School and Society*. 1925, vol. XXII, № 568–569 — 280
 - Study of Race Differences in New York City [Изучение расовых различий в Нью-Йорке] // *School and Society*. 1920, vol. XI — 277
 - A Study of Mental Differences that are Due to Race [Исследование ментальных различий, обусловленных расовой принадлежностью] // *Proceedings of 32d Annual Meeting of American Psychological Association*. 1923 — 277
- Мид** (Mead) Ричард (1873–1954), английский врач — 112
- Микеланджело** Буонарроти (Michelangelo; 1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт — 111
- Миллар** (Millar) Джон (1735–1801), шотландский философ, историк, профессор гражданского права в университете Глазго — 433, 464
- Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society [Замечания, касающиеся различия рангов в обществе]. London, 1771 — 433, 464
- Миллард** (Millard) Реджинальд Джеффри (1868–1943), практикующий врач из Сиднея, в 1914–1919 гг. служил в медицинском корпусе австралийской армии, с января 1917 г. в звании полковника командовал австралийским главным госпиталем № 1 в Руане, в 1919 г. вернулся в Австралию — 641, 644–647
- Essai de physique sociale et de construction historique [Очерк социальной физики и исторического строительства] // *Revue Internationale de sociologie*. 1917, № 2, February — 643–647
- Милль** (Mill) Джон Стюарт (1806–1873), английский философ, экономист и политический деятель — 63, 137, 390, 418
- Принципы политической экономии (*Principles of Political Economy*. London, 1848, vol. I–II) [рус. перевод: Основы политической экономии. М., 1980–1981, т. 1–3] — 137
- Мин** (Ming), китайская императорская династия, правившая в 1368–1644 гг.; после ее свержения восставшими под руководством Ли Цзы-чэна к власти в стране пришла маньчжурская династия Цин — 408
- Мисмер** (Mismar) Шарль (1832–1891), французский социолог и философ-позитивист — 37
- *Principes sociologiques* [Социологические принципы]. Paris, 1880 — 37

- Митчелл** (Mitchell) Ида (1881–?), американский психолог — 276
 – A Study of Association in Negro Children [Исследование ассоциации у негритянских детей] // *Psychological Review*. 1919, vol. XXVI (в соавторстве с И.З. и А.Дж. Розанофф) — 276
- Митчелл** (Mitchell) Питер Чалмерс (у Сорокина ошибочно: P. Charles) (1864–1945), английский зоолог, в 1903–1935 гг. – секретарь Лондонского зоологического общества, директор Лондонского зоопарка и создатель первого открытого зоопарка диких животных — 141, 289, 291, 297
 – *Le Darwinisme et la guerre* [Дарвинизм и война]. Paris, 1916 — 141, 289, 291, 297
- Митчелл** (Mitchell) Сэмюэль Чайлз (1861–1948), американский историк и педагог, в 1909–1919 гг. – президент университета Южной Каролины, автор статьи «Этапы прогресса на пути к миру» (*Phases of Progress towards Peace* // *Publication* № 12 of the *Mariland Peace Society*, November) — 296, 297, 303
- Митчелл** (Mitchell) Уэсли Клэр (1874–1948), американский экономист и статистик, представитель гарвардской школы — 129, 135, 451, 472, 498, 642, 645, 647, 676
 – *Business Cycles* [Бизнес-циклы]. Berkeley, 1913 — 129, 135, 451, 645
 – *Human Behavior and Economics: A Survey of Recent Literature* [Человеческое поведение и экономика: обзор современной литературы] // *Quarterly Journal of Economics*. 1914, vol. XXIX, № 11 — 472
 – Introduction (p. 1–6); *Business Cycles* (p. 7–20); *The Economic Losses Caused by Business Cycles* (p. 34–42) [Введение; Бизнес-циклы; Экономические потери, вызванные бизнес-циклами (в соавторстве с У.И. Кингом)] // *Business Cycles and Unemployment, the papers of W.A. Berridge, W.C. Mitchell, F.R. Macaulay, W.J. King, P.F. Brissenden, S.A. Rice*. New York, 1923 — 498
 – *The Prospects of Economics* [Перспективы развития экономики] // *The Trend of Economics*. New York, 1924 — 498
 – *Business Annals* [Бизнес-анналы]. New York, 1926 — 647
- Михайловский** (Mikhailovskiy) Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, литературный критик, теоретик народничества — 202, 210–212, 303, 336, 406, 428, 429, 578, 579, 647
 – Аналогический метод в общественной науке // *Собрание сочинений*. СПб., 1896, т. 1 — 202, 211
 – Борьба за индивидуальность (1875) — 210, 336
 – Герои и толпа (1882) — 579, 647
 – Дарвинизм и общественная наука (Теория Дарвина и общественная наука) (1870) // *Собрание сочинений*. СПб., 1896, т. 1 — 202, 210, 211, 336
 – Еще о Дюркгейме и его теории «общественного разделения труда» (1897) // Михайловский Н.К. Отклики. СПб., 1904, т. II, с. 64–99 — 428
 – Что такое прогресс? (1869) // *Собрание сочинений*. СПб., 1896, т. 1 — 202, 210, 211, 336
- Михельс** (Michels) Роберт (1876–1936), немецкий социолог, ученик В. Зомбарта, Г. Моска и М. Вебера — 24, 60, 78, 467, 469, 484, 514, 516, 521, 622
 – *Historisch-kritische Einführung in die Geschichte des Marxismus in Italien* [Историко-критическое введение в историю марксизма в Италии] // *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*. 1907, Bd. XXIV — 469
 – *Die Italienische Literatur über den Marxismus* [Итальянская литература о марксизме] // *Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik*. 1907, Bd. XXV — 469
 – *La sociologia del partito politico nella democrazia moderna* [Социология политической партии в современной демократии]. Torino, 1912 [частичный рус. перевод: Диалог. 1990, № 1–18; 1991, № 3] — 78

- Political parties. A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy [Политические партии. Социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии]. New York, 1915 — 516
- Le prolétariat et la bourgeoisie dans le mouvement socialiste italien particulièrement des origines à 1906. Essai de science sociographico-politique [Пролетариат и буржуазия в итальянском социалистическом движении со времени его возникновения в 1906 г. Социально-политический очерк]. Paris, 1921 — 516
- La teoria di C. Marx sulla miseria crescente e le sue origini [Теория К. Маркса о растущей нищете и ее происхождении]. Torino, 1922 — 467
- Beitrag zur Lehre von den Klassenbildung [К учению о формировании классов] // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. 1922, Bd. XLIX — 484
- Element zur Soziologie in Italien // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1924, 4 Heft; Revue International de Sociologie. 1924; Суспільство, тт. III–IV) — 24
- Мишель** (Michel) Анри (1857–1904), французский философ, историк государства и права — 196
 - L'idée de l'État. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la Révolution. Paris 1898 [рус. перевод: Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2012] — 196
- Миштовт** (Mishtovt) Георгий Викентьевич (1879–?), ученик и сотрудник И.П. Павлова, написал под его руководством диссертацию «Выработанное торможение искусственного условного рефлекса (звукового) на слюнные железы» (СПб., 1907), после Октябрьской революции 1917 г. работал практическим врачом, в 1930 г. перебрался в Литву, а после Великой Отечественной войны – в Белоруссию; в конце 1950-х гг. работал в Гродненской области, дальнейшая его судьба не известна — 547
- Мозер** (Moser) Людвиг (1805–1880), немецкий физик, профессор философского факультета Кенигсбергского университета — 144
 - Die Gesetze der Lebensdauer [Законы жизни], Berlin, 1839 — 144
- Моисей** (Moses; XIII в. до н. э.), в Пятикнижии — еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, организовавший Исход евреев из Древнего Египта — 435
- Молинари** (Molinari) Густав де (1819–1912), бельгийский экономист, автор трактата «Производство и распределение богатств. Курс политической экономии» (М., 2012) — 296, 303
 - Grandeur et décadence de la guerre [Величие и упадок войны]. Paris, 1898 — 296
- Молль** (Moll) Альберт (1862–1939), немецкий психиатр, один из основоположников сексологии и психиатрии в Германии, автор статей: «Die sozialen Formen der sexuellen Beziehungen» (Социальные формы сексуальных отношений) и «Die Erotik in der Literatur und Kunst» (Эротика в литературе и искусстве) // Handbuch der Sexualwissenschaften. Mit Besonderer Berücksichtigung Der Kulturgeschichtlichen Beziehungen [Справочник по сексуальным наукам. С особым вниманием к культурно-историческим отношениям], herausgegeben von Dr. Albert Moll. Leipzig, 1912 — 541
- Мольер** (Moliere; 1622–1673), французский комедиограф, создатель классической комедии — 572
- Момберт** (Mombert) Пауль (1876–1938), немецкий экономист и демограф — 256, 484
 - Zum Wesen der sozialen Klasse [О сущности социального класса] // Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. München and Leipzig, 1923, Bd. II — 484
 - Die Tatsachen der Klassenbildung [Процесс формирования классов] // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1920, Bd. XLIV, Heft 4, S. 93–122 — 484
- Моммзен** (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий историк, филолог и правовед, лауреат Нобелевской премии (1902) — 444, 486
 - Römisches Staatsrecht [Римское государственное право]. Leipzig, 1887–1888, Bd. I–III [рус. перевод Bd. II, S. 247–279: Моммзен Т. Римское государственное право: на-

- родный трибунал // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2013, вып. 8, с. 211–244] — 444
- Монро** (Monroe) Артур Эли (1885–1965), американский экономист, преподаватель Гарвардского университета — 461
 – Early Economic Thought: Selected Writings from Aristotle to Hume [Ранняя экономическая мысль: Избранные труды от Аристотеля до Юма]. Cambridge, 1924 (ed.) — 461
- Монтень** (Montaigne) Мишель де (1533–1592), французский писатель и философ, автор книги «Опыты» — 297
- Монтескье** (Montesquieu) Шарль Луи де (1689–1755), французский философ-просветитель, историк, писатель — 112, 175, 176, 181, 224, 451
 – Spirit of Laws [О духе законов]. London, 1894, vol. I (рус. перевод: *Монтескье*. Избранные произведения. М., 1955) — 181
- Монье** (Maunier) Рене (1887–1951), французский социолог права, в 1911–1918 гг. – профессор юридической школы в Каире, во время Второй мировой войны – вице-президент Международного института социологии, после войны осужден за сотрудничество с немецкой оккупационной властью и лишен права преподавания — 472
 – Vie religieuse et vie économique [Жизнь религиозная и жизнь экономическая] // Revue Internationale de sociologie. 1907, Dec., 1908, Jan., Febr. — 472
- Морган** (Morgan) Жак Жан Мари де (1857–1924), французский археолог — 251, 253
 – Prehistoric Man. A general outline of prehistory [Доисторический человек. Общий очерк предистории]. New York, 1925 — 251
- Морган** (Morgan) Конви Ллойд (1852–1936), английский этнолог и психолог — 406, 661, 662
 – Animal Behavior [Поведение животных]. New York, 2-d ed. 1908 [рус. перевод: Из мира животных. СПб., 1903] — 406
 – Emergent Evolution [Эмерджентная эволюция]. London, 1923 — 662
- Морган** (Morgan) Льюис Генри (1818–1881), американский этнограф, социолог и историк, создатель научной теории первобытного общества, автор книги «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877, рус. перевод: Л., 1933) — 486
- Моро де Жоннес** (Moreau de Jonnès) Александр (1778–1870), французский экономист и статистик, автор книги о статистике Франции, Великобритании, Испании, по теории статистики и об экономике Франции — 166
- Моро-Кристоф** (Moreau-Christophe) Луи-Матюрен (1799–1881), французский юрист, автор работ по преступности и правовому законодательству — 499
- Моррас** (Maurras) Шарль (1868–1952), французский публицист, критик, поэт — 206, 210
 – Romanticisme et révolution [Романтизм и революция]. Paris, 1912 — 206
- Морселли** (Morselli) Энрико (1852–1929), итальянский психиатр, антрополог, философ и социолог — 112, 138, 162, 251, 252, 264, 283, 644
 – Il Suicidio. Saggio di Statistica Morale Comparata [Самоубийство. Анализ сравнительной моральной статистики]. Milan, 1879 [перевод на нем. язык: Der Selbstmord. Ein Kapitel aus der Moralstatistik. Leipzig, 1881] — 162, 644
 – Antropologia generale. [Общая антропология] Torino, 1910 — 251, 252
 – Le razze umane e il sentimento di superiorità ethica [Человеческие расы и чувство этнического превосходства] // Rivista Italiana di Sociologia, 1911, vol. XV, p. 321–248 — 138, 264, 283
- Моска** (Mosca) Гаэтано (1858–1941), итальянский юрист и социолог — 78, 622
 – Elementi di scienza politica [Элементы политической науки]. Roma, 1896 — 78
- Мосс** (Mauss) Марсель (1872–1950), французский этнограф и социолог, племянник и ученик Э. Дюркгейма — 425, 435, 473
 – Mélanges d'histoire des religions [Вопросы истории религий]. Paris, 1909 (в соавторстве с А. Юбером) — 425

- *Esquisse d'une théorie générale de la magie* [Очерк общей теории магии] // *L'année sociologique*. 1902–1903, vol. VII (в соавторстве с А. Юбером) — 473
- Моссе** (Mosse) Макс (1873–1936), немецкий терапевт — 632, 633
- *Krankheit und Soziale Lage* [Болезнь и социальное положение]. Hrsg. von Professors M. Mosse and G. Tugendreich. München, 1913 — 632
- Моцарт** (Mozart) Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор — 175
- Мужоль** (Mougeolle) Поль, французский историк и статистик, представитель географической школы — 112, 119, 120, 172, 182, 329, 353, 355
- *Statique des civilisations* [Статика цивилизаций]. Paris, 1883 — 120, 172, 182, 355
- *Les problèmes de l'histoire* [Проблемы истории]. Paris, 1886 — 120
- Мулине** (Moulinée) Анри, французский философ и филолог, профессор философии в коллеже Кастра — 196, 206, 394
- *De Bonald. La vie – la carrière politique – la doctrine* [Де Бональд. Жизнь – Политическая деятельность – Учение]. Paris, 1916 — 196, 394
- Мур** (Moore) Генри Людвелл (1869–1958), американский экономист, известен новаторской работой по эконометрике — 112, 129–132, 134, 645, 646
- *Economic Cycles. Their Law and Cause* [Экономические циклы. Их закономерности и причины]. New York, 1914 — 129, 130, 645, 646
- *Generating Economic Cycles* [Формирование экономических циклов]. New York, 1923 — 645, 646
- Мур** (Moore) Генри Т. (1886–?), американский психолог, преподаватель Дартмутского колледжа (Dartmouth College) — 519, 562, 637, 638
- *A Method of Testing the Strength of Instincts* [Метод проверки силы инстинктов] // *American Journal of Psychology*. 1916, vol. XXVII — 562
- *Innate Factors in Radicalism and Conservatism* [Врожденные факторы радикализма и консерватизма] // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925–1926, vol. XX — 519, 637
- Мусоргский** (Musorgsky) Модест Петрович (1839–1881), русский композитор, член «Могучей кучки» — 175
- Мьёен** (Mjøen) Йюю Альфред (1860–1939), норвежский химик и фармацевт, наиболее известный своими исследованиями в области расовой биологии и евгеники в Норвегии — 286
- *Harmonic and Disharmonic Race-Crossings* [Гармоничные и дисгармоничные скрещивания рас] // *Eugenics in Race and State*. Baltimore, 1923 — 286
- Мэй** (May) Марк Артур (1891–1977), американский психолог и педагог, ученик Э. Торндайка, профессор Йельского университета — 629
- *Testing the knowledge of Right and Wrong* [Тестирование на знания о правильном и неправильном] // *Religious Education*. 1927, vol. XXI (в соавторстве с Х. Хартсхорном) — 629
- Мэй** (May) Рафаэль Эрнст (1858–1933), немецкий коммерсант (сахароторговец) и экономический публицист; автор книг и статей по общему экономическому развитию, о народных доходах, потреблении, налогах и демографических вопросах, в том числе монографии «Основной закон экономических кризисов и их профилактика в эпоху монополий» (*Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen und ihr Vorbeugemittel im Zeitalter des Monopols*. Berlin, 1902) — 156, 489
- Мэллок** (Mallock) Уильям (1849–1923), английский писатель-экономист — 308, 309
- *Aristocracy and Evolution* [Аристократия и эволюция]. London, 1898 — 309
- Мэн, Мэйн** (Maine) Генри Джеймс Самнер (1822–1888), английский юрист, антрополог, историк и социолог права — 63, 72, 78, 435
- *Popular Government* [Народное правительство]. London, 1896 [подробное изложение на рус. языке: Демократия перед судом английского конституционалиста] // *Юридический вестник*. 1887, № 1] — 78

- Мэн-цзы** (Mencius; 372–289 до н. э.), китайский философ, представитель конфуцианской традиции — 111, 328, 459, 478
- Мюллер** (Müller) Адам Генрих (1779–1829), немецкий публицист и экономист, в экономической науке Германии представитель так называемой романтической школы, выражавшей интересы феодальной аристократии; противник экономического учения А. Смита — 196, 465
- Мюллер** (Müller) Ганс фон (1875–1944), немецкий историк литературы, независимый ученый, писатель и библиотечкарь, автор исследования «Десять поколений немецких поэтов и мыслителей: 45 возрастных групп, родившихся в период 1561–1892» (*Zehn Generationen deutscher Dichter und Denker: die Geburtsjahrgänge 1561–1892 in 45 Altersgruppen*. Frankfurter Verlags-Anstalt, 1928) — 499
- Мюллер** (Muller) Фридрих Макс (1823–1900), немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии, с 1875 г. всецело посвятил себя изданию 50-томной серии «Священные книги Востока» (*The Sacred Books of the East*) — 112, 176, 215, 424
- Мюнстерберг** (Münsterberg) Гуго (1863–1916), немецко-американский философ и психолог, один из основоположников психотехники — 634
– *The Americans*. New York, 1904 [рус. перевод: Американцы. М., 1906, т. 1–2] — 634
- Мюнцер** (Munzer) Томас (ок. 1490–1525), немецкий революционер, один из главных вождей Крестьянской войны в Германии (1524–1526) — 379
- Мюффан** (Muffang) Анри (1864–1944), французский журналист, социолог и антрополог, автор статей «Ливерпульские школьники и студенты» (*Écoliers et étudiants de Liverpool // L'Anthropologie*. 1899, vol. X, p. 21–41) и «Школьники и крестьяне Сен-Бриака» (*Écoliers et Paysans de Saint-Brieac // Revue International de Sociologie*. 1897, novembre) — 250, 258, 488

Н

- Наполеон I** Бонапарт (Napoleon Bonaparte; 1769–1821), французский император в 1804–1815 гг. — 137, 412
- Нарада** (Narada), в индуизме полубожественный мудрец, которому приписывают несколько гимнов «Ригведы» и который играет большую роль в некоторых пуранических писаниях — 213, 128, 460
- Нейц** (Neitz) Евгений Александрович (1884–1961), врач и физиолог, в студенческие годы начавший работать под руководством И.П. Павлова на кафедре физиологии Военно-медицинской академии, где выполнил исследование «К вопросу о влиянии условных рефлексов друг на друга» (1908), удостоенное золотой медали им. Тучевского; в 1922–1957 гг. – профессор кафедры детских болезней медицинского факультета Воронежского университета — 547
- Нельсон** (Nelson) Горацио (1758–1805), командующий британским флотом, вице-адмирал, барон Нильский (1798), виконт (1801), погиб в Тафальгарском морском сражении — 234
- Неринг** (Nearing) Скотт (1883–1983), американский радикальный экономист, педагог, писатель, политический активист и пацифист, с 1915 г. – профессор университета Толедо (штат Огайо), автор статьи «Молодое поколение американских гениев» (*The younger Generation of American Genius // Scientific Monthly*. 1916, January) — 190
- Несмит** (Nasmith) Джордж Уильям (1882–1920) американский социолог — 287, 303, 305, 313, 315, 321
– *Social Progress and the Darwinian Theory. A study of force as a factor in human relations [Социальный прогресс и теория Дарвина. Исследование силы как фактора человеческих отношений]*. New York, 1916 — 287, 305, 313, 315, 321
- Несфилд** (Nesfield; у Сорокина ошибочно: Niesfeld) Джон Коллинсон (1836–1919), английский педагог, антрополог, с 1867 г. – колониальный администратор в Индии, профессор правительственного колледжа Кришнагара, сотрудник провинциального правительства,

- автор книги «Краткий обзор кастовой системы» (Brief View of the Caste system. Allahabad, 1885) — 591
- Неттлшип** (Nettleship) Эдуард (1845–1913), английский офтальмолог, внесший большой вклад в изучение глазного альбинизма и наследственной куриной слепоты, совместно с К. Пирсоном написал монографию по альбинизму (A monograph on albinism in man. London, 1911) — 245
- Неэр** (Neher) Х.Л., американский педагог, лингвист, сотрудник Северо-западного университета в Эванстоне (штат Иллинойс), автор статьи «Измерение словарного запаса старшеклассников» (Measuring the vocabulary of high school pupils // *School and Society*. 1918, vol. VIII, September 21) — 406
- Нибур** (Niebuhr) Бартольд Георг (1776–1831), немецкий историк античности — 465
- Николай** (Nicolai) Георг Фридрих (1874–1964), немецкий врач, физиолог и пацифист — 289, 296–298, 303–305, 311, 315, 321, 323, 349
- Die Biologie des Krieges. Zürich, 1919, Bd. I [рус. перевод: Биология войны. М., 2007] — 289, 297, 298, 305, 311, 315, 321, 323, 349
- Николай** Кузанский (Nicolas of Cues) (1401–1464), кардинал, теолог и философ, церковно-политический деятель — 195
- Николсон** (Nicholson) Джозеф Шилд (1850–1927), английский экономист, с 1880 г. – профессор политэкономии Эдинбургского университета — 358, 362, 365
- Principles of Political Economy [Принципы политической экономии]. London, 1893, vol. I — 358
- Никсон** (Nixon) Джон У. (у Сорокина ошибочно: S.W.), английский историк и статистик, бакалавр (B.Sc.) — 311
- War and national vital statistics with special reference to the Franco-Prussian war [Война и статистика населения на примере Франко-прусской войны] (Доклад, сделанный на заседании Королевского статистического общества, состоявшегося 16 мая 1916 г. под председательством лорда Джорджа Гамильтона) // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1916, vol. 79. № 4, July — 311
- Нильссон** (Nilsson) Мартин Перссон (1874–1967), шведский филолог, исследователь классической мифологии и религии, профессор университета в Лунде — 427
- Primitive time-reckoning; a study in the origins and first development of the art of counting time among the primitive and early culture peoples [Первобытное исчисление времени; исследование происхождения и первого развития искусства счета времени у первобытных и ранних культурных народов]. Lund, 1920 — 427
- Ницше** (Nietzsche) Фридрих Вильгельм (1844–1900), немецкий философ, классический филолог и поэт — 303, 325, 486, 570, 588, 649
- Also Sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen (1883–1885) [рус. перевод: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // *Ницше Ф.* Сочинения в 2-х тт. М., 1990, т. 2] — 649
- Нич** (Nitzsch) Карл Вильгельм (1818–1880), немецкий историк, преподаватель и писатель — 405
- Ничефоро** (Niceforo) Альфредо (1876–1960), итальянский статистик и научный расист — 250, 255, 258, 488
- Les classes pauvres. Recherches anthropologiques et sociales [Классы неимущих. Антропологические и социальные исследования]. Paris, 1905 — 255, 258, 651
- Les indices numériques de la civilisation et du progrès [Численные показатели цивилизации и прогресса]. Paris, 1921 — 651
- Новгородцев** (Novgorodzeff) Павел Иванович (1866–1924), русский правовед, философ, общественный и политический деятель — 467, 469, 482
- Об общественном идеале. 3-е изд. Берлин, 1921 [М., 1991] — 467, 469

- Новиков** (Novikow) Яков Александрович (Jacques) (1849–1912), русско-французский социолог и публицист, позитивист, критик социал-дарвинизма; фабрикант, владелец крупнейшего в России второй половины XIX в. канатного завода; член редколлегии журнала «Revue de Sociologie» с момента его основания в 1893 г. — 197, 200–203, 290–293, 296–299, 301–304, 349, 574, 653
- Les luttes entre sociétés humaines et leurs phases successives [Борьба между человеческими обществами и их последовательные фазы]. Paris, 1893 — 197
 - War, and its Alleged Benefits [Война и ее мнимые благодеяния]. Translated by T. Seltzer, New York, 1911 (La guerre et ses pretendue bienfaites. Paris, 1894) — 293
 - [La Justice et le darwinisme (Справедливость и дарвинизм)] // Annales de l'institut international de sociologie. I. Travaux du premier Congrès tenu à Paris, en octobre 1894. Paris, 1895, vol. IV, p. 181–208 — 201
 - Conscience et volonté sociale [Общественное сознание и общественная воля]. Paris, 1897 — 197, 201, 203, 290, 291
 - La théorie organique des sociétés. Défense de l'organicisme [Органическая теория обществ. Защита органицизма]. Paris, 1899 — 197
 - La fédération de l'Europe [Федерация Европы]. Paris, 1901 — 293
 - La critique du Darwinisme social [Критика социального дарвинизма]. Paris, 1910 — 197, 297, 298
- Новосельский** (Novoselsky) Сергей Александрович (1872–1953), русский и советский статистик и демограф, один из основоположников санитарной статистики в России, академик АМН СССР (1945) — 250, 311
- Влияние войны на естественное движение населения // Общественный врач. 1915, январь — 311
- Нойдек** (Neudeck) Георг (1866–?), немецкий историк — 414
- Geschichte der Technik [История техники]. Stuttgart, 1923 — 414
- Нойман** (Neumann) Карл Иоганн Генрих (1823–1880), немецкий историк, географ и археолог, профессор университета в Бреслау — 465
- Норбери** (Norbury) Ф.П., американский психиатр — 164
- Seasonal Curves in Mental Disorders [Сезонные кривые при психических расстройствах] // Medical Journal and Record. 1924, vol. CIX — 164
- Ноулз** (Knowles) Лилиан Шарлотта Энн (1870–1926), английский историк экономист, профессор экономической истории Лондонской школы экономики, первая женщина-декан факультета экономической истории Лондонского университета — 414
- The Industrial and Commercial Revolutions in Great Britain during the Nineteenth Century [Промышленная и коммерческая революции в Великобритании в девятнадцатом веке]. London, 1922 — 414
- Ньюхолм** (Newsholme) Артур (1857–1943), английский врач и статистик, эксперт по здравоохранению, автор книги «Элементы жизненной статистики» (The Elements of Vital Statistics. 1889) — 144
- Ньюман** (Newman) Горацио Хакетт (1875–1957), американский зоолог, в 1917–1940 гг. – профессор Чикагского университета — 287
- Readings in Evolution, Genetics, and Eugenics [Чтения по эволюции, генетике и евгенике]. Chicago, 1921 — 287
- Ньютон** (Newton) Исаак (1642–1727), английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики — 30, 175, 234, 335, 405, 409, 412, 553
- Математические начала натуральной философии (Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica. Londoni, 1687) [М., 1989] — 409, 553
- Нэш** (Nash H.B.) Гарри Б. (1885–1966), американский психолог и педагог — 272
- Mental Capacity of Children and Paternal Occupation [Умственные способности детей и род занятий их родителей] // The Journal of Educational Psychology. 1924, December (в соавторстве с М.Э. Хагерти) — 272

О

- О’Брайэн** (O’Brien) Фрэнсис Пол (1885–?), американский психолог и педагог, сотрудник учительского колледжа Колумбийского университета — 629
- The High School Failures: A Study of the School Records of Pupils Failing in Academic Or Commercial High School Subjects [Неуспеваемость в средней школе: анализ школьных записей учеников, неуспевающих по академическим или коммерческим предметам средней школы]. New York, 1919 — 629
- Обри** (Aubry) Поль, французский антрополог и криминолог, член Парижского антропологического общества, автор тезисов «Инфекция убийства: исследование криминальной антропологии» (La contagion du meurtre: étude d’anthropologie criminelle. Paris, 1887), представленных на защиту научного звания доктора медицины — 578
- Овелаке** (Novelaque) Эмиль Люсьен (1865–1936), французский специалист по международным отношениям, генеральный инспектор государственного образования, сыгравший значительную роль во франко-американских отношениях во время Первой мировой войны — 325
- Deeper Causes of the War [Подлинные причины войны]. London, 1917 (Les causes profondes de la guerre. Paris, 1915) — 325
- Оверберг** (Overbergh; у Сорокина ошибочно: Overberger) Сирил ван (1866–1959), бельгийский социолог, правовед, публицист, общественный и политический деятель, автор исследования «Социальный класс» (La classe sociale. Brussel, 1905) — 483
- Огановский** (Oganovsky; у Сорокина ошибочно: Organovsky) Николай Петрович (1874–1938), русский экономист-аграрник, статистик и политический деятель — 359
- Огборн** (Ogburn) Уильям Филдинг (1886–1959), американский социолог, один из создателей социологии науки и социологии техники — 412, 492–497, 499, 500, 512, 517–520, 630, 645, 647, 648, 652–655, 657, 661
- Political Thought of Social Classes [Политическая мысль социальных классов] // Political Science Quarterly. 1916, vol. XXXI (в соавторстве с Д. Петерсоном) — 518
 - The Influence of the Business Cycle on Certain Social Conditions [Влияние бизнес-цикла на некоторые социальные условия] // Journal American Statistical Society. 1922, vol. XVIII, № 139, Septemder (в соавторстве с Д.С. Томас) — 492, 500, 645
 - Are Inventions Inevitable? [Неизбежны ли изобретения?] // Political Science Quarterly. 1922, March (в соавторстве с Д.С. Томас) — 661
 - Social change, with respect to culture and original nature [Социальные изменения и их влияние на культуру и изначальную природу]. London, 1923 — 412, 512, 520, 647, 648, 653, 657
 - Factors Affecting the Marital Conditions of the Population [Факторы, влияющие на семейное положение населения] // Proceedings American Sociological Society. 1923, vol. XV — 630
 - The Relationship of Marital Condition to Death, Crime, Insanity, and Pauperism [Соотношение семейного положения со смертностью, преступностью, психическими расстройствами и пауперизмом] // XVIe session de l’Institut International de Statistique. Roma, 1926 — 630
- Огден** (Ogden) Чарлз Кей (1889–1957), английский писатель, философ и лингвист, создатель международного искусственного языка «бейсик-инглиш» — 554
- The Meaning of Psychology [Значение психологии]. New York, 1926 — 554
- Огл** (Ogle) Уильям (1827–1912), английский врач и классицист; читал лекции по физиологии в больнице Св. Георгия, после ухода на пенсию переводил труды Аристотеля, в частности «О частях животных» — 250, 489, 492
- On Marriage Rates and Marriage Ages [О показателях брачности и брачном возрасте] // Journal of Royal Statistical Society. 1890, June — 492

- Один** (Odin), или Вотан, верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов — 94, 108
- Один** (Odin) Альфред (1864–1896), профессор университета в Софии, лингвист и социолог, сторонник энвайронментализма, автор трудов по фонологии и грамматике — 266, 371, 629, 645
- *Genèse des grands hommes, gens de lettres français modernes* [Генезис великих людей, родовые истоки современных французских литераторов]. Lausanne [у Сорокина ошибочно: Paris], 1895, vol. I–II — 266, 371, 629, 645
- Одум** (Odum) Говард Вашингтон (1884–1954), американский социолог, психолог и писатель, основатель журнала «Social Forces» — 277, 640
- *Social and Mental Traits of the Negro. Research into the conditions of the Negro race in southern towns, a study in race traits, tendencies and prospects* [Социальные и психические особенности негра. Исследование условий существования негритянской расы в южных городах, изучение расовых черт, склонностей и перспектив развития]. New York, 1910 — 277
 - *American Masters of Social Science* [Американские мастера социальных наук]. New York, 1927 (в соавторстве с Дж.Л. Гиллином) — 640
- Ойленбург** (Eulenburg) Франц (1867–1943), немецкий экономист и социолог, ученик Г. Шмоллера, с 1926 г. до прихода к власти нацистов – профессор коммерческого университета в Берлине, умер в заключении в гестапо при невыясненных обстоятельствах — 649
- *Sind historische Gesetze möglich?* [Возможны ли исторические законы?] // *Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. Bd. I. München und Leipzig*, 1923 — 649
- Олдфилд** (Oldfield) Август Фредерик (1821–1887), английский ботаник и зоолог, собравший большую коллекцию растений Австралии, автор записок о своем путешествии — 170
- *The Aborigines of Australia* [Аборигены Австралии] // *Transactions of Ethnological Society, New Series*. 1865, vol. III — 170
- Олорис** (Olóriz) Федерико Агилера (1885–1912), испанский врач, гигиенист и анатом, занимавшийся криминальной антропологией, профессор школы полиции и антропологического музея в Мадриде, автор исследования «Рост у жителей в Испании» (*La talla humana en España*. Madrid, 1896) — 250, 258, 488
- Олпорт** (Allport) Флойд Генри (1890–1978), американский психолог, специалист в области экспериментальной социальной психологии и психологии личности — 67, 68, 409, 410, 417, 519, 536, 552, 554, 578, 637, 663
- *The Influence of the Group upon Association and Thought* [Влияние группы на ассоциацию и мышление] // *Journal Experimental Psychology*. 1920, vol. III — 519
 - *Social Psychology* [Социальная психология]. Boston, 1924 — 409, 410, 536, 554, 578
 - *The Measurement and Motivation of Atypical Opinion in a Certain Group* [Измерение и мотивация нетипичного мнения в определенной группе] // *The American Political Science Review*. 1925, Vol. XIX (в соавторстве с Д.А. Хартманом) — 637
 - *Technique for the Measurement and Analysis of Public Opinion* [Методика измерения и анализа общественного мнения] // *Proceedings American Sociological Society*. 1926, vol. XXXII (в соавторстве с Д.А. Хартманом) — 519, 637
- Ольдендорф** (Oldendorff; у Сорокина ошибочно: Ollendorf) Адольф (1831–1896), немецкий врач, практиковавший в Берлине, и статистик, занимавшийся исследованием влияния рода занятий на продолжительность жизни, а также брачной статистикой и вопросами страхования, автор монографии «Влияние занятости на продолжительность жизни человека» (*Der Einfluss der Beschäftigung auf die Lebensdauer des Menschen*) (Berlin 1877) и статьи «Показатели смертности и заболеваемости рабочих-шлифовальщиков в Золингене и Умбертге, а также в Ремшайде и Кроненберге» (*Die Mortalitäts- und Morbiditäts-*

- Verhältnisse der Metallschleifer in Solingen und Umgegeng, sowie in Remscheid und Kronenberg // *Centralblatt für allgemeine Gesundheitspflege*. Bonn, 1882, S. 238–260) — 489
- Онслоу** (Onslow) Герберт (1890–1922), английский биохимик, сотрудник биохимической лаборатории в Кэмбридже, сын 4-го графа Онслоу — 255, 258, 261
 – Fair and Dark; is There a Predominant Type? [Светлые и темные; есть ли преобладающий тип?] // *The Eugenic Review*. 1920, vol. XII, № 3 (October), p. 212–217 — 255, 258
- Оппенгеймер** (Oppenheimer) Франц (1864–1943), немецкий экономист и социолог — 410, 432, 434, 469
 – Das Grundgesetz der Marxschen Gesellschaftslehre [Основной закон марксистской теории общества]. Berlin, 1903 — 469
 – Der Staat. Frankfurt am Main, 1908 [рус. перевод: Государство: Переосмысление. М., 2020] — 432
 – System der Soziologie [Система социологии]. Jena, 1923–1926, Bd. I–II — 432
 – Soziologie des Staates [Социология государства] // *Jahrbuch für Soziologie*. 1926, Bd. II — 434
- Орано** (Orano) Паоло (1875–1945), итальянский писатель, преподаватель, депутат и журналист, один из основателей фашистской Школы журналистики, основатель науки о демодоксалогии (общественном мнении), сыгравший ведущую роль в распространении антисемитских теорий в Италии; умер в концлагере для военнопленных — 579
 – *Psicologia sociale* [Социальная психология]. Bari, 1920 — 579
- Орбели** (Orbelli) Леон Абгарович (1882–1958), российский и советский физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, в 1902–1917 гг. работал у И.П. Павлова в отделе физиологии Императорского института экспериментальной медицины и написал под его руководством диссертацию «Условные рефлексы с глаза у собаки» (СПб., 1908), академик (с 1935 г.), с 1956 г. директор созданного им Института эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР — 547
- Орженцкий** (Orjenzky) Роман Михайлович (1863–1923), русский и украинский экономист и статистик, академик Украинской АН (1919), земский и профсоюзный деятель, в статистике разрабатывал математические методы количественного измерения массовых общественных явлений — 572
 – К вопросу о природе хозяйственных явлений и методе их изучения // *Юридический вестник*. 1914, кн. 1 — 572
- Ориу** (Nauriou) Морис (1856–1929), французский юрист, специалист по административному праву, представитель «школы государственной власти» — 206
 – *La science sociale traditionnelle* [Традиционная социальная наука]. Paris, 1896 — 206
- Ортез** (Ortes) Джаммария (1713–1790), венецианский экономист, философ, математик и композитор, первым использовал термин «экономика» для науки, в его «Размышлениях о населении по отношению к национальной экономике» (*Riflessioni sulla popolazione per rapporto all'economia nazionale*. 1790) за несколько лет до «Опыта» Мальтуса встречается точная и подробно разработанная теория геометрической прогрессии в росте населения — 328
- Осборн** (Osborn) Генри Фэрфилд (1857–1935), американский геолог, евгеник и палеонтолог, многие годы был президентом Американского музея естественной истории в Нью-Йорке — 287
 – From the Greeks to Darwin. An outline of the development of the evolution idea [От греков до Дарвина. Очерк развития эволюционной идеи]. New York, 1908 — 287
- Осипов** (Osipoff) Виктор Петрович (1871–1947), русский психиатр — 310
 – О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // *Известия Комиссии Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны*. 1919, № 7–12 — 310
- Оствальд** (Ostwald) Вильгельм (1853–1932), немецкий физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909) — 37, 42, 43, 45, 54, 56, 661, 662

- Die Energien [Энергия]. Leipzig, 1908 — 43
- Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaften [Энергетические основы наук о культуре]. Leipzig, 1909 — 43
- Grosse Männer. Leipzig, 1909 [рус. перевод: Великие люди. СПб., 1910] — 662
- Острогорский** (Ostrogorsky) Моисей Яковлевич (1854–1921), русский политолог, историк, юрист, социолог — 78, 516, 622
 - La démocratie et les parties politiques. Paris, 1912 [рус. перевод: Демократия и политические партии. М., 1997] — 78, 516
- Отле** (Otlet) Поль (1868–1944), бельгийский писатель, предприниматель, мыслитель, документалист, библиограф, юрист и борец за мир; отец-основатель информатики — 305, 311
 - Les problèmes internationaux et la guerre [Международные проблемы и война]. Paris, 1916 — 305, 311
- Оффенбахер** (Offenbacher) Мартин (1877–1942), немецкий социолог, ученик М. Вебера, автор исследования «Конфессия и социальная стратификация. Исследование экономического положения католиков и протестантов в Бадене» (Konfession und soziale Schichtung. Eine Studie über die wirtschaftliche Lage der Katholiken und Protestanten in Baden. Tübingen-Leipzig, 1901) — 614

II

- Павел** (St. Paul), апостол, автор четырнадцати посланий, вошедших в канонический текст Нового Завета — 195, 611
- Павел Диакон** (Paul the Deacon; ок. 720–800), историк лангобардов, происходящий из знатной лангобардской семьи из Фриуля — 111
- Павлов** (Pavlov) Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности человека, академик (с 1907 г.), лауреат Нобелевской премии (1904) — 20, 536, 547, 548, 552–554, 556, 561, 562, 578
 - Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897 — 547, 556
 - Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. М.-Пг., 1923 — 536, 547, 549, 556, 578
 - О пищевом центре // Двадцатилетний опыт, 1923 — 556
 - «Настоящая физиология» головного мозга // Двадцатилетний опыт, 1923 — 556, 578
 - Рефлекс цели; Рефлекс свободы // Двадцатилетний опыт, 1923 — 547, 549
 - Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.-Л., 1927 — 547, 561, 578
 - The Work of the Digestive Glands [О пищеварительных железах]. London, 1902 — 556
- Пайл** (Pyle) Вильям Генри (1875–1946), американский педагог и психолог, преподаватель педагогической психологии в университете Миссури — 277, 279, 280
 - Nature and Development of Learning Capacity [Природа и развитие способности к обучению]. Baltimore, 1925 — 277, 279
- Палант** (Palante) Жорж (1862–1925), французский философ и социолог — 210, 211, 410, 413
 - Précis de sociologie. 2d. ed. Paris, 1903 [рус. перевод: Очерк социологии. М., 1910] — 410
 - Combat pour l'individu [Борьба за индивидуальность]. Paris, 1904 — 210, 410
 - Antinomies entre l'individu et société. Paris, 1913 [част. рус. перевод П.А. Сорокина: Антиномия между индивидом и обществом в области духовной, преимущественно умственной жизни // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. № 2: Социология и психология] — 210, 410
- Палестрина** (Palestrina) Джованни (1525/1526–1594), итальянский композитор, один из крупнейших полифонистов эпохи Ренессанса — 502
- Палладин** (Palladin) Александр Владимирович (1885–1972), русский и украинский биохимик, ученик и сотрудник И.П. Павлова, автор статьи «Образование искусственных услов-

- ных рефлексов от суммы раздражителей» (1906), президент АН Украинской ССР (1946–1962), академик АН УССР и АН СССР, основатель украинской школы биохимиков — 547
- Пальяни** (Pagliani) Луиджи (1847–1932), итальянский врач, гигиенист, организатор системы народного здравоохранения Италии, автор статьи «Итальянская демография на Всемирной выставке в Париже в 1878 году: антропометрические исследования по развитию человеческого организма» (*La demografia italiana all'Esposizione universale di Parigi nel 1878: studi antropometrici sullo sviluppo dell'organismo umano // Annali di Statistica. 1878, Serie 2, vol. 2, p. 228–234*) — 250, 488
- Панталеони** (Pantaleoni) Марео (1857–1924), итальянский экономист — 58, 60
- In occasione della morte di Pareto [По случаю смерти Парето] // *Giornale degli Econimisti. 1924, № 1–2* — 58
- Парето** (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский экономист и социолог, по образованию инженер — 26, 31, 37, 46, 51, 58–80, 284, 317, 318, 377, 386, 415, 450, 469–471, 481, 485, 520, 526, 571, 596, 607, 608, 622, 636, 637, 647, 648, 650, 661
- *Cours d'économie Politique* [Курс политической экономики]. Lausanne, 1896–1897, vol. I–II — 59
 - Il compito della sociologia fra le scienze sociali [Задача социологии среди социальных наук] // *Rivista Italiana di sociologia. 1897, July* — 59
 - I problemi della sociologia [Проблемы социологии] // *Rivista Italiana di sociologia. 1899, March* — 59
 - Un applicazione di teorie sociologiche [Применение социологических теорий] // *Rivista Italiana di sociologia. 1900, vol. IV, Luglio–Agosto, p. 402–456* — 59
 - *Les systèmes socialistes. Paris, 1902–1903, vol. I–II* [частич. рус. перевод: Социалистические системы // Теоретическая социология. Антология. М., 2002, т. 1] — 59, 469
 - *Manuale di economia politica* [Учебник политической экономики]. Milano, 1906 — 59
 - *Trattato di Sociologia Generale* [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, vols. I, II (изд. на фр. языке: *Traité de sociologie générale. Paris, 1917–1919, vol. I–II*) — 59, 60, 62–66, 68, 71, 74, 76, 284, 386, 470, 481, 485, 520, 648, 650
- Парк** (Park) Роберт (1864–1944), американский социолог — 302, 303, 324, 401, 438, 449, 454–456, 458, 539, 549, 570, 576, 618, 622, 624, 634, 651
- *Principles of Human Behavior* [Принципы человеческого поведения]. Chicago, 1915 — 549
 - *Introduction to the Science of Sociology* [Введение в науку социологии]. Chicago, 1921 (в соавторстве с Э. Бёрджессом) — 303, 324, 401, 455, 539, 570, 576, 618, 651
 - *The Natural History of the Newspaper // American Journal of Sociology. 1923, November* [рус. перевод: Естественная история газеты // *Парк Р. Избранные очерки. Сб. переводов. М., 2011, с. 241–256*] — 622
 - *The city. Suggestions for investigation of human behavior in the urban environment. Chicago, 1925* (в соавторстве с Э. Бёрджессом) [рус. перевод: Город: предложения по исследованию поведения человека в городской среде // *Парк Р. Избранные очерки. Сб. переводов. М., 2011, с. 19–56*] — 634
- Паркер** (Parker) Карлтон Хаббелл (1879–1918), американский экономист, профессор университета Калифорнии — 472
- *Motives in Economic Life* [Мотивы в экономической жизни] // *American Economic Review. 1918, Suppl. Vol. VIII* — 472
- Паркер** (Parker) Сильвия Л., американский зоолог и статистик, в 1918–1924 гг. – преподаватель и адъюнкт университета Джона Хопкинса; в 1921–1924 гг. была соавтором проф. Р. Пирла при написании цикла статей «Экспериментальные исследования продолжительности жизни» (*Experimental studies on the duration of life // The American Naturalist. 1921–1924, vol. 55–58*) — 339

- Пармели** (Parmelee) Морис (1882–1969), американский социолог и экономист — 166, 168, 314, 406, 498, 499
- The Science of Human Behavior. Biological and psychological foundations [Наука о человеческом поведении. Биологические и психологические основания]. New York, 1916 — 406
 - Poverty and Social Progress [Бедность и социальный прогресс]. New York, 1921 — 498
 - Criminology [Криминология]. New York, 1923 — 166, 168, 314, 499
- Парсонс** (Parsons) Фредерик Гимер (1863–1943), английский врач, анатом и антрополог, профессор анатомии Лондонского университета, вице-президент Королевского антропологического института — 250, 256, 488
- The Cephalic Index of the British Isles [Цефалический индекс Британских островов] // Man. 1922, vol. 22, February — 256
- Партен** (Parten) Ньюхолл Милдред Бернис (1902–1970), американский социолог, исследователь Института детского развития университета Миннесоты — 663
- Паскаль** (Pascal) Блез (1623–1662), французский математик, механик, физик и философ — 30, 32, 196, 412
- Пастер** (Pasteur) Луи (1822–1895), французский микробиолог и химик — 175, 335, 405
- Патерсон** (Paterson) Дональд Гилдерслив (1892–1961), американский психолог, пионер прикладной психологии, в 1921–1960 гг. – профессор университета Миннесоты — 519, 542
- The Influence of Sex on Scholarship Ratings [Влияние пола на размеры стипендий] // Educational Administration and Supervision. 1926, September (в соавторстве с Т.А. Лэнгли) — 519, 542
- Патон** (Paton) Диармид Ноэль (1859–1928), английский физиолог, профессор университета Глазго, проводил исследования в области метаболизма и питания, изучая диеты представителей рабочего класса; в 1913 г. руководил крупным проектом по изучению рахита и обнаружил социальные и экономические факторы, способствующие развитию рахита, автор статьи «Бедность, питание и рост: исследование жизни детей в городах и сельских районах Шотландии» (Poverty, nutrition and growth: studies of child life in cities and rural districts of Scotland // Medical Research Council, Special Report Series, No. 101. London, 1926), написанной в соавторстве с Л. Финдли — 495, 629
- Патрик** (Patrick) Джордж Томас Уайт (1857–1949), американский психолог, профессор университета Айовы — 324, 530, 545
- The Psychology of War [Психология войны] // Popular Science Monthly. 1915, vol. 87, August — 324
 - The Psychology of Social Reconstruction [Психология социальной реконструкции]. Boston and New York, 1920 — 530, 545
- Паттен** (Patten) Саймон Нельсон (1852–1922), американский экономист и социальный философ — 202, 465, 571
- The Theory of Social Forces [Теория социальных сил]. Philadelphia, 1896 — 571
 - The Failure of Biological Sociology [Ошибка биологической социологии] // Annales of the American Academy of Political and Social Sciences. 1896, vol. IV — 202
 - Essays in Economic Theory [Очерки по экономической теории]. New York, 1924 — 465
- Паунд** (Pound) Натан Роско (1870–1964), американский юрист и педагог, в 1903–1911 г. – декан юридического колледжа Университета Небраски, в 1916–1936 гг. – декан Гарвардской школы права — 618
- Introduction to the Philosophy of Law [Введение в философию права]. New Haven – London, 1922 — 618
- Пашутин** (Pashutin) Виктор Васильевич (1845–1901), русский физиолог, основоположник русской школы патофизиологии — 558
- Курс общей и экспериментальной патологии (Патологической физиологии). СПб., 1902, т. II — 558

- Педерсен** (Pedersen) Расмус Ханс (1870–1938), датский педагог–психолог, ученик и сотрудник А. Леманна, старший преподаватель прикладной психологии Копенгагенского университета — 157, 160
- Das Wetter und unsere Arbeit. Experimentelle Untersuchungen über den Einfluss der meteorologischen Faktoren auf die körperliche und seelische Arbeitsfähigkeit [Погода и наша работа. Экспериментальные исследования о влиянии метеорологических факторов на физическую и душевную работоспособность] // Archiv für die gesamte Psychologie. 1907, Bd. X (в соавторстве с А. Леманном) — 157, 160
- Пелл** (Pell) Чарльз Эдвард, английский биолог — 170
- The law of births and deaths. Being a study of the variation in the degree of animal fertility under the influence of the environment [Закон рождений и смертей. На основании исследования колебаний степени плодовитости животных под влиянием окружающей среды]. London, 1921 — 170
- Пензиас** (Penzias) Альберт (1878–?), австрийский философ — 469
- Die Metaphysik der materialistische Geschichtsauffassung. Eine kritische Studie [Метафизика материалистического воззрения на историю. Критическое исследование]. Wien, 1905 — 469
- Первушин** (Pervushin) Сергей Александрович (1880–1966), русский советский экономист и статистик, заслуженный деятель науки РСФСР (1960), автор работ по статистике потребления, цен, проблемам крестьянского хозяйства, методологии бюджетных обследований, конъюнктуре русского и мирового хозяйства — 123
- Потребление // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Пб., 1916, т. 33, с. 156–174 — 123
- Перикл** (Pericles; ок. 495–429 до н. э.), крупнейший афинский государственный деятель, время правления которого было самой блистательной эпохой в истории Афин — 321, 582
- Перри** (Perry) Ральф Бартон (1876–1957), американский философ, один из основателей американского неореализма, ученик У. Джеймса — 536, 572
- Docility and Purposiveness [Обучаемость и целеполагание] // Psychological Review. 1918, № 1 — 572
- Перри** (Perry S.J.) С.Дж., сотрудник К. Пирсона — 245
- Перри** (Perry) Уильям Джеймс (1887–1949), английский историк, культуролог и антрополог — 656, 657, 661
- The Disappearance of Culture [Исчезновение культуры] // The Eugenic Review. 1924, July — 656
 - The Growth of Civilization [Рост цивилизации]. New York, 1923 — 661
- Персонс** (Persons) Уоррен Милтон (1878–1937), американский экономист, профессор Гарвардского университета, в 1923 г. – президент Американской статистической ассоциации, исследовал индекс общих условий ведения бизнеса — 645
- Перье** (Pergier) Эдмон (1844–1921), французский зоолог, в 1900–1919 гг. – директор Музея естественной истории — 287
- La philosophie zoologique avant Darwin [Зоологическая философия до Дарвина]. Paris, 1886 — 287
- Песнь** о Нибелунгах (Nibelungenlied), средневековая германская эпическая поэма, написанная неизвестным автором в конце XII – начале XIII в.; нибелунги – некий мифический древний род карликов, владельцев и хранителей древних сокровищ на землях по реке Рейн — 175
- Петерсон** (Peterson) Дельвин, американский социолог, автор статьи «Политическая мысль социальных классов» (Political Thought of Social Classes // Political Science Quarterly. 1916, vol. XXXI), написанной в соавторстве с У. Огборном) — 517–519
- Петерсон** (Peterson) Джозеф (1878–1935), американский психолог, в 1934 г. – президент Американской психологической ассоциации — 276

- Comparison of White and Negro Children in Multiple Choice in Learning [Сравнение белых и негритянских детей в условиях множественного выбора в обучении] // Proceedings of American Psychological Association. 1921 — 276
- The Comparative Abilities of White and Negro Children [Сравнительные способности белых и негритянских детей] // Comparative Psychology Monographs. 1923, № 5 — 276
- Петражицкий** (Petrajitzky) Лев Иосифович (1867–1931), российский и польский ученый, правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы — 52, 53, 68, 296, 297, 444, 474, 480, 536, 554, 558, 571, 580, 582, 617–620, 667, 668
 - Die Lehre vom Einkommen [Учение о доходе]. Berlin, 1893–1895, Bd. 1–2 — 480
 - Очерки философии права. Вып. 1. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб., 1900 — 617
 - Введение в теорию права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 52, 53, 444, 536, 558, 571, 580, 582, 619, 668
 - Теория права и государства в связи с историей нравственности. СПб., 1907, т. I–II — 617
 - К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913, № 2 — 297
- Петре** (Petre) Триске (1888–1956), французский ученый румынского происхождения, автор работ по вопросам медицины и социологии, принципиальный противник социальной механики — 37, 46
 - Prologomènes à une mécanique sociale [Пролегомены к социальной механике]. Paris, Alcan. 1922 — 37, 46
- Петренц** (Petrenz) Отто Вильгельм Франц (1866– ?), немецкий экономист — 128
 - Die Entwicklung der Arbeitsteilung im Leipziger Gewerbe von 1751 bis 1890 [Развитие разделения труда в Лейпцигской промышленности с 1751 по 1890 г.]. Leipzig, 1901 — 128
- Петри**, Питри (Petrie) Флиндерс Уильям (1853–1942), английский египтолог и археолог, профессор египтологии Университетского колледжа в Лондоне, основатель Британского Археологического института Египта; занимался изучением Стоунхэнджа в Англии, осуществил ряд раскопок в Египте, важнейшими из которых считаются раскопки Мемфиса; автор многочисленных работ по археологии Египта, Британии, Палестины — 647, 661
 - The Revolutions of Civilization [Революции цивилизации]. London, 1912 — 647, 661
- Петрова** (Petrova) Мария Капитоновна (1874–1948), русский советский физиолог, ученица, сотрудница и соавтор И.П. Павлова, написавшая под его руководством диссертацию «К учению об иррадиации возбуждения и тормозных процессов» (СПб., 1914), автор неопубликованных воспоминаний об И.П. Павлове, лауреат Сталинской премии — 547
- Петроградская правда**. 1919, № 162, 22 июля — 484
- Петти** (Petty) Уильям (1623–1687), английский статистик и экономист, один из основоположников классической политической экономии в Англии — 35, 328, 418
 - Several Essays in Political Arithmetics [Очерки из области политической арифметики]. London, 1699 — 35
- Пешель** (Peschel) Оскар (1826–1875), немецкий географ — 112, 173
 - The Races of Man [Человеческие расы]. New York, 1894 — 173
- Пёльман** (Pöhlmann) Роберт (1852–1914), немецкий историк — 317, 318, 318, 461, 463, 486, 662
 - Geschichte des Antiken Sozialismus und Communismus. 2d ed. [рус. перевод: История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910] — 317, 461, 463, 662
- Пигини** (Pighini; у Сорокина ошибочно: Pignini) Джакомо (1876–1969), итальянский врач и психиатр, во время Первой мировой войны – военный врач, автор научных исследований о связи эндокринологии с психическими расстройствами; будучи сторонником итальянского фашизма, в 1926 г. написал статью о «биологических основах демократии и империализма», после выхода на пенсию в 1942 г. писал биографии великих людей (Наполеона, Галилея, Джузеппе Верди), изученных с психологической точки зрения — 491
 - La biochimia del cervello [Биохимия мозга]. Torino, 1915 — 491

- Пик** (Peake) Гарольд Джон Эдвард (1867–1946), английский археолог и историк, один из создателей теории диффузионизма — 231, 251, 253
 – The Bronze Age and the Celtic World [Бронзовый век и кельтский мир]. London, 1922 — 251, 253
- Пикс** (Peaks) Арчибальд Гарфилд [у Сорокина ошибочно: А.Н.] (1880–1918), американский психолог — 157, 158, 160, 161
 – Periodic variations in efficiency as shown in mental and physical tests, together with some weather effects [Периодические колебания работоспособности, выявленные с помощью психических и физических тестов, в зависимости от изменений погоды]. Baltimore, 1921 — 157, 158, 160, 161
- Пиль** (Peel) Артур Джордж Вильерс (1869–1956), член британского парламента и автор работ по политике и экономике — 301
 – The Future of England [Будущее Англии]. London, 1912 — 301
- Пино** (Pinot) Робер (1862–1926), французский социолог школы Ф. Ле Пле, был также эффективным лоббистом интересов собственников тяжелой индустрии — 83, 84, 86, 99–102
 – La classification des espèces de la famille établie par Le Play est-elle exacte? [Точна ли классификация семейств, установленная Ле Пле?] // Brochure de Propagande: Société Internationale de Science Sociale. L'origine, le but et l'organisation de la société [Пропагандистская брошюра: Международное общество социальной науки. Происхождение, цель и организация общества]. Paris, 1896 — 84, 84, 100–102
- Пинтнер** (Pintner) Рудольф (1884–1942), английский психолог, с 1912 г. жил в США, профессор университета Огайо — 270, 272, 275, 281, 629
 – Intelligence Testing of Foreign Children [Тестирование интеллекта иностранных детей] // Journal of Educational Psychology. 1922, vol. XIII (в соавторстве с Р. Келлером) — 275
 – Intelligence Testing: Methods and Results [Тестирование интеллекта: методы и результаты]. New York, 1923 — 270, 281, 629
- Пинь-Хуа** Ли (Ping-Hua Lee) Мэйбл (1897–1966), американская общественная деятельница китайского происхождения; родилась в Китае, образование получила в США, была первой женщиной, получившей степень доктора философии в Колумбийском университете; основала первую Китайскую баптистскую церковь в китайском квартале Нью-Йорка, в 1937 г. приняла решение остаться в США — 460, 527, 613
 – The Economic History of China [Экономическая история Китая]. New York, 1921 (Columbia University Studies) — 460, 527, 613
- Пирл** (Pearl) Раймонд (1879–1940), американский зоолог, демограф и статистик, один из основателей биометрии — 145, 250, 339, 342–345, 364, 365, 489, 491, 648
 – The Vitality of the People of America [Рождаемость и смертность народа Америки] // American Journal of Hygiene. 1921 — 145
 – The Population Problem [Проблема народонаселения] // Geographical Review. 1922, № 4 — 365
 – Studies in Human Biology [Исследования в области биологии человека]. Baltimore, 1924 — 345
 – The Biology of Population Growth [Биология роста населения]. New York, 1925 — 339, 342, 343, 345, 491, 648
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, статистик, биолог и философ; основатель математической статистики, один из основоположников биометрики — 60, 62, 65, 78, 139, 215, 216, 240, 244–249, 251, 255, 256, 259, 262, 271, 272, 283, 285, 286, 309, 344, 449, 470, 481, 488, 631
 – The Chances of Death and Other Studies in Evolution [Шансы умереть и другие исследования в области эволюции]. London, 1897, vol. 1–2 — 255, 262

- Grammar of Science. 2nd ed. London, 1900 [рус. перевод: Грамматика науки. СПб., 1911] — 246, 470, 631
- [Inheritance of the Duration of Life and the Intensity of Natural Selection in Man (Наследование продолжительности жизни и интенсивность естественного отбора у человека)] // *Biometrika*. 1901–1902, vol. I, p. 50–89 (в соавторстве с М. Битон [Mary Beeton]) — 285
- The scope and importance to the state of the science of national eugenics [Масштабы и значение для государства науки национальной евгеники]. 2d ed. London, 1902 — 244–246
- National Life from the Standpoint of Science [Национальная жизнь с точки зрения науки]. 2d. ed. London, 1905 — 246, 247
- On the Relationship of Intelligence to Size and Shape of Head, and to other Physical and Mental Characters [О связи интеллекта с размером и формой головы, а также с другими физическими и психическими характеристиками] // *Biometrika*. 1906, vol. V — 259
- On the Significance of the Teacher's Appreciation of General Intelligence [О значении оценки учителем общего интеллекта] // *Biometrika*. 1911, vol. VIII, № 1/2 (в соавторстве с У. Гилби) — 272
- Social Problems: Their Treatment, Past, Present, and Future [Социальные проблемы: их решение, прошлое, настоящее и будущее]. London, 1912 — 246
- Eugenics and Public Health [Евгеника и общественное здравоохранение]. London, 1912 — 246
- Mathematical Contributions to the Theory of Evolution [Математический вклад в теорию эволюции] (1894–1916) — 244
- The Function of Science in the Modern State [Функция науки в современном государстве]. 2d ed. Cambridge, 1919 — 246, 247
- On Stability of the Cephalic Indices Within the Race [О стабильности цефалических показателей внутри расы] // *Biometrika*. 1924, vol. XVI (в соавторстве с Л.Г.К. Типпетом) — 139
- Relationship of Mind and Body [Взаимоотношения ума и тела] // *Annals of Eugenics*. 1926, vol. I — 256

Пифагор (ок. 540–500 до н. э.), древнегреческий философ и математик, основатель пифагорейской школы — 30, 331

Пицци (Pizzi) Итало (1849–1920), итальянский историк-иранист, академик, перевел на итальянский язык произведения Фирдоуси — 180

- Le istituzioni politiche dell'Iran [Политические институты Ирана] // *Rivista Italiana di Sociologia*. 1902, March–June — 180

Планта (Planta) Петер Конрадин фон (1815–1902), швейцарский юрист, журналист, политический и общественный деятель, драматург и историк-краевед — 37

- Die Wissenschaft des Staates oder die Lehre vom Lebensorganismus [Наука о государстве, или Учение о жизненном организме]. Chur, 1852 — 37

Платон (Plato; 428/427–348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 111, 128, 194, 195, 214, 215, 328, 331, 393, 418, 451, 460–462, 478, 512, 534, 553, 579, 624, 656, 662

- Государство (The Republic // The Dialogues of Plato, tr. by B. Jowett. New York, 1874, vol. II) [рус. перевод: *Платон*. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1994, т. 3, с. 79–420] — 195, 215, 393, 451, 461

- Законы (Laws // The Dialogues of Plato, tr. by B. Jowett. Oxford, MDCCCXCII, Vol. V) [рус. перевод: *Платон*. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1994, т. 4, с. 71–437] — 461

Плеханов (Plechajow) Георгий Валентинович (1856–1918), теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения — 465, 475

- К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1894 (под псевдонимом Н. Бельтов [Beltov]) — 475
- Beiträge zur Geschichte des Materialismus. I. Holbach. II. Helvetius. III. Marx. Stuttgart, 1896 [рус. перевод: Очерки по истории материализма : I. Гольбах. II. Гельвеций. III. Маркс. Харьков, 1922] — 465
- Плёгц** (Ploetz) Альфред (1860–1940), немецкий физиолог, биолог, евгеник, предложивший в 1895 г. теорию и термин «расовая гигиена» (Rassenhygiene), автор статьи «Продолжительность жизни родителей и детская смертность. К изучению телесной наследственности и естественного отбора среди людей» (Lebensdauer der Eltern und Kindersterblichkeit. Zum Studium der Konstitutionsvererbung und der natürlichen Auslese unter den Menschen // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1909, Bd. VI, Heft 1) — 250, 251, 285, 308
- Плиний Старший** (Pliny [the Elder]; 23/24–79), римский государственный деятель, историк и писатель, погибший при участии в спасательных работах во время извержения Везувия; автор энциклопедического труда в 37 книгах «Естественная история» — 462, 478
- Naturalis historia (у Сорокина — Н. N.: Historia Naturalis) [рус. перевод кн. XVII и XVIII: Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1957] — 462
- Плутарх** Херонейский (Plutarch; ок. 46–119), древнегреческий писатель и философ-моралист, верховный жрец Аполлона Пифийского в Дельфах — 308
- Поьер** (Poeyer G.) Г., евгеник — 251
- Погодин** (Pogodin) Александр Львович (1872–1947), русский историк литературы, филолог-славист и археолог, профессор Харьковского университета; с 1919 г. в эмиграции — 402
- Язык как творчество // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913, т. 4 — 402
- Покровский** (Pokrovsky) Иосиф Алексеевич (у Сорокина ошибочно: Т.) (1868–1920), русский правовед, профессор римского и гражданского права — 444, 492
- Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917 — 444
- Полан** (Paulhan) Фредерик (1856–1931), французский философ — 407, 661
- Les transformations sociales des sentiments [Социальные преобразования чувств]. Paris, 1920 — 407, 661
- Полибий** (Polybius; ок. 200–120 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять) — 111, 308, 328, 462, 524
- Попено** (Popene) Поль Боумэн (1888–1979), американский исследователь в области сельского хозяйства, евгеник, влиятельный приверженец принудительной стерилизации умственно больных и инвалидов, а также специалист по вопросам брака и семьи в США — 251, 285, 307
- Applied Eugenics [Прикладная евгеника]. New York, 1918 (в соавторстве с Р.Х. Джонсоном) — 251, 285, 307
- Портер** (Porter) Уильям Таунсенд (1862–1949), американский врач, физиолог и медицинский педагог, профессор Гарвардской медицинской школы, основатель и редактор «American Journal of Physiology» — 157, 250, 488
- The Seasonal Variations in the Growth of Boston School Children [Сезонные колебания роста бостонских школьников] // American Journal of Physiology. 1920, May — 157
- Портеус** (Porteus) Стэнли Дэвид (1883–1972), австралийский психолог, профессор клинической психологии, в 1922 г. переехал на Гавайи, где основал психологическую и психопатическую клинику в Гавайском университете, в 1925 г. стал директором и деканом факультета психологии — 250, 280, 282, 488
- Temperament and Race [Темперамент и раса]. Boston, 1926 (в соавторстве с М.Э. Бэбкок) — 280

- Портуэндо-и-Барселло** (Barcelo; Portuendo y Barcelo) Антонио (1845–1920), испанский инженер, математик и социолог, предпринявший попытку «математизировать» социологию — 37, 40, 41, 56
 – Essais de mécanique sociale [Очерки социальной механики]. Paris, 1925 — 40
- Посада** (Posada) Адольфо Гонсалес (1860–1944), испанский юрист и социолог — 20, 417
 – Les sociétés animales [Животные общества] // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1897, vol. III — 417
- Посников** (Posnikow) Александр Сергеевич (1846–1922), русский экономист, член Государственной думы, председатель Главного земельного комитета при Временном правительстве, один из редакторов газеты «Русские Ведомости», доктор права, профессор — 492
 – Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Сборник статей под ред. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. Том 1–2. СПб., 1897 — 492
- Пост** (Post) Альберт Герман (1839–1895), немецкий антрополог и историк, исследователь первобытной культуры — 435
- Потт** (Pott) Август Фридрих (1802–1867), немецкий языковед и философ — 215
- Поуис** (Powys) А.О., австралийский статистик из Мельбурна, автор статьи «Данные для решения проблемы эволюции человека» (Data for the Problem of Evolution in Man // Biometrika. 1906, vol. IV, p. 233–286) — 489
- Поуп** (Pope) Эджертон Дж. (1874–1949), американский врач, член Совета по евгенике, заведующий кафедрой медицины и директор медицинского обслуживания в больнице университета Альберты — 245
- Прайс** (Price) Бонами (1807–1888), английский экономист, профессор политической экономии Оксфордского университета — 325
- Пресси** (Pressey) Сидни Ливитт (у Сорокина ошибочно: S.Z.) (1888–1979), американский психолог, профессор в университете штата Огайо, изобретатель обучающей машины — 271, 272, 276
 – The Relation of General Intelligence of the Children to the Occupation of their Fathers [Зависимость общего интеллекта детей от занятий их отцов] // Journal of Applied Psychology. 1919, vol. III, № 4 (в соавторстве с Р. Ральстон) — 272
 – A comparison of colored and white children by means of a group scale of intelligence [Сравнение цветных и белых детей с помощью групповой шкалы интеллекта] // Journal Applied Psychology. 1919, vol. III, p. 277–282 (в соавторстве с G.F. Teter) — 276
- Принс** (Prince) Альберт Эдвард (1879–1930), американский историк — 182
 – Europe and the Renaissance of Islam [Европа и возрождение ислама] // The Yale Review. 1926, April — 182
- Принс** (Prince) Мортон Генри (1854–1929), американский психолог, один из создателей психологии как клинической и академической дисциплины, основатель Гарвардской психологической клиники (1927) — 550
- Принс** (Prince) Самуэль Генри (1886–1960), канадский социолог — 662
 – Catastrophe and Social Change [Катастрофа и социальное изменение]. New York, 1920 — 662
- Принцинг** (Prinzing) Фридрих (1859–1938), немецкий врач и статистик, основатель медицинской статистики в Германии — 147, 250, 489
 – Kulturelle Entwicklung und Absterbeordnung [Культурное развитие и отмирание] // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1910, Bd. 7 — 146
- Протей** (Proteus), в древнегреческой мифологии – божество, способное принимать облик различных существ — 523
- Прудон** (Proudhon) Пьер-Жозеф (1809–1865), французский публицист, экономист, философ и социолог — 303, 465

– La guerre et la paix. Recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. Paris, 1861, vol. 1–2 [рус. перевод: Война и мир: Исследование о принципе и содержании международного права. М., 1864, т. 1–2] — 303

Птолеми, династия царей эллинистического Египта; родоначальником династии был Птолемей I Сопир («Спаситель») (ок. 367/366–283 до н. э.), один из полководцев Александра Македонского, с 323 г. сатрап, с 305 г. – царь; его сын Птолемей II Филадельф («любящий сестру») правил с 285 г.; далее следуют Птолемей III Эвергет («благодетель»), царь с 246 г., Птолемей IV Филопатор («отцелобец»), царь с 221 г., при менее удачных последователях которого Египет со 168 г. до н.э. попал в сферу влияния Рима; Цезарь поддерживал Клеопатру VII в борьбе за трон с Птолемеем XIV, в 30 г. до н.э. Египет стал римской провинцией с особым статусом; фактически последним представителем династии был Птолемей XV, сын Клеопатры, являвшийся ее номинальным соправителем — 360

Птолемей Клавдий (Claudius Ptolemy; после 83 – после 161), выдающийся античный астроном, астролог, математик и географ, создатель геоцентрической системы мира — 52

Пуанкаре (Poincaré) Анри (1854–1912), французский математик и физик — 62, 65, 470, 650
– La science et l’hypothèse. Paris, 1908 [рус. перевод: Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М., 1990, с. 5–196] — 470

– Dernières pensées. IX: La morale et la Science. Paris, 1920 [рус. перевод: Последние мысли, гл. IX: Мораль и наука // Пуанкаре А. О науке. М., 1990, с. 654–668] — 650

Пуфендорф (Puffendorff) Самуэль (1632–1694), немецкий юрист, историк, философ — 33

Пухта (Puchta) Георг Фридрих (1798–1846), немецкий юрист, последователь Ф. Савиньи, представитель исторической школы права — 616

Пфизнер (Pfitzner) Вильгельм (1853–1903), немецкий анатом, биолог и антрополог, профессор кафедры топографической анатомии в Стасбурге, автор статьи «Социально-антропологические исследования» (Sozialanthropologische Studien // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. 1901–1902) — 250, 488

Р

Равенштайн (Ravenstein) Эрнст Георг (1834–1913), английский картограф, географ, статистик немецкого происхождения — 500

– The Laws of Migration [Законы миграции] // Journal of the Statistical Society of London. 1885, vol. XLVIII, № 2, p. 167–235 — 500

Радосавлевич (Radosavlievich) Пол Ранков (Павел Пая) (1879–1958), сербский психолог и педагог, ближайший друг Н. Теслы; реформатор американского школьного образования, один из основателей экспериментальной психологии, профессор и заведующий кафедрой Нью-Йоркского университета, автор более тыщи работ, в том числе статьи «Педагогические измерения учащихся в Мостаре» (Pedagogical Measurements of Pupils in Mostar // Fourth International congress on school hygiene, Buffalo, New York, USA., August 25–30, 1913. Transactions. Buffalo, 1914, vol. III, p. 146–156) — 614

Раже (Rageot) Гастон (1871–1942), французский писатель, эссеист и литературный критик — 385
– La natalité, ses lois économiques et psychologiques [Рождаемость, ее экономические и психологические законы]. Paris, 1918 — 385

Райс (Rice) Артур Стюарт (1889–1969), американский социолог и статистик, заложивший основу для статистической комиссии и статистического управления ООН, в 1933–1955 гг. – председатель «Центрального статистического совета» США — 498, 518, 519, 638

– Farmers and Workers in American Politics [Фермеры и рабочие в американской политике]. New York, 1924 — 518, 638

Райт (Wright) Филип Грин (1861–1934), американский математик и статистик — 132

– Moore’s Economic Cycles [Экономические циклы Мура] // Quarterly Journal of Economics. 1915, vol. XXIX — 132

- Ральстон** (Ralston) Рут, американский психолог и педагог — 271, 272
 – The Relation of General Intelligence of the Children to the Occupation of their Fathers [Зависимость общего интеллекта детей от занятий их отцов] // Journal of Applied Psychology. 1919, vol. III, № 4 (в соавторстве с С.Л. Пресси) — 272
- Расери** (Rasari) Энрико, итальянский демограф и антрополог — 171
 – Inchiesta della Società Antropologica [Исследование антропологического общества] // Annali di Statistica. 1881, serie II, vol. VI — 171
- Рассел** (Russell) Бертран (1872–1970), английский философ, социолог, математик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1950) — 324
 – Why Men Fight [Почему люди воюют]. New York, 1917 — 324
- Ратцель** (Ratzel) Фридрих (1844–1904), немецкий географ и этнолог, социолог; основатель антропогеографии, геополитики, создатель теории диффузионизма — 112, 117, 137, 176–178, 179, 353, 354
 – Anthropogeographie. Zweiter Teil: Die geographische Verbreitung des Menschen [Антропогеография. Часть вторая: Географическое распространение человека]. Stuttgart, 1891 — 117
 – Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges [Политическая география, или География государств, транспортных коммуникаций и войн]. München und Berlin, 1903 [частич. рус. перевод: Геополитика: Хрестоматия. СПб., 2007, с. 15–36] — 177, 178
- Ратценхофер** (Ratzenhofer) Густав (1842–1904), австрийский социолог и философ, представитель социал-дарвинизма, фельдмаршал австрийской армии — 31, 291, 303, 430, 432, 569, 570
 – Wesen und Zweck der Politik [Сущность и цель политики]. Leipzig, 1893, Bd. I–III — 432, 569
 – Die Soziologische Erkenntnis [Социологическое познание]. Leipzig, 1898 — 432, 569
 – Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Социология. Позитивное учение о человеческих взаимоотношениях]. Leipzig, 1908 — 432, 569
- Раумер** (Raumer) Георг Вильгельм фон (1800–1856), немецкий юрист и историк — 465, 466
 – Die Neumark Brandenburg im Jahre 1337 oder Markgraf Ludwig's des Aelteren neumärkisches Landbuch aus dieser Zeit [Новая марка Бранденбург в 1337 году, или Старинная земельная книга новой марки маркграфа Людвига, начатая в то время]. Berlin, 1837 (у Сорокина сокращенно: Neumärkischen Landbuch[s] von 1337 [Земельная книга новой марки с 1337 года] — 465
 – Die Insel Wollin und das Seebad Misdroy. Historische Skizze [Остров Волин и морской курорт Мисдрой. Исторический очерк]. Berlin, 1851 — 465
- Раунтри** (Rowntree) Бенджамин Сибом (1871–1954), английский социолог, исследователь, социальный реформатор, получивший известность благодаря своим трем исследованиям о положении бедняков в Йорке, которые проводились в 1899, 1935 и 1951 гг. — 488, 498, 631
 – Poverty. A study of town life [Нищета. Исследование городской жизни]. London, 1906 — 498, 631
- Ревиль** (Révill) Альбер (1826–1906), французский протестантский пастор и богослов, автор многочисленных трудов по истории религии — 176
- Рей** (Rey) Абель (1873–1906), французский философ-позитивист — 470
 – Die Theorie der Physik bei den modernen Physikern [Теория физики у современных физиков]. Leipzig, 1908 — 470
- Реймер** (Reimer) Йозеф Людвиг (1879–1955), австрийский пангерманист, идеи которого использовали нацисты для пропаганды восточной экспансии и этнической чистки негерманских народов, в том числе славян и евреев — 249
 – Ein Pangermanisches Deutschland [Пангерманистская Германия]. Berlin und Leipzig, 1905 — 249

- Рейналь** (Raunal) Гийом Тома де (1713–1796), французский историк и социолог, аббат, автор «Философской и политической истории о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*. 1770) — 464
- Рейнах**, Рейнак (Reinach) Саломон (1858–1932), французский историк и археолог — 251, 253
– *L'origine des Aryens: histoire d'une controverse* [Происхождение арийцев: история одного спора]. Paris, 1892 — 251, 253
- Рейнгард** (Reinhard) Филипп Христиан, Христиан Егорович (1764–1812), немецкий и русский ученый и юрист, ординарный профессор философии и естественного права в Московском университете, лекции которого высоко ценили будущие декабристы И.Д. Якушкин, Н.И. Тургенев, а также А.С. Грибоедов и П.Я. Чаадаев; автор книг «Система практической философии» (М., 1807), «Естественное право» (Казань, 1816) — 464
- Рейно** (Reynaud) Жан (1806–1863), французский философ и политик, по образованию горный инженер, христианский социалист — 81
- Рейно** (Reynaud) Пьер (1877–?), французский экономист — 328
– *La théorie de la population en Italie du XVIe au XVIIIe siècle (les précurseurs de Malthus)* [Теория народонаселения в Италии в XVI–XVIII вв. (предшественники Мальтуса)]. Paris — Lyon, 1904 — 328
- Рейтер** (Reuter) Эдвард Байрон (1880–1946), американский социолог, профессор университета Айовы, в 1933 г. – президент Американского социологического общества — 277, 278, 281, 282, 286, 327–329
– *The Superiority of the Mulatto* [Превосходство мулата] // *American Journal Sociology*. 1917, vol. XXIII — 277
– *Population Problems* [Проблемы народонаселения]. Philadelphia, 1923 — 327–329
– *The Hybrid as a Social Type* [Гибрид как социальный тип] // *Publications of American Sociological Society*. 1925, vol. XIX: *The Trend of Our Civilization*, p. 59–68 — 286
– *The American Race Problem. A Study of the Negro* [Проблема Американской Расы. Этюд о негре]. New York, 1927 — 282
- Реклю** (Réclus) Элизе (1830–1905), французский географ, писатель и анархист — 112
- Рембрандт** (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник — 656
- Ренан** (Renan) Жозеф Эрнест (1823–1892), французский философ и писатель, историк религии, семитолог — 175, 303, 616
- Ретциус** (Retzius) Густав (1842–1919), шведский врач и анатом, посвятивший большую часть своей жизни исследованию гистологии органов чувств и нервной системы, в 1889–1890 гг. посетил Египет, где приобрел более ста черепов и мумий для своих антропологических исследований, которые ныне хранятся в Музее этнографии в Стокгольме — 141, 262
– *Anthropologia suecica. Beiträage zur anthropologie der Schweden nach den auf veranstaltung der Schwedischen gesellschaft für anthropologie und geographie in den jahren 1897 und 1898 ausgeführten erhebungen ausgearbeitet und zusammengestellt* [Антропология шведов. Материалы по антропологии шведов, составленные и обработанные на основании опросов, проведенных шведским обществом антропологии и географии в 1897 и 1898 гг.]. Stockholm, 1902 (в соавторстве с К.М. Фюрстом) — 141, 262
- Рёзе** (Röse) Карл (1864–1947), немецкий врач-стоматолог — 250, 256, 258, 488
– *Beiträge zur Europäischen Rassenkunde und die Beziehungen zwischen Rasse und Zahnverderbnis* [Вклад в европейскую расовую науку и отношения между расой и порчей зубов] // *Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie*. 1905, Heft 6, S. 689–798 — 256
- Риббинг** (Ribbing) Севед (1845–1921), шведский врач, с 1888 г. – профессор практической медицины в Университете Лунда, в 1904–1907 гг. – ректор университета, автор книги «Гигиена половой жизни» (СПб., 1900) — 541

- [Sexuelle Ethik] (Сексуальная этика) // Handbuch der Sexualwissenschaften. Mit Besonderer Berücksichtigung Der Kulturgeschichtlichen Beziehungen [Справочник по сексуальным наукам. С особым вниманием к культурно-историческим отношениям], herausgegeben von Dr. Albert Moll. Leipzig, 1912 — 541
- Рибо** (Ribot) Теодюль (1839–1916), французский психолог, педагог, член Французской академии — 571, 661, 662
- Психология чувств. СПб., 1898 — 571
- Essay on the Creative Imagination. Chicago, 1906 [рус. перевод: Опыт исследования творческого воображения // Болезни личности: Опыт исследования. Минск — М., 2001, с. 132–396; СПб., 1901] — 662
- Риверс** (Rivers) Уильям Хальс (1864–1922), английский антрополог, член Лондонского королевского общества (1908) — 324, 591, 642, 656, 657
- Instinct and Unconscious [Инстинкт и бессознательное]. Cambridge, 1921 — 324
- The Disappearance of Useful Arts [Исчезновение полезных искусств] // Westermarck's Festschrift. Helsingfors, 1912 — 656
- Рид** (Reed) Лоуэлл Джейкоб (1886–1966), американский биометрист и статистик, седьмой президент Университета Джона Хопкинса в Балтиморе, автор ряда статей по статистике народонаселения, написанных в соавторстве с Р. Пирлом — 339
- Риджуэй** (Ridgeway) Уильям (1858–1926), английский историк, профессор археологии Кембриджского университета — 137, 174, 251
- The Application of the Zoological Laws to Man [Применение зоологических законов к человеку] // Nature. 1908, vol. LXXVIII — 137
- The Early Age of Greece [Греция в доисторическую эпоху]. Cambridge, 1901 — 251
- Риккарди** (Riccardi; у Сорокина ошибочно: Ricardi) Паоло (1835–1910), итальянский политический деятель, один из основателей и членов совета Государственного аграрного технического института Дж. Пастори, автор книги «Рост и социальное состояние» (Statura e condizione sociale. Firenze, 1879) — 250
- Риккерт** (Rickert) Генрих (1863–1936), немецкий философ, представитель Баденской школы неокантианства — 398, 449, 650
- Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Freiburg i. B. und Leipzig, 1896 [рус. перевод: Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997] — 649
- Римский-Корсаков** (Rimsky-Korsakov) Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор, музыкальный критик; участник «Могучей кучки» — 175
- Рипли** (Ripley) Уильям Зебина (1867–1941), американский экономист и антрополог, профессор Гарвардского университета, в 1933 г. – президент Американской экономической ассоциации — 250, 251, 255, 258, 262
- The races of Europe. A sociological study [Расы Европы. Социологическое исследование]. New York, 1915 — 251, 255, 262
- Риссленд** (Rissland L.Q.) Л.К., американский психолог — 408
- The Effect of Encouragement and of Discouragement Upon Performance [Влияние поощрения и выговора на производительность] // Journal of Educational Psychology. 1923, vol. XIV, № 1 (в соавторстве с Дж. И. С. Гейтс) — 408
- Риттер** (Ritter) Карл (1779–1859), немецкий географ, один из основоположников современной географии — 112, 127, 137, 176
- Риц** (Rietz) Эмиль, немецкий врач из Берлина, доктор медицины, автор статьи «Развитие тела и умственная одаренность» (Körperentwicklung und geistige Begabung // Zeitschrift für Schulgesundheitspflege. 1906, № 2. S. 65–88) — 250
- Ришар** (Richard) Гастон (1860–1945), французский социолог, представитель формальной социологии, последователь Э. Дюркгейма — 20, 438, 441, 443, 445, 499, 662
- Les crises sociales et les conditions de la criminalité [Социальные кризисы и факторы преступности] // L'année sociologique. 1898–1899, vol. 1 — 499, 662

- La sociologie générale et les lois sociologiques [Общая социология и социологические законы]. Paris, 1912 — 441, 445
- Рише** (Richet) Шарль Робер (1850–1935), французский физиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1913) — 251
- Робак** (Roback) Абрахам Аарон (1890–1965), еврейский американский психолог и пропагандист языка идиш, уроженец Российской империи (ныне на территории Польши), преподавал в Гарвардском и Питтсбургском университетах, в 1929 г. ввел первый американский академический курс по литературе на идише — 554
- Behaviorism and Psychology [Бихевиоризм и психология]. Cambridge, 1923 — 554
- Робертис** (Robertis) Раффаэле Реста (1876–1973), итальянский юрист, политик и академик — 579
- Intorno alla concezione della psicologia sociale [Вокруг концепции социальной психологии] // Rivista Italiana di Sociologia. 1900, vol. IV — 579
- Робертс** (Roberts) Морли (1857–1942), английский писатель — 197
- Malignancy and evolution. A biological inquiry into the nature and causes of cancer [Злокачественность и эволюция. Биологическое исследование природы и причин рака]. London, 1926 — 197
- Робертс** (Roberts) Чарльз (ум. 1901), английский анатом и антропометрист, автор «Руководства по антропометрии» (A manual of anthropometry. London, 1878) — 250, 488
- Робертсон** (Robertson) Деннис Холм (1890–1963), английский экономист, преподаватель Кембриджского и Лондонского университетов, в 1920–1930-х гг. – ближайший сотрудник Дж.М. Кейнса — 124, 137, 645
- A Study of Industrial Fluctuation. An Inquiry into the Character and Causes of the so-called Cyclical Movements of Trade [Изучение промышленных флуктуаций. Исследование характера и причин так называемых циклических движений торговли]. London, 1915 — 645
- Роде** (Rhode) Иоганн Готлиб (1762–1827), немецкий писатель, журналист, театральный режиссер, историк религии, профессор, автор сочинения «Опыт прагматической истории религии и протестантов в Германии» (Versuch einer pragmatischen Geschichte des Religionszwanges und der Protestanten in Deutschland. 1790) — 215
- Родбертус**, Родбертус-Ягцов (Rodbertus) Карл Иоганн (1805–1875), немецкий экономист, историк и государственный деятель — 465
- Роже** (Roger) Пикар (1884–1950), французский правовед, статистик и историк, профессор права, государственный деятель III Республики — 464
- La théorie de la lutte de classes à la veille de la révolution [Теория классовой борьбы накануне революции] // Revue d'économie politique. 1911, № 5 — 464
- Розанофф** (Rosanoff) Аарон Джошуа (1878–1943), российско-американский психиатр, специалист по психозам, член Ассоциации евригических исследований — 276
- A Study of Association in Negro Children [Исследование ассоциации у негритянских детей] // Psychological Review. 1919, vol. XXVI (в соавторстве с И. Митчелл и И.З. Розанофф) — 276
- Розанофф** (Rosanoff) Изабель Р. (1878–?), американский психолог — 276
- A Study of Association in Negro Children [Исследование ассоциации у негритянских детей] // Psychological Review. 1919, vol. XXVI (в соавторстве с И. Митчелл и А.Дж. Розанофф) — 276
- Розенталь** (Rosental) Иосиф Сергеевич [у Сорокина ошибочно: O.S.] (1884–1965), физиолог, ученик и многолетний сотрудник И.П. Павлова, успешно применял экспериментально-хирургический метод в изучении функционального значения разных отделов коры головного мозга — 547, 549
- Влияние голода на условные рефлексы // Архив биологических наук. 1922, т. 22, вып. 3–5 — 549

- Роланд** (Roland), герой самого раннего сохранившегося произведения французского эпоса «Песнь о Роланде», которая была сочинена несколько веков спустя после битвы, произошедшей в 778 г. (во время которой баски напали на арьергард войска Карла Великого и уничтожили его) — 175
- Ромер** (Rohmer) Фридрих (1814–1856), швейцарский писатель и публицист, брат Т. Ромера, которого признавал автором и вдохновителем своих сочинений, к числу которых относятся: «Призвание Германии в настоящем и будущем» (Deutschlands Beruf in der Gegenwart und Zukunft. Zurich, 1841), в котором предсказывается блестящее развитие Германии как носительницы четвертого типа развития (протестантское братство церкви и государства, после древнеримского всемогущества государства, католического всемогущества церкви и арабско-магометанского слияния церкви и государства); «Четвертое сословие и монархия» (Der vierte Stand und die Monarchie. 1848), где защищаются конституционные права буржуазии и дается совет монархам заботиться о благе низших классов народа, «Критика понятия Бога в современных мировоззрениях» (Kritik des Gottesbegriffs in den gegenwärtigen Weltansichten, 1856) и др. — 196
- Ромер** (Rohmer) Теодор (1820–1856), швейцарский философ, государствовед и политический деятель, по происхождению баварец; автор двух брошюр против клерикализма — 196
- Роршах** (Rorschach) Герман (1884–1922), швейцарский психиатр и психолог, автор теста исследования личности «Пятна Роршаха» (1921), ввел в оборот термин «психодиагностика» — 636
- Росс** (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и психолог, один из основателей социологии и социальной психологии в США, в 1914–1915 гг. – президент Американской социологической ассоциации — 302, 306, 323, 410, 411, 430, 438, 442, 448, 450, 454, 455, 501, 536, 547, 568, 569, 588, 591, 592, 615, 618, 625, 648
- Moot Points in Sociology [Спорные моменты в социологии] // American Journal of Sociology. 1903, vol. VIII–X — 568
 - Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York, 1905 — 430, 591
 - Social Psychology [Социальная психология]. New York, 1908 — 591
 - [Lester Frank Ward (Лестер Фрэнк Уорд)] // American Journal of Sociology. 1913, vol. XIX, № 1 (July), p. 64–67 — 566
 - Social control: a survey of the foundations of order [Социальный контроль: исследование основ порядка]. New York, 1920 — 588, 591, 592, 615, 618, 625
 - Principles of Sociology [Принципы социологии]. New York, 1923 — 302, 306, 323, 411, 448, 455, 528, 536, 568, 591, 648
- Росси** (Rossi) Паскуале (1867–1905), итальянский социолог и психолог — 578
- Россини** (Rossini) Джоаккино (1792–1868), итальянский композитор — 174
- Ростовцев** (Rostovtzeff) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России — 284, 358, 360, 363, 462, 527, 528, 610
- The Social and Economic History of the Roman Empire [Социальная и экономическая история Римской империи]. Oxford, 1926 [рус. перевод: Общество и хозяйство в Римской империи. М., 2000–2001, т. I–II] — 358, 360, 363, 462, 527, 528, 610
- Роуз** (Rose) Джон Холланд (1855–1942), английский историк, автор биографий Уильяма Пита младшего и императора Наполеона Бонапарта, в 1919–1934 гг. профессор Кембриджского университета — 349
- Origins of the War, 1871–1914 [Истоки войны, 1871–1914]. Cambridge, 1914 — 349
- Роупер** (Roper) Аллен Джордж (1885–1974), английский историк и евгеник — 328
- Ancient Eugenics [Античная евгеника]. Oxford, 1913 — 328
- Рошер** (Roscher) Вильгельм Георг Фридрих (1817–1894), немецкий экономист, один из основоположников исторической школы политической экономии — 465

- Рубин** (Rubin) Маркус (1854–1923), датский экономист и статистик — 145
 – A Measure of Civilization [Мера цивилизованности] // Journal of the Royal Statistical Society. 1897, vol. LX — 145
- Руге** (Ruge; у Сорокина ошибочно – Rüge) Арнольд (1802–1880), немецкий философ-младогегельянец, в 1843 г. совместно с К. Марксом издававший «Немецко-французский ежегодник» — 465
- Руджер** (Ruger) Генри Элфорд (1872–1947), американский психолог — 161
 – The Effects of Outside Air and Recirculated Air upon the Intellectual Achievement and Improvements of School Pupils [Влияние свежего и спертго воздуха на успеваемость и умственное развитие школьников] // School and Society. 1916, № 3 (в соавторстве с Э. Торндайком и У. Макколом) — 161
- Рузвельт** (Roosevelt) Теодор (1858–1919), американский политик, 26-й президент США, лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г. — 525
 – Administration. Civil Service [Администрация. Гражданская служба]. New York, 1900 — 525
- Рузье** (Rousiers) Поль де (1857–1934), французский социолог, представитель школы Ле Пля — 83, 86, 88, 99, 102, 634
 – La science sociale [Социальная наука] // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1894, vol. IV — 86, 88
 – La question ouvrière en Angleterre [Рабочий вопрос в Англии]. Paris, 1895 — 83
 – La vie américaine. L'éducation et la société [Американская жизнь. Образование и общество]. Paris, 1900 — 102
- Румор** (Rumohr) Карл Фридрих фон (1795–1843), немецкий писатель, историк культуры, искусствовед — 465
- Руссо** (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский философ, писатель и композитор — 72, 196, 215, 328, 377, 486, 585
 – Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми [Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 31–108] — 72
- Рут** (Root) Уильям Томас (1882–1945), американский психолог, член Американской психологической ассоциации, профессор психологии Питтсбургского университета — 519
 – The Psychology of Radicalism [Психология радикализма] // Journal of Abnormal Psychology. 1925, vol. XIX — 519
- Рюдин** (Rüdin) Эрнст (1874–1952), немецкий психиатр и генеолог, с 1937 г. – член НСДАП, после войны был интернирован американцами, но выпущен в 1947 г. после «денацификации» по ходатайству М. Планка — 146
 – Über Zusammenhang zwischen Geisteskrankheit und Kultur [О связи между психическими заболеваниями и культурой] // Archiv für Rassen und Gesellschafts Biologie. 1910, Bd. 7, pp. 722–748 — 146
- Рюле** (Rühle) Отто (1874–1943), немецкий писатель и общественный деятель, левый социал-демократ, в 1916 г. – член «Союза Спартака», критиковал большевизм, считая, что в Советском Союзе построен государственный капитализм, схожий с фашизмом; в 1937 г. был членом комиссии Дж. Дьюи, которая оправдала Л. Троцкого от всех обвинений, предъявленных ему во время московских процессов — 632
 – Die Seele des proletarischen Kindes [Душа пролетарского ребенка]. Dresden, 1925 — 632

С

- Савиньи** (Savigny) Фридрих Карл фон (1779–1861), немецкий правовед и историк, юрист, представитель исторической школы права — 465, 616
- Савич** (Savitch) Александр Александрович (1875–1936), русский физиолог, с 1900 г. – постоянный сотрудник И.П. Павлова, под руководством которого в 1904 г. защитил диссер-

тацию на тему «Дальнейшие материалы к вопросу о влиянии пищевых рефлексов друг на друга» (СПб., 1913), с 1924 г. заведующий отделом фармакологии Института экспериментальной медицины, автор более 100 научных работ по физиологии пищеварения, эндокринологии и фармакологии — 547

Савич (Savitch) Владимир Васильевич (1874–1936), русский советский физиолог и фармаколог, в 1912–1918 гг. – старший физиолог физиологической лаборатории Академии наук; с 1918 по 1926 г. – прозектор кафедры физиологии 1-го Петроградского (затем – Ленинградского) медицинского института — 549

– Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлекторного акта // Красная новь. 1922, № 4 — 549

Саворньян (Savorgnan) Франко (1879–1963), итальянский демограф и социолог — 250, 286, 303, 307, 308, 386, 430, 432, 489, 630, 631

– Soziologische Fragmente [Социологические фрагменты]. Innsbruck, 1909 — 432

– Les antagonismes sociaux [Социальные антагонизмы]. Scientia. 1914, vol. XVI — 303

– La scelta matrimoniale [Супружеский выбор]. Ferrara, 1924 — 631

– Nuzialità e fecondità delle case sovrane d'Europa [Супружество и плодovitость правящих династий домов Европы] // Metron. 1924, vol. III, № 2 — 286, 386, 630

– Studi critici di sociologia [Критические исследования социологии]. Modena, 1925 — 432

– La guerra e l'eugenica [Война и евгеника] // Scientia. 1926, June — 307, 308

Саллюстий Гай (Sallustius; 86 – ок. 35 до н. э.), римский историк, участник гражданской войны 49–45 гг. на стороне Юлия Цезаря, затем проконсул в римской провинции Новая Африка — 111, 462, 463

– [Письма к Гаю Юлию Цезарю о государственных делах (сентябрь 50 г.). Письмо первое (Sallust. I, 5)] // Вестник древней истории. 1950, № 1 — 462

Салмон (Salmon) Люси Мейнард (1853–1927), американский историк и общественный деятель, с 1889 г. до своей смерти профессор истории в Вассар-колледже; первая женщина, ставшая членом Исполнительного комитета американской Исторической ассоциации — 622

– Newspaper and the Historian [Газета и историк]. New York, 1923 — 622

Саломон (Salomon) Готтфрид (1892–1964), немецко-американский социолог и экономист — 37, 196, 202, 430, 432, 433, 464, 485

– Foreword [Предисловие] // *Gumpłowicz L. Geschichte der Staatstheorien*. Innsbruck, 1926 — 430, 433

– Historische Materialismus und Ideologienlehre [Исторический материализм и учение об идеологии] // *Jahrbuch für Soziologie*. 1926, Bd. II — 464, 485

– Die Organische Staats- und Gesellschaftslehre [Органическое учение о государстве и обществе] // *Worms R. Die Soziologie*. Karlsruhe, 1926 — 196

– [Предисловие] // *Bousquet G. Grundriss der Soziologie nach Vilfredo Pareto*. Karlsruhe, 1926 — 37

Сальвиоли (Salvioli) Джузеппе (1857–1928), итальянский юрист и экономист — 462

– Der Kapitalismus im Altertum. Stuttgart, 1912 [рус. перевод: Капитализм в античном мире. Харьков-Екатеринослав, 1922] — 462

Самнер (Sumner) Уильям Грэм (1840–1910), американский социолог, представитель социал-дарвинизма в социологии, один из родоначальников социологической науки в США, в 1908–1909 гг. – президент Американской социологической ассоциации — 296, 298, 307, 312, 315, 317, 318, 349, 353, 361, 373, 392, 411, 435, 518, 519, 566, 568, 571, 575, 577, 591, 592, 606, 608, 614–617

– Folkways. A Study of the Sociological Importance of Usages Manners Customs Mores and Morals [Народные обычаи. Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики]. New York, 1906 [сокращенный рус. перевод первой главы: Основоплагающие представления о народных обычаях и нравах //

- Официальный сайт Б.М. Бим-Бада — http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=546 — 373, 571, 608, 615, 616
- Religion and the Mores [Религия и нравы] // American Journal of Sociology. 1910, vol. XV, № 5 — 606, 608
 - War and Other Essays [Война и другие очерки]. New Haven — London, 1911 — 307, 312, 317, 519
 - State Interference [Вмешательство государства] (1887) // War and Other Essays. New Haven – London, 1911, p. 213–226 — 519
 - The Science of Society [Наука об обществе]. New Haven and London, 1927, vol. I (в соавторстве с А. Келлером) — 297, 315, 349, 411, 568, 575, 592
- Сарду** (Sardou; у Сорокина ошибочно: Sardeaux) Гастон (1859–1943), французский врач, климатолог, отец художника-импрессиониста Жан-Клода Сарду (1905–1967); автор статей «Влияние солнечных пятен на резкое обострение хронических заболеваний» (De l'influence des taches solaires sur les accidents aigus des maladies chroniques // Communication à l'Académie de Médecine le 11 juillet 1922; Gazette des Hôpitaux, 20 juillet 1922) и «Солнечные пятна и заболевание человека» (Les taches solaires et la pathologie humaine // La Presse Médicale. 1927, № 18), написанных в соавторстве с доктором Морисом Форе (Faure) и астрономом Жозефом Валло (Vallot) — 134
- Сатерленд**, Сазерленд (Sutherland) Александр (1852–1903), австралийский натуралист, философ и писатель — 543
- The Origin and Growth of the Moral Instinct. London, 1898, vol. 1–2 [рус. перевод: Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900] — 543
- Сатерленд** (Sutherland) Эдвин (1883–1950), американский социолог и криминолог — 455, 499, 570, 629
- Criminology [Криминология]. Chicago, 1924 — 499, 570, 629
 - The Biological and Sociological Processes [Биологические и социологические процессы] // American Journal of Sociology. Proceedings, vol. XX — 455
- Свенсон** (Swanson) Глория (1899–1983), американская актриса, продюсер, одна из самых ярких звезд эпохи немого кино — 376
- Священные книги Востока** (The Sacred Books of the East. Edited by F. Max Müller. Oxford University Press, 1879–1910, vol. I–L):
- Апастамба (Apastamba), ведийский комплекс ритуальных текстов, принадлежащих к традиции Черной Яджурведы (V–III вв. до н. э.), текст состоит из 30 книг (праши – praśna) и отличается широким кругозором и либеральными взглядами на женщин и все социальные классы // Vol. II: The Sacred Laws of the Aryas as taught in the school of Apastamba and Gautama [Священные законы ариев согласно школам Апастамбы и Гаутамы] [рус. перевод: Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха. М., 2015] — 213
 - Брихаспати (Brihaspati), божество молитвы и жертвоприношения в индуизме, легендарный законодатель // Vol. XXXIII: The Minor Law-Books: Nārada, Brihaspati [Малые своды законов: Нарада, Брихаспати] — 328
 - Гаутама (Gautama), Уддалака Аруни, один из индуистских мудрецов (риши), древний законодатель (не путать с Буддой Гаутамой) // Vol. II: The Sacred Laws of the Aryas as taught in the school of Apastamba and Gautama [Священные законы ариев согласно школам Апастамбы и Гаутамы] — 213, 328, 460
 - Законы Ману (The Laws of Manu), основной кодекс индуистского «обычного права», составление которого приписывается Ману, прародителю людей и отцу семи «великих риши» // Vol. XXV: The Laws of Manu [рус. перевод: Законы древних Ариев. Законы Ману. СПб., 2019] — 194, 213, 214, 328, 460
 - Зенд-Авеста (The Zend-Avesta), собрание священных текстов зороастрийцев // Vol. IV: The Zend-Avesta, vol. 1 of 3. The Vendidad [рус. перевод: Авеста. М., 1992] — 287, 328, 433, 460

- Институты Вишну (The Institutes of Vishnu), сборник древнеиндийских правил и предписаний, регламентирующих личную жизнь человека и содержащих правовые, религиозные, морально-этические и другие нормы поведения // Vol. VII: The Institutes of Vishnu [рус. перевод: Вишну-смрити. М., 2007] — 213, 328, 460
- Нарада (Narada), собрание правовых норм, записанных в стихотворной форме; текст носит чисто юридический характер и сконцентрирован исключительно на вопросах процессуального права и права собственности // Vol. XXXIII: The Minor Law-Books: Nârada, Brihaspati [Малые своды законов: Нарада, Брихаспати] [рус. перевод: Нарада-смрити // Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М., 1999] — 213, 460
- The Classic of Purity (K'ing K'ang King, or The Classic of Purity [Цин цзин цзин, Канон чистоты и покоя] // Vol. LX: The Texts of Taoism. Part 2. Appendix I [рус. перевод: <https://purevagabond.com/2017/10/18/qingjinjing/>] — 534
- Hsio Ki (The Li-Kî, book XVI: Hsio Ki, or Record on the subject of education [Ли цзи, гл. 36: (Сюэ цзи) Записки об учении] // Vol. XXVIII: The Sacred Books of China. Part IV of the texts of Confucianism. The Li Kî (Book of Rites) [Священные книги Китая. Часть IV. Тексты конфуцианства. Ли-Цзи (Книга обрядов)] [рус. перевод: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1973, т. 2, с. 110–115] — 392
- The Li-Kî [Ли цзи] // Vol. XXVII: Part III of the texts of Confucianism. The Li Kî (Book of Rites) [Священные книги Китая. Вып. 3. Часть III. Тексты конфуцианства. Ли-Цзи, часть 1]; vol. XXVIII: The Sacred Books of China. Part IV of the texts of Confucianism. The Li Kî (Book of Rites) [Священные книги Китая. Часть IV. Тексты конфуцианства. Ли-Цзи (Книга обрядов)] [рус. перевод шести глав: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1973, т. 2, с. 99–140] — 392, 445, 459, 460, 615
- Tao-Teh-King [Дао дэ цзин] // Vol. XXXIX (у Сорокина ошибочно: vol. XL): The Texts of Taoism, Part 1. The Sacred Books of China, vol. 5. Also: The T'ao the king (Tao te Ching): The writings of R'wang-tze, books I–XVII [Тексты даосизма. Часть 1. Священные книги Китая. Вып. 5. Дао дэ цзин: Писания Чжуан-цзы, книги I–XVI] [рус. переводы: *Лао Су. Тай-Те-Кинг, или Писание о нравственности. М., 1913; Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1972, т. 1, с. 114–138] — 534*
- The Thâi-Shang [Тай-Шан] // Vol. XL: The Texts of Taoism. Part 2. Includes The Writings of Kwang Tse, books XVII–XXXIII, The Thâi-shang tractate of actions and their retributions, other Taoist texts, and the Index to vols. 39 and 40 [Тексты даосизма. Часть 2. Включая писания Чжуан-цзы, книги XVII–XXXIII, Тай шан, «Трактат о поступках и воздаянии за них»] — 534
- The Texts of Confucianism // Vol. III: The Sacred Books of China, vol. 1. Part I of The Texts of Confucianism. The Shû king (Classic of History). The religions portions of the Shih king (Classic of Poetry). The Hsiào king (Xiao Jing) [Священные книги Китая. Вып. 1. Часть I. Тексты конфуцианства. Шу-цзин. Религиозные части Шу цзин. Сяо-цзин] [рус. перевод: Шу цзин – Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1972, т. 1, с. 100–113; Сяо-цзин – *Кучера С. Конфуцианский трактат «Сяо цзин» («Каноническая книга о сыновней почитательности»): Гл. 1, 8, 9 // Восток (Oriens). 1999, № 6, с. 129–141]; Vol. XXVII: Part III of the texts of Confucianism. The Li Kî (Book of Rites) [Священные книги Китая. Вып. 3. Часть III. Тексты конфуцианства. Ли-Цзи, часть 1]; vol. XXVIII: The Sacred Books of China. Part IV of the texts of Confucianism. The Li Kî (Book of Rites) [Священные книги Китая. Часть IV. Тексты конфуцианства. Ли-Цзи (Книга обрядов)] [рус. перевод шести глав: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1973, т. 2, с. 99–140] — 460, 612*

- The Texts of Taoism // Vol. XL: The Texts of Taoism, Part 2. Includes The Writings of Kwang Tse, books XVII–XXXIII, The Thâi-shang tractate of actions and their retributions, other Taoist texts [Тексты даосизма. Часть 2. Включая писания Чжуан-цзы, книги XVII–XXXIII, Тай шан, «Трактат о поступках и воздаянии за них», другие тексты даосизма] [рус. перевод: Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995] — 534
- The Vedanta Sutras [Веданта-сутры] // Vol. XXIV: The Vedanta Sutras, vol. 1. Commentary by Sankaracharya, part 1 of 2. Adhyâya I–II (Pâda I–II) [Веданта-сутры. Вып. 1. Комментарий Шанкарачарьи, часть 1. Адхьяя, I–II (Пада I–II)] [рус. перевод: <https://scriptures.ru/sutras/brahmasutras.htm#I>] — 460
- The Upanishads // Vol. XV: The Upanishads, part 2. Katha Upanishad. Mundaka Upanishad. Taittiriya Upanishad. Brhadaranyaka Upanishad. Svetasvatara Upanishad. Prasña Upanishad. Maitrayani Upanishad [Упанишады. Часть 2. Катха-упанишада. Мундака-упанишада. Тайтирия-упанишада. Брихадараньяка-упанишада. Шветашватара-упанишада. Прашна-упанишада. Майтраяния-упанишада] [рус. перевод: Упанишады. М., 1991, т. 1–3] — 392, 534
- Сейльер** (Sellière) Эрнест (1866–1955), французский писатель, журналист и литературный критик — 216, 222
 - Le comte de Gobineau et l’aryanisme historique [Граф де Гобино и историческое арианство]. Paris, 1903 — 216
 - Houston-Stewart Chamberlain: le plus récent philosophe du pangermanisme mystique [Хьюстон-Стюарт Чемберлен: самый современный философ мистического пангерманизма]. Paris, 1917 — 222
- Селигмен** (Seligman) Эдвин Роберт Андерсон (1861–1939), американский экономист и педагог, специалист в области налогообложения — 329, 464, 465, 475, 477, 478, 486
 - The Economic Interpretation of History [Экономическая интерпретация истории]. New York, 1907 — 465, 478, 486
- Семпл** (Semple) Эллен Черчилль (1863–1932), американский географ — 112, 125, 137, 138, 173, 177
 - American History and its Geographic Conditions [Американская история и ее географические условия]. Boston and New York, 1903 — 125
 - Influences of geographic environment, on the basis of Ratzel’s system of anthropogeography [Влияния географического окружения на основе антропо-географической системы Ратцеля]. New York, 1911 — 125
- Сенар** (Senart) Эмиль (1847–1928), французский индолог, знаток буддистского искусства, автор книги «Касты в Индии» (Les castes dans l’Inde. Paris, 1896) — 591
- Сенека** (Seneca) Луций Анней (4 до н. э. — 65 н. э.), римский философ-стоик, поэт и государственный деятель, воспитатель Нерона — 30, 111, 195, 287, 328, 462, 534
 - Epistulae morales ad Lucilium [рус. перевод: Нравственные письма к Луцилию. М., 1977] — 30, 462
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский философ, социолог и социальный реформатор — 196, 418, 424, 451, 464, 585, 648
 - Lettres d’un habitant de Genève à ses contemporains (1802) [Письма женецкого жителя к своим современникам] — 648
- Сенсини** (Sensini) Гвидо (1879–1958), итальянский экономист — 78, 249, 284, 657
 - Teoria dell’equilibrio di composizione delle classi sociali [Теория структурного равновесия общественных классов] // Rivista Italiana di Sociologia. 1913, vol. XVII, settembre-dicembre — 78, 250, 284
 - La teoria della «rendita» [Теория ренты]. Roma, 1912 — 78
- Сервий** (Servius), римский грамматик конца IV в. н. э., выдающийся знаток Вергилия — 111
- Серджи** (Sergi) Джузеппе (1841–1936), итальянский антрополог, основатель итальянской антропологической школы — 138, 139, 142, 250–252, 264, 283

- *La degenerazioni umane* [Вырождение человека]. Milano, 1889 — 250
- *Hominidae. L'uomo secondo le origini, l'antichità, le variazioni e la distribuzione geografica* [Гоминиды. Происхождение человека, его древность, разновидности и географическое распределение]. Torino, 1911 — 142, 252, 264
- *Influenza dell'ambiente sui caratteri fisici dell'uomo* [Влияние окружающей среды на физические черты человека] // *Rivista Italiana di sociologia*. 1912, vol. XI, № 1 — 139
- *Le origine umane* [Происхождение человека]. Torino, 1913 — 138, 251, 252
- Сигеле** (Sighele) Сципион (1868–1913), итальянский социолог, криминалист и психолог, ученик и последователь Э. Ферри, один из основоположников психологии толпы — 578
- Сидис** (Sidis) Борис (1867–1923), русско-американский психолог, психиатр и врач, ученик У. Джеймса, пионер психопатологии, отец одного из самых известных вундеркиндов в истории У.Дж. Сидиса — 578
- Симар** (Simar) Теофиль (1883–1930), французский историк и писатель — 215
 - *Étude critique sur la formation de la doctrine des races au XVIIIe siècle et son expansion au XIXe siècle* [Критическое исследование формирования доктрины рас в XVIII веке и ее расширения в XIX веке]. Bruxelles, 1922 — 215
- Симондс** (Symonds) Персиваль Маллон (1893–1960), американский психолог-педагог, автор-разработчик нескольких тестов в области образовательной, клинической и школьной психологии — 280
 - *The Intelligence of the Chinese in Hawaii* [Умственные способности китайцев, живущих на Гавайях] // *School and Society*. 1924, vol. XIX — 280
- Симс** (Sims) Невилл Лерой (1878–1965), американский социолог, профессор ряда американских университетов — 45, 633
 - *The Rural Community* [Сельское сообщество]. New York, 1920 — 633
 - *Society and its Surplus. A Study in Social Evolution* [Общество и его излишки. Исследование социальной эволюции]. New York, 1924 — 45
- Симхович** (Simkhovitch) Владимир Григорьевич (1874–1959), русско-американский экономист, профессор экономической истории и экономики Колумбийского университета — 189, 358, 467, 524, 526–528
 - *Marxism versus Socialism* [Марксизм против социализма]. New York, 1913 — 467
 - *Hay and History* [Сенокос и история] // *Political Science Quarterly*. 1913, September — 526
 - *Rome's Fall Reconsidered* [Новый взгляд на падение Рима] // *Political Science Quarterly*. 1916, June — 358, 526
- Симхович** (Simkhovitch) Мэри Кингсбери (1867–1951), американский градостроитель (основатель Гринвич-Хауса) и социальный работник, жена В.Г. Симховича, с которым познакомилась и обручилась во время учебы в Берлинском университете, в 1905 г. – член Комитета четырнадцати по борьбе с проституцией в Нью-Йорке — 632
 - *The City Worker's World in America* [Мир городского рабочего в Америке]. New York, 1917 — 632
- Скалет** (Skalet; в замужестве Skeel) Магда Сиверина (1907–1997), американский психолог и педагог, научный сотрудник университета Западного резервного района, автор статьи «Статистическое исследование ответов группы нормальных детей на индивидуальные тесты по шкале Бине-Симона, скорректированной в Стэнфорде» (*A Statistical Study of the Responses of a Group of Normal Children to the Individual Tests in the Stanford-Revision of the Binet-Simon Scale* // *Psychological Clinic*. 1932, vol. 21, № 3, p. 183–195) — 409
- Сквиллаче** (Squillace) Фаусто (1878–1920), итальянский социолог — 24, 37, 46, 563, 640
 - *Le dottrine sociologiche* [Социологические теории]. Roma, 1902 — 37, 46, 563, 640
- Скойтен**, Схейтен (Schuyten; у Сорокина ошибочно – Shytен) Мекар Каролус (Médard Carolus) (1866–1948), бельгийский педагог и педолог, профессор Брюссельского университета, директор Городской педологической лаборатории в Антверпене, автор популярной в России книги «Воспитание женщины» (СПб., 1911) — 112, 157, 160

- Über Wachstum der Muskelkraft bei Schülern während des Schuljahres [О росте мышечной силы у школьников в течение учебного года] // Zeitschrift für Psychologie. Bd. 23 — 157
- Influence des variations de la température atmosphérique sur l'attention volontaire des élèves [Влияние изменений температуры воздуха на внимание учеников] // Bulletin de l'Académie royale des sciences, de lettres de Belgique. Brussels, 1906, vol. XXXII — 160
- Скотт** (Scott) Вальтер Дилл (1869–1955), американский психолог, одним из первых применивший психологию к различным бизнес-практикам, таким как подбор персонала и реклама — 622
 - The Psychology of Advertising in Theory and Practice: A Simple Exposition of the Principles of Psychology in Their Relation to Successful Advertising [Психология рекламы в теории и практике: простое изложение принципов психологии в их отношении к успешной рекламе]. Boston, 1913 — 622
- Скотт-Джеймс** (Scott-James) Рольф Арнольд (1878–1959), английский журналист, редактор и литературный критик, который в своей книге «Модернизм и романтика» (Modernism and Romance. New York and London, 1908) впервые использовал слово «модернизм» для характеристики современной жизни в целом — 622
 - Influence of the Press [Влияние прессы]. London, 1913 — 622
- Слейтер** (Slater) Гилберт (1864–1938), английский экономист и социальный реформатор, в 1915–1921 гг. – профессор Мадрагского университета, известен также попытками доказать, что произведения Шекспира на самом деле были написаны несколькими разными писателями в разное время — 472
 - The Psychological Basis of Economical Theory [Психологические основы экономической теории] // The Sociological Review. 1923, July, October — 472
- Слосс** (Slosse) Огюст (1863–1930), бельгийский физиолог и химик, преподаватель физиологии в Свободном университете Брюсселя — 123
 - Recherches sur le travail humain dans l'industrie. I. Enquête sur l'alimentation de 1065 ouvriers belges [Исследования человеческого труда в промышленности. Обзор продовольственных товаров 1065 бельгийских рабочих]. Bruxelles-Paris-Leipzig, 1910 (в соавторстве с Э. Ваксвейлером) — 123
- Слоссон** (Slosson) Эдвин Эмери (1865–1929), американский журналист, химик и писатель, популяризатор науки — 414
 - Science Remaking the World [Наука переделывает мир]. New York, 1924 (в соавторстве с О.У. Колдуэллом) — 414
- Смит** (Smith) Адам (1723–1790), английский экономист, философ-этик — 328, 418, 451, 464
- Смит** (Smith) Графтон Эллиот (1871–1937), австралийско-английский анатом, археолог и историк, исследователь мозга египетских мумий, во взглядах на преемственность человечества отстаивал идею гипердиффузионализма — 657
- Смит** (Smith) Джозеф Рассел (1874–1966), американский географ, популяризатор географической науки, оказавший значительное влияние на преподавание географии в США — 125
 - Industrial and Commercial Geography [Промышленная и коммерческая география]. New York, 1913 — 125
- Смит** (Smith) Хайрам Мак (1872–1918), американский религиозный деятель, член Кворума двенадцати апостолов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (церковь СПД) — 151, 156
- Смолл** (Small) Альбион Вудбери (1854–1926), американский социолог, основатель и главный редактор «American Journal of Sociology» (1895–1926) — 23, 31, 50, 202, 328, 430, 431, 432, 443, 464, 465, 484, 566, 569, 570, 576, 577
 - Fifty Years of Sociology in the United States [Пятьдесят лет социологии в Соединенных Штатах] // American Journal of Sociology. 1916 — 23
 - Introduction to the Study of Society [Введение в изучение общества]. New York – Cincinnati — Chicago, 1894 (в соавторстве с Дж.Э. Винсентом) — 202, 569

- General Sociology [Общая социология]. Chicago, 1905 — 430, 569
- Adam Smith and Modern Sociology. A Study in the Methodology of the Social Sciences [Адам Смит и современная социология. Исследование в области методологии общественных наук]. Chicago, 1907 — 569
- The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity [Камералисты. Пионеры немецкой социальной политики]. New York, 1910 — 328, 569
- The Meaning of Social Science [Значение социальной науки]. Chicago, 1910 — 569
- Socialism in the Light of Social Science [Социализм в свете общественных наук] // American Journal of Sociology. 1912, vol. XVII, May — 464
- [Lester Frank Ward (Лестер Фрэнк Уорд)] // American Journal of Sociology. 1913, vol. XIX, № 1 (July), p. 75–78 — 566
- Origins of Sociology [Истоки социологии]. Chicago, 1924 — 569
- Смол** (Small) Уиллард (1830–1904), американский переводчик Н.М. Фюстеля де Куланжа — 589
- *Fustel de Coulanges. The Ancient City*. Boston, 1900 (первое издание перевода – 1874) — 589
- Снайдер** (Snyder) Карл (1869–1946), американский экономист и статистик, в 1928 г. – президент Американской статистической ассоциации — 498
- Сноу** (Snow) Эрнест Чарльз (1859–1926), американский психолог и антрополог — 245, 285, 344
- The Intensity of Natural Selection in Man, preface by Karl Pearson [Интенсивность естественного отбора у людей. Предисловие К. Пирсона]. London, 1911 — 285
- Содди** (Soddy) Фредерик (1877–1956), английский радиохимик, член Лондонского королевского общества (1910), лауреат Нобелевской премии по химии (1921) — 414
- Science and Life [Наука и жизнь]. London, 1920 — 414
- Сокет** (Socquet) Жюль (1853–1925), французский врач, доктор медицины, судебно-медицинский эксперт — 314
- Criminauté en France de 1826 à 1880 [Преступность во Франции с 1826 по 1880 г.]. Paris, 1884 — 314
- Солнцев** (Solntzev) Сергей Иванович (1872–1936), русский советский экономист, до революции занимавшийся исследованием бюджетов рабочих и проблемами заработной платы; с 1929 г. входил в Совет по изучению производительных сил — 483, 484
- Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Томск, 1917 — 483, 484
- Сольве** (Solvay) Эрнест Гастон (1838–1922), бельгийский химик и предприниматель; в 1894 г. создал Институт социальных наук в Свободном университете Брюсселя («Институт Сольвея») — 37, 42, 43, 56
- Note sur des formules d'introduction à l'énergétique physio- et psycho-sociologique [Заметка о вводных формулах в физио- и психосоциологической энергетике] // Questions d'énergétique sociale. Notes et publications de M. Ernest Solvay (1894–1910). Bruxelles, 1910, p. 13–54 — 43
- Соммермье** (Sommermier) Элоиза, психолог, ассистент проф. У.С. Хантера — 279
- The relation of degree of Indian blood to score on the Otis Intelligence Test [Степень индейской крови и результаты теста Отиса на интеллект] // Journal of Comparative Psychology. 1922, vol. II, № 3, p. 257–277 (в соавторстве с У.С. Хантером) — 279
- Сорель** (Sorel) Жорж (1847–1922), французский философ и публицист — 73, 206, 415, 469, 591, 592
- Reflections on Violence. New York, 1912 [рус. перевод: Размышления о насилии. М., 2013] — 73, 78, 469, 592
- Les théories de E. Durkheim [Теории Э. Дюркгейма] // Le Devenir Social. 1895, vol. I — 415
- Matériaux d'une théorie du prolétariat [Материалы к теории пролетариата]. Paris, 1919 (у Сорокина автором работы ошибочно указан Р. Михельс) — 469

- Сорокин** (Sorokin) Питирим Александрович — 21, 24, 34, 55, 57, 78, 212, 216, 250, 251, 258, 264, 265, 268, 270, 282, 286, 297, 303, 305, 312, 314, 317–319, 322, 324, 328, 337, 348, 353, 355, 371, 377, 380, 401, 415, 417, 429, 431, 435, 439, 444, 456, 467, 470, 472, 483, 485, 488, 489, 499, 514, 517, 519, 521, 522, 531, 549, 554, 556, 558, 566, 582, 608, 629, 630, 632, 633, 635, 639, 642, 647–651, 662, 663, 669
- Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист, Пг., 1922, № 1 — 305, 317
 - Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. 1922, № 2 — 648
 - Война и милитаризация общества // Артельное дело. Пг., 1922, №1–4 — 318
 - Главнейшие теории прогресса в современной социологии // Вестник знания. СПб., 1911, № 9 — 566
 - Голод и идеология общества // Экономист. 1922, № 4–5 — 318, 521, 522, 648
 - Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь [The Influence of Famine and Food Factor]. Пг.: Колос, 1922 — 324, 556, 558
 - Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб., 1914 — 415
 - Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Сб. 3. СПб., 1914 — 297
 - К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911, т. 8, вып. 3 — 649
 - Категория «должного» и ее применимость к изучению социальных явлений // Юридический вестник. 1917, кн. 17 — 216
 - Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1913, вып. 4 — 216, 650
 - Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. СПб., 1914 — 216, 649
 - Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914 — 216, 297, 312, 429, 499
 - Система социологии. Пг., 1920, т. I–II — 55, 57, 303, 377, 401, 417, 429, 431, 439, 456, 483, 517, 549, 582, 635, 668
 - Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916): Сборник статей. Пг., 1917 — 355, 470, 649
 - Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919 — 444
 - American Millionaires and Multimillionaires: A Comparative Statistical Study [Американские миллионеры и мультимиллионеры: Сравнительное статистическое исследование] // Social Forces. 1925, vol.3, № 4 — 268, 629
 - Experimental Study of the Effects of Collective and Individual, Equal and Unequal Remuneration and Pure Competition on the Efficiency of the Work [Экспериментальное исследование влияния на эффективность труда коллективного и индивидуального, равного и неравного вознаграждения и честной конкуренции] // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. Bund V, heft 1, 1927 — 519, 663
 - Farmer Leaders in the United States [Фермерские лидеры в Соединенных Штатах] (with C.C. Zimmerman, I.G. Adams, W.O. Behrens, O.D. Duncan, D. Dvorocsek, F.C. Frey (с К.-К.)) // Social Forces. 1928, vol. 7, № 1 — 639
 - Impoverishment and the Expansion of Governmental Control [Обнищание и усиление правительственного контроля] // The American Journal of Sociology. 1926, vol. 32, № 2 — 318

- Influence of the World-War upon Divorces [Влияние мировой войны на разводы] // Journal of Applied Sociology, 1925, vol. X, № 2 — 630
- Leaders of Labor and Radical Movements in the United States and Foreign Countries [Лидеры рабочих и радикальных движений в Соединенных Штатах и зарубежных странах] (with Guy C. Hanna, Celia Israel, Lewis L. McKibben, Mildred Parten, Marlon B. Rothem, Mamie Tanquist and Elmer N. Eddy) // The American Journal of Sociology. 1927, vol. XXXIII, № 3 — 639
- Leadership and Geographic Mobility [Лидерство и географическая мобильность] // Journal of Applied Sociology, vol. XII — 639
- Die Russische Soziologie der Gegenwart im 20. Jahrhundert [Русская социология в XX веке] // Jahrbuch für Soziologie. 1926. Band II — 24, 485
- Monarchs and Rulers: A Comparative Statistical Study [Монархи и правители: Сравнительное статистическое исследование] // Journal of Applied Sociology, 1925–1926, vol. IV — 265, 629
- Social Mobility [Социальная мобильность]. New York and London, 1927 — 34, 78, 250, 251, 258, 264, 270, 282, 286, 312, 319, 322, 328, 337, 348, 353, 371, 380, 429, 435, 467, 485, 488, 489, 514, 517, 521, 629, 632, 639, 647, 651
- Sociology of Revolution [Социология революции]. Philadelphia, 1925 — 305, 314, 318, 353, 472, 485, 499, 608, 649, 662
- A Survey of the Cyclical Conceptions of Social and Historical Process [Обзор циклических концепций социальныз и исторических процессов] // Social Forces. 1927, vol. 6, no. 1 — 642
- Спарго** (Spargo) Джон (1876–1966) англо-американский публицист, общественный деятель, социалист (позднее отошедший от социализма), ранний биограф К. Маркса — 469
 - Karl Marx, His Life and Works [Карл Маркс. Его жизнь и труды]. New York, 1910 — 469
- Спекторский** Евгений Васильевич (1875–1951), русский правовед и социальный философ, профессор Императорского Варшавского университета, с 1920 г. в эмиграции — 20, 30–33, 35
 - Проблема социальной физики в семнадцатом столетии. Варшава, 1910, т. 1; Киев, 1917, т. 2 — 30–33, 35
- Спенсер** (Spencer) Болдуин (1860–1929), английский антрополог, этнограф и биолог, совместно с Ф. Гилленом изучавший племена Австралии — 170, 435
- Спенсер** (Spencer) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма — 37, 50, 61, 63, 72, 104, 106, 175, 196, 198, 203, 205, 208, 209, 211, 212, 215, 287, 304, 316–318, 373, 390, 394, 398, 418, 424, 433, 435, 445, 451, 453, 518, 535, 585, 615, 616, 648
 - First Principles (1862). New York, 1895 [рус. перевод: Основные начала. СПб., 1897] — 37, 198, 209, 210
 - The Principles of Biology. London, 1864–1867, vol. I–II [рус. перевод: Основания биологии. СПб., 1899, т. I–II] — 37
 - The Principles of Sociology (1876). New York, 1910, vol. I–III [рус. перевод: Основания социологи. СПб., 1898, т. I–III] — 37, 615, 642
 - The Principles of Sociology. New York, 1910, vol. I, part II: The Inductions of Sociology [Индукции социологии] — 198, 203, 317
 - The Principles of Ethics (1879). London, 1892–1892, vol. I–II [рус. перевод: Основания этики. СПб., 1899, ч. I–II] — 37
 - Progress: Its Law and Causes // *Spencer H. Essays: Scientific, Political, and Speculative.* London, 1891, vol. I [рус. перевод: Прогресс, его закон и причина // *Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские.* Пг., б/г, т. I] — 210

- Спикмен** (Spykman) Николас Джон (1893–1943), голландско-американский геополитик, разработавший концепцию «сдерживания» — 438, 439, 448, 449
 – The Social Theory of Georg Simmel [Социальная теория Георга Зиммеля]. Chicago, 1925 — 438, 439
- Спиноза** (Spinoza) Бенедикт (1632–1677), нидерландский философ — 31, 32, 512
- Спицка** (Spitzka) Эдвард Энтони (1876–1922), американский анатомист, проводивший по-смертные исследования мозга многих выдающихся американских ученых, автор статьи «Исследование веса мозгового вещества у людей, известных в деловых кругах, в искусстве и науке» (A Study of the brain-weights of men notable in the professions, arts and sciences // Philadelphia Medical Journal. 1903, 2 May, p. 757–761) — 250
- Сталь** (Staël) Анна Луиза Жермена де (1766–1817), французская писательница, теоретик литературы, публицист — 173
- Старбак** (Starbuck) Эдвард Диллер (1866–1947), американский психолог, представитель «Кларкской школы религиозной психологии» — 591, 605
 – The Psychology of Religion [Психология религии]. New York, 1903 — 591, 605
- Старч** (Starch) Дэниел (1883–1979), американский психолог и педагог — 283, 542
 – Educational Psychology [Психология образования]. New York, 1919 — 283, 542
- Стейнер** (Steiner) Джесси Фредерик (1880–1962), американский социолог, профессор университета Вашингтона — 633
 – Community organization: myth or reality? [Общинная организация: миф или реальность?] New York, 1925 — 633
- Стефанссон** (Stefansson) Вильялмур (Vilhjálmur) (1879–1962), канадский полярный исследователь исландского происхождения, этнограф и писатель; на русском языке издана его книга «Гостеприимная Арктика» (М., 1948) — 119
 – The Northward Course of Empire [Северный курс империи]. New York, 1922 — 119
- Стивенсон** (Stevenson) Томас Генри Крэйг (1870–1932), ирландский статистик — 339, 344, 346, 489
 – [A Method of Estimating Future Populations (Метод подсчета будущего народонаселения) // Journal of Hygiene. 1904, vol. IV, № 2, April, p. 207–216 — 344
 – The Laws Governing Population [Законы, регулирующие численность народонаселения] // Journal of the Royal Statistical Society. 1925, vol. 88, № 1 — 339, 346
- Стоддард** (Stoddard) Теодор Лотроп (1883–1950), американский историк, журналист, евгеник и расовый теоретик, состоявший в Ку-клукс-клане (А. Розенберг заимствовал у него термин «недочеловек» — under-man) — 249
 – Racial Realities in Europe [Расовые реалии в Европе]. New York, 1924 — 249
 – The Rising Tide of Colour against White World-Supremacy [Поднимающаяся волна цветных против белого мирового господства]. New York, 1920 — 249
- Страбон** (Strabo; ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.), греческий историк и географ — 111
- Стронг** (Strong) Элис К., американский психолог и педагог из университета Южной Каролины — 277
 – Three Hundred Fifty White and Colored Children Measured by the Binet-Simon Measuring Scale of Intelligence: A Comparative Study [Триста пятьдесят белых и цветных детей, измеренных по шкале интеллекта Бине-Симона: сравнительное исследование] // The Pedagogical Seminary. 1913, vol. XX — 277
- Струве** (Struve) Петр Бернгардович (1870–1944), русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ — 469, 482
 – Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1899, Bd. XIV, S. 658–704 [рус. перевод: Маркова теория социального развития. Критический опыт (1898) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год. Под ред. М.А. Колерова. М., 2000, с. 71–128] — 469

- Стэнджленд** (Stangeland; у Сорокина ошибочно: Strangeland) Чарльз Эмиль (1881–1942), американский экономист и дипломат, профессор — 327, 328
 – Pre-Malthusian Doctrines of Population: A Study in the History of Economic Theory [Домальтузианские доктрины народонаселения: Из истории экономической теории]. New York, 1904 — 327, 328
- Стюарт** (Steuart) Джеймс (1712–1780), английский экономист, один из последних представителей меркантилизма, автор работы «Исследования о принципах политической экономии» (1767) — 328
- Сунни** (Sweeney) Джеймс Ширли (1896–1976), американский биолог и врач, профессор клинической медицины — 145, 361, 364
 – The Natural Increase of Mankind [Естественный прирост человечества]. Baltimore, 1926 — 145
- Свинни** (Swinnny) Шейплэнд Хью (1857–1923), ирландский экономист, позитивист, последователь О. Конта — 106
 – Sociology; Its Successes and Its Failures [Социология: ее успехи и неудачи] // The Sociological Review. 1919, vol. XI, № 1 — 106
 – The Sociological Schools of Comte and Le Play [Социологические школы Конта и Ле Пле] // The Sociological Review. 1921, vol. XIII, № 2, April — 106
- Сундбарг** (Sundbärg) Аксель Густав (1857–1914), шведский статистик — 145
- Сунне** (Sunne) Дагни Гунхильда (1880–?), норвежский психолог, специалист в области психологии обучения, профессор ряда американских университетов — 276
 – Comparison of White and Negro Children [Сравнение белых и негритянских детей] // School and Society. 1924, vol. XIX — 276
- Сэдлер** (Sadler) Уильям Сэмюэль (1875–1969), американский психиатр и общественный деятель, профессор Теологической семинарии Маккормика — 249
 – Long Heads and Round Heads; Or, What's the Matter with Germany [Длинноголовые и круглоголовые, или Что случилось с Германией]. Chicago, 1918 — 249

Т

- Тагвелл** (Tugwell) Рексфорд Гай (1891–1979), американский экономист, один из разработчиков экономической программы «Нового курса» президента Ф.Д. Рузвельта, профессор ряда американских университетов — 472
 – Human Nature in Economic Theory [Модель человека в экономической теории] // Journal of Political Economy. Vol. XXX — 472
- Тайлор**, Тэйлор (Tylor) Эдвард Бёрнетт (1832–1917), английский этнолог — 424
- Талько-Гринцевич** (Talko-Grunczewitz) Юлиан Доминикович (1850–1936), польский антрополог и врач, один из основателей польской антропологии, автор статьи «Основные антропометрические характеристики простого народа и культурных классов в Польше» (The Main Anthropometric Characteristics of the Common People and of the Cultured Classes in Poland // Bulletin of the Polish Academy of Science. Krakow, 1919, vol. LIX) — 250, 258, 488
- Тамерлан**, Тимур, Тимурленг (Tamerlane; 1336–1405), восточный правитель и полководец, один из величайших завоевателей в истории человечества — 92, 181, 388
- Танквист** (Tanquist; после замужества в 1934 г. – Miller или Tanquist-Miller) Мэми Рут Юнис (1893–1971), американский социолог, социальный антрополог и археолог, в аспирантуре университета Миннесоты под руководством П.А. Сорокина защитила магистерскую диссертацию на тему «Статистическое исследование изменений рода занятий и экономического статуса 600 американских семей в течение четырех поколений», до выхода на пенсию в 1953 г. работала в университете Нью-Мехико, занимаясь социальной антропологией, этнографией и сельской социологией — 663
- Тард** (Tarde) Жан Габриель (1843–1904), французский социолог и криминолог, один из основателей субъективно-психологического направления в социологии — 31, 168, 202, 206,

- 207, 210, 289, 296, 302, 314, 315, 410, 416–418, 453, 480, 481, 499, 563–566, 578, 579, 591, 647, 650, 661
- La Criminalité comparée. Paris, 1886 [Сравнительная преступность. М., 1907] — 168
 - La Philosophie pénale [Философия наказания]. Paris, 1890 (Penal Philosophy. Boston, 1912) [частич. рус. перевод: Преступник и преступление. М., 1906] — 168, 314, 315, 324, 563
 - Les lois de l'imitation, étude sociologique. Paris, 1890 (The Laws of Imitation) [рус. перевод: Законы подражания. СПб., 1892] — 563
 - Les transformations du droit [Преобразования права]. Paris, 1893 — 563, 647
 - La logique sociale. Paris, 1895 [рус. перевод: Социальная логика. СПб., 1901] — 417, 563
 - Essais et mélanges sociologiques [Социологические очерки и размышления]. Lyon — Paris, 1895 — 563
 - L'opposition universelle: Essai d'une théorie des contraires [Универсальная оппозиция: Очерк теории противоположностей]. Paris, 1897 — 289, 563, 565
 - [Débat sur] La théorie organique des sociétés [Обсуждение органической теории обществ] // Annales de l'Institut international de sociologie. 1897, vol. IV p. 237–260 — 207
 - Les Lois sociales: esquisse d'une sociologie. Paris, 1898 (Social Laws. New York, 1899) [рус. перевод: Социальные законы: Личное творчество среди законов природы и общества. СПб., 1900] — 296, 302, 563, 565, 647
 - Études de psychologie sociale. Paris, 1898 [рус. перевод: Социальные этюды. СПб., 1902] — 410, 417, 418, 563
 - L'opinion et la foule. Paris, 1901 [рус. перевод: Общественное мнение и толпа. М., 1902] — 563
 - La psychologie intermentale [Интерментальная психология] // Revue internationale de sociologie. 1901, vol. IX, № 1 — 564
 - [Quelques mots sur le matérialisme historique (Несколько слов об историческом материализме)] // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1902, vol. VIII, p. 283–289 — 480
- Тарновская** (у Сорокина: Tarnovsky) Прасковья Николаевна (1847–1910), врач-невропатолог и антрополог, криминолог-исследователь; на Западе известна как Pauline Tarnowsky (Полин Тарновски), жена основателя российской научной школы венерологии В.М. Тарновского (1837–1906), писатель В.В. Набоков – ее внучатый племянник по линии сестры Ольги (1845–1901); автор монографий «Женщины-убийцы» (СПб., 1902; французский перевод: Les femmes homicides. Paris, 1908) и «Антропометрическое исследование проституток и воров» (Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris, 1889) — 250, 499
- Таун** (Towne) Эзра Тайер (1873–1952), американский экономист, член Американской экономической ассоциации и Американской ассоциации университетских профессоров — 195
- Die Auffassung der Gesellschaft als Organismus, ihre Entwicklung und ihre Modifikationen [Понимание общества как организма, его развитие и его модификации]. Halle, 1903 — 195
- Тауссиг** (Tauszig) Фрэнк Уильям (1859–1940), американский экономист, историк и социолог — 329, 467, 472, 632, 661, 662
- Inventors and Money-Makers [Изобретатели и стяжатели]. New York, 1915 — 472, 632, 662
- Тафт** (Taft) Джесси (1882–1961), американский социолог, представитель Чикагской социологической школы, изучала социальные проблемы женщин и особенно девочек с позиций символического интеракционизма — 628
- The Effect of an Unsatisfactory Mother-Daughter Relationship [Эффект неудовлетворительных отношений матери и дочери] // The Family. 1926, March — 628

- Тафт** (Taft) Уильям Говард (1857–1930), 27-й президент США (с 1909 по 1913 г.) от Республиканской партии, автор эссе «Рассвет мира во всем мире» (The Dawn of World Peace. 1911) — 296, 297
- Тахтарев** (Takhtareff) Константин Михайлович (1871–1925), русский историк первобытной культуры и социолог, в 1890–1900 гг. – участник революционного движения, с 1897 г. в эмиграции; ученик и последователь М.М. Ковалевского; с 1917 г. преподавал в Петроградском университете, с 1924 г. – сотрудник института К. Маркса и Ф. Энгельса — 455, 571
- Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1918 — 571
 - Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919 — 455
- Тацит** Публий Корнелий (Tacitus; середина 50-х – ок. 120), древнеримский историк — 380, 435, 462, 615
- Теггарт** (Teggart) Фредерик Джон (1870–1946), ирландско-американский историк и социолог, автор работ по истории цивилизаций, оказавший серьезное влияние на А.Дж. Тойнби, профессор Калифорнийского университета и университета Беркли — 190, 661
- Theory of History [Теория истории]. London, 1925 — 661
 - The Processes of History [Процессы истории]. New Haven, 1918 — 190
- Тейлор** (Taylor) Исаак (1829–1901), английский священник и писатель — 251, 253
- The origin of the Aryans. An account of the prehistoric ethnology and civilisation of Europe [Происхождение ариев. Очерк доисторической этнологии и цивилизации Европы]. New York, 1890 — 251, 253
- Тейлор** (Taylor) Карл Кливленд (1884–1975), американский социолог, представитель сельской социологии, в 1946 г. президент Американской социологической ассоциации — 517, 518, 633
- Rural Sociology [Сельская социология]. New Haven – London, 1926 — 517, 633
- Тейлор** (Taylor) Томас Гриффит, «Гриф» (1880–1963), английский географ, антрополог и путешественник, выживший участник экспедиции Р. Скотта в Антарктиду (1910–1913) — 190
- Environment and Race [Окружающая среда и раса]. London, 1927 — 190
- Телеки** (Teleky) Людвиг (1872–1957), австрийский гигиенист и профпатолог, в 1918 г. переехал в Германию, где с 1918 по 1932 г. был директором Академии социальной гигиены, созданной им в Дюссельдорфе, в 1933 г. эмигрировал сначала в Швейцарию, а затем в США, в 1939–1944 гг. преподавал гигиену труда в Чикагском университете — 632
- Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge [Справочник социальной гигиены и здравоохранения]. Berlin, 1926–1927, Bd. I–V (в соавторстве с А. Шлосманом и А. Готтштейном) — 632
- Темпл** (Temple) Уильям (1628–1699), английский государственный деятель и эссеист, автор «Заметок о Соединенных провинциях Нидерландов» (Observations upon the United Provinces of the Netherlands. 1673) — 112, 328
- Термен** (Terman) Льюис Мэдисон (1877–1956), американский психолог, профессор Стэнфордского университета — 250, 256, 268, 269, 271, 272, 277, 280, 406, 488, 629
- The Intelligence of School Children [Интеллект школьников]. Boston – New York – Chicago, 1919 — 271
 - New Approach to Study of Genius [Новый подход к изучению гениальности] // Psychological Review, 1922, vol. XIX, July — 271
 - Genetic Studies of Genius. Vol. I: Mental and physical Traits of a thousand Gifted Children [Генетические исследования гениальности. Том. I: Психические и физические особенности тысячи одаренных детей]. Stanford, 1925 — 256, 269, 277, 280, 629
- Тертуллиан** (Tertullian) Квинт Септимий Флоренс (ок.160 – после 220), раннехристианский мыслитель и писатель, выразитель бескомпромиссного отрицания старой языческой цивилизации, государственности и культуры — 111

- Тетер** (Teter G.P.) Дж. П., американский психолог — 276
 – A comparison of colored and White children by means of a group scale of intelligence [Сравнение цветных и белых детей с помощью групповой шкалы интеллекта] // Journal Applied Psychology. 1919, vol. III, p. 277–282 (в соавторстве с С.Л. Пресси) — 276
- Тённис** (Tönnies) Фердинанд (1855–1936), немецкий социолог и историк философии, сторонник «понимающей социологии» — 418, 438–441, 443, 445, 446, 453, 458, 469, 622, 640, 651
 – Marx Leben und Lehre [Жизнь и учение Маркса]. Jena, 1921 — 469
 – Kritik der öffentlichen Meinung [Критика общественного мнения]. Berlin, 1922 — 622
 – Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als Empirische Kulturformen [Общность и общество. О коммунизме и социализме как эмпирических формах культуры]. 1. Aufl. Leipzig, 1887 — 418, 439
 – Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. 3. Aufl. Berlin, 1920) [рус. перевод: Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М. — СПб., 2002] — 440
 – Richtlinien für das Studium des Fortschritts und des Soziale Entwicklung [Рекомендации по изучению прогресса и социального развития] // Jahrbuch für Soziologie. 1925, Bd. I, S. 166–221 — 651
- Тёппен** (Töppen) Макс (1822–1893), немецкий историк, гимназический учитель, один из наиболее авторитетных государственных историков Пруссии — 465
- Тиберий** Юлий Цезарь Август (Tiberius), второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев — 255
- Тилден** (Tilden) Уильям Огастес (William Augustus) (1842–1926), английский химик-органик, профессор Мэсонского колледжа в Бирмингеме — 414
 – Chemical Discovery and Invention in the Twentieth Century [Химические открытия и изобретения в двадцатом веке]. London — New York, 1917 — 414
- Тимофеевский** (Timofeevsky) один из студентов П.А. Сорокина — 534
- Типпетт** (Tippett) Леонард Генри Калед (1902–1985), английский статистик — 139
 – On Stability of the Cephalic Indices Within the Race [О стабильности цефалических показателей внутри расы] // Biometrika. 1924, vol. XVI (в соавторстве с К. Пирсоном) — 139
- Тит Ливий** — см. Ливий Тит
- Тифон** (Thurphon), в древнеегипетской мифологии – некая сила, которая содержит все в безвидности и пустоте — 172
- Тихомиров** (Tikhomiroff) Николай Павлович (1879 – после 1951), физиолог, доктор медицины, ученик И.П. Павлова — 562
 – Сила раздражителя в качестве особого условного раздражителя. Доклад в Обществе русских врачей 13 мая 1910 // Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге. СПб., 1910, т. 77 — 562
- Тодд** (Todd) Артур Джеймс (1878–1948), американский социолог, профессор университета Миннесоты — 313, 321, 430, 431, 592, 618, 622, 651
 – Theories of social progress. A critical study of the attempts to formulate the conditions of human advance [Теории социального прогресса. Критическое исследование попыток сформулировать условия человеческого прогресса]. New York, 1918 — 313, 321, 430, 469, 592, 618, 622, 651
- Тодд** (Todd) Томас Уингейт (1885–1938), английский ортодонт (ортодонтия – раздел стоматологии, занимающийся профилактикой и лечением зубо-челюстных аномалий и жевательно-речевого аппарата преимущественно у детей и подростков) и антрополог, с 1920 г. – директор музея сравнительной антропологии и анатомии в кливлендском Музее естественной истории, автор статьи «Объем и линейные размеры черепа у белого

- и негра» (*Cranial Capacity and Linear Dimensions in White and Negro // American Journal of Physical Anthropology*. 1923, № 2) — 250
- Токвиль** (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский писатель и политический деятель, министр иностранных дел Франции (1849) — 634
- *Democracy in America (De la démocratie en Amérique*. Paris, 1835, t. 1–2; рус. переводы: *Демократия в Америке*. Киев, 1860, т. 1–4; *О демократии в Америке*. М., 1897; *Демократия в Америке*. М., 1992) — 634
- Токугава** (Tokugawa), третья династия (1603–1867) сёгунов, военно-феодальных правителей Японии, свергнутая в результате революции 1867–1868 гг.; в результате власть формально перешла к императору, фактически – к правительству буржуазно-помещичьего блока (Мэйдзи – «просвещенное правление»; по традиции каждое царствование в Японии избирает свой девиз) — 321
- Толлер** (Toller) Эрнст (1893–1939), немецкий поэт-экспрессионист, драматург, революционер, антифашист, глава Баварской Советской Республики; покончил с собой в ванной своего номера в нью-йоркском отеле «Мэйфлауэр» — 662
- *Masse Mensch*. Potsdam, 1921 [рус. перевод: *Человек-масса*. М.-Пг., 1923] — 662
- Толмен** (Tolman) Эдвард Чейс (1886–1959), американский психолог, представитель необихевиоризма, автор концепции «когнитивных карт», в 1937 г. – президент Американской психологической ассоциации — 536, 552
- *The Nature of the Fundamental Drives [Природа основных влечений] // Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925–1926, vol. XX — 536
- Томас** (Thomas) Дороти Суэйн (1899–1977), американский социолог и экономист, супруга (с 1935 г.) Уильяма Томаса, первая женщина, ставшая в 1952 г. президентом Американской социологической ассоциации — 168, 171, 492–500, 645, 661
- *Social Aspects of the Business Cycle [Социальные аспекты бизнес-цикла]*. London, 1925 — 168, 492, 496–498, 500, 645
 - *The Influence of the Business Cycle on Certain Social Conditions [Влияние бизнес-цикла на некоторые социальные условия] // Journal American Statistical Society*. 1922, vol. XVIII, № 139, Septemder (в соавторстве с У.Ф. Огборном) — 492, 500, 645
 - *Are Inventions Inevitable? [Неизбежны ли изобретения?] // Political Science Quarterly*. 1922, March (в соавторстве с У.Ф. Огборном) — 661
- Томас** (Thomas) Уильям Айзек (1863–1947), американский социолог — 31, 540, 570, 576–578, 581, 630–632
- *Sex and Society. Studies in the Social Psychology of Sex [Секс и общество. Исследования в области социальной психологии секса]*. Chicago, 1907 (7th ed.) — 540
 - *The Polish Peasant in Europe and America [Польский крестьянин в Европе и Америке]*. Boston, 1918–1920, vol. 1–4 (в соавторстве с Ф. Знанецким) — 570, 630
 - *The Unadjusted Girl: with cases and standpoint for behavior analysis [Неприспособленная девушка: с доводами и позицией для поведенческого анализа]*. Boston, 1923 — 570, 632
- Томас** (Thomas) Франклин (1878–?), американский социолог, профессор университета в Орегоне, преподаватель социологии Колумбийского университета — 112
- *The Environmental Basis of Society. A Study in the History of Sociological Theory [Экологическая основа общества. Очерк по истории социологической теории]*. New York and London, 1925 — 112
- Томпсон** (Thompson) Джон Артур (1861–1933), английский натуралист, в 1899–1930 гг. – профессор естественной истории в университете Абердина, автор нескольких научно-популярных книг, в которых он стремился примирить науку и религию — 289
- *Darwinism and Human Life [Дарвинизм и человеческая жизнь]*. New York, 1917 — 289

- Томпсон** (Thompson) Уоррен Симпсон (1887–1950), американский историк — 329, 359, 363
 – Population: A Study in Malthusianism [Население: Исследование мальтузианства]. New York, 1915 — 329, 359, 363
- Томпсон** (Thompson) Хелен Брэдфорд, в замужестве – Вулли (Woolley) (1874–1947), американский психолог, родоначальница исследований гендерных различий — 542
 – Psychological Norms in Men and Women [Психологические нормы у мужчин и женщин]. 1903 (название диссертации, которую Х. Брэдфорд защитила в Чикагском университете; книга же вышла под названием: The mental traits of sex. An experimental investigation of the normal mind in men and women [Психические черты пола. Экспериментальное исследование нормального ума у мужчин и женщин]. Chicago, 1903) — 542
- Томсон** (Thomson) Артур (1858–1935), английский анатом и антрополог, сформулировавший «правило носа Томсона», которое гласит, что этнические группы, происходящие из холодного, засушливого климата, как правило, имеют более длинные и тонкие носы, в то время как носы у людей, живущих в теплом и влажном климате, как правило, короче и толще — 141
 – Man’s Nasal Index in Relation to Certain Climatic Conditions [Носовой индекс человека в соотношении с определенным климатическим условиям] // Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. LIII, 1923 (в соавторстве с Д. Бакстоном) — 141
- Томсон** (Thomson) Годфри Хилтон (1881–1955), английский психолог, занимавшийся проблемами образования и исследованиями интеллекта — 271, 629
 – The Social and Geographic Distribution of Intelligence in Northumberland [Социальное и географическое распределение интеллекта в Нортгумберленде] // British Journal of Psychology. 1923, vol. XIV, October (в соавторстве с Дж.Ф. Даффом) — 271, 629
- Топинар** (Topinard) Поль (1830–1911), французский антрополог — 141, 250–252, 254, 264, 488
 – Anthropology. London, 1878 [рус. перевод: Антропология. СПб., 1879] — 251, 252, 254
- Торндайк** (Thorndike) Эдвард Ли (1874–1949), американский психолог и педагог, в 1912 г. президент Американской психологической ассоциации — 161, 251, 276, 324, 406, 472, 536, 542
 – Educational Psychology. Vol. I: The Original Nature of Man [Образовательная психология. Т. I: Врожденные свойства человека]. New York, 1913 — 324, 472, 536, 542
 – The Effects of Outside Air and Recirculated Air upon the Intellectual Achievement and Improvements of School Pupils [Влияние свежего и спертго воздуха на успеваемость и умственное развитие школьников] // School and Society. 1916, № 3 (в соавторстве с У. Макколом и Г. Руджером) — 161
 – Ventilation in Relation to Mental Work [Вентиляция в связи с умственной работой] (Teachers College, Columbia University Contributions to Education, № 78), New York, 1916 (в соавторстве с У. Макколом и Дж. Чапменом [J.C. Chapman]) — 161
 – Intelligence Scores of Colored Pupils in High Schools [Показатели интеллекта цветных учеников в старших классах] // School and Society. 1923, vol. XVIII, № 463 — 276
- Тости** (Tosti) Густаво (1866–1919), итальянский социолог — 563
 – The Sociological Theories of G. Tarde [Социологические теории Г. Тарда] // Political Science Quarterly. 1897, vol. XII — 563
- Тоуни** (Tawney) Ричард Генри (1880–1962), английский экономический историк, христианский социалист, представитель фабианства — 597
 – Religion and the Rise of Capitalism [Религия и подъем капитализма]. New York, 1926 — 597
- Точер** (Tocher) Джеймс Фулер (1864–1945), шотландский социальный антрополог — 250, 259
 – The Anthropometrical Characteristics of the Inmates of Asylums in Scotland [Антропометрические характеристики заключенных психиатрических больниц Шотландии] // Biometrika. 1907, vol. V, № 3 — 259

- Трабуэ** (Trabue) Марион Рекс (1890–1973), американский психолог, профессор Колумбийского университета, во время Первой мировой войны консультант армии США, автор серии тестов, охватывающих весь диапазон возрастных вербальных и невербальных способностей — 275
 – The Intelligence of Negro Recruits [Интеллект негритянских рекрутов] // *Natural History*. 1919, vol. XIX — 275
- Трейчке** (Treitschke) Генрих фон (1834–1896), немецкий историк и литературный критик — 325
- Тренделенбург** (Trendelenburg) Фридрих Адольф (1802–1872), немецкий философ — 196
- Троттер** (Trotter) Уилфред Баттен Льюис (1872–1939), английский хирург, один из первых нейрохирургов, известен также исследованиями в области социальной психологии и своей концепцией стадного инстинкта — 324, 544, 545
 – *Instincts of the Herd in Peace and War* [Стадный инстинкт в мирное и военное время]. London, 1916 — 324, 544
- Троцкий** (наст. фамилия – Бронштейн) (Trotsky) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 469, 502
 – *Terrorisme et communisme. Contribution à l'histoire des révolutions*. Paris, 1920 [Терроризм и коммунизм. Пб., 1920] — 469
 – *Literature and Revolution*. New York, 1925 [Литература и революция. М., 1923] — 502
- Трэвис** (Travis) Ли Эдвард (1896–1987), американский психолог и психиатр, основатель профессии патологии речи в Америке, один из первых в США, кто использовал электрофизиологические методы для изучения мозга, основатель и директор психологической клиники и профессор психологии и речи в Университете штата Айова — 408
 – *The Effects of a Small Audience Upon Eye-Hand Coordination* [Влияние небольшой аудитории на координацию глаз и рук] // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1925, vol. XX, p. 142–146 — 408
- Туган-Барановский** (Tugan-Baranovsky) Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист, историк, представитель «легального марксизма», в 1917–1918 гг. – министр финансов Центральной Рады — 467, 469, 492, 499, 500, 614, 645
 – *Промышленные кризисы в современной Англии. Их причины и влияние на народную жизнь*. СПб., 1894 — 492, 500, 645
 – *Теоретические основы марксизма*. СПб., 1906 — 469
- Тугендрейх** (Tugendreich) Густав (1876–1948), немецкий врач-педиатр и гигиенист, в 1919–1921 гг. – заведующий отделом социальной гигиены при Главном управлении здравоохранения в Берлине, в 1938 г. эмигрировал в США — 632
 – *Krankheit und Soziale Lage* [Болезнь и социальное положение]. Hrsg. von Professors M. Mosse and G. Tugendreich. München, 1913 — 632
- Турвиль** (Tourville) Анри де (1842–1903), французский священник, один из предшественников социологии, первоначально находился под влиянием Ф. Ле Пле, но потом порвал с ним и создал школу под названием «Социальная наука» (*Social Science*) — 82, 83, 86, 94, 96, 99, 102, 108, 109, 112, 634
 – *The Growth of Modern Nations. A History of the Particularist Form of Society* [Пост-временных наций. История партикуляристской формы общества.]. New York, 1907 — 94, 102, 108
- Турнвальд** (Thurnwald) Рихард (1869–1954), немецкий социолог и этнолог, изучавший процесс образования общественных связей у примитивных народов, профессор Берлинского университета, автор многих статей в «*Reallexikon der Vorgeschichte*» (Реальном словаре предыстории, изданном «при участии многочисленных специалистов» М. Эбертом в Берлине в 1924–1932 гг.; включает 15 томов [16 книг]) — 21, 125, 126, 180, 250, 435, 472, 473, 634, 661, 662

- Stadt und Land im Lebensprozess der Rasse [Город и страна в жизненном процессе расы] // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie. 1904, 2. Teil — 634
 - Soziale Organisation [Социальная Организация] // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. 1920, Bd. XXXVI — 435
 - Psychologie des primitiven Menschen [Психология первобытного человека] // Handbuch der vergleichenden Psychologie. München, 1922, Bd. 1, S. 147–320 — 472
 - Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus [Самые ранние этапы экономического развития] // Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I — 125, 126, 180, 472, 473
 - Führerschaft und Siebung [Лидерство и отбор] // Zeitschrift für Völker Psychologie und Soziologie. March, 1926 — 662
- Тысяча и одна ночь**, памятник средневековой арабской литературы — 173
- Тьерри** (Thierry) Огюстен (1795–1856), французский историк романтического направления — 465
- Тэн** (Taine) Ипполит (1828–1893), французский философ-позитивист, историк и искусствовед — 173, 175, 616, 662
- Les origines de la France contemporaine. Paris, 1875–1893, vol. I–V (перевод на английский [vol. II–IV]: The French Revolution. New York, 1878–1885, vol. I–III [рус. перевод: Происхождение современной Франции. Т. 1: Старый порядок. Т. 2: Анархия. Т. 3: Якобинское завоевание. Т. 4: Революционное правительство. Т. 5: Новый порядок. СПб., 1907] — 662
 - Philosophie de l'art. Paris, 1865–1882, vol. I–III [рус. перевод: Философия искусства. М., 1996] — 173
- Тэннер** (Tanner) Эми Элиза (1870–1956), американский психолог — 661, 662
- Certain Social Aspects of Invention [Некоторые социальные аспекты изобретательства] // American Journal of Psychology. 1915, vol. XXVI — 662
- Тюнэн** (Thünen) Иоганн Генрих фон (1783–1850), немецкий экономист, представитель немецкой географической школы в экономической науке, один из предшественников маржинализма — 444
- Тюрго** (Turgot) Анн Робер Жак (1727–1781), французский экономист и государственный деятель, один из основоположников экономического либерализма — 112, 464

У

- Уайт** (White) Руэл Клайд (Reuel Clyde) (1894–?), американский социальный статистик — 169
- The Human Pairing Season in America [Брачный сезон в Америке] // American Journal of Sociology. Vol. XXXII — 169
- Уайт** (White) Уильям Алансон (1870–1937), американский психиатр и психоаналитик, президент Американского психопатологического общества (1922), президент Американской психиатрической ассоциации (1924–1925), президент Американского психоаналитического общества (1928) — 324
- Thoughts of a Psychiatrist on the War and After [Мысли психиатра о войне и ее последствиях]. New York, 1919 — 324
- Уайт** (White) Эдвард, американский статистик и налоговый чиновник, в 1918–1946 гг. возглавлял отдел подоходных налогов министерства финансов США, ввел выборку индивидуальных налоговых деклараций, а затем перешел к стратифицированной систематической выборке — 312
- Income Fluctuation of a Selected Group of Personal Returns [Колебания прибыли выбранной группы лиц, имеющих доходы] // Journal of American Statistical Association. 1922, Vol. XVII — 312

- Узе** (Houzé) Эмиль (1848–1921), бельгийский антрополог — 253, 255, 261, 262
 – L'Argen et l'anthroposociologie [Арии и антропосоциология]. Bruxelles, 1906 (Travaux de l'Institut de Sociologie — 253, 255, 261, 262
 – Les indices céphaliques des Flamands et des Wallons [Кефалические индексы фламандцев и валлонцев]. Bruxelles, 1882 — 262
- Уиггам** (Wiggam) Альберт Эдвард (1871–1957), американский писатель, пропагандист евгеники, президент Ассоциации по изучению человеческой наследственности, автор множества книг и статей, в том числе статьи «Биология лидерства» (The Biology of Leadership // H.C. Metcalf, ed. Business Leadership. New York, 1931) и книги «Новый Декалог науки» (The New Decalogue of Science. New York, 1923) — 250
- Уилер** (Wheeler) Джеральд Клэр (1872–1943), английский социолог и этнограф — 368, 380, 433, 502, 503
 – The material culture and social institutions of the simpler peoples [Материальная культура и социальные институты примитивных народов]. London, 1915 (в соавторстве с Л.Т. Хобхаусом и М. Гинзбергом) — 298, 380, 433, 502
- Уилкоккс** (Willcox) Уолтер Фрэнсис (1861–1964), американский экономист и статистик, в 1915 г. – президент Американской экономической ассоциации — 489, 496, 630, 651
 – The Divorce Problem [Проблема развода]. New York, 1891 — 630
 – A Statistical Idea of Progress [Статистическая идея прогресса] // International Journal of Ethics. 1913, vol. XXIII, № 3 — 651
- Уилли** (Willey) Малькольм Макдональд (1897–1974), американский социолог, профессор университета Миннесоты — 657
 – Psychology and Culture [Психология и культура] // Psychological Bulletin. 1927, vol. XXIV (в соавторстве с М. Дж. Херсковицем) — 657
- Уиллоуби** (Willoughby) Вестел Вудбери (1867–1945), американский политолог, академик, один из основателей Американской Ассоциации политических наук и ее 10-й президент, «отец современной политической науки», один из ведущих авторитетов в области конституционного права и деятельности Верховного суда США — 202
 – The Nature of the State (полное название: An examination of the nature of the state. A study in political philosophy) [Анализ природы государства. Исследование в области политической философии]. New York, 1896 — 202
- Уильямс** (Williams) Джон Генри (1887–1980), американский экономист — 628, 631
 – A Scale for Grading Neighborhood Conditions [Шкала для оценки соседских отношений] // Publications of Whittier State School. Department of Research. Bulletin № 5, May 1917 — 631
 – The Whittier Scale for Grading Home Conditions [Шкала Уиттьера для оценки домашних условий] // Journal of Delinquency. 1920, vol. I — 628
 – The Intelligence of the Delinquent Boy [Интеллект подростка-правонарушителя] (Journal of Delinquency. Monograph № 1). 1919 — 628
- Уильямс** (Williams) Джеймс Микель (1876–1973), американский социолог, в 1907–1908 гг. – преподаватель экономики в Вассар-колледже, в 1908–1941 гг. – профессор социологии Хобарт-колледжа — 632
 – Our Rural Heritage. The Social Psychology of Rural Development [Наше сельское наследие. Социальная психология развития сельских территорий]. New York, 1925 — 632
 – The Expansion of Rural Life. The Social Psychology of Rural Development [Расширение сельской жизни. Социальная психология развития сельских территорий]. New York, 1926 — 632
- Уильямс** (Williams) Франк Эрнест (1888–1982), американский географ, профессор экономической географии университета Пенсильвании — 125
 – Business Geography [Промышленная география]. New York, 1922 (в соавторстве с Э. Хантингтоном) — 125

- Уильямсон** (Williamson) Эдмунд Гриффит (1900–1979), американский психолог, с 1931 г. — профессор университета Миннесоты — 409
 – Allport's Experiments in Social Facilitation [Эксперименты Олпорта по социальной фасилитации] // Psychological Monographs. 1926, vol. XXXV, № 2 — 409
- Уипл** (Whipple) Джордж Чандлер (1866–1924), американский ботаник, инженер-строитель и инженер-санитарист, эксперт в области санитарной микробиологии, соучредитель Гарвардской школы общественного здравоохранения — 147–150, 171, 406
 – Vital Statistics. An introduction to the science of demography [Демографическая статистика. Введение в науку демографии]. New York, 1923 — 147–150, 171
- Уисслер** (Wissler) Кларк Дейвид (1870–1947), американский антрополог, культуролог и психолог — 362, 512, 642, 653, 657
 – The Influence of the Horse in the Development of Plains Culture [Влияние лошади на развитие равнинной культуры] // American Anthropologist. New Series. 1914, vol. XVI, № 1 — 512
 – Aboriginal Maize Culture as a Typical Culture Complex [Аборигенная культура кукурузы как типичный культурный комплекс] // American Journal of Sociology. 1916, March — 653
 – Distribution of Stature in the United States [Распределение роста в Соединенных Штатах Америки] // Scientific Monthly. 1924, vol. XVIII, № 2, February, p. 129–143 — 362
 – The Relation of Nature to Man in Aboriginal America [Отношение природы к человеку в аборигенной Америке]. New York, 1926 — 657
- Умов** (Umoff) Николай Алексеевич (1846–1915), русский физик — 411, 414
 – Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, № 2, февраль — 414
- Унтерманн** (Untermann) Герхард Эрнест (1864–1956), немецко-американский моряк, писатель-социалист, переводчик и журналист, впоследствии от социализма отошел и был директором зоопарка, геологом и художником — 469
 – Marxismus und Logik (колонтитульное название; титульное: Logischen Mängel des engeren Marxismus [Логические недостатки узкого марксизма]). München, 1910 — 469
- Уоллес** (Wallace) Альфред Рассел (1823–1913), английский натуралист, создавший независимо от Ч. Дарвина теорию естественного отбора — 328
- Уоллес** (Wallas) Грэм (1858–1932), английский политический деятель, социалист, социальный психолог, педагог, лидер Фабианского общества, один из основателей Лондонской школы экономики — 472, 545, 622
 – Human Nature in Politics [Человеческая природа в политике]. London, 1919 — 472, 545
 – The Great Society [Великое общество]. New York, 1914 — 622
- Уоллис** (Wallis) Уилсон Даллам (1886–1970), американский антрополог и этнолог, профессор университета Миннесоты — 472, 591, 657
 – An Introduction to Anthropology [Введение в антропологию]. New York, 1926 — 472, 657
- Уолкер** (Walker) М. — 663
- Уолкотт** (Wolcott C.D.) К.Д., американский психолог — 280
 – The Intelligence of Chinese Students [Интеллект китайских студентов] // School and Society. 1920, vol. XI, p. 474–480 — 280
- Уорд** (Ward) Лестер Франк (1841–1913), американский ботаник, палеонтолог и социолог, основатель психологического эволюционизма, один из основателей и первый президент Американского социологического сообщества — 31, 303, 430, 431, 432, 563, 566, 567, 570, 577, 579
 – Dynamic Sociology. New York, 1883, vol. I–II [рус. перевод: Динамическая социология. М., 1891] — 566, 567
 – Psychic Factors of Civilization. Boston, 1893 [рус. перевод: Психические факторы цивилизации. М., 1897] — 566

- Outlines of Sociology. New York, 1898 [рус. перевод: Очерки социологии. М., 1901] — 566
- Tarde's Social Laws [Социальные законы Тарда] // Science. 1900, vol. XI — 563
- Pure Sociology. A treatise on the origin and spontaneous development of society [Чистая социология. Трактат о происхождении и стихийном развитии общества]. New York, 1903 — 566
- Applied Sociology. A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society [Прикладная социология. Трактат о сознательном совершенствовании общества обществом]. Boston, 1906 — 566
- Ludwig Gumplowicz [Людвиг Гумплович] // American Journal of Sociology. 1909, vol. XV, p. 410–413 — 430
- Уорд (Ward) Роберт Декурси (Robert DeCourcy) (1867–1931)**, американский климатолог, писатель и педагог, первый профессор климатологии в США, пропагандист иммиграционной реформы и евгеники, один из основателей Лиги ограничения иммиграции (1894), члены которой выступали против растущего притока «нежелательных иммигрантов» и стремилась внести изменения в иммиграционное законодательство; автор нескольких работ по евгенике — 133, 153, 174, 181, 182, 185
 - Climate Considered Especially in Relation to Man [Климат применительно к человеку]. New York, 1918 — 133, 153, 174, 181, 182, 185
- Уотсон (Watson) Альфред (1870–1936)**, английский актуарий (специалист по страховой математике) и государственный служащий, один из создателей Фонда национального страхования, с 1912 г. – главный актуарий Объединенного комитета Национального медицинского страхования, с 1917 г. – первый правительственный актуарий — 341
- Уотсон (Watson) Джон Бродес (1878–1958)**, американский психолог, основатель бихевиоризма — 324, 536, 547, 550, 552–554, 570
 - Psychology (правильно: Behavior. An introduction to comparative psychology [Поведение. Введение в сравнительную психологию]. New York, 1914 [рус. перевод: Психология как наука о поведении, М.–Л., 1926]) — 324
 - The Psychology of Wish Fulfillment [Психология исполнения желаний] // Scientific Monthly. 1916, vol. III, p. 479–487 — 570
 - What the Nursery Has to Say about Instincts [Что могут сказать ясли о детских инстинктах] // Pedagogical Seminary. 1926, vol. XXXII, p. 293–326 — 536
 - Experimental Studies of the Growth of the Emotions [Экспериментальные исследования нарастания эмоций] // Psychologies of 1925. Worcester, 1927, p. 37–58 — 550–553
- Уотт (Watt) Уильям Эдвард (1859–1926)**, американский педагог, преподаватель Школы Грэма Чикагского университета — 151, 164
 - Open air. A statement of what is being done and what should be done to secure right air in homes, schools, offices, factories, churches, etc. [Свежий воздух. Отчет о том, что делается и что нужно сделать, чтобы обеспечить воздух в домах, школах, учреждениях, на фабриках, в церквях и т. д.]. Chicago, 1910 — 151, 164
- Уэбб (Webb) Огастес Дункан (1880–1953)**, американский статистик — 123
 - The new dictionary of statistics; a complement to the fourth edition of Mulhall's «Dictionary of statistics» [Новый словарь статистики; дополнение к четвертому изданию «Словаря статистики» Мюльхалля]. London — New York, 1911 — 123
- Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866–1946)**, английский писатель-фантаст, сторонник фабианского социализма — 206
- Уэллс (Wells) Уэсли Р.**, американский психолог, профессор Сиракузского университета (штат Нью-Йорк) — 536
 - The AntiInstinct Fallacy [Антиинстинктивное заблуждение] // Psychological Review. 1923, vol. XXX — 536

- Уэтерли, Уэзерли** (Weatherly) Улисс Грант (1865–1940), американский социолог, в 1923 г. – президент американской социологической ассоциации — 566, 631
- [Lester Frank Ward (Лестер Фрэнк Уорд)] // *American Journal of Sociology*. 1913, vol. XIX, № 1 (July), p. 68–71 — 566
 - *Race and Marriage* [Раса и брак] // *American Journal of Sociology*. 1910, vol. XV, № 4 — 631
 - *Assortative Mating in Man: A Cooperative Study* [Ассортативное спаривание у человека: совместное исследование] // *Biometrika*. 1903, vol. II, № 4 — 631

Ф

- Файхингер** (Vaihinger) Ганс (1852–1933), немецкий философ, автор «Комментария к «Критике чистого разума» И. Канта» (1881–1882) и «Философии как если бы» (1911), в которой развил субъективно-идеалистическую концепцию фикционализма, или «критического позитивизма», согласно которой научно-философские понятия – это фикции, не имеющие научного значения, но практически важные — 62
- Фалес** (ок. 625–547 до н. э.), древнегреческий философ, родоначальник античной и вообще европейской философии и науки, основатель милетской школы — 29, 539
- Фальбек** (Fahlbeck) Понтус Эрланд (1850–1923), шведский философ, экономист, политолог и политический деятель — 249, 284
- *La décadence et la chute des peuples* [Распад и падение народов] // *Bulletin de l'Institut International de Statistique*. 1905, vol. XV — 249, 284, 369, 484
 - *Adel Schwedens (Der Adel Schwedens und Finlands. Eine demographische Studie)* [Дворянство Швеции и Финляндии. Демографическое исследование]. Jena, 1903 — 249
 - *Die Klassen und die Gesellschaft; eine geschichtlich-soziologische Studie über Entstehung, Entwicklung und Bedeutung des Klassenwesens* [Классы и общество; историко-социологическое исследование происхождения, развития и значения классовости]. Jena, 1923 — 369, 484
- Фальк** (Falk), Исидор Сидней (1899–1984), американский экономист в сфере общественного, в 1933–1935 гг. – научный сотрудник Мемориального фонда Милбанка (организации, занимающейся проблемами общественного здоровья), в 1936–1954 гг. – сотрудник отдела исследований и статистики Управления социального обеспечения — 148, 149, 171
- *Principles of Vital Statistics* [Принципы демографической статистики]. Philadelphia–London, 1923 — 149, 171
- Фарадей** (Faraday) Майкл (1791–1867), английский физик-экспериментатор и химик — 248, 405
- Фаренгейт** (Fahrenheit) Габриэль-Даниэль (1686–1736), немецкий физик, в 1724 г. изобретивший термометр и барометр, а также первый весовой ареометр и термобарометр; в честь него названа единица измерения температуры: при переводе из шкалы Фаренгейта в шкалу Цельсия из исходной цифры вычитают 32 и умножают на 5/9 — 118, 145, 151–154, 158, 160, 183
- Фарина** (Farina) Джулио (1889–1947), итальянский историк и археолог, директор Туринского музея и профессор Туринского университета, составитель «Компендиума по общей социологии» В. Парето (*Compendio de sociologia generale*. Firenze, 1929; рус. перевод: *Парето В. Компендиум по общей социологии*. М., 2007) — 60
- Фарис** (Faris) Элсворг (1874–1953), американский социальный психолог и социолог, преемник У.И. Томаса на кафедре социологии Чикагского университета, в 1937 г. – президент Американской социологической ассоциации — 536, 554, 578
- *Are Instincts Data or Hypotheses?* [Инстинкты: факты или гипотезы?] // *American Journal of Sociology*. 1921, vol. XXVII, № 2 — 536
 - *The Subjective Aspect of Culture* [Субъективный аспект культуры] // *Publications of the American Sociological Society*. 1925, vol. XIX, p. 37–46 — 554

- The Concept of Imitation [Понятие подражания] // *American Journal of Sociology*. 1926–1927, vol. XXXII, p. 367–378 — 578
- Фарр** (Farr) Уильям (1807–1883), английский статистик — 250, 339–341, 489, 492
- Causes of the high mortality in town districts [Причины высокой смертности в городских округах] // *Fifth Annual Report Registrar General, of Births, Deaths, and Marriages in England* (1843). 2nd ed. — 339
- Effects of Density of Population on Health [Влияние плотности населения на здоровье] // *Supplement to the Thirty-fifth Annual Report of the Registrar General*. 1875 — 339
- Vital Statistics [Демографическая статистика]. Stanford, 1885 — 339, 492
- Фейербах** (Feuerbach) Людвиг (1804–1872), немецкий философ — 464, 469
- Фейнгольд** (Feingold) Густав Александр (1883–1948), американский психолог российского происхождения (родился в Киеве) — 281
- Intelligence of the First Generation of Immigrant Groups (A Study and a Critique) [Интеллект первого поколения иммигрантских групп (Исследование и критика)] // *Journal of Educational Psychology*. 1924, vol. XV, № 2, p. 65–82 — 281
- Фелан** (Phelan) Джон (1878–1945[?]), американский социолог, специалист в области аграрной социологии, профессор Массачусетского аграрно-культурного колледжа — 633
- *Readings in Rural Sociology* [Чтения по сельской социологии]. New York, 1924 — 633
- Феогнид** (Теогнид) Мегарский (Theognis), древнегреческий поэт 2-й пол. VI в. до н. э. — 461
- Ферворн** (Verworn) Макс (1863–1921), немецкий физиолог и биолог — 199
- Фергюсон** (Ferguson) Адам (1723–1816), английский философ и историк, профессор моральной философии в Эдинбургском университете, друг Адама Смита — 418, 445
- Фергюсон** (Ferguson) Джордж Оскар (1885–1960), американский психолог — 275, 278
- The Intelligence of Negroes [Интеллект негров] // *Virginia School and Society*, 1919, vol. IX — 275
- The Mental Status of the American Negro [Состояние психического здоровья американского негра] // *Scientific Monthly*. 1921, vol. XII, June — 275
- Фернальд** (Fernald) Мейбл Рут (1883–1952), американский психолог, в 1919–1921 гг. ассистент профессора психологии в Миннесотском университете и директор лаборатории социальной гигиены в женском исправительном учреждении Бедфорд-Хиллз — 628
- A Study of Women Delinquents in New York State [Исследование женщин-правонарушителей в штате Нью-Йорк]. New York, 1920 (в соавторстве с М. Хейз и А. Доули) — 628
- [Ферран]** (Ferrand) Антуан Франсуа Клод (1751–1825), французский публицист и политический деятель — 662
- *Théorie des révolutions: rapprochée des principaux événements qui en ont été l'origine, le développement ou la suite; avec une table générale et analytique; par l'auteur de l'esprit de l'histoire* [Теория революций: анализ основных событий, которые были ее началом, развитием или продолжением; с общей и аналитической таблицей; написана автором «Духа истории»]. Paris, 1817, vol. I–IV — 662
- Феррари** (Ferrari) Джузеппе (1812–1876), итальянский философ, историк и политик — 353, 646
- *Teoria dei periodi politici* [Теория политических периодов]. Milano, 1874 — 353, 646
- Ферреро** (Ferrero) Гульельмо (1871–1942), итальянский социолог, историк и государственный деятель — 296, 297, 303
- *Il militarism*. Milano, 1898 [рус. перевод: Милитаризм. М., 1900] — 297
- Ферри** (Ferrì) Энрико (1856–1929), итальянский криминалист и политический деятель, последователь Ч. Ломброзо — 166, 290, 308, 499, 644
- *Socialism and Positive Science*. London, 1909 [рус. перевод: Социализм и позитивная наука. СПб., 1906] — 290
- *Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit vom jährlichen Temperaturwechsel* [Преступление в его зависимости от годового изменения температуры]. Berlin, 1882 — 644

- Ферьер** (Ferrière; у Сорокина ошибочно: La Ferrière) Адольф (1879–1960), швейцарский педагог, публицист и социолог, теоретик и деятель «нового воспитания» — 197, 417
- La loi du progrès en biologie et en sociologie et la question de l'organisme social. Étude précédée d'une introduction philosophique sur la méthode en sociologie [Закон прогресса в биологии и социологии и вопрос о социальном организме. Исследование, предшествующее философскому введению о методе в социологии]. Paris, 1915 — 197, 417
 - L'organisme social [Социальный организм] // Revue international de sociologie. 1915, № 5–6 — 197
- Ферхюльст** (Verhulst) Пьер-Франсуа (1804–1849), бельгийский математик, автор работ в области моделирования численности населения — 339, 344, 648
- Recherches mathématiques sur la loi d'accroissement de la population [Математические исследования закона прироста населения] // Nouveaux Mémoires de l'Académie Royale des Sciences et Belles-Lettres de Bruxelles. 1845, t. XVIII, p. 1–42 — 339, 648
 - Deuxième mémoire sur la loi d'accroissement de la population [Второй доклад о законе прироста населения] // Mémoires de l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique. 1847, t. XX, p. 1–32 — 339, 648
- Фехнер** (Fechner) Густав Теодор (1801–1887), немецкий психолог, основоположник психофизиологии и психофизики — 46
- Фёльдеш** (Földes; у Сорокин ошибочно: Foldes) Бела (1848–1946), венгерский экономист, статистик и социолог, член Венгерской Академии наук, член Международного института социологии (1905), анализировавший в своих социально-статистических исследованиях влияние экономики на народонаселение и нравственность, автор работ: «Статистика преступлений» (A bűnügy statisztikája. Budapest, 1899), «Женщина-преступница» (A nő a bűntett terén // Jogtudományi Közlöny, 1888), «Криминальная статистика и криминальная социология» (Bűnügyi statisztika és bűnügyi szociológia // Statisztikai Szemle. 1934, № 2) и др. — 166
- Фёлькер** (Voelker) Пауль Фредерик (1875–1959) (Paul Frederick), американский психолог немецкого происхождения, исследователь Тичерс-колледж Колумбийского университета, докторант философского факультета того же университета — 604, 663
- The Function of Ideals and Attitudes in Social Education. An Experimental Study [Функция идеалов и установок в социальном воспитании. Экспериментальное исследование]. New York, 1921 — 604
- Филиппович** (Philippovicz) фон Филиппсбер Эуген (1858–1917), австро-немецкий экономист — 500
- Auswanderung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften, ed. by Conrad. 3d. ed., Bd. II [рус. перевод: Эмиграция // Народонаселение и учение о народонаселении. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. М., 1897] — 500
- Филипченко** (Philipschenko) Юрий Александрович (1882–1930), русский советский биолог и генетик, в 1919 г. основал и возглавил первую в России кафедру генетики — 190, 250, 269
- Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике Академии наук. 1922, № 1–3 — 269
- Финдли** (Findlay; у Сорокина ошибочно: Finlay) Леонард (1878–1947), английский врач-педиатр, профессор университета Глазго, вместе с Н. Патеном исследовал факторы, влияющие на здоровье детей, автор статьи «Бедность, питание и рост: исследования жизни детей в городах и сельских районах Шотландии» (Poverty, nutrition and growth: studies of child life in cities and rural districts of Scotland // Medical Research Council, Special Report Series, No. 101. London, 1926), написанной в соавторстве с Н. Патеном — 495, 629
- Финни** (Finney) Росс Ли (1875–1934), американский социолог, профессор университета Миннесоты — 495, 629

- Финч** (Finch) Вернон Клиффорд (1883–1959), американский географ, специалист в области экономической географии, доцент (Associate Professor) кафедры географии университета Миннесоты — 125
 – Economic Geography [Экономическая география]. New York, 1924 (в соавторстве с Р.Х. Витбеком) — 125
- Фиркандт** (Vierkandt) Альфред (1867–1953), немецкий социолог и этнолог — 23, 208, 250, 435, 437, 438, 441–443, 445, 446, 449, 458, 563, 649, 657, 662
 – Gabriel Tarde und die Bestrebungen des Soziologie [Габриэль Тард и устремления социологии] // Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1899, Bd. II, S. 557–577 — 563
 – Die Stetigkeit in Kulturwandel. Eine soziologische Studie [Закономерность в развитии культуры. Социологическое исследование]. Leipzig, 1908 — 649, 657
 – Führende Individuen bei den Naturvölkern [Лидирующие индивиды у первобытных народов] // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1908, Bd. XI — 435
 – Zur Theorie der Revolution [К теории революции] // [Schmoller's] Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 46 Jahrgang, Heft 2, 1922 — 662
 – Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie [Наука об обществе. Основные проблемы философской социологии]. Stuttgart, 1923 — 437, 445
 – Die Überwindung des Positivismus in der deutschen Soziologie der Gegenwart [Преодоление позитивизма в современной немецкой социологии] // Jahrbuch für Soziologie. 1926, Bd. II, S. 66–90 — 23, 441
- Фиске** (Fiske) Брэдли Ален (1854–1942), американский контр-адмирал, основоположник американской военно-морской стратегии XX в., «отец» морской авиации — 414
 – Invention: The Master-Key to Progress [Изобретение: главный ключ к прогрессу]. New York, 1921 — 414
- Фиске** (Fiske) Джон (1842–1901), американский философ и историк — 37
 – Outlines of Cosmic Philosophy [Очерки космической философии]. London, 1874 — 37
- Фихте** (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 196, 445
- Фишер** (Fischer) Ойген (1874–1967), немецкий ученый-антрополог, профессор медицины, антропологии и евгеники, член НСДАП, идеи которого служили для оправдания нацистской идеологии, связанной с расовым превосходством Германии, А. Гитлер использовал его идеи при написании своего манифеста «Майн Кампф» — 249
 – Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygiene [Очерк теории наследственности человека и расовой гигиены]. München, 1923, Bd. I–II (в соавторстве с Э. Бауром и Ф. Ленцем) — 249
- Флекснер** (Flexner) Саймон (1863–1946), американский врач, профессор экспериментальной патологии университета Пенсильвании, первый директор Рокфеллеровского Института медицинских исследований (1901–1935) — 414
 – Twenty-Five Years of Bacteriology: A Fragment of Medical Research [Двадцать пять лет бактериологии: фрагмент медицинского исследования] // Science. 1920, vol. LII, № 1357, 21 December — 414
- Флеминг** (Fleming) Рейчел Мэри (1882–1968), английский антрополог, автор сборников сказок народов мира — 139
 – [Sex and growth features in social analysis. An abstract of a communication read before the Royal Anthropological Institute on February 28, 1922 (Социальный анализ половых изменений и физического роста. Резюме сообщения, прочитанного в Королевском антропологическом Институте 28 февраля 1922 г.)] // Man [London]. 1922, vol. 22, p. 69–75 — 139
- Флер** (Fleure) Герберт Джон (1877–1969), английский зоолог и географ, профессор университета Виктории в Манчестере — 139, 251
 – The Peoples of Europe [Народы Европы]. London, 1922 — 251

- Geographical Distribution of Anthropological Types in Wales [Географическое распределение антропологических типов в Уэльсе] // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1916, Vol. XLVI (в соавторстве с Т.К. Джеймсом) — 139
- Флор** Луций (Публий) Анней (Flogus; ок. 70 – ок. 140 (?) гг.), римский историк — 111
- Фойгт** (Voigt) Андреас Генрих (1860–1940), немецкий экономист и социолог, математик по образованию, в 1896–1903 гг. возглавлял Институт общественного блага (Institut für Gemeinwohl) во Франкфурте-на-Майне, профессор экономических наук Франкфуртского университета — 465
- Georg Wilhelm von Raumer und die materialistische Geschichtsauffassung [Георг Вильгельм фон Раумер и материалистический взгляд на историю] // *Preussischen Jahrbuchern*. 1901, Bd. 103 — 465
- Фойницкий** (Foinitzky) Иван Яковлевич (1847–1913), российский юрист, профессор Петербургского университета, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюрьмоведения, автор исследования «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (СПб., 1889) — 499
- Фоконне** (Fauconnet) Поль (1874–1938), французский социолог и этнолог, последователь Э. Дюркгейма, профессор Тулузского и Сорбоннского университетов — 415
- Форри** (Forry) Сэмюэль (1811–1844), американский врач, основатель «*Journal of Medicine*» — 144
- The climate of the United States and its endemic influences [Климат Соединенных Штатов и его эндемические влияния]. New York, 1842 — 144
- Фосслер** (Vossler) Карл (1872–1949), немецкий лингвист, литературовед и философ, основатель собственной лингвистической школы («школы Фосслера»), последователь «философии жизни» и Б. Кроче — 402
- Die Grenzen der Sprachsoziologie // *Hauptprobleme der Soziologie*. Erringerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I, S. 361–389 — 402
- Фольграф** (Volgraff) Карл Фридрих (1792–1863), немецкий юрист, государствовед — 196
- Фома Аквинский** (St. Thomas Aquinas; ок. 1224–1274), средневековый теолог и философ, монах-доминиканец — 111, 195, 328, 412
- Форназари ди Верче** (Formasari di Verce) Этторе (1869–?), итальянский криминалист и статистик, профессор, свободный преподаватель статистики в университете Пизы, автор книги «Преступность и экономические доходы в Италии» (*La criminalità e le ricende economiche in Italia*. Torino, 1893) — 499
- Фортеस्कью** (Fortescue) Джон (ок. 1394 – ок. 1475), английский юрист, политический мыслитель и государственный деятель, автор трактата «*De laudibus legum Angliae*» (О законах Англии) — 196
- Франклин** (Franklin) Бенджамин (1706–1790), американский политический деятель, изобретатель, писатель, журналист и философ — 598
- Advice to a Young Tradesman, written by an old One (July 21, 1748) [Совет молодому торговцу, написанный старым] // *Selections from autobiography...* New York, 1898, p. 153–155 [рус. перевод: Моя автобиография. Совет молодому торговцу. М., 2015] — 598
- Necessary Hints to those that would be Rich (1736) [Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым] // *Selections from autobiography...* New York, 1898, p. 160–161 — 598
- *Autobiography of Benjamin Franklin* // *Selections from autobiography...* New York, 1898, p. 1–130 [рус. перевод: Моя автобиография. Совет молодому торговцу. М., 2015] — 598
- Франкотт** (Francotte) Анри (1856–1918), бельгийский историк, исследователь государственного права и государственного управления древних греков — 486
- Франц** (Grantz) Константин (1817–1891), немецкий философ, публицист и общественный деятель, предлагал создать на территории Центральной Европы обширное федеративное государство — 196

- Франциск I** (François I; 1494–1547), французский король с 1515 г. из династии Валуа, годы правления которого ознаменованы расцветом французского Возрождения — 321
- Фрейд** (Freud) Зигмунд (1856–1939), австрийский психолог, психиатр и невропатолог, основоположник психоанализа — 410, 536–540, 578
- Zur Sexuellen Aufklärung der Kinder [К вопросу сексуального просвещения детей] // Soziale Medizin und Hygiene. 1907, Bd. II — 539
 - Totem and Taboo (1913. New York, 1918 [рус. перевод: Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.–Пг., 1923] — 538
 - Group Psychology and the Analysis of the Ego (1921), translated by J. Strachey. New York, 1922 [рус. перевод: Массовая психология и анализ человеческого «Я». М., 1926] — 536, 538, 539
- Фреймарк** (Freimark) Ганс (1881–1945), немецкий книгоиздатель и писатель; автор работ на темы оккультизма, сексуальности и эзотерики — 662
- Die Revolution als psychische Massenerscheinung [Революция как психическое массовое явление]. München, 1920 — 662
- Фриман** (Frymann) Дуглас Саутхолл (1886–1953), американский историк, биограф, журналист и писатель — 349
- Фримен** (Freeman) Ричард Остин (1862–1943), английский писатель, автор детективов о судебном-медицинском следователе докторе Торндайке; поддерживал теорию евгеники, называл иммигрантов «недочеловеками» и утверждал, что людям с «нежелательными» биологическими чертами следует препятствовать размножаться «посредством сегрегации, ограничения брака и стерилизации» — 524, 528, 529, 531
- Social Decay and Regeneration [Социальное разложение и возрождение]. Boston, 1921 — 531
- Фришейзен-Кёлер** (Frischeisen-Köhler) Макс (1878–1923), немецкий философ и педагог, профессор с 1912 г., представитель школы В. Дильтея — 439, 635
- Georg Simmel [Георг Зиммель] // Kantstudien. 1920, Bd. XXIV — 439
 - Weltanschauung. Philosophie und Religion [Мировоззрение. Философия и религия], herausgegeben von M. Frischeisen-Köhler. Berlin, 1911 — 635
- Фролов** (Frolov) Юрий Петрович (1892–1967), русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, автор многочисленных статей об условных рефлексах, популяризатор и пропагандист учения И.П. Павлова — 536, 547
- Современное состояние учения об инстинкте с точки зрения физиологии условных рефлексов // Известия Военно-медицинской академии. 1913, т. XXVI — 536, 547
- Фрэзер** (Frazer) Джеймс Джордж (1854–1941), английский антрополог, этнолог, культуролог и историк религии — 73, 170, 173, 250, 373, 424, 435, 585, 590, 591, 607
- The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. London, 1890, Vol. III [рус. сокращ. перевод: Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980] — 170
 - The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. Part IV: Adonis, Attis, Osiris [Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Часть IV: Адонис, Атис, Осирис]. London, 1907 — 173
 - Lectures on the Early History of the Kingship [Чтения о ранней истории царской власти]. London, 1905 — 435
 - Psyche's Task. A Discourse Concerning the Influence of Superstition on the Growth of Institutions. 2d. ed. London, 1913 [рус. перевод: Труды Психеи: лекция о влиянии суеверий на развитие институтов // <http://vatnik.spb.su/psyche0/psyche1.html#0>] — 73, 373, 590
- Фрэнк** (Frank) Тенни (1876–1939), американский историк-античник и классицист, в 1919–1939 гг. профессор истории в Университете Дж. Хопкинса — 155, 249, 250, 284, 462
- Race Mixture in the Roman Empire [Смешение рас в Римской империи] // American Historical Review. 1916, vol. XXI, p. 689–708 — 250, 284

- Economic History of Rome to the End of Republic [Экономическая история Рима до конца Республики]. Baltimore, 1920 — 462
- Фукидид** (Thucydides; ок. 460 – ок. 400 до н. э.), древнегреческий историк — 111, 460, 461, 478
- The History of the Peloponnesian War [История Пелопоннесской войны], tr. by R. Crawley. Button Co. (1874) [рус. перевод: История. Л., 1981] — 461
- Фулье** (Fouillée) Альфред Жюль Эмиль (1838–1912), французский философ, психолог и социолог, объединявший идеи волюнтаризма с принципами позитивизма — 197, 202, 205, 206, 404, 634
- La science sociale contemporaine (1880). 4th ed., Paris, 1904 [рус. перевод: Современная наука об обществе. М., 1895] — 197
- La propriété sociale et la démocratie [Общественная собственность и демократия]. Paris, 1884 — 206
- La psychologie des idées-forces [Психология идей-сил]. Paris, 1893 — 404
- Psychologie du peuple français. 2d ed. Paris, 1898 [рус. перевод: Психология французского народа. СПб., 1899] — 634
- Esquisse psychologique des peuples européens [Психологический эскиз европейских народов]. Paris, 1903 — 634
- Les éléments sociologiques de la morale [Социологические элементы морали]. Paris, 1905 — 206
- Morale des idées-forces [Мораль идей-сил]. Paris, 1906 — 404
- L'évolutionnisme des idées-forces [Эволюционизм идей-сил]. Paris, 1906 — 404
- Фурсиков** (Foursikoff) Дмитрий Степанович (1893–1929), русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова — 547
- Фурье** (Fourièr) Франсуа Мари Шарль (1772–1837), французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма; автор термина «феминизм» — 36
- Фу-хи, Фу-си** (Fu Hi), легендарный китайский император, живший около 2852 г. до н. э., которому китайцы приписывают изобретение письма и десятичной числовой системы — 435
- Фэй** (Fay) Эдвард Аллен (1843–1923), американский педагог, специалист по работе с глухими и слабослышащими, вице-президент и профессор языка в Галлодетском университете (специализирующемся на обучении глухих), редактор журнала для глухих «American Annals of the Deaf» — 631
- Marriages of the deaf in America. An inquiry concerning the results of marriages of the deaf in America [Браки глухих в Америке. Исследование последствий браков глухих в Америке]. Washington, 1898 — 631
- Фэрбенк** (Fairbanks) Артур (1864–1944), американский историк искусства, профессор греческой литературы и археологии, в 1908–1925 гг. – директор Бостонского музея изящных искусств — 571
- Introduction to sociology [Введение в социологию]. 3d ed., rev. and in part rewritten. New York, 1903 — 571
- Фюрст** (Fürst) Карл Магнус (1854–1935), шведский врач, этнограф и антрополог, член Шведской академии наук — 141, 262
- Anthropologia suecica. Beiträage zur anthropologie der Schweden nach den auf veranstaltung der Schwedischen gesellschaft für anthropologie und geographie in den jahren 1897 und 1898 ausgeführten erhebungen ausgearbeitet und zusammengestellt [Антропология шведов. Материалы по антропологии шведов, составленные и обработанные на основании опросов, проведенных шведским обществом антропологии и географии в 1897 и 1898 гг.]. Stockholm, 1902 (в соавторстве с Г. Ретциусом) — 141, 262

- Фюстель де Куланж** (Fustel de Coulanges) Нюма-Дени (1830–1889), французский историк — 63, 337, 424, 585–587, 606
- La Cité antique. Étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. Paris, 1864 [рус. переводы: Гражданская община древнего мира. СПб., 1906; Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010] — 424, 585–587
 - Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1875, vol. I [рус. перевод: История общественного строя древней Франции. СПб., 1901, т. 1: Римская Галлия] — 337

X

- Хаггерти** (Haggerty) Мелвин Эверетт (1875–1937), американский психолог, с 1915 г. – профессор педагогической психологии университета Миннесоты — 272, 488
- Mental Capacity of Children and Paternal Occupation [Умственные способности детей и род занятий их родителей] // The Journal of Educat. Psychology. 1924, December (в соавторстве с Г.Б. Нэшем) — 272
- Хайнс** (Hines) Линней Нил (1871–1936), американский деятель образования, преподаватель математики, в 1919–1921 гг. – суперинтендант (начальник округа) Индианы по общественному обучению, с 1921 г. – президент университета штата Индиана — 160, 161
- Effect of School Room Temperature on the Work of Pupils [Влияние температуры школьного помещения на успеваемость учащихся] // The Psychological Clinic. 1909, vol. VIII — 161
- Хальбвакс** (Halbwachs) Морис (1877–1945), французский философ, социолог, социальный психолог, представитель социологической школы Э. Дюркгейма, в июле 1944 г. арестован гестапо по обвинению в предоставлении убежища своему отчиму, участнику движения Сопротивления, помещен в тюрьму, а затем депортирован в Бухенвальд, где он умер от дизентерии — 402, 415
- La doctrine d'Émile Durkheim [Учение Эмиля Дюркгейма] // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1918, vol. 85, p. 333–411 — 415
 - Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1925 [рус. перевод: Социальные рамки памяти. М., 2007] — 402
- Хаммахер** (Hammacher) Эмиль (1885–1916), немецкий философ-гегельянец, автор ряда работ по теории и истории культуры — 465
- Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus [Философско-экономическая система марксизма]. Leipzig, 1909 — 465
- Хамфри** (Humphrey) Сет Кинг (у Сорокина ошибочно: S.R.) (1864–1932), американский изобретатель, писатель и ученый — 249
- Mankind, Racial Values and the Racial Prospect [Человечество, расовые ценности и расовая перспектива]. New York, 1917 — 249
- Хамфрис** (Humphreys) Ноэль Алджернон (1837–1923), английский статистик, член совета и один из почетных секретарей Королевского статистического общества, автор книг и статей по социальной статистике Англии, в частности статьи «Раздел статистики смертности» (Class Mortality Statistics // Journal of the Royal Statistical Society. 1887, June) — 250, 489
- Ханна** (Hanna) Чарльз Огастес (Charles Augustus) (1863–1950), американский банкир, член исторических обществ Нью-Йорка, Нью-Джерси, Огайо, Вирджинии, генеалогических обществ Новой Англии, автор исторических и генеалогических сочинений, а также исследования о положении шотландцев-переселенцев: «Шотландец-ирландец, или Шотландец в северной Британии, Северной Ирландии и Северной Америке» (The Scotch-Irish. New-York and London, 1902, vol. 1–2) — 614
- Хансен**, Ганзен (Hansen) Георг (1809–1894), немецкий историк, экономист и статистик — 234, 235, 285, 347, 648

- Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen für das Blühen und Altern der Völker nachzuweisen [Три ступени развития населения. Очерк о причинах процветания и упадка народов]. Mit einem Plan. München, 1889 — 235, 347, 648
- Хансен** (Hansen) Элвин Харви (1887–1975), американский экономист, представитель неокейнсианства — 135, 136, 278, 469, 474, 478, 512, 513
- Cycles of Prosperity and Depression in the United States, Great Britain and Germany [Циклы процветания и депрессии в США, Великобритании и Германии]. Madison, 1921 — 136
- Cycles of Strikes [Циклы забастовок] // *American Economic Review*. 1921, vol. XI, December — 513
- The Technological Interpretation of History [Технологическая интерпретация истории] // *Quarterly Journal of Economics*. 1921, vol. XXXVI — 469, 474, 478
- Хантер** (Hunter) Уолтер Самюэль (1889–1954), американский психолог, профессор Брауновского университета — 278, 279, 551
- The relation of degree of Indian blood to score on the Otis Intelligence Test [Степень индейской крови и результаты теста Отиса на интеллект] // *Journal of Comparative Psychology*. 1922, vol. II, № 3, p. 257–277 (в соавторстве с Э. Соммермерье) — 279
- The Problem of Consciousness [Проблема сознания] // *Psychological Review*. 1924, vol. XXXI, № 1, p. 1–31 — 551
- Psychology and Anthropometry [Психология и антропометрия] // *Psychologies of 1925*. Worcester, 1927, p. 83–110 — 551
- Хантингтон** (Huntington) Элсуорт (1876–1947), американский географ, сторонник геополитики; господствующее положение стран европейской культуры и «белой расы» объяснял природными (главным образом климатическими) условиями — 112, 125, 129, 131, 135, 144–148, 150–162, 164, 165, 185, 186–190, 249, 250, 372, 629
- World-Power and Evolution [Миропорядок и эволюция]. New Haven, 1919 — 129, 131, 144, 148, 151, 152, 154, 186, 189
- Climatic Changes: Their Nature and Causes [Климатические изменения: их природа и причины]. New Haven, 1922 (в соавторстве с С.С. Вишером) — 188
- Business Geography [Промышленная география]. New York, 1922 (в соавторстве с Ф.Э. Уильямсом) — 125
- The character of races as influenced by physical environment: natural selection and historical development [Характер рас под влиянием физической среды: естественный отбор и историческое развитие]. New York, 1924 — 144, 145, 147, 186, 187, 250
- Civilization and Climate [Цивилизация и климат]. New Haven, 1924 — 144, 147, 151, 152, 154, 155, 164, 165, 185, 186, 372, 629
- Харет** (Haret) Спиру (1851–1912), румынский астроном, математик и политический деятель — 37, 40, 41, 56
- Mécanique sociale [Социальная механика]. Bukarest-Paris, 1910 — 40, 41
- Хармон** (Harmon) Гай Э. (Gaius E.) (1898–1990), американский врач, сотрудник кафедры гигиены медицинского факультета Западного резервного университета (Кливленд), автор статьи «О степени взаимосвязи между измерениями головы и временем реакции на сигнал и звук» (On the degree of relationship between head measurements and reaction time to sighn and sound // *Biometrika*. 1926, vol. XVIII, № 1, p. 207–220) — 256
- Харрис** (Harris) Джеймс Артур (1880–1930), американский ботаник и биометрик, заведующий кафедрой ботаники университета Миннесоты, член Американской статистической ассоциации — 135, 631
- Assortative Mating in Men [Ассортативное спаривание у людей] // *Scientific Monthly*. 1912, April — 631
- The Correlation Between Sun-Spot Number and Tree Growth [Корреляция между количеством солнечных пятен и ростом деревьев] // *Monthly Weather Review*. 1926, January — 135

- Харт** (Hart) Хорнелл Норрис (1888–1967), американский социолог и парапсихолог, в 1933–1938 г. – профессор этики в Хартфордской Теологической семинарии, с 1938 г. – профессор социологии Дьюкского университета; ранняя смерть его сына и религиозные убеждения повлияли на его увлечение парапсихологией, в 1955 г. на международной конференции по психическим исследованиям в Кембриджском университете выступил с докладом о «групповых характеристиках призраков» — 272
 – Occupational Differential Fecundity [Зависимость рождаемости от рода занятий] // Scientific Monthly. 1924, vol. XIX — 272
- Хартман** (Hartman) Дейл А. (1888–1955), американский социолог, сотрудник Сиракузского университета (штат Нью-Йорк) — 519, 637
 – The Measurement and Motivation of Atypical Opinion in a Certain Group [Измерение и мотивация нетипичного мнения в определенной группе] // The American Political Science Review. 1925, Vol. XIX (в соавторстве с Ф.А. Олпортом) — 637
 – Technique for the Measurement and Analysis of Public Opinion [Методика измерения и анализа общественного мнения] // Proceedings American Sociological Society. 1926, vol. XXXII (в соавторстве с Ф.А. Олпортом) — 519
- Хартсхорн** (Hartshorne) Хью (1885–1967), американский священник-конгрегационалист, президент Ассоциации религиозного образования, преподаватель Союзной теологической семинарии (Union Theological Seminary), университета Южной Калифорнии, педагогического колледжа Колумбийского университета и школы богословия Йельского университета — 629
 – Testing the knowledge of Right and Wrong [Тестирование на знания о правильном и неправильном] // Religious Education. 1927, vol. XXI (в соавторстве с М. Мэем) — 629
- Харузин** (Kharusin) Николай Николаевич (1865–1900), русский этнограф, историк и археолог, первым в России (с 1898 г.) начавший читать курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков — 170
 – Этнография, лекции, читанные в Московском университете. Вып. II: Семья и род. СПб., 1903 — 170
- Хасслер** (Hassler) Людвиг Антон (1755–1825), немецкий католический богослов, автор научно-богословских и гомилетических сочинений, в том числе трехтомного исследования «Христианское вероучение и религиозная история» (Christliche Religionslehre und Religionsgeschichte. Rottweil, 1807) — 465
- Хаузер** (Hauer) Отто (1874–1932), швейцарский торговец-антиквар и археолог-самоучка, первооткрыватель микокской (переходной между поздне-ашельской и мустьерской) индустрии — 249
 – Der Blonde Mensch [Светловолосый человек]. Weimar, 1921 — 249
- Хауленд** (Howland; в замужестве — Tinker) Кэтрин Элеонор (1899–1988), американский статистик, сотрудница Смит-колледжа — 497, 498
 – A Statistical Study of Poor Relief in Massachusetts [Статистическое исследование преодоления бедности в штате Массачусетс] // Journal of American Statistical Society. 1922, December — 498
- Хаус** (House) Флойд Нельсон (1893–1975), американский социолог, профессор Чикагского и Виргинского университетов, представитель Чикагской школы в социологии — 566, 569
 – The Concept «Social Forces» in American Sociology [Понятие «социальные силы» в американской социологии] // American Journal of Sociology. 1925, vol. XXXI, September, p. 145–156 — 566, 569
- Хауэр** (Hauer) Якоб Вильгельм (у Сорокина ошибочно: L.W.) (1881–1962), немецкий индолог и религиовед, основатель «Немецкого религиозного движения» (Deutsche Glaubensbewegung), которое представлял как истинное религиозное выражение нацизма, член НСДАП с 1937 г., в 1945 г. лишен права преподавания и до 1949 г. был интернирован (т. е. находился в заключении без официального судебного приговора), выйдя на свобо-

- ду, продолжал агитировать за свою собственную религию, в 1955 г. основал «Свободную академию» (Freie Akademie) — 591
- Die Religion, ihr Werden, ihr Sinn, ihre Wahrheit. Bd. I: Das religiöse Erlebnis auf den unteren Stufen [Религия, ее становление, ее смысл, ее истина. Т. I: Религиозное переживание на низших ступенях]. Studgart, 1925 — 591
- Хафф** (Haff) Карл Алоис (1879–1955), немецкий правовед и историк, профессор в Лозанне и Ростке — 196, 202, 417
- Institutionen der Persönlichkeitslehre und des Körperschaftsrechts [Институты учения о личности и корпоративном праве]. Zürich, 1918 — 196
 - Kritik der Genossenschaftstheorie [Критика теории кооперативов] // Jahrbuch für Soziologie. 1926, Bd. II — 202, 417
- Хейз** (Hayes) Мэри Холмс Стивенс (1884–1962), американский психолог, специалист по экспериментальной психологии, сотрудница детского бюро департамента труда — 628
- A Study of Women Delinquents in New York State [Исследование женщин-правонарушителей в штате Нью-Йорк]. New York, 1920 (в соавторстве с М.Р. Фернальд и А. Доули) — 628
- Хейз** (Hayes) Фрэнк, американский статистик — 155
- Хейз, Хейс** (Hayes) Эдвард Кэрри (1868–1928), американский социолог, профессор университета Иллинойса — 24, 403, 410, 411, 453, 454, 566, 569, 575, 588, 622
- Sociological Construction Lines [Разметки для построения социологии]. Chicago, 1902 — 454
 - Classification of Social Phenomena [Классификация социальных явлений] // American Journal Sociology. 1911, vol. XVII — 411, 575
 - Introduction to the Study of Sociology [Введение в изучение социологии]. New York and London, 1920 — 411, 454, 566
 - Sociology and Ethics. The facts of social life as the source of solutions for the theoretical and practical problems of ethics [Социология и этика. Факты общественной жизни как источник решения теоретических и практических проблем этики]. New York – London, 1921 — 588
 - The Formation of Public Opinion [Формирование общественного мнения] // Journal Applied Sociology. 1925, September-October — 622
 - Some Social Relations Restated [Пересмотр некоторых социальных отношений] // American Journal of Sociology. 1925, vol. XXXI, № 3 — 454
 - Masters of Social Science: Albion Woodbury Small [Мастера социальных наук: Альбион Вудбери Смолл] // Social Forces. 1926, vol. IV, № 4, June — 569
- Хейкрафт** (Hayscraft) Джон Бери (1857–1922), английский врач и физиолог, с 1893 г. – заведующий кафедрой физиологии в Университетском колледже Кардиффа — 309
- Darwinism and Race Progress [Дарвинизм и расовый прогресс]. London, 1895 — 309
- Хейни** (Haney) Льюис Генри (у Сорокина ошибочно: W.H.) (1882–1969), американский экономист, профессор Техасского университета, директор Бюро бизнес-исследований Нью-Йоркского университета, член Американской статистической ассоциации — 328, 461
- History of Economic Thought [История экономической мысли]. New York, 1915 — 328, 461
- Хекстер** (Hexter) Морис Бек (1891–1990), американский экономист, преподаватель социальной этики в Гарвардском университете, исполнительный директор Американской филантропической ассоциации — 147, 148, 171, 492–496, 628, 645
- Children Astray [Дети сбились с пути]. Cambridge, 1923 (в соавторстве с С. Друкером) — 628
 - Social Consequences of Business Cycles [Социальные последствия бизнес-циклов]. Boston and New York, 1925 — 147, 148, 171, 492, 496, 645

- Хелм** (Helm) Георг Фердинанд (1851–1923), немецкий математик, физик и экономист — 37
 – Die Lehre von der Energy [Учение об энергии]. Leipzig, 1887 — 37
- Хенкинс** (Hankins) Фрэнк Гамильтон (1877–1970), американский социолог и антрополог, в 1938 г. – президент Американского социологического общества — 24, 215, 216, 222, 225, 251, 253, 255, 286
 – The Racial Basis of civilization [Расовая основа цивилизации]. New York, 1926 — 215, 216, 222, 225, 251, 253, 255, 286
 – [Sociology] // The History and Prospects of the Social Science. New York, 1925, p. 256–332 — 24
- Хербертсон** (Herbertson; урожд. Richardson) Дороти (Фани Луиза Доротея) (1864–1915), английская писательница, географ и журналист, жена английского географа Эндрю Джона Хербертсона (1865–1915), которого пережила на две недели — 82
 – Le Play and Social Science [Ле Пле и социальная наука] // The Sociological Review. 1920, vol. XII — 82
- Херлок** (Hurlock) Элизабет Бергнер (1898–1988), американский психолог — 663
 – The Value of Praise and Reproof [Ценность похвалы и укоризны] // Archives of Psychology. Vol. XI, № 71 — 663
- Херон** (Heron David) Дэвид (1881–1969), английский статистик, в 1947–1949 гг. – президент Королевского статистического общества — 245, 344, 489
- Херсковитц** (Herskovits) Мелвилл Джин (1895–1963), американский антрополог, один из основателей африканистики и изучения afroамериканцев в США — 657
 – Psychology and Culture [Психология и культура] // Psychological Bulletin. 1927, vol. XXIV (в соавторстве с М.М. Уилли) — 657
- Хёфлер** (Höffler) Алоиз (1853–1928), австрийский педагог-теоретик и философ — 465
- Хили** (Healy) Уильям (1869–1963), английский и американский психиатр и криминолог, пионер психоанализа в США, основатель и президент американской ортопсихиатрической ассоциации, директор Чикагского института ювенальной психопатии — 250, 628
 – The Individual Delinquent [Индивидуальный правонарушитель]. Boston, 1915 — 628
- Хилл** (Hill) Остин Брэдфорд (1897–1991), английский эпидемиолог и статистик — 629
- Хиннеберг** (Hinneberg) Пауль (1862–1934), немецкий историк и публицист, личный секретарь Л. фон Ранке, организатор и редактор энциклопедического многотомного (более 50 томов) издания «Современная культура» (Die Kultur der Gegenwart. Leipzig, 1905–1926) — 251
- Хип** (Heape) Уолтер (1855–1929), английский зоолог и эмбриолог, специалист по эмбриологии млекопитающих — 170
 – The «sexual season» of mammals and the relation of the «pro-oestrum» to menstruation [«Сексуальный сезон» у млекопитающих и отношение «проэструма» к менструации] // Quarterly Journal Microscopical Science. 1900, vol. LXIV — 170
- Хирш** (Hirsch) Натаниел Дэвид (1896–1984), американский психолог — 259, 276, 278
 – A Study of Natio-Racial Mental Differences [Исследование национально-расовых ментальных различий] // Genetic Psychology Monographs. 1926, May and July — 259
- Хирш** (Hirsch) Пауль (1868–1940), немецкий политик, член Социал-демократической партии, в 1918–1920 гг. – премьер-министр Пруссии — 499
- Хирш** (Hirsch) Самуэль (1815–1889), раввин и иудейский философ; сторонник радикальных религиозных реформ — 465
- Хмель** (Chmel) Йосиф (1798–1858), австрийский историк, собиратель материалов по истории Австрии и Габсбургского дома, библиотекарь аббатства св. Флориана — 465
- Хобхаус** (Hobhouse) Леонард Трелони (1864–1929), английский философ, социолог, общественный деятель, журналист — 298, 368, 380, 433, 435, 503, 579, 588, 609
 – Social Evolution and Political Theory [Социальная эволюция и политическая теория]. New York, 1911 — 609

- *Morals in Evolution* [Мораль в процессе эволюции]. New York, 1915 — 588
- *The material culture and social institutions of the simpler peoples* [Материальная культура и социальные институты примитивных народов]. London, 1915 (в соавторстве с М. Гинзбергом и Дж.К. Уилером) — 298, 380, 433, 502
- Холиншед** (Holinshed) Рафаэль (умер ок. 1580), английский хронист — 328
- Холл** (Hall) Винифред С., американский врач, сотрудница Хаверфордского колледжа (Филадельфия), автор статьи «Первые 500 дней жизни ребенка» (*First 500 days of a child's life* // *Child Study Monthly*. 1896–1897, vol. 2) — 157
- Холл** (Hall) Грэнвилл Стэнли (1844–1924), американский психолог и педолог — 157, 324
- *Some Relations between the War and Psychology* [Некоторые соотношения между войной и психологией] // *American Journal Psychology*. 1919, vol. XXX, p. 211–223 — 324
- Холли** (Holley) Чарльз Элмер (1887–?), американский психолог, докторант университета Иллинойса — 271, 272, 629
- *The Relationship between Persistence in School and Home Conditions* [Взаимосвязь между успеваемостью в школе и домашними условиями]. Chicago, 1916 — 272, 629
- Холлингворт** (Hollingworth) Лета Стетгер (у Сорокина ошибочно: L.T.) (1886–1939), американский психолог, внесла значительный вклад в три области: психологию женщин, клиническую психологию и психологию образования, наиболее известна своей работой с одаренными детьми — 629
- *Gifted children: their nature and nurture* [Одаренные дети: их природа и воспитание]. New York, 1926 — 629
- Холмс** (Holmes) Самуэль Джексон (1868–1965), американский зоолог и евгеник, профессор Калифорнийского университета — 249–251, 307
- *The Trend of the Race. A Study of Present Tendencies in the Biological Development of Civilized Mankind* [Будущее расы. Исследование современных тенденций биологического развития цивилизованного человечества]. New York, 1921 — 250, 251
- *Studies in Evolution and Eugenics* [Исследования в области эволюции и евгеники]. New York, 1923 — 307
- *A Bibliography of Eugenics* [Библиография евгеники]. University of California Press, 1924 — 251
- Холт** (Holt) Эдвин Бисселл (1873–1946), американский философ и психолог, профессор Гарвардского (1901–1918) и Принстонского (1926–1936) университетов — 570
- *The Freudian Wish and Its Place in Ethics* [Фрейдистское желание и его место в этике]. New York, 1915 — 570
- Хонигсгейм** (Honigsheim) Пауль (1885–1963), немецкий социолог, ученик и друг М. Вебера, в 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1938 г. в США, профессор социологии и антропологии Мичиганского университета, разрабатывал в основном проблемы музыкальной социологии и социологии религии — 594
- *Max Weber als Soziologe* [Макс Вебер как социолог] // *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*. I. Jahrgang, 1. Hefte, 1921 — 594
- Хоун** (Hone) Джозеф Маунселл (1882–1959), ирландский писатель, историк литературы и критик — 216
- *Count of Gobineau, Race Mystic* [Граф Артур де Гобино, расовый мистик] // *Contemporary Review*. 1913 — 216
- Хоффман** (Hoffman) Фредерик Людвиг (1865–1946), американский статистик, работавший во многих организациях и занимавшийся исследованиями в области этнологии и родственных дисциплин, в 1911 г. – президент Американской статистической ассоциации; по отношению к афроамериканцам придерживался расистских взглядов — 286
- *Race Amalgamation in Hawaii* [Расовое смешение на Гавайях] // *Eugenics in Race and State*. Baltimore, 1923 — 286

- Хрдличка** (Hrdlička) Алеш (1869–1943), американский антрополог чешского происхождения — 259
- Христос** — см. Иисус Христос
- Хукер** (Hooker) Реджинальд Хоторн (1867–1944), английский статистик и метеоролог, впервые применивший корреляционный анализ экономики и сельскохозяйственной метеорологии — 492, 493
- Correlation of the Marriage-rate with Trade [Корреляция между брачной статистикой и торговлей] // Journal of Royal Statistical Society. 1901, vol. 64 — 492
- Хэддон** (Haddon) Альфред Корт (1855–1940), британский антрополог, этнолог и биолог, профессор зоологии в Дублине — 142, 251, 252, 264, 347
- The Wanderings of People [Скитания человечества]. New York, 1912 — 347
 - The Races of Man [Человеческие расы]. New York, 1925 — 142, 251, 252, 264
- Хут** (Huth) Герман (1880–?), немецкий историк и социолог — 36
- Soziale und individualistische Auffassung im 18th Jahrhundert, vornehmlich bei Adam Smith und Adam Ferguson [Социальное и индивидуалистическое воззрение в XVIII в., в основном у Адама Смита и Адама Фергюсона]. Leipzig, 1907 — 36

Ц

- Цезарь** (Caesar) Гай Юлий (102–44 до н. э.), древнеримский полководец, политический деятель и писатель, с 49 г. диктатор Рима — 358, 645
- Цельсий** (Celsius) Андерс (1701–1744), шведский астроном, геолог и метеоролог (в XVIII в. геология и метеорология считались частью астрономии), создатель шкалы для измерения температуры, впоследствии получившей его имя, профессор Уппсальского университета — 160
- Циммерман** (Zimmermann) Карл (1897–1983), американский социолог, ближайший друг Питирима Сорокина по Миннесотскому университету, с которым они вместе работали в области городской и сельской социологии — 20, 155, 518, 639
- Циммерн**, Зиммерн (Zimmern) Альфред Экхард (1879–1957), английский историк и политолог, профессор международных отношений Оксфордского университета (1930–1944) — 461
- The Greek Commonwealth. Politics and Economics in Fifth-Century Athens [Греческая республика. Политика и экономика Афин в V в. до н. э.]. Oxford, 1911 — 461
- Цитович** (Tzitovitch) Иван Сергеевич (1876–1955), русский и советский физиолог и фармаколог, ученик и сотрудник И.П. Павлова, защитивший под его руководством диссертацию «Происхождение и образование натуральных условных рефлексов» (СПб., 1911), заслуженный деятель науки РСФСР (1940), основоположник нового направления в фармакологии — возрастной фармакологии, фармакологии наркотиков и т. д. — 547
- Цицерон** (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель — 30, 111, 195, 328, 384, 462
- De finibus bonorum et malorum (О пределах блага и зла) [рус. перевод: Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000] — 30

Ч

- Чайковский** (Tschaikovsky) Петр Ильич (1840–1893), русский композитор — 174
- Чайлд**, Чайльд (Childe) Вир Гордон (1892–1957), британско-австралийский археолог и историк-марксист, автор понятий «неолитическая революция» и «урбанистическая революция», основоположник антропологического неозволюционизма — 251, 253
- The Aryans. A study of Indo-European origins [Арийцы. Исследование индоевропейских корней]. New York, 1926 — 251
- Чапин** (Charin) Фрэнсис Стюарт (1888–1974), американский социолог, сыгравший ключевую роль в становлении количественной, статистической социологии в США в период

- между Первой и Второй мировыми войнами (1920–1940) — 20, 410, 411, 497, 498, 512, 562, 631, 638–640, 647, 648, 652, 653, 655
- An Introduction to the Study of Social Evolution. The prehistoric period [Введение в изучение социальной эволюции. Доисторический период]. New York, 1920 — 411
 - Leadership and Group Activity [Лидерство и групповая активность] // *Journal Applied Sociology*. 1924, January — 638
 - A theory of synchronous culture cycles [Теория синхронных культурных циклов] // *Journal of Social Forces*. 1925, vol. III, p. 596–604 — 512, 647, 648, 652, 653
 - Extracurricular Activities of College Students. A Study in College Leadership [Внеурочная деятельность студентов колледжа. Изучение лидерства в колледже] // *School and Society*. 1926, vol. XXIII, February — 638
 - Measuring the Volume of Social Stimuli. A Study in Social Psychology [Измерение масштабов социальных стимулов. Социально-психологическое исследование] // *Social Forces*. 1926, vol. IV, March — 562, 638
 - Dependency Indexes for Minneapolis. A New Method in Seasonal and Cyclical Analysis [Индексы иждивенчества для Миннеаполиса. Новый метод сезонного и циклического анализа] // *Social Forces*. 1926, vol. V, № 2, p. 215–224 — 498
 - A quantitative scale for rating the home and social environment of middle class families in an urban community: a first approximation to the measurement of socio-economic status [Количественная шкала для оценки жилищной и социальной среды семей среднего класса в городской общине: первый шаг к измерению социально-экономического статуса] // *Journal of Educational Psychology*. 1928, vol. XIX, № 2, p. 99–111 — 631
 - The Measurement of Sociality [Измерение социальности] // *Journal of Applied Sociology*. 1928, February — 640
- Чарыхов** (Charykhow) Христофор Михайлович, русский криминолог, участник семинария М.Н. Гернета по уголовному праву, железнодорожный служащий — 168, 499
- Учение о факторах преступности: Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910 — 168, 499
- Челлен** (Kjellén) Рудольф Йохан (1864–1922), шведский социолог и политолог, впервые ввел термин «геополитика» и вместе с А. Гумбольдтом, К. Риттером и Ф. Ратцелем заложил основы немецкой геополитики, которую впоследствии поддержал генерал К. Хаусхофер; профессор в Гетеборге и Упсале — 197
- *Der Staat als Lebensform* [Государство как форма жизни]. Leipzig, 1917 — 197
- Чемберлен** (Chamberlain) Уильям Чарльз (1818–1878), английский контр-адмирал, отец Х.Ст. Чемберлена — 222
- Чемберлен** (Chamberlain) Хьюстон (Houston) Стюарт (1855–1927), англо-немецкий писатель, философ, один из основоположников расизма, зять композитора Р. Вагнера (женат на его дочери Еве) — 216, 222–225, 246
- *Notes sur Lohengrin* [Замечания к Лоэнгрину]. 1892 — 222
 - *Das Drama Richard Wagner's* [Драма Рихарда Вагнера]. Leipzig, 1892 — 222
 - *Grundlagen des Neunzehnten Jahrhundert* [англ. перевод: *The Foundations of the Nineteenth Century*. London, 1911; рус. перевод: *Основания девятнадцатого столетия*. СПб., 2012, т. I–II] — 222–224
- Чернов** (Tschernoff) Виктор Михайлович (1873–1952), русский политический деятель, публицист, социолог и философ, один из основателей, лидер и теоретик партии эсеров, с 1920 г. в эмиграции — 469
- *Социалистические этюды* [Essays in Economic Materialism]. М., 1908 — 469
- Чесса** (Chessa) Федерико (1862–1960), итальянский экономист — 631
- *La trasmissione ereditaria delle professioni* [Переход профессий по наследству]. Torino, 1912 — 631

- Чиккотти** (Cicotti) Этторе (1863–1939), итальянский историк и политический деятель, представитель исторической школы Б. Кроче — 60
- Чижевский** (Chjevsky) Александр Леонидович (1897–1964), русский мыслитель, поэт и художник, основатель гелио- и космобиологии, автор книги «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924) — 134
- Чингисхан** (Genghis Khan; ок. 1155 или 1162 — 1227), основатель и первый великий хан Монгольской империи — 177
- Чупров** (Tschuproff) Александр Иванович (1842–1908), русский экономист, статистик, общественный деятель — 52, 53, 62, 449, 470, 481, 492, 649
- Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Сборник статей под ред. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. Т. 1–2. СПб., 1897 — 492
 - Очерки по теории статистики. СПб., 1909 — 52, 53, 470
 - Das Gesetz der großen Zahlen und der stochastisch-statistische Standpunkt in der modernen Wissenschaft [Закон больших чисел и стохастически-статистический подход в современной науке] // Nordisk Statistisk Tidsskrift. 1922, Bd. I, Hf. 1 — 470
- Чэнь** (Chang) Хуань-Чан (Huan-Chang) (1881–1933), китайский работник образования, в 1911 г. получил степень доктора философии в Колумбийском университете в Нью-Йорке — 360, 459, 460, 612, 613
- The Economic Principles of Confucius and His School [Экономические принципы Конфуция и его школы]. New York, 1911 — 360, 459, 460, 612, 613

Ш

- Шалер** (Shaler) Натаниэль Саутгэйт (1841–1906), американский палеонтолог и геолог, писавший о богословских и научных последствиях теории эволюции — 190
- Man and the Earth [Человек и Земля]. New York, 1905 — 190
- Шальмайер** (Schallmayer) Вильгельм (1857–1919), немецкий врач, автор трудов по гигиене и евгенике — 146, 147, 215, 249, 250, 280, 328
- Eugenik, Lebenshaltung und Auslese // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1908, Bd. XI, Heft 5–8, S. 267–277 — 146
 - Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker [Наследование и отбор в судьбах народов]. 2. Aufl., Jena, 1910 — 215, 250, 280, 328
- Шалюмо** (Chalumeau) Люсьен (1867–?), швейцарский антрополог, автор исследования «Влияние роста на формирование общественных классов» (Influence de la taille sur la formation des classes sociales. Genève. 1896) — 250
- Шарден** (Chardin John) Жан (1643–1713), французский путешественник, автор «Дневника путешествия шевалье Шардена в Персию и Ост-Индию через Черное море и Колхиду» (Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noire et par la Colchide), в котором кроме описания самого путешествия содержится много наблюдений и размышлений об управлении государством, оказавших влияние на Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и Э. Гиббона — 112
- Шатонёф** (Chateauneuf) Луи Франсуа Бенуастон де (1776–1856), французский экономист, статистик и демограф, историк и литератор — 308
- Essai sur la mortalité [Эссе о морали] // Annales d'hygiène publique. 1829, 1er serie, t. I — 308
- Швайзингер** (Schweisinger) Глэдис Клотильда (1893–1964), американский психолог, член Ассоциации евгенических исследований, член Американской психологической ассоциации, автор книги «Наследственность и окружающая среда» (Heredity and Environment. New York, 1933) — 406
- The Social-Ethical Significance of Vocabulary [Социально-этическое значение словарного запаса]. New York, 1926 — 406

- Шварц** (Schwartz) Михаил Наумович (1873–1946), публицист, доктор философии Бернского университета, доктор медицины Московского университета, сотрудничал с эмигрантскими журналами «Воля России» и «Современные записки», под псевдонимом М. Смоленский издал книгу «Троцкий» (Берлин: Русское универсальное издательство, 1921) — 635
– Шпенглер и Данилевский (Два типа культурной морфологии) // Современные записки. 1926, т. XXVIII, с. 436–456 — 635
- Швеглер** (Schwegler) Раймонд Альфред (1874–1952), американский психолог и педагог (швейцарец по происхождению), с 1914 г. – профессор Канзасского университета (не путать с сыном — Раймондом Алленом, 1907 г. р.) — 277
– A Comparative Study of the Intelligence of White and Colored Children [Сравнительное изучение интеллекта белых и цветных детей] // Journal Educational Research. 1920, vol. II (в соавторстве с Э. Винн) — 277
- Швидланд** (Schwiedland) Ойген Петер (1863–1936), австрийский экономист, психолог и политический деятель, профессор Венского университета — 472
– Anfänge und Wesen der Wirtschaft [Начала и сущность экономики]. Stuttgart, 1923 — 472
- Швининг** (Schwiening) Генрих (1870–1920), немецкий медик, обер-штабс-врач Военного министерства Германии, автор книги «О телосложении военнослужащих Германии, имеющих право на годовую добровольческую службу» (Über die Körperbeschaffenheit der zum einjährig-freiwilligen Dienst berechtigten Wehrpflichtigen Deutschlands. Berlin, 1909) — 488
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский поэт и драматург — 224
- Шелл** (Shell) Герман (у Сорокина, по-видимому, ошибочно: В. Shell) (1850–1906), немецкий католический теолог и философ, ректор Вюрцбургского университета, автор книги «Католицизм как принцип прогресса» (Der Katholizismus als Prinzip des Fortschrittes. Würzburg, 1897) — 614
- Шеллинг** (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ, представитель классической германской философии — 196
- Шельтинг** (Schelting) Александр фон (1894–1963), немецко-американский социолог (происходил из семьи голландских переселенцев в Россию), один из издателей ведущего в свое время социологического журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» — 594
– Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaft von Max Weber und sein Begriff des Idealtypus [Логическая теория исторической культурологии Макса Вебера и его понятие идеального типа] // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XLIX, Heft 3 — 594
- Шеманн** (Schemann) Людвиг (1852–1938), немецкий переводчик и независимый исследователь, ученик Р. Вагнера и А. Шопенгауэра, переводчик трудов Ж.А. де Гобино, его комментатор и первый биограф — 216
– Gobineau, eine biographie [Гобино, жизнеописание]. Strassburg, 1913–1916, Bd. 1–2 — 216
- Шерер** (Scherer) Вильгельм (1841–1886), немецкий филолог, историк литературы — 647
– Geschichte der Deutschen Literature [История немецкой литературы]. Berlin, 1883 — 647
- Шерман** (Sherman) Коринн, социальный работник — 630
– Racial Factor in Desertion [Расовый фактор при расставании] // The Family. 1922–1923, vol. III — 630
- Шеррингтон** (Sherrington) Чарльз Скотт (1857–1952), английский физиолог и нейробиолог — 547, 553, 554
- Шефтсбери** (Schafsbury) Энтони Эшли Купер (1671–1713), английский философ, писатель и политик — 297
- Шеффле** (Schäffle) Альберт (1831–1903), немецкий и австрийский экономист и социолог, представитель органической школы и катедер-социализма — 197, 200, 204
– Bau und Leben des sozialen Körpers [Строение и жизнь социальных тел]. Tübingen, 1875–1878, Bd. I–IV — 197, 200, 204

- Шиделер** (Shideler; у Сорокина ошибочно: Shilder) Эрнест Хью (1891–1972), американский социолог, преподаватель социальных наук, в 1920–1922 гг. – профессор университета Франклина (Индиана) — 628
- Family Disintegration and the Delinquent Boy in the United States [Распад семьи и преступный подросток в Соединенных Штатах] // Journal of Criminal Law. 1918, January — 628
- Шифф** (Schiff) Вальтер (1866–1950), австрийский статистик, социолог и политэконом — 312
- Die Agrargesetzgebung der Europäischen Staaten vor und nach dem Kriege [Аграрное законодательство европейских государств до и после войны] // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1925, Bd. LIV — 312
- Шлегель** (Schlegel) Фридрих фон (1772–1829), немецкий писатель, поэт, критик, философ и лингвист — 215
- Шлезингер** (Schlesinger) Ойген (1878–1943), немецкий врач и антрополог, автор статьи «Рост мальчиков и юношей от 6 до 20 лет» (Das Wachstum der Knaben und Jünglings vom 6 bis 20 Lebensjahren // Zeitschrift für Kinderheil. 1917) — 250
- Шлөцер** (Schlözer) Август Людвиг (1735–1809), русский и немецкий историк, публицист и статистик — 464
- Шлоссман** (Schlossmann) Артур (1867–1932), немецкий врач-педиатр, специалист в области народного здравоохранения — 632
- Handbuch der sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge [Справочник по социальной гигиене и здравоохранению]. Berlin, 1926–1927, Bd. I–V (в соавторстве с А. Готтштейном и Л. Телеки) — 632
- Шмаленбах** (Schmalenbach) Герман (1885–1950), немецкий философ и социолог — 439
- Simmel [Зиммель] // Sozialistische Monatshefte. 1919, Heft 25, S. 283–288 — 439
- Шмидт** (Schmidt) Кальвин Фишер (1901–1994), американский социолог, профессор Вашингтонского университета — 167
- A Study of Homicides in Seattle, 1914 to 1924 [Исследование убийств в Сиэтле с 1914 по 1924 г.] // Social Forces. 1926, June — 167
- Шмидт** (Schmidt) Конрад (1863–1932), немецкий экономист, философ и журналист, старший брат скульптора Кете Кольвиц; был знаком и состоял в переписке с Ф. Энгельсом — 469
- Marxistische Orthodoxie [Марксистская ортодоксия] // Sozialistische Monatshefte. 1913, Bd. I, 8 Heft — 469
- Шмиттнер** (Schmitthenner) Фридрих Якоб (1796–1850), немецкий государствовед и политэконом, профессор политических и камеральных наук, предшественник германской исторической школы в политической экономии, автор «Двенадцати книг о государстве, или Систематической энциклопедии государственных наук» (Zwölf Bücher vom Staate oder Systematische Encyclopädie der Staatswissenschaften. 1839–1845, Bd. I–III) — 196
- Шмоллер** (Schmoller) Густав фон (1838–1917), немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, представитель новой (молодой) исторической школы в политической экономии — 329, 467, 484, 648
- Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit [Распределение дохода в старое и новое время] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1895, vol. IX — 648
 - Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre [Основы общей политической экономии]. Leipzig, 1901, Bd. I — 467, 648
- Шомло**, Зомло (Somló) Бодог (Феликс) (1873–1920), венгерский правовед и социолог, принадлежавший вместе с Г. Кельзенем и Г. Еллинеком к кругу австрийских юридических позитивистов, профессор университета в Колошваре (Клаузенбурге) — 472, 502, 635
- Der güterverkehr in der urgesellschaft [Товарообмен в первобытном обществе]. Notes et Mémoires Instituts Solvay, Fasc. 8, Bruxelles–Leipzig, 1909 — 472
 - Zur Gründung einer beschreibenden Soziologie [К основанию описательной социологии]. Berlin–Leipzig, 1909 — 502, 635

- Шопен** (Chopin) Фредерик (1810–1849), польский композитор и пианист — 175
- Шопенгауэр** (Schopenhauer) Артур (1788–1860), немецкий философ — 570
- Шоу** (Shaw) Бернард (1856–1950), английский драматург и романист ирландского происхождения — 377
- Шоу** (Shaw) Уильям Нейпир (1854–1945), английский метеоролог, «отец» современной метеорологии, основатель Бюро метеослужбы, в 1907 г. стал первым профессором метеорологии, в 1918–1919 гг. – президент Королевского метеорологического общества — 129, 132
– An Apparent Periodicity in the Yield of Wheat for Eastern England, 1885 to 1905 [Очевидная периодичность урожая пшеницы в Восточной Англии, 1885–1905 гг.] // Proceedings of the Royal Society. Series A. 1906, vol. LXXVIII — 129
- Шпани** (Spann) Отмар (1878–1950), австрийский философ, социолог и экономист, теоретик консервативной революции — 205, 208, 411, 444, 445, 448, 450, 568, 569, 582
– Gesellschaftslehre [Учение об обществе]. Leipzig, 1914 — 411
– Kurzgefasstes System der Gesellschaftslehre [Краткая система учения об обществе]. Leipzig, 1914 — 445, 448, 450, 568, 582
- Шпенглер** (Spengler) Освальд (1880–1936), немецкий философ и историк — 48, 486, 581, 634, 635, 648
– Der Untergang des Abendlandes. München, 1918–1922, Bd. I–II [рус. перевод: Закат Европы. М., 1993, т. 1–2] — 642, 648
- Шпиллер** (Spiller) Густав (1864–1940), английский писатель и общественный деятель венгерского происхождения; писал на этические и социологические темы — 287
– Charles Darwin and the Theory of Evolution. A Sociological Study [Чарльз Дарвин и теория эволюции. Социологическое исследование] // Sociological Review. 1926, vol. 18, April — 287
- Шпитгоф** (Spiethoff) Артур (1873–1957), немецкий экономист — 646
– Krisen [Кризис] // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 4 Aufl. Jena, 1925, Bd. VI, S. 8–94 — 646
- Шпрангер** (Spranger) Эдуард (1882–1963), немецкий философ, психолог и педагог — 582, 635
– Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Halle, 1922 [рус. перевод: Формы жизни: гуманитарная психология и этика личности. М., 2014] — 582, 635
- Шталь** (Stahl) Фридрих Юлиус (1802–1861), немецкий юрист, политический философ и политик — 196
- Штаммлер** (Stammler) Рудольф (1856–1938), немецкий теоретик права; сторонник Марбургской школы неокантианства, близкий к катедер-социалистам — 416, 438, 441, 444, 447, 469, 474, 480, 618
– Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Leipzig, 1896 [рус. перевод: Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование. СПб., 1907, т. 1–2] — 416, 441, 469, 474, 480, 618
– Theorie der Rechtswissenschaft [Теория науки о праве]. Halle, 1911 — 444, 447
- Штарке** (Starke) Вильгельм Карл Густав (1824–1904), немецкий криминолог — 314, 499
– Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1854–1878 [Преступления и преступники в Пруссии в 1854–1878 гг.]. Berlin, 1884 — 314
- Штейн** (Stein) Лоренц фон (1815–1890), немецкий философ, правовед, историк и экономист, автор идеи социального государства — 196, 202, 445, 464, 465
- Штейнмец** (Steinmetz) Рудольф Себальд (1862–1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте — 202, 298, 301, 303, 308, 309, 312, 313, 315, 317, 324, 433, 435, 502, 635
– Die «organische» sozialphilosophie [«Органическая» социальная философия] // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1898, Bd. I — 202

- La Guerre; ses sélections individuelles ou corollaires [Война, ее индивидуальный отбор или неизбежные последствия] // Annales de l'Institut International de Sociologie. 1898, vol. IV — 309
- Classification des types sociaux et catalogue des peuples [Классификация социальных типов и перечень народов] // L'année sociologique. 1898–1899, vol. III — 317, 502, 635
- La guerre, moyen de sélection collective [Война – средство коллективного отбора] // Constantin A. Le rôle sociologique de la guerre et le sentiment national. Paris, 1907 (Appendice, p. 217–288) — 309, 313
- Die Philosophie des Krieges. Leipzig, 1907 [рус. перевод: Философия войны. Пг., 1915] — 298, 303, 312, 324, 433

Штейнталь (Steinthal) Хейман (1823–1899), немецкий филолог и философ — 391

- [Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie, als Einladung zu einer Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft (Вводные мысли о психологии народов как приглашение в журнал «Психология народов и языкознание»)] // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1860, vol. I; vol. II; vol. III; vol. XVII (в соавторстве с М. Лацарусом) — 391

Штенцель (Stenzel) Густав Адольф Гаральд (1792–1854), немецкий историк — 465

Штерн (Stern) Уильям Льюис (1871–1938), немецкий психолог и философ, один из пионеров дифференциальной психологии и психологии личности; создатель концепции интеллектуального коэффициента, которая позднее легла в основу теста IQ А. Бине — 271

- Die Intelligenz der Kinder und Jugendlichen und die Methoden ihrer Untersuchung [Интеллект детей и подростков и методы их изучения]. Leipzig, 1920 — 272

Штехер (Stecher) Лорле Ида (1891–?), преподаватель психологии в университете Темпл — 151, 158, 161

- The Effects of Humidity on Nervousness and General Efficiency [Влияние влажности на нервозность и общую работоспособность]. New York, 1916 — 151, 158, 161

Штукенберг (Stuckenberg) Джон Генри Виллибрандт (1835–1903), американский лютеранский священник, теолог и социолог — 571

- Sociology, the science of human society [Социология – наука о человеческом обществе]. New York and London, 1903, vol. I — 571

Штюве (Stuve) Иоганн Карл Бертрам (1798–1872), ганноверский политический деятель — 465

Шульц (Schultz) Альфред Поль Карл Эдуард (1878–?), американский врач — 249

- Race or mongrel. A brief history of the rise and fall of the ancient races of earth: a theory that the fall of nations is due to intermarriage with alien stocks: a demonstration that a nation's strength is due to racial purity: a prophecy that America will sink to early decay unless immigration is rigorously restricted [Раса или дворняга. Краткая история возникновения и падения древних рас Земли: теория о том, что падение наций происходит из-за смешанных браков с инородцами: демонстрация того, что сила нации обусловлена расовой чистотой: пророчество о том, что Америку скоро ожидает упадок, если иммиграция не будет строго ограничена]. Boston, 1908 — 249

Шустер (Shuster) Артур (1851–1934), английский физик, получивший первую фотографию спектра солнечной короны (1882) — 132

Шустер (Shuster) Эдгар (1879–1969), английский фармаколог, физиолог и евгенист, ученик и ассистент Ф. Гальтона, вместе с которым доказывал наследственность умственных способностей — 240, 245, 250

- Noteworthy Families (Modern Science). An index to kinships in near degrees between persons whose achievements are honourable and been public recorded [Выдающиеся семьи (современная наука). Индекс степени родства между лицами, чьи достижения публично зафиксированы и пользуются уважением]. London, 1906 (в соавторстве с Ф. Гальтоном) — 240, 241, 242

Э

- Эбботт** (Abbott) Эдит (1876–1957), американский экономист, социальный работник, педагог и писатель, первая женщина-декан в Соединенных Штатах — 628
 – *The Delinquent Child and the Home* [Преступный ребенок и домашний очаг]. New York, 1912 (в соавторстве с С.П. Брекинридж) — 628
- Эвальд** (Ewald) Геринг (1834–1918), немецкий физиолог и психолог, сначала сторонник, а потом оппонент Г. Гельмгольца, пионер экспериментальной психологии восприятия — 636
- Эгер** (Heger) Поль Франсуа Ксавье (1846–1925), бельгийский биолог, профессор физиологии в Брюссельском свободном университете (1873), с 1895 г. – директор Института Сольве, погиб в автомобильной катастрофе — 258
- Эдвардс** (Edwards) Лайфорд Патерсон (1882–1984), американский епископальный священник, социолог, автор «Естественной истории революции» (*The natural history of revolution*), посвященной Р. Парку — 662
 – *Mechanics of Revolution* [Механика революции] // *St. Stephen's College Bulletin*. 1923, vol. XIV, № 2, May — 662
- Эдда** (Edda), основное произведение германо-скандинавской мифологии — 175
- Эдди** (Eddy) Уолтер Холлис (1877–1959), американский физиолог и химик, доцент (ассистент профессора) физиологической химии Колумбийского университета — 414
 – *The vitamine manual. A presentation of essential data about the new food factors* [Руководство по витаминам. Информация существенных данных о новых факторах питания]. Baltimore, 1921 — 414
- Эджуорт** (Edgeworth) Фрэнсис Исидор (1845–1926), английский экономист — 37, 46, 58
- Эйбанк** (Eubank) Эрл Эдвард (1887–1945), американский социолог, профессор Цинциннатского университета, исследователь проблем социального времени, пытавшийся разработать систему основных социологических терминов, которая должна была обеспечить всеобщее взаимопонимание среди социологов — 630
 – *A Study of Family Desertion* [Исследование распада семьи]. Chicago, 1916 — 630
- Эли** (Ely) Ричард Теодор (1854–1943), американский экономист, один из основателей и в 1900–1901 гг. президент Американской экономической ассоциации — 329, 467
- Элдертон** (Elderton) Этель Мэри (1878–1954), английская исследовательница в области евгеники, ассистент Ф. Гальтона, редактор (совместно с К. Пирсоном) журнала «*Annals of Eugenics*», автор статьи «Об относительной величине факторов, влияющих на благополучие детей. Часть II. Влияние экологических и родительских факторов на жизнеспособность ребенка» (*On the Relative Value of the Factors which influence Infant Welfare. Part II. Influence of Environmental and Parental Factors on Viability of the Baby* // *Annals of Eugenics. A Journal for the Scientific Study of Racial Problems*. Cambridge, 1925, vol. I) — 245, 250, 488, 495
- Элдридж** (Eldridge) Себа (1885–1953), американский социолог, член Американского социологического общества, профессор Канзасского университета — 536, 545
 – *Political Action. A Naturalistic Interpretation of the Labor Movement in Relation to the State* [Политическое действие. Натуралистическая интерпретация рабочего движения по отношению к государству]. Philadelphia – London, 1924 — 545
 – *Instinct, Habit and Intelligence in Social Life* [Инстинкт, привычка и интеллект в социальной жизни] // *Journal of Abnormal Psychology and Social Psychology*. 1924, vol. XIX — 536
- Элейтеропулос** (Eleutheropulos) Абротелес (1873–1963), швейцарский философ, специалист по истории философии и этики, доцент Цюрихского университета — 501, 502
 – *Wirtschaft und philosophie oder Die philosophie und die lebensauffassung der jeweils bestehenden gesellschaft* [Экономика и философия, или Философия и жизнеописание существующего общества]. Berlin, 1900–1901, Bd. I–II — 501

- Элвуд** (Ellwood) Чарльз Эйбрам (1873–1946), американский социолог, профессор, в 1924 г. – президент Американского социологического общества — 24, 410, 453, 454, 469, 475, 536, 541, 549, 552, 554, 566, 568, 585, 587, 588, 594, 607, 609, 624, 662
- A Psychological Theory of Revolutions [Психологическая теория революции] // American Journal of Sociology. 1905–1906, vol. XI — 662
 - The Origin of Society [Происхождение общества] // American Journal Sociology. 1909, vol. XV, № 3 [рус. перевод: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал, 2011, № 1, с. 152–163] — 410
 - Sociology and Modern Social Problems [Социология и современные социальные проблемы]. New York – Cincinnati – Chicago, 1910 — 587
 - Marx’s Economic Determinism [Экономический детерминизм Маркса] // American Journal of Sociology. 1911, vol. XVII, July — 469
 - Sociology in Its Psychological Aspects [Социология в ее психологических аспектах]. New York and London, 1912 — 587
 - [Lester Frank Ward (Лестер Фрэнк Уорд)] // American Journal of Sociology. 1913, vol. XIX, № 1 (July), p. 71–73 — 566
 - Objectivism in Sociology [Объективизм в социологии] // American Journal of Sociology. 1916, vol. XXII, № 3 — 549, 552, 554
 - Introduction to Social Psychology [Введение в социальную психологию]. New York – London, 1917 — 568, 587
 - Religion and Social Control [Религия и социальный контроль] // Scientific Monthly. 1918, October — 588, 609
 - The Reconstruction of Religion [Реконструкция религии]. New York, 1922 — 588, 609
 - The Psychology of Human Society [Психология человеческого общества]. New York, 1925 — 410, 454, 536, 541, 568, 587, 662
 - Intolerance [Нетерпимость] // Publications of the American Sociological Society. 1925, vol. XIX — 624
 - [Sociology] // Recent Developments in the Social Sciences. Philadelphia, 1926 — 24
- Эллис** (Ellis) Генри Хэвлок [Хавелок] (1859–1939), английский врач, стоявший у истоков сексологии как научной дисциплины — 170, 190, 250, 260, 265, 488, 540, 625, 629
- The Comparative Ability of the Fair and Dark [Сравнительная способность светлого и темного] // Monthly Review. 1901, August — 260
 - A Study of British Genius [Исследование британского гения]. London, 1904 — 260, 265, 629
 - Man and Woman. A Study of Secondary Sex Characters. New York, 1904 [рус. перевод: Мужчина и женщина. Эюд о вторичных половых признаках у человека. СПб., 1898] — 540
 - Studies in the Psychology of Sex [Исследования психологии пола]. Philadelphia, 1897–1910, vol. I–VII — 170
 - The Philosophy of Dancing [Философия танца] // Atlantic Monthly. 1914, May — 625
- Элтинг** (Eltinge) Лерой (1872–1931), американский армейский офицер, окончил Военную академию США, с отличием окончил Военную школу Линкольншира и Военно-штабное училище, службу закончил в звании бригадного генерала и в должности помощник начальника штаба отдела военных планов — 324
- Psychology of War [Психология войны]. Kansas, 1915 — 324
- Эмпедокл** (Empedocles; ок. 490 до н. э. — ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ, врач, государственный деятель, жрец — 29, 287
- Энгельгардт** (Engelgardt) Александр Николаевич (1832–1893), русский публицист-народник и агрохимик — 302
- Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899 — 302

- Энгельман** (Engelman) Джордж Джулиус (1847–1903), американский акушер и гинеколог, профессор кафедры женских болезней и оперативного акушерства медицинского колледжа Миссури, в 1900 г. – президент Американского гинекологического общества — 170, 171
 – First Age of Menstruation in the North American Continent [Возраст первой менструации на Североамериканском континенте] // Transaction of American Gynecological Society. 1901 — 171
- Энгельмейер** (Engelmeyer) Петр Климентьевич (1855–1940/1942), русский и советский популяризатор технической мысли — 661, 662
 – Теория творчества. СПб., 1910 — 662
- Энгельс** (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий философ, друг, единомышленник и соавтор К. Маркса — 290, 459, 463–467, 469–471, 474–476, 478–483, 485, 486, 501, 531
 – Communist Manifesto. Chicago, 1913 [рус. перевод: Манифест Коммунистической партии (1848) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 4, с. 419–459] (в соавторстве с Ф. Энгельсом) — 290, 463, 465, 469, 482, 483
 – Die Lage Englands (1844) [рус. перевод: Положение Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 1, с. 572–642] — 469
 – Herrn E. Dühring Umwälzung der Wissenschaft. Stuttgart, 1894 [рус. перевод: Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом (1878) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 20, с. 1–338] — 469, 482
 – Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. Berlin, 1907 [рус. перевод: Развитие социализма от утопии к науке (1880) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 19, с. 185–230] — 469, 482, 501
 – Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staate (1884) [рус. перевод: Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 21, с. 23–178] — 469
 – Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie in Deutschland (1886) [рус. перевод: Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 21, с. 269–317] — 469
 – Письмо В. Боргиусу 25 января 1894 // Der Sozialistische Akademiker (Социалистический ученый). 1895, № 20 [рус. перевод: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 39, с. 175–177] — 475
- Эндрюс** (Andrews) Бенджамин Ричард (1877–?), американский экономист — 414
 – Economics of the household: its administration and finance [Экономика домашнего хозяйства: управление и финансы]. New York, 1923 — 414
- Энрикес** (Enriques) Федерико (1871–1946), итальянский математик, профессор Брюссельского и Римского университетов; на русский язык переведена его книга «Проблемы науки» (М., 1911) — 62
- Эпиктет** (Epictetus; ок. 50–138), древнегреческий философ-стоик, раб-вольноотпущенник, основавший в Никополе философскую школу — 534
- Эпикур** (Epicurus; ок. 341 – ок. 270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 30, 331
- Эратосфен** Киренский (Eratosthenes; 276–194 до н. э.), греческий математик, астроном, географ, филолог и поэт, ученик Каллимаха, с 235 г. до н. э. – глава Александрийской библиотеки — 111
- Эрлих** (Ehrlich) Ойген (1862–1922), австрийский правовед и социолог, один из основателей социологии права — 618
 – Grundlagen der Soziologie des Rechts. München und Leipzig, 1913 [рус. перевод: Основоположение социологии права. СПб., 2011] — 618

- Эспинас** (Espinas) Альфред Виктор (1844–1922), французский философ, один из распространителей эволюционной теории во Франции — 391, 394, 398, 399, 414, 417, 473
- Des sociétés animales. Paris, 1878 [рус. перевод: Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1898] — 398
 - Les origines de la technologie [Происхождение технологии]. Paris, 1897 — 398, 414, 473
 - La philosophie sociale du XVIIIe siècle et la révolution [Социальная философия XVIII века и революция]. Paris, 1898 — 414
 - Être ou ne pas être, ou du postulat de la sociologie [Быть или не быть, или Постулат социологии] // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1901, vol. 51, p. 449–480 — 398
- Эттинген** (Oettingen) Александр фон (1827–1905), немецкий лютеранский теолог и статистик — 144, 166, 169, 310, 311, 329, 489, 492, 499, 614, 630, 634, 643, 644
- Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine christliche socioethik [Моральная статистика и ее значение для христианской социальной этики]. Erlangen, 1882 — 169, 310, 492, 630, 643
- Эшли** (Ashley) Уильям Джеймс (1860–1927), английский экономист, представитель исторической школы, профессор — 465

Ю

- Юбер** (Hubert) Андре (1872–1927), французский социолог, ученик и последователь Э. Дюркгейма — 425, 435, 473
- Mélanges d'histoire des religions [Вопросы истории религий]. Paris, 1909 (в соавторстве с М. Моссом) — 425
 - Esquisse d'une théorie générale de la magie [Очерк общей теории магии] // L'année sociologique. 1902–1903, vol. VII (в соавторстве с М. Моссом) — 473
- Ювелен** (Huvelin) Поль-Луи (1873–1924), французский правовед и социолог, профессор Лионского университета — 435, 473
- Magie et droit individuel [Магия и индивидуальное право] // L'année sociologique. 1905, vol. X, p. 1–47 — 473
- Юл** (Yule) Джордж Удни (1871–1951), шотландский статистик, внесший важный вклад в теорию и практику корреляции, регрессии и ассоциации — 145, 339, 341, 345, 489, 492–495, 648
- On Changes in the Marriage-Birth-rates in England and Wales during the Past Half-Century [Об изменениях показателей рождаемости и брака в Англии и Уэльсе за последние полвека] // Journal of the Royal Statistical Society. 1906, vol. LXIX — 492
 - The Growth of Population and the Factors which Control It [Рост населения и факторы, которые его контролируют] // Journal of the Royal Statistical Society. 1925, vol. LXXXVIII — 145, 339, 341, 345, 495, 648
- Юм** (Hume) Дэвид (1711–1776), английский философ, представитель эмпиризма и агностицизма, предшественник второго позитивизма — 328
- Юнг** (Young) Артур (1741–1820), английский писатель, агроном и экономист, в 1787–1790 гг. побывал во Франции и изобразил положение страны накануне революции и в первое ее время в книге «Путешествия 1787–1789 гг., предпринятые, в частности, с целью установления культурного богатства, ресурсов и национального процветания Франции» (Travels during the years 1787–88 and 9 undertaken more particularly with a view of ascertaining the cultivation wealth, resources and national prosperity of France. London, 1793; рус. перевод: Путешествия по Франции 1787, 1788 и 1789. СПб., 1996), идеи которой для истории французской революции широко использовал А. де Токвиль — 328

- Юнг** (Jung) Карл Густав (1875–1961), швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии — 636
 – Psychological Types. London, 1923 [рус. перевод: Психологические типы. М., 2019] — 636
- Юнг** (Young) Томас (1773–1829), английский ученый широкого профиля: физик (один из создателей волновой теории света), механик, врач (впервые описал явление астигматизма), астроном, филолог и востоковед (ввел понятие «индоевропейские языки»), полиглот (владел 13 языками) — 215
- Юсти** (Justi) Иоганн Генрих Готлиб фон (1717–1771), немецкий экономист, минералог, профессор — 328
- Юстиниан** (Justinian; ок. 482/483–565), император Византии с 527 г.; проводил широкую завоевательную политику, стимулировал грандиозное строительство (при нем был построен храм Св. Софии в Константинополе), провел кодификацию римского права — 445

Я

- Якоби** (Jacoby) Поль, Павел Иванович (1841–1913), русский революционер-шестидесятник, позднее – врач-психиатр и этнограф, профессор Коллеж де Франс — 250, 371, 649
 – Études sur la sélection chez l'homme [Исследования по подбору людей]. 2d ed. Paris, 1904 — 250, 371, 649
- Янг** (Young) Джозефина Эстабрук (1866–1950), американский практикующий врач, в 1806 г. окончила Северо-Западную женскую медицинскую школу (Чикаго), ассистент профессора неврологии в Rush Medical College, преподавала гинекологию в местных медицинских школах, автор статьи «Сверхнормальная среда и ее влияние на нормального ребенка» (Supernormal Environment in its Relation to the Normal Child // Fourth International Congress on School Hygiene, Buffalo, New York, U.S.A., August 25–30, 1913. Transactions. Buffalo, 1914, vol. II, p. 17–31) — 250
- Яррос** (Yarros) Виктор Сергеевич (1865–1956), американский анархист, юрист и писатель, муж феминистки-гинеколога Рашель Яррос (урожд. Слободинской) — 622, 623
 – The Press and Public Opinion [Пресса и общественное мнение] // American Journal of Sociology. 1899, vol. V, № 3 — 622, 623
- Ясперс** (Jaspers) Карл Теодор (1883–1969), немецкий философ, психолог и психиатр, один из основных представителей экзистенциализма — 582, 636
 – Allgemeine Psychopathologie. Berlin, 1913 [рус. перевод: Общая психопатология. М., 1997] — 582
- Ястржебский** (Jastrzebsky) Тадеуш Теодор Слеповрон де (1862–1930), английский статистик и писатель, сын польского эмигранта, с 1881 г. – сотрудник в Главном регистрационном управлении (помощник генерального регистратора, затем начальник статистического и разведывательного управления), член Королевского статистического общества и Американской академии социальных и политических наук — 339, 343
 – Changes in the Birth-Rate and in Legitimate Fertility in London [Изменения рождаемости и легальной рождаемости в Лондоне] // Journal of Royal Statistical Society. 1923, vol. 86, № 1 — 343
- Ястров** (Jastrow) Джозеф (1863–1944), американский психолог польского происхождения, известный своими работами в области оптических иллюзий, в 1900 г. – президент Американской психологической ассоциации — 542
 – The Psychology of Conviction [Психология убеждения]. Boston and New York, 1918 — 542

A

- Abbott E.** – см. Эбботт Э.
Addams J. – см. Аддамс Дж.
Adler M. – см. Адлер М.
Aftalion A. – см. Афтальон А.
Alimena B. – см. Алимена Б.
American Journal of Sociology. 1926, vol. XXXII, № 1 — 569
Andrews B.R. – см. Эндрюс Б.Р.
Angus S. – см. Ангус С.
Annales de mines [Летопись рудников] (французский научно-технический журнал, основанный в 1794 г., до 1950 г. был посвящен проблемам металлургической и горнодобывающей промышленности, в настоящее время посвящен науке, технике и экономике) — 81
Annales de l'Institut International de sociologie. 1898, vol. IV — 201, 202
Annales de l'Institut International de Sociologie. 1900–1901, vol. VIII — 404
L'année sociologique. 1ère Année, 1923–1924 — 135
Archivio di Psicologia collettiva e Scienze Affini [Архив социальной психологии и смежных наук]. 1900, fasc. 2, 1 maggio (May) — 579
Asvaghosha – см. Ашвагхоша
Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, Fr. Engels und F. Lassale. Stuttgart, 1902–1904, Bd. I–IV [рус. перевод: Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля. Под ред. Ф. Меринга. Одесса, 1908, т. 1–2] — 469
Aust E. – см. Ауст Э.

B

- Bakeless J.** – см. Бейклесс Дж.
Barker E. – см. Баркер Э.
Barnes H.E. – см. Барнс Г.Э.
Basler A. – см. Баслер А.
Bauer W. – см. Бауэр В.
Baur E. – см. Баур Э.
Belloc H. – см. Беллок Дж.Х.П.Р.
Belot G. – см. Бело Г.
Bernheim E. – см. Бернгейм Э.
Bernhard E. – см. Бернхард Э.
Bianchi R. – см. Бьянки Р.
Bijdragen tot de Statistiek van Nederland. Nieuwe Volgreeks [Вклад в развитие статистики Нидерландов. Новая серия]. 1916, № 231 — 314
Bláha A. – см. Блаха И.А.
Boag H. – см. Боаг Г.
Bogart E.L. – см. Богарт Э.Л.
Boodin J.E. – см. Будин Дж.Э.
Borel E. – см. Борель Э.
Borgatta G. – см. Боргатта Дж.
Boring E.G. – см. Боринг Э.Г.
Bournet A. – см. Бурне А.
Bouven P. – см. Бувен П.
Bozi A. – см. Боци А.
Böckh R. – см. Бёк Р.
Böhm-Baverk E. – см. Бём-Баверк О.
Bramwell B.S. – см. Брамвелл Б.С.

- Branford V.** – см. Бранфорд В.
Breckenridge S. – см. Брекинридж С.П.
Brentano L. – см. Brentано Л.
Bridges J.M., Coler L.E. The Relation of Intelligence to Social Status [Отношение интеллекта к социальному статусу] // *Psychological Review*. 1917, vol. XXIV — 272
Brown J. – см. Браун Дж.
Bücher K. – см. Бюхер К.
Budge S. – см. Будге З.
Bulletin de l'Institut international statistique — 500
Burdge H. – см. Бёрдж Г.Г.
Burr C.S. – см. Бэрт К.С.
Burt C. – см. Бёрт С.
Buxton D. – см. Бакстон Л.Х.Д.

С

- Caldwell O.** – см. Колдуэлл О.У.
The Cambridge History of India. Vol. I: Ancient India [Кембриджская история Индии. Т. I: Древняя Индия], edited by E.J. Rapson. London – New York, 1922 — 360
Cannan E. – см. Кэннан Э.
Cannon W.B. – см. Кэннон У.Б.
Case C. – см. Кейс К.М.
Casper J.L. – см. Каспер И.Л.
Chang Chen Huan – см. Чэнь Хуань-Чан
Chessa F. – см. Чесса Ф.
Christopher W.S. – см. Кристофер У.С.
Clark J.M. – см. Кларк Дж.М.
Closson C.C. – см. Клоссон К.К.
Codrington R. – см. Кодрингтон Р.Г.
Colajanni N. – см. Колаянни Н.
Colcord J. – см. Колкорд Дж.К.
Coletti F. – см. Колетти Ф.
Collins S. – см. Коллинз С.Д.В.
Combarieu J. – см. Комбарье Ж.
Conway W.M. – см. Конвей У.М.
Cox H. – см. Кокс Г.
Craig J.A. – см. Крэйг Дж.А.
Cressy E. – см. Кресси Э.
Crile G.W. – см. Крайл Дж.В.
Croce B. – см. Кроче Б.
Cruet – см. Круэ Ж.
Cunningham W. – см. Каннингем У.
Curzon E. – см. Курзон Э.П. де

Д

- Dannemann F.** – см. Даннеман Ф.
Darwin L. – см. Дарвин Л.
Davis J. – см. Дэвис Дж.Д.
Davis M.M. – см. Дэвис М.М.
Dawley A. – см. Доули А.
Dealey J.Q. – см. Дили Дж.К.

- De Marinis E.** – см. Де Маринис Э.
Denis H. – см. Дени Э.
Dexter R.C. – см. Декстер Р.К.
Diserens Ch.M. – см. Дизеренс Ч.М.
Doctrine of the Mean [Учение о середине, Чжун юн], конфуцианский трактат, входящий в «Четверокнижие» и составлявший основу китайского образования с 1313 по 1905 г. // *Legge J. The Life and Teachings of Confucius.* London, 1895, p. 283–320 [рус. перевод: Конфуцианский трактат «Чжун юн». Переводы и исследования: антология. М., 2003] — 445, 612
Douglas P.H. – см. Дуглас П.Х.
Drachslер J. – см. Драхслер Дж.
Dreyfus R. – см. Дрейфус Р.
Dromel J. – см. Дромель Ж.
Drucker S. – см. Друкер С.
Dubois M. – см. Дюбуа М.
Duclaux P.E. – см. Дюкло П.Э.
Duguit L. – см. Дюги Л.
Dunbar J. – см. Данбар Дж.
Dunlap K. – см. Данлэп Н.
Dunn L.C. – см. Данн Л.К.
Dunning W.A. – см. Даннинг У.А.
Dupuis – см. Дюпюи Ш.-Ф.

Е

- Eddy W.H.** – см. Эдди У.Х.
Ehrlich E. – см. Эрлих О.
Eldridge S. – см. Элдридж С.
Eltinge L. – см. Элтинж Л.
Encyklopädie der Kriegswissenschaften [Энциклопедия военных наук]. Berlin – Leipzig – Stuttgart, 1909–1912, Bd. I–IV — 304
Erinnerungsgabe für Max Weber — см. Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber. München und Leipzig, 1923, Bd. I–II
Eubank E. – см. Эйбанк Э.Э.
Eulenburg F. – см. Ойленбург Ф.

Ф

- Fairbanks A.** – см. Фэрбенкс А.
Faris E. – см. Фарис Э.
Fauconnet P. – см. Фоконне П.
Fay E.A. – см. Фэй Э.А.
Feingold G.A. – см. Фейнгольд Г.А.
Fernald M.R. – см. Фернальд М.Р.
Finch V.C. – см. Финч В.К.
Fischer E. – см. Фишер О.
Fiske B.A. – см. Фиске Б.А.
Fiske J. – см. Фиске Дж.
Flexner S. – см. Флекснер С.
Forry S. – см. Форри С.
Freimark H. – см. Фреймарк Г.
Frischeisen-Köhler M. – см. Фришейзен-Кёлер М.
Fürst C.M. – см. Фюрст К.М.

G

- Gaedeken P.** – см. Гедекен П.
Galpin Ch. – см. Галпин Ч.Д.
Gates A. – см. Гейтс А.И.
Gentile G. – см. Джентиле Дж.
George H.B. – см. Джордж Х.Б.
Gerlach F.M. – см. Герлах Ф.М.
Giard A. – см. Жиар А.М.
Gillette J.M. – см. Джиллет Дж.М.
Giornale degli Economisti. 1924, vol. 65, № 1/2 — 58, 60, 64
Gisi W. – см. Гизи В.И.М.
Goldenweiser A. – см. Гольденвейзер А.
Goldmark P. – см. Голдмарк П.Д.
Gottstein A. – см. Готтштейн А.
Grosse E. – см. Гроссе Э.
Grotjahn A. – см. Гротьян А.
Groves E. – см. Гроувз Э.Р.
Gruenhagen – см. Грюнхаген А.В.
Guignebert Ch. – см. Гинебер Ш.
Guyau J.M. – см. Гуйо Ж.М.

H

- Haff K.** – см. Хафф К.А.
Hammacher E. – см. Хаммахер Э.
Haney L.H. – см. Хейни Л.Г.
Harris J.A. – см. Харрис Дж.А.
Hart H.N. – см. Харт Х.Н.
Hauer J.W. – см. Хауэр Я.В.
Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für Max Weber [Основные проблемы социологии. Сборник, посвященный памяти Макса Вебера]. München und Leipzig, 1923, Bd. I–II — 484, 594, 625, 649 (см. также Erinnerungsgabe für Max Weber)
Hauriou M. – см. Ориу М.
Haycraft J.V. – см. Хейкрафт Дж.Б.
Hayes M. – см. Хейз М.Х.С.
Heape W. – см. Хип У.
Hecker J. – см. Геккер Ю.Ф.
Helm G.F. – см. Хелм Г.Ф.
Herbertson D. – см. Хербертсон Д.
Hermes G. – см. Гермес Г.А.
Herrick D.S. – см. Геррик Д.С.
Herskovits M.J. – см. Херсковиц М.Дж.
Hertwig O. – см. Гертвиг О.
Hinneberg P. – см. Хиннеберг П.
Hoffman F.L. – см. Хоффман Ф.Л.
Hollingworth L.S. – см. Холлингворт Л.С.
Holt E.V. – см. Холт Э.Б.
Hone J.M. – см. Хоун Дж.М.
Honigsheim P. – см. Хонигсгейм П.
House F.N. – см. Хаус Ф.Н.
Houzé E. – см. Узе Э.

Hovelaque E.L. – см. Овелак Э.Л.

Husserl E. – см. Гуссерль Э.

Huth H. – см. Хут Г.

I

Irwin W. – см. Ирвин У.Г.

J

Jähns M. – см. Йенс М.

Jastrow J. – см. Ястров Дж.

Jenet P. – см. Жане П.

Jenks A.E. – см. Дженкс А.Э.

Jerusalem F.W. – см. Иерусалем Ф.В.

Joël K. – см. Иоэль К.

Johnson E. – см. Джонсон Э.Х.

Jones D.F. – см. Джонс Д.Ф.

Jones M.Z. – см. Джонс М.З.

Jordan L. – см. Иордан Л.

Josey C.C. – см. Джоси Ч.К.

Jubilé du Professeur V. Pareto [Юбилей профессора В. Парето]. Lausanne, 1920 — 60

Juglar C. – см. Жюгляр К.

Judd J. – см. Джадд Дж. У.

K

Kames, Lord – см. Кеймс Г.Х.

Kampffmeyer P. – см. Кампфмейер П.

Kantorowicz H. – см. Канторович Г.

Kapp E. – см. Капп Э.

Kaufmann E. – см. Кауфманн Э.

Kelly A.M. – см. Келли А.М.

Kelly H.E. – см. Келли Г.Э.

Kelsen H. – см. Кельзен Г.

Keynes J.M. – см. Кейнс Дж.М.

Kimball Y. – см. Кимбалл Й.

Klüver H.M. – см. Клювер Г.

Knies K. – см. Книс К.

Knowles L.C.A. – см. Ноулз Л.Ш.Э.

Koffka K. – см. Коффка К.

Kohlbrügge J.H.F. – см. Кольбрюгге Я.Г.Ф.

Koller A.H. – см. Коллер А.Х.

Korsch K. – см. Корш К.

Kossina G. – см. Коссина Г.

Kracauer S. – см. Кракауэр З.

Kraepelin E. – Кребелин Э.

Kraskovič L. – см. Краскович Л.

Krieger E. – см. Кригер Э.

Krieken A.Th. van – см. Крикен А.Т. ван

Kuczynsky R. – см. Кучинский Р.Р.

Kuhnes L.L. – см. Кунес Л.Л.

Die Kultur der Gegenwart. Bd. V: Anthropologie einschliesslich naturwissenschaftlicher Ethnographie [Современная культура. Т. V: Антропология, в том числе и естественнонаучная этнография]. Leipzig, 1923 — 251

Kummer Fr. — см. Куммер Ф.

L

Lafargue P. — см. Лафарг П.

Laird D. — см. Лэрд Д.

Lange F. — см. Ланге Ф.А.

Lange M. — см. Ланж М.

Langlie T.A. — см. Лэнгли Т.А.

Larguier des Bancels J. — см. Ларгье де Бансель Ж.

Laski H.J. — см. Ласки Г.Дж.

Lederer E. — см. Ледерер Э.

Legge F. — см. Легг Дж.Ф.

Legge J. — см. Легг Дж.

Leuba J.H. — см. Лейба Дж.Г.

Leupp F.E. — см. Леапп Ф.Э.

Lévy-Bruhl L. — см. Леви-Брюль Л.

Lewinson R. — см. Левинсон Р.

Lidbetter E.J. — см. Лидбеттер Э.Дж.

Linton R. — см. Линтон Р.

Little A.D. — см. Литтл А.Д.

Lombard W.P. — см. Ломбард У.П.

Love A.G. — см. Лав А.Г.

Luciani L. — см. Лучиани Л.

Lutz F.E. — см. Лутц Ф.Ю.

M

Macdonell W.R. — см. Макдонелл У.Р.

Mackenzie D.A. — см. Маккензи Д.А.

Maine H.S. — см. Мэн Г.Дж.С.

Marro A. — см. Марро А.

Marsh H.D. — см. Марш Х.Д.

Marshall F.H. — см. Маршалл Ф.Х.А.

Martin R. — см. Мартин Р.

Marvin D.M. — см. Марвин Д.М.

Marvin F.S. — см. Марвин Ф.С.

Maunier R. — см. Монье Р.

Mayo-Smith R. — см. Майо-Смит Р.

McClenahan B.A. — см. Маккленахан Б.А.

McFadden J.H. — см. Макфадден Дж.Г.

Memoirs of the National Academy of Sciences [Записки Национальной академии наук].
Washington, 1921, vol. XV (официальный орган Национальной академии наук США) —
270

Merriam C.E. — см. Мериам Ч.Э.

Meumann E. — см. Мейман Э.Ф.В.

Meyerson A. — см. Майерсон А.

Michel H. — см. Мишель А.

Mismer Ch. — см. Мисмер Ш.

Mjøen J.A. – см. Мьёен Й.А.
Moede W. – см. Мёде В.
Monroe A.E. – см. Монро А.Э.
Myres J.L. – см. Майрес Дж.Л.

N

Neudeck G. – см. Нойдек Г.
Newman H.H. – см. Ньюман Г.Х.
Nilsson M.P. – см. Нильссон М.П.
Nixon J.W. – см. Никсон Дж.У.

O

O'Brien F.P. – см. О'Брайэн Ф.П.
Odum H.W. – см. Одум Г.В.
Ogden Ch.K. – см. Огдэн Ч.К.
Orano P. – см. Орано П.
Osborn H.F. – см. Осборн Г.Ф.
Otlet P. – см. Отле П.

P

Parker C.H. – см. Паркер К.Х.
Paterson D.G. – см. Патерсон Д.Г.
Paulhan F. – см. Полан Ф.
Pell C.E. – см. Пелл Ч.Э.
Penzias A. – см. Пензиас А.
Perrier E. – см. Перье Э.
Petre T. – см. Петре Т.
Phelan J. – см. Фелан Дж.
La philosophie allemande au XIXe siècle [Немецкая философия XIX века]. Paris, 1912 — 439
Philippovicz – см. Филиппович фон Филиппсбер Э.
Planta P.C. – см. Планта П.К.
Popenoe P. – см. Попено П.Б.
Pound N.R. – см. Паунд Н.Р.
Prince A.E. – см. Принс А.Э.
Prince S.H. – см. Принс С.Г.
Public Health Reports [Вестник общественного здравоохранения]. 1921, vol. XXXVI, № 26, July 1 (еженедельная газета, издающаяся с 1878 г., официальный орган Государственной службы здравоохранения США) — 147
Publications of the Medical Research Committee of the Privy Council [Публикации комитета медицинских исследований Тайного совета] — 272, 495

Q

Quatrefages – см. Катрфаж Ж.-Л.-А.

R

Rasari E. – см. Расери Э.
Ravenstein E.G. – см. Равенштайн Э.Г.
Report of a Conference on Cycles [Отчет о конференции, посвященной циклам] // The Geographical Review, Special Supplement. 1923, October, vol. XIII, p. 657–658 — 642

Report upon the physical examination of men of military age by National Service Medical Boards [Отчет о физическом обследовании мужчин призывного возраста Медицинскими комиссиями Национальной службы]. London, 1920 — 147

Rey A. – см. Рей А.

Reynaud – см. Рейно П.

Roback A.A. – см. Робак А.А.

Robertis R. de – см. Робертис Р.Р.

Robinson E. Van D. – см. Ван Дейк Робинсон Э.

Roger P. – см. Роже П.

Roosevelt T. – см. Рузвельт Т.

Root W.T. – см. Рут У.Т.

Rose H. – см. Роуз Дж.Х.

Rostovtzeff M. – см. Ростовцев М.И.

Rüdin E. – см. Рюдин Э.

Ruger H.E. – см. Руджер Г.Э.

Rühle O. – см. Рюле О.

Russell B. – см. Рассел Б.

S

Sacred books of the East: Incl. selections from the Vedic hymns, Zend-Avesta, Dhammapada, Upanishads, The Koran, and The Life of Buddha. New York: The Colonial press, 1900:

– The Dhammapada [Дхаммапада], p. 113–151 [рус. перевод: Пб., 1993] — 392, 534

– Life of Buddha by Asvaghosha Bodhisattva [*Ашвагхоша*. Жизнь Будды], p. 293–457 [рус. перевод (К. Бальмонта): М., 1913; М., 1990] — 392

Salmon L.M. – см. Салмон Л.М.

Salvioli J. – см. Сальвиоли Дж.

Schelting A. – см. Шельтинг А.

Schemann L. – см. Шеманн Л.

Schiff W. – см. Шифф В.

Schmalenbach H. – см. Шмаленбах Г.

Schmidt C.F. – см. Шмидт К.Ф.

Schmidt K. – см. Шмидт К.

Schmitz W. **Regelung der Arbeitszeit und Intensität der Arbeit** [Регулирование рабочего времени и интенсивности работы] // **Archiv für exacte Wirtschaftsforschung. 1910, Bd. 3, Heft 2** — 156

Schriften des Vereins für Sozialpolitik (у Сорокина ошибочно: Deutsche Verein für Sozialpolitik) [Труды Союза социальной политики]. Leipzig-München, 1910–1912, Bd. 133–135: Auslese und Anpassung der Arbeiterschaft [Отбор и адаптация работников] — 156, 632

Schultz A. – см. Шульц А.П.К.Э.

Schwiedland E.P. – см. Швидланд О.П.

La Science sociale: suivant la méthode d'observation [Социальная наука, основанная на методе наблюдения], журнал, основанный А. де Турвилем и Э. Демолоном в 1895 г. — 97

Scott W.D. – см. Скотт В.Д.

Scott-James R.A. – см. Скотт-Джеймс Р.А.

Sellière E. – см. Сейльер Э.

Sherman C. – см. Шерман К.

Shideler E.H. – см. Шиделер Э.Х.

Simar Th. – см. Симар Т.

Slater G. – см. Слейтер Г.

Slosse – см. Слосс О.

- Slosson** E.E. – см. Слоссон Э.Э.
Smith J.R. – см. Смит Дж.Р.
Sociological Aspects of Automobile Accidents in Omaha [Социологические аспекты автомобильных аварий в Омахе]. 1926 — 512
Socquet J. – см. Сокет Ж.
Soddy F. – см. Содди Ф.
Soecknick A. – см. Зокник А.
Sohm R. – см. Зом Р.
Somlò B. – см. Шомло Б.
Spargo J. – см. Спарго Дж.
Spiller G. – см. Шпиллер Г.
Stangeland Ch.E. – см. Стэнджленд Ч.Э.
Starch D. – см. Старч Д.
Stefansson V. – см. Стефанссон В.
Steiner J.F. – см. Стейнер Дж.Ф.
Stoicorum veterum fragmenta. Collegit Ioannes ab Arnim. Vol. III: Chrysippi fragmenta moralia. Fragmenta successorum Chrysippi [Фрагменты ранних стоиков. Собрал Ганс фон Арним. Том III: Хрисипп. Этические фрагменты. Фрагменты преемников Хрисиппа]. Lipsiae, 1903 [рус. перевод: Фрагменты ранних стоиков. Том 3. Хрисипп из Сол. Часть I: Этические фрагменты (корпус Арнима). М., 2007] — 30
Strong E.C. – см. Стронг Э.К.
Stuckenberg J.H.W. – см. Штукенберг Дж.Г.В.
Supplement to the Fifty-fifth Annual Report of the Registrar General of Births, Deaths, and Marriages in England and Wales, 1881–1890. Part I [Дополнение к пятьдесят пятому ежегодному докладу Генерального регистратора рождений, смертей и браков в Англии и Уэльсе, 1881–1890 гг. Часть I]. London, 1895 — 340
Sutherland A. – см. Сатерленд А.
Symonds P.M. – см. Симондс П.М.

Т

- Taft** J. – см. Тафт Дж.
The Sacred Books of the East – см. Священные книги Востока
Thomas F. – см. Томас Ф.
Thompson H.B. – см. Томпсон Х.Б.
Thompson W. – см. Томпсон У.С.
Thomson A. – см. Томсон А.
Thünen – см. Тюнен И.Г. фон
Tilden W.A. – см. Тилден У.О.
Toller E. – см. Толлер Э.
Tosti G. – см. Тости Г.
Towne E.T. – см. Таун Э.Т.
Travis L.E. – см. Трэвис Л.Э.
The Trend of Economics [Тенденции экономики]. New York, 1924 — 451, 472
Tugwell R.G. – см. Тагвелл Р.Г.

У

- United States Bureau of the Census. Marriage and Divorce, 1867–1906** [Бюро переписи населения Соединенных Штатов. Брак и развод, 1867–1906]. Washington, 1908–1909, vol. 1–2 — 630
Untermann G.E. – см. Унтерманн Г.Э.

V

- Van der Hoop** J.H. – см. Ван дер Хооп Й.Х.
Vanderkindere L. – см. Вандеркиндер Л.
Veblen T. – см. Веблен Т.
Verhandlungen des Dritten Deutschen Soziologentages am 24. und 25. September 1922 in Jena: Reden und Vorträge von Ferdinand Tönnies, Leopold V. Wiese, Ludo Moritz Hartmann und Debatten über das Wesen der Revolution [Заседания Третьего съезда немецких социологов 24 и 25 сентября 1922 г. в Йене: Выступления и доклады Ф. Тённиса, Л. фон Визе, Л.М. Гартмана и дебаты о сущности революции]. Tübingen, 1923 — 662
Vincent G.E. – см. Винсент Дж.Э.
Vogt P.L. – см. Вогт П.Л.
Vogt V.O. – см. Вогт В.О.
Voigt A.H. – см. Фойгт А.Г.
Vossler K. – см. Фосслер К.
Vox Populorum. 1925, № 21, September – 454

W

- Wallas** G. – см. Уоллес Г.
Walter A. – см. Вальтер А.
Waugh K.T. – см. Во К.Т.
Webb A. – см. Уэбб О.Д.
Weber A.V. – см. Вебер А.Ф.
Weber L. – см. Вебер Л.
Weber M. – см. Вебер Марианна
Weiss A.P. – см. Вайсс А.П.
Wells W.R. – см. Уэллс У.Р.
White E. – см. Уайт Э.
White R.C. – см. Уайт Р.К.
Who's Who in America [Кто есть кто в Америке], биографический справочник, содержащий сведения о 75 тыс. известных американцах; издается раз в два года с 1897 г. — 267, 371, 639
Willey M.M. – см. Уилли М.М.
Williams F.E. – см. Уильямс Ф.Э.
Williams J.M. – см. Уильямс Дж.М.
Williamson E.G. – см. Уильямсон Э.Г.
Willoughby – см. Уиллоуби В.В.
Wilson D.R. – см. Вильсон Д.Р.
Wodon L. – см. Водон Л.
Woodbury R.M. – Вудбери Р.М.
Wright Ph.G. – см. Райт Ф.Г.

Y

- Yarros** V.S. – см. Яррос В.С.
Yates D. – см. Йейтс Д.М.Х.
Yeung K.T. – см. Йен Квок Цюнь

Z

- Zachariä** K.S. – см. Захариз К.С.
Zebrowski B. – см. Зебровски Б.
Zimmern A.E. – см. Циммерн А.Э.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. Питирим Сорокин как историк социологии.....7

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ (включая первую четверть XX столетия)

Благодарности (перевод А.К. Конюхова).....	20
Предисловие редактора [американского издания] (перевод А.К. Конюхова).....	21
Введение (перевод А.К. Конюхова).....	23
Глава I. Механистическая школа (перевод А.К. Конюхова).....	29
1. Предшественники.....	29
2. Современная социальная физика.....	37
3. Современная социальная механика.....	40
4. Современная социальная энергетика.....	42
5. Критика.....	51
6. Вильфредо Парето и другие.....	58
Концепция Парето о соотношении специальных наук и социологии.....	58
Что понимает Парето под научной социологией.....	61
Количественное описание функциональной взаимосвязи социальных явлений вместо односторонней причинности.....	62
Понятие общества у Парето.....	66
Теория факторов Парето.....	66
Элементы, или факторы, изученные Парето.....	67
Выводы Парето относительно «остатков» и «дериваций».....	67
Выводы Парето относительно других элементов формы социальной системы.....	75
Циклическая концепция социальных изменений Парето.....	77
Критика.....	77
Глава II. Школа Фредерика Ле Пле (перевод В.В. Сапова).....	81
1. Биография Ле Пле и история его школы.....	81
2. Методы школы Ле Пле.....	83
3. Социологическая система и главный вклад школы Ле Пле.....	90
4. Вклад школы Ле Пле в социальную науку.....	97
5. Критика и оценка.....	106

Глава III. Географическая школа (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова)	111
1. Предшественники.....	111
2. Определение географических факторов.....	113
3. Фундаментальные теоремы о характере влияния географических факторов на социальные явления.....	114
4. Географические условия и распределение населения на Земле.....	117
5. Географические условия и характер жилища, дорог и средств передвижения.....	120
6. Географические условия и одежда.....	121
7. Географические условия и продукты питания.....	122
8. Географические условия, экономическая жизнь и организация экономики.....	123
9. Географическая среда и раса.....	136
10. Географические условия и здоровье.....	143
11. Климат и человеческая активность и работоспособность.....	153
12. Климат и умственная работоспособность.....	158
13. Климат и самоубийства.....	162
14. Климат и умственные расстройства.....	164
15. Климат и преступность.....	166
16. Климат и уровни рождаемости, смертности и брачности.....	168
17. Географические условия и религия, искусство и литература.....	172
18. Географическая школа и социально-политическая организация общества.....	176
19. Климат, гениальность и развитие цивилизаций.....	185
Глава IV. Биологическая интерпретация социальных явлений: биоорганизмическая школа (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова)	191
1. Основные виды биологических теорий в социологии.....	191
2. Биоорганизмическая школа и ее связь с другими органическими теориями.....	192
3. Предшественники.....	194
4. Современные биоорганизмические теории в социологии.....	197
5. Критика.....	203
6. Биологическая и социальная дифференциация.....	208
7. Критические замечания.....	212
Глава V. Расово-антропологическая школа, школа естественного отбора и наследственности (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова)	213
1. Предшественники.....	213
2. Историко-философская ветвь школы.....	216
3. Расово-антропометрическая ветвь школы.....	225
4. Биометрическая ветвь школы.....	240
5. Другие расово-антропологические, наследственные и селекционистские интерпретации социальных явлений.....	248
6. Критика школы.....	252
7. Достоверные принципы школы.....	263
8. Общие выводы.....	286

Глава VI. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова).....	287
1. Общая характеристика направления.....	287
2. Неопределенность понятия «борьба за существование» в биологической и социологической литературе.....	288
3. Формы борьбы за существование и их модификация в ходе человеческой истории.....	291
Критика.....	297
4. Социальные функции и последствия войны и борьбы.....	303
А. Селекция войны.....	304
В. Влияние войны на здоровье населения.....	309
С. Влияние войны на жизненные процессы.....	310
D. Влияние войны на экономику.....	311
E. Война как средство распространения солидарности и мира.....	312
F. Моральные последствия войны.....	313
G. Влияние войны на политическую организацию.....	316
H. Война, революция и реформистские движения.....	318
I. Война и социальная мобильность.....	319
J. Война и изменение мнений, позиций и склонностей.....	319
K. Влияние войны на науку и искусства.....	320
L. Общий вывод о влияниях войны.....	322
5. Факторы войны.....	323
6. Общее заключение о биологической социологии.....	326
Глава VII. Биосоциальная ветвь: демографическая школа (перевод А.К. Конюхова).....	327
1. Предшественники.....	327
2. Адольф Кост.....	329
3. Количество и плотность населения и жизненно важные процессы.....	339
4. Количество и плотность населения и миграция.....	347
5. Демографические условия и война.....	349
6. Демографические факторы и революция.....	352
7. Демографические факторы и экономические явления.....	353
8. Корреляция численности и плотности населения с формами социальной организации.....	366
9. Связь между демографическими факторами и формами политических и социальных институтов.....	369
10. Связь численности и плотности населения с изобретательностью и гениальностью.....	370
11. Демографические факторы в связи с нравами и обычаями.....	373
12. Связь демографических факторов с другими идеологическими явлениями.....	374
13. Связь демографических факторов с прогрессом и упадком общества.....	381
14. Общие выводы.....	389
Глава VIII. Социологическая школа (перевод А.К. Конюхова).....	390
1. Общая характеристика школы.....	390
2. Предшественники.....	392

3. Социологистические интерпретации Е.В. Де-Роберти, А. Эспинаса, Ж. Изуле, Д. Драгическо, Ч.Х. Кули и других	394
4. Э. Дюркгейм и его школа	415
5. Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер и другие	430
Глава IX. Социологистическая школа (продолжение): формальная школа и систематика социальных отношений (перевод А.К. Конюхова)	437
1. Характеристика школы и ее ведущих представителей	437
2. Критика	443
3. Формальная систематика социальных процессов и связь между людьми в современной социологии	453
Глава X. Социологистическая школа (продолжение): экономическое направление (перевод А.К. Конюхова)	459
1. Предшественники	459
2. Теории К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895)	467
Интерпретация и критика	470
Общее заключение	485
3. Современные исследования связи между различными экономическими условиями и другими социальными явлениями	487
4. Экономические условия и физические и умственные характеристики населения ..	488
5. Экономические условия и жизненные процессы	489
6. Экономические условия, самоубийство, пауперизм и преступность	496
7. Экономические условия и миграция	500
8. Экономические условия, социальная организация и институты	501
9. Экономические условия, в том числе технология и производство, и формы социальной организации и политических институтов	503
10. Экономические условия, забастовки, беспорядки и революции	512
11. Экономические условия и разного рода политические явления и отношения ..	514
12. Экономические условия и идеологии, религия и искусство	519
13. Экономические условия и упадок или прогресс общества	523
14. Общие выводы об экономической школе в социологии	531
Глава XI. Психологическая школа (перевод А.К. Конюхова)	533
1. Предшественники и основные направления школы	533
2. Инстинктивистские интерпретации	536
3. Бихевиористские интерпретации	547
4. Интерпретации с помощью таких понятий, как стремления, волеизъявления, боль и радость, интересы, желания и жизненные позиции	562
Глава XII. Психосоциологистические теории религии, морали, права, общественного мнения, искусства и других культурных явлений как факторов (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова)	583
1. Верования, магия, мифы, суеверия, идеологии и религия как факторы	584
2. Социальная роль народных обычаев, нравов и традиций	614
3. Социальные функции права	617
4. Общественное мнение и пропаганда как факторы	622
5. Другие явления культуры	625
6. Общее заключение	626

Содержание

Глава XIII. Другие психосоциологические исследования связи между различными психосоциальными явлениями и их динамикой (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова) ..627	
1. Исследования связи между семьей или родным домом и другими социальными явлениями.....	627
2. Исследования связи между характером соседских отношений и другими социальными явлениями	631
3. Исследования влияний рода занятий и профессии	632
4. Исследование влияния городской и сельской среды.....	633
5. Изучение психосоциальных типов индивидов и связи между психологическими особенностями индивидов и их членством в социальных группах	634
6. Исследования связи лидерства и интеллекта с количеством групп, в которых участвует индивид, и социальным перемещением.....	638
7. Исследования условий, которые способствуют межличностной и межгрупповой симпатии и отторжению.....	640
8. Исследования флуктуаций, ритмов и циклов социальных процессов	641
9. Исследования скорости изменения разных частей культуры и степени их зависимости друг от друга.....	652
10. Исследования, посвященные миграции, распространению и мобильности индивидов и культурных объектов и ценностей.....	656
11. Исследования внезапных, катаклизмических, революционных и катастрофических изменений.....	661
12. Наступление стадии экспериментальной социологии	663
13. Заключение о специальных исследованиях	664
14. Общее заключение о социологических и психологических школах	664
Глава XIV. Заключение: ретроспектива и перспектива (перевод А.К. Конюхова и В.В. Сапова)	665

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рецензии на книгу «Современные социологические теории» (перевод А.К. Конюхова)

<i>Флойд Н. Хаус</i>	671
<i>Франклин Г. Гиддингс и М.В. Гааден</i>	673
<i>А.Б. Вулф</i>	675
<i>Моррис Гинсберг</i>	678
<i>Э.Б. Рейтер</i>	681
<i>Р.М. Макайвер</i>	683
<i>Луис Вирт</i>	685
<i>Джозеф Майер</i>	687
Комментарии	689
Указатель имен и цитируемой литературы	742

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

**СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
(включая первую четверть XX столетия)**